А.А.Сванидзе

ВИКИНГИ

ЛЮДИ САГИ: ЖИЗНЬ И НРАВЫ

Светлой памяти дорогого мужа и друга
Карла Николаевича Сванидзе
посвящается

А.А.Сванидзе

ВИКИНГИ

ЛЮДИ САГИ: ЖИЗНЬ И НРАВЫ

Москва / Новое литературное обозрение / 2014

УДК 94(368)
ББК 63.3(4)41-918
С24

Институт всеобщей истории РАН

Рецензенты: кандидат исторических наук А.Д. Щеглов,
кандидат исторических наук, доцент Т.П. Гусарова

В оформлении книги использован иллюстративный материал
из собраний А.А. Сванидзе и Е.А. Поликашина.

Сванидзе, А.А.
С24 Викинги — люди саги: жизнь и нравы / Аделаида Анатольевна Сванидзе. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 800 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-0147-5

Эта книга — единственное в своем роде подробное описание общественной жизни легендарных викингов. Наиболее известны так называемые походы викингов — их пиратство, грабежи, географические открытия, колонизация, дружинная служба, торговля в разных странах Европы. Викинги образовали свои государства и политические анклавы в Британии, Франции, Италии, сыграли большую роль в истории Древней Руси. Однако внутренняя, гражданская история скандинавов в эпоху викингов, их общественный строй, быт и нравы на родине обычно описываются либо частично, либо в самом общем виде. В книге читатель найдет историю сложения скандинавских государств, подробные описания не только устройства жилых помещений и усадеб викингов, их повседневных домашних и прочих занятий, но и особенностей социальной структуры северных обществ: короли и рабы, семья, право, судебные распорядки и так далее. Все эти и другие темы автор рассматривает на судьбах многих конкретных семей и отдельных примечательных персонажей. В исследовании широко используются литературные произведения той эпохи, которые и сами по себе представляют большой интерес.

УДК 94(368)
ББК 63.3(4)41-918

© А.А. Сванидзе, 2014
© Оформление. ООО «Новое литературное обозрение», 2014

ОТ АВТОРА: МОТИВАЦИИ И ПОДХОДЫ

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности, скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего…

Н.М. Карамзин (1766–1826)

Викинги, походы викингов... Эти слова, эта тема неизменно волнуют читателей. Они востребованы настолько, что вызвали целые волны популярных изданий, часть которых в последние годы получила доступ и к российскому читателю.

А что предлагает эта научная книга? Что означает ее название? Прежде чем пояснить его и рассказать о своих задумках, подходах и методах, хотелось бы сделать некоторое отступление.

Посвятив свою жизнь изучению истории средневекового общества, организации жизни людей, я имела возможность убедиться в том, что прошлое не отпускает ни человека, ни человечество. Властно вторгаясь в текущую жизнь, оно удивляет настоящее странными, казалось бы, повторами давно пережитого. Именно из этих постоянных повторов, из удивительно сходных ситуаций, институтов, взлетов и падений отдельных людей, племен, народов и империй, родилось, видимо, расхожее изречение: «Уроки истории ничему не учат». Осмелюсь утверждать, что это неверно. В отличие от учебника, содержание которого можно забыть сразу же после сдачи экзамена, история экзаменует человечество постоянно, начиная с истоков «человека разумного», а затем на протяжении многих тысячелетий. И имеет на это право доныне, поскольку формировала и продолжает «лепить» поведение людей, их личное и коллективное сознание, отношения между собой, к обществу, государству и природе. Неизменное внимание

вызывают уроки истории во времена переломные, когда созрела необходимость в новых подходах, но нужные решения еще не найдены, и будущее представляется пугающе неясным. Тогда события и люди прошлого, даже очень далекого, с их опытом выживания, верой и надеждами, с войнами, подвигами и поражениями, любовью и коварством, оказываются особенно близкими и интересными. Поэтому очевидна важность *общего в истории,* его выявления и поучительности.

Не меньшее внимание привлекает несхожесть — внешности, языков и наречий, семьи, жилищ и одеяний, верований и ценностных категорий, нравов и морали. В этом случае речь идет о тех этнокультурных признаках, которые являются особыми проявлениями (или формами) общего в отдельных судьбах людей, народов и стран. Не случайно люди испокон веков стремятся определить и утвердить свою идентичность — от племенной до национальной или государственной. И поэтому берегут свои традиции, авторитет своих богов и героев. А с ходом времен все более понимают уникальность собственной личности: «я — это я, потому что ты — это ты». Неисчерпаемость *конкретных проявлений* общественной и частной жизни, как и особенностей их изменения, — будь то народ, событие или личность — образует сложную мозаику культур, воссоздает и позволяет оценить *многокрасочность истории.*

И, конечно же, во все времена людей занимали и занимают *истоки* — семейные и национальные, этнические и ментальные. Увлекает поиск «корней» и процесса включения некой «единичной» истории — в местную, а затем и всеобщую. Известно, что в жизни каждой семьи, каждого народа, региона и континента есть личности и периоды, получившие не просто большое, но знаковое место в формировании и закреплении их идентичности.

Для наших соседей-скандинавов первым таким периодом стала эпоха викингов, когда народы далекого Северо-Запада Евразии влились в море средневековой культуры Европейского континента, — эпоха, получившая важное значение и для Европы в целом.

Слово *викинги* вызывает в сознании такие страницы европейского прошлого, которые на протяжении столетий не оставляют равнодушными не только историков разных специальностей, но и множество любознательных читателей вообще. Современный читатель со школьных лет помнит, что викинги — это представители скандинавов, морских народов Европейского Севера, которые на протяжении трех с половиной веков, со второй половины VIII и до середины XII столетия, будоражили Европу.

Что они, великолепные мореходы, еще на рубеже 1-го и 2-го тысячелетий, не обладая компасом, но умея «читать по звездам» и виртуозно владея своими деревянными суденышками, вышли на просторы Северной Атлантики, открыли там крупнейшие острова и архипелаги, заселили многие из них. А затем, опираясь на эти острова как на промежуточные базы, они доплыли до берегов Северной Америки и основали там колонию.

Что викинги были непобедимыми воинами и жестокими пиратами, которые грабили западные и южные побережья Европы, от Финского залива и до Мраморного моря, заходя вверх по судоходным рекам, разоряя столицы больших государств и наводя ужас не только на мирных поселян, но и на королей.

Что скандинавы-викинги основали свои государства на Британских островах, в Северной Франции и Южной Италии, а на Руси дали начало первой правящей династии (Рюриковичей).

Что многие викинги нанимались на военную службу к европейским государям, а великие князья Киевские и императоры Византии охотно приглашали этих сильных и бесстрашных воинов в свои дружины.

Что викинги много и ловко торговали. И как раз в те столетия, когда путь через Средиземное море из Западной Европы на Ближний Восток, с его богатствами, был прегражден завоеваниями арабов, скандинавы совместно с русскими купцами проложили торговые пути «из варяг в греки». Через Восточную Европу, по далекой Волге, позднее — порожистому Днепру они добирались до Черного и Каспийского морей, оттуда направлялись на Восток и Запад, вместе с русичами положив начало Балтийскому — второму (после Средиземноморья) торговому региону Европы.

Возможно, некоторые, особо интересующиеся викингами читатели также знают, что к 1000 г. н.э. скандинавы в большинстве своем все еще оставались язычниками, приносили человеческие жертвы и на счет этих обстоятельств европейцы обычно относили жестокость северогерманских «варваров»...

Внимание историков приковано прежде всего к так называемым *походам викингов:* их набегам, глубоким грабительским рейдам, торговым мероприятиям и, разумеется, к образованным ими королевствам либо анклавам на территориях европейских государств. Их походы отмечаются еще с VIII, а последние всплески военно-политической активности — в XII в. Пик последней приходится на IX–XI вв.; этот временной период считается *«эпохой викингов»*.

Походы викингов и их последствия для многих народов Европы уже несколько столетий усиленно изучаются историками разных направлений, археологами и нумизматами, филологами и языковедами, географами, правоведами, богословами и многими другими специалистами и любителями старины. Эти темы живо интересуют ученых разных стран, особенно тех, что подвергались грабительским набегам либо колонизационно-политическим захватам со стороны викингов, вели с ними торговые операции и/или нанимали на службу скандинавов-воинов. Уже не одно столетие имеются и пишутся серьезные труды об этих опасных находниках и смелых торговцах, их дела регулярно обсуждаются на международных конференциях. Выразительные данные о набегах викингов содержатся в анналах и хрониках англосаксов и франков, монастырских анналах Франции и германских земель, в византийских материалах, в русских летописях. Благодаря усилиям сотен ученых зарубежные обстоятельства истории скандинавов, которые обычно

называют «походами викингов», достаточно хорошо изучены и описаны в тысячах публикаций.

Свой вклад в изучение этой обширной темы внесли и отечественные ученые. Оно понятно: соседствуя со Скандинавскими странами на протяжении многих столетий, Русь имела с ними весьма тесные и разнообразные контакты. Северные находники давно привлекли внимание любознательных россиян. По меньшей мере с конца XVIII в. ими заинтересовались историки, позднее к ним присоединились литераторы, затем и археологи. Здесь в центре внимания находится проблема «Скандинавия и Русь», особенно роль скандинавов в истории Руси в период складывания и на начальных этапах Древнерусского государства, но и роль Руси в истории скандинавских соседей. Со второй половины XX столетия, со сложением отечественной скандинавистики, это направление в ней, пожалуй, самое результативное.

По существу, основной массив международных исследований и публикаций по эпохе викингов вообще касается преимущественно ее «зарубежных» страниц; они повествуют о том, что делали, как вели себя тогда скандинавы за пределами своего региона, в той или иной стране. Это — общеевропейские страницы большой повести о скандинавах той яркой эпохи.

Но есть и другие, существенные и интересные для исследователя страницы повести о викингах. Они касаются *внутренней* истории родины викингов — стран самой Северной Европы. Жизнь скандинавов в первые века Средневековья, в том числе в VIII — первой половине XII в., изучается преимущественно национальными учеными, изучается детально; имеются серьезные труды по отдельным проблемам и общие обзоры истории разных Скандинавских стран в ту эпоху.

Но меня увлекла идея исследования внутренней жизни народов и стран Северной Европы того времени как *феномена региональной цивилизации* Средневековья, в ее общих и особенных чертах, — тех народов, которые породили викингов, и тех стран, откуда викинги уходили в свои странствия. Постепенно уточнились интересы, сформировались задачи и конструкция книги.

Так, мое основное внимание привлекли аспекты *повседневного бытия* скандинавов; только это, на мой взгляд, позволяет погрузиться в глубины жизни народов и отдельных людей. Но сама обыденная жизнь определилась как понятие широкое: она включает не только быт как таковой, но и отношения людей между собой и с властью, их характеры, свойственные им способы общественной организации, проявления менталитета и многое другое, что заполняет действительность. Очевидно, что реализация как основного замысла, так и аспекта авторских интересов потребовала сочетания панорамного общего взгляда — и анализа многих конкретных сюжетов как его основы.

Заданная себе автором задача трудна и трудоемка. Во многих случаях она требует скрупулезного собирания сведений по мелочам, по крупицам. И, конечно, для ее решения нельзя обойтись без предварительного знания хотя бы общих контуров истории

региона, не говоря уже об общеевропейской обстановке в те времена, что необходимо для уяснения общего и особенного в отдельно взятом типе исторического развития.

Осмелюсь заметить, что для скандинависта такого рода исследование представляет даже бóльшие сложности, нежели аналогичная работа, скажем, англоведа или франковеда. И дело не только в том, что история ведущих (или, как говорили раньше, «классических») стран тогдашней Европы известна несравненно лучше, чем северной периферии континента. Более всего трудностей связано с тем, что до крещения и распространения в Скандинавии латинского алфавита события, имена, примечательные факты жизни хранились в вербальной форме и столетиями передавались из уст в уста. И только со второй половины XI в., т.е. на последних рубежах эпохи викингов, появились единичные местные документы, проливающие слабый свет на внутреннюю историю региона. Поэтому в ее изучение очень большой вклад вносят археология, нумизматика, топонимия и другие исторические дисциплины. Имеются и единичные свидетельства иностранцев о скандинавах того времени. Но при отсутствии корпуса традиционных письменных источников весьма затруднительно получить адекватное комплексное представление о том, каким было общество, порождавшее викингов, и что представляли собой викинги как личности.

Вопросов же здесь возникает множество, поскольку они охватывают бытовую среду, социальные членения и распорядки, политические и религиозные сферы, менталитет. Каким же был быт скандинавов? Как они добывали жизненные средства? Какое место в их жизни занимали война и грабеж и как это отражалось на их менталитете? Как и на какой основе складывалась в их среде шкала жизненных ценностей и авторитетов? Кто и как становился викингом? Как они понимали мироздание и свое в нем место? Каким богам верили и как их вера была связана с повседневной жизнью? Что они думали о жизни и смерти? Что любили и что ненавидели? Чем гордились и что презирали? Каковы были у них межполовые, семейные и соседские отношения? Как они воспитывали детей? Существовали ли в их среде отдельные группы или слои, чем они различались и в чем были сходными? Что означала для скандинава свобода и несвобода, как он понимал и отстаивал свои свободы? Каким властям скандинавы подчинялись, на каких условиях и как эволюционировали институты власти? Каким правом руководствовались, как относились к законам и к какому суду прибегали? Какие формы поощрения и наказания были приняты в их среде? Как люди развлекались? Каких групповых и личностных принципов они придерживались, как относились к самим себе и к обществу, в котором жили? Каковы были обычные индивидуальные мотивы поведения и этические нормы в обществах скандинавов? Каковы были их эстетические ориентиры? Когда и как сложились Скандинавские государства, когда и как крестились скандинавы и строили свои первые церкви? Наконец, как видоизменялись позиции в каждом пространстве, которое автор обозначает своими вопросами?

А в заключение, конечно же, нельзя обойтись без того, чтобы задать главный общий вопрос о том, какую роль объективно сыграла трехсотлетняя эпоха викингов в развитии самих скандинавских обществ и эволюции скандинавов как личностей.

Именно такие и другие сходные вопросы, связанные с частной и общественной повседневной жизнью, имеет в виду автор, давая в заглавии своей книги об эпохе викингов заявку на их *жизнь и нравы*. И они же сформировали структуру книги.

Очевидно, что такое исследование не могло не быть *комплексным* и, соответственно, потребовало ряда методов и методик. Применен общий принцип *социосистемного* рассмотрения избранного периода и региона как единого целого, как особой средневековой цивилизации, в пределах которой могут происходить различные сдвиги; этот принцип диктуется общими задачами книги и опирается на источники исследования. Изучение повседневности основано на методике *микроанализа*, который позволяет неспешно и несуетливо, шаг за шагом, часто по отдельным деталям и даже намекам, восстанавливать картину былого. При изучении быта был особенно уместен и полезен взгляд сквозь призму этнологии. Эти методики органично сочетаются с общим методом *социокультурной антропологии* и психологии, которые рассматривают человека в контексте исторического времени и определенной среды, его осмысленные и интуитивные роли, мотивы поведения и особенности сознания, ментальность эпохи и личности. А для уточнения особенностей общественного развития и менталитета людей Северного региона в пределах как всего европейского Средневековья, так и других «бессинтезных» путей феодализации автор опирается на проверенный поколениями историков *сравнительно-исторический метод*.

Задуманное исследование опирается на комплекс различных типов свидетельств и некоторые дополнительные материалы, включая артефакты. Вопрос об источниках этой книги заслуживает особого разговора, и он впереди, как и суждения о других фольклорных и прочих источниках сведений, использованных в настоящем исследовании. Особого примечания уже во введении к книге заслуживают, на мой взгляд, только *исландско-норвежские саги*.

Их выбор в качестве основного источника определен рядом обстоятельств. В той ситуации с письменными материалами, о которой говорилось выше, я была вынуждена обратиться за ответом на поставленные вопросы к единственному их типу, который освещает эпоху викингов в самой Скандинавии, — к записям произведений *фольклора*. Устное творчество господствовало в Скандинавии до конца эпохи викингов. А в этой сфере, безусловно, первенствовали *саги* — многочисленные историко-литературные сказания, преимущественно исландско-норвежские. Причем именно эти сказания, пусть и в своеобразной художественной форме, описывают как раз то общество и тех людей, ту среду, которые создали эпоху викингов. Наконец, не менее важно то обстоятельство, что о многих людях, событиях и институтах тех трех столетий можно судить исключительно по сагам, так что сведения, в них отсутствующие,

приходится добывать с большим трудом, весьма изобретательно и далеко не всегда успешно. Именно поэтому в заглавие книги вынесена формула «*люди саги*».

Специфика и обаяние саг во многом определили мои позиции как относительно построения, структуры исследования, так и в отношении (всего) фольклора того времени как источникового типа.

Прежде всего, возникла принципиальная проблема степени *адекватности* саг реалиям исследуемой эпохи. Она особенно важна, поскольку произведения фольклора записывались даже не в пору их рождения, а позднее, иногда через несколько столетий. При всей правдивости и точности, которые требовали современники от сказителей, естественно полагать, что в течение столетий при пересказе, а затем и записи текстов саг в них поневоле попадали некие изменения — если не фактические, то хотя бы в виде суждений. Даже учитывая четкую, цепкую память скандинавов о своем прошлом, приходится иметь в виду, что мир саги был не только отражением — в той или иной мере — реальной действительности. Он являлся безусловным свидетельством того, что́ знали и фиксировали и хранили в своей памяти, о чем думали, размышляя о прошлом, скандинавы разных поколений. Поэтому исследование их истории на основе саг, как и фольклора вообще, означает обращение ученого к *исторической памяти*. Апеллируя к исторической памяти сказаний, я по мере необходимости стремилась к их проверке путем сравнительного внутреннего анализа и/или при помощи достоверных данных. Поэтому хотя саги — основной и неиссякаемый источник этой книги, но, вынося в заголовок понятие «люди саги», автор все же предупреждает, что его суждения не ограничиваются сведениями саг. К исследованию привлечены произведения других литературных жанров того же времени: скальдические стихи, легенды и мифы, заметки миссионеров; используются и некоторые наиболее ранние законы, очень бегло — хроники. Почерпнутые там сведения дают возможность проверить, уточнить и дополнить содержание саг, ощутить динамику развития скандинавских обществ и самосознания скандинавов: ведь саги, как всякие произведения с фольклорной основой, редко фиксируют ход времени. В поисках аргументов автор прибегает также к помощи *археологии* и некоторых специальных исторических дисциплин, но лишь изредка: артефакты по этой эпохе богаты, но, как и все материалы археологии, специфичны; кроме того, их широкое привлечение и обобщение увело бы нас далеко за разумные пределы этой книги.

Вторая позиция логически связана с первой: речь идет о *хронологических рамках* исследования. Его временны́е границы не могут быть ограничены тремя столетиями собственно «эпохи викингов», поскольку в книге поставлен вопрос о месте этой эпохи в общей эволюции скандинавского Средневековья. Его решение требует доступного сравнения с предыдущим периодом и известного выхода за верхние границы эпохи викингов. Поэтому эпоха викингов рассматривается в системе более длинного, *протяженного* времени, что учтено при подборе источников.

Третья позиция касается *географического ареала* исследования. Информация о разных странах Севера, которую несут исландско-норвежские саги, неравномерна. Этот «недостаток» саг как источника не вполне возмещается материалами других источников. Однако с известным допущением и, опять же, исходя из поставленных задач я сочла возможным ставить и разрешать интересующие меня вопросы, имея в виду региональную *скандинавскую культуру* того времени в целом.

Морское расположение и сходные природные условия, общность этноса, языка, занятий и социальных устоев, длительное и тесное соседское взаимодействие, сходство политических судеб, единство языческих верований и общность пантеона, торговля, браки, обычаи, наконец, общие заморские походы — все это определило не просто сходство, но значительное, принципиальное *единство* племен, затем и народов в рамках Скандинавского региона. Не только в эпоху викингов, но даже в XII–XIII вв. Скандинавские страны, хотя и сложились как отдельные монархии, хотя непрерывно враждовали из-за территорий, торговых путей, даней и сфер влияния, в то же время были еще близки между собой. Это делает возможным ставить и решать интересующие автора вопросы, имея в виду *скандинавскую историю* того времени в целом как *систему*, т.е. оставляя за скобками расхождения в конкретных ситуациях и особенностях отдельных северных народов и районов. Об этом намерении уже говорилось выше, в связи с решением темы. Применительно же к исследовательскому процессу это означает, что не всегда учитываются расхождения в конкретных ситуациях и особенностях истории отдельных северных народов и районов, известные по многим локальным исследованиям. *Системный подход* в этом случае, на мой взгляд, закономерен: налицо не просто сходство, но значительное, принципиальное единство племен, затем и народов в рамках Скандинавского региона, при известных локальных особенностях, которые по возможности оговариваются в книге. (Нельзя не отметить, что не только в эпоху викингов, но и до конца XV в. Скандинавские страны, хотя и сложились как отдельные монархии, хотя непрерывно враждовали из-за территорий, торговых путей, даней и сфер влияния, были цивилизационно близки между собой.)

Очевидно, что изложенные факты и соображения снова мотивируют и подтверждают уместность системного взгляда на эпоху викингов не только в отношении горизонтального, географического пространства, но и в отношении вертикального, временно́го пространства.

Конечно, так задуманная книга не могла бы увидеть свет без опоры на огромную литературу разного рода, посвященную эпохе викингов. Разнообразных (по объему и стилю, по объектам и аспектам, по источникам и методике) сочинений в этой области огромное число, «имя им легион». Их анализ требует особой книги, скорее всего — не одной. Так что даже простой перечень соответствующих трудов, — разумеется, включая более чем солидные разработки археологов, реплики

вспомогательных и смежных дисциплин, — не мог бы оставить никакого места для собственного исследования, достаточно объемного. Поэтому оно задумано так, что значимые труды по теме, в той или иной мере освоенные или принятые во внимание, преимущественно остаются базовым фоном знаний и представлений автора. А раздел «Источники сведений» в конце книги дает возможность читателю расширить и еще более конкретизировать свои знания относительно любой темы, затронутой в книге.

Мое внимание к проблеме сложения цивилизации у народов Северной Европы, особенно применительно к раннему Средневековью, возникло уже давно. Сначала появился интерес к истокам некоторых явлений, структур и институтов Швеции XIII–XV столетий, историей которых я занималась, с неизбежным привлечением сопредельных стран Севера. Так появились статьи о ранних городах и их связи со складыванием государства, особенностях рабства, сложении средневекового крестьянства, о торговле и денежной чеканке, сельской церкви и приходе в первые века христианства. С удовольствием написав об эпохе викингов для академических «Истории Европы» (1992. Т. 2), в учебниках, в «Истории Дании» (1996) и ряде статей, я стала подумывать об изучении внутренней истории этой эпохи в Скандинавии. Сначала поверхностное, затем все более внимательное знакомство с сагами, углубление в них произвело неизгладимое впечатление.

В результате родилась идея этой последней книги — о повседневном проживании и нравах скандинавов-викингов, «людей саги». И намерение строить ее согласно своим подходам и структуре: во-первых, собирать оригинальные зарисовки из старинных текстов и встраивать их затем в пейзажи общественной и частной жизни персонажей, но уже в порядке и согласно современной медиевистике; во-вторых, сочетать в исследовании наполненность неповторимыми конкретными субъектами, объектами и деталями — лицами, обстоятельствами, свойствами, событиями — с общим взглядом на ту или иную проблему. Именно так задуман этот труд, и работа над ним оказалась увлекательной.

Теперь предстоит узнать мнение знатоков и любителей истории по поводу того, насколько структура и наполненность книги соответствуют ее замыслу, в какой мере автору удалось использовать свои источники, чтобы получить объемные описания различных сюжетов, в какой степени общественная панорама Скандинавии эпохи викингов выглядит исторически убедительной. Наконец, насколько интересно и выдержанно в духе времени обрисован в книге портрет скандинава-викинга, его образ жизни и нрав.

В заключение я считаю своей непременной обязанностью сказать о светлой памяти замечательных основоположников отечественного саговедения — филолога-германиста М.И. Стеблина-Каменского, историка А.Я. Гуревича, поэта-переводчика скальдической поэзии С.В. Петрова. Трудно переоценить великолепные труды филологов О.А. Смирницкой, А.В. Циммерлинга, их выверенные переводы

саг со староисландского языка и комментарии к ним создают основательную базу для работы историка.

Несомненную важность для данной работы имеют разнообразные по тематике публикации и исследования моих коллег и друзей, историков и филологов из группы российско-скандинавской истории РАН — Т.Н. Джаксон, Г.В. Глазыриной и Е.А. Мельниковой. Е.А. Мельниковой, высококвалифицированному специалисту по сагам, руническим письменам и вообще истории Северного региона эпохи викингов, автору множества трудов, принадлежит моя глубокая сердечная признательность: Елена Александровна прочитала эту объемную рукопись, оказала мне помощь интересными предложениями и замечаниями. От души благодарю В.В. Рыбакова — издательского редактора книги. Мне приятно поблагодарить и моих рецензентов — А.Д. Щеглова и Т.П. Гусарову. Научная и моральная поддержка коллег была так важна, когда я погрузилась в новую для меня тематику…

Обширные, комментированные, эрудированные переводы на русский язык саг, скальдических стихов, баллад, записок миссионеров, ныне уже весьма полные, а также бесчисленные труды зарубежных и отечественных саговедов избавляют меня от необходимости излагать длительные дискуссии, пересказывать различные разработки и повторять переводы, что не оставило бы места для собственных наблюдений. Все эти разнообразные ученые труды являются для меня *освоенным источником сведений* и *фоном* моей работы.

Читателю предстоит судить, в какой мере автору удалось добиться объективных характеристик, в какой степени нарисованная картина исторически убедительна.

Часть 1

ЭПОХА ВИКИНГОВ И ЭПОХА САГ

«МОРЕСТРАННИКИ»: СКАНДИНАВЫ-ВИКИНГИ И ЕВРОПА

Этот очерк является вводным: он имеет целью напомнить некоторые общие и достаточно известные специалистам черты европейской истории эпохи викингов. Но эти черты, как представляется автору, важны для понимания внешней обстановки повседневной жизни скандинавов на родине и в известной степени — формирования их нравов.

Предварительные сведения

К началу Средневековья Европа не представляла собой той исторической общности, какую она обрела в ходе этой великой эпохи благодаря христианству и феодальным укладам. Тогда европейские сообщества существовали в двух основных формах.

Римская империя, с ее разнообразными владениями и в разной мере укорененной там системой великой греко-римской, эллинской цивилизации, занимала огромные просторы будущих Италии, Греции, Испании, Южной и Центральной Европы — вплоть до Рейна, а также север Африки и Ближний Восток. Это была в конечном счете средиземноморская империя, успешно впитавшая на западе — кельтские, на востоке — ближнеазийские, короче, всюду — подвластные Риму культуры. В III в. могучий имперский римский режим стал рушиться, вскоре империя разделилась на Западную и Восточную. Дальнейшее существование Западной в течение двух последующих столетий стало убыстряющейся агонией. Забегая в будущее время, напомню, что Восточная, Византийская империя (связь с ней скандинавов проходит через многие саги) просуществовала до середины XV в., сочетая блистательную евразийскую культуру с имперско-бюрократической организацией общества и постепенно отходя от магистральных путей эволюции динамичного Западного Средневековья.

А на обширных землях от Атлантики до Урала, от ледового Севера до Рейна и засушливого Прикаспия, т.е. на территориях племенных образований германцев, северных кельтов, славян, балтов, угро-финнов, степных кочевников, в древности не было непосредственного присутствия и усвоения античных традиций, греко-римского образа жизни. Там господствовали догосударственные общественные образования. Будущее социокультурное единство Европы, которое, вместе с тем, вмещало поразительное многообразие типов средневековой общности, изначально складывалось путем варьирования, соединения и взаимодействия как этих двух основных

общественных форм, долгие столетия до Средневековья бытующих на пространстве континента, так и, соответственно, разных этнокультурных групп.

Исторически, прежде всего для Западной Европы, это было взаимодействие Рима с кельтами и с германскими племенами. В глазах древних римлян и греков они, особенно германцы, были варварами. После романизации кельтов (на территории будущей Франции) римлян и германцев разделил Рейн — северная граница империи (*лимес*). Но постепенно германские племена стали перешагивать через Рейн. Все более широко расселяясь на просторах Западной Европы, на галло-римских землях, они теснили Римскую империю и в конце концов обрушили ее.

Скандинавские страны, заселенные племенами *северных германцев* и далекие от цивилизованного средиземноморского юга, у истоков Средневековья принадлежали, как это очевидно, ко второму типу европейских обществ. Их родо-племенные образования отличала замедленность развития и его как бы размытость, традиционность образа жизни и менталитета; не случайно даже в период расцвета Средневековья там преобладала личная свобода крестьян, сохранялся обширный слой мелких собственников земли. При всем региональном сходстве, временами и единстве Скандинавских стран и народов, Дания, Норвегия, Швеция развивались не одинаково. В частности, Дания в своем развитии долго опережала родственных соседей, и это не случайно: ведь она была единственной на скандинавском Севере земледельческой страной, к тому же находилась в тесных соседских, политических и хозяйственных контактах с пограничным Франкским государством и его преемниками, с Англией, позднее с Германской империей, немецкими княжествами.

Контакты скандинавов с романскими регионами начались задолго до эпохи викингов. Северные германцы заявили о себе уже в конце старой эры, когда племена *готов* переправились через Балтику и пустились в многовековое скитание по Европе. Дойдя до Днепра и Черного моря, они затем повернули на запад и в VI в. образовали свои государства раннесредневекового типа на римских землях — в самой Италии и на Пиренейском полуострове (вестготское и остготское); к этому времени готский союз, разумеется, представлял собой уже пестрый конгломерат разных этносов и племен. Хотя вопрос о происхождении, о «прародине» собственно готов отнюдь не решен, но большинство ученых, основываясь на находках скандинавских вещей и некоторых других данных, отразивших путь миграции готов, считают их выходцами из Восточной Скандинавии, родственными готам (гутам) — жителям острова Готланд, и гаутам-гетам — будущим южным и юго-западным шведам[1]. Если

[1] Вероятно, они жили также в Юго-Восточной Балтике, по нижнему течению Вислы — или рано пришли на эти земли. Существует также предположение, что именно готы являлись коренным населением Скандинавии, которые заняли Скандинавский полуостров и остров Готланд еще задолго до новой эры, в период первичной миграции германцев с востока. Много позднее, примерно в 375–500 гг. н.э., произошло как бы вторичное заселение готами полуострова в результате возвращения их части с Причерноморья, куда они мигрировали в преддверии Великого переселения народов. Сторонники этой теории склонны даже говорить о «Норвегии» как «Земле северных готов», Нордготернланде, по аналогии с будущими шведскими Вестергетландом и Эстергетландом, которые с Норвегией были тесно связаны.

принять эту позицию, вполне оправданную, то получается, что именно скандинавы начали «раскачивать» германский мир, привели его в движение, положили начало Великим переселениям европейских народов, прежде всего миграциям германцев, которые начиная с первых столетий новой эры сотрясали Римскую империю и в конце концов погребли ее под своими, уже раннесредневековыми, политическими образованиями. Во всяком случае, в 1863 г. недалеко от датского города Сеннеборга были обнаружены в бывшем болоте части древнегерманского корабля IV в., видимо, принесенного в жертву. Корабль был без паруса, около 23 м в длину и 4 м в ширину, а в его конструкции явно прослеживалось римское влияние.

Первые письменные свидетельства о Скандинавии и ее населении восходят уже к I в.: о ней упоминают римский ученый Плиний Старший, затем знаменитый римский историк Тацит (ок. 58 — ок. 117), во II в. — грек Птолемей. Тацит, в частности, сообщает о суровом образе жизни и жестких нравах северных германцев, лишенных — что он особенно подчеркивает — римской изнеженности, об их вождях и рабах, об их воинственности, искусстве мореплавания, об особенностях их кораблей[2]. Римский историк, писатель, энциклопедист Светоний (ок. 70 — ок. 140) упоминает о фризских послах в Римской империи, которые прибыли туда где-то в середине I в.[3] А ведь фризы были ближайшими соседями данов, вместе с ними совершали набеги, в какой-то мере смешивались с ними, участвовали в сложении датского народа. А римские корабли-разведчики доплывали до Северного моря и Сконе...

На исходе периода Великого переселения народов, когда на территории Западной Римской империи германцы образовали независимые государства, о скандинавах писали готский историк Иордан и греческий — Прокопий Кесарийский (середина VI в.). Сведениями римлян о скандинавах впоследствии пользовались европейцы, особенно миссионеры, например Адам Бременский, ссылавшийся в этом случае даже на Вергилия (!)[4].

Не приходится удивляться тому, что скандинавская поэзия и некоторые саги, но особенно — мифы, предания, эпос скандинавов сохранили отчетливые следы событий и личностей Великого переселения народов. Не оставили скандинавов без внимания и их соседи. В англосаксонской эпической поэме «Видсид», восходящей к эпохе Великого переселения народов, упоминаются *геаты* (гауты), *свей,* южные *даны*, *вендлы, руги* (рюгги, ругии), *хэдны.* А в другом англосаксонском памятнике — эпической поэме «Беовульф», восходящей к VIII в., упоминаются племена *свеев* (свеонов) и Свейское королевство (Svea-rice), т.е. реально существовавшее в это время раннее государство свейского племенного союза — Свитьод, а также *«венделы»*, благородные и отважные герои этой поэмы — *геты.* Упоминаются там и *юты,*

[2] *Тацит.* Германия. 7–44; Анналы. XIII, 54.
[3] *Светоний.* Жизнь двенадцати цезарей. С. 225.
[4] *Adam.* Gesta... Sc. 134.

которых автор «Песни» не отличает от франков[5]. А юг Ютландского полуострова был прародиной *англов* и имел связи с *саксами.*

Связи скандинавов с населением Британских островов развились рано, что вполне объяснимо. Во всяком случае, уже с рубежа IV–V столетий, когда (после вывода из Британии римских легионов) разгорелась борьба за власть между местными племенными вождями — «малыми королями», последние стали обращаться за поддержкой к северогерманским дружинам, известным своими высокими воинскими и мореходными качествами. В числе тех северных германцев, что в эти столетия располагались на юге Балтийского моря, на полуострове Ютландия и вдоль побережья Северного моря, наряду с англами и саксами были юты, которые вместе с соседними данами, фризами и рядом других племенных образований позднее составили население Дании.

Дружинники-воины нанимались в Британии на 5–6 лет, но затем многие из них стали там укореняться, в результате чего сложились так называемые англосаксонские королевства (V–IX вв.). Так уже с середины 1-го тысячелетия будущие датчане могли познакомиться с наследием как кельтской культуры, так и римского пребывания, следы которого, тщательно охраняемые британцами, впечатляют и сегодня. Это стратегические сооружения, мощенные камнем дороги, города (хотя бы уже тогда населенные будущие Лондон, Йорк), тяжелый плуг с железными лемехами, железные наральники, дуговая и шлейная лошадиная упряжь, бани, наконец, раннее христианство. И, разумеется, развивались связи с континентом, хотя бы через Бретань, от которой отделял пролив Ла-Манш, столь узкий, что его позднее стали называть Каналом. Благодаря будущим датчанам этими и затем раннесредневековыми культурными достижениями Западной Европы стали пользоваться будущие же норвежцы и шведы. В свое время римляне вынуждены были отгородить значительные территории Англии, ими завоеванные, от северных территорий, населенных непокорными и воинственными пиктами; с этой целью при императоре Адриане они построили на границе, в самом узком перешейке острова, оборонительную стену, известную как вал Адриана. Когда датчане в VIII — первой половине IX в. отгораживались от непосредственного и опасного соседства Франкского государства, они в узких местах Ютландского полуострова соорудили два вала (следы которых могут быть обнаружены и ныне), в том числе грандиозный Danevirke. Эти валы — материальные свидетельства наличия в Дании, во всяком случае в Ютландии, политических образований относительно централизованного типа, способных подвигнуть население на такого рода обширные работы. Решаюсь предположить, что на эти сооружения их мог вдохновить пример римского вала в Англии.

[5] Племенные наименования *вендлы, венделы* напоминают о поселении Vendel в шведской области Упланд и Vendill — в Северной Ютландии; впрочем, не исключено, что здесь имеется связь с германцами-вандалами или западными славянами-венедами (вендами). Наименование *хэдны* напоминает о норвежской области Heidmark.

Несомненно, заимствования из Британии распространялись и на область духовной культуры. Датчане первыми из скандинавов познакомились с христианством (в Ирландии — с V в.) и церковью. Англосаксонские королевства, а через них, возможно, и собственно скандинавы обогатились переводом Евангелия на англосаксонское (т.е. северо-германское, близкое скандинавскому) наречие, сделанным Бедой Достопочтенным (672–735). Переводы сочинений с латыни на англосаксонский диалект, которые делал король Уэссекса и объединитель Англии Альфред Великий (871–899), также были понятны скандинавам.

Итак, уже с истоков эпохи викингов датчане стали самыми активными находниками, а постепенно и основными колонизаторами в Британии, прежде всего на англосаксонских землях. Дания пользовалась и «датскими деньгами» — данью, которая регулярно поступала из Англии. Под скандинавским влиянием сложилась известная область Денло — «область датского права» на востоке Англии, где сохранялось свободное крестьянство и другие патриархальные обычаи, занесенные скандинавами. В первой трети XI в. Дания вместе с Англией и некоторыми пограничными скандинавскими землями входила в обширную империю датского короля Кнута Могучего.

Вместе с тем скандинавы, прежде всего те же даны, в Англии сохраняли свои языческие обычаи, в частности похоронные обряды. Об этом можно судить по находке «погребения в ладье» от VI–VII вв., которое было обнаружено в местечке Саттон-Ху (гр. Саффолк); его форма оказалась близкой династическим погребениям Южной Швеции[6].

В 70-х гг. X в. викинг-дан Ролло сын Бычьего Тодира, прозванный Пешеходом, стал грабить обширную Нормандию. Его незаконный сын, унаследовавший имя и прозвище отца — Ролло Пешеход Младший, продолжил его грабежи в Нормандии, но постепенно осел и закрепился там, принял христианство (хотя долго сохранял языческие обряды), женился на девице из рода Капетингов и стал герцогом Нормандским — ленником и вассалом франкских королей, а далее союзником и опорой королей Франции. Его потомок Вильгельм Гийом Нормандский менее чем через столетие захватил Англию и основал там новую династию.

Под названием «франки» нормандские викинги стали проникать на юг Италии и на остров Сицилию, заселенный многонациональным и активно торгующим людом. Вскоре и там сложилось викингское государство.

Вследствие своих природных условий и длительного влияния западноевропейских соседей Дания ближе других Скандинавских стран подошла к нормам феодальных отношений на континенте и вплоть до XVII столетия лидировала в скандинавском мире и на Балтии. Швеция же и Норвегия хотя получали с запада, в частности через ту же Данию, определенные импульсы социокультурных новаций,

[6] Bruce-Mitford, 1966, 1974; Evans, 1994; Carber, 1998.

однако в принципе представляли наиболее «чистые» варианты особого европейского типа развития феодально-средневековых отношений. Но важные сходные особенности — расположения, исторического пути, языка, обычаев и духовной культуры, — пусть в разной мере, были свойственны всем трем странам, что и позволяет говорить о *скандинавском варианте* европейского Средневековья.

Как появились и почему побеждали викинги

Народы Северной Европы довольно долго задержались на стадии позднего родо-племенного строя. В его разложении, в переходе к новым социальным отношениям решающая роль пришлась на IX–XI столетия. Эти три столетия не только составили особый и важный этап в жизни Скандинавского региона, но и наложили существенный отпечаток на западноевропейскую историю в целом. В данном очерке о викингах говорится преимущественно в связи с их *дальними походами,* путешествиями по Европе.

Как называли северных пиратов, отважных морских путешественников, грабителей, торговцев и колонизаторов? Сведения на этот счет неоднозначны и нередко спорны. В самой Скандинавии морских пиратов — находников называли и называют *викингами.* При этом викингами называли как воинов, которые регулярно ходили в морские походы, так и сами эти предприятия: выражения «быть в викинге», еще чаще «плавать в викинге» (fara i viking) означали — совершать морской грабительский поход. Самое простое толкование термина «викинг», родившееся еще в XIX в., — вызывающий, смелый, предприимчивый человек. Вслед за Англией и Западная Европа в общем знала их как *данов* (датчан), позднее — *норманнов* («людей Севера»). Темноволосые ирландцы называли их *светлыми чужеземцами.* Свеонов и данов, которые «сокрушили воинскую доблесть саксов», называли в германских землях «аскоманнами» (Askomanni)[7]. На Руси, со скандинавами, особенно со шведами, тесно связанной, их называли *варягами* (ориентировочно — дружинники)[8]. В Византии воинов-скандинавов, служивших в императорской гвардии в составе русской дружины, а также воинов, приехавших непосредственно из Скандинавии, вместе с русичами и представителями других народов входивших там в «варяжский корпус», называли «варяжский корпус» или *варинги.* В Западной Европе это название превратилось в *веринги* — термин, встречающийся и в сагах[9].

[7] *Adam.* Gesta, II:29.

[8] Специально о термине «варяги» см.: Мельникова, Петрухин, 1994.

[9] См., например: КЗ. С. 53. Исследование термина «веринги», отраженного в ряде восточношведских топонимов, показало, что эти топонимы относятся к местам, связанным с морем, и не имеют укоренения в шведской топонимии. Иначе говоря, их можно отнести к топонимам, которые были *привнесены* — не вернувшимися ли из Византии варягами и/или служилыми воинами? Этот вопрос, помимо прочего, интересен в аспекте культурных заимствований и взаимодействия скандинавов между собой (см.: Strandberg, 2006).

Западноевропейские народы, к середине 1-го тысячелетия в той или иной мере восприняв великое эллинское (греко-римское) наследие, а затем пережив период варварских королевств, в эпоху викингов направленно двигались по пути развития феодальных отношений и заложили основы средневековых государств. А периферийный Скандинавский регион подошел к этим столетиям с другими характеристиками. Ведь еще недавно, к началу эпохи викингов, как уже не раз говорилось, в Скандинавии господствовал родо-племенной строй на его последней стадии — так называемой варварской, «вождестской», или (что, на мой взгляд, более соответствует сути явления) «строй военной демократии», которая была в разной степени продвинута в каждой из стран региона. Но путь скандинавов к присущим Средневековью феодальным распорядкам нельзя считать абсолютно автономным, «бессинтезным». Ведь они не только знали об античной цивилизации, но и испытали некое опосредованное ее влияние через Европейский Запад: христианство, элементы и навыки в области материальной культуры, «городской воздух», какие-то формы права и административной организации. А этому влиянию в раннее Средневековье они в наибольшей мере обязаны именно походам викингов.

Собственно скандинавскими являются две страны — Швеция, с островами Готланд и Эланд, и Норвегия, расположенные на Скандинавском полуострове. По традиции, вследствие этнокультурного родства и исторического пути, к Скандинавским странам относятся также полуостров Ютландия и Датские острова, по своему развитию занимающие как бы промежуточное положение между скандинавскими соседями и континентальными странами, вышедшими из Франкской империи. В эпоху викингов к Скандинавии относились открытые и в разной мере постепенно колонизованные — преимущественно норвежцами — острова Северной Атлантики: Исландия, откуда викинги затем двинулись в Гренландию (еще с III в.), Лабрадор, Фарерские, Шетландские, Оркнейские (в начале VIII в.), Ньюфаундленд и Гебридские.

Территории основных Скандинавских стран в эпоху викингов отличались от современных. Так, саги свидетельствуют, что в то время, во всяком случае почти до конца эпохи викингов, западная область современной Швеции — Емтланд принадлежала Норвегии и Норвегия же претендовала на западногетские земли, которые довольно регулярно платили дань норвежским конунгам. Юг Скандинавского полуострова — области Блекинге, Сконе и Халланд, — принадлежали тогда Дании; остров Готланд относился к Швеции довольно условно. Короче, Швеция в те столетия была территориально меньше, чем когда-либо еще в своей истории, а Норвегия (учитывая и захваченные викингами острова) и Дания, еще владевшая всей Ютландией и южными областями Скандинавского полуострова, — много больше.

Этнокультурный состав скандинавских народов был достаточно гомогенным. Там проживало в рассматриваемый период не менее 30 северогерманских племен[10].

[10] Весь север Скандинавского полуострова, занятый тогда редкими кочевьями угро-финнов, главным образом саамов (лопарей), северными германцами тогда не был освоен.

Этнокультурное и религиозное родство, прямое соседство, сходство занятий, общественного развития и менталитета позволяют рассматривать Скандинавский регион как *историко-культурную общность,* каждый из членов которой при этом обладал также и своими, только ему свойственными чертами.

Скандинавы — морские народы. Согласно знаменитой англосаксонской поэме «Беовульф», они — «морские странники» («морестранники», ст. 240–241); я предпочла бы, возможно, менее романтическое и более отвечавшее тогдашним нравам наименование «морские бродяги». Оно и понятно.

Дания, со своим полуостровом Ютландия, островами Зеландия (Шеланн), Фюн, Лолланн, Мен и другими (всего 450 островов, из которых и сегодня заселены едва 50) как бы плавает в Северном и Балтийском морях. Не случайно, пытаясь осмыслить эту территориальную особенность Дании, северные германцы создали миф о Гевьон — богине, образовавшей Данию из земли, обманом добытой из озера Меларен (Центральная Швеция). В «Висе о Гевьон»[11] рассказывается, что богиня, набрав разные по величине комья земли в свой передник, выкинула их в море между Ютландским и Скандинавским полуостровами. Превратив сыновей в быков, она быстро распахала остров Зеландию и другие крупные острова, поставив богов перед фактом «освоения» и присвоения этих территорий. Изумительная скульптура — фонтан в Копенгагене — посвящена легенде о Гевьон. Так или иначе обстояло дело на самом деле, но эта равнинная страна не имеет территории, более чем на 52 км удаленной от морских побережий, и вершин, превышающих 70 м над уровнем моря. Общая длина ее изрезанной береговой линии — свыше 7000 км. Большинство населения составляли племена данов, на Ютландии еще оставались юты, англы, частично — саксы и фризы. Дробность территории, казалось, должна была тормозить единение страны и вообще ее развитие. Между тем Дания развивалась динамичнее других стран Севера. А с начала XI в. она располагала наибольшей за всю историю территорией за счет владения южной частью Скандинавского полуострова — областями Халланд, Сконе и Блекинге, включая проливы Зунд (Эресунн) и Каттегат, т.е. страна оказалась хозяйкой выхода из Балтии в Атлантический океан. Но и до того Дания обладала огромными преимуществами на торговых путях, которыми умело пользовалась. Здесь рано развились не только городища-убежища, но и ранние города — торговые эмпории с ремесленным посадом, которые приобщались к культуре континента и являлись связующими центрами племенных образований.

Богатые захоронения и другие открытия археологов, особенно результаты раскопок ранних городов, свидетельствуют о широких торговых и, скорее всего, также династических связях Дании, во всяком случае Ютландии, с континентом. Единственная из Скандинавских стран целиком равнинная, слегка всхолмленная страна, с мягким климатом, издревле стала краем земледельцев, которые следовали

[11] Эта виса содержится в мифологическом произведении «Видения Гюльви» и в начале «Саги об Инглингах», гл. 1.

общинным распорядкам континентального типа. В более суровых Норвегии и Швеции датчане слыли «южанами». Природные условия, близость к передовым странам континента и расположение на важных торговых путях способствовали динамичному развитию Дании в Средние века.

Норвегия — самая длинная страна в зарубежной Европе (длина по прямой — 1752 км). С юга и запада она омывается водами Северного моря и Атлантического океана, а с севера — незамерзающими водами Баренцева и Норвежского морей. Само название страны — от Norrvegr, «Северный путь» — свидетельствует о каботажных морских передвижениях вдоль вытянутых берегов: ее береговая линия, также сильно изрезанная, — более 2600 км. Норвежцы в те столетия расселялись на территории, начиная с сегодняшней центральной части страны и южнее, на узкой, расширяющейся к юго-востоку полосе каменистой земли между морем и протяженной горной цепью. Это «становой хребет» Скандинавского полуострова, с вершинами более 2000 м. Всхолмленное побережье Норвегии, как и Швеции, изрезано длинными, извилистыми, глубоко внедряющимися в сушу заливами — фьордами, с их обрывистыми берегами, и усеяно скалистыми мелкими островками-шхерами. Более половины страны заняты скалами, горным березняком-редколесьем, озерами и болотами. Севернее и на предгорьях росли хвойные деревья. К началу и в ходе эпохи викингов Норвегия уже фигурировала в качестве как бы единой страны, а ее жителей называли норвежцами (в тех же сагах). Но фактически она делилась на области проживания разных племен, чьи названия дали наименования областям: трёндов (Тренналаг), раумов (Раумарики, район Осло), ругиев (Ругаланн), ренов (Ренрики), хердов (Хердаланн), гренов (Гренналанн). Из них в сагах упоминаются в основном трёнды. Их племенной союз был, видимо, основным в числе тех четырех, которые сложились в стране к эпохе викингов. Природные условия страны были самыми скудными в Скандинавии (до заселения Исландии). Но ее мореходство и мореходы были, вероятно, самыми лучшими в Европе.

Швеция — «длинная страна» Восточной Скандинавии, с таким же, как Норвегия, изрезанным побережьем (длина береговой линии — свыше 7000 км), с обильными скалами, болотами и озерами, среди которых — два больших: Венерн и Веттерн, и глубокий балтийский залив Меларен, который традиционно считается озером. Однако она располагает и невысокими плоскогорьями, и холмистыми плодородными равнинами, а в раннее Средневековье также обширными, непроходимыми лесами, ближе к Северу хвойными. Ландшафт и почвы в Швеции, как и в Норвегии, во многом определялись отступившим ледником, оставившим морены, обильные вкрапления валунов в толщу земли и частично содравшим верхний, богатый гумусом ее слой. Это затрудняло применение плуга и определило долголетие сохи, даже мотыги. К эпохе викингов Швеция четко делилась на два племенных образования. Севернее озера Меларен и несколько южнее его проживали свеи, отчего эти территории назывались Свеаланд (также Сведия). Примерно в VI в.

там сложилось племенное политическое образование Свитьод. Западнее и юго-западнее располагались земли западных и восточных гетов (гаутов): Вестгёталанд и Эстгёталанд. К Швеции примыкали два балтийских острова: Эланд и севернее — большой торговый Готланд, населенный гутами (готами) и в эпоху викингов ставший в вассальные отношения к шведскому королю. Насколько тесно гауты-геты были связаны с гутами-готами, а последние — с теми готами (gothi), которые в VI в., как свидетельствует Григорий Турский, заполонили Западную Европу, создав Остготское и Вестготское государства, — это, как говорилось выше, проблема, не решенная и по сей день.

В эпоху викингов Швеция обладала наименьшей за всю свою историю территорией. Ее западные области, прежде всего Емтланд, были подвластны Норвегии, самые южные области — Дании, а гетские территории, особенно западные, или Вестгёталанд (Гауталанд саг), составляли предмет постоянных споров между Швецией и Норвегией, но, судя по сагам, до образования единого Шведского государства чаще подчинялись последней. Единственным морем, полностью освоенным шведами, было море Балтийское, омывающее почти все тогдашние морские границы страны. В Северное море выходила только река Гёта (Гетаэльв), но эти территории оспаривались норвежцами, а позднее и датчанами. Зато шведы господствовали на балтийских торговых путях между Атлантикой и Восточной Европой. Поэтому здесь уже в первые века появились торгово-ремесленные центры (особенно на островах Готланд и Эланд), а позднее и ранние города, связанные с трансъевропейской торговлей; они развились с VIII в., когда средиземноморские пути на Восток были перекрыты в ходе арабских завоеваний и был разработан известный северный маршрут — путь «из варяг в греки».

Климат Скандинавских стран, почти незаселенных на суровом Севере, был достаточно мягким в Дании, средних и южных частях Скандинавского полуострова благодаря теплому течению Гольфстрим, которое доходило до северо-западных морей Арктики. Поэтому население региона не так уж часто страдало от грозных засух или трескучих морозов. Все здесь способствовало обильному росту трав и лиственных кустарников, наличию прекрасных лугов, особенно в предгорьях.

Малочисленные скандинавы, разбросанные по значительным территориям, живущие среди скал, болот и пастбищ (за исключением Дании), занимались в меру возможностей экстенсивным земледелием, очень широко — пастушеством, максимально использовали плоды леса и, особенно, моря, доступность которого пронизывало всю их жизнь.

Морские народы во всей полноте этого определения, скандинавы имели в своем распоряжении незамерзающие Северное и Балтийское моря, бескрайнюю Северную Атлантику с теплым Гольфстримом. Длинные береговые линии со

многими глубокими заливами издревле служили основными местами поселений и стоянок. Море защищало скандинавов и объединяло их: ведь в ранние эпохи принятое тогда каботажное путешествие по воде было гораздо удобнее, безопаснее и дешевле, чем сухопутное. Море и призвало скандинавов к морским странствиям. В VIII–XI столетиях (возможно, и раньше) скандинавские гипербореи вышли в открытый океан.

К эпохе викингов и на ее первом этапе у скандинавов господствовали триединые или трехчастные общества, в которых были представлены: знать с королем/вождем во главе, масса свободных общинников и рабы; это было характерное для стадии варварства социально-правовое членение, отмеченное у северных германцев, как известно, еще Тацитом. Судя по содержанию могильных курганов (например, на острове Фюн или в скандинавских захоронениях в Англии), а именно испомещению в приметных могилах дорогого оружия и драгоценных предметов, у данов племенная организация во главе с вождем и родовая знать существовали еще в 1-м тысячелетии до н.э. В рассматриваемый период это развитое варварское общество соседствует с богатыми земледельческими народами континента, о которых мореходы-скандинавы знают не понаслышке. Писатель VI в. Григорий Турский в своей «Истории франков» (кн. III) свидетельствует о нападении короля геатов (гетов) на франкские земли — сюжет, повторенный затем в поэме о Беовульфе.

Выше говорилось уже о том, что еще к VII в. юты, англы, фризы и саксы образовали в Британии группу варварских англосаксонских королевств. Присутствие данов во Франкском государстве Карла Великого зафиксировано «Песнью о Роланде». Поэтому опыт освоения достаточно культурных территорий и создания там политических образований под своей властью у скандинавов уже имелся. А превосходные мореходы-норвежцы издревле доплывали до Оркнейских, Фарерских и Шетландских островов, в VII–VIII столетиях освоили и начали заселять эти пустынные острова. Они облагали данью саамов, а шведы — куршей и другие балтские и славянские племена Восточной Балтии и побережий Финского залива.

Для стадии военной демократии, особенно у народов с сильно развитым (тем более преобладающим) скотоводством, включение в свой образ жизни *военной экспансии* вполне характерно. Набеги, колонизация и грабеж пополам с торговлей не могли не стимулироваться у северных германцев таким обстоятельством, как привлекательность европейских богатств на фоне своей скудости, особенно для усиливающейся знати. В числе *внутренних факторов* их широчайшей экспансии следует, видимо, назвать также развитое мореходство, относительное перенаселение годных к освоению территорий в связи с демографическим ростом во время потепления, которое продолжалось с VIII до XIII столетия. Рост населения порождал даже трудности с использованием угодий и, прежде всего, нехватку — в тех условиях — мест, пригодных для внутренней колонизации.

Думается, что следует учесть и такой фактор, как неосознанный (частичный) «вывоз конфликта»: отъезд и/или длительное пребывание вне региона значительных групп активного мужского населения не могли не смягчать крайнее ожесточение социальных и политических отношений как между массой рядовых, свободных и гордых скандинавов и все более обособляющейся знатью, так и внутри последней.

Из внутренних факторов, приведших к скандинавским завоеваниям и их успеху в IX–XI вв., следует, кроме того, назвать такие, как характерная германская воинственность, горделивая твердость[12], их четкая военная организация, хорошее вооружение, тактические способности и вообще высокие воинские качества, которые отмечались еще Тацитом, а затем всеми, кто с ними сталкивался. Содействовали экспансии скандинавов уже приобретенные ими к этому времени известные традиции морских набегов, мореходства и колонизации, совершенствование корабля и судовождения.

Очевидно, что походы викингов были отнюдь не случайными всплесками агрессии, а порождались целым комплексом разнохарактерных, но неизменно важных обстоятельств внутренней жизни северных германцев.

Что касается *внешних факторов,* способствовавших побуждениям и успехам викингов, то, конечно, эти организованные, вооруженные, отважные и безжалостные воины и мореходы использовали неурядицы, которые происходили практически во всех европейских странах в ту эпоху, и, конечно же, нестабильность международной обстановки. Здесь можно назвать неупорядоченность границ между новообразованными европейскими государствами и их внутреннюю раздробленность, постоянные усобицы на континенте (в том числе, несколько позднее — борьба Империи[13] с папством) и в Британии (в Англии — еще при Альфреде Великом в середине IX в.), а также рано начавшиеся конфликты между Восточной и Западной церквями. И все это — при отсутствии в Европе соответствующих защитных сооружений: «настоящие», мощные крепости и замки, как известно, были сооружены прежде всего в Святой земле, во время Крестовых походов, и этот опыт был перенесен в Европу. Действенный отпор викингам могли дать только консолидированные страны, что и было доказано европейцами начиная с конца XI в.

Возможно, что успешности далеких морских походов викингов способствовал и климат в Северной Атлантике, который в течение 800–1100 гг. был сравнительно мягким — так называемый Средневековый теплый период; с XIII до начала XIX в. климат значительно посуровел, это время даже называют Малым ледниковым периодом на Севере.

[12] О ней говорит еще Светоний — на опыте общения с фризскими послами в Риме Верритом и Малоригом (см. выше).

[13] Начало Германской империи во главе с Оттоном I — 962 г.

Организация викингов

Грабительские морские путешествия воинственных скандинавов начались еще в эпоху Великого переселения народов (II–VI/VII вв.), и правильнее было бы начинать отсчет эпохи викингов с VII — начала VIII в., усматривая в ней как бы продолжение Великого переселения народов. Но «формально», т.е. по принятому мнению ученых, началом эпохи викингов считается разграбление ватагой скандинавских мореходов монастыря Св. Кутберта на острове Линдисфарн, около северо-восточного побережья Нортумбрии; это произошло в 793 г. Конечный пункт эпохи, о котором согласились историки, — 1066 г. Последний обозначился двумя почти совпадающими по времени событиями. Сначала английское ополчение в битве при Стамфордбридже разгромило войска норвежского короля Харальда Хардрада (Сурового), стремившегося снова завоевать отложившуюся от скандинавов Англию; тогда же погиб и сам король-викинг. А две недели спустя потомок викингов, герцог Нормандии Вильгельм, еще ранее подготовившийся к броску со своими войсками через Ла-Манш, понял, что его время пришло. В битве при южноанглийском порте Гастингс значительно поредевшее, усталое английское ополчение было разбито; началось постепенное завоевание Англии нормандскими и французскими баронами, рыцарями и наемниками Вильгельма I, основавшего в стране новую, Нормандскую династию. Так завершилась эпоха викингов.

Конечно, как уже говорилось, эта хронология условна: грозные походы скандинавов отмечались не только до конца VIII, но и в XII в. Однако собственно эпоха викингов, когда их походы были регулярными, почти непрерывными и чаще всего победоносными, позволяя им обретать силой своего оружия большие богатства, создавать свои государства вне Скандинавии, открывать и заселять новые земли, действительно имела границы примерно в пределах трех с лишним столетий: с конца VIII и до второй половины XI в.

С образованием Скандинавских королевств, уже с конца X, в XI и, особенно, в XII в., походы викингов сменялись военными экспедициями, организованными местными, затем верховными правителями. Во-первых, европейские государства консолидировались и вооружились, так что набеги отдельных отрядов викингов стали получать отпор. Во-вторых, сами скандинавы обрели свою государственность, и их военные предприятия вообще приняли иное направление и иной характер. Сначала это было участие в Крестовых походах на Восток, впрочем, довольно слабое. Затем начались завоевательные Крестовые походы датчан против вендов и покорение ими значительной части Прибалтики, с основанием там своих колоний и форпостов. А с XIII в. начались двухсотлетние так называемые Северные крестовые походы шведов в финно-карельские пределы, опять же под церковно-государственным началом. Как ясно из их названия, они проходили под знаком креста, т.е. получили благословение или были прямо инспирированы папским престолом; в них участвовали немецкие рыцари, в основном те, что обосновали в Восточной

Балтии свои духовно-рыцарские ордены, возникшие в Палестине. Из имеющихся материалов (особенно «Хроники Эрика», первая треть XIV в.) непреложно следует, что эти походы с самого начала, т.е. с XII в., были направлены на вытеснение из карело-финских земель новгородцев и присоединение этих территорий, богатых разными ловищами и включающих важные торговые пути, к Шведскому государству.

Но вернемся к VIII–XI столетиям. Приходится только удивляться тому, сколько захватов, колонизационных, грабительских и торговых предприятий, открытий новых земель и создания своих политических образований на европейских землях, на территориях чужих стран успели совершить скандинавы за эти столетия. Опорами предприятий викингов были корабли и оружие, блестящее умение управляться с тем и другим, четкая воинская организация.

Живописные, тканые и скульптурные изображения того времени сохранили для потомков типичный облик викинга. Его продолговатое лицо, заросшее усами и лохматой, торчащей вперед бородой, сурово. Голову венчает островерхий колпак — войлочный либо металлический шлем либо обруч (видимо, знак предводителя либо вождя-конунга). Иногда викинги изображаются сидящими на веслах, в корабле под парусами, иногда — как всадники.

Судя по тем же изображениям и находкам археологов, викинг был вооружен длинным и/или коротким мечом, ножом, боевым топором и длинным копьем; иногда его копье было снабжено мощным крюком, видимо, для сбрасывания врага с лошади и притягивания борта вражеского корабля. Его тело защищали кольчуга и щит. По-видимому, еще до новой эры скандинавам была известна какая-то форма шпор.

Предназначенные для плавания в открытом море скандинавские суда — драккары («драконы»), нос которых украшали голова дракона, а корму — его хвост, имели до 23 м в длину, 5 м в ширину, съемную мачту и обходились без палубы; впрочем, в эпоху викингов появились корабли и большего размера с настилом. Гребли сами викинги, повесив свои изукрашенные щиты на борта корабля[14]. Судя по «Англосаксонской хронике», объединенные отряды викингов могли собрать флот, насчитывающий сотни судов разного размера. Набег на Британию флота из 3, 5, 15–16 кораблей был обычным явлением.

Хронисты отмечают бесстрашие викингов, но также их воинское искусство: владение оружием и маневром во время боя, устройством и укреплением стабильного лагеря — форпоста и передвижной стоянки, ведением правильной осады городов и т.д. Викинги проявляли отвагу, умения и смекалку. Они не только прекрасно владели оружием, но знали боевое построение кораблей, применяли зажженные стрелы и «греческий огонь», могли захватить крепость[15]. Эти воины были одинаково

[14] О кораблях и вооружении скандинавов в эпоху викингов см. спец. ниже.
[15] Сага об Ингваре. С. 337, 350; ИС II:2. С. 169.

искусны и в морских сражениях, что фиксирует, например, та же «Англосаксонская хроника», и в битвах на суше, что отмечают франкские анналы. Отмечено и то, что отдельные отряды викингов, нередко соперничающие между собой, могли в случае необходимости согласовывать свои действия и подчас даже объединять усилия. Жесткая воинская организация, характерная для норманнов-находников, становилась основой их закрепления на захваченных землях и играла немалую роль в последующем развитии этих территорий (особенно Нормандии).

Сохранены для истории имена ряда *морских конунгов,* как называли тогда известных предводителей обширного флота, обычно вождей каких-либо скандинавских племен или территориальных объединений; при них действовали ярлы, командуя отдельными кораблями-отрядами[16].

Викинги, которые посвящали набегам длительное время, обычно обустраивали на родине постоянные приморские поселения-вики, точнее, военные лагеря (откуда, как полагают некоторые исследователи, и произошло само наименование «викинги»).

Известен один из таких лагерей — основанный данами Йомсборг, укрепление в устье реки Одер. Это была колония датских викингов, но, видимо, туда стекались не только даны: например, исландец Бьерн, изгнанный из страны на три года за убийство, перебрался в Йомсборг и принимал участие в набегах оттуда. Воинов, которые там группировались, именовали «балтийскими» или «йомсвикингами». О них было сложено особое сказание (Jömsvikinga saga)[17]. Судя по саге, этот лагерь был хорошо укреплен и обладал гаванью вместимостью 360 больших кораблей (что, впрочем, выглядит неправдоподобно). Та же сага свидетельствует, что йомсвикинги были организованы в воинское братство, с твердыми правилами общежития, раздела добычи, поведения в бою и т.д. Женщины туда не допускались. Трусы и те, кто не соблюдал устав, изгонялись. Воины, в возрасте от 18 до 50 лет, жили там общиной, тренируя свои умения и время от времени уходя в набеги; добыча же делилась между всеми поровну. Короче — идеальное воинское братство! Споры о местоположении и вообще реальности лагеря Йомсборг не умолкают до сих пор. Одни исследователи связывают его с Юмне-Волином славян и полагают, что он был разгромлен норвежским королем Магнусом Добрым в 40-х гг. XI в. Другие считают, что это тот же лагерь, что Треллеборг. Некоторые же считают его описание, да и само существование романтической легендой.

Но реальные военные лагеря викингов действительно существовали, некоторые найдены и реконструированы археологами. Несколько таких лагерей обнаружено и изучено в Дании: уже упоминавшийся Треллеборг (на месте будущего города, Западная Зеландия), Фюркат (Восточная Ютландия), Аггерсборг (Северная

[16] КЗ. С. 28, 171.

[17] См. также ИС II:2. С. 306, 327 и прим. 1, 85.

Ютландия), Ноннебьерг (остров Фюн, на месте будущего города Оденсе). Уже при короле Харальде Синезубом, т.е. в X в., эти датские лагеря были образцами высокоразвитого фортификационного искусства тогдашних скандинавов.

Лагерь, подобно ранним городам, обычно имел почти идеально круглую форму и правильную планировку. Он был укреплен одним или парой мощных, широких земляных валов с палисадом, нередко окружен рвом и заграждением из острых кольев. Четыре выхода располагались по направлениям стран света. В центре находилась округлая площадь, вокруг нее в правильном порядке располагались постройки: однотипные жилые дома, конюшни и другие хозяйственные строения. Жилые дома состояли из трех помещений и, как большинство строений того времени в Скандинавии, были сооружены из земли и/или торфа, с каркасом из бревен или жердей. Двускатные крыши крылись дерном. Вещи, найденные на месте лагерей, в том числе оружие, керамика, украшения, примерно соответствуют тому, что найдено при раскопках ранних городов, например датского же Хедебю (Хайтхабю, будущий Шлезвиг, Южная Ютландия). В Треллеборгском лагере обнаружено также общее захоронение 10 воинов (третья четверть X — середина XI в.) — братская могила, что в известном смысле подтверждает данные «Саги о Йомсвикингах». Вместе с тем в числе тамошних находок имеются остатки плуга и кос — свидетельство сельскохозяйственных занятий; а совсем сенсационная находка в одном из помещений — орудия прядения и ткачества. Очевидно, что, вопреки строгому, в сущности военно-«монастырскому» уставу военного лагеря, декларированному сагой, в этом лагере находились и женщины. Присутствие женщин и детей в некоторых лагерях викингов подтверждается артефактами из лагеря Фюркат и содержанием могильников.

Побережья скандинавских земель — а их население концентрировалось именно на побережьях — были издавна организованы в так называемые корабельные округа-шипслаги. Каждый шипслаг поставлял корабль, его команду — ледунг (военно-морское ополчение) и питание для нее. Но эта система, которая стала основой начального административного деления в Скандинавских странах, выработалась не сразу, а постепенно, по мере расширения, активизации походов. Первые набеги, еще в VIII в. и до него, чаще всего совершались отдельными небольшими корабельными командами — своего рода «компаньонами» по набегу — или были организованы каким-либо вождем. С ходом времени число кораблей в викингах умножалось, во главе каждого обычно вставал местный знатный человек — хёвдинг, или местный «малый король», часто бывшие и владельцами судна. Команда обычно состояла из дружинников предводителя либо договорившихся между собой воинов, сообща сооружавших или приобретавших корабль.

Как известно, супруга Вильгельма I Нормандского Матильда вместе с придворными дамами в течение двадцати лет после захвата Англии ее супругом (1066) вышивала «ковер», где весьма натурально представлены этапы подготовки и реализации

военного похода в Англию. Это так называемый «ковер из Байё» (Северная Франция), где по счастливой случайности уже в Новейшее время он был обнаружен, прекрасно отреставрирован. С тех пор и доныне примерно 80 м тонкой льняной ткани почти метровой ширины, на которой вышиты все означенные события, демонстрируются в городке Байё. К удовольствию скандинавистов, офранцуженные потомки викингов во главе с Вильгельмом Нормандским, как и примкнувшие к нему рыцари и бароны из многих районов Франции, использовали такие же корабли, как и те, что ранее, в течение столетий, служили викингам. Их изображения полностью соответствуют кораблям эпохи викингов, найденным археологами. И точно так же сносили и свозили на эти корабли бочки и мешки с продовольствием, живую птицу и скот, вводили лошадей.

Первоначально викинги пиратствовали в своем регионе, в ближайших морских водах и на территориях, прилегающих к Балтийскому и Северному морям. Обычно при этом они ограничивались грабежом и обложением местного населения данью. Так, норвежцы собирали дань с саамов и финнов, шведы — с куршей, те и другие грабили население побережий Финского залива. Брали меха, шкуры диких животных и оленей, китовый ус. Шведы потихоньку оттесняли угро-финнское население из центральных областей Восточной Скандинавии на север. Норвежцы обживали Шетландские, Фарерские и Оркнейские острова.

И в VIII, и, особенно, с IX столетия, когда скандинавы стали пиратствовать регулярно и широко, руководящие ими соперничавшие предводители или местные вожди опирались не только на ополчение, но, прежде всего, на свои дружины, нередко приглашали и наемных воинов, что укрепляло дисциплину и совершенствовало воинскую организацию. В X в. набеги скандинавов, занятых внутренними междоусобицами и устройством на захваченных ранее территориях, сократились, с тем чтобы с новой силой возобновиться в XI в. С конца X и в XI столетии военные набеги, как уже говорилось выше, нередко приобретали уже характер государственных предприятий, возглавляемых королем; тогда в поход отправлялось множество кораблей разного размера, а ледунг состоял из сотен людей. В таких набегах, в частности на Британские острова, конечно, участвовали и ополченцы.

Походы и воинская служба. Скандинавы в Западной Европе

Я намеренно не останавливаюсь в этой работе сколько-нибудь подробно на захватах, колонизации и ограблении викингами чужих, более далеких земель и стран, о службе их там: материал об этом обширен, он зафиксирован западными хрониками и русскими летописями, хорошо описан многими современными историками. Да и задача этой книги иная. Поэтому ниже дан только как бы общий контур скандинавских захватов в Западной Европе.

К концу VIII и в IX столетии сложились контингенты скандинавов, для которых война на чужой территории, далекие плавания с целью обнаружить богатые и годные для колонизации земли, жестокий грабеж, как и эпизодическая торговля награбленным, в том числе пленниками-рабами, и дружинная служба у иноземных правителей, стали *образом жизни*. Многие люди проводили в морских и сухопутных путешествиях, войнах, захвате чужих территорий и мародерстве всю свою жизнь, большую или значительную ее часть. Именно они, строго говоря, назывались викингами. Предводители таких отрядов, закаленные в морских походах и битвах вожди становились морскими конунгами, их имена сохранили англосаксонские и франкские анналы. Другие группы скандинавов предпринимали эпизодические походы и возвращались домой вскоре либо спустя годы, но с добычей, которая обеспечивала их семьи подчас на всю дальнейшую жизнь. Нередко и те и другие селились или погибали вдали от своего отечества. Конечно, далеко не все скандинавы становились викингами. Но, судя по данным хроник о численности некоторых отрядов находников, приходится признать, что в грабительских зарубежных походах — в разной мере и в разное время — участвовала значительная часть свободного населения региона.

И хотя многие экспедиции викингов, особенно до XI в., составлялись из представителей разных скандинавских племен, но ядро всегда было из какой-то одной области или страны. Примечательно, что при этом в действиях экспедиций четко просматривается связь с особенностями положения, развития и возможностей каждой страны — именно то, что еще Геродот называл «скрещением в политике».

Так, *датчане*, или *даны*, привыкшие к земледельческой культуре, явно обнаружили понимание пространства как фактора реального обогащения и силы: они практиковали прямой захват окультуренных территорий, часто сопровождая его колонизацией и установлением своего политического господства. В сопровождении норвежцев, небольшого числа шведов и готландцев они занялись покорением давно знакомой им Британии. Удача вылазки на острова Линдисфарн и захваченные там монастырские богатства побудили пиратов уже в 795–796 гг. разорить монастырь в Ярроу (тот, где жил и творил Беда Достопочтенный). Как свидетельствует «Англосаксонская хроника»[18], по меньшей мере до 30-х гг. IX в. датчане атаковали восточные и южные земли Англии, норвежцы — северные районы Британии. Набеги были мгновенными, но практически ежегодными, а остров Мэн служил опорным пунктом захватов. Уже в первые десятилетия IX в. в некоторых набегах викингов на Британию участвовало по 300 с лишним различных кораблей. Так, в 852 г. до 350 кораблей с воинами вошли в устье Темзы. Захватчики везли с собой лошадей. Высадившись на побережье, они устремились в глубь территории, грабя местное население и вступая в битвы с ним и с королевскими войсками. Сражения были жестокими

[18] Подробно материалы «Англосаксонской хроники» о викингах в Англии см. в кн.: Глебов, 2003.

и отнюдь не всегда увенчивались победами находников; многие из них нашли гибель на этой (и другой) чужой земле, о чем выразительно свидетельствуют поставленные им на родине памятники — «рунические камни». В целом воинство викингов в Англии насчитывало подчас до 5–6 тысяч человек[19].

Некоторые источники, в частности поэма «Беовульф» (см. ниже), сохранили сведения о том, что в качестве отважных воинов-дружинников в Англии прославились геты. Там же упоминаются дружинники-даны.

С середины IX в. викинги начали оседать в Северо-Восточной Англии. Их корабли наряду с воинами перевозили семьи колонизаторов и необходимое имущество. Впервые викинги зимовали в Англии в 851 г., устроив стоянку на острове у побережья Кента. В 866 г. их отряды захватили Йорк, Рочестер и Лондон, подчинили большую часть страны. В 878 г. предводитель данов — Гутрум, которого считали королем, со своими сподвижниками Оскетелем и Адвендом привел в Британию «великий летний флот». Они выдержали девять кровопролитных сражений к югу от Темзы, в которых погибли, согласно той же хронике, один, видимо, «малый», король данов и девять «эрлов», т.е. ярлов. Тем не менее в результате завоеватели добились договора с англичанами, по которому они получили для заселения земли в Восточной Англии, включая часть Мерсии. Они укрепились в этих районах, там образовалась (упоминавшаяся выше) так называемая «область датского права» Денло, сканд. Данелаг, которую англичане отвоевали только в X в. В соответствии с договором Гутрум и 30 его приближенных приняли христианство, что было вполне обычным делом для викингов на покоряемых христианских землях и отнюдь не мешало новообращенным исповедовать язычество. Скандинавы захватили также восточное побережье Ирландии, восток и запад Шотландии. В конце IX в. Англия освободилась от власти викингов и объединилась под властью короля Альфреда Великого (871–899/900)[20].

Но грабительские набеги, хотя их число и сократилось, не прекратились вовсе. В 1016 г. король Кнут (Канут) Великий стал королем Англии, сделав ее центром своей обширной северной империи, в составе которой были его родина Дания (с 1018), Шлезвиг, Норвегия (1030–1035) и южные области Швеции (Сконе, Блекинге и Халланд). При сыновьях Кнута I его империя развалилась (причем датчане сохранили за собой южные районы Скандинавского полуострова), а в 1066 г. в Англии, как известно, воцарилась Нормандская династия.

В начале XI в. от скандинавов освободились также Шотландия и Ирландия. Но еще в начале XII в., при сыне Вильгельма Завоевателя Генрихе I (1102–1135) сыновья норвежского короля Магнуса Голоногого нападали на Британию. Известно, что Хейнрек сражался в Англии с другими викингами, а также воевал с «сарацинами» и грабил побережья Средиземного моря.

[19] Sawyer, 1962.

[20] Объединение англосаксонских королевств в королевство Англия произошло, как известно, еще в 829 г.

Не менее активно вели себя викинги и на континенте. Еще Григорий Турский говорил о данах, которые в V–VI вв. совершали на своих кораблях опустошительные набеги на Галлию, вступая в морские битвы с местными правителями и подчас терпя от них поражение. Но тот же писатель говорит о нападениях геатов (т.е. гетов), глава и (малый?) король которых Хигелак погиб в бою вместе с сыном Хердредом[21].

После смерти Карла Великого (814), передела (829) и окончательного раздела его империи (843) в образовавшихся на ее месте отдельных королевствах наступил политический кризис; ожесточенная междоусобная борьба внутри последних и между ними ослабила власть и делала чрезвычайно затруднительным, почти невозможным сопротивление викингам. В первые десятилетия IX в. датчане вместе с норвежцами пиратствовали в Ла-Манше и Бискайском заливе и опустошали западные побережья континента, особенно устья рек. Монахи молились Господу об избавлении их равно от дьявола и от норманнов. Поднимаясь вверх по течению рек Эльбы и Рейна, Луары и Гаронны, северные находники разбойничали в центральных районах германских и французских земель. В середине IX в., поднявшись по течению Сены, викинги взяли и разграбили Париж. Грабили они также побережья Испании, Италии и Северной Африки, особенно Марокко, в 846 г. осадили Рим. Сыновья знаменитого в свое время викинга Рагнара Лоттброка, вошедшего в Париж, Ивар, Хальвдан и Убба, получили позднее известность своими грабежами в Англии. Смена направления грабительских путешествий была обычной для тех викингов, что совершали далекие набеги постоянно.

В результате захватов Карлом Великим саксонских территорий (814) датчане стали непосредственными соседями франков, что принесло обеим сторонам множество дополнительных неприятностей. Ютландия отгородилась от франков мощным валом, а франкскому императору и его преемникам приходилось разными способами «приручать» воинственных соседей. Местные короли стали нанимать отряды скандинавских воинов как для защиты от других викингов, так и для решения своих политических задач. Они натравливали наемников против своих соперников, так что скандинавам нередко приходилось сражаться со своими близкими соседями, даже соплеменниками — вдали от родины, во имя интересов чужих властителей. Одновременно язычников-викингов приобщали к христианской церкви. Наконец, находников допускали на свои земли в качестве вассалов, владевших захваченной территорией на правах лена.

Еще в начале IX в. Харальд Клак положил начало традиции воинской службы представителей знатных ютландских родов во Фризии. Он стал ленником франкского императора, обязавшись охранять границу от набегов. После смерти Харальда на тех же условиях получил в ленное владение Фризию его брат Рорик, который

[21] *Григорий Турский*. III, 3.

обязался получать там торговые сборы в пользу императора и охранять от пиратов (т.е. других викингов) богатый торговый город Дорестадт (Дурстеде). К середине 50-х гг. относятся захваты викингов в бассейнах Сены и Уазы, опустошение ими округов Бордо и Орлеана. Король Карл Лысый, чтобы избавиться от ежегодных набегов скандинавов, которые разоряли восточные и северные части королевства, принял на воинскую службу их предводителей и выделил викингам во главе с Бьерном земли в устье Сены для поселения (853). В конце 50-х — начале 60-х гг. викинги регулярно разоряли Аквитанию, служа Пипину II против Карла Лысого, лишившего его аквитанского престола.

В историю будущей Франции вписал свою яркую страницу норманн Ролло или Роллон. Человек, известный под этим (франко-латинским?) именем, был, как предполагают, Хрольв Пешеход (ок. 860 — ок. 932), не поладивший с королем-объединителем Норвегии Харальдом Прекрасноволосым. С середины 80-х гг. он регулярно грабил разные местности Франции, а в конце этого десятилетия обосновался на нижнем течении Сены, одновременно продолжая грабительские набеги. С начала X в. с ним неоднократно воевал граф Роберт Парижский, разбивший его в 911 г. при Шартре. Но в 911/912 г. при короле Карле Простоватом (898–923) Роллон Пешеход-сын получил от короля в лен территорию (будущей) Нормандии, стал зятем и вассалом короля, крестился и как герцог Роберт Нормандский основал свою династию. Характерно, что во всяком случае до Столетней войны Нормандия была самой политически сильной провинцией на землях франков, сохраняя при этом многие патриархальные традиции (так же как, добавлю, Денло в Англии). Потомком Роллона (незаконным внуком) был тот Вильгельм, которого во Франции прозвали Бастардом и который в середине XI в. стал английским королем, основав там трехсотлетнюю Нормандскую династию.

Из Нормандии викинги начали набеги и захваты территорий в южных областях Италии и в Сицилии (1030–1051), а в начале XII в. образовали там норманнское Сицилийское королевство, вполне христианское.

На континенте, как и в Англии, викинги принимали крещение от местных правителей. В роли крестного отца неоднократно выступал сын Карла Великого император (814) Людовик Благочестивый, крестивший, в частности, Харальда Клака, как обычно — вместе с дружиной и с семьей. Скандинавы охотно принимали крещение, иногда неоднократно, и еще более охотно — ценимое ими белое льняное одеяние, положенное в этом случае. Похоже, что они не придавали серьезное значение самому акту принятия новой веры, поскольку легко нарушали и верность своим крестным отцам, и ее заповеди, долго придерживались языческих верований и представлений.

Очевидно, что в деятельности викингов уже с IX в. произошли существенные перемены. Грабительские наскоки отдельных отрядов на культурные страны продолжались, но главное место получила колонизация богатых территорий. На континенте

оседание отрядов викингов сочеталось со службой местным правителям, прежде всего королям, с которыми устанавливались ленно-вассальные отношения.

В течение эпохи викингов сменилось несколько поколений скандинавских находников, и не все они возвращались на родину. Прославленные морские короли со своими дружинами проводили в походах всю жизнь, а если оседали на дальних землях, то нередко привозили семью и постепенно смешивались с местным населением. Однако, судя по кораблям, изображенным на «ковре из Байё», особенно же — по социальным отношениям в Денло и Нормандии, потомки викингов следовали многим обычаям и устоям своих предков.

Норвежцы в IX в. участвовали в колонизации Британии, сыграли большую роль во Франции и оседали в более патриархальных Северной Шотландии и Ирландии. В последней в 70–80-х гг. IX в. образовалось Норманнское королевство с центром в Дублине, которое просуществовало до первого десятилетия XI в., когда ирландцы освободились от захватчиков. Еще раньше норвежцам удалось ненадолго продвинуться в Северо-Западную Англию (Нортумбрию). С некоторых патриархальных племен викинги взимали дань.

Однако основными приобретениями норвежцев в результате эпохи викингов были пустынные или малозаселенные острова, которые они открывали и заселяли, перевозя туда семьи. Колонизовав ранее открытые Оркнейские и Шетландские острова, норвежцы освоили остров Мэн, Гебридские и Фарерские острова, доходили до Шпицбергена и Ньюфаундленда. Судя по «Саге об оркнейцах», уже в XII в. широкую известность получил оркнейский викинг Свейн сын Аслейва.

В 870-х гг. фарерские норвежцы начали колонизацию обширного острова Исландия — «Ледовой земли». Из Исландии в 80-х гг. X в. они «прыгнули» на остров, который получил название Гренландия. В 986 г. несколько сотен норвежских викингов во главе с Эйриком Рыжим основали там два поселения, которые просуществовали почти 500 лет. Наименование этих островов принадлежит их открывателям. Скандинавы вообще придавали именам и наименованиям большое значение. В «Саге о гренландцах», в частности, говорится, что открыватель этого сурового острова Эйрик назвал его «Зеленой землей» потому, «что людям скорее захочется поехать в страну, если у нее будет хорошее название». И многие исландцы потом поехали туда. В XIII в. в Гренландии было до 250 крестьянских дворов, в которых проживало несколько тысяч жителей. В Малый ледниковый период они потеряли связь с Норвегией и постепенно вымерли. Сын Эйрика Рыжего Лейф примерно около 1000 г. доплыл из Гренландии до Восточного побережья Северной Америки и почему-то назвал новооткрытое место «Винланд»[22]. Поселение скандинавов на «Винной земле» кое-как досуществовало до второй трети XII в.

[22] По поводу этого наименования существуют разные теории: то ли это «Винная земля», то ли «Травяная земля».

Следует отметить, что среди викингов были не только даны, норвежцы, шведы из Смоланда и Гауталанда (Гёталанда). В частности, в поэме «Беовульф» говорится о фризах, которые воевали вместе с гаутами и вместе с ними мародерничали — обирали «богатство с мертвых» (гл. 19, ст. 1210). В дальних походах участвовали также люди из Бьярмланда, населенного финнами и бьярмами побережья Белого моря, из Восточной Балтики[23] и других соседних северных земель, уроженцы которых устраивали самостоятельные походы или присоединялись к отрядам скандинавских викингов. В сагах сохранились имена некоторых из них: Свейди, Фроди, Хаки, Мейти и др.[24]

Об *Исландии* необходимо поговорить особо, ведь именно эта страна — родина исландских саг. Исландия целиком обязана своим открытием и колонизацией эпохе викингов. Располагаясь в северной части Атлантики, на расстоянии 1000 км от материковой Европы, она была, как полагают, открыта в 874 г. предводителем одного из викингских отрядов Ингольвом Арнарсоном, который и зазимовал там, в районе будущего Рейкьявика; впрочем, считается почти доказанным, что норвежцы доплывали туда и раньше, возможно еще в V–VI вв. С последней четверти IX в. началось и заселение «Ледяного острова», само название которого, довольно меткое, дал ему (согласно традиции) сам Ингольв. Он же и раздавал землю следующим переселенцам. Среди них одними из первых были семьи родовой знати, в том числе годи (жрец) Тородд, отец известного Бьярни Премудрого. Как уже говорилось, Исландия нередко служила перевалочным пунктом для дальнейшего продвижения норвежцев в Северную Атлантику.

В основном на остров хлынули люди из Норвегии, гораздо меньше из Швеции и единицы — с Британских островов, так что население острова было и оставалось затем гомогенным. Перечень всех первопоселенцев Исландии, которые имели преимущества при занятии земли, т.е. занимали ее столько, сколько желали (давая одновременно и наименования занятым землям, водоемам и т.п.), содержится, как известно, в уникальном документе — «Книге занятия земли». К 930 г. были заняты и поделены обширные приморские территории, пригодные для проживания. К концу 70-х гг., при норвежском короле Харальде Прекрасноволосом в Исландию переселилось примерно 430 домохозяев. В XI в. на острове проживало всего около 70 тысяч (лично свободных) человек. В конце этого столетия там насчитывалось немногим более 4 тысяч отдельных домохозяйств.

Гористая и болотистая, холодная и почти безлесная, стоящая над большим (атлантическим) разломом земной коры и покрытая гейзерами, действующими вулканами, лавовыми наплывами Исландия была колонизована только вдоль побережий. На ее центральном скальном и ледовом плато вести хозяйство было

[23] КЗ. С. 127, 450–451.
[24] Там же. С. 22–23, 114, 123, 168, 318, 421, 645, 655 и др.

невозможно. Когда пригодные земли на острове были разобраны, последующим переселенцам приходилось их покупать у первопоселенцев.

Уже с момента заселения Исландия была страной хуторов, которыми владели свободные хозяева, распоряжавшиеся своими домочадцами, усадебной землей и делившие пастбища с соседями. Хутора обычно отстояли довольно далеко друг от друга. Земли, пригодной для пашенного земледелия, в Исландии почти не было: 1% освоенной территории. В 930 г. на равнине Тингнвеллир был созван альтинг — общее собрание глав семейств из всех районов страны, ее правящий орган. Это событие считается началом существования независимого исландского политического образования — весьма патриархальной республики, без городов, государственных учреждений и исполнительных органов. На самом деле Исландия зависела от Норвегии, с которой ее связывали происхождение и родственные отношения жителей, а главное — недостаток хлеба и дерева. В 1262 г. Исландия формально отошла к Норвегии[25], и альтинг прекратил свое существование.

Немудрено, что существование в Исландии нередко было сродни подвигу, что подтверждают и саги. Неудивительно и то, что общество, там сложившееся, развивалось несколько более консервативно и в некоторых отношениях иначе, нежели то, которое складывалось в Швеции и, особенно, в Дании, но было весьма близким к обществу на их суровой прародине Норвегии. И что исландцы, углубленные в хмурые повседневные реалии и закаленные ими, становились весьма активными викингами. Но решаюсь также предположить, что именно сложная жизнь на этом взрывном острове, с его длинными и опасными зимами, побуждала потомков первопоселенцев воспевать свое настоящее и прошлое, своих отцов и пращуров в гениальных сагах.

Из предыдущего изложения очевидно, что инициаторами и командирами предприятий викингов чаще всего были члены знатных родов — военной элиты, представители которой имели возможность приобрести корабль и содержать команду. Обычно это были местные вожди или малые короли, а также ярлы; все они опирались в первую очередь на свои дружины. И в первую очередь именно они создавали скандинавские диаспоры и политические образования в Британии и Франции, Южной Италии и Ирландии; и они же получали наибольшую прибыль из награбленного в набегах. В случае организации массированного похода в него вливались общинники в качестве рядовых воинов, образуя ополчение-ледунг и получая свою долю прибыли. С конца X столетия, по мере образования скандинавских государств, все чаще большие походы происходили под командованием королей,

[25] Забегая вперед во времени, напомню, что с заключением Кальмарского договора о союзе трех Скандинавских стран (1380 г.) Исландия отошла под власть датского короля. В течение всего Средневековья она так и не обзавелась городами и собственным государством, и ее внутренняя жизнь отличалась особым консерватизмом.

во флотилии которых отдельные корабли и, соответственно, отряды возглавлялись ярлами и другими представителями военной элиты. Соответственно, теперь именно они извлекли наибольшую выгоду из походов викингов.

Все это были инициативные, воинственные, часто авантюрные люди, пускавшиеся в опасные плавания в поисках наживы и по зову буйной натуры. Но был и другой, вероятно, более редкий тип морестранников — люди, изгнанные или вынужденные уехать с родины в результате совершенных ими преступлений — по судебному приговору или из опасения кровной мести. Такие изгнанники превращались в вечных скитальцев. Иногда они занимались разбоем и творили беззакония неподалеку от родных мест, вызывая ненависть местного населения. Иногда присоединялись к викингам. Но, подобно всем отщепенцам, они неизменно подвергались многим испытаниям, переживали тяжелую судьбу[26].

Викинги и Восточная Европа

Скандинавы были издревле связаны с Восточной Балтикой. Через эти земли прошли в свой многовековый поход готы, и через них же часть готов вернулась на родину. Русские летописи и зарубежные исторические памятники свидетельствуют о том, что в эпоху викингов скандинавские государи и принцы, претенденты на престол нередко искали прибежище в Киеве, столице Древней Руси. Но именно шведам, особенно из Свеаланда, было удобнее всего действовать на Балтии.

Свеи и, особенно, геты — жители будущей *Швеции,* безусловно, принимали активное участие в набегах на западные земли и одновременно боролись за приграничные территории. В конце IX в. король Олав даже захватил богатый датский город Хедебю (Хайтхабю, будущий г. Шлезвиг) и на несколько десятилетий овладел Южной Ютландией. Но обычнее всего они совершали набеги на племена северо-восточного и восточного побережий Балтийского моря, на Приладожье, грабя и облагая данью куршей, кривичей, других северных славян и словен, карелов, финнов и саамов, латгалов, чудь, меря, весь и другие балтские, славянские, угро-финские племена и одновременно торгуя с ними. В набегах на земли Древней Руси, судя по находкам археологов, принимали определенное участие и другие скандинавы, а также балты и финно-угорские находники.

О систематической скандинавской колонизации, известной по другим регионам Европы, в отношении Руси говорить вряд ли приходится. Однако оседлое присутствие скандинавов в некоторых локусах, близких к Балтике, отмечается уже с первых веков новой эры, например в (Рюриковом) Городище. В Старой Ладоге скандинавский состав населения фиксируется уже с VII в. Некоторые находники задерживались среди русичей надолго, их поселения значительно умножились

[26] О таких людях еще будет говориться ниже.

и расширились в эпоху викингов. Восточные скандинавы преобладали и в других поселениях, начиная с VIII — первой половины IX в.: Гнездове, Белоозере, в верховьях Днепра и Волги, где позднее выросли известные русские города. Многие находки скандинавского характера относятся там к VIII и IX вв., но большинство — к X в. Очевидно, что в эпоху викингов на Северо-Восточной Руси сложилась сеть стабильных поселений скандинавов.

Скандинавский характер таких локусов доказывают находки в женских могилах этнически определенных женских украшений, застежек-фибул с характерным звериным узором, в мужских — оружия и культовых предметов. Эти предметы сходны с теми, что обнаруживаются в могильниках островов Готланда и Эланда и района острова Меларен, что позволяет считать эти поселения основанными восточными скандинавами, преимущественно шведами. А их стабильность, расположение и содержание кладов, там найденных, говорят о том, что главным объектом активности восточных скандинавов была торговля. Это была торговля в Восточной Европе и транзитная, через Восточную Европу — с Ближним и Средним Востоком. Как уже отмечалось, эта торговля вообще активизировалась как раз с VIII в., в связи с арабскими завоеваниями побережий Средиземноморья — исторически основного пути связи Европы и Востока. И агентами ее стали главным образом купцы из Восточной Скандинавии.

Узловым пунктом евровосточной торговли с VIII в. стала Старая Ладога, в могильнике которой обнаружено множество скандинавских артефактов. Великий Новгород, сложившийся примерно в X столетии как поселение, затем — город славян, имел предшественника в Рюриковом Городище, расположенном 2 км южнее будущего Новгорода; Городище возникло в середине IX в. или несколько ранее, и археологи обнаружили там множество предметов ремесла, монеты и другие свидетельства присутствия восточных скандинавов. А самое большое количество скандинавских находок, относящихся к эпохе викингов, содержит обширный могильник (свыше 3 тысяч захоронений) Гнездова, раннего городка с IX–XI столетий, расположенного чуть западнее будущего Смоленска.

Проблема трансъевропейской и евразийской торговли в эпоху викингов заслуживает особого исследования хотя бы по причине той огромной роли, которую она играла тогда и сыграла затем в развитии европейского Средневековья. Современному исследователю, который изучает то время, конечно, бросается в глаза почти исключительно большая, международная торговля, которой занимались разъездные купцы, используя в основном водные пути. Благодаря такой торговле складывались особые торгово-ремесленные поселения, которые стали основой многих ранних городов в Северо-Западной Европе и восстановления многих античных городов в Европе Средиземноморской. В данной части можно только обозначить эту роль, подчеркнуть инициативы скандинавов, проложивших пути в Левант и далее на восток через Балтику и Восточную Европу.

Корабли из Балтийского моря могли проникнуть на территорию Восточной Балтики и Руси по десяткам водных путей разного размера, которые по мере дальнейшего продвижения судов перемежались волоками. В IX в. основной путь на Восток шел по Волге, где торговцы попадали в сферу влияния тюркских политических образований: государства Булгар на Средней Волге и Хазарского каганата со столицей в Итиле в нижнем течении реки (каганату многие славянские племена долгое время платили дань). Позднее путь «из варяг в греки» пошел через Днепр. Об активной торговле с Востоком, в том числе Средней Азией, свидетельствуют обнаруженное в кладах VIII–XII столетий великое множество куфических (арабских) серебряных монет и многие драгоценности. Эти клады располагаются как раз на торговых путях из Восточной Балтики к Волге и Днепру, по которым двигались купцы. Нет сомнений, что независимо от назначения схронов их содержимое, в том числе многие тысячи монет, принадлежало купцам-транзитникам. Между 800 и 1020 гг. (особенно в 840–950 гг.) из арабских стран через Русь на Запад, прежде всего на остров Готланд, попало более миллиона дирхемов!

По руническим надписям на ритуальных памятных камнях, которых в Скандинавии сохранилось несколько тысяч, по анналам европейских государств прослеживаются направления и масштабы разъездов викингов. Кроме собственных стран, стран и побережий Балтии, Северного моря и Восточной Атлантики, соседней Фрисландии, Британии, германских, итальянских и французских земель, они совершали путешествия в западнославянское Поморье, закаспийские страны («Серкланд»), Византию, Палестину. Попутно они занимались торговлей. Но главными субъектами ее были профессиональные купцы. Скандинавские купцы в эпоху викингов, опираясь на транзитные пункты в Северо-Западной Руси и великие реки — Волгу, затем Днепр, фактически сформировали евразийский торговый транзит через северные пути, заложив основы *Балтийского торгового региона.*

Но шведы отметились на Руси отнюдь не только благодаря своей торговле. Они сыграли заметную политическую роль в истории Древней Руси.

Согласно известной рукописной традиции, около 860 г. несколько северных славянских и угро-финских племен, уставших от постоянных междоусобиц, пригласили одну из дружин находников, во главе с вождем Рюриком, на «правление» своими землями. Судя по обращению за поддержкой именно к норманнам, можно предположить, что они были тогда уже известны на территории будущей Северо-Западной Руси не только как грабители-находники и торговцы, но и как воины, которых можно использовать в качестве наемников для решения местных проблем. В самом факте опоры на приглашенных зарубежных воинов не было ничего необычного: точно так же поступали в Британии после ухода римских легионов — и не только там, и не только тогда. Действительно ли скандинавов пригласили «править», или их воинственная дружина, наводя порядок, добилась власти силой — не ясно. Но точно известно, что, закрепившись в Новгороде и, позднее, в Киеве, династия

Рюриковичей, смешиваясь с местной знатью, заняла великокняжеский престол Древнерусского государства (ведет отсчет с 882 г.) и просуществовала в России до конца XVI столетия.

Несомненно, что наличие скандинавской династии в значительной мере перестроило поведение скандинавов на Руси. Теперь они предпочитали служить у русских князей в качестве дружинников, которые тогда, как и повсюду, помимо воинской службы исполняли и административные функции: стояли во главе городов, которые являлись центрами отдельных земель, собирали дани для князей. Выполняли их дипломатические поручения. А между тем постепенно роднились с высшими слоями местного населения. Одновременно выстраивались династические браки между великокняжеской семьей Древней Руси и правящими скандинавскими домами. Позднее свою скандинавскую дружину или ее часть русские князья даже (за известную плату) отправляли служить императору Византии, где она встречалась с другими скандинавами, также служившими императору. На снимке одного из византийских барельефов, хранящемся в маленьком историческом музее кафедры археологии Королевского Упсальского университета (в свое время организованном тогдашним главой кафедры, известным проф. Б. Альмгреном), запечатлен воин, держащий под уздцы императорского коня. На нем латы, а на груди — большая скандинавская застежка-фибула. Одновременно скандинавы активно торговали на Руси и через Русь.

Дружинная наемная служба у зарубежных правителей была обычной для скандинавских воинов того времени. Известно, что еще в 1095 г. император Византии Алексей Комнин направил приглашение служить в Константинополе воинам Швеции, Дании и Норвегии, по 1000 (!) человек от каждой страны. В сагах упоминаются служившие в Константинополе («Миклагарде») норвежцы, исландцы и шведы. Шведов на службе в Византии было тогда немало. На территории Швеции, главным образом в Упланде и Седерманланде, сохранилось несколько десятков рунических камней, свидетельствующих о поездках восточных шведов в Византию, службе и гибели там[27].

Различие в восприятии скандинавов на Западе и Востоке Европы убедительно свидетельствует об ощутимом различии там их ролей. В Западной Европе они слыли презренными язычниками, могучими и безжалостными воинами-грабителями, нередко наемниками, а по мере оседания в Англии, Ирландии, Южной Италии и Франции — феодалами и местными правителями, во Франции также вассалами короля. На Руси скандинав-варяг изначально также находник-грабитель. но с последней четверти IX века — князь и родич князей, государственный человек. И на Руси скандинавы, в первую очередь шведы, особенно развернули свою посредническую торговлю. Ею изначально занимались многие викинги, наряду с набегами и грабежом.

[27] Новейшая работа на эту тему: Johansson, 2009.

Но на Руси это была именно профессиональная и крупная, преимущественно морская и речная, трансконтинентальная и евразийская торговля. Думается, что наличие династии Рюриковичей помогало скандинавским купцам в их предприятиях на территории Руси, инициировало и укрепило связи с Византией.

Некоторые итоговые соображения

Здесь не место говорить о значении многообразных деяний викингов для жителей и стран всей Европы. Упомяну лишь о нескольких обстоятельствах.

Походы викингов были, особенно на первых этапах, кровавыми и наносили большой ущерб европейцам, прежде всего жителям прибрежных и поречных районов, у которых находники нередко отнимали их имущество, свободу и саму жизнь. Понятно, что у европейцев язычники и жестокие пираты — норманны вызывали ужас. Историки подробнее всего описывают ужасы эпохи викингов. А научно-популярная литература в художественной форме либо их комментирует, либо, напротив, описывает норманнов в романтическом духе. И то и другое формирует восприятие этой эпохи и самих норманнов, участвует в создании исторической традиции. И только саги, этот уникальный свидетель той сложной эпохи, неизменно удерживаются на грани между этими позициями...

Есть и другая сторона вопроса об *оценке* эпохи викингов в европейской истории. Я имею в виду ее объективную роль в развитии Средневековья в целом. На мой взгляд, эта роль проявилась в целом комплексе сфер и направлений. Так, во-первых, нет сомнений в том, что военно-грабительские набеги норманнов и подчинение ими чужих территорий, подобно всяким агрессивным действиям извне, подталкивали *политическую консолидацию* европейских государств и складывание их оборонительной системы, особенно пограничной. Во-вторых, норманны открыли, освоили и сами заселили ряд новых земель (островов и архипелагов), до того пустынных, в Северной Атлантике и доплыли даже до Северной Америки. Они *открыли новые земли* для европейцев. И в целом странствия викингов расширяли границы освоенной к тому времени Европы, *знания европейцев* о своем континенте и прилегающих островах, *связи* между отдельными регионами континента. В-третьих, торгово-разведывательные мероприятия викингов привели к сохранению (в условиях арабских завоеваний) и стимулировали увеличение объема, географического охвата и содержания товарно-денежного обращения в Европе и между Европой и Востоком, к формированию *Северо-Европейского торгового региона* с его особенностями, а также организации обмена между Северным и Южным торговыми регионами Европы, западной и восточной сферами товарооборота. В-четвертых, полагаю, что викинги пробудили интерес Европы к *Северо-Восточной Атлантике* как политико-стратегическому и экономическому региону, т.е. заложили одну из основ его перехода из периферийного ряда на положение важнейшего объекта приложения общественных сил.

Получается, что своими колонизационно-политическими и торговыми предприятиями викинги способствовали *этнокультурному взаимодействию*, необходимому для развития цивилизации, — взаимодействию, которое в древней и средневековой истории достигалось чаще всего очень жестокими методами.

Хотелось бы высказать еще одно соображение в связи со столетиями походов викингов. Люди Севера были не первым так называемым *«морским народом»*, наводившим ужас на далекие и близкие мирные поселения. Такое общее наименование в свое время получили, например, таинственные находники, отважные и жестокие мореплаватели-пираты, которые в библейские времена, со 2-го тысячелетия до н.э., появлялись из глубин побережий Эгейского моря (как полагают, это были финикийцы). Они грабили прибрежные земли всего Восточного Средиземноморья, в конце концов захватили их и там расселились. Это было время еще первых этапов «растворения» Европы в ближневосточном мире, в границах развития Средиземноморской цивилизации. Походы морских народов — скандинавов подчеркнули значительные новации в мировом цивилизационном пространстве — те, что были начаты Великим переселением народов, крушением Римской империи и Древнего мира в целом. Я имею в виду процесс *перемещения исторического лидерства* к собственно Европе, затем к Западной Европе и, шире, к Североатлантическому миру, процесс, получивший перспективы на столетия вперед.

Что касается роли походов викингов для Скандинавских стран, то для ответа на этот вопрос как раз и необходимо рассмотреть внутреннюю историю северных стран, разобраться в существенных деталях сложных процессов, там происходивших. За конкретными сведениями о связанных с ними событиях, о людях того времени, их образе жизни и обычаях мы и обращаемся к скандинавскому фольклору — и не только к нему.

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ О ВРЕМЕНИ И ЛЮДЯХ: ФОЛЬКЛОР И НЕ ТОЛЬКО

История Скандинавии с начала Средних веков и до конца XIII столетия оставила потомкам источниковое наследие, по объему и разнообразию во много раз уступающее тому, что сохранило от этого периода раннее и уже развившееся Средневековье Западной Европы. Однако это наследие имеет особую ценность. Ведь в Северной Европе Средневековье исторически было первой цивилизацией и, что не менее важно, ее рождение и эволюция происходили медленно, с опозданием. Вследствие этих обстоятельств его истоки оказались хронологически гораздо ближе к современному исследователю европейского прошлого, нежели истоки не только первых, древних цивилизаций, но и Средневековья. Поэтому скандинавские древности являются редкостной и интереснейшей лабораторией, позволяющей увидеть, как происходил один из коренных процессов человеческого общества — переход от родового строя к цивилизации: «как это было».

Предлагаемый краткий общий обзор источников необходим для того, чтобы уяснить характер, объем, возможности, в известном отношении и достоверность того материала, который использован для этого исследования. Речь идет не только о таких специфических литературно-исторических источниках, как саги, но и о так или иначе примыкающих к ним сочинениях мифологического характера, произведениях поэтов-скальдов, житиях и других повествовательных сочинениях, законодательных сводах, а также некоторых материальных свидетельствах.

Но прежде всего — о сагах. Ведь, как уже отмечалось, исключительность саг как исторического источника заключается в том, что при крайней скудости письменных памятников по раннесредневековой истории Скандинавского региона исландские саги несут сведения разного рода о людях и событиях, по многим сторонам жизни северных германцев того времени — сведений часто уникальных, которые отсутствуют в других источниках разного типа.

Счастливым чудом стал тот исторический факт, что на одном из скалистых, вулканических и льдистых островов Северной Атлантики, в неприветливой и скудной Исландии, талантами ее немногочисленного и трудно живущего народа в Средние века были созданы эти великолепные, уникальные литературные произведения — прозаические *сказания-саги* и *стихи поэтов-скальдов*. Саги и скальдическая поэзия не только выразили всю сложность и мощь эпохи викингов, не только наглядно и ярко отразили быт и нравы этой эпохи в самой Скандинавии. Они

нарисовали могучие характеры, талантливую и противоречивую душу скандинавов и обосновали обозначения эпохи викингов как «героической».

Нет сомнений, что саги (подобно эпосу и мифологии) хранят историческую память о культуре родового общества северных германцев, наследие которой в силу сложившихся условий оказалось более сохранным в Исландии, нежели в основных странах региона. И в то же время саги неназойливо отражают тот качественный сдвиг, ту социальную ломку, которую пережили скандинавские гипербореи в эпоху викингов, в ходе и следствиях этой эпохи.

Без этих произведений невозможно ни представить себе, ни описать те столетия скандинавского Средневековья, а как художественные произведения саги и скальдические стихи заняли достойное место в сокровищнице мировой культуры.

Норвежцы, привыкшие к сложным природным условиям Норвегии, начали заселять приморские окраины Исландии примерно с 870 г., побуждаемые к переезду междоусобицами, безземельем и скудостью жизни на родине. В конечном счете это были те же причины, что побуждали викингов отправляться в походы на запад и восток континента. К 930 г. первопоселение («раздел земли», «взятие земли»), как считается, было завершено, и на новой родине сложились правила общежития, преимущественно «вывезенные» из Норвегии. Исландские обычные правовые установления, известные по сагам, базировались на законах Гулатинга — обычного права одной из административно-правовых «четвертей» Норвегии. Соответственно, вскоре после расселения исландцы поделили свою страну на четыре «четверти», каждую со своим судом (аналогии ландов — земель в Скандинавии). Позднее обычаи на острове были, видимо, с одной стороны, как бы несколько «законсервированы», с другой же — видоизменялись под влиянием новых условий. Во всяком случае, судя по тем же сагам, с XI в. различение норвежцев и исландцев стало в Скандинавии общепринятым, но правила общежития, занятия, религия и обычаи оставались общими.

Исландские саги в скандинавской истории и культуре

Можно только гадать, почему создание сказов, как и особое, «скальдическое» стихосложение, приняло массовый характер именно в Исландии. Нельзя сказать, что остров был оторван от остальных районов Скандинавии и других соседей: судя по сагам, родственные, дружеские и служебные связи между исландцами и норвежцами были постоянными. Исландцы посещали пограничные с Норвегией (гетские) территории Швеции, скромнее были связи со свеями, с Данией, но островитяне заезжали и в Англию, и в Ирландию, и на Русь. Возможно, свою роль в литературном творчестве исландцев сыграли долгие, тяжелые зимы. Весьма возможно, что побудительным мотивом послужили непрерывные междоусобицы. Такое предположение

представляется вероятным потому, что основные сюжеты большинства саг — это склоки, драки и судебные процессы, и саги в известном смысле представляют собой и своеобразные средневековые триллеры, и как бы «свидетельские показания», адресованные современникам и потомкам. Возможно, что условия островной жизни побуждали людей самоутверждаться, в частности, и таким путем: фиксируя свою повседневность и тем самым поднимая ее — и свою — значимость.

Так или иначе, но уже с первых шагов IX в. стали создаваться в Исландии сказания (др.-исл. sagur, др.-шв. и др. sagar) не только о королях и героях, но вообще о чем-то заметных людях, семьях и целых родах, что составило особую островную традицию. Потомственные исландцы и сегодня знают свою родословную, нередко ведя ее от первопоселенцев. По мнению авторитетных исследователей, возникла особая «саговая культура» северного общества[28]. Ее наследие глубоко проникло в историческую память скандинавов. Международное сообщество ученых — саговедов более и дольше всего занималось сагами как литературным жанром при изучении фольклора и мифологии. В последние десятилетия усилился интерес к судьбе текстов саг. Но всегда в несравненно меньшей мере проявлялся интерес к сагам как свидетельствам общественной жизни скандинавов в то время, который стал активнее проявляться в последние годы[29].

Многие саги никогда не теряли популярность в Скандинавии, но особенно ценимы они были в эпоху викингов. Одно из многих свидетельств об этом содержится в «Саге об Ингваре Путешественнике». Там рассказывается, в частности, об одном ирландце, попавшем на пороге зимы ко двору шведского короля; король согласился предоставить гостю кров при условии, если тот в течение зимы будет рассказывать саги и развлекать государя и его дружинников. Аналогичную историю (или вариант той же истории) обнаруживаем в «Пряди об исландце-сказителе» (события середины XI в.). Исландец пришел искать покровительство у Харальда Сурового, норвежского конунга; сказал, что знает саги. Король взял его к себе при условии, что тот будет рассказывать саги по первой просьбе королевского окружения. Дружинники расположились к пришельцу, наделили его одеждой, король — оружием. У рассказчика оказалось много работы на Рождество, поскольку тогда часто собирались большие пиры; потом же, как его предупредили, «мало будет времени сидеть и слушать». Исландец особенно волновался, когда рассказывал сагу, видимо им же и составленную, о походах короля Харальда за море. Конунгу сага понравилась, он дал рассказчику «хорошие товары /для торговли?/ и большой толк вышел из этого исландца»[30].

[28] Lönnroth, 1965, 1996.

[29] См., например, материалы сравнительно недавней конференции «The Audience of the sagas». Призыв к ученым перейти от изучения саг в аспектах литературы и лингвистики к их содержанию в отношении политических, религиозных, культурных институтов см. в сб. «From Sagas to Society».

[30] ИСИЭ. С. 534, 535.

Об умелых рассказчиках саг говорится и в других сказах.

Интерес к сагам как к описанию недавнего великого прошлого пережил взлет в XIII в. (об этом — ниже). Новый подъем внимания к сагам произошел в период скандинавского Ренессанса и шведского «великодержавия», в XVI и, особенно, в XVII в., когда в условиях молодых национальных государств, Реформации и борьбы за национальную церковь разработки национальных идей вышли на первый план в гуманитарном сознании скандинавов. Тогда стали модными «готские древности», началось усиленное собирание древних рукописей, поиски предков среди античных героев, стремление увидеть образцы национальных характеров в эпохе викингов, ввести прошлое региона в главные русла общеевропейской истории.

Интерес к прошлому, к «истокам» стал в Скандинавии всеобщим. Саги и другие произведения языческих времен продолжали играть значительную роль в духовном развитии народов Северной Европы, они стали темой трудов многих историков и писателей XVIII — первой половины XIX столетия. Так, в 1737 г. в Швеции вышла книга переводов саг — «Подвиги северных богатырей». Исландская сага XIII в. о Фритьофе Смелом составила основу поэмы шведа Эсайаса Тегнера (1782–1846), сделавшей его знаменитым. Эта поэма, образец героизации и романтизации прошлого, вскоре же была переведена на многие языки, на русский — в начале 40-х гг. XIX в.; некоторые ее идеи стали интересными для поэта И. Бродского в 60-х гг. XX в. Внимание к фольклору эпохи викингов и самой этой эпохе предопределило и взлет археологических исследований в регионе и на соответствующих территориях континента.

В XIX в. успехи археологии и вспомогательных исторических дисциплин вынудили отказаться от скептического отношения к сагам как собраниям художественного вымысла, оценить их информативность намного выше и обратиться к ним теперь как к своего рода универсальному, хотя и не абсолютно надежному, источнику сведений о прошлом скандинавских народов. В прошедшем столетии (в результате взлета гиперкритицитизма) отношение к сагам как источникам сведений стало скептическим. Но со второй половины XX в., да и сегодня историзм саг снова не подвергается сомнению, хотя определенные их сведения и требуют проверки.

Литературная популярность саг сохраняется поныне, притом не только в кругу ученых и не только среди скандинавских читателей. Саги переведены на многие европейские языки, за рубежом изданы их «облегченные» варианты для юношества, по некоторым из них ставятся пьесы, создаются поэмы, романы, повести, кинокартины и мультфильмы. Саги стали составной частью прочной скандинавской идентичности.

Сохранилось большое количество саг, многие из них — в нескольких вариантах. Наличие вариантов большинства саг, даже в записи, — одно из свидетельств обычного для раннесредневековой культуры невнимания к авторству. Для фольклора это явление вообще типично, и большинство фольклорных основ саг анонимны; в лучшем случае, и то очень редко, известны имена некоторых рассказчиков саг. Среди этих сказов есть большие произведения, целые книги, подчас обширные.

Наряду с собственно сагами саговая литература включает так называемые «пряди» (др.-исл. páttr, мн. ч. pœttir). Это небольшие новеллы или сюжетные рассказики, обычно посвященные определенному эпизоду или приключению и «вплетенные» в какую-нибудь сагу; впрочем, связь пряди и вмещающей ее саги не всегда органична.

Саги содержат обширный материал о походах викингов, уточняя и дополняя сведения зарубежных анналов и летописей, особенно потому, что происходят «изнутри» скандинавского общества. И если в точности сведений, сообщаемых ими по поводу отдельных событий, дат и имен можно сомневаться, то общая информация саг о том, как жили скандинавы «у себя дома» и кто из них становился викингом, каким было и как развивалось общество, которое их объединяло, какими были нравы и дух эпохи, — эта информация не только совершенно уникальна, но и адекватна в своей основе. Такой характер информации во многом побудил автора направить на эпоху именно *системный* взгляд.

Эпоха и жанры саг

Саговеды обычно подразделяют саги на несколько групп, в зависимости, главным образом, от сюжета и основных персонажей.

Самая обширная группа — это *родовые саги* или *саги об исландцах.* Родовые саги посвящены истории исландцев в первые столетия их обустройства на острове, особенно в так называемый «первый век народовластия»: 930–1030 гг., либо, по иной классификации, 900–1050 гг. Этот период получил также название *эпоха саг,* поскольку тогда саготворчество происходило наиболее интенсивно. Однако, на мой взгляд, эта хронология не вполне корректна, поскольку выводит за пределы творения саг время их активной записи.

В центре родовой саги и пряди обычно находится какой-либо род, семья или отдельный персонаж, судьба которых прослеживается на довольно широком фоне различных межличностных и прочих отношений. По ходу действия сага называет место проживания своих героев и имена их предков, особенно отца, деда и мать. Описывает характеры и внешность персонажей, наиболее яркие эпизоды их биографии. Знакомит с их образом жизни и бытом, походя — семейными и общественными отношениями. Среди родовых саг немало крупных и весьма содержательных произведений, несущих информацию о людях и событиях, нередко на протяжении нескольких поколений. Например, «Сага о Ньяле», самая большая родовая сага и самая знаменитая из анонимных саг вообще, содержит до 700 личных имен и свыше 400 топонимов — наименований отдельных мест и поселений.

Родовые (да и прочие) саги обычно оценивают (или дают возможность оценить) имущественный и общественный статус главных персонажей: собственность героя и его способность вести хозяйство, воинские умения и личную репутацию, почетные должности, занимаемые им или его родичами, в том числе предками и свояками.

Из этих описаний вырастает человек родовитый, состоятельный или по меньшей мере самодостаточный хозяин, влиятельный, с боевым прошлым или настоящим. Именно такие люди стоят в центре повествований, они-то и «вошли в сагу».

«Войти в сагу», т.е. остаться в исторической памяти, было для скандинава того времени не менее важно, чем после смерти попасть в обитель героев Вальхаллу. Самые большие возможности проявить в обществе свои воинские и другие качества, свои самодостаточность и влияние имели прежде всего родовитые люди, т.е. наследственная родовая знать, а также состоятельная верхушка свободных простолюдинов. Поэтому саги представляют в наибольшей мере и главным образом именно *элиты* своего времени. Понятно, что это обстоятельство затрудняет исследование жизни прочего населения, не говоря уже о представителях маргинальных слоев. Молчаливость саг в этом отношении — один из их недочетов как источников для изучения общественной жизни. Однако для исследователя эпохи викингов в такой избирательности саг заложено и известное достоинство: оно, как мне представляется, в том, что в сагах очень ярко обрисован как раз тóт контингент скандинавского общества, который не только главенствовал в ту эпоху, но, что особенно важно для данной темы, занимал основные позиции в походах викингов. Причем это касается отнюдь не только исландцев и норвежцев, но также шведов и датчан.

Таковы же особенности и *королевских* саг, которые стали создаваться даже раньше других саг — с середины IX в. Они посвящены жизни и деяниям королей, главным образом норвежских, а также шведских и датских, и содержат немало сведений о правителях и жителях сопредельных стран. В королевских сагах речь идет преимущественно о захвате или наследовании престола, объединении страны под властью одного короля, его сражениях, победах и поражениях, его окружении и методах властвования, его смерти и, особенно, похоронах, его восприятии народом и отношениях с соседними странами. Значительная роль в королевских сагах отведена отношению королей к религии и церкви, особенно обильны жизнеописания королей-крестителей. Королевские саги — важнейший источник по политической истории региона, сложению государств, публичной власти и истокам ее институтов в Скандинавии.

В родовых и королевских сагах фигурирует немало общих персонажей, то одинаково, то по-другому пересказываются некоторые особенно памятные эпизоды. В ряде случаев это позволяет уточнять сообщения саг, но иногда и ставит в тупик.

Несколько особняком стоят *«саги о древних временах»*, созданные обычно до IX–X вв.; в их центре — люди, период, события легендарного прошлого. В этих сагах особенно много фантастических элементов, но и они в какой-то мере историчны. К таким произведениям относится самая древняя и наиболее широко известная «Сага о Вёлсунгах», ведущих свое происхождение от легендарного короля Вельсанга, потомка Вельса[31]; в числе ее персонажей Сигурд (ср.: Зигфрид, один из

[31] Вельс — ср.-слав. «скотий бог» Велес.

героев «Песни о Нибелунгах»), который победил и убил страшного дракона Фафнира. Отдельные части этой саги, основанной на сказаниях и, возможно, эпосе, восходят чуть ли не к IV в. «Саги о древних временах» вообще нередко сохраняют фрагменты, относящиеся к эпохе Великого переселения народов. Например, «Сага о Хервёр» хранит воспоминания о битвах между готами и гуннами и содержит множество топонимов тех времен и тех мест, когда и где эти сражения происходили. А шестой, заключительный эпизод этой составной саги содержит перечень древнешведских королей — Инглингов (Ynglinga Attartal), где первые персонажи определенно легендарны.

Эти группы саг, вместе с *епископскими сагами*, в наибольшем мере востребованы историками. Епископские саги, а также «Сагу о Стурлунгах» часто называют «сагами о современности», так как время их сочинения более или менее близко к датам записи; это преимущественно XII–XIII вв. Чаще всего они имели авторов, имена некоторых известны. Выделяют и другие «жанровые группы» саг: *рыцарские, сказочно-мифологические*. Они также интересны для данного исследования: благодаря языческому сознанию скандинавов эпохи викингов мифологические и сказочные сюжеты, легенды, а также видения и поверья, которые содержатся во многих сагах, позволяют составить представление о дохристианских верованиях северных германцев.

Возможна и другая классификация саг: *по времени их создания*. В этом случае в первую группу попадают саги о древних временах и другие, созданные *до середины IX в*. В следующей группе оказываются саги, созданные *в период 850–1100 гг.*: все родовые саги, часть королевских, часть саг о древних временах; это самая большая группа саг. Наконец, в третью группу можно включить саги, созданные *с начала XII в*. Большой интерес представляют саги, которые можно назвать локальными историописаниями: саги о гренландцах, исландцах, фарерцах; они создавались преимущественно в XIII в. и являются авторскими.

В этой книге использовано несколько десятков наиболее содержательных саг и прядей, в том числе самые крупные произведения (см. Приложения). Подавляющее большинство саг *анонимны*. Они были созданы преимущественно в период с рубежа IX–X по рубеж XI–XII столетий, т.е. примерно за два с небольшим века. В числе более чем 70 саг и прядей, которые изучены мною при написании этой книги, свыше 50 восходят к событиям X–XI вв., остальные жидкими ручейками распределяются по IX, XII, рубежу XII–XIII и XIII столетиям.

Появление письменных текстов саг

Итак, в абсолютном большинстве саги долго существовали в вербальной форме, т.е. передавались из уст в уста. Скорее всего, устное бытование саг продолжалось в известной среде и после записи, наряду с рукописным текстом или текстами той

же саги; не случайно многие уже записанные саги вариативны. Причины продолжающейся фольклорной судьбы саг заключались, вероятно, как в безграмотности подавляющего большинства населения, так и в особенностях читательской манеры того времени. Ведь даже Эразм Роттердамский отмечал, что его современники читали только вслух; и тот, кто читал только «глазами», про себя, быстрее чтеца, почитался чудом. Нет оснований полагать, что за несколько столетий до великого гуманиста дело обстояло иначе.

Запись, составление, а также сочинение письменных текстов саг (т.е. появление авторских произведений этого жанра) фиксируется с XII в., что можно связать с распространением латинского алфавита, появлением в Скандинавии ряда ученых-монахов и некоторых монастырей — центров образованности. В середине XII в. появляется первый анонимный трактат по латинской грамматике, который был важен для создания письменного исландского языка. Трактат компилировал материал известных в то время западноевропейских учебников латыни и опирался на традиции латинской грамотности, которую после крещения скандинавы черпали в зарубежных монастырских школах, например в Вестфалии и Англии, и французских университетах.

В самой Скандинавии эти традиции развивали бенедиктинские монастыри. Особенно знаменит исландский монастырь Тингэйрар (Pingéyrar), созданный в 1112 (формально в 1133) г. на «Вечевых Песках». Его немногочисленная братия, всего 5–10 человек, усиленно занималась литературной деятельностью, прежде всего составлением латинских житий святых, которые затем переводились на скандинавские диалекты. Аббат этого монастыря в 80-х гг. создал первую часть «Саги о Сверрире» (1177–1202), при участии самого короля. Одним из известнейших монахов этого монастыря был Одд Мудрый сын Снорри (ум. ок. 1200). Он был причастен и к появлению известной «Саги об Ингваре», которая пришла из Швеции в Исландию и события в которой относятся ко времени короля Норвегии Харальда Сурового, т.е. к первой половине и середине XI в. Запись саги произошла где-то на рубеже XII–XIII вв., затем она была переведена на скандинавские языки. Среди источников сведений, которыми пользовался Одд, сага называет рассказчиков: священника Ислейва, человека по имени Глум Торгейрсон и некоего Торира. С именем Одда Сноррасона связывают и запись (создание?) древнейшей «Саги об Олаве Святом» (конец XII в.).

В 20–30-х гг. XII в. священник Ари Мудрый сын Торгильса Мудрого (1067/68–1148) написал на исландском языке свою «Книгу об исландцах» (Íslendingabók), обнимающую 870–1120 гг. Эта книга имела как более пространную, так и дошедшую до нас краткую редакцию. В 1075–1089 гг. Арии обучался в Ястребиной долине в школе, которую основал священник Тейт (ум. в 1111), сын первого исландского епископа и просветителя Ислейва (1056–1080). А воспитателем его был Халль сын Торарина, который еще юношей служил у короля Олава Святого. Неизвестно, был ли Ари

Торгильссон причастен к монастырю Тингэйрар, но на его рассказы и записи как заслуживающие всяческого доверия ссылаются серьезные люди в «Саге о Фарерцах» (гл. XXVII)[32]. Ари Мудрый принадлежал к знатному роду; его внук Ари Сильный был годи и последним знатным исландцем, о которых повествует содержательная, классическая «Сага о людях из Лососьей Долины». Ари считается основоположником исландского историописания. Именно он впервые употребил этноним «исландцы». Авторитетный писатель и историк Снорри Стурлусон свидетельствует, что священник Ари Мудрый сын Торгильса «был первым здесь в стране, кто записал на северном языке[33] мудрые рассказы, старые и новые», а также установил «счет лет сперва до введения христианства в Исландии, а затем до своего собственного времени... В начале своей книги он писал более всего о заселении Исландии и тамошнем законодательстве», затем — о законоговорителях и сроках пребывания каждого в этой должности. Ари написал о создании альтинга и четырех (правовых) четвертей Исландии, событиях крещения, конунгах Норвегии, Дании и Англии, о многих важных событиях в Исландии, в частности о христианизации страны и череде первых епископов, и, по словам Снорри, «о многом другом». Ари был очень стар и очень мудр, за свою долгую жизнь многое видел и слышал, многое запомнил, имел достойных информаторов — людей «старых и мудрых», да и сам «он был любознателен и памятлив». Поэтому Снорри считает «весь его /Ари/ рассказ (т.е. книгу. — *А.С.*) заслуживающим полного доверия»[34]. (Судя по всему, сам Снорри пользовался полной редакцией этого произведения.)

На латыни создавал свои сочинения Сэмунд сын Сигфуса Мудрого (1056–1133). Он объездил Германию, Францию и Италию, был высокообразован и создал первую историю норвежских королей до смерти Магнуса Доброго.

Из исторических сочинений, в известной мере полезных для данного исследования, следует назвать написанные на латыни книги монаха Теодорика (Theodoricus' mon Hisrotia antique Regina Norwagiensium) и «Историю Норвегии» (Historia Norvegie). Они интересны прежде всего описанием гражданской войны 1130–1240 гг. как своего рода «ключа» к последующей истории норвежского Средневековья.

Из монастыря Тингэйрар вышла и «Сага об Олаве сыне Трюггви», которую составил известный книжник, монах Гуннлауг сын Лейва (ум. 1219); фрагменты этой саги сохранились в составе «Большой саги об Олаве Трюггвасоне». Она, вероятно, служила образцом для последующих жизнеописаний крестителя Норвегии.

Аббат Николас из другого монастыря, Мунка-твера, построенного в 1155 г. на месте хутора Глума, считается автором замечательной «Вига-Глум саги» (запись

[32] ИС II:2. С. 175.

[33] Возможно, здесь имеются в виду норвежский и исландский диалекты, противопоставленные автором «датскому языку» южных и восточных скандинавов, но возможно, что это иное название того же общескандинавского диалекта.

[34] КЗ. С. 10.

1250/52 гг.), примыкающей к биографическим сагам об Эгиле, Гисли, Греттире, Гуннлауге и других героях. Как и «Сага о Хервёр» и некоторые другие мифологические саги, это замечательное произведение еще не переводилось на русский язык.

Основной массив записей саг приходится на XIII столетие. Если в течение XII в. было записано или написано всего несколько саг из изученных мною, то начиная с рубежа XII–XIII и по рубеж XIII–XIV столетий были записаны и написаны десятки саг и прядей, а остальные записывались в XIV в. и позднее. Примерно такие же данные имеются в отношении «саг о древних временах»[35]. Записи производились на латыни — с последующим переводом на местный язык, либо сразу же — на скандинавском (исландско-норвежском) диалекте. Записывали клирики и светские ученые-энциклопедисты, которые были не только знатоками истории страны и фольклора, но также видными поэтами и писателями.

Взрыв интереса скандинавов к своей прошлой истории и культуре с середины XII и в XIII столетии происходил на широком общеисторическом культурном фоне. В Западной Европе это время отмечается взлетом городской жизни и университетского образования. Приобретает популярность светская литература: куртуазная поэзия и «рыцарские романы» в среде рыцарства, «простецкие» стихи вагантов и басни в среде городской. Очень часто оба этих жанра развивались в фольклорной форме. В европейской литературе появляются такие произведения мирового уровня, как «Божественная комедия» Данте, анонимные «Слово о полку Игореве», «Песнь о Роланде» и «Нибелунги», «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха, «Тристан и Изольда» Готфрида Страсбургского, «Роман о Розе»...[36] В ряд этих шедевров встали и исландские саги. Великая «Песнь о Нибелунгах» (сканд. «Нифлунгах»), созданная на рубеже XIII в. и построенная на древних эпических сказаниях германцев, была особенно близка скандинавам, ее герои перекликаются с героями ряда саг и стихов.

В самом Северном регионе в это время укрепились единые государства, сложились и оформлялись сословия, возник строй уже средневековых городов. Развивается историописание — хроники и собственно исторические сочинения. В Дании в XII в. получает известность историк Свен Аггессон, который создал «Краткую историю королей Дании» (80-е гг. XII в.); а в самом начале XIII в. появляется фундаментальная книга «Деяния датчан»; ее автор, монах из обители Сорё — Саксон (или Сакс), по прозванию Грамматик, писал на серебряной латыни и искусно возводил прошлое своего народа к «прародителю европейцев» — древнегреческому легендарному герою Энею. В Дании создается «Роскильдская хроника», в Швеции — «Сигтунские анналы». С XII столетия в Скандинавии формируются библиотеки, складывается язык национальных произведений. С XII–XIII вв. происходит кодификация обычных

[35] Из примерно 30 таких саг и прядей 12 были записаны в течение XIII — начала XIV в., 12 — в XIV и начале XV в., четыре — в XV в. и одна — в XVII в. («Сага о Хромунде Грипссоне») // СОДВ. С. 15–16.

[36] Нет сомнений, что какие-то из них становились достоянием и скандинавской культуры. Известно, в частности, что в 1226 г. по заказу норвежского короля был создан перевод (или вариант) «Тристана и Изольды», вскоре появился и ее исландский вариант.

областных законов Швеции, земских законов Дании и Норвегии. В законодательные кодексы вводятся особые главы о правах церкви и правообязанностях королей.

Очевидно, что результаты походов викингов, которые ощутимо сказались уже на исходе той эпохи, окончательно обнаружились, даже «конденсировались» именно с середины XII и в XIII столетии, притом как в общественной жизни, так и в духовной культуре скандинавов.

Что же касается собственно Исландии, то в середине этого столетия (1262) она уже формально стала частью Норвегии, на многие века потеряв свою политическую самостоятельность[37]. Нажим королей Норвегии на этот остров начался, как следует из саг, гораздо раньше, и нельзя исключить идею, что обращение островитян к своему богатому культурному наследию было своего рода вызовом, проявлением исландского патриотизма.

В общественной жизни Исландии в это время происходили важные события. Если в эпоху викингов приобретение богатств достигалось преимущественно за счет ограбления других земель и народов, после конца этой эпохи накопленная агрессия обратилась внутрь собственной страны, проявилась в междоусобицах, убийствах, ограблении, разделе имущества соотечественников.

Но затяжная политическая сумятица XII–XIII столетий парадоксальным образом сочеталась в Исландии с несомненным культурным подъемом, что выразилось, в частности, в записи и сочинении саг, в создании новых скальдических стихов и исторических сочинений. В культуре Исландии и Норвегии XIII столетия возвышаются три величественные фигуры, рожденные одним знатным исландским родом: эрудиты, историки, писатели, поэты Снорри Стурлусон и его племянники Стурла и Олав Тордарсоны. Они были крупнейшими знатоками языческой культуры, мифологии и легендарных традиций, скальдической поэзии и саг, и во многом именно им обязан XIII в. могучим взлетом духовной жизни северных скандинавов.

Стурлусоны и Тордарсоны в пространстве саги

Три брата Стурлусона — Снорри, Сигхват и Торд, как и их сестра Хельга[38], происходили из знатного и общественно активного рода хёвдингов и лагманов. Братья были хорошо образованными людьми, особенно Снорри. В его доме было собрание книг, которые после смерти жены Снорри поделил между сыновьями[39]. Хорошее образование получили и талантливые сыновья Торда — Стурла и Олав, которые принадлежали к окружению Снорри и многому у него научились.

[37] Исландия обрела самостоятельность в 1945 г.

[38] Хельга дочь Стурлы была замужем за знатным норвежцем Сельмундом, владевшим хутором в Исландии, на Дымном холме.

[39] Сага об исландцах. Гл. 149.

Снорри Стурлусон (1178/79–1241) был весьма значимой личностью. Он дважды избирался лагманом (законоговорителем) Исландии, прослужив на этом посту в общей сложности четыре срока (1215–1218 и 1222–1231 гг.)[40]. Большинство сохранившихся текстов Снорри относятся к 20-м гг. XIII в. Он составил обширную книгу, известную под названием «Круг Земной» (Хеймскрингла), что буквально воспроизводит латинское «Orbis terrarium» и так же связано с представлением о круге: круговороте, «колесе» жизни, всего сущего, окружности горизонта, наконец, дисках Солнца и Луны.

В «Круг Земной» вошли 16 саг о норвежских королях, начиная с легендарных сведений о правителях времен Великого переселения народов, включая эпоху викингов и вплоть до собственного рождения, т.е. конца 70-х гг. XII в. При этом Снорри опирается на уже записанные саги (например, о св. Олаве) и на сведения поэтов-скальдов, включая многие их стихи в тексты своей книги. Он широко использует обильные фольклорные материалы, в том числе родовые легенды, известные правовые и мифологические традиции и, возможно, какие-то зарубежные памятники. Искусно компонуя этот обширный материал, Снорри создает саги, в совершенстве подражая манере фольклорных саг. Он рисует сложную мозаику политической жизни скандинавского Севера, картину постепенного утверждения монархий в Скандинавии. И его книга, подтвержденная археологическими находками, стала важнейшим исходным пунктом для восстановления внутри- и внешнеполитической обстановки на Севере от эпохи викингов и включая период строительства государства.

Сочинение Снорри позволяет выяснить некоторые конкретные обстоятельства борьбы за престол, достижения и удержания власти королями, характера их правления, а также попутно сообщает некоторые факты и характеристики, касающиеся как внутренней жизни всего Скандинавского региона, так и того, что происходило за его ближайшими пределами. Исследователь находит здесь некоторые сведения о строительстве дорог, об упорядочении дани и ее сборе в королевских имениях, о жреческих функциях конунгов, даже о том, что некоторые из них понимали птичий язык (что перекликается с мифами из «Старшей Эдды»). Много пишет Снорри о христианизации Скандинавии, прежде всего о роли в этом процессе королевской инициативы. Самому Снорри близка идея божественного вмешательства, выраженного, например, в виде вещего сна.

Церковь, ко времени Снорри уже утвердившаяся в регионе, преследовала проявления и пропаганду многобожия, но не мешала описывать языческое прошлое. Снорри в полной мере использовал эту возможность, не проявляя при этом явного осуждения язычников. Он особенно внимателен к обстоятельствам смерти и погребения своих персонажей; это традиционно почтительное отношение связано,

[40] Сага об исландцах. Гл. 149. С. 443, прим.

конечно, с представлением о жизни после смерти. Снорри как бы погружается в мир саги. Подкупает его увлеченность прошлым своего народа, которым он гордится, глубокий интерес к нему. Что касается языка и стиля писателя, то они безупречны.

Историк, занятый конкретными фактами и событиями того времени, при сопоставлении сведений Снорри с другими источниками обнаружит в его книге и неточности, и ошибки, и анахронизмы. Самый, возможно, показательный пример этого — рассказ Снорри о феодальных реформах, которые автор приписывает харизматической фигуре исландских саг, норвежскому королю Харальду Прекрасноволосому и которые на самом деле не могли относиться ко времени его правления.

Подобно Саксону Грамматику, Снорри связывает прошлое своего народа с миграцией из Трои, это особенно проявляется в его другой книге — «Младшей Эдде»[41]. Он начинает книгу с того, что «Всемогущий господь вначале создал небо и землю, и все, что к ним относится, а последними он создал двух человек, Адама и Еву, от которых пошли все народы» («Пролог»). Примечательно, что даже эрудит Снорри, вполне разделявший идею божественного творения и вмешательства, не вполне точен как христианин, и это дает представление о степени проникновения скандинавов в Библию в его время. Первую часть этого труда занимает обширное «Видение Гюльви», в котором автор искусно обобщил множество мифов; в результате эта песнь стала уникальным «путеводителем» по скандинавской мифологии. Вторую и третью части книги составляет руководство по языку и метрике скальдической поэзии, изощренный стиль которой в XIII в., видимо, был уже не вполне доступен читателю. Возможно, Снорри участвовал и в составлении родовых саг, во всяком случае, его авторству принято приписывать великолепную «Сагу об Эгиле», знаменитом скальде.

Снорри был убит в собственном доме во время очередного побоища между видными кланами Исландии в сентябре 1241 г., как иногда полагают, не без умысла короля Хакона Старого (1204–1261), а его владения разделили между собой родичи и враги. Гибель писателя описана его племянником Стурлой в обширной «Саге об исландцах» (гл. 151).

В свое время Стурла и его брат Олав Тордарсоны, сыновья видного аристократа и хёвдинга, проходили обучение у своего дяди Снорри. *Олав сын Торда*, по прозванию Белый Скальд (1210/12–1259), прославился как эрудит и лучший поэт своего времени. Его перу принадлежит «Третий грамматический трактат», посвященный стихосложению.

Младший племянник Снорри, *Стурла сын Торда* (1214–1284), в течение 40–50-х гг. контролировал значительную часть Северо-Западной Исландии, в 1251–1252 гг. был законоговорителем. Он активно участвовал в распрях, охвативших тогда

[41] Смысл слова «Эдда» (Edda) неясен. В исландском языке он означает «бабушку матери», т.е. прабабку или, фигурально, «большую древность». Но некоторые предпочитают видеть здесь связь с «одой» (oda), т.е. известным видом торжественного стихотворного произведения. Есть и иные толкования этого слова, например исходящие из его связи с хутором Одди, где Снорри воспитывался.

всю исландскую элиту, а также выступал против власти Норвегии и ее институтов. Однако при этом он ухитрился заключить союз с тем же конунгом Хаконом, обещая ему содействовать в подчинении всей Исландии[42]. А благодаря своим стихам, знанию саг и искусству рассказчика Стурла попал в милость к следующему норвежскому королю — Магнусу Хаконарсону Исправителю Законов (1263–1280), при его дворе стал рыцарем. Вернувшись в Исландию (1271), он получил пост лагмана — теперь уже в качестве наместника короля, и стал именоваться «господин лагман Стурла».

При всем этом, оставаясь поэтом, большим знатоком и рассказчиком стихов, саг, разных устных и письменных текстов своего времени, Стурла стал крупнейшим норвежско-исландским историком. По заказу верхушки победившей партии повстанцев — «берестяников» он создал «Сагу о Хаконе Старом», сохранившуюся в отрывках «Сагу о Магнусе Исправителе Законов» и оригинальную версию «Книги о заселении земли», так называемую «Книгу Стурлы», где описываются события VIII–X вв. Он составил и генеалогический свод исландцев — от первопоселенцев до XI–XIII вв.

Созданная Стурлой в последней трети столетия огромная «Сага об исландцах» — типичная «сага о современности» и вполне может служить «атласом междоусобиц». Автор не заботится о красотах стиля. С грубоватой прямотой и откровенностью, натуралистично, подробно, явно стремясь к полной достоверности событий и их деталей, он рассказывает о жестокой и длительной вооруженной борьбе между двумя могущественными кланами исландской знати в условиях надвигающегося господства норвежского короля. Свое изложение он начинает с 1187 г. и доводит до зимы 1264/65 г. Стурла лично участвовал в этой борьбе и включил себя в число ее персонажей, ведя повествование от третьего лица. Эта книга — уникальный по выразительности текст, раскрывающий накал, парадоксы, трагедию междоусобицы, с ее яростью, жертвами, верностью и предательством. Наряду с враждующими мужчинами в борьбу включаются их жены и дети, нередко участвующие в схватках; причем теперь уже не принимается во внимание принцип эпохи викингов — не убивать детей, равно как и принцип неприкосновенности жилища и женщины. Сага содержит немало попутных сведений бытового характера, бесценных для историка повседневности. Материалы о первых десятилетиях междоусобиц Стурла, по его словам, почерпнул в разговорах со своим отцом Тордом[43].

Таким образом, действительность побудила и Снорри, и Стурлу посвятить свои саги политической истории. Но если Снорри, рассказывая о далеком прошлом, все же находит возможности для известной героизации своих персонажей, чтобы придать жестокой личной борьбе некий общий смысл и проявления романтики, нередко и эпическое звучание, то Стурла отказывается от любого

[42] Сага об исландцах. Гл. 92, 139.
[43] Там же. Гл. 23.

проявления романтики. Даже описание родственных отношений и свадеб он заменяет краткой информацией о родстве, свойстве, иных связях союзников — как бы «ставит читателя в известность», чтобы прояснить расстановку сил. Он безжалостно вскрывает сугубо корыстные мотивы групп знати, соперничавших из-за власти, территорий и имений, и не ищет оправданий всеобщему ожесточению. Как и Снорри, Стурла включает в свои сочинения стихи, собственные и брата Олава Белого Скальда.

Загадки саг

При изучении саг возникает немало вопросов и предположений. Один вопрос касается авторства саг, другой — их хронологии, еще один — формы бытования саг, особый — степени достоверности сообщаемых ими сведений; и все эти важные вопросы неразрывно связаны между собой.

Те события, которые легли в основу саг, обычно служат ориентиром для определения истоков саги, ее первоначального образа и обстоятельств создания. И при этом сага могла создаваться как по следам событий, так и много позднее их, как участником события, так и со слов очевидцев или потомков очевидцев, а также иных свидетельств. Например, известно (и об этом говорил, в частности, сам Снорри), что некоторые саги создавались по мотивам скальдических стихов, как, например, «Сага о Названых Братьях», временами буквально повторяющая текст одного из них. Иногда позднейший автор сочинял или компилировал сагу, время действия которой относится к далекому прошлому. Так было, например, с «Сагой о Хальвдане Эйнстейнссоне», автор которой в XIII в. описывает события до 850 г., притом на основе явно неких литературных источников. Аналогична ситуация с «Сагой о Стурлауге Трудолюбивом Ингольвссоне», сыне богатого знатного норвежца Ингольва, одного из первопоселенцев в Исландии. Сага описывает события второй половины IX в., но создана около 1300 г., включает множество сказочных элементов и также основана преимущественно на литературных источниках. Однако она включает детальную характеристику внешности и характера Стурлауга, что подразумевает наличие и фольклорной основы[44]. Эти случаи не вполне типичны, поскольку в подавляющем большинстве записи саг опирались на фольклорную основу, современную описываемым событиям или составленную непосредственно после них. Обычный *разрыв* между созданием фольклорной основы саги и ее фиксацией путем записи, т.е. перевода из вербальной в письменную форму, включал не менее двух поколений: рассказчик(и) и слушатель(ли)-записыватель(и). Но если фольклорная основа саги возникала в ходе событий эпохи викингов, ее бытование

[44] Предположения относительно происхождения Стурлауга и времени описываемых в саге событий см.: СОДВ. С. 173, прим. 12.

до записи могло продолжаться несколько столетий, путем неоднократной передачи из уст в уста[45].

Так что же происходило с сагой в течение ее существования в устной форме? Насколько и как она могла видоизменяться — и изменялась ли? Какую роль в биографии саги играли те, кто ее записывал, компилировал, редактировал? На какие образцы они опирались? И в какой мере эти последние люди могут являться сочинителями, или соавторами, или создателями саги — из отдельных «кусков» и преданий? Иначе говоря, в конечном счете основная дискуссия вокруг саг сводилась и сводится к их *авторству* и *достоверности*.

Бесконечные споры о происхождении, точнее, об *авторстве саг* ведутся уже два столетия. Исландские ученые во второй четверти XIX в. сформулировали так называемую *«теорию книжной прозы»*. Они считали, что именно записыватели саг, имея дело с бесформенной и противоречивой традицией, придавали текстам форму саги и, таким образом, являлись авторами этих произведений. В XX столетии дискуссия продолжалась, но немецкие и скандинавские ученые выработали *«теорию свободной прозы»*, т.е. полагали записавшего сагу человека не ее автором, а только «фиксатором», как бы «издателем» произведения, имевшего твердую фольклорную традицию. Последней теории придерживаются видные отечественные ученые — исследователь европейского фольклора Е.М. Мелетинский и скандинавист А.Я. Гуревич, а основатель отечественного саговедения М.И. Стеблин-Каменский полагал, что сага была все же записью твердой устной традиции, *опосредованной,* в известной мере (редакторски?) доработанной теми, кто ее записывал, проявляя тем самым *«неосознанное авторство»*. В полной мере определить соотношение устной традиции и вклада записывающего лица (компилятора, переписчика и т.д.), как и меры изменений фольклорного текста до его записи, невозможно и по сей день.

Еще большие сложности возникают в вопросе об *исторической достоверности саг* — кто бы ни являлся их автором. Разброс мнений в последние два столетия был велик: от полного отрицания достоверности саг до абсолютного доверия ко всем их сведениям, как набору неоспоримых фактов и положений, удержанных цепкой памятью и стойкими традициями народа. В первой половине XX в., по мере развития интереса к социально-экономическим исследованиям, доверие к сообщениям саг пошатнулось, вплоть до гиперкритического отношения к их материалу[46]. Во второй половине столетия скандинавские историки были склонны относить многие

[45] Вот некоторые примеры разрыва между временем событий, описываемых в саге, и временем ее записи. «Сага о Курином Торире»: сюжет второй половины X в., запись сделана в 1250–1270 гг. «Сага о Названых Братьях»: сюжет первой трети XI в., запись сделана в первой трети XIII в. «Сага о Хальвдане Черном» (ум. ок. 861): события первой половины IX в., письменный текст создан Снорри в конце XII в. «Сага о Торстейне Белом»: сюжет середины X в., запись сделана в конце XIII — первой половине XIV в. «Сага о Снэбьерне Борове»: генеалогическая первооснова — родовые предания, которые относятся к X в.; запись сделана Стурлой во второй половине XIII в. Подробнее см.: Справка (Приложения).

[46] Дж. Йоханессон вообще считает все сведения саг вымыслом (Johanesson, 1974).

сведения саг преимущественно ко времени их записи. Однако неуклонные успехи археологии и многих специальных исторических дисциплин заставили скептиков усомниться в своей правоте. Подтверждены целые пласты информации, содержащейся не только в сагах, но и в высказываниях о скандинавах Тацита, сделанных за сотни лет до саг, к тому же людьми совсем иного мира.

М.И. Стеблин-Каменский пришел к заключению о *«синкретической правде»* саг: слиянию в них правды исторической и художественной вследствие особого психологического свойства скандинавов — и авторов, и слушателей саг, — которые стремились к точному описанию действительности. Ученый имел для такого вывода известные основания: ведь для исландца не было большего греха, чем умышленное искажение правды. Особенно достоверными считались — как бы по определению — рассказы очевидцев. Стремление к *правде факта*, свойственное тогдашним скандинавам, — явление психологического характера, и его важно понять и оценить: ведь им определялись мотивы поведения авторов и рассказчиков саг. Но неумышленные искажения были возможны и наверняка имели место при неоднократных пересказах саг. К тому же не исключено, что творцы письменного текста, работавшие уже в иную эпоху, не были столь корректными в отношении к правде и вымыслу.

В «Саге об Ингваре Путешественнике», записанной не ранее XIII в., упоминается некий Ицлейв, который утверждал, что слышал сагу об Ингваре от какого-то купца, который, по его словам, «взял» сагу при дворе конунга Свитьода, т.е. государя свеев. В другом месте говорится, что «Глум взял [сагу] от своего отца»[47]. В заключительной части саги ее анонимный автор — клирик, скорее всего записыватель, компилятор или переводчик — пишет: «А мы слышали, как рассказывали эту сагу и записали ее на основе древних сказаний тех книг, которые монах Одд Мудрый велел сложить по рассказам мудрых людей». Далее написано, что монах Одд сам слушал рассказчиков этой саги — и священников, и купца, и других уважаемых людей, имена которых он называет и которые, в свою очередь, слышали эту сагу то при королевском дворе, то от старших сородичей. «А те, кто считают, что они знают [сагу] лучше, пусть исправят там, где чего-то недостает» (!)[48]

Текст этого произведения и его сопоставление с вероятной фольклорной основой особенно интересны тем, что раскрывают механизм движения саги: через длительное бытование в вербальной форме — к ее записи или записям. Не подлежит сомнению, что в каких-то случаях могло быть несколько как устных вариантов, так и записей. Что в процессе записи отбирались некие «лучшие» варианты, либо текст составлялся из отдельных частей рассказа/рассказов, либо привлекались некие побочные сказы, либо компилятор что-то добавлял от себя; в результате оттенки, объем и само содержание записи могли в разной степени варьироваться. Что затем,

[47] Сага об Ингваре. С. 271.
[48] Там же. С. 141–142.

при дальнейших переписываниях текст могли исправить «те, кто считают, что они знают [сагу] лучше». Такие предположения подтверждаются наличием вариантов письменных текстов.

В «Прологе» к своей «Хеймскрингле» Снорри пишет: «В этой книге я велел записать[49] древние рассказы о правителях, которые были в Северных Странах и говорили на датском языке[50], как я их слышал от мудрых людей, а также некоторых из родословных, как они были мне рассказаны. Кое-что взято из перечней, в которых конунги и другие знатные люди перечисляют своих предков, а кое-что из древних стихов и песней[51], которые исполнялись людям на забаву. *И хотя сами мы не знаем, правда ли эти рассказы, но мы знаем точно, что мудрые люди древности считали их правдой*» (курсив мой. — *А.С.*). Итак, Снорри, как и автор «Саги о Ингваре Путешественнике», опирается на рассказы «мудрых людей древности» и «древние рассказы». Эти ссылки на авторитеты и давность сведений, вполне привычные в Средние века, в данном случае должны быть приняты во внимание не только как прием или фигура речи. Ведь в повествовательном произведении типа саги это не что иное, как опора на традицию и историческую память народа.

Но не только рассказы использует Снорри: как истинный историк, он привлекает письменные тексты, в частности историческое сочинение Ари Мудрого, источники сведений которого он называет, а также родословия королевских и знатных родов; он опирается на скальдические стихи и эпические песни; принимает советы мудрых консультантов. В частности, он использовал песнь Тьодольва из Хвина, который был скальдом норвежского короля Харальда Прекрасноволосого (последняя треть IX — первая треть X в.) и составил «Перечень Инглингов». Снорри использовал также произведения скальда Эйвинда Финнсона Погубителя Скальдов (ум. ок. 990): «Перечень Халейгов»[52] и поминальную песнь «Речи Хакона» в честь короля Хакона Доброго (ум. ок. 960). Дополнив тексты скальдов Тьодольва и Эйвинда словами «мудрых людей», Снорри и создал свою «Сагу об Инглингах» — первой королевской династии Швеции и Норвегии.

Тот же Снорри уверенно заявляет, что, например, скальды не могли искажать события и оценки, поскольку они произносили свои творения перед людьми, которые хорошо знали, о чем идет речь. Имеется в виду, что даже излишняя хвала была бы для них обидной: ведь она как бы ставила под сомнение величие истинных заслуг; о хуле же и говорить не приходится. Это относится и к сагам: явные искажения могли быть рискованными.

[49] Неясно, диктовал ли Снорри, как и монах Одд Мудрый, и другие книжники того времени, тексты своих трудов писцам или поручил кому-либо из доверенных грамотных людей систематизировать и записать те сведения, которыми он располагал.

[50] Имеется в виду общий для тогдашних скандинавов диалект. Как говорилось ранее, в Европе данами называли всех норманнов, во всяком случае до конца XI в.

[51] Напоминаю: «песнь», но никак не «песня».

[52] Речь идет об одном из норвежских племен.

Несомненно, что устная традиция сохраняла основные имена, события и их оценки, ведь не только современники произведения, но и их прямые потомки не потерпели бы заметного искажения смысла. Саги хранят память о методах захвата власти, о репутации отдельных правителей и, разумеется, о религии. Уже с середины XX столетия даже самые серьезные критики текстов саг пришли к заключению, что сагам можно доверять во многих важных случаях. Например, саги достаточно точны, если речь идет о генеалогии родов, топонимах, о судьбоносных битвах, о брачных и семейных отношениях, судебных процедурах, материальной жизни, бытовых нормах и обрядах, о нравах и примечательных судебных прецедентах[53]. Для меня особенно большое значение имеет достоверность обычно отрывочных, попутных сведений о быте и обычаях, чего так не хватает в источниках других типов.

Сельский быт и его психологическая наполненность вообще изменялись медленно, особенно в Средние века и особенно на патриархальном Севере. Сравнение материалов саг и более поздних источников подтверждает живучесть бытовых обычаев, представлений и верований, связанных, например, с почтительным отношением к богатству, труду и трудовым умениям, с брачными и семейными установлениями, с правообязанностями членов семьи, слуг и соседей, а также стойкое уважение к обычному праву, оружию и боевой славе. Таким образом, саги, без сомнения, содержат обширную объективную информацию, в том числе историко-культурного характера. И эта информация уникальна — при том, что для получения некой цельной картины ее детали приходится собирать буквально по крупицам.

Однако роль тех, кто фиксировал саги, создавая тексты путем записи разных историй с чьих-то слов, компилировал разные рассказы или рассказы одной истории разными людьми или составлял саги из отдельных событийных отрывков, как мне представляется, не ограничивалась механическим перенесением устного рассказа или рассказов на писчий материал. Это была творческая работа, тем более сложная ввиду определенных различий между авторами или слушателями фольклорной, в большинстве своем языческой основы саг, с одной стороны, и авторами/компиляторами и слушателями письменных текстов, обычно христианами, — с другой.

Составители письменных текстов нередко выражали свое отношение к тексту, к его содержанию. Особенно явно это происходило, к примеру, когда составитель-христианин записывал эпизоды, связанные с языческими обычаями. Описывая их, творцы письменного текста саг старались хотя бы формально, за счет неких оговорок, дистанцироваться от этих обычаев; но при этом они признавали живучесть таких обычаев и после крещения и, судя по всему, сохраняли объективность при описании «старой веры». Яркий пример — «Сага о Ньяле»: там содержится описание альтинга 999/1000 г., где исландцы согласились принять новую веру, а также сведения о путях привнесения христианской веры на Европейский Север

[53] О дискуссии и положительных оценках достоверности саг см., например: Listöl, 1930; Nordal, 1957 и др.

(гл. C–CV). Именно благодаря такому историческому подходу составителей саг мы многое узнаем как о скандинавском язычестве, так и о процессе христианизации в Скандинавии. В этих случаях автор или составитель саги вписывал в текст извинительную формулу типа: «Тогда христианство было еще молодым и не очень ладным и потому...»

В связи с язычеством обращает на себя внимание и другое обстоятельство. Зафиксированный в тексте Адама Бременского и некоторыми изображениями рунических камней обычай человеческих жертвоприношений обойден сагами, хотя о жертвенных животных и жертвенной крови в сагах говорится. В связи с этим можно высказать два предположения. Так, возможно, что в данном случае христиане — авторы письменных текстов не могли переступить через эту роковую грань, через это коренное различие культур, которое отделяло их от авторов фольклорной основы саг, и вывели мотив человеческих жертвоприношений за пределы письменных текстов. Но, скорее всего, уже по меньшей мере с XI в., т.е. после массовой христианизации скандинавов, этот обычай отошел в прошлое, и упор борьбы «передвинулся» на употребление конины.

Иной пример — подход к язычеству в «Саге об Ингваре Путешественнике», о которой речь уже шла выше. События этой саги относятся к 30-м — началу 40-х гг. XI в., когда все Скандинавские страны уже приняли крещение, но язычество было еще очень влиятельным. Герой саги Ингвар Акасон, родич шведского короля, в свое путешествие «на восток», через Русь, где он пробыл будто бы три года, повел целых 30 кораблей. Это путешествие и имена некоторых спутников Ингвара подтверждены двадцатью руническими надписями того времени, обнаруженными на памятниках в Средней Швеции (район озера Меларен), что само по себе большая редкость — и везение для исследователей. Однако имена не вполне совпадают, а сведения о пребывании Ингвара на службе при дворе великого князя Ярослава Мудрого и связанные с сыном Ингвара эпизоды, вероятно, вымыслы компилятора саги; к тому же последний, скорее всего клирик, человек иного времени и преданный христианин, ввел в сагу резкие выпады против язычников, которые приписал героям саги.

Поправки же, сделанные составителями письменного текста саг в связи с менее щекотливыми обстоятельствами, заметить уже почти невозможно. Бывает нелегко заметить и те изменения, которые вносит составитель в социальные и правовые оценки, исходя из отношений и пониманий, свойственных уже его собственному, т.е. более позднему времени.

Таким образом, очевидно, что саги как исторический источник очень содержательны, интересны, но и весьма специфичны.

Так, хотя саги — произведения литературные, но их основа — история, будь то история человека, рода или битвы. Отсюда общее свойство саг — их *органичный историзм*.

Далее. Основное внимание саг привлекают индивидуальные человеческие судьбы и их переплетение на фоне событий разного характера, от узкосемейных и соседских — до масштабов страны и выхода за ее пределы. В сагах преобладает интерес к конкретным людям, события выглядят как результат в разной мере осознанной деятельности персонажей или их инициативы. Такой подход делает саги совершенно незаменимым источником по теме, которая интересует автора этой книги, — теме повседневной жизни скандинавов и их менталитета в период, который сами скандинавы оценивают как «героический».

Центральной фигурой саг является знатный или незнатный, но свободный, самостоятельный и самодостаточный хозяин дома, имущества, семьи, некой территории и, обязательно, воин. В сагах мало тем и фигур из городской жизни, что объясняется преимущественно происхождением этих произведений из лишенной городов Исландии, а невнимание саг к темам и персонажам монастырской жизни — хронологией фольклорной основы саг, создаваемой преимущественно до появления в регионе монастырей. При всех условиях родовые саги обнаруживают отсутствие внимания ко всему, что выходит за пределы достаточно сложной сельской среды, жизненных интересов бондов-воинов разного социального статуса, а королевские — к тому, что выходит за пределы политической истории. Таким образом, круг вопросов, достаточно полные ответы, на которые можно найти в сагах, ограничен. Но зато особенно выпукло выступают особенности сельской среды, жизни, поведения и представлений элиты, будь то родовая знать или верхушка незнатных хозяев, среды *автономной* и *самоорганизующейся* — основной среды викингов.

Достоверность саг в отношении отдельных элементов, конкретных фактов и дат важна для историка. Но эта книга задумана так, что автору важнее всего понять и представить себе — сквозь содержание исторической памяти скандинавов по поводу людей и событий эпохи викингов — нравственный и физический облик человека того времени и общей обстановки, в которой проходила его жизнь. Как, что, кого, каким образом, почему саги отражают, закрепляют, фиксируют в народном сознании, какие черты образа жизни, институтов, менталитета, отдельных личностей эпохи викингов, да и самой этой эпохи остаются в исторической памяти скандинавов? На эти вопросы саги вполне позволяют дать убедительный ответ.

Содержание саг, складываясь из устной традиции и работы составителей письменных текстов, создавалось на протяжении многих столетий — с VIII–IX и по XIII–XIV вв. Такое длительное бытование саг в качестве одного из центральных элементов скандинавской духовной культуры позволяет оперировать сравнительным материалом на протяжении почти всего этого периода, т.е. рассматривать его в целом, в системе, выделяя принципиально значимые типологические черты, свойственные цивилизации именно этого региона.

Нельзя не порадоваться и необыкновенной географической широте, свойственной исландским сагам. Они содержат в разной мере обильные сведения по

Исландии, Норвегии и Швеции, в меньшей мере по Дании; они «заглядывают» на острова Северной Атлантики, в Англию и Ирландию, на Русь и в Византию, во Францию и в Палестину, к финнам, западным славянам и прибалтам. Включая множество сведений по всему скандинавскому сообществу, рисуя жизнь скандинавов в регионально-типологическом единстве (что, отметим, отразилось в отношении к сагам *всех* скандинавов), саги в то же время обнаруживают обширные международные связи этого региона, которые именно в эпоху викингов позволили людям далекого Севера войти в общеевропейское средневековое сообщество.

Конечно, особенности жизни в Исландии и Норвегии не вполне допустимо считать общескандинавскими. Поэтому автор привлекает материалы, относящиеся к другим странам региона. Благодаря всему их комплексу удается получить общерегиональную картину, в которой различия обстоятельств и уровней развития отдельных стран и областей уступают по значимости этой общей картине; и это корректно, во всяком случае в отношении изучаемой эпохи.

Изобразительные особенности саг

Стоит сказать несколько слов об особенностях саг как литературных произведений. Прежде всего, и это, наверное, главная их черта, саги очень динамичны. Они строятся почти исключительно на действии, а поскольку их действия в основном состоят из схваток, побоищ, судебных разборок и не всегда мирных пиров, то — я здесь повторюсь — многие саги можно назвать «средневековым триллером». Диалоги там редки и вряд ли достоверны, что понятно: ведь устной памяти их невозможно сохранить неприкосновенными в течение столетий.

Герои саг были немногословными, но очень ценили беседу. Нередко сватовство решалось в результате того, что молодые люди, ранее не знавшие друг друга, между собой «разговаривали весь день» или в течение нескольких часов. Если супруги живут мирно, но между ними нет любви, сага замечает: «Они мало разговаривают друг с другом». Разговор, договоренность, умение убедительно, толково говорить высоко ценились во время судебных разбирательств, дипломатических переговоров и в частной жизни людей. Имеющиеся диалоги, пусть и вставленные в сагу одним из рассказчиков или авторов-компиляторов, дают представление о культуре речи скандинава: речи то любезной, то язвительной, обычно краткой, очень точной, выразительной и откровенной. Речевая этикетность в сагах закрепляется и дополняется некоторыми ментальными клише, очевидными при описании героев сказания или битвы. Скорее всего, эти свойства сформировались в период устного бытования саг.

Саги построены в конечном счете по единому стереотипу. Это прежде всего обстоятельные, неспешные повествования о том, «как оно было»; их ритм подчиняет читателя. Рассказ об эпизоде, судьбе человека или нескольких поколений одного рода в обязательном порядке включает описание как событий, так и персонажей.

Характеристики персонажей, особенно когда сага рисует образ некоего лица, «складываются» из происхождения, внешности, воспитания, характера и привычек данного персонажа; после такой характеристики действия героя саги выглядят вполне логичными, они соответствуют его образу. Характерно, что саги ничего не говорят об обстоятельствах рождения даже главных героев, но почти обязательно — об обстоятельствах их смерти.

Пейзаж не играет в сагах самостоятельной роли, он описывается, точнее, упоминается только по мере надобности для развития сюжета: например, далеко ли ехали (или придется ехать) и какие препятствия преодолели (или предстоит преодолеть) персонажам саги. В «Саге о Фритьофе Смелом» (гл. XIII) имеется эпизод, который включает описание красот местной природы и приглашение, обращенное к видному гостю, — поехать в лес и «полюбоваться прекрасными местами». Этот эпизод уникален в своем роде и, скорее всего, является позднейшей вставкой.

О чувствах героев почти никогда специально не говорится, и судить об их переживаниях обычно приходится только на основании скупых диалогов, но более всего — действий, которые они совершают. В той же (поздней) «Саге о Фритьофе» взаимная симпатия дочери малого короля Ингеборг и Фритьофа отражена в следующем диалоге. «Ингеборг сказала ему. — У тебя хорошее золотое кольцо. Он ответил. — Верно это». И все ясно обоим! О перипетиях любви — между мужчиной и женщиной, супружеской, братской, родительской, между друзьями, воспитателем и воспитанником — саги говорят немногословно, но не так мало, как принято считать. А некоторые саги включают эпизоды и даже целые повествования, достойные стать основой любовного романа.

Интересен язык саг. Эти рассказы велись и чаще всего записывались на разговорном народном языке, типологически удивительно сходном со сказами крестьянства Русского Севера. Это обстоятельство учтено большинством наших отечественных переводчиков саг с древнеисландского на русский язык.

Конечно, такая особенность формирования саг, как длительное бытование в устной форме до записи, и дает возможность (наряду с известной консервативностью скандинавской общественной динамики в Средние века) выделять и рассматривать в контексте единого протяженного времени период с начала эпохи викингов и до второй половины XIII в.

Интерес к сагам в России

Первые публикации саг в России предпринимались еще к XIX в., но основной массив переводов последовал с XX в. Издание «Саги о Вёлсунгах» Б.И. Ярхо (1935) стало своего рода эталоном перевода на русский язык разговорного языка саг. Интерес отечественных ученых и читающей публики к сагам особенно расширился с середины прошлого века и резюмировался в складывании отечественной школы

саговедов. Она возникла как школа скандинавистов-филологов, основное внимание которых привлекали саги как литературные произведения.

Основатель школы отечественных саговедов, крупнейший филолог-германист петербуржец М.И. Стеблин-Каменский, глубокий знаток скандинавских языков, издал первый комментированный сборник современных переводов исландских саг, куда вошли четыре крупных сказания, из числа наиболее интересных и содержательных родовых саг (ИС 1, 1956): «Сага о Гуннлауге Змеином Языке», «Сага об Эгиле», «Сага о людях из Лаксдаля» (в настоящее время принято давать перевод названия местности: «Лососья Долина») и «Сага о Ньяле». Вскоре под его же редакцией вышла еще одна подборка исландских саг (в ИСИЭ, 1973), а также нескольких прядей; и здесь же снова опубликована самая сильная и содержательная исландская родовая сага — «Сага о Ньяле», которая, как и некоторые другие саги, затем вводилась и в последующие сборники переводов саг. Вскоре под редакцией М.И. Стеблина-Каменского и с участием А.Я. Гуревича вышла «Сага о Греттире» (1976), столь же обширная, как саги о Ньяле и Эгиле; и почти одновременно увидело свет замечательное произведение Снорри Стурлусона «Круг Земной» (КЗ, 1980).

В двух последних изданиях деятельно участвовала О.А. Смирницкая, глава московских, а ныне российских саговедов-филологов. Чуть позднее под руководством О.А. Смирницкой выходит перевод «Саги о Сверрире» (1988) и несколько подборок переводов других саг. Прежде всего, это книга «Корни Иггдрасиля» (КИ, 1997), где наряду с сагами помещены мифологические (в переводе В. Тихомирова) и героические (в переводе В. Тихомирова, И.М. Дьяконова и Б. Ярхо) песни и некоторые стихи поэтов-скальдов (в переводе С. Петрова и О. Смирницкой). Самостоятельную ценность представляет помещенная там статья О.А. Смирницкой, сочетающая литературный и исторический подход к публикуемым материалам. Почти одновременно вышел подготовленный ею же двухтомник «Исландские саги» (ИС. 1999/1, 2). А в переводах и с комментариями Е.А. Гуревич увидели свет «Пряди об исландцах» (КИ) и некоторые другие пряди.

Начало нынешнего столетия ознаменовано двумя обширными собраниями переводов саг и других литературных памятников средневековой Исландии, подготовленных А.В. Циммерлингом и с его блестящими обширными комментариями, в том числе исторического характера (ИС II:1, 2. 2000, 2004), а вскоре — его же изданием «Саги об исландцах» Стурлы Тордарсона (2007).

Благодаря напряженной работе этих замечательных филологов и лингвистов на русский язык переведено и откомментировано большинство наиболее содержательных исландских саг. Переводы такого рода — основательная база для собственно исторического анализа.

Из ожидающих своей очереди на перевод — замечательная «Вига-Глум сага» — сага-биография, близкая к сагам о Гисли, Греттире, Эгиле или Гуннлауге. Она записана в середине XIII в. и была издана на древнеисландском языке под редакцией

Г. Турвиль-Питера (1960, VGS). Также интерес для данного исследования представляют мифологические саги; одну их подборку (Hervarar saga ok Heidreks) опубликовал на языке оригинала как «Сказание о мече Тюрфинге» И. Шаровольский (1906). Я воспользовалась более полной их публикацией, которую осуществил Л. Леннрут в переводе на шведский язык, хотя и с минимальными комментариями (1995, IMS). Эта подборка, включающая помимо сказов родословия королей данов и свеев, пользовалась и пользуется особой популярностью благодаря авантюрно-приключенческим сюжетам, мифологическим мотивам и стихотворным диалогам. В частности, «Сага о Хервёр» — прозаическое произведение в записи XIII в., восходит к готским героическим песням эпохи Великого переселения народов, к IV–V вв. Там, в частности, отражено воспоминание о битве готов и гуннов на Каталаунских полях в 451 г. Эта сага начала изучаться и публиковалась еще во второй половине XVII в, в том числе известным шведским ученым Улофом Рюдбеком; критическое издание этой книги вышло в 1924 г. Она многократно переводилась за пределами Скандинавии и вдохновила многих авторов на создание разных по жанру произведений.

Что касается отечественных историков, то А.Я. Гуревич уже с 60-х гг. прошлого столетия постоянно апеллировал к тем или иным материалам саг во многих своих трудах, и не только как скандинавист, но и как историк социальной психологии. В 70-х гг. к сагам эпизодически обращался С.Д. Ковалевский в своем исследовании проблем возникновения средневекового Шведского государства и общества. В последние десятилетия рассмотрение саг в историческом аспекте реализуется группой историков-скандинавистов РАН во главе с Е.А. Мельниковой, для которых характерно широкое знание сагового материала в целом, особенный интерес к исторической географии и топонимике. Е.А. Мельникова успешно использует саги, в частности, в своих трудах, посвященных представлениям средневековых скандинавов о мире. Г.В. Глазырина опубликовала в историческом аспекте переводы ряда сказов «о древних временах»: родовых саг и прядей (1996), а также «Саги об Ингваре Путешественнике» (2002). Т.Н. Джаксон принадлежат подборки, важные для историков скандинавско-русских отношений.

Пока филолого-лингвистический подход к сагам и прекрасные их публикации по своему объему и общественному звучанию все еще обгоняют исторические штудии скандинавистов; исследования на материале саг редко выходят за традиционные пределы определенных событий, имен и представлений. Но огромное значение этих трудов, их познавательную и культурно-образовательную роль, как и признательность предшественникам, невозможно переоценить. Все, накопленное в этой области, стало для меня закономерной базой собственного исследования.

Несколько слов о моем обращении к сагам. Они пленили меня уже давно. Занимаясь совсем иными сюжетами средневековой скандинавской истории, я нередко читала саги как художественные произведения о давно прошедшей и очень

своеобразной жизни. Саги «втягивают», они заражают своей мощной энергетикой. В начале 90-х гг. в качестве опыта я предложила своей студентке на кафедре Средних веков МГУ Т. Бахметьевой написать дипломную работу о некоторых сторонах частной жизни исландцев в эпоху саг. Она успешно трудилась, используя издание четырех больших саг 1956 г.; и я вместе с ней — сначала поневоле, но затем с все большим удовольствием — занималась сагами. Это стало «пробой пера». Даже поверхностное погружение в их тексты делает очевидным, что саги таят в себе широкие перспективы для постановки многих и многих новых проблем. Особенно привлекли меня возможности саг для изучения повседневной жизни скандинавов эпохи викингов — имея, разумеется, в виду отнюдь не только быт, но и самые разные стороны общественных отношений. И тогда я решилась реализовать эти замыслы, тем более что за последние годы объем публикуемых сказаний значительно расширился. К тому же, систематически занимаясь историей преимущественно Швеции и временем начиная с XIV столетия, я в разные годы то и дело увлекалась ранним Средневековьем, в том числе в Скандинавии. Это было то северное рабство, то истоки своеобразия крестьянства или возникновения городского строя, то вопросы ранней торговли и денег, то особенностей приходской жизни. В коллективных трудах «История Дании» и «История Европы» с удовольствием писала об эпохе викингов. Так что в известной мере чувствовала себя подготовленной к тому, чтобы полностью отдаться систематическому изучению скандинавских древностей, включая XIII столетие. Но, конечно же, только с помощью саг!

Поэзия: эддическая, скальдическая, баллады

Истоки литературных традиций скандинавов уходят в общегерманское прошлое, в эпоху Великого переселения народов. К VIII в., когда начинается эпоха викингов, эти традиции предстают в достаточно сформированном виде. Представление о них дает «Эдда» или «Старшая Эдда» — собрание стихотворных мифологических и героических легенд в виде поучений, прорицаний, песней и сказов.

Выше упоминалось о том, что, по свидетельству авторов саг, многие из них создавались на основе произведений скальдов, которые, по авторитетному свидетельству Снорри, ни при каких условиях не могли быть искажены. И вообще стихи вкраплены во многие саги, дополняя и поясняя основное содержание сказа. В некоторых сагах стихов много, подчас встречаются стихотворные диалоги. Повествуя о памятных битвах и прославленных воинах, о могучих королях, их деяниях, щедрости и сподвижниках, о сложных путешествиях и интересных любовных историях, саги то и дело цитируют произведения какого-либо *поэта-скальда* (др.-исл. skáldr), иногда называют и его имя, сообщают некоторые сведения о его жизни или отдельных событиях. Наименование поэта дало название всему *жанру скальдической поэзии.* В нашем распоряжении имеется стихотворное наследие скальдов, пусть

и неполное, и некоторые сведения о самих поэтах. И скальдические стихи, и биографии их творцов — одна из интереснейших страниц менталитета и повседневной культуры скандинавов той эпохи.

Стихосложение и скальды упоминаются еще в «Старшей Эдде» — собрании эпико-героических и мифологических песней. Стихотворчеством (skaldskip) называли поэзию, стихи и сочинение стихов. В «Старшей Эдде» рассказывается миф о «меде поэзии», обретение которого относили к глубокой древности — к эпохе битвы богов (асов и ванов). Так что стихосложение для скандинава — дело древнее, серьезное и почетное.

Песнопевец — так называет себя скальд Видсид, ведущий речь от своего лица в одноименной древнеанглийской эпической поэме; он полагает скальда достойным «славы вековечной» (ст. 54 и сл.)[54]. Певцом называет скальда автор поэмы «Беовульф» (ст. 910). Такое именование поэта не случайно. Скорее всего, стихи, особенно сюжетные, протяженные, скальдами пелись или выпевались, мелодично и акцентированно произносились, на фоне музыкального сопровождения. Думается также, что стихи с выраженным ритмом дружно распевали, например, гребцы на веслах или воины на марше, да и сотрапезники во время застолья. А хлесткие, остроумные стихи становились чем-то вроде частушек и дразнилок. Чаще всего скальдические стихи воспевали вождя и героя, верный меч и сокровища, славную битву, корабль или красивую девушку. Устная передача скальдического стиха и его связь с песней — важная особенность этого жанра. Имеются у него и другие особенности, которые касаются содержания и формы стиха.

Скальдическая поэзия возникла в дописьменную, языческую эпоху, но ее произведения цитируются еще в рукописях XIV–XV вв. Сами же скальды, часто импровизаторы, они же музыканты и своего рода «летописцы», пользовались в обществе уважением и немалым почетом. Родиной этого жанра была Норвегия, где при дворах конунгов и знатных людей в IX–X вв. были скальды, посвящавшие своим господам хвалебные песни. Снорри пишет, что у конунга Харальда Прекрасноволосого, конунга Норвегии, при котором заселялась Исландия, «были скальды, и люди еще помнят их песни, а также песни обо всех конунгах, которые потом правили Норвегией»[55]. Постепенно норвежских скальдов «вытеснили» исландские поэты, и центр скальдического стихосложения перемещается в Исландию, где самые поздние творения слагались в XIV в., а ранние стихи сложены участниками викингских походов X в. Среди скальдов еще оставались норвежцы, но в небольшом числе, и их меньше знали. В Исландии же стихосложение распространилось очень

[54] Древнеанглийская поэзия. С. 17.
[55] КЗ. С. 9.

широко[56]. В Дании и Швеции скальдами были почти исключительно исландцы, много реже — норвежцы. Расцвет скальдической поэзии относится к X–XII вв. Вместе с тем считается, что в XIII в. навыки стихосложения, во всяком случае умение сымпровизировать несколько стихотворных строк, были в Исландии чуть не повсеместными[57]. Все видные историки и писатели были тогда поэтами.

Стоит сразу же отметить, что у германцев издревле существовали широкие и прочные традиции *эддической поэзии*. Свое название жанр получил от «Старшей Эдды» — собрания героических и мифологических стихотворных сказаний и поэм, восходящих к Великому переселению народов, даже к первым векам нашей эры. Содержание «Старшей Эдды» необыкновенно емко — от мифов о войне богов (асов и ванов) и о божественном происхождении общественных слоев и мистических свойствах владыки-конунга («Песнь о Риге») до подробнейших нравоучительных наставлений по поводу поведения человека в обществе, которые приписываются самому богу Óдину («Поучения Высокого» или «Речи Высокого»). Многие мотивы «Старшей Эдды» унаследованы от готских преданий, от франков VI–VIII вв., от германских сказаний о Зигфриде, Нибелунгах («Нифлунгах»), кузнеце Вёлунде; они несут память о битвах и героях тех времен. Но оформились песни «Старшей Эдды» позднее, примерно в VII–XIII вв. Запись этого собрания принадлежит, как полагают, анонимному книжнику XII в., но язык сохранившейся рукописи принадлежит XIII в. Эддическими мотивами увлекались и Снорри, и многие скальды, они отражены в некоторых сагах. Следы эддических мотивов можно проследить в балладах. Первый переводчик «Эдды» на русский язык С. Свириденко[58] восторженно писала: «Все сильно и ярко [в «Эдде»], все дышит жизнью». Это эпическое собрание, редкий по емкости памятник языческих представлений, — одна из вершин мировой культуры.

Эддическая поэзия, как и саги, анонимна. В отличие от них скальдическая поэзия — *авторская*. Авторы стихов известны и, что также важно, узнаваемы, в большинстве случаев их можно идентифицировать. Конечно, скальды имели индивидуальные «почерки». Но выделение скальдической поэзии в особый жанр порождается прежде всего самим строем скальдического стиха, в высшей степени своеобразным. Этот стих имеет строгую метрику, его лучшие образцы наполнены аллитерациями, многими и сложными созвучиями. Стих наполнен мифологическими образами, которые шифруют смысл, требуя от слушателей хорошего знания мифологии. Но более всего усложняют смысл многочисленные кеннинги — сложные, иногда многосложные метафоры, а также переплетение строк стиха, когда по смыслу первая строка может продолжаться строкой третьей и первой половиной

[56] КИ. С. 566, прим.
[57] Сага об исландцах. С. 28, прим.
[58] Памятники мировой литературы, 1917.

строки четвертой, а вторая строка и половина четвертой строки являются вставными репликами[59].

Вследствие этих особенностей скальдический стих не может быть «исправлен»: любое вмешательство в его сложную канву уродует стих, сразу же делает его недостоверным. По этим же причинам вполне адекватный перевод скальдического стиха под силу только хорошему поэту. Дело в том, что, по моему суждению, лучше всего передает красоту и своеобразие исландского стиха свободный перевод, когда при сохранении общего смысла переводчик избегает буквализма и использует особенности и идиомы родного языка для передачи идиом скальда. Такой опыт перевода на русский язык успешно осуществил прекрасный петербургский поэт С.В. Петров[60]; особого внимания заслуживает его умение подчеркнуть изумительные аллитерации скальдического стиха и несколько смягчить сложность переплетения строк. Продуманные переводы стихов, в частности «Речей Хакона» Эйвинда Погубителя Скальдов, предложены О.А. Смирницкой в издании «Корни Иггдрасиля», которое она возглавила.

А.В. Циммерлинг разработал особую и, на мой взгляд, в своем роде универсальную систему перевода скальдического стиха, которую применил в опубликованных им изданиях. Подобно пушкинскому Сальери, ученый «разъял музыку» стиха четким анализом. Его система опирается на проникновение в смысл и выразительные средства того или иного творения скальда и включает ряд соответствующих исследовательских этапов. Эти этапы: анализ текста и контекста; дословный перевод; его развертывание, т.е. восстановление логической последовательности текста; анализ синтаксиса, поэтики (прежде всего кеннингов), размера (стиля), наконец, разумеется, глубинного смысла дискурса. Лишь в результате такой обширной предварительной работы предлагается перевод стиха, наиболее адекватный подлиннику по содержанию и метрике. Что касается степени художественности перевода, то она, разумеется, всегда зависит от поэтического таланта переводчика.

Несколько позднее скальдической поэзии, не ранее XII–XIII вв., развивались *баллады,* которые как бы пришли первой на смену. Основанная на устной традиции прошлого, использующая героические сюжеты баллада — анонимное произведение, где реальные имена и некоторые эпизоды, почерпнутые в том числе из эддических («Старшей Эдды») песней и «саг о древних временах», произвольно и вне исторического контекста вплетены в песенную ткань. Благодаря своей ритмичности баллада исполнялась как рабочая песня, ее пели во время поездок верхом, под нее было принято танцевать. И в Новое, и в Новейшее время скандинавы охотно изучают и публикуют свои баллады — «народные песни», которых насчитывается до 800 видов.

[59] См. примеры кеннингов в скальдических стихах в Приложениях к книге.

[60] Поэзия скальдов. Изд. подготовлено С.В. Петровым и М.И. Стеблиным-Каменским в серии «Литературные памятники». Л., 1979.

Издаются антологии датских, шведских, норвежских, исландских, финских, оркнейских баллад, в том числе в сопровождении нот. Изучается происхождение каждой из них, ведутся поиски аналогов и версий в соседних северных странах, а также на континенте: в средневековых Франции, Шотландии, в англосаксонском фольклоре. Но при всей своей популярности скандинавская баллада, в отличие от скальдической и эддической поэзии, не составила по-настоящему оригинальную страницу мировой литературы, уступая континентальным произведениям этого жанра по разнообразию и глубине. Вместе с тем интересно изучать баллады с тем, чтобы проследить традиции определенных сюжетов, унаследованных от саг и ранней поэзии и закрепившихся в культурной памяти людей.

Иное дело — скальдические стихи. Очень востребованные в свое время людьми саги, они составили значительный, обширный, своеобразный пласт не только северной, но всей мировой литературы. Их творцы (в отличие от авторов большинства саг и вообще множества произведений раннесредневековой литературы), осознавали свое авторство; популярные, гордые своим умением, они выделялись среди людей эпохи викингов как представители некой особой общественной группы. Со скальдами считались правители и знать, да и сами скальды чаще всего принадлежали к верхушке тогдашнего общества, к знатным и, во всяком случае, известным семьям. Были поэты среди королей, ярлов и херсиров.

Множество скальдических стихов, как уже говорилось, вплетено в саги, где они занимают место выразительной и красочной детали, подчеркивают сюжетную линию, рисунок образа персонажа, какую-либо мысль или оценку.

Существенным дополнением к эддическим и скальдическим стихам, созданным в Скандинавии, являются, конечно же, англосаксонские поэтические произведения. Это, прежде всего, великолепная эпическая поэма «Беовульф», созданная в англосаксонской Англии в VI–VIII вв., но корни ее уходят гораздо глубже, а единственная сохранившаяся рукопись поэмы происходит из Северо-Восточной Англии X в. Герой поэмы и его дружина были гетами, прославляются там и даны, скорее всего из Ютландии. События поэмы не согласованы во времени, сюжет не последователен, в ней масса отступлений и сложных кеннингов. Герои поэмы — король (точнее, малый король или вождь) и его дружина, и все произведение пронизано дружинной этикой. Вместе с тем в ней содержится масса сведений о битвах и пирах, об оружии, религиозных представлениях. Скандинавская принадлежность героев поэмы, как и хорошо известная связь между Скандинавским и Британским регионами еще с V в. (особенно укрепившаяся в эпоху викингов), делает вполне закономерным обращение скандинавистов к древнеанглийской поэзии, где можно обнаружить немало точек соприкосновения со скандинавским фольклором.

Особый интерес вызывает древнейший памятник германской эпической поэзии «Видсид» («Широкостранствующий»). Эта поэма сложилась как некое целое не позднее VII в., но восходит к эпохе Великого переселения народов, к III–VI вв. Содержащиеся в ней перечни имен («тулы» древнеисландской поэтики), племенные названия и другие сведения находят соответствие у Иордана, Григория Турского, Беды Достопочтенного (VI в.) — и вплоть до Саксона Грамматика (ок. 1200).

В России эддической и скальдической поэзией заинтересовались еще в XIX в. «Сборник скандинавской поэзии» вышел в Санкт-Петербурге в 1875 г. (под ред. Чудинова). В него были включены некоторые переводы из «Эдды», сделанные русскими литераторами, а в 1897 г. увидел свет и перевод «Старшей Эдды». Известны переводы отдельных отрывков «Старшей Эдды» и стихов скальдов, принадлежавшие перу известных поэтов и чаще всего имевшие вольный характер. Так, А.Н. Майков опубликовал свой перевод «Песни о Бальдуре», точнее, прекрасную фантазию на эту эддическую тему.

В 1917 г. С. Свириденко издала первый комментированный перевод «Старшей Эдды», с соблюдением размера подлинника. Позднее «Старшая Эдда» издавалась в переводе А.И. Корсуна (1963) и В. Тихомирова (1997). В. Тихомирову принадлежат и переводы знаменитой поэмы «Беовульф»; и он же совместно с О.А. Смирницкой издал сборник «Древнеанглийская поэзия» (1982). «Младшая Эдда» выходила также в переводе О.А. Смирницкой (1991), подборка «Поэзия скальдов» — в образцовом переводе С.В. Петрова (1979), «Скандинавская баллада» — в переводах Игн. Ивановского и Г.В. Воронковой и под ред. М.И. Стеблина-Каменского (1978). Сборник поэзии скандинавских XVI–XVII столетий, сохраняющей ряд традиций Средневековья («О рыцарях, девах, троллях и королях», 2006), составлен Б. Ерховым. Собрания исландских саг, изданных А.В. Циммерлингом, включают скальдические стихи в переводах самого Циммерлинга, Ф. Успенского и С. Агишева, в книге «Корни Иггдрасиля» — в переводе С. Петрова и О. Смирницкой.

Литература по практической и теоретической мифологии, фольклористике, эпосу, традиционной литературе вообще велика и сегодня занимает большее место в международной и российской науке. Об интересе к этим темам отечественных исследователей свидетельствуют, в частности, обобщающие труды второй половины прошлого столетия по всемирной мифологии, а в нынешнем — журнал «Живая старина» (отв. ред. С.Ю. Неклюдов) и труды Центра типологии и семиотики фольклора в РГГУ.

Рунические надписи

Особое место среди материалов об эпохе викингов занимают рунические надписи — единственный, так сказать, местный письменный источник той эпохи. Как известно, германцы, в том числе скандинавы, до латинского алфавита пользовались руническим письмом. Руническое письмо очень древнее, ученые предполагают, что

его истоки восходят к письму древнегреческому, возможно — к греческому и/или латинскому курсиву, с которыми познакомились готы в период своего пребывания на Северном побережье Черного моря, и даже к алфавиту этрусков. Тацит в «Германии» (98) упоминает о германском обычае делать предсказания при помощи «знаков» (notae). Их вырезали на веточках плодового дерева, на дощечках или палочках, которые перемешивали, а затем толковали, исходя из расположения знаков. В ходе времени эта письменность, попав уже на Запад и Север Европы, приобрела угловатые формы и новые смыслы, приспособленные к местным германским наречиям. В англосаксонской Англии, примерно около 400 г., зафиксировано 33 или 29 рун. В Скандинавии еще до середины нашей эры употреблялся рунический алфавит («футарк») из 24 рун, но к эпохе викингов сохранилось и затем использовалось 16 рунических знаков.

Расцвет рунического письма в Северной Европе пришелся как раз на X, особенно XI в.; его использовали и позднее. Рунами писали сакральные тексты, особенно адресованные верховному богу Одину, календарные таблицы, имена владельцев тех или иных предметов, песенные строки, но особенно часто их использовали как средства магии и для получения вышней защиты. Они были достоянием жрецов и скальдов, знаками высокого умения и чародейства. Писали не только на дереве, но и на кости и роге, на изделиях из металла и обязательно — на памятных камнях. Обычно в надписи на памятных камнях сообщаются имя покойного и место его гибели, воздается ему хвала и говорится о тех, кто именно поставил камень. Нередки нарративные надписи. Благодаря этим надписям сохранены многие имена викингов, погибших за пределами родных мест, сведения о разъездах, в известной степени — о родственных отношениях той поры.

Некоторые рунические камни, как полагают исследователи, имели и другие цели, нежели поминовение покойного родича. Их могли водружать в качестве пограничных знаков, обозначения принадлежности той или иной территории, особенно — как свидетельство наследственных прав (B. Sawyer, 2000). Если поминальные камни рассеяны по всем районам Скандинавии, особенно юго-восточным и прибрежным, то камни другого назначения ставились преимущественно вблизи мест общих собраний-тингов, у мостов и проезжих дорог. Изготовление рисунков и надписей на камне требовало больших художественных умений, грамотности и вкуса, оно стоило очень дорого. Резчики-мастера знали себе цену, не случайно на некоторых (впрочем, очень редких) камнях они оставляли свои имена. Рунических камней обнаружено в Скандинавии более 3 тысяч, что уже само по себе свидетельствует об общественном статусе многих викингов: ведь поставить рунический камень могли только состоятельные люди. Очевидно, что сооружение рунического камня — это еще и утверждение или подтверждение высокого престижа.

Большинство находок относятся ко второй половине эпохи викингов, но имеются и более ранние, например от VII–VIII вв. (Блекинге, Швеция); такие камни ставили еще и в XII в.

Рунические надписи публиковались и продолжают публиковаться в Скандинавских странах по мере обнаружения новых камней. Интерес к ним и к руническому письму, второй подъем которого начался в XVI столетии, а третий — в XX в. (и активно проявился в *современных* художественных ремеслах), резюмировался в целых сводах публикаций. Транскрипция и переводы на русский язык значительного числа надписей «старого» и «нового» рунического письма осуществлены Е.А. Мельниковой (1977, 2001). Эти надписи — интереснейший источник наших знаний о викингах; в рамках настоящего исследования они имеют ценность преимущественно при рассмотрении таких тем, как язычество, семейные отношения, образы пеших и морских походов.

Записки миссионеров

Особый и очень важный пласт сведений представлен записками миссионеров, которые лично посетили отдельные страны Скандинавии в эпоху викингов и письменно изложили свои впечатления. В распоряжении историка, занятого изучением Скандинавии того времени, находятся два таких произведения, разные по времени, цели, размеру и, в определенном смысле, по содержанию. Оба они известны в кругу историков, но, как это нередко бывает, до недавнего времени недостаточно использовались скандинавистами.

Первое, более раннее из этих произведений — «Житие св. Ансгария» («Жизнь Ансгария»), написанное его приближенным, клириком и также будущим святым Римбертом. Дело в том, что в IX в., когда буйства язычников-викингов в Западной Европе стали достигать своего апогея, западный мир, его светская и духовная элита, озаботился задачей укрощения этих пиратов. Одним из методов, который применяли светские владыки, было испомещение особенно опасных находников на своих землях в качестве ленников, чем достигалась охрана побережий силами тех же викингов. Как правило, это событие сопровождалось крещением предводителей и всех спутников новых ленников, включая их семейства, если таковые присутствовали. Как показал опыт, это крещение отнюдь не воспринималось северными язычниками как качественный перелом в их жизни. Они спокойно продолжали отправлять языческие обряды по возвращении домой, а нередко и на новом месте жительства. Духовенство же полагало разумным крестить не только отдельные группы находников, но подойти к этому вопросу широко: ввести христианство на родных скандинавских просторах викингов. Отдельные миссионеры, обычно без видимого успеха, время от времени забредали в Скандинавию как из Британии, так и из германских земель. Успешнее пошло дело, когда за обращение скандинавов принялись в более организованном порядке, под присмотром папы и христианских королей.

Группа миссионеров во главе с юным клириком из монастыря Корби — будущим святым Ансгарием и состоявшим при нем монахом Римбертом была

в 20-х гг. IX в. направлена в датскую Ютландию, а оттуда через некоторое время перебралась в Швецию, на территорию свейской племенной общности, в ее центр — ранний торговый город Бирку. С согласия местных правителей они вели проповедь христианства у ютландцев, затем свеев, занимались устроением церкви. Но после их отбытия горожане Бирки церковь уничтожили. Второй, в 50-х гг., приезд Ансгария, уже главы Гамбург-Бременского архиепископства, и его последующие усилия по внедрению священников в среду свеев в конечном счете также оказались тщетными. Для историка важным результатом этих двух поездок было появление Жития св. Ансгария Римберта (869) — преемника учителя на посту главы Гамбург-Бременского архиепископата. Римберт довольно подробно и выразительно описывает усилия и мучения крестителей, благожелательность властей и купцов, неизменную заинтересованность рабов (пленников), неистребимое и агрессивное язычество народа.

Через двести лет после Ансгария, в 70-х гг. XI в., в Скандинавию прибыл клирик Адам Бременский. Он остановился при дворе датского короля Свейна Эстридсена, наблюдал жизнь двора и датчан вообще, часто беседовал с королем, купцами, заезжими паломниками и много наслушался о порядках в сопредельных Скандинавских странах, особенно в Швеции, где король Свейн провел свою юность. Впоследствии Адам в своей обширной хронике, посвященной истории Гамбург-Бременского архиепископства в VIII–XI вв., особо выделяет его миссионерскую деятельность среди поморских и полабских славян и в Северной Европе. Четвертая книга его «Деяний», которую обычно называют «Описание северных островов», целиком посвящена Скандинавии. В этой книге автор последовательно описывает население побережий Балтийского моря, три основных Скандинавских страны и колонизованные норвежцами острова — Исландию, Оркнейские и Гренландию, касаясь и побережья Северной Америки, куда заплывали скандинавы. В книге даны сведения по географии и населению каждой земли, ее истории, верованиях и перспективах христианизации местного народа. По мнению ученых, описания Адама (если отбросить немногие «сказочные» элементы) оригинальны и достоверны; во всяком случае, без его четвертой книги не обходится ни одно историческое сочинение по ранней истории Скандинавии. Особенно ценны его уникальные описания языческих капищ и обрядов.

Записки миссионеров интересны не только фактами, но и выраженным в них отношением этих образованных европейцев-христиан к скандинавам, их общественной жизни и менталитету. Эти описания не раз переводились на скандинавские языки.

Комментированными переводами на русский язык сочинений Римберта и Адама Бременского наша наука обязана многолетним трудам В.В. Рыбакова. Перевод «Жития св. Ансгария» вышел в книге «Швеция и шведы в средневековых источниках» (2007). Отрывки перевода «Деяний» Адама Бременского увидели свет в книге «Из ранней истории шведского народа и государства» (1999), а полный перевод издан и вывешен в Интернете.

Предметы материальной культуры

Археологические находки, относящиеся к эпохе викингов и обнаруженные как в Скандинавии, так и в Британии и на континенте, включая Северо-Восточную Русь, очень многочисленны и многократно описаны. Конечно, как и всякие артефакты, они не могут дать адекватное представление об общественной жизни, начиная от состояния семьи и вплоть до структур власти. Но на их основании можно описать некоторые стороны быта людей Севера эпохи викингов, представить себе их ремесла и прикладное искусство, получить представление об их верованиях и сделать заключение о социальном расслоении. Эти описания служат богатым подспорьем для исследователя повседневности, но, разумеется, повторять их в данной работе нет смысла.

Мною приняты во внимание и использованы некоторые, исключительные по содержанию и выразительности сведения, полученные благодаря находкам захоронений и кладов. Очень важные открытия были сделаны уже в XIX в.: это прежде всего материалы раскопок захоронений в корабле в Борре (Вестфолд, 1852) и Туне (Эстфолд, 1867). Первое из них, как предполагают, принадлежит ранним Инглингам — династии королей Норвегии и Швеции. В 1880 г. было обнаружено хорошо сохранившееся захоронение в корабле в Гокстаде, в 1904 г. — не менее сенсационное захоронение в Осеберге, возможно, скрывающее останки королевы Асы. Эти, как и некоторые другие потрясающие находки, относящиеся к эпохе викингов (например, в Скирингссале), по-настоящему изучены только в XX столетии, особенно плодотворном для археологов. Одним из крупных открытий второй половины XX столетия стало обнаружение и исследование погребения в ладье из Саттон-Ху (гр. Саффолк, Англия), относящегося к VII в. и сходного с погребениями вождей (конунгов) в Южной Швеции; материалы этого погребения породили целую литературу (Mitford 1966 и 1974; Bruce-Evans 1994 и сл.).

Среди материальных свидетельств немалое значение имеют выразительные изобразительные материалы. Уникальны, например, рисунки на дереве, а также изображения, вплетенные в ткани из Осебергского захоронения: там представлены вооруженные воины, идущие с ношей женщины, средства передвижения и домашнего быта — то, что невозможно извлечь из иных источников (Arbman-Cintio).

Археологические материалы, относящиеся к эпохе викингов, в том числе добытые на территории России, неоднократно публиковались и продолжают использоваться в отечественной историографии. На известном этапе обобщающий их труд опубликован Г.С. Лебедевым (1985).

Тексты для прямого, ретро- и перспективного сравнения

Для понимания особенностей эпохи викингов и людей того времени использовано сравнение письменных данных, относящихся к изучаемой эпохе, с материалами предыдущих и последующих столетий. Предшествующие материалы — это,

конечно, уже упоминавшиеся мифо-героические песни «Старшей Эдды», которые восходят к первой половине 1-го тысячелетия, а затем, как и поэма «Беовульф», вписываются в эпоху викингов. Другие письменные сведения отстоят от этого времени на много столетий. Они содержатся в широко известных произведениях знаменитого римского историка рубежа I–II вв. Корнелия Тацита. Тацит пользовался рассказами и описаниями не только легионеров, но и членов разведывательных экспедиций, которые римляне посылали на север, для ознакомления с опасными соседями — германцами; при этом морские экспедиции римлян достигали и скандинавских берегов. Судя по описаниям Тацита, северные германцы в его время находились на поздней стадии родо-племенных отношений, отличались высокими воинскими и мореходными качествами, держали рабов и превыше всего ценили свободу и честь. Многие его данные, прежде всего относительно кораблей и оружия, убедительно подтверждены находками археологов и потому заслуживают доверия. Сравнение описаний Тацита с тем, что можно вычитать в сагах, позволяет оценить путь, пройденный скандинавами за шесть столетий: выявить как новые социальные реалии, так и значимые реликты родовых отношений.

Особую группу моих источников составляют *законодательные памятники*. В соответствии с замыслом автора книги, они привлекаются периодически и не в полной мере. Исландские обычные законы от «заселения земли» и до XII–XIII вв. известны благодаря собранию «Грагас» («Серый Гусь»[61]), представленному двумя рукописями: «Королевской книгой» и более краткой «Стадархолсбук», получивших свои названия по месту хранения[62]. Затем в сравнительном аспекте используются кодифицированные обычные законы отдельных скандинавских областей (земель, ландов), прежде всего Норвегии и Швеции. В эпоху викингов и еще два-три столетия после нее Швеция и Дания, в меньшей мере Норвегия, ставшие формально едиными монархиями, на практике представляли собой федерации областей, которые сложились на месте бывших племен и племенных объединений. Каждая такая область фактически составляла особую политико-административную и правовую территорию, каждая из них имела свои обычные законы, которых местные жители долго придерживались даже после введения в каждой стране общих земских законов.

Кодификация областных законов Норвегии произошла в XII в., но от того времени сохранились только законы двух «четвертей» — Гулатинга и Фростатинга (GT, FT), ряд норм которых восходят к IX–X столетиям. Во всяком случае, обычное право исландцев в середине X в. прямо корреспондируется с законами Гулатинга.

[61] Происхождение этого названия пока не выяснено.

[62] Соответственно, «Королевская книга», которая являлась собственностью датской короны, вероятно с XIV в., хранилась в Датской королевской библиотеке (Копенгаген), а «Стадархолсбук» — в западноисландском поселении, где этот манускрипт обнаружили в XVI в.

В середине XIII в. был введен уже общий Земский закон (Ландслов), комментированный перевод которого в настоящее время готовится к печати.

В Швеции кодификация самых первых областных законов — Старшей редакции права западных гетов (ÄVgL) и общин острова Готланд (GL) — относится к 20-м гг. XIII в., т.е. совпадает по времени с сочинениями Снорри Стурлусона и записями некоторых саг и несколько опережает сочинения Стурлы Тордарсона; эти совпадения во времени создают удобные позиции для сопоставления этих законов с данными саг. На русском языке появились в 1999 г. Старший Вестгеталаг (А.В. Фоменкова) и Гуталаг (Г.Э. Александренков)[63]. Королевский раздел законов центральной шведской области Упланд опубликован в 2007 г. (А.Ю. Кузина и А.Д. Щеглов). Остальные законы, принятые (как и Упландслаг) во второй половине и в последней трети XIII в., дважды издававшиеся в Швеции, также привлекались в данном исследовании. Значение некоторых областных законоуложений важно еще и потому, что в некоторые из них включены дополнительные тексты, например перечень латманов. Их разделы делятся на главки-балькер («доски»), напоминая о том, что некогда правовые установления записывались на дощечках. Ретроспективный анализ законодательных материалов, разумеется, требует осторожности. Но они могут помочь в оценке результатов эпохи викингов для внутренней жизни скандинавов, дают возможность понять особенности развития их правового сознания.

* * *

Таковы непосредственные источники сведений, которые помогают реализации одного из замыслов автора: рассмотреть повседневную жизнь скандинавов в рамках длительного времени — от истоков северной цивилизации, через эпоху викингов и до отчетливого проявления феодально-средневековой культуры. Как и всегда в медиевистике, при кажущемся обилии и разнообразии непосредственных свидетельств той или иной эпохи их всегда оказывается недостаточно для ответа на все вопросы каждого задуманного исследования. Но многое они позволяют уяснить[64].

[63] Эти законы вошли в первый сборник документов по истории раннего шведского Средневековья, переведенных на русский язык: «Из истории шведского народа и государства». К сожалению, в тексте оказалось очень много опечаток, да и некоторые комментарии уже нуждаются в обновлении.

[64] Что касается опосредованных источников сведений, т.е. трудов профессиональных историков, то о них см. в Приложении.

Часть 2

ОБРАЗ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА САГИ

Природные условия тормозили развитие земледелия в Северном регионе. Еще в XI–XII вв. на Скандинавском полуострове сохранялось подсечно-огневое земледелие и применение мотыги — наряду с постепенно распространяющимися двупольем и плугом. Однако благоприятные климатические условия в Европе в эпоху викингов и постепенное обогащение скандинавов привели к важным результатам. В это время только в одной Норвегии производится до 3–4 тысяч новых расчисток путем пожогов (с названием на *-ryd).* Очевидно, что имел место *рост населения* и следующая за ним *внутренняя колонизация.*

Можно предположить, что расселение скандинавов, связанное как с внутренней колонизацией, так и с походами викингов, особенно же с колонизацией зарубежных территорий, в том числе дотоле пустынных островов, подрывало на родине устои большой семьи и рода. Это сказывалось на характере землевладения и землепользования, на структуре хозяйства в целом. Однако родовые устои на скандинавском Севере, а чаще — пережитки большой семьи (малого рода) еще долго занимали важное место в обществе.

Для стран Северной Европы, как уже отмечалось, характерны гористость и моренный ландшафт (за исключением Дании), протяженные и легкодоступные морские побережья, многочисленные болота, небогатые и просто бедные почвы. За исключением страдавшей от безлесья Исландии, общим богатством для них были обширные леса. Важную роль играла близость источников на побережьях и вообще реки и озера, особенно в Швеции. Люди, как всегда и повсюду, искали места, по возможности наиболее пригодные для поселения, для жизни и хозяйства, с удобными коммуникациями. Поэтому заселялись территории прежде всего вблизи воды, с какими-то условиями для пашни или хотя бы огорода, с хорошими выпасами, защищенные от чужаков естественными преградами и т.д.

УСАДЬБА, СЕМЬЯ И «СВОИ»

Предварительные замечания

Не стоит удивляться тому, что экономическая сторона домашней жизни викингов отражена в сагах выборочно: ведь авторов этих повествований в основном интересовали отношения между людьми. Более или менее широкое общее представление о расселении скандинавов в эпоху викингов, типах их поселений, устройстве жилищ может быть составлено с привлечением археологии и некоторых специальных исторических дисциплин, например топонимии, исторической лингвистики, палеоботаники. С XII–XIII вв. на помощь исследователю приходят областные законы — записи обычного права. И прежде чем обратиться к сагам и обычному праву, целесообразно воспользоваться уже сложившимися у скандинавистов общими представлениями о расселении, типах поселений и хозяйстве скандинавов в эпоху викингов.

Так, доказано, что господствующими *типами сельских поселений* в Северной Европе были небольшая деревня, индивидуальный хутор и группа из нескольких хуторов.

Деревни с угодьями были основным типом поселения только в Дании, причем с очень устойчивым локусом: многие деревни сохраняли местоположение в течение столетий. Обычно в такой деревне жило по 200–300 человек, которые населяли пару десятков усадеб, расположенных вокруг «площади», или же выстраивались улицей. Часто деревни были защищены общим частоколом. Уже в эпоху викингов в Дании шел довольно заметный процесс разделения больших семей на малые, которые сначала жили вместе в длинных домах, затем выделялись, зачастую строясь вблизи отчего дома. Аграрная страна, с мягким, чуть влажным климатом, граничившая с Франкским государством, рано освоила плуг и двуполье, рано прошла и через закрепление пахотных наделов, сначала за большой, затем за индивидуальными семьями. О выделении таких «малых» семей и их собственности на пашни свидетельствуют остатки полевых оград.

В Норвегии под пашню годилось не более 2–3% земли. Это делало невозможным сколько-нибудь широкое развитие там земледелия и предопределило преобладание *хуторов*, скотоводства, разных промыслов, а также сохранение значительных домовых коллективов, способных справиться с многообразными способами добывания жизненных средств. До некоторой степени приличные почвы были только на прибрежных равнинах — от Осло-фьорда до озер Эстланна и, кроме того, на территории Трендалага, к югу и востоку от Трондхейм-фьорда.

К концу XI в. завершилась колонизация восточного побережья Швеции. И там, так же как в Норвегии, пашни, приусадебные участки и некоторые выгоны были

разобраны в индивидуальное пользование. Но во внутренних частях Швеции свободные земли еще оставались, хотя не все они были пригодны для хлебопашества. Наиболее удобными в этом отношении на Скандинавском полуострове были южные области (Сконе, Халланд, Блекинге), почти до конца Средневековья принадлежавшие Дании.

Скандинавы сеяли овес и ячмень, реже рожь и особенно редко пшеницу. Но если считать и огородные культуры, то всего в регионе культивировалось до 56 растений. Урожайность была низкой, подчас она не достигала уровня сам-третий. Собирали мед и другие дары леса, ловили рыбу, били морского и лесного зверя, дикую птицу. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, лошадей, гусей, кур и т.д. Соотношение земледелия, пастушества, рыболовства и других промыслов было, естественно, разным в разных районах.

В среднем крестьянском хозяйстве держали по 6–12 коров, что было необходимо также для получения естественных удобрений. Однажды (как упоминалось выше) вождь одного из северонорвежских племен Халлогаланна (древнее название области Норвегии к северу от Трендалага) по имени Оттар посетил английского короля Альфреда Великого и много рассказывал хозяину о родной стране и своих странствиях. Это было в последней трети IX в. Король Альфред записал его рассказ, и эта запись на древнеанглийском языке сохранилась до наших дней. Оттар назвал свою страну «Северный путь» (Nordwegr). Между прочим, он рассказал и о своем хозяйстве, которое по английским меркам выглядело весьма скромным: у него было «не более 10 коров, 20 овец и 20 свиней, а также небольшой участок пахотной земли, который он обрабатывал плугом, запряженным лошадьми». Основным источником его благосостояния были охота, рыболовство, добыча китов и дань, которую он взимал с финнов и саамов.

В принципе угодья — луга, леса и воды — находились в общественном пользовании как «земля всех людей», т.е. общинная, — альменнинг. Однако в условиях преобладания малых деревень и отдельных хуторов, при отсутствии или неполном (кроме Дании) распространении принудительного севооборота скандинавская община была своеобразной, «размытой». Имеются сведения и о разделах или переделах альменнингов[1]. Но еще в XIII в. новопоселенец, которому приходилось строиться на пустующей земле, должен был получить разрешение соседей на то, чтобы занять часть альменнинга; впрочем, это касалось только Швеции, где община была сильнее, нежели в Норвегии и, тем более, Исландии.

Находки археологов, особенно на местах древних поселений и в некрополях, показывают, что в Скандинавских странах, особенно в Швеции, рано развилось искусство (холодной) обработки железных руд, добываемых из болот и озер, в виде комков. Изготавливали кузнечные, особенно оружейные и ювелирные изделия,

[1] О владении землей и частью альменнинга см.: Гуталаг, 145 и сл., гл. 25, 26. См. там же о покупке земли.

последние — из привозного серебра и золота, в том числе из переплавленных монет. Развивалось камнерезное и шорное дело, прядение и ткачество льна и конопли, изготовление грубой шерсти и сукна, гончарное дело (только в Норвегии не было своих глин), плотницкое и столярное ремесла, а также, разумеется, судостроение — от малых лодок до больших для того времени морских судов. Подавляющее большинство этих ремесел в эпоху викингов имело домашний характер. Только немногочисленные профессиональные ремесленники, как предполагают, работали на заказ, на рынок и на вывоз. С началом эпохи викингов, судя по изделиям из камня, металла и дерева и по наличию литейных форм, развитие ремесел убыстрилось в деревне, в имениях знати и в ранних городах. Города этой эпохи уже имели в составе своего населения немногих ремесленников-профессионалов.

Расселение, усадьба, жилище

Тацит писал, что германцы не живут в городах и вообще не любят «скучиваться», а располагают свои поселения поодаль друг от друга[2]. Прошли столетия, и оказалось, что это замечание в отношении северных германцев все еще справедливо. Более того, лишь в наиболее благоприятных для земледелия районах, в частности в Дании и ряде областей Швеции, возникли деревни, сложилась община с системой совместного владения угодьями, а иногда и принудительным севооборотом.

«Плоская» Дания и южные области Скандинавского полуострова, особенно Сконе, достаточно рано стали страной деревень. Деревни были кучевые в Восточной Ютландии или рядовые — вдоль рек, морского побережья и дорог. На острове Зеландия (Шеланн), в ряде районов Ютландии и в Сконе центром застройки служила округлая площадь, где выпасали мелкий скот и собирали общие собрания жителей — тинги. Возникновение скандинавских деревень с топонимами на *-инге* относилось еще к началу нашей эры, на *-лев* — к VI–IX вв., на *-бю (бу)* — к эпохе викингов. IX–XIII вв. ознаменовались появлением деревень с этнонимами *-торп;* название деревень с этнонимом *-ред (пожоги)* также появилось до XII–XIII вв. Поселения при святилищах имели в наименовании этноним *-тун (туна), -сала, -ас-, тор-.* Но за пределами Дании, на большинстве территорий Скандинавии основным видом поселения были *хутора-гарды.* Расселение людей в ходе внутренней колонизации в эпоху викингов и, особенно, сразу после нее продолжалось за счет распада домовых общин, роста числа выселок и выделения новых гардов.

Гардом (или *гордом*)[3] называли хутор, огороженное подворье, имение, двор, усадьбу, индивидуальное владение, домохозяйство. Хутора обычно состояли из

[2] *Тацит.* Германия. О происхождении германцев. Гл. 16. С. 360.

[3] В сущности слово «горд» (gärd, gaard) — это на букмоле (книжном языке), а на ландсмоле, т.е. в обыденном, народном, сельском говоре — «гард». Русь, как известно, в Скандинавии называли «Гардарики» — «страна (королевство) поселений».

одной, реже двух усадеб, а несколько гардов составляли уже деревню, причем отдельные усадьбы в ней отнюдь не всегда примыкали друг к другу. При малой населенности и, соответственно, незначительной плотности населения Скандинавских стран деревни, усадьбы и вообще поселения (bygder) были редкими и независимыми, особенно в Норвегии и Исландии. Не только деревни, но и отдельные усадьбы-гарды были обычно удалены друг от друга, прежде всего вследствие сложных природных условий и низкой плотности населения. На каменистом, гористом Скандинавском полуострове, занимающем первое место в Европе по протяженности морского побережья и объему внутренних водоемов, люди заселяли главным образом территории вдоль морских берегов, а в Швеции также вокруг больших озер. Впрочем, по большей части так же расселялись и в Дании, ведь в этой стране нет территорий, достаточно удаленных от моря. Да и на остальных землях региона, освоенных в эпоху викингов, люди населяли прежде всего и преимущественно берега водных бассейнов, удобных для жизни и сообщений.

Удаленные друг от друга, разделенные водными преградами, горами и скалами, лесами и бездорожьем, редкие даже в XIII в. поселения и усадьбы месяцами были отрезаны друг от друга. Путешествия по суше, даже на лошадях, было невозможно совершать без отдыха. Существовала особая «мера дальности» — *рест,* обозначающая расстояние на суше, равное переходу между двумя остановками для отдыха[4]. Напрямую, по гористой местности, расстояние было более коротким, но труднопреодолимым. Даже в теплое время года люди, отправляясь в путь, старались пользоваться услугами проводников и брали с собой большие факелы[5]. Судя по сагам, скандинавы охотнее передвигались водным путем даже по своей стране, например если была необходимость посетить общее собрание-тинг или хутор, расположенный в другом районе. Привычка передвигаться на корабле или лодке, вообще по воде, многое объясняет в их образе жизни и приоритетах в эпоху викингов.

Обременительная обязанность заботиться о дорогах и мостах по старинному обычаю возлагалась на местных жителей. Подчас отдельные хозяева строили мост или прокладывали дорогу, в том числе через болото, по обету.

В Швеции, с ее изобилием внутренних вод (большие и мелкие озера, реки), моренным ландшафтом и непроходимыми лесами (особенно были известны обширные леса Кольморден и Тиведен), в зависимости от местного ландшафта и срока давности того или иного поселения люди располагались как деревнями, так и хуторами. Еще в XIII в. согласно областным законам деревни из 12 домохозяйств считались там большими, «полной» (fullbya) считалась деревня уже из шести дворов, т.е. половинная по сравнению с «большой» (half tylft...skal i by uitaet til fullbyær)[6]. В начале XIII в. Старший

[4] СОДВ. С. 111, прим. 106.

[5] Сага об исландцах. Гл. 70. С. 158.

[6] ÄVgL J (j) 15:1; YVgL J (j) 36.

извод закона западных гетов (Вестгеталаг) упоминает деревни с курганами, которые были основаны «в языческие времена» (af heþni bygdaer)[7], т.е. до конца X в.

Хутора были самой распространенной формой поселения в Норвегии, где обживалась территория расширяющегося к югу побережья, с востока ограниченная суровыми горами, а с запада прижатая к Атлантике. Однако на том же побережье и юго-востоке страны развивались и малые деревни. В Исландии, где обширное каменистое, вулканическое и льдистое плато, занимающее всю центральную часть острова, было не только непригодным для жилья, но и непроходимым, первопоселенцы ставили хутора на прибрежных территориях, разделенных оврагами и скалами. В результате образовались «естественные» прибрежные области: Северо-Западная, Северная, Восточная, Южная и Западная.

Внутренняя колонизация в Скандинавии стала заметно интенсивнее с XI–XII вв., преимущественно за счет отселения семейных детей, т.е. распада большой семьи, а также наделения землей рабов. Выделяясь из домовой общины, малые семьи зачастую строились поблизости от старой семьи. Такие группы хуторов родичей, имевших общего предка — разного размера, имущественного состояния и населенности, могли составить деревню, располагаясь в относительной близости друг от друга. Их хозяева нередко строили общую изгородь, отделенную тыном от пастбища. Но, судя по сагам, родичи чаще разъезжались и ставили свои дворы далеко друг от друга, «в облюбованном месте»[8]. В том случае, если у соседей были общие предки, то, как предполагают некоторые исследователи, их деревня была как бы «родовым поселением» (slæktby — др.-исл., slækt — др.-шведск. и т.д.), а пахотная земля там первоначально была в коллективной собственности[9]. В этом случае соседская община плавно вырастала из родовой. В областных законах Норвегии XII в. еще упоминаются такие деревни, с наследственной общей землей (oþalby)[10]. Если же у соседей были разные предки, группа гардов называлась «гренн» (grenn, др.-шведск.) — «соседство».

При наличии свободных земель владелец любой усадьбы мог перенести ее на другое место, даже в соседнюю страну, что происходило, например, если хозяин ссорился с соседями, опасался их мести, или по другим, самым разным причинам[11]. Переезды хозяев с одного места жительства на другое и перенос хутора происходили обычно в последние дни мая и считались «днями (временем) переезда»[12].

---

[7] ÄVgL J (j) 15:1.

[8] ИСИЭ. С. 138.

[9] Ковалевский, 1977. С. 138–139.

[10] UL. Ä 2; SdmL Ä 1:1.

[11] Так, Торвальд и его сын, известный Эйрик Рыжий, сначала уехали из Исландии в Гренландию, поскольку дома оказались виновными в убийстве во время распри. Но на новом месте они опять убили двоих людей и должны были сменить место своей усадьбы, спасаясь от кровной мести (ИСИЭ. С. 87.). Такого рода перемещения, судя по сагам, были нередкими и из-за хозяйственных соображений. В разгар насильственного крещения люди меняли место жительства по религиозным соображениям и т.д.

[12] КИ. С. 611, прим.

«Захват» земли новопоселенцами осуществлялся следующим образом: будущий хозяин от восхода до заката объезжал избранную территорию по ходу солнца, держа пылающую головню[13]. Для обозначения границ своих земель обычно ставили межевые знаки, которыми обозначали также границы областей-ландов.

Независимо от того, стоял ли гард отдельно или входил в деревенское поселение, он не теснился к другим постройкам, а располагался «вольно». Двор имел свой тын или выстраивался в виде прямоугольника с глухими стенами построек наружу. Такой гард представлял собой замкнутое пространство, огражденное либо стенами построек, либо тыном, либо попеременно строениями и тыном. И все было крепко заперто.

Среди законов шведского ярла Биргера, регента при Эрике Эрикссоне Шепелявом (середина XIII в.), сведения о которых дошли до нас благодаря рифмованной «Хронике Эрика», был закон о неприкосновенности двора: тот, кто без разрешения хозяев забрался в чужое подворье, мог быть убит хозяином, притом без уплаты виры. Судя по сагам, индивидуальное подворье пользовалось неприкосновенностью и в эпоху викингов.

В сагах двор, даже самый бедный, — не только место проживания и ядро трудовой деятельности. Это «гнездо» скандинава, убежище от непогоды и врагов, его неприкосновенный мир, символ независимости и самостояния. Сама ограда гарда, делавшая его пространство замкнутым, имела для скандинава, как и стены его дома, важный мистический смысл: все вместе они не только обеспечивали относительную безопасность, но и ограждали его частную жизнь от назойливого внимания и, тем более, от вмешательства извне, а также защищали от злых сил[14]. Это была и нерушимая собственность, и крепость, и свободный мир — микрокосм домашней жизни скандинава.

Независимое, запретное для чужаков индивидуальное *пространство владения* сочеталось с охраной независимости индивидуального *внутреннего пространства человека.* Характерно, что в сагах редко, лишь в особых случаях, говорится о взаимных прикосновениях чужих людей, не считая, разумеется, сражений, драк и ритуальных рукопожатий. Вероятно, кожа как «оболочка», «ограда тела» тоже несла определенную мистическую нагрузку защиты человека от недобрых, враждебных сил.

Устройство хуторов и подворий было достаточно однообразным, но все же здесь имелись особенности, зависящие от строительного материала, населенности, местных традиций, ландшафта, погодных условий, но чаще всего — от состоятельности хозяина. Подворье могло иметь название, подчас восходящее к началу эры. Локализация поселений, их существование на одном и том же или находящемся рядом месте в течение столетий была тем стабильнее, чем раньше были заселены те

[13] ИС. II:1. С. 312, прим. 18.

[14] Ср.: IMS. P. 120.

или иные территории, так как первопоселенцы имели возможность выбрать наиболее удобные для жизни участки земли.

Определенный земельный надел, в первую очередь огороды, т.е. земля, удобряемая с помощью хлева, иногда частично входил в ограду, иногда непосредственно примыкал к ней. Судя по материалам областных законов (в Норвегии — уже с XII в., в Швеции и Дании — с XIII в.), пашни в рассматриваемый период делились на ближние («внутренние») поля, также доступные в той или иной мере регулярной подкормке, особенно торфом, и дальние («внешние») поля. В земледельческих районах Швеции еще в XIII–XIV вв. дальние поля хозяева меняли примерно каждые 20 лет, в связи с оскудением почвы. На новом месте надо было валить и жечь лес, освобождая и удобряя растительной золой землю. Через пару десятков лет возвращались на первый участок: такова была своеобразная, очень трудоемкая «система полей»[15], вероятно, старинная. Впрочем, Дания достаточно рано заимствовала с континента *двуполье.* В сагах упоминания о дальних пашнях очень редки, а сведения о пожогах ради культивации земли мне вообще не встречались, что и понятно, исходя из характера природных условий родины саг Исландии, где не было лесов.

Лес, покосы и пастбища, т.е. *угодья,* разделялись менее четко, в зависимости от их принадлежности одному хозяину или группе соседей. Судя по тому, что в сагах говорится об использовании общей земли (альменнингов), в Исландии собственностью отдельных хозяев были преимущественно дальние выпасы и покосы. В земледельческих районах Швеции и Дании, по свидетельству записей обычного права, господствовала общинная (соседская) собственность на все угодья. Однако в родовых сагах нередки упоминания о раздельном владении пастбищами или отдельными выпасами. Об их переделах[16] ничего не известно, так что можно предположить, что часть общинных угодий к тому времени уже оказалась в собственности отдельных хозяев.

Сведения о жилых и хозяйственных помещениях в сагах немногочисленны, как и сведения археологии. При этом неизбежны повторы, но все же возникает впечатление как об общем типе построек, так и о различиях внутри его.

На равнинах Норвегии можно было встретить хаотично застроенный гард с одним жилым помещением посередине. В гардах могли существовать небольшие дома — как бы отдельные покои, в которых спали, а также такие, где жили женщины[17]. В горных районах постройки могли сооружаться в два этажа: наверху жилье, ниже хлев, конюшни и т.д. Коровник, например, мог быть трехэтажным, с отдельными воротами на каждом этаже. Наверху хранили сено, под нижним настилом-полом могли держать навоз, который одновременно служил удобрением и давал тепло. У зажиточных бондов жилой дом строился из бревен, в два этажа. Крышу обычно крыли дерном.

[15] См.: Сванидзе, 1980.

[16] О переделах земли, даже пашен, у германцев писал Тацит, но со II в. прошло много лет...

[17] СОДВ. С. 175, прим. 38. Особые помещения для женщин обычно находились в глубине подворья.

В Исландии, где было крайне мало своего строительного леса (о его привозе на кораблях из Норвегии часто упоминают саги), он был дорог, так что строения лишь редко сооружались из камня или на каменном фундаменте. Обычно же каркас делался из бревен, чаще же из жердей и обкладывался плитками торфа или дерна, с дерновой же крышей поверх дранки или тех же жердей, т.е. фактически дома были земляными. О «земляных домах» часто говорится в сагах. Считалось, и, видимо, для этого были основания, что стену, сложенную из дерна, трудно сразу пробить[18]. Запасали торф — для строительства, на удобрение и на топливо; в «Саге о Хёрде и островитянах» упоминается особый «торфяной сарай»[19]. Иногда для построек и на топливо использовали плавник, который постоянно прибивало к берегу; его было так много, что каждый брал, сколько хотел, не уговариваясь с соседями[20].

Археологи часто сталкиваются в Скандинавии с остатками так называемых «длинных домов», в один этаж и до 8–10 комнат, идущих анфиладой. Построен такой дом также из дерна, с одним-тремя выходами. В таком доме центральное помещение, самое обширное, имело одно-два углубления для очага, по бокам, вероятно, располагались спальные места. Крайние помещения дома служили скотными сараями, складами, овинами. Нередко к такому дому делались 2–3 небольшие пристройки, расположенные асимметрично.

Саги говорят о больших, просторных домах, которые строили себе богатые хозяева. Так, Гисли («Сага о Гисли», гл. VIII), разбогатев, построил себе жилой дом «длиною в 100 сажен, шириною в 10», с юга к нему была пристроена комнатка, где женщины занимались рукоделием. Типичный, рядовой исландский и вообще скандинавский двор состоял из нескольких примыкающих друг к другу строений, каждое со своей крышей. Земляные стены были без окон или с маленьким оконцем наверху. Потолка не было. Посредине жилого помещения располагался очаг. Топили по-черному, дым выходил через отверстие в крыше, которое можно было закрыть ставнями[21].

Судя по «Саге об исландцах» (гл. 33, 55), в XIII в. в верхней части боковой стены дома делали окошко, в церкви — даже застекленное; так, персонаж по имени Эйольв выбрался однажды из церкви наружу через стеклянное окно, проделанное в восточной стене.

Основным помещением в доме был *холл* или *горница,* длиной до 12 м. Здесь проходила вся внутренняя жизнь домочадцев: готовили пищу, ели, рукодельничали, принимали гостей и путников, спали. Судя по «Саге о Фритьофе Смелом» (гл. XI), в богатой усадьбе устраивали специальное гостевое помещение, где размещали «незначительных» гостей, которых не принимали в главной палате. Иногда холл делили

[18] Сага об исландцах. Гл. 67.

[19] ИСИЭ. С. 482.

[20] Сага о Греттире. Гл. IX.

[21] ИС I. С. 741.

вертикальными бревнами на две-три части. Пол застилали соломой или тростником. Скамьи вдоль стен служили спальными местами, часто это были сооружения в виде длинных ящиков из досок или дерна, которые иногда отгораживали пологом. И позднее, в XIII в., горница оставалась главным помещением в доме. В ней часто устраивали два отсека, разделенные перегородкой, и каждый со своей входной дверью. Холостые женщины и мужчины спали раздельно («Сага об исландцах», гл. 171), причем женский отсек имел свое наименование. Были в обычае спальные ниши, со ступеньками и дверцей, если это было супружеское ложе, где нередко спали вместе с маленькими детьми или внуками[22]. Наряду с общими покоями в домах все чаще сооружались отдельные спальные каморки, двери которых снабжались запором[23]. Иногда такая спальная горенка помещалась на чердаке и спящие там пользовались чердачной дверью с запором[24]. Кроме постоянного стола имели запасную столешницу.

В центре холла располагался очаг, а по сторонам от него и вдоль стен, как было сказано выше, размещались лавки, на которых сидели и спали. В большом доме могли разместиться на ночь (на скамьях) до 120 человек («Сага о Гисли», гл. XVI). «Тогда [в Исландии] было принято строить на хуторах большие покои, — повествует «Сага о Греттире» (гл. XIV). — Вечерами люди сидели там возле очагов или ставили столы, а потом они спали у стен на полатях. Днем женщины чесали там шерсть». При доме имелся сеновал, в зажиточном доме — не один. У наружной стенки устраивали поленницу («Сага об исландцах», гл. 151). В доме хёвдинга («вождя») имелась каморка с засовом и пожарная дверь; имелась и кухня с очагом (eldhus), скорее всего также в доме. Отхожее место устроено во дворе, а перед домом выложена дорожка[25]. Холл в таком доме был самой большой и нарядной комнатой, там принимали гостей, устраивали торжественные трапезы.

В «Саге о Хёрде и островитянах» говорится о «доильном загоне» и о том, что в доме были подземелья (погреба?)[26]. В сагах упоминаются разные *сараи:* конюшни, овчарни, коровники, — видимо, отдельные постройки. Есть упоминание также о седельном сарае, где, вероятно, держали конскую упряжь. Строили *кладовые,* как при входе в дом, так и отдельно, вне его. В «Саге о Греттире» описана такая кладовая: «Пришли они к большущей клети. В нее вела входная дверь с большим запором, клеть была выстроена надежно... расположена высоко, так что надо было подняться к ней по лестнице». Постепенно функции главной комнаты переходят к так называемой *стове* (stofa, stova), она называлась также по-прежнему залом, холлом; там проводили время, ставили стол для обыденных и праздничных трапез, принимали гостей, а на лавках у стен спали. В холле же порой размещались рабы и слуги;

[22] Сага о Гисли. Гл. XV, XVI.
[23] Сага об исландцах. Гл. 175, 176.
[24] Сага о Греттире. Гл. VII.
[25] Сага об исландцах. Гл. 71.
[26] ИСИЭ. С. 479, 480.

впрочем, судя по сагам, они чаще ночевали в пристройках или «по месту работы», например в коровнике. В праздник полы комнат застилались свежей соломой, стены и лавки покрывались коврами или драпировочными тканями, а также подушками. Нередко к дому пристраивалась особая рабочая комната для женщин, где они шили, пряли, вышивали и просто проводили время («Сага о Гисли», гл. IX, XIX). Пристройка к дому, или «малый дом», упоминается в сагах неоднократно; согласно «Саге об исландцах» (гл. 66), в такой пристройке к дому богатого человека спал работник.

Повсеместно жилые и хозяйственные помещения устраивались под одной крышей («длинный дом»), причем их стены служили и оградой двора.

В Норвегии и Швеции были частыми срубные дома, а в древности также земляные, особенно хозяйственные постройки[27].

В доме среднего исландского хозяина могли быть одни двери, запиравшиеся на засов и/или подпиравшиеся балкой. Жилище зажиточного хозяина имело опорные балки и несколько выходов: боковые двери и дверь с торца дома[28]. В нем существовала отдельная каморка или ниша — супружеская спальня, которая закрывалась дверью с мощным железным засовом. Домочадцы размещались в общих помещениях. Дом знатного исландца, состоятельного хуторянина Гуннара («Сага о Ньяле», гл. XLIV), был сделан из дерева, с дощатой крышей и окошками в ней, которые закрывались ставнями. В двери по древнему обычаю также было окошко[29]. Сам он спал в каморке на втором этаже, вместе с женой и матерью. Как и в другом богатом гарде, там был еще специальный домик, где женщины занимались рукоделием. Каморка, где висели щиты и находилось другое вооружение, скорее всего, устраивалась в жилом доме[30].

Рассказывается и о другом зажиточном доме. В нем главные покои разделялись на несколько частей: комната с очагом и с дверями, а возле очага — большая кухня; в глубине помещения, за кухней, «по тогдашнему обычаю», находилась спальня с засовом. По обе стороны от кухни у стен располагались чуланы: в одном из них хранилась вяленая рыба, в другом — мука. Каждый вечер в кухне «зажигали огни для готовки»[31]. В «Саге о сыновьях Дроплауг» говорится о хозяйской «постели с засовом», т.е. отдельной каморке, в которой помещалось только спальное место хозяев. Судя по многим сагам, хозяева обычно спали и в главном помещении, в комнате с огнем (skali, eldscali), а домочадцы — на полатях, ближе к выходу. Упоминается угловая кровать (stafnrekja). У состоятельных хуторян было также «вдоволь больших и хороших клетей» для различных припасов и товаров, которыми хозяин

[27] Зеленые, из дерна или торфа, крыши можно увидеть в Скандинавии и сегодня, чаще всего на хозяйственных постройках.

[28] Сага об Ароне сыне Хьерлейва // ИС 11:2. Гл. V. С. 250.

[29] Сага о Хромунде Хромом // ИС II:1. С. 115.

[30] ИС I. С. 516, 518.

[31] ИС II:2. С. 105. О «крепкой спальне с засовом, сложенной из строевого леса», см.: Там же. С. 55.

намеревался торговать[32]. Припасы также держали в клети, а «сокровища» — в сундуках и ларцах[33].

Стены богатых покоев украшали рисованными или резными по дереву сценами из мифов и героических сказаний. В «Саге о людях из Лососьей Долины», события которой относятся к концу первой половины X в., а запись возникла примерно в середине XIII в., стены главного дома, где играли свадьбу знатного и богатого Олава, были украшены изображениями событий, описанных в стихотворении скальда Ульва сына Угги. А новый дом, возведенный по приказу Олава, был «больше и лучше, чем до сих пор видели». Стены и крышу внутри горницы украшали изображения событий из знаменитых сказаний, и «все было выполнено так хорошо, что помещение было гораздо красивее, когда не было увешано коврами»[34]. В доме состоятельного Гицура вся передняя часть горницы была «богато украшена резьбой», другая часть обшита досками, а горница с покоями завешана пологами. В «Саге о Гисли» (гл. XII) упоминается обивочная ткань. «Дворец», о котором повествует поэма «Беовульф» (ст. 720), имел «затворы кованые»; вряд ли этот обычай гаутов (и, вероятно, не только их) был позднее утрачен.

В Норвегии и Швеции основными жилыми помещениями были *изба-стюга* и кухня с очагом. В стюге принимали пищу, там размещались лавки, а стол вносили на время трапезы. Вдоль стен — лавки, они же спальные места, представлявшие себой длинные ящики с высокими бортами; часто они находились там же, где очаг. Подвесные угловые шкафчики использовались для посуды в Норвегии и Швеции и много позднее и дожили до новых времен[35]. В углу комнаты стоял ткацкий стан. Стены и мебель могли быть расписаны или покрыты резьбой. Судя по «Пряди о Стуве», сиденья вдоль противоположных стен стюги предназначались для главы дома — символ его хозяйского статуса. Около него стоял оберег дома: статуя одного или двух высших богов, обычно в виде обтесанного бревна, верхняя часть которого имела форму грозной бородатой головы. Напротив, на южной стороне, располагалось второе «главное» сиденье, немного ниже первого, предназначенное для особо почетного гостя. Переезжая, хозяин дома обычно забирал с собой почетное сиденье и статуи божеств.

Поперечные лавки в глубине комнаты обычно занимали женщины. В другом помещении сиденья располагались вдоль стен, перед ними ставили столы для трапез.

В лесистой Швеции жилой дом представлял собой ту же бревенчатую избу. Она состояла из одной или нескольких комнат, в зависимости от состоятельности

[32] ИСИЭ. С. 118.

[33] Там же. С. 482.

[34] ИС I. С. 314–315.

[35] Известный в Швеции профессор Стен Карлссон из Упсальского университета (ныне, увы, покойный), принадлежавший к династии профессоров-медиевистов, с гордостью показывал мне в гостиной своей обширной квартиры угловой подвесной шкафчик, выкрашенный голубой масляной краской и расписанный цветами, который принадлежал его деревенскому пращуру.

хозяина. Спальни частично располагались наверху. В отдельном помещении был очаг для выпечки хлеба, варки пива, приготовления пищи летом; на перекладине, которая тянулась во дворе от сарая до стены жилого дома, сушили белье[36]. Кладовая стояла на клети или столбах, там хранили зерно, одежду, устраивали летнюю спальню. В доме наряду с одной или несколькими кладовыми мог быть и подпол для припасов под сенями. Отапливались только жилые помещения. Сараи (stabbur) служили для сушки и хранения рыбы, инвентаря, лодок. Имелись *овин* для сушки зерна и *баня* с открытым очагом. Иногда баня помещалась в боковых пристройках дома, но чаще стояла отдельно.

Наличие бань в усадьбах скандинавов уже в эпоху викингов — примечательная черта северогерманского быта. Сохранилось описание скандинавской бани: двойное помещение, которое было вырыто в земле; в одной его части находилась печь, а над ней отверстие, чтобы «поддавать жару», в другой — оконце и входная дверь, от которой вниз ведут ступени[37]. В другом случае описывается баня, также вырытая в земле, с подполом, над ним — окно, через которое подавали воду. Постройка возведена из хорошего леса, двери крепились на мощных столбах, от двери вниз вели ступени. В «Пряди об Аудуне с Западных Фьордов» также упоминается баня[38]. О том, что баня была привычна для скандинавов, свидетельствует также «Сага об исландцах» (гл. 76), один из персонажей которой вышел из бани «в банной шапочке и холщовых одеждах». Своя баня имелась не у всех бондов, те, у кого ее не было, могли поехать туда, где были устроены общественные бани для совместного мытья мужчин и женщин, в частности в соседний городок[39] (сведения касаются Норвегии).

Этнографический музей на открытом воздухе на острове Скансен (Стокгольм)[40], как и многие раскопки, дает зримое представление о сельских дворах, домах и их убранстве в Швеции эпохи викингов. Собственно, такие дома известны по всей Северной Европе с бронзового века. Музейные материалы в данном случае дополняют сведения саг.

Итак, основой для построек служили бревна или жерди, обложенные с одной или обеих сторон торфом либо дерном. Жилое помещение состоятельного хозяина, хлев, мастерские, дом для гостей, отдельная кухня и прочие сооружения размещались в просторном дворе. Гарды имели чаще всего прямоугольную форму. Жилой дом был или длинным, с входами в центре фасада на обе стороны дома, расположенными посередине, или покороче, с единым пространством, организованным вокруг входа. Дом размещался обычно на южной стороне двора, а конюшня, общий

[36] ИСИЭ. С. 153.
[37] ИС II:2. С. 61.
[38] ИСИЭ. С. 83.
[39] Сага об исландцах. Гл. 141.
[40] Музей основан Артуром Хацелиусом в 1891 г.

хлев и, если был, особый хлев для ягнят[41] — на северной; амбары же, сараи, навесы для инвентаря и повозок, подсобные помещения — по боковым сторонам. Имелись небольшая комната для занятия тканьем, помещения для летнего пользования. Внутри двора пол был земляной или мостился собранными на полях камнями. Нередко жилые и хозяйственные постройки составляли общий дом, построенный из круглых бревен, где жилым помещением служила небольшая комната с очагом. Либо выстраивался длинный, до 30 м, дом, внутри иногда разграниченный вертикальными столбами на несколько помещений. В жилых домах зимой иногда держали животных, особенно приплод.

Дома не имели потолка. Двускатная крыша, укрепленная на столбах, крылась дерном. Окон не прорубали или устраивали небольшое оконце со ставнями вверху стены либо в крыше, в последнем случае свет поступал через это отверстие, служившее одновременно и дымоходом. Очаг, обложенный камнями, располагался в центре помещения, на земляном полу. Отапливали только те части дома, где жили. В качестве мебели использовали прибитые к стенам лавки, они же — спальные места. Кровать главы дома, устроенная, как правило, в углу комнаты, состояла из длинных жердей, положенных на козлы или на основание, прикрепленное к полу. На жерди клался настил из еловых или иных веток, сено. В постели пользовались льняными или сермяжными простынями и перьевыми подушками, но иногда постельным бельем служила одежда[42]. Как подстилку в постели обычно использовали солому («Сага о Гисли», гл. XXVIII–XXIX). В роли одеяла выступали овчина или другой мех. Прямоугольный стол, круглый стул-табурет, один или два сундука дополняли меблировку жилища. Стены и наружные доски лавок старались украсить резьбой или цветочным орнаментом, нарисованным растительными красками.

Спали чаще всего по двое[43]. В состоятельном гарде приобретались специальные «скамейные доски»[44], резные панели, которыми украшали лицевые стороны спальных мест — лавок и длинных «ящиков», расположенных вдоль внутренних стен главного помещения. В дороге или если приходилось ночевать в холодном помещении, использовали спальные мешки[45]. В «Пряди о Халльдоре сыне Снорри» рассказывается, что норвежский конунг Харальд Прекрасноволосый (начало X в.), который в старости мерз, особенно по ночам, попросил прислать ему из Исландии лисьи шкуры, чтобы «обтянуть ими постель» (гл. III).

Отхожее место в некоторых домах было под одной с ним крышей, а над ним располагался чердак. Иногда уборную помещали около тех или иных входных

[41] ИС II:1. С. 152.

[42] ИС I. С. 217.

[43] «Соседи по постели» упоминаются, в частности, в «Пряди о Торстейне Морозе» (ИСИЭ. С. 127) и в других сагах.

[44] Там же. С. 87.

[45] Там же. С. 92, 99.

дверей, но весьма часто — отдельно, подальше от жилого помещения[46]. В некоторых усадьбах это было довольно большое строение, по несколько «очков» с каждой стороны. Уборная, описанная в «Пряди о Торстейне Морозе», была рассчитана на 22 человека, «по 11 с каждой стороны» и с сиденьями[47]; видимо, строя уборную, рассчитывали не только на домочадцев, но и на гостей. Судя по «Саге об Эйрике Рыжем», ночью в отдельно стоящую уборную ходить в одиночку опасались, поскольку там могли являться мертвецы и даже нечистая сила.

Крышу дома делали двухскатной. Часто поверх настила из досок или жердей ее крыли берёстой, тем же дерном (особенно часто — хозяйственные постройки). Срубы в богатой усадьбе обшивали вертикально поставленными досками, коньки избы, карнизы и проч. покрывали резьбой.

Итак, хотя топография подворий и устройство строений в Скандинавии эпохи викингов варьировались в зависимости от природных особенностей того или иного района, местных традиций и степени состоятельности владельца, для них характерны и многие общие черты. Жилища всей Скандинавии имели низкие помещения небольшого объема, узкие лестницы, использование плит торфа или дерна для обкладки деревянных каркасов стен и крыши, отсутствие потолков, очень маленькие окна в крыше или в верхней части стен, закрывавшиеся ставнями, а также прочные двери, иногда с окошком. Топили по-черному. Подполы и разные каморки-клети использовались для хранения припасов[48], а также предметов труда и быта — от грабель, «большого плотницкого ножа», клещей, разного размера топоров, ящиков с инструментами[49] до весов и гирь[50], валька для белья[51] и т.д. Во многих районах делали под крышей крепившуюся к стенам поперечную балку; на нее нанизывали круглые лепешкообразные хлебы с дырой посередине, которые напекали впрок и снимали с балки по мере надобности.

Характерной была и мебель. Повсюду это укрепленные вдоль стен лавки и длинные спальные ящики, кровать (или кровати) хозяев в виде шкафа с дверцами, ступеньками и запором либо с занавеской. Настенные полки служили для посуды. Иногда два спальных места, расположенные под углом друг к другу, соединялись изголовьями, в результате чего получалась угловая кровать. Вещи, «добро» держали в сундуках[52]. Драгоценности и монеты также держали в сундуках или ларцах, нередко закапывали где-нибудь на усадьбе. Стены и мебель украшали резьбой или расписывали, а в торжественных случаях по возможности увешивали специальной

[46] ИС II:2. С. 56; ИС I. С. 367 и др.
[47] ИСИЭ. С. 127.
[48] Там же. С. 482.
[49] Там же. С. 483.
[50] КЗ. С. 415.
[51] ИС II:2. С. 97, 99, 103, 107.
[52] КЗ. С. 415.

обивочной тканью или гобеленами, коврами. Огонь разжигали при помощи трутницы — коробочки или мешочка, где хранили ветошный трут и кремень с огнивом. Трутницы брали с собой и в путешествия.

Знаменитое Усебергское захоронение середины IX в. познакомило нас с утварью богатой норвежской женщины, как предполагают, королевы Асы. В ее похоронном корабле находилось четверо саней, три кровати, стул и три сундука. Стул был изготовлен из дерева вместе со спинкой, сиденье крепилось отдельно. Кровати имели каркасы, а их деревянные угловые столбы завершались головами языческих идолов. На эти столбы крепились боковые планки кроватей, а дно представляло собой сеть из металлических прутьев, приделанных к раме. Столь высокое качество этой мебели несколько напоминает сиденья, описанные в «Саге о людях из Лососьей Долины» и также отличавшиеся большой изысканностью.

Посуду употребляли оловянную, медную, керамическую и деревянную. В распоряжении хозяев были котел и цепи для его подвешивания над очагом, жаровни и металлические пруты для нанизывания кусков мяса и целых тушек животных, печные горшки и котелки, сковороды, чаши, кубки, ведра, бадьи и чаны, ступа с пестиком, топор и нож для разделки мяса. Набор кухонной утвари зависел от хозяйственности и состоятельности владельцев гарда. У богатых людей были кубки и другие столовые предметы из стекла и кости, целиком из золота и серебра или только отделанные этими драгоценными металлами. Такие вещи высоко ценились. В раннем городе Старом Лёдёсе (Вестергетланд) при раскопках была обнаружена деревянная плошка, высокие края которой были красиво скреплены медным обручем[53], тоже отличающаяся большой изысканностью. В распоряжении хозяев были бочки и кадушки, кожаные мешки или шкуры (belgr) для припасов — муки, масла, кислого молока, солонины, травы, товаров для торговли и многих других предметов. Как свидетельствует «Сага о Ньяле» (гл. CXVI), в обиходе нередкими были полотенца и скатерти.

Интересно описание дома богатого кура (курша) с восточного берега Балтийского моря, куда попали плененные поэт и воин Эгиль и его спутники, которые отправились в Курляндию. Они сумели освободиться и прошли по всему помещению, захватывая оружие и убивая встречных. В доме был чердак, где помещалась спальня хозяина и хранилось много оружия, а также горница, разделенная дощатой перегородкой, по одну сторону которой находилась рига, а по другую в это время шумно пировали хозяева. Этажи дома сообщались между собой запиравшимися дверями-люками в полу. Захватив оружие и спустившись вниз, исландцы обнаружили под полом глубокую яму, где сидели пленники, превращенные в рабов, и освободили их[54].

[53] RVHAA Årsbok, 1963. Fig. 34. S. 100.

[54] ИС I. С. 142–143.

Кроме помещений на своем хуторе хозяева обычно имели еще по два-три помещения вне хутора или подворья. Одно из них — *летний сарай на сеттере,* т.е. горном пастбище, куда пастухи или сами хозяева отгоняли скот весной и откуда пригоняли его с наступлением холодов. Поскольку сеттеры располагались вдали от жилья, туда приходилось добираться на лошадях[55]. Сарай на сеттере обычно представлял собой хижину из бревен, досок или жердей, не рассчитанную на зимовку; при ней устраивался загон для скота, огороженный жердями и прутьями. Судя по сагам, территории на сеттере, предназначенные под пастбища и для заготовки сена, находились в собственности либо долговременном владении того или иного хозяина. Сведений о наличии или отсутствии переделов этих угодий у меня нет. Иногда на сеттере устраивали и более долговременные, прочные помещения, где можно было также вести хозяйство, как это сделал Скаллагрим в «Саге об Эгиле»[56].

Особый домик в одно помещение ставили для себя тингманы, т.е. постоянные участники народных собраний-тингов, в традиционных местах их проведения. Это помещение было закреплено за построившим его хозяином. Оно было небольшим, состояло из четырех стен, сооруженных из глины, дерна или торфа. Хозяин или посланные им работники на время тинга покрывали эти стены сверху и завешивали изнутри привезенными коврами или тканями; там находились также скамьи для сидения и, возможно, ночного отдыха, ведь тинг нередко продолжался более одного дня. На традиционных местах тинга и торжищ жители разных областей постоянно размещались на определенных участках.

Владельцы кораблей и лодок — а таких на побережьях региона было абсолютное большинство — имели также *корабельные сараи*: крытые помещения неподалеку от открытой воды, куда затаскивали суда как на зиму, так и в том случае, если хозяин не собирался пользоваться ими в течение длительного времени. Эти корабельные сараи упоминаются во многих сагах. Умышленный поджог такого сарая, тем более вместе с кораблем, приравнивался к поджогу жилища и сурово наказывался.

В Старшей редакции Вестгеталага (первая четверть XIII в.) подробно предписывается, «как нужно строить *мельницу*» (Huru meulbu skal gära), что было непосредственно связано с законами о земле и землепользовании. В сагах же сведений о мельницах я не нашла.

В условиях кровной мести, междоусобиц, постоянных стычек и настоящих сражений по разным поводам все жилища укрепляли. Те, кто были в состоянии, возводили вокруг хутора целые укрепления, превращая двор в «крепость» (virke), а дом — в «замок» (hus). Обычно хозяином такой крепости был «видный и влиятельный человек», чаще всего король. В этом случае сооружали редут со рвом и стеной из необработанного камня, реже — вал.

[55] Там же. С. 192, 367.

[56] Там же. С. 115.

Такие сооружения упоминаются во многих сагах. Крепость конунга Олава была окружена валом из камней, дерна и бревен, дополнительно укрепленных сверху частоколом из заостренных бревен. Кроме того, перед валом король велел вырыть ров. Внутри крепости «он основал торговый посад» и повелел «размечать участки для других дворов и давал их людям, чтобы те там строились», что являлось типичным вариантом организации городского поселения при замке или крепости[57]. Более простые укрепления создавали зажиточные хозяева для защиты от воинственных соседей, разбойников, находников из-за моря[58]; а сами разбойники сооружали крепости в качестве своего логова. Так, например, ставший разбойником Хёрд возвел подобное укрепление для себя и своей ватаги на острове. Хуторяне, ожидая нападения, укрепляли дом изнутри дополнительными внутренними стенами, с дверями на засовах, замками на дверях своих спален. Повышали прочность крыш, так что на них можно было организовать оборону, а также строили укрепления из бревен[59].

Для того чтобы пробить брешь в оборонительной стене или снести ее, нападающие, в свою очередь, пользовались таранами из бревен, разрушали стены и крыши камнями[60].

Не только бедняки и хозяева среднего достатка владели только одним гардом, но и многие зажиточные, состоятельные люди, гард которых был полной чашей. Тот же, кто владел двумя гардами, считался весьма богатым человеком. Некоторые семьи родовой знати и, разумеется, конунги владели несколькими, подчас многими богатыми гардами, в некоторых из них возводились большие дома. Однако каменные постройки известны в Норвегии только с XII в., и, например, упоминание в «Саге о Ньяле» о каменной палате с «прекрасным пологом и престолом»[61] является скорее всего позднейшей вставкой. Дружинники короля Олава спали в «большом доме», где находилось место и для «гостей» и имелась также обширная палата для решения разных дел (гл. LXI).

Очевидно, что бытовые удобства даже в жилищах элиты были весьма относительными. Когда в дом состоятельного и именитого хуторянина попала на временное проживание женщина из Ирландии, перевезшая с корабля свои сундуки и «ларчики», она потрясла хозяев постельными принадлежностями. Женщина достала из дорожного сундука «изысканное постельное белье: плотные английские простыни и шелковое покрывало с подкладкой, занавес в локоть шириной и шатер полога... Это все представляло собой огромное богатство, невиданное в тех местах», — заключает сага[62].

[57] Сага о Олафе святом. Гл. LVII, LXI; КЗ. С. 196, 201.

[58] См., например: ИС II:1. С. 111, 334.

[59] Сага об исландцах. Гл. 33.

[60] Там же. Гл. 37.

[61] ИС I. С. 447.

[62] ИС II:2. С. 101.

Как уже говорилось, гарды и строения в них различались в зависимости от уровня состоятельности владельца. В сагах преобладают рассказы о наиболее заметных людях и семьях, которые обычно относились к состоятельному или, чаще, богатому и правящему слою населения. Лишь изредка, походя, в сагах проскальзывает замечание об одиноко стоящей хижине в одну небольшую комнату, о населяющей ее супружеской паре, которая не имеет земли и живет за счет охоты и собирательства. Поскольку сведения о бедных хуторянах буквально единичны, полнее представить их быт практически невозможно.

Поджог дома, особенно вместе с его обитателями, карался по закону пожизненным изгнанием («Сага о Курином Торире») и конфискацией имущества. Впрочем, судебный процесс по такому поводу далеко не всегда возбуждался, и не только потому, что виновные в этом преступлении могли быть более могущественными людьми, нежели потерпевшие, но и потому, что скандинавы еще долго предпочитали кровную месть публичной судебной процедуре.

Бонд, его семья, род, домовая община

Каждый гард имел своего владельца — лично свободного и полноправного *бонда* (bóndi, búandi — «живущий [на земле]»). И здесь надо сразу же отметить двоякое значение этого термина в сагах, да и позднее, в областных законах и в общем земском законодательстве XIII–XIV вв.

В своем первом значении бонд — это прежде всего *хозяин* своей семьи, всех насельников подворья, жилых и хозяйственных построек на нем и пахотной земли, либо наследственной — норвежского одаля или шведского арва, либо благоприобретенной, обычно купленной. Судя по сагам, он же распоряжался разделенными частями покоса и выгона, постройками на сеттере, на поле тинга, и на побережье, местом на торжище, скотом и всем движимым имуществом в гарде, своим кораблем или малым плавучим средством и их содержимым. Также он имел наследственную долю в общественных угодьях — альменнинге, из-за права на которые, их порчи или потравы между соседями нередко вспыхивала жестокая вражда.

Бонд — глава и хозяин гарда. Он разбирал семейные конфликты и распри на хуторе и отправлял некоторые языческие обряды, для чего у семьи были свои малые святилища: священные камни, деревья и источники. Он также был полноправным членом тинга, от местного до областного, а в Исландии и всеобщего (альтинга). Таким образом, саги свидетельствуют, что в эпоху викингов скандинавский *бонд обладал полнотой правообязанностей свободного человека,* который «сам обеспечивает» себя и свою семью[63]. Понятие «*правообязанности*» означало, что права свободного скандинава в эпоху викингов были одновременно его обязанностями: участие

[63] Позднее, в условиях государства, к названным признакам «самостоятельности» добавилась способность нести государственное тягло.

в ополчении и народном собрании, получение судебной защиты в отношении жизни, чести и имущества, участие в религиозных церемониях, пожертвованиях жрецам, податях вождям и др. В таком значении можно встретить обращение «бонд», адресованное даже очень богатому и родовитому хозяину (например, в «Саге о людях с Песчаного Берега» и ряде других саг)[64].

В своем втором значении бонд — *поселянин, крестьянин, мужик-простолюдин,* человек не родовитый и не облеченный властными полномочиями, в отличие от представителей родовой, а затем и служилой знати, т.е. тех семей, члены которых обычно, во-первых, были состоятельными либо благодаря полученному наследству, либо особым личным заслугам, а во-вторых, получали почетные и влиятельные посты. Иногда словом «бонд» обозначается арендатор гарда, видимо, тоже в смысле «мужик» и человек, самостоятельно ведущий свое хозяйство. Чаще всего в родовых сагах фигурируют бонды высших слоев, состоятельные или крепкие хозяева, особенно те, которые сами или их дети заслужили высокую репутацию, почетные общественные должности и/или посмертную славу, короче — «вошли в сагу». Такой бонд — человек немногословный, очень гордый и самолюбивый; он умелый, зажиточный и рачительный хозяин, одновременно прижимистый и щедрый, отличный воин и прекрасный мореход. Он способен на крепкую дружбу[65] и смертельную вражду, вспыльчив, обидчив и драчлив, любит сутяжничать, не жалеет ни чужой, ни своей крови.

Саги свидетельствуют, что подворья не только представителей элиты, но и хозяев со средним достатком нередко были переполнены людьми, которых там подчас собирались десятки. Однако подобная населенность создавалась отнюдь не только и вообще не столько за счет семьи хозяина.

Семьи, населявшие хутор бонда, судя по сагам, были разного состава. Как правило, это уже не были большие семьи, т.е. коллективы родственников, включающие невыделившихся женатых сыновей, сообща владевшие имуществом и трудившиеся, а также сообща потреблявшие продукты общего труда. Судя по сагам и законодательству XII–XIII вв., именно в эпоху викингов совершен решительный скачок от *большой семьи — к малой, индивидуальной,* которая стала преобладающей в XI–XIII вв. Обычно семью хозяина усадьбы составляли жена и дети, не состоящие в браке. Однако нередко встречаются и другие варианты: неразделенные, разросшиеся, неполные и сводные (сложные) семьи. Так, с известным Ньялем из его троих женатых сыновей совместно с отцом живут два («Сага о Ньяле», гл. XXIX)[66]. С богатым и могущественным владельцем гарда, окружным судьей и жрецом (годи) живет сестра с взрослыми сыновьями, которые «все очень заносчивы» («Сага о Названых

[64] ИС II:2. С. 99 и др.

[65] В этом плане поразителен факт самоубийства одного из персонажей «Саги о Хромунде Хромом» после смерти его друга (ИС II:1. С. 110).

[66] Там же. С. 486.

Братьях»). В доме другого богатого человека проживает вдовая сестра с сыном[67]. В «Саге об Эгиле» два младших сына живут и «распоряжаются» в богатой наследной вотчине покойного отца, а два старших служат у конунга[68]. В других случаях два брата совместно владеют хутором, в котором живут. Еще в XIII в. хутором могли совместно владеть взрослые братья: в «Саге об исландцах» (гл. 132) «сыновья Арни держали хутор на Стуже»: два Гудмунда, Йон и Олав. Рассказывается о вдове, которая живет с взрослыми сыновьями[69]. Вдова живет с сыном, вместе они занимаются хозяйством, а при них — одинокая «старуха»[70]. В некоторых случаях с женатыми детьми живут престарелые родители, чаще — вдовая мать. К владельцам усадьбы частенько пристраивались бедные и одинокие родичи хозяина и/или хозяйки, иногда с детьми; их положение на хуторе нередко было приниженным. Так, у состоятельного хуторянина мог жить на положении работника неудачливый сын родной сестры. Во всяком случае, судя по сагам, старики и сироты, имевшие обеспеченную родню, не ходили с протянутой рукой. В богатых гардах частенько жили воспитанники либо приемыши, друзья хозяев, воспитатели их детей, охранники и т.д.

Хозяин отвечал за положение и поведение членов семьи, как, впрочем, и всех насельников своего гарда. Например, если с хозяйской семьей жила одинокая, разведенная или вдовая сестра хозяина, либо, что встречалось намного реже, его свояченица, хозяин гарда должен был следить за ее поведением, дабы она не ославила хутор, и поэтому старался побыстрее выдать ее замуж или переправить на жительство в другое место[71].

Перечисление вариантов можно продолжить, но очевидно, что *состав семьи* людей саги варьировал от малой до разросшейся малой и, реже, традиционной большой. Во всяком случае, в шведской усадьбе того времени, особенно в Средней Швеции, нередко совместно жили несколько поколений одной семьи или даже группа родичей. В сагах имеются сведения о том, что отец, достигнув старости, передает владение сыновьям, оставаясь на хуторе[72]. Торарин из Лососьей Долины («Сага о людях из Лососьей Долины», гл. X) жил у тестя Торстейна и помогал ему нести бремя старости. Воин и скальд Эгиль, потеряв сыновей, жил с дочерью, которая заботилась о нем, и т.д.

Согласно «Саге об исландцах» (гл. 6), в усадьбе на Свиной горе со своей родней проживала Халльдора дочь Туми, к которой посватался видный жених. Турид, мать Халльдоры, вместе с попечителем девушки и с проживавшей в усадьбе родней, а также другими «знатными родичами», живущими, видимо, отдельно, сочли

[67] ИС II:2. С. 51–52, 215.
[68] ИС I. С. 91.
[69] ИС II:1. С. 173, 214 и др.; ИС II:2. С. 35.
[70] Там же. С. 160.
[71] Ср.: ИС II:2. С. 63.
[72] Сага о Греттире. С. 53.

намечающийся брак почетным и дали на него согласие. Молодые хорошо поладили. Муж Халльдоры Сигват «вписался» в семью жены и даже принял под свое управление «родовой годорд» (округ при капище) Стурлунгов, который ранее держал глава рода Стурла. Очевидно, что речь здесь идет о богатой наследнице, которой после смерти отца был избран попечитель, скорее всего из числа родичей, имевший голос при устройстве ее судьбы. Решение о ее браке принималось не только совместно живущими родичами, но и всей «знатной родней». Конечно, в данном случае, когда решается судьба потерявшей отца знатной и богатой наследницы и, что не менее важно, судьба большого наследства и общественных обязательств ее отца, слово родни имело большое значение, и родня от своей роли отнюдь не отказывалась. О том, сколь значимыми были родственные связи в кругу элиты, свидетельствуют и другие эпизоды этой саги, созданной уже в начале второй половины XIII в.: например, знатный человек просит родичей, вероятно более бедных, переехать к нему, чтобы жить в его имении и присматривать за хозяйством (гл. 13).

Судя по ранней редакции Эстгеталага (30-е гг. XIII в.), и агнаты, и когнаты, т.е. кровные родичи по отцу и матери, одинаково назывались «нидиар» (др.-исл. níþiar). Но бóльшее значение имел отцовский род, роль которого преобладала и в рассматриваемое время, и в период классического Средневековья. Все имущественные права и обязательства отсчитывались исходя из мужского начала и по мужской линии. *Род* должен был насчитывать не менее четырех поколений по мужской линии. Обычно он обозначался термином *эмт* (ætt, ätt, ср. готский термин aiths — «собственность»); реже встречается термин *кин* (kyn, kön, kind, kini, kindi и т.п.), а также упоминавшийся *слэкт*. Свойственники (свояки), т.е. люди, близкие по обеим линиям и ставшие близкими, благодаря брачным отношениям, одинаково называются в законе *френдр* (frændr, ед. ч. frændi, вероятно, от др.-герм. frjā — «любить»), т.е. «любящие», «близкие»[73].

В свое время Тацит подчеркивал роль родовых отношений в среде северных германцев. Он писал о том, что воинские единицы обычно состояли из родичей; что верность роду у них была общим законом жизни, а неверность, предательство, злодеяние в отношении рода и родичей являлись несмываемым позором для виновного и, подобно трусости в бою, лишали его правоспособности. И что самое большое значение для человека имела похвала или хула со стороны родичей[74].

Судя по сагам, за минувшие столетия род потерял многие свои функции. Он перестал быть большой, совместно живущей группой кровных родственников, хозяйственной единицей и абсолютным владельцем общеродовой собственности. Он уже не формирует в обязательном порядке воинские единицы, не может обязать одного

[73] ÖgL. B 28:2; Ä 2 pr, 2:2, 3 pr.

[74] *Тацит*. Указ. соч. Гл. 7, 21 и др.

родича помогать другому материально или личным участием в его делах и т.д., хотя *в практике* общественных отношений обязательства родни вполне четко отражены. Основной социальной ячейкой общества становится малая или разросшаяся малая семья, с ее трудовыми усилиями, индивидуальной собственностью на основные средства труда и (не всегда) соседской организацией.

Но понятийная и реальная система осмысления и значимая реализация родственных связей сохранялась у скандинавов долго. *Одаль* или *арв* — независимая недвижимость, под которой все еще понималась прежде всего именно наследственная земля, — складывался в результате владения ею не менее трех-четырех поколений подряд, а ее отчуждение производилось при участии родичей, во всяком случае с их согласия. Для отчуждения благоприобретенной земли, например ее продажи, такие условия не ставились. В шведских областных законах еще в XIII в. фигурирует и так называемое *право бёрда,* т.е. право преимущественной покупки родичами наследственной недвижимости, продаваемой кем-то из них. Мы еще сможем убедиться в том, что родственные связи играли большую роль в служебных, правовых, имущественных и личностных отношениях скандинавов эпохи викингов, да еще и в XIII–XIV вв. Конечно, при этом роль и права рода (или большой семьи, каковые понятия для Скандинавии сходны) варьировались в зависимости от степени социального развития разных областей региона, которое различалось даже в пределах одной страны. Но все же...

Так, в исландских законах Фростатинга и Гулатинга, т.е. уже в XII в., при определении порядка уплаты вергельда (виры, штрафа) за убийство выстраивается вполне определенная *лестница родства,* изученная нашими учеными[75]. Самая важная часть штрафа за убийство, которую следовало уплатить в первую очередь, именовалась *бауг* («кольцо»), и она уплачивалась и получалась несколькими категориями родичей первой степени родства — баугаменами. Первый бауг платили и получали отец и сын убитого; второй бауг — брат (братья) убитого, он назывался «братским»; третий бауг — племянники, дяди, двоюродные братья и двоюродные племянники по отцу. Эти родичи составляли основную группу так называемых *висендов,* т.е. плативших и получавших вергельд. Во вторую группу входили *сакауки* («увеличивающие плату») — сыновья от рабыни, единоутробные, но не единокровные братья погибшего, дед по отцу, внуки от сына, а также сыновья и внуки сакауков. Последняя группа родичей, имевшая правообязанность получать и платить вергельд, — это *нефгильдисмены:* родственники мужского пола по женской линии погибшего, т.е. дед и дяди со стороны его матери, сыновья дочери, сыновья сестры и т.д. При этом шурины (magar) являлись не родней, а свояками, и вообще всякое не кровное родство, возникшее через женщину вследствие брака с ней, было *свойством* (magsemð), которое, таким образом, давало известные, хотя, как правило,

[75] Анохин, 1971. С. 105–113.

иллюзорные права на наследство, но расширяло численность «своих» людей, что было важно.

Определенная система складывалась вокруг *завещаний* и определяла *судьбу наследства.* Институт завещаний развивался параллельно с процессом распада большой семьи. В эпоху викингов существовали определенные практики как наследования, как и разрешения конфликтов по поводу наследства. Данные об этой стороне общественной жизни занимают заметное место в сагах, а со временем, в XII–XIII вв., — и в кодифицированных правовых установлениях областей, в том числе Гуталаге[76]. Но в реальной жизни система и практика наследования нередко расходились, что служило основой для многих конфликтов.

В «Саге о Гицуре» (гл. 49) приведено завещательное распоряжение некоего Эмунда и повествуется о решении дела о его наследстве. Вопреки обычаю, согласно которому при наличии сыновей дочери получали половинные по сравнению с братьями доли поделенного на части наследства, а сыновья — полные, он распорядился, чтобы его дочь Сольвейг получила такую же полную долю, как и сыновья. Возник конфликт. Сольвейг с помощью матери обратилась с просьбой к уважаемому человеку — Торвальду сыну Гицура, чтобы он помог ей получить завещанную ей долю при разделе имущества отца. Братья согласились на посредничество. В качестве посредника по рекомендации Торвальда выступил хорошо известный могущественный Снорри сын Стурлы. С его помощью Сольвейг «получила все ценные вещи, до которых у нее дошли руки. Все [это] богатство отвезли к Торвальду сыну Гицура». При этом мать и дочь поручили и себя его заботам — скорее всего как родственника.

Аналогичная картина возникает из саг в связи с делами о наследовании недвижимости при отсутствии завещания. Такое дело разбиралось долго и внимательно, нередко даже выносилось на тинг. В «Саге об исландцах» (гл. 126) приводится казус с Альвхильд, дочерью Эйольва сына Иона. Она была единственным ребенком Эйольва, причем от законной жены. Несмотря на это, ей пришлось пройти «испытание железом» («божий суд!») в месте, которое называлось Священная Гора, чтобы доказать свое право на наследство. Или другой казус из той же саги: после смерти Кольскегга Богатого, одного из самых состоятельных людей Исландии, наследство должна была получить Халльвейг дочь Орма, однако из-за этого наследства разгорелись яростные конфликты (гл. 52). В другом случае в дележе наследства после скончавшегося хозяина деятельное участие принял муж его дочери, он «тоже попользовался» имуществом покойного (гл. 35). В этой саге, созданной уже в XIII столетии (!), вообще много споров из-за раздела наследства между родственниками и, особенно, между свояками, которые постоянно выпытывали и вынюхивали сведения о возможном наследстве[77].

[76] См., в частности: Гуталаг. Гл. 20, 37.

[77] О наследственном праве см., например: Sjöholm, 1968.

Наследство, разумеется, включало не только недвижимость, т.е. землю и хутор, но также значительное движимое имущество: скот и корабль, драгоценности и дорогие вещи, в том числе «родовое оружие», о котором упоминают нередко и настойчиво[78].

В областном законе гутов Гуталаге проблемам наследования уделено значительное место, и они решаются следующим образом.

Сначала — и это весьма характерно для понятий того времени — закон трактует проблему *«наследования ответственности»* (гл. 14). Наследник или [те люди], кто принимает «долю наследства» «после отца, брата, или родственников», должны принять на себя и ответственность за не выполненные покойным родичем (nidhi) обязательства по вергельду, штрафам, кровной мести и т.д. Об этой части наследства говорится даже раньше, нежели о наследовании собственно имущества. Отказ от ответственности, т.е. невыполнение этих обязательств, лишает наследника права на наследство. Если в числе тех, за кого родич или родичи, получающие наследство, имеют право мстить, находится «юный неполноправный» человек, т.е. лицо несовершеннолетнее, то в этом случае (и это подчеркивается) обязательство отмщения может взять на себя любой родич, «будь то женский пол или мужской». Если несовершеннолетнему наследнику надлежит получить вергельд, близкие родичи должны взять этот вергельд на себя (и тем самым избавить должника от ответственности) с тем, чтобы сохранить плату до совершеннолетия наследника. При отсутствии мужа у убитой кем-то женщины заботу о возмещении за содеянное должен взять на себя ее ближайший родич.

Затем речь заходит о *наследовании имущества,* прежде всего усадьбы. Глава 20 Гуталага, которая называется «Обо всем наследстве» (af alum lutum), — одна из самых больших в Гуталаге. Из нее мы узнаем много интересного о родственных отношениях на Готланде. Правда, трудно сказать, насколько адекватно этот кодекс отражает отношения наследования в Скандинавии вообще, но отдельные положения определенно совпадают и во всяком случае отражают более древние установления, нежели законы областей Скандинавского полуострова. Так, если после смерти отца хотя бы один из сыновей был несовершеннолетним, его братья не могут делить наследство, а должны жить вместе до возмужания младшего. Отец погибшего сына должен растить его осиротевших дочерей, своих внучек. После умершей законной наследницы наследуют последовательно ее кровные родичи из любой ветви, какой бы пояс — мужской или женский — они ни носили, т.е. обоего пола. При полном исчерпании кровной родни наследство отходит к той усадьбе (гарду), откуда это имущество произошло. Материнское имущество («долю женщины»), включая землю, наследуют ее дети, но прежде всего дочери, сестры или дочери ее сестер; при отсутствии детей приданое женщины наследуют ближайшие родичи (nesta bloð)

[78] Беовульф. Ст. 2300; Сага о Греттире. Гл. XVIII.

обоего пола, прежде всего ближайшие женщины, и не далее четвертого колена, но в крайнем случае могут наследовать и мужчины. Сама женщина наследует после смерти мужа свой «утренний дар»[79] (см. ниже). Продавший наследственную усадьбу лишается права наследовать вместе с братьями и родичами и обречен на самый низкий вергельд.

Из «Глав о наследовании» Гуталага особенно ярко выступает стремление людей сохранить родовую собственность, как и роль кровной родни в решении наследственных проблем вообще. Известная консервативность Гуталага помогает понять родовые отношения у скандинавов эпохи викингов, тем более что имущественные права родичей, прежде всего их право преимущественной покупки наследственной земли (бёрдретт) прописаны и в более поздних областных законах, в частности шведских. Вместе с тем уже из Гуталага совершенно ясно, что к XIII столетию род (или большая семья) у скандинавов уже не играет решающей производственной или общежительной роли.

В среде родичей и, особенно, свояков далеко не всегда царил мир. Из-за того, что люди тогда, прежде всего самостоятельные мужчины и женщины, вступали в брак неоднократно, отношения в новых семьях бывали напряженными, а между мачехой и пасынками или пасынками и отчимом зачастую были враждебными, и не только из-за наследства. В «Саге о Греттире» рассказывается об инциденте из области отношений между мачехой и пасынком, который привел к трагедии (гл. LXX). Во время игры в шашки мачеха обругала пасынка, тот в ответ сказал ей дерзость. Тогда она ударила его шашкой, а так как шашки делали со шпонами, чтобы их можно было закреплять в щели столешницы, то она выбила парню глаз. В ответ тот избил ее до смерти и вынужден был бежать из дома и родных мест. В «Саге о Велсунгах» зять убивает тестя. Вдова Сигню подбивала сыновей от своего первого мужа отомстить за их отца и деда, а поскольку сыновья струсили, отомстила сама. Легендарный датский конунг Хрольв Жердинка, «владыка Хлейдира», был убит отчимом[80]. Во всех приведенных случаях столкновения происходили между свояками, т.е. *вне* кровной родни. Ссоры и разногласия внутри этого круга также имели место, но убийство внутри рода допускалось лишь как случайность, поскольку максимально преследовалось законом.

Наследственное право в Скандинавии *не включало в себя майорат,* что позднее привело к дроблению семейного землевладения. В эпоху викингов этот процесс тормозило существование неосвоенных внутренних территорий и колонизация чужих земель. Но с конца этой эпохи и в XII — первой половине XIII в. он проявился уже вполне отчетливо, в частности как один из источников возникновения социально значимых групп безземельных крестьян — разного рода держателей. Начальная же тенденция этого процесса наблюдалась в эпоху викингов.

[79] Так имеет смысл трактовать выражение «hogsl oc id» Гуталага в этом случае, как и в случае, прописанном ниже (20:14): возмещение за прелюбодеяние с замужней женщиной.

[80] Сага об исландцах, виса 29 и коммент. № 396.

Выше мельком говорилось о том, что сыновьям полагалось по одной *главной доле* отцовского наследства («доле головы»), дочерям — по половине сыновней доли. Отцом могли быть сделаны и особые завещательные распоряжения, если он был «в здравом уме». После его смерти хозяйство делили или совместно вели его сыновья, вдова; дочери же, выходя замуж, обычно уходили на хутора мужей. Два брата — сыновья почившего Энунда, — сначала жили вместе, а затем, захотев жить раздельно, поделили наследство следующим образом: один взял себе землю, другой — движимое имущество, с помощью которого вскоре тоже приобрел землю[81]. Это сведение интересно еще и тем, что показывает *роль движимости* в те времена. Судя по сагам, в известных случаях наследство могла получить сестра покойного хозяина.

Итак, тот факт, что не столько большие, сколько, особенно, разросшиеся малые семьи, а также сводные, сложные семьи были широко распространены в Скандинавских странах в эпоху викингов, а их существенные остатки позже — в XIII в., представляется мне таким же бесспорным, как и то, что, хотя в эти столетия все более решительно начинает преобладать малая семья, *значимые реликты* большой семьи и родовых связей также сохранялись затем у северных германцев долго (добавлю — на протяжении почти всего Средневековья).

Разъезды и переселения скандинавов в эпоху викингов неизбежно размывали большую семью. В то же время переезды, например в Исландию, подчас совершались именно большими семьями или всем родом: так было легче устраиваться в чужих и суровых краях. Однако при всех условиях на рубеже 1-го и 2-го тысячелетий родственный коллектив как хозяйственная единица явно переживал кризис. Но еще раз подчеркну то важное обстоятельство, что реликты родовой общности, подчас весьма значительные, сохранялись еще долго. В их числе — упомянутый выше порядок наследования недвижимости и обычай преимущественной покупки наследственной земли родственниками, правообязанность мстить, платить и получать виру, вообще наследовать обязательства умершего родича, поддерживать друг друга в суде и при прочих сложных ситуациях. Это отчетливо прослеживается по материалам саг и подтверждается кодифицированным правом, хотя, повторяю, в реальной жизни отношения между родичами, даже близкими, нередко были не столь идиллическими.

Стойкие реликты родового общества, в том числе, как увидим ниже, и язычества, прочно вплелись в ткань скандинавского средневекового мира, что я считаю *особенностью североевропейского типа развития общественных отношений*, обусловленной как сложной средой обитания, диктующей экстенсивную экономику, так и отдаленностью от центров стадиально предшествующей античной цивилизации. Следующие части книги убедительно свидетельствуют в пользу этого вывода.

[81] КИ. С. 293 и сл.

О демографических процессах. Домовая община

Наличие сложных, составных, а также неполных семей, о которых свидетельствуют саги, было, как мне представляется, *отражением* не только социальных, но, скорее, социодемографических процессов. Как явствует из саг, забота взрослых, семейных детей о престарелых родителях, а стариков — об осиротевших внуках, одновременное существование представителей трех поколений семьи не было совершенно уникальным, так что деды и/или бабки и внуки вполне могли встречаться, даже проживать в одном гарде. Так, в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» рассказывается о малом конунге (местном вожде) Харальде Золотая Борода, который дал внуку свое имя и воспитал его в своем владении[82].

Однако наличие дедов не было и повседневным явлением, поскольку тогда в Скандинавии, как и по всей Европе, средний возраст людей был невысок. Известно, что Беда Достопочтенный в свои 60 лет чувствовал себя долгожителем, а современники считали его «древним старцем». В своей «Истории англов» он любит отмечать долгожителей; так же поступают и авторы саг. Григорий Турский исчислял средний возраст Меровингов в 25–45 лет, а в начале IX в. биограф Карла Великого был потрясен тем, что император франков умер в «глубочайшей старости» — в 72 года, что, по мнению биографа, можно истолковать только как особую милость богов.

По окончании в Западной Европе начального этапа Средневековья, с его миграциями народов и их столкновениями, возрастные показатели, вероятно, стали меняться. Постепенное расселение многих германских племен и народов на более обширных территориях, к тому же с традициями пашенного земледелия, усвоение новопоселенцами других традиций романской культуры, скорее всего и смягчение к тому времени европейского климата (потепление) также способствовали росту населения. Демографический взрыв в Западной Европе на рубеже между первыми двумя тысячелетиями сопровождался внутренней колонизацией, бурным развитием городов и началом Крестовых походов. Однако в патриархальные эпохи, куда относится и Средневековье, с их ненормированной рождаемостью, основным фактором, определявшим темпы демографического роста, была *смертность*. А смертность людей оставалась в прямой зависимости от страшной *«триады бедствий»*, всегда косившей людей: голода, войны и болезней.

Скандинав, сумевший преодолеть тяготы детства, получавший с раннего возраста закалку, привычку к физическому труду, спортивным играм и жестокому бою, становился в суровых условиях Севера сильным и здоровым человеком. Люди, избежавшие детских болезней, эпидемий, гибели в бою или в море, от ран, или от несчастного случая, имели шансы достичь 80 и более лет. То есть *возраст дожития* не был коротким. Но для реализации этой перспективы — высокого возраста

[82] КЗ. С. 39.

дожития — требовалось пережить регулярные голодовки, частые сражения, постоянные испытания в суровом море и смертельные болезни. В сагах подчас говорится о старых людях неясного возраста. А возраст мужчин свыше шестидесяти и, особенно, перешагнувших за 70 лет отмечается специально, особенно если они оставались сильными, крепкими и, тем более, могли управляться с оружием. Так, Снорри Годи умер в 66 или 67 лет[83], успев пристойно распорядиться своим имуществом. Скальд и воин Эгиль, проведший свой век очень бурно и побывавший во многих переделках, умер, судя по саге о нем, на девятом десятке. Некий Хрут в 80 лет ударил своего противника секирой «между лопаток так, что кольчуга лопнула и секира рассекла спину и грудь» несчастного[84]. Ари Мудрый, автор известной «Книги об исландцах», дожил до девятого десятка (1067–1148). Конунг Магнус Эрлингссон умер в 82 года (1102–1184). Сэмунд Мудрый, которому раньше приписывали «Старшую Эдду», прожил 79 лет. Снорри Стурлусон был убит в 63 или на 63-м году жизни. Епископ Гудмунд, которого «Сага об исландцах» (гл. 118) называет «святым мужем», почти ослепший и годами страдавший от язвы на лице, умер в возрасте 75 лет (1237). Люди были физически здоровыми, закаленными, сильными и выносливыми, обладали завидной нервной системой и отменным аппетитом, не имели привычки к расслабляющей неге. Вплоть до своей кончины они старались принимать активное участие в жизни, большую часть которой проводили на воздухе, испытывая разнообразные физические нагрузки.

Но возраст *возможного дожития,* разумеется, кардинально отличался от *среднего возраста (продолжительности) жизни*, и в Скандинавии действовала та же «триада бедствий». О голодовках речь будет идти ниже. О войнах и междоусобицах, о больших сражениях тоже не раз будет говориться в этой книге. Пока только отмечу, что в эпоху викингов люди Севера постоянно теряли своих родных, друзей и товарищей. Трудно сказать, насколько действительно большими были эти потери, хотя многочисленные рунические камни, поставленные в память о погибших родичах и сотоварищах, говорят сами за себя. А ведь сколько погибших не удостоились памятника! Неясно также, насколько массовым был отъезд скандинавов в чужие земли для постоянного поселения там. Но и оставаясь на родине, пребывая в относительно мирной обстановке, люди то и дело погибали, плавая по морю, — во время рыбной ловли или охоты на морского зверя, торгового путешествия, или поездки на тинг, либо в гости, во время бурь или вследствие крушения судов. И все это нередко фиксировали саги. Те же саги показывают частую гибель людей в сражениях, поединках и других столкновениях, традиционные повествования просто переполнены такими сведениями. Погибали и в результате случайностей, например надорвавшись тяжелой ношей (Ари в «Саге об исландцах», гл. 3).

[83] Между сагами, где о нем идет речь («Сага о людях из Лососьей Долины» и «Жизнь Снорри Годи»), существует это небольшое расхождение (ИС I. С. 437; ИС II:2. С. 130).

[84] ИС I. С. 355.

Поэтому средняя продолжительность жизни скандинава не была долгой. Саги то и дело повествуют о ранениях, но упоминают и о *болезнях* обычно тяжелых, которые сводили людей в могилу и которых так и называли: «смертельная болезнь» (drepsött). По обычаю после эпидемии, застигшей людей вне родины, гробы с покойниками увозили домой[85]. Малый норвежский конунг Хальвдан Черный умер потому, что у него «заболела нога»[86]. Внук и тезка Харальда Золотая Борода, о котором говорилось выше, умер от неназванной болезни[87]. От какой-то болезни умер конунг Эрик Победоносный (Сегерсель, конец X — начало XI в.)[88]. От эпидемии неясной болезни умер в возрасте 25–30 лет Ингвар Путешественник (1041). В «Саге об Ароне сыне Хьерлейва» говорится о тяжелом и загадочном кровотечении у «видного мужа» Эйнара Бьелька, которое завершилось его кончиной. Нередко умирали от родов или послеродовой горячки женщины, от детских болезней погибали малые дети.

Сам верховный бог северных германцев Один некогда умер в Швеции от болезни![89]

Впрочем, люди народными способами умели врачевать раны и многие «рядовые» заболевания, о которых в сагах и не упоминается, и прилагали для этого большие усилия. Еще в «Речах Высокого» (ст. 137) говорится о выхаживании больных, раненых и о разных лечебных средствах — от заговоров до лекарств. Последние приготовляли из трав, траволечением люди занимались испокон веков[90]. Упоминается о приеме яда «впрок»[91]. Чтобы избежать заражения крови, посыпали раны солью, поливали мочой, прикладывали травы и примочки из трав, смешанную с чем-либо землю. Использовали горячие источники, которых много в Исландии[92]. Наблюдали за тем, как лечат себя больные животные[93].

Особенно часты упоминания о ранениях и выхаживании раненых, на что иногда уходил год и более, которые, однако, продлевали человеку жизнь, а иногда возвращали и силы[94]. Некоему бандиту Хаки во время его нападения отрубили руку и нанесли несколько ран, так что он «всю осень и начало зимы пролежал, страдая от ран», но затем он начал вставать[95]. Совершенно израненный человек мог благодаря уходу выздороветь. Особенно потрясает эпизод с королем Магнусом, который

[85] ИСИЭ. С. 97.
[86] КЗ. С. 37.
[87] Там же. С. 39.
[88] Там же. С. 94.
[89] Там же. С. 15.
[90] КИ. С. 187.
[91] Там же. С. 166.
[92] Сага об исландцах. Гл. 72, 161.
[93] КИ. С. 187.
[94] Ср.: Сага об исландцах. Гл. 55.
[95] КЗ. С. 40.

прожил четыре года после того, как враги отрубили ему или выбили конечности, ослепили его и оскопили.

В нескольких сагах упоминается о *лекарях* — каких-то бедных старухах или супружеских парах, которые в своих нищих избенках по году выхаживали и в конце концов вылечивали тяжело раненных воинов. Вообще, лекарями были чаще всего женщины, в том числе из состоятельных гардов. Некоторые женщины-хозяйки отличались в этом деле большим искусством. Но о богатых, знатных женщинах в этой связи речь идет редко. Тем более примечательно упоминание саги о том, что скандинавка — дочь Игоря из города Старая Ладога была «быстра умом, хороший лекарь» (laeknir allgoðr), вследствие чего сумела вылечить тяжело болевшего человека[96].

В богатом и среднем имении бонда было много *насельников*. Помимо супругов — хозяев гарда и их детей, там проживало еще немало разных людей. Прежде всего это были одинокие или больные родственники супружеской пары, затем какие-то их друзья, воспитатели детей, а также приживалы, которые занимали в гарде приниженное положение, но хозяин более или менее о них заботился. Кроме того, в гардах жила *челядь:* свободные наемные, полусвободные и лично зависимые работники и работницы. Таким образом, коллектив, населявший гард и живший общей жизнью, составлял *домовую общину*.

То, что многие подворья в сагах населены значительным числом людей, не должно вводить в заблуждение: состав насельников в большинстве подворий представлял собой именно не родовую, а домовую общину, ту социальную ячейку, которая в Риме называлась *familia*. Плотная населенность усадеб (при малой плотности общего населения!) была, вероятно, особенно частым явлением в Исландии и на Скандинавском полуострове с их многоотраслевым хозяйством и характерным для них трудным освоением земли. Эта домовая община включала более или менее значительное — в зависимости от престижа и состоятельности бонда — число домочадцев, не входящих в состав собственно хозяйской семьи, так что большинство из них было связано с бондом не кровным родством и не свойством, а служебными и личностными отношениями. В сколько-нибудь состоятельной усадьбе бонда было много таких домочадцев самого разного социально-правового статуса: рабы, вольноотпущенники, занятые на разных работах, наемные работники, слуги и служанки со своими детьми[97], батраки (особенно пастухи, скотники), охранники, прихлебатели и т.д.

Для такой организации частного хозяйства и быта существовали серьезные причины, и не только производственного характера. Дело в том, что скандинавы того времени стремились создать прочный и как можно более обширный *круг*

[96] СОДВ. С. 167 и сл.

[97] См., например: Сага о людях из Лососьей Долины. Гл. LXXVI.

«своих людей» (sine mœn), на которых можно было опираться, на чью поддержку можно было рассчитывать в разных жизненных обстоятельствах. Ведь социальная сила, престиж и успехи скандинава непосредственно зависели не только (а сплошь и рядом не столько) от его индивидуальных качеств — ума, знаний, умений или богатства, но и от широты его родственных и прочих связей.

«Пучок ролей» бонда и круг «своих людей»

Итак, наряду с семьей «своими» в гарде считались прочие его насельники, родственники, близкие и работники хозяина — его домочадцы[98].

О наемных работниках, рабах, вольноотпущенниках и вообще внесемейных насельниках гарда речь в этой книге пойдет особо (см. часть 5). В этом же очерке основное внимание уделяется семье, роду и домохозяйству, одновременно представлявшим собой как бытовые структуры, так и *социообразующие ячейки* (разумеется, в той мере, в какой эта тема может быть раскрыта на материале преимущественно саг). Что же касается домочадцев, то из текста саг не всегда ясно, какое место занимал в гарде тот или иной из них: был он рабом, вольноотпущенником, сезонным гостем, охранником или свободным наймитом. Однако общая картина вырисовывается достаточно отчетливо. Например, в «Саге об Эгиле» говорится: «Жил человек по имени Альвир. Он был домочадцем Торира и управлял его хозяйством. Альвир был также его казначеем и собирал долги»[99]. Правовое состояние этого доверенного человека остается неизвестным, но ясно, что он принадлежал к верхушке «своих» домочадцев. Об одном из бондов, состоятельном и знатном человеке, в той же саге говорится: «У него никогда не бывало меньше сотни вольноотпущенников»[100]. И опять же не ясно, сколько людей из их числа жили в усадьбе хозяина и сколько вне ее, но, как это было принято, сохраняя с бывшим своим владельцем вассальные связи, т.е. оставаясь «своими». В «Саге об исландцах» (гл. 62) говорится о человеке, который держал в доме более шести десятков охранников и прочих людей. Наряду с неполноправными или бесправными насельниками богатых гардов упоминаются рабы, живущие в усадьбе арендатора[101].

Обязанности *хозяина и хозяйки* домового коллектива были непростыми, им было необходимо вести себя и строго, и милостиво, досконально знать хозяйство, показывать личный пример трудового и бытового поведения. О гардах со значительным числом насельников и о перенаселенном гарде саги говорят весьма одобрительно. В условиях разбросанности жилья и ограниченности функций соседской

[98] Домочадцы не все и не всегда были преданы хозяину подворья, но речь идет об обычаях, о модели отношений.

[99] ИС I. С. 136.

[100] Там же. С. 79.

[101] Подробнее о рабах см. в части 5.

общины, при тогдашнем образе жизни и ментальных установках, проникнутых индивидуальным началом, такая *домовая община* — весь коллектив насельников гарда — была основной *социальной ячейкой* скандинавских обществ эпохи саг.

Уже говорилось о том, что родовые связи отнюдь не исчезли из повседневной жизни скандинавов. В Исландии они вследствие колонизации ранее пустовавших территорий были как бы восстановлены и «законсервированы», так же как и родовые структуры власти. Поэтому материал обо всем этом представляет собой важные свидетельства о позднем родовом строе, каким он был у скандинавов. Ведь, как уже подчеркивалось, существенные реликты «варварской» стадии долго сохранялись во всех странах этого региона, о чем неоспоримо свидетельствуют источники и XIII–XIV столетий.

Значимые реликты родового строя способствовали длительному сохранению *родового сознания*[102] даже позднее, когда род в качестве подосновы общества уже не существовал. Согласно поэме «Беовульф» за гета отвечал весь его род, и так было у всех скандинавов. Например, в случае убийства ответчиком по уплате огромного штрафа или совершителем кровной мести выступал с каждой стороны весь род, со всеми «своими», и все это знали[103]. Родовое сознание вполне отразилось также в почитании предков: в стремлении «красиво» похоронить родителя, по возможности отметить его могилу надгробным камнем, на который наносилось и имя того, кто его поставил, устроить по нему поминальное угощение, а также поминать своих пращуров на пирах (см. ниже).

Родовая честь поддерживалась и мужчинами и женщинами, ибо пятно на ней, появившееся по вине любого члена рода, роняло весь род, так же как подвиги одного представителя семьи поднимали общий престиж рода. При всей индивидуальной значимости персонажей саг, «безродный» человек в них почти совершенно беспомощен. В «Саге о людях с Песчаного Берега» помещено 37 вис, созданных в конце X — начале XI в. уроженцами Широкого Фьорда и отражающих традиции этой области. 17 вис этой серии принадлежат скальду X в., посвятившему стихи победе Торарина Черного в сражении. Миролюбивый Торарин Черный подвергался постоянным преследованиям со стороны могущественного Торбьерна Толстого, который не оставлял его в покое даже в собственном доме. Торарина поддерживали его шурин Вермунд Тощий и дядя Арнкель Годи, что сыграло важную роль в судьбе героя. В конце концов зимой 980/981 г. Торарин у Чаечного Склона победил и убил Торбьерна в честном сражении, чем «отстоял честь семьи».

Когда сага представляет тот или иной персонаж, она сообщает не только название места, где он проживает, где находится его дом, не только имя отца, но нередко также имя деда и матери, а в отдельных случаях рассказчик перечисляет

[102] Ср.: Jussen, 1999.

[103] См., например, выразительное высказывание по поводу этого в поэме «Беовульф», ст. 2883.

четыре-пять восходящих линий его родства. Людям было важно знать, к какому *роду* принадлежит не только будущий свойственник, но даже просто встречный человек, тем более новый знакомец. Люди досконально знали счет родства — как своего, так и соседей, а также всех более или менее заметных людей. Знали состояние и особенности характера родичей, ближних и дальних соседей. К помощи этих людей, в первую очередь родных и свойственников, но и тех же соседей прибегали в трудных случаях: при добывании необходимых материальных средств, похоронах и свадьбах, кровной мести, судебных слушаниях и т.д. Численность «своих» — родных, работников, охранников, добрых соседей, а у богатых и знатных людей также и зависимого населения округи, своего рода «клиентов», для оказания помощи в сложных случаях, играла очень большую роль. «Свои люди», родственные, соседские, дружеские, корпоративные[104] связи ценились высоко, они учитывались при заключении браков и союзов, в судебных разбирательствах и при междоусобицах. Такие связи увеличивали социальный престиж, могущество человека и всего рода.

Число пришедших с персонажем на суд людей зачастую играло бóльшую роль при вынесении решения, нежели выяснение истины. Присяжных также подбирали исходя не столько из знания ими права, сколько из их репутации. В эпизодах, связанных с судебными разбирательствами на тинге, — а таких эпизодов в сагах предостаточно — всегда упоминается о том, имели ли истец и обвиняемый достаточно солидное сопровождение из родных и сторонников. Не случайно в «Поучениях Высокого» (т.е. бога Одина) прямо говорится о том, что без значительного эскорта на суд ехать просто глупо. Саги вполне подтверждают это мудрое замечание Высокого, например: «Торстейн сказал, что у них пока еще хватает родичей, чтобы кончить дело в свою пользу» (!)[105]. Собираясь на судебное заседание, некий «Глюм обратился к своим близким, чтобы они поддержали его на тинге»[106]. Если тяжущиеся приводили с собой на тинг много людей, то они, как отмечают саги, «вели тяжбу с большим напором»[107]. Приведенные с собой люди оказывались очень кстати и в тех нередких случаях, когда разбирательство дела переходило в потасовку. Состоятельные хозяева обычно выезжали из дома с охранниками, хороших охранников переманивали, что служило одной из причин вражды и столкновений между бондами[108].

Нередко родичи и свояки, особенно братья, совместно предпринимали деловые поездки или служили в дружинах. В поэме «Беовульф» (ст. 720–730), говоря о спящей в доме вождя дружине, которую увидело там чудище, автор описывает ее

[104] В данном случае речь идет о воинском братстве и деловом товариществе.

[105] Сага о Греттире. Гл. XXVI.

[106] VGS. S. 68.

[107] Сага о Греттире. Гл. XXVI.

[108] Сага о гренландцах. Гл. 28. С. 94. Примерно 1202 г.

так: «...чудище видит спящую дружину, в палатах — героев-*сородичей,* храбрых воителей, спящих по лавкам»[109].

Но родня и свояки далеко не всегда были готовы прийти на помощь. Случаи уклонения от помощи встречались между родными братьями и сестрами, другими ближайшими родственниками, не говоря уже о членах рода, тем более о соседях. В таких случаях имели место тяжелые столкновения, вплоть до убийства, особенно если речь шла о наследстве. В кругу родни это происходило, несмотря на то что убийство внутри рода нельзя было искупить вирой, т.е. оно судилось по самой жесткой шкале наказаний, оценивалось максимально высоко. При этом крайне интересно переплетались черты матриархата и патриархата, хотя я скорее склонна видеть причину этого явления в бытовых семейных сложностях. Так, в пересказывающей массу мифов «Саге о Вёлсунгах» женщина (Гудрун) убивает сыновей и кормит мужа их мясом, мстя ему за своих убитых братьев. Эта же сага излагает историю о Сигни, сестре героя Сигурда, из королевского рода Вельсунгов, который является и героем «Песни о Нибелунгах» (Зигфрид). Ее муж, за которого она вышла против воли, убил своего тестя вместе с его дружиной. Она пытается уговорить сыновей отомстить отцу за деда, но они боятся. Тогда она, переодетая ведьмой, находит в лесу своего брата Сигурда и рождает от него сына, вместе с которым впоследствии и сжигает дворец мужа, мстя за отца. В более поздней «Песни о Нибелунгах» та же Гудрун, но здесь именуемая Кримхильдой, уже мстит за мужа своей рукой, убивая родного дядю и добиваясь смерти братьев. В родовых и королевских сагах также имеются эпизоды в стиле греческой трагедии: и там женщина подчас мстит мужу за братьев; но чаще бывает, что женщина мстит братьям за мужа, за других братьев, или (сестра Гисли — Тордис) берет сторону мужа и предает братьев; встречаются такие эпизоды, когда братья жены убивают зятя и наоборот[110]. В эти сложные, трагические отношения активно вовлекаются соседи, рабы и другие слуги. Хотя такие эпизоды вплетены в мифологические повествования, восходящие к V в., но их нельзя отбрасывать как «продукт чистой фантазии»: обычаи и менталитет людей того времени явно не исключают подобные эпизоды и действия.

В системе личностных отношений существовала и практика *побратимства* — «названого братства», «*клятвенного братства*». В сагах немало говорится о побратимстве (см. «Сагу о Гисли», «Сагу о людях из Лососьей Долины» и др.). Одна из известных саг даже посвящена таким побратимам целиком — «Сага о Названых Братьях». Назваными братьями могли стать кузены, воспитанники, выросшие в одном хуторе вместе с сыновьями хозяина, соратники, друзья[111]. Названые братья несли друг перед другом обязательства, равные обязательствам родных братьев,

[109] Конечно, здесь, может быть, говорится о дружинном братстве. Но примеров совместного служения братьев и вообще родичей в сагах немало.

[110] КЗ. С. 18–37 (Сага об Инглингах. Гл. XIV, XLVIII), 564 (Сага о Магнусе сыне Эрлинга. Гл. XIX) и др.

[111] ИС II:1. С. 33 (Сага о Названых Братьях), 119, 120, 161.

куда входили: взаимная помощь, физическая и моральная поддержка, отмщение в случае убийства, ранения или оскорбления одного из них. При взятии на себя обета отмщения за побратима, как и любого другого обета, надлежало встать на возвышение или хотя бы поставить ногу на камень или бревно. В «Саге о Гисли сыне Кислого» (гл. VI) сохранилось описание обряда, с помощью которого стали побратимами четверо мужчин. Из-под длинного пласта дерна они вынули землю таким образом, что узкие края дерна оставались соединенными с почвой. Под ним вырыли яму. Затем поставили под этот пласт «копье с тайными знаками [и] такой длины, что стоя можно достать до места, где наконечник крепится к древку». Все четверо по очереди осторожно прошли под этой полоской дерна. Затем каждый пустил себе кровь так, что она потекла на землю, выкопанную из-под дерна, и они перемешали после этого кровь и землю, что, вероятно, должно было означать признание побратимов родней по крови и земле. Потом опустились на колени и поклялись мстить друг за друга, «как брат за брата», призывая в свидетели всех богов. Побратимы могли завещать друг другу имущество; однажды юные побратимы-конунги завещали друг другу престол[112]. В дальнейшем, однако, названое братство порой переходило во вражду. Например, четыре участника описанного выше обряда побратимства поссорились сразу же после его завершения![113]

В XIII в., судя по «Саге об исландцах» (гл. 128 и др.), обычай побратимства полностью сохранился, как сохранились и ритуалы заключения этого личностного «братского союза».

Большой интерес представляет практика *введения в [свободный] род* чужого человека, обычно воспитанника или заслуженного раба. О существовании соответствующего обряда свидетельствуют и саги, и законы XIII в., в частности шведские областные законы. В «Саге о Ньяле» (гл. XXXVIII) есть такой эпизод. По приказу хозяйки раб Ньяля Атли убил соседского работника, досадившего семье Ньяля. Ньяль предложил Атли уехать, чтобы избежать кровной мести или сурового судебного приговора за это убийство, если дело дойдет до суда. Но Атли отказывается, заявив, что он не хочет менять хозяина. Тогда Ньяль обещает, что в случае судебного разбирательства род возьмет на себя выплату виры за Атли, как за свободного человека, «после чего Атли был принят в семью».

Но круг «своих» отнюдь не ограничивался рамками совместно проживающих лиц, родней и работниками. Он неизбежно складывался на основе тех связей, которые возникали у бонда в процессе его многообразной жизнедеятельности и которые можно определить как *пучок* или *комплекс ролей*[114]. Хозяин гарда имел наряду со своими семейными и хозяйственными делами немало обязанностей как в границах вертикали

[112] КЗ. С. 382.

[113] ИСИЭ. С. 30.

[114] Jussen, 1999. S. 84, 85.

власти, так и в своей социальной группе, а также, конечно, в отношениях с «клиентами» (вольноотпущенниками и должниками), друзьями, свояками и соседями, с главой и жертвователями капища, а позднее церкви, с участием в тинге, с соприсяжничеством (т.е. ролью присяжного в суде) и вообще в разрешении судебных и внесудебных конфликтов, с различными договорными отношениями, касается ли это воспитанника и его семьи, торговли, корабельной команды, клятвенного братства и др.[115]

Поэтому границы домового коллектива, круг «своих» почти всегда существенно расширялся за счет постоянно разветвляющихся *общественных и личных связей,* которые складывались в процессе жизнедеятельности и подчас даже создавались искусственно. Одну из главных ролей здесь играли брачно-семейные отношения, передача детей на воспитание в другую семью, клятвенные обычаи — побратимство и заключение дружеского и/или делового союза. Остановимся на последней форме отношений, поскольку остальные будут специально рассматриваться ниже, в других очерках.

Судя по тому, что заключение *товарищеского* или *дружеского союза* — так называемые винфенги и винатта (vinfengi, vinatta)[116] — было оформлено как ритуал, такая форма связи между людьми возникла давно и была распространенной. Этот ритуал описан в «Саге об Эгиле» следующим образом: «Эгиль и Торфинн [осенью] обменялись при расставании подарками и дали обет быть друзьями»[117]. О дружеском союзе упоминают и другие саги, например «Сага о Греттире» (гл. XXXIV): «Греттир подарил ему [Аудуну] добрую секиру и заключил с ним дружбу». В другом случае в знак дружеского союза один из персонажей дарит другому коня[118]. Обмен по возможности дорогими подарками в знак дружбы был обычным в среде скандинавов. В «Саге о Хёрде и островитянах» Брюньольв говорит Хёрду (гл. XII): «Я хочу с тобой быть в дружбе и отдать тебе половину корабля». В «Саге о Гисли» (гл. VIII) Вестейн, Гисли и Бьялви «жили втроем, были очень дружны между собой и менялись подарками».

Члены дружеского союза ездили друг к другу в гости со своими людьми и иногда гостили подолгу. В «Саге об Эгиле» его отец «Скаллагрим предложил Олейву погостить у него со всеми людьми, Олейв принял приглашение Скаллагрима и провел у него всю зиму». Торольв подолгу гостил у своего друга Барда[119] и т.д. Важно, что на кров друга мог рассчитывать и опальный человек, а это было небезопасно для первого. Например, Греттир (из саги о нем), будучи объявлен вне закона, «провел большую часть осени» у Торстейна. Человек мог обратиться к другу и с другими

[115] Ср.: Эксле, 2000. С. 5–27.

[116] Byock, 1988. S. 130.

[117] ИС I. С. 224. Здесь надо отметить, что скандинавы, прежде всего исландцы и норвежцы, как правило, не ездили по суше на дальние расстояния, так как это было трудно и опасно из-за условий рельефа.

[118] VGS. S. 23.

[119] ИС I. С. 115.

важными просьбами. В той же саге (гл. VII) говорится о расставании двоих друзей — Транда и Энунда. «Хотел бы я, — говорит другу надолго уезжающий Транд, — чтобы ты помог моим родичам, ибо теперь, когда я вне опасности, месть обратится на них». Энунд «пообещал, и они расстались добрыми друзьями».

Дружеский союз мог быть заключен на известный срок и с конкретной целью, например, люди давали клятву поддерживать друг друга в период тяжбы[120]. Иногда у тех, кто дал обет винфенги, часть имущества была общей. Про Эгиля (в «Саге об Эгиле») сказано, что у него и Ульва «был общий кошелек и они крепко дружили»[121]. Согласно «Саге о Ньяле» (гл. XXXVI) у Ньяля и Гисли был «общий лес на горе... они не делили леса и каждый, бывало, рубил в нем, сколько ему было нужно». Друзья из «Саги о Гисли» (гл. IX) сообща владели одним хозяйством.

Ярким примером тесного дружеского союза было, когда один друг по завещанию передавал другому свое *имущество и семью*: «Я хочу, чтобы все, чем я владею, — земли, добро — получил в наследство товарищ мой и родич Торольв. Ему я хочу дать и жену свою, и сына на воспитание, потому что доверяю ему в этом больше, чем остальным людям» («Сага об Эгиле»)[122]. В этом случае наследование имущества выглядит как плата за будущую заботу об осиротевшей семье завещателя, а доверенный родич прежде всего назван членом дружеского союза — винфенги.

Весьма правдоподобно предположение, что винфенги — не просто дружеский союз, а компаньонаж, товарищество, *партнерство*, создаваемое для совместных действий, в том числе проведения одной или ряда деловых операций. В эпоху викингов, судя по сагам и немногим руническим надписям, было принято *деловое товарищество,* которое именовалось *фелаг*, т.е. совместная движимость, буквально «складничество» — соединение имущества с целью его совместного использования. В основе термина — исл. fé (т.е. движимое имущество, букв, «скот») и leggia (соединять, складывать, класть [вместе])[123]. В этом смысле фелагом становился супружеский союз после заключения договора о владении имуществом. Судя по сагам, фелагом мог быть викинг — торгово-грабительская морская экспедиция, которую предпринимала группа людей, заранее оговоривших порядок раздела добычи[124]. При этом в одном походе-викинге могло быть несколько фелагов. Фелаги были приняты в торговле, в том числе с участием высокопоставленных лиц[125].

С распространением христианства появились *духовные гильдии* (gildi, kilti, hilti, ср. др.-англ. gilda, др.-верхненем. giald), которые носили также характерное наименование: *клятвенное сообщество* (hetslag, edslag). С самого возникновения

[120] VGS. S. 85.

[121] ИС I. С. 63.

[122] Там же. С. 76.

[123] Ср. англ. fellow, fellowship в смысле «сотоварищи», «братство».

[124] Ср.: Сага об Эгиле. Гл. 32.

[125] Например, см.: Сага о людях из Лососьей Долины. Гл. 40.

гильдии были связаны совместными религиозными отправлениями и совместной торжественной трапезой — «пиром», но в их основе лежали общие деловые интересы. Ниже я вернусь к проблеме гильдий и товариществ в связи с христианизацией Скандинавских стран, а также торговлей и торговцами. Здесь же уместно подчеркнуть, что заключение клятвенных побратимств, дружеских или компанейских союзов и, особенно, членство в гильдиях существенно расширяли круг «своих». Не случайно все такие добровольные, автономные сообщества именовались также «*братствами*», а их члены — «братьями». Как правило, такие союзы возникали в одном или близких социальных кругах, что способствовало их консолидации.

Таким образом, «братства», вообще «круг своих» формировались по многим линиям. В сагах в этой связи фигурируют: кровное родство; свойство (благодаря браку); побратимство (т.е. по клятве); совместная деятельность — товарищество, компаньонаж; братство по оружию; членство в определенных организациях (гильдии); духовные братства; соседство и др.

Что касается *соседства,* то в сагах просматривается прочное осознание его роли. Правда, соседская община в Скандинавии, за исключением, быть может, Дании, была, как уже отмечалось, в разной степени «размытой». Система открытых полей и принудительный севооборот, характерные для континентальных общин, не упоминаются ни в сагах, ни в ранних законах Швеции и Норвегии. Община, однако, имела некие свободные общие земли; судя по «Саге об исландцах», из этих земель община могла, например, выделять участки арендаторам, меняя их время от времени. Обычай, по которому соседи совместно пользовались угодьями, был включен в право: соответствующие статьи имеются в Гуталаге, областных законах и, прежде всего, в обычном праве, которым руководствовались люди саги. Соседние гарды или подворья пользовались общим пастбищем и расположенными вблизи домов покосами[126], доступом к побережью и правом как на лично добытую морскую живность, так и на часть того, что выброшено волнами на берег: от туш китов и тюленей до плавника. То, что выбрасывалось морем, именовалось *прибойная пожива,* в ней-то соседи и имели долю; по существу, здесь обычай свидетельствует о *береговом праве* прибрежных общин, хотя само это понятие мне в сагах не встречалось. Таким образом, по сравнению с большинством континентальных стран *общинные традиции* в Северной Европе играли заметно меньшую роль в хозяйственной жизни деревни, но все же были общественно значимыми. В сагах отношения между соседями нередко упоминаются в связи с их враждой и стычками, даже вооруженными.

Ссора, часто возникавшая из-за туши кита, выброшенного на берег (т.е. массы даровых мяса, кожи и жира), могла быть вынесена на альтинг (общий тинг

[126] Как упоминалось выше, горные пастбища-сеттеры в Исландии были к тому времени уже поделены между бондами.

исландцев). В «Саге об исландцах» содержится целый перечень обстоятельств, вызывавших ссоры между соседями. Так, из-за другого кита, а также из-за «переманивания (!) провожатых», т.е. охранников, два состоятельных соседа стали врагами; сын одного из них написал хулительные стихи-ниды на соседа Кальва сына Гутторма (стихи № 6–8), а это считалось тяжким оскорблением. Два бонда-соседа, Торд Рыжий и Хамунд, «не поладили, собирая ивняк на горе»; у них «были и другие причины не любить друг друга». Так, однажды родич Хамунда Торгильса — сын Скегги увидел, что Гудмунд сын Торстейна Крутой Камень «после обедни увел с собой на тропу» его дочь Тордис. Торгильс побежал за ними, но, когда догнал, Гудмунд «как будто нечаянно выбил ему глаз» (гл. 5). Двор Маркуса сына Скегги, который был из сильного рода законоговорителя Маркуса (конец XI в.), нападавшие в ходе распри соседи обложили так, что хозяину и его людям «приходилось справлять нужду в доме», что было дополнительным, и к тому же тяжким, оскорблением. Затем в ходе драки Маркус убил одного из напавших. Дело попало на тинг, и в результате происков влиятельных противников Маркус с семейством был вынужден покинуть страну (гл. 7). В другом случае раздоры происходили из-за выпаса скота, а также потому, что провожатые соседа «портят женщин [из дома другого соседа?], которых им не след трогать» (гл. 33), и т.д.

Но, несмотря на все это, соседям приходилось сотрудничать. Имеются сведения об общих изгородях, которые объединяли соседей, видимо, близко живущих. Судя по областным законам, соседи издавна совместно мостили дороги, строили и чинили мосты, собирались на местные тинги. В «Саге о сыновьях Харальда Гилли» соседей зовут помочь при междоусобицах. Соседи сообща, на своей сходке, решали вопрос о том, ставить или нет новопришельцу хутор на их земле, т.е. выделить ли для него участок из общинных владений[127]. Неоднократно фигурируют соседи и на тингах, где они выступают свидетелями и соприсяжниками. Нередко соседи помогают друг другу в судебных разбирательствах и в стычках, особенно часто бедные соседи оказывают поддержку богатому и влиятельному бонду. Они же созывались для участия в эпизодических викингах, которыми командовал владелец корабля — состоятельный сосед. Очевидно, что при взвешенном поведении хуторянина, к которому мудро призывал Высокий, его соседи могли быть привлечены им в круг «своих».

Некоторые общие впечатления

Этот очерк посвящен домохозяевам — свободным людям саги (о других категориях населения речь пойдет особо), притом в разной степени состоятельным. Насколько можно судить, имея в виду эту избирательность саг, свободные люди по *принятым установлениям* занимали одинаковые позиции в своем обществе. Однако,

[127] Сага об исландцах. С. 145.

если судить по степени их трудовой, владельческой, личной независимости, а также по реальным общественным условиям в целом, становится ясным, что в рамках этой свободы существовали сложные градации, которые зависели от родовитости, состоятельности, объема общественной поддержки («своего круга»), умений и личностных свойств каждого члена общества. Сочетание домовой общины и прочных реликтов рода придавало устойчивость положению бонда в условиях социального разлома эпохи викингов. Такое же значение имели численность насельников гарда и вообще число *своих людей*. Одновременно эти факторы принадлежали к числу важнейших знаковых признаков *статуса*. И люди саги очень ценили и всячески старались расширить, укрепить круг *своих людей*.

Такая или подобная общность возникала — и обычно в сопоставимых формах — во все времена. Но в трудную переходную эпоху, в условиях распадения естественной, кровной общности-рода и при рыхлой соседской общине социальный институт «своего круга» занимал важное место между домовой общиной и местным административно-судебным сообществом — в ряду *самодеятельных* социальных образований того времени. В среде людей саги этот круг имел сложный характер, так как был построен на основе *совмещения как равных, так и подчиненных позиций* членов каждого «своего круга», причем те, кто находился в подчиненной позиции, имели разные общественно-правовые статусы: от менее влиятельных свободных соседей до наемных работников и лично несвободных людей, в том числе рабов.

Саги свидетельствуют о том, что родичи, свойственники, соседи, люди как одинаковых, так и разных статусов вовлекали друг друга в решение своих проблем — для сватовства, судебной тяжбы, воспитания детей, мести, примирения и т.д. Люди нередко просили совета и помощи у тех, кто пользовался уважением благодаря своему уму, порядочности, силе, знанию законов, и обычно получали эту помощь. Я бы сказала, что *регулярное внесемейное общение* самого разного характера было почти таким же важным занятием людей саги, прежде всего мужчин, как труд во имя обеспечения жизни и общение внутри семьи. Помимо прочего, это было важное средство *самоорганизации* автономных хозяев в скандинавском обществе в период сложения публичной власти.

ЗАНЯТИЯ ЛЮДЕЙ САГИ: ТРУД, ОТДЫХ, МЕЖДОУСОБИЦЫ

В Дании от хутора или деревни тропы или дороги вели обычно к берегу (моря, озера, реки), от хутора к хутору, на пастбища, к торжищу-рынку или сезонной ярмарке в определенном, издавна облюбованном месте, к лесу, к капищу, к местному тингу, позднее к христианскому храму. Примерно так же проходили проторенные пути-дороги в Швеции и Норвегии. Направление деревенских дорог дает ясное представление об основных хозяйственных и общественных интересах населения, в том числе вне своего гарда.

Сезоны и дни

Саги наглядно показывают, что гард был достаточно замкнутой, самодовлеющей хозяйственной единицей. В нем велось *натуральное экстенсивное хозяйство,* поэтому жизнь его насельников протекала в постоянном и разнообразном труде, в котором все они принимали необходимое участие. И каждый из них знал круг своих хозяйственных прав и обязанностей.

В обычное время на хуторах происходила регулярная, привычная смена сна и бодрствования, трапез, активности и покоя, будней и праздников. Вставали рано, во «время, когда встают» — не позднее 6 часов, по необходимости и раньше, а затем напряженная деятельность, направленная на добывание средств к жизни — пищи, одежды, топлива, средств передвижения, оружия, орудий труда и т.д., — продолжалась до самого отхода ко сну, во всяком случае в теплые сезоны. Время исчислялось по природным признакам, а день делился на четверти, например: «четверть дня до полудня» (9 часов), «четверть дня после полудня» (15 часов) и т.д. И весь день был заполнен упорным трудом, в котором хозяева участвовали наряду с работниками. Продолжительность рабочего дня и характер деятельности варьировались в зависимости от времени года, прежде всего теплых и холодных сезонов. Обычно в сагах речь идет о зиме и лете: так строился исландский календарь.

Тацит писал, что скандинавы *счет суток* ведут «по ночам». Судя по сагам, в эпоху викингов и сразу после нее этот обычай сохранился, а *годы считали* по зимам. Объяснить такой порядок, на мой взгляд, логичнее всего можно тем, что скандинавы исчисляли ход времени не по более легким, а по самым тяжелым, трудноперенос имым периодам дня и года — темным, холодным и опасным; такое исчисление диктовала окружающая их суровая природа: ведь такие периоды надо

было благополучно пережить[128]. Подсчеты дней, точнее, суток, конечно, велись, притом достаточно внимательно. Этого требовали интересы хозяйственной деятельности, навигации, общественных отношений. Существует понятие «*срока*», по большей части в связи со сменой сезонов, а также ритуальными отправлениями и праздниками. Расчеты «сроков» исходили из природных явлений, в том числе расположения звезд. Прекрасные мореходы, скандинавы, конечно, обладали немалыми астрономическими наблюдениями. Издавна фиксировали они солнцестояния, к которым приурочивали главные праздники. На осенний солнцеворот пригоняли овец с летних пастбищ на убой и т.д.[129]

По народному календарю зима начиналась в последнюю субботу перед 28 октября, и первыми зимними днями считались 25–27 октября. Началом лета был последний четверг перед 26 апреля, первыми летними днями считались 21–27 мая. Выделяли также межсезонье, которое начиналось во вторник 22-й недели зимы и продолжалось с 20 по 26 марта. В «Саге об исландцах» (под 1222 г.) мне встретилось упоминание о «ноябрьских идах»: «Сэмунд... подхватил болезнь и умер в седьмой день перед ноябрьскими идами», т.е. 7 ноября (гл. 49)[130]. После внедрения христианства в практику вошел церковный календарь с днями святых, с христианскими праздниками и постами. Недельный или трехдневный пост также служил точкой отсчета дней. Однако и в третьей четверти XIII в. высокообразованный Стурла Тордассон использует народные обозначения времен года, типа: «шесть недель до зимы», время «летом, после середины летних ночей» (midsummer), «дни переезда» и время «после дней переезда» (fardaga, eftir fardaga). Археологи обнаружили календари эпохи викингов, где рунами, вырезанными на палочке из дерева или кости либо на небольшой дощечке и даже на посохе, обозначены дни праздников и другие памятные даты. После крещения скандинавов на календарях появились обозначения времени постов, дней святых и т.д. Один из таких календарей от XIII в., имеющий 20 см в длину, хорошей сохранности, был найден в шведском городке (Старом) Лёдёсе. Но есть и более ранние экземпляры таких календариков[131].

Зимой больше времени проводили дома, занимаясь изготовлением необходимых в быту и хозяйстве предметов. Большинство персонажей саг — мастеровитые люди, обладавшие множеством практических знаний и умений. Таким был, например, герой «Саги о Гисли»: «*искусником*», «мастером на все руки», «сниллингом» (от snilld, мастерство)[132]. В кузнице он сделал большую монету, которая хитро разнималась на две части, и дал половинку родичу, чтобы она могла служить сигналом

[128] Ср.: в дохристианской Англии холодное время года, ночь и предрассветное время также считались связанными со страданием. Об этом свидетельствуют многие произведения англосаксонской поэзии.

[129] Сага об Греттире. Гл. LXXI.

[130] В древнеисландских текстах римский календарь вообще встречается достаточно часто.

[131] KRHAÄ. 1963. S. 88. Fig. 22.

[132] СОДВ. Прим. 91.

опасности, что и было впоследствии использовано[133]. Гисли сам построил лодку «и много всего другого. И все, что бы он ни делал, было на славу, ибо он был умелец, каких мало», в отличие от приютившего его хозяина, который мастеровитостью как раз не отличался (гл. VIII и XXV). Другой персонаж этой саги, Торгрим, достал обломки хорошего клинка и в кузне за день сделал из него наконечник для копья; «на нем были насечены тайные знаки, и древко входило в наконечник на целую пядь», — одобрительно повествуется в саге. Герой одной из мифологических саг также вполне реалистично сам сковал себе меч[134]. О кузнечных и шорных умениях отдельных хозяев в сагах говорится весьма почтительно[135]. И в «Речах Высокого» (ст. 37) особо упоминаются кузнечные мехи.

Ведется в сагах речь также о плотницких работах. Так, один из персонажей «Саги об Эгиле» Ульв «много занимался хозяйством и был искусен в работах по дереву или железу и стал в этом деле большим мастером», а богатый хозяин Скаллагрим «был искусный кузнец»[136], так что его кузнечные инструменты даже положили вместе с ним в могилу. Стейнульв, гостивший у друга, «однажды утром сел у огня» и починил хозяйский сундук и его металлическую обшивку[137]. В лесистых местностях люди искусно резали по дереву, и не случайно исландцы привозили «скамьевые доски» из Норвегии и, вероятно, Швеции. Нередки упоминания о том, что хозяин гарда чинит свой корабль или лодку. Обработка кожи и тканей для изготовления одежды также производилась в своем хозяйстве.

Главным занятием женщин, особенно в холодные и темные сезоны, зимами, помимо достаточно трудоемкого приготовления пищи было прядение шерсти, льна и конопли, ткачество, пошив одежды и белья из полотна и домашней грубой шерсти, вязание, плетение, а также украшение одежды вышивкой, плетением, декоративными вставками, плетение циновок.

И вообще *домашние ремесла* в Скандинавии, как и в крестьянском быту всей Европы, были необходимым, а потому непременным занятием в сельских усадьбах[138].

Вечерами работали при огне очага, лучинах, а более богатые — при факелах или сальных свечах. Отапливали только жилое помещение — дровами, в безлесных местностях хворостом, но главным образом торфом[139].

С наступлением весны работы переносились на воздух: начинался сезон сельскохозяйственных работ, мореплавания и морских промыслов, резко увеличивалось число поездок. Выгоняли на луга и перегоняли на горные пастбища скот,

[133] КИ. С. 290, 291.
[134] IMS. P. 100.
[135] Ср.: ИС I. С. 116, 117.
[136] Там же. С. 84, 116.
[137] VGS. S. 34.
[138] Сванидзе, 1985.
[139] Так делали, например, на Оркнейских островах. См.: КЗ. С. 57.

обрабатывали землю и т.д. Впрочем, скандинавы, прежде всего мужчины, не сидели все время дома и зимами, они были привычны к холоду, к физическим неудобствам и лишениям. Для передвижения по снегу использовали короткие лыжи[140], по льду — особые подошвы с шипами. Эти приспособления, которые обнаружены археологами, а позднее упоминаются у Агриколы, в его описании северных народов середины XVI в., благополучно дожили до нынешнего дня.

Характерно, что в сагах *нет специальных описаний природы* как объекта наблюдения и, тем более, эстетического переживания. Как уже отмечалось выше, краткие упоминания о природных условиях и явлениях — морозах, метелях, грозах, бурях на море, лесных дебрях и т.п. — являются необходимыми элементами сюжета; такие же элементы сюжета — скалы и холмы, море, озеро или река, овраг, осыпь, болото, ледник. Человек не отделял себя от природы, он был теснейшим образом связан, спаян с ней, не только подчиняясь ее циклам и явлениям, но и используя их.

Ценность земли и земледелие

Собственность на землю была для скандинава не только жизненной необходимостью, но и важным свидетельством общественного *статуса.* Ведь даже обладание наследственной землей, пусть и малым ее наделом, где помещалась только хижина, делало человека «землевладельцем».

Неудивительно, что скандинав не просто пользовался землей, он почти срастался с ней, как улитка с раковиной.

Поселение на каком-либо месте, связанное с обретением права на занимаемую землю, сопровождалось определенным ритуалом. Новый поселенец с пылающей головней в руках объезжал свой будущий участок по ходу солнца[141]. Если земля располагалась на свободной, незанятой территории, избранный участок мог быть сколь угодно большим, так что, например, первопоселенцы в Исландии пользовались свободой занятия земли и присваивали значительные территории. Одна из первых тамошних поселенок — Унн Мудрая, с трудом добравшись до острова, «взяла себе земли, сколько хотела» («Сага о людях из Лососьей Долины», гл. X). Но к середине X в., после заселения основных территорий, в Исландии землю приходилось покупать или выменивать, что стало частым явлением.

В Дании и ряде областей Швеции, где состояние земли позволяло в полном объеме заниматься земледелием, были и хорошие условия для создания относительно крупных земельных комплексов. Но повсюду землей дорожили, ее стремились прикупить, она была одной из важнейших объектов в составе завещания бонда любого уровня. При господстве лично-наследственной собственности на землю,

[140] ИС I. С. 91.

[141] ИС II:1. С. 312, прим. 18.

она рано стала и предметом сделок. Земельные сделки и тяжбы производились при свидетелях и увенчивались рукопожатием, как и закрепление наследственной недвижимости за наследником[142].

В сагах и даже более поздних законах нет прямых свидетельств о свободном отчуждении земли путем продажи или завещания за пределы рода. Однако, судя по имеющимся там упоминаниям о покупке земли, расширении своего землевладения, даже закладе земли и т.д., отчуждение земли путем продажи имело место, особенно распространившись с XII–XIII вв. Это отражено в «Саге об исландцах» и областных законах, включая самый консервативный из них — Гуталаг (гл. 25, 26). Правда, в законах ограничивалась продажа арва (и одаля), т.е. той наследственной земли, которая, исходя из областных законов, находилась во владении члена данного рода не менее трех поколений. Продажа этой земли (в Швеции еще и в XIV в.) ограничивалась уже упоминавшимся правом берда, т.е. правом кровных родственников на преимущества при покупке этой земли. Если же родичи отказывались от ее покупки, то эту землю дозволялось продать чужому человеку, назначив свободную цену. Но сведения о завещаниях, включении земли в приданое дочери[143], разделе наследства и тяжбах, которыми переполнены саги, свидетельствуют, что земельные владения очень ценились людьми саги и они стремились по возможности расширить свои земли. После утверждения в Скандинавских странах христианства возник также институт передачи земли в дар церквям и монастырям, что умножило земельные распри и потребовало вмешательства верховной власти в порядок такого дарения[144].

Как свидетельствует «Песнь о Риге», по возвращении домой знатные викинги на награбленные ценности приобретали усадьбы-гарды. Хьельмар, один из персонажей легендарной «Саги о Хервёр», умирая от полученных им в ожесточенном поединке шестнадцати ран, с болью произнес вису, где были такие слова: «Имел я пять земельных владений, но не было мне от [этой] собственности счастья»[145]. В «Саге о Курином Торире» говорится о сдаче земли внаем разным людям, по три десятины каждому; владелец этой земли был богатым человеком, он составил себе состояние спекуляцией, выгодно перепродавая то, что купил в другом месте.

По сагам можно увидеть, что *ценность земли,* очевидная уже в эпоху викингов, в следующие за ней столетия увеличивалась все больше — и как основа местожительства, и ради пахотных земель, выгонов и покосов, и в качестве подхода

[142] ИС II:8. С. 34.

[143] Впрочем, прямые сведения о земле, данной в приданое, относятся к XIII столетию. См.: Сага об исландцах. Гл. 33.

[144] Дело в том, что со временем бонды превратились в так называемых «скаттовых бондов», т.е. ту часть населения, которая платила налог со своей земли (скат), так что отчуждение их земли в пользу церкви или монастыря сокращало налоговые поступления в казну. Поэтому корона ограничивала размеры земельных владений, которые можно было дарить или завещать религиозным учреждениям. Но отражение в законах эта проблема получила только с XIV в.

[145] IMS. P. 29–30.

к побережью, как источник ренты (в том числе при раздаче участков земли в аренду), и как вид заклада, и как показатель статуса. В этом заключаются большие *отличия* от начала новой эры, когда Тацит писал свое сочинение «О происхождении германцев»: тогда господствовала не частная, а родовая собственность на землю, которую не очень охотно обрабатывали и, по всей видимости, ценили прежде всего как место обитания, как «родину».

В этом очерке речь пойдет об употреблении земли главным образом как первичного и всеобщего средства производства и поддержания самой жизни.

Тацит сообщает, что юты сеяли рожь и пшеницу, а все скандинавы — ячмень, во всяком случае судя по сырью, из которого изготовляли пиво. В эпоху саг большинство скандинавов так или иначе занималось *обработкой земли,* хотя и в очень различных формах и объемах. В средневековой Дании занятие земледелием было возможно чуть не повсеместно, в Швеции — на 9% освоенной земли, в Норвегии — на 3%, а в Исландии — на 1%. И все же земледелие рано стало основным занятием населения не только в равнинной Дании, но и в ряде областей Швеции. Менее значительную роль оно играло в Норвегии. Но и в Исландии, почти непригодной для пашенного земледелия, также старались вырастить свое зерно, а главным центром земледелия там была Округа Южных Мысов. Поучения по поводу сроков и порядка посевов имеются в «Речах Высокого», например совет «не доверять ранним всходам»[146]. Сведения о посеве хлеба в Исландии есть и в сагах[147]: о выращивании, например, ржи в них говорится как об обычном занятии[148]. А в судебнике Фростатинга, в разделе, посвященном обязанности оповещать о сборе тинга, имеется следующая формула: «И везде, где человек *сеет и жнет на своей земле* и на ней стоят жилые дома, обязанность передачи знака [созыва тинга] должна соблюдаться в отношении всех» (курсив мой. — *А.С.*). Также «Сага о Ньяле» повествует: «...пошел он к своей пашне и стал там сеять» (гл. LXVIII)[149]. Снорри в своем «Круге Земном» пишет о засухе, которая привела к недороду хлеба[150].

В силу природных условий преобладающими тогда зерновыми культурами в Норвегии и Исландии были овес и ячмень, более неприхотливые и быстро созревающие; они шли прежде всего в пищу людям; а вот прямых данных о прикармливании скота овсом или ячменем у меня нет. Там, где земля позволяла, особенно в Швеции и Дании, сеяли рожь и пшеницу, но ячмень и овес — повсюду и обязательно.

Зерно, хлеб и мед в Исландию ввозили из Норвегии и Англии, но и на этом скалистом острове очень ценили «подходящую» землю, и не только из-за пастбищ. В той же «Саге о людях из Лососьей Долины» рассказчик замечает, что некий

[146] БЭН. Ст. 88.

[147] См., например: ИС I. С. 630.

[148] ИС II:1. С. 26, 102.

[149] ИС I. С. 79, 533. Ср. С. 631.

[150] КЗ. С. 96, 97.

персонаж имел «хорошие земли, но скота немного»[151]. Об уборке хлеба, вязании снопов и складывании их в скирды свидетельствует «Сага об Олаве Святом» (гл. XXXII). Богатый Торвальд сын Освивра владел несколькими островами, «откуда он получал вяленую рыбу и муку»[152].

О скандинавах эпохи викингов и последующих трех столетий нередко пишут, что их агрикультура была настолько низкой, что они поздно и не повсюду пришли к двуполью и долго пользовались не плугом, а сохой[153] и даже мотыгой. Это верно. Но справедливость требует напомнить, что характерный моренный ландшафт, скалы и огромное количество валунов, которые оставил в тамошней земле уходящий ледник, не позволяли жителям средневековой Скандинавии использовать плуг, а ограниченный размер и разбросанность пригодных для земледелия земель не позволяли перейти к более продуктивной системе полей. Из-за плохих земель и примитивной агрикультуры урожайность была низкая, к этому часто добавлялись капризы погоды: засуха, чрезмерные холода или сырость. В результате население нередко страдало от голода.

Зато при гардах или на самой усадьбе регулярно разводили огороды, выращивая капусту, репу, лук, горох. В «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. LX) капустным огородом занимается сама хозяйка богатого исландского хутора.

Сеяли лен[154], из которого выделывали ткань для одежды и белья, а также, судя по упоминаниям о сермяге, и коноплю. В одной из саг упоминается женщина-служанка, которая во время сенокоса мыла на озере холсты[155]: видимо, в теплую и ясную погоду холсты после замачивания расстилались для отбеливания на берегу озера, реки или моря так же, как это делалось всегда и повсюду, в том числе на Руси.

Скотоводство и промыслы

Мне представляется, что в эпоху викингов самым важным и распространенным видом труда людей в большинстве районов Скандинавии, с ее скудными землями и моренным ландшафтом, за исключением, естественно, Дании, хозяйство было многоотраслевым. Так, в нем важнейшую роль играло *разведение скота:* овец, коз, свиней, крупного рогатого скота (на самом деле мелкого и непородного) и лошадей[156]. При переездах, даже за море, скот (вероятно, все же наиболее ценных особей)

[151] ИС I. С. 320.

[152] Там же. С. 459–460.

[153] В том, что еще в середине XI в. пахота производилась при помощи сохи, убеждает изображение на «ковре из Байё».

[154] ИС II:1. С. 228.

[155] ИСИЭ. С. 158.

[156] В 17-й главе Гуталага (начало XIII в.) по разным поводам упоминаются лошади, в том числе упряжные, а также бараны, овцы, козлы, козы, свиньи (специально говорится о боровах), гуси, утки. Из домашних животных еще упоминаются «пес» и ловчие птицы.

зачастую брали с собой на корабль. Скот был большим богатством, тем более что при скудных землях этого региона подкормка земли органическими удобрениями из хлева была совершенно необходимой для огородничества и, если позволяли расстояния, для полеводства.

Адам Бременский, посетивший в последней четверти XI столетия плоскую, с развитым сельским хозяйством Данию, со слов своих собеседников так характеризует более северных скандинавов и их занятия. «Нортманния (т.е. Норвегия. — *А.С.*), — пишет он, — кроме суровых гор и чрезмерного холода, отличается еще к тому же совершенной бесплодностью, будучи пригодна исключительно для скотоводства. Стада животных держат в степях подобно древнему обычаю арабов. Скотоводство проникает во все области жизни нортманнов: молоко они употребляют в пищу, а из шерсти делают одежду». В Исландии же («остров Исланд») «люди живут за счет разведения скота и укрываются его шкурами. Там совсем нет растительной пищи, деревьев же очень мало. Кроме того, местные жители обитают в подземных пещерах, где живут вместе со скотом». Сведений последнего рода в сагах нет; эта и другие забавные погрешности в описаниях Адама объясняются, по-видимому, тем, что он пишет о Норвегии, Исландии и Швеции с чужих слов.

Содержание скота под одной крышей с хозяевами дома на самом деле представляло собой размещение хлева вплотную к жилому помещению, действительно подчас под одной крышей, но, судя по сагам, отнюдь не всегда и не всюду. В суровые зимы скандинавы брали в отапливаемое помещение молодняк (как делали это в русских деревнях еще в XX в.). Что же касается пребывания скота в Норвегии круглый год на выпасе, то это не было абсолютным правилом; в особенно холодные и снежные зимы скот постоянно держали на скотных дворах, так что к весне он зачастую падал от голода. Под «подземными пещерами», скорее всего, имеются в виду рукотворные «земляные дома» и т.д. Однако умный и наблюдательный каноник Адам вполне справедливо связал занятия скандинавов, прежде всего норвежцев и исландцев, с суровыми природными условиями среды их обитания и отметил у них ведущую роль разведения скота.

Образец примерного хозяина дает «Сага о людях с Песчаного Берега». Там говорится о бонде Ульваре, который был «отменный хозяин, быстрее соседей сушил сено, и его скот никогда не падал от недокорма и не знал болезней». К тому же он хорошо предсказывал погоду. Немудрено, что с ним «многие советовались»[157]. В «Саге о Гисли» (гл. XVI) описывается вход в жилье через хлев, где стояли 60 коров, по 30 с каждой стороны (!).

В особой цене были *лошади,* особенно верховые (и боевые). В качестве тягловой силы использовали волов, пару волов запрягали в сани, в телегу[158]; на волах

[157] ИС II:2. С. 65, 66.

[158] ИС II:1. С. 219; ИСИЭ. С. 47.

же и пахали и, кроме того, нередко возили сено с покосов[159]. Богатый хозяин имел несколько саней, для каждых саней требовалась пара волов[160]. В более северных районах держали стада оленей.

У некоторых людей, особенно в Исландии, скот составлял основное достояние, и его было много; встречается даже не вызывающее доверие замечание о стаде скота, растянувшемся на огромное расстояние[161]. В гористой Скандинавии скотоводство было отгонным, что требовало либо наличия в гарде специальных пастухов (о них много упоминаний в сагах), либо разделения труда внутри самой семьи. «Когда у Скаллагрима стало много скота, он стал отгонять его на место в горы. Овец иногда и зимой держали в горных долинах, если их не пригоняли вниз. Позже Скаллагрим построил [второй] двор наверху, в горах, и там также было его хозяйство»[162]. Скот пасли мужчины и мальчики-подростки, доили женщины, причем не только коров, но и коз, овец, лошадей; шкуры обрабатывали и те и другие. Ягнятам время от времени в рот вставляли распорку, видимо, чтобы помешать им сосать материнское молоко[163]. В сагах говорится о специальных крытых загонах для овец (овчарнях).

Хозяева, включая довольно состоятельных, даже богатых, не ленились ездить на выгон и на сенокос, чтобы посмотреть, все ли там в порядке. Богач Тородд сам резал свой скот, а зажиточный хозяин Торольв следил за тем, как косят траву, как женщины сушат сено, как его навьючивают на повозки, запряженные волами, и вывозят на хутор. Тот же Торольв украл сено, накошенное его соседом, и отказался заплатить за него; в результате все оплатил его сын — ради справедливости и сохранения нормальных соседских отношений[164]. Богатый хозяин Торбьерн Бычья Сила («Сага о Греттире», гл. XLVIII) запасает сено вместе с работниками и сыном Арнором, 16 лет, подсушивают же его граблями и собирают в копны женщины. В связи с Торбьерном говорится и о косьбе на болотах. На зимний корм скоту, возможно, запасали также «веники», о которых говорится в «Песни о Риге», но подобных сведений в сагах я не нашла.

Судя по «Саге о Хромунде Хромом», в X в. скотину, включая овец, метили тавром, это правило установили исландские хозяева на альтинге, оговорив при этом, что свое тавро нельзя давать соседям[165].

Разводили *свиней и домашнюю птицу*, особенно кур, голубей и гусей.

---

[159] ИС II:2. С. 66. Известно, что даже в Западной Европе местами до XII в., т.е. до появления современной упряжи, лошади в сельском хозяйстве не применялись.

[160] Там же. С. 78–79.

[161] ИС I. С. 309.

[162] Там же. С. 115.

[163] ИС II:2. С. 97; ИС II:1. С. 372.

[164] ИС II:2. С. 66 и др. О косах см.: Сага о битве на Пустоши. Гл. XXVII, а серпы в руках у крестьян изображены на «ковре из Байё».

[165] ИС II:1. С. 51.

Трудно переносимым несчастьем был массовый падеж скота от бескормицы или эпизоотии. Поскольку зимой скот падал из-за нехватки корма, к тому же надо было запасать мясо, то осенью «лишний» скот забивали. Осенью и зимой обрабатывали шкуры, ранней осенью стригли овец и коз. Кража скота была одним из тех тяжких преступлений, наказанием за которое являлось объявление вора «вне закона»; особенно же преследовались кража или использование чужого коня. Но и цена коровы была очень высокой, иногда понятие «цена коровы» использовалось при назначении штрафа за другие преступления[166].

Среди первых по значимости занятий скандинавов были *речной и морской промыслы,* куда относились ловля и заготовка впрок (вяление, сушение) несметного количества рыбы — трески, пикши, сельди, камбалы, лосося, угря и другой рыбы, а также охота на китов, тюленей и морскую птицу, сбор яиц и пуха морских птиц, съедобных моллюсков и водорослей, которые также употреблялись в пищу. «Люди его ловили сельдь и треску. Было там также достаточно тюленьих лежбищ», — свидетельствует о морском промысле в Атлантике «Сага об Эгиле». Да и сам он «зимой часто ходил на паруснике с сетями ловить сельдь»[167]. В «Саге об Эгиле» также говорится о том, что летом в проливе Эресунн «собирались торговые корабли со всей Сконе»[168]. Речь здесь, по-видимому, идет об известной в средневековой Западной Европе сельдяной путине в проливе Эресунн (Зунд) у полуострова Сконе, когда туда приплывали суда и лодки не только из различных районов Скандинавских стран, но также из северогерманских и других земель.

В ловищах Ботнического залива добывали особенно ценимого лосося и угрей, в Атлантике — треску. Упоминается десятивесельная лодка для рыбной ловли («Сага о Греттире», гл. XII) и гарпуны для охоты на тюленей и китов. Как и продукты скотоводства, добыча морских и речных промыслов составляла основу питания скандинавов и давала сырье для домашних ремесел. И, судя по сагам, если не корабль или ладью, то лодку имел каждый живший на побережье скандинав, т.е., в сущности, почти все жители региона.

На прибрежную сушу, считавшуюся в большинстве районов общинной землей, Гольфстрим выносил древесину-топляк, туши китов и тюленей. На основе права на альменнинг, а также, вероятно, и «берегового права»[169] каждый мог брать себе часть этой древесины или разделанной туши. «Торгильс был предприимчивым хозяином, — повествует «Сага о Греттире» (гл. XV), — и каждый год отправлялся на Берега (Песчаный Берег. — *А.С.*) за китами и другой добычей»[170]. Мясо выбросившегося

[166] См.: Сага о сыновьях Дроплауг. Прим. № 32.

[167] ИС I. С. 64, 79.

[168] Там же. С. 93.

[169] О береговом праве см.: Там же. С. 295.

[170] Об этом говорится во многих сагах: «Саге о Названых Братьях», «Саге о людях с Песчаного Берега», «Саге о Греттире» и др.

на сушу кита являлось особенно желанной «добычей», так как его было много и оно было даровым. Мясо — необходимая пища в северных широтах, а собственную скотину хозяева не очень-то любили забивать.

В лесистых районах издревле большую роль играли *лесные промыслы.* Люди заготавливали лес на топливо и для строительства, выжигали древесный уголь для кузниц, собирали лесные коренья, ягоды, орехи, съедобные и целебные травы, дикий мед. Значительное место занимала *охота* на дикого зверя и птицу. Ставили силки и применяли другие приспособления для охоты на зайца и белку, лису и волка, а также на птицу; ходили с рогатиной на медведя. Так, Греттир однажды вступил в схватку с медведем и одолел его![171] Собирали лесные птичьи яйца и пух. Еще из англосаксонской поэмы «Беовульф», который был, согласно поэме, гаут, т.е. гет, известно о соколиной охоте и приручении соколов, имевших, таким образом, место в гетских землях будущей Швеции еще в VII–VIII вв.[172] Ученый (охотничий) сокол, как позднее свидетельствовала «Сага об Ингваре Путешественнике», считался настолько дорогим подарком, что мог быть преподнесен одним королем другому. В том же «Беовульфе» говорится об охоте на диких кабанов (вепрей), на которую ходили с «кабаньими копьями», «крюками острыми», а также с луком и стрелами (ст. 1430). Собираясь в дальний путь, в котором предстояли ночевки, скандинавы брали с собой минимальное количество съестных припасов, так как охотились и готовили пищу по дороге, на кострах и жаровнях. В «Песни о Хюмире» скальд пишет: «...в яму сложили печься их (животных. — *А.С.*) туши...»: т.е., наложив камней в яму, развели там огонь, и, когда камни раскалились, на них пекли охотничью добычу.

В Швеции добывали озерную и болотную железную руду. Повсюду, на многочисленных в тогдашней Скандинавии озерах и болотах, охотились, использовали торф на топливо и для построек. Упоминается, что люди выпаривали (морскую?) соль[173]; «Сага о Фритьофе Смелом» (XIII в.) свидетельствует о «солеварах».

Материалы саг о хозяйственной деятельности в Скандинавии находят интересные подтверждения в кодифицированном в 20-х гг. XIII в. и весьма традиционном общем праве бондов Готланда — Гуталаге, где, в частности, фигурирует, наряду с «полями репы», стадами баранов и овец, свиней и лошадей, стаями гусей, также охота на зайцев и белок[174].

В число широко распространенных занятий средневековых скандинавов входили разного назначения *морские путешествия,* в том числе по Балтике и во многие страны Европы. Но проблемы, связанные с морскими путешествиями, заслуживают особого разговора, и речь о них пойдет ниже.

---

[171] ИС II:2. С. 115; ср.: Гуталаг. С. 158–159; Сага о Греттире. Гл. XXI; Сага об исландцах. Гл. 125 (ср.: Там же. Гл. 114; «белая ловчая собака»).

[172] Беовульф. С. 2262. В самой Англии это искусство известно с VIII в. (Там же. Коммент. С. 653).

[173] ИС II:2. С. 56 и 2934; Сага о Фритьофе Смелом. Гл. XI.

[174] Гуталаг. С. 125, 132, 156, 158–159 и др.

Многосторонние, *многоотраслевые* хозяйственные интересы жителей Европейского Севера, предопределенные природными условиями, требовали большого числа рабочих рук, а также, с одной стороны, универсальных умений, с другой — разделения труда в каждом хозяйстве. Это разделение шло прежде всего по половой и возрастной линиям, а также, разумеется, исходя из положения в гарде каждого его насельника, что не всегда строго соблюдалось, поскольку члены семьи хозяина хутора, да и он сам обычно работали наравне с батраками.

В скандинавском обществе эпохи саг наряду с хозяйственными делами у мужчин были также важные *общественные обязанности,* точнее, *правообязанности,* поскольку, как уже отмечалось выше, в ту эпоху основные права и обязанности свободных хозяев совпадали, составляя некую единую систему. Прежде всего, это участие в судебных собраниях-тингах, как местных, так и областных, а в Исландии и центрального — альтинга. Участие в тинге, как и во времена Тацита (гл. 12), оставалось одной из *базовых* общественных правообязанностей свободных взрослых мужчин. Такой же важной их правообязанностью было участие в ополчении (ледунге, лейданге) и в охране побережий от грабителей-находников. Да и сами местные хозяева неоднократно уходили в походы, причем не только торговые. В той же «Саге о Греттире» (гл. III) рассказывается, что Офейг и его родич Тормод Древко из-за вражды с конунгом бежали «...на запад вместе с домочадцами. Они ходили походами по всему западу за морем». Точно так же «летом ходил в походы» Эндотт, вместе с гостившим у него Бьерном[175]. Еще одним важным занятием молодых, неженатых мужчин в Скандинавии, прежде всего из состава элиты (знати), а также из среды бондов, была *служба* у конунга, ярла, знатного хёвдинга, у иностранных владык, — в качестве дружинников разного ранга, охранников, придворных и т.д., требующая главным образом воинских умений. (Об этих занятиях см. ниже.)

Что умели делать, а также что ели и пили люди саги

Все добытое надо было переработать, поэтому хозяева гардов отличались не только трудолюбием, но и различными умениями, ведь это было неотъемлемое свойство натурального хозяйства. Об этом частично говорилось выше, в связи с мастеровитостью мужчин.

Женщины также отличались весьма разнообразными умениями. Они варили пищу, собирали дары леса, пряли и ткали, шили, вышивали, расшивали и вязали одежду для семьи и насельников гарда, плели кружева. Рукодельничая, женщины

[175] О торговых и военно-грабительских путешествиях скандинавов см. ниже, в особом очерке этой части.

любили собираться вместе и часто пели[176]. В «Саге о Ньяле» (гл. CLVII) упоминается эддическая «Песнь валькирий», которая была создана в начале XI в. на Оркнейских островах; существует мнение, что она возникла или первоначально сложилась как рабочая песня женщин, сидящих за ткацкими станами. В этой песни, сложенной по типу заклинания, упоминается реальная битва — битва 1014 г. при Клонтавре в Ирландии, когда знаменитый король Бриан погиб, но победил викингов — норвежцев из Дублина и с Оркнейских островов. И там говорится, что валькирии ткут «стяг победы», несущий смерть врагам[177]. Примерно до 7 лет именно женщины растили мальчиков, девочек — до их замужества.

Мужчины делали из дерева и металла предметы быта, чинили и возводили постройки, дубили кожи, приводили в порядок оружие. Владельцы некоторых хуторов были известны как кузнецы, они же коновалы, которые занимались этим ремеслом специально, за плату, наряду с прочими делами по своему хутору[178]. Хуторянин из «Саги о битве на Пустоши» (гл. XXVI) собирается со своим работником в мастерскую к кузнецу, чтобы там поработать, так что какими-то кузнечными навыками, видимо, обладали и обычные хуторяне. Не случайно кузнецы были первыми профессиональными ремесленниками, выделившимися из среды разносторонне умелого сельского населения, что подтверждается материалами не только скандинавской, но и всеобщей истории. Таким был персонаж из «Вига-Глум саги», который, заехав к гости к другу, присел у огня и стал чинить ему сундук[179].

В «Саге о Греттире» (гл. LIII) повествуется о зажиточном хуторянине Торстейне сыне Куги, который, крестившись, построил при своем дворе церковь, «а от дома велел сделать [к ней] мост», и все это «с великим искусством, с кольцами и колокольчиками [для звона]». Их он тоже сделал сам, так как был «искуснейший кузнец». Умелым кузнецом был и сам Греттир, хотя редко занимался кузнечными работами. Кузнец мог сделать и красивые пряжки, и пояс «из пряжек»[180].

В каждом гарде женщины мололи зерно на каменных жерновах, готовили пищу: варили похлебки и каши, квасили молоко, делали сыры, творог и брынзу, домашнюю колбасу, пекли и варили яйца разных птиц. Сбивали коровье масло, коптили и вялили мясо, в том числе китовое[181], а также рыбу, пекли хлеб, но чаще лепешки; особенно любили пресные, твердые хлебы. Хлеб очень высоко ценился, так как зерно, мука, да и хмель (для пива) в странах Западной Скандинавии были преимущественно привозными, но нужду в них подчас испытывала и Швеция.

[176] ИС I. С. 75 (Сага о людях из Лососьей Долины. Гл. X).

[177] ИСИЭ. С. 438–443. Ср. прим. на с. 704 и 810.

[178] В «Саге о Курином Торире» некий бонд приходит к кузнецу — бонду Херстейну и просит полечить его корову.

[179] VGS. S. 34.

[180] Сага об исландцах. Гл. 132.

[181] Там же. Гл. 76.

Адам Бременский пишет, что, по словам Вергилия (?), геты пили смесь кислого молока с кровью, а от [кислого?] лошадиного молока пьянели[182]. В сагах таких сведений нет. В них мне лишь единожды встретилось упоминание об употреблении в пищу свежего (коровьего?) молока («Сага об Олаве Святом»). Возможно, оно плохо усваивалось в связи с широким распространением морепродуктов, в том числе морских жиров[183], либо его было трудно хранить. В «Саге о Греттире» упоминается «скир» — кисломолочный продукт, который изготовляли с добавлением сычуга и держали в кожаных мешках (гл. XXVIII). Возможно, что сырьем для него служило как раз кобылье молоко. Упоминается «сосуд с творогом» и другой, с сывороткой[184].

В этой же саге говорится об «очень припасливом» втором сыне Асмунда. который заготавливал много вяленой рыбы и держал много лошадей (гл. XLII). О вяленой рыбе, которую запасали впрок, говорится и в «Саге об исландцах» (гл. 59).

В скандинавском доме постоянно варили пиво, которое имело очень широкое употребление и его пили даже горячим; делали брагу и медовуху («хмельной мед»). Пиво держали в специальных кадках. Вино же было привозным и дорогим; судя по сагам, его в эпоху викингов пили редко даже в богатых домах. Тацит в свое время отмечал большое пристрастие северных германцев к ржаному и ячменному хмельным напиткам и распространению у них тяжелого пьянства (гл. 22–24). Приверженность скандинавов к пиву подтверждается сагами; о пьянстве же речь в них идет в связи с застольями в честь гостей и с повседневными пирами в домах правителей. Много пили и женщины: ведь не случайно Гуталаг предупреждает женщин быть осмотрительными во время застолий, чтобы потом, ночью, не «заспать» своего младенца.

Обычной пищей, наиболее распространенной в народе, даже в зажиточных домах, была непременная каша или болтушка из зерен разных злаков. По сведениям, дошедшим из XIII в., различались «белая еда» (молочная) и «сухая», т.е. овощи либо каша без молока, которую употребляли не только в пост[185]; так было, конечно, и раньше. Варили мясную, рыбную, гороховую похлебку, ели сквашенное молоко коров, кобыл, овец и коз, птичьи яйца, некоторые травы и морские водоросли, козий и овечий сыр, вяленую и сушеную рыбу; в будни пили хлебное пиво, в праздники также еще и брагу[186].

Все это, однако, выставлялось на стол вовсе не одновременно. Рядовая трапеза, даже если присутствовал гость, состояла из одного-двух блюд. Вот еще одно

[182] Схолия 134. Не ясны ни ссылка на Вергилия, ни то, что здесь имеется в виду под опьяняющим лошадиным молоком. Может быть, что-то вроде кумыса?

[183] Известно, что свежее молоко вошло в число употребляемых человеком продуктов далеко не сразу после начала культурного разведения скота. Жители Крайнего Севера уже в Новейшее время генетически были не приспособлены к усвоению свежего молока из-за традиционного употребления в пищу морских жиров.

[184] ИС I. С. 315.

[185] Сага об исландцах. Гл. 96.

[186] ИС I. С. 30, 46, 193, 210, 216, 304, 535 и сл., 637 и мн. др.

интересное замечание саги: «Тогда был обычай ставить еду прямо на столы, а блюд не было». Однако в сагах встречаются упоминания о ложках и мисках (например, в «Саге о Гисли», гл. XXXVIII) и о «корыте», в котором жена, к гневу мужа, подала ему еду. На стол ставили столько «мер еды», сколько было едоков. Когда одна разгневанная хозяйка дома кинула на стол каждому из двоих своих сыновей, весь день бывших вне дома, «по воловьей ноге, порубленной натрое», это им показалось «грубой пищей» (т.е. плохо приготовленной и небрежно поданной. — *А.С.*)[187].

На зиму заготавливали большие запасы еды и корма для скота. То, что не производили на своем хуторе, по возможности докупали. Так, Атли из «Саги о Гретире» (гл. XLII) «был человек запасливый. В конце лета он отправился с сопровождающими на Мыс Снежной Горы запастись вяленой рыбой. Они накупили вяленой рыбы и навьючили семь лошадей».

Основная, самая плотная еда подавалась в первой половине дня. Это был как бы обед, с пивом и брагой. Особенно много хмельного употребляли сразу после обеда в Норвегии, в Исландии пили меньше. В домах королей, ярлов, вождей люди после обеда и обильных возлияний нередко засыпали прямо за столами, не будучи в состоянии дойти до постели. А ведь предстояла еще вечерняя трапеза![188] В качестве сосуда для питья у скандинавов, как и у всех древних германцев, очень ценился *урархорн* — обработанный рог зубра, тура или другого крупного дикого животного. Рог украшали резьбой, отделывали драгоценными металлами. Возможно, урархорн имел и символический смысл, являясь подобием «рога изобилия»[189]. Была в ходу и «круговая чаша», нередко изукрашенная.

Но вернемся на хутор. Перед едой или придя с грязных работ, хозяин мыл руки, служитель или член семьи держал перед ним миску или таз с водой («Сага о Гуннаре, убийце Тидранди», гл. VII). Судя по некоторым сагам, в той же миске или тазу могли затем вымыть руки и другие люди. В «Саге о битве на Пустоши» говорится о том, что женщина во дворе моет домочадцу голову и смывает водой пену[190]. В сагах упоминаются тазы для умывания[191] и бочки, которые наполняли водой[192].

Порой в доме не было даже постной каши. Выше речь уже заходила о том, что в сагах содержится целый ряд упоминаний о жестоких голодовках, продолжавшихся иногда не один год. Людям саги был памятен голод 976 г., когда убивали (выгоняли, обрекая на смерть!) стариков. В «Саге о Греттире» (гл. XII) говорится о голоде в Исландии, который продолжался «многие годы», когда даже не было рыбы, и такие годы обрекали на смерть большинство новорожденных детей. Так что когда на берег

[187] ИС II:1. С. 80.

[188] СОДВ. С. 60–63, прим. 76.

[189] Там же. С. 178, прим. 70.

[190] Там же.

[191] Сага о Гисли, сыне Кислого. Гл. XII.

[192] ИСИЭ. С. 480.

выбросило кита и об этом оповестили округу, то среди десятков людей, которые старались добыть себе хоть кусок китового мяса, возникло настоящее побоище[193]. Вообще из-за «дарового» мяса, выброшенного на берег, происходило много конфликтов[194]. Выразительными свидетельствами о пережитых голодных годах, которые сохранила память людей, являются названия: «великая зима падежа скота» (ок. 1200 г.) и «Песчаная зима» (1226 г.) в Исландии, когда произошел массовый падеж скота, предположительно вследствие извержения вулкана, засыпавшего поля пеплом[195]. Люди долго помнили и о «дурной весне», когда было «худо с едой» («Сага об исландцах», гл. 3). Через несколько лет вновь появилась причина для тяжелых воспоминаний (гл. 113): «весна была дурной», а «зима на редкость крепкой», вследствие чего пропитание было крайне скудным. На Выпасном острове тогда «пало 14 лошадей». Спасла местных людей рыба, которая «появилась у острова»...

Ссоры и драки — постоянные явления в мире людей саги

Помимо ведения своего экстенсивного (и поэтому требующего больших усилий и многих рабочих рук) хозяйства, у людей саги было много других дел, притом самого разного свойства. О некоторых из них вкратце уже упоминалось выше, а позднее будет идти речь подробнее. Но одно обстоятельство особенно бросается в глаза при чтении саг, прежде всего родовых. Создается впечатление, что наряду с упорным, постоянным трудом, необходимым для поддержания жизни, одним из основных занятий людей, во всяком случае исландцев, вне своего хутора, а подчас и в его пределах было плетение интриг, споры, склоки, судебные дела, драки и потасовки. Судя по сагам, стычки происходили непрерывно, частенько сопровождаясь настоящими побоищами[196]. Очевидно, это служило разрядкой в ходе тяжелой монотонной жизни. Бонды, казалось бы совершенно достаточные, крали друг у друга имущество, сжигали жилища и другие строения недругов, иногда даже вместе с хозяевами, непрерывно искали повода для обиды, сведения счетов и мести. Чего стоит хотя бы такой эпизод: когда некоему персонажу не хватило топлива, он бесцеремонно сжег взятые без разрешения чужой щит и древко от копья, за что и был убит их владельцем[197].

Потрясает обыденность драк и убийств людей в сагах, та спонтанная готовность и решительность, которые побуждали тогдашних скандинавов идти на присвоение чужого, на отпор и драку, часто — на вооруженное столкновение даже с численно превосходящим противником, получая и нанося увечья, лишая жизни и других

[193] См.: Там же. Висы. С. 17–18.

[194] ИС II:1. С. 37, 135 и сл. и др. См. также с. 347, прим. 37.

[195] Сага об исландцах. Гл. 18, 60.

[196] Так, в «Саге о Битве на Пустоши» речь идет именно о битве (víg, исл.).

[197] ИС II:1. С. 166.

людей, и себя. Только некоторые виды убийства считались «постыдными поступками» и даже «злодеяниями», что, впрочем, многих не останавливало. С явным одобрением говорит сага о герое Тормоде, который был настолько отважен и драчлив, что к своим 30 годам убил более шести человек. Особенно часто ввязывались в склоки и драки представители верхушки бондов и родовая знать, мстя за действительные или мнимые оскорбления, в том числе невольные, и стремясь возвыситься: усилить власть, увеличить влияние в округе и своей социальной среде. Так было и после принятия христианства. Побоища разыгрывались во дворах и даже в домах, так что для защиты от нападавших хозяева влезали на крышу. Постоянная агрессивность, нередко приводящая к «войне всех против всех», уносила множество жизней.

Близкие и дальние соседи, даже свояки и родичи постоянно мстили друг другу за убийство, членовредительство, кражу, за реальное или кажущееся умаление их чести. В результате череда *кровной мести* нередко проходила через жизни нескольких поколений. Вот как описывает одно из кровавых сражений такого рода скальд Тормод сын Бахромы в своих «Речах Ворона», точно указывая даже число погибших:

> Снорри кормил / Кровью из жил / Орла в битве страшной /
> Во Фьорде Лебяжьем. / И пять, кто там был, / Он загубил, /
> Чтоб показать, / Как нужно карать[198].

В другом подобном побоище пало 11 человек («Сага о Битве на Пустоши») и т.д.

Однако при этом тело убитого, в том числе противника, следовало зарыть или закидать камнями и землей сразу же по совершении убийства. Если труп врага оставался под открытым небом, это считалось надругательством над телом и давало повод для иска («Сага о Гуннаре, убийце Тидранди» и мн. др.)[199].

Бывали случаи, что после гибели главы гарда и всех родичей-мужчин тяжбу на тинге из-за наследства и/или виры за убийство вынуждены были вести женщины. Так было после убийства весьма достойного и состоятельного Анкеля, которое совершил из мести влиятельный Снорри Годи. После этого на альтинге «внесли в закон», т.е. утвердили поправку к устному обычному праву, которая запрещала впредь женщинам, как и мужчинам до 16 лет, выступать истцами в тяжбах об убийстве. Это правило неукоснительно соблюдалось и позднее вошло в сборник «Грагас» («Серый Гусь»)[200]. Иначе говоря, решение вопроса о «цене крови» было делом мужчин. Но, судя по сагам, при этом за спинами мужей и братьев часто стояли подстрекавшие их женщины. Яркий пример того есть все в той же содержательной «Саге о Битве на Пустоши», где мать, «вся в бешенстве», настолько жестко

[198] ИС II:2. С. 92.

[199] Ср.: ИС II:1. С. 384, прим. 16.

[200] ИС II:2. С. 80, 308, прим. 102.

и решительно требует, чтобы ужинавшие сыновья отомстили за убитого брата, что они, опрокинув стол «со всем, что на нем стояло», поспешили к своим лошадям и тут же тронулись в путь[201].

Неудивительно, что, рассказывая о поединке Бьярни Годи Капища и Торстейна Битого, которые во время боя все время соревновались в благородстве и в результате подружились, составитель «Саги о Торстейне Битом» не может скрыть своего изумления.

Таковы были обычаи, таковы были нравы.

Как скандинавы отдыхали и развлекались

При всей своей суровости и драчливости люди того времени любили со вкусом отдохнуть от работы, пообщаться и развлечься. Сага свидетельствует: «Зимой часто устраивали пиры, и рассказывали саги, и занимались многим другим, что придает веселье домашней жизни»[202].

Одним из способов интересного общения был *обычай гостеприимства,* очень принятый в скандинавском обществе[203]. Оказать гостеприимство путнику считалось долгом чести: его следовало накормить, предоставить ночлег в гарде и по возможности расспросить, узнав заодно и новости. Нередко в гарде ночевали заблудившиеся или припозднившиеся путники, а также проводили зиму те, кто не успел уехать в осеннюю навигацию или претерпел бедствие на море. Чужих людей, тем более чужеземцев, принимали на зимовку в хутор не очень охотно и, возможно, за какую-то плату. Приезжему человеку следовало строго соблюдать законы и обычаи страны, а также правила данного гарда. Кроме того, ему ставили определенные условия, например спать и столоваться отдельно от хозяев. С другой стороны, такие путники своими рассказами, участием в играх и забавах помогали скоротать длинную зиму[204]. В своих занесенных снегом хуторах жители с интересом слушали забредшего к ним в гард странника, чьи рассказы подчас были совершенно фантастическими, хотя бы судя по тому, что пишет Адам Бременский об «одноногих» гипербореях. Интересное замечание содержит «Сага о Гисли»: там говорится о побирушках, которых принимали «в гостином доме», но иногда кого-то из них приглашали даже в домашние покои, чтобы «развлечься его рассказами»[205].

Этикет требовал спросить у заночевавшего званого или незваного гостя/гостей, хорошо ли прошла ночь; причем этот обычай равно действовал и в доме бонда,

[201] ИС II:1. С. 80. См. также часть 3 этой книги — о супружестве в сагах.

[202] ИСИЭ. С. 118.

[203] Гостеприимство северных германцев особо отмечал еще Тацит. См.: *Тацит.* Указ. соч. Гл. 21 и др.

[204] СОДВ. С. 103, коммент. 75.

[205] ИСИЭ. С. 454.

и в королевском дворце[206]. Гости и хозяева соблюдали своего рода «табель о рангах». Например, «Торкель не хотел принимать ночлег от рабов — знатных гостей должен встречать и приглашать хозяин» («Сага о Курином Торире»). В тех редких случаях, когда честность и намерения пришедшего на хутор человека вызывали обоснованные подозрения, ему отказывали в приюте, что порой не оставалось неотомщенным. «Хёрд хорошо жил, давал приют странникам», — хвалит сага своего героя[207].

Отношение скандинавов, с их патриархальными нравами, к гостям лучше всего может охарактеризовать цитата из Рюриковича по происхождению, великого князя Киевского Владимира Мономаха: «Чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком — то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым»[208].

Неудивительно, что у скандинавов повсеместно было принято *гостевание*. В вечер накануне Нового года «люди по древнему обычаю» варили брагу и подносили ее домочадцам и гостям в «питьевых горшках»[209]. В случае какого-либо торжества в зажиточных и, особенно, богатых гардах было принято приглашать на гостевание родичей, друзей, нужных людей — на срок две недели и более, а в некоторых случаях на целую зиму или на все лето[210], причем с целой свитой из нескольких десятков человек[211]. Гостевали и на праздник дис — богинь плодородия, и по другим поводам.

Навещали друг друга родичи и свояки, получали приглашение погостить и принять участие в застолье друзья, соседи, добрые знакомые. По обычному приглашению в гости полагалось приезжать на «три ночи» (как говорилось выше, скандинавы отсчитывали сутки по числу ночей, а годы — по числу зим, т.е. по самым тяжелым и опасным временам суток и года[212]). Приезжали с сопровождающими, с членами семьи и/или спутниками из числа челяди и соседей. Например, Снорри Годи едет в гости с восемью сопровождающими («сам девятый»)[213]. А Хёрд ехал к Иллуги с двадцатью четырьмя людьми («Сага о Хёрде и островитянах»), и «пиво лилось там рекой всю зиму» (!)[214]. Когда в «Саге о людях из Лососьей Долины» брат пригласил сестру погостить у него с девятью спутниками, она обиделась и отказалась, говоря: «Не знала, что он такой ничтожный человек». После этого другой ее брат выехал ей

[206] Ср.: Беовульф. Ст. 1319. Ср. с российским казачьим: «Здоро́во ночевали?»

[207] ИСИЭ. С. 474.

[208] Поучения Владимира Мономаха // Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков. М., 1957. С. 121.

[209] IMS. P. 24.

[210] Ibid. P. 119, 120.

[211] См. ниже, часть 6, очерк о пире.

[212] Ср.: Беовульф. Ст. 147.

[213] ИС II:2. С. 98.

[214] ИСИЭ. С. 473.

навстречу со всеми своими людьми и принял ее с многими спутниками, которых она пожелала взять с собой[215].

Длительные гостевания зависели от погоды. С началом «зимних ночей» (вторая половина октября) разъезды были затруднены плохими погодными условиями, поэтому гостевания растягивались до полугода (между сезонами мореплавания), в крайних случаях — по году. Но и обычное гостевание в три дня недешево обходилось хозяевам, так что угощение было вполне будничным: кислое молоко, похлебка, каша, хлеб, брага, пиво; подавали, правда, и мясо. На таких встречах во время застолья пили за предков и богов[216]. Фритьоф Смелый гостил у малого короля Ангантира «целую зиму» вместе со своими людьми.

Скандинавы очень ценили содержательную, умную, неторопливую беседу, которая составляла одну из самых привлекательных сторон гостевания и нашла отражение в стихах скальдов[217]. Очень высоко ценилась и скальдическая поэзия. Вечерами, особенно зимними, собираясь у домашнего очага и занимаясь какими-то ручными работами, скандинавы могли по многу раз слушать истории о богах и героях, героические песни и саги. Особенный интерес, видимо, вызывали повествования, в которых фигурировали предки хозяев, их соседи и знакомые. Этот интерес послужил условием сохранения скандинавского фольклора в течение столетий.

Ценили люди и *музыку*. В «Беовульфе» упоминается арфа, на которой играли в «чертоге» (ст. 3024). На гуслях играли не только музыканты. Самым демократическим инструментом была дудка[218].

В обществе саги были широко приняты такие спортивные занятия и состязания, как бег, борьба, катание на коньках и лыжах, охота и т.д. Любили *игры* — от шуточного перебрасывания комьями дерна, снега до игры в мяч «командами» и настольных игр, таких как шашки, шахматы и кости[219].

Настольные игры — шашки, шахматы и кости — так называемые *тавлеи*, т.е. «игры на досках»[220], были распространены в Скандинавии так же, как и во всей Западной Европе. Фигурки скандинавы вырезали из дерева или кости. Расположению фигур нередко придавался сакральный смысл, почему церковь и считала эти игры языческим занятием. Средневековые *шахматы* (кватра или шатрандж) являлись развлечением преимущественно высших слоев[221]. *Шашки* были снабжены

[215] ИС I. С. 259.

[216] Там же. С. 87, 148.

[217] ИС II:2. С. 526.

[218] Поэзия скальдов. С. 72, 73.

[219] ИС I. С. 130–131; Гуталаг. С. 159 и др.

[220] См., например: Сага о Велсунгах. Гл. XXXI. Тавлеи (в частности, др.-исл. Hnefatafl) — вид шахмат, от лат. tabula. — СОДВ. Прим. 102.

[221] Ср.: Сага об исландцах. Гл. 62. С. 150, прим.

шпонками, чтобы их втыкать в доску стола, благодаря чему они не скользили по столешнице[222].

Тавлеи включали также игры *в кости*[223]. При этом особое значение придавалось «голи» (единице) и «чеке» — двойке. Бросали два кубика сразу; при этом большой неудачей считалось, если одновременно выпадали единица и двойка. В результате сочетание слов *голь и чека* приобрело переносный смысл, как большая неудача вообще[224]. Тацит отмечал, что игра в кости, распространенная в обществе скандинавов, была очень азартной, так что иногда игроки проигрывали даже свою свободу (гл. 24). Однако саги таких сведений не содержат; возможно, в эпоху викингов северные германцы стали уже намного расчетливее либо статус раба как-то изменился. Во всяком случае, в сагах сведений об игре в кости меньше, чем об игре в шашки и шахматы.

Если игры в шашки, шахматы и кости, при всей их занимательности и азартности, были играми настольными, то *игра в мяч* была серьезным физическим упражнением, которое обставлялось особыми правилами и ритуалами и, кроме того, требовало подготовки. Судя по «Саге об Эгиле» и «Саге о Гуннлауге», игра в мяч была чем-то вроде лапты, причем взрослые и дети играли отдельно, своими командами[225]. В «Саге об Эгиле» об одной такой игре рассказывается следующее: «Тогда любили игру в мяч... Как-то в начале зимы[226] была многолюдная игра в мяч на поле у реки Хвиты. Сюда собрались люди со всей округи. Поехали на игру и многие домочадцы Скаллагрима», в том числе семилетний Эгиль, его сын. «Когда они приехали на место, там уже расставляли людей для игры. Собралось также много мальчишек, и они устроили себе игру отдельно». Конфликт, который начался с детского соперничества и драки, перешел на взрослых и стал началом раздоров и целой серии убийств[227].

Другой рассказ об игре в мяч находим в «Саге о людях с Песчаного Берега»: «У жителей Широкого Залива был обычай устраивать в канун наступления зимы игры в мяч», на которые съезжались люди со всего края. Игры устраивали в традиционном месте — на Поле Игровых Палат, название которого произошло от того, что приезжающие строили там временные помещения для ночевки (то же самое делали, вероятно, и вокруг поля у реки Хвиты). Возводили большие «палаты», где игроки жили по полмесяца и более. Играла в основном молодежь, причем известных силачей из игры исключали[228].

Рассказ об игре в мяч есть и в «Саге о Греттире», где речь идет также о развлечении молодежи (гл. XV). Осенью множество молодых людей отовсюду собиралось

[222] Сага о Греттире. Гл. LXX.

[223] Там же.

[224] Сага об исландцах. Коммент. 324.

[225] ИС I. С. 29, 130–131. Ср.: СОДВ. С. 60–61.

[226] В Исландии отсчет начала зимы шел с пятницы и субботы накануне 28 октября (см. выше о календаре исландцев).

[227] ИС I. С. 131.

[228] ИС II:2. С. 87.

на Озеро Среднего Фьорда, где было «превосходное веселье». Подбирали игроков, равных по силе, и составлялись пары. Сражались при помощи биты. Атли уговорил 14-летнего Греттира пойти на эти игры. Веселье и там переросло в драку. Проигравший свою партию Греттир пообещал со временем отомстить сопернику, сопроводив угрозу замечанием: «Только раб мстит сразу, а трус — никогда».

В сагах упоминаются игра в мяч на льду тростникового озерка («Сага о Гисли», гл. XV), изготовленные из рога биты для игр в мяч, а также то, что играли не просто жестко, но грубо и жестоко, так что дело доходило до смертоубийства[229].

Популярны были состязания под общим названием *«игры со шкурой»,* где отдельные игроки или команды соперничали в перетягивании шкуры или другого подходящего предмета из кожи[230].

Популярной во время публичных праздников была и *борьба.* Создавались две команды, которые выстраивались друг против друга. Бились попарно, состязаясь в силе и ловкости. Результат определялся по числу победителей в каждой команде. Устраивали и одиночные состязания[231], когда, согласно принятым правилам, боровшимся следовало снимать плащи.

Еще одной азартной забавой было «стравливание лошадей», или *бой коней,* которых длинными палками заставляли биться между собой[232]. Для этой забавы использовали, вероятно, верховых или боевых, специально обученных коней. Однажды устроили бой коней, которых, как обычно, подгоняли «шестами». «Конь Торда плохо кусался. Разозлившись, Торд, который проигрывал, ударил Торстейна (своего соперника. — *А.С.*) в бровь, за что его [Торстейна] прозвали Битый» («Сага о Торстейне Битом»). И схватка лошадей перешла в столкновение между их владельцами. Судя по «Саге об исландцах», в XIII в. на конские бои зрителей созывали в воскресенье, если в этот день не было тинга или христианского праздника (гл. 66).

Все эти игры и состязания привлекали множество зрителей, они бились об заклад, азартно и шумно болея за ту или иную сторону, так что обстановка обычно сильно накалялась.

Конечно, важное место в жизни людей занимали различные *праздники,* или, как их называли, *высокие дни* жизни. Их обычно устраивали по случаю сватовства и свадьбы, рождения детей и наделения их именем, тризны по покойному родичу или другу, а после принятия христианства — также крещения и похорон. Поводом для торжества были регулярные религиозные действа — языческие жертвоприношения, а позднее христианские праздники, которые проводились в привычные для религиозных празднеств дни. Все эти обряды, с их традиционными ритуалами, носили

[229] См., например: ИСИЭ. С. 478; КИ. С. 301–302.

[230] Сага об исландцах. Коммент. 823.

[231] СОДВ. С. 177, прим. 59 и др.

[232] ИС I. С. 539, 541 и сл., 639.

публичный характер, т.е. сопровождались большими сборищами людей, угощением и преподнесением даров.

Серьезным делом для самостоятельных владельцев гардов, как знати, так и полноправных бондов, было участие в народных *собраниях-тингах.* Выезд на тинг обставлялся торжественно. Хозяин гарда ехал в сопровождении свиты из обитателей его двора и охранников, а в случае предстоящего ему судебного разбирательства — со всеми «своими людьми». Часто он брал с собой детей: мальчиков — чтобы те учились вести себя на публике в соответствии с принятыми обычаями, дочерей-невест — чтобы, показав их съехавшимся людям, найти подходящих женихов.

Наконец, хозяева гардов немало разъезжали в связи со своими делами по родной стране, а нередко и по сопредельным странам.

Некоторые общие итоги

Материалы саг, касающиеся занятий скандинавов, показывают, что люди саг, прежде всего хозяева-мужчины, постоянно вели очень *активную жизнь,* не только трудовую, но и общественную, принимая участие в тингах, гостеваниях, интенсивно общаясь между собой на различных сборищах и по самым разным поводам, дружа или сражаясь.

Что касается отношения людей саги к имуществу, то они очень ценили богатство и уважали людей, умевших его наживать трудом или добывать в бою. Имущественная состоятельность была неразрывно связана со статусом, она позволяла при помощи системы *знаков* (таких, например, как одежда, оружие, породистые кони) укрепить и повысить *статус.* Из недвижимости главным богатством была земля. Констатация этого положения является одним из существенных результатов изучения саг. Из движимости более всего скандинавами ценились скот, корабли, оружие и «сокровища» — серебряные монеты и изделия из драгоценных металлов. Меньше всего из недвижимости люди саги дорожили домами и постройками вообще: без особого горя их теряли и без крайних усилий возводили снова, что, видимо, объяснялось предельной простотой большинства тогдашних строений.

В трудовой жизни, в хозяйственной деятельности и навыках людей саги, в их отдыхе и развлечениях обнаруживается тесное взаимодействие между рядом явлений: 1) суровыми природными условиями, 2) сложным характером хозяйствования, крайне трудоемкими способами обеспечения жизни и, наконец, 3) жесткими человеческими характерами, привычками, нравами, менталитетом людей.

ПИРАТСТВО, СРАЖЕНИЯ И ТОРГОВОЕ МОРЕХОДСТВО НА БАЛТИКЕ КАК ПРИВЫЧНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Уже из первого очерка ясно, что в раннее Средневековье на Европейском Севере сложился особый тип отважного, воинственного, предприимчивого, умелого и жестокого мореплавателя, воина, пирата, торговца и дружинника. В эпоху викингов, а также в течение двух следующих столетий пиратское и торговое мореплавание занимали важное место в жизни и занятиях свободного населения региона. Собственно, так было в дальних путешествиях, так было и на ближних берегах родных Балтики или Северного моря.

Море и человек саги

Самые разнообразные занятия скандинавов, более того, вся их жизнь были неразрывно связаны с морем. Можно сказать, что море, морская вода были в крови у скандинава.

Сухопутное путешествие с Восточного побережья Исландии к Полям Тинга на юго-западе страны занимало 17 дней, так что люди предпочитали по возможности добираться до нужного места морем. Еще важнее была повседневная хозяйственная связь с морем. Так, невозможно переоценить ту роль, которую играли в хозяйстве людей рыбная ловля, охота на морского зверя, добывание мелкой морской живности и водорослей. Не менее важно было и то, что скандинавы постоянно плавали по водам своих стран, в пределах своего региона, а нередко и за его пределами, причем на большие расстояния. Они плавали в гости, на праздники, жертвоприношения, пиры и тинги, за податями и данями, во время службы в морском ополчении, к известным рыбным ловищам, особенно во время путины, к местам охоты на морского зверя. И конечно, при первой же возможности, — ради торговли и грабежа. А также из свойственного им активного желания разведать и освоить новые земли.

Саги свидетельствуют о том, что «морские странники» — скандинавы путешествовали в самых разных направлениях. Они ездили «восточным путем» — через Швецию и немецкие земли или через Балтику на Русь и через Русь — далее на Восток. Или «западным путем» — в Англию и Францию[233]. Затем и дальше, по Средиземному морю.

[233] ИСИЭ. С. 444, 814, прим.

Саги называют многие места в Европе и на Ближнем Востоке, где побывали скандинавы. В «Саге о Ньяле» (гл. III и др.) в связи с разными путешествиями упоминаются Русь, а также ее отдельные города и территории, Гебридские (или Южные) острова, Финляндия, Ревель (Ravali, земля племени ревалов, где в XIII в. возник г. Ревель, совр. Таллинн) и остров Сааремаа у побережья Эстонии (Ejsysla), а в другой связи также Англия, Шотландия, Ирландия, Оркнейские острова, Константинополь (Miklagardr), Иерусалим и многие другие точки на карте. Скальд Гуннлауг, решив однажды поправить свои дела, посетил норвежского ярла Эрика, от него переехал к английскому королю Адальраду (Этельреду II), затем, последовательно, к дублинскому королю Сиггтрюггу Шелковая Борода, оркнейскому ярлу Сигурду, шведскому королю Олаву. А поскольку он посвящал правителям висы, то получал от них за это подарки («Сага о Гуннлауге Змеином Языке», гл. VI–IX).

О разнообразных путешествиях и поездках скандинавов немало говорилось на предыдущих страницах и еще будет говориться в этой книге. Но в данном случае важно еще раз подчеркнуть, что все эти и большинство других поездок скандинавы совершали водным путем, преимущественно по морю.

Саги полны упоминаниями о плаваниях по местным делам и рассказами о гибели кораблей на море, вместе с множеством людей. Энунда Деревянная Нога (из «Саги о Греттире») буря несколько дней носила по морю на корабле со сломанной реей, пока ему не удалось пристать к берегу. Характерный пример содержится в «Саге об исландцах» (гл. 161). Там повествуется о знатных людях, которые ездили по важному делу в Норвегию. На обратном пути их застала буря, разломавшая корабль на части. Люди погибли в морской пучине, за исключением четырех человек, которые сумели устроиться на обломке штевня. Их носило по морю 13 дней, они питались прогорклым маслом, чудом оказавшимся у одного из них, и сосали корабельные канаты. Наконец их спасли рыбаки[234]. Согласно той же саге позднее при кораблекрушении погибло более 50 человек, трупы которых вынесло на берег, спаслось только 8 или 9 человек[235]. Это лишь два из многих свидетельств о трагедиях, связанных с постоянными плаваниями по морям региона и Атлантическому океану. Но такие невзгоды, крушения и несчастья не останавливали скандинавов, они снова и снова устремлялись в море.

Жители Скандинавии относились к морю как к необходимому им общему владению, хорошо понимали его язык и коварные причуды и, постоянно общаясь с опасными волнами, полагались на судьбу, в которую всегда верили.

Скандинавские корабли были устроены так, что могли приставать к берегу и носом, и кормой. Отсутствие необходимости в маневре делало возможным плавание по извилистым фьордам и нешироким рекам, лавировать среди скалистых островков-шхер. Плоское днище кораблей позволяло сравнительно легко

[234] См. также: Сага об исландцах. Гл. 191 и др.

[235] Там же. Гл. 169.

перетаскивать их по волокам из одного водного бассейна в другой. Возможность идти на веслах давала известную независимость от погоды, а оснащение шерстяными, полосатыми и прямоугольными парусами позволяло перемещаться при ветре. Масса удобных бухт в изрезанных морских берегах и глубины коварных, но хорошо изученных фьордов предоставляла прекрасные убежища во время бурь. Нос боевых кораблей скандинавы-язычники украшали — для устрашения врагов и привлечения удачи — головами драконов с разинутой пастью, корму — хвостом чудовища. Отсюда и пошло название боевых судов викингов — драконы, дракары, дракены. В начале нашей эры суда достигали 23 м в длину и 5 м в ширину. Но в эпоху викингов появились корабли и большего размера, однако они все еще обходились без палубы.

Серьезную проблему для моряков представляла откачка воды. В «Саге о Гретире» (гл. XVII) говорится: «Тогда на морских кораблях не было желобов для откачки воды. Воду черпали только бадьями или кадками. Работа была тяжелая и мокрая. Имелось две бадьи, одна шла вниз, другая вверх».

Корабль ценился так же высоко, как земля. В сагах то и дело повторяются ситуации вроде такой: Гисли и 40 сопровождающих его человек, продав землю, покупают корабль и уплывают на запад Исландии, к устью реки Ястребиная Долина[236]. С другой стороны, благодаря сагам известно немало противоположных случаев, когда корабль продавали, чтобы купить землю и поставить хутор[237]. Не случайно в поэме «Беовульф» викинги и вообще все постоянно плавающие на кораблях скандинавы названы морскими странниками[238]. А сами скандинавы говорили, что дом на суше — это «корабль, где разводят огонь».

Особенно были связаны с кораблем викинги, которые постоянно ходили в походы, и профессиональные торговцы, но также и обычные хозяева, использующие судно как местное средство передвижения. Они часто переживали кораблекрушения, нередко смертельные для всей команды. Но не могу не подчеркнуть, что корабль был действительно *вторым домом* скандинава. На нем не только передвигались и месяцами жили. На нем часто сражались. Судя по «Саге о Хельги сыне Хьерварда» (виса 14), готовясь к морскому сражению, самые сильные воины располагались на носу корабля, на штевне и настиле, т.е. занимали самое удобное, устойчивое место с тем, чтобы иметь возможность и оборонять свое судно, и перескочить на корабль противника. Таких воинов называли «живущие на штевне».

Что касается экипажа, то в сравнительно небольших экспедициях и на небольших кораблях гребцы одновременно были и воинами. Но их задачи, конечно, не всегда «совпадали» с задачами воинов: последние в больших экспедициях составляли отдельные команды.

[236] КИ. С. 285.

[237] См., например: Там же. С. 344.

[238] Беовульф. Ст. 240–241.

Скандинавы как воины

О воинских качествах и некоторых военных обычаях скандинавов — в той мере, какую предоставляют саги и примыкающие к ним материалы, — стоит сказать несколько слов отдельно.

Рассказ этот стоит начать с Тацита. Римский историк I в. обращает серьезное внимание на свойства скандинавов как воинов, в частности на их поведение в битве, а также их обычаи, связанные с войной. Он сообщает, что они очень воинственны и отважны в битвах. Величайшее презрение у них вызывает трусость. Если воин оплошал в бою или бросил щит, т.е. перестал сражаться, — это величайшее бесчестье, и трус теряет не только честь, но и жизнь. Таких оробевших бойцов, а также людей, «обесчестивших свое тело» (?!), «топят в грязи или в болоте, забрасывая поверх валежником... потому что позорные поступки [надо] скрывать». Предателей же и перебежчиков скандинавы вешают на деревьях, поскольку такие «злодеяния и кару за них должно, по их мнению, выставлять напоказ». Они страшатся плена, особенно пленения их женщин. Тела убитых соплеменников скандинавы обязательно уносят с собой, «даже если они потерпели поражение». «Единственный вид зрелищ» у них «на любом сборище» и излюбленная «забава» их юношей — «обнаженными носиться и прыгать среди врытых в землю мечей и смертоносных фрамей (копий. — *А.С.*). Это упражнение породило в них ловкость, ловкость — непринужденность». А вознаграждением за проворство и смелость, проявляемые в этой опасной игре, служат не деньги или подарки, а «удовольствие зрителей»[239]. Очевидно, что здесь мы встречаемся с описанием одного из упражнений для тренировки воинских умений, которые производятся (или демонстрируются) публично, но, разумеется, требуют предварительной подготовки. О впечатляющем танце юного воина среди остро наточенных мечей говорится и в балладе «Раненая девушка»[240].

Через тысячу с лишним лет Адам Бременский, сравнивая воинские и моральные качества скандинавов из разных мест региона, отмечает, что свеоны особенно свободолюбивы, что «они славятся своей силой и битвами, в которых независимо от того, сражаются ли на конях или на кораблях, показывают себя превосходными воинами»[241]. Но он похвалил и данов, которые «столь презирают слезы и рыдания, а также другие выражения скорби, которые у нас считаются нормальными, что плакать у них не положено ни о своих грехах, ни о смерти близких»[242]. Что же касается норвежцев, то, по его словам, в «Нортмании воспитываются храбрые воины, ибо сочные плоды не смягчают их нрав. Нортманны чаще нападают на других, чем подвергаются нападениям... Движимые недостатком дела на родине, они обходят

[239] *Тацит*. Гл. 8, 12, 24.

[240] О рыцарях. С. 97 и сл.

[241] *Адам*. IV:22.

[242] Там же. IV:6.

весь мир и посредством пиратских набегов на всевозможные земли добывают богатства, которые привозят домой, восполняя таким образом неудобства своей страны»[243].

А вот что говорит Снорри Стурлусон устами одного из своих героев, сравнивая норвежцев и исландцев: «Многие в битве проворнее вас, исландцев, поскольку вы не так привычны к ним, как мы, норвежцы, но никто не отважнее вас»[244]. «Сага о Сверрире» (гл. 19–20) подтверждает высказывания Адама, повествуя о том, что скандинавы в сложных условиях предпочитали быструю смерть мучительному умиранию и самоубийство позорному плену; автор считает это «обычаем язычников».

Короче говоря, скандинавы в ту эпоху были отважными и безжалостными воинами, смелыми и любознательными мореходами и любителями чужого добра.

Только из такой среды могли выходить люди, подобные Эйрику Рыжему («Сага об Эйрике Рыжем», гл. 2), который открыл Гренландию и провел там три года, или его сыну Лейву, «рослому, сильному и видному человеку, умному и сдержанному», который «поехал искать новые страны, о чем было много разговоров» и в результате доплыл до Америки[245]. Это были суровые люди, о них говорили, что они «редко слушаются и редко извиняются». Среди них был знаменитый датчанин Рагнар Кожаные Штаны, который в IX в. воевал в Англии[246]. Или Хрольв Пешеход (герой одноименной саги из саг о древних временах), которого отождествляют с известным викингом Ролло (Роллон), что в 911 г. вынудил короля Франции Карла Простоватого заключить с ним мирный договор и дать ему в лен будущее Нормандское герцогство[247].

Нельзя не заметить, что саги не только заполнены описаниями битв или, в крайнем случае, упоминаниями о них, но и что эти описания сделаны пристрастно и натуралистично. Совершенно очевидно, что не только авторы, но и позднейшие составители саг горячо сопереживали своим героям. Поэтому саги сохраняют дух того времени, когда *война была повседневностью,* входила в жизнь людей Севера как ее важная составная часть.

Корабли викингов ходили в походы под знаменами, на которых изображался ворон — птица Одина. Стягу вообще придавалось большое значение, поэтому знаменосцами ставили особенно сильных, мужественных и верных людей, их старались беречь во время битвы[248]. Саги нередко сохраняют имена знаменосцев[249]. Тела погибших (в битве или, например, в случае мора) товарищей, если была возможность,

[243] Там же. IV:30.

[244] КЗ. Гл. III. С. 530.

[245] ИСИЭ. С. 91–93.

[246] Там же. С. 163. Ср. с. 639.

[247] СОДВ. С. 126.

[248] КЗ. С. 413, 539; СОДВ. С. 44. О том, что в знаменосцы выбирали особенно искусного и проверенного воина, говорится и в скандинавских балладах.

[249] КЗ. С. 539.

никогда не бросали, а стремились привезти в гробах на родину[250], в крайнем случае хотя бы похоронить на месте гибели. Так обстояло дело и в дальних зарубежных походах, и в близких, по Балтике.

Битвы между королями — правителями соседних территорий также зачастую проходили на море. Не случайно Адам Бременский пишет: «Могущественный король свеонов Эрик[251], собрав войско, числом, как песок морской, напал на Данию. Против него выступил Свейн, напрасно надеявшийся на своих идолов. После многих морских сражений, а именно таким образом бьются друг с другом эти народы (ea gens, т.е. племена. — *А.С.*), король Эрик вышел победителем, уничтожив все войско данов и захватив Данию»[252].

Битва на море описывается, в частности, в «Саге о Хаконе Широкоплечем»[253]. О морских битвах, о понесенных в них обеими сторонами тяжких потерях свидетельствуют также произведения скальдов[254].

Морское сражение начиналось, когда корабли сближались на расстояние полета стрелы, и происходил обмен стрелами и дротиками. В дальнейшем нападавшая сторона стремилась при помощи крючьев и багров подтянуть корабль противника и закрепиться в этой позиции. Затем воины перепрыгивали на атакуемый корабль и начинали биться с его командой мечами и боевыми топорами. Оборонявшиеся обычно старались группироваться на штевнях и помостах, где было легче защищаться и нападать. В случае победы нападавшие лишь в крайних случаях топили захваченный корабль, обычно же присваивали его. Уцелевших членов его команды убивали, сбрасывая затем трупы в море, либо, если была возможность, обращали пленников в рабов. Сражение кораблей происходило и на реках, и в заливах, но чаще всего в открытом море, естественно, в спокойную погоду.

«Сага о Греттире» (гл. IV) рассказывает о викингах Вигдьоде и Вестморе, родом с Гебридских островов. Они ходили в походы на восьми кораблях и летом и зимой (!), и грабили берега Ирландии, «пока берега не стал охранять Эйвинд Норвежец», видимо также викинг, приглашенный на службу в Ирландию. В одном фьорде с ними встретились скандинавские мореплаватели Энунд и Транд. Они заперли корабли разбойников в фьорде, преградив им выход в море своими кораблями. Произошла «великая битва». Поэт, восславивший подвиг Энунда (его вису находим там же), сообщает, что тот загнал корабли находников к скале, где были заготовлены камни, откуда затем забросали корабли противников камнями.

---

[250] ИСИЭ. С. 97.

[251] Речь идет о короле Упланда Эрике Победоносном (ум. 990).

[252] *Адам.* II:28.

[253] КЗ. С. 539.

[254] См., например, довольно подробное описание в КЗ, с. 395. См. также висы № 12, 15, 17 из «Саги о Названых Братьях», «Пряди о Тормоде» и «Саги о Тормоде Скальде Чернобровой» (ИС II:1).

Рано или поздно викингам приходилось покидать родной корабль: ведь их основная добыча находилась на суше. Высадившись, они пешим или конным строем вступали в бой — конечно, если аборигены оказывали им сопротивление. «У каждого наготове щит и меч обнажен»[255]. В сухопутном бою скандинавы также проявляли большое искусство. Если бились на лошадях, то это были специально обученные боевые кони (вероятно, их тренировали и во время «битвы лошадей»); боевых коней защищали войлочными попонами. Победитель забирал коня побежденного воина: ведь боевые лошади высоко ценились. Нередко воины сходили с лошадей и сражались пешими.

Для пешего боя воины надевали башмаки на шипах, чтобы ноги не скользили. Носки или обмотки натягивались на штанины и прочно закреплялись. Плащ имел войлочный капюшон, впрочем, на время битвы плащ снимали. Кроме того, на голове был прочный шлем, в руках щит, у пояса — меч и кинжал, или два меча: короткий и длинный. Меч Торольва (из «Саги об Эгиле») назывался *Длинный*. «Это было славное оружие». В руке Торольв держал мощное копье с четырехгранным наконечником[256]. В одной из саг рассказывается о бойце, который бросал копья двумя руками сразу. «Так учил меня мой отец служить мессу», — все время приговаривал этот воин[257]. Искусного лучника закрывали во время боя щитом. Щитами же ограждали вождя.

Корнелий Тацит в своем сочинении «О происхождении германцев» (гл. 6) пишет о боевом построении ютов (будущих датчан) клиньями. Судя по европейским анналам, воины, если позволяло их количество, строились в два полка, что допускало известные маневры. Нередко при необходимости объединялись два или более отрядов захватчиков, обычно действовавших поодиночке. Сигналом к построению служил звук боевого рога.

Судя по «Первой песни о Хельги Убийце Хундинга» и «Перебранке Локи», зачином для больших сражений, после того как войска противников выстраивались друг против друга, служил *словесный ритуал* — обмен взаимными оскорблениями. Другой ритуал — *единоборство* двух бойцов, по одному из каждого войска, знакомое нам и по русским былинам, где этих удальцов называют «поединщики». Для того чтобы определить, кого именно выставить на поединок, «кости бросали на тавлеи»[258]. Если вождю грозила опасность, отряд смыкался вокруг него, дружина закрывала его с боков и сверху «стеной из щитов»[259]. Если сражающиеся во время боя просили о перемирии, они поднимали *щит мира*[260].

[255] Баллада «Лаве и Йон» // О рыцарях. С. 157 и сл.

[256] ИС I. С. 158.

[257] КЗ. С. 377.

[258] Ср. с: Песнь о ста сорока семи // О рыцарях. С. 22 и сл. См. там же описание конной схватки.

[259] КИ. С. 211 (гл. XXI).

[260] СОДВ. Прим. 140.

Наиболее важные сражения оставались в памяти, им посвящались саги и песни скальдов. Известны многие такие висы, в их числе — о битве при Свельде, когда погиб креститель Норвегии конунг Олав Трюггвасон, прославленный сагой Одда Сноррасона Мудрого, или о битве при Стикластадире в 1030 г., когда погиб король Олав Харальдссон (будущий св. Олав), и др.[261]

При военных действиях на суше, начиная осаду или готовясь в свою очередь выдержать осаду противника, викинги устраивали *лагерь,* обнесенный валом из бревен, земли или торфа, иногда с палисадом, а также со рвом либо двумя рвами и валами, внешними и внутренними. Или же лагерь устраивали на островах, например посреди непроходимых болот, с одной-двумя тайными тропами[262].

Викинги на своих и ближних берегах

Тема, которая рассматривается ниже, — это путешествия и грабежи оседлых скандинавов в пределах родного региона и ближайшей округи, что для немалого их числа являлось вполне обычным делом. Такие ближние пиратские набеги нередко имели своей целью еще и месть. Не случайно Балтийское море получило у восточных европейцев, у арабов (Аль Бируни) и в русских летописях название *моря Варяжского* — по господствующим там варягам-викингам. Адам Бременский называл Балтийское море «варварским» и «скифским».

И семейные мужчины, и весьма часто — молодежь устраивали морские набеги. Для многих скандинавов *пребывание в викинге,* грабежи, битвы, захват земель, переселение на новые земли, зачастую вместе с семьей, крещение там (вместе с дружиной), длительная служба у иноземных государей, даже образование в чужих странах своих политических анклавов или целых государств были *образом жизни.* И если в очерке об эпохе викингов речь идет о путешествиях и захватах таких викингов-«морестранников» на просторах Европы, а основные представления и факты почерпнуты из континентальных хроник, анналов и русских летописей, то данный очерк преимущественно опирается на саги. И разговор о пиратстве в этом очерке имеет целью дать представление главным образом о том, как отразили саги именно относительно целевые, кратковременные, *эпизодические морские походы*, которые были важным *вспомогательным занятием* многих хозяев. Характерно, что саги уделяют свое внимание именно пиратским действиям в ближних водах, преимущественно на Балтике, а не в отдаленных регионах. Эти ближние набеги имели целью только грабеж, а не завоевание новых, тем более удаленных земель.

[261] Поэзия скальдов. С. 168 и др.

[262] В Дании сохранился древний замок в виде башни, стоящей на краю бывшего болота. Такое расположение было удобным для защитников не меньше, чем размещение на обрывистой скале или крутом берегу.

И я хотела бы снова подчеркнуть, что в сагах они выглядят как *часть повседневной жизни* скандинавов.

Прежде всего следует еще раз отметить, что в ближние походы ходили далеко не только скандинавы, пиратством успешно занимались и другие жители побережий Балтийского моря. С ними скандинавы постоянно враждовали, то сами подвергаясь их набегам, то сражаясь с ними, то облагая их данью, то просто немилосердно грабя. Главным образом это были жители восточного берега Балтики и прилегающих к нему островов и полуостровов — курши («куры»), квены, эсты, карелы, финны и др.[263] В сагах упоминаются, в частности, своеобразные финские лодки, сшитые из шкур и скрепленные жилами и кусками прутьев. Они были быстроходными и вмещали до 12 гребцов.

Финнов саги описывают как жестких воинов. Захватив судно противника или напав на побережье, они могли убить и ребенка, что у скандинавов считалось «постыдным поступком», хотя сами скандинавские викинги придерживались этого морального запрета совсем не всегда. Упоминаются в сагах и как находники, и как, в свою очередь, объекты грабежа не менее воинственные венды — полабские славяне, которые обитали на южном побережье Балтийского моря и чуть позднее, в XI–XIII вв., создали свое государство. Отголоски их набегов на берега Дании и упоминание о «земле вендов» можно обнаружить в средневековой датской балладе «Утренний сон девушки». Там рассказывается о том, как венды осаждают скандинавскую крепость, чтобы взять в плен девушку и привезти ее в жены своему королю[264].

Наряду с этим саги свидетельствуют, что многие их персонажи, тот или иной бонд в молодости ходил в викинг, был викингом. Отправившись в викинг, скандинав переживал множество приключений, получал раны и увечья, а нередко и находил гибель в морской пучине или в сражениях на суше. Но всех их влекла надежда добыть славу и разбогатеть, что было вполне возможно. Вот что говорится, например, об Энунде, который был «великим викингом» середины IX в. На пяти кораблях он с товарищами ходил на Гебридские острова, промышлял у берегов Ирландии и Шотландии; проведя там зиму и три лета, они затем вернулись домой[265]. Похожим образом обстояло дело и с героем «Саги о Хёрде и островитянах», который 15 лет пробыл в чужих краях, а в 30 лет вернулся домой, добыв «большое богатство и славу»[266].

В той же саге о Хёрде описываются приключения молодого Сигурда Приемыша Торви, воспитанника датского купца. События происходили во времена Харальда Синезубого[267], у которого Сигурд был дружинником. Вскоре, однако, он примкнул к викингам и провел в море несколько лет. За это время он стал предводителем отряда,

[263] IMS. P. 105–106; КЗ. С. 28–29; Сага об Ингваре. С. 303, прим. 46; Сага о Магнусе Слепом. Гл. VI и др.

[264] Баллады. С. 169. См. особ. строфу 5.

[265] Сага о Греттире. С. 5.

[266] ИСИЭ. С. 473.

[267] Харальд Блотанд, сын Горма Старого (ок. 940 — ок. 985/7).

который плавал на пяти кораблях. Однажды им пришлось сражаться с встреченным в море отрядом викингов, шедшим на семи кораблях. Завязавшееся между ними сражение было несчастливым для Сигурда, так как его пленили и заковали в цепи. Когда его стражники заснули, Сигурду удалось освободить от веревок руки и сбить с щиколоток железо «вместе с пятками». Бросившись в море, он доплыл до берега. А в это время Хёрд склоняет викингов совершить грабительский поход. Вместе с Хёрдом в этом набеге и убийстве пиратов — своих соперников участвовал и некий гет. Они взяли тогда «большую добычу» и вернулись в Гаутланд, где и «провели зиму в большом почете»[268].

«Сага о Греттире» рассказывает о сыне Торстейна, человеке высоком и сильном, который «нарядно одевался, носил дорогое оружие и любил похвастаться. Он был *мореход*» еще до того, как приехал в Исландию (гл. LIX. Курсив мой. — *А.С.*).

Хорошей добычей у всех находников считались «груды золота», серебро, дорогие кольца и драгоценные камни, «древние вещи, чудные чаши», возможно, дорогая новая одежда и т.д.[269] Ценились рабы, которых можно было продать либо использовать в собственном хозяйстве.

Чуткий к материалам истории Александр Сергеевич Пушкин, используя романтическое представление о викингах, которое сложилось в его время в историко-литературных кругах Европы, ввел бывшего викинга в поэму «Руслан и Людмила» в качестве положительного, благородного героя. Это доброжелатель Руслана, старик, который называет себя «природный фин» (так в цитируемом издании. — *А.С.*). Финн вспоминает свою буйную, славную молодость, когда он, удрученный безответной любовью, превратился в морского разбойника, «надеждой полного» все-таки покорить сердце капризной девушки. Вместе с «дружиной братской»[270] «смелых рыбаков» он стал «искать опасностей и злата», и тихий край отцов (!) / Услышал бранный звук булата / И шум немирных челноков». Дальше старик рассказывает:

С толпой бесстрашных земляков
Мы десять лет снега и волны
Багрили кровию врагов.
Молва неслась: цари чужбины
Страшились дерзости моей;
Их горделивые дружины
Бежали северных мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Делили дани и дары...

[268] ИСИЭ. С. 471.

[269] Ср. с сокровищами змея в «Беовульфе», гл. 38.

[270] Братство викингов и рыбаков! Ср. торговые гильдии, духовные «братства» и т.д.

Проведя десять лет в «битвах и пирах», повзрослевший викинг Финн и его «други» с «гордой радостью» вернулись домой, чтобы повесить «праздные кольчуги / Под сенью хижины родной». А там, продолжает герой,

К ногам красавицы надменной
Принес я меч окровавленный,
Кораллы, злато и жемчуг…[271]

Поэт возводит решительность викингов к смелости рыбаков, привыкших к опасностям капризного моря. Он говорит о «братстве» и дружбе викингов («други»), о разделе между ними добытого богатства. Добыча, полученная ими в результате их кровавого промысла, особенно жемчуг и кораллы, показывает, что они побывали и в Средиземноморье. Прежде чем отправиться «вдаль», молодежь пошалила дома, нарушив тишину родной земли, а позднее жестокость бывших мирных рыбаков вызывала ужас чужеземных царей. Став викингом в юности, герой поэмы провел «в битвах и пирах» десять лет. Вернулся домой уже вполне взрослым человеком, предвкушая удовольствие повесить воинские доспехи на стену своего дома и предъявить своенравной девушке «меч окровавленный» вместе с ценными дарами. Трудно более выразительно и точно охарактеризовать северных находников!

Викинги, как опять же правильно подметил Пушкин, действительно не всегда задумывались над проблемой «свой» и «чужой». Они одинаково жестоко бились с соплеменниками и чужаками, одинаково безжалостно грабили чужие и свои берега, сражались с пиратами-соперниками из соседних стран или областей.

Прав поэт и в том, что походы в буйной молодости имели целью обрести *воинскую славу,* столь ценимую в скандинавском обществе, и, безусловно, *богатства,* необходимые для обзаведения собственным хозяйством и выгодной женитьбы.

Но из саг определенно следует и то, что в сравнительно *кратковременные викинги,* эпизодические походы, один или несколько раз в течение жизни устремлялись также «зрелые», семейные владельцы хозяйств, которые считали необходимым пополнить свое имущество или стремились развеяться от однообразия оседлой жизни, насладиться «упоением в бою». Такой недолгий, целенаправленный, географически определенный поход относительно небольшой компании охотников до чужого добра имел у современников особое название — *грабительский поход* (hernadr, что можно перевести еще как «нажива», «грабеж», «опустошение»). Соответствующее выражение «ехать/отправиться грабить» (fara i hernadi), наряду с выражениями «быть в викинге», «отправиться в викинг» (например, fara i vikingr), часто встречается в сагах и употребляется в связи с бондами разного состояния, пиратами

[271] *Пушкин А.С.* Соч.: В 3 т. М., 1937. Т. 2. С. 46, 48–49.

и королями. Объектами грабительских захватов, помимо сокровищ и пленников-мужчин, часто были женщины, которых либо оставляли при себе, либо продавали[272], что нередко влекло за собой кровную месть, если дело происходило в самой Скандинавии.

Для скандинавов было вполне *повседневным,* обыденным делом эпизодически, время от времени, по мере надобности или желания, уходить на одном или двух-трех кораблях и со спутниками в грабительские походы даже к своим соседям и соплеменникам. О грабежах и жестокости скандинавов во время сбора дани, а также о разбойных нападениях, что некоторые из них совершали походя, во время проезда мимо уютного берега даже собственной страны, говорится во многих сагах[273]. Снорри в своем «Круге Земном» немало рассказывает о том, что «случалось нередко». А именно, что викинги на боевых кораблях плыли вдоль скандинавских берегов и «совершали набеги» на прибрежные поселения, в том числе на своих же соседей, так что люди думали, что напали враги[274], и занимали места на крышах, чтобы издали разить врага, не подпуская к дому[275]. Снорри свидетельствует, что такие набеги скандинавов имели место и раньше VIII столетия, и после XI в.[276]; что они грабили вендов и куршей, бесчинствовали в Прибалтике и изредка — в Гардарики (на Руси). Но также грабили и убивали своих противников — скандинавов и их людей[277] (см., например, «Сагу о Магнусе Слепом и Харальде Гилли» или «Сагу об Олаве Тихом»). Нередко отряды викингов сражались между собой («Сага о Харальде Прекрасноволосом», гл. XXII).

В этом очерке, как я уже предупреждала, интересно то, как вели себя воинственные скандинавы как бы «у себя дома», когда отправлялись в походы против своих соседей и даже соплеменников. Так, овдовевший малый конунг Гудред решил жениться на Асе, дочери одного из соседних конунгов — Харальда Рыжебородого, но получил отказ. Тогда он подплыл на кораблях, со значительным для тех обстоятельств войском к усадьбе Харальда и высадился там ночью. В завязавшемся сражении Харальд и его сын пали, а Гудред, который «имел большой перевес сил», захватил большую добычу, увез с собой Асу и женился на ней. У них родился сын. Когда малышу исполнился год, Гудред, который по обычаю стал осенью ездить по пирам, возвращался домой сильно пьяным. В один из таких вечеров, когда король сходил с корабля, покачиваясь на сходнях, его пронзил копьем слуга королевы. И Аса не отрицала, что убийцу подослала она, чтобы отомстить за отца и брата. Как говорит скальд конунга Тьодольва в «Перечне Инглингов»:

[272] ИС I. С. 119 и сл. Ср.: ИС II:1. С. 164 и мн. др.

[273] СОДВ. С. 170–171; КЗ. С. 28–29. Ср.: Сага о Харальде Прекрасноволосом. Гл. 30.

[274] КЗ. С. 79.

[275] Сага об исландцах. Гл. 24. 1209 г.

[276] КЗ. С. 56–57.

[277] Там же. С. 153.

Коварная мысль
О кровавой мести
Смерть несла
Властелину,
Когда во тьме
Вождя хмельного
Нашло копье
Холопа Асы[278].

А «большой хёвдинг» Эйнстейн, также затосковав после смерти жены, чтобы развлечься, отправился в «грабительский поход»[279].

«Сага о Греттире» (гл. XIV) включает такой эпизод. Группа скандинавов-грабителей на небольшом корабле («невелик, от штевня до штевня закрыт по бортам щитами и весь покрашен»), идя на веслах, пристала к берегу Исландии. Они вытащили корабль на берег и поместили его в корабельный сарай местного хозяина Торфинна. В этом сарае уже стояла его большая ладья, которую обычно спускали на воду 30 человек. Пираты же вытащили ее силами 12 человек и поместили в сарай свой корабль. Им пришла в голову мысль «переночевать с женщинами Торфинна» — его женой, дочкой и другими. Но Греттир, применив поистине героические усилия, в одиночку убил 10 морских разбойников, отбил дом и имущество Торфинна и спас честь его женщин.

Конунги и знать включались в дела викингов и достаточно часто — в «грабительские походы» уже в раннем возрасте, иногда детьми. Знатный Эйрик пошел в свой первый викинг в 10 или 11 лет на чужом корабле, в 12 лет собрал свою дружину. Его воспитатель Торольв дал ему корабль, рассчитанный на 15 гребцов, со всем снаряжением, шатрами и припасами. Этот Эйрик в 12 лет получил в Норвегии статус ярла, а впоследствии стал могучим правителем и прожил долгую жизнь, непрерывно воюя. Ярл Эйрик сын Хакона («Сага об Олаве Трюггвасоне, гл. LXXXIX), его братья «и многие другие» после смерти Хакона-ярла уехали в Швецию к конунгу Олаву и были «хорошо там приняты». Ходили в пиратские походы и много награбили. Эйрик отправился в поход на Русь, провел там пять лет и сильно пограбил Гардарики. Захватывал также корабли датских викингов. А потом явился к датскому королю Свейну Вилобородому (ок. 997 — ок. 1014) и женился на его дочери Гюде. А Свейн Вилобородый женился на Сигрид Гордой, матери короля Олава Шведского. Норвежский ярл Эйрик, датский конунг Свейн и шведский конунг Олав после долгих территориальных конфликтов и столкновений помирились с помощью этих династических браков, а также других соглашений. Так был установлен, пожалуй, *самый ранний «тройственный союз»* Дании, Швеции и Норвегии — на рубеже X–XI вв. Союз этот, однако, оказался непрочным.

Харальд Норвежский впервые участвовал в битве, когда ему было 15 лет. Один из крестителей Норвегии конунг Олав Харальдссон (см. сагу о нем, гл. VI, XII и др.) начал участвовать в грабительских походах 12 лет от роду, затем много раз ходил

[278] Там же. С. 36–37.
[279] СОДВ. С. 101.

в викинги, а в своей стране разорял бондов, которые не могли дать отпор его дружине. На его корабле было 100 человек — «отборная дружина», все в кольчугах и прочных вяленых шлемах. А на шлемах белой краской были нарисованы кресты. Знамя у короля Олава было белое, с нарисованной змеей. Перед боем он всегда служил молебен, но поступал ли он так и перед пиратским походом — неясно. О грабительских походах юного Олава сына Трюггви и знатных юношей Олава и Торкеля повествуют «Сага об Олаве сыне Трюггви» (гл. VI–XI) и «Сага о людях из Лососьей Долины» (гл. XX и сл.).

Сыновья малого шведского конунга из Гёталанда постоянно ходили в грабительские походы. У одного из них, Рагнара, был корабль *Рагнарская ладья* (Raknarsslodi), второй по величине после прославленного «Длинного Змея» (Ormrinn langi)[280], а также меч *Хорнхъялти,* с рукоятью из рога, богато отделанной золотом. Им удалось захватить богатую добычу — «сундуки с золотом»[281].

В «Саге об Ингваре Путешественнике» рассказывается, как на суда конунга Свейна напали «язычники на судах-галеях». Язычников разбили, забрав у них множество разного добра, в том числе драгоценностей, а затем пограбили и местных жителей, обитавших на берегу, взяли у них много шкур, одежды, серебра и других драгоценных вещей. Затем по дороге стали торговать частью добычи, но поскольку не знали местных наречий, то больше дрались с покупателями[282]. Не случайно в той же саге рассказывается о том, что и Ингвар, и его сын во время пребывания в Гардах (т.е. на Руси) посещали некую школу, где они выучились «многим языкам, которые известны людям, ходящим по Аустрвегу» (т.е. по Восточному пути)[283]. Это сведение, единственное в своем роде, было бы поистине бесценным для понимания той эпохи, но, увы, скорее всего, оно вставлено уже в XIII в.

Сын знаменитого Ингвара Путешественника Свейн ходил в «грабительские поездки», чтобы «испытать себя»[284]. Объявленный вне закона Хёрд ушел в викинги в 15 лет. Он и его названый брат Гейр нападали на хутора, грабили, резали скот и увозили мясо[285]. Плавая вдоль берегов, где жили соседи, и грабя их поселения, викинги при этом убивали всех, кто был им не по нраву («Сага о Хаконе Добром», гл. XX). Они сражались из-за добычи с чужими викингами, а также между собой на суше и на море, захватывали земли соседей и отбирали у местных жителей их добро, в лучшем случае уводили у них скот, резали его на берегу и забирали мясо («Сага о Харальде Прекрасноволосом», гл. XXIII). Конунг вынужден был собрать тинг и призвать бондов дать грабителям отпор, что вызвало одобрение местных жителей.

[280] СОДВ. С. 112.
[281] Там же. С. 86–87.
[282] Сага об Ингваре. С. 215.
[283] Там же. С. 264.
[284] Там же.
[285] ИСИЭ. С. 483 и сл.

Уже в конце XI в. конунг Магнус Голоногий (см. сагу о нем, гл. IV) разорил Халланд[286] и жестоко подавлял всякое сопротивление, огнем и мечом проходя по своим и чужим землям. Так же действовали и его сыновья. Иногда принцы попадали в плен (как было с будущим св. Олавом в юности) и возвращали себе свободу, чтобы затем сражаться за трон в своей стране[287]. Зато король мог позволить себе иметь корабль со 100 гребцами и отборной дружиной[288].

Во главе находников обычно стоял какой-либо малый король, который позднее мог стать большим королем, ярл или хёвдинг — знатный, авторитетный и состоятельный человек, имевший свои корабли и дружину. Об этом часто говорится в сагах. В пешем ополчении участвовали, наряду с рядовыми жителями сотен, также лендрманы и «могущественные бонды» (ср. состав войска Магнуса Доброго, 1035–1046/47)[289].

Идея отправиться в грабительский поход нередко посещала бондов, их сыновей, скальдов. В «Саге об Эгиле» рассказывается о приключениях этого знаменитого скальда во время грабительских походов, когда он обирал и саксов, и фризов, и куршей, скопив много всякого добра[290]. Пираты-скандинавы нередко грабили и купцов. Те из викингов, кто крестился, привозили христианские реликвии, заодно и знакомились с зарубежными нравами[291]. Но не брезговали грабежом и христиане — купцы и священнослужители. Так, в составе шведского флота из 60 шняк, который, судя по «Новгородской первой летописи», в 1142 г. захватил три торговых судна, плывшие в Новгород, был и епископ («бискуп»).

Нередко в таких походах люди принимали участие как бы поневоле. Речь идет об изгнанниках, выброшенных за пределы семьи, дома, своего общества в результате судебного приговора. Приговор о «лишении мира», иногда одновременно с конфискацией имущества, по обычаю выносился за большое преступление: за намеренное убийство и «злодеяние». «Лишение мира» обращало человека в изгоя, подпадающего под «волчий закон». А это значит, что его мог убить любой встречный. И если такой преступник не хотел или не мог навсегда уехать в другую страну, он сплошь и рядом превращался в разбойника. Набрав себе подходящую шайку, выбрав для жилья какое-нибудь дикое и труднодоступное место, сделав там защитные укрепления, он начинал заниматься грабежами на воде и суше, воровать скот и захватывать женщин.

Иногда герои рассказов о разбойниках выглядят бедолагами, жертвами превратностей судьбы, и такие истории тоже есть в сагах. Подчас автор саги представляет

[286] Халланд — одна из провинций на юге Скандинавского полуострова, которая, как и соседние Сконе и Блекинге, принадлежала тогда Дании.

[287] Ср.: КЗ. С. 167–168.

[288] Там же. С. 33.

[289] Там же. С. 389.

[290] ИС I. С. 208.

[291] Там же. С. 491 и сл.

своего героя в образе своего рода Робина Гуда: например, Фритьоф Смелый (из саги о нем, гл. II), который четыре зимы плавал в викингах и собрал большое движимое имущество, убивал, как подчеркивает сага, только «злодеев и свирепых», не трогая мирных обывателей.

Но обычно пираты сражались яростно и были очень жестокими по отношению как к воинам-противникам, так и жителям завоеванной земли, в том числе своим соотечественникам. У одного местного конунга пират потребовал дочь, а когда отец отказал ему, тот стал грабить страну[292]. Саги повествуют о предводителе викингов Эльваре, который «запретил своим людям подбрасывать малых детей в воздух и ловить их на копья, что было принято у викингов». И за это его прозвали «Эльвар Детолюб»![293]

Между морскими разбойниками разного ранга существовало соперничество и нередко вспыхивали яростные побоища. Малые и большие конунги бились за добычу и владения, дело доходило до убийства родных братьев[294]. Тем менее считались с людьми неродовитыми. Когда некий смоландец поставил свой корабль на стоянку у «Гауталаве» (Гетаэльв, река, впадающая в Северное море на границе Норвегии и Швеции), местный ярл приказал его убить, а его корабль отдал убийце[295].

Известно (и об этом не раз упоминалось выше), что викинги и другие находники занимались торговлей. Замечено, что они вообще любили придерживаться традиционных торговых маршрутов, поскольку это позволяло им безошибочно попадать туда, где их ожидала богатая добыча. То, что воины нередко следовали за купцами, — дело в истории обычное. Но пираты еще и сами приторговывали, в том числе пленниками.

Стоит отметить, что конунги и знать охотно набирали людей из числа морских пиратов для пополнения своих дружин. И, соответственно, дружинники нередко ходили в викинги, иногда вместе с патроном, иногда по личной инициативе. Об этом рассказывается в целом ряде саг (в «Саге о Курином Торире», «Саге о Битве на Пустоши» и др.).

В эпико-мифологической «Саге о Хервер» инициатором грабительского похода стала девушка[296]. Это сведение — единственное в своем роде из всех, которые имеются в сагах. Но его нельзя считать совсем недостоверным из-за характера этой саги. Ведь в принципе женщины, как свидетельствуют многие саги, нередко сопровождали своих мужей в морских походах, в том числе к новым землям.

Среди тех скандинавов, которые жили войной и грабежом, выделялись так называемые *берсерки* (от berserkr — «медвежья шкура»[297], иногда этих разбойников

[292] СОДВ. С. 70–71.
[293] ИС I. С. 538.
[294] СОДВ. С. 62–63.
[295] КЗ. С. 575–576.
[296] IMS. P. 43.
[297] Сага о Греттире. Гл. 32. Berr — медведь; serkr — рубашка. Ср.: Сага о Фритьофе Смелом. Гл. II.

называли и «волчья шкура»). Снорри Стурлусон в «Саге об Инглингах» рассказывает, что берсерки шли в бой без кольчуги; приведя себя в совершенное неистовство, они яростно выли, как собаки или волки, и злобно грызли свои щиты. Берсерки обладали медвежьей или бычьей силой, ни огонь, ни железо их не брали; и они с большой легкостью убивали людей[298]. Их злоба была направлена не только на противников, но на окружающих вообще, и, видимо, при этом они не чувствовали ни страха, ни боли. После приступа буйства берсерки «становились слабее, чем бывали обычно», т.е. до припадка[299]. Обыватели верили, что берсерков не берет ни стрела, ни меч, что они вообще непобедимы. Такие поверья и слухи отражены, конечно, и в сагах. Исследователи же полагают, что эти люди употребляли какие-то особые наркотики, допинги или галлюциногены. Так или иначе, но некоторые короли держали берсерков в своих дружинах. Например, 12 берсерков, согласно преданию, имел в своей дружине норвежский король Харальд Прекрасноволосый (начало X в.).

В принципе берсерки были очень плохими, аморальными людьми, они держали в трепете простых обывателей и всячески поддерживали свой статус неуязвимых. Грабили и убивали местных жителей, покушались на их жен и имущество, регулярно унижали женщин. Тех, кто напал на хутор Торфинна (см. выше), сага называет именно берсерками. О них много говорится в «Саге об исландцах» (гл. 19) и в «Саге о Гретире» (гл. IX), т.е. берсерки докучали людям еще в XII и XIII вв. Обыватели считали их бóльшими бандитами, чем прочих викингов, и часто бывали вынуждены уступать им.

В сагах о древних временах говорится, что в морской команде или в военном отряде могли быть также «изгои и разный сброд, который только можно найти». В их числе был, например, Ивар Бетгуль, который правил драконом и был «берсерком и величайшим негодяем», и все, кто был с ним на корабле, грабили любую землю, к какой бы ни приставали[300].

Шведов Холли и Лейкнира, которые считались берсерками, некий ирландец *выкупил* у их ярла, в дружине которого они находились, с тем, чтобы они его охраняли, но вскоре стал испытывать трудности в связи с их пребыванием в его гарде[301]. В «Саге об Эгиле» повествуется об одном берсерке, который в поединках убил много окрестных бондов и завладел их добром. В «Саге о Гисли сыне Кислого» (гл. 1) рассказывается о берсерке Бьёрне Бледном, который вызывал на поединок и убивал каждого, кто не отдавал ему то, что он хотел. Когда ему приглянулась жена хуторянина Ари, он предложил ему расстаться с ней или принять вызов на поединок. В поединке он убил Ари и забрал его жену.

Хаки, «берсерк из Хадаланда», проезжая дремучим лесом со своими людьми, повстречал малого короля Сигурда Оленя, прославленного воина, который там

[298] КЗ. С. 13.

[299] Там же. С. 634.

[300] СОДВ. С. 64–65.

[301] ИС II:1. С. 332.

в одиночку охотился. Берсерк со своими людьми напал на него и, несмотря на то что конунг храбро оборонялся, убил его. Сам Хаки был тяжело ранен; он послал своих людей в имение Сигурда, приказав им захватить дочь и сына конунга, а затем подготовить пир для своего брака с плененной Рагнхильд, дочерью убитого им Сигурда[302].

Понятно, что жители испытывали к пиратам, тем более к берсеркам, глубокую неприязнь, считали их бандитами, злодеями и жестокими грабителями[303].

Но и образ «нормального» викинга или пирата, как бы рыцаря и витязя, который навязывает «Сага о Вёлсунгах» и который вошел в *историческую память*, мало соответствует действительности. Все пираты, плававшие вокруг своих, скандинавских земель, были настоящими разбойниками[304]. Тем более такую репутацию заслуженно имели викинги и во всех иноземных пределах. Не случайно монахи на европейских побережьях Атлантики равно молились об «избавлении от дьявола и норманнов»!

Нередко, пользуясь гостеприимством хозяев, викинги по укоренившейся у них привычке принимались у них же воровать. Так случилось в доме Хромунда Хромого (см. сагу о нем, гл. III), у которого пропали хорошие лошади. И Хромунд, сказав об этом постояльцам, добавил: «В обычае викингов наживать добро грабежом и насилием, но лишь воры утаивают его».

Некий хуторянин Оспак превратился в викинга, не уходя далеко от своего хутора. Устроив из него настоящую крепость и имея при себе семь или восемь мужчин, он принялся разъезжать на своем корабле по округе, отбирая имущество у прибрежных бондов, а также всю «прибойную поживу» (т.е. топляк и выброшенных на берег китов и тюленей), хотя по обычаю каждый в округе имел в ней свою долю. Однажды, когда на берег выбросился синий кит и местные жители, согласно закону, стали его разделывать на доли, Оспак в сопровождении 15 человек явился, теперь уже на двух кораблях, и захватил всю тушу. Его отряд, который включал до 30 настоящих злодеев, убегая от судебного разбирательства, перебрался на новое место, где построил «крепость», продолжая грабить и убивать людей. Бонды называли этот отряд «викингами» и наконец решили с ними разделаться. «Применили луки и прочие метательные орудия, которые подвезли в большом количестве». Использовали для метания «ременное копье». В конце концов бонды победили и разогнали эту «скверную шайку»[305].

Аналогичную историю можно вычитать в «Саге о Хёрде и островитянах». Уже не раз упоминавшиеся Хёрд и его названый брат Гейр были объявлены вне закона и стали разбойниками. Они нападали на хутора, грабили, резали скот на мясо. Бонды — свободные хозяева и знатные мужи — объединили свои силы против них[306].

[302] КЗ. С. 40.
[303] Там же. С. 547.
[304] Там же. С. 538.
[305] ИС II:2. С. 116, 120.
[306] ИСИЭ. С. 484.

Важным видом обороны против викингов являлись дозоры на побережьях. Прибрежные бонды были обязаны участвовать в них по очереди, зажигая сигнальные огни всякий раз, как возникала угроза нападения, или просто при виде проходящего подозрительного судна. Формально дозорная служба на побережье для мужчин начиная с 18–20 лет была вписана в областные законы, в частности шведские, кодифицированные в XIII в., но в той или иной форме она существовала и раньше; во всяком случае, у Снорри есть сведения об этом[307].

В общем, викинги зачастую были бичом для населения своих же родных мест, жители которых и сами не отличались миролюбием. Плавая вдоль берегов, они грабили и убивали людей, сгоняли и забивали скот. И при этом жестоко бились между собой[308]. «Сага о Хаконе Добром» (гл. XX), «Сага о Харальде Прекрасноволосом» (гл. IX, XXIII), «Сага о Магнусе Голоногом» (гл. IV), «Сага об Эгиле» и многие другие буквально наполнены рассказами о бесчинствах викингов у собственных берегов и у берегов соседей, в том числе под руководством знати и малых конунгов. И тот конунг, который мог разогнать и утихомирить их, был в большом почете у бондов. Согласно Снорри, бонды даже считали, что бонд (здесь, видимо, имеется в виду простолюдин) мог убить важного викинга, если «довольно [долго] жил из-за него в страхе» («Сага о Хаконе Широкоплечем», гл. XIII). Скорее всего, эта позиция нашла отражение в обычном праве; неприязнь простых людей к викингам чувствуется и во многих сагах[309]. Так что поездки викингов в Иерусалим, о которых пишет Снорри, вряд ли делали их добрее.

А что касается вис в их честь, которые слагали скальды, — так ведь сами скальды были и воинами, и викингами...[310]

Итак, походы пиратов, в том числе «грабительские походы» к ближним берегам, как уже ясно, приносили богатую добычу: «самоцветы и драгоценности», рабов, в том числе плененных женщин. Обо всем этом выразительно повествует «Беовульф» (ст. 1050, 3018 и сл.). Вот другое яркое место из этой же поэмы: «И взошли на корму, [на] крутовыгнутую ладью на отмели, и казною, и конями, и припасами воинскими, и дарами бесценными переполнили [ее]». «Кладь золотую снесли дружинники на плечах». А «корабельного караульщика» Беовульф одарил золоченым мечом, «древним лезвием». И вот «взвился парус на мачте, плащ морской, к рее крепко привязанный» (ст. 1890, 1900, 1920).

Раздел награбленной добычи и другие моменты подчеркивали *социальные различия* в среде мореплавателей, будь то викинг или путешествующий бонд. Так, первые и лучшие места у причалов получали обладатели более высокого статуса.

[307] КЗ. С. 79.

[308] Там же.

[309] См., например: КЗ. С. 53–57, 538, 541 и мн. др.

[310] Ср. хотя бы: КЗ. С. 40, 50, 53; Поэзия скальдов. С. 26 и др. Особо о скальдах см. ниже, часть 8.

В «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. XIV) упоминается, что при разделе любой добычи, даже рыбы при ловле с лодки, более знатные участники получают бóльшую долю. И там же говорится, что чем более знатным является викинг, тем большую часть награбленного он получает[311]. В «Саге о Ньяле» некий Хрут треть своей добычи отдал конунгу, а половину — королеве, за что она отдарила его золотым запястьем[312]. При нападении на карелов конунгу полагались бобровые и собольи шкуры и треть прочей добычи, что он и получил[313]. В другом случае говорится, что предводители и организаторы «грабительского похода» (и, скорее всего, владельцы корабля) взяли себе золото, серебро и вообще все самое ценное и лишь четверть добычи раздали своим людям[314].

В «Саге о Харальде Серая Шкура» рассказывается о том, что Харальд, который был сыном норвежского конунга Гудреда сына Бьёрна, отправился на восток, в Швецию. И Снорри между прочим упоминает о цели поездки: «чтобы примкнуть там к людям, которые ходят в походы и добывают себе богатство»[315].

Занятие торговлей и путешествия по торговым делам

Понятно, что в сагах, ориентированных главным образом на события и людей Исландии и Норвегии, трудно найти конкретные сведения о шведской и датской торговле и торговцах. Не хватает сведений и о внутренней торговле в Скандинавии вообще, которая наверняка была чем-то будничным, не связанным с большими деньгами, а потому и не отражена в текстах саг[316].

Чаще всего о торговле, ее характере и о людях, которые ею занимаются, в сагах сообщается между делом, походя. Однако все же из саг можно уяснить, что торгующие люди в эпоху викингов были как бы трех категорий, грани между которыми не всегда четко различимы. К одной категории можно отнести *викингов,* постоянно бороздивших морские просторы с целью грабежа, которые нередко торговали награбленными вещами и рабами на побережьях и в портах, куда заплывали, либо сбывали добычу, вернувшись домой. В другую категорию входили *оседлые хуторяне-бонды,* которые использовали торговлю — посредническую или домашними продуктами — как одну из сфер своего многоотраслевого хозяйства. Особую категорию составляли *купцы* — торговцы, профессионально, исключительно или

[311] ИС I. С. 274–275.

[312] Там же. С. 434–435.

[313] КЗ. С. 81.

[314] СОДВ. С. 56–59.

[315] КЗ. С. 94.

[316] Одно из редких прямых свидетельств о внутренней торговле содержится в «Саге об исландцах» (Гл. 20. С. 82 и сл.).

по преимуществу занятые обычно в дальней, морской торговле, в сфере международного товарного обмена.

Говорить о так называемых купцах в очерке, продолжающем тему занятий скандинавов, я считаю возможным потому, что, судя по сагам, во-первых, купцы того времени были мореходами и нередко также викингами; во-вторых, не все они занимались торговлей постоянно, хотя иногда и подолгу; в-третьих, о некоторых из них в сагах сказано, что они владели гардами, где велось типичное хуторское хозяйство; в-четвертых, они принимали активное участие в местных делах у себя на родине. Поэтому я полагаю, что в эпоху викингов далеко *не все* те бонды, кого саги называют *купцами* (kiopmaen) и для кого торговля являлась как будто бы главным и успешным занятием, были *четко* выделившейся категорией населения Скандинавии. Другое дело — купцы в ранних городах (но об этом см. в Приложении).

Викинги сплошь и рядом торговали добытым добром, непосредственно сочетая торговлю с грабежом. В сагах есть сведения о том, что они охотно торговали, например, с жителями финского берега. Это была меновая торговля, в которой приезжие были особенно заинтересованы, так как она давала возможность получить драгоценный мех и моржовую кость. Но бывало так, что, выторговав, например у финнов или карелов, обычно путем прямого обмена (товар на товар) меха, моржовую кость, лососину и другие ценные товары, они отплывали с тем, чтобы ночью, когда те будут спать, вернуться в их поселение и отобрать у них последнее. Но иногда викинги и специально ездили в торговые путешествия, выменивая или продавая награбленное ранее. Такого викинга, который совершал торговое путешествие, называли *фарманом* (от fara, сканд. — разъезжать, ездить). Использование в этом случае особого термина свидетельствует, что такая ситуация была достаточно обыденным явлением.

Характерно, что даже торгующие викинги вызывали у местных жителей неприязнь и страх. Так, когда корабль норвежских викингов во главе с Хельги по прозвищу Надувала приплыл в Исландию, чтобы там торговать в течение сезона, никто из бондов не желал вести с ними дела, так как считали, что они разбойники и их «добро нажито лихом». Когда прошло лето и впереди была зима, никто не захотел предоставлять им жилье. Под напором угроз со стороны озлобленных мореходов (а их было 12 человек, не считая слуг) бонд Торир согласился на то, чтобы они спали в отдельном помещении в его усадьбе, но предварительно потребовал, чтобы они «по законам нашей страны» принесли клятву в том, что не станут «ущемлять ничьи права, равно как тягаться по закону» с ним, его домочадцами и соседями. И будут «кормиться сами» («Сага о Хромунде Хромом», гл. II). На беду хозяина, кормчий этого корабля стал весьма откровенно ухаживать за его дочерью («много разговаривать, целоваться и тискаться»). Так что хозяину, вопреки своей воле, пришлось сыграть свадьбу. Но затем эти пришлые норвежцы, «если их не задевали, вели себя

не столь скверно»[317]. Случай такого рода с проезжими викингами, в том числе торгующими, не единственный в сагах. Из-за товаров, цен и по другим поводам происходили также ссоры между торговцами и местными бондами, особенно в случаях, если торговец останавливался на целый сезон[318].

Что касается купцов-гостей, то сезон мореходства все они обычно проводили в плавании, занимаясь в холодные месяцы сбытом товара и закупкой новых его партий. Скандинавский купец того времени, как уже было сказано, являлся одновременно и мореплавателем, и торговцем, и воином, зачастую и грабителем, к тому же хозяином не только корабля, но и зажиточного гарда. Благодаря своим занятиям, состоянию, знанию языков и широте кругозора, приобретенного во время путешествий и торговли, купец был уважаемым, видным членом общества. Правители частенько доверяли купцам дипломатические и разведывательные дела. Не случайно именно так представляет «Сага о Храфнкеле Годи Фрейра» предприимчивого Эйвинда сына Бьярни. Став купцом, Эйвинд уехал из дома отца, провел зиму (возможно, речь идет о годе) в Норвегии, затем отправился в Миклагард (Константинополь), где снискал расположение «греческого короля». О нем сага говорит, что он был женат, богат, заносчив, хорошо знал законы[319].

История о том, как сын состоятельного бонда стал купцом, рассказывается в «Саге о Греттире» (гл. XIII). Некий Асмунд с детства не любил участвовать в работах на хуторе, всячески отлынивал от них. Когда же он вырос, то попросил отца снарядить его в дорогу. Отец дал ему лишь немного товара, но Асмунду «в чужих странах повезло», он стал купцом «превеликим и пребогатым», был счастлив в друзьях и «сам человек надежный». В Норвегии он дружил с самыми знатными людьми.

Действительно, судя по сагам, богатые купцы почитались у скандинавов не меньше, чем вожди-хёвдинги. Удачливый купец Торстейн Красивый, как и его близкий друг и тезка старый хёвдинг Торстейн Белый (герой одноименной саги), были идеалами «доброго мужа»; о них говорится также, что они могли по достоинству оценить противника и положить конец распре[320].

Торвард Вороний Клюв торговал повсюду. Приезжая в город, например в норвежский крупный центр Нидарос, он снимал на берегу склад для своих товаров, т.е. устраивался надолго[321]. Именно такого человека нередко называли «купец и мореход»[322]. Так, «Вестейн был купцом и мореходом», имел хутор «Под конем»

---

317 ИС II:1. С. 112–113.

318 В «Саге об исландцах» описана ссора из-за муки между знаменитым Снорри и торговцем Торкелем Моржом, который приплыл с Оркнейских островов и остановился у Снорри на зиму. Дело дошло до того, что, уплывая по весне из Исландии, Торкель Морж убил «бедноватого соседа» Снорри, который, как казалось торговцу, как-то навредил ему. См.: Сага об исландцах. Гл. 15. 1201 г.

319 ИСИЭ. С. 139.

320 ИС II:1. С. 378.

321 КИ. С. 508 и сл.

322 Там же. С. 386.

(«Сага о Гисли сыне Кислого», гл. IV). О Торарине Дерзком говорится, что он «известный купец», а между тем он выступает в саге и как рачительный хозяин своего гарда. О таком богатом купце и, одновременно, рачительном домохозяине можно прочитать и в других сагах[323].

О норвежском купце середины XI в. Бранде сыне Вермунда говорится, что он славился щедростью и независимостью и, постоянно общаясь с тогдашним конунгом Норвегии, известным Харальдом Суровым (1047–1066), неизменно сохранял чувство собственного достоинства. Ему даже посвящена особая «Прядь о Бранде». В одной из вис (№ 93) он прославляется как символ старой Исландии[324]. В другом случае упоминается норвежский купец Торир Кочка, сын Арнтора и зять Гицура; судя по родне, Торир принадлежал к состоятельному и известному роду.

Повествуя о событиях 1253 г., «Сага об исландцах» рассказывает об Эйстейне Белом, известном норвежском купце, который годом раньше прибыл на корабле в Исландию, а еще раньше, в 1246 г., участвовал в сражении как воин.

Наименование *гость,* которым также часто обозначали купца, одновременно означало еще *чужестранец* и буквально *гость*. Интересно, что позднее «гостями» в Скандинавии и на Руси называли как купцов-иноземцев, так значительных, именитых местных торговцев, которые ездили в иные земли; а дальнюю торговлю на Руси называли именно «гостьбой».

Купцы одевались соответственно своему положению и званию, так что их всегда можно было выделить из толпы[325]. Как правило, они приезжали в ту или иную страну либо область на сезон и, если дело было поздней осенью, оставались зимовать у местных хозяев, вероятно, на известных условиях. При этом нередко возникали осложнения. Однажды два купца на двух кораблях привезли в Исландию из Норвегии бревна. Они заночевали на одном хуторе, и так случилось, что они убили сына хозяина. Хозяин убил за это их обоих, а корабли забрал себе[326].

Судя по «Саге о Гуннаре Убийце Тидранди» (гл. II и др.), дорогие и крупные по объему товары или партии товара обычно продавались в кредит. Покупатель вносил задаток, а в условленное время продавец приезжал за остальными деньгами. В связи со сбором долгов за взятые в кредит товары возникали конфликтные ситуации, особенно если покупатель отказывался оплатить покупку. Об одном таком эпизоде повествуется в «Саге об исландцах» (гл. 59). Норвежский купец Тьостар продал Бьярни сыну Арни товар на две сотни серебра, что составляло весьма значительную сумму. «Но деньги эти выплачены не были, а когда Тьостар потребовал недоимку, Бьярни отвечал дурно (!)».

[323] См., например: ИС II:2. С. 328.
[324] КИ. С. 513–515, 910, прим на с. 910.
[325] СОДВ. С. 160–161.
[326] КИ. С. 269.

Кроме городской и разъездной торговли купцы занимались торговлей на берегу или непосредственно с корабля, используя для продажи, покупки и мены товаров некоторые удобные гавани и пристани. Об этой практике (под 1235 г.) повествует «Сага об исландцах» (гл. III), однако подобный порядок существовал издавна. Гавани, которые традиционно использовались как корабельные стоянки, назывались *хамны* (хавны и т.п.)[327]. Со временем там нередко возникало торговое местечко, с небольшим постоянным населением; следы происхождения из такого местечка сохранились в названиях немалого числа городов, например, «Копенгаген» — букв. «Купеческая гавань». Только с середины XIII в., с распространением и постепенным расцветом в Скандинавии городского строя, такую «купеческую торговлю» вне самих городов постепенно стали ограничивать в пользу монополии городского «законного» рынка, хотя далеко не всегда успешно.

Уже упоминалось о большой роли, которую в торговле скандинавов, как и в жизни викингов, играли путешествия в Восточную Европу и через Русь. Особенно активно в ней участвовали свеи и готландцы. Хотя и считается, что путешествовали не столько сами торговцы, сколько их товары, которые в особых местах переходили из рук в руки, но имеются прямые сведения о пребывании скандинавских купцов в Булгаре, столице Булгарского ханства (неподалеку от совр. Казани), откуда они подчас доходили до Багдада и далее — по «шелковому пути». В центре этого маршрута была Волга. Прибыв в Булгар, группа купцов, при которой были и женщины, сооружала свой лагерь из дерева и водружала идолов, которым подносили еду и поклонялись. Если кто-либо из них умирал, его имущество делили на три части: одна шла семье покойного, вторую тратили на похоронный обряд, третью — на поминальную тризну. Нередко для сопровождения покойного в другой мир убивали и клали с ним в могилу рабыню. Для особо важных персон на месте их упокоения насыпали курган.

Позднее, когда был вполне освоен путь по Днепру, перевалочный базой скандинавских воинов и купцов стало местечко Гнездово, неподалеку от Смоленска, о чем свидетельствует содержимое более 4 тысяч могильных курганов, в том числе скандинавских.

О *внутренней торговле* и участии в ней бондов свидетельствуют кодифицированные законы, особенно главы о торговле и купцах, которые обеспечивали последним определенную защиту жизни, чести и имущества, а в саму торговлю вносили относительный порядок. Хотя эти законодательные установления попали в тексты областных законов при их кодификации, т.е. в XIII в., преимущественно в его второй половине, но сами их формулы свидетельствуют о сложившейся традиции в этой области, которая опиралась на устное обычное право. В частности, на Балтике и в Северном море действовало особое раннегородское и торговое

[327] Ar ok hamn (др.-исл. hövn и т.д.) — весло и место гребца.

балтийское *Право Бирки*, или *Биркрэттен*[328], которое содержало и некоторые предписания, касающиеся торговли и торговцев. Запись его тоже относится к XIII в., но традиции восходят к обычному праву по меньшей мере эпохи викингов, в том числе традиция торговли в прибрежных местечках. В Биркрэттене особо говорится о торговле в гавани или порте, где торгующим обеспечен «торговый мир». Важные сведения о торговцах можно обнаружить и в хартиях городам. О городах разговор предстоит особый (см. Приложение), но о торгующих людях уместно немного сказать в данном очерке, преимущественно опираясь на правовой материал и данные, относящиеся к Швеции.

Так, из «Права Бирки» явствует, что среди главных товаров шведского экспорта, т.е. тех, торговля которыми нормировалась особо, были вестгетское полотно и грубое домотканое сукно-вадмаль[329], которое пользовалось большим спросом, поскольку при высокой практичности этой ткани она стоила от 4 до 30 раз дешевле сукон из Западной Европы. Вывозили из Швеции также мясо, коровье масло, сушеную и копченую рыбу всех видов, кожу, древесину, хмель и другие товары, а в ограниченном количестве даже зерно[330]. Очевидно, что все эти товары закупались у бондов.

Однако в тех условиях, при плохих дорогах, особенно вдали от побережий, разъезжать по хуторам и деревням с торговыми целями, т.е. торговать вразнос, либо скупать товары на местах, было трудно, хлопотно и опасно. Неудивительно, что, «встраиваясь» в торговлю, бонды больше всего предпочитали посещать местные и крупные сезонные *ярмарки.* В сагах ярмарки обычно сопровождают религиозные языческие праздники-жертвоприношения, а после внедрения христианства — праздники христианские (из чего видно, что не случайно ярмарка в Скандинавии позднее получила название «месса»). Широкая торговля велась и во время тингов. Тинги обычно также приурочивались к большим религиозным праздникам, так что тогда собиралось множество людей. На такой большой ярмарке можно было купить дорогие вещи: оружие, украшения, богатые ткани и готовую одежду. Ярмарки, в том числе традиционные, весьма древние, часто устраивались поблизости от городка, торгового местечка или в особом месте, где впоследствии нередко вырастал город. Известна, например, старинная шведская зимняя ярмарка на льду озера Меларен, вблизи языческого центра свеев Упсалы. Эта ярмарка была приурочена к тингу и жертвоприношению богиням плодородия — дисам (2 февраля, Disaeping), а после крещения страны — к «Мессе свечей» (Kundilsmaessan). Областная ярмарка собиралась около будущего города Стренгнес (Samting, 15 февраля); в других областях и районах страны были свои ярмарки[331]. В Норвегии самыми известными были

[328] Биркрэттен — русская транскрипция латинской формы Birkrætten, в свою очередь упрощающей скандинавский оригинал — Bjärköa Rätten, Bjärköarätten, далее — Bjr.

[329] На тогдашней Руси вадмаль называли «вотола».

[330] Bjr, bil.; b. 8 o.s.v.

[331] Ср.: Сага об Олаве Святом. Гл. LXXVII.

торжища в Трондхейм-фьорде, в районе Вик, на юго-западном побережье. На финском берегу, на месте старинного перевалочного пункта, где позднее, в конце XIII в., была воздвигнута шведская крепость Виборг (рус. Выборг, фин. Viipuri), также собиралась известная ярмарка. Сезонные ярмарки всегда были местами межрегионального и межрайонного обмена, чем привлекали бондов, приезжавших подчас из весьма неблизких земель, а также зарубежных торговцев. На таких традиционных торжищах постоянные их участники имели свои «прилавки» и даже палатки, там устраивались и всевозможные «забавы».

О распространенности ярмарок, на которые съезжались и местное население, и купцы, свидетельствуют вновь и вновь подтверждаемые, но не дающие заметных результатов запреты на так называемую *деревенскую торговлю* в разных областях-ландах, которые содержатся в памятниках права и городских хартиях. Эти запреты показывают, что ярмарочная торговля бондов между собой и с приезжими купцами нарушала интересы городов, а также короны, заинтересованных в пошлинных рыночных сборах. На дальние ярмарки в своей стране и сопредельных землях как купцы, так и богатые хозяева посылали сыновей, приказчиков и слуг, на которых позднее, уже в областных законах, ответственность за такие сделки не возлагалась. Но данными об ограничении участия в торговле этих категорий населения по эпохе викингов я не располагаю, скорее всего, они появились позднее, с оформлением городского строя. Наряду с традиционными местами ярмарок меновая торговля велась в прибрежных гаванях и рыночных (торговых) местечках, куда бонды приезжали со своими товарами, а также в ранних городах.

Возможно, бонды занимались торговлей вполне регулярно, об этом говорит интересное предписание, имеющееся в главах о наследстве Вестгетского областного закона раннего извода. Там сказано, что, если один из братьев разъезжает по торговым делам, а другой «сидит дома у очага», их права на отцовское наследство одинаковы[332]. Это указание прямо свидетельствует как о практике разделения сфер труда в хозяйстве бондов, так и о том, что торговля служила *одним из видов* хозяйственной деятельности, своего рода промыслом в рамках общего домохозяйства[333].

О самой местной торговле, к сожалению, можно судить главным образом по косвенным данным, в частности приведенным выше. Но в сагах говорится о хозяевах-бондах, которые частенько подторговывали, порой надолго уходя в море на собственном судне, покупая место на корабле или «половину корабля»[334]. Можно предположить, что на прибрежных территориях хотя бы долей корабля владела практически каждая самодостаточная семья; иногда таких владельцев было двое, иногда — несколько.

[332] ÄVgL, Äb. 19.

[333] Это предписание также подтверждает (и, что важно, на шведском материале) данные саг о случаях сохранения нераздельного хозяйства братьев еще в первой половине XIII в.

[334] ИС I. С. 31 и др.

А богатые бонды покупали корабли специально для того, чтобы торговать. В «Саге о Гисли сыне Кислого» (гл. VII, VIII) между прочим упоминается о том, что богатые хуторяне (в складчину?) купили половину корабля, чтобы поехать в Данию на торжище, которое называется «Вэбьерг», и там зазимовать. Некие хозяева купили впрок у «корабельщиков из-за моря» десятивесельный (т.е. сравнительно небольшой) корабль и поставили его в сарай[335]. В «Саге о людях из Лососьей Долины» также рассказывается о покупке специально для торговли половины корабля[336]. Один из хуторян несколько раз удачно съездил с целью торговли в страну финнов и даже привез себе оттуда 12 «волшебных» рубашек из кожи и меха, чем немало хвастался, и т.д.

Саги свидетельствуют, что торговлей особенно часто занимались состоятельные скандинавы как одним из прибыльных видов своей разносторонней хозяйственной деятельности. Не случайно в саге о мореплавателе Эйрике Рыжем, открывшем Гренландию, читаем, что у него на хуторе «было вдоволь больших и хороших клетей» для хранения товаров, а на корабле — запасы солода, муки и зерна[337].

В сагах часто описывается такая ситуация, когда, отправляясь в деловую поездку или в гости за море, хуторяне прихватывали с собой товары для торговли. В «Саге о людях из Лососьей Долины» сообщается, что в Норвегию приплывало много исландцев именно с торговой целью[338].

Не только многие купцы, но и регулярно торгующие бонды специализировались на торговле с Русью и через Русь. «Сага об Олаве Святом» (гл. VI) сообщает, что, когда при этом короле Норвегию охватили междоусобицы, народ был недоволен и роптал на эту смуту, в частности из-за того, что страдала торговля с Гардарики[339]. Это свидетельство того, что в торговле с Русью так или иначе были задействованы достаточно широкие круги бондов.

Тех хозяев, которые, судя по «Саге об Эгиле», привыкли ходить в заморские экспедиции, подобно викингам, называли *торговыми бондами.* Это название тогда и позднее применялось, в частности, к сельскому населению острова Готланд, где зажиточные бонды постоянно занимались торговлей, особенно с Восточной Европой, для чего переплывали Балтику на своих ладьях и баркасах.

Помимо тех трех социальных групп, так или иначе занятых в морской торговле и, в разной мере, в пиратстве, присутствие которых в Скандинавии эпохи викингов вполне ожидаемо, в сагах обнаруживается еще одна группа лиц, чья деятельность оказалась с ней связана. Эту группу в торговле можно считать *новой*,

[335] ИС II:2. С. 93.
[336] ИС I. С. 31.
[337] ИСИЭ. С. 118.
[338] ИС I. С. 344, 347.
[339] КЗ. С. 92.

поскольку такая группа и такая возможность возникали параллельно со становлением королевской власти и отражали особенности ранней, еще незрелой государственной — пока королевской — администрации. Речь идет о служилых людях короля[340].

Так, судя по известной «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. LXIII), воины-дружинники и другие служилые люди нередко сочетали службу королю или ярлу с торговлей. О занятии торговлей служилых людей, в том числе богатых и знатных, можно судить по «Саге об Эгиле» (гл. XXVI, XVII). Один из ее героев, викинг и знатный хозяин Торольв, собирал дань для короля с жителей Севера — карелов, финнов и саамов. Формально дань была невелика, но она выплачивалась преимущественно промысловой добычей, имевшей высокий спрос на всех европейских рынках, особенно мехами и ботническим лососем. Сборщики дани одновременно грабили местных жителей. А присвоенной частью дани и награбленным добром торговали. Позднее король поручил собирать в этих местах дань другим людям — состоятельным, но незнатного происхождения, отстранив таким образом Торольва от весьма прибыльных поездок.

Сборщики дани на Севере и, одновременно, торговцы, которые сбывали эту дань, получили название *биркарлы,* «торгующие мужики». Именно так обозначали тех, кто торговал на Севере на основе сбора дани. Эта своего рода специализация восходит по меньшей мере к эпохе викингов, а возможно, и старше ее, относится к деловым людям, которые действовали среди финнов, карелов и лопарей.

«Карл» — это мужчина, мужик, простолюдин. Термин «бирк» (birk, berek, björk, букв. «березовый»), который лежит в основе наименований и раннего города (город Бьёрке, лат. форма Бирка, «Березовый остров»), и раннего торгового и городского права (Биркрэттен), и ряда перевалочных торговых пунктов от Восточной Балтии до побережья Северного моря, — предмет длительной дискуссии. Но ученые не сомневаются, что он относится к торговле; не случайно он в качестве топонима неизменно входил в наименования торговых местечек по всей Балтике, включая Древнюю Русь. В Финском заливе в эпоху викингов было несколько островков и местечек по имени Бьеркё (финск. Birkala), сходное название имели остров Березань на Днепре и перевалочный пункт в устье Невы. Все эти Бирки, как легко заметить, располагались по водному пути «из варяг в греки». С XIII в., однако, термин «биркарл» окончательно закрепился за торговцами — сборщиками дани.

Биркарлы двигались на Север на кораблях, а затем, после высадки на сушу, при помощи повозок либо саней, с собачьими или оленьими упряжками; кроме того, они хорошо владели лыжами и, несомненно, были тренированными, выносливыми и решительными людьми. Излишне говорить, что все виды торговых предприятий, связанные с морем, требовали от мореходов хорошего вооружения, владения

[340] Королевская служба как таковая специально рассматривается в части 6. В данном очерке речь идет лишь о торговле служилых людей.

кораблем и оружием, отваги в тех случаях, когда приходилось отстаивать свое имущество от пиратов и таких же удалых торговцев. А при случае торговцы-мореходы и сами были не прочь пограбить...

Корабли викингов

Нередко исследователи как истории флота, так и истории викингов и вообще Скандинавии, основываясь на находках кораблей и сохранившихся отзывах людей того времени, высказываются в том смысле, что кораблестроение и корабли — вершина технической мысли и достижений скандинавов эпохи викингов. Эта характеристика представляется мне справедливой. Ведь уже очевидно, что не только дальние морские путешествия жителей Европейского Севера, но и походы в пределах своего региона требовали наличия хорошего корабля. Судя по сагам, каждый прибрежный домовладелец, не говоря уже о знатных людях, обладал не только лодками, но и более или менее объемным судном (или его частью), иногда и не одним. Поскольку поселения в Скандинавии того времени теснились к побережьям, то свои корабли или кораблики держало большинство бондов. В наибольшей степени изучены, да и самый большой интерес представляют, разумеется, морские корабли.

Древние одномачтовые скандинавские суда описаны римским историком Тацитом в I в., об их особенностях уже шла речь выше.

Тацит отмечал, что жители побережий Северного, Балтийского морей и Северной Атлантики — «...безбрежного», «исполненного враждебности Океана», который «редко посещается кораблями из нашего мира», передвигаются «на судах». В частности, «свионы... сильны флотом», и историк отмечает редкую маневренность скандинавских кораблей, которая позволяла использовать их на малых реках, в мелких бухтах, в узких фьордах и при плавании среди скалистых островов-шхер. Рассказывая затем об «общинах свионов», римский историк дает и описание северных кораблей: «Их суда примечательны тем, что могут подходить к месту причала любой из своих оконечностей, так как и та и другая имеют у них форму носа. Парусами свионы не пользуются и весел вдоль бортов не закрепляют в ряд одно за другим; они у них, как принято на некоторых реках, съемные, и они гребут ими по мере надобности то в ту, то в другую сторону»[341].

О значении корабля в мире скандинавов свидетельствует давний (языческий) и просуществовавший до полного утверждения христианства обычай хоронить знатных людей в корабле, притом это касалось как мужчин, так и женщин. К настоящему времени археологи обнаружили древние скандинавские корабли в нескольких десятках погребений на территории Скандинавии, в Исландии, на севере современной

[341] *Тацит*. Германия. 2, 44. Весла на римских кораблях закреплялись в гнездах, почему Тацит и обратил внимание на свободное движение весел на северных кораблях. Кстати, во времена Тацита считалось, что Скандинавия представляет собой не полуостров, а остров, чем он и объяснял, видимо, особое развитие мореходства у скандинавов.

Германии и на Британских островах. Большинство этих находок относится к эпохе викингов. Часть находок кораблей сделана в прибрежных водах этого региона. Те останки судов, которые оказалось возможным реставрировать, выставлены в музее («Доме кораблей») в Осло. Интересный корабль, найденный в Шлезвиге (Южная Ютландия), принадлежавшем в Средние века Дании, выставлен в музее города Киля. На дне мелководного фьорда у города Роскилля (Роскильде) найдены дубовые обломки целой флотилии из пяти кораблей от начала 2-го тысячелетия: три торговых, один боевой и один для каботажного плавания. Корабли были набиты камнями и, судя по всему, затоплены, чтобы преградить путь в гавань вражеским судам. На дне пролива Эресунн найден один корабль, затопленный у входа в залив Футсвикен, четыре судна — примерно от 50-х гг. XI в. и одно от начала XII в. Скорее всего, они были также затоплены намеренно. Еще один корабль, грузовое судно, найдено на дне Финского залива около озера Лакури; это корабль размером 12×3 м, рассчитанный примерно на 30 человек команды, предназначенный для плавания в прибрежных водах и по рекам России. Имел весла и парус.

Найдены и большие для того времени корабли, богато украшенные и стоившие очень дорого, а также значительно меньшие и гораздо более скромные суда. Часть кораблей несла на носу и корме высоко вознесенное стилизованное изображение головы и хвоста мифологического дракона или крупного хищного зверя. Благодаря некоторым описаниям кораблей в сагах и открытиям археологов можно хорошо представить себе скандинавские корабли эпохи викингов, до нее и сразу после нее, а также проследить самые важные этапы эволюции северного флота и даже узнать о процессе строительства кораблей.

Один из самых ранних скандинавских кораблей — «шлезвигский», найденный в Южной Ютландии, относится к рубежу III–IV столетий; он не имел мачты и соответственно паруса. Судя по ранним изображениям северогерманских ладей, относящимся к началу VI века, северные корабли и тогда все еще не имели паруса. То есть в период Великого переселения народов флот скандинавов был весельным. А на изображениях конца VI–VIII вв. и на найденных археологами кораблях того времени уже есть не только мачта с парусом, но и, как в старину, «двойной нос» и не закрепленные в пазах весла. Таким образом, корабли эпохи викингов, сохранив полную маневренность, в отличие от судов первых веков новой эры уже имели мачту с парусом. Кроме того, теперь они были снабжены более мощными килем и рулем, которым служило особое кормовое весло. Судя по этим данным, мачту с парусом скандинавы обрели где-то на рубеже VI–VII столетий и тогда же усилили рулевое управление и киль. Однако малые суда в то время, видимо, ходили и на одних веслах. Очевидно, что своими успехами в морских походах викинги были в значительной степени обязаны и важным *новациям в области судостроения*.

Итак, в эпоху викингов скандинавы вступили со значительно *усовершенствованным флотом*. Благодаря сильно развитому килю корабли сохраняли остойность

и хорошо переносили неизбежные передвижения по мелководью и волокам. О перетаскивании северных кораблей волоком, на бревнах-катках, напоминают как саги[342], так и названия ряда русских поселений на торговом пути «из варяг в греки», с топонимом типа «волок», «волочок». Для передвижения кораблей по суше служили и четырехколесные основы повозок — типа той, что обнаружена в норвежском корабле из Усеберга, предположительно принадлежавшем королеве Асе. Небольшое судно могли перенести вручную 15–30 моряков. Но при всех условиях суда в подавляющем большинстве были маневренными, что позволяло им подниматься вверх по рекам, плавать по узким фьордам и выплывать из них, не разворачиваясь на 180 градусов. Достигалось это, как уже было сказано, за счет одинакового устройства носа и кормы и подвижного крепления весел. А мачта с парусом и мощный руль значительно увеличивали возможности корабля.

Корабли имели разное назначение и в связи с этим разные размеры и формы. В общем «длинные» суда были преимущественно боевыми. А небольшие — так называемые «скуты» (scuta) были сравнительно маленькими и использовались для недалеких товарных перевозок. Различались они, разумеется, и в зависимости от богатства и общественного положения кораблевладельца. Среди найденных археологами судов были и большие корабли, и сравнительно малые, менее 10 м в длину. Но и большие, и средние корабли имели двойной ход: узкие длинные весла, на которых во многих случаях сидели сами воины, и парус; также способствовал ходу и мощный руль. Паруса были четырехугольные, сделанные из шерсти, толстые и прочные, украшенные красными или синими полосами, или гладкоокрашенные, разных цветов (включая красный и черный), видимые издалека. Вид этих кораблей вызывал радость у своих и ужас у всех остальных людей. Корабельный парус был очень дорог, не случайно он считался роскошным даром!

Очевидно, что со времен Тацита скандинавские корабли существенно эволюционировали, перейдя от весельного к двойному, весельно-парусному, способу передвижения и сохранив, однако, уникальную для того времени маневренность. Таким образом, тексты саг подтверждают некоторые важные детали устройства северных кораблей, которые позволяют констатировать серьезный *прогресс* в корабельном деле у скандинавов в середине 1-го тысячелетия, подтвержденный данными археологии.

Плавание скандинавов первоначально было преимущественно каботажным. Свой регион, Балтику, Северное море, Британию и северо-восточные просторы Атлантики они хорошо знали, но в ряде случаев предпочитали брать лоцмана: ведь побережья Северного региона изрезаны, усеяны рифами, скалисты и опасны[343]. Примерно с рубежа 1-го и 2-го тысячелетий, опираясь на опыт мореплавания викингов,

[342] КЗ. С. 473; Сага о Греттире. Гл. LIX. С. 98.

[343] ИС I. С. 175–176; ИС II:1. С. 137 и мн. др.

скандинавы стали все дальше уходить от берега на запад, в глубь Атлантики, благодаря чему открыли Гренландию и доплыли до Америки. В незнакомых водах мореплаватели, судя по всему, ориентировались по солнцу и звездам, особенно по Полярной звезде, расположение которых в разное время года они отлично знали. В XIII в. вошел в употребление компас, что было очень важно для смелых «морских странников».

Зимой, когда на морях господствовали бураны и льды, а также по ночам корабли не выходили в море (об этом говорится уже в «Речах Высокого»), а находили подходящую стоянку и ставились там на якорь, или же их вытаскивали на сушу. Примечательно, что существовали особые обычаи или правила поведения мореплавателей в общих гаванях (хамнах). Прежде всего, судя по «Пряди о Тормоде», полагалось освободить место у пристани для того корабля, владелец которого занимал наиболее высокое социальное положение. Снорри описывает в своем «Круге Земном» столкновение, которое произошло на этой почве между королями Магнусом Добрым и Харальдом Суровым. Социально избирательные правила поведения в портах распространялись на людей всех статусов, состояний и профессий.

Проще было пользоваться стоянками, свободными от контроля. В Скандинавии и Британии такими стоянками нередко служили постоянные прибрежные поселения — *вики,* расположенные обычно на берегу залива или бухты (см. выше). Нередко такой вик представлял собой торговое местечко или постоянный лагерь викингов, название которых обычно и связывают с названием таких стоянок-лагерей.

Археологи сумели восстановить устройство типичного лагеря: округлый по форме, защищенный с одной стороны морем, а на берегу — валом с палисадом, имеющий посередине площадь и симметрично расположенные вокруг нее жилые и прочие строения, он представлял своего рода образец строго организованного пространства. Так же были устроены, собственно, и ранние городские поселения: Бирка, датский Хедебю и др.

Но чаще всего, особенно за пределами самой Скандинавии, мореходы останавливались в уже присмотренных ранее или вновь обнаруженных удобных и безопасных местах. На зиму или перед длительной стоянкой корабль в походе предпочитали вытаскивать на берег, а дома — укрывать в корабельном сарае.

Несомненно, что корабль в Скандинавии эпохи викингов был почти таким же привычным имуществом и местом обитания, как земля и дом, а подчас и более, чем земля и дом, ведь некоторые люди проводили на корабле всю жизнь и обретали вечный покой в море.

Снорри Стурлусон в своем «Круге Земном» отмечает, что в описываемую им эпоху, т.е. в эпоху викингов, в стране было много «морских конунгов», таких, которые жили на корабле со своей дружиной, нередко также и семейством, и не имели ни земли, ни хутора. Наряду с запасом монет, весового серебра, драгоценностей корабль представлял собой *наиболее ценное движимое, имущество* и признак престижа. Это и понятно, ведь именно корабль давал возможность не только для удобного,

быстрого и подчас менее опасного передвижения, но и для связей с внешним миром и, конечно, для прибыльных занятий. Как уже говорилось, саги создают устойчивое представление, что в Скандинавии, где основная масса населения располагалась на прибрежных территориях, лодку имел каждый домохозяин, а большое или малое судно либо долю в нем приобретали все, кто только мог, естественно, в меру своего материального состояния. Например, один из распространенных мотивов саги: «Торольв владел долей корабля Снорри (Стурлусона. — *А.С.*)»[344]. А неистовый поэт Эгиль имел не один корабль, а несколько: и «быстроходный», и торговые. Возвращаясь с женой из Норвегии в Исландию, он вез с собой строевой лес. В «Саге о Названых Братьях» Торгейру покупают место на корабле, который стоял в гавани, и готовят товары для вывоза.

Судя по кораблю VII–VIII столетий, погребенному в бывшем болоте в Хере (Норвегия), или норвежскому кораблю викингов IX в., найденному в Осеберге, в ту эпоху строили изящные по форме суда длиной не менее 18 м, с двумя носами и на 10 пар весел. Меньшие суда, длиной 10–13 м, требовали шесть пар гребцов. Впрочем, корабли имели разное назначение и в связи с этим разные объемы и форму. Различались они, как уже подчеркивалось выше, и в зависимости от богатства и общественного положения владельца. Для устойчивости корабль, который шел без полезного груза или с которого груз был снят, нагружали камнями («Сага о Херде и островитянах»)[345]. Сигналом к высадке был момент, когда судно касалось дна; тогда люди начинали прыгать за борт и подниматься на берег[346]. Одновременно, наклонив корабль, выводили лошадей, если везли их с собой, имея в виду длительное путешествие по суше после высадки, и сносили необходимый груз.

Многие корабли представляли собой типичную для Европейского Севера однодеревку-*нашву*. Для изготовления нашвы из сердцевины искусно расщепленного по длине бревна нужной длины — фактически целого дерева, обычно дуба, — понемногу вырубали лишнюю древесину и «нашивали» с боков доски. Доски нашивали клинкерным способом, «внахлест», так что верхние доски заходили на нижние. Пазы заделывали пучками конопли и заливали дегтем. Ставили мачту с парусом и руль. Киль делали из цельного дуба, каждый шпангоут — из одного куска дерева, добиваясь необходимого изгиба.

Издревле нашивали бока при помощи деревянных шпеньков, но викинги стали применять железные гвозди. Продуманные изгиб судна и ясеневые доски обеспечивали эластичность корпуса. Рулевое весло крепили к правому борту у кормы, с ним справлялся один человек — «рулевой борта». Мачта была съемной, как и парус. Перед сражением парус укладывали на дно корабля, чтобы не повредить

[344] Сага об исладцах. Гл. 144.

[345] ИСИЭ. С. 471.

[346] Сага об исландцах. Гл. 44.

его, да и для того, чтобы команда не вздумала выйти из боя и сбежать. Моряки, они же воины, развешивали свои раскрашенные щиты на наружные стенки бортов[347], садились на свои сундучки и брались за весла; скамейки для гребцов если и были, то лишь на самых больших судах.

Постройка корабля вообще была довольно долгим делом, ведь расщеп в дереве расширяли до нужной ширины постепенно, неоднократно заливая его кипятком и вставляя поперек щели все более длинные и широкие брусья. Эту работу можно было производить только под открытым небом, близ воды, т.е. в теплое время года, поэтому для сооружения нашвы требовалось до трех лет.

Приступая к такому важному делу, как строительство корабля, выполняли необходимые ритуалы. Перед деревом, которое намеревались срубить для киля, клали угощение, чтобы дух дерева ушел из его ствола. Падать дерево должно было строго на север, чтобы предупредить о беспокойстве злые силы, и т.д.

Однодеревки были известны и на Русском Севере, где ими пользовались поморы.

Чаще всего в сагах упоминаются военные суда. Это были, в том числе, парусно-весельные *шняки* — длинные, с низкими бортами, узкие и быстрые в движении, с 20–30 веслами[348], которые могли помимо гребцов (одновременно воинов) брать на борт еще по 10–20 человек. Кораблям Ингвара Путешественника требовалось от 20 до 40 человек команды, так что 30 его кораблей в принципе могли вмещать тысячу и более воинов-гребцов (что следует, скорее всего, отнести за счет фантазии автора саги). То, что боевые корабли-*дракены* могли нести до 50–100 человек, известно из многих саг. При всех условиях на борт военного корабля брали несколько десятков боеспособных людей. Их называли «корабельными воинами», «корабельной дружиной». Есть упоминания о дракаре, в котором было даже по 70 гребцов по каждому борту.

После высадки сколько-то дружинников уходили в поход, в разведку или на грабеж, а прочие оставались оберегать корабль[349]. Ночами судно по очереди охраняли дежурные, укрываясь от холода парусами. Корабль приходилось охранять и дома, в том числе в сарае: судя по «Саге о Фритьофе», злоумышленники могли пробить дыру в его днище.

Меньшие суда — ладьи с 6–16 парами весел, иногда они назывались *скуты*. Ладья Фритьофа Смелого, с 15 гребцами по каждому борту, носила звучное имя «Элида», ее борта были обиты железом (см. сагу о нем, гл. 1).

Нередко упоминается так называемый *«длинный корабль»* (laangskip; ср. англосаксонский langscipu второй половины IX в. и еще раньше — langsckipy западных саксов). «Длинный корабль» — это техническое название военного судна, предназначенного для дальнего плавания и боевых действий. Именно такие корабли

[347] Ср.: Щиты на бортах боевых ладей (БЭН. Ст. 12).

[348] КЗ. С. 294. Шняка, шнека — букв. «улитка». Суда с таким названием были употребительны и у поморов на Русском Северо-Западе.

[349] ИС II:2. С. 168.

составляли основную боевую силу викингов во время их захватнических походов. Эти клинкерные острокилевые суда, с повышенной маневренностью у берега, могли двигаться в любую погоду. Имели весла и один или несколько прямоугольных парусов; команду составляли от 26 до 60 и более гребцов — матросов и воинов. Иногда такие суда брали до четырех смен гребцов, грузили лошадей, а в некоторых случаях также семьи предводителей викингов и имущество. И передвигались быстрее всех современных им кораблей. Имея малую осадку, «длинные корабли» могли заходить в неглубокие заливы, подниматься по рекам, приставать к любому берегу. А благодаря комбинации весел и парусов эти суда не зависели от силы и направления ветра и течения. Низкие борта позволяли, наклонив корабль, выводить из него лошадей, которых команда возила с собой, подвешивая на широких ременных петлях. Чаще, однако, на берег спускали сходни. Внешний вид корабля производил сильное впечатление своей декоративностью: на носу и корме — резные головы и хвосты зверей и драконов, надводные части бортов раскрашены[350], на них висят цветные щиты.

В сущности, военные корабли и торговые суда были однотипными, но различались по скорости и некоторыми особенностями оснастки. Так, в случае надобности боевой корабль мог перевезти и крупный рогатый скот, например быков. Если к берегу нельзя было подойти на расстояние, позволяющее перекинуть сходни, быков или лошадей выводили наклонив борт судна; при этом принимающему скотину человеку приходилось стоять по пояс или по плечи в воде[351].

Большие военные корабли обычно имели собственные имена, например: *Длинный Великий Змей.* Военный корабль короля Олава сына Трюггви именовался *Длинный Дракон*[352], короля Магнуса Доброго — *Великий Зубр.* Считалось, что *Великий Зубр* был «построен по приказу Олава Святого. На нем было более тридцати скамей для гребцов, на носу — голова зубра, а на корме — его хвост. Голова, хвост и их опоры были позолочены». Арнор Скальд Ярлов посвятил этому кораблю хвалебную вису[353]. В «Саге об исландцах» (гл. 195) говорится, что лучшим десятивесельником во всем Широком Фьорде был корабль *Высокий Борт* (Исландия, XIII в.).

В «Саге об Олаве Святом» описываются корабли воинства Кнута Датского (Старшего, Великого, Могучего, первая четверть XI в.). «У него было очень большое войско и огромные корабли. У него самого был такой огромный боевой корабль, что на нем умещалось шестьдесят скамей для гребцов. На штевне у него была золоченая голова дракона. У Хакона-ярла был другой корабль с сорока скамьями для гребцов. И у него на штевне была золоченая голова дракона. На обоих кораблях были паруса в красную, синюю и зеленую полосу. Надводная часть кораблей была покрашена,

[350] СОДВ. С. 105, 197 и прим. на с. 84. Ср. боевой корабль — «длинное судно» в ИС II:2. С. 24, 300, прим.

[351] Сага о Греттире. Гл. I.

[352] ИСИЭ. С. 129.

[353] КЗ. С. 389.

и вся корабельная оснастка была отличной. У него (т.е. Кнута Могучего. — *А.С.*) было и много других больших и хорошо оснащенных кораблей. Обо всем этом говорит [скальд] Сигват в драпе о Кнуте...» С этим войском Кнут приплыл из Англии в Данию[354].

Именно такие корабли с угрожающей головой дракона на штевне именовались *дракарами* (дракенами, драконами). Это был особый тип корабля, предназначенный главным образом для элиты — конунгов, ярлов, хёвдингов. Дракар был оснащен парусами и веслами, имел до 50 м в длину, 30 и более пар весел и экипаж свыше 100 человек. Съемная стилизованная голова дракона, откуда и пошло название корабля, придавала ему, по мнению язычников-скандинавов, магическую силу и устрашала врагов. Чтобы не гневить богов чужой земли, приближаясь к ней с мирными намерениями, а также при подходе к родному берегу голову дракона снимали[355]. Интересно, что в онежских былинах упоминается приказ строить корабль именно таким образом:

> …Нос, корму сводить по-звериному,
> Бока-то сводить по-змеиному,
> Вместо очей вставьте по яхонту…[356]

Вероятно, подавляющее большинство жителей побережья могли своими силами соорудить не только лодку-однодеревку без «нашитых» бортов, но и небольшое по размеру судно, сделать для него мачту, киль, весла и все, что необходимо[357].

Скандинавский военный корабль был легко узнаваем. Раскрашенные яркими красками головы драконов, полосатые паруса, разноцветные щиты, развешанные по бокам корабля, шлемы воинов, возвышающиеся над бортами, длинные весла — это было внушительное, красивое и одновременно устрашающее зрелище. Собственно, на такой эффект и была рассчитана вся эта раскраска.

Ближе к концу эпохи викингов и сразу по ее окончании, когда военные походы стали носить более всего государственный характер и возглавляться, как правило, правителями — королями и ярлами, сооружение военных кораблей превратилось в повинность прибрежных бондов (snaekkiolag, букв. «шняковое право»). Обеспечение корабля командой и припасами также возлагалось на бондов побережья, которые образовывали корабельный правовой округ — так называемый *скипслаг* (или шипслаг). Каждый скипслаг был обязан поставить не только сам корабль, но и его команду. И эта команда оказывалась мобилизованной в общее *военно-морское ополчение-ледунг*. Судя по областным законам, к XIII в. слово «ледунг» стало обозначать

[354] КЗ. С. 308–309.

[355] СОДВ. С. 107–108, прим. 85.

[356] Онежская былина / Сост. и науч. ред. Ю.М. Соколова. М., 1948. С. 560.

[357] См., например: ИСИЭ. С. 95.

одноименный налог, а скипслаг вписался в финансово-административное государственное устройство.

Но существовала и *профессия корабела,* который обычно возглавлял работу плотников при сооружении больших кораблей.

В «Саге об Олаве Трюггвасоне» описано строительство одного из больших дракаров — *Большого (Великого) Змея,* который сооружали по приказу и для нужд короля. Как обычно, корабль строили из дуба при помощи топора, которым корабелы владели виртуозно. Этот корабль «был много больше, чем все другие корабли, которые тогда были в стране, и еще долго сохранялся помост, на котором он строился. Строителя корабля звали Торбьёрг Строгала. Но многие другие помогали ему — кто прилаживал доски, кто тесал, кто забивал гвозди, кто подвозил лес. Все в корабле было очень тщательно сделано. Корабль был длинный и широкий, из крупного леса и с высокими бортами.

Когда делали борт корабля, Торбьёргу понадобилось по какой-то надобности сходить домой, и он там долго оставался. А когда он вернулся, борт корабля уже был готов. В тот же вечер конунг и с ним Торбьёрг пошли посмотреть, какой получился корабль. Все говорили, что никогда не видели такого большого и красивого корабля. Потом конунг вернулся в город.

Рано утром на следующий день конунг снова пошел к кораблю и с ним Торбьёрг. А мастера все уже пришли раньше, но не начинали работать. Конунг спросил, почему они не начинают. Они отвечают, что корабль испорчен: кто-то прошел от носа до кормы, рубя один из бортов косыми ударами. Конунг подошел и увидел, что это правда. Тогда он поклялся, что человек, который из зависти так испортил корабль, поплатится смертью, если он его найдет.

— А тот, кто мне назовет этого человека, получит от меня большое вознаграждение.

Тогда Торбьёрг говорит:

— Я могу сказать вам, конунг, кто это сделал.

— Ни от какого другого человека, кроме тебя, — говорит конунг, — я не мог бы ожидать, что он знает это и может мне сказать.

— Я скажу тебе, конунг, — говорит Торбьёрг, — кто это сделал. Это сделал я.

Конунг отвечает:

— Тогда ты должен сделать так, чтобы было все, как раньше. От этого зависит твоя жизнь.

И вот Торбьёрг подошел и отстругал борт так, что все косые рубцы исчезли. Конунг и все другие стали говорить, что корабль много красивее с борта, отструганного Торбьёргом. И конунг велел ему сделать то же самое с другим бортом, и сказал, что он ему очень благодарен.

Торбьёрг был главным корабельным мастером, пока корабль строился. Это был корабль с драконьей головой на носу и сделанный по образцу того *Змея,* которого

конунг привел из Халаголанда. Но он был много больше и во всех отношениях более тщательно сделан. Конунг назвал его *Великим Змеем,* а первый корабль теперь стал называться *Малым Змеем.* На Великом Змее было тридцать четыре скамьи для гребцов. Голова и хвост дракона были целиком позолочены, а борт так же высок, как на морских кораблях. Из всех кораблей, построенных в Норвегии, он был лучше всего сделан и потребовал наибольших затрат»[358].

Использовали викинги и заимствованный тип корабля — *галею.* Галеи были одним из основных типов судов в Средиземном и Черном морях, где скандинавы с ними и познакомились. Галея представляла собой длинный корабль с низкими бортами, который в основном двигался на веслах, но был снабжен и парусом. Так как он обладал хорошей скоростью и маневренностью, то использовался и как военное, и как транспортное судно[359]. В «Саге о Греттире» упоминается «грозный корабль Красного моря»; это, возможно, галея, но не исключено, что речь идет о судне другого типа — большом и неуклюжем *дромунде.*

В Гуталаге — законе сельского населения острова Готланд, — который, как известно, был принят в 20-х гг. XIII в. и отличался значительной патриархальностью, содержится гл. 36 «О присмотре за кораблем», довольно туманная во многих отношениях. Там говорится не только о типах кораблей, но и о присмотре за судном, когда оно в гавани или вытащено на берег. Глава выглядит так (курсив мой. — *А.С.*):

«О присмотре за кораблем этот закон. *Торговый корабль* ("каупскип"), который имеет 13 шпангоутов и 3 поперечные балки, о нем заботятся на берегу.

1. Но *бюрдинг* следует прикрепить колодой, или шпангоутом, или доской к дому, в котором народ спит. К этому должен быть замок и ключ, который носит хозяин или хозяйка; цепь не может быть длиннее трех звеньев, а четвертый — клин. Каждое звено должно весить две марки или тянуться через три шпангоута. И за море [человек] не отвечает[360].

2. Если кто-нибудь найдет *мюндрикью* без присмотра на берегу, то пусть тот, кто найдет ее, владеет ею как своей собственностью, если тот [владелец] находится не так близко, чтобы слышать его крик, если он [нашедший] прокричит 3 раза.

3. *Лодка* (bat, в других случаях baat — ладья? бот?) пусть будет не без (?) присмотра; пусть владеет ею тот, кто хочет (?). Если человек возьмет лодку [другого] человека у причала и поплывет на ней, то он платит так, как если бы он поехал на лошади [другого] человека».

Итак, помимо торгового корабля, тип которого здесь не обозначен, но можно предположить, что речь идет о крупном купеческом корабле, Гуталаг называет еще другие типы плавучих транспортных средств — бюрдинг и мюндрикью. Видимо,

[358] КЗ. С. 151–152.

[359] КИ. С. 344.

[360] Судя по этой статье, хозяин или хозяйка спали неподалеку от корабля либо их жилье вообще было на побережье. В этом отношении текст не ясен.

это небольшие грузовые судна, описать которые я не могу. Судно под названием бюрдинг фигурирует и в сагах. За всеми этими кораблями должен быть присмотр. И только если привязанное по всем правилам судно уносит море во время волнения, лицо, присматривающее за ним, ответственности не несет (п. 1). Также не несет ответственности тот, кто воспользовался «бесхозной» лодкой[361]. Несомненно, суда, упомянутые в «Законах гутов», так или иначе были в ходу по всей Балтике еще до времени записи Гуталага. Наряду с лодками упоминаются *челны.* В той же «Саге о Греттире» говорится о «лодке лендрмана», на которой гребли с двух бортов и которая имела по 15 гребцов с каждой стороны, т.е. вмещала более 30 человек команды (гл. XVIII); очевидно, речь здесь идет именно о ладье.

В рунических надписях фигурируют также средние по величине корабли — *кнары (кноры, кнорры)*[362], которые также предназначались для плавания по морю. Считается, что они получили широкое распространение на Балтике с конца XIII в. и позднее, по мере расцвета союза северонемецких купцов — Ганзы. Однако получается, что скандинавы начали строить и покупать такие корабли специально для торговли гораздо раньше. Широкие борта, сочетание весел и парусов, хорошая грузоподъемность и устойчивость делали эти корабли удобными для перевозки грузов. Ходили они преимущественно под парусом и были так просмолены, что их называли «черноватыми». Специальных скамей («банок») для гребцов на них не было, и гребцы сидели на своих сундучках[363]. В сагах тоже говорится о кнаре как о торговом корабле для морского плавания. Такие кнары экспонируются в музеях города Роскилле (Дания) и Хедебю (будущий Шлезвиг, Германия)[364].

Торговыми или *купеческими кораблями* называли клинкерное острокилевое парусное грузовое судно свыше 10 м длиной, с высокими и широкими бортами. Такие торговые судна, предназначенные для длительных морских переходов, хорошо изучены по находкам в том же Роскилле. Один из больших «купцов», шедший с грузом с Востока, погиб в бурю у юго-западного побережья Финляндии[365].

Но были еще и суда, приспособленные именно для перевозки грузов. *Грузовые суда* — уже упоминавшиеся бюрдинги, как правило торговые, были найдены на морском дне у берегов Дании (у Роскиллефьорда) и около некоторых других торговых городов. Обычно у торговых кораблей длина судна относилась к ширине как четыре к одному. Команда состояла из 3–12 человек. На берег или с берега на корабль товары перевозились в лодках или на *баржах,* а по мелкой

[361] GL, 36. Byrding — небольшое грузовое судно; myndrickja — судно по размеру меньше бюрдинга, но больше лодки, небольшая ладья. Относительно этих типов кораблей см., в частности, примечания издателей Гуталага — К.Ю. Шлютера, О. Хольмбека, Э. Вессена.

[362] Сага об Ингваре. С. 407 (очерк о рунических надписях Е.А. Мельниковой).

[363] ИС II:1. С. 348.

[364] Сага об исландцах. Прим. 540.

[365] СОДВ. С. 58–59. В мифологической «Саге о Хервёр» упоминаются два корабля под названием *askar*, которые стояли на якорях (IMS. S. 26) Объяснение этого названия я не нашла.

воде — на лошадях (!)[366]. В сагах упоминается такая весельная «лодка», в которую для переезда на новое место жительства погрузили все имущество и домочадцев[367]. В другом случае такой переезд совершил — из-за страха перед местным хёвдингом — богатый купец на двух кораблях[368].

О грузовых торговых кораблях неоднократно говорится в «Саге об исландцах». Например, о том, что в 1217 г. из Бергена в Трандхейм, т.е. вдоль норвежского побережья Атлантического океана, вышли шесть грузовых судов, которые по дороге утонули вместе со всеми людьми. В другом случае (гл. 82) говорится о корабле *Длинное Копыто* и большой грузовой или паромной *ладье* (что можно понимать и так, что существовали также средние и малые паромные ладьи). Купцы, имеющие торговые корабли, приобретали и паромные ладьи, с помощью которых товар перемещался на мелководье, откуда его перегружали на лошадей для дальнейшей транспортировки или переносили в портовые склады на набережной. Упоминаются также «паромное весло» и «*плот* из плавникового леса». На последнем либо перевозили людей, либо он служил способом перемещения древесины[369]. При торговом корабле обычно имелась и спасательная шлюпка[370].

Что касается грузовых паромов, или, как они называются в сагах, *паромных ладей,* то упоминаний о них немало. Например, в «Саге об Ароне сыне Хьерлейва» рассказывается о большой паромной ладье, которая хранилась в сарае некоего человека[371]. Снорри в «Круге Земном» упоминает о ладье с 15 скамьями для гребцов, нагруженный необходимыми припасами и шатрами. В «Саге о Херде и островитянах» говорится о таких специализированных судах, как «большая плоскодонная ладья для перевозки грузов». Паромная ладья могла вместить до 40 человек[372].

В сагах упоминаются также боты и лодки для рыбной ловли и охоты на морского зверя, в частности «четырехвесельная *тюленебойная лодка*»[373].

Корабли в гавани стояли на якорях. Если пристань была близка и удобна, с судна на берег протягивали сходни[374].

Наряду с хозяином корабля особое положение на нем занимал *кормчий* или *стюриман* (styrimaðr), а позднее шкипер (скепаре, шепаре), который и по названию должности, и фактически зачастую был главой команды (gubernatores nauium латиноязычных источников). Шкипер, кормчий, стюриман мог быть *впередсмотрящим,*

[366] СОДВ. С. 58–59; с. 102–103, прим. 68. О существовании таких методов подвоза грузов к кораблю свидетельствует и ковер из Байё.

[367] ИС II:2. С. 24.

[368] ИС II:1. С. 252.

[369] Сага об исландцах. С. 78, 107, 127.

[370] Там же. Прим. 450.

[371] ИС II:2. С. 259.

[372] Сага об исландцах. С. 105.

[373] ИСИЭ. С. 479.

[374] IMS. P. 26; ИСИЭ. С. 95.

а нередко и рулевым. На более или менее крупном корабле кормчий никогда не садился на весла. Стюриман-кормчий вел корабль, управляя его ходом, назначал охрану корабля на стоянках и участвовал в разбирательстве нарушений, допущенных во время плавания[375]. Обычно во главе команды стоял преданный владельцу корабля человек. У норвежского короля Харальда Прекрасноволосого кормчим был его раб Коль[376]. «Опытный кормчий» — такого кормчего упоминает «Беовульф» (ст. 1800) — зачастую служил и лоцманом. На более скромном судне командой руководил его владелец.

В сагах много упоминается о кормчих, об их привилегированном положении на корабле, о том, как представители власти — обладатели мощных кораблей и предводители больших походов — ценили кормчих. Иногда высокопоставленные особы держали хороших кормчих, невзирая на их дурную личную репутацию. Дракаром Ульвкелля Сниллинга из «Саги о Хальвдане Эйнстейнссоне» правил берсерк Ивар Баггуль, «величайший негодяй», а его брат, «самый большой силач», был знаменосцем конунга. Похвалу хорошему кормчему можно встретить даже в рунических надписях, например: Гуннлейв «был убит на востоке с Ингваром... Он мог хорошо вести корабль ("управлять кораблем" — knari stura)»[377]. Или: «Он один владел кораблем и вел [его] на восток[е] в войске Ингвара»[378]. Не случайно в Дании должность кормчего издревле была наследственной.

В «Саге об Ингваре Путешественнике» говорится, что в тех местах, где корабль не мог пройти, корабельщики рыли канал, иногда работая месяцами[379]. В других случаях, как уже упоминалось, судно перетаскивали в иной водный бассейн, обычно расположенный относительно недалеко, волоком или на руках. Также упоминалось, что для плавания вблизи Скандинавии нередко приходилось брать особого лоцмана, обычно потомственного морехода, знатока каменистых берегов, усеянных шхерами[380], прибрежных вод и фьордов, либо местного жителя. Тем более это было необходимо, когда большое морское судно заходило в фьорд или поднималось вверх по реке. В «Беовульфе» упоминается такое «...судно грузное, по мелководью сюда плывущее из океана...» (ст. 240).

Внутри корабля было мало удобств. Палуба отсутствовала. Большие суда у носа и на корме оснащались небольшими помостами, которые давали преимущество при защите корабля и защищали вещи от воды. Для того чтобы укрыться от непогоды и уберечь содержимое корабля, в нем устраивался *шатер*[381]. Люди

[375] UL pr. 1:1; Kg 11:1, 12 pr.

[376] СОДВ. С. 50–51.

[377] Сага об Ингваре. С. 407. № 16; Ср.: Up 654.

[378] Сага об Ингваре. № 18; Ср.: Up 778.

[379] Сага об Ингваре. С. 259.

[380] Стоит напомнить, что шхера — это маленький скалистый островок.

[381] Сага о Греттире. Гл. XXII.

имели при себе и спальные мешки. Весла, уключины и места для гребцов тщательно проверяли и охраняли, о чем говорится и в шведском Упландслаге. Вот на таких кораблях и плавали викинги. Корабль для скандинавов, как уже отмечалось, был не просто необходимым средством передвижения, не только «морским конем» — такое образное его наименование встречается в произведениях скальдов. И не только ценным имуществом. Он был их вторым домом, в известном смысле и важным средством поддержания жизни. Не случайно из всех видов имущества, которым они владели, именно корабль претерпел со времен Тацита самые большие изменения, приобретя большие размеры и совершенную для своего времени оснастку — подлинную корабельную революцию. Благодаря усовершенствованному кораблю отважные северные мореплаватели смогли сыграть такую заметную роль в европейской истории рубежа первого и второго тысячелетий, открыть и заселить новые острова, пересечь Атлантику и высадиться на восточном берегу Америки. А их путешествия, в свою очередь, стимулировали совершенствование «морского коня».

Некоторые общие наблюдения

Очевидно, что для скандинавов мореплавание, пиратство и торговля, во-первых, зачастую сливались в одно общее дело. Во-вторых, далеко не всегда это было занятие только отдельных людей или групп населения. Для массы бондов, не говоря уже об элите общества, дружинная служба в молодости, эпизодическое пиратство, как и эпизодическая торговля, были вполне обычными занятиями, позволяющими им расширить свои владения, увеличить или сохранить имущество, утвердить или приобрести известность, почет в обществе. Эти занятия были важными факторами социальной эволюции, формирования новой или закрепления сложившейся общественной структуры. Поскольку для таких занятий требовался корабль и вообще какие-то первичные средства, торговые и пиратские экспедиции, как и поездки за данью, зачастую возглавлялись состоятельными, знатными людьми, а в экспедициях «на паях» — представителями верхушки бондов.

При разделе добычи или прибыли учитывался статус главы мероприятия, который получал самую большую часть добытого. Поэтому захваченные богатства *усиливали прежде всего элиту общества*, способствовали увеличению разрыва между ней и основной массой населения, что имело большое социальное значение и политические последствия. Не случайно в «Песни о Риге» говорится о конунге, который благодаря своим успешным войнам смог приобрести несколько усадеб, что было уже большим и «устойчивым» богатством в Скандинавии того времени.

Конечно, рядовой участник той или иной экспедиции в случае ее успеха также наживался. И если он был предусмотрительным человеком, то мог повысить свой статус. Судя по сагам, такой путь пополнения элиты, которая, в соответствии со

своим положением правителей и воинов, постоянно редела из-за войн и междоусобий, был вполне закономерным.

Выгоды торговли, грабежей, отчасти и территориальных захватов на Балтике были очевидными для людей саги: можно было обогатиться, не отъезжая далеко от дома. Но это обстоятельство было очевидным и для скандинавов нескольких последующих столетий. Не случайно с XII в. начались менее известные широкому читателю, но весьма значительные для судьбы всего региона Северные крестовые походы, которые организовывались королями, благословлялись римскими папами и проходили под знаком креста в Прибалтике и на финно-карельских территориях.

ВАЖНЫЕ ЗНАКИ ПРЕСТИЖА В МИРЕ САГИ: ОРУЖИЕ, КОНЬ, ОДЕЖДА

Рассматривая занятия скандинава и повседневную жизнь хутора, легко убедиться в том, что в ряде случаев собственность имела не только практическое значение как средство обеспечения жизни, но и играла важную *знаковую* роль, прежде всего в определении места человека в обществе. Природная особенность региона и связанных с ней занятий населения были таковы, что обычное рукотворное недвижимое имущество (тогда — строения как таковые) не имело значимой цены. Землевладение хотя уже приобрело в эпоху викингов важное значение, но лишь постепенно и не повсюду становилось главным определителем социального положения человека. Чтобы считаться и реально быть бондом, можно было не иметь заметного земельного владения, вполне достаточно было владеть наследственным участком земли (одаль, арв) с хутором и крупной движимостью. Таким достойным внимания движимым имуществом были скот, корабль, сокровища (монеты, слитки драгоценных металлов, изделия из них), дорогое оружие и дорогая, особенно парадная одежда. Владение таким имуществом давало возможность свободному и оседлому скандинаву входить в разряд не только полноправных, но и привилегированных, знатных хозяев и являлось знаком этого статуса.

Люди хорошо представляли себе величину и характер земельных владений ближних и дальних соседей, размер их стад и качество их кораблей, какими лошадьми и каким оружием те владеют и в какой одежде могут «выйти в люди»; зная биографии соседей и их родственников со времен прадедов, примерно представляли себе и то, много ли у того или иного бонда накоплено сокровищ.

Подобно тому, как число *своих* не только реально оберегало скандинава, но и было предупредительным знаком его влияния, наряду с инструментальной и ментальной значимостью корабля, весь внешний вид человека, оказавшегося в публичном месте, обозначал его статус в незнакомом обществе, а в окружении знакомых этот статус подтверждал. Поэтому, принимая гостей или приезжая в гости, тем более при сватовстве, на тризне и на свадьбе, участвуя в общем собрании-тинге, пире и в любом общественном мероприятии, люди саги придавали очень большое значение своему внешнему виду.

По определению полноправный скандинав, владелец одаля (арва) был *воином*, поэтому при появлении в общественном месте его вид определяли прежде всего *оружие* и *верховой* конь, а затем *одежда* и *украшения*. Каждый человек саги, будь то мужчина или женщина, стремился появиться на людях с сопровождающими, нарядно одетым, сидя на племенном коне, а мужчина — еще и с драгоценным оружием.

Часто саги начинали рисовать образ своих персонажей именно с их внешнего вида, к которому относился и их верховой конь. Именно об этих, столь ценимых элементах достояния и достоинства скандинава пойдет речь в данном очерке.

Оружие и воинское снаряжение

Понятно, что в условиях редко прекращающихся военных предприятий, а также повседневных столкновений, по большей части рано или поздно разрешавшихся насильственным путем, мужчины почти постоянно держали наготове, *при себе* необходимое оружие и очень большое значение придавали также боевому снаряжению. «Песнь о Хледе» (ст. 2) из «Старшей Эдды» говорит о человеке, который «*родился* с ножом и мечом и с резвым конем» (курсив мой. — *А.С.*). «Сага о Хервер» повторяет древнюю мысль о том, что человек родился с уже выкованным оружием, скотом и боевым конем.

Самые ранние сведения о вооружении северных германцев и их отношении к оружию снова находим у Тацита, в его труде «О происхождении германцев» (гл. 6, 13, 18). Он отмечает, что германцы вооружены всегда и практически не расстаются с оружием. Историк рассказывает, что у них в ходу копья, которые называются «фрамеи», и дротики, причем копья они применяют не только в ближнем бою, но и могут искусно метать. И что оружие у них считается особенно ценным даром. Сведения Тацита вполне применимы к эпохе викингов, с учетом того, что *военный арсенал* скандинавов к началу этого периода, а затем во время самих походов значительно расширился и обогатился.

Поэма «Беовульф», возникшая как раз накануне регулярных походов викингов или в их начале, буквально переполнена упоминаниями оружия, о котором говорится с почтительным восторгом и которое часто со вкусом описывается. Там воспевается «*родовое оружие*» (ст. 2300): «щиты широкие» и «щиты золоченые»; копья из ясеня, мечи; «кольчуги железные, / грозные шлемы, / длинные копья»; меч и кольчуга работы легендарного кузнеца Вёлунда; меч с витой рукояткой; меч, на лезвии которого изображен один змей, а другой змей хвостом обвивает рукоятку; кольчуга — «сеть, искусно сплетенная в кузнице», которая «искрилась» на солнце, и просто «сеть железная», «сеть нагрудника»; шлем с шишаком, спасающим от острого меча; просто кольчуга; «щиты на бортах /боевых ладей/» и др.[382]

Поэма сообщает:

> ...ратнику нужен покров нагрудный,
> хранящий в сечах мечедробящих
> сердце от раны, жизнь от смерти,

[382] Беовульф. С. 9, 12, 400, 450, 1030, 1424, 1500, 1540 и др.

и шлем сверкающий нужен воину...
кров надежный, увитый сетью
и золотым вепрем увенчанный...
меч с рукоятью, старинный Хрунтинг,
лучший из славных клинков наследных
(были на лезвии, в крови закаленном,
зельем вытравлены узорные змеи);
в руке героя, ступить решившегося
на путь опасный, на вражью землю,
тот меч не дрогнет — не раз бывал он,
клинок остреный, в работе ратной.
(ст. 1440–1464)

Свой меч Беовульф в случае гибели собирался передать в достойные руки — «сильному мужу»[383] (ст. 1488–1489).

О «родовом оружии» источники говорят и через сотни лет после «Беовульфа». Например, в «Саге о Греттире» (гл. XVIII) очень влиятельный и богатый Торфинн, один из норвежских наместников (лендрман), имел «родовой меч». В поэме упоминается «клинок — наследие древних гигантов»; герой увидел его в пучине, достал, но в руках у него клинок расплавился: «истлила лезвие... кровь ядовитая врагов человеческих» (ст. 1560, 1600, 1610). Но вообще в качестве творца необыкновенного по прочности и красоте клинка и столь же прекрасной кольчуги «Беовульф» называет легендарного Велунда (ст. 400–450). В мифологии древних германцев он — искуснейший волшебник-кузнец, аналог античного Гефеста-Вулкана, хромец, который ковал бесподобные мечи и другое оружие, а также разное воинское снаряжение из металла (ср. ст. 458). Посвященная ему «Песнь о Велунде» одна из древнейших в «Старшей Эдде»[384]. Там Велунд назван сыном «конунга финнов», которые, согласно скандинавским поверьям, были самыми искусными волшебниками. А о Велунде сказано, что «он был искуснейшим человеком среди всех людей, известных нам из древних сказаний». Он изготовлял в своей кузне не только оружие, но и украшения — золотые кольца с «каменьями», «нагрудные пряжки», а также оковывал серебром черепа врагов, превращая их в дорогие кубки. Кроме того, он умел летать «на крыльях»[385].

Но вернемся к исландским сагам. Вот как был вооружен один из состоятельных исландцев. У него было копье *Серый клинок,* стальной шишак (т.е. шлем), старинная секира, украшенная [драгоценным] металлом (?), по имени *Звезда,* с петлей,

[383] БЭН. С. 99.

[384] Песнь о Велунде // БЭН. С. 242–247.

[385] Там же. Ст. 5, 18, 21, 25, 29, 34.

за которую ее держали, а также броня *Доверитель,* не пропускающая удары копий. Там же упоминается еще одно копье — «старинное и не вполне закаленное, украшенное драгоценным металлом»[386]. Кроме того, в сагах упоминаются ручные *метательные ремни* (для метания камней), а на рисунках той эпохи фигурирует также *лассо.*

В сагах описание оружия, его достоинств и применения занимает значительное и значимое место. Надо сразу сказать, что ношение оружия вовсе не было правом, привилегией или показателем принадлежности того или иного лично свободного скандинава к особому воинскому контингенту или к высшим социальным группам. Все свободные мужчины-хозяева, т.е. все бонды, были так или иначе вооружены, разумеется, в соответствии со своими материальными возможностями. *Всеобщая вооруженность народа* (свободных мужей) — отличительное свойство общественной жизни тогдашних скандинавов, которая необычайно ярко отражена в сагах.

Оружие занимало особое, почетное место в доме бонда. Оно висело на стене зала или содержалось в специальном запертом чулане, хозяин старательно чинил и чистил его, а сыновей с раннего детства учил им владеть. Находясь в доме, сидя, например, на лавке в зале, хозяин-бонд сплошь и рядом держал свой меч на расстоянии протянутой руки. А уж из дома бонды выезжали безоружными очень редко, даже когда ехали с проверкой на выпасы. Если при них были сопровождавшие их лица, то и те, включая работников, были вооружены, скорее всего хозяйским оружием[387].

По обычаю мужчины также носили на шее нож, которым пользовались и во время еды. Как правило, скандинавы были хорошими *лучниками* («Сага о Курином Торире»). Для себя и для челяди бонды предпочитали копье, *секиру* или *топор*. «*Оружием бондов*» называет «Сага о Магнусе Слепом и Харальде Гилли» (гл. XI) щит, шлем и секиру. «Народное оружие» — копье, меч, секиру или тесак, щит, кольчугу и шлем — разрешалось носить с 18 лет. При этом шлем мог быть войлочным, такой колпак надевали и под металлический шлем. Состоятельные люди, дружинники королей и, разумеется, сами правители непременно носили самое дорогое оружие — мечи, иногда и по два. Готовясь к бою, для защиты корпуса надевали броню: *кольчуги*, толстые фуфайки из металлических и кожаных пластин, стеганые (из нескольких слоев льна, конопли) жилеты. У Эйвинда Погубителя Скальдов в его песни «Речи Хакона» читаем:

Сидели мужи, / Потрясая сталью,
Пробиты кольчуги, / И щиты посечены...
Каждому ратнику / Должно беречь
С честью копье и кольчугу[388].

[386] Сага об исландцах. Гл. 138.

[387] Впрочем, ниже (в части 5) приведен и такой интересный факт, как наличие собственного меча у слуги-раба.

[388] КЗ. С. 86–87. О кольчуге также см.: Там же. С. 83, 192; ИСИЭ. С. 491 и мн. др.

Кольчуга короля Харальда Сурового (из саги о нем, гл. XCIII) носила имя *Эмма*. Она была ниже колен, и «ее не брало никакое оружие»[389].

Судя по «Саге об исландцах», в XIII в. под броню надевали поддевку, шею закрывал «ворот стального шишака» (гл. 55). Вместо амуниции могли обильно обмотать себя пряжей, в которой вязло оружие (гл. 59). Встречается упоминание о том, что, оберегая шею от ударов меча или секиры, надевали войлочный ворот и/или вшивали в воротник роговые пластины.

Мечи, особенно ценные по качеству клинка и украшений, одухотворялись и подобно хорошим кораблям имели собственные имена, их уподобляли змею, притаившемуся в ножнах, считали первейшим сокровищем. Меч Беовульфа — «каленый» *Нэглинг* (Острый, Режущий). Упоминается имя и другого меча Беовульфа — *Хрунтинг* (Пронзающий)[390]. Торольв Могучий сын Скольма, который сражался вместе с конунгом Хаконом Добрым (упоминается в «Саге о Хаконе Добром» и ряде других саг), имел меч по имени *Фетбрейд*[391]. Мечи *Фотбит* (Ногорез) и *Скавнунг* упоминаются в «Саге о Магнусе Голоногом», «Саге о Ньяле» и «Саге о людях из Лососьей Долины»; *Бастард* — в «Саге о Магнусе сыне Эрлинга». Подаренный скальду Эгилю меч *Драгвандиль* и меч самого Эгиля, добытый в Курляндии, *Ехидна*, фигурируют в «Саге об Эгиле»; *Фъяревавнир* (Усыпитель Жизни) — в «Саге о Ньяле»; мечи *Серый Клинок* и *Пламя Битвы* — в «Саге о Гисли»; меч *Брюньюбитр* (Прокуси броню) и *Бронерез* — в «Саге о Стурлунгах». О мече *Тюрфинг* говорится в «Саге о Хервер», «Саге о Хейдреке» и в «Песни о Хледе», согласно которой его выковали карлики по заказу некоего короля[392]. Меч *Вефреянаутр* упомянут в «Саге о Стурлауге Трудолюбивом Ингольвссоне»; мечи *Ридиллъ* и *Грам* — в «Саге о госте Норне». Тот же *Бронерез,* а также *Негодяй* названы в «Саге об исландцах», и там же говорится о мече *Морж* (гл. 130) и о мече Стурлы Тордарсона *Котенок* (гл. 144), который не раз передавался из рук в руки. На лезвиях славных мечей нередко вырезали или вытравливали (рунами) имя владельца или знак победы (sigr).

Все подобные мечи имели обычно богатую историю, их дарили, передавали по наследству, похищали, отвоевывали в битвах; о них слагали легенды. Например, известный по ряду саг меч *Бронерез* был вывезен из Константинополя (Миклагарда саг). И позднее, бывало, убивали человека, чтобы завладеть его мечом[393]. Одним из способов опасного колдовства было умение «затупить меч», например во время сражения.

Скандинавские, особенно исландские и норвежские, мечи ценились низко, так как их железные клинки были тогда плохого качества и гнулись; для прочности

[389] КЗ. С. 458.

[390] Беовульф. С. 1456.

[391] КЗ. С. 84.

[392] БЭН. С. 706.

[393] Сага об исландцах. Гл. 32. 1215 г.

на них наваривали еще одно лезвие[394]. Воины, вооруженные ими, были вынуждены осваивать технику боя с двумя мечами или с мечом и ножом («двойное оружие»), но вообще по возможности приобретали импортные клинки. Качество шведских мечей было выше, ведь там давние традиции металлообработки опирались на обилие ковких железных руд высокого свойства (с большим содержанием фосфора). Но и в Швеции стремились приобрести импортный, чаще всего франкский меч. Впрочем, археологи предполагают, что часть франкских мечей, обнаруженных в скандинавских могильниках эпохи викингов, в частности из раннего норвежского города Скирингссаль (будущий Каупанг), на самом деле были подделкой, т.е. изделиями искусных местных кузнецов, тех же шведов, которые, чтобы поднять цену, стилизовали их под изделия франков.

В ходу были традиционный длинный двухлезвийный скандинавский меч *сверд*; короткий, двухлезвийный, удобный в ближнем бою *скальм*; тяжелый однолезвийный *сакс,* — возможно, импортный[395]. Были и другие наименования (или типы?) мечей. На их ножнах крепились «завязки мира» владельца меча[396], которые завязывались на время тинга и на время пребывания в капище (позднее в церкви), поскольку в этих местах меч обнажать не полагалось[397]. В остальное время, как уже подчеркивалось, владельцы меча держали его под рукой; а в поездки нередко надевали и амуницию; предусмотрительность такого рода спасла жизнь не одному персонажу саг. Не раз упоминается в балладах и служит темой для средневековых скандинавских изображений танец воина с обнаженным мечом или среди мечей.

Была популярна у скандинавов и *секира,* которая тоже иногда имела собственное имя, например *Хелъ* (имя богини смерти и подземного царства — «Сага о Магнусе Добром»), или *Погибель Ярлов.* От XIII в. дошли сведения о секирах *Жучка, Радость Мерн, Кабаниха* и принадлежавшей одно время Стурле Тордарсону секире Дроплаур[398]. Это оружие было нескольких видов[399]. Хорошей считалась секира широкая, с длинным лезвием из заточенной стали, тонким и острым, закаленным от обуха до конца лезвия и без наварки. Это было действенное оружие, особенно если секира имела крюк наподобие гарпуна. Обухом секиры били, как колуном[400], крюк можно было использовать при нападении на корабли или чтобы стащить

[394] Технология изготовления хорошего меча была сложной. Сначала выковывались железные прутья определенной толщины и длины и их перевивали между собой. Затем изделие попадало под молот, который превращал его в плоскую цельную заготовку. На нее с обеих сторон наваривались пластины листового металла. Без такой основы меч гнулся, не обладал должным весом и, соответственно, убойной силой.

[395] СОДВ. С. 111, прим. 115.

[396] Ср.: Сага об исландцах. Гл. 32, 172.

[397] ИСИЭ. С. 66.

[398] Сага об исландцах. Гл. 32 (и прим. 509), гл. 59, 179. Между прочим, имя Дроплауг носила героиня одной из родовых саг.

[399] КЗ. С. 385.

[400] ИС II:2. С. 258 (Сага об Ароне сыне Хьерлейва. Гл. VIII).

противника с лошади. Богатые люди могли себе позволить позолоченную секиру[401]. Использовали также боевые топорики-алебарды: как скандинавские (kesja), так и, чаще, импортные (atgeir). А для охоты на медведя брали особую «медвежью» алебарду (bjarnsvida). Упоминаются *булава* (gaddakylfa)[402] и, неоднократно, обычная *дубина*.

Копье (haullspiot, höggespjot, geir) делали с оперением; оно имело длинный и острый наконечник, с острыми же краями, и прочное, толстое древко[403]. «Доброе копье» должно было быть тяжелым, возможно, это был вид алебарды, т.е. копья с крюком. «Рогатое копье» описано в «Саге о Греттире», упоминается в «Саге о Ньяле», «Саге о людях из Лососьей Долины» и в других сагах. Наконечник копья крепился к древку гвоздем. Судя по «Саге о Греттире», перед броском гвоздь вынимали, чтобы тот, в тело которого летело и даже попало копье, не послал его обратно. Там же (гл. XLIX) говорится о «добром копье» Стурлы сына Торда, потерянном в побоище, которое долго искали и нашли много позже смерти владельца, в самом конце XIII в. Показательно, что сага сочла возможным посвятить этому событию особый абзац — так ценилось хорошее оружие. Копье *Серый Клинок* побывало у многих людей, которые его наследовали или захватывали в бою («Сага об исландцах», гл. 39).

В «Саге об Эгиле» (гл. LIII) имеется интересное описание копья, которое сделано в связи с воинским снаряжением знатного и богатого Торольва. Торольв имел при себе большой и толстый щит, прочный шлем, у пояса меч по имени *Длинный*. В руке он держал копье с наконечником в два локтя (?!)[404] и «четырехгранным острием сверху». Наконечник был широкий, втулка длинная и острая. Длина древка была такой, что стоящий мужчина мог едва дотянуться до наконечника. Древко оковано железом, с втулкой его скрепляет шип. Такие копья называли «кол в броне»[405]. Приехав к деду-конунгу в Ирландию, богатый исландец Олав Павлин, служивший дружинником у норвежского короля, явился к нему одетым «в броню, на голове у него был позолоченный шлем, на поясе меч, рукоятка которого была украшена золотом, в руке — копье с крючком, которым [копьем] можно было также и рубить, с великолепными украшениями на наконечнике; перед собой он держал красный щит, на котором был нарисован лев («Сага о людях из Лососьей Долины», гл. XXI)[406].

---

[401] КИ. С. 512.

[402] СОДВ. С. 109, 11, прим. 94.

[403] ИС II:1. С. 122, 176.

[404] Средневековая мера длины *локоть-альн* (aln) составляла от 48 до 52 см. Названная в саге длина лезвия копья удивляет, но либо авторам саг было виднее, либо они «приукрасили» копье Торольва.

[405] ИС I. С. 158.

[406] Там же. С. 295. Впрочем, лев, нарисованный на щите, является, как справедливо отмечают издатели этой саги, для X в. — явный анахронизм, допущенный в XIII в. создателем ее письменного текста. Такой же анахронизм (щит со львом) имеет место в «Саге о Ньяле». Анахронизмом является и описание щита с изображением оленя.

Копье имело и известное символическое значение. Например, когда одного из видных персонажей хоронили в кургане, вдова просила не класть в могилу копье покойного, а передать его будущему *мстителю*[407].

Саги говорят также о *тесаках,* один из них назывался *Сокровище Туми*[408]. Метательным оружием служили *камни,* их использовали также и для того, чтобы, как говорится в сагах, «крошить» щиты или стены осажденного дома[409].

У Снорри упоминаются также *луки.* Судя по «Саге об исландцах» (гл. 124, 1237 г.), луки и стрелы использовались и в XIII в. Так, «Торлейв метко стрелял из легкого лука, перед ним держали щит». Из этого текста также следует, что были еще тяжелые луки. В битве применяли также *«метательные дротики»* и *остроги* (они же — копья с крюком?)[410], а в других сагах говорится про *ручной лук и самострел, «метательные орудия»,* в том числе *«ременное копье»* (возможно, тот же метательный дротик, но более длинный?)[411].

Большое место в снаряжении скандинава занимал *нож.* Мужчины постоянно носили нож на шее, он использовался и как оружие на охоте, и в бою, и как столовый прибор, который всегда был при себе. В «Видении Гюльви», входящем в «Младшую Эдду», упоминается человек, принадлежащий к дому местного конунга, который «играл ножами так ловко, что в воздухе все время было по семь ножей[412]. Такое умение достигается только длительной тренировкой, и, конечно, она входила в число игр молодых людей в то время, когда они учились обращаться с оружием.

Щиты были как продолговатые, так и круглые (так называемый «тарч»). Обычно их раскрашивали яркими красками или украшали изображениями из накладного металла, иногда драгоценного. Продолговатые щиты делались длиной в рост воина. На щите относили погибшего воина к месту захоронения. Удар мечом в щит означал вызов на бой. Знаки на щите имели опознавательное значение, а цвет мог служить вестником: красный — войны, белый — мира. Щитами украшали внутренние стены жилого дома и борта кораблей.

Боевое оружие и воинскую амуницию серебрили и золотили, снабжали накладками из драгоценных металлов и камней, делали насечки, в том числе рунами[413], что должно было придать оружию особую силу. Украшали и ножны. Наличие оружия демонстрировало постоянную *готовность* владельца к бою, а его отличное качество и богато украшенный вид служили признаком *высокого статуса* владельца и вызывало уважение и зависть. Неудивительно, что ради такого оружия люди были

[407] Там же. С. 572.
[408] Сага об исландцах. Гл. 45, 53.
[409] Там же. Гл. 155.
[410] КЗ. С. 395.
[411] СОДВ. С. 60–61.
[412] ИС II:2. С. 116, 120.
[413] КИ. С. 100.

готовы пожертвовать многим из своего имущества, выдержать весьма опасные схватки, ведь обычно победителю доставалось оружие побежденного. В сагах есть и описания случаев, когда ради дорогого оружия грабили могильный курган, что считалось большим грехом.

Лошади

В хозяйстве в качестве тягловой силы скандинавы использовали преимущественно волов либо тяжеловозов, которых в сагах называют «кладеные кони» — скорее всего мерины. Сохранилось изображение такой лошади на осебергской ткани: лошадь везет четырехколесную крытую повозку и прикреплена к ней перевязью вокруг живота. Уздечки нет. Кольцо вокруг рта животного с вожжами — это «водилы».

Но лучшие кони были верховыми — незаменимое средство личного передвижения и опора воина в битве. Таких лошадей специально обучали ходить под седоком и понимать приказы хозяина. В последнем случае тренировкой для них служили, возможно, «бои коней» — одна из любимых и жестоких забав скандинавов. Каждый бонд считал долгом чести выехать «в люди» на хорошем коне, владение которым служило его образу, его статусу хозяина дома и воина.

Хорошие кони в обществе скандинавов ценились высоко. Состоятельные хозяева иногда приобретали и разводили племенных лошадей (например, у одного бонда была «отличная племенная кобыла»)[414] и тщательно о них заботились (ср.: «изрядно откормленные» кони). Герой «Саги о Хромунде Хромом» имел пять таких отличных лошадей (их у него украли)[415]. Судя по «Саге о Храфнкеле», да и по другим повествованиям, у владельцев хороших лошадей были особые любимцы, на которых запрещалось садиться кому-либо, кроме хозяина, иногда даже под страхом смерти. Даря любимому брату свое «добро», в том числе «сотен 20» серебра, дарительница превыше всего оценила «ожерелье и коня Черногривого»[416]. Верхового коня, отправляясь в гости, наряжали: надевали красивое, «крашеное», даже «золоченое» седло, такие же уздечки и т.д., красивую попону; использовали для его украшения ленты, бубенцы. Упряжь украшали дорогими бляхами и цепями, фигурками зверей. В поэме «Беовульф» говорится о «ратной упряжи» боевого коня.

Верховой ездой владели не только мужчины, но и женщины[417]. На лошади ездили повсюду, даже по не слишком важному делу к соседу, потому что человек, прибывший к кому-либо пешком, считался совсем незначащим посетителем, а тем более просителем: его принимали гораздо скупее, небрежнее, чем конного, с ним намного меньше считались («Сага о Ньяле», гл. CXXXXIV). Выражение типа «люди спешились»

[414] Сага об исландцах. Гл. 170.
[415] ИС II:1. С. 113.
[416] ИСИЭ. С. 448.
[417] ИС I. С. 406.

встречается в сагах постоянно. О лошади, лошадиной крови говорится и когда речь идет о магических обрядах. В разной связи упоминаются уздечка, седло, подпруги, зимние подковы, шпоры («Сага о Гисли», гл. XII; «Сага об исландцах», гл. 112 и мн. др.).

Наряд и его значение

Описание одежды скандинавов нередки в фольклоре, обычно они связаны с характеристикой персонажа. Один из редких примеров находим, например, в «Песни о Риге» («Старшая Эдда»). Принимая божественного гостя в своих покоях, знатная женщина — жена ярла и мать конунга — красуется перед ним, поправляя свою дорогую и нарядную одежду и тем привлекает к ней его внимание. Об одежде говорится и в «Речах Высокого» (ст. 49), и даже в Гуталаге[418]. Правило «принимают по одежке» безотказно действовало в том обществе, где обычай и нравы прямо обязывали людей уделять повышенное внимание не только оружию и верховой лошади, но также одежде и украшениям. Саги часто описывают внешний вид главных персонажей, подчеркивая соответствие или несоответствие их одеяния и украшений статусу семьи и обстоятельствам момента. Описания позволяют определить ассортимент наиболее распространенной одежды в эпоху викингов, особенно в кругу элиты.

И женщины и мужчины тщательно наряжались и носили украшения, которые не так уж кардинально различались между собой. И в те времена существовало понятие *моды*. Так, Снорри Стурлусон в «Круге Земном», рассказывая об ярле Эрлинге (сюжет начала XII в.), замечает, что тот одевался «по-старинному: носил длинную безрукавку, куртку и рубашку с длинными рукавами, вальский[419] плащ и очень высокие сапоги. И так же заставлял одеваться конунга (Магнуса, 1102–1184), пока тот был молод. Но когда конунг обрел самостоятельность, то стал одеваться нарядно»[420], т.е. следовал моде. Разумеется, в неформальной обстановке мужчины и женщины одевались в зависимости от ситуации и своего характера и в то, что им было удобно.

Одежда изготовлялась преимущественно дома — из льна, конопли, шерсти, кожи, меха. Это было рукоделие женщин. Возможно, мужчины делали обувь, но сведениями об этом, полученными из саг, я не располагаю.

Работая дома или на сеттере, во время охоты или рыбной ловли все люди надевали удобную повседневную одежду. Ее шили из сермяги, грубой шерсти и холста; так, один персонаж, богатый человек «вышел из бани в банной шапочке (!) и холщовых одеждах». О сермяжной одежде говорится в «Саге о Греттире» (гл. XVII) и многих других. Мужчины носили узкие или широкие, длинные или укороченные (в разных странах и районах по-разному) холщовые штаны, которые держались на бечевке или

[418] GL. B. 144, № 2, 3.

[419] Возможно, валлийский? уэльский?

[420] КЗ. С. 574.

сыромятном шнурке и завязывались сзади[421], а также колпак, похожий на шлем, зауженный кверху. Женские штаны должны были завязываться спереди, но у женщин это была нижняя одежда, которая, возможно, не всегда и надевалась. Постоянно замужние женщины носили платья, одеяния типа сарафана с широкими бретелями и с накидкой, юбки с кофтой или рубашкой. Голову покрывали платком или чепчиком, девушки ходили с распущенными волосами и украшали волосы лентами, невесты убирали волосы в сетку. Упоминаются также повседневная холщовая рубаха с широкими рукавами на завязках и «плащ из простого сукна»[422]. Кошель (с деньгами) и ключи привязывали к поясу[423]. При пеших переходах использовали рюкзаки или заплечные мешки.

«Простое сукно», скорее всего грубое, было, как и большинство тканей, домашнего изготовления. Такое сукно в более поздних (с XIII в.) скандинавских материалах фигурирует под названием «вадмаль» и было не только широко распространено в Скандинавии, но вывозилось, в частности, на Русь (рус. «вотола»), а также служило одним из мерил стоимости при платежах. Плащ из вадмаля был очень теплым и удобным, в дождливую погоду он впитывал влагу. Такой плащ был «серым», т.е. некрашеным.

О белье в сагах не говорится, лишь однажды встретилось упоминание о подштанниках, но уже в «Саге об исландцах» (гл. 138).

Одежда мужчины и женщины различалась, и обмен одеждой между ними не только не был в обычае, но всячески осуждался. Так, вырез рубахи у мужчины и женщины должны были разниться по размеру: у женщины вырез был большой, открывающий верхнюю часть груди, а у мужчины — маленький. Носить одежду другого пола было не принято. Мужчины смертельно оскорблялись, если их обвиняли в «женоподобии», хотя бы из-за платья. Поэтому, надев женскую кофту, некий персонаж сумел скрыться, обманув осадивших его хутор врагов, которые не могли даже представить себе возможность такого поведения[424]. В другом случае мужчина, надев по рассеянности рубаху с большим вырезом, подсунутую коварной женой, был ею опозорен и вынужден дать ей желанный ею развод. Потом эта женщина расстроила брак своего любовника, указав ему, что его жена носит штаны по-мужски, завязывая их сзади и заправляя в сапожки[425]. В Гуталаге упоминается «мужской и женский пояс» (XX:2), т.е. и здесь соблюдались различия.

Защитой от холода всем и повсюду служил плащ, длинный или короткий (treyja)[426], также с пристегивающимися рукавами и иногда с кушаком. Упоминается

[421] Сага об исландцах. Гл. 105.

[422] См., например: ИСИЭ. С. 482–484.

[423] Сага об исландцах. Гл. 138.

[424] Там же. Гл. 46.

[425] См. об этом подробнее в части 3 (о супружестве).

[426] Холщовые рубаха и штаны, а поверх всего наброшен синий плащ — такова каждодневная одежда бонда (КИ. С. 304 и мн. др.). Сканд. обозначение плаща сходно с франц. «труайя».

шерстяная поддевка и шуба из козьей шкуры; Носили одежду из кожи, в том числе штаны, рубахи, платья и плащи…[427] В «Саге об исландцах» фигурирует «лоскутный плащ», с капюшоном из шкурки ягненка (гл. 49 и 97), насколько я помню, не упоминаемый в родовых сагах. В «Саге о Греттире» присутствует «пятнистый плащ», возможно, что это и есть плащ «лоскутный», т.е. составленный из кусков ткани или меха разного характера и цвета. В более ранних родовых сагах такая вещь не упоминается и вообще не вполне ясно, что имеется в виду.

В «Саге о Херде и островитянах» говорится, что люди снашивали много *обуви,* так как ходили по каменистой земле. Необходимо отметить, что тогда и в Западной Европе еще не знали подметок, поэтому немудрено, что подошвы быстро снашивались, даже если были сделаны из нескольких слоев грубой кожи, а их владелец ходил не по камням, а по траве. Обычно обувь делали из прочных шкур, прежде всего бычьих, упоминаются башмаки из акульей кожи[428], а также из тонкой, телячьей, что было дорого. Обувь держалась на завязках. Нередко ее скрепляли сыромятными ремнями, которые обвивали ногу и завязывались выше щиколоток. Зимой на обувь привязывали шипы для безопасного передвижения по льду[429]. Башмаки и сапоги разной высоты надевали на носки или обмотки.

Вообще в сагах основные сведения касаются одежды состоятельных людей, причем одежды парадной. Хозяйка зажиточного гарда надевала традиционное длинное суконное платье, шапочку, нередко бархатную, с длинной кисточкой. Все это было отделано серебряной или золотой нитью, вышивкой, металлическими бляшками, аппликациями или изысканными позументами. В некоторых районах женщины предпочитали белую блузку с сарафаном или юбкой, при этом блузку отделывали домашними кружевами, а шерстяные одеяния — позументом. Поверх женщины надевали еще и нарядный передник, а плечики сарафана украшали (или скрепляли) круглыми брошами — фибулами.

Позументом отделывали и мужскую одежду. Так, в богатых могильниках раннего шведского города Бирки (IX–X вв.) найдены один кафтан из кожи и 12 кафтанов из текстиля, богато украшенных серебряными и золотыми позументами, орнаментами и т.п. О кафтанах в сагах не говорится, но зато говорится о куртках[430], возможно, это одно и то же.

В Дании женщины покрывали голову красивым чепчиком или цветным платком. Любили тканые и вышитые яркие пояса. На богатых мужских и женских поясах закрепляли множество блях из бронзы или драгоценных металлов. На поясе

[427] СОДВ. С. 148–149.

[428] ИСИЭ. С. 478, 498.

[429] Сага о Торстейне Белом. Гл. VIII; Сага об исландцах. Гл. 152.

[430] Сага об исландцах. Гл. 179. В могильниках Бирки (IX–X вв.) обнаружены кафтаны двух видов: до колен и ниже колен (Hägg, 2007, fig. 524, 716 o.f.a, p. 116–117), но в сагах говорится о куртках вообще, что, возможно, обозначает одну и ту же одежду.

хозяйка носила ключи от сундуков и кладовых (вспомним «Песнь о Риге»!), ножницы, иголки с нитками. Мужчины-норвежцы поверх длинных узких штанов надевали короткую куртку, название которой явно французского происхождения — кьертиль. Мужчины и женщины повсюду носили жилеты, плащи с капюшонами. В Швеции льняные, шерстяные и вязаные ткани расшивали красными, зелеными и желтыми нитками. Мужчины носили льняные рубахи и длинные свободные штаны, заправленные в носки или перетянутые завязками у щиколоток[431]. В Исландии носили куртки из тюленьей кожи, кожаные штаны, в холодную погоду — плащи и сапоги, подбитые мехом (например: «темно-синий плащ и ботинки из телячьей кожи, подбитые мехом или же меховые с обеих сторон»). Носили суконные или меховые шапки. Так, «на Торкеле была русская меховая шапка (!) и серый плащ, скрепленный у плеча золотой пряжкой»[432]. Золотая пряжка здесь, конечно, упомянута потому, что она искупает дешевую ткань плаща такого состоятельного человека, как Торкель.

В исторических музеях Швеции и Дании экспонируются реставрированные женские платья эпохи викингов, обнаруженные в могильниках. Они сделаны из грубой шерсти, вполне современно сшиты по фигуре, с рукавами и расширяющимся подолом, и окрашены в одинаковый темно-бордовый цвет. Вероятно, при этом использовались местные красители. В музее при археологическом факультете Упсальского университета, организованном в свое время известным проф. Альмгреном, демонстрируется фигура скандинавского воина в одежде, воссозданной на основе находок в некрополе города Бирка. На нем шаровары типа казацких, облегающий казакин с кушаком, на голове лихой колпак, при нем рукавицы, которые на Руси известны сегодня как «варежки» (варяжки!), и нож, который скандинавы называют «русским», а русские — «финским» (финкой)[433].

Намного выше, чем предметы одежды из простой домашней ткани натуральных цветов, ценились цветные, «крашеные вещи». В основном красители были привозными, вероятно, ими красили и домашние ткани, из которых дома же шили хорошую одежду. Готовые цветные качественные ткани и нарядную одежду из них скандинавы получали в качестве даров или захватывали в порядке грабежа во время походов викингов в Европу, привозили из посещаемых ими стран, в том числе через Русь из Византии[434], покупали у приезжих купцов. В сагах специально подчеркивается, что тот или иной человек одет в крашеное платье, пользуется «привозной тканью» или крашеными вещами, например: одет «в дорогой плащ», «одет в синий плащ поверх рубахи и холщовые штаны», «одет в синий плащ и сидит

[431] ИС I. С. 326, 655; ИС II:1. С. 136, 175, 177, 351–357 и мн. др.

[432] Сага о Гисли. Гл. XVIII.

[433] О «варежках» и «финке» я рассказала автору книги о древней Бирке проф. Альмгрену, и он был немало удивлен.

[434] СОДВ. Прим. 103.

на крашеном седле», одет в «алый плащ» (skarlakan шведских баллад), сидит на «золоченом седле». Темно-синяя верхняя одежда, особенно плащи, упоминается в сагах нередко.

Другое дело, если всадник одет «в серый плащ и *похож на бонда*» (в данном случае, очевидно, на крестьянина. Курсив мой. — *А.С.*)[435] — замечание, которое очень точно отражает связь одежды со статусом человека в мире саги.

Судя по этим и многим подобным замечаниям, одежда небогатого человека и даже простолюдина среднего достатка, а также, вероятно, будничная, рабочая одежда состоятельных хозяев, как уже отчасти говорилось, была продуктом домашнего производства и имела цвета исходного материала. Зато окрашенной, опушенной мехом, отделанной золотой и серебряной нитью, шитьем и любимыми в Скандинавии позументами одежде, которая сделана весьма искусными руками, саги уделяют особое внимание. Но и стоила такая одежда очень дорого. Один человек даже выменял свою землю *Моржовый Мыс* на приглянувшийся ему «пятнистый плащ с капюшоном»![436]

Внук ирландского (малого) короля и сын богатого, знатного исландца Олав, прозванный за щегольство Павлином (о нем не раз говорилось выше), сватаясь к знатной и капризной девице, явился к ней в пурпурном одеянии, в золотом шлеме и с мечом, подаренным дедом[437].

Богатый наряд Халльгерд («Сага о Ньяле») состоял из голубой суконной накидки, под которой было надето ярко-красное платье с серебряным поясом[438]. «Все богато одеты», «одеты по моде» были люди конунга Олава Святого, приехавшие на пир[439]. Дружинники конунга в норвежском городе Конунгахелла поражали своими богатыми «привозными одеждами»[440]. Роскошный подарок представлял собой наряд, «сплошь украшенный тесьмой и скроенный из новехонькой алой материи», да еще и красный плащ к нему[441].

В «Саге об Эйрике Рыжем» (гл. IV) дается описание одежды прорицательницы Торбьёрг, специально приглашенной на торжество. «На ней был синий плащ, завязанный спереди ремешками и украшенный камушками до самого подола. На шее у нее были стеклянные бусы, а на голове черная смушковая шапка, подбитая белым кошачьим мехом. В руке она держала посох с набалдашником, оправленным желтой медью и уложенным самоцветными камушками. Пояс у нее был из трута, а на поясе висел большой кошель, в котором она хранила зелья, нужные для ворожбы.

[435] ИС I. С. 49.
[436] Сага о Греттире. С. 18.
[437] ИС I. С. 303.
[438] Там же. С. 407 и сл.
[439] КЗ. С. 182.
[440] ИС I. С. 447.
[441] КИ. С. 509.

Она была обута в мохнатые башмаки из телячьей кожи, и на них были длинные и крепкие ремешки с большими пряжками из желтой меди. На руках у нее были перчатки (?) из кошачьего меха, белые и мохнатые изнутри». Наряд Торбьёрг был, безусловно, богатым, но не роскошным.

А вот замечательное описание внешнего вида одного из героев «Саги о людях из Лососьей Долины» — Болли, который вернулся из Норвегии в Исландию на своем корабле в сопровождении многих норвежцев. Он «привез с собой большие богатства и много драгоценностей, которые ему подарили высокопоставленные люди», в особенности «король Миклагарда» (император Константинополя. — *А.С.*). Он «так привык к пышности», что и в Исландии продолжал носить одежды «из пурпурных и дорогих тканей, и все его оружие было украшено золотом». Его одиннадцать спутников были в пурпурных одеждах и сопровождали его по стране, сидя на позолоченных седлах. На Болли был «пурпурный плащ, а за поясом у него был меч *Фотбит*. Его крестовина и навершие были украшены золотой резьбой, а рукоятка украшена золотой нитью. На голове... золоченый шлем, а на боку красный щит, на котором был изображен золотой рыцарь. В руке у него было копье, как это принято в других странах. В таком *рыцарском одеянии* Болли ехал на запад, в родную округу», и по дороге все женщины, бросив свои дела, только и смотрели «на его великолепие»[442].

Однако бывало и по-другому. «Самая богатая женщина Исландии» Халльвейг дочь Орма ехала на лошади, одетая в темно-синий тулуп «из лоскутов», и несколько лоскутов было повязано у нее на голове, заменяя ей головной убор. Сопровождал ее только один человек. Встретившись с ней, Снорри сын Стурлы ухмыльнулся, удивленный ее неподобающим видом[443].

Образец своего рода «спецодежды» — одеяние скороходов: мужчины Хени и женщины Хекьи, о которых говорится в «Саге об Эйрике Рыжем» (гл. VIII). Они были одеты в балахоны с капюшоном, по бокам которых были разрезы, без рукавов, с «закрепкой» между ногами в виде пуговицы и петли. «Больше на них ничего не было. Эту одежду они называли “бьяваль”».

Изготовление одежды в домашних условиях было обязанностью женщин. Долгими зимами они сидели за прялкой, ткацким станом или с иголкой — шили, вышивали на пяльцах, в том числе расшивали ткань или одежду золотом (ср.: «Сага о Велсунгах»), нашивали на нее целые картинки из другой ткани, плели красивейшие позументы[444].

На йоль (праздник Нового года) было принято надевать новое нарядное одеяние.

---

[442] ИС I. С. 436–437 (курсив мой. — *А.С.*).

[443] Сага об исландцах. Гл. 49.

[444] КЗ. С. 218. Ср.: Hägg. P. 125 o. a.

Украшения

Украшения, особенно браслеты, кольца, нашейные гривны или ожерелья, носили скандинавы обоего пола, а их стоимость определяла степень состоятельности владельца.

Очень ценились украшения из благородных металлов — кольца с дорогими каменьями и без них, броши, застежки, булавки, пряжки, ожерелья и бусы, поясные и одежные бляшки, браслеты («обручья»), нашейные гривны и цепи. Ценились и бытовые предметы из благородных металлов, например серебряные ножницы и игольник у женщины, серебряный нож с костяной резной рукояткой у мужчины и т.п. В украшениях, как и в одежде, соблюдались известные традиции. Во всяком случае, поясная пряжка из позолоченной бронзы, обнаруженная археологами в древнем городке Хельге (неподалеку от Бирки, озеро Меларен, Швеция), имеет аналоги среди скандинавских украшений, изготовляемых на протяжении нескольких следующих столетий, хотя позднее бронза заменяется железом или вещи делаются целиком из благородных металлов. Пряжка лежала вместе с остатками деревянной шкатулки, декорированной узором из серебра, и, судя по его «звериному стилю», она тоже была скандинавского происхождения[445]. Все бывшие в ходу украшения за немногими исключениями, такими как ожерелья или предметы для рукоделия, охотно носили состоятельные мужчины, особенно знатные. Кольца и браслеты были не только почетными, но и ценными подарками короля своему дружиннику или скальду, а одного знатного человека — другому представителю знати, в котором хотелось бы иметь союзника.

Украшения поступали в Северный регион благодаря грабежам викингов в европейских странах и торговому ввозу. Но и в самой Скандинавии были хорошие ювелиры. Отчасти они подражали иностранным, в частности франкским образцам, но особенно успешно делали традиционные скандинавские украшения: витые нашейные гривны, одежные бляхи, фибулы-застежки и броши, с характерным узором животного или мифологического характера. Поскольку в Скандинавии своих запасов благородных металлов не было, местные мастера обычно переплавляли на украшения зарубежные монеты из них. Украшениями нередко становились также сами монеты из серебра и намного реже попадавшиеся монеты из золота, которые носили как подвески, прикрепляли в виде блях, в качестве украшения к праздничной одежде, к мужским и женским поясам и к рукоятям дорогого оружия, делали из них ожерелья. Некоторые хозяева, обладавшие кузнечными навыками, могли и сами сделать простое, не очень замысловатое украшение. Дорогие украшения упоминались в завещаниях, передавались по наследству, женские — из поколения в поколение, от матери к дочери, от бабки к внучке.

Драгоценные украшения, вообще драгоценности, наряду с запасами серебряных монет, а также весового серебра (золото было редким) являлись одним

[445] KVHAA Ärsbok 1963. Fig. 26. S. 92.

из основных составляющих богатства, зачастую основным движимым имуществом в мире людей саги. Притом надо учесть, что драгоценности и те же монеты были предметами, несравненно более удобными для транспортировки или сохранения, чем, например, скот, не говоря о корабле. Кроме того, драгоценности, за некоторыми, особо оговариваемыми исключениями, были менее связаны с личной и родовой честью, чем оружие, которому было не принято покидать пределы рода. Драгоценные вещи, золотые и серебряные монеты были главной добычей, которую старались захватить викинги, чтобы дома выменять, например на землю, либо тайно спрятать про запас в земле своего гарда. Нередко драгоценностей было так много, что для их хранения требовался сундук. Такими богачами были, например, знатный Скаллагрим, а потом его сын, скальд Эгиль («Сага об Эгиле»).

Драгоценности являлись одним из обычных в Скандинавских странах и вообще на Балтике безмонетных *средств платежа* и обмена. Характерные витые гривны и браслеты оценивали по весу и использовали как в торговле, так и в качестве богатых даров. Говоря о том или ином человеке, который получил в подарок браслет, кольцо или какую-нибудь другую драгоценность, сага часто подчеркивает вес этих подарков. Желая наградить своих воинов, король или вождь дарил им драгоценные браслеты и кольца. Во время пиршеств он зачастую разламывал тяжелые, по 200 г и более, браслеты пополам и презентовал половинки своим дружинникам. Восхваляя того или иного правителя за щедрость, скальды обязательно говорили, что он «ломал (разламывал) браслеты», т.е. одаривал своих людей серебром.

Есть прямые указания саг и на то, что драгоценности были приняты в качестве щедрого дара богам.

Некоторые наблюдения

Оружие, богатая одежда, конь, дорогие украшения, так же как скот или корабль, были весьма желанными приобретениями; они представляли хорошо заметные внешне и очень важные черты образа скандинава, создаваемого сагами, и в то же время признаками его статуса. Из-за них совершалось много преступлений, они являлись объектами вооруженного грабежа и одновременно были очень ценными дарами, вручение которых означало приглашение к дружбе и призыв к верности. Традиция подобного дарения (конечно, всякий раз разного по размеру и ценности) была широко распространена в эпоху викингов. Такое дарение подтверждало обычно высокое общественное положение дарителя не только в глазах одариваемого лица, но и во мнении общества.

Часть 3

МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ, ДЕТИ

СУПРУЖЕСТВО, СОЖИТЕЛЬСТВО, ЛЮБОВЬ[1]

Отношения между мужчиной и женщиной — одна из гендерных тем, которые неизменно привлекают внимание медиевистов в последние десятилетия. В сагах положение мужчины и женщины и их взаимоотношения в различных жизненных ситуациях особенно отчетливо выявляются через сюжеты и реплики, которые относятся к любви, браку, супружеским и внутрисемейным, а также внесемейным интимным отношениям между мужчиной и женщиной.

Как известно, саги не щедры на описания чувств, они выражают их главным образом через непосредственные действия персонажей, иногда сопровождая их краткими, но выразительными репликами самих персонажей либо причастных к событию лиц и очень редко — автора. При всем том внимательный читатель саги ощущает мощное биение страстей в сфере отношения полов, которое выплескивается за скупой текст диалогов и реплик.

Мир саги — это прежде всего *мир мужчин.* Именно рассказы об их действиях, описания их характеров, их портреты наполняют тексты саг. Это несомненное обстоятельство сразу же выявляет принципы отношения полов в сагах. Саги и, особенно, скальдическая поэзия чаще всего говорят о женщинах через их отношения с мужчинами, как в семье отца или мужа, так и вне семьи. Но можно встретить и текст, посвященный женщине как личности, главным образом при характеристике девушки брачного возраста или плохой жены. И совсем мало в сагах *прямых данных* о правах женщины. Каково же было реальное положение женщин в мире саги? И как складывались отношения между ними и мужчинами? Именно этим проблемам посвящен предлагаемый очерк.

Некоторые предварительные данные и соображения о положении женщины

Женщина обладала статусом своего отца или законного мужа. Она находилась под властью (или «покровительством», лат. мундиум) владельца гарда, где проживала, и не обладала правоспособностью в полном объеме, так что ее положение в обществе представляется приниженным. Модель отношения к ней отражена в кеннингах скальдических стихов: если мужчина представлен в них как воин и герой, то женщина — как жена и щеголиха (см. часть 8, кеннинги).

[1] Первый, краткий вариант части данного очерка, а именно «Супружество в мире исландской саги», опубликован в альманахе «Адам и Ева» (М., 2006. № 11).

Тем не менее из контекста тех же саг следует, что в реальной, повседневной жизни скандинавскую женщину охраняло широкое правовое поле, а ее функции и возможности на практике выходили за «женские пределы». Такое положение вещей подтверждают и находки археологов. Кроме того, они демонстрируют, например, естественное (половое) *разделение труда* между мужчиной и женщиной. Так, совершенно очевидно, что владение оружием и изготовление его, как и вообще кузнечные работы, были исключительно прерогативой мужчин. В женских захоронениях часто можно обнаружить предметы, предназначенные для прядения, ткачества и шитья, реже — кухонную утварь и орудия, связанные с занятием сельским хозяйством. Однако подчас там находят и такие вещи, которые свидетельствуют даже о мужских занятиях женщин. Зато данных о занятиях мужчин «женскими делами» ни в сагах, ни в некрополях нет. Более того, согласно сагам, публичное приравнивание мужчины к женщине, уличение или огульное обвинение его в «бабстве», «женоподобии», как говорилось выше, было тягчайшим оскорблением, которое влекло разбирательство на тинге и/или личную месть.

В своем гарде глава семьи работал, как уже отмечалось, наравне с другими мужчинами и тщательно контролировал жизнь хутора. О богатом Ульве говорится, что он «был хорошим хозяином», и это утверждение разъясняется вполне логично: «Он обычно рано вставал и обходил работы, или шел к своим ремесленникам, или же осматривал стада и поля» («Сага об Эгиле»)[2]. Но, занимаясь обычными делами, такими как отгон и забой скота, ловля рыбы, морская и наземная охота, заготовка корма, торговые и другие поездки и т.д., и выполняя общественные обязанности — принимая участие в тинге, в ополчении, охране побережий и др., — мужчина частенько и порой надолго оставлял свое хозяйство. В этих вполне обычных, привычных случаях вместо него оставался старший сын и/или жена хозяина. И при том, что женщины в сагах как бы пребывают в тени мужчин, те же саги свидетельствуют об их большой, подчас ведущей роли в жизни гарда, в отношениях с детьми и прислугой как в отсутствие мужа, так и при нем, особенно если он не отличался решительным характером.

Унн Мудрая из «Саги о людях из Лососьей Долины» сама управляла хозяйством, как и вдова Дроплауг из «Саги о сыновьях Дроплауг». И это естественно, поскольку в практике наследования в случае отсутствия прямых наследников мужского пола либо по желанию владельца недвижимости последняя переходила к женщине. И даже при взрослых сыновьях-наследниках, как это было в случае с вдовой Дроплауг, делами по хозяйству распоряжалась мать. Но и при муже женщина была в гарде весьма активной. Вот характерный отрывок: «Астрид идет утром к [своему мужу] Глуму, будит [его] и *велит ему* приготовиться к работе; говорит, что сенокос должен быть закончен сегодня»[3]. И даже жена очень достойного и всеми уважаемого Ньяля из саги

[2] ИС. I. С. 63.

[3] VGS. S. 14 (курсив мой. — *А.С.*).

о нем (гл. XXXVI) утверждала: «...я занимаюсь наймом людей не меньше, чем он (т.е. ее муж. — *А.С.*) сам». Известно, что некоторые женщины в отдельных случаях сопровождали мужей в деловых плаваниях, даже ходили в викинги, слыли воительницами и сражались рядом с мужьями[4]. Не случайно женщина-воительница вошла в эпос. В «Саге о Греттире», там, где описывается способ освобождения корабля от воды (гл. XVII), имеется упоминание о женщинах на этом (торговом) корабле: жена судовладельца Хавлида и «еще женщины». И, как говорилось выше, женщины путешествовали с торговцами в Булгар, на Волгу и в другие края. Однако в то же время женщина, как это следует из материалов данной части (см. ниже), не могла на тинге сама отстаивать свои владельческие права. Она должна была просить содействия тингмана-мужчины или, что уже совсем потрясает, подтвердить свои права на наследственную собственность при помощи «божьего суда» (см. выше о «доказательстве железом»).

Из этих примеров ясно, что повседневная практика скандинавского общества в сфере гендерных отношений подчас противоречила некоторым правовым моделям, установлениям в данной области; впрочем, это и не могло быть иначе. Впечатление о сагах как о «мире мужчин» при внимательном прочтении все же требует некоторого уточнения.

Интересна одна черта отношения северных германцев к женщине, отмеченная еще внимательным Тацитом. «Плена, — сообщает он, — германцы боятся больше для своих женщин, чем для себя». Поэтому, если плен грозит «благородным девушкам» из каких-то общин, «эти общины строже исполняют свои обязанности»[5]. В сагах нет сведений о женщинах или девушках — заложницах, а также о том, что скандинавы особенно боялись плена для своих женщин, ведь для мужчины-воина плен был не меньшим бесчестьем. Другое дело, что в сагах немало говорится о пленении женщин в результате войн, грабежей и набегов. Женщин и девиц, в том числе знатных («благородных»), захватив, продавали в рабство, насильственно превращали в жен, а чаще в наложниц; замужнюю женщину, опозорив ее, иногда возвращали мужу и т.д. И все это тяжело уязвляло пострадавших. Мне представляется, что за прошедшие со времен Тацита сотни лет положение вряд ли изменилось: женщины по-прежнему должны были обладать неприкосновенностью — если и не как своего рода собственность, то как свидетельство могущества мужчин, безупречного исполнения ими функций воинов-защитников.

Во время междоусобиц в среде бондов женщин не убивали, намеренно увечий им не наносили. Конечно, нападавшие не могли вступать в «сражение с женщинами», что, несомненно, было бы расценено как позор. Однако в семейной жизни рукоприкладство мужей по отношению к своим женам имело место, хотя, по моим впечатлениям, не было правилом.

[4] Об этом свидетельствует, в частности, легендарная «Сага о Норне-госте». См. также: КИ. С. 217.

[5] *Тацит*. О происхождении. Гл. 8.

Честь женщины внимательно охранялась, ведь это была честь дома, семьи. В каждом приличном доме следили за тем, чтобы никто, по выражению саг, *не портил* не только жену или дочерей бонда, но и его служанок. В этих случаях речь идет о чужих мужчинах, однако хозяина, который мог устроить в своем доме чуть ли не гарем, это не касалось. Например, когда Снорри Годи взял к себе на хутор вдовую сестру Турид и некто стал захаживать к ней и «портить ее», Снорри поспешил выдать ее замуж за Тородда, что было вдвойне разумно: Тородд был богат, а Турид, как выразительно говорится в саге, «нуждалась в опеке»[6]. В другом случае ссора с соседями разгорелась во многом из-за того, что «провожатые (челядь. — *А.С.*) соседа портят женщин [этого гарда], которых им не след трогать»[7]. «Хватание» женщин и прочие наносящие им бесчестье поступки, тем более прямое насилие, с XIII в. особо оговариваются в областных законах, в том числе в самом традиционном — Гуталаге[8]. Шведская «Хроника Эрика» (запись первой трети XIV в.), сообщая о законах правителя страны ярла Биргера середины XIII в., отмечает, в частности, его постановление (видимо, подтверждения обычая) о неприкосновенности женщин[9]. Многие детали саг убеждают в том, что и устное обычное право (а именно оно легло в основу кодифицированных законов скандинавов XII–XIII вв.) уже включало подобные положения.

В сагах умело хвалят или осуждают женщину или девицу, дают той или иной из них меткую характеристику, как, впрочем, и мужчинам[10]. Из этих оценок, часто подробных и всегда выразительных, следует, что в женщине, как и в мужчине, весьма ценились внешняя привлекательность и ум, сдержанность и чувство собственного достоинства, «умелость», гордость и обязательная для всех хозяйственность. Главной положительной чертой мужчины являлась *мужественность,* которая выражалась в воинской доблести, заботе об охране своей чести и независимости, стремлении к приращению имущества, в воинских и житейских умениях, в знании законов. Мужчине не подобало быть тщеславным, болтливым и хвастливым, слабовольным и лживым. В женщине ценилась *женственность,* и, кроме того, ее хвалили за верность, трудолюбие, полезные умения, экономное ведение хозяйства, покладистый характер и желание во всем помогать мужу, а осуждали за сварливость, строптивость, лень, легкомыслие и мотовство. Все это вполне здравые характеристики и требования, уместные во все времена!

Хотя в «Речах Высокого» многословно объясняется, что женщине нельзя доверять ни при каких условиях (ст. 84, 91–95, 102), из саг явствует, что мужчины

[6] ИС II:2. С. 63.

[7] Сага об исландцах. Гл. 33. С. 102.

[8] О суровом наказании, ждущем того, кто опозорит женщину и, тем более, ее изнасилует, см.: Гуталаг. С. 141–142, 160.

[9] Эти сведения, полученные из «Хроники Эрика», тем более ценны, что уникальны, так как ни документов, ни других указаний на принятие этого и других законов ярла Биргера не сохранилось.

[10] См., например: ИС II:2. С. 246.

частенько прислушивались к суждениям и советам жен. Лечением раненых и больных занимались именно женщины-лекарки, которым, таким образом, доверялась жизнь воинов. Говорится и об особой интуиции женщин, что позволяло им предвидеть будущее, толковать сны и приметы, — и им верили...

Проводя жизнь преимущественно в кругу семьи и дел своего подворья, женщина, в то же время, не была затворницей. Жены и девушки участвовали в пирах, сопровождали мужей на тинги и игры. Они были воинственными и жестокими мстительницами, некоторые из них надевали доспехи и участвовали в сражениях.

Особенности заключения брака и брачные отношения

Супружество воспринималось людьми саги как обычное, нормальное состояние людей, достигших брачного возраста, и в известном смысле их жизненная цель. Рассмотрим эти положения более подробно.

Вступление в брак было важно по многим причинам. Конечно, полюбившие друг друга молодые люди желали постоянно быть вместе, т.е. заключить брачный союз. Но и не испытывая чувства влюбленности, мужчина и женщина стремились к супружеству как нормальному состоянию для взрослого человека, необходимому условию его устойчивого положения в обществе, по существу — его полной социализации. Мужчине была необходима подруга и хозяйка, постоянный партнер в нелегкой жизненной борьбе, женщине — защитник и покровитель. Для обоих брак был актом как бы *окончательного взросления.* Женившись, мужчина имел право немедленно выделиться из отцовской семьи, завести собственное хозяйство, стать полным главой собственной семьи, домочадцев и имения, т.е. реализовать свою власть господина и распорядителя-домохозяина. Тем самым он переходил на *более высокую общественную ступень* и окончательно включался в социальный круг своего рода и в его социальную страту. Понятно также, что женитьба и замужество были неразрывно связаны с расширением круга *своих,* т.е. родственников и активных доброжелателей.

Мужчина, проводя зачастую много времени в походах и других делах за пределами дома, мог довольно долго оставаться вне брака, реализуясь в качестве воина-викинга или дружинника какого-либо вождя. Он устраивал свою сексуальную и бытовую жизнь с помощью ключниц, служанок и рабынь-пленниц, с их же помощью обретал радости отцовства и до известного предела мог не торопиться с женитьбой. Положение женщины было сложнее. Ведь оставшаяся вне брака женщина была обречена на жалкую роль приживалки и работницы в доме отца, брата или других родичей. Создание собственной семьи было для нее жизненно необходимо как единственный *достойный способ* занять в обществе солидное положение взрослой хозяйки и матери и законно делить постель с мужчиной — хозяином дома и ее

защитником. Поэтому, вероятно, в сагах нет упоминаний о взрослых и пожилых женщинах, которые вообще не побывали замужем, тогда как о холостяках сведений предостаточно; впрочем, все они, если не встречали преждевременную гибель, в конце концов находили себе жену.

Наконец, супружество было необходимо для получения *законного потомства*. В сагах много упоминаний о незаконных детях, и об этой стороне жизни людей саги еще будет разговор ниже. Но законные дети являлись безоговорочными наследниками родового имени, родовой чести, семейно-родового имущества, так как для их вступления в наследство не требовалось особого завещания отца. Кроме того, незаконное происхождение, как мы сможем еще убедиться, умаляло статус и мужчины и женщины, снижало их возможности при создании собственной семьи и т.д.

Интересно проследить, как осуществлялись *поиски брачных партнеров*. Сразу же отмечу, что критерии отбора были одинаковыми с обеих сторон, с поправкой, разумеется, на различие полов. И следует отметить также, что речь пойдет о браке между свободными людьми. Если же свободный человек заключал брак с лицом рабского состояния, он резко понижал свой статус, фактически становился изгоем в своем кругу[11]. Примечательно также, что если в родовых сагах нередко встречаются эпизоды, где рассказывается о процедуре сватовства и свадьбы, то «Сага об исландцах», как правило, ограничивается констатацией факта женитьбы или, много реже, замужества каких-то персонажей, не вдаваясь в подробности, что не позволяет проследить изменения в практике заключения брака после окончания эпохи викингов.

Невесту подбирали родители, родичи, воспитатели юноши, сообщая, что вотде там-то, в хорошей и богатой, тем более родовитой семье подросла пригожая, порядочная девушка, хорошая хозяйка. И юноша, судя по сагам, обычно говорил, что он готов к ней посвататься. Он обращался с просьбой к старшему родичу или другу поехать с ним к девушке, чтобы познакомиться с ней, а если она ему понравится, то и посвататься. Так, в «Вига-Глум саге», где довольно много говорится о сватовстве, будущий жених посылает сватами своего брата и друзей[12]. Только в некоторых случаях мужчина, обычно взрослый и имеющий положение в обществе, искал невесту и сватался к ней самостоятельно. Что касается девушек, то, если родители потворствовали своей дочери (о сыне в такой связи у меня сведений нет) и позволяли ей проявить свою волю в выборе супруга, она могла отказаться от нежелательного брака. В остальных случаях ее судьбу решал отец.

При выборе невесты и жениха принимались во внимание *репутация* их семьи и личная репутация. Как неоднократно декларируется в сагах, репутация и богатство являлись лучшим приданым и для юноши, и для девушки. Добрая слава семьи,

[11] О браке в среде слуг и рабов см. ниже, в части 5.

[12] VGS. S. 69.

ее богатство, знатность, честь были важнейшими составными частями репутации невесты, именно благодаря семье девушка могла считаться «одной из лучших партий»[13] или, наоборот, страдать от отсутствия хороших женихов. Принималась во внимание приятная внешность, включая умение нарядно одеться. Внешнее впечатление имело особое значение при первом знакомстве, особенно молодых людей, поэтому эпизодов, где описывается выигрышный наряд и привлекательная внешность юноши и девушки, которые знакомятся в связи с предполагаемым сватовством, в сагах немало. При этом имеется в виду, что они должны понравиться друг другу. О страсти или влюбленности речь не идет. При повторных браках эти обстоятельства вообще редко принимались во внимание, главными становились практические соображения разного рода: имущественное положение, статус, спокойный, покладистый характер супруга и т.п. Хотя эти обстоятельства были важными и при первом браке.

Как правило, браки заключались между семьями примерно одинакового имущественного положения и статуса, что и отмечается в сагах: «Он ровня невесте, поэтому можно выдать ее за него» («Сага о Ньяле», гл. XXXIV). Или так: «Все думали, что женщина, которую он просил, равна ему по происхождению», он вполне может на ней жениться[14]. Те же самые соображения оказывались решающими, когда дело касалось семейных достояний. Например, когда сватался Энунд Деревянная Нога, об этом сватовстве говорили, что все нормально: жених «родовитый и богатый движимым имуществом, но недвижимости мало»; и в приданое за невестой давали движимость, поскольку у тестя недвижимости тоже было мало («Сага о Греттире», гл. III).

При заключении брака богатство и родовитость могли уравновешивать шансы сторон. Сочетание же родовитости и богатства ставило невесту или жениха в весьма выгодное положение. Об этом нередко говорят саги, например: «Асдис слыла одной из лучших невест и по своему роду и по богатству» («Сага о Греттире», гл. XIII). Или: эта девушка «слыла одной из лучших партий из-за своей семьи, особенно матери»[15]. Офейг из «Саги о Греттире», отдавая дочь, еще «ребенка годами», за пожилого калеку Энунда, согласился принять предложение последнего («пошел [ему] навстречу»), поскольку знал, «как родовит он [Энунд] и как богат движимым имуществом» (гл. III). Сватаясь, представители жениха не скупились на похвалы в его адрес, особенно упирая на то, «что это человек знатного происхождения и что он занимает высокое положение»[16]. Если жених был слишком молод, не обладал достаточно хорошей репутацией или состоянием, родители невесты, она или он сам решали, что необходимо это положение исправить, т.е. обрести состояние и славу.

[13] Ibid. S. 7.

[14] Ibid. S. 69.

[15] Ibid.

[16] Ibid. S. 7.

Но были и другие случаи, когда путем брака можно было повысить свой статус или поправить расстроенное состояние. Тогда более низкий статус одного из будущих супругов компенсировался его состоятельностью, а высокий статус помогал путем брака получить богатство. Например, девушка из «Саги о Хёрде и островитянах» (гл. II) была много знатнее будущего мужа, но «ее выдали за него ради богатства». Или история брака знатного Снорри Стурлусона. До 19 лет он воспитывался и жил на хуторе Одди, у своего воспитателя Йона Лофтсона, затем у его сына Сэмунда, своего названого брата. Сам Снорри был «совсем нищим», как говорит сага, по вине его матери, которая «промотала 40 сотен [серебра]», оставленных ему покойным отцом. И вот «нищий» Снорри задумал жениться на Хердис, отец которой владел большим имуществом и, видимо, торговал, поскольку в числе прочего имел «восемь сотен сукна»[17]. Однако «сватовство было удачным», и «благодаря родне» свадьба состоялась[18]. Бывало и так, что богатство и/или слава претендента на руку гордой и знатной девушки как бы перечеркивали в глазах ее самой и родни сомнительность его происхождения, например незаконное рождение. Так получилось, в частности, с тем же Олавом Павлином, мать которого была рабыней-полонянкой (хотя и принцессой!), купленной его отцом на торге. И вообще путем заключения брака стремились, во-первых, прирастить имущество брачующихся (в том числе за счет приданого девушки, благодаря их совместной деятельности на благо семьи), а во-вторых, «прирастить знатность».

В тогдашних условиях, при всех разносторонних умениях каждого бонда, полноценное ведение хозяйства требовало наличия и хозяина, и хозяйки, которые выполняли положенные им функции. Отсутствие одного из них, например в случае смерти одного из супругов, особенно тяжело сказывалось на хозяйстве. При этом вдовцу было тяжелее, поскольку мужчины никогда не занимались женскими работами, тогда как женщины успешно справлялись со многими мужскими обязанностями. Но вообще, судя по сагам, вдовы, вдовцы и холостяки старались по возможности недолго обходиться без помощи партнера противоположного пола и вступали в новый брак.

Брак был средством расширить родственные и дружеские *связи*, совершенно необходимые в тех условиях. В «Саге о Гисли» (гл. II) «Скегни заводит с Торбьёрном разговор, чтобы им породниться через брак с Тордис», дочерью последнего: свойственник считался близкой родней, и через свойство по браку можно было войти в новый круг людей, увеличить число *своих*. Например: Торкель «был верным другом Асмунду Седоволосому, как и надлежит зятю. Он взял за правило каждую весну ездить на хутор Скала в гости» («Сага о Греттире», гл. XVI).

Брачные связи играли свою роль и когда возникала необходимость заключить мир между враждующими кланами, рассказы о столкновениях между которыми буквально заполняют саги. Пример этому — кровавая распря, которая возникла

[17] Сотня сукна — 100 локтей, т.е. будущий тесть Снорри имел около тысячи локтей сукна (примерно 500 м). Это очень много, даже если речь шла о домотканом сукне вадмале.

[18] Сага об исландцах. Гл. 10. 1199 г.

в Широком Фьорде из-за осквернения Поля Тинга. Заключенный мирный договор стороны скрепили браком[19]. Сватовство Гицура сына Торвальда к Ингебьёрг также было попыткой примирить их семьи: Гицур имел основания мстить Снорри, отцу Ингебьёрг, поскольку тот убил его старшего брата Бьёрна (1221 г.). Увы, как следует из этого и ряда других примеров, мир между враждующими семьями после свадьбы молодых нередко снова нарушался («Сага об исландцах», гл. 50–52, 1223 г.). Политические мотивы были особенно характерны, конечно, для династических браков, но и для союзов, заключенных в народной среде, они имели немалое значение.

Таким образом, брак в конце концов являлся сделкой, *соглашением,* в котором участвовали не столько будущие супруги, сколько их семьи, их «ближний круг», и в котором первое место занимали соображения целесообразности и взаимной пользы. Такой взгляд на супружество имел известные последствия. Так, хотя предполагаемые жених и невеста чаще всего не испытывали друг к другу откровенной неприязни (хотя в сагах, как увидим ниже, приводятся и такие случаи), но и любовь как основа для брака во внимание практически не принималась. Более того, брак по любви осуждается в сагах как безрассудный. Именно так оценивается влюбленность Гуннара сына Ньяля и Халльгерд («Сага о Ньяле»): брак между ними не приветствуется, поскольку это безрассудный брак по страсти. Любовь между женщиной и мужчиной должна рождаться в браке, быть его результатом как *аст* (ast) — глубокая привязанность и верность супругов. Поэтому троим другим своим сыновьям Ньяль сам подбирает невест. Не случайно ниже, где приводятся примеры большой любви между мужчиной и женщиной, почти все они касаются супругов.

Другое практическое последствие такого взгляда на брак как на семейно-родовое соглашение — это сравнительная редкость *умыкания* девушки, даже с ее согласия, влюбленным молодым человеком, если ее родители не давали разрешения на их брак. Такое умыкание описано в «Саге об Эгиле». И хотя убежавшие молодые люди затем по всем правилам совершили брачную церемонию, они уже не могли жить среди своих близких: их сопровождали презрение и вражда, так что в конце концов молодая пара была вынуждена уехать далеко от родных мест. Вообще, брак без согласия родителей, родни был позором для всей семьи, и скандинавы, дорожившие родовой честью чуть не больше, чем жизнью, редко решались преступить этот порядок.

Из всего предыдущего ясно, что при выборе супругов для своих детей семьи, да и сами молодые люди стремились к тому, чтобы «не прогадать». Естественно, что брак самостоятельного хозяина-бонда с рабыней, даже отпущенной на волю, считался унизительным для него. Однако жизнь многообразна. И саги показывают, что любовь все же преодолевала предрассудки, особенно если рабыня была пленницей и происходила из знатного рода. Выразительный пример этому имеется в «Саге о сыновьях Дроплауг». Два брата совместно владели хутором и были богаты. Один

[19] ИС II:1. С. 30.

из них, Кетиль Гром, поехал по торговым делам и остановился у друга, жившего в Емтланде, исторической области на западе Швеции, бывшей тогда под норвежским протекторатом. У этого друга, хёвдинга[20] Вэторма, среди его служанок-рабынь была некая Арнейд, которая приглянулась гостю. Она оказалась дочерью ирландского ярла[21]. В свое время Вэторм с братьями сожгли ее родной гард, вместе со всеми мужчинами, а женщин забрали в плен. Кетиль купил Арнейд у Вэторма за полсотни серебра, как сказано в саге, «ради дружбы». Тем не менее это была очень высокая цена, ведь вира за жизнь свободного мужа в Исландии составляла сотню серебра. Кроме того, он приплатил хозяину девушки за то, чтобы Арнейд, пока она оставалась у него, не работала. В благодарность она помогла ему найти сундук с серебром, видимо припрятанный хозяином, и уехала с Кетилем в Исландию. Тот по приезде купил себе собственный хутор, получивший название «Хутор Арнейд», затем приобрел судебный округ-годорд[22] и женился на Арнейд[23].

Роль семьи и рода девушки при ее замужестве была велика и в XIII в. Согласно Гуталагу (первая четверть XIII в.), мужчина, взявший «женщину или девицу в жены грабительски или силой, без согласия отца или родственников», может по решению представителей женщины быть повешен либо должен уплатить большой вергельд (21:2). То же наказание полагалось тому, кто «склонит... без согласия отца или родственников» к обручению девушку или любое другое лицо, которое «находится под его защитой»; в этом случае речь идет, скорее всего, о противоправных действиях опекуна (21:1).

Брак у скандинавов формально был *моногамным*. Еще в языческие времена запрещался брак между близкими родственниками. В «Законах Фростатинга» указано, что никто не должен брать жену «в своем роду» (i aett sin): «От двоих — брата и сестры — следует отсчитать шесть человек с каждой стороны и взять седьмую». При таком толковании текста[24] степень родства, допускающая брачные отношения, довольно дальняя. Скорее всего, последнее установление возникло после утверждения христианства, когда запрещались также браки между духовными родичами — крестными и крестниками.

При формальной моногамности брак фактически был таким далеко не всегда. Во-первых, повсеместно было распространено *наложничество* женщин

[20] Хёвдинг — вождь, глава округа, который собирает там налоги, самый могущественный человек округа (см. части 5 и 6).

[21] Ярл — правитель. Речь, видимо, идет о каком-то правителе местного значения (см. части 5 и 6).

[22] Вероятно, практика *покупки годордов* была распространена в Исландии, но это произошло не ранее XI в. События же в саге относятся к первой трети X в. Ее автор или рассказчик, Торвальд Ингъяльссен («он рассказал эту сагу»), жил около 1135 г. и был потомком одного из детей Дроплаут. Вероятно, он и привнес в сагу историю с покупкой годорда. См. примечания А.В. Циммерлинга к ИС II:1. С. 368 и сл.

[23] ИС II:1. С. 214, 217, 218 и др.

[24] Гуревич, 1977. С. 46.

(конкубинат), причем сплошь и рядом любовницы и дети от нее жили в том же доме, что жена и законные дети хозяина. Это происходило потому, что любовницами владельца домохозяйства чаще всего становились рабыни и неполноправные работницы. Иногда любовница была настолько признанной подругой мужчины, что разъезжала с ним по его делам, в то время как жена оставалась дома, «на хозяйстве». Впрочем, такая практика просматривается в сагах лишь в отношении королей. Во-вторых, между Исландией и Норвегией существовало что-то вроде неписаного соглашения, по которому человек, имевший семью в Исландии, мог жениться по всем правилам и в Норвегии, куда он время от времени наезжал, что зафиксировано в сборнике законов «Серый Гусь». Мне неизвестно, распространялась ли эта исландская вольность на Швецию и Данию.

Возраст вступления в брак был различным. Мужчине могло быть примерно 18–25 лет и больше[25], женщине обычно 16–20 лет, но нередко и меньше: в сагах встречаются сведения о более ранних браках. Так, Торгерд из «Саги о Ньяле» выходит за Траина в 14 лет, а Йофрид выходит замуж за Торстейна в 18 лет, когда она уже «была вдовой» (гл. VIII, XXXIV). Офейг из «Саги о Греттире» (гл. III) говорит сватам, что «его дочь годами еще ребенок», и откладывает ее свадьбу на предельный срок — три года, которые жених должен был провести в викинге. Жених тоже иногда был очень молод — 17–19 лет, а то и меньше[26]. В повторных браках возраст вступающих в супружество был, естественно, выше, но в сагах он почти не фиксируется. Разница в годах между женихом и невестой, конечно, варьировала. Есть упоминания о пожилых мужчинах, женившихся на молоденьких девушках («Сага о Греттире», гл. III). Был возможен и брак молодого холостяка с вдовой, которая была старше его и уже имела детей[27]. Во всех таких случаях наличествовал очевидный для всех расчет, и такие браки никого не удивляли. Возраст брачующихся нередко зависел именно от их материального и социального положения.

В «Саге об исландцах» (гл. 75) содержится драматическая история о юноше, вознамерившемся жениться, которая позволяет понять ряд характерных отношений. Йон Малёк, единственный сын Снорри, задумал жениться на Хельге дочери Сэмунда и, возможно, по наущению последнего попросил отца выделить ему отдельный хутор в определенном месте, а также «вено для невесты». Но Снорри согласился отдать сыну совсем другую землю, принадлежащую матери Йона, вместе с ее добром, а «своим имуществом делиться не стал». Видимо, то, что предлагал отец, не устроило Йона по имущественным соображениям, так как он собрался ехать в Норвегию и просил друзей «помочь ему товаром», намереваясь, видимо, заняться торговлей. Еще раньше его товарищ (и, судя по всему, родич) Торд сын

[25] Например: ИС I. С. 95.

[26] Jochens, 1985. P. 100.

[27] Ibid.

Стурлы в качестве доли наследства Йона после деда по матери отдал ему «сотню сотен [серебра?]», и «юноша кое-что из этого сберег». Он «договорился о корабле» и отбыл в Норвегию, но вскоре там погиб.

Таким образом, очевидно, что вступление в брак требовало от мужчины ряда качеств, среди которых не последнее место занимали обладание приличным имуществом и вытекавшая отсюда материальная самостоятельность. И самому жениху полагалось позаботиться о приобретении такого имущества, если того, что ему выделяла семья, было недостаточно. В таком случае молодой человек отбывал из дома на какой-то срок, обычно в пределах трех лет (чтобы ходить в викинги, подобно зятю Офейга, и/или торговать, как намеревался Йон), а затем возвращался, раздобыв требуемые тестем средства. Иногда будущий тесть предлагал жениху перед свадьбой как бы поднабраться ума, повзрослеть. Так, Торстейн, пообещав Гуннлаугу руку своей дочери, потребовал, чтобы тот ехал за море и поучился там «обычаям хороших людей» (гл. V)[28].

Вопрос об имуществе сторон после заключения брака будет рассмотрен ниже. Здесь же среди прочего интересным является упоминание о *вено* (выкупе). Такие упоминания встречаются и в других местах. Так, в «Саге о людях с Песчаного Берега» один из норвежских силачей, берсерк и «оборотень» Халль посватался к Асдис, дочери бонда Стюра Убийцы. Стюр выставил ему условие: проложить дорогу через лавовое поле и сделать там ограду. Очевидно, что эта работа как условие брака должна была служить в качестве вено. Халль и его товарищ Лейкнир выполнили эту работу, о чем Лейкнир составил вису[29]. Но затем Стюр в соответствии со своим прозвищем убил их в бане (события примерно 983 г.). Создается впечатление, что вено (в любой форме) было значительным даром семье невесты и являлось наследием древнего обычая покупки невесты, о котором говорит еще «Сага о Вёлсунгах»[30].

Порядок заключения брака был традиционным; он включал несколько последовательных обрядов или процедур, необходимых для признания брака законным: сватовство, помолвку (обручение), заключение брачного договора, дары невесте и родичам с обеих сторон, свадьбу, брачную ночь и вручение молодой жене «утреннего дара».

Сватовство

Созданию брачного союза предшествовали сватовство и помолвка. Сватовство описывается уже в одной из лучших песней «Старшей Эдды», где речь идет о сватовстве бога Фрея к Герд, дочери исполина Гимира («Песнь о Скирнире»). Отчасти

[28] ИСИЭ. С. 570.

[29] Вису берсерка Лейкнира можно прочитать в книге «Поэзия скальдов».

[30] КИ. С. 198.

об этом говорилось выше, но есть важные моменты, которые необходимо осветить особо или еще раз.

Уже подчеркивалось, что люди стран Европейского Севера во времена, о которых повествуют саги, жили обычно в гардах (подворьях, хуторах) либо в маленьких деревушках, часто отделенных друг от друга горами, болотами, лесами. Поддерживать общение между поселениями было далеко не просто: горы, скопления больших камней, густые леса, ледовые плато и топкие болота делали путешествия из одного поселения в другое нередко делом длительным, трудоемким и зачастую опасным, особенно в темное и холодное время года. Поэтому забавы и игрища, собиравшие много молодежи, столь обычные в деревнях континентальной Европы, в Скандинавии не были распространены. Однако люди встречались на общественных сборищах: на судебных собраниях-тингах, на пирах, которые устраивались по разным поводам, во время религиозных праздников, коллективных игр, взаимных посещений родичей и соседей, традиционного гостевания. Не случайно в странах этого малонаселенного региона все знали или легко могли узнать не только родословие, но и состояние хозяйства, репутацию, семейные дела и личные качества людей своего, да и не только своего круга, в том числе молодежи.

Встречаясь в публичных местах, молодые люди, нарядно одетые и оживленные многолюдным обществом, имели возможность увидеть друг друга и познакомиться. Личное знакомство молодых людей, если они заинтересовались друг другом, в сагах обычно выражается формулой: «сели рядом и *долго беседовали*», или «долго сидели вдвоем и беседовали», или «не раз подолгу беседовали». Такие беседы происходили во время застолий, публичных сборищ, при частных встречах, а также во время сватовства, если молодые люди ранее не были знакомы друг с другом. Это была форма не только более близкого знакомства молодых людей, но и известного испытания друг друга на «совместимость». Нередко результатом таких встреч было сватовство, а иногда и тайный роман.

Оформление супружеского союза требовало соблюдения ряда условий. Одно из них — *публичность,* наличие свидетелей на всех стадиях подготовки и совершения церемонии брака. Требовалось *согласие* обеих сторон. Как уже упоминалось, судя по текстам саг, в то время запрещались только близкородственные браки: кузенов, дядей с племянницами и т.п. А после введения в Скандинавских странах христианства, естественно, в силу вступил запрет брака между кровными родственниками до четвертого–седьмого колена, а также духовными родичами — крестниками и крестными, но в сагах этот сюжет не обнаруживается. Требовалось соблюсти все *процедуры,* в их числе: сватовство, помолвка-обручение, контракт (договоренность), содержащий пункты о приданом невесты, ее правах в доме будущего мужа и в случае его смерти, о его дарах жене (мунд и «утренний дар»)[31]. Несоблюдение какого-либо

[31] См., например: Сага о Ньяле // ИС I. С. 470.

из этих положений могло впоследствии послужить предлогом для возбуждения дела о разводе.

При сватовстве инициатива, по крайней мере явная, проявляемая публично, принадлежала стороне жениха, который либо сам желал создать семью, либо его побуждали к этому родители, родственники, близкие друзья. То, что инициатива исходит от мужчины — отца юноши, реже отца девушки, но чаще всего от претендента на ее руку, прослеживается затем и в законах XII–XIII вв., где есть специальные уложения о браке и разводе. Это был прочно установившийся средневековый порядок. Если жених еще сам не приглядел себе возможную невесту, то близкие люди сообщали ему о наличии в том или ином поселении подходящей девицы, рассказывая о ее достоинствах и достоинствах ее семьи.

Сватался либо сам жених, либо его отец, родич, свойственник или друг, желательно уважаемый в обществе человек. Жених непременно нуждался в сватах, если был моложе 16 лет. Женщина же нуждалась в ходатае-покровителе при сватовстве независимо от возраста, если только не была вдовой, которая могла отвечать сама за себя. Таким покровителем мог являться отец, дядя, другой близкий родственник, а также воспитатель или опекун. О роли последнего говорится, в частности, в «Саге о Гисли» (гл. I): «В доме у Торкеля выросла одна женщина по имени Асдис». Когда ее стали сватать, Торкель уже знал, что жених Асмунд — «человек богатый и умеющий распоряжаться своим имуществом. И вот Асмунд женился на Асдис». Покровителями девушки при сватовстве, как и в других случаях, преимущественно выступали мужчины. Согласно судебнику «Серый Гусь», это были: отец, а в случае его смерти — единокровный брат, дядя, мать, муж единокровной сестры, единоутробный брат, муж единоутробной сестры, наконец, любой другой близкий родственник или замужняя родственница, а также воспитатель или опекун. Сама девушка брала на себя инициативу при заключении брака очень редко.

Мужчины были гораздо свободнее при сватовстве, но, судя по сагам, взрослые и вполне самостоятельные молодые люди все же предпочитали свататься с помощью какого-либо уважаемого человека, своего родича, свойственника или друга, так как это прибавляло жениху уверенности. В принципе сватами могли выступать и лица, которые покровительствовали невесте. Но при всех условиях большая роль в решении вопроса о невесте отводилась отцу жениха, а на решение девушки, в свою очередь, сильно влиял ее отец.

Обычно жених приезжал в дом к своей избраннице лично, в сопровождении родичей и друзей. «Братья Олав Аургода и Вальгард Серый поехали свататься Унн, и она вышла замуж за Вальгарда». Но иногда претендент на руку девицы посылал с предложением брака своих близких: «...брат и друзья представили его просьбу о браке»[32].

[32] VGS. S. 69.

Поддержка родных и друзей была очень важна. Люди советовались с уважаемыми родичами, как своими, так и другой стороны, по поводу намечающегося сватовства. Так, в «Саге об Эгиле» Торольв советуется с Ториром по поводу сватовства к его племяннице Асгерд. «Торир ответил одобрительно и сказал, что поддержит Торольва в его сватовстве»; мнение дяди невесты, о котором почтительно осведомился жених, оказалось решающим. Достойные, известные и почтенные ходатаи за жениха, как и репутация родичей, всегда способствовали успеху его дела. Всеми уважаемая Ауд Мудрая, вознамерившись женить внука Олава на хорошей девушке Альвдис, послала к ней в дом сватов. Затем туда приехали Олав и его родич Энунд. Поговорили о том о сем. «Завели они разговор и о сватовстве Олава. Все тут обошлось без заминки, потому что всякий знал, что Ауд — женщина уважаемая и влиятельная. Дело было слажено» («Сага о Греттире», гл. X).

Но хотя переговоры велись с главой семейства, перед окончательным ответом полагалось узнать мнение девушки, хотя такой порядок соблюдался не всегда. Сведения по этому поводу сообщает, например, «Сага о людях из Лососьей Долины», в которой речь идет о второй трети X в. (запись XIII в.). Некий Хёскульд сын Коля, унаследовавший после рано скончавшегося отца «добро и хозяйство», еще юношей «обладал зрелым разумом», «был человеком красивым и деятельным». И вскоре он, «владелец большого хозяйства, стал пользоваться немалым почетом, потому что у него была хорошая опора — родичи и друзья, которых приобрел его отец Коль» (гл. VII). Послужив дружинником у норвежского конунга Хакона[33], Хёскульд стал человеком, «имя которого было знаменито как в Норвегии, так и в Исландии». Решив жениться, он поехал к богатому хозяину Бьярни, дочь которого Йорунн «была красивой, надменной» и «отличалась необыкновенным умом». Она считалась лучшей невестой во всей западной части страны. Бьярни хорошо принял Хёскульда, но решение предоставил дочери. Йорунн ответила: «О тебе, Хаскульд, идет такая слава, что твое предложение нам следует принять, ибо мы надеемся, что женщина, которая выйдет за тебя замуж, ни в чем не будет нуждаться. Однако мой отец должен решить это, я же подчиняюсь его желанию». «Долго ли, коротко ли шла об этом речь, но Йорунн была помолвлена с Хёскульдом и принесла ему большое приданое».

Свадебное торжество состоялось в имении Хёскульда, было многолюдным «и великолепным... каждый из гостей пустился в обратный путь, провожаемый напутствиями и с богатыми подарками». После свадьбы «Йорунн вместе с Хёскульдом принялась за хозяйство. По тому, как вела она дело, можно было заключить, что она умна, не боится работы и опытна во многих делах, однако несколько надменна. Их совместная жизнь с Хёскульдом была хорошей, хотя они *мало беседовали* друг с другом» (гл. IX)[34] (курсив мой. — *А.С.*).

[33] Видимо, Хакона Доброго, который воспитывался в Англии. Он умер около 960 г.

[34] ИС I. С. 265–266. О сватовстве см. также: ИС I. С. 420–421.

Этот сюжет примечателен, на мой взгляд, тем, что он выявляет основные мотивы заключения брачного союза, роль сторон и основу мира в семье. Очевидно, что хорошо принималось сватовство «человека богатого, с видной родней», именитого, «высокого рода» или «известного рода» («Сага о людях из Лососьей Долины», гл. I, III, VII, IX), даже если он был намного старше девушки и обладал дурным нравом[35]. Многочисленная, да еще состоятельная родня была несомненным плюсом при заключении брака, поскольку она была полезной в повседневной жизни, при спорах на тинге и при частых вооруженных столкновениях того времени (хотя внутри каждого рода тоже были свои трения, нередко кончавшиеся гибелью родичей).

При прочих равных условиях принимались во внимание и личные качества молодых людей, и их репутация. У девушки приветствовались ум, домовитость, хозяйственные умения, уживчивость; не случайно в поэме «Беовульф» по отношению к жене употребляется кеннинг «пряха согласия» (ст. 1940). Те же свойства, да еще мужественность и рассудительность, требовались от парня. Супруги могли не очень-то любить друг друга и не стремиться к тесному общению, не проявлять особого внимания и, тем более, нежности друг к другу («мало разговаривать»!), но жить мирно и по стандартным меркам благополучно.

Из ранее приведенных текстов видно, что не только характер, но и внешность будущих супругов принималась во внимание, особенно при первом браке молодых людей. Характеристики типа «Дроплаут была девушка красивая, и работа у нее спорилась»; «...Хельги был высок ростом, красив, силен, заносчив и весел, хозяйство было ему не по нутру. Он был искуснейший воин. Его погодок Грим был высок ростом, очень силен и молчалив. Он был весьма домовит. Братья упражняли себя в различных искусствах и превосходили других юношей во всем, так что никого нельзя было поставить с ними вровень»[36] часто служат в сагах для описания молодых людей, персонажей первого плана.

Но был возможен и другой сценарий. Когда херсир Ингольв, в сопровождении 60 человек, которые все были при оружии, в праздничных одеждах и на разубранных лошадях, приехал к ярлу Хрингу сватать за своего сына, весьма достойного Стурлауга, дочь ярла Асу Прекрасную, та отказала жениху, поскольку тот «*ничего не делает для славы*»[37] (курсив мой. — *А.С.*). Аналогично ведет себя девушка в «Саге о Вёлсунгах» (гл. XXI). Такое отношение женщины к мужчине, особенно своему возможному избраннику, не раз встречается в сагах.

Чаще всего сват посылался в том случае, если предполагалось, что задуманный брак одобряется обеими сторонами[38].

[35] Ср.: ИСИЭ. С. 448–458.

[36] ИС II:1. С. 218.

[37] СОДВ. С. 122–127.

[38] IMS. P. 44.

Сватовство сопровождалось определенными *ритуалами.* Память о древних обрядах такого рода, связанных еще с праздниками плодородия, сохранилась в мифологических песнях «Старшей Эдды» (см. «Песнь о Скирнире», где высватывают дочь великана Герд)[39]. А наименование свадебного пира *брюдкауп* («свадебная покупка»), так же как и вено, свидетельствует о следах не менее древнего обычая покупки невесты или внесения выкупа за нее[40].

Помолвка (обручение) и брачный контракт

Если сватовство принималось, то объявлялось о помолвке (обручении) молодых. *Помолвка*-«фестар» была очень важным этапом при заключении брачного союза, так как от предусмотрительного поведения сторон во время ее сплошь и рядом зависело благополучие будущей семьи. Поэтому помолвка обставлялась рядом непростых условий. Прежде всего, она должна была объявляться при свидетелях, то есть иметь гласный, открытый характер. Все присутствующие, особенно так необходимые в этом деле свидетели (не менее шести человек)[41], поздравляли помолвленных. Затем при свидетелях же заключался брачный договор или контракт. В *брачном контракте* обговаривались размер приданого невесты, дата свадьбы, размер дара жениха невесте, так называемого *мунда* (трансформация древнего выкупа — *вена*), условия пребывания жены в доме мужа, утренний дар (после первой брачной ночи) жене и другие важные для будущих супругов обстоятельства. В контракте оговаривались и условия получения женихом наследства после смерти отца или доли его имущества в случае, если он хотел после женитьбы вести отдельное хозяйство. Наследство, которое ожидало обоих будущих супругов, обычно должно было быть примерно одинаковым по величине. Когда в «Саге о Ньяле» Хёскульд сватал для своего брата дочь Мёрда, то будущий тесть заметил: «Много тебе придется выделить брату, ведь она у меня единственная наследница» (гл. II). Впрочем, как уже говорилось, при неравных в имущественном отношении браках бедность одной из сторон могла компенсироваться знатностью, влиятельной родней и другими важными моментами.

Приданое являлось собственностью жены и было ее вкладом в будущее общее хозяйство. Оно выделялось отцом и чаще всего состояло из движимого имущества, например: невеста должна «получить в приданое шестьсот локтей сукна» («Сага о Ньяле», гл. II). Обычно женщине давали в приданое одежду, украшения, серебро, принадлежности домашнего хозяйства. Земельные владения сохранялись за наследниками мужского пола и не подлежали дроблению, но если таковых не было,

[39] КИ. С. 52 и сл.

[40] Kaupa, kaup (köp) — покупать, покупка; köping — торговое местечко, köpstad, kaupang — торговые города в средневековой Скандинавии.

[41] Ср.: Сага об Ингваре. С. 278, прим. 13.

то они доставались женщине. То же могло произойти и по особому завещанию отца, но только в отношении благоприобретенной, а не наследственной земли. В «Саге об Эйрике Рыжем» (гл. III), когда Торбьёрн женился на Хальвейн, он «взял за нею землю в Пещерных Полях на Купальном Склоне, переехал туда и стал большим человеком».

Частично жена сохраняла единоличное право на свое приданое, но какая-то его часть поступала в общее хозяйство супругов. В «Саге о Ньяле» (гл. XIII) при заключении брачного договора особо оговаривалось, что только «все вновь приобретаемое добро будет делиться между ними [супругами] поровну». В другом случае — в той же саге — родичи невесты выставили жениху такое требование: «в твоем доме состояние ее должно увеличиваться на одну треть», причем «если у вас будут наследники, то все имущество будет принадлежать вам поровну» (гл. II). Т.е. семья невесты имела право на ее приданое или долю общего имущества при разводе только до появления у нее детей. Это подтверждается «Сагой о Гисли», когда при ссоре супругов Асгерд заявляет мужу: «Объявляю о разводе с тобой, пусть мой отец забирает обратно все мое приданое» (гл. IX)[42]. Правда, это право переставало действовать, если инициатором развода была сама женщина, причем, по мнению общества, не имея на то уважительных причин. Тем не менее интерес к приданому женщины, к ее имуществу родня проявляла неизменно.

В случае смерти женщины право наследовать ее приданое (скорее, его часть), как и долю общего имущества, имели только ее дети. Что же касается их сводных братьев и сестер по отцу, то они имели право наследовать только после собственной матери.

Мунд, или дар жениха невесте, жена получала уже после свадьбы, а до этого он находился у сватов. В случае разрыва помолвки мунд не выплачивался. Если пара разводилась по инициативе мужа, то жена забирала мунд, если же без веской причины уходила она, то теряла мунд[43]. Очевидно, что мунд был связан с понятием *мундиума* — покровительства-опеки-власти, под которым находилась женщина на протяжении своей жизни: сначала девушкой жила под опекой отца, старших братьев, иных родичей и/или опекуна, а после выхода замуж и выплаты мужем мунда — под опекой своего мужа.

Кроме мунда молодой муж утром после первой брачной ночи преподносил жене *утренний дар*. В зависимости от состоятельности и щедрости жениха утренний дар мог иметь разный вид и величину: от украшений до земельного надела. Подобно наследственному имуществу или сохранившейся части приданого жены, утренний дар предназначался для того, чтобы обеспечить овдовевшую женщину, когда дети уже отделились, и мог быть передан по наследству только ее детям

[42] Ср.: Сага о Ньяле. Гл. XIII.

[43] Gies, 1989. P. 55 a. o.

(но не детям мужа от других женщин), а позднее также использован в качестве вклада или дара монастырю.

Интересный пример контракта приводит «Сага о Ньяле». У бонда Освивра, который «был очень умен», имелась дочь по имени Гудрун. «Среди женщин, выросших в Исландии, она была первой по красоте и уму», благовоспитанной, «искусной и красноречивой», щедрой, но при всем этом питавшей необыкновенное пристрастие к роскошной одежде и украшениям (гл. XXXII). Вот к этой-то девушке посватался сын одного из местных годи Торвальд, человек «богатый, но не особенно храбрый». Он присмотрел ее на альтинге, когда ей минуло 15 лет. Торвальд был богаче Освивра, но это не остановило его, поскольку, как он сказал, «он сватается к женщине, а не к деньгам». Торвальд и Гудрун были помолвлены, и жених предоставил Освивру определить условия их брака. И «было решено, что Гудрун будет сама управлять их имуществом, когда их подведут к одной постели, и половина имущества станет ее собственностью, будет ли их совместная жизнь долгой или короткой. Он [Торвальд] должен будет также покупать для нее украшения, так что ни у одной из женщин, равных ей по богатству, не должно быть лучших украшений. Однако он не должен из-за этого разорять свой двор» (гл. XXXIV). История эта имела печальное продолжение, о чем речь пойдет ниже.

После заключения контракта помолвка (обручение) считалась нерасторжимой, так что иногда помолвленные укладывались в общую постель, т.е. брак рассматривался как состоявшийся. Однако чаще всего дело завершалось широкой свадьбой. Нарушение контракта считалось очень серьезным правонарушением и сурово осуждалось обществом.

Невесте также полагалось сделать подарок будущему мужу. По обычаю таким подарком жениху от просватанной за него девушки была собственноручно сшитая ею для него рубашка. Отголосок этого обычая сохранился в средневековой балладе «Возлюбленная Асбьёрна»[44].

Выйти замуж без согласия и благословения родителей, семьи, как уже упоминалось, считалось неприличным и, как полагали, не сулило семейного благополучия. В «Саге о Ньяле», где больше места, чем в любой иной саге, отведено браку, с осуждением говорится о женщине, которая «вышла замуж, не посоветовавшись ни с кем из своих родных» (гл. XXV).

Но иногда желания и согласия родителей было недостаточно для заключения брака. Помолвка могла не состояться при *отказе невесты.* Выше уже говорилось о том, что невесты, особенно богатые и пользующиеся успехом, придирчиво изучали, насколько честолюбив и мужествен каждый претендент на их руку, достаточно ли благороден его род, и вообще были очень разборчивыми, если не сказать капризными. Одну из таких девушек в обществе называли «очень разборчивой» невестой,

[44] Баллады. С. 173.

поскольку она не приняла «ни одно из предложений» выйти замуж (гл. III). Флоси, у которого сватали его племянницу Хильдигунн, а она не пожелала выходить за этого жениха, сказал ей: «Достаточно того, что ты *не хочешь* выходить за него замуж. Тогда я не буду пускаться с ними (т.е. сватами. — *А.С.*) в разговоры и откажу им» (гл. XCVII). Так бывало, когда девушка обладала решительным характером, а отец баловал ее. В некоторых случаях было известно, что «он [отец] *не решает* за свою дочь»[45] (курсив мой. — *А.С.*).

Итак, любящие отцы или опекуны обычно советовались с дочерьми при выборе им супруга. В противном случае девушки выражали недовольство и гнев, даже грубили старшим[46]. Иногда они в конце концов подчинялись воле семьи, но часто, как показывают саги, такой брак бывал несчастливым и нередко плохо заканчивался. Очевидно, что проводимая сагами идея о необходимости считаться с желаниями девушки, выдавая ее замуж, показывает, что, хотя по всем законам она была подчинена отцу, а затем мужу, эта зависимость не была абсолютной и в каких-то важных случаях она могла настоять на своей воле. Но неясно, насколько это было *новым* явлением в системе заключения брака.

Ниже приведены некоторые факты, которые свидетельствуют о той силе характера, упорстве и даже коварстве, которые могли проявлять женщины при решении своей судьбы как до, так и после брака. В той же «Саге о Ньяле» прекрасно показано, к каким последствиям порой приводило замужество девушки против ее воли, особенно при ее нелегком характере (гл. IX–XII, XVII). Сага явно не одобряет и поведение мужчины, берущего замуж капризницу, да еще вопреки ее желанию.

У Освивра, уже нам знакомого, был сын по имени Торвальд, богатый, сильный, учтивый, но «горячего нрава». Однажды они с отцом заговорили о том, «где бы сыскать жену» Торвальду. Освивр предположил, что недурно было бы ему посвататься к дочери состоятельного и именитого Хёскульда (известного по «Саге о людях из Лососьей Долины»). Как оказалось, отец дал сыну дурной совет. Девушку звали Халльгерд Длинноногая. Это была очень красивая девушка, высокого роста, «с волосами настолько длинными, что они могли закрыть ее всю. Но нрава она была вспыльчивого и тяжелого». Ее воспитателем был вздорный и наглый Тьодольв, сильный и искусный боец, убивший многих людей, но «ни за кого не заплативший виры», т.е. демонстративно не соблюдавший законы. Народ говорил, что «не ему бы исправлять нрав Халльгерд», что он только усугубил ее дурной характер и, как будет видно впоследствии, сыграл в ее жизни роковую роль.

Но вернемся к сватовству Торвальда. Отец все же предупредил его о том, что, по словам людей, у девушки плохой характер; но молодой человек загорелся идеей брака с Халльгерд Длинноногой («Все равно меня не отговоришь»), и отец

[45] VGS. S. 70.

[46] Ср.: ИС I. С. 10, 34, 70.

был вынужден согласиться («тебе с ней жить»). Хёскульд хорошо принял Освивра и Торвальда, но был с ними честен: «Мне все о вас известно, но я не хочу обманывать вас: нрав у моей дочки тяжелый». Торвальд и ему ответил, что это не удержит его от сговора, и попросил Хёскульда поставить свои условия. Тот поспешил согласиться, помолвка состоялась, и сваты отбыли. Когда Халльгерд узнала о сговоре, она расценила действия отца как желание выдать ее замуж поспешно, «за первого встречного». И сказала ему, что он вовсе не любит ее так крепко, как говорит, раз не счел нужным даже пригласить ее на собственную помолвку.

Как обычно, свадьба представляла собой пышный праздник, пир. Жениха сопровождали дружки[47]. Обе стороны созвали гостей, которых собралось до 120 человек. Обе семьи обменивались дарами. Провожая гостей, одаривали и их. Невеста выглядела веселой[48] и была приветлива с Торвальдом, но Освивру ее смех не понравился.

Жизнь молодых не сложилась. Жена больше общалась со своим воспитателем, которого привезла с собой в дом мужа, и почти не разговаривала с самим Торвальдом. Она оказалась очень жадной и бесхозяйственной, так что в доме даже не стало хватать съестных припасов. В конце концов по ее вине произошла ссора с мужем, и в ответ на ее очередную грубость тот ударил ее по лицу так, что пошла кровь. И тогда в первый же удобный момент воспитатель Тьодольв убил Торвальда секирой. Освивр после ряда переговоров получил за сына хорошую виру в две сотни серебра, поделил с родичами Халльгерд имущество бывших супругов, и Халльгерд, став еще богаче, возвратилась к отцу вместе со своим воспитателем.

Следующим мужем этой дамы стал также богатый и достойный человек, по имени Глум. Когда он стал свататься, отец Халльгерд, наученный горьким опытом, решил: «Не надо, чтобы сговор был без ведома Халльгерд, как в тот раз. Пусть она знает заранее об этом предложении, увидит Глума и решит сама, выходить ли ей замуж за него» (гл. XIII). Но, несмотря на эти предосторожности, брак опять оказался не по душе Халльгерд. Тьодольв убил и второго ее мужа, но на сей раз и сам поплатился жизнью.

Эта история, если внимательно вчитаться в текст саги, несомненно, имеет подтекст, из которого можно понять, что между девушкой и ее воспитателем существовала некая связь, вполне возможно даже интимного характера.

Но чаще всего девушка, согласно обычаю, сама решает вопрос о своем замужестве только при наличии благожелательного отношения к ее воле главы семьи, либо ее выдают замуж без ее согласия. Имеется свидетельство и того, что вопрос о своем браке девушка решала с матерью[49]. Известен случай — вряд ли он был

[47] Ср.: ИС I. С. 132 и сл.

[48] Веселость невесты не случайно подчеркивается в саге (Там же. С. 461): это как бы свидетельствует об ее удовлетворении состоявшейся свадьбой, даже радости. В сагах упоминается и «печальная невеста».

[49] ИСИЭ. С. 450.

единственным, — когда девушку «ради денег» выдали за глубокого, «но еще бодрого» старика («Сага о сыновьях Дроплауг», гл. VI). Эта история плохо кончилась, поскольку молодая жена завела роман с женатым человеком, который «находил время не только для жены». Но у старого мужа был на воспитании мальчик, родня которого отомстила за бесчестье воспитателя, убив любовника его жены. А поскольку по обычному праву прелюбодеяние считалось большим преступлением, вира за убитого не полагалась. Эта история интересна еще и потому, что в очередной раз демонстрирует роль социального и имущественного статусов при заключении брачного союза, о чем уже говорилось выше и что видно также из других брачных историй.

Хотя в принципе, имея в виду важность брачных союзов для общественного престижа каждой семьи, люди старались родниться в пределах своей или более высокой социальной страты, однако и здесь время от времени возникали щекотливые ситуации. Так, дочь прославленного скальда Эгиля гордая Торгерд поначалу решительно отказала в своей руке красивому и богатому молодому щеголю Олаву, незаконному сыну знатного Хёскульда и купленной им полонянки (о чем говорилось выше), который позднее завоевал славу, служа дружинником у конунга Харальда. Девушка, еще не видевшая Олава, сказала отцу: «Ты хочешь выдать меня замуж за сына служанки, пусть он и красив и превосходит всех» («Сага об Эгиле», гл. XXIII)[50]. И стояла на своем, хотя отец объяснил ей, что Олав — очень высокого рода: отец его матери — ирландский конунг, который с радостью признал внука.

Но Олав повел себя очень дипломатично. Отслужив в Норвегии, восстановив важные семейные связи в Ирландии и вернувшись домой, он возобновил сватовство к Торгер. Прежде всего Олав красиво и дорого оделся: «...на нем было пурпурное одеяние, которое конунг Харальд подарил ему. На голове у него был золотой шлем, а в руке он держал меч, который ему подарил Мюркьяртан», его ирландский дед. Дело было во время тинга, и Хёскульд, а за ним Олав вошли в палатку Эгиля, где на поперечной (женской) скамье сидела красивая, нарядная и величавая девушка. Сообразив, что это Торгерд, Олав подошел к скамье и, сел возле девушки, назвал свое имя и имя своего отца, а затем сказал:

«— Тебе, верно, кажется, что сын служанки стал наглым, раз он решается сидеть здесь и беседовать с тобой.

Торгерд ответила:

— Тебе, верно, памятно, что ты совершал подвиги более смелые, чем говорить с женщинами.

Затем они начали говорить друг с другом и проговорили весь день».

Так сладилась эта свадьба. На ней было великое множество гостей, празднество оказалось великолепным. Гости на прощание получили подарки. А молодые крепко полюбили друг друга и жили очень хорошо (гл. XXIII–XXIV).

[50] ИС. I. С. 301–302.

Случалось, хотя и редко, что полюбившуюся девушку похищали, вероятно, по взаимному сговору, если этого брака не желали родичи с ее или его стороны. Так, некий Бьярни, внук могущественного и знатного Бьёрна, после пира, где было много молодежи, посватался к приглянувшейся ему девушке, сестре столь же богатого и знатного херсира Торира, которую звали Тора. Она была, видимо, искусная кружевница, потому что люди называли ее Тора Кружевная Рука. Бьярни было отказано. Тогда он, дождавшись удобного случая, увез девушку к себе, желая справить с ней свадьбу. После долгих препирательств между обеими семьями брак все же состоялся. Но из-за незаконного, по понятиям того общества, поступка жениха им пришлось уехать на Шетландские острова, где они жили вполне счастливо[51]. Дочь этих супругов красавица Асгерд впоследствии воспитывалась у Скаллагрима, отца Эгиля, позднее последний отвозил ее домой. Немало шведских и датских баллад, сочиненных в XIII — середине XIV в. («Фалквор Луманссон» и другие) свидетельствуют, что похищение девушек с целью брака практиковалось еще и тогда. Если девушка была из знатной семьи, то ее похищение могло стать своего рода средством борьбы за власть, за престиж[52].

В отличие от девушек *вдовы* могли сами распоряжаться своей судьбой. Красивая Дроплаут, о которой речь шла выше, рано овдовела и больше не вышла замуж, а жила с двумя сыновьями-погодками, Хельги и Гримом, характеристики которых приведены в саге о ней. Мать уже знакомого нам Хёскульда после смерти своего мужа Коля «была еще молодой и очень красивой женщиной». Взяв свою долю наследства, она села на корабль (половину которого ей купил сын) и отбыла в Норвегию. Прекрасно встреченная родичами, богатая и свободная, она вышла замуж за знатного, состоятельного и достойного человека, умелого воина и недурного собой. «Жизнь их протекала в добром согласии», сообщает «Сага о людях из Лососьей Долины» (гл. VII). За Грима сына Ньяля вышла замуж очень богатая вдова, о чувствах речь там не шла. Иной вариант — Унн дочь Марда Скрипицы. Оставшись вдовой и получив большое наследство после отца, она «любила жить на широкую ногу и не заботилась о своем хозяйстве. Вскоре она растратила все свое добро, так что у нее ничего не осталось, кроме земли и драгоценностей» («Сага о Ньяле», гл. XVIII).

Свадьба

Свадебный контракт завершался свадьбой.

Свадьба происходила иногда сразу же после обручения, иногда через несколько месяцев («Сага о Ньяле», гл. XC) или даже несколько лет. Обычно ожидать должна была невеста, и на это отводилось максимум три года. Но если по прошествии

[51] Там же. С. 119 и сл.

[52] Баллады. С. 54, 63 и др.

этих трех лет жених не заявлял о себе, девушка имела право выйти замуж за другого человека.

На свадьбу приезжали всегда в сопровождении родичей, соседей и близких людей, до 30, а то и выше 120 человек[53]. И даже после принятия скандинавами христианства, уже в XI–XII вв., в текстах саг нет указания не только на церковную брачную церемонию, не только на благословение священника, но даже на его присутствие на торжестве. Сама процедура была проста: отец или опекун «отдавал» невесту жениху в присутствии по меньшей мере шести свидетелей, которые могли подтвердить, что жених по своей воле ложится в одну постель с этой женщиной.

По обычаям того времени брак считался состоявшимся после того, как супругов укладывали в общую постель и их головы оказывались «на одной подушке». В принципе сожительство молодых могло начаться уже после обручения. Но при всех условиях церемония сочетания браком должна была обязательно подкрепляться его фактической, сексуальной реализацией. Этот основной пункт свадебного обряда действовал долго и позднее отразился в датской балладе «Эббе Скаммельсен» (Северная Ютландия)[54]. Бывало, что вовсе далекие от намерения вступать в брак мужчина и женщина в каких-то случаях укладывались спать «на общую подушку». Но тогда между ними нередко клали какую-то преграду, например полено или меч. Именно меч положили между Сигурдом и Брюнхильд в «Саге о Вёлсунгах» (гл. XXIX)[55].

Свадебный пир был пышным, на него приглашали родичей, друзей и уважаемых людей отовсюду. Богатая свадьба — важное и памятное событие в жизни всей округи. Причинить кому-либо вред по пути на свадебный пир или воспрепятствовать проезду к месту застолья считалось столь же тяжким преступлением, как намеренная помеха члену тинга прибыть на него. Такие действия наказывались изгнанием на три года[56]. Свадебные торжества продолжались несколько дней, затем молодые отправлялись в дом мужа[57]. Если молодой муж хотел отделиться от семьи, в которой вырос, он получал свою долю наследства сразу же после свадьбы[58].

О свадьбе уже говорилось не раз, но ее процедуру саги не описывают. Ясно, что число гостей определялось достатком и знатностью семей брачующихся. Причем число гостей со стороны невесты никак не ограничивалось, они были *званые,* число же гостей со стороны жениха лимитировалось[59]. Чаще всего свадьба справлялась

[53] ИСИЭ. С. 458 и др.

[54] Баллады. С. 177.

[55] На Кавказе в тех случаях, когда надо было дать ночлег гостю и его приходилось укладывать в постель девушки, между ними также клали меч, который и служил орудием кары в случае неблагородного поведения гостя.

[56] Hastrup, 1985. P. 95–96.

[57] ИСИЭ. С. 179, 212 и др.

[58] VGS. S. 8.

[59] ИС II:1. С. 313, прим. 281.

в доме невесты. Жениха, как упоминалось, сопровождали дружки, которые, видимо, охраняли мунд до утра после свадьбы, но другие их функции не ясны. Иногда свадебные торжества продолжались целую неделю. Знатные и богатые люди тратили на свадьбу большие средства, созывали не только всю родню, но других именитых людей с сопровождающими их лицами со всей страны (ср.: «Сага о людях из Лососьей Долины», гл. VII, IX; «Сага об Эгиле», гл. XLII и др.). Какими были свадебные обряды, мне выяснить пока не удалось. Но примечателен один факт, а именно то, что подчас свадьбу могли справлять одновременно с тризной. Например, случилось так, что умерла всеми глубокоуважаемая Унн Мудрая, одна из тех, кто первыми поселился в Исландии и о которой люди говорили с восхищением, что она «сохранила свое достоинство до дня смерти». А тут как раз должен был жениться ее внук и наследник Олав Фейлан (Павлин). «Так *заодно справили оба празднества* (!) — свадьбу Олава и тризну по Унн», — свидетельствует «Сага о людях из Лососьей Долины» (гл. VII. Курсив мой. — *А.С.*). Такое совмещение отмечается и в «Саге о Фритьофе Смелом» (гл. XIV), посвященной событиям X в., но созданной в XII в. В XIII столетии такое совмещение было, конечно, невозможным.

В «Законе гутов», самом раннем из всех восточноскандинавских записанных законов (начало XIII в.), очень консервативном, но уже вполне христианском, имеется специальный раздел «О свадьбе» (гл. 24). Там отменяется совмещение свадьбы и тризны (да и тризны вообще; желающие могут лишь раздать одежду и обувь покойного людям своего прихода). Говорится также о порядке перевозки приданого невесты в дом жениха. Свадьба должна праздноваться там, «где находится молодой муж», и начинаться с «пения свадебной *мессы*». Свадьба играется два дня, затем «дары дает тот, кто хочет, согласно своему желанию». «Брать с собой еду на свадьбу запрещено». На третий день в доме остаются только близкие родственники, распорядители и организаторы торжества. Поминание богов производится в том объеме, который желателен хозяевам, последней поминают Богородицу, а затем «пусть пиво больше не выносят» (под страхом штрафа), и всем следует ехать по домам. Нарушение этих правил, равно как и приход на свадьбу или иной другой пир (вейцлу) без приглашения, влечет за собой штраф. Затем следуют странные положения, ограничивающие ношение одежды из крашеной и покупной ткани[60]. Христианство на Готланде было введено в начале XI в., поэтому некоторые правила этого закона, касающиеся свадьбы, скорее всего сложились раньше, но не все.

Так, бросаются в глаза ограничительные положения свадебных законов гутов, большинство из которых, как мне представляется, не пришло бы законодателям в голову в эпоху викингов, особенно ограничение сроков проведения свадебного пира двумя днями, запрет приносить с собой на свадьбу еду, замечание о подарках, характере одежды, наказании пришедших без приглашения, а также об определенных

[60] Из ранней истории… С. 143–144.

ограничениях при перевозке приданого невесты в дом жениха перед свадьбой. Кроме того, в сагах свадьба зачастую проводится в доме невесты и вообще о месте ее проведения договариваются во время помолвки. Конечно, Гуталаг отличается большим своеобразием не только в отношении свадебной церемонии, но все же его мелочные ограничительные требования в отношении свадьбы диссонируют с той широтой, которая была в обычае у людей саги. Единственное положение, которое при всех условиях выглядит разумным, — это запрещенное христианской церковью совмещение тризны и свадьбы (как и отмена тризны вообще, с чем, впрочем, далеко не все верующие христиане считаются и по сей день).

Имея в виду все это, интересно ознакомиться с описанием свадьбы в «Саге об исландцах» (гл. 170), созданной несколькими десятилетиями позднее Гуталага. Сама свадьба состоялась в 1253 г. Жених Гицур был «уже немолод». Состоятельный, знатный и уважаемый хозяин, испытанный в боях воин, он вступил во второй брак после развода с Ингебьёрг дочерью Снорри. Гицур пригласил на эту свадьбу «много больше 100 человек», среди них были «лучшие бонды из близлежащей округи, с их людьми», число которых иногда достигало 70 человек. В саге подробно расписан порядок размещения гостей за столом. Сам Гицур сидел на главном месте, рядом — его сын Ислейв, за ним зять Гицура Торир Кочка сын Магнуса, за ним — виднейшие бонды; затем, рядом со священником и Стурлой — Снорри, за ним годи Вигфус сын Гуннстейна и т.д. «Рассадив гостей, воздвигли факелы». Гицур открыл пир хвалами в адрес присутствующих, продолжил речь «словами примирения» и призывом к соблюдению мира. «После этого во всех покоях установили столешницы и зажгли свет». Пили хмельной мед и брагу, напитки разносили и наливали слуги. На следующий день пир продолжался, соседи по столу пили за здоровье друг друга. Для ночевки (видимо, почетных) гостей были «построены особые покои, в 26 локтей длиной и 12 локтей шириной», с помостом, и устроены также «спальные места на помосте... в шесть рядов». По окончании пира «гости собрались уезжать», т.е. пир длился все же два дня. И «Гицур преподнес многим хорошие подарки», в их числе «отличную племенную кобылу». И «это был лучший пир в Исландии»[61].

Создается впечатление, что в описании свадьбы, которое дает авторская сага начала второй половины XIII в., сочетаются черты старинного обычая и новых правил. Само устройство свадебного торжества, включая подарки почетным гостям, вполне традиционно для скандинавского широкого пира. В числе новаций — два дня свадьбы, отсутствие упоминания языческих богов и наличие среди гостей священника. Кроме того, судя по описанию, гости не напились до бессознательного состояния (обычного в родовых сагах). Удивляет отсутствие за столом женщин — или это «забывчивость» автора?

[61] Речь Гицура, как и реплика автора саги «Это был лучший пир в Исландии», не случайны: то было время ожесточенных междоусобиц на острове, о которых еще будет рассказано ниже.

Свадьба Гицура была, конечно, роскошной. Но обычно заключение повторных браков и празднование свадеб, когда в новое супружество вступали вдовцы или разведенные люди, особенно женщины, было скромнее. Примеров такого рода в сагах много: повторное замужество Гудрид в «Саге об Эйрике Рыжем»; выход замуж где-то «на севере» овдовевшей Тордис и женитьба овдовевшего Энунда из «Саги о Греттире» (гл. XI); четыре замужества Гудрун из «Саги о Ньяле» и мн. др. В случае повторного замужества взрослые женщины не должны были прибегать к помощи родственников или доверенных лиц, если они этого не желали, во всяком случае, если они уже жили отдельно от отцовской семьи. Но, как и при первых браках, обязательно заключался контракт. Когда Снорри сын Стурлы женился на вдове Халльвейг, дочери и богатой наследнице Орма, их брачный договор предусматривал брак «на половинных началах», т.е. супруги могли владеть общим имуществом поровну. Халльвейг имела двоих сыновей. Все их общее достояние, достигавшее огромной суммы в «восемь сотен» [серебра], Снорри принял «на хранение» и в результате стал самым богатым человеком в Исландии[62].

По завершении публичных торжеств новобрачных «подводят к постели», после чего молодая вступает в имущественные права в новом домохозяйстве, согласно свадебному контракту: она будет «вести самостоятельно хозяйство» или, например, «пополам с мужем». Наутро после первой брачной ночи брак считается окончательно совершившимся. Теперь дружки мужа передают молодой сохранявшийся у них мунд — знак власти мужа, а супруг преподносит новобрачной свой утренний дар. По обычному праву общая постель в конечном счете завершала брачную церемонию; и с нее же, как будет ясно ниже, начиналось официальное расторжение брака.

Стоит отметить, что подчас свадебный пир перетекал в столкновение между гостями, разгоряченными пивом и медом, которые начинали сводить свои старые счеты[63].

Браки не всегда заключались в одной имущественной и даже социальной среде. Хромунд (из «Саги о Хромунде Хромом») взял в жены дочь наложницы хёвдинга, и это не считалось для него мезальянсом. Хегни, человек «низкого рода, но достойный», женился на Торбьёрг, семья которой была «куда знатнее». Но «они жили в добром согласии», а в числе их детей была прославленная сагами красавица Турид[64]. Между прочим, если мать была выше родом, чем отец, то сын или сыновья в качестве второго имени могли пользоваться не именем отца, что было повсеместно распространено в Скандинавии, а именем матери. Так, конунги Гудред и его брат Эйрик Кровавая Секира зачастую звались по имени своей знаменитой матери: «сыновья Гуннхильд» («Сага о Ньяле», гл. III–VI; см. также в «Саге об Эгиле»), а король Дании

[62] Сага об исландцах. Гл. 53.

[63] Сага об Ингваре. С. 51.

[64] ИСИЭ. С. 446.

Свейн в середине XI в. по второму имени был Эстридсен: хотя его отец и был из высшей знати, но мать Эстрид приходилась родной племянницей (или сестрой) самому королю Кнуту Великому!

«Неполный брак» и вынужденный брак

Наряду с обычными браками, которые совершались регулярно во всех слоях тогдашнего общества и рассматривались как необходимый и важный жизненный шаг, закономерный этап в вечном круге человеческого бытия, в среде скандинавов были приняты и некоторые другие формы супружества, а также возникали особые, как бы вынужденные причины заключения брака.

В обычае того времени и тех мест был так называемый *неполный брак* (или неполная свадьба), который заключался по соглашению и без соблюдения обрядов, в сущности за выкуп. В таких браках особенно бросается в глаза различие в правах и возможностях людей разных статусов.

О неполном браке рассказывается, в частности, в «Саге об Эгиле» (гл. VII, XII, XVII и др.). Дело было так. На многолюдном пире во время одного осеннего праздника (вероятно, ритуального характера) присутствовал бонд Хегни, владелец хутора на небольшом острове. «Он был очень богат, красив и умен, но *из низкого рода,* и возвысился сам» (курсив мой. — *А.С.*). Его дочь Хильдирид «была очень хороша собой». На пире ей выпал жребий сидеть рядом с Бьяргольвом[65], родовитым, могущественным и богатым человеком, главой округа, уже немолодым вдовцом, имевшим взрослых детей. «В тот вечер они переговорили о многом. Девушка понравилась ему».

Той же осенью Бьяргольв на своем паруснике прибыл на остров к Хегни, взяв с собой 30 человек (!). Гостей пригласили в дом, Хильдирид обнесла их брагой. Бьяргольв «подозвал к себе хозяина и сказал ему:

— Дело у меня к тебе такое: я хочу, чтобы твоя дочь поехала ко мне домой, и я справлю с ней неполную свадьбу.

Хегни не видел другого выбора, как сделать все по желанию Бьяргольва. Бьяргольв заплатил за Хильдирид большую сумму золотом, и они легли в одну постель», а затем уехали в имение Бьяргольва, где она родила хозяину двоих сыновей. Старшие дети были очень недовольны. И как только их отец умер, законные сыновья, чьи собственные дети были почти ровесниками бастардов отца, выгнали его «неполную жену» с детьми без всякого имущества, так что она вернулась в отчий дом и там растила своих сыновей. Наследники же Бьяргольва всячески демонстрировали им свое пренебрежение.

Вопрос о том, почему Бьяргольв не женился на пригожей и кроткой Хильдирид положенным образом, а обрек ее на унизительное положение в своем доме,

[65] Речь идет об обычае средневековых скандинавских пиров, где присутствующие мужчины и женщины рассаживались парами, которые должны были делить застолье.

не объясняется в саге, поскольку, как я понимаю, скандинавам он был ясен. Отгадка, думается мне, заключается в низком происхождении ее отца (о чем не случайно упоминает сага), скорее всего бывшего родом из вольноотпущенников или наемных слуг. Такой брак считался унизительным для знатного скандинава. А то, что Бьяргольв не позаботился о наследстве для Хильдирид и детей от нее, является, скорее всего, свидетельством его внезапной кончины, поскольку скандинавы своих незаконных детей тогда не забывали.

Очевидно, что на неполный брак дочери, на отказ от ее полноценного супружества и на известное для нее (да и для всей семьи) бесчестье соглашались либо под давлением со стороны значительно более могущественного, чем семья девушки, и опасного жениха, либо из-за денег, либо по обоим этим соображениям. В данном случае вопрос решился всего лишь демонстрацией силы. Жених был настолько влиятельным человеком и, к тому же, привез с собой столь значительную свиту, что, усевшись в доме Хегни, «подозвал» хозяина к себе (!) для разговора. И Хегни согласился на сделанное предложение скрепя сердце, поскольку он «не видел другого выбора»[66]. По существу, неполный брак был формой «законной» покупки свободной женщины в качестве постоянной любовницы, на время жизни хозяина или на иной срок, если бы ему захотелось ее прогнать.

По языческому обычаю отец мог бы признать детей, особенно сыновей, от неполного брака сонаследниками законных детей либо выделить им некую долю наследства, но это следовало сделать, во-первых, при своей жизни и, во-вторых, в присутствии свидетелей, о чем Бьяргольв не позаботился. Впрочем, сыновья Хильдирид оказались столь успешными, что конунг Норвегии, разъезжая в Исландии по пирам, принял их приглашение попировать у них на острове вместе со всей дружиной трое суток подряд, а позднее они стали хозяйничать на севере Норвегии, в Халаголанде, и собирать дань для конунга в Финнмарке.

В сагах встречается и еще одна форма брака — вынужденная. В той же «Саге об Эгиле» конунг приказывает своему дружиннику Эйвинду, брат которого сразил могучего викинга Торольва, жениться на его вдове Сигрид и взять все добро и детей покойного. Следуя обычаю, семья Торольва должна была объявить кровную месть семье убийцы. Конунг не хотел развязывать кровавые столкновения в среде своей дружины и избрал другой метод для того, чтобы погасить неизбежную вражду: обязал ближайшего родича убийцы[67] жениться на вдове и взять на себя воспитание детей погибшего. Эйвинд дал слово выполнить приказ-рекомендацию вождя. Он просил руки Сигрид, продемонстрировав ей при этом знаки, которые ему дал конунг в подтверждение своей воли, и Сигрид «не видела другого выхода после того, что было, как подчиниться...». Этот брак поневоле должен был, видимо, разрубить

[66] ИС I. С. 71–72.

[67] Сам убийца по понятным причинам (как кровник) не мог претендовать на руку вдовы.

узел вражды между двумя кланами (гл. XXII); последствия его мне неизвестны. Я назвала этот брак вынужденным, поскольку, судя по формулировкам, использованным в саге, обе стороны не видели другого выхода «после того, что было, как подчиниться».

Супружеская жизнь: женщина и мужчина в браке

Супружеская жизнь, как это обычно бывает, складывалась у людей по-разному. Часто встречается формула «они жили дружно и славно». Но есть и такая реплика: «Торд мало любил жену, она не была ни красивой, ни ловкой. Главным для него было богатство, а богатств он собрал много, и хозяйство процветало»[68]. Были и браки, заключенные потому, что «не было иного выбора» или «иного выхода», но не всегда, видимо, несчастливые.

Хозяином дома был муж. Во многом положение замужней женщины в доме зависело от желания и воли мужа дать ей большую или меньшую степень свободы при распоряжении имуществом и в решении внутрисемейных дел. Несмотря на все контракты, в практической жизни все оказывалось много сложнее. Например, Хрут из «Саги о Ньяле» поручил своей жене Унн «все домашнее хозяйство, и всем это понравилось». Поэтому, когда между мужем и женой возник конфликт, все соседи приняли сторону Хрута, подчеркивая, что «Унн распоряжается всем в доме, как хочет», так что ей не на что жаловаться. Жена самого Ньяля — а они жили душа в душу, — когда берет нового работника, подчеркивает, что распоряжается «наймом людей не меньше, чем он [муж]» (гл. II, VI, XXXVI).

Жена была *хозяйкой дома* и, согласно уже ранним областным законам, в известном смысле как бы самым важным доверенным лицом бонда. Она смотрела за хозяйством, в отсутствие мужа вела дела полностью, держала ключи от всех помещений гарда, распоряжалась слугами, давала мужу советы. Между ней и мужем существовало очевидное и естественное разделение обязанностей при ведении домашнего хозяйства. Но и в теории, и на практике в супружеских отношениях приветствовалось, если жена была покорной мужу как самому главному распорядителю в семье и в домохозяйстве, представителю семьи на тингах и воину. В «Саге об Эйрике Рыжем» (гл. IV) имеется пример того, насколько покорной надлежит быть хорошей жене. Так, однажды во время ворожбы требовалось спеть необходимую для такого дела ритуальную песню. Ее знала лишь одна из присутствовавших женщин, но она была христианкой и сказала, что ей такие песни петь «не пристало». Однако муж настаивал, «и она сказала, что сделает, как он хочет», рискуя таким образом навлечь на себя Божий гнев.

[68] Сага о людях из Лососьей Долины // ИС I. С. 320.

Из того, что говорилось в этой части и в предшествующих очерках, уже ясно, что *права* замужней женщины были ограничены, но они имели место. Она не распоряжалась отчуждением имущества, но в ряде случаев по брачному контракту имела недвижимость «на половинных началах» с мужем. Именно на таких началах зять Снорри сына Стурлы получил хутор в приданое за его дочерью[69]. В сагах практически нет сведений о завещаниях замужних женщин: завещания исходили лишь от мужчин. Однако обычное право содержит четкие предписания о том, кто и что имеет право наследовать после замужней женщины. Родовая недвижимость вроде бы строго сохранялась в пределах рода, однако, если у человека была только дочь, его недвижимость наследовала она. В суде от имени замужней женщины обычно выступали муж, отец, брат, при их отсутствии — другой ее родич-мужчина либо уполномоченный семьей человек. Но за свои проступки женщина отвечала сама. Согласно записанному обычному праву, без согласия мужа женщина (так же как слуга или подмастерье!) могла что-либо купить без дозволения главы домохозяйства не более чем на 1 эре и даже говорить от своего имени и за своих детей, только если приказывал (дозволял?) муж. Если женщина приносила в приданое долю в родовой недвижимости, менять или отчуждать в другой форме эту собственность муж не мог без согласия ее семьи.

И хотя на практике ее властные полномочия были даже шире, чем предписывал обычай, в основном мир женщины, в котором она могла играть — и играла — значительную роль, по преимуществу определялся рамками усадьбы, семьи, детей. В обществе ее контакты осуществлялись главным образом через мужа (отца, брата, опекуна и т.д.), ее социальная роль вне гарда была ограниченной. Муж, под мундиум которого она переходила после свадьбы, представлял ее интересы в отношениях с третьими лицами. В то же время в сагах проскальзывает сведение о том, что женщина могла платить вергельд из своего имущества. С середины XIII в., судя по законам ярла Биргера, о которых упоминается в «Хронике Эрика», имущественные и личные права женщины (в частности, в Швеции) существенно расширились, хотя ее общее положение низводилось христианством на более низкий уровень.

Женщины не могли выступать свидетелем и защитником в суде, выступать на тингах, а лишь сопровождали туда отцов и мужей. Они не выполняли жреческие функции, хотя участвовали в отправлении религиозных обрядов. Если женщина наследовала религиозно-судебный округ-годорд, она была обязана передать его какому-нибудь мужчине из этого годорда[70].

Женщина имела социальный статус своего отца, а после замужества — супруга. За нарушение ее прав выплачивался штраф. Сурово наказывалось оскорбление женщины. Во время столкновений между мужчинами женщин, как правило, не трогали:

[69] Сага об исландцах. Гл. 35. 1218 г.

[70] Hastrup, 1985. P. 121.

воевать с женщинами считалось постыдным деянием. Хотя сами женщины частенько не упускали случая, когда было уместно и необходимо, поддержать своих мужчин и в сражении!

Положение вдов и разведенных женщин было в этом (как, впрочем, и во многих других случаях) более независимым. На практике, однако, и замужняя женщина в повседневной жизни была несравненно смелее, чем предписывал обычай.

В «Поучениях Высокого» мужчинам советуют никогда не верить «словам девы» и «тому, что говорит женщина». Однако в сагах не только девушки на выданье, но и женщины во многих случаях вынуждали женихов и мужей с собой считаться и даже позволяли себе командовать ими, унижать их, толкать на рискованные действия, побуждать к совершению кровной мести и т.д.

Молодость и первый, неудачный брак Турид, одной из дочерей Олава Павлина, а по матери — внучки скальда Эгиля Скаллагримссона, описаны в «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. XXX). А в «Саге о битве на Пустоши» (гл. XXVI), где речь идет о событиях рубежа X–XI вв. (сама битва произошла в 1014 г.), рассказывается дальнейшая история Турид: эта женщина, вздорная, злобная и неумная, стала женой славного Торбьёрна, которого она ни во что не ставила. Когда однажды во время трапезы она брякнула на стол чан чуть ли не с помоями, за что муж начал ее колотить, Турид принялась громогласно поносить его на чем свет стоит и даже швырнула в него недозрелым сыром. Все это расстроило Торбьёрна до такой степени, что он заплакал и ему стало чудиться, будто их дом разрушился и все они оказались заваленными землей[71]. Несчастный муж, который, кстати, умел слагать стихи, прочитал о своем горе вису[72]. В другой висе (№ 4) из этой саги повествуется о том, как Турид подстрекала сына Барди отомстить за смерть старшего брата Халля; как вместе с мясом кинула на стол три камня и, окончательно придя в бешенство, грубо ругала сына, крича, что если он не отомстит за брата, то будет «выродком».

Конечно, муж далеко не всегда спускал жене грубость и даже шалость, если в ней проявлялось неуважение к нему. В «Пряди о Снэбьёрне Борове и Халльгерд», события которой относятся к середине X в., описан случай, скорее всего, неординарный. Муж и жена, оба происходившие из знатных родов, поженились и жили не любя друг друга. Когда однажды муж собрался в торговое плавание, жена вместо того, чтобы приготовить все необходимое для совместной поездки, села на постель и принялась молча расчесывать волосы, а «на неоднократные призывы мужа» не отзывалась. Рассвирепев, муж намотал ее волосы себе на руку, но она все равно не встала. Тогда он отрубил ей голову, вышел из дома и уехал. Вира за такое преступление не бралась: платили только жизнью за жизнь[73], так что начались

[71] Очевидно. что этот дом был с земляными стенами и крышей, что было не редкостью в Скандинавии того времени (см. выше, в части 1).

[72] ИС II:2. С. 435. См. там же вису № 7, пер. Ф.Б. Успенского.

[73] ИС II:1. С. 41 и сл. Эта прядь помещена в знаменитой исландской «Книге о заселении земли».

длительные и сложные распри, в которые было вовлечено много исландцев. Эта жуткая история описана в висах, которые приписывались скальдам Халльбьёрну Оддсону и Стюрбьёрну. Там, в оправдание случившегося, от имени жестокого мужа говорится, что его «жжет (режет) горе в сердце», но, как выясняется из этих стихов, не потому, что он убил жену, а из-за того, что его «одетая в лён» жена делала из него «дурака»[74].

Все же, как свидетельствуют многие саги, мужчины считались с мнением своих жен, спрашивали их совета — и не только в том, что касалось повседневных домашних дел.

Также очевидно, что женщины в сагах хотя и не играли такой же публичной общественной роли, как мужчины, поскольку их жизнь в основном ограничивалась домохозяйством и детьми, но нрав у них был далеко не кроткий. Крутой характер, властность, ум, множество умений, выносливость, трудолюбие, расчетливость, нередко склонность к интригам и острый язык[75] позволяли женщине многое решать в своей судьбе, в жизни гарда, а подчас играть роль и за пределами своего дома. Так, дочь Олава Павлина и жена местного хёвдинга Торбьёрг Толстая, умная и властная хозяйка Озерного Фьорда, была «женщина недюжинная и большой мудрости». Когда ее муж Вермунд бывал в отъезде, она «распоряжалась в округе и *заправляла всеми* делами (курсив мой. — *А.С.*)... Люди учтиво ее приветствовали». Вполне обычным было, что Торбьёрг верхом, «в крашеной одежде», в сопровождении двоих людей ехала к «летовью», видимо, чтобы проверить скот на пастбище. Авторитет Торбьёрг был столь велик, что ей удалось спасти объявленного вне закона Греттира от самосуда и виселицы (позднее он сложил в честь ее стихи)[76]. Муж очень уважал Торбьёрг и во всем советовался с ней[77].

Женщина могла отомстить обидчику сама или послать слугу, чтобы тот, например, убил неверного зятя[78]. Женщины сплошь и рядом участвовали в совершении кровной мести не только тем, что упорно подталкивали к ней своих мужей, сыновей, братьев и других родичей, но и принимая личное участие в подобных актах. Чего стоит хотя бы месть Сигню за братьев и отца, когда она во имя ее свершения пожертвовала собственными сыновьями![79] У конунга Ингъяльда, который обманул обещаниями мира, а затем убил двенадцать малых конунгов, в результате став королем большей части Швеции, была дочь Аса, похожая нравом на отца. Она

[74] Виса тоже в переводе Ф.Б. Успенского.

[75] Так, некая Торхильд получила прозвище Женщина-Скальд не столько за стихи, что в принципе было вполне возможно в те века скальдов, сколько потому, что была «очень остра на язык, резка в речах, имела желчный характер и любила насмешки».

[76] Сага о Названых Братьях // ИС II:1. С. 118.

[77] Сага о Греттире. Гл. I, II.

[78] Там же. С. 144.

[79] КИ. С. 184.

была выдана замуж за Гудреда, конунга Сконе *(«Сканей»)* и была *виновна* в том, что «Гудред убил Хальвдана, своего брата... и была виной также в смерти Гудреда, своего мужа»[80]. Торбьёрг («Сага о Хёрди и островитянах», гл. XXXVIII) пыталась зарезать своего нелюбимого мужа Индриди, мстя за брата. При этом факты мести мужу за отца или брата, равно как и мести брату за мужа, как мне представляется, можно объяснить не столько обычаями матриархата или патриархата, а скорее теми чувствами, которые испытывала женщина к мужу при выходе замуж и во время семейной жизни с ним.

Женщина подчас была решительнее мужа. Одна из таких женщин в конце концов ушла от робкого мужа, которого не могла уважать[81]. Мнение женщины имело вес не только в семье, но и в отношениях с другими семьями и разными людьми (Гудрун из «Саги о людях из Лососьей Долины», Халльгерд и Хильдигунн из «Саги о Ньяле», дочь Олава Павлина Торбьёрг и др.).

Жесткие, умные, деловитые и хозяйственные, смелые и коварные женщины саг высоко ценились мужчинами, которые далеко не всегда рисковали обижать их. В любви такие женщины саг были упорными и верными и, хотя бывали вынуждены терпеть неверность мужчин, вряд ли искренне прощали их и, во всяком случае, всегда помнили о своем унижении.

Известно, что женщины саг нередко брали в руки оружие, защищая семейную честь и помогая своим мужчинам. Так, жена Гисли Ауд и его приемная дочь Гудрид сражались вместе с ним в его последнем бою, вооружившись дубинками; другая отважная женщина, Тордис, бросилась с мечом на убийцу брата («Сага о Гисли», гл. XXXIV и XXXVII). И такие примеры можно приводить и дальше, так что скандинавские женщины отличались не только решительностью, но и *воинственностью.* Саги о древних временах сохранили память о том, что, когда мужчины бились с осаждающими их врагами в поле, женщины стояли у бойниц, видимо, готовые стрелять, бросать камни и зажженные головни. Молодая девушка, прощаясь с воином, идущим на битву, который был ей дорог, заверила его: «И никогда [нападавшим] мужчинам не завоевать этот замок, хотя и некому его охранять, кроме женщин» («Сага о Хальвдане Эйстейнссоне», гл. XIX).

Когда была открыта американская земля Винланд, дочь Эйрика Фрейдис поплыла туда на корабле, снаряженном на паях с братьями и мужем, а приплыв, по неясной причине заставила мужа убить всех неродственных мужчин, при этом пять сопровождавших их женщин собственноручно зарубила секирой. Когда же навстречу приезжим вышли туземцы и скандинавы дрогнули, она не испугалась, а сама взяла в руки меч[82].

[80] КЗ. С. 33.

[81] См.: Сага о людях из Лососьей Долины. С. 251, 258–295.

[82] ИСИЭ. С. 91, 126.

Женщины, особенно жены и матери, часто подстрекали своих мужчин к совершению кровной мести[83]. В «Саге о Гисли» (гл. XXV–XXVI и сл.) неустрашимый, могучий боец, верный брат и друг, любящий и любимый муж Гисли погибает в битве: у доблестного и славного Гисли, говорит сага, было «мало удачи». Его сестра Тордис, мстя за брата, ранит его убийцу и разводится с мужем из-за того, что тот не только не отомстил за Гисли, но вроде бы нанял его убийц. «Отныне, — говорит Тордис, — никогда она не ляжет с ним в одну постель», а затем решительно доводит развод до конца. Если Тордис взяла сторону брата против мужа, то эпическая по типу героиня Гудрун убивает не только мужа Атли, но и сыновей от него, мстя за братьев[84]. В «Саге о Хёрде и островитянах» Торбьёрг решила убить мужа, чтобы отомстить за брата, разбойника Херда, и спасти его вдову и дочь. Она была согласна помириться с мужем, если тот убьет убийцу брата и принесет ей его голову[85]. Сложное переплетение родовых отношений нередко становилось причиной разрушения супружеского союза и, как правило, по инициативе женщины.

Странно, но я не могу припомнить ни одного эпизода саг, в котором женщина выступала бы носительницей примирения, мира, несмотря на то что именно на ней держался порядок в доме, хотя бы по той причине, что мужчины часто отсутствовали. Но одно доброе дело доверялось только женщинам — это лечение израненных мужчин и, по всей вероятности, вообще больных людей. Об этом говорится во многих сагах. Как правило, лечением занимались старые женщины, многие — из бедных домов. Они же нередко и ворожили. Лечили травами, в том числе луковым отваром, который, по мнению людей саги, обладал врачующими и антиколдовскими свойствами. Лечили и другими напитками, мазями из растений, животных жиров и шерсти, желчи, растертых рогов и других костей и, конечно, заклинаниями. Процесс лечения длился порой до года и более, но тем не менее человек нередко возвращался к нормальной жизни. Своих детей и других домашних хозяйки дома и его насельники, видимо, лечили сами[86].

Развод

Судя по сагам, брак в этом мире, несмотря на частую неверность мужчин, в принципе был крепким. Хотя нам не известны все перипетии семейной жизни тысяч персонажей, что проходят через саги, но, судя по тем парам, о которых в сагах говорится хотя бы мельком, подавляющее большинство супругов проживали долгую совместную жизнь в одном или нескольких браках, деля радости и беды и как-то примиряясь с недостатками и проступками друг друга.

[83] См., например: ИСИЭ. С. 133–134.

[84] См. «Гренландскую песнь об Атли» в «Младшей Эдде» и в ИСИЭ (прим. 798 к с. 49).

[85] ИСИЭ. С. 496.

[86] Речь о врачевании еще пойдет ниже.

Вместе с тем иногда пары расходились, прибегая к разводу. Инициаторами развода были как мужья, так и, еще чаще, жены. Развод был возможен при выполнении ряда условий и процедур. Главным условием для расторжения брака было наличие у его инициатора веской причины, из-за которой дальнейшая супружеская жизнь данной пары была невозможна. Особенно убедительными должны были быть аргументы женщины.

По моим впечатлениям, чаще остальных расходились довольно молодые пары, иногда даже еще бездетные.

Мужчине развестись было проще. Например, в «Вига-Глум саге» муж не пожелал терпеть постоянные перебранки с женой: там сказано, что «из-за их разногласий Вига-Скута отослал ее [жену] в … и развелся». Т.е. в том случае обоснованием развода послужил дурной характер, несдержанность женщины. Но чаще в сагах описывается развод по инициативе жены. Уважительными *причинами* для развода со стороны женщины могли быть следующие: недостаток средств для существования семьи по причины нерадивости мужа; сексуальная неспособность мужчины; его грубость, особенно избиение жены; «женоподобное» поведение (что было огромным позором, потерей чести); взаимная неприязнь; отсутствие у мужа «удачи» и др.

Процедура развода в сагах достаточно подробно расписана, во всяком случае в отношении женщин. Прежде всего, на всех этапах следствия должны присутствовать свидетели. Сначала при свидетелях следовало объявить о своем решении развестись, стоя возле супружеской постели (напомним, что общая постель была свидетельством состоявшегося брака). Затем, также при свидетелях, делалось второе объявление в публичном месте: во дворе усадьбы, в любом многолюдном обществе, хотя бы и на пире. Так, однажды на свадебном пире некий мужчина, бывший там вместе с женой, «поднялся из-за стола и назвал своих свидетелей и объявил о разводе с ней» («Сага о Ньяле», гл. XXIV). Третье оповещение делалось на тинге[87]. Во всех объявлениях должна была содержаться формула разрыва фактического (сексуального) сожительства. В «Саге о Гисли» (гл. XXXVIII) «Тордис называет свидетелей и объявляет о своем разводе с Берком и говорит, что отныне никогда не ляжет с ним в одну постель».

Как можно было «организовать» доказательства, видно из истории все той же неуемной Гудрун, дочери Освивра. Выходя в первый раз замуж за славного Торвальда, но не будучи спрошенной о согласии на брак, Гудрун зато получала серьезное возмещение: по брачному договору жених обязывался покупать ей украшения такого качества и в таком количестве, каких не было ни у одной женщины ее статуса. И вот щеголиха Гудрун начала терзать мужа, непрерывно требуя от него все больше и больше дорогих украшений, постоянно настаивая на своем и упрекая его. На очередное грубое заявление жены, сопровождаемое упреками, Торвальд ответил

[87] ИСИЭ. С. 175.

пощечиной. Гудрун в ответ огрызнулась и пошла советоваться со своим дружком Тордом, которого она к тому времени завела. «Торд, улыбаясь, дал ей следующий совет: "Сделай ему рубашку с таким разрезом, которого достаточно для развода, и объяви, что вы разведены по этой причине"».

Итак, Гудрун сшила мужу рубаху с большим (женским) вырезом, и он, ничего не заметив, ее надел. Но надо было соблюсти процедуру. Гудрун объявила о разводе с мужем — из-за его неприличного одеяния — у супружеской постели, на пороге дома и на общем тинге у Скалы Закона, все три раза при свидетелях. Ее развели, имущество разделили[88]. Теперь дело было за Тордом. Гудрун обратила внимание любовника на то, что его жена Ауд, энергичная и хозяйственная, для удобства «ходит в штанах, застегнутых сзади, и с обмотками, спускающимися до сапожек» (?), т.е. носит одежду по-мужски. Такое явное неприличие было опять же достаточным основанием для развода, чем Торд и воспользовался. После этого они с Гудрун пышно отпраздновали свою свадьбу и зажили счастливо (гл. XXXIV–XXXV).

Мать Снорри Тордис, мстя обидчику сына, ухитрилась ударить его под столом мечом по ноге, когда он был у них в гостях. Муж побил ее за оскорбление гостя. Она же подала на развод и выиграла дело[89]. Или случай, который описан в «Саге о Битве на Пустоши» (гл. XLIII) и который издатель саги относит примерно к 1025 г.[90] Дочь Снорри Годи, гордая Ауд, и Барди, полюбив друг друга, поженились и уехали в Норвегию, где хорошо жили. Однажды утром, оставшись в горнице вдвоем, супруги стали в шутку перебрасываться подушкой, и в какой-то момент муж попридержал подушку у лица Ауд. Она в ярости схватила камень и швырнула его в мужа. В тот же день Барди привел свидетелей и объявил о разводе с ней, поскольку он не желает терпеть унижений ни от нее, ни от кого-либо другого. Развелись, разделили имущество. Ауд вышла замуж за другого знатного человека — Сигурда сына Торира Собаки (Торир был известен тем, что именно он убил в битве 1030 г. св. Олава). А уважаемый и храбрый Барди уехал «в Гардарики», где вступил в варяжскую дружину, совершил много подвигов и погиб, сражаясь.

Причиной или поводом для развода могло быть также нежелание одного из супругов лечь в одну постель со своим мужем или женой, т.е. невыполнение супружеских обязанностей. Об этом следовало объявить, как обычно, трижды и при свидетелях: около супружеской постели, вне дома и на тинге. Если был виноват муж, то после развода отец вернувшейся домой жены забирал ее приданое (ср.: «Сага о Гисли», гл. IX). Именно так в конце концов развелась с мужем и Унн, жена Хрута, которого «приворожила» мать норвежского конунга Гуннхильд («Сага о Ньяле», гл. VI, VII).

[88] ИС I. С. 326.

[89] ИС II:2. С. 33.

[90] Там же. С. 332, прим. 117.

Дело в том, что Хрут в бытность дружинником норвежского конунга состоял в связи с королевой-матерью Гуннхильд. Но на родине его ждала невеста Унн, и, не желая нарушать данное слово, Хрут решил уехать к ней. На прощание Гуннхильд подарила возлюбленному золотое запястье и много муки (которой всегда не хватало в Исландии). Но одновременно предупредила о том, что предстоящее его супружество с оставшейся на родине обрученной невестой не будет счастливым. В саге явно намекается, что Гуннхильд «сглазила» будущий брак Хрута. Во время свадьбы невеста была печальной, то есть сага опять намекает — теперь на то, что невесту томили недобрые предчувствия. После свадьбы, получив сполна все приданое, супруги уехали на запад. Вернувшись в свое имение, Хрут поручил жене все хозяйство. Но в результате любовного приворота, сделанного Гуннхильд, как супруги ни старались, их дела в постели не ладились. Унн долго стеснялась обнародовать свои интимные проблемы. Но все же пожаловалась отцу на то, что хотя ее муж нормальный мужчина, но, как он ни пытается, «не может иметь утехи со мной». Отец посоветовал ей развестись, соблюдая все правила «в согласии с законом», т.е. обычным правом. Дождавшись отъезда мужа на тинг, Унн призвала свидетелей и объявила, что у них с мужем нет супружеских отношений. Но все вокруг говорили, что Унн грех жаловаться на мужа, поскольку он предоставил ей ведать всеми делами в гарде, так что развестись ей удалось не сразу. В конце концов обиженная супруга, обвинив мужа в невыполнении супружеских обязанностей, проделала все необходимые процедуры, и на всеисландском тинге-альтинге ее отец как ходатай по делу дочери «пошел на Скалу Закона и объявил о ее разводе с Хрутом». В конце концов Унн уехала к отцу[91].

В «Саге об исландцах» (гл. 3) упоминается о разводе, который произошел вроде бы из-за нелюбви супругов. Разведенный муж затем женился на другой разведенной женщине и получил в этом браке такое «большое богатство», что «сделался хёвдингом». Это замечание наводит на предположение, что нелюбовь мужа к первой жене могла происходить из желания вступить в более выгодный брак.

Иногда развод происходил из-за конфликта между мужем и братом женщины, причем она могла принимать сторону как одного, так и другого; возможно, здесь играли роль родовые или семейные отношения и традиции, в которых она была воспитана. Но возможно, что свою роль здесь играли и ее отношения с мужем. Известен случай, когда разлад в доме достиг такого уровня, что жена, затевая развод, выбросила всю одежду мужа в выгребную яму, так что ему нечего было надеть[92]. Скорее всего, у женщины был плохой характер. Дурной характер, грубость одного из супругов нередко была причиной развода. Выше мы уже столкнулись с эпизодом, когда муж заплакал из-за грубости жены. Женская грубость и нетерпимость проявлялись и в королевской семье. Так, Эйрик Победоносный (конец X — начало

[91] ИС I. С. 454–457.

[92] Там же. С. 228.

XI в.) вынужден был развестись с женой Сигрид Гордой, не вынеся ее вздорного характера. Чтобы она согласилась на разъезд (983 г.), он отдал ей в управление весь Гауталанд (Гёталанд). Позднее она не ужилась и с сыном. А свое прозвище эта дама, убежденная язычница, получила потому, что сожгла в доме сразу нескольких претендентов на ее руку — «малых конунгов», чтобы отучить подобных мелких людишек претендовать на ее руку[93].

Наконец, развод мог быть следствием супружеской измены, причем не только жены, но и мужа, — в том случае, конечно, если измену могли предать гласности с помощью свидетелей. Согласно обычному праву, при доказанной измене жены с ней разводились, не возвращая приданого. Если изменял муж (конечно, не с зависимыми женщинами), жена имела право после развода забрать свое приданое[94].

Таким образом, инициаторами развода могли в равной мере выступать и муж и жена, но инициатива жен прослеживается чаще. При этом в сагах разведенная женщина редко остается вне брака — только если сама этого желает. Женщины в мире саг, как говорится, были в цене. Возможно, они чаще умирали, особенно в результате родов. А в той же «Саге о Гисли» (гл. XVIII) вдова вышла замуж, будучи беременной от погибшего мужа, и родившегося ребенка по обычаю назвала именем отца. Мужчины в те героические века погибали часто; но похоже, чаще, пусть и не в боях и плаваниях, погибали женщины. Так что два-три брака в жизни персонажей саг не были редкостью.

Развод обычно затрудняли сложности с разделом имущества. Такие сложности возникали при каждом разводе, как и при многих вступлениях в наследство. О первом случае — длительной тяжбе из-за раздела имущества разошедшихся супругов — повествует «Сага о Ньяле» (гл. VIII). Об этом разводе говорилось выше, тогда тяжбу выиграл Мёрд, отец Унн, против Хрута, от которого она ушла. Но уже после развода дочери Мёрд начал новую тяжбу против Хрута, на сей раз из-за приданого дочери. Он назвал своих свидетелей и предъявил иск на 600 локтей (примерно 300 м) сукна. Хрут отказывался платить и был в своем праве, так как жена или ее родственники могли требовать назад приданое лишь в том случае, если бы инициатива развода исходила от мужа. Однако согласно тому же обычному праву женщина частично сохраняла права на свое приданое вплоть до появления детей, а детей у Унн и Хрута не было. Мёрд вынес свои притязания на суд тинга четверти, который предложил решить дело поединком. Но Мёрд отказался биться с Хрутом и проиграл тяжбу. Все было бы намного проще, если бы при помолвке составили четкий брачный контракт, рассчитанный, в числе прочего, на раздел имущества супругов при разводе или иных осложнениях в их жизни. В данном случае контракт, видимо, либо отсутствовал, либо не был серьезно продуман.

[93] КЗ. С. 125, 126.

[94] КИ. С. 293.

В балладах (с XIII в.) встречаются описания таких порядков, при которых потерявшая невинность невеста может рассчитывать только на положение наложницы, а неверную жену муж может закопать живьем (!) в землю. Никаких намеков на такие обычаи в сагах нет.

Наложничество как система: к проблеме семьи в мире саги

Адам Бременский, передавая в своей книге доступные ему сведения о свеях, пишет, что «они не знают меры... в связях с женщинами» (гл. XXI). Он пишет, что «каждый в соответствии со своими возможностями имел одновременно двух, трех и более жен», богачи и знать держат их без числа. Причем сыновья, рожденные в подобном браке, «считаются законными». Однако при этом, если «кто-нибудь спознается с чужой женой, или силой возьмет девушку, или отнимет чье-нибудь добро, или совершит беззаконие, он наказывается смертной казнью». Оставим без комментариев приравнивание связи с чужой женой или дочерью к краже имущества, что вполне характерно для менталитета того времени. Обратимся к проблеме «многих жен», которая на самом деле касалась не только свеев и вовсе не означала узаконенного многоженства: скорее всего, это было проблемой наложниц, действительно очень актуальной для людей саги.

Тема наложниц (frilla) и наложничества, судя по «Саге о Стурлунгах» и многим другим сагам, особенно в авторской саге XIII в. «Об исландцах», нередко выступает на первый план, когда речь идет о перипетиях личной жизни персонажей. При этом в сагах нет упоминаний о более или менее длительных внебрачных отношениях в среде зависимых и бедных людей. И хотя в этой среде такие отношения наверняка возникали, нам о них ничего не известно. В среде же самостоятельных хозяев самого разного статуса наличие наложниц определенно было делом обычным[95].

Но это явление, насколько я поняла, имело *разные формы.* В сагах наложницами именуются все женщины, связанные с тем или иным мужчиной сравнительно длительными внебрачными половыми отношениями, будь то служанка, свободная содержанка или просто любовница. Однако между этими категориями женщин и их положением были различия, которые интересно рассмотреть.

Домашнее наложничество. Сначала речь пойдет о первой и, как мне представляется, наиболее распространенной форме наложничества в мире людей саги — о сожительстве семейных мужчин в пределах их собственного домохозяйства.

[95] Некоторые историки, опираясь на «саги о современности», «Сагу о Стурлунгах» и «Сагу об исландцах», даже считают, что *большинство* мужчин в Исландии времен саг и позднее, т.е. и в XIII в., имели сожительниц. Джохенс (Jochens, 1995) справедливо рассматривает это явление в связи с основной социальной стратификацией тогдашнего общества, но не занимается его типологией.

Эта форма наложничества была непосредственно связана с семьей и домашней жизнью скандинава.

Чаще всего об этом говорится мельком, но иногда рассказываются целые истории, в том числе, разумеется, о королях. Так, Олав Шетконунг, сын Эйрика Победоносного и Сигрид Гордой, первый общешведский король (995–1020/1022), а также и первый христианский правитель шведов, имел сына от жены-христианки, дочь от жены-вендки и нескольких детей от наложниц, в частности Эймунда (Эмунда), правившего после брата Анунда-Якоба (1050–1060-е гг.), а также дочь Астрид, ставшую супругой норвежского короля Олава Святого[96].

Адам Бременский, пользовавшийся в Дании гостеприимством короля Свейна Эстридсена в 70-х гг. XI в., был совершенно поражен той распущенностью в отношениях полов, которая царила при королевском дворе Дании. Необыкновенное любвеобилие своего покровителя-короля он снисходительно прощал за его преданность делам церкви. Гамбург-бременский священнослужитель объяснял сексуальную вольность мужчин и женщин частыми отлучками мужчин в связи с викингами[97], с чем, вероятно, можно согласиться.

Но скорее широкую распространенность внебрачных связей среди скандинавов можно объяснить языческими представлениями и нравами, которые господствовали в эпоху викингов и в виде заметных реликтов сохранялись в толще народа еще в XIII в. и позднее.

Однако было еще одно обстоятельство, очень важное, которое в тех условиях значительно влияло на поведение людей и которое может быть понято благодаря именно исландским сагам. В том числе оно стимулировало и делало доступной половую распущенность, в частности семейных мужчин, в их домах, о чем в первую очередь и идет речь. Этим обстоятельством было наличие в каждом домохозяйстве зависимых людей — рабов и свободных наймитов. И если свободных наймитов держали почти исключительно бонды, рабов в ту эпоху использовали и арендаторы чужой земли. Работниц нанимали либо превращали в них вольноотпущенниц. Рабы обоего пола рождались в доме хозяина от таких же рабов, или были захвачены им в плен во время викинга, или, наконец, просто куплены на рынке. Подчинение тех и других хозяину приводило к тому, что женатый мужчина-хозяин не только открыто практиковал в своем имении сексуальные связи с *зависимыми* женщинами, но заводил более или менее постоянных любовниц из их числа.

В «Саге об Олаве Святом», норвежском короле-крестителе, рассказывается, что до женитьбы у него была наложница — взятая в плен во время викинга дочь ярла

[96] Это вообще был германский обычай; во всяком случае, еще в VI в. король франков Хильперик женился на «служанке» Фредегонде, их сын стал королем (Хлотарь II), а Гунтранн женился на свободной любовнице Венеранде (о чем, как известно, свидетельствует и Григорий Турский).

[97] *Адам*. С. 93 и др.

«из страны вендов». Как пленницу ее считали рабыней короля; она родила ему троих сыновей и дочь.

Примером рабыни, специально купленной для хозяйских утех, может служить мать Олава, «сына служанки», о котором уже шла речь. Эта история, включая судьбу матери и сына, содержится в «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. XII, XIII, XXVI и др.). Она интересна и во многих отношениях показательна, так что теперь пора пересказать ее. Дело было так.

Знатный и богатый Хёскульд сын Коля из Долин однажды купил и снарядил корабль, оставил дома в Исландии жену Йорунн заботиться о хозяйстве и детях, а сам отправился в Норвегию. Там он однажды пошел на торг, где «были разные забавы, попойки, игры и всевозможное веселье». В числе прочих он встретил там человека по имени Гилли, «с русской шапкой на голове», по прозвищу Гилли Русский, который, скорее всего, был купцом, торговавшим с Русью. Он был самым богатым из тамошних торговцев, продавал и женщин. Хаскульд присмотрел и купил у него одну из них за большую, как считалось, сумму (2 марки серебра). Женщина была красива, но слыла глухонемой. Он хорошо ее нарядил и увез с собой. Имени ее он так и не узнал. Дома он рассказал все жене «и попросил ее обойтись с женщиной хорошо, а также разрешить ей остаться в доме». Йорунн не стала возражать. Хозяин возобновил супружеские отношения с женой, а наложница вела себя очень скромно, хотя «каждому было заметно ее знатное происхождение, а также и то, что она была неглупа». У наложницы родился мальчик, очень красивый и благородный на вид. Отец любил его больше других детей и даже дал ему имя Олав, которое обычно давалось людям знатным. Уже в два года Олав хорошо говорил «и бегал, как четырехлетние дети». А его мать между тем, по требованию хозяйки гарда, стала служанкой. Вскоре случайно выяснилось, что наложница отнюдь не немая: она вовсю беседует с сыном, когда они остаются наедине. И тогда хозяин узнал, что она — дочь ирландского конунга Мьюркъартана[98] и зовут ее Мелькорка. Она была вывезена из Ирландии как пленная в возрасте 15 лет.

Со временем из-за ссор между женщинами постаревший Хёскульд отослал наложницу на отдельный хутор. Она была обижена; все же завела свое хозяйство и впоследствии вышла замуж хотя и не по любви, но за хорошего человека. Ее обожаемый сын Олав был щеголем (за что и получил прозвище Павлин) и имел отменное оружие. Отец постепенно стал вроде бы меньше заботиться о нем, однако он очень его любил и при составлении завещания просил своих старших сыновей выделить бастарду ⅓ из общего наследства, т.е. обеспечивал его на равных с двумя законными сыновьями. Он дал Олаву браслет весом в марку (примерно 216 г золота) и меч с дорогими украшениями, в полмарки золота, а также *«завещал ему свою удачу и удачу родичей»* (курсив мой. — *А.С.*). Хотя братья и считали, что Олав уже получил

[98] В Ирландии X в. было несколько (малых) королей по имени Muircertach, и кого из них имеет в виду сага — неясно (ср.: ИС I. С. 772, прим. 273).

столько, что был богаче их, все же они выполнили волю отца, завещавшего Олаву дополнительно еще 12 эйриров[99].

Когда Олаву исполнилось 18 лет, мать послала его в Ирландию навестить деда. При этом она дала ему перстень, чтобы ирландский конунг мог понять, кто перед ним, и пояс, подаренный ей когда-то мачехой, чтобы и та признала Олава. Ирландскому языку она, как оказалось, научила сына еще в детстве. Олав поехал сначала в Норвегию, где какое-то время служил дружинником у короля и весьма преуспел в этой службе, а через год, с подарками и сопровождаемый благожелательными напутствиями конунга, прибыл в Ирландию. Дед настолько обрадовался известию о приезде внука от пропавшей, как он думал, дочери, что срочно покинул дом, где в это время пировал. Признанный дедом и ирландской родней, осыпанный подарками и обласканный, Олав вернулся в Исландию богатым, славным воином и хозяином и женился, как мы уже знаем, на родовитой, гордой и прекрасной девушке. Такова была судьба этого сына служанки, которому в течение последующей жизни не раз пригождалась завещанная отцом *удача*[100].

По сагам разбросано множество сведений как о связях бондов со свободными и несвободными служанками, так и о детях от них. Например, в «Саге о Битве на Пустоши» (конец X — начало XI в.) говорится об 11 сыновьях Снорри, из которых три имели одинаковое имя (что вообще не являлось исключительным случаем в стране[101]): Торд Киса[102]. Из трех Тордов Кис лишь первый был от жены, остальные — от наложниц, причем одного из этих незаконных сыновей отец взял с собой в викинг. У главного персонажа саги «Жизнь Снорри Годи» от трех жен было 19 свободнорожденных детей и три — от служанок[103].

При изучении саг создается впечатление, что в большинстве гардов наряду с законной женой домохозяина находилась хотя бы одна его любовница, обычно зависимая от домохозяина женщина-служанка, как рабыня, так и формально свободная. Отец Олава Павлина поселил любовницу-рабыню в своем имении, заручившись согласием жены; возможно, это как-то определялось бытующей практикой. Со временем из-за недовольства жены и, видимо, охладев к любовнице, немолодой Хёскульд отселил наложницу, обеспечив ее недвижимым имуществом, причем такой образ действий встречается в сагах редко (если речь не идет о любовницах королей и ярлов). Гораздо чаще любовницы хозяина находились в гарде постоянно, и терпимость хозяек также свидетельствует о распространенности этих отношений в обществе, их принятости. Судя по мотивации разводов, предпринимаемых по инициативе женщин (см. выше), жены обычно игнорировали «шалости» своих

[99] Эйрир — единица веса — 27 г, ⅛ марки; одновременно денежная единица.

[100] ИС I. С. 268–274, 309 и др.

[101] ИС II:1. С. 325.

[102] Там же.

[103] ИС II:2. С. 130–131.

мужей со служанками — то ли ради сохранения брака и своего положения в обществе, то ли из-за презрения к рабыням, так что об их истинных, глубоко запрятанных чувствах судить сложно.

«Побочная жена». «Сага о Ньяле» многое добавляет к сведениям об отношении людей саги к открытому сожительству женатых мужчин с женщинами, в том числе с женщинами *вне* своего домохозяйства. Эти сведения также проливают дополнительный свет на сам институт брака в мире саги. Вообще, если обнаруживалось, что какой-нибудь мужчина имеет связь с чужой женой, вдовой или девицей, то считалось, что он «блудит» и «дурит» ей голову. При желании семья женщины могла за это отомстить либо потребовать виру. Если же женатый мужчина имел связь с *некой одинокой* женщиной (по контексту — свободной), то она рассматривалась как *«побочная жена»* с «незаконными детьми», что было вполне обыкновенно и как бы в порядке вещей, если только не вмешивалась законная жена.

Множество фактов, касающихся «домашней» любовницы, заведенной в доме из числа несвободных челядинок, как и относительно «побочной жены», свидетельствуют, что это была распространенная практика и что моногамная семья свободных домохозяев, не говоря об элите, нередко фактически не была таковой. Существовало двоеженство в форме сочетания законной семьи и зависимых наложниц и/или побочных жен, не оформленное ритуалом и правом, но принятое повседневным обычаем. Такая семья практиковалось в Скандинавии, судя по сагам, и в XII–XIII вв., — как уже принявшими христианство государями, так и их подданными.

В скандинавской мифологии сохранилось сведение и о многомужестве в древние времена[104], но проверить это невозможно...

Наложничество как внебрачное сожительство. Теперь речь пойдет о собственно о наложничестве. В сагах это не освященное ритуалом брака более или менее *стабильное сожительство* свободных мужчины и женщины. В такие внебрачные связи вступали обычно неженатые мужчины. Сплошь и рядом наложница жила вместе с холостым мужчиной, зачастую ведя его хозяйство и рожая ему детей, так что и в данном случае мы сталкиваемся с определенной формой именно *сожительства* в точном значении этого слова: временного и не оформленного особыми процедурами аналога брака. Судя по всему, такое сожительство было основано на личном соглашении мужчины и женщины. Оно отличалось от того, что сами скандинавы называли «неполным браком», поскольку в последнем случае наложницу как бы покупали по договоренности с ее семьей, чаще всего независимо от ее согласия.

Наиболее широкими возможностями для того, чтобы завести одну или одновременно нескольких привлекательных наложниц-фавориток, обладала элита: конунги, хёвдинги, богатые и влиятельные («могучие») бонды. Конунг Сигурд сделал

[104] Таким напоминанием о древних пережитках была женитьба двоих братьев верховного бога Одина на его жене Фригг (когда они думали, что он не вернется) (КЗ. С. 12).

своей наложницей дочь богатого бонда. Харальд Суровый имел «официальную» наложницу (середина XI в.)[105]. В «Саге о Магнусе Голоногом» Снорри Стурлусон пишет, что до того, как этот норвежский король женился на Маргарете, дочери шведского короля Инги, он имел детей от других женщин и наложниц, как низкого, так и знатного происхождения (гл. XVI)[106]. Судя по практике других европейских обществ, находившихся на поздней догосударственной и раннегосударственной стадиях, наложничество на уровне правителей в ряде случаев могло осуществляться на договорных началах, важных для развития вассальных связей. Не могу пока понять, почему наиболее часто, спокойно и откровенно о наложницах, преимущественно в среде знати и верхушки бондов, говорит христианская «Сага об исландцах», довольно равнодушная к описанию брачных церемоний и супружеской жизни, которое так любят родовые саги. Имеет смысл обратиться к данному сюжету, используя ту массу данных, которая содержится в этой саге.

Так, там (гл. 17) рассказывается о двоих братьях, Сэмунде и Орме, сыновьях Йона, неженатых и имевших наложниц. Дело происходит в начале XIII в. Сэмунд «считался знатным в Исландии в те времена», он жил на хуторе Одди «на широкую ногу и имел сверх того много других хуторов». У него не было «законной жены». Но зато он имел девять детей от разных женщин, обычно ведших хозяйство на его хуторах; из них четверых детей от одной из таких «экономок»-наложниц. О своих незаконных детях Сэмунд отзывается с большой похвалой[107]. Что касается Орма, то он был «человек умный, зажиточный и вообще достойный». У него были две наложницы, одновременно или последовательно — из саги не ясно; от одной имел он сына и дочь, от другой — двоих сыновей и «множество дочерей».

В гл. 46 (1222 г.) содержится эпизод, интересный в данном случае упоминанием о том, что в своем доме Торвальд сын Снорри «лежал с двумя наложницами в каморке с засовом».

В гл. 50 (1223 г.) повествуется о том, как мужчина с приездом законной жены «провожает домой»[108] свою наложницу, уже имевшую от него дочь. Очевидно, что их связь продолжалась не менее двух лет, которые мужчина провел вдали от жены. И похоже также, что наложница имела свой «дом», скорее всего родительский.

В гл. 52 автор саги, как всегда в третьем лице, сообщает о кончине весной 1224 г. своей матери: «Скончалась Тора, наложница Торда сына Стурлы». А также то, что она была матерью Стурлы Тордарсона и его братьев Олава Белого Скальда, Гуттормa и Торда Шиша. «И тогда Торд женился на Вальгерд, дочери Арни с Шатрового Мыса»[109]. Скорее всего, Тора была незнатного рода, поскольку Торд сын Стурлы

[105] Там же. С. 420 и др.

[106] Там же. С. 476.

[107] Сага об исландцах. С. 80.

[108] Там же. С. 135.

[109] Там же. С. 137.

на ней не женился, хотя и прожил с ней достаточно долго и вступил в законный брак только тогда, когда ее не стало.

В гл. 75 сообщается, что «Хродню дочь Торда с Усадьбы была наложницей Торда сына Стурлы и вдовой Берси Богатого, деда Иона Малька, сына Снорри по матери». Из этого текста ясно, что Хродню являлась дочерью бонда, а к тому времени, когда стала наложницей знатного человека, была вдовой состоятельного и известного человека.

Из гл. 108 узнаем, что Йон сын Торгейра «жил со своей сожительницей», которая, очевидно, вела его хозяйство. Они жили на той «части земли», которую Йон держал у Скиди сына Торкеля. Не потому ли Йон, судя по «отчеству» — сын бонда, держал землю у другого бонда именно затем, чтобы жить там с этой женщиной?

О своей любви к наложнице Стурла сын Торда в саге не распространяется. Зато о такой любви можно прочитать в саге XII столетия — «Саге о Греттире» (гл. 176). Греттир, овдовев во время пожара, возникшего в ходе междоусобицы, «взял себе в наложницы Ингибьёрг дочь Гуннара и вскоре сильно ее полюбил. Она была женщина видная, и с ней, по многим причинам (?!), было легко иметь дело». Вместе с Греттиром она поселилась в его новых владениях на Кряже. Позднее Греттир женился на этой женщине (см. «Сагу о Греттире», гл. 138).

Подчас умная и верная наложница и сожительство с ней противопоставлялись неверной, недостойной жене и супружеству с ней. Так, в мифологической «Саге о Хервёр» рассказывается, что конунг Хейдрек во время грабительского набега захватил в плен дочь одного (малого) конунга — Сифку, которая родила ему сына. Но, придя с дружиной в «Сексланд» (землю саксов), он женился на дочери тамошнего короля и привез ее домой, а Сифку из поместья отослал. Союз с королем саксов сделал Хейдрека «очень видным вождем». Однажды жена попросила отпустить ее повидаться с отцом. Хейдрек отпустил жену, но внезапно приехал туда и увидел в постели жены другого мужчину. Потихоньку отрезав у спящего прядь волос, он собрал народ на тинг и потребовал развода. Хотя жена уверяла всех, что это «собачьи волосы», народ ей не поверил, и супругов развели. Хейдрек прогнал жену, вернул Сифку с их общим ребенком и заботился о нем. Сифка была очень умна, давала ему хорошие советы, и Хейдреку рекомендовали не отпускать ее от себя[110].

Думается, уже можно подвести некоторые итоги, касающиеся этой формы отношений, которая складывалась как бы *взамен* супружества и *не наряду* с ним. Наложничество-сожительство в той форме, в которой оно предстает в сагах, заменяло одинокому мужчине брак как в сексуальном, так и в хозяйственном отношении, ведь женщина в таких случаях вела его хозяйство. Такое наложничество выглядит именно как более или менее длительное и не оформленное по закону супружество, как «гражданский брак». Во многих случаях оно сопровождалось подлинной любовью.

[110] IMS. P. 50–52.

С женитьбой или воссоединением мужчины с законной женой такое сожительство прекращалось, как правило, по воле мужчины. В сагах об этом говорят иногда еще более выразительно: «прогнал» (сожительницу)[111]. Т.е. совмещать постоянное сожительство со свободной женщиной и законный брак было не положено.

Судя по текстам саг, наложница не имела права на имущество сожителя; но не исключено, что он ее как-то награждал, в частности перед расставанием. Сведение об этом находим во все той же «Саге об исландцах»: наложница скончавшегося Орма Боргхильд «получила немало имущества, выделив части сыновьям и дочерям от него» (гл. 35). А когда Сэмунд сын Орма отдал наследство после отца его незаконным детям, он, как говорится в саге, «проявил благородство». Видимо, при жизни отец побочных у детей о них заботился, и Сэмунд уважил память и волю отца.

Сожительницами нередко становились дочери или вдовы бондов, т.е. женщины из круга хозяев-собственников, вероятно, не слишком знатных и менее состоятельных. Но о каком-либо принуждении к сожительству свободной женщины силой или путем выкупа, а также о роли ее семьи в сагах сведений нет, поэтому можно считать, что такой «брак» являлся результатом мирного соглашения между самими мужчинами и женщинами. Не исключено, что некоторые женщины предпочитали быть наложницей-содержанкой богатого и знатного человека, обычно влиятельной, нередко хозяйкой его имения, нежели выходить замуж за незначительного бедняка.

Весь этот материал очень интересен. И теперь я, кажется, могу высказать свое мнение по поводу того, почему в «Саге об исландцах» много ссылок на наложничество. Помимо желания автора осветить какие-то стороны личной жизни современников, он подчеркивает *неравенство* законного брака с сожительством типа гражданского брака, который имел распространение в скандинавском обществе до христианизации, а также их *несовместимость*. Последняя декларировалась церковью и уже была внесена в известные письменные законы.

Свободная любовь, супружеская любовь и внебрачные связи

В мире исландско-норвежских саг, особенно саг родовых, жанровая характеристика которых включает генеалогию в качестве одного из осевых компонентов, значительное место, тем не менее, уделено не только собственно супружеству, связанным с ним обычаям, обрядам, отношениям между мужчиной и женщиной, но и особо *любви* как таковой, любовным отношениям до, во время и вне брака. О любви между супругами до и во время брака, а также о сожительстве, так или иначе связанном с семейными отношениями, которое тоже могло вызываться любовным влечением, уже говорилось выше. Теперь пора поговорить о любви и внебрачных

[111] IMS. P. 55.

любовных связях, о чувствах между мужчиной и женщиной *вне брака,* которые нередко были для них гораздо важнее брака.

Внимательный читатель обнаруживает в сагах немало историй, рассказанных специально и подробно или упомянутых мимоходом, в которых отражены внебрачные любовные отношения между мужчиной и женщиной, часто сильные и страстные, реже — ровные и тихие, но обычно трагические. Вопреки принятому суждению, мне представляется, что о внебрачной любви в сагах говорится немало. Правда, любовь как центральное содержание саги, соперничество и борьба из-за женщины или мужчины, которые длятся подчас в течение целой жизни персонажей и в результате которых соперники даже погибают, в полной мере характерны лишь для считаных произведений.

Одно из них — это «Сага о Гуннлауге Змеином Языке»[112], которая была оформлена не ранее последней четверти XIII в., но повествует о событиях конца X — начала XI в. Там рассказывается, что сын знаменитого скальда Эгиля Торстейн, богатый, знатный, «притом умный, спокойный и умеренный», «превосходный человек и все его любили», имел дочь Хельгу — самую красивую девушку и самую завидную невесту в Исландии. «У нее были такие длинные и густые волосы, что они могли закрыть ее всю, и они были красивы, как золотые нити». Однажды к Торстейну приехал сын состоятельных и знатных родителей Гуннлауг, которому было тогда 12 лет. Он «рано возмужал, был высок ростом и силен, имел густые русые волосы и черные глаза и был хорош собой, несмотря на несколько некрасивый нос, тонок в поясе, широк в плечах, строен, очень заносчив, смолоду честолюбив и во всем неуступчив и суров». Поссорившись с семьей, он принял предложение Торстейна пожить у него. Прошел год. Гуннлауг учился у Торстейна законам и «заслужил всеобщее уважение». Кроме того, он подружился с Хельгой, почти своей ровесницей. Молодые люди играли в шашки, разговаривали и постепенно «очень привязались друг к другу». Прошло еще какое-то время, и «Гуннлауг однажды сказал Торстейну:

— Одному ты еще не научил меня: обручаться с девушкой.

Торстейн сказал:

— Ну, это нетрудно.

И он объяснил ему, как это делается».

Тогда Гуннлауг, якобы в качестве шутки и для практики, созвал свидетелей и обручился с Хельгой по всем правилам. Идея обручения «понарошку» позабавила присутствующих.

Молодые люди, однако, считали эту помолвку законной и назначили срок свадьбы на время возвращения Гуннлауга, который уехал в Норвегию, чтобы послужить там дружинником конунга. Однако Гуннлауг пропустил срок возвращения к невесте. В этом случае, согласно обычаю, Хельга имела право выйти

[112] ИС I. С. 21–60.

замуж за другого человека, что обиженная девушка и сделала, согласившись на предложение богатого и влюбленного в нее скальда Хравна. Хравн давно соперничал из-за нее с Гуннлаугом, оба скальда соревновались в создании любовных стихов в ее честь. Красавица не любила Хравна и вышла за него, чтобы наказать невнимательного Гуннлауга. Вернувшись наконец домой, Гуннлауг, который еще больше возмужал и похорошел, да к тому же носил теперь богатое платье королевского дружинника, узнав о замужестве Хельги, тоже женился. Они с Хельгой не раз встречались в обществе, разговаривали и, «как говорится в пословице: глаза не могут скрыть любовь женщины к мужчине». Всем, кто видел, как они разговаривали друг с другом однажды, на чужой свадьбе, это стало ясно. Гуннлауг слагал в честь своей любимой висы, подарил Хельге плащ «большой драгоценности» и в конце концов заключил договор с ее мужем, по которому оба скальда-соперника уехали от Хельги за море.

Перед шведским конунгом Олавом Шетконунгом[113], к которому они оба поступили на службу, каждый из соперников начал обвинять другого в том, что тот сочиняет плохие стихи. В состоявшемся затем между ними поединке Хравн был убит, умер и смертельно раненный Гуннлауг. Скальд Торд Кольбейнссон (примерно 974–1024) в «Висе против Бьёрна» и «Драпе о Гуннлауге Змеином Языке» утверждал, что в битве с Хравном Гуннлауг убил и двух кузенов, сопровождавших его соперника, чем доказал свою доблесть. Очевидно, история любви и гибели Гуннлауга была у современников на слуху.

Хельга снова вышла замуж, ее второй муж «тоже был человек достойный и богатый и хороший скальд». У них родилось несколько детей. Но Хельга «была к нему мало расположена, потому что никогда не могла забыть Гуннлауга, хотя его уже не было в живых» и часто подолгу смотрела на подаренный ей любимым плащ[114].

В этой романтической истории о великой и трагически завершившейся любви Хельги и Гуннлауга видны следы рыцарского романа, время проникновения которого в Северную Европу относится к началу XIII столетия[115], когда обрабатывался фольклорный вариант этой истории. Но в принципе любовные перипетии в сагах встречаются неоднократно.

К тому же XIII столетию относится и создание свода героико-мифологических сказаний о Сигурде Убийце Фафнира, могучего дракона, воплощения мирового зла. Исландцы называли Сигурда (аналог Зигфрида), победившего дракона, «величайшим героем древности». Его история, в частности, изложена в «Саге о Вёлсунгах», которая является одной из древнейших «саг о древних временах», историческое ядро которой восходит к героическим песням «Старшей Эдды» и еще

[113] В переводе саги (ИС I) он назван Олавом Облагателем Налогами, что спорно.

[114] ИС I. С. 21–22, 29, 49, 50, 52, 55–56. Гуннлауг родился в 983/984 или 987 г., погиб в 1099 или 1012 г. (Там же. С. 10). О нем можно прочитать также в кн.: ИСИЭ. С. 511–533.

[115] См. вступительную статью М.И. Стеблина-Каменского в кн.: ИС I. С. 16.

древнее — к V в.[116] Таким образом, это произведение совсем иного рода, оно целиком сложилось в глубинах самобытной германской культуры. И здесь мы снова обнаруживаем сложнейшее сплетение любовных и супружеских отношений: любовь Брюнхильды и Сигурда, их помолвка и рождение общего ребенка и, одновременно, сватовство и свадьба между Сигурдом и Гудрун, также страстно в него влюбленной. Затем женитьба брата Гудрун Гуннара на Брюнхильде. Тяжелые столкновения между женщинами, сцены обмана, трагическая гибель Сигурда, подстроенная Брюнхильдой, бесслезное и безысходное горе Гудрун, молча сидящей над телом мужа[117], — все это поражает накалом страстей не меньше, чем великие античные трагедии.

Этот сюжет и герои в несколько ином виде выступают в мифологических исландских сагах. В легендарной «Саге о Норне-Гэсте» рассказывается, что Брюнхильд была женщиной-воительницей, ходила в походы с викингами. Она организовала убийство Сигурда — то ли ночью, во сне, в постели Гудрун, то ли не менее коварным образом в лесу. Однако затем она в приступе ярости убила шестерых своих рабов и пять рабынь и тем же мечом пронзила себя[118]. Такой конец был предсказан Брюнхильд старой колдуньей-троллихой, мимо жилища которой она проезжала; колдунья сказала ей также, что со временем все узнают, насколько Брюнхильд «дурная женщина»[119]. Наутро после гибели героев саги разожгли два костра — один для Сигурда, другой для Брюнхильд, оба лежали в драгоценных одеждах. И пламя погребальных костров наконец торжественно соединило их. Конечно же, не случайно эта история вошла также в число героических песней «Старшей Эдды». Так, в «Первой Песни о Гудрун» песнь-плач самой Гудрун над телом Сигурда, исполненная неизбывной скорби, стойкости и обещаний мести, передает ее великую любовь и мощный характер[120]. «Любовный треугольник» Брюнхильд—Сигурд—Гудрун, который перестал существовать только со смертью героев, — также одна из великих любовных трагедий саг.

Из «Саги о людях из Лососьей Долины» известна драматическая история любви Кьяртана и другой Гудрун — длиной в жизнь и с трагическим финалом. Здесь в судьбу героев также вмешался «любовный треугольник». Дело было так. У Кьяртана, дружинника норвежского конунга, был серьезный роман с сестрой конунга, красавицей Ингебьёрг. Между тем в Исландии Кьяртана ждала невеста, известная нам Гудрун дочь Освивра, также красавица и гордячка, которая обладала еще и железным характером. Не дождавшись жениха в срок, она вышла замуж, но вскоре овдовела. Между тем названый брат Кьяртана, любимый им Болли, приехав в Исландию, предал брата: он насплетничал овдовевшей Гудрун о романе Кьяртана, чем

[116] Ср.: КИ. С. 600 и сл.

[117] Там же. С. 151 и сл.

[118] Согласно «Краткой песни о Сигурде» (КИ), Брюнхильд в скорби и ярости велела убить восемь рабов и пять рабынь.

[119] Jultåten om Norna-Gäst, 9. Om Brynhild och Lodbroks söner // IMS. P. 108–113.

[120] КИ. С. 151 и сл.

чрезвычайно ее расстроил, а сам при этом стал к ней свататься. Как вдова Гудрун имела право сама решать свою судьбу, но отец все же настоял на ее браке с Болли, что не принесло им счастья, поскольку Гудрун продолжала любить Кьяртана. Когда тот решил вернуться в Исландию, его расставание с Ингебьёрг было тяжелым. Она дала ему в качестве свадебного подарка белый головной платок, вышитый золотом и уложенный в бархатный мешочек. А конунг Олав подарил ему великолепно украшенный меч — «большую драгоценность». При этом он предсказал Кьяртану, что того на родине ждут серьезные неприятности.

Узнав о браке Гудрун, Кьяртан женился на спокойной Хревне, дочери Асгейра Отчаянная Голова, которой и достался тот самый бархатный мешочек. Между обеими семьями начались серьезные трения, усугубляемые поступками неистовой Гудрун и в которых в конце концов приняла участие ревнивая Хревна. Так как семьям приходилось встречаться, Гудрун ухитрилась украсть у Хревны платок, подаренный Кьяртану, считая его своим. Кьяртан, с уважением относившийся к Хревне, но любивший Гудрун, все ей прощал. В какой-то момент Гудрун, раздираемая страстями, пригрозила Болли, что разведется с ним, если он не убьет Кьяртана, и тот против воли сделал это. Несмотря на все виры, вражду не удалось погасить. Теперь к Гудрун, дважды овдовевшей, посватался Торкель сын Эгиля. Она же глубоко унизила его, отказавшись не только выгнать из своего дома его кровника, но, напротив, оказав помощь этому человеку, чтобы тот смог спокойно покинуть страну, да еще одарила его на прощание. И при этом заявила Торкелю, что ежели ему это не по нраву, она его не задерживает, и он может уезжать восвояси. Тем не менее Торкель все же женился на ней. Позднее, еще раз овдовев, она снова вышла замуж.

Под старость, схоронив последнего мужа, в ответ на вопрос сына, кого же из четырех мужей (Торвальда, Болли, Торкеля, Торда) или мужчин вообще она больше всех любила, Гудрун сказала:

«— Тому принесла я величайшее горе, кого любила больше всех.

На что сын ответил ей:

— Теперь я думаю, что ты сказала истинную правду»[121].

В родовой «Саге о Кормаке» мы снова видим любовный треугольник и досадную путаницу. Кормак сын Асмунда (примерно 930–970) с первого взгляда страстно влюбился в Стейнгерд, обручился с ней, но опоздал к сроку, назначенному для свадьбы. Девушка вышла за Берси, с которым у Кормака состоялся поединок. Стейнгерд развелась с мужем, но обстоятельства сложились так, что Кормак опять упустил возможность сочетаться с ней браком. Она вышла замуж за другого, которого Кормак тоже вызывает на бой. Тот готов уступить жену сопернику, но теперь его отвергает сама Стейнгерд. Удрученный Кормак уезжает за море и погибает в битве в Шотландии.

[121] ИС I. С. 336, 356–358, 372, 438–439. См. также: Сага о Гуннаре Убийце Тидранди // ИС II:1. Гл. 6, 7.

Драматическая история разыгралась между скальдом Тормодом, влюбчивым и непостоянным в любви, и двумя девушками. Ему приглянулась Тордис, но потом он влюбился в Торбьёрг, обладательницу красивых черных бровей, и посвятил ей вису, за которую его прозвали Скальдом Чернобровой или Скальдом Черных Бровей. Но вот он снова вернулся к Тордис и эту вису переадресовал ей. И далее в саге появляется необычайное для саг, красивое лирическое примечание: «Он дарит теперь песню Тордис ради полного примирения, ее милости и любви. И подобно тому, как тучка разгоняет мглу над морем и ее сменяет яркий свет солнца при тихой погоде, так песня изгнала все тревожные мысли и мрак из сердца Тордис, и она вновь обратила всю любовь своего сердца с горячей лаской на Тормода»[122]. История эта имела продолжение, но речь пойдет о нем в другом месте[123].

В прочих сагах любовные мотивы представлены только в небольших эпизодах или в виде отдельных реплик. Так, в двух главах «Саги об исландцах» кратко упоминается о любви Ари Сильного и Гудню. В повествовании от 1185 г. говорится, что Ари был женат на Кольфинне, дочери Гицура сына Халля, у них была дочь. Однажды, заехав на хутор в Лощине, он познакомился с хозяйкой хутора Гудню, оставшейся после кончины мужа с тремя сыновьями, в возрасте от 5 до 18 лет. «И у них с Гудню сделалась большая любовь» (гл. 1). Через год-полтора женатый Ари собрался за море, и Гудню отправилась вместе с ним, передав свой хутор под присмотр некоему Одду Слизняку. Но в 1188 г. Ари, который славился своей силой, умер в Норвегии, надорвавшись при переноске тяжелой реи. Гудню вернулась в Исландию и вновь «приняла хутор в Лощине в свои руки» (гл. 3). Это почти буквальный пересказ скупого текста о сильной, но короткой и закончившейся нежданным крахом любви двоих людей, уже переживших первую молодость.

Одна из любовных линий саг касается любви *между супругами*. Действующими лицами при этом являются жена и/или муж, но речь в сущности идет об отношениях между ними двумя. Герой «Саги о Гисли» «так любил свою жену Ауд, что не мог быть с ней в разлуке», даже если ему угрожала гибель. Когда он оказался «вне закона» и скрывался целую зиму, то и тогда навещал жену. Когда же дело дошло до битвы, она сражалась вместе с ним (гл. XXIV и др.)[124].

Любящая жена всегда встречает мужа «поцелуем в уста» и при необходимости поддерживает его в сражении. Если он погибает, она причитает над его телом; и другие женщины, как и она, потерявшие мужей, сочувствуют ей и стараются ее успокоить[125]. Вот еще одно интересное в своем роде сведение о роли любви в браке: женщина подает на развод из-за того, что муж «недостаточно ее любит», и она

[122] ИС. II:1. С. 150.

[123] ИС:1. С. 151–158. См. продолжение этой истории ниже, в части 4.

[124] КИ. С. 217.

[125] Там же: Первая песнь Гудрун. Ст. 13, 19, 20 и др.

получает искомый развод. При этом речь идет именно о чувстве, поскольку о невнимательности в плане секса или в материальном отношении как причинах развода, о чем в сагах повествуется вполне откровенно, в данном случае речь не шла.

Скорбела не только жена, утратившая любимого мужа. В сагах есть упоминания о глубоком горе, которое публично выражал любящий и овдовевший муж. Например, в «Саге о Магнусе Добром» (гл. VII) дружинник, проезжая мимо одного поселения, услышал, как «некий муж громко оплакивал свою жену, бил себя в грудь и рвал на себе одежду, рыдал, говоря, что охотно умер бы сам». Энергичный, знатный и богатый Эйнстейн, сын конунга и «большой хёвдинг», когда умерла его болевшая жена, «потерял интерес к управлению своим государством» (а у него были в Норвегии обширные владения) и, чтобы рассеяться, отправился в грабительский поход[126]. Так же тосковал, овдовев, король Харальд Золотые Уста[127].

Уникальная и странная, непонятная мне история о «браке втроем» рассказывается в саге о Торвальде сыне Гицура, который, насколько можно судить по ней, был женат одновременно на двух женщинах, что вызывало осуждение, но не людей, а церкви. Любил он, между тем, только одну из жен. Итак: «Торвальд был женат на Йоре, дочери епископа Клэнга, и Ингвильд дочери Торгильса. Их совместную жизнь отравляли церковники... Супруги (имеются в виду Торвальд и Йора. — *А.С.*) очень любили друг друга» и по разрешению церковных властей уехали за море, где прожили 10 лет. Но когда Ингвильд понадобилась правовая защита, она поручила свой дело Торвальду![128]

Понятие о супружеской любви, которая считалась у скандинавов одной из очевидных добродетелей, по моим наблюдениям, уже сформировалось к эпохе викингов. Стоит вспомнить, например, о том, что супруги Отец и Мать в эддической «Песни о Риге», проводя время вместе в одной горнице, «нежно глядели друг на друга» (ст. 26). И через три-четыре столетия Адам Бременский утверждает, что законная (супружеская) любовь — это хорошо, а незаконная — плоха и греховна. Однако фактически в сфере интимных отношений между мужчинами и женщинами в тех же сагах все обстояло гораздо сложнее и многообразнее.

Несомненно, конунг мог сделать своей наложницей даже дочь видного бонда[129]. Вообще поведение знатных людей, в том числе сыновей знати, в отношении дочерей бондов, прежде всего незаметных, небогатых, было если не вполне свободным, то все же нередко бесцеремонным. В подавляющем большинстве случаев незамужняя девушка — дочь бонда строго оберегала свою репутацию. Даже попытка соблазнить такую девушку влекла месть со стороны ее семьи, так что человеку, замеченному

[126] СОДВ. С. 50–51.

[127] Там же. С. 124–125.

[128] Сага об исландцах. Гл. 3.

[129] См. об этом ниже.

в таком поведении, лучше всего было жениться на ней либо уехать из страны. За совращение Тордис ее брат убил соблазнителя и не должен был платить виру[130]. Адресованные девушке любовные стихи считались серьезным проступком, поскольку, как верили люди саги, могли сыграть роль приворота. И хотя девушка в сагах очень редко выступает как инициатор сексуальных отношений, тем не менее незамужние дочери бондов связи с мужчинами все же имели.

В письменном праве от времени, примыкающем к концу эпохи викингов, также встречаются подобные казусы, но юридически они определяются как совращение девицы. Виновный в таком деянии должен был, при согласии ее родни, вступить с ней в законный брак либо заплатить огромный штраф и покинуть страну. Но часто в таких случаях, как и в случаях совращения девицы женатым человеком или при обнаружении неверности замужней женщины, обычай рекомендовал мщение.

Вообще внебрачные половые связи, или, как это позднее называлось в кодексах, *прелюбодеяния,* занимают в сагах видное место. Иногда эти связи случайные, единичные сексуальные контакты, иногда продолжительные отношения. По сагам здесь и там разбросаны примеры супружеской неверности женщин, что обычное право эпохи викингов в принципе считало недопустимым. Однако несравненно чаще там упоминаются внебрачные связи мужчин. Но позднее, уже в кодифицированных законах, где перечисляются разнообразные варианты таких отношений и наказаний за них (если найдутся свидетели!), обычно наказанию подвергают мужчин. За ряд прелюбодеяний виновного могли объявить вне закона[131].

Гуталаг, например, особо нормирует наказания мужчины за прелюбодеяние с замужней женщиной и предусматривает содержание ребенка, который может появиться в результате этих отношений. Затем закон говорит о прелюбодеянии женатого мужчины с незамужней женщиной, за что тот платит ей что-то вроде «утреннего дара». Неженатый мужчина, которого уличили в прелюбодеянии с замужней женщиной (laggipt cuna), может выбрать между огромным штрафом (40 марок) и казнью (гл. 21). Если изнасилованная женщина, будь то свободная или замужняя, не сообщит о случившемся немедленно, закон рекомендует ей «лучше всего молчать об этом»; но, представив свидетелей, она имеет возможность получить большое денежное возмещение (гл. 22). В случае, если истцы предпочитали наказать прелюбодея физически, ему (по суду) отрубали руку, ногу, вешали или лишали жизни иным способом. Весьма интересно, что, говоря о прелюбодеянии, в качестве виновника Гуталаг равно называет «ученого», т.е. священника, и «неученого», т.е. просто обывателя. Очевидно, духовный сан не отвращал священников от «левых» увлечений. Это, как и право духовных лиц на законный брак, подтверждают и другие областные законы.

[130] КИ. С. 282–283.

[131] ИС II:1. С. 76.

С «незаконными» интимными отношениями, которые обычно скрывают, связано немало примет, приводимых в сагах. И «глаза все выдают»; и шитье чужому мужчине рубашки рассматривалось как намек или прямое указание на интимную связь с ним[132], и т.д.

За любовную связь с мачехой полагалась смертная казнь, причем без иных вариантов наказания («Речи Хамдира», песнь 17).

Можно заметить, что в «Саге об исландцах» о внебрачных связях говорится гораздо больше, нежели в родовых сагах. Стоит ли это отнести на счет большей сексуальной свободы у скандинавов XIII в., нежели в эпоху саг? Или за счет лучшего знакомства Стурлы сына Торда, автора «Саги об исландцах», с современными ему нравами, нежели тех, кто тогда же записывал и переписывал саги об уже ушедших временах и находился в плену их текстов? На эти вопросы трудно ответить. Все же полагаю, что уровень сексуальной нравственности общества, в котором к середине XIII в. все же утвердилось христианство, вряд ли стал тогда ниже, нежели в эпоху викингов, с ее язычеством и только-только введенным христианством.

В силу таких соображений, а также учитывая значительную традиционность скандинавских обществ, воспользуемся сведениями «Саги об исландцах». Из нее следует, что девушкам случалось заводить интимные связи с мужчинами, но такие девушки людьми осуждались. При этом, хотя осуждались за безнравственность именно девушки, а не их любовники, именно последних полагалось наказать (как это и делалось согласно Гуталагу). В «Саге об исландцах» (гл. 87–89, 91) рассказывается о целом клубке незаконных любовных связей, героинями которых являются незамужние дочери известных бондов. Например, Тордис дочь Снорри родила ребенка вне брака. Ее любовник, видимо, жениться на ней не собирался. Так или иначе, но Снорри взял с любовника дочери в качестве выкупа (за бесчестье?) некий «выпас» по названию «Выпасной Остров» (притом было решено, что старые владельцы могут этот лужок выкупить). Тордис же завела другого любовника — Одда, который был «одним из самых видных бондов» в Западном Фьорде. У «него с Тордис была большая любовь», она родила ему дочь и после этого долго отлеживалась «на хуторе на Усадебном Пригорке», и, только поправившись, уехала домой «на запад, на болота»; надо полагать, что в отцовском доме ей рожать второго незаконного ребенка было неловко. В той же саге (гл. 87) обсуждается поведение «законной сестры» известного Кольбейна, которая пользовалась незавидной репутацией. А по поводу стараний ее брата, который отвечал за ее нравственность и поэтому стремился как можно скорее устроить ее брак, люди ехидно говорили, что «самому [ему] видней, какой товар сбывать с рук». В результате ее выдали за незаконного сына Снорри от «шлюхи» Турид.

Вдове, если она жила самостоятельно, было проще. В «Саге о Греттире» рассказывается, что, хотя молодая вдова Стейнвер «нагуляла» сына, ее никто не осуждал

[132] ИСИЭ. С. 33.

(гл. LXVII). Женщина, оставшаяся как бы «соломенной вдовой» при лишенном прав (но отнюдь не находящемся на воинской службе или в плавании!) муже, могла скрасить свое одиночество без оглядки на соседей. Когда объявленный вне закона и скрывающийся Оспак сын Глума тайно приходит навестить жену, то, увы, в супружеской постели он застает ее «нового сожителя», которого тут же убивает (сага о нем, виса 6)[133]. Т.е. мстит он мужчине, а не женщине — неверной жене.

О связях мужчин с замужними женщинами в сагах имеется и множество других свидетельств, разбросанных по тексту. И снова вполне определенные, прямые сведения о неблагополучии в некоторых семьях находим преимущественно в «Саге об исландцах». Так, там говорится, что сын Снорри Берд «сделал ребенка» замужней женщине Бергторн, и сообщается, что сына назвали Йон и что от всего происшедшего ее муж «крайне раздражился» (гл. 46). Ари сын Оддвака «сделал ребенка» Халльдоре, дочери Торгильса сына Гуннстейна, которая была женой священника Йона Крюка сына Торлейва Подковы и Турид Стурласдоттир. По обычному закону Ари должен был платить виру, но тут убили мужа Халльдоры, так что представилось иное решение проблемы (гл. 77). Замужняя Турид дочь Халла была наложницей самого Снорри, у нее были дети от разных мужчин, в том числе (!) и от мужа, так что современники считали ее «шлюхой». О ней и о сестре Кольбейна, которая имела такую же репутацию, уже шла речь чуть выше (гл. 87, 115). По-видимому, все эти женщины были из среды бондов.

Очевидно, что *«незаконные» любовные связи* в скандинавском обществе VIII–XIII вв. существовали постоянно, несмотря на худую молву, которая шла об их участниках и, добавлю, вопреки запретам обычного права, а затем церкви, которая, сообразно с соответствующими разделами областных законов, стояла на страже нравственности и преследовала интимные отношения, не освященные брачными узами[134]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в сагах осуждению подвергаются внебрачные отношения девушек и женщин, но их чувства оцениваются редко. О любовниках-мужчинах, напротив, говорится скорее с сочувствием: упоминается об их большой любви, о тяжести наказания, которому они были подвергнуты за связь с женщиной. Так что представления скандинавов на сей счет вполне библейские: в грехопадении Адама всегда виновата Ева.

Можно привести немало примеров того, как в разных формах — и стихотворных, и прозаических, то выразительно, то мельком — саги повествуют о весьма сложных переживаниях и ситуациях, связанных с отношениями между мужчиной и женщиной. Во всяком случае, таких эпизодов вполне достаточно для того, чтобы составить представление о месте и особенностях этих отношений в так называемую героическую эпоху викингов и сразу после нее. Так, очевидно, что уважение

[133] ИС. II:2. С. 531, 532.

[134] См. мою статью о церкви в Швеции XIII в. в ежегоднике «Северная Европа» (М., 2007).

окружающих вызывала супружеская любовь. В то же время пылкая страсть хотя подчас и вызывала сочувствие, но рассматривалась и осуждалась как «похоть», а заключенный вследствие такой любви брак считался «безрассудным браком по страсти». Не случайно многомудрый Ньяль сам подбирал невест своим сыновьям Хельги и Гриму, полагая, что устраивает для них «разумный брак», результатом которого и должна стать любовь. Чувство взаимной привязанности сплошь и рядом действительно возникало между мужчиной и женщиной в процессе совместной жизни, рождения детей и ведения общего хозяйства. Бывало, однако, и по-другому, и неудачные браки порождали нередко целые бури отрицательных эмоций и жестокие поступки, на которые были так щедры крутые люди саг.

Тем не менее *свободная любовь* — нарушение девушками и женщинами целомудрия, многочисленные связи женатых и неженатых мужчин — была отнюдь не редким явлением в этом обществе, покончившим с классическими родовыми устоями.

Некоторые наблюдения

В *мире мужчин,* каким был скандинавский мир эпохи викингов, женщина тем не менее занимала видное место, но ее положение было двойственным.

С одной стороны, согласно обычному праву она была неполноправна и поэтому находилась как бы на обочине общественной жизни: зависела от мужчины, подчинялась ему, не имела равной с ним доли при наследовании и равных прав на тинге, не участвовала в исполнении выборных или иных должностей, в отправлении языческого культа, не всегда могла выбрать мужа по своему вкусу; при набегах, да и в мирное время она подчас становилась объектом насилия, неоднократно испытывала пренебрежение со стороны мужчины, терпела его измены и т.д.

С другой стороны, судя по сагам, в реальной жизни женщина — достойный партнер мужчины в области хозяйства и даже во время потасовок, советчик при решении многих дел, а зачастую и инициатор мужских «разборок» и чаще всего — хранительница единства семьи. При определении родовой, семейной принадлежности того или иного персонажа часто упоминается род матери, и не случайно почти половина личных имен в сагах принадлежит женщинам. Они могли владеть наследственной землей и рабами. Принимали решения, касающиеся семейной жизни и устройства домохозяйства, распоряжались работами и работниками. Нередко решали вопрос о своем замужестве, случалось им и отказать жениху. Могли выступить инициаторами развода. Женщина была способна на всепоглощающую страсть, на большое упорство в любви и на могучую, безрассудную ненависть. Была обладательницей многих умений и знаний. Она могла вместе с мужем или братьями плыть на корабле к новым землям, наравне с мужчинами играть в шашки и сочинять стихи. Добавлю, что с появлением в Скандинавии монастырей (XII в.) женщина из зажиточных слоев общества могла получить там образование.

Что же касается *супружества,* то в сагах оно выглядит вполне «вневременным»: как всегда и повсюду, требует большого совместного труда, многих умений, согласия, терпения и терпимости, преданности и уважения сторонами друг друга. Положение женщины в супружеском союзе, как и в доме ее отца, было подчиненным, но далеко не униженным, а подчас она выступала и в роли ведущей стороны, особенно в отношениях с младшими мужчинами в доме, прежде всего сыновьями.

Конечно, подсчитать «уровень брачности» или «уровень безбрачия», пользуясь сведениями саг, невозможно, но создается впечатление, что среди холостяков было больше мужчин, а среди овдовевших — женщин. Ни разу не вступавших в брак женщин из среды земельных хозяев-бондов я в сагах не встречала. А вот женившиеся по два-три раза мужчины и столько же раз и даже больше выходившие замуж женщины упоминаются в сагах постоянно.

Семья имела огромное значение как базовая основа общественной жизни. В эпоху саг в ней можно легко различить четкие остатки *родового строя.* Редко можно встретить в сагах семью в «очищенном», современном смысле слова, как союз мужчины и женщины, окруженных неженатыми детьми. В сагах собственно семья постоянно находится в центре коллектива различных родственников, но более всего — слуг разного статуса, от свободных до вольноотпущенников и рабов. Это *домовая община,* центром которой является супружеская пара хозяев с их детьми либо группа кровных родичей (мать и сыновья), короче, семья в узком смысле слова. Глава семьи является и главой домовой общины. При той территориальной разбросанности, в какой пребывало большинство семей скандинавов того времени, хутора с их домовыми общинами, жившими почти исключительно натуральным хозяйством и занятыми своими заботами, были довольно самодостаточными и независимыми островками *самоорганизующейся* общественной жизни. Однако в ходе эпохи господство независимых автономных хозяйств, как видно из кодифицированных законов, постепенно уступало место государственному строю, с неугодной ему вольницей.

Брак был моногамным, но сохранялись пережитки языческих порядков в виде распространенного домашнего наложничества, «неполного брака», «побочного брака», а также замещения погибшего главы семьи родичем, иногда даже родичем его убийцы. Несомненно, в этом же ряду стоит то обстоятельство, что женщины отторгались от открытого, активного участия в общественной жизни. Мораль скандинавов эпохи саг требовала прочного супружества и уважительных отношений между мужем и женой, прививала стремление расширить круг родства, свойства и вообще «своих людей», что в обыденной жизни причудливо сочеталось с отчетливым индивидуализмом и воинственной независимостью людей того времени и сексуальной свободой мужчин.

Семейная женщина принимала деятельное участие в актах типа кровной мести, подталкивая к ней мужчин, даже если порой речь шла о собственных братьях или

мужьях. Для меня в последних случаях интерес состоит не только в предпочтении кровным родичам мужа и его родни или наоборот, т.е. не в соотношении матриархальных и патриархальных компонентов в сознании человека того времени (хотя это тоже весьма любопытно), а в силе характеров и страстей тогдашней женщины и их типичных для эпохи проявлениях.

Распространено мнение, что в сагах практически не остается места для романтической любви между мужчиной и женщиной, что само *понятие любви* в тогдашнем обществе еще не было выработано[135]. Это суждение опровергается внимательным анализом текстов саг. Личные и интимные отношения между полами, для которых всегда находилось место в мире суровых крестьян, воинов и мореплавателей, знати и королей, битв и льющейся крови, обнаруживают глубокую страстность людей того времени и в сфере любви, силу их любовных переживаний, весь накал трагедии чувств, неразделенных или оборванных смертью любимого человека. Конечно, такие чувства не были обыденными. Но они не обыденны и сегодня...

Изучая саги, я пришла к выводу, что скандинавская женщина эпохи викингов была не только достойной спутницей мужчины — хозяина и воина, но и сама по себе сильной, интересной *личностью.* В состоятельных семьях женщина владела грамотой, получала приличное образование и многие полезные навыки, часто при помощи воспитателя. Она владела женскими ремеслами, подчас очень искусно, что отразилось в прозвищах некоторых девушек (например, Кружевная Рука); умела танцевать, вести светскую беседу, в том числе с партнером по пиршественному столу, играла в тавлеи и другие настольные игры. Женщины с детства могли ездить верхом, нередко умели врачевать раны и болезни. Они обладали проницательностью и интуицией, что подчас приносило той или иной женщине репутацию ведуньи[136]. Овдовев или оставшись одна после отъезда мужа, женщина полностью брала на себя хозяйские функции в гарде и ответственность за детей. Фактически в обществе скандинавов женщина играла очень значительную и влиятельную роль.

Знанием личной жизни скандинавов в переломные века эпохи викингов и сразу же вслед за ней мы обязаны именно сагам. Саги открывают здесь такие глубины, какие ни один другой источник, посвященный жизни скандинавов в те столетия, открыть не в состоянии.

---

[135] Это мнение поддерживал и авторитетный Стеблин-Каменский (1971. С. 76–77), и оно в историографии не опровергнуто.

[136] О вере в особую интуицию женщины см.: КИ. С. 605.

ДЕТИ И ДЕТСТВО В САГАХ[137]

Общее введение к очерку

Дети в сагах упоминаются еще реже, чем женщины. Но по тем отрывочным и редким данным, которые удается найти, сопоставив многие саги и опираясь на другие материалы, все же можно в общих чертах судить о детстве и детях у скандинавов того времени: об отношениях родителей и детей и между детьми, о роли детей в семье и в обществе, о воспитании детей и понимании детства. В сагах, как уже упоминалось, характеристика более или менее значительного персонажа зачастую включает сведения о его жене и детях. Иногда указывается число и пол детей. Подразумевается, что брак имел целью не только приобретение хозяйки в доме, но и появление *наследников,* вообще *опоры* в жизни за счет потомства и его будущих брачных связей, за счет расширения числа «своих». Саги иногда рассказывают о детстве того или иного примечательного лица, но чаще всего упоминают детей попутно, в ходе развития сюжета. Присутствуя среди взрослых, дети нередко участвуют в их делах. Обычно это уже подростки. Сведения о рождении, младенчестве и самом раннем детстве персонажей и в сагах, и в смежных с ними литературно-исторических сочинениях редки, да и тогда они имеют вид замечаний, сопутствующих иным сюжетам.

Обилием потомства было принято гордиться, как одним из явных признаков мужской мощи, а также перспектив долголетия данного рода. Торстейн (один из героев «Саги об Эгиле») имел двоих внебрачных сыновей и 12 законных, в результате чего «разросся род Скаллагримов», как с удовлетворением отмечает сага[138]. При этом обычно указывается число выживших, а не рожденных детей, которых, конечно, было больше. В сагах с неизменной похвалой говорится о многодетных отцах. Такими были имевший пять сыновей Дувгус сын Торлейва Подковы, «первый бонд» в Долинах[139], или родитель законных пяти сыновей и двух дочерей Гисли сын Берга («Сага о Гисли»). У знаменитого Ньяля было шесть детей: три дочери и три сына («Сага о Ньяле», гл. XX). У влиятельного Снорри Годи, который фигурирует в ряде саг, было от трех жен 9 сыновей и 9 дочерей; а в другом месте говорится о его 19 «свободнорожденных детях, вышедших из младенческого возраста», и троих детях от служанок. В «Саге о Битве на Пустоши» сказано, что всего у героя было 11 сыновей, «в том числе Гудлауг монах»[140]. Хрут из «Саги о людях из Лососьей Долины»

[137] Первый сокращенный вариант этого очерка опубликован в альманахе «Адам и Ева» (М., 2006. № 12).

[138] ИС I. С. 235.

[139] Сага об исландцах. Гл. 59.

[140] ИС II:2. С. 127, 130–131.

имел двоих добрачных детей, затем последовательно трижды женился и в результате имел 10 дочерей и 14 «достойных» сыновей. У Хьёрлейва («Сага об Ароне сыне Хьёрлейва») и его жены Сигрид, очень родовитых супругов, было четверо сыновей. Кроме того, добавляет сага, у него были и другие дети, но не разъясняет читателю, от жены ли и какого они были пола, остались в живых или умерли. У Эгиля было пятеро детей, у его сына Торстейна — 10 законных и двое внебрачных[141]. В «Саге о Хервёр» говорится об Арнгриме, у которого было 12 сыновей[142]. У Кьяллака из «Саги о людях с Песчаного Берега» (гл. IX) «было множество сыновей, и все толковые. Они неизменно помогали своим родичам с южного берега фьорда на тингах и сходках»[143]. Много детей от нескольких жен и от наложниц обычно имели конунги.

Рождение и смерть младенцев

Рождение детей не планировалось, оно было естественным результатом интимных отношений супругов или мужчины и женщины, не состоящих в законном браке. Непосредственно о рождении ребенка в той или иной семье говорится уже в «Саге об исландцах», т.е. в XIII в., но и то только тогда, когда речь идет о примечательных персонажах. В сагах же от эпохи викингов такие сведения уникальны. Иначе говоря, столь жизненно значимое для каждой семьи событие, как рождение ребенка, сагами обычно обходится. Несомненно, что скандинавы, подобно всем людям того времени, умели избегать нежелательной беременности и пользовались этим умением, особенно во времена, предшествовавшие полной победе христианства, когда предотвращение и искусственное прерывание беременности стали считаться смертным грехом. Но, как и во всей средневековой Европе, детей обычно рождалось столько, сколько «получалось», но, несомненно, больше, чем доживало до взрослого и даже подросткового возраста.

Прямые сведения в сагах о смерти младенцев, как и о самих младенцах, мне практически не встречались. Другое дело, когда речь идет о подростке: его смерть семья переживала. Одно из немногих указаний на детскую смертность содержится в «Саге об Эйрике Рыжем» (гл. IV), где говорится, что у некоей девушки «было девять сестер, но в живых осталась лишь одна». В областных законах о смерти маленького ребенка говорится как об обыденном явлении — в связи с обязанностью священника позаботиться о крещении слабого или умирающего младенца[144]. Смерть маленьких детей была рядовым фактом, с ней покорно смирялись, как с велением судьбы, а с введением христианства следовали известному принципу: «Бог дал — Бог взял».

[141] ИС I. С. 233–235.

[142] IMS. P. 24.

[143] ИС II:2. С. 28.

[144] Сванидзе, 2008/б.

Некоторые историки считают, что вообще в эпоху Средневековья в Европе выживала лишь половина рожденных детей. Судя по сагам, возможно, что и того меньше.

Ничего не говорят саги и об обстановке, в которой происходили роды, и мало — о *ритуалах,* сопровождавших рождение ребенка. Судя по разным, но уже более поздним источникам, женщина обычно рожала на соломе, ей помогали родственницы и служанки. Применялось и высоко ценилось искусство родовспоможения: например, в «Песни о Риге» (ст. 43) умение помогать при родах приписывается королю, наряду с другими волшебными свойствами: умением, например, усмирить море или пониманием языка птиц. Но родовспоможение, скорее всего, было в основном направлено на спасение жизни женщины.

Родившегося ребенка отец должен был *взять на руки.* Тем самым ребенок, во-первых, признавался законнорожденным, во-вторых, включался в семью и в отцовский род. Когда роженица поправлялась после перенесенных страданий, ей требовалось «очищение». В христианские времена это было «введение в храм» — очистительная процедура, упоминаемая в областных законах Швеции в связи с обязанностью роженицы принести с собой свечи. Существовал ли обычай «очищения» роженицы до того времени — не ясно.

Разумеется, *высокая детская смертность,* вообще характерная для той эпохи, была следствием как общих тяжелых условий жизни, так и собственно демографических факторов, особенно голодовок, эпидемий, детских и общих заболеваний, плохих санитарных условий и ошибок повитух. Свою роль, вероятно, играли неправильный уход, пренебрежение или малое внимание к выхаживанию младенцев, особенно девочек. Отношение к маленьким детям, требующим постоянного внимания, строилось, скорее всего, по «остаточному принципу», так как в сложных домовых коллективах у каждого насельника, в том числе матери младенца, было множество повседневных обязанностей. Люди относились к малым детям, особенно к новорожденным, без снисхождения и умиления.

Судя по подробным замечаниям о должном внимании матерей к грудным младенцам и малолетним детям, которые внесены в Гуталаг, записанный в самом начале XIII в., матери могли «заспать», уронить или покалечить своих крошечных детей, особенно во время многолюдных застолий, сопровождавшихся обильными возлияниями хмельных напитков[145]. Это предписание, кстати, свидетельствует о том, что совсем малые дети обычно спали с матерью. В числе предметов домашнего обихода, скудной тогда обстановки жилищ, которые изредка и походя упоминаются в сагах, мне никогда не встречались детские постели и даже игрушки, хотя последние иногда попадаются археологам. Впрочем, в элитарных семьях существовал институт нянек, об одной из них, пользующейся большой привязанностью со стороны ее питомца, свидетельствует «Сага об Эгиле». Не встречались мне упоминания о том,

[145] Гуталаг. Гл. 2 (О детях) и, отчасти, гл. 18.

что малышом занимался отец, так что, скорее всего, уход за совсем маленькими детьми целиком возлагался на мать и вообще женщин дома.

Свою роль в гибели малолетних детей играли некоторые обычаи, порожденные, несомненно, тяготами борьбы за существование. То, что некоторые обряды, да и само сознание язычников сложились под влиянием этой борьбы, видно совершенно ясно. Дело в том, что в языческие времена не считалось преступлением, если новорожденных детей *«выносили»*, т.е. бросали на произвол судьбы. Преступлением было только прямое убийство. Между тем, «вынося» живого ребенка, его оставляли в каком-нибудь пустынном месте, где шансы на его спасение случайным путником практически исключались, т.е. в сущности это было заведомое убийство. Не полагалось выбрасывать ребенка, получившего имя, поскольку он уже считался членом рода; соответственно, в христианские времена крещеный ребенок имел преимущество перед некрещеным. В 1000 г. «вынесение» детей было особо оговорено и запрещено на исландском альтинге, который ввел на острове христианство. Однако еще в XII в. этот обычай как действующий упоминают областные законы Норвегии (Гулатинг и Боргартинг). Судя по «Законам Гулатинга», разрешалось бросать детей слабых или имевших какой-либо существенный дефект сложения — врожденный, полученный в процессе рождения или вскоре после него. Такого ребенка положено было показать священнослужителю, который решал судьбу младенца в зависимости от того, насколько тот был покалечен[146]. Скорее всего, это правило действовало гораздо раньше, когда судьбу такого новорожденного решал жрец.

Среди причин подобного обращения с новорожденными были, конечно, и экономические. Так, в сагах говорится, что подобным образом поступали «люди бедные и имевшие большую семью». Смертный приговор новорожденным детям выносился время от времени и в состоятельных семьях, на что могли быть свои соображения, существенные по мнению персонажей саг. Вероятно, в каких-то случаях бросали незаконнорожденных детей, прежде всего рожденных наложницами, чтобы освободиться от последствий «греха» и от претендентов на наследство. Но могли быть и другие причины.

Об одном случае (когда он, к счастью для участников, не привел к гибели младенца) подробно говорится в «Саге о Гуннлауге Змеином Языке» (гл. III). Ребенку, который должен был появиться в состоятельном, вполне благополучном доме, еще до рождения была предсказана несчастливая судьба, что, по поверьям, могло пагубно сказаться на судьбе всей семьи. Уезжая на тинг, будущий отец, хозяин хутора Торстейн, обратился к своей жене Йофрид с такими словами: «Ты должна скоро родить. Если это будет девочка, то надо ее бросить, если же это будет мальчик, то мы его воспитаем». Далее составитель саги поясняет: «Когда Исландия была совсем языческой,

[146] Pentikainen. P. 354. Автор не поясняет, о каких священнослужителях идет речь: языческих или христианских (христианские пастыри в Скандинавии того времени были весьма снисходительны к местным обычаям. См. гл. IV).

существовал такой обычай, что люди, которые были бедны и имели большую семью, уносили своих новорожденных детей в пустынное место и оставляли там. Однако и тогда считалось, что это нехорошо». Йофрид пыталась устыдить мужа: ведь он богат, а отдает такое распоряжение. Но муж был непреклонен: «Ты знаешь мой нрав. Плохо будет, если мое распоряжение не будет выполнено». Все же когда у нее родилась прелестная девочка, Йофрид, заплатив большие деньги своему пастуху за молчание, переправила с его помощью свою дочь в другую область, где ее отдали на воспитание арендатору богатой женщины[147]. Мы еще встретимся и с этой девочкой, и с ее отцом.

Рассказывается и другой случай («Сага о Хёрде и островитянах», гл. VIII). Молодая женщина Сигню умерла родами, и ее родной брат Торви пребывал в крайнем расстройстве. Скорбя по сестре и не очень-то симпатизируя ее мужу, Торви «задумал бросить ребенка». Он велел Сигурду, своему приемному сыну, взять родившуюся девочку, отнести к Реке Долины Дымов и там утопить. Сигурд ответил ему, «что это было бы очень дурным делом», тем более что девочку уже успели окропить водой и дать ей имя. А «умерщвлять ребенка, уже окропленного водой, считалось тогда убийством». Конечно, Сигурд «не посмел прекословить Торви», но всё же в результате сироту отдали на воспитание служанке, ничего ей не платя, т.е. не беря на себя никаких обязательств в отношении будущего девочки[148].

Приходится отметить, что этот жестокий обычай сохранялся у северных германцев и в первые века христианства, несмотря на то что церковь усиленно с ним боролась, о чем свидетельствуют главы о церкви областных законов. Примечательно также, что почти все случаи «вынесения» детей, упомянутые в сагах, касаются именно девочек. Хотя изучение супружеских отношений у древних скандинавов обнаруживает большое влияние женщин и наличие у них известных прав, они все же находились в приниженном положении по сравнению с мужчинами уже с момента своего рождения. А в бедных семьях девочка была «лишним ртом», к тому же родителям предстояли траты на приданое...

Дети и любовь к ним. Мать и отец в жизни ребенка

Раннее детство по современным понятиям и просто *детство* по понятиям скандинавов того времени, как станет ясно ниже, проходили у ребенка, судя по всему, около матери и вообще в женском окружении. Мать заботилась и о взрослых детях, если они с ней жили. Отцы же замечали детей, заботились о них и любили их по большей части с того времени, как дети начинали активно участвовать в жизни семьи, становились «маленькими взрослыми».

[147] ИС I. С. 25–26.

[148] ИСИЭ. С. 453.

Но вообще отец играл в жизни детей очень большую роль и хорошо понимал ее, ведь отцовство было одним из главных мужских идентичностей. Не случайно в христианстве Бог — «Отец Небесный», в политике глава страны — «отец народа» и т.д. Отцовство было органично встроено в вертикаль власти уже на первичном, базовом уровне, т.е. на уровне семьи как основной ячейки общества. Отец семейства — хранитель крови, чести и памяти рода. Он глава семьи, ее «кормилец», обеспечивающий ее благосостояние. Он следит за дисциплиной в домохозяйстве и поддерживает ее своей властью. Он образец для подражания, наставник, прямая обязанность которого — вырастить следующее поколение мужчин своего рода.

Поэтому вполне понятно, какие чувства испытывали родители по отношению к сыновьям, которым по мере их взросления отцы давали все больше воли в отношении хозяйства и ведения дел вне гарда и в той же торговле. Но в сагах не раз говорится и о горячо любимых дочерях, которым отец предоставлял свободу в выборе мужа, красиво одевал их и одаривал и отношения с которыми не прерывал с их замужеством.

Потеря подросших детей, особенно сыновей того возраста, когда, как говорится в сагах, их «уже замечали», и, тем более, взрослых детей переживалась как большое горе, а в старости — просто трагически, даже если человек не был беден и жил среди родных. «Как страшно в старости лишиться единственного сына!» — говорится в поэме «Беовульф» (гл. 34 и 35, ст. 2440 и сл.). О материнской скорби в связи с потерей сыновей свидетельствует «Песнь Гудрун», о которой упоминалось в предыдущем очерке. Женщины, пришедшие разделить с Гудрун ее скорбь, вызванную потерей любимого человека, увещевали ее не убиваться, напоминая, что они перенесли большее горе, потому что потеряли сыновей. Это горе было особенно велико еще и потому, что сыновья являлись первыми в ряду *своих,* надежными помощниками и заступниками. Например, упомянутые выше пять сыновей Гисли отомстили за честь отца, убив человека, который написал о нем оскорбительную вису. Саги говорят о тяжести — старости, лишенной сыновней и дочерней любви и поддержки[149].

Пронзительные, полные скорби стихи о смерти двоих своих сыновей создал в преклонном возрасте великий скальд Эгиль, который не был ни беден, ни одинок, так как о нем заботилась дочь («Сага об Эгиле», гл. LXXVIII). Эгиль писал в висе «Утрата сыновей»[150]:

Трудно сыскать / Во всем народе
Мужа, кому бы / Можно верить,
Ибо предаст / Предатель подлый
Братнюю персть / За перстень малый.
(ст. 15)

[149] ИС II:2. С. 530.
[150] КИ. С. 269.

Кругом одно предательство, в цене только деньги, пишет поэт (ст. 16), поэтому

Сыну замену / Если сам не породишь,
Где же найдешь?
(ст. 17)

В «Поучениях Высокого» об этом же сказано еще выразительнее:

Сын — это счастье,
хотя бы на свете
отца не застал он;
не будет и камня у края дороги,
коль сын не поставит /в память отца/.
(ст. 73)[151]

Вместе с тем вековая мудрость, изложенная в «Речах Высокого», гласит, что «сына уму доверять не дерзай... до срока», т.е., очевидно, до его возмужания и обретения им достойной репутации (ст. 88).

Следствием раннего замужества женщин, их тяжелого труда, частых родов, когда один ребенок еще был на руках, а другой уже ожидался, а также женских и других болезней, холода и антисанитарии было бесплодие. Вообще *бездетность* считалась огромным несчастьем, но, судя по сведениям, которыми я располагаю, оно не было со стороны мужа основанием для развода. Исправить дело старались с помощью знахарей, принося жертвы богам, а с наступлением христианских времен — отправляясь на богомолье, поклониться могилам известных святых.

В народной среде беременность шутливо называли «болезнью молодух». По подсчетам демографов, здоровая женщина, а именно таким в Скандинавии было суждено достигнуть брачного возраста, выходя замуж в 17–20, много реже в 14–15 лет, рожала каждые два-три года, пока не наступала менопауза или смерть, т.е. до 30 и более лет, а в исключительных случаях даже и на пятом десятке. И в массе своей скандинавы, как уже говорилось, были очень довольны, если у них было много детей. В сагах встречаются семьи с одним или двумя детьми, хотя их, возможно, родилось и больше, но они не дожили до взрослого возраста. Например: «У них было два сына» («Сага о Храфнкеле сыне Годи Фрейра», гл. II); или: «У него была единственная дочь Уна» («Сага о Ньяле», гл. I). Но гораздо чаще речь идет о многочисленном потомстве, которое уверенно продолжает род, о чем всегда говорится с подчеркнуто одобрительной интонацией. Это касается как законных, так и внебрачных детей, прижитых от любовниц или наложниц, но признанных отцом. Многочисленная

[151] БЭН. С. 196.

родня, особенно мужская, была важной опорой в деятельности семьи, при решении дел на тинге, во время междоусобиц и драк и т.д.

Саги с нескрываемым интересом и подчас весьма ярко описывают внешность и характер детей-подростков, но только если в настоящем и, особенно, в будущем, став взрослыми, эти дети оказываются чем-то примечательными. Такое впечатление, что сага, описывая свойства мальчика или, много реже, девочки, как бы подготавливает слушателя/читателя к тому, что этот ребенок станет незаурядным человеком, когда превратится во взрослого. Авторы с полным основанием полагали, что свойства последнего формируются на основе как природных, так и воспитанных в детстве качеств. Поэтому если взрослый человек был чем-то интересен, то при описании его детства в саге как бы предвещается его будущее — славное или позорное.

Например, сын Скаллагрима («Лысого Грима») и брат Эгиля Торольв рос искусным, веселым и сильным. А его брат, будущий скальд Эгиль, был мальчиком некрасивым, темноволосым и темноглазым, со сросшимися бровями — в отца. Зато он рос быстро, рано и хорошо стал говорить, был необузданным в играх. Повзрослев, стал могучим, высоким и статным: будущий герой налицо. В свою очередь, сын Эгиля Торстейн имел светлые волосы, белое и красивое лицо, был высоким, сильным, отличался умом, а также мягким, умеренным и спокойным характером[152] — действительно, лучше не скажешь! Стурлауг Трудолюбивый Ингольвссон (из саги о нем) «рано стал высок ростом и силен, красив и обучен воинским искусствам»[153]. Таких отсылок к детству героя в сагах немало.

Есть не менее выразительные описания иного рода. Вот, например, как описывается детство героя («Саги о Греттире») Греттира сына Асмунда Седовласого, богатого и степенного человека, который «много людей держал у себя» в имении… Греттир в детстве «был очень строптивым, неразговорчивым и непокладистым. Всем прекословил и все делал наперекор». Отец его не любил, но мать обожала и, видимо, баловала. Он «был пригож собой, лицо у него было широкое и все в веснушках, а волосы рыжие. Ребенком он отставал в развитии», но в 10 лет его духовный рост стал стремительно ускоряться, хотя характер оставался более чем трудным. Его послали пасти гусей, но он заявил, что это «презренная» и «рабья» работа, а осенью перебил всех гусей и гусят. Он отказывался в бане тереть отцу спину, заявляя, что и это «рабья работа». Уход за лошадьми был, по его мнению, «получше», но, тем не менее, он изрезал спину лошади отца. По-прежнему много хулиганил и был неразговорчив, но вскоре стал сочинять стихи, правда, добавляет сага, в основном хулительные (гл. XIV, XV). Зато Аттли, сын Асмунда и старший брат Греттира, был очень «покладистый, и всякий его любил».

[152] ИС I. С. 163–167, 233–235.

[153] СОДВ. С. 120–125.

Отцы гордились не только успехами своих детей, их силой и мужеством, но и их внешностью, если она была привлекательной; скандинавы, судя по сагам, вообще придавали внешности большое значение, считая ее отражением внутренних свойств человека. Дочь Хёскульда Халльгерд (из «Саги о Ньяле», гл. 1) была «красивая и стройная девочка, волосы ее блестели, как шелк, и были такие длинные, что достигали пояса». В присутствии гостей отец подозвал ее к себе и, взяв за подбородок, поцеловал, а затем отпустил. Он спросил у гостя Хрута, понравилась ли ему девочка. И когда Хрут отозвался о ней неодобрительно, Хёскульд очень обиделся на неучтивого гостя.

Торстейн из «Саги о Гуннлауге Змеином Языке», как упоминалось выше, приказал жене «вынести» будущего младенца. Но однажды, через несколько лет, навестив знаменитого Олава Павлина, Торстейн неожиданно узнал, что живущая в доме Олава очень красивая девочка Хельга, на которую он обратил внимание, является его дочерью, в свое время спасенной матерью от смерти. Обрадованный Торстейн забрал дочь домой, и она выросла там «в почете, горячо любимая отцом, матерью и всей родней» (гл. III).

Наделение именем

После рождения ребенка его полагалось *наделить именем*. В дохристианской Скандинавии это была торжественная процедура, которая производилась при свидетелях. Ребенка передавали на руки отцу, который при этом держал в руке оберег — лук-порей. Затем новорожденного окропляли водой и громко произносили его имя[154]. Обряд наделения именем означал одновременно окончательное введение нового человека в семью и, следовательно, в род.

Само *имя* было большой ценностью. Люди верили, что имя неразрывно связано с жизнью человека, его носящего, что оно обладает магическими свойствами, поэтому давать его надо со значением. У англосаксов, как известно, зачастую все члены семьи, принадлежащей к элите, наделялись именами, частично повторяющими имя родителя. Так, сыновья английского короля Этельвульфа именовались Этельстан, Этельбальд, Этельберт и Этельред, а дочь — Этельвита, лишь младший сын, будущий король Альфред Великий, получил отличное от имен братьев прозвание, рассчитанное на поддержку эльфов. Люди саги также были убеждены в том, что неудачно названный человек не мог рассчитывать на удачу в жизни. Например, слово «стюр» — это «распря», и назвать младенца Стюром — почти наверняка обречь его на сложную жизнь. Не случайно в одной семье и, шире, в одном роду часто был принят определенный перечень имен, которые повторялись, поскольку имя давалось зачастую в честь уважаемого умершего родича — деда и бабки, брата, отца или матери,

[154] ИС I. С. 117 и др. Ср.: Речи Высокого (Старшая Эдда). С. 158.

тетки и т.д. Это делалось не только из-за стремления поддержать преемственность и традиции рода. Скандинавы верили, что новорожденный, став тезкой покойного родича, наследует часть его достоинств: красоту, ум, силу, храбрость, удачу, известность среди современников, вообще полезные качества покойного родича-тезки. Если отец умирал до рождения сына, последнему часто давали имя отца. Таким же образом называли и дочерей. Важно было, чтобы дети унаследовали родовую *удачу.* Иногда все или многие дети одних родителей имели одинаковые имена. У того же Снорри (из «Саги о Битве на Пустоши») три сына, как говорилось выше, носили имя Торд Киса, а воспитанник, тоже Торд, прозывался Котом; но самым знаменитым из них был Халльдор, о нем сохранилась «Прядь о Халльдоре сыне Снорри».

«Сага об исландцах» дает замечательные примеры как преемственности семейно-родовых имен, так и той серьезности, с которой люди относились к выбору имени для своего ребенка и в XIII в. Так, в записи от 1209 г. повествуется, что «Тора дочь Гудмунда, жена Торвальда с Обвала, родила мальчика. Люди стали говорить отцу, что ребенка надо назвать в честь Кольбейна сына Туми, на что Торвальд ответил: "Мой сын не станет столь же ученым мужем, каким был Кольбейн. К тому же мудрые люди говорили, что не надо давать своим сыновьям имена тех, кого быстро призвали в иной мир. Я предпочитаю наречь сына именем Гицур, ибо среди тех, кто носил это имя в роду Людей Ястребиной Долины, пустозвонов доселе было немного"» (гл. 22).

Сигват назвал сыновей Снорри, Торд и Сигват (гл. 104). Кальв сын Гутторма назвал сына Гуттормом (гл. 142). Старший сын Туми Кольбейн (ум. в начале 1208) также был назван в честь деда по отцу, как и Берг сын Амунда, и внук Берга (ум. 1258). Сам же Туми, первенец Сигвата, получил имя в честь деда по матери — Туми сына Кольбейна, который был намного могущественнее деда по отцу Стурлы Старого. По той же причине Бергторн, который был женат на Хельге дочери Асгрима, дал сыну имя Асгрим (гл. 46).

В связи с пониманием *имени как оберега* находится существование у скандинавов немалого числа имен, которые были даны в честь богов, особенно наиболее почитаемых; в состав таких имен имена богов были включены либо полностью, либо частично, в расчете на божественное покровительство. Так, в надежде на милость богов Гест со временем стал *Торгестом.* Но обычно дети уже в момент наделения именем как бы отдавались под покровительство богов, о чем свидетельствует множество имен в честь бога Тора: Тородд, Торфинн, Тормод, Торбранд, Тордис, Торгерд, Торкель, Торгрим, Торлейв, Торбьёрг. Или в честь асов — Асгерд, Асгейр и т.д. Много имен было связано с «победой» (sigr): Сигурд, Сигмунд, Сигрун, Сиглинн, Сигтрюгг, Сигбьёрн и т.д. Очевидно, что знаковости личного имени придавалось большое значение.

Каждому человеку следовало опасаться того, что его имя станет известно недругу или, тем более, некой могучей злой силе и будет использовано, чтобы нанести ему вред, например окликая по имени. Сигурд из «Старшей Эдды» («Речи Фафнира»,

ст. 104) скрыл свое имя от убитого им чудовищного змея, потому что, умирая, тот мог жестоко отомстить ему. Кроме того, судя по средневековой балладе «Горе Хилле», если человека называют по имени, у него проходит приступ ярости и, соответственно, герой непобедим, пока его не окликнули по имени[155].

Вера в то, что у имени есть *магические* свойства, проявлялась и в других обычаях людей саги. Так, при побратимстве названые братья могли меняться именами («Сага о людях из Лебяжьего Фьорда»). Люди иногда изменяли свои имена по другим причинам. Например, Снорри Годи, отец которого Торгрим был убит, получил при рождении имя Торгрим. Но воспитатели мальчика умышленно изменили его личное имя на Снорри, скорее всего, из-за боязни врагов. Наконец, в саге встречается и такое сообщение: «В прежние времена считалось, что два имени сулят больше удачи. Люди тогда верили, что человек проживет дольше, если у него есть еще одно имя»[156]. Сын крестителя Швеции Олава Шётконунга Энунд известен как Анунд-Якоб. В этом двойном имени (как и у многих русских князей того времени) интересно сочетание языческого и христианского начал, характерное для имен времени раннего христианства на Севере.

Тот, кто давал имя, должен был сделать малышу подарок: «...что дашь в придачу?» — спрашивается в этом случае в «Песни о Хельги сыне Хьерварда» (ст. 7). Кстати, именно из этого текста явствует, что наделять именем мог не только отец ребенка, но и родич или некий доверенный и уважаемый человек.

В Скандинавии эпохи викингов (и почти до конца Средневековья) не были приняты *фамилии.* Исключение составляли некоторые жители значительно онемеченной Дании и люди иностранного происхождения. Позднее представители знатного рода в Скандинавии стали носить родовую фамилию, которая чаще всего отвечала изображению на их гербах и уходила корнями в имя отца-деда или в их прозвище. Исландцы же обходились без фамилий вплоть до новейших времен. Признаком уважения и различения одноименных людей служило упоминание *имени отца,* а иногда и деда, например: «Иллуги Черный... сын Халлькеля и внук Хроскеля»[157]. Эта *форма отчества* могла быть выражена иначе, например: Эгиль сын Скаллагрима, он же Эгиль Скаллагримссон. Если отец умирал рано или мать была из гораздо более знатного рода, сын мог получить второе имя/отчество по имени матери: Гуннар сын Хлив, Свейн сын Эстрид (король Дании Свейн II Эстридсен, середина XI в.)[158].

Упоминание имен отца, деда, а подчас и прадеда и, что было нередко, имен матери и ее отца было весьма важно в немногочисленных обществах Скандинавии,

[155] Баллады. С. 103 и сл.

[156] Вероятно, считалось, что так легче обмануть, отвести злую силу. Наделение двумя именами было (и остается) в обычае многих народов.

[157] ИС I. С. 27 и мн. др.

[158] Отцом Свейна был ярл Ульв, правитель Дании при Кнуте Великом, который пребывал преимущественно в Дании, мать же его Эстрид Маргрета была дочерью короля Свейна Вилобородого и сестрой (или племянницей) короля Кнута Великого.

где репутация семьи, рода, сведения о них, как и сведения о районе или области проживания, были первыми *приметами* человека и многое говорили о нем заинтересованным людям.

Нередко свое имя человек получал не сразу. Так, существует еще одна легенда о происхождении имени Снорри: как уже говорилось, сначала в память об отце, погибшем до рождения ребенка, мальчика, окропив водой, назвали Торгрим; затем за беспокойный характер прозвали Снеррир («Боец», «Задира»), и лишь потом он превратился в Снорри[159]. Рано облысевший Грим стал Скаллагримом — «Лысым Гримом». Имени Вигстерк в принципе не существовало, это слово означает «Сильный в бою» и даже «Тот, кто умеет убивать»[160]: так назвали человека, исходя из его наиболее примечательного качества. *Прозвища* вообще были общеупотребительны. Обычно прозвище отражало особенности характера или другие свойства человека, в том числе его физические недостатки или болезни, и было широко распространено у людей саги. Этому имеется много примеров, приведенных и в настоящей книге: Павлин, Задира, Колченогий, Хромой, Скальд Чернобровой и мн. др. Иногда прозвище позволяло судить о происхождении человека. Так, оскорбительное прозвище Кошкин Сын (аналог «сукиного сына») получил внебрачный сын знатного Сигурда Свиньи. Надо сказать, что смысл многих прозвищ не ясен[161].

Все сказанное относится к языческой практике. О христианском крещении младенцев в сагах нет сведений. Но по мере распространения христианства люди, особенно крестившиеся взрослыми, как уже говорилось, нередко имели два имени: традиционное скандинавское и полученное при крещении; так было и на Руси. Однако сведения об этом в сагах достаточно редки[162]. О крещении ребенка как об обыденном явлении, но мимоходом, говорится лишь в письменных законах.

Убийство ребенка считалось «постыдным поступком», «злым делом», и если происходило, то случайно. В процессе кровной мести пощадили, например, 12-летнего сына кровника, ибо убийство его было бы «постыдным поступком»[163].

Воспитание и воспитатели детей

Воспитанию детей придавалось большое значение. Воспитание и обучение происходили с самого раннего детства, в ходе общей жизни семьи и дома, и собственно детство длилось очень недолго — примерно до 7 лет. Ребенок чуть не с первых лет жизни подключался к трудам и делам домохозяйства, естественно, в зависимости

[159] ИС II:2. С. 31.

[160] Сага об исландцах. Прим. 55.

[161] Например, Олава шведского называли Шётконунгом либо из-за налога-скатта, который он собирал, или, как считают некоторые, из-за какой-то шапочки, которую он носил в детстве.

[162] См., например: КЗ. С. 293.

[163] ИС I. С. 409.

от пола и возраста. А при нападении врагов на родной хутор мальчик охотно и смело вступал с ними в схватку, помогая в меру своих сил взрослым.

Одновременно в ходе повседневной жизни дети получали нравственные и житейские уроки. Сидя у очага вместе со взрослыми, они слушали легенды и мифы, сказания о богах и героях, сказки, эпические песни, произведения скальдов, рассказы о славных или бесславных деяниях современников, о живых родичах и предках семьи, о происшествиях, битвах и законах. Они впитывали древнюю мудрость, проникались чувством долга перед семьей и родом, усваивали правила чести и обычаи, получали уроки поведения в обществе. Они получали также представление о добре и зле, о добродетелях и пороках, все нравственные нормы своей среды и своего времени.

Множество изречений, разумных советов на разные случаи повседневной жизни содержится в «Речах Высокого», который неоднократно повелевает слушать его советы[164]:

> Ночь тому не страшна, кто сделал запасы...
> Голове враг — язык... благо в молчании.
>
> Может внезапно / исчезнуть достаток — / друг он неверный...
>
> Если глупцу / достается в удел / любовь иль богатство, / не добудет ума он, / но чванство умножит / и спесью прославится...
>
> Лес руби на ветру, / жди погоды для гребли, / с девой беседуй / во тьме — зорок день; / у ладьи быстрота, / у щита — оборона, / удар у меча, поцелуи у девы...
>
> Пиво пей у огня, / по льду скользи... / корми коня дома, / а пса — у чужих...
>
> День хвали вечером, / жен — на костре, / меч — после битвы, / дев — после свадьбы, / лед — если выдержит, / пиво — коль выпито...
>
> Будь дома весел, / будь с гостем приветлив, / но разум храни...
>
> Прослыть хочешь мудрым — / в речах будь искусен — / тебя не забудут; / глупцом / прослывет безмолвный — / то свойственно глупым.
>
> ...Потешаться не вздумай / над путником дальним, / глумиться над гостем... / к несчастным будь щедр.

И в то же время: «Ворота сломаешь, / коль всех без разбора / впускать будешь в дом» и т.д.

В своих рекомендациях, пусть на первый взгляд и противоречивых, например в отношении молчания или «безмолвия», *Высокий* настойчиво повторяет, что мудрый

[164] БЭН. Ст. 119–135.

человек должен быть всегда настороже. Он не должен доверять «ни девы речам, ни жены разговорам... жены объясненьям... непрочному луку, жаркому пламени, голодному волку... стволу без корней, летящей стреле, отходящему валу, тонкому льду, змее, что свилась, с изъяном мечу, скотине больной, рабу своевольному, лести колдуньи, врагу, что сражен... брата убийце... коню слишком резвому» и т.д. И еще раз повторяет: «Всему, что назвал я, верить не надо!»[165]

Усвоение опыта тех, с кого рекомендовалось брать пример, поучения *мудрых* — все это сохраняло и укрепляло *традиционный менталитет.* В его основе лежало представление о том, что самыми главными добродетелями скандинава являются *доблесть* воина и *добрая слава* мужа и что ничем невозможно его унизить больше, нежели обвинив в трусости. Беовульф «тверд был духом и помнил о славе, вершитель подвигов» (ст. 1520–1530). Прослушав — и не раз — саги и сочинения типа поэмы «Беовульф», мальчик проникался главными идеями, лежащими в основе мировосприятия скандинавов:

Мудрый! Не стоит печалиться!
— должно мстить за друзей,
а не плакать бесплодно! Каждого
смертного ждет кончина!
— пусть же, кто может, вживе заслужит
вечную славу! Ибо для воина
лучшая плата — память достойная![166]

Мальчик должен был овладеть рядом свойств, умений, навыков или *искусств* (idrottir), обладание которыми делало его полноценным мужчиной, воином и завидным женихом, обещало ему общественное признание и соответствующий достаток.

Непременным качеством мужчины была *физическая сила.* Приобретенные в детстве сила и выносливость были свойственны скандинаву на протяжении всей жизни, так что усталость он воспринимал как вестника смерти. Не случайно эпический герой, «витязь могучий», «статный воин» Беовульф мог «тридцать ратников перебороть одной рукою» (!) (ст. 380, 400). Герой «Саги об Ароне сыне Хьёрлейва» (гл. 1) «с одного раза отрубал голову быку». Герой «Саги о Греттире» смог перенести обессилевшего быка от берега к хутору.

Мальчик обязательно должен был научиться борьбе, плаванию, езде верхом и умению стрелять из лука на ходу, а также ходить на лыжах, владеть оружием (луком, мечом, ножом, секирой, копьем и т.д.), драться с помощью двойного оружия (двумя мечами, мечом и ножом), владеть щитом, управлять лодкой и кораблем,

[165] Там же. С. 73–75, 78–82, 103, 132, 135–136.

[166] Беовульф (БЭН). Гл. 22.

играть в мяч и в настольные игры. Кроме того, он должен был знать некоторые ремесла, особенно оружейное и вообще кузнечное. Сына бонда с малолетства приучали к охоте, что давало ему свободное владение конем и оружием, знание природных условий, особенностей местности. Его учили также учтивой речи, умению достойно вести себя в обществе. Мальчик из знатной семьи, кроме того, обязательно должен был уметь вырезать и читать руны, с появлением же латинской письменности — читать и писать на родном языке и, желательно, на латыни. Он должен был знать законы, мифологию, позднее — азы христианства. Его наставляли в искусстве вести беседу, сочинять и знать стихи, играть на арфе и в шахматы[167]. И, безусловно, обладать сильным и мужественным характером.

Хотя Беовульф рано осиротел, но и ему «ратное дело [было] с детства знакомо» (ст. 400 и сл.). Герой «Саги о Хальвдане Эйстейнссоне», внук «большого хёвдинга» (вождя) Транда и сын конунга, описывается таким образом: «Красив собою и рано преуспел во всех искусствах, которые могут украсить мужчину и которыми лучше владеть, чем не иметь [их]. Он был преданным и надежным другом, но выбирал друзей с осторожностью. Он был очень жизнерадостным человеком, и с ним всегда было весело, но, если ему кто-то не нравился, он мог стать опасным врагом для своего обидчика и долго помнил обиду, не мстил сразу»[168]. Примерно так же описан Стурлауг Ингольвссон из одноименной саги, который физически развился, выучился воинским искусствам и умению общаться с людьми («был очень популярен»).

Тидранди, старший сын норвежца Торхалла, поселившегося в Исландии в конце X в., очень красивый и живой юноша, любимец отца, став взрослым, постоянно ездил за границу, при этом умел себя вести: «был дружелюбен к людям и к каждому ребенку»[169].

В «Саге о Вёлсунгах» мать, чтобы испытать силу воли своих сыновей, пришила рукава их одежды «к коже и мясу, потом сдирала». Тот, кто не кричал при этом, был признан исконным Вёлсунгом[170].

Швед Ингвар (из династии Инглингов), когда вырос, стал «высок ростом, статен и силен, и красив лицом, умен и красноречив, мягок и щедр со своими друзьями, но суров со своими недругами, учтив и изящен в обращении...»[171]. И хотя некоторые выражения наводят здесь на мысль о влиянии рыцарских романов, в целом образ героя саги вырисовывается достаточно выпукло. Надо сказать, что подобные характеристики героев в сагах достаточно часты, так что «рыцарский идеал» скандинавов того времени вполне ясен.

---

[167] КЗ. С. 150; СОДВ. С. 50–51. См. также прим. 27 к «Саге о Хальвдане Черном».

[168] СОДВ. С. 50–51.

[169] IMS. P. 119.

[170] КИ. С. 185.

[171] Сага об Ингваре. С. 254.

Регнвальду Кали сыну Коля, который в середине XII в. был ярлом Оркнейских островов и о котором рассказывается в «Саге об оркнейцах», приписано авторство некоторых отдельных вис. В одной из них перечислены девять умений или искусств, которыми владеет автор: умение хорошо писать висы и привычка много читать («я... книжник»), хорошо играть в тавлеи и ходить на лыжах, владеть луком, веслом и рунами, ковать и играть на гуслях[172]. Преемственность во владении «искусствами» по отношению к эпохе викингов здесь очевидна.

Конечно, скандинавам эпохи викингов, когда они особенно много разъезжали по разным странам со служебными, торговыми или иными целями и несли службу при владыках в разных землях, было полезно, даже необходимо знать *иностранные языки*. В сагах встречаются эпизоды, когда торгующие или пытающиеся договориться о чем-либо с иноземцем скандинавы оказывались в неразрешимой и даже враждебной ситуации, если обе стороны не знали языка друг друга.

О том, как обстояло дело с изучением чужих языков в самой Скандинавии, по сагам судить невозможно. Исходя из того, что мать Олава Павлина, ирландка по происхождению, научила своего сына ирландскому языку, можно предположить, что в процессе воспитания знающие иностранные языки люди могли передавать эти знания своим детям и воспитанникам. В «Саге об Ингваре» дважды упоминается некая особая «школа» на Руси, где обучали языкам, имевшим хождение на восточноевропейских и, возможно, вообще на восточных путях. Швед Ингвар учился там три года, его сын Свен — год[173]. Такое сведение было бы бесценным, но, скорее всего, это вставка, относящаяся к христианской школе. Что касается Скандинавии, то только в «Саге об исландцах» (гл. 36) говорится об учреждении в 1218 г., при епископе Гудмунде, школы «на Пригорках», где учителем был некий Торд Сайда. Школы при церквях устраивались, конечно, на Севере, но уже в совсем другое время.

Примерно так же воспитывали детей в семьях бондов, более скромных по положению, нежели знатные люди. Так, в одной из саг дети-соседи «играли вместе в детские игры... и занимались всеми теми физическими упражнениями, которым в те времена люди обучали своих сыновей». Мальчики — сын бонда и сын вдовы — дружили и стали побратимами. Оба выросли сильными и высокими, им обоим хорошо удавались физические упражнения[174].

Очевидно, что и детские игры, включавшие различные соревнования и поединки, служили для тренировки выносливости, силы, сметливости, выдержки и других качеств, необходимых взрослому мужчине. Не случайно при любимой скандинавами игре в мяч создавалась и команда из мальчиков. Эгиль, как уже говорилось,

[172] Поэзия скальдов. С. 73, 77, прим.

[173] Сага об Ингваре. С. 53.

[174] СОДВ. С. 120–123. См. также С. 175, прим. 32.

участвовал в ней, будучи лишь 7 лет от роду. А вот Греттир (из «Саги о Гисли», гл. 1) пошел играть в мяч только в 14 лет, и то его уговорил брат Атли. На этих состязаниях люди мерились силой, соревновались в ловкости и даже при известных условиях налаживали отношения (гл. XV, XVIII), что было полезно и для подростков.

Об играх девочек в сагах вообще нет упоминаний. Что касается девушек, то столь же недвусмысленных сведений о воспитании в них идеальных или желательных качеств в сагах также нет. Вероятно, в большинстве рядовых семей девочку обучали взрослые женщины, с малых лет привлекая к своим делам. В сагах походя говорится о занятиях женщин прядением, ткачеством и шитьем, приготовлением пищи, об их участии в сельскохозяйственных работах, умении врачевать, гадать и т.д. На лошадях женщины, как и мужчины, ездили с детства. В связи с брачными и иными делами в сагах часто с похвалой отзываются о женщине не только красивой, но также хорошей хозяйке, знающей, как вести дом, энергичной, умеющей принять гостей и занять собеседника, умной и ловкой в обращении с мужем, детьми и прислугой и, что нередко подчеркивается, обладающей покладистым характером. Прозвище девушки Кружевная Рука свидетельствует, что она была искусной кружевницей. В целом образ идеальной жены в сагах вполне сочетается с образом идеального мужчины — мужа и воина. Характерно, что в сагах нет упоминаний о том, что девочка пасет домашних животных; похоже, все связанное со скотом, за исключением, возможно, доения, было закреплено за мужчинами. Удел женщины — семья и домохозяйство, поэтому с раннего возраста девочки готовились к замужеству, приглядывались к мужчинам, вырабатывали свои критерии, по которым следовало выбирать мужа, и впитывали житейскую мудрость старших женщин. Как ясно из части о супружестве, инициатива сватовства исходила от мужчины, девушка иногда имела возможность либо дать согласие на сделанное предложение, либо отказать претенденту. А поскольку в вопрос о браке женщины еще больше, чем мужчины, вмешивались интересы семьи и рода[175], решение судьбы женщины не так уж часто зависело от нее самой. Противоположные примеры, которые в сагах обычно связаны с неординарными женщинами, на мой взгляд, только подтверждают общее правило.

Итак, воспитание и обучение детей происходило чаще всего как бы «между прочим», попутно, в ходе жизнедеятельности семьи, но не только их родной семьи. Повсеместно была распространена практика передачи кого-то из малолетних детей, чаще всего сына, а иногда и нескольких детей, *на воспитание* (fóstr) *в другую семью,* где ребенка обычно растили до взрослого возраста[176]. Сведения об этом довольно часто встречаются в сагах. Нередко детей отдавали на воспитание родичам, например, Хельги (из «Саги о Торстейне Белом», гл. VIII) был отдан на воспитание

[175] Это понятно: ведь, выходя замуж, женщина забирала часть имущества из семьи, следовательно, также из отцовского и материнского рода.

[176] См., например: ИС II:2. С. 247.

одному из родичей[177], на дочери которого потом женился. Оставшегося в 7 лет сиротой Стурлу Тордарсона воспитывала его бабка Гудню дочь Торда, а затем «для обучения» он переехал к дяде Снорри и, наконец, к Орэкье. Все это должно было укрепить отношения в среде родичей[178].

Так же часто детей отдавали на воспитание в неродственные семьи, имевшие хорошую репутацию. И при этом нередко преследовалась цель положить конец враждебным отношениям. Например, Снорри Стурлусон, осиротевший в возрасте 5 лет (1183 г.), был отдан на воспитание священнику с Дымного Холма, дабы прекратить распри с ним[179]. Впрочем, так поступали и конунги. Например, Харальд Прекрасноволосый, который «имел много жен и детей», женившись на датчанке Рагнхильд Могущественной, прогнал девятерых детей от других женщин; а старшего сына от законной жены, маленького Хакона, он окрестил и отправил в Англию, где отдал на воспитание, «посадив на колени к герцогу Гутхорму». Второго же законного сына он отдал на воспитание местному знатному норвежцу («Сага о Харальде Прекрасноволосом», гл. XXXVIII)[180]. Герой «Саги о Фритьофе Смелом» был отдан на воспитание «доброму бонду» Хильдингу, которому поручили также воспитание принцессы, дочери областного конунга, после ранней кончины ее матери (гл. I).

Ритуал, который обозначается выражениями «посадить на колени» и «взять на колени», означает передачу ребенка на воспитание и упоминается в связи с сиротами также в Гуталаге. Так, если от погибшего сына остался ребенок, дед должен «взять [его сироту] на колени», обязуясь воспитать внука. Соответственно, быть на содержании, на воспитании — это «сидеть на коленях» у воспитателя, у главы домохозяйства (буквально — «на коленях мужчины», sitin i karls scavit), дожидаясь возраста, когда сирота сможет получить свою долю наследства и стать самостоятельным (гл. 20:1).

Обычно воспитатель был по статусу несколько ниже родителей воспитанника. В сагах об этом говорится прямо: «Кто растит для другого ребенка, тот из двоих и меньший»[181].

Эта практика имела *двоякую цель* — воспитательную и социальную. Вырастая не в родной семье, ребенок освобождается от избалованности и учится общению с чужими людьми, приобретает житейские навыки. Не менее значимым соображением для родителей ребенка служило, вероятно, приобретение союзников, полезных связей, а для воспитателя, соответственно, приобретение покровителя, поскольку, как только что было сказано, обычно детей отдавали на воспитание людям более низкого общественного положения. Иногда при этом ставилось условие,

[177] ИС II:1. С. 253.

[178] Сага об исландцах. Гл. 52, 109, 113.

[179] Там же. Гл. 1.

[180] Ср.: Сага о людях из Лососьей Долины. Гл. XXVII.

[181] ИСИЭ. С. 454.

что воспитатель завещает воспитаннику свое имущество или его часть. Но чаще всего решающую роль играла заинтересованность в поддержке воспитателя, которую он начинал оказывать не только воспитаннику, связь с которым никогда не прерывалась, но и его семье. Иначе говоря, *институт воспитателей* играл большую и разноплановую социальную роль в обществе людей саги.

Обычно близкие и весьма уважительные отношения между воспитателем и доверенным ему ребенком не прерывались до смерти одного из них. Воспитатель принимал участие в делах уже взрослого воспитанника, выполнял его поручения, в том числе в качестве посредника. Подтверждение важной роли воспитателя и после того, как срок воспитанника оканчивался, находим и в «Саге об Эйрике Рыжем» (гл. III): когда молодому Эйнару приглянулась Гудрид и он захотел на ней жениться, то попросил бывшего воспитателя девушки, уважаемого Орма, поговорить с ее отцом, чтобы получить согласие последнего на этот брак. За советами к воспитателюТориру Мудрому ездил его бывший воспитанник Барди («Сага о Греттире», гл. XXXI). Торбьерн Крючок едет к престарелой воспитательнице Турид, чтобы попросить у своей, как он говорит, «матушки» совета в связи с враждой между ним и Греттиром (там же, гл. LXXVTII). И именно воспитателя (шведск. foster fader) Фритьофа Смелого — Хильданга посылали к нему на переговоры.

Вообще, судя по сагам, воспитатель, как и живущая в доме нянька, обычно любили своих воспитанников; даже расставшись с ними, поддерживали с ними добрые отношения, преданно заботились о них, по мере сил помогали им, пользуясь их полным доверием и ответной привязанностью[182], а также уважением их родителей.

В семье воспитателя ребенок рос вместе с его детьми и делал то же, что и они, в том числе пас скот[183]. Известный Гисли («Сага о Гисли», гл. XXV), попав в семью простого бонда, сам построил лодку «и много всего другого. И все, что бы он ни делал, было на славу, ибо он был умелец, каких мало», в отличие от безалаберного хозяина, с которым он вместе рыбачил. Как хороший воспитатель славился мудрый Ньяль, у которого не переводились воспитанники[184]. Воспитателей подчас считали и называли приемными отцами или матерями.

Девочек также иногда отдавали на воспитание в другую семью[185] или доверяли няньке. До известного возраста няньки ухаживали и за мальчиками, например, любимая нянька была у сурового Эгиля (см. ниже). Воспитатель привлекался семьей девушки к решению вопроса о ее замужестве, а в случае сиротства воспитанницы сам находил ей хорошую партию. Однако и опекун, и воспитатель не имели права выдавать девушку замуж или женить юношу без разрешения их родителей или родичей[186].

[182] СОДВ. С. 131–133.

[183] ИС I. С. 380. О мальчике — пастухе овец см.: Там же. С. 290, 385.

[184] Там же. С. 63.

[185] Один из многих примеров см.: ИСИЭ. С. 441.

[186] Гуталаг, 21:1.

Ребенок оставался у воспитателя до 15–18 лет, т.е. до (или почти до) взрослого возраста. Торлейв, сын зажиточного и родовитого Асгейра Рыжая Шкура, «рано возмужал и был человеком опытным и весьма сведущим во многих искусствах»; он до 18 лет воспитывался у дяди по матери, который его «очень любил и немало пекся о нем» и передал ему много «древней мудрости»[187]. Вообще указаний на воспитателей, на их роль в обучении ребенка и воспитании в нем качеств и умений, необходимых для успешного существования в обществе, в сагах немало.

Обязанности воспитателя и его ответственность за ребенка были велики, особенно если у ребенка не было одного из родителей или, тем более, если он был полным сиротой. Весьма отчетливо об этом свидетельствует следующий эпизод. Когда брат убитого Хёскульда Кетиль («Сага о Ньяле», гл. XCIII) вызвался взять на воспитание осиротевшего племянника, его жена Торгерд напомнила мужу о его обязанностях в этой связи: «Я согласна, — сказала она, — если только ты сделаешь все, что сможешь, для этого мальчика, когда он вырастет. Ты отомстишь за него, если его убьют. Ты дашь ему денег, когда он будет жениться». Т.е. воспитатель выступает в этом случае как второй отец. Но и его жена имела право участвовать в решении вопроса о приеме воспитанника в дом. Другой пример: Арнгерд дочь Торви воспитывала Гудню дочь Стурлы; при наступлении врагов она накинула на девочку одеяло и прикрыла ее собственным телом, моля Бога сберечь ребенка[188].

Весьма «злым делом», влекущим максимальное наказание, было «продать приемного сына (в рабство. — *А.С.*)»[189] — видимо, и такое случалось.

Иногда прочная связь с воспитателем служила воспитанникам и плохую службу, если воспитателем, как оказывалось, был человек низменных свойств. Таким, например, был Тьодольв из «Саги о Ньяле», который обожал свою воспитанницу Халльгерд, сопротивлялся ее браку с достойным Торвальдом, всюду следовал за ней после ее замужеств и убил подряд двух мужей этой строптивой женщины, характер которой, тяжелый от рождения, он же окончательно и испортил. Сага сетует, что не такому человеку, как Тьодольв, следовало быть воспитателем Халльгерд[190].

Из саг не ясно, платили ли родители детей их воспитателям. Возможно, люди невысокого звания, с малыми доходами, получали какое-то возмещение за труды или на прокорм ребенка. Но чаще и скорее всего за воспитание ребенка расплачивались дарами[191] и связями, которые ценились выше денег.

Воспитателя, т.е. человека, который, беря чужого ребенка на воспитание, принимал его в свою семью как родного, не путали с «наставником», *учителем,* появившимся с утверждением христианства и обычно являвшимся духовным лицом,

[187] КИ. С. 487 и сл.

[188] Сага об исландцах. Гл. 71.

[189] КЗ. С. 104.

[190] ИС I. С. 463 и сл.

[191] См., например, намек на это в ИС II:1. С. 253.

клириком или священником ближайшей церкви, который по должности также наставлял молодежь[192]. С того же времени постепенно утвердилось и духовное родство крестников и их крестных, что принималось во внимание при заключении брачных союзов, а также в иных отношениях.

Вырастая вместе, родные и приемные сыновья нередко давали, как говорилось выше, обет побратимства, который был, судя по сагам, чисто мужским обрядом. Они клялись принимать на себя те же обязанности, которые несли по отношению друг к другу родные братья, включая кровную месть. О побратимстве — «названом» (или «клятвенном») братстве — рассказывается в «Саге о Названых Братьях», в «Саге о Гисли» (гл. 6), «Саге о людях из Лососьей Долины». В «Саге об исландцах» рассказывается о побратимстве воспитанника и сына воспитателя, а также двух воспитанников. Два мальчика, жившие у одного воспитателя, — Стурла сын Сигвата, уехавший домой в 15 лет, и Арон — стали названными братьями и были верны друг другу (гл. 33). Об обряде побратимства уже говорилось раньше (см. часть 2). Стоит только напомнить, что клятва названых братьев скреплялась кровью, смешанной с землей, и в свидетели истинности их намерений призывали богов[193]. Выше приведен рассказ и о нежном чувстве, которое возникало между воспитанником и дочерью воспитателя.

Ступени взросления

Дети рано взрослели. Будущий скальд Эгиль с 7 лет принимал участие в публичных играх в мяч в составе особой детской команды, которая играла параллельно с взрослой; и в этом возрасте он уже вполне проявил свой действительно неистовый нрав. Однажды во время этой игры его отец Скаллагрим, игравший во взрослой команде и случайно задетый одним из игравших мальчиков, в пылу азарта и ярости убил его и уже ухватился было за своего сына, но его вырвала из рук отца нянька. Тогда Скаллагрим убил ее. Эгиль промолчал, но позднее, дома, во время трапезы молча встал и спокойно убил ножом приближенного отца — его управляющего. Затем сел на место и продолжил трапезу. И все присутствующие опять же промолчали, как бы согласившись с тем, что семилетний Эгиль имел право отомстить отцу за свою няню. Херьольв в 8 лет убил медведя, задравшего его козу, а в 12 лет отомстил за убийство своего отца («Прядь о Херьольве сыне Сигурда»). Торфинн Норвежский стал ярлом в 5 лет и правил 60 лет, был очень воинственным, но умер от болезни.

Интересно повествуют саги о том времени, когда знаменитый свей Ингвар Путешественник был подростком. Сын знатного Эймунда из Свитьода, о котором уже говорилось выше, рос «дома, пока ему не исполнилось девять лет». Тогда он

[192] Сага об Ингваре. С. 359, прим. 113.

[193] Подробное описание процедуры побратимства см. также: ИСИЭ. С. 30.

попросил отца разрешить ему посетить других (малых) конунгов и хёвдингов Свитьода. Отец дал свое согласие на эту поездку и «с честью подготовил ее». Дал сыну свой лучший шлем, покрытый красным золотом и драгоценными камнями позолоченный меч «и много других драгоценностей». Поехал он с пятнадцатью спутниками, одетыми, как и их кони, в броню, «со щитами и в позолоченных шлемах, и все их оружие было отделано золотом и серебром». О его поездке скоро прознали все хёвдинги и начали приглашать его к себе на вейцлу (пир). «Он принимает приглашения, и дают они ему хорошие дары, а он — им». О путешествии Ингвара узнает сын верховного шведского конунга Олава Энунд (он же Анунд или Анунд-Якоб, первая половина XI в.), красивый мальчик и почти ровесник Ингвара. Попросив разрешения у отца, он встретил своего родича с почетом, и вместе они прибыли к королю Олаву. Тот принял юного путешественника с большим уважением и пригласил погостить подольше. Ингвар же подарил конунгу свои драгоценные меч и шлем, о которых говорилось выше, сказав при этом: «Эти дары послал тебе мой отец в залог прочного мира и крепкой дружбы». Всю зиму прогостил Ингвар у конунга, «и среди всех людей конунга он был в самом большом почете». А когда по весне он отбывал домой, конунг преподнес ему хорошего коня с позолоченным седлом и дал прекрасный корабль».

Энунд, с которым Ингвар подружился, отправился вместе с ним. Так как отец не встречал его, Ингвар вместе с гостем и сопровождающими его людьми въехали на конях (!) в зал отца; приблизившись к его высокому сиденью, Ингвар потребовал почетной встречи для себя и принца. И он ее получил. Эймунд «на руках снял Энунда с коня, поцеловал его и усадил возле себя, и сказал, что все в его доме будут служить ему». Затем последовал новый обмен дарами и дружескими заверениями[194]. Дальнейшая судьба героя и его приключения изложены в «Саге об Ингваре Путешественнике». В данном же случае особое внимание обращают на себя «взрослые» поручения, которые выполняют мальчики, и подчеркнутое внимание, уважительное отношение к ним взрослых, могущественных людей. Действительно ли такая история могла иметь место в Скандинавии XI, да и XIII столетия? Но она, во всяком случае, отражает представления людей об известных отношениях в то время, и тем интересна.

В другой саге в схватке между двумя хозяевами и их спутниками на одной из сторон участвовал десятилетний мальчик, на другой — двенадцатилетний. Первый убил второго, но был тяжело изранен[195].

Вообще в сагах довольно отчетливо выделяются несколько *«ступеней взросления»* мужчины. Подчеркнутое внимание обращается, во-первых, на *12-летний возраст,* который, видимо, считался началом отрочества, в связи с чем вчерашнего

[194] Сага об Ингваре. С. 252–254.

[195] ИС I. С. 245–246.

ребенка фактически начинали допускать к некоторым взрослым делам и привилегиям[196]. 12-летнему мальчику дарят подарки, как взрослому мужчине[197]. Вдова советуется о важных делах со своим 12-летним сыном[198].

В «Старшей Эдде», в «Песни о Хледе», есть такой пассаж: «...герои-юнцы на двухлетках-конях»; или: «на войну выехали *мужи с 12 лет* и были оседланы все кони» (ст. 19. Курсив мой. — *А.С.*). Согласно древнегерманским обычаям мальчик получал право носить оружие в 12 лет[199]. Болли сын Болли, потеряв отца, в свои 12 лет убил кровника семьи отцовским мечом. В это время его вдовая мать Гудрун получила предложение руки от богатого человека и стала советоваться с сыновьями, в том числе со старшим, 12-летним Болли. В 18 лет он потребовал выделить ему отцовское наследство и женить его на дочери знатного Снорри Годи, очень известной Тордис[200].

12-летние мальчики участвовали в защите своих хуторов от нападения. Мальчик 12 лет от роду едет в торговое путешествие на корабле. Таких упоминаний в сагах немало. В «Саге о Херде и островитянах» рассказывается о том, как Хельга Ярловая Дочь убедила своего 12-летнего сына Гримкеля отомстить врагу и убийце его отца Торду. В результате оба противника, мальчик и взрослый мужчина, погибли в этой схватке. Другому брату было тогда всего 8 лет, и тогда их сестра сказала, что сама отомстит за отца. Но, возмужав, младший брат убил более двадцати человек, мстя за отца, и ни за кого не заплатил виры[201].

Будущий король Норвегии Олав (впоследствии святой) впервые отправился в поход в 12 лет. И уже в эти годы «был искусен во всяких ремеслах, стрельбе (из лука), скачке на коне и в плавании» («Сага об Олаве Святом», гл. II).

Эйрик, который принадлежал к знатному роду, в возрасте 11 или 12 лет, собрав дружину, пошел в викинг на ладье с пятнадцатью скамьями для гребцов, которую ему дал воспитатель Торольв, вместе со снаряжением, шатрами и припасами. В 12 лет он получил в Норвегии статус ярла, а позднее стал «могущественным правителем»[202].

Судя по «Саге об исландцах», с 12 лет юноши могли подавать судебные иски. Так, по случаю тяжбы Торвальд посылает на тинг в качестве истца своего 12-летнего сына Гицура, что помогает «создать Гицуру имя» (гл. 39). Домочадец Хальвдана с Ключей, Олав с Камня, в возрасте 12 лет был «весьма воинственным мужем» (!) и отправился в свой первый поход (1234 г., гл. 98).

---

[196] Согласно областным законам отсталой и малонаселенной шведской области Хельсингеланд, записанным поздно, во второй трети XIV в., совершеннолетним считался уже 12-летний мальчик (HL M 2pr; A 1:4).

[197] КЗ. С. 293.

[198] Там же. С. 295.

[199] БЭН. Прим. С. 706.

[200] ИС I. С. 420.

[201] ИСИЭ. С. 500.

[202] КЗ. С. 108 и др.

А вот пример другого рода: «Когда Гуннлаугу [Змеиный Язык] исполнилось двенадцать лет, он начал просить отца отпустить его из дому и сказал, что хочет поехать за море, чтобы посмотреть на обычаи других людей» (см. сагу о нем, гл. IV). Когда ему не удалось уговорить отца, он отправился к знатному Торстейну, у которого в течение года *учился законам.* В 13 лет он обручился с дочерью своего воспитателя Хельгой, с которой к тому времени крепко подружился (гл. V).

Херд («Сага о Херде и островитянах», гл. XII) в 12 лет «уже сравнялся по силе с сильнейшими людьми округи»[203]. Он крайне оскорбился тем, что помолвка его сестры Турид произошла без его участия. После этого Херда особенно уважительно приглашают на свадьбу сестры. Чтобы заслужить его дружбу, Иллуги, его зять, преподносит мальчику дорогие подарки, подобающие взрослому человеку, — щит и золотое запястье. Но Херд отказывается принять щит, дерзко заявляя: «Щит никудышный. У моего приемного отца (воспитателя. — *А.С.*) Грима хватает щепок». Тогда ему подарили перстень. В 15 лет Херд был «на голову выше всех других мужей. Никто не мог отвести ему глаза, потому что он видел все как есть. У него были прекраснейшие волосы и великая сила. Он лучше всех плавал, был на все горазд. Кожа у него была белая, а волосы светлые. Лицо у него было широкое, и черты лица крупные, нос с горбинкой, глаза голубые и довольно большие, и взгляд острый. Был он широкоплеч, тонок в поясе и крепок в груди, руки и ноги имел стройные». Словом, вырос всем хорош. В 16 лет он собирался «послужить именитым мужам» в чужих странах.

Гейр, сын воспитателя Херда, с которым они вместе росли и дружили, в 16 лет был не так силен, но и ему было мало равных. Он был на все горазд, хотя и не мог сравниться с Хердом. Им было соответственно 16 и 17 лет, когда их послали на корабле с товаром в Норвегию. Прибыв в Норвегию, Гейр был оскорблен оказанным приемом и, в частности, тем, что казначей матери местного конунга стянул с его плеч подбитый мехом синий плащ. За это парень отрубил обидчику руку[204]. Сам Херд, который совсем юным участвовал в ограблении надмогильного кургана и взял там себе меч, запястье и шлем, в 18 лет женился на прекрасной дочери ярла[205].

В 13–14 лет юноша, внук Хромунда Хромого, вместе с дедом защищал свой хутор, хотя женщины считали, «что он слишком молод для такого дела». Во время обороны деда убили, а внук был изранен так, что еле дышал, но его вылечили, и он «стал добрым бондом». Другой юноша в 14 лет вместе со своими названными братьями отправляется на корабле в торговую поездку, получив от воспитателя-дяди значительную сумму денег[206]. Потеряв отца, утонувшего в море в возрасте 48 лет, Геллир, которому было 14 лет, стал заботиться о хозяйстве[207].

[203] ИСИЭ. С. 459 и др.

[204] Там же. С. 462.

[205] Там же. С. 460, 468–469.

[206] ИС I. С. 393, 414 и мн. др.

[207] Там же. С. 433.

При всех преувеличениях, которые могут содержаться (и наверняка содержатся) в хвалах, посвященных отрочеству центральных персонажей саг, они подтверждают и дополняют *образ* скандинавского героя, о котором уже шла речь выше. Причем образы европейского и скандинавского героев-рыцарей отличаются друг от друга. Для второго особенно характерна неуемная агрессивность, любовь к подаркам и весьма уязвимое самолюбие, чем он невольно напоминает непосредственного в своем поведении ребенка — но ребенка весьма опасного.

Следующий возраст, который особо акцентирует сага, — 15–16 лет. Гуталаг определяет этот возраст как совершеннолетие[208]. И хотя на самом деле и в Гуталаге, и в сагах 15 лет еще не являются полным совершеннолетием, свидетельства об этом возрасте как о рубеже в биографии персонажа выглядят весьма красноречиво. Кольбейн сын Арнора с 15 лет «разъезжал по делам»[209]. Сын вдовы Скегги из «Саги о Греттире» (гл. LXVII) в 15 лет был «сильнее всех на севере». Судя по стихам из «Саги о Названых Братьях» и «Пряди о Тормоде», Торгейр в 15 лет сам, без всякой помощи убил погубителей своего отца (виса № 2). Это было в начале его бурной жизни, на протяжении которой он убил 13 человек, ходил в торговые плавания, служил ярлу Регнвальду, был отважен и погиб героически (стихи № 7, 12, 15–18)[210]. Другой юноша, Гест (или Торгест), в 15 лет убил могущественного Стюра, после чего был вынужден бежать и уже никогда не возвращался в Исландию[211]. Торольв в этом же возрасте поехал торговать, получив от богатого отца корабль и деньги («60 сотен»!) на разживу, из них на 20 сотен полосатых тканей[212].

В 16 лет Снорри Годи ставит свой собственный хутор. В Исландии и Норвегии это был тот возраст, начиная с которого мужчина мог выступать на тинге истцом по поводу убийства и получать по этому делу возмещение.

В 1223 г. тяжбу по поводу набега и грабежа возбудил и вел Орэкья сын Снорри сына Стурлы, которому было тогда 18 лет[213]. Племянникам Барди было по 18 лет, и «они уже одну зиму успели провести за морем»[214]. Гуннлауг, герой саги о нем, в 18 лет был храбрецом, «каких мало», и скальдом, служил при иноземных правителях[215].

Бастард Олав Павлин вырос очень рослым и привлекательным. В 12 лет он поехал на тинг. В 17 лет уехал на подаренном отцом корабле в Норвегию, где стал дружинником конунга и заслужил его благоволение. Через год, получив ценные

[208] Гуталаг. С. 137.
[209] Сага об исландцах. Гл. 51.
[210] ИС II:1. С. 482 и сл.
[211] Там же. С. 466.
[212] ИСИЭ. С. 462.
[213] Сага об исландцах. Гл. 51.
[214] ИС II:1. С. 79.
[215] КИ. С. 356.

подарки, он отправился к деду по матери — одному из ирландских конунгов. Вернувшись в Исландию, он успешно женился на дочери ярла[216]. Желание жениться в 18 лет выражали многие герои саг. В том же возрасте, подчас даже раньше, они уходили из отцовского дома и обустраивали свой хутор, когда поблизости, а когда и далеко от родного дома.

Умный и умевший заводить друзей Гицур сын Торвальда в 19 лет стал стольником короля Хакона, «своего родича»[217]. Уже знакомый нам Торлейв в 19 лет успел насолить местному хёвдингу; желая избежать наказания, он купил у торговых людей корабль, нанял гребцов, взял у родителей много товаров и добра и уехал в Хладир[218].

Итак, в процессе взросления скандинавов, детство которых было более чем коротким, я бы выделила на основании саг следующие этапы. Где-то с 7 лет детей, как говорится в сагах, *«замечали»*. 12–13-летие в сагах фиксируется как *отрочество,* время, когда и родня, и общество уже считаются с ними. В тех же случаях, когда в семье нет взрослых мужчин, такие подростки уже берут на себя кровную месть. 15–16-летие выглядит как последняя ступень перед взрослостью, когда юноше многое доверяется и многое позволено: можно участвовать в управлении имением, вершить кровную месть, самостоятельно вести торговые операции, возможно — участвовать в тинге; тогда же его наделяют рядом прав, но он все же еще не взрослый. Одновременно саги дают понять, каким станет нынешний 12–15-летний юноша, достигнув полной взрослости.

В 17–18 лет мужчины уже служили при дворах различных правителей и, соответственно, участвовали в боевых операциях. К 18 годам взросление и воспитание *завершалось*, и после этого мужчина мог служить дружинником, отправиться за удачей в Гардарики или в Миклагард, завести собственный гард, наконец, жениться, т.е. стать во всех отношениях полноправным домохозяином и зрелым, военнообязанным воином. Что касается брака, то, хотя мужчинам можно было жениться уже в 17–18 лет, среди людей саги на это редко кто решался. Чаще, судя по тому, что там рассказывается, молодой человек в этом возрасте предпринимал путешествие в другие страны, торговал, служил дружинником, ходил в грабительские викинги, короче, добывал славу и деньги. Только после этого он становился завидным женихом, которому любая девушка была готова отдать свою руку.

Согласно областным законам Швеции, записанным преимущественно в XIII в., *совершеннолетним* мужчиной и членом тинга, наделенным правообязанностями свободного бонда, как и в Гуталаге, юноша становился в 15 лет[219]. Но взрослым воином, имеющим право на «народное оружие» и «способным носить» его, он считался

[216] ИС I. С. 282, 291 и сл.

[217] Там же. Гл. 121. 1237 г.

[218] КИ. С. 488.

[219] Законы Упланда (UL M 2 pr); Старшего Вестгёталага (ÄVgL II, Add. 7:29); Эстгёталанда (ÖgL I, 20 pr).

с 18 лет[220]; на Готланде же платить все налоги и нести дозорную службу полагалось мужчине с 20 лет. Эти предписания, основанные на обычном праве, т.е., вероятнее всего, традиционные, подтверждают то впечатление, которое возникает при чтении саг: «окончательно» взрослым, со всеми вытекающими из этого статуса правообязанностями, скандинав становился в 20 лет.

Взросление *дочерей* в сагах почти не прослеживается. Редким примером этого является рассказ об Ингебьёрг дочери Стурлы, которая в 13 лет была «уже видная и рослая», а приглашенная на свадьбу Гицура как гостья, она явилась нарядно одетая и на ее «серебряном пояске висел кошель с драгоценностями» (гл. 172). Хотя, согласно церковным установлениям брак для девочек был возможен уже с 12 лет, а для юношей — с 14 лет, в сагах брачующиеся такого возраста не фигурируют. Есть несколько замечаний о том, что свадьба была отложена, поскольку невеста еще «почти ребенок». В одной саге говорится о девушке из бедной семьи, которую в 15 лет отдали замуж за богатого немолодого человека[221]. В «Саге о Ньяле» (гл. XXXIV) рассказывается о сватовстве молодого человека Траина к Торгерд дочери Глума, которой было 14 лет. «Они сговорились, и когда Торгерд вышла замуж за Траина и переехала в его хутор у Каменистой Речки, она принялась за хозяйство... и стала домовитой хозяйкой». Таким образом, девочка к 14–15 годам уже владела хозяйственными навыками, необходимыми для ведения дома. Однако следует заметить, что упоминания о возрасте девушек, которых сватают или которые выходят замуж, в сагах очень редки. Те два-три замечания о юных невестах, которые здесь приведены, вряд ли можно считать доказательствами общего правила в отношении брачного возраста женщин, скорее они выглядят исключениями. По Гуталагу совершеннолетие для женщины наступает в *18 лет* (гл. 20:14).

Дети и родители, братья и сестры; наследственные права

Отношения между братьями и сестрами складывались по-разному. В большинстве случаев дети из одной семьи стояли друг за друга стеной. Благородный Гисли (герой одноименной саги) взял на себя убийство человека, чтобы отвести подозрение от истинного убийцы — своего брата Торкеля, который, однако, оказался на редкость неблагородным и неблагодарным и в трудную для Гисли минуту уклонился от помощи ему. Интересен другой случай, касающийся взаимных отношений детей в семье. Некую девушку выдали замуж вопреки воле брата, с которым она была очень дружна, и, похоже, ее собственной воле. И вот, выходя замуж, девушка «передала право» брату на все свое наследственное «добро», а это была порядочная

[220] UL M II:2.

[221] ИС I. С. 329.

сумма денег («сотен 20 монет»), а также «два самых главных сокровища — ожерелье и конь Черногривый»[222]. Тем самым любящая сестра обделила своих возможных детей. Судя по «Старшей Эдде» («Краткая песнь о Сигурде», ст. 25), братья считались защитниками сестры, а для нее гибель брата становилась «наибольшим горем». В сагах неоднократно описываются ситуации, когда братья занимаются общим делом, бок о бок сражаются, мстят друг за друга, заботятся о судьбе сестры, а сестра мстит убийце брата, даже если это ее муж или родня по мужу. Стурла сын Снорри сына Стурлы горевал о своем погибшем брате Сигвате, «хотя им с братом порой не хватало удачи жить в согласии» («Сага об исландцах», виса № 75). В той же саге (гл. 90) герой при прощании с гостившим у него братом дарит тому «золоченое копье», заметив при этом, что «им [братьям] не подобает расставаться без подарков, учитывая то, сколь редко они встречаются».

Но подчас бывало, что братья оказывались столь несходными по характеру и поведению, что их дружба становилась невозможной[223] и даже возникала вражда. Один из персонажей поэмы «Беовульф» убил, правда случайно, родного брата, но, несмотря на такое преступление, к удивлению и осуждению поэмы, был в почете при дворе. Между тем подобное деяние заслуживало самого страшного наказания. В перебранке на пиру убийце адресованы такие слова: «...известно, что ты убийца своих сородичей, братьев кровных, — проклятье ада, как ни лукавь, тебя не минет!» (ст. 500, 580–590 и др.). В «Пророчестве Вёльвы» распад родственных связей, когда «братья начнут биться друг с другом», — самое страшное, что ждет людей.

После смерти родителей старший брат (или братья) становился опекуном сестры, нес за нее ответственность. Надписи на рунических камнях нередко сделаны сестрой по погибшему брату. Но баллады сохранили мотив иных отношений как между братом и сестрой, так и между двумя сестрами-сиротами (когда одна из них губит другую[224]. Вражда происходила как из-за наследства, так и по причине ревности.

Дети наследовали имущество родителей. Чаще всего жить на хуторе отца оставался младший сын, так как к моменту введения членов семьи в наследство старшие дети уже могли выделиться, получив свою долю[225]. Если хозяин гарда был женат не один раз и имел детей от каждой жены, дети наследовали добро только своей матери, наследство же отца делилось между всеми детьми, если не было его особого завещания. В среде элиты подчас наследовалась и должность, например, место годи (главы капища и соответствующего судебного округа), в том случае, если сын достиг «положенных лет»[226]. Какой именно возраст имеется в виду, сага не разъясняет.

[222] ИСИЭ. С. 448.

[223] IMS. P. 44–45.

[224] Ballades. S. 69–70 («Her Peder och hans syster»), 53 («De trå systrarna»).

[225] См., например, «Сагу о Торстейне Белом», согласно которой гард отходит к третьему сыну одного из персонажей.

[226] КЗ. С. 18. Ср.: Гуталаг, 20:6.

Обычно, как говорилось выше, скандинав считался правоспособным с 18 лет, хотя в сагах имеются примеры, когда выделялись, получая свою долю наследства, и более молодые люди, а также когда виру за убийство получали 16-летние наследники. Полное право отделиться от отца, забрав при этом свою долю имущества, получал сын после женитьбы[227], но на практике выделялись из отцовского дома и до брака.

Оставшись сиротами и желая разделиться, два сына поступили следующим образом: один взял «дом и отцову землю», другой — движимость («Сага о Гисли», гл. X). Одновременно они «поделили» воспитанников-родичей, девочку и мальчика, живших в доме их отца. В каких-то случаях братья после смерти отца жили и вели дела совместно.

Так, два брата, Торд и Торгейр, совместно «распоряжались унаследованным от отца имуществом» (там же). В саге это объясняется тем, что «братьям сподручнее вместе смотреть за своим добром», что «самое лучшее для братьев — видеть свою собственность неподеленной». Но чаще всего дети, достигшие совершеннолетия, взрослые и, особенно, собирающиеся жениться, выделялись еще при жизни отца. Оставшись сиротами после матери, ее сыновья Клэнг и Орм требуют от отца половину всего имеющегося имущества, поскольку брак родителей был заключен на половинных началах. Но отец отказывается разделить с ними земли и хутора, входившие в состав недвижимости этой богатой семьи, поскольку на них он «потратил свои деньги». В конце концов братья поделили «драгоценности и книги» (!)[228].

Гуталаг запрещает братьям, оставшимся сиротами после отца, делить унаследованное имущество, если младший из них еще полностью не возмужал, т.е. старший брат должен заботиться о младшем. Когда же и тот достигнет совершеннолетия, они могут разделиться и разъехаться, взяв с собой причитающиеся каждому «кошелек и чаши» — предметы, служащие *символами* наследства и его раздела (гл. 20).

Дочь обычно наследовала долю в движимом имуществе отца, прежде всего свое приданое и вено, как и долю материнского имущества. В редких случаях в состав приданого входила земля («Сага об Эйрике Рыжем», гл. III). После смерти отца землю могла унаследовать дочь, если она была его единственным ребенком. Согласно Гуталагу, женщины могли наследовать имущество не только после своей матери и бабки по матери, но и бабки по отцу (гл. 20:3, 4).

В целом имущественные дела, в том числе права на наследство, были все же достаточно запутанными, конфликты, которые часто возникали по этим поводам, выносились на тинг и, судя по сагам, каждый такой случай рассматривался там особо, с привлечением свидетелей. Сложности возникали и из-за плохого отношения мачехи к пасынку или падчерице, причем и здесь вопрос об имуществе занимал не последнее место. Этот интернациональный сюжет также отражен в скандинавских

[227] ИС II:2. С. 39.

[228] Сага об исландцах. Гл. 149. 1241 г.

балладах[229]. Вместе с тем обычное право, а вслед за ним и письменные законы заботились о соблюдении наследственных прав детей, особенно сирот и несовершеннолетних, которые вместе с положенным им имуществом попадали под опеку родичей или иных лиц[230]. Вероятно, в этом случае родня назначала *попечителя,* обычно это был кто-то из числа родичей либо близких друзей дома. Такой вывод следует из истории Халльдоры дочери Туми: когда она осталась без отца, родня и попечитель решали вопрос о ее замужестве. Таким попечителем был, например, Асмунд, у которого в доме воспитывался осиротевший родич Торгильс сын Мака. Когда он вырос, то стал очень сильным и «с помощью Асмунда нажил большое богатство»[231].

Как уже говорилось выше (часть 2), человек эпохи викингов мог завещать свое (но не родовое!) имущество названому брату. В «Саге о Фритьофе Смелом» рассказывается о присвоении собственности изгнанника конунгом (гл. X). Присвоение чужой собственности, в том числе земли и хутора, не только конунгами, и не только изгнанника, нередко описывается в сагах.

Немаловажной составной частью наследства, которое доставалось детям, были мудрые нравоучения родителей или старших родичей. Давать и просить *«хорошие советы»* было отражено в народной саге. Впрочем, различные варианты этой практики были известны всей Европе. Судя по сагам, хорошие советчики ценились высоко, плохих же считали злыми людьми и почти приравнивали к колдунам, так как существовало представление, что плохое слово может притянуть и плохое дело. Лучшим же советчиком был хороший отец. Существовал, например, такой сюжет, почти библейский: отец награждает сына, своего любимца, хорошими советами; сын им не следует, из-за чего претерпевает ряд неприятностей и в конце концов убеждается в правоте и добрых намерениях отца. Советы в саге (в частности, мифологической саге, переработанной в XIV в.) таковы: не служить у государя («кесаря»); не совершать того, что ведет к смерти или суду; проверять способность жены хранить секреты[232] и т.д.

Положение незаконнорожденных детей

Хромунд Хромой, сын одного из исландских первопоселенцев от наложницы, женился на дочери знатного хёвдинга, также от наложницы (это была Аудбьёрг дочь Мара сына Ёрунда Шеи). Вообще женитьба на незаконной дочери достаточно известного или знатного лица — судя по «Саге о сыновьях Дроплауг» и ряду других

[229] По поводу наследства см. также: «Сага о Хромунде Грипссоне», «Сага о Фритьофе Смелом» и др.

[230] Судя по известным законам уэссекского короля Инэ, так же обстояло дело и в англосаксонском обществе, где отцовская родня считалась обязанной оказывать помощь вдове домохозяина (ceorl) с сиротами по крайней мере до тех пор, пока младший ребенок не достигнет 10 лет. Помощь заключалась в охране сиротского владения, а также в том, что родичи (magas) давали подопечной семье летом корову, а на зиму — быка (Глебов, 2003. С. 34–35).

[231] Сага о Греттире. Гл. XXV.

[232] IMS. P. 19, 20.

сказов — была обычно характерна для человека менее родовитого, чем тесть, хотя это правило действовало не всегда. От Хромунда Хромого нить нашего повествования естественно переходит к новому важному сюжету скандинавской истории эпохи викингов — к незаконнорожденным детям.

Как неоднократно говорилось выше, у людей саги, которые стремились иметь обширное потомство, было множество незаконнорожденных детей. Их сплошь и рядом включают в состав потомков отца, например: Орм сын Иона, умный, зажиточный и вообще «муж превосходный», не был женат, но имел от двух наложниц троих сыновей и «множество дочерей». У брата Орма Сэмунда, также холостого, было девять детей от наложниц, и «все дети Сэмунда были хороши собой и подавали надежды»[233].

Отцы зачастую не делали различий между законными и незаконными детьми даже тогда, когда это стало запрещаться церковью. Лишь после многих усилий христианской церкви и введения в письменные законы XIII столетия осуждения внебрачного сожительства, как и запрета отдавать незаконным детям наследство после отца, положение, вероятно, стало меняться, хотя бы официально. Дети наложницы-пленницы и до того, в эпоху викингов, не имели права на наследство после отца[234], если только он, подобно отцу Олава Павлина, не делал при жизни особого распоряжения на этот счет, причем в присутствии свидетелей. Но бастарды королей и тогда, и еще довольно долго, частенько наследовали отцовскую корону. Нелишне вспомнить хотя бы то, что потомок викингов герцог Вильгельм Завоеватель, основавший в Англии Нормандскую династию, был незаконнорожденным и на родине во Франции даже имел прозвище Бастард. Своих незаконных детей, судя по сагам, часто любили мужчины самых разных статусов, хотя больше всего имеется сведений о бастардах в среде элиты. Замечание типа «много любовниц у большого хёвдинга и много детей от них» — далеко не единственное в сагах[235], особенно в «Саге об исландцах» (гл. 17 и др.).

В обществе к побочным детям правителей относились с уважением, с ними вступали в брак весьма почтенные люди. «Сага об исландцах» (гл. 121) нашла нужным в записи под 1237 г. сообщить, что в числе предков видного скандинава Гицура была Тора, побочная дочь норвежского короля Магнуса Голоногого (ум. 1103). Иногда короли признавали детей от коротких или даже случайных сексуальных контактов. В «Саге о сыновьях Харальда Гилли» (гл. XVIII) рассказывается, что однажды богатый бонд дал в своей усадьбе пир в честь конунга Сигурда. Ночью гость лег с приглянувшейся ему служанкой бонда. Родив от него сына, служанка отослала его к отцу. Конунг признал ребенка своим сыном и «отдал на воспитание хорошим

[233] Сага об исландцах. Гл. 17.

[234] ИС I. С. 171.

[235] ИС II:2. С. 246–247 и мн. др.

людям». В «Саге об Эйрике Рыжем» (гл. V) рассказывается, что его сын Лейв, находясь на Гебридах, сошелся с женщиной знатного рода и сведущей в колдовстве. Она забеременела. Расставаясь с возлюбленной, Лейв подарил ей дорогой перстень, «гренландский плащ и пояс с пластинками из моржовой кости». Сын Лейва от этой женщины, Торгильс, приехал в Гренландию к отцу, был им признан, но не любим, так как было в этом парне «что-то зловещее»[236].

Положение бастарда в обществе в конечном счете зависело от того, *признает* ли отец незаконного ребенка своим сыном или дочерью и наследником. Из-за наследства после отца законные и незаконные дети нередко жестоко ссорились, так что дело порой доходило до убийства. Обычно законные дети пользовались любым предлогом, чтобы не делиться наследством с бастардами. Считалось, что дети от пленниц, т.е. женщин, взятых насильно, которых приравнивали к рабыням, права на отцовское наследство не имеют[237]. В этих случаях, замечает сага, у женщины и ребенка «было мало чести и мало любви»[238].

Нередко, если отец при жизни не озаботился положением своих незаконных детей, после его кончины законные дети их прогоняли, ничего им не давали из отцовского наследства и еще донимали насмешками[239]. Детей от жены, с которой сыграли «неполную свадьбу», также можно было лишить наследства, если отец не успел распорядиться иначе[240]. Известен случай иного рода, когда бастард получил наследство после отца и взял на себя виру за него[241].

В большинстве случаев, однако, мужчины саги любили своих бастардов, особенно сыновей и особенно если они были привлекательными внешне, сметливыми и храбрыми.

В XIII столетии отношение к побочным детям ужесточилось, во всяком случае перестало быть терпимым в законах, хотя обилие предписаний о них позволяет предположить, что незаконных детей по-прежнему было много. О внебрачном «сыне рабыни» Гуталаг говорит особо, как, например, и о прелюбодеянии с внебрачной дочерью бонда, подчеркивая, что незаконные дети обязательно лишаются отцовского наследства (20:14, 21–23). Судя по «Саге об исландцах», написанной позднее кодификации Гуталага, вопрос об общей правоспособности незаконных детей и их правах на наследство все еще решался не так однозначно. Так, в одном месте (гл. 81) говорится, что бастард не имел права на главную недвижимость, т.е. родовую землю, усадьбу, но мог стать арендатором на прилегающей общинной

[236] В сагах неоднократно подчеркивается, что дети колдунов и, особенно, колдуний частенько наследуют их недобрый, злобный нрав и даже колдовские свойства.

[237] ИС I. С. 268–274 и др.

[238] КЗ. С. 57.

[239] См., например: ИС I. С. 72.

[240] ИС I. С. 71–72, 281–282.

[241] Там же. С. 625.

земле, которую община по очереди давала в аренду разным людям. В другом месте рассказывается, что, когда законный сын Торвальда Эйнар не мог начать тяжбу о своем наследстве после отца, поскольку был несовершеннолетним, за него тяжбу на тинге возбудил его единокровный брат Иллуги, сын Торвальда от наложницы[242]; таким образом, Иллуги был правоспособен при решении имущественных дел. Однако, когда в 1241 г. знаменитого Снорри сына Стурлы убили и после него не осталось законных детей, его внебрачный сын Орэкья не мог возбуждать тяжбу об отцовском наследстве на тинге, хотя имел право участвовать в тяжбе об убийстве отца (гл. 151). Тогда в дележе и присвоении имущества покойного активное участие приняли его главная законная наследница, тетка Орэкьи и сестра Снорри — Хельга, а также, увы, его убийцы, люди Гицура.

Незаконного ребенка — речь обычно идет о сыне — можно было *«ввести в род»* отца, т.е. наделить его всеми правообязанностями законного наследника и хозяина (см. выше, часть 2). Эта процедура была важна, когда речь шла о любимом ребенке отца от наложницы или когда законные сыновья отсутствовали, а также когда намеревались отблагодарить верного разбойника, даже раба. Процедура получила особую актуальность после того, как церковь запретила наделять наследством незаконных детей. Согласно норвежским областным законам, в частности законам Фростатинга, эта процедура заключалась в следующем. Отец, с согласия своих ближайших наследников, организовывал пиршество. К пиру он закалывал бычка-трехлетку и из его шкуры делал башмак. Во время ритуала он первым надевал этот башмак, за ним то лицо, кого вводили в род, затем последовательно все родичи, которые согласились ввести нового наследника, за ними прочие родственники. В течение всей процедуры вводимый в род должен был держать у себя на коленях малолетних сыновей своего отца, вероятно, показывая этим готовность заботиться о них в случае потери кормильца. Наконец отец произносил следующую формулу: «Я ввожу этого человека в права на имущество, которое я даю ему, на деньги и подарки, на возмещение и виры и во все личные права, как будто бы его мать была куплена за мунд»[243] (т.е. стала законной супругой отца, поступив под его власть).

Некоторые наблюдения

Прежде всего, очевидно, что людям саги *не было свойственно* выделение, понятие и понимание собственно *детства* как *особого периода* в жизни каждого человека.

Ничего нельзя узнать из саг об особой по стилю детской одежде, да и была ли она в Скандинавии? Судя по редким образцам детской одежды, например в Историческом музее Копенгагена, детей саги, как и детей по всей Западной Европе того

[242] Сага об исландцах. С. 465, прим.

[243] Гуревич, 1977. С. 44, 45.

времени, одевали как взрослых, разве что кроили на меньший размер. Не описаны детские игры, но ясно, что дети играют во взрослые игры, пусть в меру своего понимания и в своем кругу. Дети — это как бы люди, которых преследует частица *не:* неумеющие и неимеющие, неправомочные, неопытные, незащищенные и т.п. И задача взрослых — эту частицу «не» постепенно убрать. Поэтому детей, по выражению саг, начинают *замечать* лишь с той поры, когда они становятся *маленькими взрослыми,* и они действительно рано взрослеют.

Учили специально только детей, принадлежащих к элите и высшим слоям бондов. Но и там, как и в остальных социальных кругах, их обучали прежде всего на наглядных примерах взрослой жизни, рано приучали в ней участвовать. Люди саги стремились вырастить из мальчика мужчину — хозяина и воина, а из девочки женщину — хозяйку, соратницу мужчины по жизни, мать наследников-воинов. Основой обучения была *непосредственная передача* от старших поколений младшим своего и накопленного всем обществом опыта, мировоззрения и нравственных устоев.

При сравнительной краткости тогдашней человеческой жизни, собственно детство, время полной зависимости от взрослых, было очень коротким. Дети рано включались в полные труда, сражений и тяжб частные и общественные обязательства. И с этих пор родители и род начинали их ценить как поддержку и опору в многотрудных делах и как гарантию благополучия в будущем. Не случайно люди, имевшие многочисленное потомство, вошли в саги.

Проблема отцов и детей присутствует в сагах как проблема имущественная и правовая, в том числе из-за права детей выделиться из отцовского хозяйства, получив достойную и желаемую долю имущества, а также из-за права на выбор своего жизненного пути и спутника/спутницы жизни. Но это никак *не проблема различий* в идеологии, морали, мотивах поведения, жизненных устоях и представлениях; это не проблема приоритетов и ментальности вообще. В течение эпохи викингов и затем еще примерно двух столетий сменилось примерно до 15–18 поколений скандинавов. И хотя в северных обществах того времени происходили немалые перемены, более или менее значительные различия в представлениях и интересах людей можно обнаружить только при сравнении поколений, отстоящих друг от друга на несколько временных ступеней. При непосредственной смене отцов детьми каждое новое поколение наследовало *ментальную матрицу* своих родителей.

Часть 4

ВЕРОВАНИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ ЛЮДЕЙ САГИ

Судя по всем западным хроникам эпохи викингов, да и по «Саге об Ингваре Путешественнике», для сравнительно рано крещенных наследников греко-римского мира тогдашние скандинавы были и оставались «варварами» и «языческими племенами» (gentes pagani), исповедовавшими пантеизм, что соответствовало истине. В основном и в общем скандинавы крестились на рубеже X и XI столетий, и происходило это под влиянием процесса складывания у них государств и единой королевской власти, а также активной деятельности папства, стремящегося включить Северную Европу в сферу своего влияния. Это было время, когда Западная Европа приближалась к пику средневековой христианской философской мысли. А саги свидетельствуют, что на скандинавском Севере еще в XIII в. и даже позднее сохранялись многие языческие верования и обычаи, долго игравшие в разной мере значительную роль в повседневной жизни региона.

ЯЗЫЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ СЕВЕРНЫХ ГЕРМАНЦЕВ

Саги, эпические сказания, песни «Старшей» и «Младшей Эдды», произведения поэтов-скальдов, надписи и изображения на памятных («рунических») камнях, находки археологов в некрополях — все это является подлинным кладезем сведений о религиозных представлениях и о мифологии народов языческого Севера.

Все они пронизаны идеей борьбы добра со злом и неоспоримо свидетельствуют о культе плодородия, выраженном в солярных изображениях в виде колеса и в поклонении характерной паре: Соль-Солнце и Мани-Луна, которые считались братом и сестрой; эта пара представлена также на многих изображениях того времени. Красной нитью проходит через саги и мифы тема *связи живых и мертвых,* тема *решающей роли судьбы,* ее провидицах-вёльвах, а также особости тех смертных, кто может предсказать судьбу или помочь предотвратить ее удары. Имеется и множество свидетельств о роли *рун* и о роли устного слова, особенно обета, *клятвы,* нарушившие которую не только «теряли лицо», но подвергались личному, судебному или божественному возмездию.

Все эти и многие другие особенности воззрений древних скандинавов на мир, на отношения между богами и людьми, на роль и место каждого из них в жизни, на посмертную их судьбу, да и в целом вся их мифология и культ достаточно сложны и заслуживают особого внимания и рассмотрения. Но я здесь обращаюсь к этим вопросам исключительно в той мере, в какой это необходимо для понимания повседневной культуры, бытового и общественного поведения персонажей саг, их представлений и мотивации их поступков.

Картина мира и пантеон

Начнем с картины мира скандинава-язычника. Как и вся мифология Севера, она вышла из древнегерманской культуры и корнями уходит еще глубже, в общее индоевропейское прошлое. Именно там возникло представление о *времени* как о колесе, замкнутом круге, где прошлое и настоящее, циклы лет, сезонов, суток, как и человеческих поколений, то совмещаются, то сменяют друг друга в вечном круговороте. Земля — плоская и омывается Океаном. Все мировое пространство скандинава также круглое и замкнутое, как горизонт. И не случайно Снорри Стурлусон назвал свое главное произведение «Кругом Земным» (Хеймскрингла): там человеческие жизни, протекая во времени и пространстве, при всей несхожести деталей

непрерывно воспроизводят одни и те же мотивы и деяния. Мироздание развертывается не по горизонтали, а по вертикали, в виде нескольких уровней, и представлено *Мировым древом*[1]. У скандинавов это гигантский Мировой Ясень Иггдрасиль, ветви, корни и ствол которого неразрывно связывают мир людей с мирами небесным и подземным. Его подпитывает волшебный мед — священный источник жизни и магических сил. Именно с деревом связывали древние германцы и происхождение человека: мужчины — из ясеня, женщины — из ольхи или ивы.

Иггдрасиль состоит как бы из трех ярусов, каждый из которых соответствует одному из трех существующих миров. Ствол, по которому бегает белка, — это Мидгард («Срединный двор»), наземный и заселенный мир живого: людей, животных и растений. Вокруг него — Утгард («Внешний мир»), неорганизованная природа, которая, особенно не любимый скандинавами холодный Север и, часто, загадочный Восток, заполнена разными демонами и чудовищами. С ними сражаются скандинавские воины, чтобы защитить мир; например, Беовульф прославился тем, что сумел победить жуткое чудище Гренделя, который «уволок» немало «мужеи-воителей»[2]. «Свои» земли от «чужих» отделяются пограничным лесом Мюрквинд, который растет где-то на юге[3].

Крона дерева, на которой сидит орел, — это небо, Асгард («Двор асов»). Судя по прорицанию Вёльвы, там зеленеют «луга бессмертия», в своих чертогах обитают боги и находится главный из них — *Вальхалла,* палаты О́дина[4]. Это вечный приют павших в битве воинов, которых называли «эйнхерии» (inheiriar) и которые в Вальхалле (букв. — «Палате павших»)[5] проводят время в победоносных сражениях и пирах. Асгард по углам поддерживают как бы своего рода аналоги античных титанов — четыре безобразных по виду карлика, которые обозначают четыре страны света: Аустри, Вестри, Норри, Судри. Дорогой в Асгард служит радуга — радужный мост Биврест.

Корни Иггдрасиля находятся в царстве мертвых — Хель, или Нифльхейм, которое располагается где-то на Севере. Они омываются волшебными потоками: один принадлежит богиням («девам») судьбы норнам, другой — волшебному карлику Мимиру, третий, Хвельгельмир («кипящий котел»), течет прямо в само царство мертвых. Владычица мертвых, богиня подземного царства *Хель* заключает мертвых в свои объятия, ее «ласки близки» Тормоду Берсасону[6]. Итак, обитатели подземного

[1] Ср.: согласно Священному Писанию, Древо жизни плодоносит 12 раз в году («дает на каждый месяц плод свой»), а листья его целебны, они предназначены для исцеления народов (Откр. 22:2).

[2] Беовульф. Гл. 3. С. 35.

[3] КИ. С. 598.

[4] Об Асгарде и его правителе Одине см.: Сага об Инглингах. Гл. 11 и др. // КЗ. С. 11, 12, 14, 16, 108.

[5] В «Речи Гримнира» (Grimnismal, «Старшая Эдда») перечислено 12 чертогов богов в Асгарде. Вальхалла Одина — один из них.

[6] Тормод Берсасон — известный скальд (998–1030), главный персонаж одной из саг «героической эпохи» викингов — «Саги о Названых Братьях», записанной в начале XIII в.

мира — это умершие люди, богини судьбы-норны и поддерживающий землю гигантский Змей Нидхёгг, который лежит в океане, омывающем землю, и замыкает все своим могучим кольцом.

Другая группа женских божеств, связанных с судьбой, обитает на небе, это могучие валькирии[7], прекрасные девы-воительницы, «девы Одина», «жены победы», «победоносные»; именно они относят павших в сражении воинов-эйнхериев, вместе с их оружием, в Вальхаллу и потчуют их там как «гостей Одина». Известны имена некоторых валькирий, например Хьяртримуль, Синнегрид, Свипуль, Хильд (Хильдур), Хрунд, Гунн, Менья, которая вместе с сестрой своей Феньей «мелет судьбы», или Гендуль (Скегуль), наблюдавшая битву между норвежцами и данами, чтобы сопроводить погибших в палаты Одина. Но героический персонаж «Старшей Эдды»[8] и «Саги о Вёлсунгах» Сигмунд сын Сигурда из рода Вёлсунгов (он же Зигфрид «Песни о Нибелунгах»), который сразил гигантского змея — дракона Фафнира, исчадие зла, с помощью своего ядовитого дыхания оберегавшего огромные сокровища, этот излюбленный герой народных сказаний германцев, попал не в Вальхаллу, а к Хель, поскольку погиб не в бою.

Скандинавы-викинги, которые уделяли уходу из жизни, его обстоятельствам повышенное внимание как важнейшему событию в судьбе человека (заметим — в отличие от его рождения), не приветствовали смерть от старости или болезни, это была «смерть на соломе», которой, как мы уже знаем, было принято устилать полы и постели. Если постаревший воин, не нашедший гибели в сражении, хотел попасть в Вальхаллу, ему следовало нанести себе смертельную рану острием копья. Только смерть в бою, в море и от боевого оружия была почетной, достойной Вальхаллы, похвалы саги и творения поэта. Судя по всему, такое представление, достаточно традиционное для постоянно воюющих обществ, закрепилось и было окончательно сформулировано в северогерманском мире именно в эпоху викингов.

Таким образом, у скандинавов было два царства мертвых и две группы богинь судьбы, каждая со своими функциями. Причем обиталище богов, живых и мертвых людей связаны, как и в других древних культурах, с определенными животными: здесь это соответственно орел, белка и змей[9].

В эту картину мира входили также категории времени, каждой из которых ведала своя норна: прошедшим — Урд, настоящим — Верданда, будущим — Скульд. Здесь следует еще раз подчеркнуть, что у скандинавов в эпоху викингов, особенно до христианизации, не было *линейного* понимания «течения» времени. Оно, подобно

[7] Валькирии — др.-исл. valkyrior, англ.-сакс. welcyrge.

[8] См. в «Старшей Эдде» песни «Речи Регина» (Reginsmál) и «Речи Фафнира» (Fafnirsmál). Изображения дракона — стража сокровищ и вообще устрашающего существа отражают широко распространенное в языческой среде германцев поверье об этом чудовище. Не случайно викинги украшали свои корабли головами и хвостами драконов (см. часть 2).

[9] Здесь невольно вспоминаются дерево, белка, орел и волк из зачина древнерусского «Слова о полку Игореве» и Змей Горыныч русских народных сказок.

пространству, замкнуто в круг, в *круговорот*, и новое должно быть повторением старого, прошлого, которое всегда возрождается. Постоянная актуализация возрождения прошлого как бы «сжимает» настоящее время. *Колесо* — символ не только Солнца, но и повторяющихся циклов жизни человека и природы и, одновременно, окружающий их горизонт.

Пантеон скандинавских богов (в сущности древнегерманских, лишь с некоторыми отличиями) достаточно обширен. С характерной для язычества основательностью в нем представлены в виде богов как природные явления, так и человеческие отношения и обстоятельства патриархальных времен. И те и другие в разной мере *очеловечены*.

Некогда пантеон был разбит на две группы: *асов* и *ванов*. В конце концов асы ассимилировали ванов и ко времени саг стали обозначением богов вообще. Именно они заняли Асгард, а ванам досталось не вполне ясное обиталище Ванахейм. Не всегда очевидно, кто из богов относится к асам, а кто к ванам. Многие толкователи северной мифологии со временем стали возводить род асов к античным троянским правителям, это построение, скорее всего, возникло еще в XIII в.[10] Сам Снорри в «Круге Земном», вероятно, по известному созвучию, возводит асов к пришельцам из Азии, которые вместе со своим вождем Одином переместились в Скандинавию и стали там предшественниками скандинавов, т.е. северных германцев. Оба этих предположения не получили подтверждения в современной науке.

Скандинавы почитали богинь женского рода — *дис,* олицетворявших силы плодородия[11]. Кроме того, их мир населяли природные духи — *альвы* (ср.: эльфы)[12]. Вероятно, это было связано с почитанием священных камней, скал, ручьев и источников, т.е. малых местных божеств, в которых люди видели покровителей своей местности, собственных подворий и занятий — обработки земли и разведения скота, рыбной ловли, охоты и т.д., и своей частной жизни.

Такие камни, посвященные местным духам-покровителям, стояли и в малых местных капищах. Так, в «Саге о Хёрде и островитянах» рассказывается, что некто Торстейн, молясь в своем капище «камню, которому он поклонялся», услышал звучавшие из камня стихи о своей близкой смерти и действительно вскоре был убит. Жертвоприношение бондов альвам в шведском Гауталанде (совр. Гёталанд) наблюдал скальд Сигват при Олаве Святом, в первой трети XI в., о чем повествует сага об этом короле, по предположениям сложенная Снорри. О местных божествах, населяющих «рощи, курганы» и другие священные места, можно прочитать и в Гуталаге.

Организовав своего рода небесную общность, асы устраивали там ритуальные пиры, распивали священный напиток, сходились на свои общие собрания-тинги для

[10] См. особ.: Heusler, 1908.

[11] Ср.: ИСИЭ. С. 309 и прим. на с. 812.

[12] КИ. С. 630 и сл.

решения важных вопросов. Чаще всего в мифах и сагах упоминаются боги Один, Тор, Ло́ки и Фрей. Если Один являл соединение мудреца, умельца и воина, Тор был воплощением воинской силы и громовержцем, Фрей олицетворял погоду, солнечный свет и урожай, то Локи являлся носителем злобы, коварства и раздора.

Во главе пантеона стоял происходивший из асов и тесно связанный с Мировым древом бог *Один*[13]. Он имел множество личин и имен, например Видур, Хрофт и др., в соответствии с той или другой из его многочисленных функций. Один был одноглазым, поскольку второй свой глаз он отдал в залог могущественному волшебнику, карлику Мимиру, в обмен за мудрость. Как и другие боги, он был смертен и погиб от болезни еще в доисторические времена. Один предстает и в «Песни о Риге», и в «Прорицании Вёльвы», и в повествовании Снорри об Инглингах как культурный герой: творец, носитель высшей мудрости, создатель всех видов мастерства; именно он научил людей всему, что они знают и умеют. Одновременно он и великий правитель, давший людям законы, погребальный обряд и многое другое, что вошло в их жизнь.

Один осуществлял власть над богами и миром, обладал редкой хитростью, магическим даром и даром пророчества; как великий колдун владел всеми тайнами и тайными силами, священными рунами, проявляя при этом и коварство. Именно он добыл священный напиток «мед поэзии». Несокрушимый воин, Один был хозяином Вальхаллы, носителем победы («родителем ратей»), покровителем воинов; он определял исход сражений. И вообще «считался надежной опорой»[14]. Загадки, которые он любил загадывать, испытывая людей, не мог бы разгадать никто, кроме него самого. В X в. придворные поэты воспевали Одина и за то, что он отбирал лучших воинов в Вальхалле для участия в последней битве богов и чудовищ, которая должна начаться, едва раздастся звук рога Гьяллархорна, и завершиться гибелью богов, но зарождением нового, светлого миропорядка. С культом Одина были связаны некоторые ритуалы, в частности жертвенные: пронзание копьем, повешение на дереве, сожжение (см. об этом ниже).

Супруга и советчица Одина — богиня *Фригг* обладала даром предвидения и была богиней брака, семьи, материнства. Позднее это и богиня любви *Фрея* (Фрейя, «госпожа», красивая», «возлюбленная»)[15]; как жена Одина она помогала людям в делах и имела даже некоторую власть над мертвыми[16].

Если помощницами Одина служили валькирии, то передовой отряд его воинства составляли *берсе́рки* — люди по виду и образу жизни, но обладавшие

[13] Один — др.-исл. Odhinn; др.-нем. Wodan, Wotan; англ.-сакс. Woden. Отсюда сканд. onsdag, англ. wednesday — среда.

[14] Об умениях и знаниях Одина см. особ.: КЗ. С. 11, 14–15.

[15] СОДВ. С. 182, прим. 89. Фригг или Фригга, др.-исл. Frigg, др.-герм. Frija, англ.-сакс. Frig. «День Фреи» — англ. Friday, нем. Freitag, швед. Fredag (ср. лат. «День Венеры, dies Venerias) — пятница.

[16] См., например: КЗ. С. 12.

нечеловеческой силой, дикие и свирепые воины (см. выше). В мифологии Берсерк — внук восьмирукого Старкада, известного безудержной яростью, которая владела им во время боя, а также нечувствительностью к боли, благодаря чему он сражался без доспехов. Его 12 сыновей также называли берсерками и «воинами Одина». Собственно, изначальное значение слова «берсерк» — «медвежья рубаха», т.е. такого воина уподобляли медведю. Как уже говорилось выше, в связи с грабительскими походами скандинавов на Балтике, берсерки в сагах упоминаются довольно часто, но без всякого мифологического ореола и всегда только в отрицательном контексте: это плохие люди, безжалостные, наглые бандиты и хулиганы, притесняющие и грабящие мирных обывателей.

Сын Одина — бог добра и света, прекрасный телом и душой, светлокожий и украшенный золотыми кудрями бог *Ба́льдр* (или Belder) — идеал красоты в мире викингов. Ему был посвящен праздник летнего солнцестояния, когда в храмах зажигали огонь — символ этого бога. Жену Бальдра звали Наина. Этому богу был посвящен большой храм в районе Согн (Норвегия).

Не меньше Одина почитался его сын бог *Тор,* героический исполин и богатырь, громовержец, борец с великанами и олицетворением зла Мировым змеем, защитник людей от различных чудовищ[17]. Его имя скандинавы часто присоединяли к своему личному (см. часть 3)[18]. Матерью Тора была Земля, богиня *Йорд* (Хлодюн, Фьергюн). Некоторые ученые считают, что Один был как бы богом аристократии, а Тор скорее богом бондов.

Стражем-хранителем богов и Мирового древа был Хе́ймдаль, одним из создателей людей — Хёнир. Богом мореплавания, морской стихии и морских богатств являлся скандинавский Нептун — *Ньёрд,* а стекающие в море потоки — это дочери великанов. Супругой Ньёрда была также дочь великана и охотница Ска́ди. Их дети — влиятельная пара: Фрейр и Фрейя. *Фрей* (Фрейр или Ингви-Фрейр (Freyr), «господин»), — бог веселья, оплодотворения земли; ему был посвящен праздник зимнего солнцестояния, когда полагалось принести в жертву лучшего кабана. Вообще Фрей и его сестра *Фрейя* (см. выше) — боги плодородия, им часто приносились жертвы. Скади и жена Фрейра Герд тоже были из рода великанов. У скандинавов был свой Марс — бог *Тюр,* покровитель военных собраний, поединков и лыжников бог *Улль.* Среди женских божеств обращает на себя внимание судьбоносная «Жена Хельги».

Бог скальдической поэзии и песнопения *Браги*[19] был мудрым и красноречивым белобородым старцем, он носил с собой златострунную арфу. Богиней истории, сведущей в судьбах народов и рассказывающей о них Одину, считали *Сагу.*

[17] О боге Торе см. также: СОДВ. С. 181–182, прим. 87.

[18] Имя Тора вошло в наименование четверга: швед. Torsdag, англ. Thursday, нем. Donnerstag.

[19] Предполагается, что, возможно, бог скальдического искусства Браги — обожествленный скальд Браги Старый (КИ. С. 631, прим.).

Этим и другим богам-покровителям противопоставлен могущественный *Локи* — прекрасный внешне, но воплощение коварства. Двуличный и изворотливый, мастер чародейства, связанный со стихией огня, он некогда помогал и асам, и ванам, хитростью добывал богатства. В свое время он помогал Одину создавать людей из дерева[20]. Приняв облик кобылы, Локи уродил коня Одина — Слейпнира. Именно он, вместе с одной великаншей, породил хтонических чудовищ, угрожающих богам уничтожением, в том числе жуткого волка Фенрира, который по звуку рога Гьяллахорн вырвется на свободу, чтобы добиваться гибели богов, но сам падет от руки сына Одина — бога Видура. Сын Локи — Мировой змей, дочь — богиня подземного загробного мира *Хель*.

Были и другие, менее значительные, в том числе, вероятно, «областные» боги и волшебники. В их числе популярный герой саг и скальдических стихов волшебник *Вёлунд* — сказочный хромой кузнец и ювелир (скандинавский Гефест!). Его представляли как сына конунга колдунов-финнов. «Песнь о Вёлунде» — одна из древнейших в «Старшей Эдде»; о Вёлунде повествуется и в памятниках англосаксонской поэзии.

Пантеон скандинавских богов[21] с очевидностью показывает роль войны, воинства и военного искусства у скандинавов в эпоху викингов. Не случайно, судя по записям миссионеров, некоторым скальдическим стихам и различным изображениям, бог Тор почитался в то время подчас даже больше Одина, в капищах его нередко помещали в центре пьедестала для идолов, между Одином и Фреем. Из мифологии видно и то, как возросла роль аграрных занятий, связанных с землей, а также важность кузнечного ремесла.

Разнообразную роль в скандинавских представлениях того времени играли великаны, драконы, карлики и тролли. Йотуны-*великаны* пребывали преимущественно на востоке. С *драконами* приходилось постоянно сталкиваться там же, например, Ингвару Путешественнику (см. сагу о нем). *Карлики-цверги* (или цвирги) были безобразными с виду подземными существами и обитателями скал, очень искусными мастерами — кузнецами и ювелирами, как и хранителями сокровищ. В сагах они нередко затаскивают людей в горы, откуда те уже не могут выбраться. Мудрейшим из карликов был Квасир, это из его крови, смешанной с медом, и был, согласно «Младшей Эдде», некогда создан мед поэзии[22]. А мудрый карлик Мимир являлся хранителем подземного источника мудрости, которым пользовался Один. *Тролли* — это злые и страшные духи, внешне похожие одновременно на человека, птицу и зверя; они насылают непогоду и вообще всячески вредят людям.

[20] КИ. С. 578, прим.

[21] Легендам о богах посвящены первые главы «Саги об Инглингах», затем плавно переходящей к историческим персонажам.

[22] При всем почтении северных германцев к поэзии и поэтам у них сохранился один древний миф, весьма своеобразно толкующий историю поэтического дара богов. Там говорится, что после того, как Один в облике орла похитил «мед поэзии», ему пришлось спасаться от погони. И чтобы облегчить свой полет, он отрыгнул часть меда в чашу. Из этой чаши пили настоящие поэты-скальды. Но часть меда ушла через задний проход бога и досталась рифмоплетам в виде «кала орла».

Очень интересны атрибуты богов, в том числе металлические, изготовленные карликами, например копье Одина — Гугнир; его священные черные птицы — *вороны*-стервятники Мунин и Хутин (вестники войны и «пожиратели трупов»)[23], а также волки Гери и Фреки; его золотое кольцо или браслет («обручье») Драупнир, вещие руны, волшебный мед, дающий силы, наконец, восьминогий конь Слейпнир. Судя по «Саге о Вёлсунгах» (гл. XXI), Один владел также особым «сонным шипом», укол которого усыплял человека, делая его беспомощным. Широко известны в мире викингов железные рукавицы и *молот Тора* — Мьёльнир, золотые волосы его жены богини Сив, ожерелье Фреи — символ плодородия, корабль Фрея и др. А супруга Браги — *Йдун* обладала золотыми *молодильными яблоками*; как только боги начнут стареть, они отведают этих яблок, тотчас же помолодеют и останутся такими до самого конца света[24]. Очевидно, что в большинстве случаев атрибуты богов — волшебные варианты предметов или свойств, обычных для скандинавов и ценимых ими.

Мифологические сюжеты часто переплетаются с эпосом, с историческими преданиями, некоторые боги выступают как герои, мудрые умельцы и храбрецы[25]. Здесь примечательна прежде всего уже знакомая нам по более древней, чем саги, «Песнь о Риге», с ее сакрализацией и мифологизацией королей, происхождение которых возводится к языческим богам и которых наделяют необыкновенными свойствами и особыми отношениями с другими мирами и судьбой. Было принято считать, что норвежские и шведские конунги вели свое происхождение от бога Ингви-Фрейра. Божественным считалось также происхождение датских Скьёльдунгов. Снорри Стурлусон в «Младшей Эдде» и в прологе «Саги об Инглингах», видимо, исходя из известной традиции, отмечает, что трёнды, жители норвежской области Трёндхейм, происходят от потомка Одина.

Через тексты саг проходит подражание как мудрости, героизму, умениям и изворотливости богов, так и их атрибутике. Например, в них неоднократно подчеркивается ценность «золотых» волос девушки, особое, высокое положение скальдов. Говорится о получении в дар или иным путем волшебных, заговоренных предметов — меча, копья, плаща, делающего своего владельца невидимым, и др. В «Саге о Ньяле»[26], в мифологической «Саге о Хервёр» говорится о сверкающем в лучах солнца чудодейственном мече Тюрфинг, наносившим раны, после которых не могли выжить ни звери, ни люди[27]. Об этом мече говорится и в других сагах. В «Саге о Стурлауге Трудолюбивом Эйстейнссоне» герой получает в дар

[23] ИСИЭ. С. 74.

[24] Младшая Эдда. С. 46.

[25] Это видно также по древнедатским героическим сказаниям, которые содержатся, в частности, в сочинении Саксона Грамматика «Деяния данов», которое опиралось и на саги (Saxonis Grammatici Gesta Danorum. Hrsg. von A. Holder. Strassburg, 1986); сочинение создано в первые годы XIII в. Об этих двух воронах Одина говорили также, что они, летая повсюду, докладывали верховному богу о земных делах.

[26] ИС I. С. 491 и сл. См. также в других сагах.

[27] IMS. P. 23, 28.

волшебную алебарду, которая «все перерубает» и может стать маленькой, как булавка[28].

Очевидно, что магия и пророчества занимали в мире викингов значительное место. В «Саге о людях из Лососьей Долины» рассказывается, что у могучего и умелого Торгильса был синий плащ, обычно висевший на стене его палатки во время тинга. Однажды люди услышали, как «плащ сказал следующее:

«Он висит и сохнет Замысел коварный, —
На стене. Он знает Не один, а два их.

Всем это показалось большим чудом».

Но на следующий день владелец плаща был предательски убит[29]. В той же саге появление во́рона — священной птицы Одина толкуется как благоприятное предзнаменование для воина. Персонаж саги может находиться одновременно в нескольких местах, люди меняются обличьями, действуют оборотни (люди-волки) и колдуны, перед героями предстают полные глубокого смысла видения. Ниже мы еще столкнемся с предметами, ритуалами и мотивами поведения, ориентированными в сагах на *иной мир,* на непосредственную *связь* с богами и мертвецами, на страх перед чудовищами и странными знаками, навеянными мифами, с мистическим толкованием природных явлений, снов и т.п.

Капища, годи и жертвоприношения

Языческие ритуалы поклонения богам и жертвоприношения им осуществлялись публично или частным образом и в любых местах, в том числе в пиршественных залах, при накрытых столах, либо в горах. Однако наиболее действенными считались священные ритуалы, которые проводились в особо отведенных местах. Это мог быть просто алтарь, т.е. культовое место без крыши, но особенно почиталось святилище, нередко в виде роскошного здания, «дворца»[30].

Главными центрами языческих обрядов были именно *святилища,* где проводились религиозные праздничные церемонии и приносились особенно крупные жертвы богам[31] в сопровождении соответствующих обрядов. В «Саге об Инглингах», в которой Снорри Стурлусон посвятил первые два с лишним десятка глав мифологическим обоснованиям божественного происхождения этого рода, он описывает большое святилище в Асгарде (?!), где «по древнему обычаю» служили двенадцать «верховных жрецов, которые совершали жертвоприношения и судили

[28] СОДВ. С. 146–147.
[29] ИС I. С. 413.
[30] СОДВ. Прим. 96.
[31] ИС I. С. 136, 146.

народ... Все люди должны были им служить и их почитать». Он пишет далее, что центральное капище свеев располагалось в центре их племенного союза, старинной *Упсале*. По приводимой им легенде, это святилище воздвиг Фрейр, а тамошние курганы были связаны с Тором, Одином и самим богом-основателем. В этом святилище и других местах Фрейру приносили жертвы в благодарность за урожайные годы. В его главное капище шла дань со всех земель свеев, откуда и пошло выражение «Упсальское богатство» (или «удел»: Uppsala öð)[32]. Отметим, что Упсальский удел послужил впоследствии основой домена свейских, а затем и шведских королей. Интересно, что Снорри ничего не сообщает о таких жертвах богам, в числе которых наряду с животными были бы и люди. Видно, при всем своем уважении к родной старине, он не считал возможным упоминать об этом крайне нечестивом и жестоком обряде.

При посещении Дании в последней трети XI в. Адам Бременский, миссионер и каноник Гамбург-Бременского архиепископства, в свою очередь слышал рассказы о великолепном капище в центре языческого культа и главном городе свеев Упсале. Напомним, что это происходило через десятки лет после официального введения в Швеции христианства (Олавом Шётконунгом, первые десятилетия XI в.). И вот что узнал миссионер «о верованиях свеонов»[33].

«У этого племени есть знаменитое святилище, которое называется Убсола (город У́псала. — *А.С.*) и расположено недалеко от города Сиктоны (город Си́гтуна. — *А.С.*). Храм сей весь украшен золотом, а в нем находятся статуи трех почитаемых народом богов. Самый могущественный из их богов — Тор — восседает на престоле в середине парадного зала, с одной стороны от него — Водан (Один. — *А.С.*), с другой — Фри́ккон (Фрей. — *А.С.*). Вот как распределяются их полномочия: "Тор, — говорят свеоны, — царит в эфире, он управляет громами и реками, ветрами и дождями, ясной погодой и урожаями". Водан, что означает "ярость", — бог войны, он возбуждает мужество в воинах, сражающихся с неприятелем. Третий бог — Фриккон — дарует смертным мир и наслаждение. Последнего они изображают с огромным фаллосом. Водана же свеоны представляют вооруженным, как у нас обычно Марса. А Тор напоминает своим скипетром Юпитера. Они также почитают обожествленных людей, даря им бессмертие за славные деяния...» (гл. 26)[34].

Святилище со всех сторон окружено холмами, наподобие амфитеатра. Рядом с ним растет вечнозеленое дерево неизвестной породы. Поблизости расположен источник, где язычники приносят в жертву живых людей, и, если человек не всплывет, это значит, что жертва принята и желаемое будет исполнено. Храм опоясан

[32] КЗ. С. 16–17.

[33] Скорее всего, Адам передает рассказы датского короля Свейна Эстридсена (1047–1074), гостем которого он был: Свейн в молодости немало лет провел на военной службе в Швеции.

[34] М.И. Стеблин-Каменский перевел это место несколько иначе: «Они также иногда возвышают людей в богов и поклоняются им за их подвиги, приписывая им бессмертие, подобно тому как они сделали с королем Эриком, о чем сказано в житии святого Ансгария» // Стеблин-Каменский, 1979. С. 25 и сл.

золотой цепью (схолии 134 и 135). «Ко всем их богам приставлены жрецы, ведающие племенными жертвоприношениями. Если грозит голод или мор, они приносят жертву идолам Тора, если война — Водану, если предстоит справлять свадьбы — Фриккону». Каждые девять лет свеи собираются на торжество в Упсалу, от участия в котором никто не освобожден. «Цари и народы» (видимо, не участвующие в нем лично. — *А.С.*) отсылают туда дары, и «откупаться от участия» в нем вынуждены также христиане. Это празднество заключается прежде всего в жертвоприношении девяти голов «из всей живности мужского пола», чтобы их кровью умилостивить богов. Тела затем развешиваются в ближайшей роще, благодаря этому священной для свеонов. «Один христианин рассказывал мне, — продолжает Адам, — что видел в этой роще висевшие вперемежку тела собак, лошадей и людей, общим числом 72. А о многочисленных нечестивых магических песнопениях, которые они обычно исполняют, совершая обряд жертвоприношения, лучше будет вообще умолчать» (гл. 27)[35]. Миссионер рассказывает также о том, что конунга-христианина Анунда-Якоба, отказавшегося приносить жертвы языческим богам, свеоны изгнали. Подобные жертвоприношения были приурочены к весеннему равноденствию и сопровождались пирами, которые собирались и в храме, около жертвенника; они происходили в течение девяти дней, каждый день вместе с животными в жертву приносили человека (схолии 136 и 137)[36].

Хотя в сведениях Адама наблюдается некоторая путаница, что, скорее всего, объясняется тем, что он сам не видел это капище, а пользовался рассказами очевидцев и, судя по всему, какими-то литературными источниками, однако в общем его описание дает яркое и в целом, видимо, достаточно достоверное представление о главных языческих обрядах и их культовом центре у свеев. Снорри Стурлусон также пишет о весенних жертвоприношениях в Упсале, которые приносились во имя мира. Одновременно с жертвоприношениями делались предсказания[37]. В «Саге об Олаве Святом» (гл. LXXVIII) сообщается, что весенние жертвоприношения в Упсале приносились в месяц «гои» (между серединой февраля и серединой марта[38]), «чтобы был мир и конунг всегда одерживал победы». Одновременно в Упсале, точнее недалеко от Упсалы, на лугу Мура происходили общий тинг[39] и ярмарка. Упсальский храм, с его священными рощей и источником, славился, судя по сагам, на всю Скандинавию. Этот огромный храм, роскошно изукрашенный, со статуями богов и сосудом для крови жертв перед ними, с особой частью строения,

[35] М.И. Стеблин-Каменский перевел это место еще выразительнее: «Что же касается песней, которые принято петь во время такого рода жертвоприношений, то они так многообразны и непристойны, что лучше о них умолчать» (*Стеблин-Каменский М.И.* Указ. соч. С. 210–211).

[36] *Адам*. С. 97–98.

[37] КЗ. С. 32.

[38] Там же. С. 649, прим. 55.

[39] Тинг на лугу Мура около Упсалы, знаменитый тем, что там по древней традиции избирали королей Швеции. И там же до конца Средневековья проводились ярмарки.

отведенной для жертвенной трапезы, был, согласно легенде, основан богом Ингви-Фреем, основателем династии Инглингов.

Подобные или меньшие капища свеев были в соседнем городке Сигтуна («Старые Сигтуны» саг, находившийся к западу от современного города с таким же названием), который, согласно легенде, был основан Одином, а также разбросаны по всем населенным частям северных стран.

Что касается принесения в жертву людей, обычно рабов-военнопленных, и их «развешивания» на деревьях, то это, видимо, было характерно для эпохи викингов, поскольку такой обычай отражен даже на рунических камнях, в частности из Готланда, от VIII–IX вв. Из описаний капищ и жертвоприношений неясно, принимали ли участие в них рабы наряду со свободными людьми и, с другой стороны, приносили ли домашних рабов в жертву богам — или только пленников. Трупы некогда повешенных людей иногда находят в бывших болотах, с веревками на шеях, но это могут быть останки казненных преступников. Впрочем, так или иначе очевидно, что во время языческих обрядов жертвы не только умерщвляли на жертвенниках, но и вешали живыми.

В числе возлияний богам наряду с живой кровью в сагах часто упоминаются брага и, особенно, так любимое скандинавами пиво.

В своем сочинении Адам попутно сообщает об обычаях идолопоклонства у куров (куршей), которые во времена св. Ансгария (IX в.) платили дань свеонам. У куров усилиями миссионеров и «стараниями одного торговца» была построена первая церковь. До этого же земля куров, где «много золота и превосходные кони», кишела «прорицателями, авгурами и черноризцами» и «туда со всего света» съезжались [люди]» за пророчествами, «даже из Испании и Греции»[40].

В «Саге о Стурлауге Трудолюбивом Ингольвссоне» описывается скандинавский «большой храм» в Бьярмаланде[41]. «Посвященный Тору и Одину, Фригг и Фрейе, он искусно сделан из дорогого дерева. [Одни] двери храма смотрят на северо-запад, другие — на юго-запад. Там внутри Тор и Один...» Идя далее по Бьярмаланду, путешественники увидели на равнине другой храм, «так сиявший, что его блеск, казалось, озарял всю равнину, так как он был украшен золотом и драгоценными камнями». Кроме изображения Тора, который сидел на возвышении, там было много драгоценных предметов, в том числе сделанные из золота шахматы на такой же доске, а также украшения и богатые одеяния. Служили в храме жрицы[42]. Правдивость сведений о викингских храмах в Бьярмаланде сомнительна, но описание этих храмов в саге также дает представление о капищах, характерных для региона в ту эпоху.

[40] *Адам*. С. 89 и др.

[41] Проблема локализации часто упоминаемого в сагах Бьярмаланд (Bjarmaland) дискуссионна. В общем, «Земля бьярмов» саг определенно находилась на северо-западе восточноевропейской части России и, скорее всего, была населена угро-финскими племенами.

[42] СОДВ. С. 152–153.

В Дании славилось капище на острове Фюн, в городе *Óденсе*, причем само название города, как очевидно, связано с именем Одина. В Норвегии богатое капище находилось в Тра́ндхейме, в месте по имени Мэр, где «сидел Тор, самый почитаемый из богов, разукрашенный золотом и серебром», а также имелись изображения (статуи. — *А.С.*) других богов. Там совершались жертвоприношения и собирались «все вожди и могущественные бонды, как это было в обычае...» («Сага об Олаве сыне Трюггви», гл. LXVI и LXIX). В «Саге об Эгиле» упоминается «прославленное капище в Гаударе» (?), где летом совершалось большое жертвоприношение и собирался пир. Туда съезжалась масса народу, в их числе король Эйрик[43]. Что касается наименования Гаудар, то, скорее всего, речь идет об известной в Норвегии местности Холар.

В «Саге о фарерцах» (гл. XXIII) рассказывается о капище и гаданиях на этих островах. Одним из ее героев является предводитель викингов норвежец Сигмунд сын Брестира, который хотел осесть на Фарерах. Сигмунд верил только в «свою силу и мощь», однако по совету ярла Хакона решил «искать защиты» в святилище, у «Торгерд невесты Хёрда» (она же — «Невеста Хельги»)[44]. Дело происходило в 80-х гг. X в. (сага записана в первой половине XIII в.). Капище, куда они отправились, находилось далеко от жилья, на лесной поляне, так что собеседники и сопровождавшие их люди добирались туда сначала проезжей дорогой, а потом боковой тропинкой. Там стоял «дом, обнесенный тыном, дом этот был очень красив, с резьбой, украшенной золотом и серебром... Там стояло множество идолов. В капище было много окон, так что ничто не отбрасывало тень. У торцовой стены стояла женщина (статуя богини. — *А.С.*) в богатом убранстве. Ярл распростерся перед ней ниц и долго лежал». Наконец он встал и сказал, что нужно «принести ей жертву и положить серебро перед ней на сиденье». Если она «отпустит запястье», которое у нее на руке, значит, жертва принята. После неоднократных слезных молений ярла богиня «отпустила» запястье. Хакон, сняв браслет с руки статуи, передал его Сигмунду, предупредив, чтобы тот никому его не отдавал, так как «в этом запястье удача»[45].

Чтобы узнать чей-то жребий или судьбу задуманного предприятия, как личного, так и общественного, жрецы гадали на внутренностях жертв, предпочитая из птиц — соколов, а из животных — белых коней.

Свой жребий пытались не только узнать, но и облегчить или хотя бы не утяжелить. Для этого, собственно, и приносились жертвы богам. При ритуальных действиях долго употреблялись кремневые ножи. Известно, что проверку того, принята ли жертва, производили, погружая в колодец или в свободную воду человека. Если он не выплывал, жертва была принята и можно было рассчитывать на милость

[43] ИС I. С. 149–150.

[44] Речь идет о языческом божестве, почитаемом в Норвегии. Возможно, что его культ был связан с человеческими жертвоприношениями.

[45] ИС II:2. С. 167–168.

богов. Упоминается и принесение в жертву животных похожим способом, когда их топили в воде.

Из саг известно о нескольких святилищах в Исландии. Одно из них располагалось на *Поле Тинга* в Широком Фьорде. Там был устроен «круг, где людей приносили в жертву богам. В этом круге стоит камень Тора, о который жертве разбивали голову»[46]. Жертвоприношения совершались трижды в год и сопровождались большими пирами. Происходили они осенью (на пороге зимы), затем в середине зимы — на *йоль*, т.е. Новый год — праздник, который был связан с культом плодородия[47], и, наконец, летом. Судя по «Саге о Магнусе Слепом и Харальде Гилли», святость йоля, когда никто не работал, соблюдалась минимум 3 дня, а в «Саге об Олаве Святом» сказано, что на йоль пировали 7–8 дней, а то и больше (гл. CLXII). По этому случаю украшали помещения, развешивая по стенам ковры, красивые ткани, кожи и оружие. Праздник обязательно сопровождался жертвами дисам, как богиням плодородия[48]. На это же время назначались обычно большие (общие) тинги и торжища[49].

Вот что рассказывает Снорри Стурлусон об одном жертвенном пире в Норвегии, при короле Хаконе Добром (ум. ок. 960). В Трёндалеге жил Сигурд, ярл Хладира, который был ревностным язычником. «По древнему обычаю, когда предстоял жертвенный пир, все бонды должны были собраться туда, где стояло капище, и принести припасы, которые нужны для жертвенного пира». Они же доставляли пиво. Для пира закалывали скот, включая лошадей. Кровь от этих животных называлась жертвенной кровью, ее собирали в особые чаши, «а жертвенные веники были наподобие кропил», — замечает христианин Снорри. С их помощью окропляли кровью все жертвенники, стены капища внутри и снаружи и людей. Мясо затем ели во время пира, сварив его в котлах, висящих над кострами в пиршественной палате. «Тот, кто давал пир и был вождем, должен был освящать полные кубки и жертвенные яства. Первым был кубок Одина — его пили за победу и владычество своего конунга, потом шли кубок Ньёрда и кубок Фрейра — их пили за урожайный год и мир. У многих было в обычае пить после этого кубок Браги. Пили также кубок за своих родичей, которые уже были погребены. Этот кубок назывался поминальным». Ярл Сигурд оказался щедрым человеком: устроив большой жертвенный пир в Хладире, он взял на себя все затраты. Это «доставило ему большую славу», которую воспели в стихах[50].

Собственные святилища были и у знатных людей. Так, в «Саге о Ньяле» рассказывается о ярле, у которого сожгли принадлежавшее ему святилище, а сокровища,

[46] Там же. С. 30. Круглый камень для жертвоприношений, о которых говорится в сагах, археологами пока не обнаружен.

[47] См.: Сага о Гуннаре Змеином Языке // ИС II:1. С. 40; Сага об Эгиле // ИС I. С. 64.

[48] ИС I. С. 137.

[49] Не случайно в гл. 1 «Саги о гутах» (примерно 20-е гг. XIII в.) говорится о жертвоприношениях на тинге.

[50] Сага о Хаконе Добром. Гл. XIV // КЗ. С. 74–75.

там собранные, похитили. За убийство в священном месте убийцу объявляли вне закона (о том же идет речь и в «Саге об Эгиле»)[51].

По обычаю, вероятно очень древнему, если кто-либо сам приносил себя в жертву Одину, за ним на смерть должна была идти его жена[52]. Один арабский путешественник рассказывает об обряде сожжения наложницы вместе с умершим хозяином[53]. В сагах я не встречала описания или упоминания о таких обрядах, возможно, они уже отошли или отходили в прошлое. Но человеческие (и не только человеческие) жертвоприношения, путем пронзания копьем, утопления и повешения на дереве, засвидетельствованы современниками описываемых событий.

«Сага о людях с Песчаного Берега» дает полное описание капища, где во время жертвоприношений желающие узнавали свой *жребий.* Люди должны были совместно содержать это святилище вместе с его смотрителем-*годи.* В данном случае им был могущественный норвежец Хрольв Бородач сын Арнольва Рыбогона с острова Мостр (конец IX — первая треть X в.), который «жил на широкую ногу». Он следил за капищем Тора на острове и «был его [Тора] большим другом», так что его прозвали Торольв.

Не желая подчиняться конунгу, годи Торольв принес Тору жертву и просил его ответить: «мириться ли ему с конунгом или уезжать из страны». Жребий велел ему плыть в Исландию. Он добыл большое судно, погрузил на него домочадцев и скот (?), кроме того, «разобрал капище и взял большую часть бревен с собой вместе с землей из-под жертвенника, на котором сидел Тор». Пристав к берегу в фьорде, которому дал название Широкий Фьорд, он занял там большую территорию, поставил хутор и возвел капище. «Это был большой дом. В боковых стенах, ближе к углам, были прорезаны двери. Внутри стояли столбы почетной скамьи; они были закреплены гвоздями, гвозди эти звались боговыми». Внутри капища было особое святилище и постройки, которые автор известного ныне текста саги сравнил с «постройками вроде хора в нынешних церквях[54]. Посередине на полу стоял жертвенник, «как и алтарь в церкви». Поверх него лежало тяжелое драгоценное кольцо, «на нем следовало приносить клятвы». Во время праздников годи капища должен был надевать кольцо на руку. На жертвеннике стояли чаша и прут «наподобие кропила»[55], которым разбрызгивали жертвенную кровь из чаши. «В задней части капища вокруг жертвенника стояли боги. Все люди этого края должны были приносить подать на капище... а годи — содержать капище в порядке»[56].

[51] ИС I. С. 588 и др.

[52] Сага об Ингваре. С. 275, прим. 3.

[53] Сага о Хальвдане Эйстенссоне // СОДВ. С. 91, прим. 6.

[54] А.В. Циммерлинг, опубликовавший эту сагу в ИС 11:2, полагает возможным датировать ее примерно второй третью XIII в. (ИС 11:2. С. 297).

[55] Следует иметь в виду, что подобные сравнения с церковной утварью принадлежат автору текста — христианину XIII в.

[56] ИС II:2. С. 25.

Интересный материал о капище и годи содержится в «Саге о Храфнкеле Годи Фрейра». Дело происходило во времена Харальда Прекрасноволосого, т.е. примерно в начале X в. Юноша по имени Храфнкель, потомок шведского короля Олава Дровосека, «красивый и многообещающий», в возрасте 15 лет прибыл с родителями в Исландию. Он довольно скоро отделился от отца, взял свою долю имущества и поставил свой хутор. Молодой хозяин стал совершать богатые жертвоприношения богам и велел построить большое капище. Особенно он чтил Фрейра и «уделял ему половину из всего, что было у него самого ценного». В конце концов он занял всю Ледниковую Долину, *объявил себя годи* и стал собирать с окружающих бондов средства, формально на содержание капища. Когда же его хутор и капище в ходе неких событий были разрушены, он разочаровался в вере: решил, что «это вздор — верить в богов», и с тех пор не совершал жертвоприношений. Со временем Храфнкель сумел вернуть себе свой хутор, а также выгодную и почетную власть годи. Его похоронили в кургане, куда положили много добра, а сыновья его унаследовали имущество отца и должность годи[57].

Очевидно, что эта должность была материально выгодной и давала власть над населением округа данного капища, он же — округ власти данного годи, так называемый *годорд.* Годи совмещал жреческие, сакральные функции с некоторыми фискальными и судебными функциями, а в известной степени и административными. Очевидно также, что его власть и положение были тем значительнее, чем меньше были развиты центральная и местная администрация; а это как раз было характерно прежде всего для «безгосударственной» Исландии. Здесь, таким образом, демонстрируется как бы лабораторно чистый образец одной из форм власти, не связанной с развитием государства, или, точнее, пример одной из ведущих *догосударственных властных форм.* Данная форма, как явствует из саги, была основана на сакральных функциях. Этот феномен исландской истории, хронологически несравненно более близкий к современному исследователю, нежели любой из подобных феноменов организации власти в уже феодальной тогда Западной Европе, имеет особую значимость, так как приоткрывает завесу над *механизмом саморегулирования догосударственных обществ*.

Но вернемся к святилищу и жертвоприношениям.

При необходимости обойти капище полагалось идти совершенно определенным образом, в соответствии с древним ритуалом, дабы это движение не вызвало гнева богов. В «Саге о сыновьях Дроплауг» владелец капища Берси делал замечания тем, кто не выполнял этот ритуал.

Не только само капище, но и место, где оно размещалось, считалось священным. Когда в Гаударе (точнее, Холаре — см. вше), где было «прославленное капище», проводилось большое летнее жертвоприношение, оно по обычаю завершилось

[57] ИСИЭ. С. 38, 139, 156, 161–162.

пиром, на котором случились драка и смертоубийство. Полагалось немедленно покарать убийцу, но сделать это оказалось невозможно, так как «ни у кого из них [присутствующих] не было при себе оружия, потому что здесь было священное место». Драку разняли, а преступник, который «убил человека в священном месте... стал вне закона»[58]. Очевидно, что храм как священная территория был «местом мира», где нельзя причинять вред людям, а также, судя по сагам, предаваться любви с женщиной. Осквернитель храма считался «волком» (vargr)[59].

Перед смертью люди иногда успевали сделать соответствующее завещание или совершить некие поступки для того, чтобы *умилостивить богов.* Например, Скаллагрим, позднее и сын его скальд Эгиль перед смертью бросили в болотистый овраг сундуки с серебром[60]. Я обнаружила в сагах только эти два указания на такой обычай. Но то, что сделали Эгиль и его отец, думается, было не их изобретением, а уже довольно известным ритуалом, так как археологи нередко находят в бывших болотах клады, содержащие серебряные (реже золотые) монеты, а иногда и драгоценности. Встречается и другой языческий обычай: в качестве жертвы Одину сбрасывать с обрыва в море особым образом подготовленную живую лошадь (с завернутой в мешок головой, связанными щиколотками и т.д.).

Живые и мертвые: отношения и обряды

Для язычников миры божественный и земной, вообще тварный, не только не отделены друг от друга, но полностью *слиты*, пронизывают все сущее своим присутствием. Боги имеют биографию, рождаются, живут и умирают, они связаны с людьми сложными отношениями, в том числе сексуальными. Люди саги не чувствовали не только духовной, но даже физической отъединенности от обитателей потусторонних миров, они как бы сосуществовали с ними. Особенно ярко это ощущается в отношении к смерти, к покойникам и обряду похорон.

Смерть занимала особое место в представлениях и обычаях скандинавов, к ней и связанным с ней ритуалам они относились очень внимательно. Дело в том, что в мире саги люди разных возрастов столь часто уходили из жизни, что и сама смерть воспринималась как часть жизни, как ее этап[61]. Путешествие в загробный мир считалось вполне возможным, недаром этот сюжет присутствует в большинстве волшебных сказок, восходящих к мифам и языческим временам вообще. Согласно «Саге о Золотом Торире», берсерк Агнор сам вошел в курган, взяв с собой все корабельное имущество и богатство, которое он накопил. Это место он заколдовал, чтобы никто под страхом смерти туда не вошел. В «Саге об Эгиле» упоминается

[58] ИС I. С. 150.

[59] Сага о Фритьофе. Гл. X.

[60] ИС I. С. 184 и др.

[61] См., например: Песнь о Гудрун // КИ. С. 151.

Херлауг, один из местных норвежских правителей, который, узнав о приближении войска короля Харальда Прекрасноволосого, ушел в курган, который уже в течение трех лет насыпали по его приказу, и был там засыпан[62]. Добровольный уход в курган или в скалу по разным случаям фигурирует и в других сагах.

Курган являлся *границей* между мирами живых и мертвых. Такой же границей был любой могильный холм, любой знак захоронения, будь то пласт земли или груда камней, даже скала (гора). Судя по захоронениям в воде людей и жертвенных предметов, а также по гаданиям, вода также являлась границей или преградой между мирами живых и неживых. «Гренландская Песнь об Атли» свидетельствует, что большое значение придавалось и границе между своим, освоенным пространством и чужим; например, где-то на юге такой границей был обширный лес Мюрквид, пересечь который предстояло герою[63].

Какого-либо культа мертвых, в том числе предков данного рода, в сагах не обнаруживается. Но традиционное, хотя далеко не всегда почтительное отношение к мертвым, особенно покойным родичам, внимание к обряду похорон занимают в сагах важное место — и как дань обычаю, и как закрепление престижа, ранга данной семьи.

В сагах часто рассказывается об обстоятельствах ухода того или иного персонажа из жизни — это и понятно, ведь от них зависела судьба человека после смерти. А в благополучном пребывании, как мы сегодня сказали бы, «на том свете» скандинавы были живо заинтересованы. Поскольку люди саги не видели непроходимой грани между живыми и мертвыми, то в этой области существовали свои отношения и правила, которые живым следовало соблюдать. Во всяком случае, в сагах покойники стремятся влиять на жизнь людей, они нередко действуют среди живых, притом ведут себя весьма устрашающе, так что живые их боятся. А живой человек мог при известных обстоятельствах встретиться с покойником, что для человека при всех условиях было дурным предзнаменованием и чаще всего плохо кончалось.

Считалось, что, если человек при жизни был злодеем или погиб при неясных, сомнительных обстоятельствах, его труп будет «тяжелым», а сам такой покойник после смерти станет агрессивным. Он будет выходить по ночам из могилы и приносить большие неприятности и даже смерть живущим, прежде всего родственникам. В «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. XVII, XXIV), где события происходят уже после христианизации, таким злодеем при жизни был некий Храпп. Умирая, он приказал жене вырыть ему могилу в дверях дома и похоронить его в стоячем положении. «Так я смогу лучше следить за моим хозяйством», — сказал он. В результате Храпп часто вставал из могилы, и «рассказывают, что он убил большинство своих домочадцев во время своих появлений». Он причинял и много беспокойства «большинству из тех, кто жил по соседству», так что местность та запустела, а сын Храппа, поселившийся

[62] КЗ. С. 45.
[63] КИ. С. 159.

в доме отца после его смерти, «сошел с ума и вскоре умер». Перезахоронение этого жуткого покойника в пустынное место не смогло полностью избавить людей от него. Он стал являться и днем. Только когда его тело, «еще не разложившееся», сожгли, а пепел бросили в море, прекратилась эта трагедия[64]. В той же саге рассказывается об одном человеке, которого утопили, но он «потом часто являлся», наводил на людей порчу и однажды даже вступил в драку с живым человеком. Упоминание о том, что покойника похоронили в стоячем положении, встречается в сагах несколько раз.

«Сага о людях с Песчаного Берега», которая в целом считается весьма достоверной, хотя и содержит ряд легенд («чудес»), повествует о посмертных кознях очень дурного, склочного человека Торольва Скрюченная Нога. Он умер сидя за столом и с открытыми глазами, т.е. хотел «влиять на живущих». Ему закрыли глаза, обмотали голову покрывалом, чтобы он наверняка никого из живых не мог видеть. Тело вытащили через пролом в стене, который затем заделали. Повезли хоронить после заката солнца на санях, в которые были впряжены два вола. Сначала в этих волов вселилась нечистая сила, а вскоре и вся скотина, которая паслась неподалеку от могилы Торольва, «бесилась и выла до самой [своей] смерти». Стало ясно, что покойный Торольв превратился в злобного тролля. Он гонялся за пастухом, и однажды несчастного нашли подле его могилы «обугленным и с переломанными костями», а скот пропал. Погибали птицы, случайно севшие на эту могилу. Корова, которая лизала камни на ней, отощала и пала, но перед этим родила бычка, который на самом деле был троллем. Слепая старуха, в прошлом кормилица молодого хозяина, по реву бычка разгадала его сущность, но воспитанник ей не поверил и погиб от рогов выросшего чудовища. Спаслись от него, только когда загнали в болото. Тело погибшего хозяина «отнесли в церковь», наличие которой, очевидно, не отвращало людей от суеверий: они *видели,* как Торольв ездил на коньке крыши своего бывшего дома, а зимой стал появляться и внутри дома, так что его «вдова тронулась умом и умерла, и многие люди пострадали». Жители этого хутора бежали, «опустела вся округа»: кого-то покойник свел в могилу, кто-то переехал. Стало ясно, что Торольва требовалось перезахоронить. «Тогда если людей вызывали сопровождать покойного до могилы, не было принято отказываться». Сопровождавшие пережили массу страшных приключений, пока не замуровали опасного покойника в скале[65].

Наконец, в этой же саге повествуется о похоронах гостившей на одном из хуторов богатой кельтки Торгунны, прибывшей из Ирландии; приезжая оказалась колдуньей. Когда она заболела и умерла, для нее подготовили «похоронные дроги», тело обернули в полотняные пелены. По дороге, когда сопровождающие остановились на отдых, покойница встала, сбросила покровы и, обнаженная, приготовила им еду, затем ушла, а люди еду съели. Однако вскоре обитатели хутора стали вымирать.

[64] ИС I. С. 206–207, 282–283.

[65] ИС II:2. С. 73–77.

Тогда по совету мудрого местного годи наследник хутора Кьяртан сжег постель Торгунны и устроил над ней и являвшимися вместе с ней мертвецами суд, на который созвал соседей, как на тинг. Одновременно местный священник (!) помолился на хуторе, освятил там воду и исповедал насельников. «После этого все наладилось»[66].

О таком же покойнике, изводившем живущих, рассказывается и в «Саге о Битве на Пустоши»[67].

Еще один рассказ: на некоего Хальвдана ночью напали разбойники, но были им все перебиты. Однако и мертвые они продолжали ему досаждать, пока «собачка-ведунья» не помогла их убить окончательно[68].

Вера в «живых покойников» и роль покойных предков в жизни живых — общее свойство языческих представлений о неразрывной связи живого и мертвого, о *совмещении времен* вообще. Так, дохристианское представление древних славян о роли предков-«чуров» сохранилось в заклинании «чур меня», дошедшем до наших дней.

Иногда с покойниками происходили чудеса иного рода. Об одном из утонувших людей, например, говорили, что он не утонул, а вошел в гору и «был там хорошо принят». Подчас использовался ритуал намеренного вызова мертвых, чтобы выведать у них тайны того, что происходит среди живых[69].

Эти легенды очень действовали на воображение скандинавов. Из саг известно, что «опасного» покойника потому и выносили не через дверь, а через пролом в стене (скорее всего, земляной[70]), чтобы он не вернулся, не нашел вход в дом. Так, например, поступили с телом Торольва Скрюченная Нога.

Но в подавляющем большинстве случаев люди уходили из жизни навсегда, и, судя по сагам, в связи с их уходом живым полагалось соблюсти традиционные правила и ритуалы. Немалую роль в посмертной судьбе покойного и в жизни его родичей, друзей и соседей играли *похороны*.

Согласно «Саге о Ньяле» (гл. XCVIII), покойному следовало плотно «закрыть» (сжать) ноздри и губы («охрана» вдоха и выдоха), и тот, кто это делал, брал на себя обет отомстить за смерть этого человека, если она не была естественной[71]. Обет отмщения, как и всякий иной обет или клятву, полагалось давать, встав на возвышение или хотя бы поставив ногу на камень или чурбан[72]. Затем тело хоронили в могиле, засыпали камнями, а поверх них землей. Сверху полагалось сделать холм

[66] Там же. С. 103.

[67] ИС I. С. 325, 338–339 и др.

[68] СОДВ. С. 77.

[69] ИС I. С. 471. Ср.: КИ. С. 603–635.

[70] «Земляные дома», т.е. дома, построенные из жердей, обложенных дерном, с дерновой же крышей, как уже говорилось выше (часть 2), были повсеместно распространены в безлесной Исландии, да и на Скандинавском полуострове, и не только в Средние века. Такие крыши еще и сегодня можно увидеть в тамошних хуторах, обычно на хозяйственных строениях.

[71] ИС I. С. 588, а также с. 613.

[72] ИСИЭ. С. 464.

или холмик и поставить камень[73]. В сложных обстоятельствах полагалось хотя бы прикрыть тело землей или камнями, чтобы его не растерзали дикие звери[74].

Врага, соперника также было положено похоронить, хотя бы присыпать землей или камнями, однако это делалось не всегда, что позволяло родне покойника возбуждать судебный процесс по поводу неуважения к их мертвому родичу. Зачастую победитель стремился опозорить врага и в смерти, даже собственными руками создать позорные обстоятельства его кончины. Скандинавы так поступали еще долго. Известно, например, что сицилийские норманны, взяв в 1185 г. Солунь, развлекались тем, что раскладывали на улицах города трупы его убитых защитников в обнимку с мертвыми ослами и собаками.

В сагах отражен еще один обычай, связанный с убийством врага. В ряде случаев перед тем, как забросать его тело землей или камнями, ему отрубали голову, которую потом увозили с собой и засаливали. Об этом рассказывают «Сага о Названых Братьях» (ее герои принадлежат к первой трети XI в., а составлена она, вероятно, около 1200 г.), «Сага о Курином Торире» (фольклорная основа относится ко второй половине X в.), «Прядь о Торарине Дерзком» (герои могли жить в начале XI в., запись примерно от середины XIII в.)[75] и другие саги. В «Саге о Названых Братьях» отрубленную голову неприятеля один из главных персонажей Торарин вез домой «в мешке у стремени для прославления своей победы». Он и спутники забавлялись время от времени тем, что, достав голову и поместив ее на кочку, «глумились над ней». Но потом их «взяла оторопь» и они ее похоронили[76]. В родовой «Саге о Бьёрне» недруг Бьёрна, убив его, приторочил голову к седлу, чтобы похвастать этим трофеем дома, но испугался, увидев летевшую навстречу стаю ворон. В сагах пару раз встречается рассказ о том, как убившие недруга люди отрубали ему голову и по дороге домой играли ею, как мячом.

Я намеренно указываю время появления фольклорной основы саг, обычно далеко отстоявшее от времени их записи, поскольку обычай глумления над трупом врага, скорее всего, *древнее* «эпохи саг». Гораздо чаще в сагах подчеркивается, что и врагов положено хоронить, пусть только присыпая землей или камнями. Точно так же в те времена, «хотя христианство в этой стране [Исландии] было еще молодым, обирать убитых не было принято и тогда»[77].

Судя по (полумифическим) сведениям саг о смерти ранних Инглингов, а также о правилах, принятых при короле франков Хлодвиге и описанных Григорием Турским, в древнем обычае Севера и вообще германцев было *сожжение* покойников. Некоторые данные позволяют предположить, что трупосожжение у германцев

[73] ИС I. С. 75.

[74] ИС I:1. С. 225.

[75] Там же. С. 307 и сл., 335 и сл., 364 и сл.

[76] ИС II:1. С. 167.

[77] Там же. В сагах иногда проскальзывает сообщение о том, что рабы после битвы обирали еще не похороненных павших воинов.

наблюдалось еще в XII–XIII вв. до н.э. и затем распространялось в течение новой эры и раньше всего утвердилось в Дании. А из рисунков мифологического характера и отдельных упоминаний следует, что у скандинавов трупосожжение имело место и было распространено еще и в X столетии. Но данные археологии свидетельствуют, что на Севере очень давним было также захоронение тела в ладье. Если же хоронили в земле, то над могилой насыпали курган, прежде всего если дело касалось знатных людей. Так было и в эпоху викингов. Причем курганы насыпались над привилегированными покойниками не только в самой Скандинавии, но и там, где такого скандинава заставала смерть, — в Британии, на Руси.

В ладье хоронили и в море. В «Саге об Инглингах» (гл. XXIII) рассказывается о старых временах, когда один из «малых» конунгов свеев, Хаки, тяжело раненный во время жестокой междоусобной битвы с норвежцами около Упсалы, приказал похоронить себя следующим образом: «Он велел нагрузить свою боевую ладью мертвецами (своими погибшими в этой битве воинами. — *А.С.*) и оружием и пустить ее в море. Он велел затем закрепить кормило, поднять парус и развести на ладье костер из смолистых дров. Ветер дул с берега. Хаки был при смерти или уже мертв, когда его положили на костер». Снорри заключает свой рассказ поистине поэтически: «Пылающая ладья поплыла в море, и долго жила сага о смерти Хаки».

Снорри также пишет о том, что первым в корабле с насыпанным поверх него курганом был похоронен норвежский конунг Хакон Добрый, который, как известно, умер около 966 г. («Сага о Хаконе Добром», гл. XVII, XVIII). Но он ошибся, этот обычай намного древнее.

Однако в эпоху викингов все-таки преобладали захоронения на суше. Ладьи и кургана удостаивались известные, знатные, обычно состоятельные люди. В «Саге об Эгиле» упоминается о кургане, который насыпали три года. В той же саге рассказывается, что, когда хоронили известного Скаллагрима, отца Эгиля, вместе с ним в могилу положили коня, оружие и орудия кузнечного ремесла, которым он, помимо других достоинств, славился. Судя по содержанию раскопанных археологами могильников эпохи викингов, по меньшей мере до конца X в. в могилы знатных и состоятельных скандинавов клали убитых людей, обычно рабов из числа пленников, чтобы те сопровождали хозяина и служили ему в ином мире. В сагах упоминания о таких обрядах я не встречала, скорее всего к XIII в. они либо уже отошли в прошлое, либо авторы саг и создатели их письменных текстов не считали нужным акцентировать эту языческую черту скандинавского прошлого, так несовместимую с христианским похоронным обрядом.

Одну из основательниц исландского общества, старую и мудрую норвежку Унн захоронили в кургане в ладье и «много богатств с ней» («Сага о людях из Лососьей Долины», гл. VII)[78]. В «Саге об Инглингах» (гл. XLIII и XLVII) также говорится

[78] ИС I. С. 262.

о захоронениях в курганах, в частности курган насыпали над телом Харальда Прекрасноволосого, основателя династии норвежских конунгов (ум. ок. 940)[79]. Подчас при раскопках в кургане обнаруживается деревянная погребальная камера, в которой и покоится тело человека. О такой камере свидетельствуют и некоторые саги.

Итак, в течение всей эпохи викингов было принято хоронить известных викингов в корабле (ладье), которую затем либо пускали в открытое море, иногда предварительно поджигая, либо закапывали в землю, насыпая поверх курган. О похоронах под курганом в ладье есть немало свидетельств в сагах[80]. Нередко делали имитацию судна: на земле поверх могилы камнями выкладывали силуэт корабля, иногда сверху опять же насыпали курган. Корабль или его силуэт ориентировали по линии запад/восток, как будто он был готов к плаванию, а упокоившийся там воин был полностью вооружен и также готов отправиться в викинг. Захоронение в холме, в парадной одежде, с оружием и украшениями бытовало еще долго, нередко соседствуя с христианской символикой[81].

«Относительно обряда погребения у язычников, — свидетельствует Адам Бременский, — хотя они и не веруют в воскресение плоти, памятно следующее: по обычаю древних римлян (?) могила и сами похороны почитались с благоговением. Вместе с умершим хоронили его имущество, оружие и все то, в чем бы он нуждался, если бы был жив»[82]. В отношении обряда похорон сведения Адама подтверждаются данными археологии. Известно даже, что покойнику надевали специальные «башмаки Хель», на завязках, чтобы «в них он вошел в Вальхаллу»[83]. Правдив Адам и тогда, когда пишет о благоговении перед могилой *почитаемого предка*. Ошибался Адам лишь в одном: не все скандинавы страшились ограбления могил, преимущественно курганов, где они ожидали найти оружие, драгоценности и прочие ценные вещи.

Интересна легенда, которую рассказывали об ограблении кургана некоего Соти, викинга, который при жизни был могучим великаном и злодеем. Хотя теперь, будучи мертвым, он должен был стать еще ужаснее, компания юных друзей во главе с отважным Хёрдом стала раскапывать его курган. Это оказалось трудным делом, поскольку то, что разрывали днем, за ночь восстанавливалось в прежнем виде. Кто-то посоветовал вонзить меч в раскопанную яму, чтобы курган больше не закрывался. Средство помогло. Внутри могильного холма оказалась камера из бревен. Когда ее открыли, двое грабителей упали замертво от невыносимой вони. В боковом склепе обнаружилась ладья, а в ней много сокровищ. Но тут земля стала дрожать и все увидели, что на носу ладьи сидит сам Соти, на которого «было страшно смотреть».

[79] ИС I. С. 162–163 и др.; КЗ. С. 36. Когда во времена Харальда Прекрасноволосого «малые» конунги бились за верховную власть, погибших хоронили в курганах, на тех склонах, на которых они погибли (КЗ. С. 66–67).

[80] Там же. С. 29, 62, 81–82 и др.

[81] ИС I. С. 153, 250, 301 и др.

[82] *Адам*. С. 101.

[83] Сага о Гисли сыне Кислого. Гл. XIV.

Мертвец обратился к грабителям со стихами, вопрошая, зачем они все это совершают. Хёрд отвечал ему также в стихах, объясняя, что ему нужны прежде всего оружие и доспехи. Чтобы справиться с Соти, юноши засветили свечу, отчего он лишился сил и рухнул на землю. Тогда с его руки стащили «замечательное сокровище» — колдовское запястье, о котором было известно, что оно несет гибель носящим его владельцам-мужчинам, пока не попадет к женщине. Тут Соти ушел в землю, а Хёрд взял себе его меч, шлем и волшебное запястье[84].

«Сага о Греттире» (XII в.) рассказывает об ограблении кургана, которое предпринял ее герой. Однажды его торговый корабль потерпел крушение, и Греттира на время приютил в своем доме лендрман[85] Торфинн, отец которого Кар Старый, похороненный в кургане, после смерти вел себя плохо. Он выходил из могилы и распугал всех, у кого поблизости были земли, так что стал единственным владельцем всей округи; впрочем, вреда тем, кто оказался у него «в подчинении», он не делал. Кроме того, ночью над его курганом зажигались огни, что указывало на наличие клада. И вот Греттир решился и раскопал курган. Внутри его был сруб с опорными столбами и конские кости. А на сиденье сидел человек, рядом с которым лежали груды сокровищ, золото и серебро, а под ногами мертвеца стоял ларец, полный серебра. Греттир хотел все это вынести наружу, но «могильный житель» вступил с ним в далеко не шуточную схватку. В конце концов Греттир отрубил ему голову, приложил ее к ляжкам покойника. Вынес все богатство из кургана в дом к Торфинну, который его похвалил. Греттир спрятал все возле своей постели, даже меч, о котором Торфинн сказал, что отец при жизни это оружие ему так и не отдал (гл. XVIII).

Саги «о древних временах» полны историями об ограблении курганов. Когда какой-либо человек решался проникнуть в курган, его интересовало там главным образом оружие, другие ценные предметы, похороненные вместе с их владельцем. На одной из свадеб (речь идет примерно о 1119 г.) некий бонд рассказывал историю об известном берсерке, который именно с такой целью забрался в курган.

Мифологическое повествование о знатной деве-воительнице, ставшей викингом, по имени Хервёр, в основном посвящено истории о том, как она добывала знаменитый меч Тюрфинг из кургана известного хёвдинга Ангантюра, незаконной дочерью которого она была. Эта легенда, наполненная к тому же прекрасными стихотворными диалогами, пользовалась огромной популярностью на Севере и легла в основу немалого числа литературных произведений[86]. Как свидетельствует «Сага о Хервёр», после беседы со своим дядей и воспитателем ярлом Бьярмаром Хервёр решилась отправиться к кургану отца, на остров Самсё. Ее решение не было неожиданностью для окружающих. Эта красивая девушка с детства могла помериться

[84] ИСИЭ. С. 464–468.

[85] Лендрман — ленник, крупный королевский чиновник.

[86] IMS. P. 18 о. а. и прим. Л. Лённрута, издателя саги на совр. швед. яз. Ангантюр — малый конунг, один из главных персонажей «Саги о Фритьофе Смелом».

силой с мужчинами, а упражнения с мечом и щитом предпочитала девичьим играм и рукоделию. Но она чаще приносила людям зло, чем добро, так как с оружием в руках грабила их и присваивала их наследственные владения. Ходили даже слухи о том, что ее отцом был не знатный Ангантюр, а злой раб, свинопас.

Своему воспитателю Хервёр объявила: «Поеду посмотреть на родичей моих. Хочу взять их богатство — или погибнуть». Надела мужскую одежду, взяла оружие и отправилась на место сбора викингов, назвавшись там именем Хьёрвард. Вскоре она стала предводителем этого отряда и предложила всем плыть на Самсё, поскольку там много кладов в курганах. И хотя некоторые из тех, с кем она вместе сражалась, боялись троллей, которые обычно охраняют подобные места, все же они прибыли на остров. Спутники Хервёр, оглядевшись, испугались и стали уговаривать ее повернуть назад: «Знаешь ли, парень, куда идешь? Лучше уплыть». Таким образом, пути их разошлись. Члены отряда пошли к селению, а Хервёр дождалась вечера, когда, по поверьям, над курганами, где были клады, зажигались огоньки. Она смело прошла сквозь огни и подошла к кургану отца. Вызвав его из могилы посредством заклинаний и рун, она потребовала, чтобы отец отдал ей, своей единственной наследнице, сокровища, а также меч, шлем, щит, кольчугу, — короче, все, что положено иметь викингу. В ходе последующего довольно длинного стихотворного диалога отец мягко предупредил Хервёр, что меч Тюрфинг проклят, поэтому он принесет гибель ее роду, что нет на свете девушки, способной удержать его в руках, и вообще просил ее поскорее «бежать на корабль». Девушка почувствовала, что оказалась «между двумя мирами», однако все же выторговала у отца оружие и сокровища. К этому времени ее товарищи уплыли, она осталась на острове одна, но дождалась проезжих мореплавателей и вернулась домой, прославившись и став еще красивее. Хервёр удачно вышла замуж. Но один из ее сыновей, ее любимец, злобный как тролль, убил своего брата, взял у матери меч деда и уехал в некие мифические земли. Так сбылось предсказание Ангантюра, что меч принесет гибель ее роду[87].

То, что сын колдуньи наследовал ее свойства, по меньшей мере злобный нрав, следует и из других саг[88].

Увлекательная, почти «готическая» легенда о Хервёр, как и все истории об ограблении курганов, несомненно, имела под собой реальные основания: курганы грабили еще в эпоху викингов и, конечно, после нее, в христианские времена, когда табу на языческие захоронения перестало действовать. Увы, таков удел всех богатых захоронений...

Очевидно, что и после крещения у скандинавов продолжали бытовать как древний обряд похорон, так и языческое представление о неразрывной связи живых с мертвыми, а мертвых с земной жизнью. В мифологической «Саге о Хервёр»

[87] IMS. P. 31–48.

[88] См., например: Сага об Эйрике Рыжем // ИСИЭ. С. 112.

имеется такое примечательное высказывание: «Люди с древности верили, что человек может [уже] родиться с оружием, или с конем, или со скотиной» и т.д.[89]

Как уже говорилось, по твердому убеждению скандинавов воины, погибшие в битве, получали вечное убежище в Асгарде, в палатах Одина Вальхалле, где они победоносно сражались и пировали. Но это надо было заслужить отвагой и красивой гибелью в бою. «Позорная смерть» труса или гибель, настигнувшая человека в неприглядных условиях, презиралась. Например, не мог рассчитывать на Вальхаллу тот ярл Хакон, который во время сражения с конунгом Олавом сыном Трюггви был заколот рабом в свином хлеву, где он прятался[90].

После похорон устраивалась *тризна* — поминальный пир, по возможности с большим числом приглашенных. Если хоронили хёвдинга и военного вождя, в похоронных обрядах активно участвовала вся дружина, а скальды на тризне провожали его «песней на смерть». О роскошном поминальном пире, который малый конунг Ингъяльд устроил по своему отцу конунгу Энунду, рассказывается в «Саге об Инглингах»[91]. Пушкин, который увлекался свидетельствами летописей и историков по поводу викингов, в частности варягов, пишет в «Песни о вещем Олеге» о тризне, которую устроили на Руси киевскому князю, скандинаву по происхождению, его скандинавские же наследники и дружина, что «пирует у брега». Забавно, что иногда тризну справляли одновременно со свадьбой, так сказать, заодно, о чем уже говорилось. Поминальные пиры занимали важное место в укреплении, сплочении того *группового начала,* которое было непременным свойством патриархальных эпох.

В память о покойном по возможности воздвигали мемориальную стелу — вертикально стоящий камень с рунической надписью, так называемый *рунический камень.* Собственно, такие каменные намогильные плиты, узкие и высокие, ставили в Скандинавии еще до новой эры. В эпоху викингов памятники в виде вытянутого вверх камня, обычно неправильной формы, ставили преимущественно погибшим вне дома, чьи тела не могли быть преданы родной земле. Но рунические камни ставили иногда и тем, кто умер на родине. Надписи выбивались между двумя параллельными линиями, ближе к концу эпохи викингов — на своеобразных «лентах» — телах красиво изгибающихся, переплетающихся змей. Писали имена погибших, имена тех родичей, реже соратников или друзей покойного, которые ставили этот памятник, отмечая при этом, кем они ему приходятся, сообщали также, где он погиб, иногда имя художника-камнетеса, который «выбил эти руны». Нередко на камне помещали художественные изображения, которые позволяют судить, в частности, о верованиях покойного или тех, кто ставил ему памятник: священный молот Тора

[89] IMS. P. 70 o. a.

[90] ИС I. С. 35.

[91] КЗ. С. 30–31.

и солярные знаки либо крест или крест, вписанный в солярный знак, и т.д. Вырезали изображения кораблей с мореходами, разные фигуры, в том числе мифологического характера. Писали заклинания против осквернителей камня и просьбы Тору «освятить эти руны». И раскрашивали рисунки яркими природными красителями.

Считается, что лишь 10–15% рунических камней имели собственно мемориальное значение. Идея рунических камней возникла, скорее всего, в Свеаланде в X в. и получила особенно развитие в Скандинавии конца XI — начала XII в., поскольку в рисунках на таких камнях преобладают христианские символы: изображения креста, церкви, фигуры с крестом. На более ранних — рисунки с мифологическими сюжетами, языческие заклинания против тех, кто разрушит камень, просьбы богам «освятить эти руны». Немало камней поставлено в знак постройки моста, видимо, в исполнение обета. Среди заказчиков рунических камней много женщин. Такой памятник и, особенно, запись о тех, кто его ставил, были в ряде случаев важны и как заявление о наследных правах. Это было существенное обстоятельство, тем более что заказать памятник с рунической надписью могли только состоятельные люди, а им было что наследовать и отстаивать перед родней и соседями. Так что совсем не случайно многие памятники теснились на виду, около мест тинга, моста и т.д. Историки считают также, что памятник служил прославлению рода, семьи. Не исключено, как полагают некоторые исследователи, что сооружение рунических камней с языческими символами уже на излете эпохи викингов, в конце XI — начале XII в., т.е. в обществах, формально принявших христианство, служило своего рода демонстрацией преданности языческой старине, древним традициям, что высоко ценилось народным сознанием. Имеются и другие гипотезы. Но никто из исследователей не сомневается в том, что эти памятники были *знаковыми* предметами[92].

Так или иначе, но и тризна, и весь ритуал похорон, и памятный камень, подобно другим обрядам любого назначения, связанным с «пиками жизни», т.е. основными вехами земного пути человека, имели важные социальные функции. Каждой социальной группе следовало хоронить своих покойников согласно ее статусу. И такой похоронный ритуал, во-первых, подчеркивал, демонстрировал и закреплял престиж данной семьи, рода, клана; поэтому родичи стремились обставить похороны как можно богаче и торжественнее. Во-вторых, как уже подчеркивалось, участие в процедуре похорон способствовало консолидации этих естественных общностей. Наконец, было неприлично и даже оскорбительно без уважительной причины не принять участие в похоронах и тризне не только родича, но соседа или влиятельного в местном обществе лица. Нельзя не отметить и тот известный специалистам и древним эпосам факт, что похороны также были *зрелищем*.

[92] Сегодня многие из рунических камней нерушимо стоят там, где их установили тысячелетие назад, т.е. оказались, например, подле хлева, на забытой тропе и т.д. См.: Juhansson, 2009.

Как привлечь удачу: судьба, приметы, символы

Не только ритуалы, связанные с похоронами, но и некоторые другие обычаи северных германцев также, видимо, уходят корнями в глубокую древность. Интересно рассмотреть те из них, что связаны с прочной верой в *судьбу,* которая могла быть удачной или неудачной, но всегда неизбежной. «Никто не избежит того, что ему предназначено», — гласит «Сага о Греттире». Удача и неудача сопровождают каждого человека, по-разному соединяясь между собой. *Удача* крайне важна, она важнее обстоятельств и личных свойств. Не случайно древнеисландская пословица гласит: «Одно дело доблесть, а другое — удача»[93]. Тормод, один из героев «Саги о Названых Братьях», раненный и безоружный, мысленно просит конунга, чтобы его «королевская удача» помогла ему, верному дружиннику короля, выдюжить[94]. В висе № 2 той же саги говорится, что герой рано «обрел удачу», но не удовольствовался этим, а стал «творить [свою] удачу»: ведь было очень важно понять собственную судьбу и помочь ей, встав на предначертанный путь, в данном случае путь воинский, и смело, достойно двигаясь по нему.

Неизбежность судьбы часто подчеркивается в сагах, как и редкая способность некоторых людей знать, угадывать ее. Так, Ньяль («Сага о Ньяле») мог предсказать судьбу другому человеку и тем предостеречь его, дать совет, помогающий преодолеть предстоящие испытания. Он знал и свою ужасную судьбу (его сожгли недруги в собственном доме, см. гл. CXXVII) и не делал ничего, чтобы отвратить ее. Но чаще всего предсказаниями занимались жрецы. Они предсказывали будущее по внутренностям и крови жертвенных животных и птиц, по признакам приема или отвержения жертвы богами, а также по рунам, вырезанным, например, на палочках, даже по расположению этих палочек, брошенных на белый платок. Провидицу, прорицательницу называли «вёльва» (др.-исл. völva), она одна из героинь «Старшей Эдды» («Прорицание Вёльвы»). В песне «Сны Бальдра» вёльва («вала») появляется с магическим посохом и другими предметами, необходимыми для волхвования. Еще один способ угадать судьбу заключался в толковании расстановки шахматных фигур. Неудача могла быть наследственной, и роковую участь рода следовало переломить, что было нелегко. Удачу можно было передать или завещать, унаследовать от ближайшего родича, от всего рода, даже от друга. Один из главных персонажей «Саги о людях из Лососьей Долины» (гл. XXVI) Хёскульд перед кончиной сделал все, чтобы обеспечить своего незаконного сына Олава, которого очень любил. Помимо прочего отец «завещал ему свою удачу и удачу своих родичей, сказав, что делает это, хотя, как ему известно, удача уже поселилась в доме Олава»[95].

[93] См.: КИ. С. 563, коммент.

[94] ИС II:1. С. 183.

[95] ИС I. С. 309.

Одним из составных моментов унаследованной от позднего племенного строя *сакрализации личности и статуса правителя* была убежденность людей в том, что король является носителем божественной силы, что он может влиять даже на природу. То, что короля наделяли такими магическими свойствами, известно уже из «Песни о Риге». В «Саге об Инглингах» (гл. XLIII) говорится: «Свеи верили, что король может обеспечить урожайный и неурожайный год». Если в правление короля были частыми хорошие урожаи, его называли «урожайный король» (гл. XI)[96]. Правитель вообще являлся носителем особой удачи или неудачи: не случайно Тормод просил короля уделить ему немного своего везения. Более того, удача короля, особенно в том, что касалось урожая или мира и что было дороже всего, распространяется на подчиненный ему народ. Причем сакральность была присуща и телу короля. Так, в «Саге о Хальвдане Черном» (гл. IX) говорится, что ни при одном короле в стране не было таких урожайных лет, как при Хальвдане сыне Гудреда, отце Харальда Прекрасноволосого (первая треть X в.). Люди так почитали его за это, что, когда он скончался, хёвдинги, приехавшие из разных областей на его похороны, просили похоронить его именно в их «четверти», чтобы обеспечить там урожаи и впредь. Договорились следующим образом: расчленили тело на четыре части и захоронили в четырех областях с почестями и в курганах. Голову же погребли на родине, также насыпав курган. И все пять курганов назывались «курганами Хальвдана»[97].

Правитель мог быть обвинен в бедствиях страны, если он был носителем *неудачи,* которая также распространялась на весь народ. Такого правителя, которого считали виновным в поражениях и, особенно, в неурожае, могли изгнать, убить, сжечь в собственном доме. В рассказе Снорри о древних норвежско-шведских конунгах Инглингах («Сага об Инглингах», гл. XV) названы некоторые короли из этого рода, которых приносили в жертву богам, чтобы обеспечить всеобщее процветание. Так, однажды из-за жестокого неурожая на земле свеев наступил голод, и обычные кровавые жертвоприношения, в частности те, которые приносились в Упсале во время религиозных праздников в месяц «гои» (см. выше), не помогали. Тогда знать предложила радикальное средство: принести в жертву конунга Домальди. Это и было сделано воинами, возможно, его дружиной. «Так было всегда в давние дни, — говорится в этой саге (гл. XIII), — что воины окрашивали землю кровью своего господина, а население страны окровавило оружие, умертвив Домальда, ибо желавшие хороших урожаев свеи принесли его в жертву». Данное верование, вероятно, использовалось знатью в борьбе за престол или когда надо было удалить неугодного правителя. «Обычные» человеческие жертвы приносились ради хорошего урожая на йоль и весной, а при плохом урожае — когда наказывали тех, на кого возлагали вину за бедствие. Особенно часто носителями удачи или неудачи считались именно правители — конунги и ярлы.

[96] Сага об Инглингах. Гл. 8–10, 16 и др.

[97] КЗ. С. 38–42.

Судя по сагам, представители знати в какой-то мере также наделялись особыми свойствами, которые в народном сознании издревле были связаны с властью и силой, так что бонды обычно дорожили своими хёвдингами. Фанатичный христианизатор конунг Олав сын Трюггви (см. сагу о нем) заставил норвежских бондов отказаться от жертвоприношений, пригрозив им, что принесет в жертву их знатнейших людей[98].

Вместе с тем, при всей вере в судьбу, в рок, в предначертанный каждому путь, практичные скандинавы не собирались пассивно ожидать решения своей участи свыше. Свое краткое и точное выражение жизненная позиция людей того времени в отношении судьбы нашла в поэме «Беовульф» (ст. 574 и сл.): «Судьба того спасает от смерти, кто сам бесстрашен».

Провидчество нередко сочеталось с *ведовством*. Гилли Ведун, например, «был провидец и ведовством мог распутать кражи и прочие дела»[99]. Такое провидчество, как у Ньяля, было тесно связано с умением разгадывать сны и видения, со знанием примет. В той же «Саге о Ньяле» (гл. LXII) один из героев — Гуннар видит сон, который все сочли вещим: ему приснилось, что он и два его спутника победят 15 человек. И действительно сон сбылся[100]. Вещий сон, как впоследствии рассудили «мудрые люди», увидела и мать Харальда Прекрасноволосого, который в юности «был очень воинствен». Незадолго до его рождения мать увидела во сне дерево, «нижняя часть которого была красной, как кровь... выше ствол был красивым и зеленым... а верх дерева был белым». Это означало, что в юности конунг Харальд будет много воевать, затем его государство расцветет, а сам он доживет до глубокой старости[101].

Вещий сон привиделся в свое время и отцу Хервёр Ангантюру, сон предвещал гибель его и братьев на острове Самсё, и они действительно пали там в сражении и там же упокоились в кургане[102]. Тяжелые сны, во время которых героя «Саги о Гисли» буквально одолевали злые («кровавые») видения, некие колпаки на голове и прочее в этом роде, безусловно, предвещали беду — и действительно Гисли пришлось оказаться «вне закона»[103].

Сохранились стихи, описывающие сны, которые привиделись хёвдингу Торстейну сыну Халля. Они предупреждали Торстейна об опасности, исходившей от его раба Гилли. Аналогичный сон приснился Торстейну на следующий день, и наконец его предупредили, опять же во сне: «И близок твой час, Торстейн!» На третью ночь хёвдинг услышал: «Канул во мглу провала твой век, Торстейн!» (№ 11, 12 и др.)[104].

---

[98] Там же. С. 143–146.

[99] ИС II:1. С. 38.

[100] ИС I. С. 548. Ср.: Там же. Гл. CLVI: видения и разгадка.

[101] КЗ. С. 66.

[102] IMS. S. 26, 31.

[103] КИ. С. 335.

[104] Сон Тростейна. См.: ИС II:1. С. 614, 616–618. Ср. толкование сна Торстейна (ИС I. С. 24).

О снах и их толковании в сагах говорится неоднократно. Толкования, разумеется, нередко огорчали того, кто увидел *вещий сон,* если выяснялось, например, что он предсказывает смерть в ранней молодости, или от родов, или в недалеком сражении[105].

В последней трети XII в., т.е. примерно через столетие после эпохи викингов, в Норвегии бушевала гражданская война (1177–1184). Сверрир, предводитель низов, выступивших против короля Магнуса Эрлингссона, став королем (1184–1202), пожелал быть увековеченным в саге. Авторы этой саги[106], безусловно намеренно, ввели в нее некоторые моменты, традиционные для классических саг, основанных на фольклорном наследии. В числе таких моментов — вещий сон, который якобы увидела мать Сверрира перед родами, а затем сон самого Сверрира, и оба они предвещали ему великое будущее. Судя по «Саге об исландцах», провидческие «зловещие сны» посещали людей, уже христиан, в XIII в. постоянно и повсеместно, как на севере, так и на юге (гл. 130, 136. 1238 г.). О знамениях и предзнаменованиях говорится в этой саге нередко (ср.: висы 63–65, 69–71 и др.).

Прежде чем отважиться на какое-нибудь трудное дело, люди пытались угадать его результат, например путем жребия. В Норвегии жребий издревле применяли для решения самых разных проблем: и бытовых, и связанных с уголовными разбирательствами, и даже касающихся наследственных дел. Жребий даже включен в судебник «Серый гусь». При слушании очередных судебных дел каждый из тяжущихся помечал свой предмет и клал его в кусок ткани, из которого потом жребий вынимали уполномоченные люди. Известно, что, когда норвежский и шведский конунги решали вопрос о том, кому должны принадлежать приграничные области, они бросали жребий при помощи игральных костей[107]. В «Саге об Ингваре» епископ (!) путем жребия пытался угадать волю богов относительно путешествия Ингвара, таким образом приспосабливая старинный обряд к новой практике путем переадресации вопроса от языческих богов к богу христианскому. В свою очередь, Адам Бременский рассказывает о гадании по воде у шведов во второй половине XI в.[108]

Вера в приметы, видения, символы и «условные знаки» была всеобщей. *Примет* было множество, их надо было знать и соблюдать, чтобы не раздражать духов. Так, видение рухнувшего, разоренного хутора предвещало увидевшему смерть («Сага о Ньяле», гл. CXXVII[109]). То же предвещало человеку появление духа-двойника его же или другого человека[110]. Зуд в каком-то месте тела предвещал рану[111]. Видение

[105] См., например: IMS. S. 25, 26 (толкование сна Ангантюра); ИСИЭ. С. 451, 453 и др.

[106] Одним из них считается аббат Карл сын Йона, исландец (60-е гг. XII в.).

[107] КЗ. С. 241.

[108] *Адам.* С. 88.

[109] ИС I. С. 662. Этот мотив есть и в других сагах.

[110] Там же. С. 413.

[111] ИС II:1. С. 230.

«рокового полумесяца» — задом наперед — предвещало мор[112], а если полумесяц как бы стоял на земле, то он указывал на место захоронения сокровищ («Сага об Ингваре Путешественнике»). Дух-двойник являлся человеку перед смертью («Сага о Ньяле», гл. XLI)[113]. Крик ворона предвещал чью-то скорую смерть («Сага о Хромунде Хромом, виса № 1). Если женщина подает гостю дырявое полотенце с оторванными концами, ему следует иметь в виду, что она вдова («Сага о Ньяле», гл. CXVI). Судя по «Саге о сыновьях Дроплауг» и «Саге о Гисли» (сцена убийства), связанные, перепутанные хвосты коров, стоящих в хлеву, предвещали, что недруг намерен нарушить порядок в доме[114], и т.п.

Или другое видение: некто увидел не прикрытую землей голову без туловища, сказавшую стих о крови, которая «скроет черепа»; это предсказание сочли свидетельством наступающих важных и тяжелых событий[115].

Приближаясь к людям, духи-двойники вызывали сонливость. Поэтому при виде их человеку надлежит закрыть себе глаза, что, как полагали, делало людей невидимыми для опасных двойников (уловка, характерная для маленьких детей). Если обмен одеждой и именами был сделан при помощи Одина, то такой обмен был незаметен для окружающих, что приводило к желательному повороту событий[116]. В той же «Саге о Ньяле» появление воронов, «птиц Одина», было хорошей приметой для воинов. Когда же конь споткнулся так, что седок упал, то известный Эйрик Рыжий посчитал это предвестием неудачной поездки[117].

Когда норвежцы переселялись в Исландию, они брали с собой на корабль почетное сиденье хозяина дома, которое при приближении к острову выбрасывали за борт, а потом смотрели, к какому месту его прибьет. Там и приставали к берегу, там и занимали землю[118]. Также по «языческому закону» полагалось, подъезжая к острову, снимать со штевней кораблей головы драконов и зверей с разинутой пастью. Соблюдение всех обрядов сулило благополучное переселение.

Скандинавы не любили *ночи,* особенно зимние, а также утренние и вечерние сумерки, холодные и, как считалось, связанные со страданием[119]. Короткие дни начинались в середине октября. Ночью, как полагали, по земле бродила всякая нечисть, и людям во имя сохранения жизни не стоило выходить за порог дома, даже вооруженными. Ведь смелый Тидранди безуспешно сражался ночью с черными силами и погиб с мечом в руке у дверей своего дома! Об этом в мифологическом повествовании

[112] Там же. С. 106.
[113] Ср.: ИСИЭ. С. 224.
[114] Там же. С. 44; КИ. С. 226.
[115] ИС II:2. С. 87.
[116] IMS. P. 56–57.
[117] ИСИЭ. С. 91.
[118] ИС I. С. 257, 259.
[119] См. древнеанглийскую поэму «Деор».

«Тидранди и дисы» рассказывается следующее. За вечерней трапезой гость дома по имени Халль предупредил сотрапезников: «Прошу следовать моему совету и не выходить ночью, иначе будет несчастье». Хозяин Торхалль его поддержал. Когда же все улеглись спать по лавкам, в двери постучали и раздалось приветствие. Это было проделано трижды. Старший сын гостя Тидранди, лежавший неподалеку от дверей, решил, что это просится на ночлег запоздавший гость или путник. Взяв свой меч, он вышел и увидел девять женщин в белом и на белых лошадях и девять женщин в черном, на черных лошадях[120]. Когда же Тидранди попытался вернуться домой, чтобы рассказать об увиденном, черные всадницы помешали ему, напав на него. Тидранди отважно сражался, но был побежден. И только когда все обитатели дома проснулись и, выйдя во двор, начали его искать, они обнаружили его, израненного и еле живого, у самых дверей, внесли в дом и выслушали его рассказ о ночных посетительницах. Тидранди вскоре умер и был похоронен в кургане. Торхалль же пришел к выводу, что это были дисы: зная, что «скоро люди от них освободятся» так же, как и вообще от старой веры, они таким образом напомнили о своей силе. Но лучшим из них, белым, не удалось победить черных. Однако, замечает составитель саги, «вскоре Господь пришел в Исландию и освободил людей от долгой зависимости от дьявола»[121].

В «Пряди о Торстейне Морозе» рассказывается о другой ночной истории. Когда Торстейн по нужде устроился в туалете, на сиденье рядом с ним пристроился чертик, который назвал себя «Торкелем Тощим» (а человек с таким именем некогда действительно существовал, но погиб в битве). Торстейн стал подробно расспрашивать его об адских муках, но, когда зазвонили колокола, чертенок с дикими воплями провалился сквозь пол. Торстейн же от его криков упал без чувств, хотя и утверждал всегда, что не знает, что такое страх. За проявленную Торстейном смелость в общении с чертом конунг сделал его своим дружинником и подарил ему меч. А прозвище Мороз Торстейн получил потому, что, рассказывая этот невероятный эпизод, он всегда добавлял, что во время беседы с чертенком у него «мороз по коже пробегал»[122].

Суевериям скандинавов не было конца. Им являлись привидения. Были распространены поверья о кладах. Считалось, например, что блуждающие огоньки показывают, где зарыт клад. Большое значение придавалось различным оберегам, как заговорам, так и охранительным предметам. Так, верили в магическую силу орешника, особенно ореховой жерди с насаженным на нее черепом, поэтому вехами из ореховых ветвей огораживали место тинга, поединка[123]. Охранительницей считали и рябину. Гусей почитали как священных птиц и т.д.

[120] Здесь снова обнаруживается та же магия цифры девять, что и при жертвоприношениях богам, когда приносили им в жертву по девять человеческих и животных особей мужского пола.

[121] Tidrandi och diserna // IMS. P. 119–122.

[122] ИСИЭ. С. 127.

[123] ИС I. С. 156, 182–184, 250.

В ходе многих обрядов использовали *магические знаки,* чаще всего нанесенные рунами, например, тайные знаки наносились на копье, которое было важным атрибутом обряда побратимства[124]. В «Саге о Гисли» (гл. X и XI) рассказывается об известном Торгриме Носе, который «был силен в колдовстве и волшбе и был колдун, каких мало». К тому же он был и весьма искусным кузнецом. Так вот, сделав за один день копье из обломков клинка, Торгрим сделал на нем насечки в виде неких «тайных знаков», что должно было, видимо, увеличить силу копья и (или) оберегать его владельца. Викинги обычно носили амулеты от злых сил: «Нет ничего сильнее, чем злые чары», — убеждает «Сага о Греттире».

Чтобы вдохновить человека на убийство, сделать его жестоким и жадным, рекомендовалось кормить его волчьим и змеиным мясом и поить зельем с чарами[125] (ср.: «Сага о Вёлсунгах», гл. XXXIII). Если кто-то вел свое хозяйство успешнее, чем соседи, это вызывало подозрения в том, что у такого хозяина заключен союз с нечистой силой, и это суеверие, как и другие, было распространено по всей Скандинавии[126]. Судя по «Саге об Эгиле», тот, кто рано ложился спать, скорее всего был оборотнем — ведь ему нужно было время, чтобы успеть превратиться в волка[127]. Оборотнем считали и берсерка, поскольку он не чувствовал боли. Оборотнями и троллями были Торольв и бычок из «Саги о людях с Песчаного Берега».

Духов полагалось задабривать. Задабривание духов, как и богов, достигалось главным образом с помощью жертвоприношений. Но были и специальные уловки. Так, старое поверье рыбаков требовало, чтобы они ловили одну рыбу для себя, другую — за лодку, третью — за крючок, четвертую — за брод. И затем приостанавливали лов[128].

Колдуны и обереги

Люди саги не мыслили жизнь без колдовства. В «Саге о Фритьофе Смелом» фигурируют колдуньи Хале (Хамглама) и Хейд, которые вызывают бурю на море, желая смерти героя саги. Хейд — распространенное имя колдуний и гадательниц, Хамглама же, возможно, оборотень (от hamr — обличье).

Заклятия, проклятия[129], заговоры, обереги, сглазы, чародейство, «волшебные заклинания», «зловредные песнопения», всевозможные превращения и невероятные умения вплетены в ткань саги самым естественным образом. Была широко распространена магия любого рода — белая и черная. Покровителем магических

[124] ИСИЭ. С. 30. Ср.: Fuglesang, 1989.

[125] КИ. С. 236.

[126] См. коммент. Циммерлинга в кн.: ИС II:1. С. 312. № 16.

[127] ИС I. С. 64.

[128] ИС II:1. С. 196.

[129] См., например: Сага об Эгиле. Гл. LVVIII, LXXXV // ИС I. С. 182 и др.

обрядов был сам Один. Уже в «Песни о Риге» конунги, получившие от Одина часть его всевозможных знаний, понимали пение птиц и разговор зверей, обладали многими волшебными умениями. Различными чудесами наполнены, конечно, мифологические саги и та же «Сага о Вёлсунгах», где действуют заколдованные люди, волшебники, чародеи, где люди меняют обличье, чтобы лечь в постель с чужими женами[130], и т.д. Но, как правило, смена обличья была связана не с такими приключениями, а с оборотнями — превращением женщин и мужчин в волков-убийц[131]. В средневековой балладе «Заколдованный рыцарь», отмеченной в шведской, норвежской и датской фольклорных традициях, говорится, что оборотень, ставший волком, может снова обратиться в человека, если напьется крови неродившегося ребенка[132].

Существовали особые колдовские висы и ритуалы, например наматывание пряжи особым образом[133]. Нередко к колдунам приравнивались носители зла — дурные советчики, подстрекатели. Но это была скорее этическая оценка. А о некоторых персонажах пишется прямо: «Сван был очень искусен в колдовстве»[134]. О неком викинге всерьез говорили, что он умеет затуплять мечи («лезвия») своих противников[135]; впрочем, это довольно обычный мотив в сагах.

Колдовским заговорам некоторые учились у жителей опасного, холодного Севера — финнов, которых считали кудесниками и колдунами поголовно[136]. Искусные в этом деле, они якобы могли приживить отрубленную руку или ногу, человека превратить в дракона или в моржа, который начинал давить людей[137]. Такими же колдунами считали и бьярмов[138].

Чаще всего колдовские умения и способность к предвидению приписывались женщинам, поскольку, по мнению людей саги, они обладали поистине сверхъестественной интуицией. Нередко, говоря о колдовских умениях женщины, сага подчеркивает, что эта женщина была очень мудрая. Мать «могущественного годи и большого рубаки» Рэва была «сведуща в колдовстве и искусная ворожея»[139], «Сигрид была женщина очень мудрая, и ей было дано предвидеть многое»[140] — таковы типичные высказывания по этому поводу в сагах. В «Саге о Названых Братьях», восходящей к началу XI в., двоим дружным названым братьям некая старуха напророчила беспокойное будущее и взаимную вражду, что и сбылось. Эгилю мать

[130] КИ. С. 187 и др.
[131] Один из многих примеров см. в: КИ. С. 184, 186–187.
[132] Баллады. С. 114, 259.
[133] ИС II:1. С. 348.
[134] ИС I. С. 461, 465.
[135] ИС II:1. С. 242 и др.
[136] ИС I. С. 465; ср.: RP. С. 58–59; *Адам.* С. 101.
[137] СОДВ. С. 76–81.
[138] Там же. С. 44.
[139] ИСИЭ. С. 479.
[140] Сага об Олаве сыне Трюггви // КЗ. С. 126.

предсказала, что он будет викингом (о чем он сразу сочинил вису), и это предсказание сбылось[141]. В «Саге о Стурлауге Трудолюбивом» старуха Вефрея была не только ведуньей, но и искусной врачевательницей, она сумела при помощи трав и отваров вылечить бойца, тяжело раненного в поединке. В «Саге об Ингваре» героям-христианам, уехавшим далеко на восток, все время приходилось опасаться контактов с женщинами-язычницами и, конечно же, колдуньями, причем все ослушники погибали[142].

В «Саге о людях с Песчаного Берега» содержится несколько занимательных легенд. Один из героев дал женщине с выразительным именем Торгрима Колдовская Щека деньги за то, чтобы «она наслала буран» на неугодного ему человека. И разразилась ужасная буря[143]. В этой же саге рассказывается о видении пастуха, который однажды перегонял скот Торстейна Трескожора. На его пути оказалась гора, которая у него на глазах «приоткрылась». Внутри горел огонь и раздавалась речь. Пастух разобрал отдельные слова: кто-то приветствовал Торстейна Трескожора и его спутников и приглашал сесть на почетную скамью напротив его [Торстейна] отца. Узнав об этом случае, жена Торстейна, которая умела разгадывать такие видения, сильно опечалилась. А наутро пришли люди и сказали, что ее муж утонул на рыбной ловле.

Там же рассказывается о некой Катле, которая умела колдовать и спасала своего сына тем, что окутывала нападавших на него непроглядной тьмой. Затем она «отводила его преследователям глаза», и они вместо парня видели то козла, то борова. Но другая женщина, Гейдрид, которая была на стороне нападавших на этот хутор, «тоже умела колдовать, ее называли “троллихой”». Она разгадала уловки Катли. В результате сына Катли повесили, а ее саму забили камнями[144]. В «Саге о Хёрде и островитянах» говорится о колдунье, также по имени Катла, которая, когда на хутор напали грабители, «сходила за покрывалом и стала махать им над головой». В результате грабителей «окутала непроглядная тьма, так что их дело не удалось[145].

В «Саге о Гисли сыне Кислого» некто Берг ударил человека по имени Торстейн обухом топора. Тогда мать избитого Аудбьёрг начала колдовать. Она обошла дом несколько раз против солнца, задрав голову и втягивая носом воздух. В результате безоблачная погода сменилась бураном, и образовавшаяся лавина завалила хутор Берга так, что погибли 12 его домочадцев. За это друг Берга Гисли забил колдунью камнями[146].

Когда Стурлаугу (см. сагу о нем) предстояло биться в поединке с неким Колем, «которого не берет железо», его жена Аса послала мужа к своей преданной и мудрой старой воспитательнице, уже знакомой нам Вефрее. Последняя его раздела,

[141] ИС I. С. 138.

[142] Сага об Ингваре Путешественнике. С. 262 и др.

[143] ИС II:2. С. 83. О колдовстве и наведении порчи см. также: ИС I. С. 405; ИС II:1. С. 492, 494, прим.

[144] ИС II:2. С. 47–49.

[145] ИСИЭ. С. 480.

[146] КИ. С. 307 и сл.

осмотрела, убедилась, что мужчина здоров и очень силен, и дала ему древний заржавленный меч под названием Вефреянаут («Друг Вефреи»), который принадлежал еще ее отцу и «всегда приносил удачу». Когда ржавчина осыпалась с меча, он заблестел, как серебро. Старая женщина заверила Стурлауга, что приложит все свои силы, чтобы передать ему «всю удачу, которая была в ее роде». К тому же старушка напустила в землянку Коля какой-то вредный дым. При встрече с Колем Стурлауг по ее же совету показал сопернику свой собственный меч, который не мог того испугать. А с началом поединка вынул Вефреянаут и победил. Поскольку каждый из поединщиков выставил на спор по 20 марок серебра за свою удачу, Стурлауг еще и обогатился[147].

К слову сказать, колдуньи нередко носили имя Грима («Ночь», «Зловещая»)[148].

Но немало колдунов было и среди мужчин, в том числе именитых. Так, ярл Хладира Хакон Могучий (последняя четверть X в.) «заслужил немало презрения колдовством своим и ворожбою», поскольку многие люди от них пострадали. Между тем ему покровительствовали две сестры-богини, так как он приносил им богатые жертвы. С их помощью он вырезал из бревна подобие человека. Убив некое лицо, он вложил в деревянного человека сердце убитого, одел фигуру и назвал свое создание Тормодом. Этот Тормод мог ходить и разговаривать с людьми, но на самом деле «стал сатаной». Ярл Хакон послал его в Исландию, дав ему секиру, взятую из капища, и приказав убить Торлейва Ярлова Скальда, что это чудовище и сделало. И только когда убийца ушел от преследователей в землю, все поняли, что здесь имеет место колдовство[149].

Ряд волшебных или магических действий и явлений был основан на *смене облика*. Этим качеством отличался уже чудесный кузнец Вёлунд — «владыка альвов» («Песнь о Вёлунде»), который вызывал суеверный страх и восхищение. Вёлунд жил на краю заселенного людьми пространства, на отшибе, что вполне объяснялось его ремеслом: из-за боязни пожаров кузницы обычно выносили за пределы селений. Он был не только искусным кузнецом и удачливым охотником, но и оборотнем: например, смастерив себе крылья, мог превращаться в птицу.

Подобно тому, как берсерк, надев медвежью рубаху, как бы обретал свойства медведя, а Вёлунд, одевшись в перья, становился птицей, колдуны, по верованиям людей саги, могли, переодеваясь, менять свои обличья и свойства. Описывается случай, когда бойцы во время единоборства обратились в собак, потом в орлов[150]. В «Саге о Вёлсунгах» колдунья и жена конунга поменялись обличьями, так что колдунья спала с королем, а его жена Сигню, обладавшая, кстати, редким даром

[147] СОДВ. С. 131–137. В другой редакции этой саги говорится, что воспитательница Асы дала ее мужу еще и волшебный плащ, защищающий от ударов соперника (СОДВ. С. 176, прим. 50).

[148] ИС II:1. С. 142.

[149] КИ. С. 486, 494 и сл.

[150] СОДВ. С. 140–141.

предвидения, три ночи провела с братом Симундом и родила от него ребенка[151]. В «Пряди о Вале» отец и сыновья превращаются в крылатых драконов, охраняющих золото[152], как и полагалось этим чудовищам. Вера в оборотней, в том числе в перевоплощение ряженых, да и сам обычай ряжения, весьма сходный с шаманскими приемами, видимо, имеет очень древние корни. В «обычном» перевоплощении, скажем, в волка, т.е. в обладании свойствами вурдалака, как уже говорилось, подозревали многих. В их числе, между прочим, был и Квельдульф — дед великого скальда Эгиля.

Заметная группа сюжетов связана в сагах с колдуньями-вёльвами, точнее, с ворожеями-гадальщицами, которые бродили от хутора к хутору, занимаясь предсказаниями судьбы, т.е. в известном смысле были связаны с богинями судьбы — норнами, с которыми их иногда путали[153].

Колдунов и чародеев следовало задабривать, дабы не получить плохое пожелание[154].

За ворожбу полагалось платить. В «Саге о Гисли сыне Кислого» (гл. XVIII) за ворожбу, в результате которой должен был быть назван убийца, ведуну Торгриму Носу следовало отдать 10-летнего быка. Для ворожбы сооружался специальный помост, где колдун готовил «себе все, как обычно», и совершал «колдовской обряд со всем возможным непотребством и злобою», как пишет христианин — составитель саги в середине или второй половине XIII в.[155] В одной из мифологических саг описывается встреча с колдуньей-троллихой, которая стояла у своего жилища, одетая в кожу и держа в руках ветку дерева. Она предсказала героине (Брюнхильде), что она заживо сгорит за то, что погубит отменного мужа Сигурда. И добавила, что оповестит об ее злодеянии всех. Женщины долго препирались (их диалог передан стихами), пока Брюнхильда не признала, что «мы, мужчины и женщины, родимся, чтобы жить долго», так что она и Сигурд могли бы жить по-доброму до смерти. После этого колдунья скрылась в скале[156].

Колдовские *ритуалы* было принято производить ночью, в особых местах, где собирались мастера волшебства для злых или добрых дел, предсказаний судьбы, урожая, исхода войны и т.д. Но, как показывают саги, этим можно было заниматься и в обыкновенных условиях и даже при свидетелях.

В «Саге об Эйрике Рыжем» (гл. IV) шаманка Торбьёрг, которая слыла прорицательницей и великой колдуньей, была приглашена для камлания. Она явилась в великолепном наряде, с кошелем, «в котором она хранила зелья, нужные для ворожбы». Когда поставили пиршественные столы, ворожею угощали отдельно

[151] КИ. С. 185.

[152] СОВД. С. 88–89.

[153] См., например, с предсказаниями вёльвы в Norna-Gäst (IMS. P. 114).

[154] БЭН. Ст. 136. С. 201.

[155] КИ. С. 306–307.

[156] IMS. P. 108–113.

от всех, «и вот что было подано ворожее: каша на козьем молоке и кушанье из сердец всех животных, которые там были. У нее была [своя] ложка из желтой меди и нож с рукояткой из моржовой кости, стянутой двумя медными кольцами» и с обломанным острием. На следующий день она попросила приготовить все, что нужно для ворожбы, и попросила, чтобы ей помогли женщины, «которые знают песню, необходимую для ворожбы и называемую *вардлок*» («песнь защитника-охранителя», «охранительное заклинание»)[157]. Таких не нашлось. Лишь одна женщина по имени Гудрун знала эту ритуальную песню, но сочла, что ей «не пристало» ее петь, поскольку она христианка. Но муж уговорил ее, и «она сказала, что сделает, как он хочет». Женщины встали кольцом вокруг нее, и Гудрун запела песню, вызвав одобрение колдуньи.

Были и другие песни, которые считались магическими. Одна из них — «Песнь валькирии» — упоминается в «Саге о Ньяле» и известна также по эддической поэзии. Эта песнь была сочинена в начале XI в. на Оркнейских островах и, скорее всего, ведет свое происхождение от тех, что пели женщины во время работы за ткацким станом, нередко собираясь целой компанией. Согласно песни валькирии, ткется боевой стяг, несущий победу или смерть знаменосцу. Обычно на таком стяге изображался ворон[158].

Подлинные языческие магические песни-заклинания можно найти в «Старшей Эдде»; их поет (или скандирует) Скирнир («Поездка Скирнира») во время сватовства бога Фрейра к великанше Герд, чтобы сломить ее сопротивление[159].

Судя по «Саге о Хёрде и островитянах», колдовством можно было навести на воина злые чары и «боевые оковы», которые сковывали его во время битвы[160]. Против таких бед служили песни-обереги, например:

Если прослышу, / Что ты и вправду
Замыслом умным, / Тайным советом
В поле сражен, / Оружьем повержен, –
Сумею сгубить / Твоего убийцу[161].

Продолжая тему предсказаний, отмечу, что целая их серия содержится в уже знакомой нам «Саге о людях из Лососьей Долины», события в которой происходят как в Исландии, так и в Норвегии, а сама сага возникла или записана примерно в середине XIII в. В эпизодах, происходящих «за четыре года до того, как пал конунг Олав Святой», т.е. примерно в 1026 г., участвует несколько персонажей. Сначала

[157] ИСИЭ. С. 111, 804, прим.
[158] Там же. С. 810, прим.
[159] КИ. С. 56.
[160] ИСИЭ. С. 494.
[161] Там же. С. 460.

Торстейн «стал угрожать» хозяину дома Халльдору. Тот «так стремительно вскочил на ноги, что пряжка его плаща сломалась, и он сказал:

— Скорее произойдет другое, чем я скажу то, чего я не хочу.

— Что же произойдет? — спрашивает Торстейн.

— Дровяным топором нанесет тебе удар по голове самый низкий из людей, и таким образом твое высокомерие и твоя несправедливость будут сокрушены.

На это ответил родич Торстейна Торкель:

— Это дурное предсказание, и мы надеемся, что оно не сбудется».

Вскоре Торкель отправился на корабле домой, хотя погода была дурная, и Торстейн отговаривал его, говоря, что «эта поездка будет роковой». Так и случилось: Торкель и его спутники утонули. Его жена Гудрун была набожной христианкой и «первой женщиной в Исландии, которая выучила псалтирь». Она подошла к церкви в тот момент, когда Торкель утонул, и увидела призраки его и его спутников, возвращавшихся домой, но при этом «морская вода стекала с их одежды». И Гудрун поняла, что Торкель погиб. Ночами она много молилась, лежа ничком на полу церкви, ее сопровождала внучка Хердис. Девушка вскоре увидела сон: неприятная на вид женщина сказала ей, что она «сгорает» от слез лежащей над ней Гудрун. Узнав об этом, Гудрун велела разрыть в этом месте пол церкви; там действительно нашли «черные и страшные кости», «нагрудные украшения и большой колдовской жезл». Из этого заключили, что «там была погребена какая-то колдунья», кости которой затем перехоронили в безлюдном месте[162].

Из этих историй, между тем, видно, что, делая свои предсказания, люди зачастую руководствовались житейским опытом. Так, гибель Торкеля была весьма возможной, поскольку море сильно волновалось. Предсказание о смерти Торстейна от «дровяного топора» основывалось, судя по дальнейшим его переговорам, на том, что за спиной Торстейна стоял приближенный Халльдора (скорее всего, раб: «самый низкий из людей») с поднятым колуном, ожидая хозяйского сигнала пустить его в ход, который, к счастью для нашего героя, не последовал.

Что касается легенд — о потревоженных костях колдуньи и других легенд, описанных выше, — то они нередко вводились в саги в качестве реальных эпизодов, объясняющих то или иное явление. Так, в «Саге об Инглингах» (гл. XIV) рассказывается, что в этой королевской семье некогда отец-конунг и два его сына поссорились из-за вено королевы и матери последних, а это было большое богатство: три больших двора и золотая гривна. Колдунья Хульд пообещала сыновьям помочь убить отца, что и произошло. «И с тех пор убийства родичей станут постоянно совершаться в роду Инглингов»[163]. Так нашлось объяснение той череде убийств, которая бесконечно продолжалась в королевских семьях еще и в XIII–XIV столетиях.

[162] ИС I. С. 432–436. Этот эпизод примечателен также тем, что обнаруживает четкие следы авторской или редакторской правки XIII в. — там, где говорится о великой приверженности Гудрун к христианской церкви и ее буквальном знании Псалтири (см. ниже).

[163] КЗ. С. 18.

В «Саге о Харальде Серая Шкура» рассказывается легенда о датском короле Харальде Синезубом, который умер примерно в 986/987 г. По преданиям (и судя по известному руническому камню), не только сам он смолоду принял крещение, но и крестил свою страну. Так вот, он будто бы послал в Исландию колдуна, который принял образ кита (или, наоборот, кит был колдуном). Но когда тот достиг берегов Исландии, в Широком Фьорде ему навстречу вышел огромный бык, который своим громким ревом испугал кита. С тех пор тамошний могущественный хёвдинг, который как бы «переколдовал» пришлого колдуна, получил прозвище Торд Ревун, из чего следует, что он, по логике саги, владел искусством перевоплощения[164].

Отношение к колдунам было двойственным. С одной стороны, колдуна или колдунью могли забить камнями, как это произошло с Катли[165]. В «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. XXXV) рассказывается, что один из персонажей Торд утонул в результате волшебных заклинаний и зловредных песнопений неких колдунов, которых за это изгнали[166]. Одной женщине, обвиненной в ведьмачестве, пришлось оправдываться на тинге при помощи соприсяжников[167], и т.д.

С другой стороны, колдун и колдунья вызывали страх и почтение. Вот, к примеру, краткая, но емкая и яркая характеристика, данная в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» (гл. XLIII) не какой-то обычной женщине, а королеве и матери королей Гуннхильд, чье колдовство неизбежно должно было иметь политическую окраску, а потому было значимым для многих: «очень красивая, умная и сведущая в колдовстве... Сладкоречивая, но коварна и жестока»[168].

Против колдовства, помимо ответного колдовства, применялись обереги. Это были либо предметы, растения (например, ветки орешника, рябины или лук-порей, который нередко бросали в братину с напитком[169]), либо некие действия. Словесный оберег — заклинание сопровождался определенным ритуалом[170]. В «Саге о Битве на Пустоши» приемная мать Барди, главы отряда, произносит магическую формулу оберега, возлагая на героя руки (что ему как христианину было потом поставлено в вину, см. гл. XXX)[171]. И, судя по «Речи Высокого» (№ 104), очень важную роль играла клятва, особенно на круглом предмете — кольце или запястье.

В «Саге о Вёлсунгах» (гл. XXIV) называются магические предметы и символы, с помощью которых можно уберечься от мести («чтоб худа не помнить»), избавиться от «беды и боли», узнать ближайшее будущее. Для всего этого в ход шли напитки,

[164] Впрочем, по поводу происхождения этого прозвища существуют другие версии.
[165] Ср. также: ИС I. С. 337,
[166] Там же. С. 330.
[167] ИС II:2. С. 37.
[168] КЗ. С. 67.
[169] КИ. С. 213.
[170] ИС II:1. С. 328.
[171] См. ритуал возложения рук Одином как оберег — КЗ. С. 11.

приготовленные на морской воде; жилы оленьи и жженые желуди; внутренности жертвенных животных («жертв») и печень кабана; различные корни; роса после пожара («росы огненные»); и не в последнюю очередь — волшебные руны, «трудные для чтения», вырезанные на роге для питья.

Магия слова и колдовская сила рун

Как уже очевидно, сильным средством была вербальная магия: заклятия и заговоры. Люди очень верили в творящую силу произнесенных слов, причем не только ритуально-магических, не только заклятий, но и просто стихов и песнопений. За любовные стихи, посвященные женщине либо девушке, полагалось наказание, поскольку, как тогда считали, они могли служить приворотом. Столь же наказуемыми были и хулительные стихи (ниды), которые несли, как сказали бы мы, отрицательную энергию, наносящую адресату вред. Иначе говоря, люди саги очень верили в действенную силу слова, в том числе — или, возможно, в первую очередь — стихотворного.

В этом плане интересна драматическая история (отчасти затронутая выше), центром которой является любовный треугольник и которая излагается в одной из саг. Скальд Тормод ухаживал за пригожей девушкой Торбьёрг, которая отличалась черными бровями. Он написал в ее честь красивую вису, за что получил прозвище Скальд Чернобровой. Но потом увлекся другой девушкой и подарил эту вису ей. И вот однажды Торбьёрг Черная Бровь пришла во сне к изменившему ей Тормоду и пригрозила отомстить[172]. Проснувшись, он ощутил сильную боль в глазах и почувствовал, что они «выскочат» из глазниц, если он не объявит, кому его виса предназначалась первоначально. Он, конечно, это сделал — и полностью излечился. Есть в саге и другие чудеса[173]. Однако здесь проявилась также вера скандинавов в возмездие, которое настигает того, кто совершил злое дело, несправедливость. Так же точно они верили в реальность *заклятия и проклятия*[174].

В «Гимне Кэдмона» богу-хранителю и в «Речах Высокого» (ст. 145–162) перечислено более двух десятков случаев, когда применяются заклятия: от помощи при болезни или в битве до привораживания и от бесплодия до колотья в боку и нападения пчелиного роя. На самом деле таких заклятий на разные случаи было, вероятно, гораздо больше.

Путем заговора, заклятия можно было приворожить мужчину, мужа («Сага о Ньяле», гл. LXVII). Плач жены по мужу мог спасти ему жизнь (ср. плач Ярославны!). Заклятие можно было наложить, например, на захоронение, чтобы уберечь

[172] ИС II:1. С. 150.

[173] Там же. С. 120, 126, 150–151, 168, 195.

[174] ИС I. С. 337.

его от грабителей. Такое «заклятье великое», адресованное Земле и подземному Змею, приводится в поэме «Беовульф»: оно налагается на курган, где спрятана казна дружины, вместе с пластинами золота, которые были «достоянием кольцедарителя», т.е. захороненного там конунга (ст. 2240–2248):

Земля! Отныне
храни драгоценности,
в тебе добытые,
коль скоро люди
хранить их не могут.

Увы, это заклятие не помогло: курган был разграблен.

Интересны и, вероятно, были широко известными в свое время *медицинские советы*. Так, судя по «Саге о Вёлсунгах», существовали «повивальные руны», которые должны были помочь роженице, для чего их писали на ее ладонях и вокруг тела, вознося при этом молитву дисам[175]. Для лечения применяли «руны леса», которые вырезались на лыке, на листьях, стволе и ветвях деревьев[176]. А вот медицинские советы из «Речей Высокого» (ст. 136):

Если ты охмелел, исцеляйся землею.
От земли хмель минует, болезнь от огня.
Дуб хорош от запора и колос от порчи,
Спорынья против грыжи, свет месяца против падучей,
Выгон против чесотки скота, заговор от отравы,
От влаги излечит земля[177].

Особое место в поэме занимают 18 стихов, где речь идет о *заклинаниях* (заклятиях). *Высокий* перечисляет беды, заклинания от которых существуют, но лишь он один их знает:

Заклинанья я знаю, что людям неведомы,
Даже знатным и женам князей (!).

[175] КИ. С. 23.

[176] Там же. С. 214.

[177] С. Свириденко делится по поводу медицинских советов скандинавов следующими сведениями. В Южной Германии долго существовало средство от опьянения — нюхать землю; спорынья у ряда народов считается хорошим внутренним средством при трудных родах и грыже; дубовый отвар крепит; старое наименование падучей — morbus lunaticus, из чего следует, что ее приступы связывали с фазами Луны. Прочие советы, возможно, связаны с особыми заговорами. (Впрочем, кое-что в этом тексте противоречит поучениям Высокого, например сведения относительно дубового отвара.)

Какие напасти умел (и рекомендовал) Высокий отводить заклинаниями?

«Имя первому — Помощь», это универсальное заклинание: «от обид и скорбей и забот». Второе — полезно тем людям, «что причастны искусству врачей». Третье поможет «врага волшебством оковать», так что его оружие затупится, «не сможет разить его меч». Четвертое используется, когда враги сковали человека: при помощи заклятия «узы снимутся с рук, и веревки с ног». Пятое помогает отвести направленную в человека стрелу. Шестое — средство от отравы, «против кореньев», которыми «недруг лихой» вздумает навредить. Седьмым является «слово мощное от пожара». Восьмое водворяет мир, «если распря меж храбрыми вдруг разгорится». Девятое усмиряет «бешенство бури» на море, позволяя сохранить корабль и жизнь людей. «Десятое — ведьмам на гибель». Одиннадцатое предназначено «для боя»: если его «прокричать в щит» перед началом сражения, все «воротятся здравыми с бранных полей». Двенадцатое позволяет при помощи рун снять труп повешенного, да так, что, сойдя с дерева, «он со мною начнет говорить». Тринадцатое заклинание произносят, «когда освящают младенца водой» (т.е. при наречении его именем), с тем чтобы он был неуязвим в сражениях. Четырнадцатое состоит в том, чтобы перечислить всех богов, и «это может лишь мудрый иметь» (видимо, знание имен всех богов было желательно, но по силам не всем, кто просил у них помощи). Пятнадцатое заклятие придает мудрость и мощь. Шестнадцатым «я склоняю равнодушную деву к любви», а семнадцатым «охраню я от измены красавицы милой себя». Что касается восемнадцатого, самого ценного заклятия, то Высокий не хочет сказать о его назначении никому, кроме той, «с кем ложе делю, или той, что сестра мне родная» (ст. 145–163).

Высокий не приводит самих заклинаний, только их перечисляет, но и перечень этот достаточно выразителен: названы почти все важные случаи, когда смертному требовалась помощь богов. Здесь и сражения, и враги, и бурное море, здесь — ведьмы и любовь...

Широко применялась также *знаковая магия:* были особые изображения, рисунки, но, прежде всего, *руническое письмо.*

В колдовскую силу рун скандинавы верили абсолютно. Известна норвежская надпись рунами от V в.: «Я неуязвимый для колдовства». И шведские надписи рунами от VI в.: «Коварным называюсь, вороном называюсь, я эриль (колдун. — *А.С.*), вырезаю руны», и «Я эриль, хитрым называюсь».

О рунах, которые широко применялись при заклинаниях[178], в сагах говорится неоднократно. Их использовали в надписях на рунических камнях, прося Тора «освятить эти руны» и наказать тех, кто порушит камень. И *Высокий* особо говорит о волшебной силе рун (ст. 142–144, 156). Знание и понимание рун — трудное дело, утверждается там, ведь даже Одину «тяжко достались вещие знания мировой

[178] Ср.: Поучения Высокого. С. 139, 141–163.

мудрости и волшебства». А между тем — «Руны... что в дерево вделаны / с силой великой, / с силой целебной».

Знаешь ли, как надо резать?
Знаешь ли ты, как разгадывать?
Знаешь ли, как надо красить?
Знаешь ли, как вопрошать?
Знаешь ли ты, как молиться?
Как приносить надо жертвы??
Знаешь ли ты, как закласть?
Знаешь ли, как сожигать?

Так что, «коль знакомца нашел, в мудрых рунах искусного, / Им прилежно учись, хоть всю жизнь», — заключает *Высокий*.

Необходимо, однако, сразу же уточнить, что руны у скандинавов эпохи викингов, в частности во второй половине X в., применялись подчас и в обиходных целях, например для передачи информации. Так, Гисли («Сага о Гисли», гл. XXIV) режет руны на палочке и подбрасывает ее в дом, чтобы вызвать хозяина[179]. Для бытового письма руны применялись и в первой половине IX в., и в середине XII в., и в середине XIV в.[180] На одном из Сейшельских островов археологами обнаружена надпись рунами XIII в. на скале, содержащая имена рыцарей, которые ее вырезали, направляясь в качестве крестоносцев на Восток, на память о себе или для удачи. Тем не менее владение руническим письмом было завидным умением, а сами рунические знаки не только имели наименования, но им придавалось особое, очень важное, сакральное значение.

Руническое письмо, а также начертания обрывков фраз, слов и *отдельных рун*[181], понятные знающим людям своего времени, занимали большое место среди магических представлений и действий средневековых скандинавов. Во многих произведениях руны называются «вещими». Посох колдуньи с вырезанными на нем рунами обладает особой силой, равно как и охраняемый рунами меч. В поэме «Беовульф» (ст. 1721) говорится о «всесильном господе», который вершит судьбами мира, но непосредственно перед этим автор восхищается «рунами ясными», что сияют на золоте, на мече золоченом». В «Песни о Хельги сыне Хьерварда» (ст. 29) говорится о «рунах смерти», которые вырезаны, например, на оружии, дабы придать ему губительную силу. Руны выбивали на камнях, вырезали на кости, бересте и дереве, обычно на буке. Руны на дереве (возможно, не только на дереве) окрашивали кровью, чтобы придать

[179] КИ. С. 319.

[180] Во всяком случае, при раскопках в Бергене были найдены сотни деревянных стержней и дощечек с руническими надписями самого разного характера. См.: Мельникова, 1977; Knirk, 1993 и др.

[181] До IX в. рунический алфавит насчитывал 24 знака, позднее, с IX в., их стало 16.

им еще больше силы[182]. При неумелом обращении с рунами вместо добра можно было нанести вред. Известные колдуньи и колдуны обычно владели рунической магией.

Понятие «вещие руны» (так их называла еще «Песнь о Риге» в «Старшей Эдде») встречается в висе Эгиля; рунами вырезали заклятия[183], а также тексты на памятных камнях, которые поэтому и получили название «рунических». Можно предположить, что магическое значение руны приобрели еще в древности, когда знание письма вообще было редкостью, привилегией жрецов. Навести на человека порчу могли и хулительные стихи, тем более написанные рунами. Так, скальд X в. Торлейв Ярлов Скальд Раудфельдарссон (т.е. «Сын Рыжей Шкуры») написал так называемый «ярлов нид» против ярла Хакона, в результате чего тот заболел тяжелой, мучительной кожной болезнью.

В ходе многих обрядов использовали магические знаки, чаще всего нанесенные рунами; например, тайные знаки наносились на копье, которое было важным атрибутом обряда побратимства[184].

Отношение к рунам хорошо видно из «Саги об Эгиле». Будучи в гостях, скальд увидел больную, тяжело страдающую молодую женщину, которая лежала на скамье. Оказалось, это дочь хозяина Хельга, которая почти помешалась от сильной лихорадки. Против ее болезни были «вырезаны руны», но ей стало еще хуже. Эгиль попросил заменить несвежую постель больной и обнаружил под ней «китовый ус, на котором были вырезаны руны. Эгиль прочел их, соскоблил и бросил в огонь весь китовый ус, затем велел вынести на улицу ее прежнюю постель». И при этом сказал:

Рун не должен резать / Тот, кто в них не смыслит.
В непонятных знаках / Всякий может сбиться.
Десять тайных знаков / Я прочел и знаю,
Что они причина / Хвори этой долгой.

Он вырезал новые руны и положил девушке под подушку. Больной сразу стало лучше, ей даже «показалось, будто она проснулась ото сна».

Некоторые соображения

Наличие религии — одно из ярких и четких признаков выделения человека из животной среды. Общественную роль религии в истории людей трудно переоценить. И первой ступенью осознанных религиозных верований, характерной для патриархальных эпох, но кое-где сохраняющихся и сегодня, было *язычество*.

Язычество северных народов, как всякое многобожие, является обожествлением сил природы в виде системы преимущественно антропоморфных богов,

[182] Изречения Высокого. Ст. 142.
[183] ИС I. С. 138, 155, 182, 217 и др.
[184] ИСИЭ. С. 30.

волшебных существ и предметов. В последние века существования, о которых речь шла выше, эта система выглядит достаточно «размытой». Функции даже главных богов частично совмещаются, они не всегда последовательны и внутренне согласованы; функции мелких богов и волшебных сил смешиваются и перекрещиваются; в разных местностях они меняются местами по своей значимости. И весь состав языческого пантеона скандинавов подвержен изменениям. Так, в эпоху викингов на место верховного божества выходит Тор, особенно в Исландии, Норвегии и Швеции, именно его молот обычно противопоставлялся Святому Кресту. Для скандинава-язычника, жившего довольно изолированно, но много и далеко передвигавшегося и непрерывно воевавшего, был важен «личный» защитник, пусть даже малый бог. Поэтому в отличие, например, от греко-римского пантеона в системе их верований трудно найти сложившуюся *веру.* Основные обряды варьируются, неизменны лишь жертвоприношения (задабривания богов), часто кровавые, всегда — с помощью возлияний и драгоценных даров. Но путь к загробному блаженству твердо обозначен: он ведет через *воинскую славу*. В конечном счете оказывается вполне понятным, почему скандинав того времени «*верит только в себя и в свои собственные силы*».

Гораздо глубже укоренилось в мире людей саги всевозможное *бытовое язычество:* суеверия, обычаи, ритуалы, приметы, обереги, гадания, заклятия, предрассудки и т.п. *Магические* действа, слова, надписи, предметы используются постоянно и при самых разных обстоятельствах как необходимая помощь для достижения поставленной цели или обороны от «злых сил» либо как действенный способ преобладания, мести и разрушения.

В то же время очевидно, что языческая система верований древних скандинавов относилась отнюдь не только к их духовному миру. Они пронизывала всю их жизнь, определяла мотивацию поведения в самых разных ситуациях. К тому, о чем говорится в этом очерке, следует добавить и другие проявления язычества в повседневной жизни людей. О некоторых из них речь шла выше, о других она пойдет позднее, но здесь хотелось бы их все же обозначить. Так, в сагах упоминается «вынесение детей» (обычай оставлять новорожденного ребенка в пустынном месте, т.е. практически убивать его), похищение женщин и практика «неполной свадьбы» (выкуп, уплата за свободную девушку с целью сожительства с ней), бытование кровной мести («око за око», «жизнь за жизнь»), «очистительные» судебные испытания, наличие рабов и многое другое, что было или должно было быть изжитым после христианизации либо вошло в христианские обычаи в более или менее трансформированном виде[185].

Проявления языческих верований столетиями сохранялись в народных обычаях, то замирая, то взрываясь, особенно в сложные времена. Их реликты живы по сей день.

Не случайно процесс христианизации в этом регионе был не только поздним — он был в большинстве случаев мучительным.

---

[185] См. ниже.

ОТ КАПИЩА — К ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

Язычникам, сохраняющим племенное сознание, всегда тяжело переходить к единобожию, ведь это требует серьезных изменений всего менталитета, переориентации сознания. В связи со стойкими языческими традициями местного населения христианизация скандинавского Севера была длительным и сложным процессом. На каждом его новом этапе обнаруживалось, что население по-прежнему молится языческим богам, мстит кровью за кровь и обиду, устраивает жертвоприношения в капищах, «выносит детей» и ест конину.

Следы знакомства скандинавов с христианской верой и церковью восходят к середине 1-го тысячелетия, когда после ухода римских легионов из Британии (IV в.) там резко обострились усобицы между малыми королями, и те начали прибегать к помощи германских наемников — англов, саксов, ютов, фризов, среди которых были будущие датчане и их соседи. Как известно, эта воинская служба постепенно переросла в образование англосаксонских государств, элита которых нередко принимала крещение. В середине 1-го тысячелетия возникли пограничные отношения северных германцев, особенно данов, с Франкским государством. С конца VII столетия и далее скандинавские воины, купцы, реже отдельные дипломаты и находники начинают принимать крещение, попадая в западноевропейские страны, в основном в Британию, на франкские территории и в независимые германские земли между Рейном и Эльбой.

Одновременно северными язычниками заинтересовались папский Рим и христианские миссионеры, которые время от времени добирались к скандинавским племенам как со стороны Британии, так и из германских земель.

Но только с наступлением эпохи викингов, по мере интеграции скандинавов в европейский мир и ускорения тенденции к образованию Скандинавских государств, можно говорить о *процессе христианизации* в странах Северной Европы. Еще вялый в IX — начале X в., этот процесс, органично сопровождая *формирование объединенных государств*, затем пошел в нарастающем темпе и завершился в целом в XII в.[186] Но еще в XII–XIII столетиях, когда церковные предписания в виде особых «Глав о церкви» вошли в областные законы трех основных Скандинавских стран, да и позднее, стойкие пережитки язычества в том или ином виде продолжали существовать в сознании и поведении населения Северной Европы.

[186] Первую обоснованную периодизацию процесса христианизации Скандинавских стран см. в статье Л. Мюссе (Musset, 1967). С тех пор на эту тему были написаны сотни работ.

Общая ситуация в области верований

К IX в., как говорилось выше, скандинавы уже были отчасти знакомы с новой верой. Но теперь крестились многие авторитетные викинги, которые разъезжали по Западной Европе, оседали в Британии, в Северо-Западной Франции и на Руси, регулярно поступали на службу к византийскому императору, русским князьям и к другим властителям, делая это обычно по корыстным соображениям и стремясь облегчить свое положение в чужой стране. Особенно часто и наиболее последовательно принимали новую веру купцы. Но скандинавские короли и претенденты на престол, нередко воспитываясь за рубежом или спасаясь на континенте во время междоусобиц в своих странах либо стремясь обосноваться в новых землях, зачастую также принимали крещение от приютивших их правителей, обычно вместе со своей семьей и дружиной.

Именно так принял христианство первый в Скандинавии (из доныне известных) крестившихся королей, конунг Южной Ютландии, позднее области Шлезвиг, Харальд Клак. Вместе с женой и многими дружинниками, которых он привел с собой, Харальд в июне 826 г. крестился в городе Майнце в соборе Св. Альбана, благодаря чему «выпросил» у императора Людовика Благочестивого «область Фризии». Это событие весьма примечательно, ведь король Харальд построил в Шлезвиге церковь, возможно первую в Скандинавии, и именно он, возвратясь в Данию, привез с собой знаменитого миссионера Ансгария, «франкского монаха», который заслужил славу «апостола Севера». Но крещение Харальда Клака интересно еще и тем, что оно вызвало массу откликов не столько в Скандинавских странах («Сага о Скьёльдунгах»), сколько в Западной Европе: сведения об этом событии имеются более чем в десяти известных анналах и жизнеописаниях![187] Этот факт, несомненно, отражает большую заинтересованность западных стран и всего католического мира в крещении варваров-викингов, бесчинства которых не в последнюю очередь объясняли их язычеством.

И внутри своего региона скандинавы в первой половине эпохи викингов приобщались к христианской вере, что первоначально происходило благодаря усилиям монахов-миссионеров как из Британии[188], так и, главным образом, из Гамбургского (впоследствии, с 848 г., Гамбург-Бременского) архиепископства. Во всяком случае, самые ранние свидетельства такого рода сохранились именно в материалах

[187] В.В. Рыбаков в докладе о крещении Харальда Клака в ИВИ РАН (21 марта 2007 г.), рассматривая проблему мистификации этого факта в исторических источниках IX–XIII вв., в частности отметил, что о факте его крещения сообщали: «Большие королевские анналы», «Фульдские анналы», «Вертинские анналы», «Ксантенские анналы», «Деяния императора Людовика» Тегана, «Жизнеописание императора Людовика» Астронома, «Похвала христианнейшему императору Людовику» Эрмольда Нигелла, «Житие святого Ансгария» Римберта, «Деяния Карла Великого» Ноткера Заики, «Деяния архиепископов гамбургской церкви» Адама Бременского. Полный текст см. в кн.: Рыбаков, 2008.

[188] См., например: *Адам*. С. 75. Известно также, что первым бременским епископом был англосаксонский миссионер Виллехад (787–789), его мощи обрел примерно в 860 г. Ансгарий, который по этому случаю написал сочинение «Чудеса св. Виллехада».

о миссиях[189], хотя они и носят весьма отрывочный характер[190]. По меньшей мере до конца IX — начала X в. длился этот *«миссионерский период»*, отмеченный «точечными», единичными «обращениями в новую веру лишь сравнительно небольших групп скандинавов при непрерывном, агрессивном сопротивлении господствующего язычества и его упорном восстановлении. Так, сын Харальда Прекрасноволосого король Хакон Добрый (род. ок. 920, король ок. 945 — ок. 969), как свидетельствует сага о нем, воспитывался в Англии при дворе короля Этельстана (Athelstan) и там крестился. Отсюда, согласно традиции, пошло его прозвище Воспитанник (или крестник) Этельстана (Aðelsteinsföstri). В Норвегию он привез из Англии первого епископа Сигурда, бывшего монаха из Гластонбери. Он покровительствовал миссионерам в Норвегии, построил несколько церквей. Но когда к власти пришли сыновья Эрика Кровавая Секира, христианизация страны приостановилась.

А затем, к концу эпохи викингов, в итоге длительной борьбы между собой малых королей в Скандинавии образовались единые государства — Дания, Швеция и Норвегия, поглотившая Исландию. И хотя эти государства были скорее федерациями областей, а верховная королевская власть оставалась объектом острой борьбы внутри элиты, христианская вера и церковная организация укрепляются, что видно как из областных законов, так и из последующих реплик-вставок авторов, составителей и редакторов саг, из героических поэм и других фольклорных произведений, которые были записаны уже в христианскую эпоху.

Роль власти, прежде всего *монархии*, в процессе христианизации невозможно переоценить. Короли, ярлы и их дружинное окружение, как выразительно показывают саги, в IX–XI вв., т.е. в период возникновения, а позднее становления в Скандинавии государств и элементов нового сословного строя, в большинстве случаев не только сами выступали ревнителями христианства и инициаторами сооружения церквей, но, как мы убедимся дальше, активно внедряли новую веру и ее учреждения. Если же правители были верны язычеству, христианизация легко отвергалась народом, как это произошло после Хакона Доброго в Норвегии. А местная родовая знать, которая в средневековой Скандинавии вела за собой крестьянство, раскололась, частично войдя в состав служилой знати при короле, частично оставшись на традиционных позициях, в том числе и в области веры[191]. В частности, могучий хладирский ярл Хакон (последняя четверть X в.), дочь которого Ауд была второй женой короля Эрика Победоносного, отца крестителя Швеции Олава Шётконунга, был, как и вся его семья, язычником[192] и много вредил делу христианизации страны.

[189] Вероятно, именно поэтому упомянутая статья Мюссе, как и многие другие исследования и обобщающие работы по проблемам христианизации в Скандинавии, вообще ставят во главу угла именно миссионерство.

[190] См.: Рыбаков, 2008.

[191] См. ниже, часть 6.

[192] Сага об Ингваре Путешественнике. С. 276, прим. 6.

Как свидетельствуют тексты саг, по мере того, как складывались и укреплялись единые государства, решающее значение в Скандинавии получает именно христианизация «сверху», усиленно навязываемая королями, прежде всего королями-объединителями. И до этого времени отдельные скандинавские короли крестились, зачастую вместе с семьей и дружиной. Но только с середины X в. в Дании, с рубежа X и XI вв. в Норвегии и Исландии, с начала XI в. в Швеции и на Готланде, с середины XI в. в Гренландии христианство было принято «официально», оно стало официально *господствующей религией*. В результате усилий монархов и правителей, поддерживающих миссионеров, строительства церквей и учреждения епархий, XI столетие заслужило наименование «*периода обращения* [скандинавов в христианство]», распространенное в литературе, посвященной этой теме.

Правящие круги Скандинавии, короли и складывающаяся новая, служилая знать были заинтересованы в содействии им хорошо организованной христианской церкви и были готовы на любые силовые приемы для ее устроения в своих странах. *Папство*, в свою очередь, было заинтересовано в интеграции народов Северной Европы в католический мир и собиралось пойти на многое, прежде всего на непрерывное миссионерство, чтобы привести в свое лоно столь крупный оплот язычества в Западной Европе — Скандинавские страны.

Соединение таких двух могучих факторов стало основой процесса христианизации скандинавов. А длительность и трудности этого процесса определялись сильной приверженностью к традициям местного населения, свободного, преданного язычеству и опасавшегося всяческих нововведений — от новой веры до сильной центральной власти; обе они для народа были чреваты новыми поборами и ограничением свобод, а потому в народном сознании оказались *связанными между собой* и одинаково нежелательными[193].

Формально крещение Скандинавских стран произошло в период со второй половины X по начало XI в. Дания была крещена около 960/965 г. королем Харальдом Синезубым (ум. 987/988). На Готланде оно было принято, как традиционно считается, добровольно, где-то в 1000 г. Исландия была формально (на альтинге) объявлена христианской страной в 999/1000 г.[194] Крестителем Швеции считается ее объединитель Олав Шётконунг (990-е гг. — 1022), объявивший христианство официальной религией страны примерно в 1008 г. Сам шведский король, вместе со всей семьей, дружиной и слугами, был крещен епископом Сигфридом (будущим святым), за что епископство получило от короля в дар королевское селение Хусабю, где и произошло это событие[195]. К этому времени гётские земли были уже в основном крещены, и вопрос стоял о Свеаланде. Решающий акт крещения свеев произошел,

[193] Видимо, примерно на сходных основаниях складывалась неприязнь народа к протестантизму, вводимому королем Густавом Вазой в первой трети XVI столетия.

[194] Ср.: Сага о Ньяле // ИС I. С. 616–624.

[195] ÄVgL lV 15:l.

как уже говорилось, только в начале XI в. Крещение Норвегии относится примерно ко времени между 1015 и 1028 гг., т.е. при короле Олаве Харальдсоне Святом (1014/15–1028/30). Но до этого внедрение христианства в стране весьма активно проводил Олав сын Трюггви (ок. 995–1000), который сам был крещен миссионерами то ли в Англии, то ли на Руси, то ли и там, и там. Пограничная область (в будущем шведская) Емтланд, которая тогда принадлежала Норвегии, была крещена «неким Аустмадром», местным ярлом, малым конунгом или законоговорителем, который в честь столь богоугодного дела «построил мост»[196]. Крещение Дании начал Харальд Синезубый в X в., а фактически завершили Кнут Великий и его племянник Свейн Эстридсен (примерно к середине XI в.).

Но как выглядит христианизация Севера в житиях, сагах, легендах и прочих оригинальных сочинениях той эпохи? И что нового внесло крещение и церковное устроение в общественную жизнь Скандинавии? И насколько прочным было приобщение к новой вере основной массы ее жителей?

Миссионеры в Скандинавии и их труды[197]

Первое достаточно полное свидетельство о миссионерской деятельности в среде скандинавов, об особенностях проходившей там начальной христианизации, строительстве первых церквей, реакции местных жителей содержит не комплекс саг, а составленное Римбертом яркое жизнеописание св. Ансгария (801–865), в IX в. посещавшего Данию и Швецию с целью их приобщения к христианству.

В первый раз Ансгарий, еще молодой клирик из монастыря Корби, прибыл со своими спутниками в датскую Южную Ютландию, которая тогда находилась под властью короля-христианина Харальда Клака. Миссия обосновалась там в очень крупной по тому времени, густонаселенной и широко посещаемой разноплеменными купцами торговой эмпории Севера — городе Хедебю (Hedeby или Haithaby, будущий г. Шлезвиг). Он был в свое время одним из языческих культовых центров Ютландии. В течение 827–828/829 гг., пользуясь покровительством местного короля, Ансгарий построил там христианскую церковь и вроде бы основал (миссионерскую?) школу, произвел ряд крещений и выкупил какое-то число рабов[198].

Еще перед первой миссией Ансгария, как пишет Римберт (гл. 9–10), к императору Людовику прибыли «посланники свеонов», которые в числе прочего сообщили императору, «что среди их народа есть много желающих принять

[196] За это сведение приношу благодарность Е.А. Мельниковой.

[197] Убедительное исследование первых христианских миссий в Скандинавии см. в кн.: Рыбаков, 2008. Оно принято во внимание, но задачи этого очерка иные: меня интересуют не столько точные обстоятельства собственно крещения, сколько те отношения, которые возникали между людьми, как и между народом и властью, в процессе смены религии, и мотивы их поведения.

[198] *Римберт*. Гл. 7–8.

христианскую веру, а сердце их короля уже склоняется к тому, чтобы допустить в страну священников Господа». И они просили «определить для их племени достойных проповедников». Выбор пал на Ансгария, который успел хорошо себя зарекомендовать и как раз находился в тех краях. Примерно на рубеже 829–830 гг. Ансгарий со спутниками прибыл на территорию свеев. Страницы, посвященные Швеции, являются наиболее подробными и яркими из всех, посвященных миссионерству Ансгария.

Первым местом пропаганды новой веры в будущей Швеции, точнее у восточных скандинавов, «в Свеонии» (т.е. у свеев), был избран также широко известный тогда торговый центр, ранний город-порт Бирка (от шведск. Björkö, «Березовый остров»). Будущий архиепископ Гамбург-Бременский и будущий святой Ансгарий посещал Бирку дважды: в 829/830–831 и 850/851–852 гг.

Этот городок, о котором уже упоминалось, вырос на озере Меларен, в ареале будущего Стокгольма. Многолетние археологические раскопки на каменистом плато острова (они отражены в обильной специальной литературе), в ходе которых были вскрыты сторожевые укрепления и изучен обширный некрополь, показали, что Бирка, как и Хедебю, являлась одним из крупнейших центров транзитной торговли на Балтике, посещавшимся купцами из многих земель. Адам Бременский, уже не заставший Бирку, разрушенную пиратами, на основании рассказов датчан пишет, что ее посещали не только все скандинавские торговцы, но также славянские, балтские и вообще купцы из разных мест Балтики и побережий Северного моря (кн. 1, гл. 62). Адам называет Бирку «дом нашей веры» и пишет, что тамошняя гавань впоследствии получила имя св. Ансгария[199].

Говоря об этом времени, Римберт свидетельствует, что в Бирке «было много богатых купцов, изобилие всяческого добра и много ценного имущества»[200], а также немало рабов, в основном, похоже, пленников. Прочные торговые связи соединяли Бирку с ютландским Хедебю и фризско-датским крупным торговым городом Дорестад, «где было много церквей, священников и клириков». К тому же остров Бьеркё располагался вблизи старинной Упсалы, с ее главным языческим капищем свеев, и неподалеку от Сигтуны, где также было капище. Рядом с островом Бьеркё находился другой остров — Адельсё или Альсё («Остров знати», «благородных»), где располагалась усадьба-резиденция малого конунга упландских свеев[201]. Видимо, именно он и обратился к императору Людовику с просьбой прислать миссионеров. Таким образом, Ансгарий, уже наслышанный о свеях в соседней Дании и опиравшийся на опыт, там приобретенный, место для своей миссии в свейских землях выбрал весьма удачно.

[199] *Адам*. IV, сх. 127. Сегодня Бирка не заселена, фактически это музей.

[200] *Римберт*. Гл. 19.

[201] Такие «связки» торгового центра и резиденции-крепости правителя были характерны для ранних городов. См.: Сванидзе, 1987, особ. С. 71–78.

Прибыв в первый раз, миссионеры, по дороге ограбленные викингами (гл. 10), «были радушно приняты королем свеев Бьёрном»[202], который после совещания «со своими верными» (cum fidelibus suis)[203] разрешил проповедь Евангелия в Бирке. Ансгарий купил в городке участок земли, где построил церковь. В результате «многие там приняли крещение», в том числе глава города (praefectus, управляющий) и первый советник короля Херигарий[204], который вскоре построил церковь и в своих личных владениях. Добившись всех этих успехов, Ансгарий покинул Бирку.

С согласия императора в город был прислан в качестве как бы легата-проповедника каноник Гаутберт, возведенный в епископы и при этом получивший христианское имя Симон. Его снабдили «всем нужным для богослужения» в «племени свеонов» (гл. 11 и 14). Гаутберт-Симон без промедления начал строительство церкви в Бирке. О первой же церкви и той, что была во владениях Херигария, ничего больше не говорится, вероятно, местные жители их разрушили. Но, «...подстрекаемые дьяволом, свеоны воспылали дикой яростью и стали коварно преследовать упоминавшегося епископа Гаутберта». Толпа ворвалась в дом, где он находился; его племянника зарубили, дом и имущество полностью разграбили, епископа и его сотоварищей связали «и с бесчестьем выгнали из своих пределов» (гл. 17). Гаутберт уехал в немецкие земли. А префект Херигарий «претерпел много поношений от неверующих».

Ансгарий, после миссии к свеям назначенный папским легатом в Северной Европе, нашел наконец человека, отшельника и своего крестника Ардгария, согласившегося поехать к свеям с проповедью христианства. Когда же тот, устав от напряженной обстановки, в которой там находился, вернулся «к уединенной жизни, которую вел раньше», Ансгарию пришлось искать нового епископа-миссионера. Гаутберт-Симон прямо сказал, что «не дерзнет опять возвратиться в то место». Ансгарий понял, что ехать придется ему самому, поскольку он не встретил в свое время столь откровенной вражды, как Гаутберт. Он обратился за содействием к правившему в то время королю датчан Хоригу, поскольку он раньше там успешно проповедовал[205]. Король пообещал помочь Ансгарию «посетить пределы шведского королевства» и одновременно направил посланца к тогдашнему малому королю свеев Олаву. Всячески восхваляя Ансгария, король Эрик в своем послании Олаву сообщал, что позволил миссионеру в своем «королевстве делать все, что он хотел на пользу вере христианской», и просил Олава последовать этому примеру[206].

Но «кознями дьявола» было подстроено так, что «некто», явившись в Бирку сразу после приезда туда Ансгария, от имени старых богов выразил их неудовольствие

[202] До Эрика Победоносного имена и последовательность правления королей в Швеции не вполне достоверны.

[203] Скорее всего, имеется в виду дружина или ее верхушка, связанная с королем клятвой верности.

[204] Здесь Римберт применил термин cancellarius. Вряд ли, однако, у Бьёрна были канцлер, канцелярия и архив, которыми бы тот заведовал. Видимо, речь идет о приближенном советнике.

[205] Скорее всего, речь идет также о «малом» короле.

[206] Это послание приведено в сочинении Римберта.

и раздражение в связи с тем, что свеоны стали приносить им мало жертв, реже дают «добровольные обеты» и, особенно, тем, что стали почитать некоего чужого бога. Одновременно этот «некто» сообщил людям приятную весть, что их (старые) боги приняли «в свой сонм» одного из покойных местных королей — Эрика. Польщенные свеи начали после этого приносить жертвы и Эрику. Ансгарий пригласил к себе короля Олава и, задобрив его ценными подарками, вручил ему «грамоты своей миссии». Король не возражал против деятельности миссионеров, но предупредил, что «не может и не осмелится утвердить эту миссию», прежде чем *публично*, в *народном собрании*, посредством жребия не будет спрошено мнение старых богов и не будет получено *согласие народа*, в результате «бунта» которого, как предусмотрительно напомнил король, и был изгнан предыдущий епископ (гл. 19–20).

Чтобы помочь Ансгарию, король применил верную тактику. Он прежде всего собрал «своих знатнейших» (principes), среди которых у Ансгария были друзья. «Бросили жребий» и получили благоприятный для епископа-миссионера ответ[207]. Когда же состоялось народное собрание и по сигналу глашатая король сообщил о его цели, народ стал протестовать, волноваться и шуметь. Но один оратор, «человек пожилых лет» (т.е. умудренный и, скорее всего, обращенный), сумел примирить всех. Он сказал, что Бирка страдает от нападений пиратов и других бед. И если «мы не можем умилостивить наших богов, хорошо заручиться поддержкой этого [нового] бога», который всегда отзывается «на просьбы о помощи». Народное собрание другой части территории свеев тоже прислушалось к голосу разума и решило, что когда помогают разные боги — это совсем неплохо. Тогда король повелел, «чтобы в Свеонии (т.е. в свейских областях, Свеаланде. — *А.С.*) строились церкви, жили священнослужители, и всякий желающий из народа без противодействия мог быть христианином» (гл. 27 и 28). Устроив с помощью короля церковные дела в Бирке и оставив там священнослужителей, Ансгарий отбыл домой.

Свеи же, во главе с королем Олавом, напали на переставших подчиняться им восточнобалтийских язычников — куров (балтское племя куршей), ограбили и снова подчинили их себе, что было приписано помощи христианского Бога. А в Бирке и среди свеонов с тех пор стали свободно отправлять святые таинства, гласит «Житие» (гл. 30). Однако дело обстояло совсем не так просто.

По сути, каждый новый миссионер, которому еще до Ансгария, а затем после него удавалось приехать во второй раз, обнаруживал, как и его предшественники, что священники разогнаны или убиты. В отличие от фризского богатого города Дорестадта, с которым у Бирки были тесные торговые связи, «где было много церквей, священников и клириков»[208] и где приезжавшие туда из шведского города Бирки купцы «добровольно принимали закон [новой] веры, считая это для себя

[207] Адам Бременский по этому поводу говорит не только о жребии (iactu sortis), но и о «согласии идолов (ydoli)» (*Адам.* I:28).

[208] *Римберт.* С. 44.

полезным», единичные церкви, воздвигаемые в самой Бирке, неоднократно разрушались толпой. И это происходило, несмотря на поддержку ряда (но не всех!) местных конунгов, приближенной к ним знати и торговцев. Особенно радовались возведению церквей, согласно Римберту, пленники-рабы, которых священники, в соответствии с христианскими установлениями, активно выкупали. Как свидетельствует и сам Римберт, после Ансгария в Бирке богослужение отправляли последовательно лишь единичные клирики, да и то с перерывами и не подолгу.

Таким образом, хотя Ансгарий и почитается как «апостол Севера»[209], где он действительно много потрудился, прежде всего в Свеаланде, и претерпел много лишений, но в конечном счете его миссии не имели видимых последствий.

В обширной книге каноника Адама Бременского, посетившего Данию через 200 лет после миссий Ансгария, в 70-х гг. XI столетия, содержатся интереснейшие и подробные сведения не только о язычестве, но и о христианизации северных народов, особенно Швеции, которые автор почерпнул из рассказов очевидцев и, судя по некоторым предположениям, из местных преданий. В начале книги он пересказывает сочинение Римберта о миссиях Ансгария. Сам Адам обнаружил нарушения христианских канонов, в частности бытовую распущенность, практическое многоженство, пьянство и вообще «плотские грехи» не только в кругу элиты, в том числе при дворе расхваливаемого им датского короля-христианина Свейна II Эстридсена, но также среди простолюдинов. Однако миссионер был вынужден мириться с этим, как и с другими сохранившимися чертами язычества, видимо, опасаясь отпадения Севера от католического Рима. Что касается короля Свейна, то он имел от разных жен множество детей, но престол после его кончины последовательно занимали пятеро из его незаконных сыновей. При всем любвеобилии и распущенности Свейн пришелся по душе Адаму как своим гостеприимством, так и организацией двух монастырей (в Рингстеде и в Слагельсе). С именем Свейна связано имя епископа Виллельма, который тогда проповедовал в стране христианство. Роскилльская хроника доносит до нас его яркий портрет: «Он был мужем сильным, храбрым и буйным. Одной мощью своего тела он уже покорял знатных людей, но также и величием души. В гневе он не жалел никого»[210].

Адам услышал в Дании много рассказов о прошедших временах в Скандинавии, в частности свейских землях. Так, он пишет, что после кончины Ансгария в течение 70 лет «никто из учителей не решался туда [к свеям] ездить: нашим проповедникам мешало преследование христианства» (1:62). Наконец в Бирку прибыл архиепископ Гамбург-Бременский Унни (936–988), который стал «проповедовать в непривычных условиях», поскольку после Олава там сменилось «много жестоких королей»-язычников, так что жители Свеонии «совершенно позабыли христианскую веру,

[209] В Копенгагене есть своего рода памятник миссионеру — церковь Св. Ансгария.

[210] РХ. С. 331.

и их было трудно обратить». Теперь Унни их обращал «вторично» — до самой своей кончины (1:63–64).

Первым из конунгов в Швеции, о которых имеются по-настоящему достоверные сведения, был Эрик Победоносный (Сегерселль, ок. 985), убежденный язычник, как и его жена Сигрид Гордая (Сторрада). Его сын и преемник на троне конунг Олав Шётконунг (ок. 995 — ок. 1022) объединил свеев и восточных гётов в единое государство. Адам сообщает, что в начале XI в. король Олав, опираясь на миссионеров, пожелал «обратить в христианство подвластные ему народы» и разрушить капище в Упсале. Но язычники на народном собрании постановили, что «если король хочет быть христианином, то пусть он возьмет по своему выбору лучшую область Сведии (в данном случае Свеонии. — *А.С.*), заложит там церковь и введет христианство, но не станет силой заставлять никого из народа отказываться от почитания языческих богов». Сам король, как упоминалось выше, еще раньше (примерно ок. 1008) принял крещение от епископа Сигфрида в источнике своей усадьбы Хусабю в Вестергётланде, вместе с семьей и дружиной (11:56). С благословения архиепископа Унвана он основал церковь и епископскую кафедру в «большом городе» и центре западных гётов Скаре (Scarana), неподалеку от которого располагалась та самая его усадьба. При этом стоит вспомнить, что Скара была центром языческого культа у гётов. У свеев же, особенно в Упланде, где были их основные капища и сохранились стойкие языческие традиции, дело с насаждением христианства пошло очень медленно. И короля вынудили снова вернуться в гётские области, где христианизация проходила быстрее и побеждала.

После смерти Олава на престол взошел его законный (как подчеркивает Адам) наследник Анунд от второй жены короля — славянки, при крещении получивший имя Якоб. Он был «христианнейший король», «мудр и благочестив, очень любезен народу Свеонии». И при Анунде-Якобе «христианство широко распространилось в Свеонии». Об этом сообщил Адаму принимавший его в Дании конунг Свейн II Эстридсен, который воспитывался в Швеции именно при Анунде-Якобе[211].

Примерно тогда же, как «рассказывают», в Швецию приехал из Англии проповедник Вольфред; Адам пишет, что вообще «раньше проповедовали в Сведии епископы данов и англов» (сх. 135). Вольфред преуспел в обращении многих язычников. Но когда однажды при большом скоплении народа возле какого-то капища он «стал предавать анафеме идола тамошнего племени по имени Тор» и разбил секирой его статую на куски, «на него тут же обрушилась тысяча ударов... его растерзанное в результате долгих издевательств тело варвары бросили в болото» (11:60). Очевидно, что введение христианства Олавом I и усилия в этом направлении его преемника Анунда-Якоба дали столь же непрочные результаты, как и объединение Швеции в единое государство в начале XI в. Последующие события добавляют аргументы в пользу такого вывода.

[211] *Адам.* II:XXVII, LVI и сл.; III:XV, XXVIII и сл.

Дело в том, что, когда Анунд-Якоб погиб в походе (1050), трон занял его единокровный брат, сын Олава Шётконунга от наложницы-вендки Эмунд (Старый, а также Плохой, Нечестивый, между 1050 и 1060 гг.). Он «был крещен, но о вере мало радел», и в стране стало активно возрождаться язычество. Здесь впервые упоминается Адальвард («Старший»), тоже из Гамбург-Бременского архиепископства, который был епископом той самой Сигуны, где располагалось значительное языческое капище. Преемником Эмунда на троне страны был его зять из Западного Гёталанда Стенкиль, также исповедовавший христианство, но он не дал сжечь языческий храм в Упсале. После его смерти (1066) язычники подняли мятеж, тем более ожесточенный, что жителям пришлось претерпеть голод. Адальварда с братией свеоны изгнали, карой за что, как полагает Адам, и послужили бедствия: жестокая засуха и неурожай. Сыновья Стенкиля в период междоусобиц 60-х гг. XI в., важной составной частью которых была борьба между старой и новой верами, сумели подчинить себе Свеаланд, подавить там мятежи знати и объявить христианство официальной религией всей Швеции. Свеоны упросили Адальварда вернуться; именно он, как пишет Адам, крестил жителей шведской области Вермланд и совершил много чудес (III:XV). С 1080 г. у свеонов уже отмечается наличие церковной иерархии.

Однако, судя по описанию того же Адама, именно в XI столетии достигло полного процветания знаменитое капище в Упсале; разрушено оно было, скорее всего, только в конце XI — начале XII в., и тогда на его месте была возведена церковь, позднее готический кафедральный собор. Но интересно, что в том же XI столетии в Свеаланде было воздвигнуто много рунических камней с языческой или смешанной символикой.

Таких же ярких описаний периода миссионерства, касающихся других Скандинавских стран, не имеется, но многое сохранено и восстановлено историками. Очевидно, что крещение короля и правящей верхушки и даже провозглашение христианства официальной религией в каждой стране сопровождалось гонениями на язычников, но отнюдь не означали принятие новой веры массой народа. Так было не только в Швеции.

Дания была крещена быстрее и раньше своих скандинавских соседей, но и там действовать миссионерам было далеко не просто. В крещении Дании уже сравнительно рано и достаточно сильно были заинтересованы европейские государи, поскольку даны, прежде всего ютландцы, изначально граничили с Франкским государством, а в эпоху викингов были самыми опасными находниками. Еще в начале VIII в. в Данию прибыл английский монах-миссионер Виллиборд, в начале IX в. Людовик Благочестивый направил к данам реймсского архиепископа Эбо в качестве папского легата, который через несколько лет крестил ютландского короля Харальда Клака (см. выше) и отправил с ним миссионера, уже известного нам Ансгария. Тоже известный в тогдашней Скандинавии епископ Унни еще до своего путешествия в Бирку в 40-х гг. X в. действовал в Дании, где он, по словам Адама, «назначал

священников и укреплял христианство». Первая церковь в Южной Ютландии была построена, как будто, в начале IX в., но, когда даны через полтора десятка лет вздумали ограбить Бирку, они «бросали жребий» по поводу задуманного похода, так что и Унни в Дании пришлось начинать все почти заново.

Его преемник Адальдаг в 948 г. возвел в сан епископа глав церквей в городах Рибе, Орхусе и Хедебю-Шлезвиге; известно, что в составе христианских общин этих центров влиятельной силой, как и в Бирке, были купцы. В середине X в. (ок. 960/965 г.) в Дании официально ввел христианство объединитель страны Харальд Синезубый (Блотанд, см. часть 6), сын Горма Старого, умершего язычником. Харальд сын Горма снес капище в Йеллинге, где, видимо, был центр его власти, возвел там церковь и поставил рунический камень в память отца. Надпись на этом камне гласит, что Харальд стал правителем Дании, ввел в стране христианство; и там же впервые в Скандинавии изображено распятие.

В начале 70-х гг., когда Адам был гостеприимно встречен покровителем христиан датским королем Свейном II Эстридсеном, тот рассказал ему многое из того, что было до приезда миссионера и о чем последний пишет в своей книге: об обычаях северных племен, борьбе за власть в Северной Европе, о связях скандинавских правителей с Англией, Русью и другими странами и, конечно, о деятельности христианских миссий (11:4–65). До Адама Бременского и в Дании, и в Норвегии, и в Швеции «границы епископств были неопределенными. Каждого из епископов принимал один какой-нибудь король и народ, и они вместе учреждали церковь и обращали в христианство, сколько могут, жителей окрестных областей, управляя последними — покуда живы — без недоброжелательства [народа]» (IV:33). Епископская чехарда продолжалась довольно долго, а в числе датских епископов, как и по всей Скандинавии, было немало случайных людей, бродячих клириков и обманщиков, каждый из которых проповедовал христианство на свой лад.

Но в конце концов Адам с удовлетворением отметил, что дикое и воинственное «племя» норвежцев, данов, шведов, которое «раньше не умело ничего, кроме как, — по выражению папы римского Григория Великого [590–604], — скрежетать зубами, “вар-вар”, теперь научилось воспевать “аллилуйя” во славу Божию» (кн. IV, гл. 42). Однако лишь через 20 лет, в 988 г. была возведена церковь в одном из датских политических и культовых центров города Оденсе.

Но и к концу X в. датская родовая знать и, видимо, бонды, которые следовали ее примеру, в массе своей еще не приняли христианство. Например, сын Харальда Синезубого Свейн Вилобородый (Твескэд, «Двубородый»[212], король 998–1014), который, будучи принцем, восстал против отца, опирался именно на верную язычеству родовую знать. Став королем, он крестился, хотя ревностным христианином так и не стал.

[212] Скорее всего, король носил раздвоенную бороду.

Так же трудно работалось миссионерам и в Норвегии, и в Исландии.

Труды и итоги миссий были впечатляющими, но далеко не решающими вехами христианизации на Севере. Если отвлечься от пространных пересказов чудес, которые якобы совершали в Скандинавии священники, равно как и от фантастических домыслов о некоторых тамошних племенах, то окажется, что и Римберт, и Адам в своих интереснейших произведениях достаточно точно расставили акценты при описании и оценке состояния веры и процесса *миссионерской христианизации* Северной Европы. При этом им удалось подметить много типического.

Так, из описаний Римберта и Адама, разделенных двумя столетиями, становится очевидным, что отдельные миссии, начиная с Ансгария и далее, в течение всего X в., а тем более отдельные, меняющиеся миссионеры не имели сколько-нибудь прочного успеха и вообще не уцелели бы в среде язычников, если бы не опирались на местных властителей. Короли, преимущественно «главные», и их дружинное окружение со времени активного государственного развития в Северной Европе, т.е. начиная со второй половины X и, особенно, с XI в., в большинстве случаев не только сами выступали ревнителями христианства и инициаторами сооружения церквей, но активно внедряли новую веру и ее учреждения.

Правители, а они, как правило, были викингами, принимали христианство от миссионеров, но нередко и там, где воспитывались или стремились обосноваться, либо имели политические интересы и где христианство уже в той или иной мере утвердилось, — в Англии, Франции, германских землях, Византии и на Руси[213]. Обычно вместе с королем (а если он был женат, то и с его семьей) крестилась дружина — основа ранней служилой знати. Кроме них крестились лишь некоторые представители родовой знати и крупные бонды, купцы и викинги. Последние (в этом перечне их не всегда можно разделить), как уже говорилось, часто принимали новую веру в своих путешествиях.

Что касается рабов, то миссионеры, начиная с Ансгария, и епископы старались освобождать рабов не только из христианского милосердия, но и стремясь таким образом увеличить число свободных сторонников новой веры. Об одном из епископов Адам пишет, что, уезжая из Швеции, тот выкупил 300 рабов на деньги, которые ему пожаловал король (сх. 135).

Но в массе народ держался за старых богов и в смене верований видел покушение на свою свободу. Поэтому миссионеры, священники и их сторонники для убеждения язычников применяли особую тактику. Поначалу они как бы не требовали отказа от старых богов, а только предлагали «не отказываться от собственной выгоды», но согласиться получать дополнительную защиту с помощью «также» и нового

[213] В Англии, например, воспитывался король Хакон Добрый (ум. ок. 960), почему его называли Воспитанник Адальстейна (Этельстана), в Дании — норвежский конунг Харальд Серая Шкура (см.: Сага о Хаконе Добром // КЗ. С. 67, 72), на Руси (в «Гардах») — Олав Трюггвасон. Зримые следы православной (греческой) веры на Готланде оставлены там, как считают, благодаря связям с Русью, в частности торговым. См., например: Jansson I, 2005.

бога. Практичные скандинавы понимали это буквально, и из текстов миссионеров видно, что после крещения масса людей впадала в двоебожие. Не случайно Адам Бременский писал, что свеонов можно склонить к христианской вере «нехитрыми речами, если только *дурные учителя* (курсив мой. — *А.С.*), ищущие своего [барыша], не своротят с дороги тех, кто может спастись» (IV:20). Еще он возмущается «алчностью священников» (IV:30), которая не могла не отвращать прихожан.

Христианизация в сагах: миссионеры и короли

Теперь к сочинениям миссионеров присоединим саги.

Саги, как и другие старинные фольклорные произведения скандинавов, родились и длительное время бытовали в языческой среде. Но записывали и обрабатывали их христиане. Сохраняя ткань этих самобытных повествований, они не могли остаться равнодушными к царившему в них варварскому началу и считали своим долгом оценить его, найти ему объяснение и даже извинение. Как указывалось выше (см. часть 1), саги, рассказывающие преимущественно о языческих временах, записывались, а более поздние и создавались христианами в XIII–XIV столетиях, при этом нередко монахами. Так что христианские реплики-вставки, объясняющие состояние веры в «эпоху саг», весьма характерны для саг. Например: «Страна была тогда языческой и жертвоприношения в обычае» (при конунге Хаконе Добром, середина X в.). Или: «Хакон ярл был очень щедр. Но этому могущественному правителю очень не повезло в день его смерти. И причиной этого было в основном то, что настали времена, когда стали осуждать язычество и язычников, и святая вера и правильные нравы заступили их место». Или: «Древняя вера была еще не изжита, хотя все люди были уже крещены и считались христианами». Встречаются и такие пояснения: «Христианство в этой стране было еще молодым, поэтому...» Или: отпевать покойников не стали, поскольку «в те времена вблизи Заводи не было никаких церквей»[214].

Искажение первоначального текста за счет ламентаций, осуждений и назиданий христианского толка теми, кто сагу записывал, имело место и в других произведениях, в том числе более ранних, созданных в языческий период или автором-язычником. Это обстоятельство иллюстрирует и поэма о Беовульфе. Отчетливо языческая по сюжету, персонажам (включая дракона) и деталям, эта поэма под пером англосаксонского писца-христианина обрела вставки. Эти вставки полны осуждения язычества («молились идолам... не чтили Всевышнего») и порожденных им чудищ («порождения Каина» и «нечисть из бездны», т. е. ада, в том числе Грендель, «враг нечестивый»). И там же находим прославление Господа: «Бог — заступник,

[214] КЗ. С. 132; ИС II:2. С. 103 и др.

он ткач удачи», он «правит участью рода людского», он всесилен и «от щедрот своих наделяет людей властью и мудростью». Или назидание: «...род человеческий ходит под Господом, поэтому лучшее в людях — мудрость, души прозорливость, ибо немало и зла, и радостей здесь уготовано любому смертному в дни его жизни»[215].

Но если в поэме о Беовульфе реплики-вставки очевидны, то в сагах они так искусно вплетены в ткань повествования, что их не всегда можно обнаружить.

Как мне представляется, скандинавская церковь не запрещала писать о старых временах, столь чтимых народом, но строго преследовала *соблюдение* языческих обычаев. И, описывая их, творцы письменного текста саг старались за счет всяческих оговорок дистанцироваться от этих обычаев, хотя признавали их живучесть после принятия христианства и, судя по всему, сохраняли известную объективность при описании «старой веры». Именно благодаря такому *историческому подходу* составителей текстов саг к прошлому мы и узнаем как о скандинавском язычестве, так и о процессе христианизации и церковного устроения в Скандинавских странах эпохи викингов, а также времени сразу после нее, конечно, в том виде, в каком все это запечатлелось в культурной традиции и исторической памяти северных народов.

Хотя о миссионерах в сагах тоже идет речь, но основное внимание при рассказах о крещении там уже отводится *деятельности королей.* И из них видно, что X и, особенно, XI столетия были временем жестокого внедрения королями новой веры и, одновременно, противоречивого, а зачастую крайне враждебного отношения к ней народа. Особенно подробно саги говорят о процессах христианизации в Норвегии и Исландии.

Как пишет Снорри, конунг Вестфольда Хакон Харальдсон Добрый, или «Воспитанник Адальстейна»[216] (о котором уже шла речь выше), был очень умным человеком. При нем в Норвегии царили мир и спокойствие, он уделял большое внимание законам; учредил, в частности, законы народных собраний «четвертей» страны, из которых сегодня известны два — Гулатинга и Фростатинга. Кроме того, «Хакон конунг был хорошим христианином, когда он приехал в Норвегию (из Англии, где был крещен. — *А.С.*). Но так как вся страна была тогда языческой, и жертвоприношения — в обычае», король нуждался в поддержке влиятельных людей и бондов, так что «он решил скрывать свое христианство. Однако он соблюдал воскресенья и постился по пятницам». Он приурочил йоль к христианскому Рождеству. По его повелению каждый должен был тогда варить определенное количество пива («под страхом денежного взыскания») и «праздновать, пока хватит пива», которое было основным напитком при возлияниях богам у язычников-скандинавов. Надеясь впредь подчинить себе всю страну и уже тогда утвердить в ней новую веру, Хакон пока «склонял к христианству тех, кто был ему всего ближе», и из «дружбы к нему» некоторые

[215] Беовульф. Ст. 175, 560, 690, 810–820, 1050–1060, 1721 и др.

[216] Этот король, как уже упоминалось, был воспитан при дворе уэссекского короля Этельстана.

знатные люди, хотя не все, принимали новую веру. Заручившись определенной поддержкой, он «послал в Англию за епископом и другими учителями христианства, и когда они приехали... объявил, что хочет ввести христианство во всей стране». Опорой его в этой деятельности был Тронхейм, где он «освятил несколько церквей и поставил в них священников» («Сага о Хаконе Добром», гл. XXVIII). Но остальные области сопротивлялись и решили перенести этот «трудный вопрос» на Фростатинг.

На тинг собралось множество бондов. «Хакон конунг стал держать речь и начал с того, что он обращается с просьбой к бондам и [всем] свободным хозяевам, могущественным и немогущественным, и вообще ко всему народу, к молодым и старым, богатым и бедным, женам и мужьям, чтобы они все крестились и верили в одного бога, Христа, сына Марии, и отступились от всех жертвоприношений и языческих богов, соблюдали святость седьмого дня и в него не совершали никакой работы и каждый седьмой день постились». Ответом на эту речь был всеобщий ропот. Бонды утверждали, что все это затруднит их хозяйствование, а рабы и батраки говорили, что голодными они вообще не смогут работать; и все обвинили Хакона и его родню в том, что они «скупы на еду, хотя и щедры на золото» (?).

Выступивший с ответной речью хозяин Асбьёрн («из Медальхуса в Гаулардале») так возразил конунгу: «Теперь мы не знаем, что и думать: получили мы от тебя свою свободу или ты намереваешься превратить нас снова в рабов (?), делая нам странное предложение — оставить веру, которой придерживались до нас наши отцы и все наши предки еще в век сожжения и потом в век курганов... и нам эта вера была до сих пор впрок». Он сказал затем, что все они будут поддерживать конунга при условии, что он будет «соблюдать меру» и не требовать от них невыполнимого. В противном случае «мы, бонды, [возьмем себе] другого правителя, который позволит нам держаться *той веры, какой мы хотим*» (курсив мой. — *А.С.*). Конунгу пришлось отступить.

Вскоре король был вынужден даже притвориться, что участвует в жертвенном пире. Бонды, между тем, убили в Мере трех священников и сожгли три церкви. Так, то ссорясь с подданными, то (чаще) уступая им, побеждая викингов и пришельцев, Хакон правил два десятка лет, пока не был тяжело ранен в одной из битв. Умирая, он сказал тем, кто был с ним, что если останется жить, то уедет в христианские страны искупать свои прегрешения перед Богом. А если умрет «здесь, в языческой стране, то похороните меня, как вам нравится». Многие о нем очень скорбели[217]. Поэт короля Хакона Доброго Эйвинд Финнссон Погубитель Скальдов сочинил длинную песнь о его последней битве, смерти «и о том, как его встретили в Вальхалле», в палатах Одина[218]; очевидно, что Хакона хоронили по языческому обряду. Подтверждение тому — стихи того самого скальда Эйвинда (гл. XXXII):

[217] Сага о Хаконе Добром. Гл. X–XVIII // КЗ. С. 72–77.

[218] Там же. С. 86–87.

«Мир тебе здесь будет,
Забудутся битвы,
Испей с богами пива!
Тебя здесь встретят
Восемь братьев», —
Рек ему Браги.

«Оружия нашего, —
Рек богатырь, —
И тут не оставим.
Добро, коли латы
И меч и шелом
Есть у конунга под рукой».

Тут и стало ясно,
Сколь богатырь сей
Почитал святыни,
Когда ему все боги
Доброго здравия
В палатах пожелали.

В добрую пору
Сей князь родился,
Коли столько снискал
Милостей, и будет
Ему вовеки
Великая Слава.

Скорее выскочит
Фенрир Волк
Злобный из логова,
Нежели придет
Князь столь же славный
На пустой престол.

Гибнут родичи,
Добро идет прахом,
И страна пустынею стала.
Со язычески боги Хакон
Сгинул, и с той поры премного
Страждет народ[219].

Эти длинные цитаты великолепно передают настроения и поведение людей, которым предлагали креститься. Судя по сагам «Круга Земного», крестителям нередко приходилось сквозь пальцы смотреть на то, что бонды и после крещения совершают языческие обряды, отмечают старинные праздники и т.п. Правда, когда крестителями выступали местные правители, ярлы или малые короли, им подчас удавалось распространить новую веру более спокойно, опираясь на свои давние связи с местным населением. Так, в XI в. некто Аустрмадр, видимо, местный хёвдинг, «крестил весь Емтланд» (см. выше), тогда зависевший от Норвегии, и «построил мост» в качестве богоугодного дела.

Некий персонаж «Саги о Названых Братьях», уже христианин (XI в.), рассуждает следующим образом: «А поскольку все хорошие вещи сделаны Богом, то и бесстрашие сделано Богом и вкладывается в грудь храбрым мужам, а вместе с ним — свобода решать, чего они хотят — добра или зла, ибо Христос сделал христиан своими сыновьями, а не своими рабами, и он наделит этим каждого, кто того заслуживает»[220].

Очевидно, что сильных духом исландцев, да и всех скандинавов было очень трудно сломить. Но не все короли-миссионеры были столь покладисты, как Хакон.

[219] Эйвинд Погубитель Скальдов. Речи Хакона // Поэзия скальдов. С. 34–39.
[220] ИС II:1. С. 126.

Так, сыновья Гуннхильд приняли христианство в Англии. Придя к власти в Норвегии, они стремились всех обратить в христианство и где могли разрушали капища и мешали жертвоприношениям, чем вызывали всеобщую неприязнь[221].

В сагах описаны некоторые «воспитательные» приемы, которые применяли убежденные христиане для того, чтобы другие люди приняли новую веру. Так, принятию христианства в Исландии способствовали миссионеры из Англии, Саксонии и других стран. Они начали появляться на острове в последней четверти X в., результатом чего было возведение там в течение этого столетия нескольких церквей. Действовали они, как и по всей Скандинавии, убеждением, проповедуя и совершая «чудеса», подкупая подарками, обещаниями терпимости и благ, но в то же время разрушая идолов и капища, убивая и грабя язычников. Миссионерам нередко отвечали хулительными стихами-нидами, обвиняя в том числе в «женоподобии». По некоторым сведениям, языческие родичи христиан даже прибегали к суду, обвиняя последних в нанесении «позора семье» и добиваясь объявления их вне закона, что, конечно, имело не только религиозную подоплеку. Это была суровая *борьба двух культур,* в которой обе стороны прибегали к самым крайним мерам, даже к убийству.

Ближе к концу X в. напор миссионеров стал сильнее. Крещение проповедовал и совершал также христианин — герой «Пряди о Тидранди и Торхалле», вошедшей в состав «Саги об Олаве сыне Трюггви» (ее письменный текст датирован рубежом XIII–XIV вв.). Сюжет этого произведения предваряет прибытие в Исландию миссионера из Гамбург-Бременской епархии Тангбранда (995/996), который был послан туда норвежским конунгом Олавом Трюггвасоном: «Ибо много искр язычества было под ним, и ложные обычаи (собирательное обозначение язычества. — *А.С.*) были в ходу». Его сопровождали некоторые крещеные исландцы, в частности Гудлейв, один из троих сыновей Ари сына Мара. Считается, что именно он подготовил окончательное крещение страны, в течение двух лет разъезжая с проповедями и обратив в новую веру немало людей, особенно зажиточных — хёвдингов и принадлежавших к верхушке бондов. Легенды о том, как Тангбранд действовал в Исландии, содержатся в «Саге о Ньяле»[222]; некоторые из них заслуживают того, чтобы в этом очерке о них было рассказано.

Тангбранд и его люди были приглашены на пир неким Гестом сыном Оддлейва, мудрым человеком, который к тому же «мог предсказывать судьбу». Гест был христианином и высоко ценил Тангбранда, о чем свидетельствуют такие его слова, обращенные к миссионеру: «Твоя заслуга велика, если даже другим выпадет жребий сделать новую веру законом. Говорят ведь, что дерево не от первого удара падает». Во время застолья Тангбранд предложил многочисленным гостям принять новую веру, и, поскольку «все язычники отказались», он придумал, как испытать, какая вера лучше.

[221] Сага о Харальде Серая шкура. Гл. II // КЗ. С. 89.

[222] Ряд мест о Тангбранде и крещении Исландии в «Саге о Ньяле» находит параллели в «Саге о Названых Братьях».

Все присутствующие согласились. Разложили три костра. Язычники освятили один из них, Тангбранд — другой, а третий оставили неосвященным. Было решено посмотреть, какого костра испугается пришлый берсерк-разбойник, который не боялся, по рассказам людей, ни огня, ни меча. И вот вооруженный берсерк вбегает в дом. Он проходит сквозь огонь, освященный язычниками, но не может преодолеть огонь, освященный миссионером. Крича, «что весь горит», и замахнувшись мечом на людей, он попадает в поперечную балку. «Тангбранд ударяет его крестом по руке, и происходит великое чудо: меч упадает у берсерка из руки». В результате берсерка убили. Потрясенные домочадцы Геста «и еще много народу крестились» здесь и в других местах, куда направился миссионер, сопровождаемый слухами о чуде[223].

В «Саге о Ньяле» о Тангбранде говорится во многих местах: то он пошел в бой с распятием вместо щита и победил, то он крестит людей, обещая им архангела Михаила в качестве ангела-хранителя, и т.д. С покровительством архангела Михаила в саге связана вполне правдоподобная история. Однажды, когда Тангбранд служил торжественную обедню в сооруженной им «палатке», некто Халль спросил его:

«— В честь кого сегодня праздник?

— Ангела Михаила, — отвечает тот.

— Какой он, этот ангел? — спрашивает Халль.

— Очень хорош, — отвечает Тангбранд. — Он взвешивает все, что ты делаешь доброго, и так милостив, что засчитывает за большее то из твоих поступков, что ему больше нравится.

Халль говорит:

— Я бы хотел иметь его своим другом.

— Это возможно, — отвечает Тангбранд. — Обратись сегодня к нему и к богу.

— Но я бы хотел поставить условие (!), — говорит Халль, — чтобы ты пообещал мне от его имени, что он станет тогда моим ангелом-хранителем.

— Это я обещаю, — говорит Тангбранд.

Тогда Халль крестился со всеми своими домочадцами».

В мифологических сагах эта же история выглядит еще занимательнее. Там говорится, что, когда Олав Трюггвасон направил Тангбранда на корабле в Исландию вместе со спутниками-христианами для оказания миссионеру помощи, они по прибытии туда остановились у некоего Халля, который им помогал обустроиться. Осенним вечером накануне мессы св. Михаила (29 сентября) Халль начал расспрашивать Тангбранда об архангеле Михаиле. Тангбранд ответил, что Михаил — не человек, но хёвдинг над ангелами, которых Бог направил, чтобы бороться против дьявола и его злых посланцев и защищать честной народ. И что Михаил имеет от Бога особую власть над крещеными людьми, полон любви к ним и т.д. И что на том свете крещеные люди не ведают болезней, бедности и смерти, а вечная жизнь исполнена красоты

[223] ИС I. С. 621–622.

и радости. На Халля это объяснение произвело сильное впечатление, и когда он со своими домашними ложился спать, то решил пойти наутро к мессе. Свечи, колокольный звон, церковные одежды служителей и свет утреннего солнца еще больше расположили Халля к христианству. Тангбранд рассказывал ему о Троице, народ внимательно слушал, надеясь укрепить свое здоровье и продлить жизнь с помощью этих новых богов. Короче, Халль крестился вместе со всеми своими людьми. И когда Тангбранд летом направился на решающий альтинг[224], его сопровождали и дружественное семейство Халля, и другие обращенные люди[225].

В сагах есть примеры того, как уже после принятия христианства похожим образом людей уговаривали строить церкви. Так, известный и влиятельный в Исландии Снорри Годи (963–1031), который очень радел о принятии христианства на альтинге (см. ниже), распорядился возвести церковь, а его зять Стюр — другую. «Люди усиленно строили церкви, ибо наставники обещали каждому, что он проведет в царство небесное столько людей, сколько может вместить построенная им церковь». Но службы там не велись, поскольку «священников в Исландии того времени почти не было»[226].

Однако тому же хитроумному Тангбранду было нелегко бороться с языческими колдунами. Одному такому человеку по имени Хедин Колдун язычники заплатили, чтобы он погубил миссионера и его спутников. Тот совершил большое жертвоприношение, после чего, проследив путь Тангбранда, неожиданно разверз землю перед его конем[227]. Тангбранд еле успел взобраться на другой край трещины, а коня с ношей поглотила земля. Миссионер возблагодарил Господа, а один из его последователей в конце концов настиг и убил колдуна[228]. Эта легенда (или позднейшая вставка), несомненно, должна была убедить людей в превосходстве новой веры, «правильного бога», что и спустя столетия после формального крещения народа все еще было актуально.

В целом метод Тангбранда и других умных, подготовленных миссионеров заключался в том, чтобы, во-первых, убедить людей поддержать новую веру, ибо она будет усиливать их защиту от злых сил и вообще неприятностей, чем, как очевидно, выгодно отличается от старой; во-вторых, призвать их к единству в отношении веры и законов; в-третьих, опираться на влиятельных представителей данного общества.

В этой связи интересно описание обстоятельств *официального* принятия христианства в Исландии на общеисландском тинге-альтинге в 999 или 1000 г., о чем повествуется в «Саге о Ньяле» (гл. C–CV). Согласно преданию, на Поле Тинга явились и христиане, и язычники, раскинули свои палатки и, собравшись у Скалы

[224] Сага об Ингваре Путешественнике. С. 415–416 и др.

[225] IMS. P. 123–126.

[226] ИС II:2. С. 100.

[227] В вулканической Исландии, которая расположена на разломе плит коры Земли, такого рода происшествия случались нередко.

[228] ИС I. С. 618.

Закона, затеяли шумный спор; в результате «все нашли, что дело принимает очень плохой оборот». Получилось так, что быть законоговорителем поручили авторитетному человеку, который был годи, т.е. местным главой капища и судьей, — Торгейру, «язычнику» (ум. 1001). Торгейр «пролежал весь день, накрыв голову плащом, так что никто не мог заговорить с ним». Все это время Торгейр думал. Приняв решение, он подошел к Скале Законов и объявил, что все исландцы «должны быть христианами и верить в единого бога — отца, сына и святого духа... оставить всякое идолопоклонство, не бросать детей и не есть конины», и все это — под страхом трехгодичного изгнания. «Потом он сказал о соблюдении воскресений и постов, рождества и пасхи и всех других великих праздников. Язычникам казалось, что их сильно обманули (!), но новая вера была введена *законом,* и все люди в Исландии [были поэтому] обращены в христианство. И народ разъехался с тинга по домам»[229].

С каким настроением люди приехали домой и как они соблюдали принятый закон — об этом несколько ниже. Здесь же интересно не только как бы самостоятельное решение Торгейра стать христианином и ввести новую веру в стране, но и его неплохая осведомленность о христианском вероучении, например, о троичности божества и христианских праздниках.

В сагах эпохи викингов обычно говорится об «Иисусе, сыне Марии», и просто «христианском боге». В шведских областных законах Троица упоминается только в Старшей редакции Вестгёталага (кодекса западных гётов, 20-е гг. XIII в.) и только единожды — в связи с крещением младенца: «во имя Отца и Сына и Святого Духа». Что касается исландской «Саги о Ньяле», в которой описаны восемь поколений рода, в IX–XI вв. жившего на южном побережье Исландии, вблизи Поля Тинга, то эта сага в ее сохранившемся виде записана в конце XIII в., т.е. позднее других родовых саг и позднее Старшей редакции Вестгёталага. Поэтому в ней много элементов, принадлежащих к завершающемуся XIII столетию[230]. Скорее всего, образованный человек, вероятно клирик, составивший этот текст, придумал речь Торгейра или, по крайней мере, сделал в нее содержательные вставки. Вместе с тем очевидно, что Торгейр на тинге имел поддержку: ведь среди присутствующих уже были христиане. В их число входила часть переселенцев в Исландию (та же сага, гл. CI)[231], которые уже приняли крещение на родине[232].

В других случаях люди решали вопрос о переходе в христианство путем жребия, которому, естественно, сопутствовало жертвоприношение старым богам[233].

---

[229] ИС I. С. 19 и сл. Курсив мой. — *А.С.*

[230] См. справедливое примечание в кн.: ИС. С. 771.

[231] Ср. данные «Книги об исландцах» Ари Торгильссона Мудрого. — Ari Thorgilsson. The book of the Iselanders (Íslendingabók) / Ed. and transl. with introduct., essay and notes by Halldor Hermannsson. N.Y.; L., 1930.

[232] По некоторым сведениям, в Исландию переезжали также люди из Ирландии, окрещенной, как известно, гораздо раньше.

[233] *Адам.* С. 68.

В Исландии трудились два епископа: Ислейв и Гицур. Но позднее там, как и в соседних странах Севера, происходила епископская чехарда, несмотря на официальное общескандинавское подчинение архиепископству в Лунде. Епископат по-настоящему упрочился лишь после 1154 г., когда исландская церковь перешла в подчинение вновь основанному норвежскому архиепископству в Нидаросе. Впрочем, местная аристократия восприняла это как очередной шаг на пути подчинения Исландии Норвегией, в чем и не ошиблась.

Иначе вели себя *крестители-короли.* Снорри Стурлусон в ряде королевских саг своего «Круга Земного» особенно выразительно описывает главным образом *насильственные методы,* которые применяли в разной мере фанатичные и жестокие конунги для христианизации населения Норвегии, т.е. в первую очередь бондов и местной родовой знати.

Сведения Снорри подтверждают творения скальдов, в частности висы Арнора Скальда Ярлов и Тормода Скальда Чернобровой[234].

Так, будущий креститель Норвегии, король Олав сын Трюггви (род. 968/969, король 995–999/1000), прямой потомок основателя династии Харальда Прекрасноволосого, крестившийся вместе со своими спутниками в 993 г. (на Руси, в Англии или Дании)[235], «подготавливал» народ к новой вере путем грубого насилия. Еще принцем, из-за политических сложностей на родине, Олав после смерти отца был переправлен в Швецию, а оттуда на Русь, где провел детство. Подросши, он много плавал с викингами, побывал на Британских островах, вернулся в Норвегию в конце 80-х гг., снова много воевал за рубежами страны, а затем и в Норвегии, отвоевывая верховную власть[236]. Став королем, он правил недолго, а в отношении христианизации подданных не все его попытки завершались успехом. Многие знатные исландцы, прибывшие в Норвегию со своими кораблями, отказывались креститься[237]. Именно тогда и именно Олав сын Трюггви послал в Исландию миссионера Тангбранда, «своего священника», прибывшего из «страны саксов»[238], который, по мнению Адама, преуспел среди исландцев и о котором подробно говорилось выше.

В «Саге об Олаве сыне Трюггви» (гл. LXIV) Снорри описывает беседу Олава с богом Одином, который «не сумел перехитрить» короля, т.е. Христос на данный момент уже более авторитетен, нежели Один. Но, судя по той же посвященной конунгу Олаву саге Снорри, попытки этого короля ввести новую веру неоднократно встречали ожесточенное сопротивление со стороны бондов. Они вооружились и настолько

[234] Сага об Олаве Святом (КЗ). Гл. CXXI, CCV.

[235] Сага об Олаве, сыне Трюггви. Гл. XXXI. КЗ. С. 116.

[236] О юности короля см. подробно в кн.: Джаксон, 200.

[237] ИС I. С. 344, 347.

[238] См.: Там же. С. 351 (Сага о людях из Лососьей Долины. Гл. XLI).

преисполнились решимости сражаться, защищая свои капища[239], что Олав со своей «большой ратью» не один раз был вынужден отступать. Иногда он шел на соглашение с бондами: они выставляли свои требования и заявляли, что, если король их выполнит, они примут христианство, но если он захочет принудить их к этому «пытками или насилием», то они будут сопротивляться «изо всех сил». Но в той же главе описывается, как король сбрасывал статуи языческих богов с их пьедесталов или с возвышений, на которых они стояли, уничтожал капища и требовал: либо бонды примут новую веру, либо он со своими сторонниками будет жестоко биться с ними. Король брал заложников, «чтобы заставить их (бондов. — *А.С.*) держаться христианства. Так был крещен весь народ в Трёндалёге».

Однажды конунг пригласил на роскошный пир всех известных ведунов и колдунов округи, напоил их и сжег в пиршественном доме. В другой раз он собрал вождей и других могущественных людей в Хладире, на реке Нид, неподалеку от которой, в Мере, было большое капище, и там готовились к очередному жертвоприношению. Король заявил присутствующим, что примет в нем участие и даже принесет человеческие жертвы «за урожайный год и мир». Но выберет для этого не рабов и злодеев, которых, судя по этим словам, обычно приносили в жертву язычники, а знатнейших людей. Он назвал поименно 12 человек и тут же повелел схватить их. Бонды пообещали держаться новой веры, но конунг не отпустил задержанных людей до тех пор, пока не забрал у них «сыновей или братьев или других близких родичей в качестве заложников»[240]. Бонды так и не смогли справиться с этим королем, пока он не погиб в битве[241].

Но какие-то люди крестились, притом вполне добровольно, например Лейв, сын Эйрика Рыжего, первого гренландца[242] (это имя, как известно, связано с самой ранней высадкой европейцев на побережье Северной Америки, в месте, названном ими «Винланд»).

Уже после официального введения крещения, путем жестокого насилия язычество норвежцев подавлял другой креститель, конунг Олав Харальдссон, также прямой потомок Харальда Прекрасноволосого (995–1030; король 1014–1028), позднее прославленный как святой в Норвегии и в Швеции. Его деятельность в этом направлении подробно описана Снорри в «Саге об Олаве Святом». Многие бонды снова выступили против крещения (гл. CXII, CXXI и др.). Но король, передвигаясь с сильной дружиной от поселения к поселению, устраивал собрания полноправных местных жителей и требовал, чтобы здешние бонды уничтожили *свои капища* и крестились, угрожая, что в противном случае он заберет их имущество,

[239] КЗ. С. 135.

[240] Сага об Олаве сыне Трюггви. Гл. LV–LXXIII и др. // КЗ. С. 142 и сл.

[241] Олав Трюггвасон погиб в битве у Свольдера в проливе Эресунн, побежденный силами шведского короля Улофа Шётконунга и датского — Свейна Твескэгга.

[242] Там же. Гл. LXXXI.

перережет скот и лошадей, а дворы предаст огню. При несогласии бондов он приводил свои угрозы в исполнение, отнимая скот и другое имущество, подчас убивая и самих непокорных жителей, а также применяя пытки. Зная о последствиях отказа, многие бонды соглашались креститься и позволяли конунгу построить и освятить в их поселении церковь. Но наученный опытом Олав, не без оснований опасаясь рецидивов язычества в данном поселении после своего отъезда, на всякий случай казнил наиболее влиятельных местных жителей и брал в заложники сыновей бондов.

В саге рассказывается, как однажды осенью конунгу донесли, что «во внутреннем Трандхейме» бонды устраивают пиры, режут скот и лошадей, окропляют алтари кровью и совершают жертвоприношения ради будущего урожайного года. Олав отправился туда, допросил бондов, в том числе «могущественных», и выяснилось, что все они «язычники по вере, хотя и крещены». Тогда он собрал тинг «и все вынуждены были подчиниться». Еще он построил и освятил там церковь, добро бондов забрал, при этом многих убил или искалечил[243]. Перед битвами Олав всегда служил молебны, в своей усадьбе в городе Нидаросе построил церковь[244].

Арнор Скальд Ярлов оставил свидетельство жестокости короля Олава Харальдсона:

Жечь в роду владычном
Повелось упплендцев,
Коль себе на гибель
Разгневали князя.

Вражий *долго грела*
Смута — люд карая,
Ослушников вешал
В правом гневе славный[245].

«Ему все меньше доверял народ» (гл. CXXIV). В то же время конунгу грозил Кнут Великий, стремившийся присоединить Норвегию к своей Датско-Британской империи, причем он уже нанес серьезное поражение Олаву, получив большинство голосов на *тинге*. Конунгу с некоторыми преданными дружинниками пришлось отсиживаться на Руси. Когда он вернулся в свою страну и попытался отвоевать власть, против него с оружием в руках выступили бонды и местная знать. В битве при Стикластадире (Норвегия, 1030 г.) они оказали поддержку датчанам, совместно с ними разгромили дружину конунга, а сам он погиб, сражаясь[246]; Норвегия на время попала под власть Кнута Великого Датского. Снорри элегически заключает это повествование, сообщая, что королю было в то время 35 лет, что он был конунгом 15 лет и это была его двадцатая битва (!).

[243] Там же. Гл. CVI, CXI, CLXXIV, CCXXIV, CCXXVIII и др.
[244] Там же. Гл. LI, LII.
[245] Курсив, выделяющий вставную часть стиха, мой. — *А.С.*
[246] Там же. Гл. CCXXI, CCXXVIII // КЗ. С. 551 и др.

Олав Харальдссон не только насаждал христианскую веру, но и заботился о создании и укреплении соответствующей церковной *организации:* постройке церквей[247], наделении их владениями, рукоположению священников и епископов.

После смерти Олава его придворные скальды Торгрим Ловтунге и Сигват продолжали прославлять короля. По преданию, кровь погибшего конунга обладала целительными свойствами, а у его могилы сразу же начались чудеса[248]. Его сын Магнус Добрый (1035–1047) ввел празднование Дня св. Олава, для его останков сделали драгоценную раку, и «каждые двенадцать месяцев он [сын Магнус] подстригал его волосы и ногти, и у него находился ключ, которым отпиралась рака»[249]. Нетленность тела покойного, его свежее состояние и, в частности, отрастание волос и ногтей считались, как известно, прямым признаком святости[250]. При короле Свейне епископ Гримкель объявил Олава святым (1031). Постепенно культ св. Олава, первого скандинавского святого, распространился по всей Скандинавии. Св. Олав стал патроном Норвегии, с его именем связано множество легенд и преданий, в которых, однако, во многом отражены дохристианские поверья. Св. Олаву традиция приписывает и важную роль в крещении бондов острова Готланд, который он, проездом на Русь или обратно, посетил незадолго до принятия там новой веры.

Но христианство в среде норвежцев и исландцев постепенно распространялось. Так, Гисли («Сага о Гисли», гл. XXII и др.) «был человек мудрый, и у него был большой дар видеть вещие сны». Он посетил много стран, в том числе Данию, устраивал пиры, однако жертвы не приносил. После его смерти жена крестилась (в Дании) и совершила паломничество в Рим[251]. Знатная и богатая Ауд Мудрая, дочь Кетиля Плосконосого, переехав в Исландию с двадцатью свободными спутниками, заняла там земли и велела на них поставить кресты[252]. Проложивший путь в Америку Лейв сын Эйрика Рыжего, прозванный «удачливым», поскольку на новой земле росла «самосеянная пшеница», а также огромное удивительное дерево «месур», был уже христианином. Отец его Эйрик, оставшийся в Исландии, продолжал быть язычником, мать же крестилась и не захотела больше жить с мужем[253].

С XII столетия Норвегия обретает пять епископств и собственного архиепископа (1152/3), с резиденцией в городе Нидарос (Трандхейм)[254]. Появление собственного архиепископства значительно ускорило процесс христианизации страны

[247] См., например: КЗ. С. 194.

[248] Там же. Гл. CVI, CXI, CLXXIV, CCXXIV, CCXXVIII и др.

[249] КЗ. С. 384, 416.

[250] Там же. С. 373.

[251] ИСИЭ. С. 112.

[252] Там же. С. 195.

[253] Там же. С. 112–114.

[254] О первых архиепископах в Скандинавских странах см.: *Адам*. С. 70, 78, 80–81, 84, 85, 92, 103 и др.

и решение административно-правовых и финансовых проблем местной церкви. Этому архиепископству была подчинена и исландская церковь.

В Швеции христианство было, как уже говорилось, объявлено государственной религией при короле-объединителе Олаве Шётконунге, в начале XI в. Под нажимом короля (предварительно пытавшегося с помощью языческого гадания узнать, к какому результату приведет его решение (!)), при поддержке народного собрания и после многих осложнений свеи стали «отправлять... святые таинства». Конунги и представители знати строили церкви, одаривали их земельными владениями и ценностями, были милостивы к церковнослужителям, особенно в городе Сигтуне. При всем том в других городах по нескольку лет отсутствовали священники. Нередко же тех священнослужителей, что были туда рукоположены, в том числе епископов, народ изгонял или безжалостно убивал, а церкви сжигал[255]. Язычество к тому времени отнюдь не было изжито.

Особенно упорно сохраняли старые верования и обычаи именно свеи, в том числе достаточно консервативная родовая знать, которая на местах на протяжении всего Средневековья вела за собой бондов. Судя по хронике «Христианские короли Швеции», еще во второй половине XI в. правители применяли кровавые методы крещения, а народ из-за этого против них восставал. Так, сын крестителя страны Олава Эрикссона Шётконунга Анунд-Якоб был прозван Углежогом, поскольку «сжигал дома людей»[256]. Судя по тому, что пишет Адам Бременский об этом «христианнейшем» короле Анунде-Якобе, его в конце концов изгнали по решению народного собрания, поскольку он не желал приносить положенные жертвы языческим богам[257]. А судя по «Саге о Хервёр» (гл. 20), при его брате и преемнике Эмунде Злом, который правил в течение десяти лет, опять же «свеи плохо соблюдали христианство». Затем в правление короля Инги сына Стенкиля (1080–1112), который был «хорошим христианином», в Свитьоде были отменены жертвоприношения и всему народу было приказано принять христианство. Однако свеи «имели большую веру в языческих богов и сохраняли свои древние обычаи». В 1090 г. шурин короля Инги Свен, спровоцировав его изгнание на тинге, тут же позволил разделать для еды конину и обмазать кровью идолов. Таким образом, свеи снова «отказались от христианства и стали совершать кровавые жертвоприношения». Инги, которому пришлось уехать в Вестергётланд (1090), через три года вернулся с войском. Свен был убит, а Инги «снова ввел тогда в закон христианство».

Очевидно, что и в Швеции по меньшей мере в течение столетия после ее официального крещения язычество все еще было в силе, так что, скорее всего, и при Инги, и какое-то время при его преемниках старая вера продолжала соблюдаться народом, пусть и тайно.

---

[255] Сага о сыновьях Харальда Гили. Гл. II.

[256] ÄVgL IV:15.

[257] *Адам.* IV, сх. 136.

Только во второй половине XII в. появляются сведения о введении целого ряда важных церковных обрядов. Так, в «Саге о Магнусе сыне Эрлинга» (1162/63–1184) говорится, что этого конунга короновали, что у него был свой капеллан и при нем были введены церковные подати. Правда, первая известная церемония коронации шведского короля — это был Эрик Кнутссон — относится лишь к 1210 г., когда архиепископом был «избран» (!) Эйстейн; он получил известность благодаря тому, что потребовал от бондов вносить ему подать полновесными серебряными («светлыми») монетами, а не теми «темными», которые они платят конунгу и которые реально вполовину меньше, видимо, из-за большой примеси меди. В этом эпизоде помимо самой коронации конунга есть и еще несколько интересных моментов: «избрание» епископа, налог деньгами, а не натурой и весьма раннее свидетельство о «порче» монеты. Но для сюжета данного очерка важно то, что во второй половине XII в. бонды уже платят подати, причитающиеся божеству, но не Одину, а руководителю шведской христианской церкви, чья резиденция располагалась все в той же Упсале. И, судя по данному тексту, такой порядок был введен отнюдь не только что. К этому можно добавить, что налоги церкви были, во-первых, самыми ранними регулярными налогами в стране, а кроме того, первыми налогами, против которых народ Упланда в 1242 г. выступал с оружием в руках, считая (судя по «Сигтунским анналам»), что их введение является отнятием его свобод.

Церковные налоги постепенно вводились и в других скандинавских странах. Но сведений о взимании «денария св. Петра» в пользу папского Рима[258] я в сагах не обнаружила.

В первое время после введения новой религии среди христианских проповедников подвизалось немало шарлатанов, епископы часто менялись или отсутствовали вовсе. Из «Деяний» Адама Бременского, где описываются события в Швеции последней трети XI в. (особенно гл. IV), явствует не только то, что между гётскими и свейскими областями отнюдь не было единства, но и что христианство вовсе не торжествовало, особенно в Свеаланде[259]. Как уже говорилось выше, лучше обстояло дело с христианскими учреждениями в гётских землях. В частности, упоминается «скаранская церковь», т.е. церковь в городе Скара, на землях гётов. Христианство вообще нашло большее понимание у гётов, в будущей Западной Швеции, возможно, потому, что эта область была более социально развита и находилась под политическим и духовным воздействием соседних Норвегии и Дании. Возможно, что первый церковный приход в Швеции был создан именно в Скаре[260].

[258] Как известно, в Англии «денарий св. Петра» собирали начиная с середины XI в. ежегодно в День св. Петра, т.е. 1 августа, в размере 1 пенса с каждого свободного домохозяйства. Считалось, что собранные таким образом средства предназначены для удовлетворения личных нужд папы и для поддержания английского подворья в Риме.

[259] См. примечания В.В. Рыбакова к его переводу IV кн. «Деяний» Адама Бременского и в кн.: Рыбаков, 2008.

[260] См. также «Перечень епископов» (Biskopslaengden) г. Скара, где содержится 17 имен, от легендарного Зигфрида (начало XI в.) до Стена (первая половина XIII в.).

С 1164 г. и Швеция становится отдельной церковной провинцией, с архиепископством, расположенным в старом культовом центре шведов Упсале, и шестью епископствами. Снорри Стурлусон перечисляет епархии в стране шведов, точнее, у гётов, свеев и гутов (остров Готланд)[261]. Но в целом христианизация в Швеции проходила медленнее, чем в соседних Скандинавских странах, а некоторые языческие обычаи отражены даже в посвященных церкви главах областных законов страны, кодифицированных в XIII в.

Раньше своих соседей новой верой прониклась Дания, что, к сожалению, менее всего отражено в сагах, но путь крещения страны был не менее тернистым, нежели у соседей. Мы уже знаем, что в 826 г. король ютов Харальд Клак и 400 (?) его дружинников крестились в Майнце у франкского императора Людовика Благочестивого, вассалом которого, с пожалованием ему лена — пограничной с Фризией территории — стал Харальд Клак[262]. Именно он привез на родину миссионера Ансгария и его спутников, которые при поддержке короля основали в Хедебю церковь и церковную (миссионерскую?) школу. В 70–80-х гг. X в. правил в Дании Горм Старый («безжалостный Вурм», по словам Адама), считающийся основателем Датского государства. Он был язычником, и страна при нем оставалась языческой. Согласно сведениям Адама, в первой трети X в. король Дании Хардекнут, тоже жестокий и безжалостный, который вместе с поморскими славянами («склавами») наводил ужас на саксов и стремился искоренить христианство в Дании, изгнал и перебил многих служителей церкви (1:54, 55). Несколько укротить его смог только король Генрих I Птицелов. Когда он вторгся в Данию, то в ответ на просьбу Хардекнута о мире установил границу между своей империей и его страной, проходившую примерно по линии города Хедебю в Шлезвиге (Южная Ютландия), основав там «Датскую марку» «со своим маркграфом» во главе. Все это сообщил Адаму «сведущий муж» — епископ данов (1:56, 57). Претендуя на Ютландию, германские императоры и позднее посылали в Данию гамбург-бременских миссионеров; проповедовали там и миссионеры из англосаксонских королевств[263].

Формальное крещение датчан произошло примерно в 965/970 г. при сыне основателя Датского королевства Горма Старого — конунге-объединителе Харальде Синезубом (ок. 940 — ок. 987/988, крестился между 953 и 965). Об этом свидетельствует главное сокровище Королевского Исторического музея в Копенгагене — красиво раскрашенный рунический камень, на котором написано, что король «над всеми датчанами» Харальд поставил этот камень по своему отцу Горму и своей матери и ввел в стране христианство. По преданию, он же крестил и гётов. Снорри в «Саге об Олаве сыне Трюггви» (гл. 53) говорит по поводу этой деятельности Харальда

[261] Сага о Святом Олаве. Гл. LXXVII.

[262] *Адам*. I:15.

[263] Там же. II:55; III:77.

следующее: «Когда Харальд сын Горма, конунг датчан, принял крещение, он разослал по всей своей державе повеление: все люди должны креститься и обратиться в новую веру. В поддержку этого повеления он применял силу и наказания там, где без этого его повеление не выполнялось». Более того: «Он послал двух ярлов с большим войском в Норвегию... они должны были возвещать христианство в Норвегии». Им удалось, согласно Снорри, «возвестить» при помощи войска христианство «в Вике, где тогда правил Харальд конунг, и там много народа тогда крестилось». Но при преемнике Харальда Синезубого, интересы которого были направлены на завоевания в «Стране Саксов и в Стране Фризов», те «люди в Норвегии, которые уже приняли крещение, снова стали совершать жертвоприношения, как раньше и как делали люди на севере страны»[264]. Считается, что Харальд Синезубый стремился ввести христианство и в гётских землях.

Еще при Горме Старом, как рассказывали Адаму, в Данию прибыл архиепископ Унни, который решил объехать «просторы своего [Гамбург-Бременского] диоцеза». Он «обошел все острова данов» с помощью короля Харальда, всюду укрепляя христианство (I:58, 59), и устроил епископские кафедры в городах Хусабю, Рибе и Орхусе. Однако Адам эти кафедры не видел и отмечает, что церковной организации в стране по существу еще нет и что епископы не имеют постоянных резиденций (11:26). Сын Харальда Синезубого, жестокий и вероломный король Свейн Вилобородый (987–1014) убил отца, а христиан преследовал, за что, с точки зрения Адама, был наказан: воюя против склавов, он дважды попадал к ним в плен и обретал свободу только после уплаты за него в качестве выкупа огромного количества золота.

И только при Кнуте Великом Свейнссоне (1014–1035) христианство в Дании, включая Сконе, наконец укрепилось. В середине XI в. были организованы епископские диоцезы с центрами в городах Хедебю-Шлезвиге, Рибе, Виборге, Орхусе, поселении «Вендила» (Северная Ютландия), Роскилле (Зеландия), Лунде и Дальбю (Сконе). Принимавший Адама преемник Кнута Великого король Свейн Эстридсен был уже полностью нацелен в своей церковной политике на Гамбург-Бременское архиепископство.

Датчане также почитали *св. Олава*, его имя вошло в датские предания и сохранилось в народных балладах (например, в датской балладе «Святой Олав и тролли»).

Именно в Дании, в городе Лунде, было организовано особое *архиепископство,* которому в *1104 г.* подчинили все скандинавское священство. Т.е. лишь в начале XII в. папство сочло, что христианство в Скандинавии обрело самостоятельность и не нуждается в формальном подчинении Гамбург-Бременскому епископату. И только еще через полстолетия Норвегия и Швеция обрели собственные архиепископства, а Лунд (Сконе) продолжал оставаться главным церковным центром Дании. Позднее его сменил городе Роскилле на острове Зеландия, так как область Сконе

[264] КЗ. С. 133.

долго оставалась спорной территорией между Швецией и Данией, и то, что там размещено архиепископство, было неудобно для датчан. Судя по данным «Роскилльской хроники» (гл. XV), при первом датском архиепископе, знатном и умном Ассере (1104–1137), получившем духовное образование за границей, Лунд был укреплен стеной и валом. В это время в стране, как и по всей Скандинавии, начали возводить каменные стены и здания, в том числе церкви.

Со второй трети XII в. лундским архиепископом был Эскиль, аристократ и один из ученейших людей Европы своего времени. Как верховный пастырь страны, епископ Роскилльский и архиепископ Лундский, он окормлял страну в течение рекордного срока — сорока лет (1137–1177). «Роскилльская хроника» (гл. XVI) свидетельствует, что Эскиль имел прочные связи в церковных кругах Западной Европы, был другом знаменитого Бернарда Клервоского, часто наезжал в Рим и участвовал в тогдашнем яростном споре о светской власти пап («вопрос об инвеституре»); но в том, что касалось внутренних дел страны, он был довольно пассивен. Его сменил Абсалон, аристократ, воин и соратник королей, с именем которого связано решающее укрепление как церкви, так и монархии в Дании и превращение этой страны в ведущую державу Северного региона. Но это было уже начало XIII столетия.

Внедрение церковной организации, ее установлений, ее отношения с властью и народом играли трудноперeоценимую роль в формировании в Скандинавии нового общественного, уже феодального строя. Но это был медленный процесс. Ведь даже в Дании, где принятие новой веры было подготовлено тесными связями данов с Франкской империей и Британским королевством, ранним крещением многих викингов и купцов, обращением ряда правителей к христианству и церкви, потребовались для утверждения христианства и институтов новой веры многие годы и применение силовых мер со стороны королей — объединителей страны.

Не случайно Адам Бременский пишет о восстаниях против христианства именно в XI в.[265], когда оно стало широко внедряться. Это были, вероятно, последние вспышки организованного протеста против новой веры и связанных с ней обычаев.

Церковное устроение, новые обычаи

Снорри в своем «Круге Земном» не останавливается специально на церковном устроении, но попутно не раз сообщает о строительстве церквей, например, в разных областях Швеции и Норвегии. Судя по «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого», конунг Сигурд построил в Конунгахелле, торговом городке на юго-востоке Норвегии, «роскошную церковь». В других сагах также рассказывается о постройке

[265] *Адам.* II:XXVII.

церквей в городах и в округах. Церкви возникали и в поместьях крупных землевладельцев. Первые церкви были деревянными (совр. stavkyrkan)[266]. Основой для них служили вертикально поставленные бревна или доски, которые затем обшивали и засыпали землей или торфом; именно такими были поместные церкви. С XI–XII вв. в регионе появляются каменные соборы в романском стиле, с середины XIII в. — кирпичные. Очень интересны некоторые церкви острова Готланд, декор которых, по крайней мере в постройках XII в., обнаруживает следы византийско-русского живописного влияния и даже непосредственного участия мастеров греческого толка, что немудрено, если вспомнить о тесных торгово-культурных связях этого крупнейшего транзитного пункта Балтики с городами Руси[267] и Византии.

Характерно, что, как правило, миссионеры и короли старались возводить церкви на местах популярных капищ и тингов, куда народ издревле привык приходить для молений богам и судебных собраний. Так, главный христианский храм Швеции был возведен в Упсале, другой — в Скаре, где собирался тинг Вестгёталанда и было святилище. Первые датские храмы появились в Виборге (где был «холм-укрепление со святилищем») и в Оденсе (где было «святилище Одина»).

Хотя по идее в каждом округе, особенно в его главном городе с храмом, создавались епископаты, они в большинстве своем долго не были устойчивыми. К началу XII в. в Скандинавии было примерно 20 епископств, в которых соблюдалась относительная преемственность владык и порядок служб: 8 епархий в Дании, по три — в Швеции и Норвегии, по одной на островах Исландия, Шетландские, Мэн и др.

Еще со второй половины XI в. в Дании и Норвегии по инициативе миссионеров и легатов из Рима стала формироваться система приходов. Адам Бременский в последней четверти XI в. говорит о таком количестве церквей в Дании: до 300 в Сконе, примерно 150 на острове Зеландия и 100 на острове Фюн, причем при 250 церквях на островах было чуть более 230 приходов. В Швеции и Норвегии приходов было меньше. Наибольшей густотой приходская сеть отличалась в скандинавских городах, в первую очередь датских, где в течение XI–XII столетий возникли десятки церквей: в Роскилле — до 14, Виборге — 13, Лунде — 20; тогда же в торговом Висбю (остров Готланд) было 13, а в норвежском Тронхейме 15 церквей и т.д.

По мере своего создания церковные приходы стали как бы «налагаться» на старинную систему корабельных округов, годордов и херадов, с их местными тингами; и там, где округ имел собственную церковь, церковный двор (если судить по шведскому законодательству XIII в.) нередко становился местом тинга или, во всяком случае, местного судебного разбирательства, функции которого церковь таким образом брала на себя[268].

[266] Ср.: ИС I. С. 429.

[267] Lagerlöf, 2005; Васильева, 2007.

[268] Сванидзе, 2008.

С конца XI в. в Скандинавии появляются первые *монахи.* В середине 90-х гг. XI в. 12 англо-нормандских монахов отправляли службу в датском городе Оденсе на могиле св. Кнута. Тогда же появилось несколько монастырей: сначала преимущественно цистерцианских и в виде небольших общежитийных обителей — в Шлезвиге и Лунде, затем там же — бенедиктинские, а в Роскилле и Дальбю — августинские. В то же время и в Норвегии появились бенедиктинские общины. Но в Исландии монастыри появились только примерно с 1133 г. В Швеции первые монастыри тоже основывали цистерцианцы. Но до XII в. монашество и монастыри в регионе не играли сколько-нибудь заметной роли. Лишь столетием позднее, благодаря покровительству королей и их окружения, они стали превращаться в достаточно заметных землевладельцев и сыграли большую роль в укреплении как собственно христианства и его организации, так и в складывании нового сословного устройства общества.

Вместе с христианством и строительством церквей в скандинавское общество постепенно стали внедряться *новые правила и ритуалы.* Судя по сагам, крещеные люди начинают соблюдать воскресенье, обмывать покойников[269], хоронить по церковному обряду[270]. Жители региона все чаще отправляются в качестве пилигримов в Иерусалим (дорога туда была известна по службе в Византии) и привозят оттуда священные реликвии. В сагах упоминается, в частности, путешествие в Иерусалим Кнута Великого (около 1027) и Сигвата Тордарсона, скальда св. Олава Норвежского. Ходили пилигримы и на поклонение могилам «своих» святых.

Скандинавам нравилось иметь своих святых, прежде всего из числа популярных у них королей (или членов королевской семьи), что обнаруживает определенную преемственность: ведь конунги издревле имели жреческие функции, и им приписывались сверхъестественные свойства. Хотя представление об избранности страдающих за веру распространяется в Скандинавии только в XII–XIII вв., однако еще до этого времени в регионе начинают создавать образы королей-мучеников, что, конечно, поднимало престиж государей, утверждало их избранность, объявленную еще «Песнью о Риге». Как известно, помимо короля Олава Харальдссона Толстого Норвежского (ум. 1030)[271] первыми местными святыми стали в Норвегии — св. Суннива (останки ее, согласно легенде, были на острове Селья), св. Халльвард — жертва кровной мести (1043), останкам которого поклонялись в Осло. Первый датский святой — Кнут II Свейнсен, король Дании (1080–1085), убитый в Оденсе бондами за свои налоговые реформы, а позднее прозванный ими же «божьим королем». Женатый на русской принцессе герцог Кнут Лавард[272], убитый знатью в 1157 г., был канонизирован по инициативе его сына короля Вальдемара Великого. Впоследствии оба Кнута как бы слились в один образ св. Кнута. В Швеции были канонизированы

[269] КЗ. С. 368.

[270] ИС I. С. 376.

[271] У датчан был «свой» Олав (КЗ. С. 573).

[272] Лавард (Lavard) — или «господин» (ср. англ. «лорд»), или «раздающий хлеб».

Сверкер (Старший, уб. 1156) и его преемник Эрик (Эдвардссон), убитый датским принцем в округе Упсалы в 1160 г., будущий святой покровитель Стокгольма и Швеции. Культ этих святых получил распространение по всей Скандинавии. И папский Рим охотно утверждал канонизацию местных, скандинавских святых, о чудесах которых распространялась молва в регионе, о чем с особым интересом рассказывали и писали христиане — составители саг.

В надписях на 140 памятных камнях от XI и XII вв. в Швеции упоминаются Бог, Богоматерь, Христос, рай. Большинство из них (81) были установлены в Упланде, многие — женщинами. В сделанных на них рунических надписях упоминаются также богоугодные дела, совершаемые в память о погибшем родиче[273]. Обычно это была постройка мостов и дорог, а также паломничество в святые места. Такие же богоугодные дела, как и (много реже) возведение церквей, совершались по обету для спасения души.

Христианизация сказывается и в других областях жизни общества, прежде всего в культуре: с конца XI в. распространяется *латинская письменность,* которая сначала сосуществовала с рунической. Первый дошедший до нас латинский диплом, составленный в Скандинавии, относится примерно к 1085 г. С XII в. появляются местные документы, в частности связанные с записью областных законов на родном языке, в Дании и Норвегии — первые историописания. Жизнеописание св. Кнута стало одним из первых скандинавских литературных произведений (впрочем, написано оно было монахом-англичанином Эльмонтом). В Дании, в монастырях Лунда и Дальбю, возникли книжные мастерские-скриптории.

Тогда же в среде элиты начинает распространяться практика письменных завещаний, где в числе прочего предусмотрены не только похороны, но и поминовение по христианскому обряду. Первым известным документом такого рода было завещание датского епископа Эскиля от 1145 г. День поминовения всех умерших впервые обозначен в календаре одной шведской церкви в 1185 г. На рубеже XII и XIII столетий в Дании появляется созданная монахом Саксоном Грамматиком интереснейшая история датчан, написанная на латыни и включающая датский народ в число потомков греческих героев; таким образом проявилась тенденция скандинавов ввести свою историю «во всемирный контекст» — свидетельство интеграции в культурное пространство *европейской цивилизации.*

С XII в. распространяется обычай хоронить королей и знатных людей в (или при) соборах и монастырях, возводить им богатые усыпальницы. Но траур по усопшим стали носить позднее.

Рунические надписи на памятных камнях XI в. — а такие памятники могли поставить только состоятельные люди — все чаще содержат изображение креста, а в ряде случаев и короткую молитву: «Боже, помоги его (или их) душе (или душам)»,

[273] Runor och runinskrifter, 1957; Sawyer B. 2003/a; «Сага об Ингваре Путешественнике». (Рунические надписи на с. 415–416 — материал Е.А. Мельниковой.)

«Да поможет Бог его душе», «Бог и Божья матерь да помогут его душе» и т.п.[274] Упоминания молитв «Pater Noster» и «Ave Maria» встречаются в рунических надписях рубежа XI–XII вв.

В «Саге об Ингваре» содержится покаянная предсмертная молитва героя, и там же — множество указаний на преимущества веры в христианского бога. В «Саге о Ньяле» встречаем «клятву о мире» и упоминание о «рабах Христа». Судя по сагам, в среде верующих бондов возникают «народные молитвы», что свидетельствует о проникновении христианства в народное сознание. Об этом мы можем судить, например, по «Саге о фарерцах», где говорится о стихотворной молитве под названием kredda — кредо, «верую». Согласно саге, автором этой молитвы был бонд Транд, живший в начале XI в. Издатель саги отмечает, что простонародные молитвы стали популярными в Скандинавии к началу XIII в., ко времени записи саг, что, вероятно, и отразилось на их содержании. Варианты таких молитв позднее, примерно с XIV в., были распространены по всей Западной Европе. Что касается Скандинавии XI в., то мотив «народной молитвы» был, возможно, вставкой XIII в. Вполне достоверными можно считать, на мой взгляд, сведения о христианских молитвах, которые содержит «Сага об исландцах» Стурлы Тордарсона. Там приведены «Отче наш» («Pater noster») и предсмертная «Отец, в руки Твои отдаю дух мой» («Pater, in manus tuas commendo spiritum meum»). Судя по времени написания саги (середина XIII в.), такие сведения достоверны.

В главах о церкви ранних областных законов уже нормированы правила проведения и посещения мессы. В Гуталаге можно встретить интересные свидетельства об отношении этого областного закона к священникам, которых называют «образованными людьми» и освобождают от действий, связанных с оружием, в частности от участия в кровной мести, которая тогда еще бытовала, и противопоставляют им людей «необразованных», т.е. не получивших специального духовного образования и допущенных к служению в церкви, пусть даже ими являются дети священников, которые в этом случае привилегиями не пользуются. Но на местах, по всей вероятности, нередко служили малограмотные и даже непосвященные священники, что следует, в частности, из шведских областных законов, составители которых пытаются бороться с этим явлением. Судя по «Саге об исландцах», христиане, умирая, требовали позвать священника для исповеди.

С XII в. в Скандинавии, преимущественно в городах, возникают *духовные гильдии* имени какого-либо святого. Одной из первых таких гильдий, возникших в Дании, покровительствовал король Вальдемар I Великий (1157–1181), давшей этой гильдии имя св. Кнута, своего отца, который был в этой гильдии одним из братьев и, возможно, ее основателем. Духовные гильдии, довольно смешанные по сословному составу, — туда входили, представители знати, купцы и другие видные горожане,

[274] Мельникова, 1977. С. 289, 293, 306, 321, 322, 325, 326, 329 и др.

богатые бонды — быстро и широко распространились в Северной Европе. Они служили важным средством как консолидации известных кругов, так и связи между ними, т.е. вертикальной социальной мобильности.

Я оставляю в стороне дальнейшую деятельность в Скандинавии папских легатов, местных епископов и архиепископов, обязанности и права священников, оформление приходов, связь местного духовенства с папским престолом, равно и отражение новой веры и положения церкви как института в региональном законодательстве, так как это тема другого труда, основанного на иных, более поздних источниках. Тем не менее уже ясно, что роль этих моментов во внедрении новой веры и нового института невозможно переоценить.

Хотя скандинавская церковь постепенно, по мере собственного приобщения к римско-католической общности, внедряла каноническое христианское законодательство и примерно с XII в. формально стала вроде бы мало отличаться от континентальной, но это впечатление касается только церковной верхушки и ее реакции на папские предписания. Судя по главам о церкви областных законов XIII в., повседневная церковная жизнь, как и состояние веры, и тогда были все еще далеки от строгих христианских предписаний.

Религиозная преемственность: реликты язычества

Многие как будто бы новые обряды на самом деле повторяли, пусть и в измененной форме, языческие ритуалы. Так, в «Саге об Олаве Святом» рассказывается, что кровь погибшего в битве святого исцелила незрячего человека от слепоты (гл. CCXXXVI), что является своеобразной трансформацией веры в окропление жертвенной кровью, о чем говорится в ряде саг (см., например, «Сагу о Хаконе Добром», гл. XIV). Тот же Олав Святой, по словам саги, исцелил человека от сильной боли в боку: он наложил на это место руки — «и боль как рукой сняло. После этого Эгиль выздоровел». Рассказы о чудесах исцеления, совершаемых святыми при помощи молитв и заговоров, крови, наложения рук и т.д. (а также их останками), легко воспринимались в Скандинавии, органично «накладываясь» на истории о чудесных исцелениях с помощью аналогичных по форме языческих средств, к которым там прибегали испокон веков[275].

Согласно саге, уже после крещения Норвегии, при короле Олаве дружинник и скальд его сына Магнуса Доброго (1035–1046/47) обратился с молитвой к св. Олаву. В результате тот приснился королю Магнусу и, отчитав за недостаточное внимание

[275] Наделение живых королей Западной Европы до конца Средневековья способностью излечивать некоторые болезни и, как это было в Дании, включая правление короля Вальдемара Великого (вторая половина XII в.), даровать благо (урожай) земле, по которой они проехали, и здоровье детям, до которых дотронулись, — также видимое наследие язычества.

к преданным людям, побудил короля изменить отношение к ним[276]. Вера в жребий, в сны и видения не оставила скандинавов и после крещения. Как и раньше, принимали в домах нищих и странников, поскольку это было в древних обычаях скандинавов[277]. Сын Ингвара Путешественника Свейн перед битвой молился Господу о помощи и, в то же время, гадал, бросая жребий, чтобы узнать Его волю. Тот же король-креститель Олав сын Трюггви погиб в битве при Свельдре (1000), «обманутый ложным птицегаданием», хотя при этом был «опытный птицегадатель»[278].

Состоятельные люди по обету строили мосты и прокладывали дороги, особенно в болотистых местностях, о чем свидетельствуют рунические камни, а также сооружали приюты для странников, делая все это и для спасения души, но и в продолжение традиций.

О хёвдинге Стюре в саге говорится, что хотя он был злодеем, каких мало (см. выше), но на его похоронах были все же принесены минимальные жертвы; рассказчик объясняет эти знаки уважения тем, что Стюр успел принять христианство и, как положено хёвдингу, выстроил церковь. Практика торжественного прощания с умершими королями и представителями знати, их пышных похоронных процессий, вообще проводов в последний путь и установки памятников также в известной мере унаследована от прежней веры.

Церковь в своей борьбе с язычеством обращала главное внимание на обрядовую сторону, на ритуалы, которые были явными признаками старых верований: сожжение и погребение мертвых в кургане, «вынесение детей», кровавые жертвоприношения, употребление конины.

Но и саги, вошедшие в «Круг Земной» Снорри, и родовые саги свидетельствуют не только о вынужденной терпимости местного духовенства к некоторым языческим обрядам, не только о включении — в той или иной форме — этих привычных обрядов в круг христианских ритуалов, но и, в целом, о живучести остатков язычества в сознании народов Европейского Севера. Во всяком случае, до конца XI и в XII в. это положение вещей привлекало постоянное внимание папского престола. В середине XII в. папский легат в Скандинавии (Николас Брейкспиер, будущий папа Адриан IV) принялся активно искоренять там языческие пережитки. Позже в Норвегии они преследовались областными законами Гулатинга и Фростатинга, тексты которых, как говорилось ранее, сохранились, в отличие от областных законов двух других «четвертей» страны. В Швеции этим пережиткам уделяли значительное внимание областные законы XIII в. В Гуталаге (первая четверть XIII в.) весьма выразительно говорится о пагубной привычке народа «взывать» к «священным рощам», курганам и другим языческим «священным местам», а также обращаться

[276] КИ. С. 537.
[277] ИСИЭ. С. 454.
[278] РХ. С. 328.

к капищам. Законодательное осуждение подобных обрядов подтверждает их жизнестойкость, а также то, что к ним прибегали еще в XII–XIII столетиях.

Народ по-прежнему расправлялся с «виновными в неурожае». По-прежнему прибегал к кровной мести, по-прежнему верил в колдунов, употреблял в пищу конину, использовал языческие обереги, приносил дары языческим богам или домашним духам. Люди все еще «выносили детей». Соблюдали порядок тризны[279], которая, однако, постепенно трансформировалась в поминки. Применяли «божий суд» — при помощи воды или раскаленного металла[280]. Промелькнули упоминания об окроплении кровью алтаря (!)[281].

Священнослужители не соблюдали целибат еще и в XII в. Ивар Кольцо, епископ Трандхейма, имел сына; в сагах говорится о детях священников, например, в «Саге о сыновьях Харальда Гилли» мельком рассказывается об убийстве бондами священника и двоих его сыновей (гл. II)[282]. Упоминания о сыновьях священников и аббатов обнаруживаются и в грамотах, которые последние направляли в Рим с просьбой разрешить их детям исполнять священнические обязанности.

При сыне Свейна Эстридсена короле Нильсе Свейнссоне, который, как свидетельствует «Роскилльская хроника», был «муж смирный и бесхитростный, совсем не правитель», народ и клир оказались втянутыми в сложное судебное расследование (quaestio), видимо, на тинге. Знатный человек капеллан Педер и его сторонники возбудили дело «против клириков, дабы те из них, кто имеет жен», оставили их, а те, кто холост, ни в коем случае не женились. Клирики желали сопротивляться этому, но не имели сил... Бонды вмешались в спор — против этих клириков. «Иным [из них] рубили руки, иных убивали, иных изгоняли с родины, мало кому удалось сохранить свое имущество». Но капеллан Магнус, как затем выясняется, сын короля Нильса и «по [христианскому] имени Педер», очень знающий и начитанный, «был против вмешательства мирян в церковные дела». Он «взял сторону клириков против бондов и добился закона, что никто из мирян не имеет права подать жалобу на клирика на народном собрании, а лишь на священном соборе»[283]. Очевидно, что споры по поводу церковных канонов принимали подчас ожесточенный характер, в них вовлекался народ, выплескивалась его неприязнь к клирикам.

В «Саге об исландцах» (гл. 20) повествуется о том, что некий клирик «сделал ребенка одной женщине». Ее братья пожаловались влиятельному Кольбейну; тот «собрал народ со всей округи» и повел тяжбу. В результате у клирика отсудили половину

[279] КЗ. С. 31.

[280] Сага о Сверрире. С. 62.

[281] Сага об Инглингах. Гл. II, XII, XVI, XLIII, LVIII; Сага об Олаве Святом. Гл. LVIII, CVIII, CXII, CXIV, CXVII, CXXI, CCI; ср.: ИС I. С. 26 (Сага о Гунлауге Змеином Языке).

[282] См.: Сага о Магнусе Слепом и Харальде Гилли. Гл. XIII о священнике — сыне священника. Харальд Гилли — норвежский конунг, 1130–1136 гг.

[283] РХ. С. 333–334.

его добра в пользу этой женщины, а также осудили шестерых домочадцев местного епископа за укрывательство виновного клирика. Епископ хотел дать за него большую виру («6 сотен»). Но Кольбейн все же добился раздела его имущества. Это дело интересно тем, что еще в начале XIII в. *священнослужителя могли осудить на тинге*.

Люди весьма осуждали клириков также за жадность, малообразованность, невыполнение требуемых служб и разжигание конфликтов. Церковники бывали и очень жестокими. Так, в «Саге о Сверрире» (гл. 135) рассказывается, что епископ Никулас Арнарсон произнес речь против главы повстанцев Сверрира, где требовал «сжечь жилища всех непокорных трёндов», т.е. повстанцев (1196).

Так или иначе, но церковь, дабы не вызывать противодействия со стороны народа, была вынуждена проявлять терпимость, которая ощущается в главах областных законов, относящихся к церкви, где, в частности, значительная роль в разбирательстве церковных дел отводится прихожанам и тингу.

По разным поводам, в том числе при решении острых вопросов о подвластности той или иной территории, новоокрещенные скандинавы прибегали к жребию. Сам будущий святой Олав во время спора со шведами относительно сопредельных территорий прибегнул к жребию: в пограничном г. Конунгахелла вместе с королем-противником он бросал кости[284]. Сохранялось (в Швеции даже до второй четверти XIV в.) рабство и рынки рабов. Был широко распространен конкубинат. При самом Олаве Святом постоянно находилась и повсюду с ним ездила некая Альвхильд, которую «называли рабыней конунга. Она была знатного рода и очень хороша собой», к тому же родила ему сына, окрещенного королевским именем Магнус (гл. CXXII). И знатные люди, и бонды иногда все еще селили наложниц в своем семейном доме или выбирали их из числа служанок, а дети от них еще долго могли быть признаны наследниками наряду с законными детьми[285].

Судя по «Пряди о Халльдоре сыне Снорри», события которой относятся к середине XI в., пиршество на йоль приурочивалось к встрече Рождества и устраивалось по старым обычаям. Например, если кому-то приходилось пить «штрафной рог», он для этого садился на солому или камыш, которыми устилался пол на праздники, в том числе и в домах знати. Однажды ради приближения рождественского торжества «свечники подкупили звонаря и он зазвонил много раньше обычного»[286].

Несмотря на все старания церкви, в памяти людей упорно сохранялись языческие мифы. В сагах и, особенно, в скальдической поэзии языческие мифологические сюжеты занимают большое место. О бытовании некоторых специфических языческих мифов или, во всяком случае, их хорошем знании в XIII в. свидетельствует то, что Снорри включил некоторых из них в свои сочинения. Изложению мифов

[284] Сага об Олаве Святом. Гл. XCVII; КИ. Игра в кости осуждалась церковью как греховное занятие.

[285] Сага о Харальде Суровом. Гл. XXX и др.

[286] ИСИЭ. С. 53 и сл.

целиком посвящена первая часть его «Младшей Эдды». Один из таких мифов или преданий повествует о древнем конунге Ауне из Упсалы, который продлевал свою жизнь, принося в жертву Одину собственных сыновей. Ему пришлось, однако, в конце концов умереть, поскольку бонды не дали ему убить последнего, десятого сына[287].

Церкви приходилось подвергать наказанию за сокрытие или поиски кладов — деяния, запрещенные христианством[288].

В «Пряди о Токи», события в которой происходили на рубеже X и XI вв., рассказывается о неком Бродире, который «отошел от христианства», стал приносить языческие жертвы и весьма преуспел в колдовстве, так что его доспехи не брало никакое железо. Борьба с колдовством и колдунами, отвергаемыми христианской религией, усилилась, а с начала XII в. приняла ожесточенный характер. Глава монастыря Холар епископ Йон Эгмундарсон (1106–1121) издал против колдовства, магии и языческих обычаев специальный жесткий указ[289]. В Исландии борьба с языческими пережитками продолжалась и в XIV в.

Конунг Кнут Датский приказал убить надерзившего ему ярла Ульва, который, чтобы спастись, «ушел в церковь Луциуса». «Мир церкви» не остановил конунга, и ярла убили. После этого «монахи велели закрыть церковь», ибо по христианскому закону ее требовалось переосвятить, а виновного в убийстве предать светскому и церковному суду. Но конунг «послал своего человека к монахам, велел им открыть церковь и продолжать службу. Они сделали так, как просил конунг», за что получили от него в награду «большие земли, так что теперь, — пишет Снорри (ок. 1219), — церковь владеет там целой областью» («Сага об Олаве Святом», гл. CLIII).

Сохранились и некоторые другие обычаи, в частности языческий ритуал обета. В «Саге о Названых Братьях» по этому поводу сказано следующее: «И хотя людей тогда называли христианами, все же в это время христианство было молодым и очень неладным, ибо много искр язычества тлело под ним, и ложные обычаи были в ходу. У именитых людей был обычай приносить обет за того, кто умрет раньше: надо было пройти под тремя пластами дерна, и в том состояла клятва. Действо же было таким, что из земли вырезали три длинных пласта дерна; концы их должны были оставаться в земле, а середина приподнята, чтобы можно было пройти под ними»[290].

Иногда стойкие язычники уезжали в другие земли, спасаясь от христианизации. Так, Бьёрн сын Кетиля Плосконосого, который «слыл очень знатным человеком», перебрался в Исландию, потому что его родня в Норвегии поменяла веру, а ему это не нравилось. В «Саге о Названых Братьях» говорится, что павшим в битве

[287] Сага об Инглингах. Гл. XXV.

[288] ИСИЭ. С. 114.

[289] СОДВ. Прим. 157.

[290] ИС II:1. С. 120. Здесь обращает на себя внимание сходство этого ритуала с тем, который совершался при заключении побратимства.

вместе с Олавом Святым определен прямой путь в Вальхаллу, а между тем дружинники короля и сам он были христианами.

Текст некоторых произведений сохраняет следы сильного влияния язычества — при уступках позиций христианству, привнесенных, вероятнее всего, более поздними «фиксаторами» этих произведений. Такое сочетание характерно, например, для «Поучений Высокого» или для «Прорицания Вёльвы». Последнее произведение является самой знаменитой песнью «Старшей Эдды»: там рисуется история мира от сотворения и (первого) «золотого века» до гибели богов и «второго рождения» сущего. Ее создание относится ко второй половине или концу X в. Песнь эта, выпеваемая Вёльвой, колдуньей и прорицательницей, является совершенно языческой по своему содержанию и форме и преисполнена «ложными обычаями». Там превозносятся традиционные добродетели: воинские честь, слава, в том числе посмертные, верность слову, величие и богатство. Однако во «втором рождении» после гибели богов во Вселенной будут торжествовать мир и справедливость. В «Прорицании Вёльвы» нет понятия Божьего суда, но в тезисе о «втором рождении» можно увидеть связи с христианскими представлениями о новом «золотом веке» человечества, возрожденного для добра. Эта песнь впитала и некоторые конкретные христианские положения: осуждение стяжательства, мысль об извечной вине женщины, вообще *идею о вине (зле) и воздаянии за вину (зло)*.

О медленном изживании традиционных обрядов и хорошо заметном смешении их с христианской обрядностью свидетельствуют также способы захоронения. Сожжение покойников время от времени встречалось и в XII в. Наряду с этим еще в конце эпохи викингов иногда хоронили в ладье, о чем свидетельствуют хотя бы корабли викингов, откопанные археологами и ныне демонстрируемые в норвежских Гокстаде и Осло[291]; зачастую по старинке пускали судно (иногда подожженным) по воде, закапывали в землю ладью или имитировали ее форму камнями.

Обширный некрополь Бирки (конец VIII–IX в.) состоит из тысяч маленьких индивидуальных курганов. Согласно преданию, Фрейра, внука бога Одина, похоронили в большом кургане около капища в Упсале. Однако уже с V в. в курганах хоронили конунгов. «Сага об Инглингах», в частности, повествует, что в упсальских курганах похоронены не боги, а три древних конунга: Аун (не позднее V в.), Эгиль (умер незадолго до 516 г.) и его внук Адильс (ум. ок. 575). Отец Адильса (сын Эгиля) был также похоронен в кургане в Венделе, неподалеку от Упсалы (гл. XXV–XXVII и XXVIII)[292]. Но бонды долго продолжали верить в то, что в упсальских курганах лежат останки их старинных богов. И те монетки, что до христианизации приносились в виде дани к капищу Одина, чтобы верховный бог защищал страну и заботился об урожае, после возведения в Упсале церкви бонды продолжили ссыпать в тот же

[291] Эта находка прямо сопоставима со сведениями «Саги об Инглингах» относительно захоронения Олава (гл. XLIX). Ср.: Стеблин-Каменский, 1980. С. 597.

[292] Историки обоснованно предполагают, что эти сведения верны. См.: Стеблин-Каменский. С. 596.

курган, проделывая в нем отверстие. Платить Одину, как и раньше, полагалось три раза в год: в начале зимы — за будущий год, в середине зимы — за вешнее благополучие и летом — за победу и урожай[293].

В новообращенных скандинавских обществах возникали некие *новые обряды,* удобные для местных жителей и убедительно свидетельствующие о *смешении культур — языческой и христианской.* Это ярко проявлялось, например, в возникшей практике церковного *захоронения и перезахоронения тел усопших* родичей-язычников. Из саг явствует, что некоторые убежденные христиане *переносили* тела покойных близких на церковные кладбища или в церковные подполы. Так, например, поступила с телом язычника Грима сына Эгиля его любимая падчерица, захоронив отчима под алтарем нового храма. Харальд Синезубый, построив в Йеллинге церковь, перенес под ее пол тело своего отца, ранее похороненного по языческому обряду. Напомним, что именно в Йеллинге стоял памятный рунический камень того самого конунга-христианина Харальда. На церковные дворы иногда переносили и рунические камни. Все это как бы приобщало покойных язычников к христианству, и само такое «приобщение» покойников, как и *крещение костей* давно умершего человека, является, конечно, реликтом язычества, не знавшего четкой грани между живыми и мертвыми. Существование таких обрядов в Древней Руси, в семье киевских Рюриковичей, в частности при дворе Ярослава Мудрого[294], подтверждает их бытование в Скандинавии.

В отдаленных и суровых скандинавских землях, где еще не сложилась регулярная церковная служба и полностью соблюдать христианскую обрядность подчас было невозможно, возникали своеобразные *смешанные обычаи.* Об одном из них, также связанном с похоронами, рассказывается в «Саге об Эйрике Рыжем». Там говорится, что в «Гренландии, с тех пор как туда пришло христианство, людей приходилось хоронить в неосвященной земле в усадьбе, где [они] умерли». При похоронах в землю над грудью покойника вбивали столб. «И потом, когда приезжал священник, столб вытаскивали из земли, в дыру от столба вливали святую воду и совершали отпевание, хотя бы это было спустя много времени»[295].

В сагах неоднократно упоминается об обычае так называемого *неполного крещения*[296]. Судя по «Саге об Эгиле» (события X в.), этот обычай имел место не только в Скандинавии. В саге рассказывается, что, когда Эгиль и его брат Торольв прибыли в Англию, которая «была крещена задолго до того, как это [их прибытие туда] произошло», конунг-христианин предложил им принять неполное крещение. «Это был распространенный обычай у торговых людей и у тех, кто нанимался к христианам, потому что принявшие неполное крещение могли общаться

[293] Сага об Инглингах. Гл. XV, XVI.

[294] Успенский, 2002.

[295] ИСИЭ. С. 116.

[296] См., например: Сага об Эгиле. Гл. LIV // ИС I. С. 152.

и с христианами, и с язычниками, а веру они себе выбирали ту, какая им больше нравится»[297]. В «Пряди о Токи» один из персонажей свидетельствует: «Я принял неполное крещение, потому что мне приходилось бывать то среди христиан, то среди язычников; но я верю в Белого Бога и теперь хочу креститься»[298].

Описания самого обряда в сагах нет, но, по мнению современных исследователей, это было «оглашение» (лат. prima signatio), т.е. публичное объявление человека желающим креститься, своего рода «объявление о намерении» стать христианином. И если его последующее поведение устраивало церковь, где-то через два года он мог получить крещение[299]. Очевидно, что этот обряд и своего рода испытательный срок были как бы компромиссом между «полным», т.е. настоящим, крещением и многобожием. Человеку предоставлялась возможность либо укрепиться в новой вере, дабы после крещения не изменять ей явно или тайно, либо остаться язычником; пока же он мог иметь дела с людьми обоих верований. Считалось, однако, что «неполному» христианину не следовало поручать важные дела, т.е. вполне доверять ему[300]. Впрочем, и тайные язычники без труда приспособили свои три главных ежегодных жертвоприношения к Пасхе, Рождеству (Новому году) и одному из осенних христианских праздников[301].

Все это неоспоримо свидетельствует, что в Скандинавии в течение, вероятно, *двух столетий после введения христианства господствовало двоеверие.*

Археологи обнаружили и замечательные вещные свидетельства двоеверия скандинавов после крещения. Это, во-первых, общая форма для изготовления оберегов, с двумя отверстиями для отливки крестов и одним — для отливки «молота Тора», в точности соответствующая найденным археологами подвескам[302]. Во-вторых, это изображения на рунических камнях, где встречаются и разной формы кресты, и солярные знаки, а также кресты, вписанные в солярные знаки[303].

Конечно, времена менялись, а с ними изменялись нравы и обычаи людей. После григорианских реформ (папа Григорий VII, 1075–1085), разрешавших вопрос о взаимоотношении между церковью и мирскими властями, обострилось внимание к отношениям в Скандинавии между «двумя мечами» Господа — светским и духовным, особенно к политической роли церкви. Обряд коронации конунгов, начиная с XII в., закрепил очевидный союз королевской власти и церкви на этапе становления их обеих[304].

---

[297] Сага об Эгиле. Гл. LIV // ИС I. С. 152.

[298] КИ. С. 486.

[299] См.: Ibid. P. 92–93.

[300] Ibid. P. 93.

[301] См., например: КЗ. С. 74. Интересны в этой связи и общие рассуждения Адама Бременского о христианстве в Скандинавии (с. 101).

[302] *Magnusson*. Op. cit. S. 41.

[303] KVHAA. Ärsbok 1963, № 21 (s. 87); Magnusson, 1976; Jansson, 1987; Мельникова, 2001.

[304] Подробнее о коронации короля в Норвегии можно узнать из общего закона страны Ландслова (утвержден в 1274 г.), раздел которого «О христианстве» (Kristins Doms bolkr) уделяет этой процедуре значительное место.

Церковь с самого своего проникновения в Скандинавию и на протяжении всего раннего периода стала опорой монархического режима, оказывала идеологическую и организационную поддержку возникающему феодальному строю, да и сама сделалась очень значимой социальной структурой и важным институтом средневекового общества. Постепенное проникновение канонического права, хотя и замедленное в условиях Севера, должно было воздействовать и на светское правотворчество. Сама же роль церкви в обществе зависела от степени государственного регулирования, от силы центральной власти и ее администрации; там, где последние были недостаточными, особенно на Готланде и в Исландии, церковь брала на себя ряд государственных судебных и административных функций.

Нельзя не отметить вполне определенное свидетельство саг относительно того, что *сопротивление христианизации* и стремление к сохранению языческих верований имели не только религиозную, но и социально-политическую мотивацию. В «Саге о фарерцах» знаток законов и колдун Транд становится на путь вооруженной борьбы против христианизации, которую свободным фарерцам приносят норвежские правители, заодно требуя платить им регулярную дань. Поэтому Транд, который велит своим людям убивать посланцев конунга, выступает в саге в ореоле героя. В XIII в. рассказы о сопротивлении фарерцев объединенным силам церкви и королевской власти были включены в саги о королях, внедрявших христианство, — Олаве сыне Трюггви и Олаве Святом[305]. Известно, что свейские бонды во главе с местной родовой знатью, например в том же Упланде, где располагались Бирка и Сигтуна, еще в середине XIII в. с оружием в руках сопротивлялись введению регулярных налогов, как «отнятию у них свободы» (битва при Спарсэттре, 1247)[306]. Социальная составляющая христианизации, несомненно, была очень важна.

Некоторые итоговые наблюдения части 4

Итак, где-то со второй половины эпохи викингов в странах Скандинавского региона начался процесс введения христианства и организации церковной жизни. Это событие не было одномоментным, точнее, это было множество связанных с крещением событий и вех, длившихся несколько столетий и переживших саму эпоху викингов. Но оно обусловило постепенный *переворот в сознании* и *самосознании* скандинавов, в их культурной идентичности и в конечном счете сыграло решающую роль для интеграции региона в христианскую европейскую цивилизацию Средневековья.

[305] См. о них же в сочинении Адама Бременского (с. 74).

[306] Укрепившись в католичестве ко времени Реформации Густава I Вазы, т.е. к XVI в., шведы так же с оружием в руках восставали одновременно против протестантизма, централизаторской политики короля и связанных с ней новых поборов с населения. Сопротивлялись и норвежцы, для которых Реформация была связана с владычеством Дании. Таким образом, восприятие нового вероучения в широком общественном аспекте, далеко выходящем за пределы «чистой» веры, характерно для Скандинавии на протяжении всего Средневековья.

При всем воздействии на фольклорное творчество эпохи викингов со стороны христиан — составителей и редакторов этих произведений, очевидно, что христианство распространялось в Скандинавии долго и трудно. В течение длительного времени оно усваивалось поверхностно и непрочно. Только начиная с XII–XIII вв., т.е. через 100–200 лет после официального введения христианства, в Скандинавии появляются четкие сведения о римско-католических ритуалах, обрядах, касающихся важнейших вех частной и даже публичной жизни. Северный материал свидетельствует, что в этом регионе почти до XIV в. культура не приняла цельного и последовательного христианско-церковного характера.

Правители и их дружины, викинги, купцы, отчасти «могучие бонды» — именно эти социальные группы содействовали христианизации, постройке церквей и введению западных церковных порядков. Христианские молитвы в сагах встречаются только с XIII в.[307] В конце XI–XII в. христианские надписи и символы на рунических камнях стали уже преобладать в том же Свеаланде, но нередко сочетаясь с языческой символикой. Установка памятника по погибшему родичу или другу, что было исполнением долга в языческие времена, теперь стала богоугодным делом; тем не менее наряду с христианской символикой на памятниках можно видеть языческие заклинания против тех, кто порушит камень, или с просьбой Тору (!) «освятить эти руны»[308].

Опорой христианизации являлись хорошо укрепленные *торговые города,* где было много путешествующих купцов, постепенно освобождаемых рабов-христиан и где было удобно устраивать епископские кафедры.

До сложения единых государств христианизация в Скандинавских странах не выходила за пределы сравнительно ограниченных общностей людей, по разным соображениям разделявших или принявших новую веру: королевского двора, некоторых ватаг викингов, купеческого сообщества, верхушки бондов, групп рабов. Местная родовая знать, по крайней мере ее неслужилая часть, и, особенно, масса бондов, как правило, сопротивлялись введению новой веры, подчас весьма ожесточенно. Вполне возможно, что исключением тут явились жители подчиненного Швеции острова Готланд, где христианство было принято, как считают, добровольно. Основная масса скандинавов долго оставалась в плену языческой культуры и враждебно принимала миссионеров, которые стремились уничтожить древние традиции народа. Правителям разного уровня приходилось считаться с этим. Не случайно Снорри подчеркивает, что, например, норвежские ярлы Эйрик и Свейн сами крестились, но христианство никому не навязывали[309].

Распространить новую веру за пределы королевского окружения и сравнительно узких групп их подданных до того, как христианизация пошла в ногу

[307] Так, в «Саге об исландцах» Стурлы Тордарсона (1214–1284) приведена молитва «Отче наш» («Pater noster»).

[308] Сага об Ингваре Путешественнике. С. 415–416 и др. (материалы Е.А. Мельниковой).

[309] КЗ. С. 167.

с политической централизацией и государственным строительством, так и не смог никто из рано крестившихся королей и многочисленных разноплеменных миссионеров. И именно насильственное крещение было основным способом внедрения королями-объединителями новой веры среди большинства скандинавов.

Если сравнить группы произведений, где так или иначе отражены процессы христианизации в Скандинавии, то создается стойкое впечатление, что в вопросе о методах христианизации сталкиваются *две тенденции*: писателей и собственно крестителей.

Пришлые церковные деятели — Римберт и вслед за ним Адам Бременский, да и другие, собственно христианские авторы того или более позднего времени, как тот же ученый монах Саксон Грамматик и, разумеется, анналы, основное внимание уделяют деяниям миссионеров, тем опасностям и трудностям, с которыми сталкивалась церковь, обращая в христианство упорствующих в язычестве скандинавов, и ее в целом мудрой политике. При этом они умалчивают о насильственных действиях, которые предпринимали те же миссионеры (преимущественно пришлые), включая так называемых бродячих епископов, что во множестве переходили из одной скандинавской страны в другую, проповедуя христианство так, как они его понимали, конфликтуя между собой и с населением. Тот же Тангбранд, судя по сагам, бывал жестоким и не брезговал грабежом бондов, в результате чего вынужден был бежать из Исландии, и его дальнейшая судьба неизвестна.

А скандинавский писатель и светский ученый Снорри под воздействием хорошо известной ему фольклорной традиции и, возможно, каких-то иных сведений представляет этот процесс в виде драматического *столкновения власти и народа* как в Исландии, так и в Норвегии, и в Швеции. Некоторые родовые саги и церковные разделы областных законов это подтверждают.

Совершенно очевидно, что после введения христианства в Скандинавии, особенно в Исландии и странах собственно Скандинавского полуострова, образовалось *двоеверие*: официальное христианство тайно (а порой и открыто) сочеталось с языческими верованиями и ритуалами. Церковь ожесточенно нападала только на некоторые наиболее явные или стойкие атрибуты язычества, вроде употребления в пищу конины или «вынесения детей». Она была вынуждена, ради сохранения своего влияния среди вольнолюбивых скандинавов (и при понимании этой ситуации папским Римом), мириться со многими языческими обычаями и ритуалами, во всяком случае, если они отправлялись не публично и демонстративно, а в частном порядке. Трудно живущие люди, запутавшиеся в двух верованиях или стремившиеся попасть под покровительство и старых, и новых богов, а также руководствуясь чисто практическими соображениями, охотно прибегали к такому яркому свидетельству двоеверия, каким был обряд *неполного крещения*. О *непонимании канонов новой веры* свидетельствует практика перенесения костей родственников-язычников в христианские места погребения и крещение их костей.

Дни почитания *святых Олава*, *Эрика* и *Кнута*, культы которых стали общескандинавскими, а также других христианских святых, да и основных годичных праздников обычно совпадали с вехами сельскохозяйственного календаря и поэтому хорошо вписывались в старинные праздничные традиции. Бытовые ритуалы долго оставались традиционными, как и по всей средневековой Европе; многие из них, как мы могли убедиться, вошли в христианскую обрядность, некоторые же сосуществовали с христианскими. Церкви часто возводились на местах языческих капищ — привычных местах церемоний религиозного культа. Что касается христианских догматов, то они прививались медленно, долго не исполнялись, о чем свидетельствуют несоблюдение целибата священнослужителями, гадание, употребление в пищу конины, рабство, конкубинат, вынос детей и мн. др.

Линия разрыва между язычеством и христианством в Скандинавии разделяла не только отдельные семьи, но подчас проходила *внутри* семей, делая чужими мужей и жен, родителей и детей. Она проходила в *сознании* и *душе* многих и многих людей того переходного времени.

Судя по сведениям от XIII столетия, тогда христианство уже в основном утвердилось в Скандинавии, соответственно изменяя *культурную идентичность* ее населения. Вместе с тем скандинавское христианство еще долго не принимало вполне догматического характера, впитав в себя множество языческих суеверий и соблюдаемых народом обрядов. И это не удивительно: ведь язычество было очень древним и отнюдь не «примитивным», но особым и целостным восприятием мира, с глубоко укоренившимся в человеке обширным комплексом тайн и верований, тесно слитых с природой, со средой обитания людей.

Что же касается того, какой была утвердившаяся к XIII в. церковь, то ее деятельность, приходская жизнь, взаимные отношения церкви и верующих, сама бытующая вера — все это, конечно, является предметом уже особого исследования[310].

[310] См., в частности: Сванидзе, 2008.

Часть 5

ИЕРАРХИЯ СТАТУСОВ И ЭВОЛЮЦИЯ СТЕПЕНЕЙ СВОБОДЫ

У ИСТОКОВ: «ПЕСНЬ О РИГЕ»

Содержание

Самые ранние письменные свидетельства о социальном разделении в племенной группе свионов (свеев) содержатся в хрестоматийном их описании у Корнелия Тацита. Среди других кратких сведений (о кораблях, оружии, воинах и др.) автор называет следующие социально-правовые разряды в их среде: «царь (rex, здесь — вождь, сканд. «конунг») и знатный человек; свободнорожденный, он же полноправный простолюдин; в самом низу — лично зависимый и бедный человек, раб[1]. Это описание представляет социальную стратификацию, типичную для родо-племенного общества.

К началу эпохи викингов такая социальная стратификация в среде скандинавов в главных чертах сохраняется. Доказательство тому — известное северогерманское собрание эпических и мифологических песен «Старшая Эдда», окончательно сформировавшихся на рубеже X–XI вв., но в большинстве случаев сложенных еще до середины VIII в., т.е. до начала походов викингов, и зачастую уходящих корнями в эпоху Великого переселения народов. В частности, речь идет о «Песни о Риге» (Rigsðula). Содержание и задачи этого небольшого произведения — мифологическое объяснение, в конечном счете осмысление истоков трехчленной структуры северных обществ. Но ценность его состоит также в том, что попутно в нем даются вполне реалистические описания быта и занятий людей каждого слоя, подчеркивающие различия между ними.

Сюжет мифа заключается в том, что некое верховное существо, один из богов по имени Хеймдаль, скорее всего верховный бог Один, «старый... многомудрый, храбрый и сильный» (ст. 1), принял облик человека, называемого Риг (Righ), т.е. Король[2]. Он последовательно посещает жилища трех разных супружеских пар. У каждой он встречает самое радушное, широкое гостеприимство — обычай, который у древних германцев отмечали многие авторы, начиная с Тацита. Для гостя на стол выставляется все, чем были богаты хозяева, а на ночь они укладывают его в лучшую — супружескую — постель. Взаимодействие верховного бога и людей было коротким, но имело решающие результаты. Риг проводил в каждом жилище трое суток, учил хозяев уму-разуму, а на ночь укладывался между хозяином и хозяйкой. И в каждом жилище через девять месяцев появлялись дети соответствующего общественного положения.

[1] *Тацит*. Гл. 44.

[2] Основа этого термина — индоевропейская: reg, reg-s. Ср. кельтские (в частности, ранние ирландские) источники, где король -ri, или ri rig — «король королей».

Сначала Риг посетил бедную хижину, где жили «Прадед с Прабабкой», носившие «старинные одежды» (ст. 2); прабабка в оригинале — edda[3]. В этой хижине Рига угостили грубым хлебом, с мякиной и толстой коркой, и похлебкой. В положенный срок у Прабабки родился безобразный лицом сын — темноволосый, сутулый, «с желтой кожей», со сморщенными руками и жилистыми, узловатыми суставами, «с грубыми пальцами, с толстыми пятками»; зато он «здоров был и крепок». Его «окропили водой», т.е. произвели церемонию наречения именем, принятую у дохристианских германцев (см. выше), назвали Трэлем (træl, ðræl, раб). Подросши, Трэль драл лыко, делал веники (на корм скоту. — *А.С.*), а также «целыми днями хворост носил», т.е. заготавливал топливо. Он принял в дом случайную побродяжку, босую и кривоногую Тир (tir, tyr, рабыня, невольница), загорелую, с приплюснутым носом и шрамами на грязных ногах. Они «болтали, шептались», а потом разостлали общую постель.

У них родились дети: 12 сыновей и 9 дочерей. «Песнь» называет их имена. Сыновей назвали Хлевник, Черномазый, Слуга, Скотник, Грубиян, Обрубок, Лентяй, Вонючий, Сутулый и т.д. А дочерей — Амбэтт («Служанка-невольница»), Оборванка, Пузатая, Толстоногая, Болтушка и т.д.[4] С детства Трэль «трудился по дому», теперь же вместе с детьми выделывает шкуры, удобряет поля, добывает торф, пасет коз и ухаживает за свиньями (ст. 7–12). «Отсюда пошло все *сословье рабов*», — заключает этот сюжет «Песнь».

Обращает на себя внимание то, что Прадед и Прабабка были одеты в «старинные [или «старушечьи» — по другому переводу] одежды». Объяснение этой интересной подробности может заключаться в том, что они носили одежду, унаследованную от предков, не имея возможности приобрести новую, чтобы в ней встретить гостя. Или же — это намек на давнее происхождение сословия рабов у скандинавов?[5]

Пройдя дальше по дороге, Риг подходит к жилищу «с открытыми дверями». В доме, куда он вошел, царил порядок и все дышало достатком. «Огонь в очаге», в углу — ларь. Владельцы жилища, «Бабка и Дед», заняты работой по дому (ст. 14–20). Дед, кудрявый, с подстриженной бородой, «трудился над деталями ткацкого стана». Бабка пряла. Она «была в безрукавке, на шее платок»; носила «головной убор и наплечные пряжки» (знаменитые скандинавские фибулы, которыми скреплялись детали одежды. — *А.С.*). Здесь Рига угостили много лучше: хлеб был мягкий, из просеянной через сито муки, а на столе много кушаний, в том числе «лучшее блюдо... телятина». Снова гостя уложили спать между супругами. И в положенное время у Бабки родился сын, и «облит [водой] он был». Назвали мальчика Карлом («мужик»,

[3] БЭН. Ст. 2. С. 700. Возможно, здесь и кроется объяснение названия «Эдда», о смысле которого идут споры. В данном случае получается, что «Эдда» — это «Старина», что-то «старушечье», «старинное».

[4] Там же.

[5] Это замечание «Песни» можно считать и аргументом в вопросе о смене мод (см. часть 2).

свободный и самостоятельный хозяин-простолюдин. — *А.С.*)[6] и спеленали. Ребенок появился на свет русоволосым, румяным, с живыми глазами, а когда подрос — «здоров был и крепок». Он мастерил плуги, «запрягал быков» (надо полагать, в том числе запрягал их в плуги для пахоты. — *А.С.*), «делал повозки и землю пахал».

Когда Карлу пришло время жениться, все было сделано по правилам, в соответствии с положением жениха и невесты. Невесту для Карла, по имени Снер («Сноха»), «во двор привезли». Она была «в платье из козьей шерсти, с ключами у пояса» (символ хозяйки дома. — *А.С.*). Супруги завели собственный двор. У них появилось 12 сыновей и 10 дочерей, также независимых, вольных людей. Сыновей звали Буи, Боди, Бонди («живущие [на земле]», т.е. свободные земледельцы, крестьяне), Смид («кузнец»; в то время это слово служило для общего обозначения ремесленников. — *А.С.*), также Бородатый, Широкий и т.д. Дочерей звали Карла («Мужичка», хозяйка), Снор и Снот (и то и другое — «Госпожа»), Виф («Женщина»), Сванни («Гордая»), Спрунд («Горделивая»), Спракки («Надменная»), а также Жена, Невеста, Хозяйка. И автор «Песни» заключает эту часть так: «Отсюда пошли *земледельцы свободные*» — *бонды* и, добавим, *ремесленники*, первоначально от них не отделявшиеся (ст. 21–25).

Последнее жилище, которое посетил Риг, было богато убрано и названо «хоромами», «просторным чертогом», у которого даже «кольцо было в [обращенной на юг] двери» (чтобы стучать? но дверь и здесь была не заперта). Пол в хоромах был застлан соломой (этот обычай в сельской Скандинавии сохранялся долго. — *А.С.*). Там жили «Отец и Мать», которые сидели рядом, держась за руки и смотря в глаза друг другу. Они могли так проводить время, поскольку надрывать себя работой у них не было необходимости. Тем не менее определенные дела у них все же были. Отец занимался своим оружием: «Тетиву себе прочную вил, / Стрелы точил, лук резьбой украшал». «Мать» красовалась перед гостем собой, своей белоснежной кожей и блестящими бровями, длинной узорной одеждой, поясом, головной повязкой и подвеской на шее. Она носила высокий головной убор, «одежду до пят», голубую рубашку. То и дело оправляя свой наряд и кокетливо поддергивая рукава, хозяйка, однако, помнила о своих обязанностях. Она вынула скатерть из тонкой льняной ткани с разводами и накрыла ею стол. Принесла пшеничные блины, уставила стол посеребренными блюдами с потрохами и салом, жареной птицей, «ценными кубками» и принесла кувшин с вином. Пили, беседовали до позднего вечера, потом улеглись в постель; гость снова устроился между хозяевами (ст. 26–33).

В положенный срок и в этих чертогах родился ребенок. Его завернули в шелк. «Облит водой был он, назван Ярлом» («Вождь», в будущем герцог. — *А.С.*).

[6] В скандинавском обществе термин «карл» (как и англосаксонский «керл», «cearl») имел, подобно термину «бонд», несколько значений: мужчина (т.е. носитель данного полового признака); «муж» (в противоположность «жене»); свободный и полноправный простолюдин и мелкий хозяин — «мужик». См. об этом выше, в части 2.

Ребенок был белокож и светловолос, «молнией очи сверкали змеиные». Подрастая, Ярл учился воинским премудростям: обращению с луком, дротиками и стрелами, с конем и щитом; он учился — метать копья, «с мечом управляться» и плавать в неспокойном море. А также изготовлять оружие: «сплетать тетивы, / луки он гнул, стрелы точил». Риг «обучал его рунам», подарил ему «земли наследные, старые селения» и в завершение объявил Ярла сыном и назвал своим именем, т.е. как бы признал его право стать королем. Подросший Ярл вел непрерывные распри, «вздымая свой меч»: «поля обагрял [кровью], врагов убивал, завоевывал земли» (ст. 34 и сл.). В результате в его владении оказалось восемнадцать дворов-усадеб (гардов), что, как мы помним, считалось в тогдашней Скандинавии очень большим богатством.

У Ярла была дружина — «окольные», которых он щедро одаривал дорогими одеждами, «поджарыми конями» и кольцами, «запястья рубил» (т.е. разламывал в дар дружинникам драгоценные браслеты).

Когда Ярлу пришло время жениться, он послал сватов «дорогой водною» к Херсиру[7], дочь которого была «белая, с тонкими пальцами, / Стройная, умная», белолицая. То, что характер путешествия подчеркивался, должно было, видимо, означать, что невесту для Ярла выбрали в каких-то не самых близких землях. Она приехала в брачном наряде. После того как отпраздновали свадьбу, супруги стали богато и счастливо жить в светлых хоромах и «множили род свой». У них было 12 сыновей, которые, подрастая, «щиты мастерили, / стрелы строгали, / укрощали коней, / потрясали щитами». Младшего назвали Кон, т.е. именем *носителя власти*: «молодой» *конунг* (konr + ung, где ung или ing означает принадлежность к роду королей). Все сыновья Ярла хорошо владели воинским искусством. Но Кон был одарен особенно, *волшебно*: он

Руны знал вещие, с вечною силой;
Мог защитить он в сраженье мужей,
Меч затупить мог и море утишить.
Мог он родильницам в родах помочь,
Птичий он говор разгадывать мог,
Пламя, и воду, и боль заговаривать,
Дух усыплял, тоску разгонял он.
Силу имел он восьми человек.
В мудрости рун с ним Ярл Риг состязался,
И побежден был отец и наставник:
Кон получил от учителя право
Ригом назваться и руны хранить.

[7] Герсир, херсир — управитель целой области, часто ярл.

Изучая саги, мы нередко встречаемся с упоминаниями о подобных волшебных умениях верховного правителя.

В «Песни» есть ряд пропусков. Окончание ее не сохранилось. Там, судя по оставшимся отрывкам, Кон направлялся в другие местности, где были земли лучше, чем у него, где жили умелые мореходы и воины, где наш герой, видимо, мог рассчитывать стать королем или, во всяком случае, расширить свои владения (ст. 41–48). Это наводит на мысль, что «Песнь» дает мифологическую версию происхождения какого-то определенного скандинавского королевского рода — возможно, Инглингов. В ней также отсутствует авторское заключение: «Отсюда пошло...» Но в нем нет нужды, поскольку ясно, что последним своим посещением бог Один если не создал, то, по крайней мере, значительно укрепил общественную элиту, из состава которой выходили и *ярлы, и конунги*.

Итак, перед нами мифологическое, дохристианское объяснение того, как по промыслу верховного божества, вмешавшегося в жизнь людей, возникло и из каких страт состояло «трехслойное» общество древних германцев, в том числе скандинавов. Прелестная «Песнь о Риге» весьма содержательна и многозначна. Она дает живое, зримое представление о социальном составе и занятиях разных слоев скандинавов в этом доклассовом, но уже переходном, резко стратифицированном по материальному достатку, занятиям, престижу и, безусловно, правовому статусу обществе: рабы; свободные и полноправные, исполненные самоуважения хозяева-простолюдины; знать во главе с правителями-ярлами и конунгом. Очевидно, что такое общество существовало на далеком от Античности Европейском Севере задолго до «Песни о Риге».

Рабство имело домашний характер, рабы использовались как прислуга в доме, а вне его — на самых грязных, физически тяжелых или неприятных, но очень важных работах. Судя по последнему обстоятельству, рабов, видимо, было много: надо полагать, каждый общинник стремился иметь рабов хотя бы для ухода за скотом. Раб стоял вне гражданского общества, не случайно ему было не обязательно «оформлять» свой брак. В «Песни» раб имеет свою хижину, но это обстоятельство, возможно, вызвано композицией произведения, а не реальным положением вещей.

Собственно говоря, гражданских, *полноправных сословий* всего два. Наименее ярко охарактеризованы свободные землевладельцы, землепашцы и мастера, обладающие самыми разными умениями. Наиболее ярко — высшее сословие во главе с конунгом, именно он главный герой произведения.

Элита, включая вождя-конунга, — это прежде всего воины. *Воинские функции* — их главная обязанность и основное занятие. Они воюют непрерывно, захватывают имения, земли, изготавливают и чинят свое оружие.

Власть конунгов фактически наследственная. Конунг имеет дружину, «окольных», к которым неизменно щедр.

Более того, «Песнь» наделяет конунга сверхъестественными умениями, знаниями, могуществом. Во время создания фольклорной основы «Старшей Эдды», в том числе «Песни о Риге», в северных странах еще не сложились средневековые государства, царили племенные общности и их политические образования, каждое из которых занимало определенную территорию, носящую имя населяющей ее общности (обычно племени), и управлялось своим вождем — ярлом либо «малым» конунгом. Так вот, «Песнь» содержит наглядное свидетельство обожествления, *сакрализации* уже этих малых конунгов, местных вождей, т.е. верховной власти в обществе, еще раздробленном на племена или союзы племен, догосударственном или переходном к раннему государству. В «Песни» описываются некоторые колдовские навыки и вообще умения (или, как они назывались позднее, «искусства») конунга, например победоносность, в том числе воинская «удача», способность понимать язык птиц, «затуплять мечи», лечить, знание рунического письма. Эти и другие способности позволяли вождю выполнять и какие-то *жреческие функции*, следы этого имеются в сагах. Но ни о них, ни о судебных или фискальных (сбор дани, например) правообязанностях конунга в «Песни» речи нет. Элита во главе с ярлом или конунгом — сословие воинов, причем прежде всего сами предводители, вожди присваивают основные плоды завоеваний.

Имея не одно земельное владение, конунги и другие представители элиты должны были много шире, чем бонды, использовать рабов на различных работах. Но достаточно ясно это можно проследить только по другим материалам, прежде всего по сагам, и только там содержатся вполне четкие сведения о характере землевладения знати (см. ниже).

«Песнь» свидетельствует, что скандинавы в период раннего Средневековья разводили скот и сеяли злаки, обрабатывали землю, пекли хлеб (т.е. имели подовые печи?) изготовляли ткани при помощи ткацкого стана, мастерили оружие, охотились, были отважными воинами и искусными мореходами. «Песнь» дает представление о топливе того времени (это, в частности, хворост), о «составе» скотного двора, о том, как одевались люди каждой из трех страт тогдашнего общества. Саги, как мы уже могли убедиться, обнаруживают устойчивую преемственность занятий и быта северных германцев на протяжении столетий.

«Песнь» свидетельствует о зарождении таких *социально-правовых «связок»*, как овладение землей — *земельная собственность — статус*, а также земельная собственность — *занятие — власть*. Не случайно в произведении подчеркивается, что в результате своих воинских предприятий Кон сумел приобрести два десятка дворов (имений, хуторов), т.е. серьезно расширить свою недвижимость. Очевидны и такие социально-правовые «связки», как *функции — статус*; *функции — занятие — свобода* и/или *несвобода*.

«Песнь» дает представление об этических нормах, распространенных среди людей: о гостеприимстве и ритуале приема гостей, об уважении, которым пользовались доблесть, мудрость, физическая сила, разнообразные знания и умения.

Некоторые соображения

Это небольшое произведение, давно известное специалистам, но недооцененное, представляет собой неиссякаемый источник сведений и впечатлений. В предпринятом мной исследовании повседневной частной и общественной жизни людей саги и их исторической памяти о себе «Песнь о Риге» занимает большое, важное и емкое место.

Многие из тем, которые впервые затрагиваются в «Песни», уже рассмотрены выше на материале саг и сопутствующих им произведений. Настала пора обратиться к основному сюжету «Песни» — социально-правовым стратам, характерным для Скандинавского региона в начале эпохи викингов. В то время эти страты, похоже, в основном совпадали с тем, что описано «Песнью». Перед нами предстает трехслойное общество, характерное для родо-племенного строя на стадии его разложения, — то, что А.И. Неусыхин называл «древностью, но уже без первобытности». Там представлены бесправные люди, преимущественно домашние рабы; полноправные, самостоятельные хозяева, исполненные достоинства простолюдины; привилегированная родовая знать, из среды которой выходят короли и общественные функции которой включают войну, управление и, вероятно, жреческие.

Трудно сказать, когда именно эта стратификация, представленная «Песнью» в художественно-мифологизированной и выпуклой, но все же схематичной форме, стала в реальности усложняться путем расщепления всех страт и появления новых социальных групп. Но эпоха викингов сравнительно быстро изменила социально-правовое членение скандинавских обществ, обозначила, точнее, обострила полюса каждой страты.

Однако сразу же оговоримся: до XIII столетия сословная структура в Северном регионе не получила правового определения в кодифицированном праве, зато была вполне ясно отражена в обычном праве; поэтому дальше речь пойдет не о сложившихся сословиях, а о социально-правовых слоях, чьи общественные позиции и эволюция зафиксированы в сагах.

И еще одно соображение, существенное для понимания последующего текста этой части. В конечном счете скандинавы подразделялись на две основные категории: *лично свободных* и *лично зависимых* людей. Вторая категория находилась почти вне рамок основного правового поля. Первая же состояла из массы рядовых полноправных людей и привилегированной знати, но была объединена решающими общими признаками: лично-наследственной *свободой* и наличием независимого *собственного хозяйства*. Бонды и знать находились в сложных, противоречивых отношениях, они то противоборствовали, то объединялись. В той жизни, которая описана в сагах, эти два общественных слоя присутствуют одновременно, выступают в неразрывном единстве, так что, говоря об одном из них, невольно уделяешь внимание и другому. И так было почти до конца классического Средневековья.

БОНДЫ: ВЕЛИЧИЕ СВОБОДЫ

Саги неоспоримо свидетельствуют, что в скандинавских обществах эпохи викингов каждый социально-правовой слой уже делился на группы с различным имущественным состоянием и общественным статусом. Изменились как отношения между слоями и группами, так и внутри их, изменился также характер социальной динамики. Все это в разной степени можно проследить по сагам, письменные тексты которых, как известно, создавались преимущественно в XIII в. Это столетие было важным этапом централизации Скандинавских государств, которая сопровождалась распространением системы постоянных налогов и оформлением сословного строя. В Норвегии этот процесс еще в XII в. вызвал вспышку гражданской войны, завершившейся победой повстанцев и приходу к власти их вождя Сверрира. Основу повстанческого движения составили бедняки, «лапотники» («биркебейнеры»), но и в нем были немало бондов. Вооруженное сопротивление, хотя и окончившееся поражением повстанцев, вызвало укрепление государства в Норвегии (см. ниже).

Бонды — основное население Скандинавии эпохи викингов

Мотив свободы, независимости и достоинства звучит в сагах с особенной силой, когда он касается самой многочисленной, преобладающей страты скандинавских обществ — *бондов*. О них уже говорилось выше, в связи с усадьбой скандинавов, но здесь, где им посвящен отдельный очерк: нельзя не подчеркнуть особенности этого слоя и его общественного положения.

Бонды — это «свободнорожденные» (ingenui) Тацита[8]. В сагах бонды чаще всего фигурируют в сословном значении: как свободные средние и мелкие хозяева, владельцы наследственной земли, общинники, самостоятельные, полноправные, но непривилегированные люди. Это almugi или allmogen законов, что означает «общины», «деревенский люд», незнатные люди, «*простолюдины*». Бонд (bóndi, búandi, «живущий [на земле], а также bu[n]þa и bo[n]þa рунических камней») является центральной фигурой саг, прежде всего родовых, и, соответственно, общественной жизни того времени, он — созидатель, объект и субъект обычного права. Встречается, например, в Эстгётском областном законе и соответствующее бонду наименование «карл» — общегерманское обозначение мужа и мужика.

[8] *Тацит*. I:44.

Идет ли речь о междоусобице, или о борьбе за власть в кругу элиты, или о христианизации, или о взглядах автора текста той или иной саги на события и явления прошлого, всегда понятия «народ» и «бонды» взаимозаменяемы. И так дело обстояло не только в Исландии, где не было городов и королей (последних — до середины XIII в., когда остров был подчинен королю Норвегии); или на Готланде, где королевская власть (шведского монарха) была номинальной, но так было и в основных скандинавских обществах эпохи саг.

С формированием в Скандинавском регионе крестьянства как класса-сословия уже средневеково-феодального общества термин «бонд» стал обозначать крестьянина. И ранее всего это произошло в Дании, вероятно, уже со второй половины XII в. Но в эпоху викингов, как отмечалось выше, термин «бонд» не только сохранял три *исторических значения* — муж — свободный мужчина, муж-воин и муж-супруг, но и приобрел новое значение, все более распространявшееся по мере разложения родо-племенных отношений и большой семьи: *хозяин-простолюдин*. Если отвлечься от первых трех значений, то обнаруживается, что, с одной стороны, термин «бонд» и в сагах используется как обозначение полноправного простолюдина, «простеца», крестьянина. Но не менее частым в эпоху саг и еще в XIII в., когда основной массив саг был записан, является употребление термина и понятия «бонд» в значении *самостоятельный* (в разной степени) «*хозяин*» (oðalbóndi) — собственник и распорядитель своего наследственного земельного надела — одаля или арва (oðal, arv). Он хозяин всего имущества, семьи и прочих насельников своих владений, организатор жизни своего подворья, полноправный участник народного собрания и член общества.

Бонд-однодворец археологически фиксируется уже с середины 1-го тысячелетия. Например, в Норвегии отдельные дворы-гарды появляются уже в V в. Именно бонды-однодворцы составляли подавляющую массу свободных скандинавов и в эпоху саг. Бонд был основной общественной фигурой, а его подворье и внедворовые владения — основной хозяйственной ячейкой в Скандинавии того времени. Очевидно, что преобладание бондов в социальном строе означало соответственно *преобладание мелкого землевладения* в структуре земельной собственности, что характерно для северного Средневековья.

Как явствует из очерков о владениях и занятиях жителей Скандинавии в эпоху викингов, именно положение *хозяина своего хутора* делало человека бондом. В королевских главах Упландслага XIII в. бондом называют «каждого, кто ест свой хлеб». И «бондом должен быть тот, кто в состоянии поставлять продовольствие для кораблей». А кто «этого делать не может, пусть будет наемным работником». В «Саге о Греттире» (гл. XXVII) только у бондов есть право на долю туши кита[9], причем «они

[9] Речь идет о доле туши кита, выброшенной на берег, пользование которой входило в право прибрежных жителей (см. часть 1).

имеют преимущества перед теми, кто не живет своим домом». Итак, *бонд — это самодостаточный хозяин, способный выполнять общественные обязанности.*

Именно с бонда, с самодостаточного хозяина, начинался в Скандинавии того времени отсчет полноправия. Не случайно обычное право в Швеции называлось «закон бондов» (bonda lagh), причем исходя из исторического контекста этот термин следует понимать отнюдь не в смысле «закон простых людей», а в смысле «закон хозяев», *закон полноправных людей.* Разграничить эти употребления термина «бонд» — «простолюдин» и «хозяин» — все еще непросто, ведь и знатного хозяина в каких-то случаях называли бондом[10], хотя, как увидим дальше, ни размер имущества, ни уважение соседей не делало простолюдина представителем высшего, привилегированного и правящего слоя общества.

Ниже пойдет речь о бондах в обоих этих ипостасях: как *самостоятельных хозяев* и как *простолюдинов*[11].

Разряды имущественного состояния и престижей в среде бондов

Среда бондов в эпоху викингов вовсе не была однородной: были богатые, средние и бедные бонды, были уважаемые люди и те, которыми пренебрегали, была своя элита этого слоя и свои парии. В сагах слову «бонд» нередко сопутствует уточнение типа: «могущественный бонд» или «стурбонд», «лучший» (besta рунических надписей), «богатый», «добрый» (в смысле «достаточный»), «крепкий», — или «бедный», «незначительный». Кроме того, в сагах упоминаются просто «свободные люди» и «свободные хозяева», что отнюдь не всегда одно и то же. Так, в «Саге о Херде и островитянах» против грабителей собирались «многие бонды, свободные люди и знатные мужи»[12]. Таким образом, не все свободные люди были бондами-хозяевами и не все бонды были знатными мужами. В связи с жестокостями, которые сопутствовали христианизации, говорится об убийстве «могущественных бондов» и «лучших людей»[13]. В европейской терминологии того времени «лучшие люди» — это элита, но кого сага имеет в виду в данном случае — верхушку бондов или знать — не ясно. Разбираться в этих градациях и интересно, и поучительно, хотя имеющиеся сведения отрывочны и неточны.

Тот факт, что бонды делились, грубо говоря, на богатых, зажиточных и бедных, у которых «было мало земли»[14] и вообще мало имущества, так или иначе можно

[10] Так было иногда и в XIII в. В «Саге об исландцах» «первым бондом во всем Островном Фьорде» назван родовитый Кальв.

[11] О рабах, батраках и прочем люде самых низких общественных категорий см. ниже.

[12] ИСИЭ. С. 489.

[13] Сага об Олаве Святом. Гл. CIX.

[14] КЗ. С. 59. Ср. упоминание о «бедняке» в КЗ. С. 497, 498.

обнаружить в целом ряде саг. Из них также хорошо видно различие между бондами и знатью. Не случайно даже при разделе улова знатный человек получал большую долю, нежели незнатный.

В «Саге о Харальде Прекрасноволосом» (гл. XXVII) рассказывается о неком Халладе сыне Регнвальда, ярла Мера, которого отец послал на Оркнейские острова, чтобы тот занял там пустующий пост ярла и защищал население от пиратов-викингов. Но Халлад «скатился с престола ярла и стал бондом», а затем бесславно вернулся «на восток в Норвегию». Узнав об этом, конунг Харальд был возмущен и сказал, что сыновья Регнвальда «не похожи на своих предков». Тогда поехать на острова вызвался Эйнар, брат Халлада по отцу. Регнвальд согласился, но не преминул напомнить Эйнару, что по матери он «из рабов» и что до сих пор от него вряд ли можно было ожидать много чести для рода. Однако сын рабыни Эйнар, уехав на острова, «стал ярлом островов и могущественным мужем». Иначе говоря, социальные отношения того времени допускали как снижение статуса (от ярла — к бонду), так и повышение статуса (даже от полураба — бастарда ярла — к ярлу).

Из «Саги о Хромунде Хромом» следует, что в спорной ситуации общество принимало сторону бондов, местных хозяев, а не «пришлых людей и не выходцев из низов». Напрашивается вывод, что основное различие между бондом-простолюдином и рабом или вольноотпущенником определялось происхождением от лично свободных или несвободных людей. Различие же между бондом-простолюдином и хозяином, принадлежащим к элите, также определялось происхождением, т.е. наличием или отсутствием знатных предков, фактом рождения в известном знатном роде, но также и должностным положением.

Должность возвышала. Низкое происхождение не мешало обогащению, но было известным препятствием к возвышению, к обладанию общественным престижем. Его припоминали, используя в корыстных целях. Бонд Ульвар считался «отменным хозяином», который умел быстрее соседей сушить сено, так что его скот никогда не падал от недокорма и не знал болезней. Кроме того, он «хорошо предсказывал погоду», да и вообще «с ним советовались». Иначе говоря, Ульвар был уважаемым человеком. Как-то он дал очень хороший совет богатому и знатному Торольву, владельцу множества рабов. Несмотря на услугу соседа, Торольв украл у Ульвара сено и при этом за глаза оскорбил его, назвав «рабом, который и без этого слишком богат»[15]. Выше в очерке о супружестве приведен случай, когда богатый бонд «низкого происхождения» был вынужден согласиться на требование пожилого знатного человека выдать за него свою молоденькую дочь на условиях «неполной свадьбы», иначе говоря, без обряда, а только за выкуп — фактически продать. Эта свободная женщина, став «незаконной» женой богатого старика, тем самым приравнивалась по своим правам к содержанкам и после его смерти

[15] ИС II:2. С. 67.

осталась с детьми без средств к существованию, так что растила их, вернувшись в дом своего состоятельного отца.

О бедных бондах сведений в сагах мало, нередко они имеют косвенный характер. По моему убеждению, так получилось не потому, что бедных бондов было мало: некоторые реплики в сагах убеждают как раз в обратном. Просто саги как произведения были «нацелены» на выдающиеся личности, остальные же люди, особенно простые бонды, предстают там в виде безликой серой массы. Все же саги отмечают, что в Норвегии были районы (в частности, Халогаланд), «где *много мелких бондов*», у которых богатые люди, пользуясь полученной от короля властью, скупали землю, составляя себе целые имения. Разоряли бондов и бесчинства королей. Известно, например, что конунг Магнус Добрый (см. сагу о нем, гл. XV и сл.) отнимал имущество и земли у бондов, ссылаясь на то, что они выступали против его отца Олава Святого. «Кое-кого он изгнал из страны, у некоторых велел перебить скот».

В «Саге о Храфнкеле годи Фрейра» (гл. IV) рассказывается о брате богатого хозяина Бьярни. Этот брат имел малый достаток и многочисленную семью. Его сын Эйнар был парнем рослым и дельным. И вот отец попросил его найти себе работу, поскольку «у него (отца. — *А.С.*) бедность и нищета», «так что и другие дети станут работниками». Из «Саги о Курином Торире» следует, что бедные бонды нередко становились должниками богатых соседей и попадали от них в зависимость[16]. Некоторым все же удавалось сохранить самостоятельность. Так, «в устье Фьорда Эйрика у подножия ледников жил человек по имени Гамли. Он был беден и не держал в доме прислуги». Зато он являлся «бывалым охотником». Его «суровая и во всем искусная» жена Грима хорошо врачевала, «ведала древние обычаи» и умела «делать человека невидимым». Жили они только вдвоем, в тесной хибаре, состоящей из одного помещения. Судя по тексту саги, Гамли и его жена не имели ни земли, ни скота.

Хрут из «Саги о Ньяле» (гл. XXIV) имел *«своих бондов»*, которые были готовы помочь ему, например при выплате долга[17]. В другом случае, как повествует сага, «все соседи были *подневольны* сыновьям Торбранди и не могли занять эти [общинные] земли»[18], иначе говоря, сыновья Торбранди лишили соседей части (?) угодий, без которых крестьянское хозяйство было обречено на тяжкое существование и прямое разорение. В «Пряди о Пивном Капюшоне» между прочим повествуется о том, что некий лес, которым сообща владели богатые и знатные люди одного годорда, был ими куплен «на тинге» «для своих нужд»[19], став недоступным для прочих соседей. Таким образом, здесь мы снова сталкиваемся с отнятием у рядовых бондов угодий, которые из общего владения превращаются в собственность местных богатеев, утвержденную на тинге. Известный Хрольв, годи капища, заставлял людей из своего

[16] ИС II:1. С. 35–36.

[17] ИС I. С. 484.

[18] ИС II:2. С. 78.

[19] КЗ. С. 548 и сл.

годорда сопровождать его в поездках; между тем в годорде зачастую было не менее 60 хозяев[20], так что если годи брал с собой в поездку только часть из них, это уже составляло значительную потерю времени для многих бондов данного годорда и немалую трату средств для тех, кто этот выезд принимал. Переехав в Исландию, годи Хрольв занял обширную территорию, на части которой «поселил людей»[21], видимо, на условиях *поземельной зависимости*.

О притеснении бондов «могучими хёвдингами» можно узнать и из других саг[22]. Отец известного Торстейна так сказал однажды годи Бьярни: «Только глупец рад посулам. Немногого стоят ваши, знатных людей, обещания... едва ли на месяц хватает утешений, а потом с нами обращаются как с нищими, и не скоро забывается наше горе»[23].

Говоря о факторах обеднения и/или разорения бондов, необходимо иметь в виду и отсутствие в Скандинавии *майората*, вследствие чего происходило дробление наследственных земельных владений, прежде всего там, где годные для хозяйствования земли были уже распределены.

Итак, судя по исландским сагам, в скандинавском обществе того времени были *бедные бонды*, которые сплошь и рядом попадали в зависимость от знатных лиц, от богатых соседей. Они фактически теряли часть своего полноправия даже в пределах своего района, что приводило их к необходимости сопровождать влиятельных лиц в их поездках, отказываться от пользования альмендой (скорее всего, ее частью), отправлять членов семьи на наемную работу, становиться держателями (арендаторами) земли у богатых собственников. Эта часть категории бондов как *особая социальная группа* складывается именно в эпоху викингов, резко убыстрившую социальную динамику скандинавского общества. Наиболее быстро процесс потери бондами своего прежнего независимого положения и недвижимости проходил в земледельческой Дании, где уже в XII столетии отмечается наличие поземельно и лично зависимых людей и где термин «бонд» довольно быстро стал означать крестьянина-простолюдина, но никак *не* самостоятельного хозяина. Впрочем, Дания в этом отношении была скорее исключением. А вот в Швеции собственники-бонды еще в XVI столетии (судя по переписи начала 1570-х гг.) владели чуть ли не половиной освоенной земли.

Из приведенных фактов также явствует, что только самые бедные бонды не имели «прислуги». Уже некий достаток позволял держать в доме как минимум одного-двух рабов — подсобную рабочую силу, особенно важную при господстве экстенсивного хозяйства. Если зажиточный хозяин имел немного прислуги, саги говорят об этом особо, например: Куриный Торир является крепким хозяином,

[20] ИСИЭ. С. 451.
[21] ИС II:2. С. 25 и сл.
[22] ИС I. С. 206–207.
[23] ИСИЭ. С. 136.

«но работников имеет мало»[24]. Скорее всего, такое могли позволить себе люди, в семье которых было достаточное число мужчин.

О *состоятельных бондах* и их *верхушке* в сагах говорится больше всего. Здесь и Торстейн сын Торарина, который в молодости был «великим викингом», да и теперь он «не из покладистых». Его сын, рослый, сильный «и притом миролюбивый», работал в хозяйстве отца «за троих». Они не были богаты, но владели значительным количеством оружия (что очень ценилось), а «еще у них был табун», и продажа лошадей приносила им хороший доход, потому что их кони «никогда не подводили в дороге и были непугливы», их можно было также использовать в играх и сражениях[25]. Здесь и «добрый бонд» Торбьёрн, которого часто приглашали на суд как беспристрастного свидетеля, что было весьма почетно («Сага о Торстейне Белом», гл. CVI). И «крепкий бонд» Бьёрн сын Отара, на которого работал незадачливый племянник[26]. И богатый бонд Гуннар[27]. И «хитрый купец и богатый бонд» Транд (из «Саги о фарерцах»). Богатый бонд Грандсель (из «Саги об Олаве Святом», гл. CVI) в молодости ходил в викинги, когда, вероятно, и заложил основание своего богатства; кроме того, был «искусен во всем». В другой связи в этой саге также говорится о «богатых бондах» (гл. CXXIII). Влиятельный Гуннар из «Саги о Ньяле», отправляясь в викинг, берет с собой бондов, видимо, соседей или в чем-то зависимых от него людей, признающих его главенство (гл. XXIX), хотя, как считалось, в эпоху саг бонды не могли быть вассалами у своих соотечественников. В сагах неоднократно говорится и о том, что «богатые бонды» устраивали пиры для конунга и его свиты, когда он проезжал через их земли[28].

Несомненно, что среди многих и разнообразных занятий скандинавских бондов, особенно *состоятельных* (как и знати), немаловажное место занимала *торговля*. Таких бондов называли «*торговыми*». На острове Готланд таких инициативных и богатых бондов было большинство. Но и в других странах Северной Европы бонды нередко торговали продуктами своего хозяйства (см. часть 2).

С другой стороны, викинг-берсерк убивает на поединках многих бондов, видимо, не настолько состоятельных и авторитетных, чтобы его наказать, и путем беззакония и убийств собирает «много земель и добра»[29].

Саги наглядно свидетельствуют о *двух процессах*, которые в эпоху викингов постепенно, в разных странах в разном темпе размывали основную, преобладающую категорию населения — бондов. С одной стороны, путем прямого или замаскированного принуждения их лишали главной собственности — земли и скота.

[24] ИС II:1. С. 313.
[25] ИСИЭ. С. 130.
[26] ИС II:2. С. 51–52.
[27] ИС I. С. 30.
[28] См., например: Сага об Олаве Святом. Гл. CV.
[29] ИС I. С. 200 (гл. LXIV). О викингах и берсерках см. выше.

Одновременно они попадали в известную личную зависимость от более богатых или (и) привилегированных хозяев, т.е. теряли часть своей независимости, вынужденные оказывать им поддержку, а также в той или иной мере и форме обслуживать их.

С другой стороны, саги много и с уважением говорят о *верхушке бондов*, которая к тому времени уже довольно явственно отделилась от основной их массы. Еще в «Старшей Эдде» («Песнь о Хюндле») между прочим говорится о *хольде* — наследственном землевладельце, наделенном всеми правами, принадлежащем к верхушке бондов. А в XII в. «Законы Фростатинга» (XIV:7) уже фиксируют, что разбирательство земельного спора на тинге проводится с помощью 12 «хольдов или лучших (!) бондов»! В сагах то и дело упоминаются то «богатый бонд... рослый и сильный», то «лучшие бонды», «достойные бонды»[30]. Судя по «Саге об Эгиле», богатые бонды устраивали пир знатному приезжему, и на пире присутствуют «все лучшие люди». Когда местный лендрман собирает пиры для знатного человека, в них участвуют «богатые бонды»[31]. В «Саге о сыновьях Харальда Гилли» богатый бонд дает пир королю Сигурду (!) (гл. XVIII). «Сын бонда» с успехом служит дружинником у знатного человека (гл. III).

В «Саге об Олаве сыне Трюггви» (гл. XLVIII) «могущественный бонд» Орм поднимает бондов всей округи против ярла Хакона, который через посланцев-рабов (дополнительное унижение!) потребовал, чтобы Орм прислал ему свою жену, красавицу Гудрун. Когда Орм ответил отказом, рабы ярла стали ему угрожать. А поскольку этот ярл уже и раньше позорил замужних женщин и отнимал жену у другого бонда, негодование против него стало всеобщим. Орм поднял всю округу, бонды собрали рать. Ярлу пришлось отступить; он бежал, но один из его рабов «предал и убил его».

В «Саге о Харальде Серая Шкура» (гл. XIV) рассказывается история о том, что бонды хотели убить на тинге конунга Сигурда Слюна за то, что он опозорил чужую жену. Дело было так: конунг Сигурд Слюна, брат конунга Харальда Серая Шкура, как-то приехал в гости к «могущественному и знатному мужу» — херсиру Клюппу сыну Торда сына Херда-Кари. Самого хозяина не было дома, но «Алов, его жена (также из знатного рода. — *А.С.*), хорошо приняла конунга. Пир был на славу, и на нем много пили. Конунг пришел ночью к ложу Алов и лег с ней против ее воли. Потом конунг уехал». Следующей осенью Харальд и Сигурд «поехали в Вере и созвали там тинг бондов. На этом тинге бонды набросились на них и хотели убить, но они спаслись и пустились прочь», а затем разъехались по разным местам. Херсир Клюпп узнал, где остановился Сигурд, и «собирает родичей, чтобы напасть на конунга. Предводителем их был Вемунд Костолом». Клюпп в конце концов убивает насильника, но при этом погибает сам. Здесь бонды выступают против знатного насильника сомкнутым строем, вслед за представителем местной знати.

[30] См., например: ИС I. С. 30, 46, 213, 218. В Швеции эта категория обозначалась термином *storbonde*, т.е. «большие», «могучие» бонды.

[31] ИС I. С. 79 и сл.

В той же обширной «Саге об Олаве сыне Трюггви» (гл. LXVI) «могущественный бонд» выступает в Мере предводителем других бондов в борьбе против крещения. Поскольку должность его не названа, а о знатности не говорится, его можно было бы отнести к бондам-простолюдинам. Но, скорее, стоит предположить, что он все же был не только богатым, но и родовитым человеком. Не случайно в «Саге об Олаве Святом» (гл. LXI) «знатных бондов» на пиру короля во время йоля называют также «могущественными бондами». И не случайно бонды (устами лагмана тинга) грозят убийством шведскому королю, если он не достигнет примирения с королем Норвегии, без чего невозможны ни пограничная торговля, ни вообще нормальная жизнь населения.

Однако при описании состава ополчения в «Саге о Магнусе Добром» «могущественные бонды» фигурируют наряду с просто «бондами» и лендрманами — крупными служилыми людьми короля[32]. Видимо, «могущественные бонды» все же принадлежали к *верхушке бондов*, составляя либо *переходную группу* к знати, либо *входя в родовую знать*. В «Саге о Битве на Пустоши» знатный человек, хёвдинг Стюр «вместе с лучшими бондами» установил правила клеймения скота[33]. Состоятельный бонд Хромунд Хромой (см. сагу о нем), склочный и нечистый на руку, оставался безнаказанным, поскольку имел в качестве заступника и покровителя окружного хевдинга. В «Саге о Сверрире» (гл. 21) говорится, что 12 «могучих бондов» могли выставить до 100–120 воинов.

Из этой совокупности разрозненных сведений можно сделать некоторые выводы касательно занятий и положения самостоятельных бондов. Среди них «богатые», «добрые», «лучшие» и «могущественные» занимали привилегированное положение и, подобно знати, все чаще держали под своим патронатом менее состоятельных и, тем более, бедных бондов, обычно соседей. Свое богатство «лучшие» бонды наживали разными способами: участвуя, особенно в молодости, в походах викингов, много реже путем грабежа соседей; конечно, благодаря хозяйственной смекалке; часто за счет торговли; но всегда и за счет упорного личного труда в своих владениях. Они наживались в «грабительских походах». Так, в грабительские походы ходил вместе с конунгом сын «богатого бонда» (ríkr bunði), под началом которого было пять кораблей (!) и который пользовался большим почетом у конунга; не исключено, конечно, что он был знатным человеком. И при всех условиях даже весьма зажиточные хозяева старались заручиться поддержкой представителей власти. Пример того же Хромунда Хромого был, конечно, не единственным.

А между тем квинтэссенцией «Саги о Хромунде Хромом» было то, что «бонды в стране крепки и умеют давать отпор». Действительно, как правило, все самостоятельные бонды отличались гордым, независимым характером, что ярко выражено

[32] КЗ. С. 389.

[33] ИС II:1. С. 51 (гл. III).

в этой саге: бонды готовы «идти на риск и отстаивать свое достоинство, а не предпочитать спокойную жизнь» и мириться «с оскорблениями и ущербом». В этой саге можно найти и иллюстрацию такой позиции бондов. Там повествуется, что норвежские викинги-грабители, прибыв осенью в Исландию с тем, чтобы там торговать, решили перезимовать на хуторе бонда Торира. Это не вызвало энтузиазма у хозяина, но их угрозы заставили его согласиться. Однако он поставил им жесткие условия: потребовал от предводителя «...принести по законам нашей страны клятву за всех в том, что этой зимой не станете ущемлять ничьи права, равно как тягаться по закону со мной, моими домочадцами или соседями. Тогда кров я вам предоставлю, но кормиться будете сами». На что викинг Хельги ответил: «Будь по твоему слову, бонд». Они остались на хуторе, но «спали в отдельном помещении». В сагах неоднократно говорится о коллективном отпоре, который бонды оказывали грабителям. А в «Саге о Названых Братьях» небогатая женщина Сигрид готова «охотно поступиться своим хутором» ради того, чтобы посрамить врага.

Общественные позиции и самосознание бондов

Гордость, самостоятельность, свободолюбие, отвага и решительность бондов базировались не только на их положении хозяев своего имущества и их родственных связях, но, прежде всего, на том, что они обладали серьезными *правообязанностями*.

Одна из них — *воинская*: это право и обязанность иметь и носить свое оружие, участвовать в народном ополчении на суше и в военно-морском ополчении-ледунге. Доказательств тому в сагах предостаточно. Конунг Харальд (начало X в.) объявил поход и ледунг одновременно, потребовав поставки ополчения со всех бондов[34]. При Хаконе Добром (ум. ок. 960) страна была разделена на *воинские округа-фюльки*, каждый из которых должен был поставлять определенное число кораблей и ополченцев для отражения вторгшегося врага (см. сагу об этом короле, гл. XX)[35]. Аналогичное деление на воинские округа — *сотни* (херады, хундари) произошло в свейских и гётских землях Швеции и в Дании (херады). Об участии бондов в народном ополчении, в том числе общенорвежском, при возникновении внешней угрозы или во время междоусобиц, равно как и об ущербе, который причиняли народу военные действия, говорится и в «Саге о Харальде Суровом» (первая половина XI в., гл. LX). Конечно, судя по некоторым выражениям саг, общественные воинские правообязанности бондов уже к концу эпохи викингов начали превращаться в их обязанность перед государством. Об этом свидетельствует тот факт, что воинские

[34] ИС I. С. 73 и сл.

[35] КЗ. С. 78.

округа как самодеятельная военная организация бондов по мере формирования королевской власти превращаются в составную часть военно-административной организации, подконтрольной королю (см. часть 6). Однако этот процесс был постепенным, совсем не быстрым, и в эпоху викингов он делал лишь первые шаги.

В двух сагах, материалы которых использованы ниже, речь идет о событиях, происшедших уже после конца «эпохи викингов», в первой половине XII в., что весьма интересно, поскольку они свидетельствуют как о сохранении и значительной роли ополчения бондов, так и о том, какой свободой в этом отношении они пользовались. Одна из них, «Сага о Хаконе Широкоплечем» (гл. I–III), рассказывает, что во время междоусобицы в Норвегии на просьбу одного конунга о войске, обращенную к бондам, те не откликнулись. Зато, когда богатый торговый город Конунгахелла оказался в опасности, они вместе с его жителями поддержали «предводителя лендрманов» и отважно отстояли город. Другая сага, «Сага о Магнусе Слепом и Харальде Гилли» (гл. XI), рассказывает о том, как активно бонды защищали страну от вендов, славян с восточного побережья Балтики, которые напали на ту же Конунгахеллу. Как и балтское племя куршей, венды грабили скандинавское население и уводили людей в рабство. Несмотря на то что бонды дрались самоотверженно, вооруженные секирами, под защитой своих шлемов и щитов, Конунгахелла пала, была разграблена и так никогда не восстановилась.

Щит, шлем и секира — «оружие бондов», свидетельствуют саги. А сигналом к сбору народного ополчения была так называемая *«ратная стрела»*[36], или «боевая стрела», которая изготовлялась из железа. Получив эту стрелу, боеспособные люди должны были вооружиться и собраться в известных местах[37]. В XIII в., судя по областным законам Швеции, так называемое «народное оружие» (folkvapn) включало от трех предметов (меч, копье и шлем) до пяти (секира или меч, лук и стрелы, шлем, кольчуга или иное защитное облачение и щит)[38].

Что касается боеспособных людей, которые могли участвовать в пешем ополчении, ледунге и в несении береговой охранной службы, то в Швеции XIII в., в том числе согласно Гуталагу (20-е гг. XIII в.), таковыми считались мужчины с 18–20 лет[39]; однако в сагах упоминаются и более молодые участники боевых действий.

Важно и то, что вопрос о сборе ополчения с целью наступления или защиты решался *бондами на тинге*. О провозглашении морского ополчения на тинге в Швеции уже в XIII в. свидетельствует Упландслаг[40]. Именно к тингу должны были обращаться короли и ярлы, желая заручиться помощью ополчения бондов.

[36] ИС I. С. 66.

[37] Сага о Сверрире. Гл. 24.

[38] GL. 20:14. Кольчуга на самом деле была очень дорогой, но ее роль часто играло специальное защитное одеяние из вяленой шерсти, кожи и рога.

[39] UL. Kg 10:1; GL. I:54.

[40] UL. Kg. 10 pr.

Еще и в XIV в. норвежские и шведские бонды имели свое оружие, активно участвовали в гражданских войнах, в борьбе с разбойниками и вражескими нашествиями.

Очень важной общественной обязанностью бондов было вообще *участие в народном собрании-тинге* в качестве дееспособных лиц, имеющих право вчинять иски, отвечать на них, выступать свидетелями и соприсяжниками при судебных разбирательствах на тинге, а также правомочных участвовать там в решении не только судебных, но и политических вопросов. Приводить примеры судебных дел, которые рассматривались на тинге, не имеет смысла: их бесчисленное множество, поскольку, например, родовые саги просто переполнены рассказами о судебных делах[41], а королевские саги — о междоусобицах.

В *политической жизни бонды имели обширные права*. Прежде всего, они выбирали своих законоговорителей-лагманов[42], которые распоряжались на тингах и поэтому имели очень большой вес на местах и в областях, бывших прежде племенными территориями. Как известно из областных законов Швеции, лагманы обычно выбирались из числа бондов-хозяев, а судя по сагам — из числа наиболее богатых и влиятельных представителей родовой знати. Правителям каждой страны следовало вести себя с ними весьма осторожно, потому что именно лагманы занимались областным законодательством и, к тому же, обычно имели сильное влияние на бондов. Не случайно, как уже говорилось, лагман Тиундаланда (Упланд, Швеция) однажды высказался так: «Не меньше чести [чем у ярла], быть бондом и свободно говорить, что вам захочется, даже при конунге» («Сага об Олаве Святом», гл. LXXIX). А лагман Торгню, назвавший себя «бондом» в речи, обращенной к королю, потребовал на тинге, чтобы шведский король Олав установил мир с Олавом Норвежским, иначе мы «все восстанем против тебя и убьем тебя».

Из дальнейшего содержания становится ясно, что лагманы, возглавлявшие бондов, были готовы противостоять королю, не выполняющему их условий (там же, гл. LXXX и сл.). Судя по «Саге об Олаве сыне Трюггви», «бондам надоели войны и немирия внутри страны», поэтому они при помощи влиятельных людей и стремились заключить и упрочить мир[43].

По обычаю бонды *выбирали королей*. Дело в том, что престолонаследие в Скандинавских странах и в эпоху саг, и довольно долго после ее окончания, практически до конца Средневековья, было неупорядоченным. Во-первых, право на престол имел не только старший сын короля (в регионе, как уже говорилось выше, не соблюдался майорат), и вообще не только его сыновья, но и все члены королевской семьи. Во-вторых, на корону в период борьбы за верховенство, а затем за единовластие претендовало много малых конунгов, ярлов и вообще знатных людей, которые так или

[41] См. ниже, часть 7.

[42] См., например, правовые разделы Вестгёталага Первого извода (ÄVgL).

[43] КЗ. С. 92.

иначе были в родстве с конунгами. В-третьих, конунгов, согласно обычаю, зафиксированному в XII–XIII вв. в письменных законах Скандинавских стран, выбирали на тингах. Если «малых» конунгов выбирали на тингах областей каждой будущей страны (по существу, племенных территорий), то единый конунг объединенного тем или иным способом государства должен был проходить избирательную процедуру на областных тингах, а затем получать одобрение на общем тинге страны. Например, Хакона Доброго (первая половина X в.), как в свое время и Харальда Прекрасноволосого, первоначально провозгласили конунгом «на всех тингах в Упленде»[44].

Но особенно интересна в связи с выборами короля на тингах и ролью в них бондов история воцарения Магнуса, сына Олава (Святого), о чем повествует посвященная ему сага Снорри. В первой половине XI в., когда Магнус, сын погибшего Олава Святого и будущий король Норвегии (1035–1047), прибыл в Скандинавию из Руси, где отсиживался во время политических неурядиц на родине, с намерением получить «отцовское наследство», а затем долго плавал с викингами, он сначала обратился за поддержкой к конунгу свеев, находившемуся тогда в городе Сигтуна («Сигтуны»). Тинг свеев в конце концов принял решение дать ему войско, т.е. собрать ополчение, что и было сделано[45]. Затем Магнус, пройдя с ополчением через пограничный Емтланд («Ямталанд»), прибыл в Трандхейм, а оттуда в торговый город Каупанг. Его всюду «хорошо принимали». Магнус созвал местных норвежцев на Эйратинг (в устье реки Нид). «И когда бонды собрались на тинг, Магнус конунг был провозглашен конунгом над всей страной...» Затем он созвал ополчение со всего Трандхейма и направился на юг. Правящий Норвегией в это время датский конунг Свейн также созвал тинг и вместе с приближенными к нему «датскими вождями» уговаривал бондов собрать ополчение против Магнуса. Но бонды его не поддержали, и Свейну пришлось отбыть в Данию.

Однако Магнус вскоре стал терять свою популярность в Норвегии. После того как он был избран конунгом на всех тингах страны и укрепил таким образом свое положение, он стал мстить тем бондам, которые воевали против его отца, подвергая их «суровым наказаниям». «Кое-кого он изгнал из страны, у других отобрал большие богатства, а у некоторых велел перебить скот. Тогда бонды начали роптать и говорить между собой:

— Что замыслил этот конунг, нарушая наши законы, которые установил конунг Хакон Добрый? Разве не помнит он, что мы никогда не сносили притеснений? Как бы не случилось с ним того же, что произошло с его отцом и с другими правителями, которых *мы лишили жизни* (курсив мой. — *А.С.*), когда нам надоели их несправедливости и беззакония.

Это брожение распространилось по всей стране».

[44] КЗ. С. 68 (гл. II).

[45] Сага о Магнусе Добром // КЗ. С. 381.

Часть жителей Норвегии решила выступить против Магнуса с оружием в руках, когда он прибудет в их край. Королю об этом сообщили, решив одновременно дать ему добрый совет. По поручению «двенадцати друзей» короля это сделал скальд Сигват, с помощью сочиненного по этому случаю длинного и весьма содержательного стихотворения. Прежде всего поэт воздал хвалу Хакону Доброму — и именно за то, за что его превозносил народ:

Круто правил, к вору
Лют, но люб народу,
Добрым слыл...
Крепко помнят бонды
Тот закон, что Хакон
.....дал им.

Далее скальд напоминает, что старшие родичи Магнуса — Олав сын Харальда и Олав сын Трюггви — «щадили добро бондов» и никогда не посягали на их независимость. А теперь Магнус «дает бондам законы», которые хуже тех, что были обещаны конунгом при прибытии его в страну. Наверное, дурные советники научили конунга не держать свое слово, быть злопамятным и «неверным» [своему слову]. И вот «Все пуще ропщет / Твой народ, воитель... / Молвы, витязь смелый / Берегись, — пусть меру / Знает длань... / ...Внемли / Воле бондов, воин! / ...не доводи же / до беды... / Поднялись повсюду / Бонды...»

Это предупреждение заставило конунга посоветоваться «с мудрейшими» и привести законы «в порядок».

В 1042 г. умер Хардакнут, последний наследник Кнута Великого, короля объединенного англо-скандинавского государства[46]. По договору, заключенному в свое время между Хардакнутом и Магнусом, тот из них, кто переживет другого, должен унаследовать и Норвегию, и Данию. Магнус напомнил об этом датчанам. С большим ополчением он прибыл в эту страну, где его «хорошо приняли. Он спешно созвал тинг и встретился с жителями страны. Он просил у них признания его конунгом... И по той причине, что самые влиятельные мужи Дании были связаны присягою с Магнусом конунгом и желали соблюсти свои желания и клятвы[47], они поддержали его просьбу перед народом. Помогло ему и то, что скончался Кнут Могучий, и умерло все его потомство. Наконец, в то время по всем странам распространилась весть о святости [отца Магнуса] Олава конунга и творимых им чудесах. Затем Магнус

[46] Речь идет о Кнуте, короле Дании (990-е гг. — 1035), а затем объединенного Англо-Датско-Сконского государства (1016–1035), прозываемом также Старый, Великий, Датский, Могучий.

[47] По существу, это первое свидетельство вассальных отношений in capito, основанных на личной присяге правителю, притом иноземному. Это, таким образом, и первое свидетельство о могущественных «межскандинавских семьях», сыгравших столь значительную роль при складывании Кальмарской унии в конце XIV в.

конунг велел собрать тинг в Вебьёрге. На нем датчане провозглашали своих конунгов и в прежние, и в новые времена. На этом тинге датчане провозгласили Магнуса сына Олава конунгом над всей Датскою Державою»[48].

Позднее конунг Дании и Норвегии Магнус Добрый захотел разделить свои владения, завещав Харальду, будущему Суровому Правителю, всю Норвегию, а Данию — Свейну. Почти в то же время он отдал под власть Харальда половину Норвегии. Оба этих вопроса он последовательно выносил на тинги и получил одобрение.

Бонды не только выбирали королей, но и *лишали их власти*. В Швеции это называлось «возвести» или «сбросить» короля с камня Мура.

Судя по «Саге о Кнютлингах», в Дании бонды под руководством знати подняли мятеж против короля Кнута II сына Свейна, который попытался ввести знать в рамки *вассальной системы* и упорядочить поборы с бондов, заменив их *регулярным налогом* в виде 10% отчисления от урожая зерна и приплода скота. Еще он потребовал *освободить трэлей* от личной зависимости. В результате бонды убили Кнута II в соборе. Немного времени спустя он стал, опять же с одобрения народа, первым датским святым. В сагах рассказывается и о других случаях расправы бондов с неугодными правителями; одно из последних таких событий — так называемый «пир» в Роскилле, жертвой которого стал Кнут III (1157 г.).

Согласно «Хронике Эрика», еще в XIII — первой четверти XIV в. на главном тинге Швеции, проходившем на лугу Мура, у камня Мурастен, неподалеку от Упсалы, королей избирали уже только *посланцы* бондов, которым щедро платили за выступление в пользу намеченных знатью кандидатов, в том числе малолетних. Из саг такого вывода сделать нельзя, ведь там действующие лица чаще всего скрываются под общим наименованием «бонды». Но уже тогда зависимость многих бондов от знати очевидна, это позволяло последней манипулировать простыми хозяевами и без откровенных взяток. Впрочем, Снорри подчеркивает большую роль бондов на тинге именно *в Швеции*, где они были вправе решать вопрос о допуске на свой тинг даже знатных людей. Но поскольку бонды страдали от междоусобиц, во время которых вытаптывались поля и погибал скот, они поддерживали представителей знати или конунгов, способных обеспечить мир.

Бонды нередко вмешивались в междоусобицы, становясь на сторону одного из претендентов на власть. Так, гауты (гёты), судя по «Саге о Харальде Суровом» (гл. LXXI), помогали ярлу Хакону против Харальда, и подобные сведения встречаются в сагах неоднократно.

Зависимость правителей Скандинавских стран от народного собрания, от мнения бондов, очевидна, по крайней мере в отношении таких *жизненно важных ситуаций*, как вступление на престол того или иного претендента, раздел или объединение страны, приближение войны и нужда в войске, решение проблемы веры

[48] КЗ. С. 378–390.

или необходимости сбора средств и т.д. Конечно, из саг явствует, что на решение тинга, как и на все местные дела, влияла элита и что ее представители являлись первыми советчиками как короля, так и местных бондов. Тем не менее в эпоху викингов и долгое время после нее масса бондов представляла грозную силу, о чем знали все — и король, и его окружение, и сами бонды. И о чем выразительно напоминали скальды. Плохому королю, забывающему свои обещания и обязательства, бонды отказывали в повиновении, грозили лишить его не только власти, но и жизни, что не являлось противозаконным деянием.

В «Саге о Магнусе Слепом и Харальде Гилли» (события середины XII в.) есть примечательный эпизод. Норвежские бонды решили, что они не будут служить Сигурду, в доме которого ночью убили его брата — правящего короля Харальда. Ведь если Сигурд убил брата — он совершил злодеяние, искупаемое не вирой, а изгнанием; если же Харальд не был его братом, то на каком основании Сигурд претендует на корону? В обоих случаях бонды не могут признать его своим королем (гл. XVI). Во второй половине XII в., согласно «Саге о Магнусе сыне Эрлинга», бонды на тинге четырех фюльков в Тунсберге (Вик) отказались служить датскому королю, предпочтя ему своего, норвежского конунга; но трёнды (жители обл. Трёндалаг) приняли датчан (гл. XXII, XXV).

Вместе с тем материальные обязательства бондов перед королем постоянно увеличивались. И их выступления против регулярных налогов стали очень важным, если не главным побудительным мотивом народного брожения и серии мятежей (см., например, «Сагу о Магнусе сыне Эрлинга»).

Роль бондов особенно ярко проявилась во время *христианизации*, которую народ справедливо связывал с укреплением центральной власти и все более регулярными поборами, о чем подробно говорилось выше. Причем большая роль, которую бонды играли и в этой стороне жизни, ощущалась в начале эпохи викингов и через столетие с лишним после ее конца. Так, можно вспомнить, что в IX в., по словам Римберта, король не мог дозволить крестить народ без согласия тинга. Затем припомним яркий эпизод, посвященный тингу 1000 г. в Исландии, когда решение о христианизации было утверждено именно собравшимися бондами, хотя и без особой радости и со многими сомнениями («Сага о Гунлауге Змеином Языке», гл. CIV, CV). Интереснейшие сведения об отношении бондов к вере содержатся в «Саге об Олаве Святом». Так, на призыв креститься бонды отвечали, «что у них всех нет другой веры, кроме той, что *мы верим в самих себя, в свою силу и удачу,* нам этого хватает» (гл. CCI. Курсив мой. — *А.С.*). А в ответ на жестокость, которую проявлял король Олав при насильственном крещении бондов, они с оружием в руках выступили против него и при поддержке датского короля выиграли битву при Стикластадире, где король-креститель был убит (гл. CCXXГХ)[49].

[49] Специально о христианизации и ее методах см. выше.

Но и после крещения бонды рассуждали так: «А поскольку все хорошие вещи сделаны Богом, то и бесстрашие сделано Богом и вкладывается в грудь храбрым мужам, а вместе с ним [вкладывается] свобода решать, чего они хотят, добра или зла, ибо Христос сделал христиан своими сыновьями, а не рабами, и он наделит этим каждого, кто того заслуживает»[50]. Т.е. в толковании бондов заветы Евангелия вовсе не требовали безусловного подчинения любой власти, а, наоборот, предоставляли свободу и свободный выбор достойно живущим людям, которых сам Господь наделяет бесстрашием. Наконец, еще и в XIII в. бонды *выбирали епископов*.

Неудивительно, что не только знатные люди сплошь и рядом приглашали на свои пиры соседей и вообще бондов и даже всех «окрестных бондов», но так поступал подчас и король, сажая их вместе со своей дружиной за один стол во время пира[51].

В Гауталанде, т.е. на землях гётов, западные районы которых граничили с Норвегией и занимали неопределенное положение между обеими странами и их конунгами, однажды собрался тинг. Там стоял вопрос о поддержке норвежского конунга против конунга шведского. Гауты отказались воевать с конунгом Швеции Олавом, поскольку он «ближе норвежцев», а потому опаснее. Но Олава они решили убить, потому что он не выполнял своих обещаний. Поэтому они избрали Якоба, дав ему имя Анунд, и провозгласили королем. Однако после этого их долго одолевали сомнения: будет ли Анунд-Якоб соблюдать мир с Норвегией? Успокоить их смогло только то, что мир был вскоре заключен формально.

Но была другая беда: местный ярл совсем задавил бондов налогами. На тинге они предъявили ему претензии, и он обещал уменьшить поборы. И хотя свое обещание ярл не сдержал[52], этот эпизод интересен тем, что показывает, как бонды, вынося на тинг новые проблемы, связанные с налогами, пытались их решать с помощью обычая.

От чего страдали и к чему стремились бонды

В те времена, как уже неоднократно подчеркивалось, человек был особенно тесно связан с природой, непосредственно зависел от нее. А в северных странах природа не очень-то баловала человека. И были территории, особенно сложные в силу неблагоприятных природных условий: скудости почв, суровости климата, недостатка природных ресурсов. Такой в целом была Исландия, где существовали целые районы, как упоминалось, населенные только «малыми», бедными бондами. Но и в более благоприятных для жизни зонах Севера, как и повсюду в средневековой Европе, люди страдали от регулярно повторяющихся чрезмерных дождей или засух, холодов,

[50] ИС II:1. С. 126.

[51] КЗ. С. 82.

[52] Там же. С. 233 и др.

неурожаев, бескормицы и падежа скота и других неблагоприятных природных ситуаций. «Сага о Харальде Серая Шкура» (ум. ок. 970), описывающая события последней трети X в., содержит интересный материал на эту тему (гл. XVI). Там говорится об одном из тяжелых лет, когда холода стояли так долго, что «скот не выпускали» на пастбище, поскольку даже «в середине лета лежал снег на полях», и скотина страдала от голода, оставаясь в хлеву. Затем напала засуха, отчего и «хлеб не родился». Местный правитель собрал с бондов «по денежке» и «закупил скот (для всех?), а [также] сельдь купил, продав свои стрелы» (!). В такие годы народ особенно страдал и нищал. Но беда была еще и в том, что даже при столь неблагоприятных условиях «конунги притесняли своей жадностью бондов»[53], так что местный правитель, о котором только что шла речь, был, судя по всему, исключением из общего правила.

Так от причин бедствий народа, имеющих природный, естественный характер, сага переносит внимание читателя на причины социальные, а именно на притеснение властей. Согласно Тациту (гл. 15), древние германцы-язычники приносили в дар своим «королям» — племенным вождям, какое-то количество голов скота и плодов земледелия и, таким образом, совместно их содержали. Тогда система отношений правителя и народа строилась на взаимных обязательствах: вождь-конунг воевал за свой народ, правил и вершил справедливость, народ его обеспечивал всем необходимым, защищал, а также строил мосты и дороги. Судя по «Саге об Инглингах», когда в языческие времена малый король — норвежец или швед — разъезжал со своими близкими и дружиной по подвластной территории, местное население устраивало для них пиры-вейцлы и/или платило дань-скатт, или «дань-дары»[54]. «Сага о Харальде Прекрасноволосом» (гл. XIII и сл.) повествует, что где-то в его время, в начале X в., люди короля свеев, разъезжая по областям западных гётов и Вермланду, собирали там дань. А в «Саге об Олаве Святом» (гл. 137) то же говорится о Емтланде и Хельсингланде в начале XI в. Очевидно, что в эпоху викингов правители, не довольствуясь пирами и подношениями, собирали также и дань.

Тема сбора налогов уже звучала выше. И если местный правитель из «Саги о Харальде Серая Шкура», видимо, проявлял разумную заботу о населении, то в других случаях дело обстояло иначе. Так, Эрлинг сын Скьяльга, который имел очень большие владения и «был самым могущественным лендрманом в Норвегии», «так же, как и раньше, собирал все подати с Рогаланда, и часто бонды платили ему двойные подати, так как иначе он разорял их селения». Это не нравилось ярлу Эйрику, поскольку ему «мало доставалось» из-за того, что Эрлинг обирал народ, в том числе из-за неуплаты податей, «так как его сборщики не удерживались там», а сам ярл отваживался «только тогда ездить по пирам, когда с ним было много людей» (!)[55].

[53] Там же. С. 96, 97.

[54] Сага об Инглингах. Гл. VIII–X.

[55] КЗ. С. 176.

Королевские пиры, безусловно, разоряли бондов, которые были обязаны содействовать передвижениям конунгов, ярлов и других правителей, вместе с многими лицами разного статуса, которые их сопровождали. А затем оплачивать, чаще всего натурой, их пиры — вейцлу (vaezla или gengaerð, угощение). О том, что все это было в тягость бондам, саги говорят прямо[56]. Тяжело было для них и принимать проезжающих королевских людей, с их свитами и лошадьми, предоставлять еду и ночлег (используя старинный общий обычай gæstning, «гостевание»), а также корм лошадям.

Но по мере укрепления центральной власти поборы на местах натурой, а позднее и личное участие в ополчении или иных делах властей все чаще начинали заменяться более или менее постоянными налогами. Относительно определенные сведения об этом идут от времени не ранее XII в. и в сагах точного отражения не получили. Из предыдущего уже достаточно ясно, как тяжело приходилось бондам от постоянных поборов должностных лиц, которые собирали подати не только для конунга или ярла, но и для себя. Знаменитый Харальд Прекрасноволосый, как повествует «Сага о Гуннлауге Змеином Языке», насильственно подчинив себе все фюльки Норвегии, стал регулярно собирать подати с бондов, что они воспринимали как лишение их безусловного права на наследственный одаль, а значит, и как потерю свободы[57]. Точно так же, только много позднее, воспринимали налоги шведские бонды в Упланде. В середине XIII в. они подняли восстание против короля из-за введения постоянных податей. И когда упландские бонды во главе с Кнутом Лонге в сражении с королевским войском при Спарсетре в 1247 г. потерпели поражение, то они, как говорится в «Сигтунских анналах», «потеряли свою свободу». Очевидно, что, как ни страдали бонды от затрат на пиршества и постои, эти укоренившиеся, вошедшие в обычай затраты не так их удручали и разоряли, как регулярные поборы, в которых они видели *нарушение обычая*, нарушение неписаных законов и нанесение ущерба своим *свободам*. А откуп оркнейским ярлом податей, которые бонды островов платили королю[58], уже прямо вводил среди исландцев *европейские обычаи*.

Что касается Дании, то очень интересные, хотя и косвенные, сведения о тамошних налогах относятся ко времени Свейна сына Кнута Могучего, который правил «Страной Вендов» во второй трети XI в. Затем отец послал его в Норвегию, чтобы «стать ее правителем и принять звание конунга». «Там его провозгласили конунгом на всех тингах», а когда с помощью датчан были разбиты в сражении войска Олава Святого и сам он погиб, Свейн получил престол. Однако затем «Свейн конунг установил в стране много новых законов по *датскому образцу* (курсив мой. — *А.С.*), но некоторые из них были много более жестокими» для народа. Так, если

[56] См., например: Сага об Олаве Святом. Гл. XXXVIII; Сага об Олаве сыне Трюгтви. Гл. LXXXVII.

[57] ИС I. С. 67–68.

[58] КЗ. С. 59.

кто-либо уезжал из страны без разрешения конунга, последний забирал в свою пользу его имущество. Совершивший убийство «лишался земель и добра». Человек, объявленный вне закона, лишался права на наследство, которое также доставалось конунгу как выморочное. К йолю бонды были обязаны «отдать конунгу по мере солода, по окороку годовалого бычка» и по бочонку масла. В свою очередь хозяйки должны были отдавать ему ежегодно по штуке выделанного льна такой толщины, чтобы эту штуку можно было «охватить большим и средним пальцами». Бондов обязывали строить «все дома, в которых нуждался конунг». «От семи человек старше пяти лет (!) один человек должен был идти в войско конунга» (т.е. каждый седьмой поселянин), а все бонды — «поставлять ремни для уключин [корабля]». Каждый, кто ловил рыбу, будь то в открытом море или у берега, был обязан отдавать конунгу по пять рыбин. На каждом отплывающем корабле следовало оставлять место для конунга. Все, кто собирался плыть из Норвегии в Исландию, будь то местные жители, или иноземцы, должны были платить конунгу [выездную] пошлину[59]. «К тому же свидетельство одного датчанина перевешивало свидетельство десяти норвежцев»[60].

Трудно сказать, насколько эти правила действовали в самой Дании, но то, что там нажим правителей проявился раньше и был сильнее, чем в других странах Скандинавского полуострова, сомневаться не приходится.

Что же касается Норвегии, то за весь период от Харальда Прекрасноволосого и до Олава Святого сведений о сборе налогов в сагах нет. Олав Святой стал требовать от бондов, чтобы они свозили подати в его усадьбу, которую он устроил в Трандхейме (гл. XVI; ср. гл. XXXVIII). О сборе податей с бондов говорится также в другом месте этой саги (гл. CXXIII). Во время недолгого правления датчан, при том же юном Свейне, который «по возрасту и по уму» был еще ребенком, правила его мать Альвива (наложница Кнута)[61], которую жители страны не любили. И вообще в Норвегии было тогда «засилье датчан». В результате «норвежцы попали под этот гнет, который принес им кабалу и рабство, и богатым, и бедным, и всему народу». Они стали «готовить секиры» против Свейна[62]. К этому времени все, возмущенные «новыми» (т.е. датскими) законами, позабыли о прошлой жестокости конунга Олава и провозгласили его святым. И когда в 1035 г., менее чем через пять лет после его гибели, в Норвегию прибыл его сын Магнус Добрый (см. выше), местные жители приняли его с воодушевлением, а напуганному Свейну пришлось бежать на родину.

[59] Скорее всего, речь здесь идет о вывозной торговой пошлине, но уверенности в этом у меня нет.

[60] КЗ. С. 370–371.

[61] Здесь содержится противоречие: как этот «ребенок» мог управлять вендами, от которых он уехал ради норвежской короны? Его мать сопровождала его при выезде из Дании, где она, видимо, и проживала вместе с малолетним конунгом. Следует полагать, что вендами фактически правили королева-мать и королевские приближенные, как и позднее, уже в Дании. Но возможно также, что норвежцы (авторы фольклорной основы саги либо текста) хотели своей характеристикой выразить пренебрежение к угнетателям-датчанам.

[62] Там же. С. 375–377.

«Сага о Сверрире» свидетельствует, что в середине XII в. в Норвегии уже *взимались налоги*.

А вот в Швеции до второй половины XIII в. по-настоящему *регулярных налогов* не было. Доказательством тому служит отсутствие упоминаний о них в древнем изводе закона западных гётов, который относится к 20-м гг. XIII в., по времени непосредственно примыкая к письменному тексту «Саги об Олаве Святом». В этом законе говорится только о праве короля на ⅓ судебных штрафов и на выморочное имущество, а также о церковных налогах[63]. Судя по закону восточных гётов, короли только требовали «въездное» с той области, куда прибывали[64]. И, конечно же, как и в других странах, бонды строили мосты и прокладывали дороги. Но *оскудение бондов* в этой стране ко времени записи областных законов зашло уже так далеко, что основным критерием принадлежности лица к числу полноправных бондов стала его способность уплачивать все государственные подати и повинности[65]. Немудрено, что превращение дани в постоянные, нормированные сборы, как и ограничения со стороны правителей, вызывали крайнее недовольство и сопротивление бондов, вплоть до вооруженных конфликтов. При этом требование налогов со стороны властей в сознании народа прямо связывались с несправедливостью и с потерей свободы, как и с тем, что конунги, заставляя увеличивать объем обязательств по отношению к себе, требуя повышенных поборов с народа, свои обязательства как правители, защитники справедливости и закона, однако, не выполняли или выполняли лишь отчасти.

Но ведь налогами дело не ограничивалось, поскольку конунги и знать прибегали к прямому ограблению бондов. Это видно из многих саг. Олав Святой, возвращаясь в Норвегию и предполагая, что ему придется сражаться за свою власть с бондами, как говорит Снорри, хотел бы «не грабить и не жечь» их, но он *делал* это. А после его гибели Магнус Добрый начал притеснять бывших противников отца, отнимая их владения, особенно у бондов, и забивал их скот[66]. Между тем короли не только не избавляли бондов от всевозможных несправедливостей, творимых властью на местах, но далеко не всегда заботились о защите своих подданных от пиратов, мародеров, чужеземных находников.

В той же «Саге об Олаве Святом» (гл. VI, VII) рассказывается об ограблении живущих на берегу моря шведских бондов пиратами, с которыми им приходилось сражаться. Там же говорится, что бонды никак не хотели подчиниться Олаву как конунгу, опасаясь, что «станут тогда *рабами* и страна никогда не станет свободной» (гл. CXXV). «Сага о Харальде Прекрасноволосом» (гл. XXIV) сообщает о грабежах Норвегии викингами — не только усадеб на побережьях, но и внутренних районов, откуда викинги также угоняли на берег скот. Наконец конунг собрал тинг и организовал ополчение,

[63] О церковных налогах см.: Сванидзе, 2008.

[64] Ögl. Dr. 5:1.

[65] UL. Kg. 10.

[66] КЗ. С. 365, 387 и сл.

в результате викингов прогнали. Там же речь идет о непрерывных междоусобных сражениях и гибели в них массы людей. Что же касается бесчинств викингов на скандинавских же территориях во время их ближних, так называемых грабительских, походов на Балтии, то об этом говорилось и выше. Еще около 985 г. флот йомсвикингов напал на норвежское побережье. Но со всей страны собрались ополченцы, разгромили пиратов и даже захватили 25 их кораблей[67]. Бонды были готовы сражаться, чтобы дать отпор грабителям-пиратам, но уж вовсе не в интересах собственных притеснителей.

Бонды решительно выступали против неугодных им конунгов, хотя в битве с ними многие погибали или получали увечья. В большой, ожесточенной битве при Стикластадире против короля-крестителя (1030), как пишет Снорри, «множество бондов погибло... многие были тяжело ранены, а многие не могли двигаться от усталости... многие недосчитывались [потом] своих родичей и друзей... Раненых отправляли в дома, так что все соседние дома были полны раненых, а некоторых разместили в шатрах. Удивительно, что в войске бондов собралось так много народу, но не менее удивительно и то, как быстро это войско распалось после сражения. Так случилось в основном потому, что большинство бондов было из близлежащих местностей и стремилось домой»[68]. Так что при всей своей разобщенности и неорганизованности бонды были готовы *давать отпор* насилию со стороны властей на каждом этапе их нажима, хотя и не вполне последовательно.

Власть при первой же возможности жестоко отвечала непокорным бондам. В «Саге о Хаконе Широкоплечем» (гл. III) сообщается, что во время борьбы за власть Хакона его противник Инги «велел казнить многих из тех, кто примкнул к Хакону. Некоторых он заставил откупиться, у других пожег усадьбы, многих других изгнал из страны и причинил им много зла». Помимо этих примеров, которые как бы лежат под рукой, в сагах постоянно говорится об аналогичных действиях верхов, о преследовании сторонников конкурентов конунга или ярла в борьбе за власть, об их грабежах, а также разбое викингов, о бедах, которые это все приносило множеству людей.

Уже совершенно ясно, что бонды очень страдали от *междоусобиц*. Им приходилось воевать на стороне того или другого правителя либо по принуждению, либо из желания прогнать неугодного конунга. Помимо гибели и тяжелых ранений, которые приносило участие в сражениях, необходимость служить в ополчении отрывала мужчин от работы. Кроме того, они страдали от *грабежей* и другого ущерба, причиняемого вооруженными людьми. Так, уже позднее, в третьей четверти XII в., согласно «Саге о Магнусе сыне Эрлинга» (гл. X), «Норвежская держава процветала. Бонды были богаты и могучи и непривычны к поборам и притеснениям со стороны бродячих войск. Всякий грабеж сразу же вызывал большой шум и много разговоров». А грабеж происходил потому, что ярлу Сигурду, «которому была подчинена небольшая часть

[67] Там же. С. 621.

[68] Там же. С. 364.

страны» и у которого было множество людей, «скоро стало не хватать денег, и если поблизости не было могущественных людей, он добывал деньги незаконным путем, частично *вымогательством*, частично просто открытым *грабежом*»[69].

Естественно, что бондам стоили больших мучений все эти междоусобицы и грабежи и что они спасались самыми разными способами. В «Саге о Харальде Серая Шкура» говорится о том, что бонды *«перебегали»* от одного правителя к другому, в зависимости от того, как те себя вели и насколько были сильны. Нередко *«люди не хотели воевать»*. «Бондам надоела война и немирие внутри страны», и с помощью влиятельных людей они старались сделать все, чтобы было достигнуто перемирие. Кроме того, война нарушала их торговые интересы. В «Саге об Олаве сыне Трюггви» прямо говорится, что, в частности, военные действия между Норвегией и Русью были невыгодны простым людям, поскольку мешали их торговле (гл. VI)[70]. В другой саге сказано, что бонды ценили тех ярлов, которые обеспечивали им и торговым людям мир[71]. Немудрено, что, когда «на домашнем тинге» (?) прозвучал призыв конунга Эйстейна (первая треть XII в.) снова возобновить борьбу с другими конунгами, один бонд ответил: «Пусть твои сундуки с золотом следуют за тобой и защищают твою страну». Увы, преемники этого конунга так досадили бондам, что даже Эйстейна стали «считать святым» («Сага о сыновьях Харальда Гилли», гл. XXXI).

Рассказывается также, что в Трандхейме жил некто Кетиль Ямти, сын ярла Энунда из Спарабу. «Он бежал от конунга Эйстейна Злобного через Кьель на восток. Там он расчистил леса и поселился в краю, который теперь называется Ямталанд (шведск. Емтланд. — *А.С.*). Из Трандхейма туда на восток бежали многие от притеснений Эйстейна конунга, который заставлял трендов платить ему подати и посадил там конунгом своего пса (!) по кличке Саур... А когда Харальд Прекрасноволосый расширял свои владения, многие тренды и жители Наумудаля бежали из страны. Они тоже селились на востоке в Ямталанде, а некоторые добирались до Хельсингъяланда и становились людьми конунга шведов». Когда же «в Норвегии к власти пришел Хакон Воспитанник Адальстейна, то воцарился мир, между Трандхеймом и Ямталандом установились торговые связи... ямталандцы отправились с востока к нему, признали его власть и стали платить ему подати. А он дал им *законы и права*». С началом новых междоусобиц в Норвегии эти люди снова подчинились конунгу шведов. В результате из-за Емтланда разгорелись споры между шведским и норвежским конунгами, каждый из которых «издавна» получал подати от тамошнего населения и претендовал на то, чтобы собирать их в свою пользу и впредь[72].

«Сага об исландцах», написанная человеком XIII в. о событиях и людях того же столетия, свидетельствует о том, что тенденции к отдалению знати от

[69] КЗ. С. 559.

[70] Там же. С. 92.

[71] ИС II:1. С. 158.

[72] КЗ. С. 291.

рядовых бондов, насилию над ними, нарушению их исконных прав и свобод в этот период, отмеченный большими междоусобицами, стали правилом даже в патриархальной Исландии. Раньше бонды сообща «учили» грабителей, но теперь целые шайки мародеров нападают на мирных жителей и разоряют их хутора. В Озерном Фьорде их предводитель Бьёрн Брюхо «не останавливался перед насилием и не искал поводов отнимать запасы у бондов» (гл. 91). Таких бандитов использовали в своих целях и знатные люди. Орэкья сын Снорри осенью 1233 г. отрядил на юг, в Широкий Фьорд, того же Бьёрна Брюхо; и там, а также по соседству «они забирали у всех все, что им было нужно, а если им отказывали, они грабили все подряд», попутно и убивая. Орэкья, как сказано в саге, был очень доволен (гл. 93)!

В результате всех этих безобразий бонды решили «*ополчиться* и блюсти оборону скопом» и при этом самим себя содержать (гл. 96). Что означает это последнее замечание — не ясно, но еще раньше (в гл. 55) было сказано, что ополченцы «содержат себя», занимаясь прямыми грабежами на хуторах, при сопротивлении хозяев угрожая им физической расправой и нередко приводя угрозы в исполнение. Под 1235 г. сага сообщает: «Грабежей этой зимой на севере не было, но от бондов требовали скотину по всем Фьордам». В другом случае с хутора Лебяжье Болото угнали стадо овец как раз тогда, когда там шла свадьба. Людей грабили, «не брезгуя насилием», разбойники, которые обосновались на Гейровом островке, куда свозили добычу пираты еще в X в. Бонды умоляли местного хёвдинга «собрать корабли» и разгромить насильников. Но он вместе этого разграбил хутор своего союзника в Тюленьем заливе, и, поскольку там «все домочадцы остались без средств, бондам пришлось взять их на иждивение» (гл. 132).

Между тем знатные люди без конца собирают ополчения. Могущественный Кольбейн дважды собирал ополчение в «своих округах». Хозяин Хальвдан не захотел присоединиться к его отряду. Тогда Кольбейн со своими людьми, устроившись на хуторе упрямца якобы для ночевки, запер его с домочадцами «в покоях» (видимо, в спальных комнатках) и ограбил, забрав все оружие, в том числе меч Морж, а также лошадей. Затем он предупредил, что, если Хальвдан с братьями к нему не явится, он разорит всю их округу подчистую. И четыре брата были вынуждены воевать на его стороне (гл. 130).

Хёвдинг или его человек, глава ополченцев, всегда ездил в арьергарде, «следя, чтобы никто не сбежал назад». Все это было очень обидно бондам, ведь в битвах, как замечает сага, враждующие господа сводили свои личные счеты (гл. 133).

Сага сообщает далее, что ополченцы «разбрелись по округе», забивали скот. «Грабили почти повсеместно...», брали все, что не успели заранее развезти [на хранение] по церквам» (гл. 133, 134).

Те саги, авторы которых жили в XIII в., отмечают и другие тяготы, которые приходилось терпеть бондам. Резкое *усиление их бесправия в условиях смут* очевидно.

Не случайно в «Саге о Греттире» говорится (гл. LXXII, LXXIII) о том, что бедные бонды, будучи не в силах защитить свои пастбища и скот от разбоя, за *гроши отдавали* их богатым бондам и господам. Также не случайно в «Саге об исландцах» в хулительных стихах (нидах), направленных против некоего Кальва (гл. 28, ст. № 8), этого человека обвиняют в том, что он плут, нахлебник, который «сидит на шее округи»; это свидетельство интересно тем, что фиксирует наличие в общинах людей, неспособных (или не желающих) себя прокормить и пользующихся милостыней общинников-бондов.

Но о наличии на местах значительного числа *бедных и деклассированных* людей уже в *эпоху саг* убедительно свидетельствует «Сага о Храфнкеле годи Фрейра». Там, как уже говорилось выше, речь шла о бедном и многодетном бонде, сын которого устроился в работники к главному персонажу этой саги (гл. IV, V). Хозяин вскоре убил парня за некое нарушение принятого на хуторе порядка, за что был привлечен к суду тинга. И вот что рассказывает сага об этом суде и его последствиях.

Храфнкель годи Фрейра в своей округе имел множество *поземельно зависимых* людей (!), в том числе *бондов*, он был могущественным человеком. Между тем богатые люди отстранились от участия в судебных прениях. Средние бонды тоже остерегались и помалкивали. А «бобыли и бедняки», которым видный противник Храфнкеля давал еду и оружие, готовы были выступить против него. Поскольку же эти люди сохраняли право голоса на тинге, и их, видимо, было немало, Храфнкеля объявили вне закона и присудили к конфискации имущества. Согласно обычному праву, конфискация должна была начаться через 14 дней после «взятия оружия», т.е. разъезда с тинга: ведь на тинге оружие нельзя было обнажать, даже если люди пришли вооруженными (ножны их мечей полагалось держать завязанными). Расправой с Храфнкелем и конфискацией его имущества занялись победители на тинге — как раз «бобыли и бедняки», возможно, под руководством его противников. Виновному и всем мужчинам в его доме, привязав их к перекладине для сушки белья, «проткнули ножами щиколотки, протянули через отверстия веревку и повесили [вниз головой?] на эту перекладину всех восьмерых вместе». Затем они «пошли, пока солнце стояло на юге, на пригорок и объявили об изъятии имущества. Возвратившись, сняли и положили подвешенных, уже окровавленных». Затем выгнали из дома прочих его обитателей с «малым имуществом», оставив им из оружия лишь копье. «Ограбили капище Храфнкеля и сожгли его». А в доме казненного поселились победители.

О возрастании числа неимущего люда в среде бондов свидетельствует и упомянутое в начале главы движение биркебейнеров-лапотников. Одним из известных участников этого движения был Эйрик Берестяник (birkibeinn), о котором в «Саге об исландцах» (гл. 46 и 55) говорится, что он «был почти *бродягой*» (var ner um[ren]ningr).

Некоторые наблюдения

Итак, незнатные бонды-хозяева в эпоху викингов являлись *основной социальной стратой скандинавских обществ*, обладающей в силу обычая значительными правообязанностями и авторитетом. Соответствующие традиции продолжали существовать, они в той или иной мере действовали и после эпохи викингов, в XII и XIII столетиях. Именно рядовые самостоятельные бонды, хозяева и труженики одновременно, в эпоху викингов были *носителями основных форм собственности* (средней и мелкой) и владельцами базовых хозяйственных ячеек-подворий. Бонды являлись *охранителями обычного* права с его традициями народной независимости, прав и свобод, воспетых сагами.

На пространстве и во времени саг бонды еще сильны и активны в общественной жизни, в отстаивании своих прав и обычаев. Но саги со всей очевидностью свидетельствуют о том важнейшем социальном процессе, который именно в ту эпоху начинает *подтачивать* традиционное общество бондов, прежде всего размывает его основу — *господство однодворцев*, владельцев средней и мелкой собственности. По мере, с одной стороны, развития государственной власти и ее институтов, укрепления знати, а с другой стороны — расслоения мощного слоя бондов традиционными обычаями продолжает пользоваться лишь *постепенно сужающаяся их прослойка* — те, кто сохраняет землю, хозяйственную самостоятельность, широкий круг родни и домочадцев, общественный авторитет. Это те, кто имеет достаточные возможности, чтобы уплачивать налоги, нести общественные правообязанности и просто известные обязанности в виде посещения тингов, участия в пешем ополчении, ледунге и сторожевой службе на бесконечных в Скандинавских странах побережьях, в устройстве пиров для друзей, соседей и правителей, в уплате дани, приеме служилых людей.

Однако степень развития этого процесса в эпоху викингов не стоит преувеличивать, это, скорее всего, его начало даже в Дании, будущей «стране дворянства». Швеция, где свободное крестьянство сохранялось еще и в раннее Новое время, не случайно вошла в историю как «страна бондов». *Сохранение свободных крестьян-собственников*, хозяев, пусть в разной степени, в разном объеме, является, как полагаю, одной из основ сильных и живучих традиций скандинавского культурно-исторического поля.

Вместе с тем очевидно, что бонды находились под большим влиянием *местной родовой знати*. Данное обстоятельство, усиливаясь со временем, долго играло важную роль в политической жизни Скандинавских стран. Что представляла собой родовая знать саг? Это и будет темой следующего очерка.

РОДОВАЯ ЗНАТЬ, ЕЕ ВЛАСТЬ И ВЛАДЕНИЯ

Знать в еще большей мере, чем «могучие бонды», привлекает повышенное внимание авторов саг. Это и понятно: ведь в центре самых важных событий стояли именно представители элиты, и «войти в сагу» могли только те, кто совершил по-настоящему громкие деяния, люди с примечательной биографией.

В вопросе об элите общества речь не может идти только о ее *богатстве*, материальной силе: она неизбежно связана *с властью*. В эпоху викингов экономическое могущество знати только *формировалось*. Другое дело — власть. Общество людей саги обладало строгой иерархией. Оно было не только разделено на вертикальные и горизонтальные социальные слои — страты и группы, но и обладало достаточно определенной, традиционной *системой власти*. Отношения власти фиксировались обычаями и опирались на прочные традиции. Однако в ходе событий, при смене политической обстановки, эта освященная обычаем система власти *меняла* свои формы, структуру, личный состав, полномочия и вес в обществе, равно как и методы захвата и удержания самой власти, прежде всего верховной.

В течение большей части эпохи викингов власть была сосредоточена в *родовых институтах*. До середины эпохи викингов, да в известной степени и позднее она делилась между бондами и родовой знатью, из среды которой, как точно и образно говорит «Песнь о Риге», выходили и короли. Власть бондов была представлена тингами — местными, областными и всеобщими. Власть была *персонифицирована*. Ею были облечены те, кто возглавлял местные тинги и общности, а также вождей и/или так называемых малых королей, которые «выросли» из вождей бывших племенных территорий.

В этом очерке речь пойдет именно о *родовой знати*, которая, возможно, в еще большей степени, нежели в странах Европейского Запада, образовала основу формирующейся в Северной Европе средневековой элиты.

Сведения о родовой знати и ее роли

Скандинавская знать состояла из так называемых «могущественных людей», «лучших людей» и в разные времена в той или иной мере делила валсть с местными вождями, малыми королями, позднее с верховным монархом. Основное место в составе элиты занимала и прочно удерживала именно родовая знать, *отделенная своей родословной от простолюдинов*.

Когда Снорри в «Круге Земном», в эпизоде, связанным с Англией, пишет о людях, которые «по рождению не обладали никакими правами на власть в стране»[73], он тем самым указывает на родовитость как на, во-первых, наследственное достояние, а во-вторых, свойство, дающее право на власть. Саги свидетельствуют, что средством *поддержать власть* были богатство и число «своих»; отсутствие этих составляющих не лишало человека родовитости, но резко ослабляло авторитет, влияние в обществе.

Бонды, свободные люди, ведущие собственное хозяйство, — это almugi, общинники, масса простолюдинов, которые, как мы могли убедиться, во всех случаях, даже при разделе улова рыбы, пойманной с лодки, получали меньшую часть, чем знатный человек, трудившийся рядом с ними (что вовсе не было тогда редкостью)[74]. Над бондами возвышалась знать. Между теми и другими располагались либо богатые, но пока незнатные простолюдины («лучшие бонды»), либо знатные люди, потерявшие свое состояние, а вместе с ним и могущество.

Важно уяснить *общественные функции* этого правящего и богатого слоя, на которых, собственно, и была основана их власть и благодаря которым этот слой выделился из «массы равных».

Уже не раз я имела случай подчеркнуть, что *знать и вообще элиту в мире людей саги составляли воины*. Хорошо известно, что воинское дело издревле считалось почетным и, к тому же, при удаче давало воину возможность получить часть некой военной добычи, добиться известного благосостояния, даже авторитета и почетного положения в обществе. Скандинавская элита состояла из воинов. Это были воины по определению, *военная страта,* проходившая тщательную профессиональную подготовку с самого детства. Несомненно, что выделение военной страты, в большинстве случаев рано или поздно оформлявшейся правом в виде *сословия*, не является особенностью только скандинавов эпохи викингов, а представляет собой свойство всех патриархальных обществ от древности и до Нового времени. Саги выразительно демонстрируют воинские функции элиты, а тексты саг убедительно подтверждаются поэтическими описаниями образа ее жизни и свидетельствами о битвах и похоронах военных вождей.

Так, в поэме «Беовульф» рассказывается о роскошных похоронах «вождя», в погребальную ладью которого («челн крутогрудый») вместе с его телом положили «груды сокровищ»: «одежды битвы» — мечи и кольчуги, а также самоцветы и золото (ст. № 30–45). Ладьи с таким содержимым до нас не дошли, и вообще можно предположить, что поэты в своем увлечении сюжетом и в данном случае, как и во многих других, прибегали к метафорам. Но великолепие предметов, погребенных вместе с видными воинами эпохи викингов, подтверждается содержанием больших некрополей, состав которых можно сравнивать и классифицировать.

[73] КЗ. С. 401.

[74] ИС I. С. 274–275.

Так, богатейший по объему могильник Бирки содержит, говоря в общем, два типа захоронений от X в., которые позволяют говорить о наличии четкой иерархии в тогдашнем местном обществе[75]. Из тысяч могил только в немногих содержится боевой топор, в десяти — лошадь, в одной — две лошади и в нескольких — монеты. Серебряные, золотые, а также бронзовые вещи обычно сочетаются в могиле с боевым топором, иногда довольно дорогим, возможно родовым, а также со скелетом лошади и с одеждой, украшенной ценным позументом из золотого или серебряного шнура, изредка даже с золотым поясом (№ 495, 496, 524, 542, 581, 644, 710, 736 и др.).

На основе саг можно выявить некоторые свойства, присущие родовой знати в ту эпоху, а подчас еще и в XIII в. Особенно интересно сочетание «постов» или «должностей», которые давали реальную власть, — характер владений и хозяйства знати, ее имущественные возможности и методы приращения собственности.

В Скандинавии достаточно долго не применялись титулы, а если они и встречаются, обычно в материалах после XII–XIII вв., то принадлежат приезжим аристократам. Нет в сагах и обобщенного термина «власть» или «люди власти», «знать». Слово «адель» (aðel), т.е. знатный, которым позднее обозначали высшее сословие, примерно с XIV в. — «дворянство», в этом смысле еще не употреблялось, видимо, не было востребовано жизнью. Однако вряд ли стоит считать случайностью то, что островок на озере Меларен, где располагалась резиденция одного из малых конунгов свеев, назывался Адельсё (Adelsö, Остров знатных). И вспомним, что именно эти конунги и их «префекты» оказывали покровительство Ансгарию в его миссии в раннем городе Бирка, на одноименном острове, расположенном по соседству с Адельсё[76].

Чтобы сразу же дать понять, что речь идет о примечательном персонаже, называют имя его отца, часто и матери, иногда других предков или близких родичей, а также место, где расположены его семейные владения. А родословия некоторых знатных персонажей саги занимают несколько строк, например: «Алов, жена херсира Клюппа, была дочерью Асбьёрна и сестрой Железного Снегги с севера из Ирьяра, а Асбьёрн был братом Хрейдара, отца Стюркара, отца Эйндриди, отца Эйнара Брюхотряса»[77]; последний, как мы уже знаем, в своем округе был предводителем бондов. Этого было вполне достаточно для окружающих, чтобы решить, к какой социальной категории человек принадлежит, поскольку знать в отнюдь не богатой Скандинавии была тогда немногочисленной, всего по несколько десятков знатных родов на страну, так что люди знали своих аристократов поименно.

Обычно знатных людей эпохи викингов именовали хёвдингами («высокородный» [человек] и, одновременно, «вождь», «предводитель»)[78]. Иногда синонимом

[75] См.: Hägg, 2007.

[76] Термином «адель» с рубежа XIII–XIV вв. обозначали дворян.

[77] КЗ. С. 95.

[78] ИС I. С. 27. 45.

этого наименования служил термин «стурман» («большой человек», «начальник», «богатый человек»), хотя здесь были и известные, впрочем довольно тонкие различия. Несомненно, что по объему власти, по имущественному состоянию и по общественному авторитету знать не была однородной. Но на основе саг выделить из состава правящей элиты можно только самую высшую ее группу — тех, кто занимал значимые посты в обществе людей саги.

Хёвдинги были влиятельными людьми, даже не имея какой-либо (выборной) должности. Но в сагах они обычно выступают как главы тингов — *лагманы*, главы капищ — *годи*, правители бывших племенных областей — *ярлы*, наконец, правители политических образований, возникших на месте племенных союзов, — вожди или *малые короли*. Такие люди обладали не только влиянием, но и непосредственной властью.

Обладание этими постами и выполнение связанных с ними функций играли большую роль в период сложения единых государств, затем в той или иной мере сохранили свои роли в центральном и, особенно, местном управлении.

Знатное происхождение, не говоря уже о «звании» годи, лагмана, тем более ярла и т.д., если его имел кто-либо из членов данного семейства, служили лучшей «визитной карточкой» для мужчин и женщин, лучшим приданым для девиц и рекомендацией для юношей, особенно при первом знакомстве. Во всяком случае, если юноше, который еще не имел всем известных личных заслуг, надо было представляться незнакомому влиятельному лицу, желая, например, поступить к нему на службу, то он, как сказано выше, называл имя, звание, расположение усадьбы отца, а то и деда. Знатность рода неизменно принималась во внимание.

Большинство представителей родовой знати были *богатыми* (для своего места и времени) людьми. Знатные люди огораживали свои дворы, которых нередко было несколько, земляными укреплениями («Сага об Олаве Святом», гл. LXXXII). Они имели дружинников или охранников, множество родичей, свояков и клиентов. О подобных людях в сагах говорилось, например, так: «Снорри выезжает из дому по делу с 14 спутниками. Все со своими отрядами»[79]. Знатные люди могли позволить себе иметь «отборных провожатых». Вассалы и дружинники знатного человека также вели себя высокомерно и тем более заносчиво, чем выше был статус их патрона, который заботился о преданных ему «своих» людях. Так, некий Торольв, став «провожатым» хёвдинга Кольбейна, «был изрядно спесив и тщеславен»; впоследствии заботливый покровитель подыскал ему жену[80].

Хёвдинг мог иметь при себе и больше сопровождающих, до 20 и более человек[81]. Встречается даже упоминание о том, что дружина (или весь состав сопровождающих?) знатного лица включала до 60 человек[82]. Если богатый и родовитый

[79] ИС II:2. С. 78–82, 85, 86 и мн. др.

[80] Сага об исландцах. Гл. 87 и 142.

[81] Ср.: Там же. Гл. 96.

[82] ИС I. С. 101.

человек устраивает пир, то он приглашает на него «других вождей и могущественных бондов[83], и все приезжают с дружинниками и домочадцами. Если такой человек отправляется на тинг, то приводит с собой не только дружину, но и «массу сильных людей... для поддержания [своего] права»[84].

Так, известный своими жестокими безобразиями Стюр, который «многих убивал и ни за кого не платил виру», «держал при себе много народа»[85]. Во многом благодаря этому он стал первым хёвдингом округи и вместе с «лучшими бондами» провел через тинг известный закон об использовании личного тавра для клеймения скота. В довершение всего Стюр стал еще и главой одного из годордов[86]. Правда, в конце концов бонды его убили (сражение 1007/1008 г.). Но здесь важно то, что жестокое отношение к простым бондам, пусть и соседям, было одним из методов поведения некоторых представителей высших кругов общества.

Когда же в Исландии ввели христианство, «многие знатные бонды построили тогда возле своих дворов церкви. Среди них был и тот же Стюр, он велел возвести церковь возле Лавововой Пустоши. В те времена люди верили, что тот, кто построит церковь, может забрать с собой в небесное царство столько людей, сколько его церковь вмещает»[87]. И тут уж знакомый нам убийца Стюр не пожадничал.

Знатные люди держали себя надменно, зачастую грубо. Об одном из них, Торбьёрне, в саге говорится, что он «был муж видный и с людьми меньше себя обходился круто». В то же время представители знати непрерывно *соперничали*, отстаивая свой престиж, ссорились, судились и бились между собой. Знатный бонд Торкель из-за своего убитого раба (правда, в этом деле была замешана женщина) был готов убить скальда Тормода, дружинника конунга[88]. Рассказами о распрях между знатными людьми наполнены «Сага об Ароне сыне Хьерлейва», да и все другие саги. Не случайно знатные люди выезжали из дома только с «провожатыми» — охраной.

Ярлы и малые короли

До образования единых государств на вершине влиятельной местной знати находились малые конунги — политические и религиозные лидеры, выросшие из родо-племенных вождей и связанные с людьми, живущими на данной территории, традиционными личностными отношениями. В начале эпохи викингов малых конунгов было много. Римберт в «Жизнеописании св. Ансгария» последовательно рассказывает о двух таких местных королях, которые обосновались на соседнем

[83] КЗ. С. 140, 141.
[84] ИС II:2. С. 38.
[85] Там же.
[86] ИС II:1. С. 47, 51 и др.
[87] Там же. С. 54.
[88] Там же. С. 175.

с Биркой острове Альснё (или Адельсё) и в разные годы были покровителями миссионера[89]. Иногда известных предводителей викингов называли «морскими конунгами». У малых конунгов были более обширные, украшенные и укрепленные комнаты для гостей, богатые пологи у кроватей и т.п.[90] «Сага об Инглингах» тоже свидетельствует, что в те времена малых конунгов было много и они непрерывно сражались между собой из-за территорий и рынков[91].

Но помимо борьбы между малыми конунгами складывались, пусть и временно, другие отношения — *союзнические, династические*. Постепенно среди них стала вырабатываться определенная иерархия, и этот процесс завершился установлением единовластия сильнейшего из них на всей территории страны (о чем будет идти речь ниже).

Подчеркнутое высокомерие и бесцеремонность, вплоть до грубости и жестокости, определяли поведение знатных людей тем более, чем выше было их положение. Так, вдова «большого конунга» Сигрид Гордая была столь разгневана тем, что несколько малых конунгов смеют претендовать на ее руку, что не только отказала им, но и приказала перебить незадачливых женихов. Впрочем, ее нрав не смог выдержать и вполне подходящий муж — шведский король, который поспешил мирно разъехаться с ней, отдав под ее власть Гёталанд, а сам остался в свейских землях[92]. Там же, подальше от матери, правил затем и ее сын Олав.

Выше всех среди местной знати, фактически равным малому королю, был *ярл* (ср. англ. «эрл»). О ярлах в сагах говорится не меньше, чем о конунгах. Исконно ярл — это «муж-воин», а затем это слово стало обозначать знатного и влиятельного правителя высокого ранга, обычно имевшего в своем подчинении область (позднее «землю»-ланд). Нередко он правил и всей страной[93]. В IX–XI вв. ярлы правили в Трёндалеге (Трандхейме), а на юге страны, в Упленде, правителей называли хёвдингами. Но ярлы, знакомые нам уже по «Песни о Риге», были аристократами скандинавского общества, будущими (с XIII в.) герцогами. Ярлы нередко возглавляли конфедерации племен, которые складывались в отдельные государства и уже начинали восприниматься как таковые. Особой известностью пользовался в сагах ярл Хладира Хакон, или Хакон Могучий сын Сигурда, который правил Норвегией в 974–995 гг. Он держал при себе нанятых в Швеции братьев-берсерков, которые бесчинствовали в округе, но обуздать их бондам «было не под силу»[94]. В конце концов Хакон был убит, но его должность унаследовал сын Эйрик (1000–1015).

[89] Такое близкое соседство (но не слияние) политического центра и торговой эмпории было характерно для раннего этапа и государственного строя, и градообразования не только в Скандинавии, но и на Руси.

[90] ИС I. С. 34, 74 и др.

[91] См. также: КЗ. С. 32 и мн. др.

[92] Там же. С. 125, 126, 137.

[93] Там же. С. 177.

[94] Там же. С. 53–54.

Считается, что ярл — это синоним будущего (не ранее XIII в.) *герцога*. Во всяком случае, саги называют ярлами герцогов Нормандских и представляют их родичами норвежских правителей[95]. В XIII в. ярлы и в Швеции были фактически герцогами, этот титул, судя по «Хронике Эрика», позднее получали братья короля.

Ярлы упоминаются в источниках как весьма важные персоны. Знаменитый шведский ярл Биргер Магнуссон (1210–1266) правил Швецией при муже своей сестры, слабом Эрике Шепелявом; он основал Стокгольм, ввел ряд важных законов. Ярл Биргер был женат на Кристин дочери Никуласа (ум. 1254), внучке конунгов и племяннице правящей королевы, и являлся отцом основателя династии Биргерссонов-Фолькунгов короля Вальдемара. История ярла Биргера демонстрирует роль и те властные возможности, которые были у ярлов.

Ярлы, как и другие знатные люди, особенно находящиеся близко к правителю или, тем более, правящие сами, редко слезали с коня. Чаще всего они были во главе войска[96], выступая против соседних ярлов, а то и конунгов. Нередко и бонды помогали тому или иному «своему» ярлу против конунга[97]. Свой титул ярл зачастую наследовал, а после утверждения монархии формально получал его от местного или высшего конунга, но, как видно из истории с хладирскими ярлами, они и позднее могли передавать свою власть по наследству.

Ярлы были очень богатыми людьми, имели многочисленную дворню, массу домочадцев — от дружинников до лично зависимой и наемной прислуги; как правило, держали наложниц. Они распоряжались местными бондами, порой весьма своевольно. Некоторые из этих правителей позволяли себе безобразные выходки даже по отношению к знатным людям, допускали дикие нарушения обычаев.

Здесь стоит напомнить уже вкратце упоминавшуюся историю противостояния ярла Хакона и могущественного хёвдинга Орма, у которого ярл вознамерился отнять жену, прославленную красавицу. «Сага об Олаве сыне Трюггви» (гл. XLIV) об этом рассказывает следующее. Когда ярл Хакон «правил Норвегией», сначала все шло хорошо, так что «большую часть жизни бонды любили его». Но затем «ярл стал распутничать... доходило до того, что по его велению хватали дочерей почтенных людей и приводили к нему домой, он делил с ними ложе неделю или две, а затем отсылал домой». «Бонды стали сильно роптать, как жители Трёндалега имеют обыкновение роптать, если им что-либо не по нраву». И после истории с женой хёвдинга Орма возглавляемые хёвдингом «бонды создали рать», свергли правителя Хакона и сделали своим конунгом Олава сына Трюггви (995–1000)[98].

Другая причина недовольства ярлами со стороны бондов заключалась в том, что некоторые ярлы буквально душили бондов поборами. И хотя протесты народа

[95] КЗ. С. 175.

[96] Там же. С. 56–57.

[97] Там же. С. 96 и др.

[98] Там же. С. 120.

на тингах вызывали обещания снизить подати, эти обещания редко сдерживали[99]. Кроме того, ярлы охотно скупали земли[100], что ставило в сложное положение местное население.

Местные власти: хёвдинги, годи

По неписаной табели о рангах *хёвдинги* занимали третье место во власти после конунга и ярлов. Это люди, имеющие знатных предков или, как мы увидим ниже, добившиеся высокого статуса в силу личных заслуг, а также обладающие определенной властью на местах. Видимо, именно о таком человеке, т.е. хёвдинге, выбившемся из незнатных людей, особо говорится в «Саге об Ингваре Путешественнике»[101]. Хёвдингом в сагах часто называют могущественного человека, происходившего из известной семьи, авторитетного среди местного населения, обычно местного управителя, предводителя — вождя, главаря, военачальника в морском или пешем походе (если при этом не было конунга). Если хёвдинг управлял херадом (сотней), то он назывался «херадсхёвдингом». Когда саги хотят подчеркнуть особую власть и влияние какого-либо местного владыки, его называют «большой», «могучий» хёвдинг. Особенно могущественным считался «окружной хёвдинг». Часто в сагах такой хозяин округи упоминается именно как военачальник (*hofdingi mirill*). И именно хёвдинги в сагах обычно противопоставляются «простым людям» (almugi) и, соответственно, «простым воинам»[102].

Авторитет хёвдингов стоял высоко, без них решение дела на тинге не считалось законным[103]. Но их власть была сильна и в повседневной жизни. Случилось, например, однажды так, что жене авторитетного хёвдинга (и дочери Олава Павлина), умной, властной Торбьёрг Толстой, в отсутствие мужа пришлось руководить делами в округе, и все бонды посчитали это нормальным.

Жители округи постепенно становились как бы зависимыми людьми хёвдинга, наподобие римских «клиентов», во всяком случае, весьма считались с ним. Когда молодежь в одном из округов Исландии стала «шалить», обижая обывателей, они пожаловались хёвдингу Вермунди. Тот поговорил с отцами безобразников, всех усмирил, а одного озорника вынудил отселиться подальше[104]. В сагах провожатые хёвдинги либо живут в его доме, либо это соседи-бонды, которые имеют свои дворы; но впоследствии таких бондов начали *принуждать* к исполнению этой обязанности,

[99] См., например: Сага об Олаве Святом. Гл. XCVIII.
[100] КЗ. С. 59.
[101] Сага об Ингваре. С. 250.
[102] СОДВ. С. 91–92, прим. 10.
[103] ИС I. С. 443.
[104] ИС II:1. С. 121.

грозя штрафом[105]. Со временем хёвдинги стали использовать и ополчение бондов в своих целях во время междоусобиц, платя за их содержание и участие в схватках, а также переманивая бойцов у других хёвдингов[106].

Хёвдинги были богатыми людьми. Один из них, «большой хёвдинг» Гудмунд, имел сотню домочадцев[107]. Судя по «Саге о Курином Торире», местный хёвдинг первым всходил на прибывший торговый корабль и назначал цену за товары. Тем, кто не подчинялся его приказам, он не разрешал торговать, а то и присваивал их корабль. Многие хёвдинги смолоду были викингами, один из них, швед Олав, около 900 г. ограбил большой торговый город Хедебю. Богатый Торкель сын Эйольва из Лососьей Долины, «именитый муж», стал «могучим хёвдингом»[108] и славился своей независимостью. Немало знатных людей искали удачи на военной службе за морем, в частности на Руси. В «Саге о Битве на Пустоши» (гл. XLIII) рассказывается о судьбе знатного Барди. После развода с «гордой Ауд», дочерью известного Снорри Годи, он уплыл на Русь, вступил там в княжескую дружину и воевал с находниками — норманнами. Все тамошние скандинавы его уважали и любили. Был он храбр и предприимчив, собрал собственную дружину, хорошо охранял «державу конунга [Руси]» и пал в битве, сражаясь до последнего вздоха.

В доме хёвдинга на Овечьей Горе было «отличное убранство, вся горница была завешана тканями, а поверх ткани висели щиты. Доспехи не висели [только] перед кроватями женщин. Сольвейг, хозяйка дома, незадолго перед этим родила дитя. Она только что поднялась с [родильного] ложа, а теперь лежала в горнице» вместе со своей дочерью Турид, [окруженная вниманием] «своей матери Вальгард и многих других людей»[109].

Нередко хёвдинги вступали между собой в конфликты из-за земель и власти, из-за влияния на бондов. Сравнительно мирные периоды, когда междоусобицы стихали, были редкими. Известно, что в первой половине X в. в Исландии не было серьезных междоусобиц; считается, что это было заслугой одного из первопоселенцев — хёвдинга Торстейна Белого. Но, как мне представляется, этот относительный мир, скорее всего, объясняется наличием тогда свободных земель[110].

Хёвдинги часто являлись *годи местного капища*, тогда это было как бы одним из званий хёвдинга. *Годи* — жрецы и смотрители капища[111] — относились к *старой*

[105] Ср.: Сага об исландцах. Гл. 33 и с. 369, прим. 199.

[106] Там же. Гл. 95 и 97. В указанных главах, а также в некоторых других хёвдинги сговариваются «уводить [от кого-либо] бондов».

[107] ИС I. С. 634.

[108] Там же. С. 414.

[109] Сага об исландцах. Гл. 71. С. 159. Этот эпизод саги интересен (помимо сведений об убранстве дома хёвдинга) тем, что он, единственный в своем роде, привлекает внимание читателя к роженице, которой помогала мать и которая окружена вниманием «многих людей». Так, во всяком случае, обстояло дело в семье хёвдинга.

[110] ИС II:1. С. 376.

[111] ИС I. С. 29.

знати. Изначально были представителями язычества, отстаивали его и как духовные пастыри, жрецы капища, прекратили свое существование только с внедрением церковной организации. Каждое рядовое капище имело свою округу — *годорд,* т.е. общину, включавшую от нескольких единиц до нескольких десятков дворов, хозяева которых ежегодно вносили годи средства на содержание капища. Это были бонды разного состояния. Таким образом, годи капища стоял во главе соответствующего годорда. Обычно годи был богатым и влиятельным человеком, в своем годорде он имел не только жреческую, но и светскую власть[112], особенно с XI в., когда капища были разрушены, а годорд на время стал как бы территориальной единицей. В Исландии в каждой «четверти» было определенное число годордов: в конце X в. их было 39, после реформы 1005 г., т.е. после христианизации, их стало уже 42[113]. Таким образом, годи имели и административную власть на местах.

О Торкеле Разгребале, годи Озерной Долины, в «Саге о Греттире» (XII в.) говорится, что он «человек очень влиятельный» (гл. XVI). И в «Саге об исландцах» годи еще фигурируют (гл. 6 и др.), и они по-прежнему авторитетны, а это уже XIII столетие.

В непрерывной борьбе за власть внутри элиты получение годорда кем-либо из ее представителей было дополнительным стимулом для усиления враждебных действий между соперниками. В «Саге о людях с Песчаного Берега» (гл. XV) так описан один из влиятельных годи: «Снорри был человек среднего роста, скорее худощав, хорош собой, с правильными чертами лица, светлокожий, со светлыми волосами и рыжей бородой. В повседневной жизни он сохранял невозмутимость: по нему трудно было увидеть, доволен он или нет. Он был умен и умел предвидеть многие вещи заранее. Он был мстителен и злопамятен; своим друзьям он помогал добрым советом, но недруги должны были опасаться его замыслов. Снорри смотрел за капищем; поэтому его называли Снорри Годи. Он рано сделался большим хёвдингом, но власти его сильно завидовали, ибо вокруг было много людей, считавших себя не менее знатными, чем он, но при этом превосходивших его силой и закаленных в испытаниях»[114]. Судя по «Саге о Гисли», свою власть годи этот Снорри унаследовал после убийства его отца Торгрима.

Уместно заметить, что любая передача годорда, в том числе по наследству, обычно производилась при свидетелях[115].

Годи объединял людей в рамках годорда, особенно когда речь шла о тинге, где выбирались местные старосты и, тем более, если нужно было выработать позицию для участия в выборах короля на общем тинге. О некоем годи Гримкеле прямо говорится, что он был главой местных бондов[116].

---

[112] Ср.: ИС I. С. 28.

[113] См.: ИСИЭ. Прим. 804; ИС II:2 (см. соответствующие комментарии).

[114] ИС II:2. С. 35.

[115] Сага об исландцах. Гл. 18.

[116] ИСИЭ. С. 435.

Очевидно, что если хёвдинги стремились заполучить место годи, чтобы увеличить свои состояние и власть, то, став годи, человек превращался в хёвдинга местных бондов. Именно годи, на содержание «подведомственного» ему капища, люди данного годорда несли ежегодный налог. Если он ехал на тинг, его должны были сопровождать бонды, а отказавшийся платил штраф. Когда влиятельный хёвдинг и годи Хрольв, прозванный Торольвом за пристрастие к богу Тору, самолюбивый и решительный, рассорившись с норвежским королем, уехал на постоянное жительство в Исландию, он занял там обширные земли, построил роскошное капище и «поселил людей на занятой территории»[117]. Иначе говоря, он и здесь стал годи, и здесь окружил себя *зависимыми* людьми.

В «Саге о сыновьях Дроплауг» рассказывается о человеке по имени Кетиль Гром; он, как и его брат, с которым они жили вместе, был богат и все время ездил по торговым делам. Дело происходило в начале X в. Случилось так, что у Кетиля в руках оказались особенно большие деньги, на которые он купил себе не только хутор, но также и годорд[118]. Когда же Кетиль умер, его два сына поделили отцовское наследство следующим образом: один из них получил хутор отца, а другой — годорд[119]. В другом случае годордом владели одновременно «Вальбранд с [его] сыном Торви»[120]. То, что звание годи и годорды передавались в семье по наследству, следует из многих саг, и это правило действовало еще в конце XII в.[121] Соответственно в составе родового *наследства передавалась и известная власть* над населением годорда[122]. Годорд можно было не только купить, но и предоставить в пользование другому лицу, даже из другого рода, особенно если годи обеднел и/или больше не мог обеспечить защиту членам своего годорда, что был обязан делать. Т.е. в случае, если один годи не мог удержать власть и обеспечить порядок в полном объеме, он мог разделить ее с другим лицом (лицами) или передать ее совсем другому лицу[123]. Но, возможно, совместное обладание годордом объяснялось какой-то другой причиной. Например, некие люди, которые «сообща владели годордом и были все людьми знатными», купили местный лес «для своих нужд на тинге»[124], иначе говоря, превратили общинное владение в свою собственность на законном основании, видимо, благодаря власти в годорде, что и подчеркивает сага.

С другой стороны, некоторые хёвдинги сосредотачивали в своих руках несколько годордов. Так, несколькими годордами в Северной четверти Исландии на

[117] ИС II:2. С. 25 и сл.
[118] Там же. С. 214.
[119] Там же. С. 217, 218.
[120] ИСИЭ. С. 447.
[121] Например, Сигват принял «родовой годорд». См.: Сага об исландцах. Гл. 6.
[122] ИС II:2. С. 25.
[123] Ср.: Там же. С. 16; Сага об исландцах. Гл. 18.
[124] КЗ. С. 548 и сл.

рубеже XII–XIII вв. владел Сигват; а его сын Туми, отделяясь от отца, просил выделить ему наряду с отдельным хутором еще и часть годордов, «которыми Сигват распоряжался». Получив отказ, Туми поднял против отца бондов, но был убит в стычке. Позднее, после проигранной сторонниками Сигвата битвы (1238) всеми его годордами в Северной четверти овладел Кольбейн Младший, который управлял «неправедно и с помощью насилия»[125]. Интересно, что Сигват «за денежные ссуды получал земли, и его достояние умножилось» (гл. 6), так что он выступал в своем годорде и как ростовщик. В «Саге об исландцах» (гл. 6. 1197 г.) это разъясняется так: Сигват сын Стурлы, получив по завещанию неплохое наследство — 40 сотен серебра, стал пускать *деньги в рост,* «покупал и перекраивал участки» и в результате поставил свой «богатый хутор». За хозяйством там постоянно надзирали переехавшая к нему сестра Турид и ее муж[126].

Из приведенных примеров видно, что у богатых хёвдингов владение годордом сочеталось с довольно обширным другим имуществом, в частности несколькими хуторами. Ясно также, что, получив в свое владение годорд, можно было войти в состав знати. Со временем, когда различными путями, в том числе и с помощью вооруженных столкновений, происходили перераспределение и концентрация земельных владений, наряду с ними и власть годи вместе с годордами также оказывалась в немногих руках. Но обладание годордом и связанное с ним положение языческого наставника-годи тогда уже не было так твердо связано с принадлежностью к элите.

Итак, очевидно, что положение человека элиты обязывало иметь кроме чести еще *знатное происхождение и богатство* или хотя бы состоятельность.

В «Саге о Названых Братьях» говорится о годи Торгриме, который «держал многолюдный годорд» и был могущественным, знатным и очень отважным хёвдингом. И он сам, и его четыре племянника — все бесстрашные удальцы — были очень заносчивы[127]. Другой годи из этой же саги Вермунд за богатые подарки мирволил местным грабителям[128], так что бонды оказались перед ними совершенно беззащитными. Годи Рольв, судя по руническим надписям, держал в качестве годорда весь (датский) остров Фюн[129].

Некто Храфнкель устроил капище Фрейра. Он стал раздавать «земли в долине, которую занял, другим людям и объявил себя годи, желая над ними главенствовать. Его и стали звать Годи [бога] Фрейра. Властный и склонный к насилию, он часто был несправедливым к подданным и никому не платил виры и выкупа»[130]. Сыновья

[125] Сага об исландцах. Гл. 140.

[126] Интересный материал о Сигвате см.: Там же. С. 72–73.

[127] ИС II:1. С. 173.

[128] Там же. С. 127.

[129] DR. S. 189, 190, 192, 193.

[130] ИСИЭ. С. 138 и сл.

Храфкнеля унаследовали власть годи[131]. В «Саге о Херде и островитянах» рассказано о Гримкеле, таком же годи, который имел «большой годорд... был человек богатый и не чуждался насилия»[132].

Обычно власть годи, если он был видным хёвдингом, распространялась за пределы годорда. Но хёвдинг мог возглавлять округ и даже несколько округов, имея под своей властью ряд годордов. Такие окружные хёвдинги, как упомянутый выше Сигват, рассматриваются в сагах как могущественные люди.

Лагман

Лагман, «человек закона» или законоговоритель[133], исстари имел в Скандинавии очень большой вес. *Знаток и толкователь обычаев и законов* данного ланда (области, обычно в недалеком прошлом племенной территории), он на тингах закреплял прецеденты устного обычного права, оглашал относящиеся к тому или иному случаю обычаи и давал соответствующие справки и разъяснения. Во времена саг он по-прежнему руководил тингами, определял их длительность, толковал законы и вел суд. По большому счету он фактически управляет бондами, а если это касалось окружного тинга, то наряду с хёвдингом, как глава данной территории. *Ланд* или *ландскап* в рассматриваемый период — территориально-правовая область, обычно она включала несколько сотенных округов. И в сагах лагман — неизменный глава тинга каждого округа-фюлька в Норвегии, каждой области-ланда в Швеции, Норвегии и Дании и, что особенно важно, общего тинга «всех свеев», или «всех гётов», или «всего Данемарка»,

Лагман был лицом выборным. Можно сказать, что лагман был вторым (после короля) главным выборным лицом тогдашних скандинавских обществ и вполне соперничал с королем в смысле влияния, а подчас, *опираясь на тинг*, мог поставить монарха «на место». Обычно его выбирали на три года, но затем нередко по несколько раз переизбирали, так что некоторые лагманы занимали эту должность десятки лет. Как правило, лагманом был богатый человек из хорошо известной *старой, знатной семьи* и авторитетный хозяин. В шведском законодательстве XIII в. прямо сказано, что «лагман должен быть из бондов», т.е. хозяев: имеется в виду, что он не должен избираться из числа пришлых людей, людей, не являвшихся хозяевами своих дворов, и, тем более, неоседлых лиц. Нередко лагманы одновременно были и годи, но в эпоху викингов эти должности обычно разделялись.

Несомненно, лагманы обладали особенно большим авторитетом в республиканской Исландии. Но они, судя по писаному праву Швеции, еще и в XIV в. играли

[131] ИСИЭ. С. 156.

[132] Там же. С. 446 и сл.

[133] ИС I. С. 43.

большую роль также в этой стране, с ее мощным слоем бондов. Данные саг, которые касаются гораздо более раннего времени, когда роль избранных народом предводителей по всему региону была еще большей, если не решающей, полностью убеждают в этом. В «Саге об Олаве Святом» (гл. LXXVII–LXXIX) рассказано следующее. В Швеции (в данном случае, скорее всего, имеются в виду именно свеи) в каждой области имеется свой тинг и свои законы. На тинге предводительствует лагман, «его больше всего слушают бонды, ибо то, что он возвестит на тинге, становится законом. Если страну объезжает конунг, ярл или епископ, ответную речь от имени бондов произносит он, а те его поддерживают. И даже самые могущественные лица не рискуют (не осмеливаются? — *А.С.*) прийти на тинг без согласия бондов и лагмана». При этом закон гласит, что «все лагманы должны подчиняться лагману Тиундаланда» («Десять ландов» — территория в Упланде). Из этого следует, что в среде лагманов была своя *иерархия*.

Особенно интересно здесь то, что бонды видели в лагманах еще и законодателей, т.е. не только знатоков и толкователей, но также *творцов* и *«исправителей» обычного права*, а также *созидателей письменного права*. Лагманы были инициаторами записи норвежских законов Фростатинга и Гулатинга. Лагман Западного Гёталанда Аксель Магнуссон (годы правления 1215–1227) известен, в частности, тем, что активно содействовал составлению древнейшей редакции Вестгёталага (20-е гг. XIII в.) и написал к нему «Предисловие»[134]. Он принадлежал к очень знатной и известной шведской семье, был братом знаменитого ярла Биргера, а его племянник стал конунгом Швеции. Известна и роль лагмана Упланда (отца знаменитой св. Биргитты) в составлении Упландслага.

То, что при кодификации обычного права лагманы играли главную роль (как раньше — в формировании самого обычного права), не могло не определять их большой *социотворящей* роли в рассматриваемый период и что, как известно, будет иметь чрезвычайно важное значение в XIII–XIV вв., в период повсеместной записи обычного областного права, — процесса, закрепившего ранние средневеково-феодальные институты и порядки в регионе. Не случайно областные законы в большинстве случаев отличаются заметным сдерживающим, консервативным началом в социально-правовой сфере, носителями которого как раз и были лагманы, областная знать, выступающие против централизации, проводимой королем, за местную автономию. В хронике «Лагманы вестгётов» (Wæstræ Göta Laghmæn, приложение к Старшему Вестгёталагу) перечислено 19 лагманов западных гётов, начиная с язычников Лумба и Бьёрна и до середины XIII в., когда при лагмане Фольке «были отменены многие языческие обычаи в нашем законе».

В том же упландском Тиундаланде должность лагмана передавалась по наследству, а сами они были очень *богаты*; в их усадьбах проживало много народа, что

[134] Это «Предисловие» является если не самым ранним, то одним из самых ранних памятников шведского языка.

поддерживало их влияние и власть («Сага об Олаве Святом», гл. LXXVIII–LXXIX). Упоминается в саге и особенно могущественный Эмунд, лагман Западного Гауталанда (Гёталанда), богатый и коварный. Под его руководством гёты на тинге в Скаре («Скараре»), взвесив все обстоятельства в связи с притязаниями на их ланд и Швеции, и Норвегии, решили, что шведы опаснее, потому что проживают ближе, чем норвежцы, которые к тому же отделены горами. Поэтому воевать с Олавом Шведским не стоит, но, поскольку он не выполняет свои обещания, его лучше убить. Так или иначе, но под председательством Эмунда гёты выбрали другого короля, из числа шведов (гл. XCIV).

В «Саге об Олаве Святом» подчеркивается, что в Тиундаланде (Упланд) знать была вообще особенно независимой, так что однажды при посещении тинга ланда королем, тем же Олавом Шётконунгом (ок. 999 — ок. 1022), некий лагман публично заявил, что быть бондом «не меньше чести [чем быть ярлом]» и можно «свободно говорить то, что захочется, даже при конунге». А другой лагман, Торгню, в речи, обращенной к королю, весьма выразительно назвал себя бондом и потребовал от конунга мира с Норвегией, иначе «мы все восстанем против тебя и убьем тебя»[135]. Вообще характерно, что лагманы всячески демонстрируют свое единство с бондами, общность интересов с ними, что являлось приемом, укреплявшим их влияние и власть в областях.

Характерно, что согласно норвежскому Ландслову норвежские лагманы во второй половине XIII в. могли вершить суд не только на тинге, но и «на дому» (!)[136], который использовался как здание суда, что подчеркивает их сохраняющееся влияние и обширность домовладения.

Свидетельства саг о роли лагманов, об их постоянных обращениях с просьбой о поддержке к бондам и, как правило, получении ее от последних, что уже подчеркивалось, подтверждаются шведскими областными законами и другими материалами, даже относящимися к следующим за эпохой викингов столетиям, когда укреплялась центральная власть.

Авторитет лагмана-законоговорителя был очень велик. Не случайно, когда законоговоритель Торкель Луна выразил надежду примирить врагов, один из бондов отреагировал на его слова так: «Твоя надежда стоит большего, чем твердое обещание других»[137]. Лагманы принимали важнейшие решения. Так, лагман Торгейр (985–1001), он же годи со Светлого Озера, сыграл главную роль в принятии христианства на исландском альтинге («Сага о Ньяле», гл. CV). Сведения о Торгейре интересны еще и тем, что о *совмещении* в руках хёвдинга должности лагмана и годи сага говорит без всякого удивления или оговорок.

[135] КЗ. Гл. LXXIX–LXXXIII.

[136] Имеется в виду — в своем доме.

[137] ИСИЭ. С. 456.

Неудивительно, что такая концентрация важных постов делала хёвдинга вдвойне могущественным. При лагмане Скафти сыне Тородда (1004–1030) были отменены поединки и учрежден (с 1004 г.) так называемый «пятый суд» — своего рода верховный суд Исландии, стоящий над судами четвертей. Авторитет самого Скарти был так велик, что многие ненавистные народу хёвдинги были при нем изгнаны из страны[138]. В XIII в. лагманом альтинга одно время был один из составителей саг Стурла Тордарсон.

Поскольку лагманы стояли во главе тингов, а на тингах проходили процедуру избрания конунги, как большие, так и малые, то роль местной аристократии вообще и лагманов в частности была очень велика также в области отношений между бондами и правителями. Как мы помним, руководимые знатью исландские бонды вместе с датчанами выступили против короля-крестителя Олава Харальдссона, будущего Олава Святого, в битве при Стикластадире, которую он проиграл.

Характерной особенностью родовой знати, прежде всего местной, провинциальной, было ее частое *противодействие верховному единовластию*[139] и то, что, имея большое влияние на бондов, она вела их за собой в междоусобицах[140]. Местная знать возглавляла бондов и при выступлении их против Олава Святого, и тогда, когда они, «с помощью влиятельных людей» старались, например, добиться перемирия с Русью или прекратить «войны и немирия внутри страны», которые им надоели[141]. В сагах много рассказов и о предательстве родовой знати в отношении интересов конунга[142]. Со своей стороны короли щедро награждали тех, кто их поддерживал, например, Олав Святой поддержавшему его в свое время могущественному Эрлингу пожаловал высокие должности и огромные земельные владения[143].

Владения и доходы знати

Люди саги пользовались традиционным правом на наследственные владения, прежде всего землю, что являлось в конечном счете одной из основ общественного строя скандинавов в то время. В эпоху викингов скандинавы вполне определенно обнаруживают тягу к земле, которая по обычаю была достоянием глав хуторских сообществ. Тяга к земле вполне естественна, и Адам Бременский (70-е гг. XI в.) пишет, что «непреклонный гёт весь год занят пашней»[144]. Судя по сагам, знать и верхушка бондов

[138] ИСИЭ. С. 247. См. также: Сага о Ньяле. Гл. LVII.

[139] См., например: КЗ. С. 388.

[140] Там же. С. 376 и мн. др.

[141] Там же. С. 92, 405 и др.

[142] См., например: Там же. С. 376. Смертельную рану Олаву Святому во время битвы при Стикластадире нанес знатный человек с острова Бьяркэй в Халогаланде Торир Собака.

[143] Там же. С. 135.

[144] *Адам.* С. 91.

ценили и усиленно собирали — праведными и неправедными путями — золото и серебро, украшения из благородных металлов, ценное оружие и нарядную, дорогую одежду. Высоко ценился скот, гордились, владея прекрасным конем и быстроходным кораблем, стремились наилучшим образом принарядиться, угостить и одарить достойного гостя. Но уже к началу эпохи викингов все, кто мог, начали собирать земельные владения. И из тех же саг видно, что растущая роль землевладения получила тогда не только хозяйственные, но и важные социальные основания (см. часть 1). Земля все более ценится не только как, говоря современным языком, всеобщее и абсолютное средство производства, но и само по себе владение землей открывает возможности для обогащения и приобретения власти. Причем очевидно, что именно знать имела самые большие возможности для накопления земельной собственности.

Вспомним, как в «Песни о Риге» рассказывается (песни 38, 39), что доблестный Ярл, непрерывно сражаясь, добывает себе много коней, золота, дорогих уборов и, что особенно важно, 18 гардов. В однодворной, однохуторской Скандинавии это являлось очень значительным состоянием еще и в конце эпохи викингов. Рунические надписи подтверждают, что знатный человек той эпохи является собирателем земельных владений, дворов-гардов. В сагах также имеются упоминания о людях, владевших несколькими гардами. Хёвдинг Арнкетиль «был очень трудолюбив и заставлял своих рабов работать целый день напролет от зари до зари». Вероятно, ценой такого напряженного труда он сумел приобрести второй хутор[145]. А у знатного и богатого Ингольва (вторая половина IX в.), который жил один, было «пять хуторов с людьми», которыми управляли, разумеется, особые люди; также важно, что этот Ингольв был еще и херсиром, т.е. служивым человеком короля[146].

Чаще всего саги не уточняют количество хуторов или размер земельных владений своих персонажей, если не считать замечаний о первопоселенцах в Исландии, которые обычно занимали обширные территории, что также показательно. Но саги не раз замечают, что владение двумя обычными хуторами считалось большим состоянием.

В Дании, в Ворбассе (25 км от Йеллинга), обнаружено пять усадеб X в. размером до 200 на 150 м, каждая из которых была огорожена частоколом и имела главный дом и отдельные хозяйственные постройки, загоны для скота и разные мастерские, с небольшими дополнительными жилыми помещениями, видимо, для слуг и работников. На месте одной из этих усадеб впоследствии выросла королевская крепость Треллеборг[147], так что не исключено, что это были усадьбы магнатов, близких ко двору короля, и/или принадлежащие королю.

[145] ИС II:2. С. 77–79.

[146] СОДВ. С. 120–121, 125. Г.В. Глазырина полагает, что это мог быть Ингольв Арнарсон, богатый норвежский херсир, который, переехав в Исландию с семьей и рабами, обосновался на месте современного Рейкьявика (Там же. С. 173. См. прим. 12).

[147] Hvass, 1980. P. 137–172.

Данных о таких магнатских усадьбах по Норвегии и Швеции X в. у меня нет, но и сами эти страны были беднее Дании, в том числе беднее аграрными возможностями. Не случайно и знать в средневековой Дании была самой многочисленной, богатой и независимой в Северном регионе, а сама страна вошла в историю как «страна дворянства» — в отличие от «страны бондов» Швеции. Однако сплошь и рядом попадаются сведения об имениях знатных и богатых людей на Скандинавском полуострове, среди которых, например, был Брюньольв, фактически владевший целым островом[148]. Известна, среди прочих, резиденция хёвдинга «Двор Вальтьова», одно из главных имений Восточной Исландии, где и сегодня можно увидеть великолепную резную дверь усадебной церкви XII в. Отметим сразу: в большинстве случаев особенно успешно расширяла свои земельные владения та часть родовой знати, которая так или иначе служила королю или при короле, т.е. влилась в знать служилую, и это обстоятельство отчетливо показывает *роль государства* в развитии крупного феодального землевладения (см. об этом часть 6).

Что представляло собой такое *«крупное землевладение»* в обществе людей саги?

Прежде всего стоит обратить внимание на то, что, в отличие от Дании, на Скандинавском полуострове и, тем более, в Исландии земельные владения элиты были раздроблены, т.е. составляли в большинстве случаев сумму крупных, средних и небольших дворов, земельных участков или островков, нередко достаточно удаленных друг от друга. С таких владений взималась рента. Например, знатный скальд Эгиль специально ездил собирать «подать со своих земель»[149]; но идет ли здесь речь о хозяйстве домениального типа, находившемся под управлением специально поставленного лица, или о таких, где земля раздавалась держателям (арендаторам), — из текста неясно. Ведь, например, в отсутствие богатого и родовитого Торольва его доверенный «домочадец» Торгильс Крикун «управлял его хозяйством»[150].

Очевидно, однако, что *зависимые бонды* в эпоху викингов уже появляются, число их все множится. Владельцы земли собирают с них *«плату за землю»* («Сага о Гисли», гл. III). Богатый хозяин «имеет *своих бондов*», которые готовы помочь ему выплатить долг («Сага о Ньяле»)[151]. И Эгиль, скорее всего, ездил за податью именно к таким «своим бондам», ведущим собственное хозяйство, но на арендуемой земле или каким-то иным способом поставленным в зависимость от знатного и богатого человека.

Но были и хозяйства иного типа, где основной частью владения являлся домен, либо он сочетался с участками зависимых людей, посаженных на землю. Пожалуй, наиболее полное представление о таком сложном имении знатного человека и о доходах, получаемых с него, дает «Сага об Олаве Святом», в которой содержится множество выразительных деталей, касающихся Эрлинга Скьяльгессона.

[148] ИС I. С. 72. Ср. с. 63 (о владельце усадьбы Ульве и мн. др.).

[149] Там же. С. 205.

[150] Там же. С. 83.

[151] Там же. С. 484.

Эрлинг сын Скьяльга, будущий зять короля Олава сына Трюггви, был в чести у конунга, являясь его крупным чиновником-ленсманом (фактически ленником), и получил от него щедрые земельные пожалования в виде земель, населенных бондами. Кроме того, он не раз ходил в викинги, а также занимался торговлей. «Эрлинг был очень красивым, статным и сильным мужем. Он был доблестен в бою и во всем был похож на конунга Олава»[152]. Рассказывая о браке Эрлинга с сестрой конунга Астрид, Снорри говорит, что, поскольку Астрид хотела быть женой очень высокопоставленного человека, король в период сватовства Эрлинга предложил ему стать ярлом, но тот не пожелал носить более высокое звание, чем имели его предки-херсиры. Конунг согласился и «при прощании... пожаловал Эрлингу, своему зятю» обширные земли в Рогаланде «с теми же правами, с какими Харальд Прекрасноволосый жаловал землю своим сыновьям», т.е. с правом взимать подати с бондов, там проживающих[153] (!).

На этой почве у Эрлинга происходили столкновения с местным ярлом Эйриком, который имел право на этот лен. Эйрик «завладел всеми теми землями, которые Олав конунг дал Эрлингу. Эрлинг же, как и раньше, собирал все подати с Рогаланда, и часто бонды платили ему двойные подати, так как иначе он разорял их селения». Иначе говоря, Эрлинг собирал двойные подати с бондов и нещадно обирал их. Ярлу же, как леннику, было необходимо отдавать половину собранных податей конунгу, а себе брать другую половину с каждой (одной) положенной подати. При Эрлинге «ярлу мало доставалось и взысков [штрафов] за неуплату податей, так как его сборщики не удерживались там, а сам ярл только тогда мог (т.е. решался. — *А.С.*) ездить по пирам, если с ним было много людей». Но и позднее, после гибели короля Олава, «Эйрик ярл не затевал войну с Эрлингом, поскольку у того было много влиятельных родичей и сам он был человеком могущественным и имел много друзей. При нем всегда была большая дружина, такая же, как если бы он был конунгом. Часто летом Эрлинг отправлялся в походы и добывал себе добро, так как он жил на широкую ногу, хотя теперь у него было меньше поместий и они были не такие доходные, как во времена его шурина Олава конунга. Он был человеком мудрым, ревностным во всем и очень воинственным». Не случайно, видимо, его воспевали скальды, в частности скальд Сигват, который хвалил его за мужество в бою и верную поддержку конунга:

...вождю надежной
Был поддержкой Эрлинг.
Он во многих бранях
Выказал великий
Дух, на поле первым
Шел, последним с поля[154].

[152] КЗ. С. 166.
[153] Там же. С. 135–136.
[154] Там же. С. 176.

«У Эрлинга в усадьбе, — продолжает Снорри, — всегда, и зимой и летом, было не менее девяноста свободных людей, и за обедом питье отмерялось (видимо, потому, что впереди еще была половина рабочего дня? — *А.С.*), а за ужином каждый пил, сколько хотел. А когда поблизости были ярлы, то у Эрлинга собиралось не менее двухсот человек. Он никогда не выходил в море иначе, чем на ладье с двадцатью гребцами. У Эрлинга был очень большой корабль с сорока двумя скамьями для гребцов. Он всегда ходил на нем в викингские походы или когда собирали ополчение, и тогда на этом корабле было не менее двухсот человек» (гл. XXII).

А в следующей главе Снорри рассказывает о поместье Эрлинга. Частично эта тема уже затронута выше, где сказано, что у Эрлинга под рукой были десятки свободных людей. Вряд ли всех их можно считать членами его семьи или бедными родичами, нашедшими приют в его усадьбе. Большинство из них были дружинниками (или охранниками, вооруженными слугами-свенами, husmæn), наемными работниками, батраками, рабами и домашней челядью. Снорри пишет: «У Эрлинга в усадьбе всегда было тридцать рабов и, кроме того, всякая другая прислуга. Днем Эрлинг заставлял всех людей работать на него, а вечером или ночью (!) он давал возможность тем из них, кто хотел, работать на себя. Он давал рабам землю, и они сеяли хлеб и снимали урожай. Эрлинг устанавливал размер выкупа, и многие рабы выкупали себя через полгода или год, а все, у кого было хоть сколько-нибудь удачи, выкупали себя через полтора года. На эти деньги Эрлинг покупал себе других рабов. Тех, кто становился свободным, он посылал на ловлю сельди или отправлял на другие промыслы. Некоторые расчищали себе участки и селились там, и каждому он чем-нибудь помогал»[155].

Снорри добавляет также, что Эрлинг разрешал своим рабам продавать зерно и сельдь — но только «родичу»: король Олав запрещал торговлю такими продуктами, в частности с гётами. Писатель упоминает также другую интересную деталь: «Управляющий его был из рабов, и это было не в почете» (гл. XVIII).

Обширные цитаты из саги, характеризующие Эрлинга, его хозяйство и образ жизни, приведены не случайно. Столь полное описание уникально в сагах, но вряд ли было уникальным само явление: *сложное барское хозяйство*. Ведь здесь предстает перед нами типичная, хорошо изученная по материалам раннесредневековой Франции и Германии *раннефеодальная вотчина,* в которой используется труд людей нескольких социально-правовых категорий: 1) рабов-барщинников и/или дворовых, не ведущих своего хозяйства; 2) колонов, т.е. рабов, посаженных на господскую землю и несущих барщину, а также, возможно, оброк в уплату за господскую землю — *держание* (здесь впервые после «Песни о Риге» упомянут раб, судя по контексту, живущий не в доме господина); 3) вольноотпущенников — полусвободных людей, связанных с барином поземельно-трудовыми обязательствами, в том числе

[155] Там же. С. 177.

отработкой промыслового характера, и сохраняющих в отношении его какие-то личные обязательства; 4) лично свободных людей, вчерашних вольноотпущенников или их детей, которые сами расчищают для себя землю (на территории Эрлинга? на альменде?), на которой работают и живут; 5) наконец, лиц наемного труда.

Если вольноотпущенники не обзаводятся инвентарем и рабочей скотиной, они также вынуждены заниматься промыслами или ремеслами. Если они поселяются на общинной земле, то подати платят правителю как верховному владельцу земли. Если они предпочитают земли Эрлинга, то подати положены ему как землевладельцу. По поводу же тех многих свободных наемных работников, функции которых неясны, определенно можно сказать лишь то, что для обыкновенного прислуживания в доме и охраны вряд ли требовалось 90 человек. Кроме того, не следует забывать о тех бондах, которые платили Эрлингу подать; относительно их возникает вопрос: не были ли эти люди превращены в арендаторов, *держателей* на (вынужденно) переданных ими же барину землях? Или их подать была только данью правителю, которую собирал его *ленник*, оставляя часть полученного себе?

Наконец, из числа рабов Эрлинг выбирает для себя управляющего, возможно, также и других приближенных слуг-министериалов.

В этих материалах, относящихся к XI столетию, речь идет о некой одной усадьбе знатного человека. Но в сагах люди такого ранга имеют по две и более усадьбы. Например, Николас сын Сигурда сына Храни, «могущественный муж», имел поместье Стейг на острове Энгуль в Халогаланде, а «также «усадьбу в [городе] Нидаросе»[156]. Скаллагрим сын Квельдульфа имел «много вольноотпущенников и много людей, выросших у него в доме», которых он воспитывал «как дружинников», т.е. воинов, и с которыми он, судя по саге, ходил в викинги («Сага об Эгиле», гл. XX, XXI). А Эгиль сын Скаллагрима имел, как мы помним, «своих» бондов, обязанных платить ему подати (т.е. свободных поземельно-обязанных держателей).

Другой вариант — Торольв из «Саги о людях с Песчаного Берега». Богатый хёвдинг, он «много ходил в викинги и собрал большое богатство, много драгоценных вещей». Имел несколько поместий и большой боевой корабль, «жил на широкую ногу и держал при себе множество народа, ибо в те времена на островах было вдоволь добычи и иной морской поживы»[157]. В саге прямо сказано, что у него было не менее 100 вольноотпущенников и «народ» Торольва занимался для него промыслами так же, как это делали некоторые вольноотпущенники Эрлинга. В саге даже сказано, какими именно промыслами они занимались: ловили сельдь и треску, били тюленей, собирали птичьи яйца. Торольв женился на Асгерд дочери Бьярна, очень богатого, влиятельного человека, который, однако, не служил конунгу[158].

[156] КЗ. С. 575.

[157] ИС II:2. С. 26.

[158] Там же. С. 128.

Но сам Торольв служил конунгу: он *собирал дань* с лопарей. Наконец, он *торговал* своими товарами, скорее всего промысловыми, включая меха, полученные им или его людьми от тех же лопарей. Когда он принимал конунга и «лучших людей», для которых устраивал пир, то угощал до 30 и более дюжин человек, да своих людей у него было «50 дюжин» (600 человек?!)[159].

Очень богатым хёвдингом, точнее, «малым конунгом» был отчим короля Олава Святого, Сигурд Свинья, женатый на матери Олава Асте и имеющий поместье в Вестфольде. Описание подготовки к приему короля, который там для него устраивали мать и отчим, весьма колоритно.

Узнав о скором прибытии своего сына-короля, «Аста сразу же встает и велит слугам и служанкам приготовить все наилучшим образом. Она велит четырем женщинам убрать покои, быстро покрыть стены коврами и подготовить скамьи. Двое слуг устлали пол соломой, двое поставили столик у входа и на него большой жбан, двое поставили большой стол, двое принесли угощение, а двух слуг Аста посылает за мужем. Все другие слуги и служанки вышли во двор. Те слуги, которые отправились за Сигурдом, принесли ему его праздничную одежду и привели коня с седлом, отделанным золотом, и с позолоченной уздечкой, украшенной драгоценными камнями. Четырех слуг Аста послала в разные стороны, чтобы они пригласили всех знатных людей на пир, который она собиралась дать в честь приезда своего сына. Всем, кто там (в имении. — *А.С.*) был, Аста велела одеть праздничные одежды, если они у них были, а тем, у кого хорошей одежды не было, она ее одолжила (!)».

Сигурд Свинья был в поле, когда к нему явились посланные Астой слуги и рассказали о приезде конунга Олава и о том, что Аста велела сделать дома. «С ним тогда было много работников. Кто косил хлеб, кто вязал снопы, кто отвозил их домой, а кто складывал их в скирды или в сараи. Конунг с двумя работниками то был на поле, то шел туда, где складывали снопы... Он сам вел хозяйство и следил за скотом и двором. Щегольства он не любил и был неразговорчив. Он был самый мудрый человек во всей Норвегии и очень богатый. Говорят, что он был человек очень работящий и хороший хозяин». Сигурд переоделся, ворча при этом по поводу ненужной роскоши, которая грозит разорением всякому, кто к ней пристрастится[160].

Итак, богатый и знатный человек, владелец поместья (возможно, и не одного) с хорошо поставленным хозяйством, имеющий массу полевых работников и домашних слуг, лично наблюдает за сельскохозяйственными работами. Невольно вспоминается любимый герой Льва Николаевича Толстого из романа «Война и мир» Николай Ростов, на заре уходящий в поле...

Возвращаясь к людям саги, побуждения и поступки которых одновременно и близки, и непонятны современному человеку, нельзя не подтвердить принятое

[159] Там же. С. 78 и сл.

[160] КЗ. С. 181–182.

историками утверждение, что, судя по опыту Западной Европы, землевладение Эрлинга или Сигурда Свиньи можно оценить как раннефеодальное, т.е. основанное на *труде рабов, вольноотпущенников и наемных работников* и лишь *отчасти — на повинностях бондов*. Но здесь уже заложены возможности для преобразования в более *социально зрелое* феодальное хозяйство, соединяющее в себе домен *и наделы лично свободных земельных держателей*, что было характерно для скандинавского Средневековья. Таким образом, саги свидетельствуют, что *эпоха викингов заложила основы крупного землевладения в Скандинавии*. И поскольку аргументация настоящего исследования обычно не выходит за пределы содержания саг, сопутствующих им произведений и, отчасти, материалов археологических раскопок, относящихся к той же эпохе, в некоторых случаях трактовка их данных требует более развернутых обоснований.

Такие обоснования можно обнаружить, например, в шведских документах начиная уже с середины XII столетия. В них предстает крупная земельная собственность в виде суммы владений, каждое из которых имеет двухчленную структуру, сочетая усадьбу с доменом. Это «главный двор» (huvud gaarð, который часто называется просто поселение — by, в латиноязычных шведских документах — curia или mansio), с приданными ему держателями-ландбу (в латиноязычных дипломах — coloni). Такая структура как вполне обычная фиксируется, например, в латинском дипломе середины 60-х гг. XII в. — древнейшем из известных шведских земельных актов, утвержденных королем. Из него явствует, что некая женщина завещает монахам подать, которая «по-шведски обычно называется *аврад*», с части своей значительной недвижимости. Эта часть состоит из усадьбы и относящихся к ней семи обязанных *оброком держаний*, разбросанных по разным районам Упланда, на расстоянии 5–24 км от главного двора, и составлявших в сумме около 36 га[161].

Другая грамота от конца 70-х гг. XII в. свидетельствует, что недвижимость епископа Линчёпингского включала 15 имений с дворами держателей-арендаторов. Имеются аналогичные данные за 1185 г., относящиеся к Упсальскому собору[162].

С XIII столетия число грамот, где упоминается усадьба с доменом, увеличивается. Кроме того, расширяется состав отдельных частей владений. Но это уже иное время и тема иного исследования. Пока же нельзя не заметить, что в эпоху викингов в стране *формировалась*, а с исходом ее уже *существовала система организации крупного (по скандинавским масштабам) землевладения феодального типа*, представлявшая собой *комплекс из усадьбы с доменом* и *земельных держаний*. При этом, опять же в соответствии со скандинавскими порядками, как уже ясно, части данного комплекса почти всегда были *разбросаны* по разным территориям, подчас неблизким, а подчас «проникая» и в соседние страны. Это дробность крупных земельных владений знати стала их *характерной чертой* и, помимо прочего, основой

[161] DS. № 51, 63.

[162] Ibid. № 74, 96 o. a.

для возникновения «общескандинавских семей», сыгравших столь заметную роль позднее, особенно в столетия межскандинавских уний.

Какими путями в Скандинавии складывалась крупная земельная собственность?

Увеличить состояние можно было за счет правильного ведения своего хозяйства и эксплуатации арендаторов-держателей, наемных слуг и рабов; и примеры того есть в сагах, причем рассказывается об этом с явным одобрением. Но этот путь был возможен только тогда, когда имение или имения уже были приобретены. Рассчитывать на наследство, судя по сагам, следовало всегда, но из-за отсутствия майората наследуемое имение дробилось, иногда значительно. А обычай широких пиров, обязательных для *видных* хозяев, был разорительным. Поэтому основными источниками приобретения и увеличения объема земельной собственности в эпоху саг было *участие в викингах*, обычно в молодости. О роли разного типа *походов викингов* в *создании состояний*, появлении и расширении поместий свидетельствуют многие материалы, в том числе приведенные выше. Об одном человеке, который провел молодость в плаваниях, в саге прямо сказано, что он (Торольв) собрал в викингах все свое состояние[163]. В другом случае в саге обобщенно говорится, что люди знатного рода «ходят в походы и добывают себе богатство»[164]. Фактами такого рода саги просто пестрят.

Также похоже, что важным источником обогащения уже с ранних времен служили обильные *дани*, которые взимались с населения северных окраин, богатых драгоценной пушниной, оленьим мехом, «рыбьим зубом» и дорогой рыбой. Уже известный нам Оттар, в последней четверти IX в. посетивший Альфреда Великого, рассказывал английскому королю удивительные вещи о финнах (возможно, впрочем, что речь шла о саамах-лопарях, которых в Скандинавии зачастую называли финнами). Он описывал стада оленей, морские промыслы жителей дальнего Севера, а также те богатые дани, которые он там получает: меха и меховые одежды, оленьи и медвежьи шкуры, птичий [гагачий?] пух, китовый ус, корабельные канаты, сделанные из шкур моржей и тюленей[165], моржовые клыки.

Другим источником обогащения родовой знати, тоже характерным для скандинавов эпохи викингов, была *торговля*. Об этом уже говорилось выше (часть 2), но можно привести и другие факты, касающиеся именно знати. Например, в «Саге об Эйрике Рыжем» рассказывается о Торфинне Карлсефни, «сыне Торда Лошадиная Голова с Рябинового мыса на севере в Полуостровном Фьорде». Торфинн владел хутором, был родовит и очень богат. Он постоянно разъезжал по торговым делам и слыл «хорошим купцом». В частности, с 40 спутниками он плавал в Ирландию[166].

[163] ИС I. С. 142 и сл.

[164] КЗ. С. 94.

[165] Такие канаты известны археологам. Они изготовлялись из разрезанных на полоски шкур крупных морских животных.

[166] Ср.: ИС II:1. С. 119.

Значительные доходы приносила выборная или унаследованная *общественная позиция*, например, того же годи или ярла; примеры их действий на этих «постах» — поборы и т.д. — также приводились выше.

Источником обогащения значительной части знати со временем стала *служба королю* в качестве дружинника или на полученном от него доходном месте, например управителя области или ее части, или ленника, получившего известную территорию в кормление, или сборщика даней[167]. При этом нередко жаловалось и земельное владение.

Все более существенную роль играли, как уж очевидно, *поборы с бондов*, попадавших в данническую зависимость от хёвдингов.

Важную и все возраставшую роль в приобретении имений и другого имущества, особенно по мере завершения походов викингов, стали играть *грабежи внутри* своей страны: ограбление и захват имений соперников, а также хуторов богатых бондов во время междоусобиц, регулярное и откровенное ограбление бондов в короткие перерывы между схватками кланов соперничающей знати. Исчерпывающие, яркие картины этого содержатся в обширной «Саге об исландцах», причем этот всеобщий процесс взаимного ограбления (и уничтожения!) знати и яростного ограбления бондов определенно *стимулировался исходом эпохи* викингов, с ее возможностями внешних грабежей.

Наконец, в сагах проскользнуло и упомянутое нами выше сведение о *ростовщической деятельности* некоторых людей, уже вполне состоятельных, но старательно расширяющих свои владения.

Некоторые общие соображения

Роль родовой элиты в эпоху викингов была очень велика. Многое для ее понимания дают именно саги. Так, очевидно, что в догосударственный период она скрепляла, цементировала, защищала и представляла вовне свою местную общность, которую возглавляла. В период же создания ранних государственных образований, их укрепления и постепенного сплачивания вокруг единого центра роль родовой знати стала противоречивой, поскольку старая знать держалась за свою независимость от центра, за непререкаемую власть на местах. Поэтому она часто была в оппозиции к короне и ее нововведениям, о чем полно и выразительно свидетельствуют саги. В Скандинавии это противоречие между родовой элитой и политическим центром, как показано ниже, было постепенно (но не полностью) снято путем включения большей части родовитых семей в состав новой, служилой знати.

Как следует из всего предыдущего изложения, до эпохи викингов земля не рассматривалась в качестве источника высокого или, скажем, устойчивого личного

[167] О служилой знати см. в части 6.

дохода и богатства. Такие источники на исходе родо-племенного строя и в ранний период государственного строительства скандинавы видели в захвате военной добычи, прямом внешнем грабеже, крупной морской торговле, обладании сокровищами, хорошим оружием, скотом, рабами и кораблем. Что касается земли, то владение ею и хозяйствование на ней скорее были показателями важнейшего статуса — статуса самостоятельного хозяина, отчасти способом завоевания определенной репутации.

На протяжении эпохи викингов, как показывают саги, *отношение к земельным владениям менялось*. Они играют все большую роль и как источник дохода, и как важный показатель социального статуса. А судя по законам XII–XIII вв., с окончанием эпохи викингов и почти сразу же после нее земельная собственность и доступ к доходам с чужой земли путем *участия во власти* все более решительно занимают первые планы в мозаике социальных отношений, в эволюции скандинавских обществ.

Мне представляется, что при создании системы феодально-средневекового землевладения и менталитета скандинавов эпоха викингов сыграла прежде всего «накопительную» роль, но включала четкий начальный этап новых социальных устоев. Скандинавы благодаря ей оценили значение земли как источника богатства и как опоры власти. Они существенно расширили свои представления об использовании несвободной рабочей силы, в результате чего подсобное домашнее рабство начало *трансформироваться* в многообразный труд в разной степени несвободных лично работников. Скандинавы оценили роль системы наделов для получения ренты в виде как барщины, так и оброка. Они все решительнее склоняются к личному освобождению работников, пусть не вполне полному, но более удобному при большом разбросе держательских участков и трудностях подхода к ним. Все выше ценя землю, они далеко не всегда наделяют ею рабов при освобождении тех от полной личной зависимости, в результате чего многие вольноотпущенники уходят из сельского хозяйства в промыслы[168].

А главное то, что именно в эпоху викингов скандинавская знать накопила *материальные средства и выработала сознание*, необходимое для построения не только *поместной и ленной системы*, но и *новых социальных отношений в целом*. Накопила прежде всего за счет расширения опыта и знаний, далеких путешествий и колонизации, грабежа, даней, широкой торговли, которая в этот период приняла трансконтинентальный характер, а также постепенного подчинения и все более интенсивного ограбления бондов.

Что касается самих землевладельцев, то саги дают полное основание сделать вывод, что в подавляющем большинстве случаев наиболее успешно богатели, расширяли свои владения те представители родовой знати, которые были успешными

[168] О другом важном последствии освобождения рабов без земли см. в части 5.

викингами, а на исходе эпохи вошли в знать служилую; ее образование в этот период вокруг правителей складывающихся Скандинавских государств — один из интереснейших политико-социальных сюжетов эпохи викингов.

Материал саг, посвященный родовой знати и ее иерархии в обществе людей того времени, особенно интересен, когда речь идет об Исландии, где под нажимом норвежского короля (и вследствие скудости условий острова, и малочисленности его населения) не сложилась собственная монархия. И мы воочию видим, как *саморегулировалось* это постепенно выходящее из родо-племенного строя общество, в котором независимые и самодостаточные хозяева-бонды управлялись родовой знатью.

ДОМОЧАДЦЫ И МАРГИНАЛЫ САГ

Персонажи саги — это преимущественно самостоятельные хозяева. Легко заметить, что авторы и составители саг скрупулезно называют имена своих персонажей, часто прослеживают их родословную. Когда же дело касается представителей знати, то предков перечисляют подчас до четвертого колена. В тени хозяев разного ранга и состояния, обычно обеспеченных и «самостоятельных», остается весьма значительная, но почти безымянная масса тех, кто не интересовал авторов саг, не играл сколько-нибудь заметной общественной роли, следовательно, и роли в их повествованиях. Сага кардинально отделяет лично-наследственных самостоятельных хозяев от разного рода «несамостоятельных людей», которые в сагах занимают низшие ступени социального пространства и являются там как бы маргиналами. В каких-то случаях, редко и походя, из этой категории извлекается и называется по имени тот или иной человек, обычно чем-то особо примечательный или нужный для сюжета данного повествования[169].

Общественные низы в сагах

«Низшие слои» сложны по составу, и, судя по всему, они были намного многочисленнее тех «самостоятельных» людей, к числу которых относится подавляющее большинство персонажей саг, не говоря уже об их героях. Именно в этой безликой массе теряется, во-первых, значительная и пестрая по составу часть населения, которую саги называют *«домочадцы»* или *«люди* [некоего лица]», а во-вторых, *отдельно живущие люди*, по своему состоянию и образу жизни не входившие в разряд самостоятельных хозяев. Социальный облик последней категории особенно разнообразен. Наряду со всевозможными бродягами к ней относили, например, и бродячих артистов. Скальд Эйнар сын Скули в своей так называемой «Отдельной висе» писал:

Гусельник-поганец
Сгреб мясцо в утробу.
Так в пяток[170] скоромный
Тешил плоть он плотно[171].

[169] Например, в «Саге о Ньяле» приводится имя раба — Малькольм, даже сообщается, что он был ирландцем; примечателен же он был тем, что его не любили, потому что он был весьма непорядочным человеком. А это является обстоятельством, важным для развития сюжета саги (гл. XLVII) (ИС I. С. 522).

[170] Имеется в виду пятница.

[171] Поэзия скальдов. С. 72.

Такое же презрительное отношение к «скоморохам» выражает и последняя глава первой редакции Вестгёталага[172].

В сагах говорится о бродягах, они считались способными на разбой и действительно им занимались. Особенно много сведений такого рода в сагах XIII в., которые, как и областные законы, фиксируют резкое ухудшение положения бондов. Старший Вестгёталаг отводит специальное место «бессемейно́му народу», т.е. людям, не обрабатывающим пашню. Но и в эпоху викингов *«бродяги и бедняки»*, судя по «Саге о Храфнкеле годи Фрейра» и другим сагам, не были редкостью.

Но прежде всего — о домочадцах. Как уже отмечалось выше, к числу *домочадцев*, проживавших вместе с хозяином на его хуторе, саги относят прежде всего его семью, а также родичей и других иждивенцев, о которых речь заходит не часто, а в деталях и вовсе редко. Но значительную, а в состоятельных домах, которые обычно находятся в центре внимания саг, большую часть домочадцев составляла *челядь*: рабы и оставшиеся в доме вольноотпущенники, постоянные батраки и работники, нанятые на время. Благодаря домочадцам хуторская общность и предстает как знакомая с древности familia, *домовая община*.

«У него много домочадцев и работников, каждый занят своим делом», — свидетельствует «Сага о людях из Лососьей Долины». «Десятки слуг и служанок у Сигурда», — говорится в «Саге об Олаве Святом». Работники и домочадцы наполняют усадьбы Эгиля и его соседей, для которых «люди» добывают припасы, ловят сельдь, бьют тюленей, собирают птичьи яйца. Люди состоятельных хозяев ухаживают за скотом, убирают сено, трудятся на гумне. Работники и рабы Эгиля и Торстейна пасут скот[173] и т.д.

Обилие домочадцев не только свидетельствует о состоятельности хозяина, его способности прокормить десятки людей. Прежде всего, это неотъемлемое свойство развивающегося вширь производства, это житейская необходимость при господстве *экстенсивной экономики,* особенно в Исландии, во многих районах Норвегии, в некоторых районах Швеции, где можно было выжить, лишь ведя *многоотраслевое*, нередко многопромысловое хозяйство. Для ведения такого хозяйства требовалось известное внутридворовое разделение труда и много рабочих рук. Не случайно также, что необходимость вести такое хозяйство *тормозила распад* отношений как личной зависимости, так и большой семьи, консервировала родовые связи. Наличие же внесемейных насельников в гарде свидетельствует и о том, что многие люди, не имеющие собственного домохозяйства, добывали хлеб насущный ценой тяжелого и, что еще важнее, в разной степени подневольного труда. Даже зависимые от бонда родичи в реальной жизни хутора все же занимали приниженное положение.

[172] Интересно, что уже в «Хронике Эрика» (первая треть XIV в.) неоднократно повторяется совсем иной мотив: артистов после пира хорошо награждают, и не только за доставленное развлечение, но, видимо, и с тем, чтобы они разнесли по свету молву о щедрости принимавших их знатных хозяев.

[173] ИС I. С. 35, 236.

Не случайно сага упоминает, что во время самостоятельного викинга знаменитый Гуннар размещался с бондами на одном корабле, а его домочадцы — на другом (гл. XXIX)[174].

В то же время среди домочадцев, в том числе несвободных, могли находиться и особо доверенные люди. Таким был, например, Торгильс Крикун, домочадец богатого и знатного Торольва («Сага об Эгиле», гл. XIII, XXV, XLIII), который управлял хозяйством в отсутствие господина, а в викинге, будучи сильным и храбрым воином, он стоял на носу корабля и держал знамя. Знаменосец Торольва (merkismaðr) был очень доверенным лицом. Торольв всегда брал его с собой в морские походы, для которых отбирал самых сильных и отважных соседей и домочадцев. Остальные его «люди», рабы и вольноотпущенники, ловили треску и сельдь[175]. Еще один такой же пример: некто Альвир, уже немолодой, но крепкий человек, «был домочадцем Торира и управлял его хозяйством... был также его казначеем и собирал долги»[176].

Но если *домочадцы-родичи* были лично свободными людьми, хотя и работали на хозяина усадьбы, где кормились и жили, то *челядь* в основном состояла из людей, лично в той или иной мере несвободных, и главное место в этой среде занимали рабы.

Сложность, которая возникает при анализе положения разных групп насельников, составлявших домовую общину, заключается в том, что в сагах далеко не всегда определен социальный статус того или иного домочадца. Различить их почти невозможно и по функциям, ведь наемные работники, рабы, свободные домочадцы, особенно молодые, зачастую выполняли *одинаковую работу*. Особенно это было характерно, конечно, не для крупных имений, а для средних и, тем более, мелких хозяйств. И Торгильс Крикун, и Альвир вполне могли быть рабами своих хозяев. Не случайно, судя по «Саге об Инглингах», *управляющих* считали и называли «рабами» (гл. CXXXVIII). В сагах вполне возможны и нередки такие высказывания: «Работники-рабы пасли скот...»[177] или «Десятки работников и множество рабов у конунга Олава» («Сага об Олаве Святом», гл. LVII). Служанка знатного человека на богатом пире разносит брагу — не рабыня ли она? У одного богатого бонда был пастух, и, когда его убили, вира оказалась большой — целая марка серебра[178]; так вот, был ли этот пастух рабом? Более того, домочадцы и работники разного правового положения по существу выполняли ту же работу, что сам хозяин и члены его семьи, во многих случаях обладая теми же трудовыми навыками, но при этом не пользовались правовой самодостаточностью.

[174] Впрочем, возможно, что в данном случае такое раздельное размещение было продиктовано военно-тактическими соображениями. О домочадцах, ходивших в викинг вместе с хозяином, см.: ИС I. С. 489.

[175] Там же. С. 83, 89, 97, 104, 136.

[176] Там же. С. 136.

[177] Там же. С. 236 и др.

[178] Там же. С. 30.

Поэтому с уверенностью судить о принятых хозяином в его дом родичах, о рабах, вольноотпущенниках, наемных работниках в имениях разного размера и состояния можно лишь в том случае, если в саге прямо или иным способом указано, о ком из них идет речь.

Домочадцы-родственники

На хуторах частенько проживали родичи, свойственники и друзья хозяев. Среди них могли быть состарившиеся отец и/или мать, взрослые неженатые братья и незамужние сестры, племянники, внуки, воспитанники, старые боевые товарищи хозяина или воспитатели его детей. Эти люди тоже находились под покровительством бонда — хозяина хутора и поэтому не обладали всей полнотой прав: в частности, не могли распоряжаться хозяйским имуществом, находившимся на хуторе, включая движимость, их голос не всегда принимался во внимание при решении домашних дел и работали они (конечно, в меру возраста и сил) в соответствии с указаниями хозяина и хозяйки. Но это были лично свободные люди, которые обладали собственным статусом и правовой самостоятельностью. Они сами представляли себя на тинге, им не требовался посредник для решения судебных дел. Они платили и получали в соответствующих случаях виру. Иногда — судя по сагам, не слишком часто — они имели собственные семьи, хотя и «урезанные»: например, бонд давал приют овдовевшей жене брата с детьми. Составляя как бы некую отдельную ячейку личного права, эти малые коллективы входили в домовую общину, так или иначе подпадали под власть бонда-владельца гарда и осознавали свою принадлежность к подворью, единство с ним. Хозяин заботился о них: выдавал сестру замуж, женил брата, племянника и воспитанника, хоронил родителей. Вместе с тем их свобода все же была ограничена, поскольку они находились под покровительством хозяина дома. Например, родственница Ньяля, проживавшая в его доме и работавшая в домашнем хозяйстве, собираясь выйти замуж, должна была испросить у него разрешение на брак, т.е. самостоятельно решить свою личную судьбу опасалась или не имела права.

Но сведения об этих людях в сагах столь незначительны, сообщаются настолько мельком, что дают читателю лишь самые общие представления на этот счет.

Рабы-трэли

Гораздо больше сведений в сагах о частично или целиком несвободных насельниках гардов; пожалуй, главное место среди них занимают рабы.

Время возникновения *рабовладельческого уклада* у скандинавов неизвестно, но в начале нашей эры он был уже вполне сложившимся. Это видно из хрестоматийного описания «свеонов» (свеев) у Корнелия Тацита, где среди других кратких сведений о социально-правовых разрядах в среде свеонов называются вольно-

отпущенники (libertini) и рабы (servi)[179]. Это картина типична для переходного к цивилизации родо-племенного общества. Примечательно, что, судя по Тациту, рабы выполняли у свеев не только домашние, но и некоторые публичные функции: так, например, именно рабу, видимо, своему доверенному лицу-министериалу, «царь» поручал стеречь оружие племени, запертое в особом помещении[180].

Следующее по времени сведение о рабах у скандинавов находится, как известно, в «Старшей Эдде», в знаменитой «Песни о Риге», где неприглядный на вид раб, который ютится в хижине и питается хлебом с мякиной, занят на грязной работе по уходу за скотом, является «хлевником».

Раб (трэль, дрэль) и рабыня (амбат) в сагах выглядят иначе, чем в «Песни о Риге». Прежде всего, в сагах фигурируют в буквальном смысле слова домашние рабы, в том числе слуги и служанки — *дворня*. Они жили преимущественно в господском доме, жилых или подсобных помещениях хозяина и выполняли в хозяйстве самую различную работу, в том числе по уходу за скотом, полевую, на сенокосе, на промыслах, а также прислуживая в доме, подобно тому как это было заведено в двух хуторах Арнкетиля, который и сам был трудолюбив, и рабов заставлял работать от зари до зари[181].

То, что рабы у скандинавов появились намного раньше наемных слуг и служанок, явствует из того, что, судя по сагам, описывающим эпоху викингов, в этих обществах сплошь и рядом *не делали различий* между рабом и слугой, рабыней и служанкой или содержанкой, считая всякую неквалифицированную или черную работу, всякие личные услуги «рабьим делом». Не случайно знатную девушку долго уговаривают выйти замуж за знатного же человека, мать которого, дочь ирландского малого короля, была, однако, пленницей викингов и содержанкой отца жениха. Гретгир (из саги о нем, гл. XIV) в десятилетнем возрасте отказывается осенью пасти гусей и гусят, потому что это «презренная рабья работа»; то же самое он говорит, когда его посылают помыть отцовскую лошадь, хотя, в общем, уход за лошадьми является чем-то, по его мнению, «получше».

В эпоху викингов, судя опять же по сагам, рабов держали практически во всех гардах, в том числе арендуемых, т.е. хозяева самого разного социального статуса и имущественного положения. Только совершенно обедневшие, кое-как перебивавшиеся и нищие люди не имели рабов. Рабы присутствуют во всех сагах, в том числе «королевских»[182]. Владелец раба всюду обозначен словом «бонд» — опять же «хозяин». В первой, ранней редакции Вестгёталага он носит название lavarÞer (ср. англ. «лорд») — «господин», «хозяин»; в Гуталаге он также «хозяин», господин (drotin, herre)[183].

---

[179] *Тацит*. Т. I. Гл. 44.

[180] Там же. С. 369.

[181] ИС II:2. С. 77, 79.

[182] КЗ. С. 19, 63, 269 и мн. др.

[183] Напомню, что термин «лавардер» имеет, возможно, и еще одно примечательное значение: «раздающий хлеб», т.е. кормилец.

Нередко в сагах о рабах и их обязанностях говорится в общем виде, например: годи Торгрим имел «большой годорд, родичей... раба-работника, женщину-работницу...»[184]

Чаще всего рабы упоминаются в связи с уходом за скотом: «Два раба Торарина гнали скот» («Сага о людях с Песчаного Берега»); работники-рабы в «Саге о Ньяле» ухаживают за скотом, пастух рассказывает хозяину о грозящих ему опасности и бесчестье и мн. др.

Однако рабам поручались и другие работы. В сагах встречаются сведения о занятии рабынь прядением. Рабыня из «Второй песни о Хельги убийце Хундинга» (ст. 3) молола зерно. Рабы Халльстайна из «Саги о людях с Песчаного Берега» добывали соль[185]. В надписи на шведском руническом камне упоминается «мой кузнец» (min smi[Þ]r), видимо, раб[186]. Рабы Снорри рубили лес и складывали бревна для просушки, а потом хозяин с тремя рабами и провожатым связали бревна и погрузили их на лошадей, чтобы отвезти домой[187].

Рабов посылали с поручениями. Из «Саги об Олаве сыне Трюггви» узнаем, что ярл Хакон однажды послал своих рабов к самостоятельному хозяину Орму, чтобы они привели к нему жену Орма, красавицу Гудрун. Орм был оскорблен вдвойне: из-за беззаконного и непристойного предложения ярла и из-за того, что оно было передано с рабами.

Как уже говорилось, рабам нередко поручали должность управителя-*брюти*. В «Саге о Херде и островитянах» говорится: «Болли звался раб [Орма], смотревший за всем хозяйством, пока Орма не было дома» (гл. XXVII). В надписи на руническом камне из Упланда (Швеция) упоминается королевский брюти[188]. В той же «Саге об Олаве Святом» сообщается, что королевский управитель Торир Тюлень был из рабов. Очень высоко стоял, но... раб! — резюмирует сага (гл. CXIV и сл.). И здесь же: «Управляющие в знатных домах часто были из рабов, и это было не в почете» (гл. CXVIII). Пользующаяся доверием рабыня «носит ключи хозяйки» — ключи от всех погребов, чуланов и шкафчиков, которые обычно хозяйка хутора вешала на свой пояс, о чем свидетельствует еще «Песнь о Риге». Такая служанка является как бы экономкой, доверенным лицом хозяйки, это высокое положение в имении. Среди привилегированных дворовых рабов, «старших» и «лучших», управляющих делами — брюти и «доверенных служанок» или экономок, преобладали, скорее всего, наследственные рабы, т.е. родившиеся и выросшие в этом доме.

В окружении уже знакомого нам богатого и знатного Эрлинга Скьяльгессона из «Саги об Олаве Святом», викинга, домо- и кораблевладельца и торговца, помимо

[184] ИС II:1. С. 173. Ср.: КЗ. С. 186; ИС II:2. Сн. 293.

[185] Ср.: ИС II:2. С. 293, прим. 24.

[186] Камень из Сёдерманданда — Sö, № 18.

[187] ИС II:2. С. 75.

[188] UC. № 11.

дружины и других свободных людей было множество рабов. Часть из них, обслуживая домен Эрлинга, в той или иной мере вела и собственное хозяйство: «Вечером и ночью, — говорится в саге, — Эрлинг давал возможность тем из них, кто хотел, работать на себя. Он давал рабам землю, они сеяли хлеб и снимали урожай», т.е. в имении Эрлинга были также рабы, посаженные на землю, которые по римской традиции становились колонами и были обязаны господину барщиной.

Иначе говоря, рабы в эпоху викингов определенно использовались в сельском хозяйстве, в том числе на полевых работах, а будучи посаженными на землю, превращались в *лично и поземельно зависимых крестьян*. В той же саге говорится, что при желании рабы могли откупиться на волю «и на эти деньги Эрлинг покупал себе других рабов». Откупившись, человек оставался в зависимости от бывшего хозяина, фактически исполнял для него барщину: промысловую или полевую. Например, вольноотпущенников Эрлинг «посылал на ловлю сельди или отправлял на другие промыслы». Кроме того, он позволял им на принадлежащей ему территории расчищать участки залежных земель и селиться там. Это замечание саги также заслуживает особого внимания: ведь такой способ посадить рабов на землю в Средние века стал одним из важных направлений внутренней колонизации. Некоторым из лично зависимых от него людей Эрлинг поручал торговые дела, например продажу зерна и солода[189].

О возникновении *первоначальной поместной системы* в Скандинавии, даже в малоземельной Норвегии, что появилась там в виде «старой вотчины» — собственности с доменом, где использовался труд рабов и вообще лично зависимых людей, уже говорилось выше. Отмечалось также, что одновременно с ней существовала и практика сдачи земельных участков в аренду, причем контингент таких лично (в той или иной мере) зависимых держателей земли зачастую формировался за счет рабов, посаженных на землю, но не имеющих на нее прав. При этом часть из них получала надел вдали от двора хозяина, на целине, на выселках, что способствовало и личному освобождению таких людей, и новым земельным расчисткам, т.е. внутренней колонизации.

Очевидно, что с развитием вотчины рабы начинают *подразделяться* на домашних слуг, дворовую челядь и лично-поземельно зависимых держателей земли или хотя бы жилища, с обязательством нести сельскохозяйственные, промысловые или ремесленные повинности в пользу господина.

В имении богатого человека рабы не только ухаживали за скотом, занимались промыслами и домашними делами, но и обрабатывали землю. И фрагмент текста, касающийся Эрлинга, — отнюдь не единственное свидетельство в сагах о применении рабского труда в аграрном хозяйстве. Несомненно, что по мере повышения в Скандинавии значения земли как универсального, всеобщего средства

[189] КЗ. С. 172 и др.

производства и с расширением аграрных занятий повышалась и роль сельскохозяйственных работников, изменились условия и формы организации их труда. И становится все более очевидной большая разница между трудом и местом рабов в «Песни о Риге», где на них возлагали подсобный и наиболее грязный труд, и их ролью в обществе людей саги, где они становятся важной производительной силой. Без них уже нельзя обойтись при самых разнообразных, в том числе сельскохозяйственных, работах даже в почти неаграрной Исландии и в малоаграрной Норвегии.

Очевидно, что в эпоху саг в Скандинавии было все еще распространено домашнее рабство, причем рабы составляли *особый социальный слой*, достаточно многочисленный. Но превращение трэлей в зависимых крестьян уже повсеместно происходит.

В сагах подчас можно найти хвалу некоторым рабам — за умения, трудолюбие, преданность хозяевам, даже приятную внешность. Раб из «Саги о людях с Лососьей Долины» служил хозяину верой и правдой, был рослый и работящий; хотя он являлся рабом, не многие свободные могли сравниться с ним[190]. Или (из «Саги о Вёлсунгах»): «властен и велик» Скади, а его раб Бреди «разумен во всем, за что ему приходилось браться»; например, когда он ездил со своим хозяином на звериный лов, то добывал, бывало, больше него[191]. Некоторым рабам оказывали исключительное доверие. Так, чтобы обмануть преследователей, Скули меняется одеждой с рабом, а его жена — с дочерью этого раба.

В обществе людей саги считалось нормальным предоставить возможность знатному гостю на пире, например ярлу Хакону, провести ночь с приглянувшейся ему хозяйской рабыней или вольноотпущенницей («служанкой низкого происхождения»). Между прочим, родившегося в результате этой ночи бастарда «низкого происхождения» Эйрика отец не только признал своим сыном, но и отдал на воспитание другу, могущественному и мудрому исландцу («Сага о Харальде Серая Шкура», гл. VIII)[192]. Некий бонд одно время побыл ярлом, правда неудачно; по матери он был «из рабов», и ему это припоминают («Сага о Харальде Прекрасноволосом», гл. XXVII).

Хозяева нередко привлекали рабов, видимо доверенных, к участию в своих воинских предприятиях и к решению разных, в том числе щекотливых, дел. Так, рабы ходили вместе со своими господами в ледунг, например, впередсмотрящим на корабле Харальда Прекрасноволосого был раб Коль[193]. Упоминается раб, «советчик ярла Скули», который был «силен, как 12 человек»[194]. Согласно «Саге о Хромунде Хромом» (гл. VI), экипаж корабля Хельги насчитывал 12 викингов,

[190] ИС I. С. 266–267.
[191] КИ. С. 177.
[192] КЗ. С. 92–93.
[193] СОДВ. С. 50–57.
[194] Там же. С. 523.

«свободнорожденных людей», «не считая слуг». В «Саге о Магнусе сыне Эрлинга» рассказывается, что рабы участвовали в битвах, а после их завершения раздевали поверженных врагов (гл. XIV)[195]. Об *участии рабов в битвах* вместе со своими хозяевами в сагах говорится неоднократно[196]. Рабов использовали и в пеших ополчениях, особенно во время междоусобиц, когда они следовали за своими господами.

Когда Олав Святой начал с обширной свитой ездить по малым конунгам, вынуждая их устраивать ему разорявшие их пиры, а кроме того вытаптывая поля, богатый и знатный Эйнар Брюхотряс велел «свободным и рабам собраться в полном вооружении» и выступить против конунга. Бонды сначала было приготовились драться, но потом раздумали и решили подчиниться конунгу Олаву. Как поступили рабы, в саге не сказано, и остается неясным, были ли это люди Эйнара, или они пришли вместе с хозяевами-бондами («Сага об Олаве Святом», гл. XXXIX и XL).

То, что рабам до поры позволялось носить оружие, давало возможность господам использовать их для сведения счетов друг с другом и для прочих неблаговидных дел, вовлекать их в различные стычки, в которых рабы эпохи саг принимали активное участие по приказу своих хозяев, сражаясь на их стороне, а подчас и по своей инициативе. Об этом свидетельствуют и «Сага об Инглингах» (гл. XVIII), и «Сага о людях из Лососьей Долины» (гл. XIX). Более того, нередко хозяева прямо толкали своих рабов на преступления или услуги темного свойства, обещая, а подчас и даруя за это свободу. Поссорившись с соседом из-за лучших пастбищ, завистливый Торстейн дал своему рабу «секиру с лезвием почти в локоть» и послал его убить соседа. Преступление не состоялось только потому, что сосед сам сумел убить этого раба[197]. Торгейр тоже поручил рабу убить человека, с которым он поссорился из-за земельных владений («Сага о Греттире», гл. XI) и т.д.

У Торольва, о котором говорилось выше, было много работников-рабов, он даже устраивал для них иногда попойки. Во время сенокоса, когда рабы возили сено с луга, Торольв приказал прихватить заодно и сено соседа Ульвара, человека уважаемого и почтенного, назвав его при этом «рабом, который и без этого слишком богат», т.е. нанеся и словесное оскорбление. Сын Торольва добровольно расплатился вирой за поступок отца, но тот не успокоился и подбивал шестерых рабов сжечь соседа в его доме, обещая за это дать им свободу. И здесь снова вмешался сын: ради добрососедских отношений он повесил (!) посланных отцом на преступление рабов, так что эта история не получила дальнейшего продолжения[198].

Во время борьбы за власть между конунгом Магнусом и его родным дядей (братом покойного отца конунга Сигурда) Харальдом Гилли последнему удалось захватить Магнуса в плен. «Он созвал тогда своих советников и попросил у них совета.

[195] КЗ. С. 561.

[196] ИС I. С. 156, 245 и др.

[197] Там же. С. 236.

[198] ИС II:2. С. 67, 68.

В конце концов было решено так низвести Магнуса с престола, чтобы он больше не мог называться конунгом. Его отдали в руки рабов конунга (Харальда. — *А.С.*), и те искалечили его — выкололи глаза, отрубили одну ногу, а потом еще оскопили». Двоих бывших с ним приближенных убили («Сага о Магнусе Слепом и Харальде Гилли», гл. VIII)[199].

В «Саге о сыновьях Дроплауг» рассказывается о рабе Торгильсе, который был хорошим овчаром, а также выполнял и другую работу. Пасынок его хозяина Хельги подговорил его убить отчима, а потом убил и его самого. Так что недаром «об этом Хельги сыне Дроплауг шла дурная молва»[200]. Раб Олава сына Трюггви хотел ударить Хокона Старого, побить его, но не получилось[201]. Когда к некой девице Тордис стал наведываться нежелательный семье Тормод, ее мать послала своего, вооруженного тесаком раба, «здоровенного Кольбейна», который тяжело ранил Тормода[202].

В сагах фигурирует тип раба, которого постоянно нанимают в качестве убийцы даже посторонние люди. Саги называют такого типа «мерзейшим из рабов»[203].

Характерно, что согласно областным законам XIII в. люди несвободного происхождения не имели права самостоятельно участвовать в ледунге, вероятно из-за нежелания хозяев давать им в руки оружие. То же самое происходило и в отношении пешего войска. Однако хозяева все еще брали своих рабов в качестве слуг и в пешее ополчение, и в морские походы.

Рабы упоминаются в сагах XIII в., а на датском острове Зеландия в XIII столетии было даже особое «Право о рабах». Но для сколько-нибудь ясного представления о категориях рабов и самом понятии «рабства» в обществе людей саги приходится, как видно из предыдущего текста, прибегать к помощи более поздних материалов, особенно областных законов XII–XIII вв. Корни этих записей обычного права уходят в эпоху викингов и позволяют многое понять в художественном повествовании саг[204]. В сагах понятие «трэльдум», рабство, так часто фигурирующее в грамотах и, особенно, в областных законах XIII в., мне не встретилось. Именно в этом определении заключалось основное социально-правовое отличие неправомочных рабов от низших слоев свободнорожденных и правоспособных людей, которых Тацит называл «плебс» или «популюс», а в скандинавских законах они фигурируют как «имеющие свой род», «свободнорожденные» (ætboren, fri þætta, friboren).

Но некоторые признаки, позволяющие определить категорию раба, рабское состояние, в сагах встречаются. Например, собственно *трэли* жили преимущественно

[199] КЗ. С. 505–506.

[200] ИС II:1. С. 225.

[201] КЗ. С. 100.

[202] ИС II:1. С. 144.

[203] Ср. «Сагу о Торарине Дерзком», где речь идет о наемном убийце. Судя по «Саге о Названых Братьях», этот «мерзейший из рабов» совершал убийства неоднократно. См. там же вису Тормода, а также: Там же. С. 211.

[204] Мне уже приходилось писать об этом. См.: Сванидзе, 1987.

на самом хуторе, в жилом доме или хозяйственных помещениях, где составляли домовую челядь, но также и в своих хижинах. Занимались они трудоемкими, «грубыми» работами и, судя по всему, не имели ни земли, ни инвентаря.

Управляющие, они же брюти, о которых говорится в сагах, упоминаются и в рунических надписях, в том числе в двух рунических надписях XI в., обнаруженных в Швеции, а также практически во всех кодифицированных областных законах, в том числе наиболее древних[205]. Как и повсюду в Европе, они первоначально были как бы «старшими рабами», надсмотрщиками над рабами, которые пользовались особым доверием хозяина, могли стать и управляющими хозяйством.

Часть рабов, как видно из материалов о поместьях, сажали на землю, превращая в *фостре* (на западноевропейский лад — колонов или виланов). Категория фостре стояла выше обычных домашних рабов-батраков, поскольку это были *уже крестьяне*, лично, поземельно и судебно *зависимые от хозяина*, обязанные прежде всего *барщиной*, но нередко и *оброком*. Характерно, что среди лично зависимых держателей земли первоначально преобладали наследственные трэли: их наименования «фостре» и «фостра» (foster, муж., fostra, жен., лат. аналог vernaculi) означают рожденных в том же доме воспитанных раба и рабыню. Но их называли также «фригива» или «фрэльсгива» — «тот, кто получил свободу», «кому дали свободу»; возможно, так обозначали и *вольноотпущенников*.

Уже областные законы четко *разделяют трэлей и фостре*, видя в первых прежде всего домашних холопов, а во вторых — несвободных земельных держателей. Очевидно, что были и различия в степени личной зависимости этих разрядов. Смягчение рабского статуса фостре, вероятно, стимулировалось тем, что их сажали главным образом на новые земли, обычно далеко отстоявшие от усадьбы, что затрудняло реализацию полной несвободы. Величина участка фостре составляла примерно ⅔ свободного держания. Эти сведения, содержащиеся в областных законах XIII в., свидетельствуют уже о бывшей в ходу практике[206]. Да и сравнение описанных в них отношений с материалом саг показывает, что превращение подсобного рабства в дворовое холопство и расширение практики земельных держаний — как за счет рабов, так и за счет обедневших свободных — происходило параллельно с формированием крупного господского хозяйства уже на последних этапах эпохи викингов, особенно в XI–XII вв.

Фостре упоминаются также в Вестманналаге и Эстгёталаге Швеции, но там, как и в Норвегии, и в отличие от Дании, личная зависимость земледельцев с течением времени так и не укоренилась. На некоторых островах Дании личная несвобода держателей-фостре после завершения эпохи викингов стала распространяться на держателей-бондов, приобретя позднее характер, близкий к западноевропейскому.

[205] Sö № 42; U № l1; ÄVgL Ä 4:2; 12; 17.

[206] См. особ.: Neveus, 1974.

И это вполне понятно, ведь именно в этой, по преимуществу аграрной, стране более рано и прочно сложилась крупная земельная собственность, которая эволюционировала таким же образом, как в Западной Европе.

Вообще, о налогообязанных земельных держателях речь еще будет впереди. Пока же имеет смысл поговорить об источниках получения рабов, в зависимости от которых, судя по всему, формировалось и положение каждого из них на хуторе.

Из саг видно, что были как *наследственные,* «рожденные в [этом] доме», так и *купленные* рабы. Обычно первые — это дети служанок-рабынь, которые наследовали статус матери[207], если только их отцом не был свободный хозяин и если он признавал их своими детьми и заботился о них специально. Эти рабы, вероятно, занимали в гардах относительно более высокое положение. У Скаллагрима сына Квельдульва, о котором в этой книге уже шла речь, было много вольноотпущенников и «много людей», выросших в его доме. Последних, очень сильных, «воспитывали как дружинников» (гл. XX).

В «Саге о Курином Торире» рассказывается, что изгнанный по суду из страны (за тяжкое преступление) человек добрался до Шотландии, где его обратили в рабство. В сагах имеются лишь уникальные прямые сведения об обращении в рабство первого встречного, иноземца или преступника, высланного за тяжкие, не искупаемые вирой преступления. Нет указаний на то, например, подразумевает ли «лишение мира» возможность не только безнаказанного убийства приговоренного к такому наказанию человека, но и обращения его в раба. Правда, в сочинении Адама Бременского имеется фраза, свидетельствующая, что за тяжкое преступление в Дании можно было превратить виновного в раба: «У данов нет других видов наказаний, кроме смертной казни и обращения в рабство»[208].

Известна и такая история. Хравн из «Пряди о Хравне сыне Гудрун» был молодой, красивый и статный, добродушный и веселый, воспитанный и учтивый. В 15 лет он узнал, что его отец был убит соседом из-за спорной пустоши. Убийца еще и оскорбил убитого им безвинного человека, обозвав его «рабьим отродьем». Обо всем этом Хравн узнал от сына убийцы Кальва во время игры, причем этот Кальв, проигрывая, пригрозил убить и Хравна. Дотерпев до 18 лет, Хравн убил Кальва, за что на альтинге был объявлен вне закона. Его увезли на своем корабле норвежцы, потому что братом его матери был великий скальд Сигват, что считалось «большим родством». Но в Норвегии некий человек обманом *продал его в рабство,* за что Хравн его убил. Однако вся его дальнейшая жизнь, несмотря на все его достоинства, благополучно так и не сложилась — «не было у него удачи»[209]. Таким образом, имели место случаи продажи в рабство даже почти соплеменников. Не случайно

[207] См., например: ИС I. С. 320.

[208] *Адам.* С. 84.

[209] КИ. С. 526–532.

в сагах признается достойным глубокого презрения и высшего наказания человек, продавший в рабство своего воспитанника! Адам Бременский сообщает, что то самоуправство, которое викинги проявляли в отношении иноземцев, грабя их, убивая или превращая в рабов, нередко обращалось этими пиратами и на своих. «Они до того не доверяют друг другу, что, поймав, сразу же продают один другого без жалости в рабство — неважно, своим сотоварищам или варварам»[210]. Судя по известному завещанию видного деятеля Дании архиепископа Абсалона от 1201 г., свободных людей иногда обращали в рабство насильно, незаконным путем, и эта практика не являлась чем-то новым[211].

В сагах нет понятия *долгового рабства,* когда должника превращали в раба, чтобы он отработал свой долг тому, кому остался должен. Между тем (если судить особенно по континентальной раннесредневековой истории) долговая кабала играла большую роль в превращении свободных людей в зависимых. Долги могли даже появиться из-за проигрыша при игре в кости. Об этом говорилось выше, но, впрочем, в сагах я таких казусов не встречала. Более вероятным было *закабаление* из-за непосильных судебных штрафов и поборов. Об этом в сагах тоже нет прямых сведений, однако, поскольку долговое рабство фигурирует практически во всех областных законах, включая Гуталаг, можно предположить, что такая форма закабаления существовала или, по крайней мере, начинала складываться где-то в эпоху викингов.

Благодаря уникальному в своем роде документу, приказу датского короля Вальдемара Великого, жителям одного сотенного округа в Халланде от 1177 г., известно, что подчас за долг одного своего члена семья отдавала в рабство другого родича; именно так поступили два брата, несостоятельные должники из Халланда, со своей родной сестрой, которая, судя по этому акту, находилась под их властью-покровительством[212]. В королевском дипломе этот акт трактуется как незаконный, хотя, видимо, он был терпим в местной, еще полуязыческой, не вполне порвавшей с родовыми отношениями среде. Согласно первой редакции Вестгёталага (первая треть XIII в.), вор, если не был найден потерпевший, мог быть на тинге «присужден к [работе на] королевском дворе[213]. Очевидно, что, если потерпевший был в наличии, отработка виновного полагалась ему. Отработав долг, такой раб снова становился свободным человеком.

В сагах нет упоминаний об еще одной форме закабаления свободного человека, хорошо известной областным законам, — о так называемом «*добровольном рабстве*»[214], т.е. о добровольном превращении самого себя в раба другого человека. В терминологии скандинавских областных законов это выглядело как «подарить

[210] *Адам.* С. 83–84.
[211] Dipl. Dan. Bd. 1:4, № 32.
[212] DS. Bd. l. № 75.
[213] ÄVgLp 3:1.
[214] Neveus, 1974. S. 27 o. a.

себя как раба», и такой человек, соответственно, был «рабом вследствие дара» — гэвдрэлем (gæfþræl). Такое случалось тогда, когда человек не мог вести свое хозяйство самостоятельно и вместе со своим имуществом отдавался тому, кто его принимал, становясь его челядином и, как говорится в сагах, «садясь [в этом доме] на место для слуг».

Судя по сагам, в то время было немало случаев, когда в доме какого-либо хозяина оказывались его беспомощные родичи. Например, вдовая или разведенная сестра, иногда с ребенком, переходила жить к брату и просила его взять на себя присмотр за ее хозяйством. И другие родичи хозяев, постоянно у них проживающие, нередко упоминаются в сагах. Трудно сказать, отдавали ли эти люди свою недвижимость за предоставляемый им угол и кусок хлеба. Но несомненно, что если такой процесс имел место, то в него были втянуты и обедневшие бонды-соседи.

Однако если речь шла о чужих людях, обедневших или подвергшихся насилию, то потеря ими своих владений и, возможно, значительной части свободы, несомненно, имела место. Прямое свидетельство об этом находим в «Саге о Греттире» (гл. LXXII, LXXIII), где рассказывается о том, как бедные хозяева, не будучи в состоянии защитить свои пастбища и скот от разбоя, отдавали их богатым бондам и господам.

Институт покровительства-подчинения в результате долгового, но, особенно, «добровольного» рабства несомненно, был древним, он вырос из внутриродового и большесемейного быта, но в условиях разложения семейно-родовых отношений и разорения части бондов стал принимать одну из форм личной зависимости. Хотя саги не знают понятия «добровольного рабства», но само это явление, хорошо известное в Западной Европе как *прекарные отношения*, так или иначе имело место в Скандинавии, во всяком случае с эпохи викингов. Не случайно в тех областных законах, время кодификации которых близко ко времени фиксации саг, это явление выглядит вполне развившимся. С окончанием эпохи викингов отношения «долгового рабства» стали развиваться столь интенсивно, что правители начали беспокоиться из-за сужения слоя налогообязанных бондов. Во всяком случае, шведский регент середины XIII в. ярл Биргер запретил землевладельцам кого-либо превращать в гэвтрэлей[215].

Но областные законы и дипломы XII и рубежа XII–XIII вв. лишь предположительно могут свидетельствовать о развитии процессов в более ранний период. Они говорят, скорее, о тенденциях, которые стали необратимыми на самом излете эпохи саг, в результате походов викингов, изменения всего социального уклада скандинавов и уменьшения притока рабов.

В эпоху же викингов недостатка в рабах хозяева явно не испытывали, ведь пиратские набеги среди прочей добычи доставляли множество *пленников,* как воинов,

[215] Neveus, 1974. S. 141.

так и мирного населения. Пленников обращали в рабство и либо оставляли себе, либо продавали. Это был серьезнейший источник пополнения контингента рабов, и не случайно с сокращением этого притока получали развитие другие способы обращения свободных людей в рабов. Иногда викинги специально отправлялись в военные походы за рабами. Пленников-христиан встретил в Бирке миссионер Ансгарий[216]. Тот же Адам пишет, что викинги «сразу же продают женщин, которые оказываются обесчещенными...». О пленниках-ирландцах в Исландии говорилось выше.

В «Саге о Магнусе Слепом и Харальде Гилли» (гл. XI) сказано, что победители разделили пленных, которых «взяли в войне», и их вещи. Неистовый воин и скальд Эгиль во время «разбойного викинга» попал с товарищами в плен в Курляндии, куда они приехали пограбить. В подвале дома пленившего их богатого «кура» (курша) содержались и другие пленники, обращенные в рабов, вместе с которыми они сумели убежать[217].

Сам Олав сын Трюггви, будущий король и креститель Норвегии, побывал в детстве рабом. Его мать Астрид дочь Эйрика, жена конунга Трюггви, оставшись вдовой и спасая себя и малолетнего сына от претендентов на престол, отправилась к хорошему другу Хакону Старому в Швецию; но по дороге викинги-эсты захватили их корабль, обратили в рабов всех путешественников и привезли их на знаменитый торг в свою страну. Астрид выкупил и женился на ней знатный и богатый норвежец, который увез ее к себе на родину. Маленького Олава несколько раз перепродавали, пока ему не посчастливилось попасть на шесть лет к «хорошей паре в стране эстов». Собиравший там дань для великого князя Киевского знатный скандинав Сигурд сын Эйрика признал в 9-летнем Олаве своего племянника, выкупил его и привез в Гардарики, где тот вырос в почете, сам стал викингом и со временем принял решение бороться за норвежский престол[218].

Да, в ту эпоху судьбы людей складывались подчас невероятно причудливо. Особенно трудной и непредсказуемой она оказывалась у пленниц знатного происхождения, которые при удаче попадали в руки богатых людей и даже королей. Такие пленницы, судя по сагам, были нередкими в мире викингов. Так, Эдла, «дочь ярла из страны вендов», была взята в плен на войне и поэтому «считалась рабыней». Ее взял себе Олав, конунг Шведский, которому она родила троих сыновей и дочь. Старшего сына назвали христианским именем Якоб, чему «шведы удивлялись» (см. «Сагу об Олаве Святом», гл. LXXXVIII).

Выше уже шла речь о том, что некий Гили, «русский», прозванный так, скорее всего, потому, что он регулярно ездил торговать на Русь, привез на продажу в Норвегию 12 рабынь. Знатному исландцу Хёскульду приглянулась одна из них — очень

[216] *Римберт*. С. 34–35.

[217] ИС I. С. 142.

[218] КЗ. С. 92, 110 и сл.

красивая, но глухонемая девушка, которую он купил за 3 марки серебра. Он разделил с ней ложе, хорошо одел и повсюду возил с собой. «Было видно ее знатное происхождение» и то, что она «неглупа». Приехав домой в Исландию, Хёскульд уговорил жену оставить наложницу в их доме. Она родила ему сына, тоже очень привлекательного и позднее прославленного Олава Павлина, которого отец любил больше всех своих детей. По ходу дела случайно выяснилось, что она была плененной викингами дочерью ирландского конунга, прекрасно слышала и говорила, и даже успела научить своего малыша ирландскому языку[219], что ему потом очень пригодилось.

В «Саге о сыновьях Дроплауг» рассказывается история, о которой также шла речь выше, в другой связи, но здесь ее стоит напомнить. Кетиль Гром и его брат вместе владели хутором, ездили по торговым делам и были богаты. В Емтланде Кетиль остановился у своего друга, хёвдинга Вэторма, у которого была служанка-рабыня Арнейд, впоследствии оказавшаяся дочерью исландского хёвдинга. Немного ранее Вэторм и его братья во время «грабительского набега» сожгли его хутор вместе с домом, а людей взяли в плен, в том числе и Арнейд. Кетиль купил ее у Вэторма, как сказано в саге, «ради дружбы за полсотни серебра» (это была очень большая цена за рабыню, равная половине виры за свободного человека) и договорился, чтобы она не работала. Арнейд помогла Кетилю найти закопанный хозяином сундук с серебром, они его присвоили и уехали в Исландию, где Кетиль Гром на ней женился, купил себе отдельный хутор («Хутор Арнейд») и еще один — для брата Вэторма — Ормара. Затем на это же серебро Кетиль купил себе годорд. Дело происходило в начале X в.[220]

Очевидно, что в числе жертв, которых викинги обращали в рабов, были и люди знатного происхождения, и это при их пленении, вероятно, принималось во внимание. В «Саге об Эйрике Рыжем» рассказывается о том, как Ауд Мудрая, дочь Кетиля Плосконосого, немолодая, знатная и уважаемая дама, переехала в Исландию из Норвегии. Она была одной из первых поселенцев на острове. «С ней приехали многие знатные люди, которые были взяты в плен викингами на западе и назывались рабами». Одному из них Ауд сказала, что «он всегда будет знатным, где бы он ни был». Других она «селила» как держателей или просто нарезала им землю на захваченной ею огромной территории. Полной ясности в этой истории нет, но, скорее всего, от судьбы домашних батраков Ауд этих знатных в прошлом людей избавила.

Или еще одна судьба. Адильс сын Оттара, один из конунгов свеев, «долго правил страной и был очень богат». Летом он обычно ходил в викинги. В тот раз, о котором рассказывает сага, он направился в «Страну Саксов». Тамошнего короля на месте не оказалось, и викинги разграбили его усадьбу, захватив также скот вместе с пасшими его рабами и рабынями. Среди рабынь была девушка Ирса — «дивной красоты...

[219] ИС I. С. 269. Эта история, интересная рядом своих аспектов, уже упоминалась выше.
[220] ИС II:1. С. 214–218.

умна, красноречива и во всем сведуща». Адильс женился на ней, она «стала женой конунга Швеции, и пошла о ней добрая слава». Но один из малых датских конунгов, Хельги сын Хальвдана из Хлейдре, пришел в Швецию с таким огромным войском, что Адильсу пришлось бежать. Вместе с большой добычей Хельги захватил и Ирсу, которую увез с собой в Хлейдре и женился на ней. Их сыном был Хрольв Жердинка[221]. Когда мальчику было 3 года, его мать узнала, что конунг Хельги, ее «теперешний муж», на самом деле приходится ей отцом. Тогда Ирса вернулась в Швецию к Адильсу «и была там до конца своей жизни. Хельги конунг погиб в походе. Хрольву Жердинке было тогда восемь лет, и он был провозглашен конунгом в Хлейдре»[222].

Таким образом, источником пополнения контингента рабов в Скандинавии было несколько: захват пленников, обращение в несвободных обедневших или проштрафившихся соплеменников, наследственное рабство детей рабов.

Каково было *положение рабов*?

Раб был собственностью хозяина, который мог и продать его, и безнаказанно убить. Нанесенный рабу урон со стороны третьего лица рассматривался как ущерб, причиненный его хозяину. За убийство чужого раба без уважительной причины полагался значительный штраф.

В большинстве случаев рабы, во всяком случае дворовые, жили под одной крышей с господами и делили с ними общую работу и общие трудности. Поэтому личные мотивы и обстоятельства не могли не сказываться на отношениях между хозяевами и рабами, особенно если последние выросли в доме, вместе с хозяйскими детьми и, тем более, если они были доверенными людьми и даже любимцами владельцев хутора.

Когда в «Саге о Ньяле» (гл. XXXVIII) раб Атли по приказу хозяина убивает кровника — соседского работника, т.е. выполняет функции члена хозяйского рода. Ньяль предлагает ему уехать, дабы избежать мести. Но Атли не хочет менять хозяина! Тогда Ньяль обещает ему, что заплатит виру за него, как за свободного, и в конце концов Атли принимают в семью. Выше уже говорилось, что в областных законах Швеции фигурирует обряд «введения (свободных) в род». Обычно он применялся в отношении незаконных детей хозяина или воспитанников — при отсутствии в семье наследников мужского пола, дабы сделать их полноправными при разделе наследства и вообще укрепить род. Случай с Атли показывает наличие в эпоху саг некой практики, пусть не очень распространенной, введения в свободный род раба. Я имею, таким образом, основания полагать, что обычай «введения в род» древнее областных законов и что он мог быть использован в отношении людей разного статуса, в том числе рабов, имевших особые заслуги перед хозяином, а также детей, прижитых от наложницы-рабыни — или в случае, если в семье не осталось мужчин.

[221] Легендарный датский герой, о котором можно прочитать в «Младшей Эдде» и в «Саге о Хрольве Жердинке».

[222] КЗ. С. 27. Об участи рабыни см. также: КИ. С. 153 (Первая песнь Гудрун).

Просто освобождение от рабства встречалось гораздо чаще — и в предсмертных завещаниях, и в благодарность за помощь хозяину в битве, и как признательность за другие заслуги верного раба. Так, на одном руническом камне из Дании (из селения Horning, около города Орхус) написано, что его поставил Токе Смед по Троельсу Гудмундсену, который «дал ему золото и свободу». Очевидно, что памятник поставил отпущенник Токе в благодарность хозяину, облагодетельствовавшему его при жизни или по завещанию[223].

Купить раба было нетрудно. Из «Саги об Олаве сыне Трюггви» узнаем, что «в стране эстов был торг и на нем продавали и рабов». Торжища такого назначения были не только у эстов. Кроме того, рабов специально привозили на продажу, подобно тому лицу «в русской шапке», о котором уже шла речь. Некий приехавший в Исландию человек привез с собой много рабов-ирландцев (христиан, как особо отмечает сага)[224]. Из «Саги о сыновьях Дроплауг» становится известно, что полсотни серебра за рабыню — высокая цена, т.е. рабы были «ходовым товаром», имеющим вполне определенную цену. О покупке рабов говорится и в древнейших областных кодексах, например в Гуталаге[225]; согласно этому закону в начале XIII в. раб стоил 3 марки серебра, что равняется примерно 4–9 (непородистых) лошадей или быков[226]. Такого же рода сведения дают другие областные законы[227]. Характерно, что 3 марки были минимальным имуществом, с владельца которого, согласно областным законам, взимались государственные налоги.

Из саг видно, что раб, в том числе и живущий в доме господина, мог иметь свои деньги и, например, купить себе жену у другого хозяина. Но прав на совместных детей он не имел; судя по областным законам, так было и позднее, в течение всего XIII в. Эрлинг (и, разумеется, не он один) давал возможность своим рабам выкупиться на волю, для чего также требовались деньги. У некоторых рабов были не только деньги, но и другое собственное имущество. Так, у хозяйки Ингебьёрг был раб по имени Коль, который владел хорошим мечом под названием «Серый клинок», приносящим, как считали, победу. Одолжив этот меч, сын херсира Гисли убил убийцу своего брата, но меч не отдал, а раба, владельца меча, также убил[228].

Раб не обладал юридической правоспособностью. Его брак рассматривался как сожительство. За нанесение чужому рабу увечья или его убийство отвечали перед господином этого раба. Но если раб был невиновен, убийца должен был «до третьего захода солнца» лично доставить его хозяину довольно большую положенную виру — 12 эйриров серебра. В саге описывается, как торжественно везли кошель

[223] Samfundet i vikingetid. S. 64.
[224] ИС I. С. 225.
[225] Гуталаг. С. 150.
[226] Там же. С. 16:2. С. 173.
[227] ÖgL. Dr 16, а также UL Ä3.
[228] ИСИЭ. С. 23 и сл. Ср.: КИ. С. 281 и сл.

с этим серебром 30 конных молодцов — хозяин, свидетели и охрана, и в конце концов привязали кошель к двери истца[229]. В таком случае тяжба не возбуждалась. Соответственно, хозяин нес и ответственность за поступки своего раба.

Как рассказывается в «Саге о Названых Братьях», на вопрос Тормода «Что ты за человек, Одди?» ответом были слова: «Я бродяга и хожу, где укажут...»[230] В связи с «Сагой о Битве на Пустоши» (событие начала XI в.) возникло мнение, что окружные хёвдинги были вправе ограничивать свободу передвижения рабов, бродяг и умалишенных, поскольку «соседи не хотели их у себя видеть»[231].

Очевидно, что рабы, как и бродяги, стояли *вне* гражданского общества саг — общества свободных и полноправных хозяев. В некоторых случаях голос рабов становится слышен в связи с какими-то общественными событиями. Так, в «Саге о Хаконе Добром» (гл. XV) рассказывается, что, когда конунг при введении христианства объявил, что в воскресенье не положено трудиться, а два дня в неделю необходимо соблюдать пост, рабы и батраки стали роптать, говоря, что в таком случае они ослабеют от голода и вообще не смогут работать.

Отношение в обществе к рабам выглядит не вполне однозначным. С одной стороны, как можно убедиться, на рабынях женились богатые и известные люди. Но в абсолютном большинстве это были женщины, происходившие из знатных семей. И даже Олав Святой не унизил себя, женившись на незаконной, но признанной отцом дочери шведского конунга Олава от рабыни. Был устроен грандиозный свадебный пир, розданы богатые подарки; жена родила конунгу троих сыновей, и «он всегда считался с ней» («Сага об Олаве Святом», гл. XXXXIX–XCII). А рядовые хозяева нередко доверяли проверенному рабу важные функции в своей усадьбе, на корабле, в бою.

С другой стороны, рабов презирали, назвать кого-либо рабом или служанкой, сыном раба или служанки — «это хулительные слова», т.е. немалое оскорбление. И иногда это делали намеренно. Ревнивая королева называет мать пасынка «служанкой», что в понимании того времени было равнозначно «рабыне»[232]. Положение рабыни-наложницы даже знатного человека, как и сына наложницы от него, приносило «мало чести и мало любви», — пришла к заключению одна из таких женщин[233]. «Мало чести рабам», — констатирует сага[234].

Выше уже рассказывалось о том, что, когда умница, красавец и щеголь Олав Павлин, сын рабыни знатного происхождения и ее родовитого хозяина, посватался к дочери скальда Эгиля Торгерд, она рассерженно сказала отцу: «Ты хочешь выдать

[229] ИС II:2. С. 89.
[230] ИС I:1. С. 182.
[231] Ср.: Там же. С. 324, прим. 21; С. 356, прим. 135.
[232] КЗ. С. 382.
[233] Там же. С. 57.
[234] Там же.

меня замуж за сына служанки, пусть он и красив и превосходит всех...» Как уже известно, Олав не отчаялся; разряженный и овеянный славой, он приехал свататься вторично, подарив, к тому же, Эгилю дедов дар — отличный меч. Тут уж гордая девица не устояла. Свадьба состоялась, и они жили потом прекрасно.

Уже известен эпизод и из «Саги об Эгиле», где рассказывается об одном бонде, который был «красив, богат, но возвысился из низкого рода»; вероятно, он происходил из вольноотпущенников. Однажды знатный немолодой вдовец, познакомившись на одном из пиров с его совсем молоденькой дочерью, вскоре приехал к нему с большой свитой и потребовал, чтобы отец отдал ему девушку на условиях «неполной свадьбы» — на роль «официальной» содержанки. Бонд был вынужден согласиться. После смерти старика женщина ничего не получила из его наследства и вернулась с детьми в дом отца, где растила их без мужа[235].

Эти эпизоды весьма показательны для отношения тогдашнего общества к людям несвободного происхождения. Даже будучи свободными во втором-третьем поколении, добившись благосостояния, даже завоевав славу, они все равно несли на себе следы бывшего рабства. И по сагам трудно судить, сколько поколений потомков раба должно было упорно и добродетельно трудиться, совершать славные дела, чтобы перечеркнуть рабское клеймо. Но для этого имелись и другие пути, например брак потомка вольноотпущенницы со свободной (или наоборот, см. ниже), что, впрочем, бывало нечасто в среде, где браки обычно хорошо рассчитывали, обдумывая выгоду для всей семьи.

Имя Коль (букв. «уголь») было употребительным среди всех слоев населения, но в сагах, что характерно, рабы особенно часто носят это имя, которое в данном случае трактуется как «угольщик» (углежог?), «черномазый», «грязный». Именно смуглыми были рабы в «Песни о Риге». В одном из древнейших произведений «Старшей Эдды» — «Речах Хамдира» определение «чернявый» служит намеком на иноземное и, скорее всего, низкое происхождение[236]. «Угольщиком» называла своего деверя королева из «Хроники Эрика» (первая треть XIV в.), желая его обидеть, унизить этой насмешкой. Вероятно, имя Коль в сагах давали урожденным рабам: вряд ли купленному или, напротив, отпущенному на волю рабу меняли имя. Даже доверенного советчика ярла Скули, который к тому же был «силен, как 12 человек», звали Коль[237].

Это имя, точнее, содержащийся в нем намек на «чернявость» совершенно определенно относится к человеку низкого происхождения, а в каких-то случаях и к плохому человеку. Примером последнего применения этого имени служит описание темноволосого и смуглого Бродира из «Саги о Ньяле», который отошел

[235] ИС I. С. 71. Подробнее см. в части 3.

[236] КИ С. 159 и сл. Ср.: С. 599, прим.

[237] СОДВ. С. 50–57, 523.

от христианства, стал приносить языческие жертвы и был необычайно сведущ в колдовстве. Его доспехи не брало железо! Свои очень длинные волосы ему приходилось закладывать за пояс. В то же время легко заметить, что герои и положительные персонажи саг, за очень редким исключением, все светлокожие и светлоглазые блондины. Различие в цвете кожи и волос положительных и отрицательных персонажей также акцентируется в «Песни о Риге» и наблюдается в большинстве саг. Даже в начале XIV в. этот признак-характеристика использован в «Хронике Эрика», т.е. он бытовал в сознании людей в течение многих столетий, вероятнее всего, уходя корнями в глубокую древность. Но, между прочим, смуглым и черноволосым был такой прославленный поэт и воин, как Эгиль! Очевидно, что внешние признаки все же не всегда были основными...

Разумеется, рабы желали свободы. Иногда об этом говорится прямо, например: «Бонд Торбранд имел раба по имени Эгиль», очень сильного, который «очень хотел на волю»[238]. В «Саге о Названых Братьях» раб также хотел на волю, особенно потому, что он «дружил с работницей», видимо свободной, и ревновал ее, не имея на нее формальных прав[239]. Из саг известно, что раб, который «попал на весла» в викинге, получал свободу. Также освобождали раба, который, сопровождая хозяина, проявил геройство в бою, тем более если спас жизнь господину.

С рабами было, конечно, не просто. «Сага об Эгиле» (гл. LXXVII) повествует о том, как рабы, убежав от своего хозяина — бонда Торди, разграбили и растащили его добро и сожгли дом вместе со всеми домашними. Когда его сын вернулся домой и увидел, что случилось, он догнал и убил рабов[240]. Скорее всего, это происшествие не было единственным в ту пору.

Известно и о восстаниях рабов. Об одном из них повествует «Сага об Инглингах» (гл. XXVI). Раб Гунни был хранителем сокровищ конунга Ауна Старого. После его смерти Гунни потерял свое привилегированное положение, так как наследник и преемник Ауна конунг Эгиль заставил его работать вместе с другими рабами. «Гунни зарыл в землю много сокровищ», видимо, в свое время он обворовывал своего господина. Теперь он убежал, увел с собой многих рабов, роздал им сокровища и стал их вождем. «К нему стеклось много отребья». Они прятались в лесах, совершали набеги, грабили и убивали мирных жителей. Однажды они даже напали на (видимо, малого) конунга, остановившегося где-то на ночлег, и «перебили у него много людей». Оставшиеся в живых люди и сам конунг бежали. Гунни с отрядом напали (на его усадьбу? — *А.С.*), все разорили и разграбили «без [какого-либо] сопротивления». Гунни постоянно раздавал добычу своим людям. Его любили и к нему шли все новые сторонники. Со своим отрядом он восемь раз побеждал конунга Эгиля

[238] ИС II:2. С. 87.
[239] ИС II:1. С. 174.
[240] ИС I. С. 325.

в открытом бою, хотя у того было много людей, так что конунг Эгиль был вынужден покинуть страну и уехать в Данию. Тамошнему конунгу Фроди Смелому Эгиль обещал за помощь «дань со шведов» (видимо, с Гёталанда. — *А.С.*). В состоявшейся после этого битве Гунни пал, а Эгиль вернулся в свои владения. Датчане ушли, но затем каждые полгода Фроди получал богатые подарки за помощь; конунги остались друзьями, хотя обещанную регулярную дань ему Эгиль не платил. Отряд Гунни, видимо, распался.

Вряд ли эта история была уникальной, так как из саг известно, что рабы нередко убегали, поэтому можно предположить, что они и разбойничали, сбиваясь в ватаги.

Итак, в имениях знати и в рядовых подворьях Скандинавии в эпоху викингов широко применялся рабский труд. Иногда рабы становились доверенными людьми своих хозяев и управляли их имуществом. Нередко они выполняли те же работы, что и свободные, но часто на их долю приходился более грязный и менее уважаемый в обществе труд. Судя по сагам, труд рабов был в большинстве случаев не менее квалифицированным, чем труд свободных, отчасти потому, что было немало рабов по рождению, которые с детства участвовали в жизни хозяев, отчасти потому, что пленники в большинстве случаев были в прошлом такими же хозяевами. И хотя в гардах было много рабов-слуг, рабы также регулярно трудились вместе с господами и в сельском хозяйстве, и на промыслах.

Когда источником постоянных материальных благ постепенно начала становиться недвижимость, в реализации доходов от нее было удобнее использовать все же более свободных, пусть и неполноправных людей разного статуса. Прежде всего речь идет о вольноотпущенниках.

Вольноотпущенники

Вольноотпущенник в источниках именуется *лёсингом* или *лёскером* — «лишенным [имущества и оседлости]», что, в общем-то, было почти синонимом раба. Интересно, что впоследствии, после отмены рабства в Скандинавии, а возможно, еще и в эпоху саг, так называли нищих и бродяг, которые подлежали принуждению к труду «по первому же предложению»[241].

Из саг видно, что отпуск рабов на волю в то время, особенно к концу периода, был явлением распространенным. Часто рабов наделяли землей и одновременно или вскоре отпускали на волю. В «Саге о Хёрде и островитянах» Орм «за преданность отпускает своего раба Болли на волю» и при этом «отводит ему землю для хутора и дает все, что нужно для хозяйства... [Болли] стал там жить и был богатым человеком» (гл. XXVII). Вольноотпущенник, таким образом, мог получить личную

[241] О принуждении к труду также и «бессеменного народа», т.е. тех, кто сам не может сеять по бедности, уже говорилось выше. См.: GL. S. 56.

свободу и даже хозяйственную самостоятельность, но статус его продолжал оставаться низким. То, что один из персонажей носит прозвище Вольноотпущенников сын[242], свидетельствует о том, что люди не считали не только самого вольноотпущенника, но даже его сына равным свободнорожденным людям. Не случайно в «Саге об Эйрике Рыжем» (гл. III) предложение знатному бонду выдать дочь замуж за очень богатого человека, но сына раба, вызывает у отца сильнейший гнев.

Освобождение рабов по тем или иным причинам, обычно за особые заслуги перед хозяином, происходило всегда. В «Саге о людях из Лососьей Долины» раб в награду за некие услуги получает и свободу, и деньги (гл. XV, XVI)[243]. Другой раб, получивший свободу за свои заслуги, сам стал викингом и не давал спуску никому[244]. Еще в одном случае у рабыни-служанки был роман с разбойником; она выдала его, за что получила свободу[245], и т.д.

Известно, что рабство в Исландии было отменено на ландстинге еще в 1000 г., но в какой-то форме оно все равно сохранялось, во всяком случае до 30-х гг. XII в. В основных странах региона рабство, особенно долговое, фактически, а в некоторых частях Швеции и формально существовало еще в первой четверти XIV в. Однако уже по сагам видно, что рабов часто отпускают на волю, что хозяева охотно селят отпущенников на своей земле[246], что отпущенники и сами покупают землю[247].

Отпущенник бонда занимал особое место в системе его личных и хозяйственных связей. Получив свободу из рук хозяина, вольноотпущенник сплошь и рядом остается в его доме в качестве работника. Эрлингу, как мы помним, отпущенники регулярно поставляли промысловую добычу, которая использовалась не только для домашних нужд, но имела и значительный рыночный спрос. Работник-чужеземец известного Торстейна, его отпущенник, пас овец хозяина, отгоняя их по веснам в горы и пригоняя домой осенью, а также выполнял другие работы. Всех сыновей Ньяля воспитал сын отпущенника его матери, большой и сильный Торд, его-то и звали Вольноотпущенников сын. Он помогал родственнице Ньяля, которая вела хозяйство в доме; она ждала от Торда ребенка, и они получили разрешение хозяина на брак. Женитьба на свободной, да еще родственнице состоятельного хозяина, сразу возвысила Торда.

Живущие при хозяине вольноотпущенники, подобно домашним рабам и слугам, рассматривались как члены домовой общины, поэтому оскорбление или ущерб, нанесенный им, воспринимался как оскорбление всей семьи. В «Саге о людях

[242] Сага о Ньяле. Гл. XLI.
[243] ИС I. С. 278, 280.
[244] ИС II:1. С. 146.
[245] ИС I. С. 338.
[246] Там же. С. 308.
[247] ИС II:2. С. 28.

из Лососьей Долины» Хрут отпустил на волю одного раба, который со временем обзавелся и неким имуществом. Уже упоминавшийся Торстейн сын Хаскульда захватил это имущество, что Хрут и его взрослые сыновья, естественно, восприняли как личную обиду, за которую следовало мстить[248].

Вообще относительно прав вольноотпущенника на имущество и его личной свободы возникает определенная неясность. Создается впечатление, что отпущенник в известной мере продолжал оставаться под мундиумом бывшего хозяина и, таким образом, был не вполне свободным человеком, а как бы вассалом хозяина, сохраняющим с ним личные связи и обязательства перед ним. Также не вполне ясно, когда это обстоятельство переставали лёскеру припоминать.

Такое впечатление подтверждает интересная история с отпущенником семьи Торбранда — Эрлюгом (из «Саги о людях с Песчаного Берега»). Он имел хутор, называвшийся «Двор Эрлюга». И когда Эрлюг умер, сыновья Торбранда потребовали этот хутор себе на основании того, что Эрлюг был их вольноотпущенником, хотя у него остался наследник. «Двор Эрлюга» они так и не получили[249], но их претензии возбуждают некоторые вопросы. Следует ли понимать это дело так, что двор принадлежал Торбранду и был дан Эрлюгу при освобождении от рабства на известных условиях, в качестве, например, держания на срок? Или пожизненно? Или это была собственность отпущенника, которая, однако, не могла быть вполне свободной, как и он сам?

То, что рабовладельцы селили рабов и отпущенников, оделяя их участками земли, уже известно из предыдущего материала. Во всяком случае, Эрлинг, отпуская раба на волю, давал ему кое-какое имущество и «место». Землю хозяева предоставляли чаще всего на дальних, необжитых территориях. Это были так называемые *нуодлинги* (новина, непаханые земли), которые еще надо было расчистить от леса, осушить от болота, короче — окультурить. Очевидно, что с таких земель было невозможно получить барщину, да и за оброком надо было ездить специально. Поэтому люди, получившие нуодлинг, редко или недолго оставались рабами: этот статус при таких условиях не имел смысла. Зато отпущенники платили за землю и входили в круг клиентов бывшего хозяина, что было вдвойне выгодно и удобно. Предоставление нуодлингов отпущенникам, как и раздача новины королями, играло большую роль во внутренней колонизации и демографическом подъеме, как известно, развернувшихся в Скандинавии в XI–XIII вв. и оборванных аграрным кризисом середины XIV в.

То, что отпущенники, перестав быть рабами, нередко оставались в доме хозяина как работники, возможно, и объясняет тот несомненный факт, что люди саги как бы ставили знак равенства между рабом и работником, рабыней и служанкой.

[248] ИС I. С. 308.

[249] ИС II:2. С. 69.

Наемные работники

Наемного работника, обычно безземельного или бедного человека, как и домашнего слугу или подмастерье, называли *дренгом*.

Во всех областных законах, начиная с самых ранних их списков, положение как бездомных людей-лёскеров, так и имеющих какое-то пристанище бедняков регулируют особые статьи. Эти люди обычно работают в чужих усадьбах в качестве *поденщиков* (legodreng, букв. «наемный помощник»[250]). Законы Готланда, а также более поздние законы основных Скандинавских стран принуждают их к труду по найму[251]. Однако они являются лично свободными, а потому имеют известные права свободных. Так, некий бродяга, а с ним еще 10–12 человек, «ходил с места на место», но на тинге устроил свою землянку («Сага о Гисли», гл. XXVIII), т.е. имел на нем право голоса. Однако бедняка можно было ударить палкой по голове просто потому, что ударившему не нравилось, «когда рядом бродят всякие рабы и нищие»[252].

В третьей четверти XII в. в Норвегии разгорелось восстание под руководством Эйстейна Девчушки (ум. 1177), которое описано в «Саге о Магнусе сыне Эрлинга» (гл. 36) и в котором участвовали прежде всего лёскеры разного типа.

Истоки появления категорий бедняков и бездомных людей относятся к периоду викингов, вероятно, даже и к более раннему времени. По крайней мере, в сагах такие люди уже представлены. Конечно, между бедняком и нищими бродягами имелись существенные различия: бедняк был оседлым человеком, нередко семейным, нищий же жил где придется. Бедный бонд из «Саги о Греттире» живет дома один с женой, вдали от всех. У другого бедного бонда «нет ничего за душой», так что он может содержать только себя и жену, прокормить же третьего человека на может[253]. Или: «Западнее Белой Реки, у Холма Тьодольва... теперь» стоят дома бедняков. Дом состоит из одной комнаты, дверь в которую расположена «в середине землянки» и выходит, соответственно, прямо на улицу. В той же «Саге об исландцах» «поносная» (т.е. ругательная) виса № 49 обвиняет Торвальда в том, что он вырос «в бедной части страны», в той четверти Восточных Фьордов, где люди кормятся «рыбными мордами» (!). Автор «поносной висы» Гудмунд пишет также о «следопыте столовых» — человеке, который ищет, где можно подкормиться[254].

Бездомные, вконец обнищавшие люди, становясь бродягами, подрабатывали разными способами. Так, бродяга Откель, внук Торира с Осенних Жилищ в Островной Округе, «был бродяга и ходил по побережьям вместе с одной женщиной,

[250] См., например: ÖgL. Dr 3 или UL XI. Там упоминается, что лёскеров, которые работают по найму, в (береговую?) стражу не ставят.

[251] См., например: GL, b. 56.

[252] КЗ. С. 497.

[253] Сага о Греттире. Гл. LII.

[254] Сага об исландцах. Гл. 36, 117.

продавая горшки»[255]. Другие бродяги занимались разбоем. В «Саге о Греттире» говорится: «Тогда (т.е. в XII в. — *А.С.*) часто бывало в Норвегии, что лесные бродяги и разбойники выходили из лесов, угрожая жителям поединком, уводили женщин или силой забирали у людей добро, если те не могли дать им отпор». На йоль к хозяину Эйнару, старому, богатому и семейному, заявилась «некая шайка», потребовав красавицу дочь хозяина. Разбойников отбили. Примечательно, что их предводителя сага называет то викингом, то бродягой, то берсерком[256]. Но в сагах грань между последними редко уловима, для саги это зачастую все те же «низы». До победы христианства к нищим и бедным, в том числе родичам, «относились дурно».

В сагах мы читаем о «нищих и бедняках»[257], о Сигмунде, который «с женой и сыном ходил по дворам и побирался»[258]. Вероятно, как раз из таких людей и состоял по преимуществу слой наемных работников у бондов и знати. Если сага повествует о том, что «с Торстейном поехали живший у него норвежец и двое из его работников»[259], то, вероятно, норвежец был его гостем или охранником, а работники наймитами; тем не менее все трое участвовали в случившейся вскоре драке с соседями, в которой работники погибли.

Наемные работники занимались самым разным трудом, и нередко в сагах их трудно отличить от рабов. Сплошь и рядом по соседству с рабыней тем же трудом занимается наемная служанка. Одного работника повествование застает за дойкой овец[260]. Другие помогают искусному кузнецу Скаллагриму в кузнечных работах[261]. Говорится о работнике, который умел «ладить оружие: выправлять меч» и т.д.[262] В «Саге о Торстейне Битом» упоминается Торд, который работал у «Бьярни из капища» — «большого человека», с обширным годордом; Торд ухаживал за верховыми лошадьми Бьярни, «поэтому его называли конюхом», а кроме него у Бьярни было еще двое слуг, «больших сплетников». В «Саге об Олаве Святом» говорится о работниках на хуторе конунга Сигурда в Гренландии (гл. II). Встречались и никудышные работники — вроде огромного, сильного, безобразного и глупого Эгиля, который работал у известного Тормода, бывал его провожатым и заслужил прозвище «Эгиль дурачина». Однако были опытные работники, возможно, сами бывшие хозяева или их дети. Нанимаясь к хозяину, такой работник, как он сам говорил, был «готов обрабатывать землю и делать многое другое»[263].

[255] Сага об исландцах. Гл. 94.
[256] Сага о Греттире. Гл. XI.
[257] КЗ. С. 368.
[258] ИСИЭ. С. 454.
[259] ИС I. С. 245.
[260] Там же. С. 533.
[261] Там же. С. 116.
[262] Там же. С. 228.
[263] Там же. С. 500 и сл.

Работника одного хозяина мог попросить об услуге другой человек и заплатить ему за это, а господин следил, чтобы плата была правильной[264]. Когда однажды богатый бонд ударил чужого работника, его присудили заплатить хозяину последнего довольно большой штраф — марку серебра[265]. Принимая важного гостя, тем слугам, у которых не было пристойной одежды, хозяйка ее выдавала, и здесь тоже возникает вопрос — были ли это рабы или наемные слуги[266].

О свободном и достойном молодом человеке, который работал по найму у «богатого бонда», рассказывается в «Пряди об Аудуне с Западных Фьордов». Аудун — так его звали — работал у богатого Торстейна несколько лет и «был небогат». Когда Торстейн поехал в Норвегию, он взял с собой на корабль и работника, «в награду за труды». Аудун оставил заработанные за три года деньги «матери на жизнь» и что-то взял с собой. Когда ему со спутниками пришлось зазимовать в Гренландии, он купил там «белого медведя... — большое сокровище». Позднее Аудун с посохом и котомкой совершил паломничество в Рим[267].

Об условиях найма и контингенте людей наемного труда имеются разные сведения. С одной стороны, как мы видим, это чаще всего бедняки. Но можно привести и другие примеры, довольно интересные. Например, к Ньялю нанялся в работники приезжий человек, у которого при себе были копье и короткий меч. За совершенное этим работником убийство во время его пребывания у Ньяля тому на тинге присудили штраф. Причем характерная деталь: работник просил, совсем как Эзоп, чтобы вира за его проступок была не как с раба, а как со свободного человека, и поэтому Ньялю пришлось выложить сотню серебра[268].

Из этой истории очевидно не только то, что за проступки работника хозяин нес ответственность так же, как и за раба, т.е. наймиты на время найма теряли часть своих гражданских прав, но и то, что работник мог иметь имущество, притом не дешевое, например оружие. Вероятно, хозяин должен был также защищать права своего работника. Наконец, этот эпизод показывает, как, находясь под судом, человек борется за подтверждение его свободного состояния; скорее всего, эту «сотню серебра» ему пришлось потом отработать.

Батраки, судя по «Саге о Названых Братьях», нанимались согласно контракту — за «кошт на полугодие», т.е. прежде всего за пропитание. Но работали и за оплату. Так, пастух овец Бранд «жил на кошт» хозяина Торстейна Борова, а его отец, который пас коров у другого хозяина, получал плату за работу. Его обвиняли в том, что он воровал сено с выгона для своей родственницы, державшей корову и подсобное хозяйство. Хозяин Вермунд выгнал пастуха, а Бранд, когда узнал

[264] Там же. С. 46.
[265] Там же. С. 30.
[266] См. часть 6.
[267] ИСИЭ. С. 81–83.
[268] ИС I. С. 506.

о случившемся, убил Вермунда в его собственном доме секирой; после этого брат Вермунда убил Бранда, но не тронул его отца, который постился и молился о сыне.

Хозяева далеко не всегда платили своим наймитам вовремя и по справедливости. Так, Торбьёрн Бычья Сила, которого «не считали покладистым человеком», никому не платил за работу, поэтому у него никто не хотел работать («Сага о Греттире», гл. XXX).

Подряжались работать на определенное время года, как об этом говорится в «Саге о Храфнкеле годи Фрейра» (гл. IV, V), где есть и данные о характере работы, и об ее оплате. Уже знакомый нам Эйнар, племянник богатого Бьярни и сын бонда «с малым достатком и многочисленной семьей», должен был наняться в работники: ведь у его отца в доме были «бедность и нищета», так что наемный труд в будущем являлся и участью его остальных, подрастающих братьев. Дело было перед началом лета, что «для найма поздно», однако Эйнару удалось подрядиться к Храфнкелю за харчи на целый год. Он должен был пасти овец на летнем пастбище и собирать хворост на топливо. Однажды, когда Эйнару пришлось искать потерявшихся овец, он решился сесть на любимого коня хозяина. Между тем Храфнкель в свое время поклялся, что убьет каждого, кто посмеет это сделать. И он убил Эйнара[269].

В Старшем изводе Вестгёталага «законными днями» найма работников названы Пасха и День св. Михаила (28/29 сентября). Заключался договор. Однако право господина на труд работника вступало в силу лишь после того, как тот сядет за хозяйский стол (за трапезу). После этого он мог доказать, что не нанялся к данному хозяину на работу, лишь с помощью 12 свидетелей. Если же у него не было свидетелей, то, отказавшись работать, он должен был заплатить штраф хозяину в размере обещанной ему оплаты и «сверх этого 16 эртугов три раза», что было весьма значительной суммой. Если наем проходил без осложнений, работник получал право «на вечернюю и дневную трапезу». «Бонд должен потерять столько же, если он выгонит батрака из своего дома и из-за своего стола»[270].

Спать же батраки могли и в конюшне, примеры этого есть выше. Вероятно, хозяева предпочитали холостых наемных работников. «Человек по имени Паль» из Срединной Долины служил у священника и «был хорошим работником... С ним вместе жила женщина по имени Йорейд», 16 лет от роду, дочь Хромунда[271], т.е. не бродяжка. Не исключено, что она работала у того же хозяина и похоже, что, хотя хозяин был служителем Божьим, не состояла с сожителем в законном браке.

Работники, конечно, старались наняться на год. Но это относилось только к тем, кто жил исключительно наемным трудом. Были и другие наймиты, которые стремились не связывать себя постоянной работой. Например, в «Саге

[269] ИС I. С. 140. О суде над убийцей см. часть 7.

[270] ÄVgL. Forn. II:1, 2.

[271] Сага об исландцах. Гл. 190.

о Херде и островитянах» в работники нанимался «человек по имени Торольв, по прозванию Скворец, сноровистый и отнюдь не бедняк, беспечный и веселый, неумный и напористый»[272] (какова характеристика! — *А.С.*). А «независимый», удалой Хельги не желал связывать себя контрактом. Вероятно, больше всего ценились именно постоянные работники, которые противопоставляются в сагах тем, кто нанялся на время. Когда Торстейн из «Саги о людях из Лососьей Долины» после Пасхи поехал на выгон, его сопровождали «живший у него работник» и «еще два [наемных работника]». Возможно, первый был его рабом или вольноотпущенником, скорее всего, *категории работников* различались и по отношению к ним хозяев, и по своему положению в доме.

В сагах встречаются персонажи, для которых труд по найму вообще был только вспомогательной работой. Например, для тех, кого хозяева нанимали на зиму стеречь (до весны) корабль[273]. Или для некоего коробейника Торарина: «Летом он нанимался за плату, а зимой не работал и ходил со своим товаром»[274]. Или: у одного хёвдинга было «много сенокосцев». Они косили вдали от дома, приезжали на покос верхом, т.е. имели своих лошадей. Не исключено, что эти сенокосцы были сезонными работниками («Сага об исландцах», гл. 69).

Правовое положение наймита коренным образом отличалось от статуса раба и даже вольноотпущенника. В принципе он был таким же свободным человеком, как его хозяин, например, именно таким был убитый Эйнар. Но нередко младший сын бонда, даже состоятельного, поступал на службу к другому бонду или господину в качестве охранника-хусмана или батрака, на рабочий сезон или на год, чтобы подработать и набраться опыта.

В областных законах предусматривается наказание за переманивание работника. Но неприятности такого рода случались и раньше, из-за них разгоралась вражда между хозяевами, приводившая и к убийствам. Так, у одного хозяина был дренг, который плохо работал и дерзил хозяину. Тот побил работника. Тогда дренг убежал к другому хозяину — Атли, где хорошо работал. Прежний хозяин затребовал дренга назад, но Атли ответил, что против воли наймита он его не выдаст. Тогда «законный» хозяин убил Атли («Сага о Греттире», гл. XLV).

Входя в домохозяйство владельца гарда, работник хотя и обладал полноправием, но временно терял его часть, поскольку поступал под покровительство нанимателя. Интересно, что и рабы, и свободные работники не были безразличны к статусу своего хозяина: его богатство и знатность возвышали его слуг в собственных глазах и, как им не без оснований казалось, в глазах других людей. Показателен в этом смысле эпизод, произошедший с конюхом Тордом, о котором рассказывается в «Саге о Торстейне Битом». «Торд был очень задирист и всем давал почувствовать, что он

[272] ИСИЭ. С. 497.

[273] ИС II:1. С. 159.

[274] Там же. С. 219.

работник у большого человека», поэтому он позволил себе избить некоего хозяина-бонда, т.е. человека, имеющего явно более высокий социальный статус, рассчитывая на свою безнаказанность (гл. 1).

Нередко работниками оказывались плохие люди. В «Саге о Названых Братьях» упоминается работник, который был наемным убийцей, сага его называет «ретивым лиходеем», а его работу (в висе) — «работой пса». В «Саге о Гуннаре убийце Тидранди» (гл. I и II) выведен работник по имени Асбьёрн Кувалда — большой, сильный, черноволосый и «смотрел исподлобья». Проработав почти три года, он захотел стать арендатором, и хозяева дали ему землю для жилья неподалеку от себя. Но он жил на деньги хозяев, не отрабатывая их и не платя аренду. В результате его выгнали, и он нанялся к другому хозяину. Там же упоминается наемная работница — «подстрекательница», «поганая баба»[275].

В сагах упоминаются и весьма опасные наемные работники. Так, семейный и имевший детей Гуннар Горсть, бывший «сильным мужем», и одинокий, бездомный Йон сын Барни работали «на других», а также «убивали»; поэтому было крайне рискованно задерживать им зарплату. В «Саге о Греттире» (гл. XXX) работники выступают против хозяев, сражаются с ними и в результате погибают. Не годились для наемного труда и, скорее всего, не стремились к нему те «бродяги и разбойники» из «Саги о Греттире» (гл. XL), которые нападали на дома, «уводили женщин и грабили добро» тех хозяев, которые «не могли дать отпор». Простым бондам было трудно, если не невозможно, на своих одиноких хуторах дать отпор и грабителям из «бродячих войск» (как их называют в сагах) во время междоусобиц.

Очевидно, что в большинстве случаев самыми лучшими кадрами для работы по найму являлись оставшиеся при доме отпущенники и некоторые, нечасто встречающиеся квалифицированные люди. Если они имели семью, то их дети, как и дети рабов, вырастали в доме хозяина, вместе с хозяйскими и соседскими детьми, вместе играли, дружили. Так, Това, прозванная за пригожесть Ночное Солнце, была дочерью работника «со двора Торви» и подругой Хельги, сына Дроплауг[276]. Дружба хозяйских детей с живущими в доме работниками и/или их детьми, которые зачастую оставались работать в этом же доме, описывается во многих сагах, но, скорее всего, в этом случае имеются в виду рабы или вольноотпущенники — постоянные домочадцы.

Бродяги, люди вороватые и легкомысленные, сплетники-подстрекатели, любители драк, убийцы и вообще деклассированные элементы хорошими работниками, как видно из саг, не считались, их предпочитали не нанимать на работу в хозяйстве. Вряд ли состоятельные люди охотно принимали на работу и представителей тех шумных, готовых на все «бобылей и бедняков», о которых говорится в «Саге о Храфнкеле годи Фрейра».

[275] ИС II:1. С. 254, 255 и сл.

[276] Там же. С. 228.

О работницах-батрачках прямых сведений в сагах практически нет, чаще всего они описаны под общим названием «служанка», подобно тому как нередко наемных батраков, рабов и отпущенников скрывал термин «работники».

Держатели земли: ландбу, лейлендинги

Датский, как и шведский ландбу («живущий [на чужой] земле»), или, что то же самое, норвежский и исландский лейлендинг, были держателями земли или, по обычному определению скандинавской литературы, ее арендаторами. Эта важная, но первоначально малочисленная категория крестьянского населения Скандинавии сложилась в течение XI–XIII столетий, так что областные законы, включая ранние, а затем и общее законодательство северных стран уделяют ландбу особое внимание.

«Брюти или ландбу» — так называет сага держателей земли в богатом имении[277]. Брюти, как мы знаем, даже если и был лично зависимым, но все же привилегированным человеком, обычно надсмотрщиком или управляющим. Судя по текстам саг, брюти также мог иметь свой двор.

Но по большей части саги говорят об обычных держателях — ландбу, или лейлендингах. «Хрут имеет своих бондов» — такими словами говорится о крестьянах-держателях (арендаторах) в «Саге о Ньяле» (гл. XXIV), где их характеризуют тоже как хозяев, поскольку они являются главами домохозяйств, хотя и расположенных не на своей земле, а на земле Хрута. «Мелкий бонд, сидевший на чужой земле» (богатого хёвдинга), — так характеризуется один из персонажей саг[278]. В «Саге о Названых Братьях» рассказывается о «Торгейре, бонде со двора» годи Храфнкеля. Этот Торгейр в недород потерял много скота, так что ему пришлось «купить 50 молочных овец», «расплатившись товарами». Текст этот весьма интересен. Держатель, поскольку он ведет свое хозяйство, назван бондом. А данный бонд-держатель помимо занятия сельским хозяйством еще и торгует, и имеет возможность купить новое стадо овец. Его жилье расположено, видимо, на прилегающей к хозяйскому имению территории, принадлежавшей тому же хозяину.

В «Саге о Гисли» один из персонажей Ингъяльд живет на земле «богатого бонда, сам имеет раба и служанку». Гисли в благодарность за некие услуги раба и служанки Ингъяльда передает ему золотое кольцо как плату за освобождение этих людей от неволи (гл. XVI–XVII). Йон сын Торгейра арендовал у Скиди сына Торкеля часть его земли и жил там со своей сожительницей[279]. Саги хоть и не часто, но все же говорят о бедняках-арендаторах, о сроках перехода ландбу к другому хозяину и т.д.[280]

[277] КЗ. С. 177.

[278] Сага об исландцах. Гл. 69.

[279] Там же. Гл. 118.

[280] ИС I. С. 24, 243, 707. Ср.: Гуталаг. С. 122 и др.

Судя по областным законам и некоторым сагам, например по «Саге о Ньяле», даже если человек сидел на чужой земле, он мог выступать на суде тинга свидетелем, т.е. обладал правоспособностью.

О том, что, судя по текстам саг, землевладельцы сажали на землю рабов и, особенно, вольноотпущенников, упоминалось уже не раз[281]. При этом порой возникали и неприятные ситуации. Например, один хозяин «ошибочно» посадил своих рабов на чужие земли. Хозяева земли одного из этих поселенцев убили, а других попросили уйти добром. Суд тинга решил, что данное убийство наказывать не следует, поскольку хозяева земли действовали в соответствии со своим правом[282].

Через несколько (далеко отстоящих друг от друга) глав «Саги об Эгиле» проходит история с наследством после одного из персонажей — Бьярна. Когда его зять Берганунд унаследовал все его имущество, то движимость перевез к себе, а «землю заселил» и собирал за пользование ею подати[283]. Не вполне ясно, кого посадил на эту землю Берганунд: то ли людей Бьярна, то ли совсем чужих людей. Ясно одно: он обзавелся держателями земли — арендаторами, и они платили ему подать. У ярлов держатели были в немалом числе («Сага о Гуннлауге Змеином Языке»)[284]. Конечно, не все ландбу происходили из рабов или вольноотпущенников (в латиноязычных документах они назывались и «колонами», и «вилланами»). Землю с малым хутором, особенно хибарку без земли обычно арендовали потерявшие свою собственность, обедневшие люди. И, одновременно, вполне обеспеченные хозяева могли дополнительно арендовывать недостающую им землю, даже с жильем.

У Тородда сына Торбранда («Сага о людях с Песчаного Берега») было много работников, в том числе и «наемщик двора», которого тоже называют «бондом», поскольку он, видимо, вел свое хозяйство. Землевладелец Храфнкель годи Фрейра, уже знакомый нам убийца Эйнара (только излагаемые здесь события происходили задолго до этого происшествия), заняв всю Ледниковую Долину, стал «раздавать земли в долине другим людям, желая над ними главенствовать»; «зависимыми» от него он грубо командовал и, хотя об этом в саге не говорится, несомненно брал с них подать за землю[285]. О том, что землевладельцы собирают с ландбу земельную подать, говорится и в «Саге о Гисли» (гл. III–IV).

Об условиях найма владения и правообязанностях сторон сведений практически нет. Известно только, что лично свободные ландбу могли переходить от одного хозяина к другому в так называемые «дни переезда» — четыре дня в конце мая[286]. Свободные держатели, судя по более поздним сведениям областных законов, также

[281] См. о вольноотпущенниках в этой связи, например: ИС I. С. 26 и сл.; ИС II:2. С. 25 и др.

[282] ИС I. С. 307.

[283] Там же. С. 168 и сл.

[284] Там же. С. 22, 26, 54.

[285] ИСИЭ. С. 139 и сл.

[286] Там же. С. 35, прим. 797.

были обязаны участвовать в общинных делах (строительство дорог, мостов и т.п.) и сходах, но не имели прав голоса при разбирательствах дел о земле.

Очевидно, что поземельная зависимость уже известна людям саг. Но категория ландбу и все формальные правообязанности сторон еще только формируются. Отношения между ландбу и землевладельцами в это время регулируются, видимо, складывающимся обычаем или личной договоренностью сторон, фиксацию которой можно найти только в письменном праве. Но то, что время смены хозяина земли арендатором уже имеет место, свидетельствует о развитии *земельного держания как* социального института.

Категорию земельных держателей составляют преимущественно бывшие рабы и бывшие хозяева, потерявшие свою землю. Поскольку к концу изучаемого периода тенденция в отношениях между хозяином и рабом в условиях складывающегося поместного строя и сокращающегося притока рабов явно направлена в сторону освобождения рабов от полной личной зависимости, это не могло не привести к тому, что среди ландбу все более преобладают лично свободные люди. Что касается обедневших бондов, то о процессе размывания среднего слоя домохозяев, результатом которого было выделение главным образом малоимущих и вовсе неимущих людей, уже говорилось неоднократно. Не раз говорилось и о том, что такое положение было новым в Скандинавии XI–XII вв., ведь «раньше», как указывают саги, «бонды были богаты и непривычны» к незаконным поборам и вообще к зависимости.

В отличие от самостоятельных бондов-землевладельцев, с которых по мере своего складывания государство начинает взимать поземельный *налог-скатт,* арендаторы-держатели платят основные повинности непосредственно владельцу земли, и эта «подать в просторечье называется аврад» («census qui uulgo auret uocatur»). Поэтому по существу ландбу — это «мужик, платящий подать [за землю владельцу последней]», или «авградскарл», в отличие от обязанного платить государству «скаттового бонда», скаттебонда.

Когда в сагах рассказывается о том, что некий влиятельный, даже могущественный господин явился на тинг со своей родней, домочадцами и «своими бондами», то последние были, судя по всему, что нам известно, держателями его земли и/или мелкими хозяевами округи, которые находились от него в известной зависимости. И в этом смысле, но сугубо условно, зависимых держателей можно также причислить к «своим» для их землевладельцев, людям, составлявшим пусть не самый близкий круг господ, но все же подчиненное им окружение.

Проблема держателей-арендаторов интересно раскрывается в одном судебном деле уже первой половины XIII в. Знатный Стурла Тордарсон решил начать тяжбу из-за отнятого у него «Усадебного Пригорка». Поскольку он оспаривал решение окружного тинга, дело перешло на альтинг, где Стурла отсудил свое владение: землю и «Усадебный Пригорок». Но оказалось, что на него претендует не менее знатный Орэкья, который привел с собой на тинг «восемь десятков» людей. Впрочем,

впоследствии в частном разговоре Орэкья «во имя дружбы» отказался от своих претензий, а Стурла передал ему на полгода права на другой хутор[287]. В этом деле примечательно упоминание о практике передачи прав на недвижимость третьему лицу, в данном случае, видимо, без уплаты какой-то ренты. Эта даровая аренда была, скорее всего, оговорена условиями «дружбы». Но примечательно, что в ней заинтересован такой состоятельный человек, каким был Орэкья. В областных законах не раз появляются упоминания о выступлении состоятельных людей в качестве арендаторов (держателей) чужой земли. Это те случаи, когда чужую землю арендовали, т.е. выступали как ландбу (лейлендинги) некоего лица не из-за бедности, а чтобы стать еще богаче. Пестрота социального состава лиц, которые полностью или частично являлись держателями, представляет важную особенность этой страты в Скандинавии.

Бродячие артисты

Итак, в сагах нередко говорится о бродягах, которые промышляли случайными заработками и нищенствовали. Поэт Гудмунд сын Асбьерна зло высмеивает такого бедняка — «дармоеда», «юрода», который подобрался к богатому столу. Ему бросают рыбную кость и с позором прогоняют[288]. Очевидно, что оскорбить таких людей мог каждый хозяин: ведь у них *не было чести,* которую нельзя задевать безнаказанно.

К числу таких бедолаг относили бродячих артистов. В сагах почти нет упоминаний об участии в пирах бродячих артистов, или, как их называли, жонглеров, клоунов, музыкантов. Одно из редких упоминаний об этом находим в стихотворении Эйнара сына Скули, где скальд осыпает руганью «гусельника поганца», «грешного игреца», который за пятничным столом съел много мяса, «вольготно тешил плоть», за что и был высечен прутом[289].

Пренебрежительное отношение к простолюдину-музыканту и вообще бродячим артистам, которых запрещалось хоронить на освященной земле, находим и в последней главе Старшего Вестгёталага, странно «пристегнутой» к кодексу. Эта главка специально посвящена бродячим актерам (начало XIII в.), тем, «кто ходит с губной гармошкой или ездит со скрипкой или барабаном». Глава называется «Право музыканта», и по смыслу она связана с разделом о батраках того же закона. Там сказано, что ударенный кем-то музыкант остается «неотомщенным». Его можно унижать, заставляя, например, выполнять номер «с телкой». У этой телки сбривали шерсть с хвоста, который затем смазывали маслом, а музыканта заставляли надеть смазанные маслом башмаки. После этого он должен был гнать телку хворостиной

[287] Сага об исландцах. Гл. 148. С. 376. 1241 г.

[288] Поэзия скальдов. С. 73.

[289] Там же. С. 72.

с холма, одновременно держа ее за хвост. Если ему не удавалось удержать телку, присутствующие могли безнаказанно наносить ему оскорбления, даже увечить. Если же он телку все-таки удерживал (что, как уже ясно, было почти невозможно), то получал [на обед?] «хорошее животное» и мог наслаждаться им, «как собака наслаждается травой», т.е. до рвоты. И он никогда не должен просить «о большем праве, чем рабыня с с содранной кожей» (высеченная? — *А.С.*). Таково было одно из развлечений гётов еще в начале XIII в.

Зато, как уже говорилось выше, через столетие после этого кодекса и почти столетия после записи основного корпуса саг, в знаменитой «Хронике Эрика», об артистах на *пирах* королей и герцогов, особенно о щедром их вознаграждении хозяевами застолья, говорится уже неоднократно и в совсем ином тоне. Видимо, дело было в том, что артисты кочевали не только по соседним областям, но и, переходя через границы, появлялись в разных городах и при дворах различных государей. Они разносили добрую славу о милосердных и щедрых господах, худую — о злых и скупых, как было уже в XII–XIII столетиях во Франции, Англии, германских землях.

Некоторые соображения

Итак, маргиналы саг могут считаться лишь условно объединенной «стратой общественных низов», поскольку она состояла из весьма пестрых по составу групп. Но эти группы в целом были значительными по численности, судя по всему, даже более значительными, чем слой самостоятельных хозяев (если иметь в виду только собственные малые семьи последних). Очевидно, что говорить об общей маргинальности этих групп можно лишь в том смысле, что все они почти не имели общественного значения в глазах людей саги, могли не учитываться в политической борьбе как ее активные или ведущие персонажи, не были героями эпохи. При этом, как уже известно, в исторической перспективе одни категории маргиналов — домочадцы, рабы и отпущенники — постепенно, хотя и не быстро, будут сходить на нет, другие категории — наемные работники и держатели-ландбу — будут значительно расширяться, тоже постепенно, но довольно быстро превращаясь в особые, социально различные категории населения, которые будут внимательно учитываться законодательством и властями.

Несомненно, что домашнее рабство сыграло в обществе скандинавов важную роль, хотя бы уже потому, что, например, в эпоху викингов рабы поступали в Скандинавию из многих территорий Европы, даже из Малой Азии, даже из Северной Африки. Таким путем в регион попадали люди разных этносов и веры, а также владеющие самыми разнообразными умениями, что не могло не сказаться на эволюции культуры этого региона. Следует также отметить, что рабство в Скандинавском регионе долго сохраняло свои позиции.

Впрочем, возникает более общий вопрос: достаточно ли хорошо мы вообще представляем себе место и социальную роль рабства в средневековой Западной Европе, во всяком случае в раннее Средневековье? Ведь эта проблема как самостоятельная и значимая по-настоящему не исследована...

С конца эпохи викингов рабский труд в Скандинавии стал изживать себя, что превратилось в общественную тенденцию. Возможно, что данный процесс, как и формирование слоя держателей, стал заметно убыстряться именно на излете эпохи викингов и сразу же по ее окончании, когда нужда в рабочей силе уже не могла удовлетворяться путем набегов.

Материалы о маргиналах саг подтверждают, что в течение эпохи викингов в Скандинавии большое значение постепенно приобрела земля, соответственно, с работающими на ней людьми, как средство не только сельскохозяйственного производства, но и социального приоритета. Владение имениями, рядом дворов стало показателем высокого престижа. Если «Песнь о Риге» хвалит конунга за то, что он на богатства, нажитые в походах, приобрел 18 дворов, то теперь, в конце эпохи, счет идет на многие имения, приобретенные, купленные лично или (нередко) полученные от короля. В сагах часто говорится о том, что люди реализовывали добытые сокровища, приобретая хутора и имения. Это не значит, что викинги, особенно верхушка тогдашнего общества, отказались от щегольства, перестали увешивать себя ювелирными украшениями, носить дорогую одежду, высоко ценить красивое оружие и хороших верховых лошадей, устраивать широкие пиры, богато одаривать нужных людей, короче — демонстрировать и закреплять признаки своей элитарности. Просто выгоды от регулярного ведения сельского хозяйства и владения землей в ходе эпохи викингов постепенно стали уравновешивать, позднее же перевешивать выгоды от грабительских набегов, которые столь же постепенно приобретали вспомогательный характер. А с начала XII в., когда походы викингов так или иначе сошли на нет и в перспективе заменились государственными Крестовыми походами, изменились и характер зависимого труда, и его использование.

Заглядывая вперед, в это будущее время, отметим, что освобождение рабов без земли, как и испомещение их на землю господина, можно рассматривать в качестве одной из причин или условий складывания именно краткосрочной аренды земли, характерной для средневековой Скандинавии еще и в Новые времена.

Часть 6

О КОРОЛЕВСТВАХ, ВЛАСТИ КОРОЛЕЙ И «КОРОЛЕВСКОМ ДОСТОИНСТВЕ»

Краткие общие сведения и постановка проблемы

Письменных источников по самой ранней гражданской истории северных государств так мало, что нам не известны или плохо известны имена первых государей, не говоря уже о датах многих событий и самих событиях. Однако историкам путем комплексных исследований саг, европейских хроник и материалов ряда специальных исторических дисциплин удалось установить время объединения малых скандинавских королевств в три хотя бы формально единых государства, а также имена королей-объединителей и в какой-то мере упорядочить эти сведения. Вот они.

Издревле Скандинавские страны делились на этнотерриториальные объединения, каждое из которых занимало определенную область или район, что ранее занимали те или иные племена; они же давали ему название, которое используется по сей день.

Саги свидетельствуют, что стоявший во главе такого объединения вождь или малый король (малый конунг) имел свою дружину, с помощью которой сражался за территорию с соседними малыми королями. Так было по всей Скандинавии. Свеи, западные и восточные гёты, даны, юты, трёнды и другие скандинавские племенные союзы воевали между собой, с балтами, с другими соседними народами, и в ходе этих усобиц рождались и сплачивались ранние государства. Малого короля обычно окружали и поддерживали представители местных знатных родов, «большие люди» — стурманы, местные хёвдинги, годи. Время от времени они же сбрасывали вождя, ставя на его место другого, более им угодного. К началу эпохи викингов эти территориальные объединения укрупнились, каждое из них обрело свой центр в виде особенно хорошо укрепленного городка, как, например, Скара в Западном Гёталанде или (Старая) Упсала в Свеаланде.

По руническим надписям и данным археологии известно, что в VI–VIII вв. в свейской области Упланд, примыкающей с севера к озеру Меларен, образовалось государство варварского типа *Свитьод* («народ» или «удел/надел свеев»), о котором уже говорилось выше. Его центром была Старая Упсала (окраина современной Упсалы), с языческим капищем. В IX в. Римберт в своем «Жизнеописании св. Ансгария» пишет о малых королях свеев, один из которых через своего префекта правил Биркой. О формировании каких-либо государственных образований у гётов прямых сведений нет даже от IX–X вв., хотя некоторые ученые полагают, что развитие гётских областей шло быстрее, чем свейских, что объясняется их тесными связями с Данией и Норвегией, от которых Швеция тогда «отставала». Король Вестергётланда Инге Старый сумел захватить области Вермпаад и Смоланд, а затем вторгся в свейские земли, где подстерег и убил местного короля Свена. Став правителем Швеции, Инге начал распространять христианство. Но возникшее единое королевство снова распалось[1]. В конце X в. король свеев Эрик Сегерселль (Победоносный) в результате успешной борьбы с датским королем Свейном Вилобородым до самой своей кончины (ок. 994) управлял обеими странами. Объединение свеев и гётов, приведшее к образованию Швеции, произошло в начале XI столетия под властью Олава (совр. Улоф) Эрикссона Шётконунга[2], который был «достоверным» королем всей страны, владевшим, хотя бы номинально, обеими ее частями и объявившим христианство государственной религией шведов. После двоих его сыновей, однако, к власти пришел гёт Стенкиль, и на протяжении по меньшей мере ближайшего столетия власть в стране переходила из рук в руки, оказываясь то у гётов — династии Стенкелей, то у свеев — династии Инглингов.

В Дании, лидирующей в общественной жизни региона, первые достоверные сведения о наличии относительно прочных политических образований относятся самое позднее к VIII в., когда в Южной Ютландии, в самом узком месте на острове Самсё, был сооружен трехкилометровый канал со стенами, обшитыми досками (примерно 726 г.). Датчане также строили убежища-городища, окруженные рвами и земляными валами с палисадом. Тесно связанная с континентом, в частности с Франкской империей, Дания в 737/738 г. строит на юге полуострова Ютландия первый участок будущего грандиозного оборонительного вала, деревянного и засыпанного землей (Danevirke), а позднее и другие валы, защищающие страну от набегов могущественного соседа с суши. Такие грандиозные постройки свидетельствуют о наличии там достаточно сильной власти, объединяющей ряд территорий. Одновременно датчане боролись за первенство на северных торговых путях. О политических и торговых отношениях Дании с Франкской империей свидетельствуют

[1] Интересные (легендарные) подробности о ранних шведских королях см. в их комментированном перечне: IMS. S. 87 o. f. a.

[2] Что означает прозвище этого короля, который получил власть еще ребенком, не ясно. Но, скорее всего, оно произошло не от «skatt» (налог, подать), а от детской или, возможно, девичьей одежды (kappflik). См.: IMS. P. 86, прим.

«Анналы королевства франков». Но Датское государство VIII в. было непрочным, оно то объединялось, то рассыпалось вновь на основные островные ланды («земли»), владения малых конунгов. В IX столетии существовали два королевства в Ютландии: Южное (Шлезвиг) и Северное; затем четыре на Зеландии, одно в Сконе. Позднее земли всей страны время от времени объединялись в одно или два королевства или один король правил датскими и норвежскими землями либо областями Дании и Англии и т.д.[3]

В частности, у того же Римберта упоминается Хорик II как правитель области с центром в городе Хедебю (Хайтхабю), в Ютландии. Власть королей, а также их богатство зависели от того, удавалось ли им установить контроль именно над ютландским участком страны, а также над югом Скандинавского полуострова, с его проливами, соединяющими Балтийское и Северное моря. И примерно до 30-х гг. IX в. основное их внимание было сосредоточено на этих территориях и связано с династией Скьелдунгов[4].

В начале IX в. один из племенных вождей Годфред подчинил себе всю Данию, вместе со Швецией и Южной Ютландией. Во второй трети IX в. (после 935 г.) король Дании и Норвегии Горм Старый (Адам Бременский называет этого правителя-язычника «безжалостный Вурм»[5]) и его сын Харальд Блотанд (Синезубый) положили начало датской династии Кнютлингов. О первых Кнютлингах свидетельствует комплекс памятников в Йеллинге, прежде всего два камня с руническими надписями. В одной речь идет о почившей супруге короля Горма Старого. Второй поставил «король Харальд... по Горму, своему отцу, и по Тюре, своей матери, тот Харальд, который подчинил себе всю Данию и Норвегию и крестил данов»[6]. Этот камень и сегодня украшает Исторический музей Копенгагена. Харальд Синезубый правил, согласно преданию, 50 лет, около 960 г., «крестил данов» и умер не позднее 987 г. Именно в Дании (г. Лунд, Сконе) в 1104 г. было организовано первое, единое для всей Скандинавии архиепископство во главе с Ассером.

В начале XI столетия уже упоминавшийся Кнут Датский (Старый, Великий) создал настоящую Северную империю, центром которой сделал захваченную данами Англию и которая при его сыновьях постепенно распалась. В ожесточенной борьбе за датский трон (1042–1046) между королем Магнусом Норвежским и Свейном Эстридсеном (сыном племянницы или сестры) Кнута Великого, победил Свейн. Став королем Дании, он разделил ее на 7 епископских диоцезов, а последние — на приходы, наделил епископов земельной собственностью и ввел церковную подать. В 60-х гг. XI в. он организовал августинский монастырь, первый в стране. Опора на церковь надолго стала одним из принципов внутренней

[3] РХ. С. 326.

[4] Эта династия, возможно, пресеклась еще раньше, в VIII в.

[5] *Адам.* I:61.

[6] DR. № 41, 42.

политики датских королей, с трудом справлявшихся со знатью, относительно многочисленной в этой стране.

В 1070 г. шведский и датский короли, каждый в сопровождении шести своих советников, уточнили границы между Данией и Швецией, после чего юг Скандинавского полуострова остался за Данией на долгие столетия.

Эрик Добрый Датский (1095–1103) первым из скандинавских королей принял, пусть и весьма условно, участие в движении крестоносцев на Восток. Он добился в Риме канонизации Кнута Великого, в Константинополе встретился с варяжской гвардией императора и обласкал ее, затем двинулся как пилигрим в Иерусалим, но по дороге умер.

В 1154 г. Дания распалась на три королевства: полуостров Сконе и прилегающие южноскандинавские области, Зеландия и остальные острова, полуостров Ютландия вместе с ее южной частью — Шлезвигом. В эпоху викингов увеличивается значение Зеландии, которая играет связующую роль, с одной стороны, между островами и Ютландией, а с другой — между Данией и Сконе. Однако вскоре, в 1157 г., Вальдемар I Великий[7] (1135–1181) силой оружия вновь — и навсегда — объединил Данию.

В Норвегии, как и в Швеции, на престоле утвердились Инглинги, за исключением сорока лет, когда страной правил ярл Хладира Хакон Могучий, сын Сигурда (974–995), а позднее — ярл Эрик (1000–1015). Но еще в IX в. Харальд Прекрасноволосый сын Хальвдана (ок. 860–931/933), занявший норвежский престол в возрасте чуть ли не 10 лет, одержал убедительную победу над местными вождями и ополчением бондов в битве при Хаврсфьорде (ок. 870) и объединил страну, став основателем династии норвежских королей. При нем же началось и заселение Исландии. Первым христианским королем Норвегии стал его потомок Олав сын Трюггви. Он родился около 968 г., был избран конунгом на общем тинге в Эйрире, в 995 г. стал единственным правителем Норвегии и официально ввел в ней христианство, а также в Исландии и Гренландии. Погиб в битве при Свельде в 999/1000 г. Самым почитаемым из древних королей Норвегии является Олав Харальдсон Святой, который много претерпел и при защите христианства в стране, а также во время вооруженной борьбы за престол и в конце концов погиб в сражении (1030). В первое десятилетие XII в. в Крестовый поход ходил принадлежавший к одному из самых знатных родов страны Сигурд Магнуссон, который под именем Сигурда Паломника (в русской традиции «Крестоносца») стал королем Норвегии (1122/23–1130).

Единое государство образовалось по существу тогда, когда некий правитель достигал верховной власти над отдельными политическими образованиями и становился во главе достигнутой его стараниями политической общности. Этот процесс

[7] Рано потеряв в междоусобицах мужа, мать будущего Вальдемара Великого, которая была дочерью *русского князя Мстислава Великого, бежала к родным на* Русь. Там и вырос *будущий объединитель* Дании, с правления которого началось блестящее «столетие Вальдемаров». Считается, что и его имя «Владетель мира» происходит от русского «Владимир».

всегда получал *персонификацию* в лице отдельных королей и проявлялся через их деятельность. Конечно, для образования единого государства должны сложиться некие базовые социально-политические условия. Об этих условиях саги не дают убедительных сведений. Зато они дают яркое представление об изначальной непрочности таких объединений, о том, какими методами пользовались короли для получения верховной власти и какие полномочия они обретали, ее получив.

В средневековом обществе верховная власть, как известно, принадлежала монархам. Приведенные выше общие данные о первых монархах Скандинавии, с трудом добытые поколениями ученых, в лучшем случае констатируют события и не имеют живой окрашенности. За конкретными подробностями, за красками живой действительности следует обратиться прежде всего к сагам. Как отразилось в сагах сложение единых государств — Норвегии, Швеции и Дании? Как оценивали современники монархов и их власть, как ее понимали? Что говорят саги о путях, которыми эта власть достигалась, удерживалась и передавалась? Как выглядит в сагах дихотомия *король и общество*? Короче, какие образы политической реальности того времени, времени начала единых Скандинавских государств, рисуют саги?

Здесь возникают темы, несомненно, общего характера, но и важные сами по себе — в аспекте социополитического анализа *институтов власти* вообще. Это: полномочия, права и обязанности монарха, его реальная деятельность, состав его окружения и характеристика правящей элиты, методы и рычаги управления, материальные основы власти, образ жизни короля и его двора, отношения главы государства с подданными — будь то знать разного уровня, церковь или бонды; ритуалы, соблюдаемые королевской властью, и ее символы; наконец, осознание монархом понятия единой государственности и своего места в ее системе. Эти темы отражены сагами и сопутствующими им материалами, но далеко не в удовлетворительной степени и поэтому не всегда могут быть раскрыты в этой части.

БИТВЫ ЗА ПРЕСТОЛ И РОЖДЕНИЕ ЕДИНЫХ СКАНДИНАВСКИХ ГОСУДАРСТВ

Борьба между знатными семьями за приоритеты, которая являлась непременным спутником и важным проявлением процессов государственного строительства в средневековой Европе, началась намного раньше, чем борьба между отдельными конунгами за верховную власть приобрела повсеместный характер. Сведения о ней проходят тенью через скудные источники по скандинавской истории VIII–IX вв. и представлены в сагах, рисующих соперничество между знатными семьями еще в условиях малых королевств, столкновения между последними, а затем борьбу за верховную власть между малыми королями.

В эпоху викингов конфликт в среде скандинавской знати решался ею в основном за счет ограбления жителей чужих территорий; и, как известно, крупные викинги, если они не нашли нужных условий на родине, получали важный статус в иных землях, где и обосновывались вместе со своей семьей и дружиной. Можно говорить, что происходил известный выплеск, «вывоз социальных конфликтов» за пределы страны[8]. В то же время вследствие этих обстоятельств формирование единых государств у скандинавов происходило в условиях войны, осложненной международными конфликтами, а путь к престолу в каждой стране был тесно связан с «внешними» войнами.

Первая же проблема из серии, связанной с процессом государственного строительства, — это пути достижения и сложение центральной власти.

[8] То, что происходило во внутриполитической жизни Скандинавии после окончания эпохи викингов, весьма наглядно демонстрирует «Сага об исландцах». Созданная в конце XIII в., она почти исключительно посвящена междоусобицам тамошней знати. Ее автор Стурла Тордарсон вполне натуралистично и во всех деталях описал эти события, которые начались еще в XII столетии и в которых он сам позднее принимал участие. Содержание саги составляет борьба за верховенство и собственность между кланами исландской родовой знати. К описываемому времени в ее среде сложилось два основных лагеря, борьба между которыми длилась десятилетиями; она была необыкновенно острой, порой выливаясь в кровавые побоища, а также сопровождалась множеством коварных убийств, разорением вражеских хуторов и разделом имущества побежденных. Эта объемная сага представляет собой яркую картину жесточайших усобиц в среде властной элиты, в итоге которых, как известно, победивший клан получал либо верховную власть, либо главенствующие позиции при существующем монархе. В Исландии таким монархом был король Норвегии, которому на альтинге 1262 г. исландцы присягнули на верность и обязались платить подати, т.е. отдались под его власть, чем завершили *период народовластия* на своем острове. Мы не можем останавливаться на подробностях этих междоусобиц: они выходят за пределы задач этой книги. Но упомянуть о содержании этой саги стоит хотя бы потому, что в ней выразительно и конкретно передается накал социальных конфликтов, вспыхнувших по окончании эпохи викингов и непосредственно перед объединением страны. Мне представляется также, что сочинение Стурлы Тордарсона дает известное представление о политической ситуации и борьбе *накануне образования единого средневекового государства вообще*.

Условия возвышения и захвата власти

Даже при поверхностном знакомстве с сагами очевидно, что короли, методы достижения и удержания ими центральной власти, их отношения между собой и с подданными, их образ жизни, облик, нравственные принципы, их судьбы, их битвы, победы, поражения и смерть занимают в сагах одно из самых значительных мест. Правителям посвящены «королевские саги», речь о королях так или иначе идет в большинстве «родовых» и прочих саг.

Необходимо напомнить, что фольклорные основы саг и средневековой поэзии, как скандинавской, так и тесно связанной с ней (по меньшей мере до конца эпохи викингов) поэзии англосаксонской, да и повествовательные материалы того времени особо выделяют и более подробно говорят о знаменитых королях, чьи деяния сохранились в исторической памяти ближайших, а затем и отдаленных потомков. Это может быть один из героев поэмы «Беовульф» (ст. 1018) Хродульф — Хрольф Краки (Жердинка, герой саги о нем), который имел, по мнению создателей поэмы, блестящий двор и совершил громкие подвиги. Это два короля по имени Олав, в конце X и в начале XI столетий объединявшие и крестившие Норвегию. Это и Олав Шётконунг Шведский, который прославился как креститель и первый христианский король объединенной Швеции. Это датские короли: Харальд Точило (или Точильный Камень, 1074–1080) — «муж замечательный, правитель справедливейший...», и Вальдемар Датский (1157–1182), заслуживший прозвание Великий, герой популярной баллады «Вальдемар и Тове» (где, впрочем, достоверно только прославленное королевское имя Вальдемар)[9].

Так или иначе, но все имеющиеся материалы непреложно свидетельствуют о том, что верховная власть королей складывалась, оставляя позади реки крови и груды недвижных тел. И этот процесс продолжался на протяжении всей эпохи викингов, хотя формально был закреплен лишь в законодательстве XII–XIV вв.

Уже не раз в ходе предыдущих очерков становилось очевидным, что, хотя понятие королевской власти к эпохе викингов существовало уже далеко не первое столетие, *представление* о ней носило еще *племенной* характер, а *система престолонаследия* оставалась совершенно неупорядоченной. К тому же существовало множество малых королевств, союзов племен, которые занимали свои наследственные территории, что запечатлено в названиях исторических областей скандинавского мира: Ютландия, Трандхейм, Восточный и Западный Гёталанд и мн. др. Внутри этих уже значимых областных политических общностей во времена саг в ряде случаев выделялись более мелкие политические образования, каждое из которых возглавлял свой конунг.

[9] Вальдемар из этой баллады мог быть и шведским королем — сыном Биргера и первым королем династии Фолькунгов-Биргерссонов (последняя четверть XIII в.), так как они оба были женаты на женщинах по имени София, которая упоминается в данном произведении. См.: Скандинавская баллада. С. 42, 44 и сл.; с. 250, прим.

«Много конунгов в Упплёнде», — пишет Снорри Стурлусон об одной из областей Норвегии[10]. Действительно, в Норвегии до 70-х гг. IX в. правили в той или иной мере малые «конунги племени» (fulkis konungr), которые возводили свой род к богам. И так же обстояло дело в Швеции (вспомним конунгов свеев, о которых пишет Римберт) и, тем более, территориально раздробленной Дании. «Конунгов было много, и у каждого была своя дружина», — свидетельствует он же в «Саге о Харальде Серая Шкура»[11]. Точнее, было много разных правителей, так как наряду с малыми королями, прямыми наследниками племенных вождей, власть в других областях нередко на таких же условиях принадлежала ярлам[12]. И чтобы стать если не единственным, то хотя бы *главным* королем — а именно таким путем нередко складывались монархии, — следовало победить, подчинить или уничтожить всех прочих конунгов, даже в том случае, когда претендент был сыном правителя, уже им выбранный в наследники своего престола.

Но для того чтобы получить власть, а затем удержать ее хотя бы на несколько лет, претендент на роль верховного правителя должен был иметь ряд качеств и отвечать известным условиям, которые во многом определялись его личными свойствами, а не только объективными обстоятельствами и волей прихотливого случая.

Во-первых, такой «кандидат» должен был принадлежать к *знатному роду* и иметь своими предками малых конунгов или ярлов. Это условие саги подчеркивают так часто, что его можно считать само собой разумеющимся (хотя не были исключены и случайности).

Во-вторых, он должен быть *отличным воином,* иметь богатый воинский опыт — опыт личного и доблестного участия в сражениях. Воинская слава в высшей степени увеличивала шансы любого, кто хотел бы считаться не только королем, но и хёвдингом. В мифологической «Саге о Вёлсунгах» (гл. XXX) о ее герое (и вообще знаменитом герое северных сказаний) говорится, что убийство им чудовища Фафнира «дороже стоит, чем вся держава Гуннара конунга»: «Сигурд змея сразил, и слава об этом / не может померкнуть до гибели мира», — пишет об этом скальд[13].

В-третьих, он должен стоять во главе определенного числа преданных профессиональных воинов — *дружины,* а если предстоит сражение, то собрать возможно больше воинов-*ополченцев*.

В-четвертых, выйдя победителем из схваток с соперниками, он должен заручиться *согласием своих подданных* на то, чтобы стать их королем. Это согласие следовало получить в результате процедуры выборов на тингах (*путем голосования*), как центральных, так и провинциальных. Иначе говоря, будущему королю следовало

[10] КЗ. С. 184.

[11] Там же. С. 89.

[12] ИС I. С. 65. В Трёндалёге, например, правили именно ярлы.

[13] КИ. С. 229.

позаботиться о своей социальной опоре, о поддержке у знати и простых бондов, причем не только при достижении трона, но и усевшись на него.

В-пятых, король должен обладать значительными *материальными ресурсами*: запасами чеканенной монеты или сокровищ, дорогого оружия, земельных владений и прочего имущества, необходимого хотя бы для того, чтобы платить воинам, прежде всего дружине, а также кормить ополченцев, одаривать союзников и подкупать противников.

В-шестых, он должен создать систему *собственных владений*, которые служили бы опорными пунктами реализации его власти.

Наконец, король должен был пройти процедуру посвящения, или *инаугурации*, получив при этом некие предметы-символы, обладание которыми окончательно подтверждало легитимность его верховной власти.

В процессе дальнейшего изложения постепенно рассматриваются все условия захвата и удержания власти королями, конечно, в той мере, в какой это позволяют сделать саги и сопутствующие материалы. В центре исследования оказалась силовая, прежде всего военная деятельность претендентов на престол, и это понятно, ведь именно война, *прямое насилие* в большинстве случаев были решающим средством захвата власти.

Воинская доблесть ценилась особенно высоко, и все короли были воинами. Сигмунд-конунг был «стар, — говорит «Сага о Вёлсунгах», — а все же сражался он люто и все время был впереди своих»[14]. Короли, как и все знатные люди, сражались, говоря современным языком, на нескольких фронтах — и во внутренних междоусобицах, и в викингах, куда устремлялись на своих маневренных дракарах вместе с дружинами. Из саг хорошо видно, что практически все скандинавские монархи в молодости прошли школу викингов, приобретая воинский опыт и средства, необходимые для содержания своих людей. А затем при необходимости снова и снова становились на этот путь уже в годы правления. На воинский опыт и на богатства, лично добытые в викингах путем грабежа, активной торговли и даней, опирались будущие короли Скандинавских государств при завоевании власти, а затем не раз шли этим путем, свою власть удерживая и укрепляя. Не был для них напрасным и государственный опыт, полученный на престолах малых королей и ярлов, а также почерпнутый при командовании дружинами или/и участии в управлении другими государствами. Открытая битва, коварное нападение из-за угла, убийство и грабеж были обычными приемами в этой борьбе.

Конунг раннегосударственного образования свеев Свитьода (VI–VIII вв.) Стурлауг в борьбе с норвежским малым конунгом Хрольвом активно жег и грабил его земли, торопясь к йолю вернуться домой и хорошо провести новогодний

[14] Там же. С. 195.

пиршественный сезон[15]. И тот же Стурлауг ходил в грабительские походы в Бьярмаланд (Северо-Западная Русь). В 20-х гг. IX в. конунг свеев Эрик Эмундссон нападал как викинг на Восточную Прибалтику. Шведский король Эрик Победоносный считался образцом морехода и воина.

Норвежский ярл Рёгнвальд явился в селение, где на пиру присутствовал Вёмунд, бывший ярл, а затем малый конунг, и сжег его в доме вместе с девятью десятками других людей[16]. Норвежский ярл Хакон (X в.) грабил эстов и данов. Креститель Норвегии король Олав сын Трюггви (995–1000) до своего возвращения в Норвегию «много воевал и награбил» («Прядь о Торстейне Морозе»), ходил викингом в землю вендов и в Англию и погиб в морской битве со шведами при Свельде, «обманутый ложным птицегаданием» (т.е. гаданием на внутренностях птиц, 1000 г.)[17]. Будущий святой король Олав Харальдссон много был в викингах и также погиб в битве. Харальд Суровый, правитель Норвегии (1045/46–1066), служил в юности в Константинополе, в императорской гвардии, где варяжская дружина занимала особую часть города вблизи дворца; он имел успех у дам из семьи императора, а вернувшись домой, грабил Данию и жег там мирные поселения («Сага о Харальде Суровом», гл. XXX, XXXIV). Погиб же он во время неудачной военной экспедиции в Англию.

«Сага о сыновьях Магнуса Голоногого» (гл. 1), события в которой происходят на рубеже XI–XII столетий (король правил в 1093–1103 гг.), подтверждает, что походы викингов под началом королей, в сущности, продолжались и в XII в. У этого короля было три сына, и, умирая, он поделил между ними страну. Один из сыновей, Сигурд Магнуссон, был особенно интересной личностью. Еще юношей он на 60 кораблях отправился в Англию, а затем годами плавал по Средиземному морю, воевал с язычниками-сарацинами, много грабил, побывал на Сицилии и в Константинополе, куда прибыл на корабле с парчовыми парусами. А домой возвращался через Болгарию, Венгрию, Паннонию, Саксонию, Шлезвиг, проделав весь путь верхом. Став конунгом примерно в 40 лет, он, в частности, способствовал процветанию города Конунгахелла (на юго-востоке страны) и построил там церковь, но почти всю свою жизнь провел в викингах.

«Роскилльская хроника» дает ясные представления о войнах, которые вели датские короли начиная с IX в. Харальд Клак, который правил в Дании в 10–20-х гг. IX в., как мы знаем, ходил на франков и был даже предусмотрительно крещен императором Людовиком Благочестивым. Сын Горма Старого король Харальд Синезубый (ок. 950–986/987), который первым ввел в Дании христианство, воевал с поморскими славянами, в Восточной Прибалтике и утвердил свою власть на юге Скандинавского полуострова. Его сын Свейн Вилобородый (986/987–1014) трижды попадал в плен

[15] См. подробно: СОДВ. С. 156–157.

[16] ИС I. С. 67 (Сага об Эгиле).

[17] РХ. С. 328.

к полабским и поморским славянам-склавам, а незадолго перед кончиной «завладел Британией». Кнут Великий Датский правил более 30 лет, имея под своей властью и Норвегию, и Англию.

Короли сражались рядом с простыми воинами, их доблесть испытывалась оружием, и многие из них погибали в междоусобицах и в заморских экспедициях.

Последним королем-викингом, павшим в битве, считается Харальд Суровый Норвежский, который в 1066 г. предпринял попытку вновь покорить освободившуюся от власти скандинавов Англию. Но и позднее датские короли, памятуя об англо-скандинавской империи Кнута Великого и стремясь продлить выплаты Англией «датских денег» (см. часть 1), собирали военные экспедиции в Англию, уже попавшую под власть Нормандской династии. Известны их безрезультатные походы 1069/70 г. и несостоявшийся поход 1085 г.[18]

Таким образом, последняя волна активных походов викингов, которую отсчитывают примерно с 980 г., сошла на нет лишь к концу XI — началу XII в. А в предыдущие три — три с половиной столетия жизнь скандинавских правителей постоянно проходила в викингах. И, как правило, начиная борьбу за власть, а затем борясь за то, чтобы ее удержать, будущие верховные короли часто прибегали к помощи воинов-викингов из соседних стран и нередко приглашали на службу берсерков.

Под знаком креста и под предводительством королей или членов их семей проводились и последующие — с конца XII — XIII в. — военные экспедиции: в далекую Святую землю, но главным образом в близкие Прибалтику и Карелию.

«Сага об Олаве Святом» свидетельствует, что споры из-за территорий и торговых путей не прекращались между конунгами, их сыновьями-наследниками, родичами и соседями никогда. Так, потомки Харальда Прекрасноволосого правили Норвегией с IX до последней трети XII в., но в каждом поколении дяди, братья и сыновья короля боролись за его престол, убивая друг друга. Началось с того, что любимый сын Харальда Прекрасноволосого Эйрик Кровавая Секира, которого он нарек своим преемником, после смерти отца убил почти всех своих братьев. Роду Инглингов — королевской династии норвежцев и шведов — убийства из-за власти было даже предсказано; скорее всего, однако, это предсказание является вымыслом или поздней вставкой, своего рода объяснением исторической реальности. О непрерывных ссорах и сражениях между соседними скандинавскими королями и ярлами в XI в. пишет Адам Бременский. В уже упоминавшейся «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого» рассказывается, как в борьбе за престол брат убивает брата. Свейн Вилобородый, датский конунг, убил своего отца Харальда Синезубого и, судя по некоторым данным, отменил христианство, им введенное. А «Сага о сыновьях Харальда Гилли» признает, что в случившейся тогда междоусобице люди готовы

[18] РХ. С. 325, 327–329 и сл.

были убивать даже детей своего противника[19]. Саги свидетельствуют, что эта яростная борьба продолжалась довольно долго[20]. Дележ и передел власти между королями и в королевских семьях — поучительные и тяжелые страницы истории не только того времени[21], но и нескольких следующих за ним столетий.

В условиях борьбы всех против всех приходилось либо бороться, либо терять свое королевство, часто вместе с жизнью. Конунги малых королевств сражались не только за выживание, но и за верховенство, и в процессе этой борьбы происходило слияние самих малых королевств. На первых этапах эпохи викингов между собой враждовали правители территориально-племенных объединений — ранних государственных образований, как, например, у тех же свеев и гётов или других пограничных политических общностей. В поэме о Беовульфе сказано, что постоянно воевали (на море) даны и фризы, соседи англов по Балтике (ст. 1069 и сл., 1071). Распрям между данами и фризами посвящена и англосаксонская средневековая песнь «Битва в Финнсбурге», возникшая в догосударственные времена[22].

Теперь — о *военных опорных пунктах* королей. В междоусобицах и при защите от нападений, в том числе со стороны многих находников, важную роль играли крепости, или, как их обычно называли, «борги» («бурги»), окруженные валами. В то время их сооружали из земли, иногда укрепляя вал снаружи бревнами. Поверх вала сооружали палисад-частокол из заостренных бревен, направленных наружу, а вокруг выкапывали ров. Эти земляные бастионы нельзя недооценивать: в то время они были достаточно неприступными, прежде всего внутри самой Скандинавии и на Балтике. Короли специально сооружали такие крепости, а также укрепляли свои резиденции.

Когда норвежский конунг Магнус Голоногий (рубеж XI–XII вв.) со своим войском стал захватывать Западный Гёталанд, он с боями дошел до озера «Венир» (совр. Венерн); и там, на острове, они соорудили «крепость из дерна и бревен»,

[19] Сага подчеркивает это не случайно: убийство чужих детей считалось «позорным поступком» и «злодеянием».

[20] Судя по «Саге о Магнусе Слепом и Харальде Гилли», Магнус (1130–1135) был избран конунгом норвежцев после смерти своего отца Сигурда Крестоносца (1103–1130) в Осло, где собрался тинг всей страны. Но правил «несправедливо». Дядя Магнуса и брат покойного Сигурда Харальд Гилли был популярен в народе («всеми любим»), так что Магнус был вынужден поделить страну с Харальдом. Но между ними началась борьба, во время которой они грабили и убивали мирных жителей. В конце концов Харальд разбил Магнуса, а его рабы зверски искалечили побежденного противника (ум. 1139). Харальд, раньше столь нравившийся бондам, убил даже епископа Магнуса, добиваясь от того сведений о сокровищнице конунга. В процессе междоусобиц дошло даже до того, что воины одного из соперников сожгли палаты неугодного их вождю ярла, где он находился вместе с дочерью и другими людьми, так что им пришлось спасаться через подземный ход. А сыновья Харальда Гилли (см. «Сагу о сыновьях Харальда Гилли», гл. III и др.), борясь за власть, призывали на помощь соседей из-за границы, и тогда уже все население подвергалось ограблению. Противники жгли даже церкви и, заодно, священников. Таким же образом на полтора столетия раньше (ок. 1000) при помощи соседей, Олава Шётконунга Шведского и короля Свейна Вилобородого Датского, был разбит в морском сражении при Свольде (в проливе Эресунн) норвежский король Олав сын Трюггви.

[21] См.: КЗ. С. 414–415 и сл.; IMS. P. 85–87 и мн. др.

[22] Древнеанглийская поэма. С. 5–7.

окопали ее рвом. Дело было осенью. Туда доставили «съестные и другие необходимые припасы. Конунг оставил в крепости «отборное войско» — триста шестьдесят воинов с двумя командирами, сам же вернулся в Вик (городок и область на юго-востоке Норвегии). Узнав все это, шведский конунг Инги сын Стенкеля дождался, пока озеро замерзнет, и с тремя сотнями воинов осадил крепость. Сначала он предлагал норвежцам уйти, оставив награбленное и забрав лишь свое добро — оружие, коней и припасы. Те отвергли это предложение. Началась осада. «Конунг [шведский] велел подвезти камни и бревна и засыпать ров. Затем он велел взять якорь, привязать его к длинному бревну и забросить на деревянную стену. Множество людей взялись за бревно и разломали стену. Затем развели большие костры и стали метать горящие головни в норвежцев. Тут норвежцы попросили пощады, и конунг велел им выходить без оружия и плащей, и когда они выходили, каждого из них секли прутьями». После этой унизительной процедуры норвежцы возвратились на родину, «а жители пограничных лесов», которые они сжигали, «вернулись под власть Инги конунга» (гл. XII–XIII).

В «Саге о Магнусе Слепом и Харальде Гилли» (гл. X–XI) Снорри рассказывает о защите крепости у города Конунгахелла (в устье реки Гёты) от приплывших на кораблях вендов. Их конунг Реттибур привел с собой военачальников — знатных людей, а всего у него было «пять с половиной сотен вендских шнек, и на каждой шнеке было сорок четыре человека и две лошади». Отправив часть воинов на веслах вверх по реке, Реттибур осадил город с двух сторон. Сначала он выиграл жестокую схватку с купцами у пристани, где венды потеряли почти половину кораблей вместе с людьми; но затем нападавшие ограбили купеческие корабли и сожгли их, а потом сожгли дотла и город. «После этого они двинулись всем войском к крепости и приготовились к ее осаде». «Реттибур конунг велел предложить тем, кто укрылся в крепости, сдаться и обещал, что выпустит их из крепости с одеждой, оружием и золотом». Но осажденные отвергли это предложение и «взошли на стены крепости. Одни стреляли из луков, другие метали камни, еще другие — колья». Когда у них кончились стрелы, стали рубить надвое колья. Осаждавшие крепость венды несли большие потери. Среди них был снайпер, «стрелок из лука, который каждой стрелой убивал человека. Перед ним стояли два воина со щитами», они защищали его, но обороняющимся удалось отвлечь одного из щитоносцев и выстрелить так, что «стрела прошла между щитами, попала стрелку в лоб и вышла у него на затылке». И Снорри, симпатии которого ясны, продолжает: «Когда венды увидели это, они все завыли, как собаки или волки». Но поскольку обороняться было уже почти нечем, осажденные приняли предложение сдаться, но при том условии, что их выпустят с оружием, одеждой и тем, что они смогут унести из своего добра. «Это было очень опрометчивое решение, ибо язычники [венды] не сдержали слово». Они всех взяли в плен, многих убили, прежде всего раненых и вообще тех, кого было «трудно взять с собой». Крепость они разграбили, а позднее сожгли и городскую (главную?) церковь

Креста, разделили пленных между собой и увезли их. Пленники «долго оставались в Стране Вендов в рабстве», а те, кому удалось освободиться и вернуться домой, «стали жить хуже, чем раньше». Сага свидетельствует, что торговый городок Конунгахелла уже не смог достичь прежнего процветания; к этому можно добавить, что через пару столетий Конунгахелла уже вообще перестала фигурировать среди торговых городов страны.

Такие методы борьбы — усобицы, мародерство и открытые сражения между соседними королями — можно считать типичными и для внутрискандинавской жизни[23].

Саги сообщают и некоторые другие интересные сведения о порядке тогдашних сражений, о чем отчасти говорилось и ранее (в части 2). Перед началом битвы происходила перебранка, обмен похвальбами, угрозами и оскорблениями в адрес противника[24]. Иногда стороны выдвигали «поединщиков» — по одному лучшему, прославленному воину, для их схватки между собой. Сражение обычно начиналось утром: в «Старшей Эдде» («Речи Регина») прямо говорится, что не годится, не стоит вступать в битву вечером[25]. Схватки на суше происходили как с оружием, так и врукопашную. В морских сражениях в ход шли копья, дротики, стрелы; а когда дракары или другие суда сцеплялись баграми и крючьями борт к борту, то, как уже говорилось, воины брались за секиры и мечи. В таких битвах поведение каждого было на виду, и требовалось большое мужество и искусство, чтобы уцелеть, тем более одержать победу. Из саг не ясно, были ли приняты у скандинавов конные сражения. То, что воины имели боевых верховых лошадей, следует из ряда саг. Вполне привычными были и такие необходимые для конницы атрибуты, как уздечка, седло и шпоры. Но не исключено, что в эпоху викингов воины, как издавна было принято у германцев, перед сражением спешивались и бились пешим строем.

Подобным же образом сражались противники и во время острого соперничества знатных родов каждого королевства, особенно из-за власти, политического верховенства.

Вообще практически вся скандинавская знать, включая семьи конунгов, была между собой в родстве или свойстве. Первые короли Швеции и Норвегии вышли из общего рода Инглингов; к тому же они, как и датские короли из рода Кнютлингов, имели родственные связи в соседних германских, балтских, славянских землях. Поэтому династические счеты были крайне запутанными, а распри из-за них трудноразрешимыми. Дело осложнялось тем, что сама *система престолонаследия долго была неупорядоченной*, как, впрочем, в большей или меньшей степени по всей Западной Европе.

---

[23] КЗ. С. 474, 508.

[24] Беовульф. Ст. 678 и сл.; КИ. С. 191–192.

[25] Старшая Эдда. С. 22. Ср.: Беовульф. Ст. 3021.

Поскольку майората в Скандинавии не существовало, король мог завещать трон младшему или самому любимому сыну. Но его завещание соблюдалось отнюдь не всегда, поскольку права на престол принадлежали как бы всему королевскому роду и корону могли наследовать или захватывать братья, дяди, племянники, побочные дети короля. Датскому королю Свейну Эстридсену, близкому родичу короля Кнута Великого (первая половина XI в.), наследовали поочередно пять его сыновей-бастардов. В Норвегии Магнус Добрый сын Олава Святого (Толстого) одно время делил управление страной со своим дядей по отцу Харальдом Суровым (40-е гг. XI в.), а затем с кузеном Олавом Тихим. Одновременно начали править и три сына конунга Магнуса Голоногого (1093–1103). Второму из них, пережившему братьев, наследовал четвертый сын — Харальд Гилли, а позднее правили в разной последовательности три сына последнего. После внука Харальда Гилли — Харальда Широкоплечего (1161–1162) правил внук его брата Магнус Эрлингссон и т.д. Если правили одновременно отец и сын, или несколько сыновей покойного короля, или его другие близкие родичи, то все они называли себя и считались конунгами. Неупорядоченность престолонаследия была серьезным фактором возникновения междоусобиц, разнообразные побудительные мотивы и жесткие методы которых мучили народы на протяжении столетий.

«Сага об Инглингах» рисует раннюю историю королевских родов Норвегии и Швеции как кошмарную в своей обыденности череду убийств конунгами друг друга и гибели множества знатных людей, соперничества и убийств родных братьев и вообще близких кровных родичей.

Произошло это так. Ингъяльд сын конунга Энунда Дорога, придя к власти в Упсале, решил стать единственным конунгом. Дело в том, что «власть конунга стала распыляться в роду [Инглингов] по мере того, как он разветвлялся».

Дошло до того, что «некоторые конунги расчищали лесные дебри, селились там и так увеличивали свои владения» (!). И к моменту прихода к власти Ингъяльда «было много местных конунгов». Так вот, «Ингъяльд велел устроить большой пир в Упсале, чтобы справить тризну по Энунду конунгу, своему отцу».

Это было время середины зимы, и все малые конунги собрались в Упсале для главного жертвоприношения. «Ингъяльд велел построить палаты, не менее просторные и роскошные, чем палаты конунга в Упсале, и назвал их палатами семи конунгов. В них было приготовлено семь престолов. Ингъяльд конунг послал гонцов во все концы Швеции[26] и пригласил к себе конунгов, ярлов и других знатных людей» из разных свейских областей.

На эту тризну приехали шесть конунгов, не явился только конунг области Сёдерманланд, так что, когда приехавшие конунги расселись «по престолам», один из престолов остался свободным. Все, кто приехал, «были размещены в новых

[26] Судя по тексту, речь идет о Свеаланде.

палатах. Ингъяльд разместил свою дружину и всех своих людей в своих палатах». После того как Ингъяльд, согласно обычаю (см. ниже), был провозглашен конунгом, принесли Кубок Браги. «Ингъяльд конунг встал, взял в руки большой турий рог и дал обет увеличить свою державу вполовину на все четыре стороны или умереть. Затем он осушил рог».

Когда вечером опьяневшие гости разошлись по приготовленным для них спальням, Ингъяльд велел своим людям вооружиться, как было заранее договорено, что они и сделали. Затем они отправились к новым палатам и подожгли их. «В них сгорели шесть конунгов и все их люди. Тех, которые пытались спастись, немедля убивали. После этого Ингъяльд конунг подчинил себе все те владения, которые принадлежали [этим] конунгам, и собирал с этих владений дань»[27].

Всего же Ингъяльд обманом и жестокостью погубил 12 малых конунгов, обольстив их всех обещаниями мира. Согласно легенде, он был потому таким жестоким, что его накормили жареным волчьим мясом[28]. Он вошел в историю страны как Ингьяльд Коварный, и именно он в результате своего злодеяния объединил земли свеев (гл. XXV–XXXIX и сл.). Однако позднее сожгли и его, это произошло, видимо, где-то в конце VIII — начале IX в. Первым общим королем всех свеев считается Эрик Победоносный (ок. 985).

О войнах «племени шведов» (свеев) и гаутов (гётов), о битвах между ними свидетельствуют англосаксонские поэтические произведения, особенно эпическая поэма «Беовульф» (ст. 2395, 2920 и сл.) и средневековая песнь «Видсид», восходящая к очень ранним временам (ст. 31); оба произведения проникнуты гётским патриотизмом. В первом из них сказано, что некоторые сражения происходили именно на пограничной территории — на льду озера Венерн. Впрочем, в «Младшей Эдде» лед озера Венерн является местом битвы между гаутами и норвежцами, так что, скорее всего, с гаутами сражались и те и другие. Позднее соперничество между соседними свейским и восточным гётским королевствами вылилось в борьбу между правящими там знатными семьями: эстгётским родом Сверкеров и свейским родом Эриков, при активном вмешательстве соседних стран. Объединение Швеции произошло, как уже известно, при гёте Олаве Шётконунге (ок. 990/995 — ок. 1022/24), который формально собрал под своей властью оба королевства и пробыл конунгом 27 лет. В мифологической «Саге о Хервёр» о нем говорится, что «он был конунгом долго и был могущественным. И в его дни была Швеция названа христианской»[29]. С тех времен шведские короли в течение многих столетии именовались rex Sveorum Gotorumque, т.е. «король свеев и гётов». После смерти Эмунда Старого (1060) и прекращения в Швеции рода Инглингов власть захватил

[27] КЗ. С. 31–32.

[28] Там же. С. 30.

[29] IMS. P. 21.

вестгётский «большой человек» (предводитель) Стейнкель, основавший в Швеции как бы новую династическую традицию. После его кончины (1066) добился власти его сын Инге Старый (ок. 1080 — ок. 1110). В «Саге о Магнусе Голоногом» говорится, что Инге сын Стейнкеля считался могучим конунгом и, естественно, претендовал на Вестгёталанд (Западный Гётланд). Эта область хотя и тяготела к родственному ей Эстгёталанду, но вместе с тем была в ощутимой зависимости от Норвегии. Судя по «Саге об Инглингах», в 30-х гг. XII в. было достигнуто соглашение, что представители свейского и гётского родов будут править поочередно. Это соглашение вроде бы действовало до середины XIII в., но на самом деле и те и другие вне всякой очередности свергали, изгоняли и убивали друг друга. Чтобы не потерять гётские земли, свеи смирились с тем, что трон Швеции долго «перекидывали» друг другу представители гётских и свейских королевских семей — Стейнкелей, Эриков, Сверкеров, Фолькунгов-Биргерссонов, причем гётские королевские роды решительно преобладали[30].

Всего в хронике «Христианские короли Швеции» перечислены 18 королей, правивших страной с начала XI до второй трети XIII в., т.е. от Олава Шётконунга до Юхана Сверкерссона (1116–1222). С особым почтением говорится в «Хронике» о роли Сверкеров, за которых к Богу возносят благодарственные молитвы. Однако старший Сверкер был убит (ок. 1156). Сменивший его Эрик (Йердвассон), впоследствии канонизированный, «силой захватил королевскую власть», но вскоре погиб (1160) от руки Магнуса, считавшегося «датчанином», поскольку он был сыном шведской принцессы Ингрид от ее первого мужа, датского принца. Тем не менее Магнус претендовал на шведский престол и получил его. Его брат попытался проделать нечто подобное с Вальдемаром I (Великим) в Дании, но был уличен и ослеплен. Затем, как говорится в хронике «Христианские короли Швеции», сын Сверкера Карл «лишил жизни короля — [своего] дядю Магнуса в [шведском городке] Эребру» и сам стал королем (ок. 1160 — ок. 1167). Некоторое время спустя сторонники рода Эрика и его сына Кнута убили Карла Сверкерссона, «избранного единодушной волей народа» (!). В хронике написано по этому поводу, что Кнут Эрикссон «завоевал Швецию мечом и лишил жизни короля Карла Сверкерссона, короля Коля и короля Бурислава» — видимо, союзников Карла. Кнут одержал много побед в Швеции и «много потрудился», прежде чем «усмирил Швецию»[31].

Но главные битвы за власть, настоящая кровавая чехарда происходили в среде малых королей и ярлов — среди местных правителей, представителей родовой аристократии. Показательна история пути к общенорвежскому трону малого конунга

[30] Они занимали трон Швеции более 300 лет (1060–1364).

[31] После окончания долгого правления Кнута (ок. 1167 — ок. 1195), который стал «добрым королем, когда его власть укрепилась», его сыну Эрику Кнутссону (1208–1216) пришлось три года скрываться в Норвегии, а затем снова завоевывать Швецию «победоносным мечом». В середине XIII в. распри возобновились, их красочное описание занимает центральное место в известной «Хронике Эрика».

восточного королевства Вестфолд, лежащего на берегу Осло-фьорда, — прославленного Харальда сына Хальвдана Черного, точные даты жизни и правления которого не даны. Харальд родился, вероятно, в начале 860-х гг. и был избран конунгом всего 10 лет от роду, что было у знати, не желавшей иметь сильного правителя, обычным приемом. В этой связи стоит вспомнить, что, например, Хакон Добрый (вторая половина X в.) стал королем в 15 лет, Хакон Широкоплечий стал конунгом Норвегии в 10 лет, а Свейн II Эстридсен Датский, покровитель Адама Бременского, — в 12 лет, и т.д.[32] Если юный конунг вызывал симпатию, «другие могущественные мужи помогали ему советами»[33].

Пока Харальд был ребенком, за него правил в качестве регента его дядя по матери, знатный Гутторм, который от имени короля захватил много земель и добра. Когда Харальд вырос и обрел опыт участия в сражениях, а дядя умер, конунг взял к себе и сыновей Гутторма, и захваченные им земли («Сага об Эгиле», гл. XXIV, XXVII)[34]. Но Харальду пришлось бороться за власть более десяти лет, он пришел к норвежскому трону после целой череды убийств. Как известно, он дал обет не стричься, пока не станет конунгом Норвегии, отчего и получил прозвище Косматый. Из центра своих семейных владений на юго-западе страны он совершал походы, в результате которых покорял одну область за другой. Некоторые из его соперников согласились «сойти со своего конунгского места (!) и принять звание ярла» (гл. II). После победы в решающей битве при Хаврсфьорде (обл. Рогаланд, Юго-Западная Норвегия, 900) он наконец получил власть над всей страной. Теперь он привел свои густые волосы в порядок и остался в сагах с прозвищем Прекрасноволосый[35]. Харальд правил еще в свои 80 лет (и умер предположительно в 30-х гг. X в.)[36].

Харальд Прекрасноволосый — знаковая, харизматическая фигура исландских саг, ему приписываются государственные мероприятия, вряд ли имевшие место в его время. Победа этого «повелителя норвежцев» при Хаврсфьорде воспета, в частности, скальдом Торбьёрном. Но известными административными достоинствами конунг Харальд, безусловно, обладал. Когда своим преемником он назначил любимого сына Эйрика Кровавая Секира (который воспитывался в доме знатного херсира Торира), он повелел молодому принцу учиться управлять страной, последовательно объезжая ее с дружиной.

Этот конунг объявлял своей собственностью все земли и добро неугодных ему людей (см. ниже). Мстил их друзьям, родичам, своякам, многих наказал, многие же бежали из страны. При нем немало людей, в том числе знатных и богатых, уехали в Исландию или бежали подальше, на границу со Швецией, в область Емтланд

[32] КЗ. С. 67–68 и др.
[33] Там же. С. 559.
[34] ИС I. С. 106.
[35] КЗ. С. 54.
[36] Там же. С. 65.

(которая лишь позднее стала шведской). В «Саге о Хёрде и островитянах» прямо говорится, что при Харальде Прекрасноволосом «была заселена почти вся Исландия, ибо люди, особенно знатного рода и гордого нрава и с достоинством, не хотели терпеть его гнета и насилия»[37].

Но и после конунга Харальда правителям Норвегии еще не раз приходилось добиваться единовластия, и всегда с большой жестокостью. Сын Харальда Эйрик был викингом и погиб в бою, преданный своим ярлом (954). Конунг Олав сын Трюггви погиб примерно в 1000 г. Его троюродный племянник Олав Харальдсон, прозванный Толстым и впоследствии канонизированный (1014–1028/30), который добился объединения и христианизации страны, согласно «Кругу Земному», захватил Норвегию силой, опираясь на родичей. Став королем, он (см. сагу о нем, гл. LXXIII–LXXV) ездил по пирам всю зиму, одновременно насилиями и жестокостью принуждал местных жителей креститься, отбирал земли и имущество у «колдунов», а у лендрманов и бондов брал «лучших людей» в заложники. С малыми конунгами он расправлялся жестоко, так что «теперь только его называли конунгом». Бонды боялись его и были не против, если бы власть в стране перешла к Кнуту Датскому. Последний предложил Олаву сдать ему, Кнуту, Норвегию в лен, но, естественно, получил отказ, к великому разочарованию бондов (гл. CXXX–CXXXI). Значительная часть знати, также недовольная крутой политикой Олава, примкнула к сторонникам датского короля. Олав бежал из Норвегии, а когда вернулся, то при попытке снова занять престол погиб в битве с датчанами и собственными бондами при Стикластадире (1030). При этом смертельный удар нанес ему знатный норвежец — трёндхеймский хёвдинг. И когда Кнут Датский направил на тинг в Норвегию своего юного сына Свейна, который участвовал в битве при Стикластадире, бонды реализовали свое желание иметь конунгом датчанина, проголосовав за него на тинге.

Однако Свейн стал вводить в Норвегии многие новые законы «по датскому образцу», и «некоторые из них были много более жесткими [чем норвежские]» (см. выше). В результате сторонники погибшего Олава имели все основания говорить его бывшим противникам — преимущественно это были трёнды: «Вот вы, трёнды, и стали друзьями Кнютлингов (т.е. датской королевской династии. — *А.С.*) и получили от них награду... кабалу и рабство, к тому же над вами издеваются и унижают вас». А про погибшего Олава стали говорить, что он был святой, и приводили этому доказательства. В конце концов через несколько лет Свейна выжили из Норвегии и выбрали там своим королем сына Олава Святого — Магнуса[38].

Конунг Норвегии Харальд Сигурдарсон (Суровый) погиб как викинг в Англии при попытке вернуть там власть скандинавов (знаменитая битва при Стамфордбридже,

[37] ИСИЭ. С. 446.

[38] КЗ. С. 376–378.

1066). В 1103 г. знать подняла мятеж против конунга Магнуса Голоногого, завершившийся его убийством. Позднее, как говорит Снорри, был убит конунг Эйстейн, сын Харальда Гилли.

В последней четверти XII в. в Норвегии начался семилетний мятеж так называемых берестеников (биркебейнеров), или лапотников, завершившийся приходом к власти их вождя Сверрира. Законный король Магнус Эрлингсон был убит в битве при Норафьорде (1184). Сверрир, священник и выходец с Фарерских островов, утверждал, что он незаконный сын покойного конунга Сигурда и, таким образом, принадлежит к роду Инглингов. В «Саге о Сверрире», завершенной в 10-х гг. XIII в., сразу же после смерти конунга Сверрира, и, скорее всего, написанной его приближенными (и, вероятно, им задуманная), дается следующая мотивация его действий. Узнав от матери, кто его отец, Сверрир долго колебался, прежде чем решился на трудную борьбу за престол. «Но ему казалось недостойным ничего не предпринимать, как будто он был сыном простого бонда» (гл. 4). Эта краткая реплика хорошо передает представления того времени о чести и рангах, как и о дистанции между знатью и «простым» народом. Борясь за власть под руководством Сверрира, берестеники попутно «добывали добро» (гл. 71), и смута, сопровождавшаяся насилиями, убийствами и грабежами, утихла лишь после того, как Сверрир, захватив трон мечом, воцарился и основал новую династию. Но после его смерти начались новые междоусобицы.

Против неугодного короля не раз выступали и бонды Швеции, поддерживая его врагов. Сведения такого рода также можно найти у Снорри[39].

История (точнее, ее истоки) Датского государства, как уже известно, впервые фиксируется в Ютландии, о чем свидетельствует возведенный в VIII вв. мощный оборонительный вал на перешейке между Южной Ютландией (будущим Шлезвигом) и Франкской империей. В X в. Харальд Синезубый владел уже всеми островами и пользовался влиянием также и в Гёталанде, где вводил христианство. С конца X в. датчане снова начали активно грабить Англию. Этим занимался сын Харальда, отцеубийца Свейн I Вилобородый (ок. 986 — ок. 1014). Затем к власти пришел его сын Кнут (Канут), вошедший в историю как Великий (Датский, Могучий, 1016–1035), который не только объединил Данию, но и создал Англо-Датскую империю (распавшуюся, однако, при его сыновьях Харальде и Хардакнуте), в которую входили также Сконе и отчасти (временно) Норвегия.

Из описания (в очень сложной «Саге о Кнютлингах») истории датских королей после Кнута Великого следует, что затем в течение почти 200 лет в результате внутренних междоусобиц насильственной смертью завершила земной путь по меньшей мере половина государей страны. В ходе междоусобиц истреблялись также и родичи королей. Так, второй сын Свейна II Эстридсена (1047–1074) Кнут II,

[39] КЗ. С. 23 и др.

проведший 12 лет на военной службе в Швеции и занявший датский престол вслед за старшим братом Харальдом Точило (или Точильный Камень), после нескольких лет правления был убит в церкви (1086) мятежной толпой бондов, протестовавших против введения постоянной церковной подати[40]. Затем датскую корону носили поочередно братья Кнута II. Один из них, король Нильс, поссорился со своим племянником и соперником Кнутом Лавардом, герцогом Шлезвига, тяготевшим к германскому императору. Пригласив племянника-герцога на Рождество в Зеландию, он с помощью своего сына и наследника Магнуса убил безоружного гостя. Это вызвало в народе возмущение, а брат Кнута Лаварда Эрик Памятливый (Эмуне) объявил себя мстителем за брата и с помощью немецких наемников в кровавой битве (1134) разбил армию короля. Принц Магнус пал в битве вместе с большинством родичей, пятью епископами и многими священниками. Король Нильс бежал, но вскоре был убит в Шлезвиге (братом Кнута Лаварда по духовной гильдии). И то, что Нильс в 70 лет оказался без наследника, и самая смерть короля расценивались молвой как кара за убийство герцога Кнута Лаварда, отца Вальдемара I Великого.

Но и Эрик Памятливый, став королем, сразу же перебил своих братьев и племянников. Это возмутило знать. Эрика вызвали на тинг, где один из господ убил его, за что приобрел славу «справедливого мстителя». После смерти последнего сына Свейна Эстридсена борьба за престол в Дании приняла совершенно разнузданный характер и одно за другим уносила целые поколения королевской семьи. В 1154 г. Дания вообще разделилась на три королевства, во главе которых стояли принцы-кузены. Один из них, Свен Грате, правивший в Сконе, пригласил братьев как бы для примирения, но коварно убил одного из них, а второй спасся лишь чудом. Это был будущий король объединенной Дании Вальдемар I Великий Кнутссон (1157–1181), который в детстве спасался на Руси, как и многие другие скандинавские короли и принцы. Да и его мать Ингебьёрг, жена Кнута Лаварда, была, как уже говорилось, дочерью Мстислава Великого[41]. Вальдемар I сумел разбить Свена Грате в битве, тот бежал, но был зарублен бондами. В числе прочего Вальдемар I добился канонизации своего отца Кнута Лаварда.

Параллельно с внутренними междоусобицами короли трех соседних Скандинавских стран не раз вступали в сражения между собой, время от времени прерываемые мирными договорами. Например, в X в. «селение Гёталанда» (Гауталанда саг), расположенного на границах Швеции, Норвегии и Дании, испытывало большие тяготы из-за постоянного немирия и грабежей со всех сторон. Поэтому на рубеже X–XI вв. три конунга — датский, шведский и норвежский — заключили перемирие в Конунгахелле, закрепив союз династическим браком норвежского короля

[40] Его сын Карл, унаследовавший через мать графскую корону Фландрии, также был убит мятежным народом в 1127 г.

[41] Очевидны и русские корни имени Вальдемар (от Владимир, Владыка мира).

и шведской принцессы. В середине XI в. норвежский конунг Харальд Суровый Правитель, конунг Свейн Датский и Хакон ярл гёталандский, которому гауты помогали в его борьбе против Харальда, также заключили что-то вроде перемирия. Это были не первые и не последние перемирия между соседями. Битвы за власть и территории в Скандинавии продолжались.

Выборы короля и возведение его на престол

На раннем этапе государственного строительства, в период «малых королей», процедура наследования трона выглядела достаточно простой. В отрывке из «Саги об Инглингах», где речь идет о наследовании власти сыном Энунда Ингъяльдом (Дорога), говорится: «В то время был обычай, что, когда справляли тризну по конунгу или ярлу, тот, кто ее устраивал и был наследником, должен был сидеть на скамеечке перед престолом до тех пор, пока не вносили кубок, который назывался Кубком Браги. Затем он должен был встать, принять кубок, дать обет совершить что-то и осушить кубок. После этого его вели на престол, который раньше занимал его отец. Тем самым он вступал в наследство после отца»[42]. Т.е. король получал престол от сравнительно узкого круга пирующей с ним знати, достаточно келейно.

Однако саги, в том числе сочинения Снорри, свидетельствуют о большой роли народа в процессе возведения на престол очередного короля и о публичности самого этого процесса, ведь в эпоху викингов выборы королей происходили на общем тинге, согласно древнегерманскому принципу «согласия народа» (лат. consensus populi).

Шведские короли (как уже говорилось) проходили избрание на главном тинге «страны свеев», который проводился на лугу Мора, неподалеку от Упсалы[43]. Этот обычай уходит во времена племенного строя свеев, но продолжал соблюдаться и тогда, когда начали выбирать уже не вождей, а королей формально объединенного Шведского государства. Затем король проходил через определенную процедуру, которая, судя по ее подробному описанию в областных законах страны, начиная с XIII в., уходит своими корнями в более древние времена. Будучи выбранным на главном тинге (обычно 2 февраля, в день «очищения Богоматери»), король поднимался на камень Мора (совр. Мура, Morasten); согласно принятому клише, его «берут» или «возводят» на этот камень. Оттуда он произносил тронную клятву, а затем объезжал все ланды, давая эту клятву на тингах ландов (ландтингах) и, в свою очередь, принимая клятву верности от собравшихся местных бондов. В «Саге об Инглингах» указано, что путь, по которому вновь выбранный король объезжал свои владения, назывался «эриксгата» («дорога Эрика»). Предположительно, этот

[42] КЗ. С. 31–32.

[43] Это известное с очень древних времен место у старой границы между двумя частями Упланда (Аттундаландом и Тиундаландом).

маршрут, природные ориентиры которого также расписаны в законах XIII в., изначально назывался «королевская дорога» (*riksgata*) и более позднее название получил в связи с Эриком Святым, покровителем Швеции. Маршрут был проложен через леса Упланда еще конунгом Упсалы Энундом Дорога (IX в.), который на этом пути заодно строил и свои усадьбы-*хусабю* (гл. XXXIII. См. ниже).

Если же речь шла о смещении конунга на тинге, лишении его власти, то, как тогда говорили (и согласно тому же клише), его «сбрасывали с камня» Мура. Именно так поступили бонды с королем Энундом, когда он, крестившись, отказался принести кровавые жертвы старым богам[44].

Еще в XII — середине XIII в., когда на избирательный тинг являлись несколько претендентов, им предлагали решить дело путем *поединка* (!).

Крестителя Норвегии Олава сына Трюггви избрали королем на всеобщем тинге в пункте Эйрир (устье реки Нид, в Трёндалеге), «подобно Харальду Прекрасноволосому»[45]; таким образом мы узнаем, что Харальд тоже проходил процедуру избрания: «был взят в конунги» (var tekinn til konungs, гл. 1)[46] на общем тинге страны. Соответственно обозначена и *процедура избрания на тинге*: «конунгстэкья» (konungstekja). Именно туда, согласно Снорри, отправился и Магнус сын Олава (Святого), будущий Магнус Добрый, где он «был провозглашен конунгом над всею страной, которой владел прежде Олав конунг, его отец» («Сага о Магнусе Добром», гл. III). Неясно, проходил ли норвежский король процедуру выборов на фюлькетингах, а датский — на ландах страны, но избирательная система действовала повсюду.

В Дании, судя по «Саге о Кнютлингах», выборы короля производились на тинге в Ютландии («Йотланд»), в городке Виборг («Вебьорг»), где «датчане провозглашали своих конунгов» с давних времен[47]. Позднее там же «брали в короли» сыновей Свейна Эстридсена (гл. 26, 28) и т.д. Судя по этой саге, датского короля выбирали иногда из двух (или более?) претендентов, после тщательного обсуждения выборщиками качеств этих кандидатов.

Но так как совершенно очевидно, что общий избирательный тинг мог, скорее всего, находиться в главной области каждой страны, простым бондам прибыть туда из прочих земель было весьма затруднительно, так что, как правило, «народ» там был представлен, кроме местных хозяев, «лучшими», «старшими», «добрыми» людьми (лат. «консулами», consiliarii, principes, potentes). Очевидно, что выборы короля в конечном счете были в *руках элиты* общества, в том числе верхушки крестьянства.

---

[44] *Адам*. Сх. 136, 137.

[45] КЗ. С. 132.

[46] Ср. о выборах короля Магнуса Олавсона (КЗ. С. 380).

[47] Виборг — букв. «Гора [или Замок] капища». Этот, как и другие значимые топонимы, в большинстве случаев подтверждает традиционность мест, где производились торжественные обряды или процедуры, т.е. характерное для Средневековья вообще «постоянство локуса».

В Норвегии состав выборщиков короля на тинге был нормирован лишь при Магнусе Эрлингссоне (вторая половина XII в.). Но в Дании уже король Олав Голод (1086–1095), третий сын Свейна Эстридсена, был избран «на собрании знатнейших людей государства»[48]. Не исключено, что речь идет о совете знатных (см. ниже)[49], но возможно, что это было подобие франкского ритуала выбора монарха знатью (electio Francorum).

Роль тинга и *публичного одобрения кандидатуры нового короля* была действительно очень важной *демократической* чертой общей социально-политической системы стран Скандинавии, *особенностью* этого региона на протяжении всего Средневековья. Можно с полным основанием утверждать, что в эпоху викингов бонды-хозяева вели себя на тингах более самостоятельно и активно, поскольку тогда эта страта была численно намного больше, а ее общественное положение значительно выше, чем в последующие столетия.

Процедуру провозглашения и утверждения на тинге не мог обойти ни один претендент на трон, будь то наследный принц, знатный человек или лицо сомнительного происхождения, как Сверрир. Присутствующие на тинге выборщики «в согласии с древними законами» утверждали кандидатуру короля и клялись своему избраннику в том, что «страна *его* и они его *подданные*» (курсив мой. — *А.С.*). «Он был конунгом с согласия всего народа», — подчеркивает «Сага о Сверрире» (гл. 3, 6). Т.е. лишь «*избрание*» в соответствии с волеизъявлением народа придает законность конунгу, его власти. И когда Сверрир был провозглашен конунгом на Эйратинге, в подтверждение этого «присутствующие потрясли оружием» — обычай, которого, как и обычая самих выборов на тинге, германцы, судя по описанию Тацита, придерживались еще во времена римского историка, а скорее всего, и ранее.

Согласно «Саге о Кнютлингах» при выборе преемника на место энергичного датского короля-викинга Свейна II Эстридсена (ум. 1074) народ предпочел Харальда Точильный Камень избраннику самого Свейна, его столь же энергичному и воинственному второму сыну Кнуту, сославшись на первородство Харальда. Дело, однако, было тогда не в первородстве, ведь в Скандинавии не было майората, а в том, что решительность и целеустремленность Кнута пугали участников тинга, особенно знать. Но затем, устав от бесконечных раздоров при бесхарактерном

[48] РХ. Гл. XI.

[49] О действительной роли и составе выборщиков уже в начале XIV в. с подкупающей откровенностью (либо с намеренным ехидством) сказано в той же «Хронике Эрика». Анонимный автор замечает, что на лугу Мура на главный тинг Швеции для выборов в короли трехлетнего Магнуса Эрикссона собрались по четыре бонда от каждой сотни страны, которые единодушно и проголосовали за Магнуса. За это им так щедро заплатили, что еще и их дети могли жить на эти деньги. При всей возможной гиперболизации размеров подкупа очевидно, что роль тинга была еще очень важна, иначе зачем было подкупать избирателей-бондов?

Харальде, народ после его недолгого правления охотно избрал королем Кнута (Кнут II).

То, что симпатии народа на выборах склонялись в пользу то властных, то слабых правителей, наблюдалось и позднее[50].

Пройдя процедуру избрания на общем тинге, новый король, как уже говорилось, по обычаю должен был объехать все области своей страны, давая на тамошних тингах тронную присягу и получая присягу верности от представителей местного населения. Иногда провозглашение короля происходило на каком-либо областном тинге, но все равно его должны были утвердить на общем и на всех других областных тингах. Такую процедуру проходили все норвежские, шведские и датские конунги, о чем свидетельствуют саги и особые, тщательно сформулированные пункты в общих законах этих стран — Ландслове Норвегии (1274–1277), областных и общем земском законах Швеции (XIII — середина XIV в.), областных законах Дании (XIII в.).

Этот объезд не был пустой формальностью. На областных тингах новым королям приходилось нелегко, поскольку на местах они часто сталкивались с оппозицией. Ведь там решающий голос принадлежал местной знати, которая обычно вела за собой бондов, прежде всего в Швеции, которая по традиции исстари считалась «страной бондов», и в Норвегии. Зависимость королей от «гласа народа» не была фикцией, она ощущается в сагах, несмотря на все описанные там беззакония властей. Кроме того, у областей были и свои собственные политические амбиции и связи. Например, Ютландия, особенно Южная (Шлезвиг), тяготела к немецким землям, Сконе разрывалась между Данией и Швецией, а Гёталанд, особенно Западный, — между Швецией и Норвегией. Не случайно согласно областным законам той же Швеции король, прибывая на границу очередного ланда, должен был попросить о том, чтобы навстречу ему выслали достойных представителей данного общества в качестве то ли охраны, то ли заложников. Невыполнение этого правила, видимо достаточно традиционного, было опасным для нового короля, поскольку расценивалось как высокомерие, самонадеянность и вообще неуважение к данному ланду. Это правило относилось и к приезжим ярлам, которые хотели бы возглавить данный ланд. Так, хроника «Христианские короли Швеции» рассказывает, что ярл Регнвальд, которого в ней называют «дерзким и гордым», явился во время эриксгаты на тинг вестгётов, не взяв от них заложников, т.е. как бы продемонстрировал, что не боится их. И за это «неуважение... он умер позорной смертью», а Вестергётландом стала управлять знать: «добрый лагман и хёвдинги ланда и все были тогда верны своему ланду» (ок. 1130)[51].

[50] Еще в середине XIII в., судя по той же красочной «Хронике Эрика», шведская знать, опасаясь инициативного и властного реформатора ярла Биргера, правившего вместо безвольного короля Эрика Эрикссона Шепелявого, избрала королем его сына-подростка. Биргер яростно воспротивился этому, но знатные выборщики заявили ему, что проголосовали так согласно своему решению и Биргер изменить его «не в силах».

[51] См. в YVgL (IV) 15:10.

Тронные клятвы: договор между государем и народом

На каждом из ландстингов монарх торжественно обещал «соблюдать их [данного ланда] закон и поклясться им в мире», как гласил областной кодекс Упланда. В общественном мнении именно строгое следование закону (до записи законов — традиционному обычному праву. — *А.С.*), борьба с правовым и налоговым произволом и мятежами означали *«справедливость»* и были первейшим качеством, которое требовалось от короля. Убедившись в готовности претендента на корону *соблюдать мир и быть справедливым*, жители области приносили ему присягу верности. Объехав все области и везде получив такую присягу в ответ на свою клятву, король считался утвержденным на троне. Самое раннее свидетельство о ритуале клятвы королю я нашла только в «Саге о Сверрире» (гл. 11). Там рассказывается об обряде принесения «вассальных обязательств», которые берут на себя люди по отношению к королю. После того как они «провозгласили его конунгом», они *«взялись за его меч и стали его людьми»* (курсив мой. — *А.С.*). Очевидно, что взяться за королевский меч одновременно не могли те примерно три с половиной сотни людей, которые стеклись к Сверриру в Вик. Скорее всего, это проделали от имени народа наиболее близкие к королю либо наиболее авторитетные лица. В принципе этот обычай напоминает клятву королю 12 пэров Франции, как бы символизирующую поддержку 12 апостолов. Интересно и то, что клятва производилась на *мече*, одном из символов власти в Западной Европе и тем более уместном в тогдашней Скандинавии.

Скорее всего, эту церемонию следует считать и *инаугурационной*, и, одновременно, ритуалом *вассальной присяги* знати от имени народа.

Все саги и примыкающие к ним материалы единодушно свидетельствуют, что от короля требовалось, *во-первых*, поддержание мира и военная защита. *Во-вторых*, король должен соблюдать два взаимосвязанных правила: законность и справедливость, что для общественного мнения того времени было одно и то же, и столь же обязательно — «свободы» народа, прежде всего обычаи в сфере *налогообложения*. Нарушение государем этих принципов издавна считалось основанием для неподчинения ему. Это были старинные принципы германского обычного права, сформировавшиеся еще в условиях племенной жизни на основе отношений между вождем и свободными соплеменниками. Король, действия которого наносили вред обществу, мог быть изгнан и даже убит, что подтверждается материалами саг, отчасти уже приведенными выше[52].

В конечном счете эти принципы стали одним из важнейших *вкладов германцев в политическую культуру Западного Средневековья*. Из них следует, что государя и подданных связывает *система правообязанностей*. Государь имеет

[52] Убедительные свидетельства этого дают также англосаксонские королевства VIII в. Так, в 757 г. король Уэссекса Сигибергт был лишен власти советом знати «по причине неправедных дел», в 774 г. был смещен король Нортумбрии Эльхред и т.д.

право на власть, на повиновение и повинности подданных постольку, поскольку он выполняет свои обязанности, заботясь об их благе, о мире и повинуясь закону, который «издревле» выработан народом. И хотя обе стороны добивались справедливости и законности все еще варварскими методами, эта система прав и обязанностей в дихотомии «правитель и народ» стала основой *гражданского сознания* и *идентичности* западного мира.

В Скандинавии принципы «обратной связи» короля и народа, представление о существовании своего рода *договора государя и подданных* в рамках обычного права, а также идеал «справедливого государя» сохранялись в общественном сознании очень долго, хотя, конечно, постепенно изменяли свою племенную первозданность. Но в эпоху саг эти принципы были очень сильны. Общество внимательно следило за соблюдением королем закона и справедливости, рассматривая это как часть *«королевского достоинства»,* ответственность за которое народ разделял со своим правителем. Это также была архетипическая *установка германцев*[53], которая в зрелое Средневековье нашла воплощение в письменных тронных обязательствах королей — аналогах знаменитой английской Хартии вольностей. Что касается «народа», то под ним понимается только самостоятельная часть населения, те, кто, по выражению источников, «сами себя обеспечивают» и в состоянии выполнять обязательства перед государством, т.е. перед королем: нести воинскую службу, платить разные дани или регулярные налоги. Это домохозяева и землевладельцы — от абсолютного большинства хозяев крестьянского типа и до знати. Именно с этими стратами имеет дело король, одновременно опираясь на них и противоборствуя с ними, все время лавируя между их враждующими группировками[54].

Если в Англии применялось «помазание короля» и об этом особо упоминает даже Снорри[55], то в Скандинавии о каких-либо иных ритуалах «возведения в короли», кроме описанных процедур, сведений почти нет, а те, что проскальзывают в сагах, противоречивы. Обычно речь идет все о тех же традиционных выборах на тинге. Относительно Дании, где следы централизованного правления, по крайней мере в Ютландии, относятся, как говорилось выше, уже ко времени второй трети VIII в., в связи с первым в стране крупным оборонным мероприятием, в сагах ничего не говорится[56].

[53] Пожалуй, на Севере самые ранние ее следы обнаруживаются все в тех же «показательных» англосаксонских «Законах северных людей». Там в первом же параграфе сказано, что вергельд короля, равный двум вергельдам знатного (эрла), выплачивается в равных долях роду короля и «народу» — за «королевское достоинство».

[54] Такими аналогами, как легко видеть, являются и известные тронные манифесты («хондфестнинги») датских королей, и провозглашенные на тинге обязательства трехлетнего Магнуса, короля Швеции. См.: DS. № 2199. Когда Хакон Хаконарсон Норвежский (см. «Сагу о Хаконе Старом») издал свои правовые постановления, так называемый Hakonarbok (1261–1263), а затем «исправил» многие старые законы и собрал в книгу, несколько рискованно назвав ее «Новые законы», он включил туда *формулу присяги*, которую королю надлежит приносить во время коронации «баронам», лагманам и бондам и которая была аналогична королевским хондфестнингам Дании и Великой хартии вольностей англичан, а также присяге, которая вошла в шведское земское законодательство середины XIV в.

[55] КЗ. С. 401.

[56] Там же. С. 113.

Исключение — отрывок из «Саги об Инглингах» Снорри, приведенный выше, где речь идет о наследовании Ингъяльдом власти своего отца Энунда Дорога.

В «Саге об Ингваре Путешественнике» (события середины XI в.) сказано, что сына погибшего от болезни Ингвара «облачили в пурпур [мантию?], а затем корона была возложена на его голову, и все его назвали своим конунгом»[57]; но в какой мере эта процедура действительно относится к XI в., а в какой привнесена в текст записчиками саги — неясно. В «Саге о Магнусе сыне Эрлинга» (1162/63–1184) сказано, что в стране «стали *короновать конунга*». Подробнее о коронации короля в Норвегии можно узнать только из общего закона страны Ландслова (последняя треть XIII в.), раздел которого «О христианстве» (Kristins Doms bolkr) уделяет этой процедуре значительное место.

Таким образом, постепенно обнаруживается, что некая инаугурация короля в Скандинавии все же имела место, хотя, возможно, лишь с конца XI — XII в. и не всегда проводилась в соответствии с определенным, полным ритуалом. Как выясняется, эта процедура включала несколько этапов. В первый входили выборы на тингах и обмен клятвами между королем и представителями народа, тронная клятва короля и вассальная присяга знати. Второй, уже одномоментный, включал в себя возложение на голову монарха короны, на плечи — мантии, в руки — *жезла*. Известна также применительно к этой процедуре особая роль королевского *меча*. Судя по аверсу монеты объединителя Швеции Олава Шётконунга, корона короля представляла собой обруч с несколькими возвышающимися зубцами; кроме того, король держал в руке жезл — еще один символ верховной власти. Во всем этом присутствуют следы западной модели, во всяком случае отраженной на англосаксонских монетах.

Первым королем Швеции, о коронации которого имеются прямые свидетельства, был Эрик Кнутссон (1208–1216), но не исключено, что короновался и его отец Кнут Эрикссон, возможно прошедший и обряд помазания (ок. 1167 — ок. 1195, «*dei gratia*... rex...»)[58]. Утверждение ритуала *помазания* у скандинавов относят обычно к середине XIII в. Первым королем Норвегии, фактически получившим помазание на престол, был, видимо, Магнус Эрлингссон (коронован ок. 1163/64), а в Дании — Кнут IV (1170). Однако что касается Дании, то, имея в виду ее более раннюю христианизацию и теснейшие многовековые связи с Англией и континентальными соседями, коронация там, возможно, имела место в какой-то форме и до XII в.[59]

Итак, король в Скандинавских странах был непосредственно *связан с народом,* причем эта связь была и прямой, и обратной. Местные обычаи в отношениях

[57] Сага об Ингваре. С. 267.

[58] DS. № 63, 65, 144. Курсив мой. — *А.С.*

[59] Ведь, в частности, еще в англосаксонской Англии в середине VIII в. «малый король» Мерсии Оффа проходил церемонию помазания на царство, включавшую вручение атрибутов королевской власти, а в его грамотах впервые встречается формула «король Божьей милостью». В IX же столетии освободитель и объединитель Англии король Альфред Великий первым провозгласил, что королевская «власть от Бога».

с верховной властью имели характер *общественного договора,* учитывающего права и обязанности сторон. Власть должна была следить за соблюдением законов, прав и свобод подданных и защищать их, народ — оказывать повиновение и почтение, вносить положенные платежи и участвовать по призыву правителя в ополчении. Нарушение соглашений государем давало народу право поднять *законное восстание* (известная юридическая позиция bellum iustum), сместить и даже убить государя. В «Саге об Олаве Святом» Снорри Стурлусон изобразил упландского лагмана Торгнюра, который на тинге угрожал королю восстанием и лишением его престола, если он не будет выполнять волю бондов. Отрицательные определения правителей типа «дерзкий», «заносчивый», «злой», «гордый» и им подобные, данные народом, исходящим из неких идеальных норм, служили политико-идеологической посылкой, мотивацией действий против короля и использовались самими королями, чтобы избежать обвинения в «коварных» действиях, придать тому, что ими совершено, законный вид.

Вместе с тем несомненно, что король в эпоху викингов уже стоял *над* народом, в том числе *над* знатью: он все же был «первым среди равных». Хотя особые законы «о праве короля» в той же Швеции фиксируются только письменным правом, т.е. уже после окончания эпохи викингов (в областных законах XIII в.), но многие их важные положения сформировались в предшествующие столетия и, скорее всего, действовали по традиции. Из «Саги о Харальде Прекрасноволосом» (гл. XXXI) известно, в частности, что штраф за убитого сына Харальда составил 60 марок золотом — огромную сумму, в 20 раз превышающую виру за любого свободного[60]. Об «особости» персоны короля свидетельствовали и законы Кнута Великого в Англии.

Сакрализация личности и власти короля

Сакрализация правителя, связанная с его «особостью», играла значительную роль в средневековом мире Европы. В Скандинавии она отмечается достаточно рано, уже тогда, когда малые короли достигали возвышения над массой народа в стратифицированном, но еще родо-племенном обществе. Это представление было частью «коллективного бессознательного», отражавшего языческое *религиозное одушевление* власти. По мере развития средневекового общества и его христианизации сакрализация правителя оказалась заимствованной и усвоенной *политическим сознанием*[61].

Согласно «Песни о Риге», король не только получал свою власть от одного из высших богов языческого пантеона, но и происходил непосредственно от бога и им же был наделен сверхъестественными свойствами и умениями. Говоря иначе, на короля в эпоху викингов распространялось свойственное язычеству представление о всеобщности божественного, — не только о пронизанности им всего земного,

[60] КЗ. С. 42–46.

[61] Ср. обобщение в кн.: Хачатурян, 2006/1.

но об их взаимном слиянии. Король для скандинава, согласно этому выработанному идеалу, — земное воплощение бога. Он красив и светловолос, статен и силен. Он — олицетворение и носитель судьбы, «фортуны», удачи или неудачи племени, народа, всей страны. *Судьбоносность* — часть достоинства правителя.

Судьба, вера в нее, как нам уже известно, играли очень большую роль в представлениях скандинавов. Но судьба — не абсолютное предначертание, на нее можно влиять, ухудшать или исправлять ее. И если речь идет о судьбе общества, то здесь очень важную, подчас решающую роль могут сыграть действия государя. Если король лично задабривал богов, например, на пире совершал в их честь возлияния или во время праздника приносил им жертвы, удача его народа возрастала. На мой взгляд, такой ритуал — наследие *жреческих функций* вождя. Подтверждение этой мысли можно найти в «Саге об Инглингах», где перечислены короли, принадлежащие к этому роду, который возводится к богу (Ингви-Фрею или Одину), а пятнадцатый по счету легендарный король Инге назван *в саге жрецом*.

В сагах и скальдических песнях короля называют «приносящий урожай», «приносящий счастье». Король дает людям пищу и как бы распределяет жизненные средства: «Ньерд дарует людям урожайные годы и богатство», — говорится в «Саге об Инглингах» об одном из древних конунгов свеев (гл. IX)[62]. Здесь Снорри как бы объединяет удачливого конунга и бога плодородия.

В «Саге об Эгиле» (гл. III) знатный человек из округа, где малым конунгом был некий Аудбьярн, отказался сражаться на его стороне против короля Харальда (тогда еще Косматого), говоря: «У Харальда немалый груз счастья, а у нашего конунга нет даже полной горсти его». И тело, и кровь короля могли принести благополучие. Не случайно — согласно легенде — в языческие времена тело «урожайного» короля Хальвдана расчленили, дабы похоронить в разных областях Норвегии («Сага об Инглингах», гл. IX). В «Саге об Олаве Святом» рассказывается, что кровь этого короля после его гибели исцелила человека от слепоты (гл. CCXXXVI), а в «Саге о Ньяле» повествуется, что кровь того же Олава Святого, «принявшего славный венец мученичества», попала на сломанную руку мальчика и рука сразу срослась (гл. CLVII; см. также гл. XXXXIII). Описываются и другие чудеса Олава Святого, обнаружившиеся после его кончины. Еще и в первой половине XIII в. король Дании Вальдемар II Победоносный считался в народе «человеком фортуны» и целителем. Когда он проезжал на своем коне, люди сходились к пути его следования, прося государя взять на руки их детей и проехать по засеянным полям, чтобы дети росли здоровыми, а поля плодоносили.

«Сага об Инглингах» (гл. XV) рассказывает об одном короле из этого рода, который был принесен в жертву богам во имя всеобщего процветания народа. Когда однажды из-за жестокого неурожая на земле свеев наступил голод и обычные жертвоприношения не помогали, знать предложила принести в жертву тогдашнего

[62] Об удаче короля см. также: КЗ. С. 538.

конунга Домальди, что и сделали воины, возможно, его же дружинники. «Так бывало всегда в давние дни, — говорится в этой саге (гл. XIII), — что воины окрашивали землю кровью своего господина, а население страны окровавило оружие, умертвив Домальди, ибо желавшие хороших урожаев свеи принесли его в жертву».

Эти факты не только подтверждают то, что нам уже известно о верованиях и религиозных обычаях древних скандинавов. Здесь проявляется представление как бы *о «служебной роли»* короля по отношению к народу. И вместе с тем очевидно, что творящая королей *воля народа* в Скандинавских странах вообще весьма причудливо сочетается с особым положением короля *над* обществом. Последнее обстоятельство подтверждается и похоронным ритуалом. Уже малых королей хоронили особенно торжественно, в корабле, в богатом одеянии. Над местом захоронения насыпали «великий курган». Такие курганы и сегодня можно наблюдать около свейской Упсалы или в Норвегии; так, курган одной из правительниц Южной Норвегии (Вика), вероятно из рода Инглингов, достигает 15 м в высоту и 100 м в поперечнике. Процедура похорон по общему обычаю увенчивалась особенно пышной тризной — пиром, на котором родичи и приближенные короля адресовали покойному хвалебные речи, скальды — торжественные хвалебные песни. А Свейн Вилобородый на поминальном пире по отцу поклялся отомстить его убийце.

В «Саге о сыновьях Харальда Гилли» (1130–1136) говорится, что им [сыновьям] подчинился весь народ, потому что их отец прослыл святым, т.е. предполагалось, что они унаследовали его благодатные свойства. Таким образом, с принятием скандинавами христианства божественность природы и власти монарха была подтверждена, а сама эта идея дополнена, развита и получила реализацию, в частности в ритуале *помазания*.

Не случайно все первые местные святые в Скандинавии — это монархи, погибшие насильственной смертью, обожествление которых происходило уже в рамках христианской веры. В сагах ими являются короли-крестители или те из королей и вообще правителей, кто признан *мучениками за веру*. В целом при чтении саг, в том числе королевских, создается впечатление, что при всех признаках сакрализации правителей, возникших как в древности, так и позднее, в целом скандинавы относились к ним достаточно реалистично. Очевидно, что эти две позиции — воля народа, творящая королей, и их, королей, особое над обществом положение — в Скандинавских странах сочетались весьма причудливо.

«Жил до седин, не убит и не изгнан»

Из всех материалов, касающихся Северной Европы той эпохи, когда там складывались единые государства и система монархического правления, ясно, что гибель, в том числе убийство, государя была достаточно частым, почти заурядным

явлением. И короли, и ярлы далеко не всегда доживали до старости и умирали от болезней, гораздо чаще они погибали в походах, битвах и от рук врагов. Не случайно автор «Хроники Эрика», говоря о шведском конунге Эрике Шепелявом (середина XIII в.), подчеркивает тот факт, что Эрик «жил до седин, не убит и не изгнан» (ст. 45), и это потому, что король «жил по закону и с чистой душой» (ст. 165). Последнее действительно представляет собой редкий случай. Короли придерживались воззрений своего времени, в том числе и на мораль, и на обстоятельства собственной гибели. Так, нельзя было проявлять трусость, поддаваться врагу — это потеря чести. Потерей чести грозила и гибель при позорных обстоятельствах: во время бегства («Хуже всего пасть при бегстве», — говорит «Сага о Сверрире», гл. 47), или в свином хлеву, подобно ярлу Хокону, которого там зарубил Олав сын Трюггви. Согласно воззрениям скандинавов эпохи викингов, смерть при позорных обстоятельствах ложилась пятном на семью и род погибшего, а самого его лишала благ после смерти, что, несомненно, было особенно убийственно для короля.

Саги, отражая воззрения скандинавов на обстоятельства смерти и повествуя о том, как заканчивали свою жизнь короли, неизменно подчеркивают эти обстоятельства. Та же «Сага об Инглингах» сообщает о том, какой смертью умерли все короли этого рода — потомки бога[63]. Убийство короля в бою или в поединке не считалось преступлением, хотя и могло в известных случаях и согласно общему обычаю рассматриваться как повод для кровной мести. Судя по доступным мне материалам, народ довольно равнодушно реагировал и на убийство государя в процессе междоусобиц, во время сражения.

Иначе воспринималась гибель государя в результате так называемого «коварного убийства», к которому общество всегда относилось резко отрицательно, в том числе если это касалось царствующих особ, даже непопулярных, неугодных народу. Коварное цареубийство воспринималось как безнравственное, несправедливое, произведенное не по правилам и не в должных формах. Поэтому коварно убитые короли после смерти окружались ореолом мученичества, становились для народа святыми. Именно из числа таким образом убитых королей произошли первые скандинавские святые: два Кнута (король и герцог), Эрик и погибший в бою за веру Олав. Конечно, их канонизация мотивировалась именно заслугами перед обществом — мученичеством во имя веры или страны и подчас была результатом хлопот перед папским престолом их потомков. Например, о канонизации датского герцога Кнута Лаварда, убитого в Роскилле в 1134 г., хлопотал его сын Вальдемар Великий. Но официальная канонизация чаще всего происходила много позднее, чем объявление мученика святым на его родине, согражданами или подданными. Момент

[63] В саге сказано, что восемь королей умерли от старости и болезней, четыре сожжены в своих домах, один в пьяном виде утонул в чане с медом, один погиб во время бури, возвращаясь с награбленным добром, один был затоптан злым духом, трое попали в плен и были оставлены врагами на растерзание зверям, одного раб заколол вилами, один, упав с коня, разбил голову о камень, один принесен в жертву богам и т.д.

мученичества был, очевидно, связан прежде всего именно с неправедным убийством короля — *будущего святого*. Напротив, коварный убийца резко осуждался. Если это был король, народ мог потребовать его изгнания, как это было, например, с Ингъяльдом Коварным[64].

Конечно, в неких как бы «правилах об убийстве государя», установленных обычаем, также отразилась исключительность фигуры короля. Характер и сам факт выработки этих установок могут рассматриваться как результат, с одной стороны, достаточно частых цареубийств, с другой же — положения короля в тогдашнем обществе. Одно из этих правил (о нем говорилось выше) вступало в действие, если король нарушал свои тронные обещания в отношении обычаев и прав подданных. «Законным» и «справедливым» со стороны подданных было и *ритуальное* убийство государя; оно также базировалось на представлении о неразрывной связи короля и народа и лежало как в сфере политико-правовых отношений, так и, прежде всего, в области веры, в данном случае веры в сакральную природу государя и его власти.

Некоторые итоги

После первого формального объединения каждая из Скандинавских стран не раз снова распадалась на отдельные части. Как это отчетливо демонстрируют саги, правители каждой такой части, добившись для себя самостоятельного престола, начинали яростно и жестоко сражаться за верховный трон, за объединение страны под своей властью.

Сами объединения скандинавов в единые государства были непрочными, шаткими. И государства даже под формально единой властью представляли собой *сумму областей,* каждая со своими обычаями, законами, претензиями и авторитетами. В период, когда, скажем, во Франции наступила уже феодальная раздробленность, Скандинавские государства переживали стадию иного, *изначального*, раздробления и создания единых государств путем объединения отдельных политических образований. И в том, и в другом случае хотя и на разной подоснове, но имели место относительная слабость публичной власти и ожесточенная внутриполитическая борьба.

Характерно, что согласно представлениям общества фигура монарха-правителя еще долго сохраняла черты, унаследованные от языческих времен.

Нельзя не отметить еще раз, что в создании монархии, формировании единой королевской власти, утверждении на престоле того или иного короля значительную

[64] Кровавые междоусобицы вокруг престолов в Скандинавских государствах продолжались, судя по «Хронике Эрика», еще примерно до середины XIV в. и, как и раньше, выплескивались за пределы региона. Но по окончании этого периода убийство короля стало в регионе явлением исключительным. Неугодных монархов смещали и изгоняли, но уже не лишали жизни. Однако в эпоху викингов, когда королевская власть и государственная система в Скандинавии только складывались, убийство государя было сравнительно рядовым явлением.

роль играло общественное мнение и традиционные органы власти в виде народного собрания. Однако состав избирателей в течение и в результате эпохи викингов претерпевает качественное изменение: народное собрание всех бондов заменяется выборщиками, избранными из состава знати и высшего слоя незнатных хозяев. Конечно, в эпоху викингов это явление проявлялось в виде тенденции, а свое развитие получило с XII–XIII столетий. Но обратить внимание на эту тенденцию необходимо.

МОРФОЛОГИЯ ВЛАСТИ МОНАРХА

Об этом очерке

Если в предыдущем очерке рассматривается вопрос о том, как саги понимали центральную власть, а также отражали процесс ее достижения, то задача настоящего очерка — рассмотреть методы ее *удержания* и *деяния* королей, в том числе действия, предпринятые именно с этой целью. Возможно, это позволит представить себе те *объемы власти*, которые были достигнуты тогдашними государствами и государями.

Что касается важного вопроса о *понятии* (понимании) *государства как единого организма*, в отношении которого у верховного правителя есть известные права и обязанности, то, судя по материалам саг, это понятие, с трудом пробиваясь через территориальную раздробленность и местные амбиции, через сопредельность и спорность соседних земель скандинавов, формируется по мере и в ходе складывания в регионе как верховной власти, так и самих государственных образований, хотя бы в виде федерации земель.

У правителя, особенно верховного, была, естественно, масса публичных обязанностей. Однако, судя по сагам, личные и публичные проблемы в деятельности и, видимо, в сознании короля и его окружения были тогда *связаны неразрывно*. Немудрено, что их трудно разделить в процессе их исторического анализа и что это разделение в значительной мере условно.

Главной заботой короля после получения высшей власти было, разумеется, стремление *удержаться на престоле,* что в большинстве случаев требовало больших материальных затрат и максимальных дипломатических усилий, огромных моральных и физических сил. В подавляющем большинстве случаев власть каждого короля была довольно кратковременной. Сплошь и рядом король правил всего несколько лет, что было связано как с образом жизни самого правителя-воина, так и с междоусобицами. Исключения из этого правила немногочисленны и, насколько можно судить по сагам, касались либо очень жесткого, либо, напротив, внешне мягкого государя. Иногда эти противоположные по своей натуре и методам правления короли сменяли друг друга, как, например, царствование Харальда Сурового и сменившего его Олава Тихого в Норвегии второй половины XI в. За несколько лет власти королю надо было успеть укрепить не только свои жизненные позиции, но и позиции своих наследников и вообще династии.

Королевские личные, родовые и регальные владения как опора центральной власти

Как говорилось в начале части, короли постоянно нуждались в материальных *средствах* для удержания своей власти и защиты независимости страны, для поддержания необходимого престижа и укрепления социальных связей — своей общественной опоры.

О роли викингских грабежей в укреплении материальной базы претендентов на трон, а затем и избранных монархов речь уже шла выше. Но одновременно все большую роль приобретала родовая, личная и домениальная, как и регальная, движимая и, особенно, *недвижимая собственность короля,* которая в тех условиях не только давала ему убежище и постоянный доход, но играла центральную роль в его административно-фискальной и прочей публичной деятельности. На приобретение такой собственности зачастую были прямо нацелены и грабежи викингов. Поэтому заметная часть жизни местных правителей, малых королей или ярлов, а затем и королей объединенных государств была посвящена постоянному, заботливому формированию и приращению своей *собственной и родовой земельной собственности*, а также и, по возможности, *регальных*, т.е. коронных домениальных владений.

Еще малые короли успешно увеличивали свое имущество, особенно земельные владения[65]. В поэме «Беовульф» описывается искусно построенный деревянный дворец конунга данов, укрепленный железными скобами внутри и снаружи, с крутой крышей, увенчанной рогами (как дань божеству: вспомним традиционные ритуальные рогатые шлемы викингов). Это строение было не под силу разрушить даже чудовищу, только пламя могло погубить его (ст. 770–780). Конунг из «Старшей Эдды» увеличивал свои земли путем захватов. Еще более успешно расширяли и умножали свои владения верховные правители. Уже в середине X в. королевские усадьбы в Норвегии располагались вдоль всего побережья. Хакон I Воспитанник Ательстана, которого также называли Хаконом Добрым (ок. 945 — ок. 960), находился в одной из таких усадеб в Фитьяре, когда на него напали сыновья Эрика Кровавая Секира, и там же он умер от ран.

Наличие и расширение собственных родовых имений, а также королевского домена, доходы от которых в королевской казне того времени не *различались* и не *разделялись*, было совершенно необходимо для правителей в условиях неупорядоченной налоговой системы и частых отпадений целых областей. А ведь короли постоянно нуждались в деньгах — для войны, пиров и вообще достойного короля образа жизни, а также для того, чтобы наделять земельными пожалованиями и другими дарами церковь, дружинников, знатных людей, которых было необходимо привлечь на свою сторону.

[65] Ср.: КЗ. С. 30.

Конунги забирали себе особенно удобные земли и дворы, такие, где можно было организовать королевские *усадьбы-хусабю.* Их создавал, как говорилось выше, еще Энунд Дорога. Этот свейский конунг, упоминавшийся Римбертом в «Жизнеописании св. Ансгария» и известный как «строитель дорог», устроил для себя усадьбы в каждой сотне Свитьода и разъезжал по ним, собирая дани и подношения, главным образом натурой, в виде угощений, которые устраивали ему и его дружине («ездил по пирам»). Надо полагать, что там, как и в имениях родовой знати, трудились и работники разного статуса, в том числе рабы. Эти имения (с объединявшими их дорогами!) были важнейшими опорными пунктами, где короли или ярлы не только непосредственно кормились и куда для них свозили некую дань, но и точками, откуда они *контролировали* жизнь каждой округи, осуществляли свою власть над ней, следили за сбором ополчения. Такая кочевая жизнь правителей и их дворов была характерна для всей раннесредневековой Западной Европы и определялась несовершенством государственной власти и примитивностью ее фискально-административного аппарата. Именно такова была ситуация в Скандинавии эпохи викингов.

К последней четверти XI в. относятся первые известные скандинавские дипломы: дарственная грамота датского конунга Кнута Святого Лундскому собору (1085) и другие документы, свидетельствующие о том, что короли отчуждали в пользу церковных учреждений немалую недвижимость. Имея в виду материал об имениях родовой знати, можно заключить, что короли, особенно верховные правители, владели уже достаточно значительными земельными комплексами. При этом королевские владения, так же как и владения знати, были разбросаны по многим районам, это общая *особенность* крупного землевладения в средневековой Скандинавии.

В «Саге о Ньяле» упоминаются управители дворов норвежского конунга (гл. XLIII). Из саги известно также об управляющем датского конунга Свейна[66]. Даже если малый король имел только одно большое имение, он должен был иметь управителя-брюти, в том числе из преданных рабов, как и другие представители родовой знати. Тем более наличие многих имений обязывало владельца держать там управляющих. Естественно, что при том месте, которое занимали *имения-хусабю* в системе королевской власти того времени, управляющие этими имениями неизбежно играли заметную роль в реализации королевской власти на местах. Соответственно, в сагах «дворец» или «замок» королей или ярлов играл также роль официальных резиденций[67].

Доменом свейских, затем шведских королей, как известно, был так называемый «Упсальский удел» (Uppsala öð), на месте которого в Старой Упсале издревле были главное капище и общественный центр свейских вождей, перешедший к тем, кто наследовал их властные функции. Но земли этого удела находились не только

[66] ИСИЭ. С. 82–83.

[67] Их часто называли skali, eldhus. См. в кн.: СОДВ. С. 102, прим. 65.

в Упланде. По мере своего приращения королевские владения возникали по всей стране, доходы от них главным образом и кормили королевские семьи с их окружением. Земли домена нельзя было дарить или продавать, не получив взамен совершенно равноценных владений. Судя по областным законам, уже в XII в. шведские короли присвоили себе права и на значительную часть альменды (до ⅓ общинных земель только в Упланде[68]). И, судя по сагам, этот процесс в каких-то мере и формах, возможно, начался уже в эпоху викингов. Сходные процессы отчуждения общих земель в пользу королей происходили в Норвегии и Дании.

Организуя свои земельные фонды, короли, совместно со знатью, нарушали жизненные интересы бондов, лишая их угодий. О Харальде Прекрасноволосом говорили, что он присваивал себе земли, особенно общинные земли-альменды, в качестве наследственного владения («Сага о Ньяле», гл. XXXII и CLVII), объявляя себя верховным владельцем норвежской территории или обладателем *земельной регалии.* На самом деле трудно поверить, что такие решительные действия власти в отношении общественных земель стали распространяться в Скандинавии ранее XII столетия, но попытки такого рода могли иметь место, тем более что конунг Харальд Прекрасноволосый был человеком волевым и решительным. «Теперь никто из знатнейших и никакой конунг в стране не обладали никакой властью, если их не наделил ею Харальд Прекрасноволосый». «Теперь могущественные мужи не берут виры за родичей, а сами превратились в податных людей» — так характеризует «Сага о людях из Лососьей Долины» появление в Норвегии IX в. такого сильного единого правителя (гл. II)[69]. Полностью эти оценки вряд ли соответствуют действительности, это, скорее, гипербола или дань исторической памяти, бытующей в среде той части родовой знати и бондов, которые были недовольны централизацией страны. Но несомненно, что организация королевского управления на местах, когда бонды теряли полновластие на занимаемой ими территории, равно как и поборы, а также жестокость конунгов и их людей, разоряли бондов. Конунгу теперь должны были подчиняться и большие хёвдинги, и ярлы, правители ряда областей. Провозглашение Харальдом регальной (верховной королевской) собственности на земли страны позволило ему вместо неопределенной по размеру «дани Одина» собирать с бондов *поземельный налог*, не лишая их, однако, их наследственных прав на землю (одаля).

В «Саге об Олаве Святом» (гл. LIII, LVII) описывается, как обустроился этот конунг в торговом Нидаросе. Он построил там усадьбу, где возвел палаты и церковь Св. Марии. В усадьбе короля Олава в Нидаросе служило «60 дружинников», «которым он сам раздавал плату и сам устанавливал закон, и было 30 работников на усадьбе, чтобы было все необходимое, и множество рабов, и 30 гостей»[70], которые

[68] DS. № 139.

[69] ИС I. С. 255–256.

[70] Гости — низшая дружина, порученцы.

получали половину той платы, что полагалась дружинникам (там же, гл. LVIII)[71]. Дом его, где все эти люди помещались, был, видимо, не маленьким. Скорее всего, там были и специальные помещения для приема приглашенных людей.

Специальный «гостевой дом», сооруженный в королевской усадьбе, упоминается в «Саге об Эгиле»[72], в «Саге об Ингваре Путешественнике» и в других сагах, где речь идет о хоромах, о залах, построенных королем, например для гостей, которых ждали на свадьбу, и т.д. Обычно на йоль король устраивал большой пир и приглашал «многих могущественных бондов», которые, как известно, ездили со свитой. Так что без специальных гостевых помещений королю было не обойтись.

После того как Олава Святого «провозгласили королем на всех тингах», все собранные подати должны были свозиться в его усадьбу в город Нидарос (гл. LVI). Об обязанности свозить все, полученное в качестве налогов, во двор конунга говорится и в другом месте саги (гл. XVI). Эти свидетельства представляют интерес в нескольких аспектах. Во-первых, они показывают роль королевских усадеб-хусабю в качестве *центров налогообложения* и, соответственно, распределения государством податей с местного населения. Во-вторых, судя по всему, свозить свои подати должны были сами бонды, видимо, используя собственную тягловую силу, т.е. к их податным обязанностям присоединялась еще и натуральная *извозная повинность*. А поскольку, приезжая в свои усадьбы, конунг, как уже известно, занимался местными делами, в частности относящимися к религии, и вообще творил суд и расправу, то приходится признать, что все эти хусабю вообще были *центрами общественной жизни* данной округи. Иначе говоря, хусабю были *опорными пунктами* и в период завоевания власти, а затем и при ее реализации. Особенно важно, что в этой роли все чаще выступали ранние города, с их стенами, рынками и торговыми пошлинами.

Обязанности и деяния королей

В идеале король был обязан поддерживать порядок в стране, соблюдать мир и справедливость. За ним, его поведением следили тысячи глаз, и он должен был действовать крайне обдуманно, разбирая дела и жалобы[73]. Король распоряжался землей, отнимал ее или наделял ею. Начиная с XI в. короли решительно поддерживали *христианскую церковь*, обращая в христианство язычников и содействуя построению церквей, наделяя церкви имуществом, оказывая (несколько позднее) помощь монастырям и давая привилегии священникам. Церковь платила такому государю взаимностью, и ярчайшими примерами этого являются отношения между Свейном

[71] Судя по последнему замечанию, под «гостями» в данном случае подразумевались порученцы короля (см. ниже).

[72] ИС I. С. 73.

[73] Ср.: КЗ. С. 78–79, 385 и мн. др.

Эстридсеном Датским и Адамом Бременским, позднее — деятельность знаменитого датского епископа Абсалона (рубеж XII–XIII вв.).

Король следил за соблюдением *государственных границ* и участвовал в их определении при спорах с соседями, как это было, например, в середине XI в. между Швецией и Данией или постоянно — между Швецией и Норвегией из-за Западного Гёталанда и Емтланда. Он способствовал *основанию городов*. Так, в Норвегии начиная с 1000 г. короли заложили Трандхейм (торговый порт в области Трандхеймфьорда, севернее Вика и Осло-фьорда), а также Борг (Сарпсборг), Осло, позднее Конунгахеллу (королевскую гавань и южный форт), а затем будущий крупнейший торговый центр страны Берген; кроме того, норвежские короли способствовали подъему религиозного и административного центра Вестфольда — Тунсберга.

Как уже говорилось, деяния некоторых королей, начиная с малых конунгов, вошли в саги, причем саги уделяют им большое внимание. Так, «Сага об Инглингах» повествует, что свей Энунд Дорога, сын Ингвара, конунг с резиденцией в Упсале, был очень богат, причем многое из того, чем он владел, было захвачено во время викингов в страну эстов. «В его дни в Швеции были хорошие урожаи. Из всех конунгов его любили больше всех. Швеция — страна, вся покрытая лесами, которые настолько обширны, что их не проехать и за много дней. Конунг Энунд затратил много труда и средств на то, чтобы их расчистить, а также проложить сквозь заросли *дороги*. И тогда на освобожденные земли устремились люди. Так страна заселилась, поскольку народа, который захотел жить на новых местах, было достаточно. Энунд, проложив дороги по всей Швеции, устраивал вдоль них во всех областях страны свои дворы», за что его и прозвали Энунд Дорога[74].

Этот отрывок особенно интересен тремя сообщениями, которые в нем содержатся. Первое — это постройка дорог через лесные дебри, что имело важное значение для поддержания связи отдельных районов между собой и для централизации свейских земель. При этом, судя по областным законам, постройка и содержание в порядке дорог и мостов с давних пор были обязанностью местных бондов. Второе — что королевская власть содействовала расчисткам и тем самым внутренней колонизации страны. В-третьих, интересно сообщение о сооружении королевских усадеб именно в разных районах подчиненной конунгу территории, притом, судя по тексту, *вблизи дорог*. Такая разбросанность и, одновременно, связь имений, где он останавливался, разъезжая «по всей стране по пирам», вместе с дорогами, с необходимыми коммуникациями, давала ему необходимую и единственно доступную в тех условиях возможность получать подати с населения и вообще контролировать его, включая судебные разбирательства.

Харальд Прекрасноволосый Норвежский запомнился тем, что твердой рукой управлял и малыми конунгами, и знатью так, что при нем «никто из знатнейших

[74] КЗ. С. 29.

конунгов в стране не обладал никакой властью» и «могущественные мужи» боялись того, что «сами превратятся в податных людей»[75]. Однако он вошел в саги с очень высокой репутацией, впоследствии его приводили в пример того, как «подобает вести себя знатному человеку»[76]. Норвежский король-викинг Хакон Добрый (ок. 945 — ок. 960), провозглашенный конунгом «на всех тингах в Упленде», побеждал других викингов, особенно датских и шведских, и «установил мир между бондами». Он был «человек жизнерадостный, красноречивый и простой в обращении. Он был также очень умен и уделял большое внимание установлению законов»; надо думать, что речь идет об *устной фиксации обычного права*; ему приписывается законодательство «Грагас» («Серый гусь»). А около 950 г. он учредил тинг Северо-Западной Норвегии во Фросте — Фростатинг. Он «учредил законы Гулатинга по советам Торлейва Умного и законы Фростатинга по советам [хладирского] Сигурда ярла и других трандхеймцев, которые считались наиболее умными. А законы Эйдсиватинга учредил Хальвдан Черный»[77]. Эйдсиватинг, который собирался в Нидаросе (в совр. Трандхейме) как областной тинг, фигурирует в том же IX в. в «Саге о Хальвдане Черном», где учреждение тинга также приписывается именно этому королю. Что касается Боргартинга, то впервые он упоминается лишь в «Саге о Сверрире» (гл. CXXXII): там был провозглашен королем Инги Магнуссон[78].

О Хаконе Добром известно также, что он разделил земли Норвегии на *корабельные округа*, а последние, в свою очередь, поделил между *фюльками*. На некоторые пиры он приглашал, кроме дружины, также многих бондов[79].

В саги вошел тот (казалось бы, малозначительный) факт, что Олав Святой запретил поставлять гаутам (гётам) сельдь и соль, в чем они очень нуждались (гл. LXI); видимо, таким способом он оказывал на них политическое давление. Кроме того, при этом короле, если верить ссылкам на его распоряжения в писаных областных законах XIII в., были также введены некие правила о порядке интронизации королей на тингах и об обязанностях бондов по отношению к королю, которые определялись как «*услуги*».

Харальд Суровый Правитель начал чеканить *норвежскую монету* и объявил это *дело регалией*, т.е. правом короля. Он же начал и практику *порчи монеты*, подмешивая к серебру слишком много меди, отчего монета становилась «черной» и обесценивалась. Этому королю приписывается основание города Осло.

Об Олаве Тихом (1066–1093) Снорри нашел нужным сообщить, что он изменил расположение своего престола: раньше королевское место находилось в середине

[75] Сага о людях из Лососьей Долины // ИС I. С. 255–256.

[76] Сага об Олаве Святом // КЗ. С. 182.

[77] КЗ. С. 72. Эйдсиватинг получил название от подворья Eid в Восточной Норвегии. Его законы, как и законы Боргартинга, собрания четвертой четверти страны, располагавшейся вокруг Ослофьорда, не сохранились.

[78] Сага о Сверрире. С. 128.

[79] КЗ. С. 78 и др.

поперечной скамьи, а при нем стало располагаться в середине длинной скамьи. Видимо, расположение королевского трона было примечательной деталью как для авторов фольклорной основы саги, так и для ее позднейших обработчиков. Но сага также отмечает, что этот конунг способствовал росту *городов и торговли*, привлекал в страну купцов и основал (купеческие? духовные?) *гильдии*, достраивал и возводил (деревянные) *церкви*. Он ввел много новых мод и обычаев. Новым, например, был обычай (ритуал), согласно которому стольники подносили чашу наиболее знатным гостям (по знаку конунга?). И чтобы свечники держали [на пире] свечи, а самые знатные люди, окольничьи короля сидели за особым [почетным?] столом, лицом к креслу конунга. С собой по пирам он возил до 250 человек воинов и слуг («Сага об Олаве Тихом», гл. 1).

В «Саге о Харальде Серая Шкура» говорится, что в голодный год, когда не родился хлеб и скот нельзя было выпускать на поля, поскольку с них не сошел снег, правитель *закупил для людей* скот, собрав с них всего «по деньге» (?), а сельдь приобрел *на свои средства*, продав запас стрел[80].

А Олав сын Трюггви был крестителем Норвегии, он объединил эту страну и стал чеканить собственную монету.

В кратковременное правление в Норвегии Свейна Датского, сына Кнута Могучего (первая треть XI в.), «…никто не мог уехать из страны без разрешения конунга, а если он все же уезжал, то все его владения доставались конунгу. Тот, кто совершал убийство, лишался земель и добра. Если человеку, объявленному вне закона, выпадало наследство, то это наследство присваивал конунг». Свейн наложил на бондов большие *подати*, кроме того, он принуждал их строить для себя дома, т.е. выполнять *строительные отработки*[81]. «От каждых семи человек старше пяти лет (?!) один человек должен был идти в войско конунга (когда он объявлял сбор *ополчения*). На каждом выходящем в море корабле следовало оставлять место для конунга». Каждый, уезжающий в Исландию, кто бы он ни был — иноземец или местный житель, был обязан уплатить конунгу *пошлину*. К тому же при тяжбах свидетельство одного датчанина «перевешивало свидетельство десяти норвежцев». Наконец, каждый, выходящий в море по любой надобности, обязан был отдать конунгу пять рыбин[82].

Этот материал уже использовался ранее, но в ином аспекте. Между тем и в связи с темой данного очерка он весьма интересен. По существу, он содержит сведения о характере королевского правления и законов в Дании; в таком объеме они — единственные в сагах. Очевидно, что распорядки в этой стране при Кнуте Великом были намного жестче, нежели у скандинавов-соседей, что и вызвало волнение среди

[80] КЗ. С. 96–107.

[81] На общинах и местных жителях вообще лежала, как уже говорилось, обязанность строить и поддерживать в хорошем состоянии мосты и дороги, что в богатой реками, скалами и болотами Скандинавии было большой заботой. Они же выполняли для короля и строительные работы.

[82] Там же. С. 370–371.

норвежцев. Очевидно также, что в Дании короли действовали более решительно, обладали значительно большими правами и привилегиями, особенно в отношении имущества подданных.

Уже в конце XI в. Кнут II Свейнссон *попытался* ввести в среде знати вассальную систему, упорядочить поборы с бондов и освободить трэлей от личной зависимости. Судя по «Саге о Кнютлингах», крестьяне, которых, видимо, подстрекала знать, убили его в соборе. Позднее Кнут II стал первым датским святым, для бондов — «Божьим королем».

Еще раньше король-викинг Свейн Эстридсен (1047–1074), внучатый племянник Кнута Великого, вошел в историю, помимо всего прочего, благодаря тому, что при содействии Адама Бременского разделил страну на 7 епископств, а последние на приходы, наделил епископов земельной собственностью; в 60-х гг. XI в. он пожаловал земли августинскому монастырю[83]. Интересные отклики в «Роскилльской хронике» получили четыре (из пяти по очереди правивших в стране) его (незаконных — при наличии законных!) сына, которые возглавляли Данию в общем в течение 60 лет (1074–1134). О Харальде Точило сага говорит, что он был «муж замечательный, правитель справедливейший. Он приказал передать в общее пользование леса, которые присвоили себе только знатные люди» (!). Его брат Олав Голод получил такое прозвище потому, что в течение всего девятилетнего правления этого короля страна страдала от голода. Бедствие закончилось при его брате Эрике Добром (1095–1103), который «напридумал много жестоких и несправедливых законов», содержание которых не излагается. Последний сын Свейна Нильс был «муж смирный и бесхитростный, совсем не правитель»; но при нем светская знать вступила в очень серьезные противоречия с клириками, в которые оказались втянутыми и многие бонды (см. выше)[84].

Полномочия и права монарха

Сколько-нибудь связные, последовательные сведения о правах королей в сагах найти трудно, тем более что от страны к стране, от правления к правлению полномочия правителей менялись. Возникает впечатление, что каждый правитель имел столько прав, сколько смог получить.

В Норвегии права короля в какой-то мере прописаны в Законах Гулатинга. Но только при Магнусе Эрлингссоне (1161–1184) были приняты законодательные установления относительно престолонаследия и состава выборщиков короля. То, что во времена восстания биркебейнеров во главе со Сверриром, а позднее в битве конунга Магнуса с повстанцами-«посошниками» погибла значительная часть

[83] См. часть 4.

[84] РХ. Гл. XI–XIII.

норвежской родовой знати, способствовало укреплению позиций короля, хотя упорядочение королевской власти растянулось на ряд столетий. Мотивация законодательной деятельности в XIII в. оставалась прежней: *исправление*, а не введение новых законов. Не случайно Магнус сын Хакона (1263–1280), введший очень важные *новые* законы, прозывался *Исправитель Законов*[85]. Но по-прежнему законы должны были одобряться тингом.

Касающихся Швеции материалов такого рода почти нет. Но из car, например, следует, что судебные решения, связанные с собственной персоной, король принимал *единолично*, хотя и прислушивался к советам своего окружения. О некоторых законах известно из других, обычно более поздних источников, особенно из разделов «О правах короля» областных законов, начиная с первой трети XIII в., на которые оказало влияние (впрочем, незначительное) римское право, в частности на отношение к особе государя. Затем из «Хроники Эрика» узнаем о реформах ярла Биргера, правившего при Эрике («Шепелявом и Хромом», середина XIII в.). Наряду с законами об участии женщин (уже после выделения приданого?) в наследовании имущества после отца, в том числе недвижимости, о неприкосновенности («мире») двора бонда и другими был введен закон о королевской клятве. Ярл Биргер также «построил Стокгольм», точнее, построил крепость при поселении (скорее всего, рыбацком), вокруг которой выросла *столица страны*; наличие столицы очень важно для централизации каждого государства. В ряде областных законов Швеции последней четверти XIII в. (в Младшем изводе Вестгёталага, а также Упландслаге, Хельсингелаге) *мятеж против короля*, независимо от побудительных мотивов, карается лишением виновных жизни и конфискацией всего их имущества в пользу короны. Только в конце 70-х гг. XIII в. в шведском латиноязычном дипломе впервые упоминается «*королевское величество*» (regia majestas), за оскорбление которого и мятеж через несколько лет была казнена группа знатных уппландцев (Фолькунгов), а их значительная собственность конфискована[86].

Но в какой мере эти установления, как и более поздние законы Норвегии, включают в себя или отражают обычаи двухсотлетней давности? Одно ясно: власть монарха в Скандинавских странах еще долго была, пусть и в убывающей степени, ограничена знатью и идущими за ней бондами, особенно в ландах.

[85] В середине XIII в. Хакон Хаконарссон еще раз серьезно продумал закон о порядке престолонаследия, закрепил старые и ввел новые судебные права лагманов, провел реформу системы денежных штрафов. Результаты этих преобразований, а также более поздних реформ короля Магнуса Эрлингссона, как и более старые законы Олава Святого, были внесены в Ландслов сына Хакона, короля «милостью Божьей» Магнуса Исправителя Законов. Наряду с определенным упорядочением престолонаследия и выборов короля *знатью* на общем тинге, там содержатся установления в отношении родовой, общинной и личной собственности. Но самым главным в Ландслове является господство *идеи об избранности короля,* а объем *его прав* уже заметно преобладает над объемом его обязанностей, особенно в отношении рядовых бондов. И так же, как и ранее, законодательный кодекс утверждается тингом, но, конечно, уже в элитном составе. Но все это — в перспективе.

[86] DS. № 692, 753.

Воплощением этого ограничения был институт *тинга*[87]. Об этом уже говорилось в связи с выборами и смещением королей, теперь пора сказать об этом органе в контексте *полномочий* избранного государя.

Монах Римберт рассказывает о том, как епископ-миссионер Ансгарий и сопровождавшие его лица прибыли около 850 г. в главный торговый центр свеев Бирку с тем, чтобы добиться разрешения построить там церковь и проповедовать христианство. Ансгарий обратился к местному королю Олаву, чья резиденция была по соседству, на островке Альснё, за разрешением. Король был согласен, но сказал, что он *не может* решить этот вопрос самостоятельно и должен созвать *народное собрание* (placitum) свеев в Бирке и «в другой части государства». Подобным же образом позднее, как повествует «Сага о Хаконе Добром» (гл. XV), норвежский король уговаривал бондов принять христианство на областном народном собрании — Фростатинге[88].

Затем, когда исторические области-ланды превратились в административные *округа*, роль местного судебного и, отчасти, законодательного органа взяли на себя *ландстинги*, где, как когда-то на тинге племени, регулярно напоминалось и толковалось обычное право. Там же решались вопросы о соответствии обычаям ланда новых постановлений короля, новых налогов или порядка их взимания, созыва нового ополчения и т.д. Контролирующая и прочая деятельность тингов, вообще *политическая позиция* ландов занимали в отношениях с королевской властью, в обозначении и ограничении ее полномочий роль, которую трудно переоценить. Не случайно анонимный автор хроники «Христианские короли Швеции», намереваясь похвалить короля Инге Старого (ум. 1118), написал о нем: «Никогда не нарушал законы, которые были высказаны и приняты в каждом ланде». И позднее, в период кодификации *областных законов*, эти своды лишь за редким исключением составлялись в самих ландах, но под руководством лагманов, и принимались на ландстингах, что играло заметную роль в консервации патриархальных обычаев. Различия в некоторых законах отдельных ландов и большая роль областных тингов в решении государственных вопросов говорят как об *ограничениях королевской* власти в Швеции, так и о недостаточной централизации страны еще в XIII в.

Ландстинг осуществлял и другие функции: *политико-административные и судебные* (о них будет сказано ниже), что еще более ограничивало власть короля. О роли верхушки местного общества, прежде всего в составлении и принятии областных законов, выразительно сказано в Гуталаге. Ряд пунктов Гуталага (гл. 2–6 и др.), где идет речь о принятии закона на тинге, начинаются со слов: «Также договорились...»; например: «Также договорились, что то, что здесь [в Гуталаге] *записано, является законом*». В случае, если возникнут разногласия, они должны

[87] См. часть 7.

[88] КЗ. С. 67–86.

решаться большинством голосов судей, коллегия которых занимала на Готланде место лагмана. Разбирались на ландстингах также конфликты между королем и знатью, хотя постепенно эта функция перешла к совету знатных при короле. Влиятельные господа, вступая с королем в споры на тингах, нередко получали поддержку народа.

Признаком и средством укрепления власти, а также авторитета единого короля было использование им *монетной чеканки*, примерно с рубежа X и XI вв. Среди первых королей трех Скандинавских стран, чеканивших свою монету, были крестители Олав сын Трюггви, Харальд Синезубый и Олав Шведский, поэтому на всех первых монетах имеется изображение креста. Известны монеты из города Хедебю, на которых изображены корабль и конь (или олень) — символы плаваний и походов. На монетах Олава Шведского король «свеев и гётов» впервые изображен с короной на голове и с символами королевской власти в руках. Надпись Si[tuna] Dei, т.е. упоминание [милости] Господа, как и изображение креста, выглядит вызовом со стороны короля Олава: Сигтуна (где, вероятно, отчеканена эта монета), известная как старинный центр языческого культа, здесь представлена как христианский центр. Своего серебра, которое было основным монетным металлом Средневековья, у скандинавов тогда не было. Но регион в ту эпоху вряд ли нуждался в собственной монете, поскольку был переполнен ввозными серебряными монетами, слитками серебра и драгоценностями, которые использовались в качестве средств платежа. Поэтому чеканка своей монеты в начале XI столетия, на мой взгляд, была скорее *политическим шагом* первых скандинавских королей и «наглядным средством», направленными на пропаганду, укрепление их верховной власти и на утверждение христианства.

Разумеется, средствами повышения авторитета как короля, так и знатных людей был их образ жизни, использование определенного набора *знаков статуса*: укрепленная резиденция с большим, роскошно убранным жилым домом; отличная большая дружина; флот, состоящий из разных, в том числе военных, кораблей; дорогое оружие, роскошные одежды и много драгоценностей; намогильный курган с камерой и богатствами внутри. Отличались широтой не только королевские свадьбы и похороны, но и повседневные трапезы. Все это формировало «королевское достоинство».

Некоторые итоги

Очевидно, что скандинавский король в своей законодательной и судебной деятельности должен был хотя бы по форме подчиняться тем же общим вековым обычаям, установлениям и ритуалам, что и весь народ. Более того, новые законы и реформы должны были обязательно апеллировать к «старым обычаям», выступая не иначе как исправление искажений обычая, как *улучшение* законов. Не случайно

(это обстоятельство хочется еще раз подчеркнуть) еще в последней трети XIII в. короля Магнуса II Норвежского, знаменитого тем, что он подверг ревизии четыре областных закона Норвегии и в 1274–1275 гг. заменил их общим для страны законодательством — Ландсловом, называли Лагабётер, т.е. Исправитель Законов. И только в его законодательстве, помимо прочего, провозглашено, что «*король поставлен над законами*» и что к нему можно обращаться с жалобами на решения тинга и лагмана.

Очевидно, что первые, ранние попытки конунгов ужесточить свою власть, ввести постоянные налоги и т.п., встречавшие дружное сопротивление народа, были временными, в известном смысле забегающими вперед мерами отдельных королей. И не случайно верховные правители, кочующие в погоне за вейцлами, имели *резиденции*, но еще *не имели столиц*. Именно так обстояло дело в эпоху викингов.

«БЛИЖНИЕ» КОРОЛЯ: УДЕРЖАНИЕ И РАЗДЕЛЕНИЕ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Важной проблемой, касающейся монархического режима в возникающих единых Скандинавских государствах, которую можно в некоторой степени проследить по сагам, является образование особых методов и структур *публичной* власти и, соответственно, *социальных страт*, которые эту власть осуществляли, выступая связующим звеном между монархом и его народом. Речь, таким образом, идет о *механизме власти.*

Судя по сагам, уже на первых этапах государственной жизни в Скандинавии выстраивается *некая вертикаль*, но не существовало какого-либо «аппарата» или особых органов власти ни в центре, ни на местах. В областях распоряжались лагманы и вообще родовая знать. Сверху донизу действовал тинг. Верховную власть осуществлял *лично* король, при непосредственном участии своего ближайшего окружения. Как это происходило? Каким образом король реализовал свои правообязанности правителя страны и удовлетворял личные амбиции? И что именно в этой сфере происходило за рамками традиционных представлений и неизбежных клише саг?

Прежде всего рассмотрим воинский контингент королей: ведь их жизнь и отношения между собой в значительной мере были заполнены войнами.

Король собирает народное ополчение

Скандинавский король, который рассматривался как *военный лидер* страны, значительную, если не большую часть времени своего правления проводил на коне, с мечом и щитом, воюя, наступая и обороняясь.

Короли следили за соблюдением границ государства, что облегчалось многочисленными природными рубежами, их разделявшими. И все же договоренности о границах были нужны. Поэтому, например, в 1070 г. датский и шведский короли, захватив с собой по шесть советников, встретились для уточнения пограничных линий между своими странами. Шведам пришлось в который раз отказаться от юга Скандинавского полуострова и, соответственно, прямого выхода к проливу Зунд и далее, в Северное море и Атлантику[89].

[89] Решения в свою пользу насущного на протяжении многих столетий вопроса об областях Сконе, Блекинге и Халланд шведы добились военным путем, но много позднее, только в период своего так называемого «великодержавия».

Уже не раз отмечалось, что и малый, и большой король, как и каждый знатный хёвдинг, был прежде всего воином и *военным вождем,* лично участвующим в схватках и благодаря своей отваге приобретающим славу. Автор поэмы «Беовульф» уже в начале своего произведения говорит про «доблесть данов, конунгов датских, чья слава в битвах была добыта». Редкий король не стремился расширить территорию своей страны, установить власть над соседними и даже более отдаленными землями и, уж во всяком случае, хотя бы защитить уже имеющиеся территории. После завершения походов викингов завоевательные походы скандинавов сосредоточились на землях соседней Восточной Балтики, где особенно активно действовали Швеция и Дания, с благословения папского престола и с помощью немецких рыцарей-крестоносцев организуя Крестовые походы, вошедшие в историю как «северные», но короли в этих походах *лично* уже не участвовали[90]. Немало времени короли проводили и в междоусобных битвах, захватывая или отстаивая власть в сражениях со знатными соперниками и собственным народом.

Военные силы, которые мог выставить король, в идеале состояли из народного ополчения, отрядов знатных союзников, наемников и его личной дружины.

Благодаря сагам и поэтическому наследию того времени известно, что, готовясь к сражению, конунг обычно объявлял *сбор ополчения* на подвластной ему территории, на который прибывали и его сторонники — верные ему знатные люди («Сага об Эгиле», гл. IX)[91]. Король имел право объявлять сбор войска: «законного ледунга» либо пешего ополчения-*лида*. Он был обязан объявить об этом на *тинге* и получить там согласие собравшихся, а затем нести ответственность за подготовку военного предприятия. При необходимости он произносил формулу «весло и упряжь», которая при созыве смешанного ополчения означала требование строить суда и снаряжать боевых коней[92]. Ополчения бондов каждого ланда возглавлялись лагманами и хёвдингами херадов (сотен), а сигналом его сбора служила «ратная стрела», которую передавали из хутора в хутор со всей возможной быстротой сами бонды, либо гонцы; так собирали боеспособных мужчин, по 100 человек с каждой сотни или по 120 человек с «большой сотни». Скорее всего король созывал ополчение в том ланде, где находился на момент начала военных действий, поскольку упоминания об общем ополчении, которое собиралось бы со всей страны, мне в сагах не встречалось[93].

[90] Так, ведя войны с конца XII в. в Прибалтике, датчане под знаком креста завоевали значительные территории и, согласно легенде, даже чудесным образом обрели там знамя своей страны (Dannebrog), на котором изображены три леопарда (позднее льва) на золотом фоне; знамя, где изображен белый крест на красном фоне, появилось много позднее. Шведские короли в конце этого и в последовавшие за ним столетия организовывали Крестовые походы в карело-финские земли, в результате присоединив их значительную часть к своему государству. Норвегия в середине XIII в. формально установила власть своего короля над Исландией (альтинг 1262 г.).

[91] ИС I. С. 34 и сл.

[92] ИС II:1. С. 404, прим. 57.

[93] Сага об Олаве сыне Трюгтви. Гл. LIX // КЗ. С. 4381; ср. С. 380.

Особенно влиятельным людям конунг обещал за помощь всякие блага, в том числе руку дочери или сына. Ярлы, как и малые конунги, и хёвдинги, приходили со своими дружинами, и всегда существовала опасность, что знатный союзник в решительный момент перейдет на сторону противника[94].

Кроме того, короли прибегали к помощи *военных наемников.* В «Саге об Олаве Святом» (гл. VIII) говорится, что король дал «много денег» своим людям, поручив им набрать войско, а также обратился за помощью к «другим викингам».

В норвежском Ландслове последней трети XIII в. говорится об «*оружейном тинге*», который собирался в сотнях перед походом и на котором вооруженные воины, выстроившись шеренгой, по трое в каждом ряду, проходили перед главой сотни. Не исключено, что смотр боевой готовности ополчения в похожей или иной форме имел место и в эпоху викингов, во всяком случае перед походами, организованными королем или ярлом, а Ландслов законодательно оформил и упорядочил этот обычай.

Непосредственно перед битвой войско выстраивалось в определенном порядке, применительно к каждому конкретному случаю. Вот как об этом рассказывает «Сага о Харальде Суровом», сыне Сигурда, конунге, викинге и поэте, том самом, который отправился в Англию в 1066 г., чтобы снова покорить ее, но не вернулся оттуда.

Итак, конунг объявил морской и пеший (т.е. смешанный) поход и созвал ополчение. Высадившись в месте будущей битвы, стали к ней готовиться. Услышав от ярла Тости приятное заявление, что «у него нет охоты обращаться в бегство», Харальд велел поднять свое знамя «Опустошитель страны», и сага называет имя знаменосца: «Фрирекомзвали человека, который нес знамя». «Затем Харальд конунг выстроил свое войско так, чтобы ряды были длинными, но не глубокими. Он отвел оба крыла назад, так что они сомкнулись. Образовался широкий и плотный круг, ровный снаружи, щит к щиту во всю глубину строя. А дружина конунга находилась внутри круга вместе со знаменем. То было отборное войско. В другом месте внутри круга стоял Тости ярл со своею дружиной. У него было другое знамя. Построились так по той причине, что, как конунг знал, рыцари (речь идет об англичанах. — *А.С.*) обычно нападают небольшими отрядами и тут же отступают.

Тут конунг сказал, что его дружина и дружина ярла должны вступать в бой там, где будет наибольшая нужда.

— А лучники наши тоже должны быть вместе с нами. Те, кто стоят впереди, пусть воткнут в землю древка своих копий, а острия направят в грудь рыцарям, если они поскачут на нас; те же, кто стоит за ними, пусть наставит копья в грудь их коням» (гл. LXXXVIII–LXXXIX)[95].

Средства, необходимые на оплату воинов, их вооружение, амуницию, средства передвижения, продовольствие и фураж, королю нередко приходилось добывать

[94] КЗ. С. 456.

[95] Там же.

самому (ср.: «Сага об Олаве Святом», гл. XXVII). Та ситуация, когда бонды охотно отправлялись в викинги, имея в виду личную выгоду, постепенно уходила в прошлое. Единый король ставил перед войском иные задачи.

Для простых бондов-ополченцев обязанность воевать ради короля, ради его интересов постепенно стала более чем *обременительной*. Уже Харальд Прекрасноволосый, как упоминалось выше, не рассчитывая на добровольное участие бондов в своих воинских предприятиях, обязывал херсиров обеспечивать его армию известным числом ополченцев. Конечно, в эпоху викингов еще долго действовали племенные этические нормы. Но даже если сведения о реформах Харальда не вполне достоверны, все же составители саги не могли не уловить (хотя бы из устной традиции) известные тенденции в этом отношении, характерные для действий центральной власти уже в тот период. По мере разукрупнения семей и особенно роста имущественной дифференциации, которую, как мы убедились, вполне можно проследить по сагам, менее состоятельные бонды все неохотнее оставляли хозяйство, тем более что участие в сражениях грозило им смертью, а их семьям — сиротством и разорением.

О ненадежности бондов как участников ополчения, особенно если они не очень одобряли местного правителя и его цели, свидетельствует выразительная «Сага о Магнусе Добром» (гл. IV). Там рассказывается, что Свейн сын Кнута Великого задумал завладеть троном в Норвегии и с этой целью вступить в сражение с тамошним королем Магнусом сыном [св.] Олава. Находясь в Хердаланде, он «приказал вырезать ратную стрелу и послать ее на четыре стороны, созывая к себе всех бондов. Он объявил, что собирает общее ополчение для защиты страны. Все, кто были неподалеку (!), собрались к конунгу. Конунг созвал тинг и обратился к бондам с речью», призывая их следовать за ним. Бонды отнеслись к его словам без всякого одобрения. Датские вожди, что были вместе с королем, «произнесли длинные и красивые речи, но бонды возражали им». Некоторые соглашались сражаться на его стороне, другие отказывались, третьи молчали, а кое-кто прямо говорил, «что перейдет на сторону Магнуса», как только «представится возможность». Свейн понял, что не может положиться на верность даже тех, кто изъявил желание следовать за ним. Тогда он «и все его люди» повернули корабли, подняли паруса и вдоль берега поплыли обратно в Данию.

В XII в. в «Саге о Сверрире» (гл. 144) уже откровенно говорится, что бонды, собранные для участия в военно-морской экспедиции, разбегаются, едва ступив на землю.

Дружина короля как институт власти и ее этика

При всех преувеличениях саг и скальдической поэзии, все же несомненно, что могущество короля-викинга во многом, а нередко и главным образом зависело от его дружины.

Как уже говорилось, в эпоху викингов самые важные *воинские функции* были сосредоточены в руках высших слоев скандинавского общества. Входивший в них профессиональный воинский контингент составлял как бы *особую социальную страту,* к которой принадлежали дружины королей и знати. Кроме того, именно дружинники были наиболее организованными и профессионально подготовленными представителями военного контингента.

Судя по сагам, *дружина-хирд*, фирд (др.-исл. herðn)[96] в эпоху викингов была не только «личным военным сопровождением» королей и знатных людей, она была *основой их военной силы* и поэтому играла столь большую роль в борьбе за власть и влияние тогдашних правителей разного ранга, что ее трудно переоценить и о ней следует поговорить особо.

«Сага о Харальде Серая Шкура», события в которой относятся к X в., рассказывает, что тогда «конунгов было много и у каждого была своя дружина»[97]. Дружинников тщательно отбирали и проверяли «в деле», ценили, поощряли. После того как противники заключали временный мир, дружинникам могли предоставить некий отпуск[98]. Каждый хёвдинг или херреман, имевший дружину, был для нее и для окружающих «*дроттин*» — высокодостойный (hedwaerða) господин, патрон, сеньор. Эта позиция постепенно превратилась в *звание-титул*, которое считалось очень высоким. Например, в Дании и Швеции, согласно Снорри, только с появлением единого (верховного) короля титул «*дрот*», «дроттин», «дроте» стал цениться ниже конунга, заняв второе место в иерархии верховной власти[99].

В сагах дружине уделено немало места, правда, не столько дружинным порядкам, сколько самим *дружинникам-хирдманам,* отношениям воинов со своим патроном и их высокому положению в обществе[100].

Как можно убедиться, знакомясь с «Сагой об Олаве Святом» (гл. XVI, XVII, LVIII), у конунга было как бы две дружины. Первая, или «*верхняя*» *дружина*, собственно *хирд,* была боевым отрядом короля, его гвардией, охраной и состояла из особо доверенных людей. Не случайно др.-исл. herðn могло означать также окружение, двор короля или знатного человека. Воина из верхней дружины называли *хирдман* или *тегн* (þegn, thegn, ср. англ.-сакс. «тэн») — архаическое слово, обозначение свободнорожденного и знатного человека; в эпоху викингов это ближние подданные. И дружинник-тегн относился к ближайшим людям короля, именно тегны получали все главные назначения — военные, административные, дипломатические. Тегн

[96] Ср. англ.-сакс. fierd. Существует предположение, что это наименование произошло от глагола fara, fera — «передвигаться», «путешествовать». Но к VII–VIII вв. это уже «вооруженная экспедиция», отряд, возглавляемый королем или по его приказу иным знатным человеком, обычно — относительно стабильная дружина.

[97] КЗ. С. 89. О дружине ярла см., например: ИС II:2. С. 271.

[98] См., например: Сага о Греттире. Гл. 156.

[99] КЗ. С. 19. Согласно «Хронике Эрика», дроте в Швеции занимал первое место при королях еще в XIV в.

[100] См., например: ИС I. С. 34, 36, 42, 45, 46, 275–276, 448.

обычно имел землю или наделялся ею в служебном порядке. Как правило, это был знатный человек, но к XIII в., в результате взаимного истребления знати в ходе междоусобиц, особенно в Норвегии и Швеции, в среду старших дружинников попадали и люди из верхушки бондов — хольдов (норв.) или стурбондов (шведск.).

«Нижняя», вторая дружина состояла преимущественно из *дренгов,* т.е. как бы «помощников», «прислуживающих», *порученцев* короля. Их частно называли «*гости*», но также «*фелаги*»[101]. Дренгов было вдвое меньше, чем хирдманов, и они получали половинную по сравнению с хирдманами оплату, т.е. были значительно менее привилегированными. Их не нужно путать со слугами, в том числе с охранниками-*хускарлами* и *свенами*, которые могли выполнять обязанности и рядовых воинов[102], особенно у хёвдингов и богатых бондов. В случае надобности дренги присоединялись к хирду.

В сагах можно также найти сведения о наемных отрядах, которые использовались в критических ситуациях, возникавших в моменты схваток за власть или с соседними областями, позднее странами. Но подробностей обо всех этих людях и их службе немного. Основное внимание уделено хирду.

Снорри в «Младшей Эдде» пишет, что дружинники и «старшие среди домашней стражи», т.е. внутренней охраны, состоявшей непосредственно при особе короля, в кеннингах зовутся «внутренней дружиной» или «охранниками...»[103], а также «охранниками вождя» и «дружиной». Возможно, к числу доверенных воинов относились и те, кто караулил оружие (ср.: «Беовульф», ст. 400). Плата таким дружинникам зовется «жалованьем» либо «даром правителя», иногда — «вознаграждением внутренней дружины»[104].

Древнеанглийская песнь «Битва при Мэлдоне» говорит о войске и отдельно — о личной дружине вождя. В тяжелый момент битвы звучит призыв: «...сила иссякла — сердцем мужайтесь!» Тем более что «...судьба от смерти / того спасает, / кто сам бесстрашен!» и «Уж лучше воину уйти из жизни, чем жить с позором!» (ст. 318, 574–575, 2889–2890). Другая песнь, «Битва при Финнсбурге», утверждает, что при нападении врага на защиту вождя прежде всего должна встать его дружина (ст. 10–17):

> …Вы вставайте, / воины, просыпайтесь,
> снаряжайтесь, мужи, / о дружине порадейте.
> Поспешайте в сражение, / неустрашимые, бейтесь!
> Пробудилась тогда / добродоблестная дружина,
> златосбруйные встали / знатные мечебойцы
> у дверей на страже / ратники великолепные
> с мечами, сильные...

[101] Gestir — букв. «гости»; felgi, felagi — сотоварищи; drengr — помощник, «подмастерье».

[102] Сага о Сверрире. Гл. 9.

[103] Ср. др.-рус. «гридница»-палата и гридь-«ближняя дружина», также «двор» великого князя.

[104] Младшая Эдда. С. 160.

В доме (соседнего?) «фризского короля» 60 его дружинников «...пять рубились дней, / и не пал, не попятился / ни единый из верной / стражи у дверей» (ст. 43–44).

Если дружина малого конунга могла состоять примерно из 10 воинов[105], хотя иногда и большего числа, то старшая дружина «главного» насчитывала не менее 60 воинов, а подчас и сотню, и много более.

При необходимости король мог увеличить дружину. В морских походах число дружинников зависело от размера корабля. В «Саге об Олаве Святом» сказано, что на его корабле была «отборная дружина» — 100 человек в кольчугах и вяленых шлемах, с которой он ходил в походы. На их шлемы белой краской было нанесено по два креста. Перед каждым боем, которых было много на его пути к власти, Олав совершал молебен. В «Пряди об Эмунде», где говорится о норманнах на службе у Ярослава Мудрого, в частности, указано, что в его «варяжской дружине» было 600 воинов — целая армия отборных бойцов; речь, несомненно, идет, скорее всего, о наемных воинах, а не о собственно дружине. На 30 кораблях Ингвара Путешественника, которые вели командиры-кормчие (стюриманы), могло разместиться от 500 до 1000, а в случае надобности и 1200 воинов[106], однако такая армия подчас собиралась для большого ледунга, так что и здесь авторы, вероятно, завышают численность участников похода.

Каждый дружинник должен был отлично владеть воинским искусством. Желая быть принятым на службу к королю св. Олаву, герой «Пряди о Тормоде» говорит о себе, что в свои 30 лет он убил уже шестерых людей и тем самым доказал, что может за себя постоять. Дружинники короля поддержали его просьбу, и Тормод стал сопровождать короля в его походах[107]. Один из превосходных воинов Гуннар «сын Хамунда жил в Хлидаренди на гряде Фльотсхлид». Он был «рослый, сильный и очень искусный в бою. Он рубил мечом обеими руками и в то же время метал копья, если хотел. Он так быстро взмахивал мечом, что казалось, будто в воздухе три меча. Не было равных ему в стрельбе из лука, он всегда попадал без промаха в цель. Он мог подпрыгнуть в полном вооружении больше чем на высоту своего роста и прыгал назад не хуже, чем вперед. Он плавал как тюлень. Не было такой игры, в которой кто-либо мог состязаться с ним. О нем говорили, что ловкостью он превосходит всех». Красивый, светлокожий и светловолосый, он ко всему прочему «прекрасно знал правила обхождения, был выносли в, щедр и сдержан, верен в дружбе и строг в выборе друзей. Много у него было всякого добра»[108].

Этот великолепный образ хирдмана, искусно и, я бы сказала, любовно выписанный Снорри, дает представление об идеале *мужа-воина,* выработанном в сагах и поэзии эпохи викингов — по сути *рыцаря*. Конечно, этот образ является

[105] ИС I. С. 65.

[106] Там же. С. 306. Сн. 52.

[107] ИС II:1. С. 542, 547, 549. Висы № 3, 4, 31 и 34, в пер. Ф.Б. Успенского.

[108] КЗ. С. 476.

собирательным, хотя и соотнесен с некими реальными прототипами. Дела викингов показывают, что с правилами обхождения и сдержанностью дело у них обстояло сложно, но воины они действительно были превосходные. Очевидно также, что дружинники были именно профессиональными воинами, что важно для понимания методов удержания власти в тех местах и в те времена.

В исполненной дружинных, в сущности рыцарских мотивов поэме «Беовульф» ярко описана не только «модель» хирдмана, его поведения и отношений с вождем, но и выражен *этос* дружины. Дружина гёта Беовульфа, пришедшая вместе с ним на помощь данам, — это «герои гаутские». Когда вождю угрожала опасность, «...к нему на выручку / поспел дружинник: /...знатный родом, / известный мужеством, / силой и ловкостью». Здесь и (повторяющийся) мотив битвы в самом дворце вождя: «Иногда в чертогах сражались с врагами, / нежданно нагрянувшими»; а после победы в этих же чертогах вместе пировали обе воевавшие дружины — датчан и пришедших им на помощь гаутов (ст. 206, 480–490, 760–770 и др.).

Большой позор, продолжает поэма, если дружинник, струсив, бросает конунга (ст. 2595): «Уж лучше воину / уйти из жизни, чем жить с позором» (ст. 2889). А вот слова, вложенные автором песни в уста самого хирдмана (ст. 2650):

…Бог свидетель,
уж лучше мне / в пламени навеки сгинуть,
владыку спасая, / чем ждать в укрытии!
Бесчестно было бы / нам, щитоносцам,
вспять обратиться, / не испытавши
врага железом, / не встав на сторону
правителя... / Не должным образом
вождю мы платим / за прежние милости,
коль скоро конунг, / покинутый гаутами,
гибнет в битве! / Да будет щит мой
и меч в сраженье / ему подспорьем!

В «Саге о Магнусе Добром» (гл. VII) потеря дружинником своего вождя предстает большим горем, нежели потеря мужем любимой жены. Данный эпизод (о нем в другой связи уже шла речь выше) выглядит следующим образом. Возвратясь из дальней поездки, воин-дружинник и скальд Сигват внезапно узнает, что в битве при Стикластадире погиб его патрон, норвежский конунг Олав, будущий Святой. Как раз в это время Сигват проезжал мимо одного поселения и, услышав, как некий муж убивается по покойной жене, сказал такую вису:

За любовь немало / Платит тот, кто, плача,
Слезы гнева твердый / Смерть жены не в силах

Снесть, сам смерти ищет. / Но, вождя утратив,
— *Много горше наша / Скорбь,* — уронит воин[109].

Творцы саги проявили немалый художественный талант, создав этот эпизод, в котором горе и слезы овдовевшего мужа, обычно «твердого», призвано оттенить горе дружинника — воина, потерявшего вождя, которому он служил и был предан.

Образное наименование дружинников «щитоносцы» является не случайным. Дело в том, что, согласно принятому тогда оборонительно-наступательному построению войска в бою, воины, окружив вождя, устраивали как бы сплошное прикрытие из щитов вокруг него, над ним и над собой[110] (см. также выше, о построении ополчения).

В той же поэме о Беовульфе говорится, что за воинский подвиг вождем обещана дружине награда (ст. 611). И действительно, король данов дарует вождю-победителю «знак победный — ратное знамя, стяг златовышитый, и шлем с кольчугой... [и] меч знаменитый...». Называются и такие награды, как «четыре златозарных сокровища» и «восемь коней в роскошных сбруях», на первом из них надета «ратная упряжь», и т.д. ... «Дары такие принять не стыдно... Никто не скажет, что плата нещедрая». Не только Беовульфа одарил король, но и все воины его дружины, которую он привел с собой, получили «*цену крови*» — богатые подарки (ст. 1020–1050).

Король награждает воинов «золотыми (формованными?) пластинами и несметной казной» за выигранную битву. Но сам Беовульф говорит, что его счастье лишь в благосклонности вождя, и обращается к тому с проникновенными словами: «ты родня мне...» (ст. 1590, 2100 и сл.), «отец родной» (ст. 1470–1480). И король неплохо оплатил преданность Беовульфа. Поэтому, говорит Беовульф, «...за *все достояние, / дом и земли* (!) / ему платил я / клинком, сверкавшим / в работе ратной» (ст. 2490). Соответственно, и конунг «казны не тратил на слабых ратников» и изменников; но «стать не может изменником доброчестный!» (ст. 2490, 2559, 2600).

Саги свидетельствуют о том, что нередко во время пира вождь-конунг не только одаривал участников победоносного сражения кольцами (не случайно один из кеннингов конунга — «кольцедаритель», ст. 2245), но и «раздавал» шлемы, кольчуги — «наряды сечи», а также мечи. Измена и трусость карались изгнанием из дружины, и тогда «не будет даров сокровищных, / нарядов ратных, / ни радостей бражных; / и вы / утратите, *землевладельцы* (!), / *наделы наследные* (!)». Так что «уж лучше воину уйти из жизни, чем жить с позором!» (гл. 39).

О том, что король устраивает пиры, где веселится вместе с дружинниками, и возит их с собой «по пирам», не раз упоминалось выше. Король жаловал и вещи «со своего плеча», что, вероятно, считалось весьма почетным даром. В «Саге

[109] КЗ. С. 382. Курсив мой. — *А.С.*
[110] КИ. С. 601, прим. 15.

о Магнусе Голоногом» дружинник перед битвой просит короля отдать ему свой плащ, поскольку он давно уже не получал от короля хороших подарков. И когда король отдал ему плащ, дружинник применил хитрость. Он накинул королевский наряд и поскакал с небольшим отрядом в сторону. Противник же, думая, что на коне сам король, погнался за ними, что помогло тому королю выиграть битву (но чуть не стоило жизни самому дружиннику)[111]. Так ненавязчиво преданный воин помог своему королю.

Безусловная верность вождю, беззаветная отвага, высокое воинское искусство, стремление отличиться и получить благодарность вождя, а также весьма значительные материальные награды, в том числе «наделы наследные», за которые опять же следует отплатить безупречной воинской службой, — такими выглядят этические установки дружинников и их отношений с конунгом или другим вождем, например ярлом. При этом дружинники — это, согласно «Беовульфу», «герои-сородичи» (ст. 720–730), поскольку они входят в дружинное *братство по оружию,* а также в круг тех, кто носит высокий статус людей, близких к «телу короля». Нет сомнений, что среди них были и кровные родичи.

Король практически не расстается со своей ближней дружиной-тегнами. Верные воины всегда при короле и в сражении, и в мирные дни, и на охоте, и на пире. Дружинники — это не просто сподвижники короля, ведь в конечном счете сама его жизнь у них руках. Естественно, что он подбирает ближних воинов, внимательно приглядываясь к кандидатам, тщательно оценивая их личные качества, а затем выстраивает отношения со «своими верными», исходя из их служебного рвения и своих симпатий.

Несомненно, что король строит отношения с дружиной не только в меру своего такта, знания людей и понимания их настроений. Во многом эти отношения зависели от его *щедрости*, способности хорошо награждать за службу и *проводить с дружиной много времени*, не отдаляясь от нее, дабы воины чувствовали себя соратниками вождя. Эти отношения старались укрепить еще до вступления на престол, например в положении наследника. В поэме «Беовульф» этот мотив отражен следующим образом (ст. 19–23):

...с детства наследник
добром и дарами дружбу дружины
должен стяжать, дабы, когда возмужает,
соратники стали с ним о бок,
верные долгу, если случится война,
ибо мужу должно достойным
делом в народе славу сыскать.

[111] КЗ. С. 475.

Все эти приемы, так ярко отраженные в поэзии начала и середины эпохи викингов, находят полное подтверждение в сагах — вплоть до конца эпохи, *перерастая уже в этос рыцарский*.

По сагам легко проследить, что король любил собирать в своей дружине отличных молодых воинов, которые происходили из знатных и состоятельных семей[112], а за службу получали и «наследные» (!) владения. Многие из них «вошли в сагу». Герой пряди «Сон Торстейна сына Халля», чье действие относится к 30-м гг. XI в., является дружинником короля Магнуса Доброго. Знатный дружинник фигурирует в пряди «О Халльдоре сыне Снорри»[113]. Ее главный персонаж Халльдор в 1034–1042 гг. служил в наемной варяжской дружине при византийском императоре. Как известно, у императора были две такие дружины: одну называли викингами, другую, которую император нанимал у русского великого князя, называли веринги, т.е. варягами. Точнее следует сказать, что первая дружина — это викинги, которые были дворцовыми дружинниками, т.е. императорской гвардией, телохранителями; вторая — это «полевые варяги», т.е. части действующей армии[114]. Скандинавы, более всего шведы, служили в обеих частях. Халльдор служил среди полевых верингов, предводителем которых был Харальд сын Сигурда Свиньи, будущий норвежский король Харальд Суровый (1015–1066, король с 1045 г.) — тот, который позднее добился руки Елизаветы (Эллисив), дочери Ярослава Мудрого, а по матери внучки шведского короля Олава. Так вот, этот дружинник Халльдор был из богатой и знатной семьи, его отцом был известный Снорри Годи. Он ходил во многие походы по Средиземному морю, а также к «сарацинам»[115] и собрал много сокровищ[116]. В «Саге о Харальде Суровом» сказано также, что Ярослав Мудрый «хорошо принимал всех знатных скандинавов»; на службу к себе, в том числе дружинную, он охотно брал *людей именитых*.

Правда, в «Саге о сыновьях Харальда Гилли» говорится об одном очень смелом и достойном дружиннике — «сыне бонда», что, видимо, в данном случае означает его простонародное происхождение. Тот факт, что это особо подчеркивается в саге, возможно, свидетельствует о его нетипичности. Несомненно, что в дружинах знати были незнатные воины, но, заслужив известность как викинги или своей службой в ином качестве, эти люди переходили в более высокую и почетную категорию. А принадлежность к королевскому хирду уже сама по себе делала воинов влиятельными людьми.

---

[112] ИС I. С. 204, 221, 484, 575–576 и сл.

[113] ИСИЭ. С. 535 и сл.

[114] Варяги (рус.) — это «варанги» (греч.) или «веринги» (исл.-норв.). Приношу благодарность Е.А. Мельниковой за уточнения, касающиеся варяжской дружины при императоре Византии в Константинополе.

[115] Там же. С. 534.

[116] После завоевания Англии Вильгельмом, герцогом Нормандским, особенно с конца эпохи викингов, скандинавов в дружине византийского императора постепенно все больше стали заменять воины из Англии.

«Сага о Названых Братьях» и «Прядь о Тормоде» позволяют проследить один из вариантов карьеры воина при королевском дворе. Согласно «Пряди о Тормоде» (см. выше), король, познакомившись с Тормодом, сказал, что «такой человек, как ты, подходит для того, чтобы ездить по моим поручениям». Это положение дренга. Между тем в «Саге о Названых Братьях» Тормод фигурирует уже в качестве хирдмана, но у другого короля — Олава Харальдссона. И сага говорит о Тормоде как о дружиннике знатного рода, преданном своему патрону. Так, когда король Олав сын Харальда был в изгнании, Тормод сопровождал его, а впоследствии участвовал вместе с ним в битве при Стикластадире, где они оба погибли.

Король был патроном своих воинов и болезненно воспринимал оскорбления, наносимые его дружинникам. Когда одного из хирдманов норвежского короля избили приехавшие исландцы, король распорядился им отмстить так, чтобы тем «было неповадно бить моих людей»[117].

В «Саге об Олаве Святом» есть еще одно подтверждение того, что хирдманы и дренги получали регулярную и нормированную плату. Дружиннику могли платить до марки золота[118], что было большой суммой; неясно только, по какому принципу — за определенный срок службы, за место в дружине или за некое деяние. Хотя дренги получали вдвое меньше хирдманов, однако в большинстве случаев, как можно понять из некоторых эпизодов, они также получали подарки, т.е., говоря современным языком, жили не на одну зарплату. Кроме того, король за хорошую службу или особую услугу щедро награждал дружинников, обычно после успешной битвы или при их отъезде, например, дарил золотые кольца и запястья, дорогую одежду, даже корабль.

К тому же дружинникам, ходившим в походы со своим королем или самостоятельно, включая грабительские походы, доставалась часть военной добычи. В «Пряди об Эймунде» говорится не только о богатой добыче и богатых дарах дружинникам, но и о *договоре с ними*, по которому каждому воину следовал эйрир серебра, а рулевому дополнительно еще ½ эйрира. Плата могла быть и мехами — бобровыми, соболиными шкурками, очень дорогими.

Договор заключался на 12 месяцев. Но вообще сроки дружинной службы были разные. Они зависели, видимо, от ряда причин: от договоренности с патроном, от каких-то неотложных дел дружинника, от отношений между ним и патроном или прочими дружинниками, от обычая. Так, главный персонаж «Саги об Ароне сыне Хьёрлейва» прослужил в дружине конунга почти 30 лет[119]. Будущий король Дании Свейн Эстридсен (1047–1074) в молодости провел на военной службе у шведского короля 12 лет[120]. В сагах описано немало случаев, когда король отпускал молодого

[117] ИС II:1. С. 154.
[118] Там же. С. 203.
[119] ИС II:2. С. 279.
[120] *Адам*. Кн. IV. С. 21.

воина после одного или нескольких лет службы в дружине, если у того возникали некие обстоятельства, требующие его отъезда. Иногда король просил воина вернуться после устройства своих дел обратно в дружину. Часто, если хирдман приходился правителю по сердцу, он при отъезде получал хорошие подарки. Так было, например, с юным Олавом Павлином, когда он отпросился навестить деда. Если же приглашенный королем в его дружину воин отказывался от предложения продолжить службу без веских причин, правитель приходил в бешенство и мстил строптивцу.

Своих дружинников король отпускал и «подработать на стороне», например сходить *в викинг* или в торговое плавание.

Саги неоспоримо свидетельствуют, что дружинники регулярно *торговали*. «Сага об Эгиле» (гл. LXXIII) повествует о сыновьях Болли — Болли и Торлейве, которые, загрузив корабль товарами, ездили по Балтийскому морю, торгуя там и сям, а потом, когда поступили в дружину к норвежскому королю, продолжали время от времени торговать то в Дании, то в других местах. Потом Болли на своем корабле прибыл в Миклагард (Константинополь), вступил там в варяжскую дружину и прослужил в ней много лет, даже стал «рыцарем»[121]. Иллуги сын Ари с Дымных Холмов, из состоятельной и влиятельной семьи, стал дружинником у Олава Святого и одновременно много ездил по торговым делам, в том числе привозя в Исландию «лес для церквей и жилья»[122]. При том же Олаве Святом служил дружинником, несмотря на свою «ужасную репутацию» (?), некий Торгейр. Он имел свой корабль, про который сказано, что осенью, «как обычно, корабль втащили на сушу, в сарай». Товары с него перегрузили на берег, а сам Торгейр отправился в поездку по побережью со своими людьми, по пути торгуя. В походы на своем корабле он обычно уходил со щитом, копьем и секирой[123]. Дружинником того же знаменитого короля был и «гренландец Скув... известный купец» (!)[124]. В сагах можно встретить и такое упоминание: «Торд ездил по торговым делам, был дружинником Магнуса Доброго и вообще уважаемым человеком»; позднее из уважения к нему конунг Магнус Добрый (1035–1046) взял в дружину и его недалекого брата Торда («Прядь о Хрейдаре»)[125].

Некоторые торговые предприятия входили в обязанности дружинников. Сведений об этом совсем немного, но они показательны. Так, поскольку тот же (упомянутый выше) Халльдор сын Снорри чрезвычайно успешно торговал, «король дал ему корабль за *[эту] службу*»[126].

---

[121] ИС I. С. 428.

[122] ИС II:1. С. 119, 120.

[123] Там же. С. 141, 151.

[124] Там же. С. 168.

[125] КИ. С. 513–515.

[126] ИСИЭ. С. 535 и сл. Курсив мой. — *А.С.*

Знаменитый Ингвар Путешественник «стал выше других хёвдингов в Свитьоде» благодаря тому, что для короля Олава Шведского *собирал дань* в Восточной Прибалтике, для чего плавал туда на трех кораблях. А торговля с финнами была привилегией норвежских королей, и дружинников посылали на досмотр кораблей, которые приплывали к финским берегам. При этом некоторые, например Эйнар Муха, ездили по этому поручению на боевых кораблях. Один из дружинников конунга оказался предателем: он однажды подсказал незаконно торговавшему с финнами купцу, как спрятать товар от досмотра, за что получил от него в подарок «двух чистокровных кобыл рыжей масти с белыми чулками»[127]. Сегодня это называлось бы «нарушением служебных полномочий за взятку»!

В хирде существовала и некая внутренняя иерархия. Например, особо говорится об ответственном лице на корабле Харальда Прекрасноволосого — «*впередсмотрящем*»; о носителе стяга — *знаменосце*, роль которого была особенно велика, почетна, но и опасна во время битвы[128]. Украшением дружины были *поэты-скальды*, многие из них неоднократно ходили в викинги, служили в дружинах королей, подчас переходили от двора одного конунга ко двору другого, особенно если это были малые конунги. Скальд в дружине конунга Харальда Косматого (еще не успевшего стать Прекрасноволосым) сидел на почетном месте подле короля[129].

В «Младшей Эдде» Снорри пишет, что «дружинники конунгов приносили *клятву верности*» и *такую же клятву* приносили своим патронам дружинники и «домашние стражи» ярлов, малых конунгов, вообще хёвдингов[130]. Скорее всего, все это происходило в соответствии с обычаем.

По обычаю же дружинники чаще всего жили и питались в доме патрона, присутствовали на всех его пирах, воевали, закрывая его своими щитами и телами во время сражений, собирали подати и дани. Во дворце короля был особый «дружинный зал», где воины «стражу держали», возможно караульное помещение. Дежурная охрана короля укладывалась спать на лавках в палате для пиршеств — в непосредственной близости от спальни короля[131], прочие — в другом здании, в особой спальне. Дежурные дружинники следили также за тем, чтобы прибывшие к королю люди являлись пред лицом государя без оружия, оставляя его при входе[132]. Таким образом, хирдманы-тегны делили с конунгом и жилище, и мирный пир, и жестокие битвы, и административно-фискальные обязанности.

Судя по «Пряди о Халльдоре сыне Снорри», хирдманы первыми усваивали придворные порядки, в частности пиршественный обычай: «пить здравицы из рога

[127] КИ. С. 501.

[128] СОДВ. С. 56–57, 523.

[129] ИС I. С. 73, 74. О скальдах см. часть 8.

[130] Младшая Эдда. С. 160. Курсив мой. — *А.С.*

[131] Беовульф. Ст. 690, 700, 2070 и др.

[132] Там же. Ст. 376, 388.

и прочее, что подобает делать». На пиру во время йоля объявляли имя того, кому предстояло пить из штрафного рога, сидя при этом на соломе (т.е. на полу). В сагах неоднократно говорится о том, что дружинники были хорошо, *по моде* одеты, чему скандинавы придавали большое значение; особенно роскошными были их праздничные одеяния и оружие. Весь день дружинники находились в распоряжении конунга. К «распутным женщинам» бегали по ночам. В отношении друг друга они не должны были допускать жестокости. «Сага о Битве на Пустоши» свидетельствует, что у варягов в Византии был даже обычай казнить того, кто попытается покуситься на чужую жизнь во время игр и соревнований между ними. Так ли обстояло дело в самой Скандинавии — по сагам судить невозможно.

Вследствие социального отбора в среде дружинников было немало *родичей*, свояков и хороших знакомых, что способствовало сплачиванию дружинного братства. Несомненно, среди них существовало и соперничество. Все, сказанное о дружине верховных правителей, пусть в иной мере, относится и к дружинникам знатных людей.

Дружинный менталитет, так ярко выраженный в поэзии и сагах, был характерен в первую очередь для тегнов, членов относительно стабильной верхней дружины, которая рассматривала себя как некое, прежде всего *воинское*, *братство*, традиции которого были так сильны у германцев. Но это было также и братство *ближайшего королевского окружения*. Король считал их «своими людьми», что одновременно и означало его *ближайший круг*. Именно из таких «своих людей» обычно отбирал он и советников, и доверенных лиц, и администраторов.

При всей декларируемой верности дружины по отношению к своему патрону, она, несомненно, несла на себе и пороки своего времени. Одним из них было пьянство. Например, в «Роскилльской хронике» (гл. XIV) сохранился рассказ о том, что норвежские королевские дружинники, которым была поручена охрана важного пленника, напились до такой степени, что того выкрали друзья.

Дружина, несомненно, представляла собой комбинированный по функциям *институт*, со своими обычаями и ритуалами. Но сведений о ее институциональном оформлении в сагах нет. В поэме о Беовульфе упоминается «*дружинная казна*» (букв. «часть [доля] меченосцев»), которую вместе с достоянием «кольцедарителя» — конунга, теми же «пластинами золота», прячут близкие люди; а чтобы лучше все сохранить, произносят над кладом заклятие (ст. 2241 и сл.). Лишь в 70-х гг. XIII в. королем Норвегии Магнусом Исправителем Законов был принят «дружинный устав» — хирдскра. Скорее всего, подобно всем тогдашним корпоративным уставам, хирдскра во многом опиралась на уже выработанные традиции. Однако времена были уже другие...

Служить королевским дружинником было почетно, такая служба являлась отличной рекомендацией не только для молодого человека. Очевидно, что служба королю органично соединяла в себе *военную*, *административную и финансовую*

деятельность. Именно дружина играла огромную роль не только в укреплении военной организации тогдашнего общества и положения правителя, но и в создании того, что мы называем *государственной службой*, которая тогда, в период сложения государства, находилась еще в элементарном состоянии, и в придворной жизни. Фактически дружинники были ближайшими *вассалами* короля и нередко *держателями владений in capito* — непосредственно от главы [государства]; они входили в его двор, в его ближний круг и поставляли кадры служилой знати; не случайно термин «хофман», «ховман», букв. «*придворный*», толкуется так же, как «воин», «рыцарь». В саге описывается, например, такой случай. Состоятельный дружинник-норвежец Бард, умирая, завещал все свое наследство, а также жену и сына своему другу Торольву. Тот принял наследство — землю и добро, женился на вдове. В результате он стал *управлять округом-фюльком*, затем стал *лендрманом* — вошел в состав *высшей служилой знати*[133]. Вхождение в высшую элиту благодаря не только славе и богатству, добытым в викингах, но и вследствие усердной и разнообразной службы королям и хёвдингам, как и удачный брак, пролагали путь в ряды служилой знати столь же верно, как родовитость и унаследованное богатство.

Как *институт власти* дружина выполняла важные военные, фискальные, торгово-хозяйственные, контрольно-административные и, видимо, различные другие функции, которые возникали вместе с системой организации государства. При этом на королевской службе оказывались знатные молодые люди, которые, как мы увидим далее, зачастую постепенно превращались в местных начальников, но уже назначенных или настоятельно рекомендованных тингу королем, т.е. становились *служилой знатью*. При этом сохранялись патерналистские традиции, когда прочная связь между дружиной и королем строилась по принципу *семейно-родовой связи* — отношений между pater familias и его детьми и домочадцами.

Мне представляется, что, судя по материалу о хирде, *служилая знать не просто сменяла знать родовую, а преимущественно (хотя и не полностью) сливалась с ней, точнее, с ее частью*. При дальнейшем изложении этот вывод, как мне кажется, будет подтвержден.

Другие институты и люди власти

Как видно из всего предшествующего изложения, саги упоминают такие посты и должности в государстве и непосредственно при короле, как тегн и дренг, брюде (напомню, что это управляющий имением), лендрман, стурман, ярл и др. Но кто и что еще — кроме дружинников и дружины — участвовали в управлении только-только сложившимися едиными государствами скандинавов? Что еще сообщают саги об институтах и людях власти в ту эпоху?

[133] ИС I. С. 75–76.

Прежде всего упоминается *совет при короле.* Еще поэма о Беовульфе сообщает: «Думали мудрые в совете, думали» или «Старцы седоголовые совет держали, решили мудрейшие...» (ст. 172–173, 1590). Очевидно, что речь идет о некоем «совете мудрейших», каковыми были опытные «старцы». Этот совет представлял в значительной мере наследие родо-племенного строя, с его личностным накоплением и передачей опыта и знаний, с его коллективизмом. Вместе с тем в этой же поэме есть и иное определение: «...старейшины... из лучших лучшие...» (ст. 410). Средневековые «старейшины» — это вовсе не обязательно самые старые, но непременно влиятельные, облеченные властью и именно так называемые «лучшие люди». И понятия «мудрейший», «старейшина» и т.п. постепенно повсюду стали применяться преимущественно к высокопоставленным людям; при этом сам термин «совет мудрых» хотя и оказался довольно живучим, но постепенно превратился в «государственный совет».

Пока что в «Саге об Эгиле» упоминается именно «*совет мудрейших*», причем это упоминание представляется очень важным, поскольку оно свидетельствует о стабильном совещательном органе при конунге. Снорри считает, что в «совет мудрейших» входило 12 человек[134]. Напомню, что именно 12 лендрманов, «могущественных людей» с каждой стороны, подписывали мирный договор между конунгами Магнусом сыном Олава и Свейном сыном Кнута, т.е. были уполномочены своими королями для совершения важного международного акта. О том, что избранные «знатнейшие мужи государства» выдвигают на своем «собрании» конунга или помогают молодому, неопытному правителю[135], говорилось и раньше. Не исключено, что по мере развития единых, укрупненных государств, когда общее число знатных людей стало внушительным, наряду с советом избранных собирались и какие-то более широкие совещания знати, некие зародыши будущих сословных собраний господ.

К сожалению, мы не знаем, как формировался «совет мудрейших». Судя по государственным советам при королях Дании и Швеции уже в XIV столетии, можно заключить, что, хотя само существование института совещательного органа при короле было стабильным, его состав не был постоянным и зависел от личного желания и, соответственно, приглашения короля. Можно предположить, что в эпоху викингов приглашение «мудрейших» на совещание к королю также зависело от его расположения, возможно также от места проведения совета, ведь поездка на большие расстояния отнимала в Скандинавии много времени. Поэтому, когда было срочное дело, король мог пригласить на совет каких-либо авторитетных людей из числа знатных соседей того хусабю, где он в данный момент находился, особенно из тех, кто был ему по нраву или чьим содействием ему надо было заручиться. Не случайно

[134] КЗ. С. 387–388.

[135] Там же. С. 382.

в «Саге о Названых Братьях» составитель замечает, что, например, под началом Олава Святого было очень много хёвдингов, причем во всех землях, «на которые простиралась власть» этого короля. «И Богу были угодны все те, кто был *по душе конунгу*[136]. «Сага о Магнусе Добром» прямо называет лендрманов, руководивших государственными делами при юном короле, «могущественными людьми».

Таким образом, король охотно пользовался советами своих доверенных лиц, но был вынужден считаться и с влиятельными местными хёвдингами, даже если они не вызывали у него симпатии. Не случайно в «Саге о Хаконе Добром» подчеркивается, что «Законы Фростатинга» и другие областные законы конунг «учредил» по совету Торольва Умного и ярла Сигурда. И весьма правдоподобным может служить предположение, что король чаще собирал совет из числа своего непосредственного окружения — совещался со «своими людьми», или, по точному выражению Римберта, очень принятому в Европе того времени, «*со своими верными*» (cum fidelibus suis).

Римберт называет и других людей шведского малого короля, еще в середине IX в. облеченных большой публичной властью: это его *канцлер,* а также *префекты* (prefectus, наместник). Об одном префекте малого короля Свитьода в городке Бирка, который помогал миссионеру Ансгарию, Римберт писал особо. Надо полагать, что префекты назначались и другими местными королями в подвластные им ранние города, тем более что почти все города в этом регионе вырастали на королевской земле. Выше речь шла и о высоком посте *дротса.* Несомненно, что при христианских королях в числе советников важное место занимали *епископы,* о включении которых в королевские советы известно из более поздних источников[137], но о распрях с ними светской знати имеются упоминания уже в сагах[138]. *Канцлер* — глава канцелярии, по необходимости человек эрудированный, обычно был духовным лицом высокого ранга.

Около короля постоянно находились его *окольничий, управляющий* данным имением, *казначей*[139]. Как и управляющие имениями[140], окольничие были большими вельможами, выступление такого лица на тинге, среди знатных бондов имело большой вес («Сага об Олаве Святом», гл. LXI)[141]. Однажды некий окольничий уехал в свою усадьбу, спокойно жил там и на предложение короля вернуться и продолжить службу ответил: «Я хочу спокойно жить дома в своей усадьбе и не хочу больше служить правителям» (гл. XXVIII). А «славнейший викинг» Гейрмунд Черная Кожа

[136] ИС II:1. С. 118. Курсив мой. — *А.С.*

[137] О сложных отношениях между правителями, знатью и клириками отчасти говорилось выше, в связи с крещением скандинавов. Специально же в этой книге вопрос о роли церкви и ее служителей в условиях складывающихся монархий не рассматривается по причине того, что это слишком обширная тема, к тому же мало затронутая сагами.

[138] ИС II:2. С. 248.

[139] ИС I. С. 132.

[140] Лат. villicus, exactor; англ.-сакс. gerefa, «граф».

[141] См. также: КЗ. С. 120.

заявил, что ему «мало радости стать рабом конунга и выпрашивать себе то, чем он раньше владел как хозяин»[142]. Нелегко было служить при дворах владык!

В поэме «Беовульф» говорится о королевском «домочадце, слуге, по обычаям древним обиходившем мореходов и путников в этом [короля данов] доме» (ст. 1790). В сагах проскальзывают сведения не только об управляющих, но и о важных должностях *конюшего, чашника,* разносившего напитки, *стольника*[143], а также о личных *капелланах.* Упоминаются *свечники,* державшие светильники перед королем, особенно во время торжеств[144], *ловчие* и другие люди из непосредственного обслуживания короля, которые были заняты при дворе на различных и формально различного ранга службах («Сага о Магнусе сыне Эрлинга», гл. XXVI и др.). В «Саге об Олаве сыне Трюггви» (гл. VIII) рассказывается, что король имел у себя на службе *скороходов* и, когда он поручил миссионеру проповедовать христианство в Гренландии, он дал ему пару таких скороходов, которые «бегают быстрее оленя».

В областях на влиятельные местные должности король сажал своих людей, выстраивая новую и, в той или иной мере, твердую *вертикаль власти.* Прямые сведения об этом содержит «Сага о Харальде Прекрасноволосом», которая показывает ту в своем роде идеальную, стройную и твердую систему власти, которую Снорри связал с именем этого короля и которая, вероятнее всего, была создана позднее (да и не обязательно в том виде, как это представлял Снорри). Харальд, утвердив деление страны на *фюльки,* «...сажал в каждом фюльке *ярла,* который должен был поддерживать закон и порядок и собирать взыски (штрафы. — *А.С.*) и подати. Ярл должен был брать треть налогов и податей на свое содержание и расходы. У каждого ярла было в подчинении 4 *херсира*, и каждый херсир должен был получать 20 марок на свое содержание. Каждый ярл должен был поставлять конунгу 60 воинов, а каждый херсир — 20[145]. Харальд конунг настолько увеличил дани и подати, что у ярлов было теперь больше богатства и власти, чем раньше у конунгов»[146]. Таким образом, выборные «малые конунги» и хёвдинги заменялись — или становились — назначенными королем служилыми людьми высокого и среднего ранга, которые наделялись административными и фискальными функциями, занимались сбором ополчения и чья должность должна была оплачиваться за счет местных ресурсов. Не трудно увидеть здесь вариант зарождения ленной системы.

Возможно (и скорее всего), служилые люди короля имели на местах и *судебные* полномочия, об этом говорят упоминания о *штрафах*, которые также собирает ярл. Вероятно, какую-то часть их получал король, во всяком случае за

[142] Сага о Греттире. С. 7.

[143] Стольник — skutilsveinn. См.: КЗ. С. 586.

[144] ИСИЭ. С. 538.

[145] Здесь наблюдается известное расхождение в данных. Если с фюлька брали 60 воинов, то каждый из четырех херсиров должен был представить по 15 воинов, иначе создается впечатление, что ярл собирал воинов сам по себе, а херсиры — сами по себе, что вряд ли имело место.

[146] КЗ. См. С. 42 и сл.

особо тяжкие преступления. Порядок деления штрафов между теми, кому они положены, четко прописан только в областных законах, и трудно сказать, был ли он в XII — начале XIII в. нововведением или стал уже обычным. Поэтому замечание «Саги о людях из Лососьей Долины», что «могущественные люди не [будут] получать виру за родичей и самим [им придется] превратиться в податных людей»[147], является, на мой взгляд, значительным преувеличением, гиперболой, употребленной представителем той части знати, которая была недовольна усилением центральной власти, — либо формулировкой записчика саги, человека более поздних столетий.

Назначив *должностных лиц*, король должен был следить за их деятельностью, за своевременной уплатой налогов и податей, а также штрафов.

Король был вынужден *отчуждать* (передавать) *часть своей власти*, во-первых, потому, что он не располагал аппаратом для реального управления всей территорией объединенного государства. Во-вторых, те знатные люди, которых он был вынужден привлекать к управлению, привыкли обладать на местах властью и умели ею пользоваться; к тому же они были зачастую склонны к отпадению от короля, от «центра» вообще. Поэтому построение новой вертикали власти имело в известной мере парадоксальные результаты: одновременно приводило к усилению ее центра, т.е. власти короля, и к увеличению раздробленности между областями, и без того традиционно автономными и живущими по местному обычному праву. Соотношение между *силами центра* и *силами областного сепаратизма* было крайне изменчивым и зависело от конкретной ситуации, от множества факторов.

Отчуждение части власти на практике выражалось в раздаче королем *ленов*[148]. То, что в Норвегии, Швеции и Дании возникли *системы ленов и феодов*, легко прослеживается по более поздним законам этих стран, но есть достаточно веские основания считать, что, как замечено выше, их истоки уходят в эпоху викингов и относятся примерно к XI столетию. Именно тогда, судя по сагам, короли стали давать в управление на известный срок и на определенных условиях доверенным людям либо тем, кого они хотели бы «приручить», известную территорию. С этим была тесно связана возникающая практика наместничества. Наместники короля — это обычно его ленники: *ленсманы, лендрманы.*

Для решения местных административных дел, усиления контроля за сбором дани и поведением подданных король назначал на важные местные должности своих доверенных людей. Одной из них, наиболее традиционной, как мы могли убедиться, была должность *херсира.* Оценка ее значения в то время не всегда совпадает с вышеприведенным текстом Снорри в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» и с данными «Младшей Эдды». Некогда, до середины IX в., в Исландии херсиром

[147] ИС I. С. 255; ИС II:1. С. 217 и сл.

[148] КЗ. С. 380, 390 и мн. др.

был племенной вождь, предводитель войска[149]. Теперь в Скандинавии это было назначенное королем *должностное лицо*. Он должен был «участвовать в управлении страной, объезжая определенные земли с дружиной». Именно о таких обязанностях херсира свидетельствует «Сага об Эгиле» (гл. XXXVII), где представлен в этой должности Торир, друг известного Грима (Скаллагрима, отца скальда Эгиля). С обязанностей херсира начал «участвовать в управлении страной» любимый сын и наследник Харальда Прекрасноволосого Эйрик Кровавая Секира. «Он должен был объезжать Хардаланд и Фьорды». С ним ездила и его дружина[150]. У конунга был не один херсир, поскольку, судя по приведенным текстам, каждому из них давались в управление и под контроль определенные территории.

Херсиры занимали в обществе влиятельное положение. В Дании эти высшие должностные лица назывались «херреманами» — «высокородными господами». Наличие в округах олигархических местных советов, которые стали возникать на почве аристократизации окружных тингов и фиксируются с конца XIII в., в эпоху саг не отмечается.

Превращении ярлов и херсиров — *крупнейших представителей родовой знати — в королевских наместников* вполне отчетливо прослеживается по сагам. Но возникали и *новые посты* формирующейся служилой знати.

Служилая знать и служебные поместья

Преданность приближенных и нейтралитет со стороны врагов следовало заслужить, что в тех условиях означало хорошо оплатить — как материальными благами, так и покровительством. В сагах и в стихах скальдов неоднократно звучат хвалы в адрес щедрого господина, который одаривает дружинников и приглашенных гостей во время пиров и при других случаях, раздает им драгоценности, ломает на части золотые тяжелые (обычно в фунт весом) запястья, чтобы оделить большее число пирующих.

Тема *пира* и *обмена дарами* как важного коммуникативного средства рассматривается особо ниже. Здесь же целесообразно остановиться на *земельных пожалованиях короля*.

Из предыдущего текста ясно, что в эпоху викингов происходило постепенное *созревание поместной системы*, которая охватывала прежде всего владения родовой знати и короля. Саги показывают, что король награждал не только драгоценностями и оружием, но, что очень существенно, «владениями», «доходами», «домами» и «поместьями», причем даровал их как отличившимся приближенным, так и тем, кого хотел иметь среди «своих людей», а также возможных союзников, вообще нужных

[149] Ср.: СОДВ. С. 173, прим. 13.
[150] ИС I. С. 127.

персон. Ведь еще из поэмы о Беовульфе следует, что дружинники короля получали земельные владения, которые могли стать и *наследственными*, если воина не изгоняли из хирда. Также получали они и командные *посты*. В поэме, в частности, говорится, что верный дружинник в награду за службу получил «семь тысяч (?) земли, // вместе с домом, / с чертогом престольным», где он затем долго и «мудро» правил (ст. 2190).

Таких сведений в сагах достаточно. Видимо, то, что король «давал» («дарил», «жаловал») земельное владение и отнимал его, если хирдман изгонялся из дружины, оказавшись трусом или предателем, следует понимать так, что оно было *условным*, *служебным*, так как предоставлялось только на время службы — в отличие от *дарованного поместья*. И, судя по некоторым выражениям, например о «наделах наследных», которые отнимались «за бесславие», становится ясным, что если дружинник или иной придворный наследовал свое место при дворе, то, предположительно, он *наследовал и служебную недвижимость*.

В «Саге об Олаве Святом» говорится, что король регулярно «жаловал другим людям участки»; что, приглашая на пир «к себе многих могущественных бондов», жаловал им имения. О раздаче приближенным *земли* не только в Исландии, но и в Норвегии, и в Швеции известно также из других саг[151]. Но на каких условиях производились «раздачи» — не всегда ясно: был ли это дар, либо лен, либо имение, которое давалось на срок личной службы при короле. На последних условиях земля часто раздавалась дружинникам, но после конца их службы условия договоренности могли изменяться.

Дарение, раздача и вообще отчуждение земли королем своим служилым людям или тем, кого он желал видеть среди «своих», имели большое значение не только для создания новой *системы власти,* но и для формирования *новых социальных отношений* в целом. Частично этот вопрос затрагивался в разной связи и ранее. Ряд сведений интересующего меня (в данном случае) характера предоставляет «Сага об Олаве Святом», вообще очень содержательная. В ней говорится, например, что, устроив пир в Вике на йоль, конунг там «давал другим людям *участки*», а «могущественным и знатным людям» — *имения*, причем одному из них он дал «*еще и звание лендрмана*», т.е. ленника; иначе говоря, пожаловал этому человеку в *управление лен* (гл. LXII). Причем в «полное владение», т.е. в дар, король обычно давал половину территории, а вторую половину — в лен (гл. CXXIII). Так создавались новые поместья, держания in capito и ленная система.

Своим ленникам ленсманам-лендрманам, как и ярлам, короли раздавали в качестве ленов *вейцлы*, т.е. кормления. И это могли быть значительные территории, иногда целые ланды и острова (те же Фареры). Например, король Харальд за собой оставил управление Виком (в Осло-фьорде), а остальные территории отдал

[151] См., например: ИС I. С. 368.

в управление родичам — Харальду Серый Плащ и хладирскому ярлу Хакону, который впоследствии управлял всей страной. Власть над островом Хаммарсей получил влиятельный в Норвегии Торфинн, ставший таким образом лендрманом короля[152]. Ярл Хладира Сигурд правил Оркнейскими островами 35 лет (980–914).

Лендрманы управляли землей и доходами на территории, полученной в качестве лена[153]. Иногда это были слабо заселенные земли, которые обычно уступали по качеству давно окультуренным, но были пригодны для ведения на них промыслов, приносящих богатую добычу — пушнину, рыбу и т.д. Эти раздачи, конечно, способствовали внутренней колонизации. Однако во многих случаях ленник получал земли, уже заселенные крестьянами, которые попадали *под его власть*. Таким образом, свои общественные функции король нередко был вынужден частично (а на практике — в значительной мере) передавать по нисходящей линии и главным образом *родовой знати*.

Раздача ленов и земель сопровождалась признанием себя *вассалами* и сопровождалась соответствующими *клятвами* со стороны тех, кого одаривали. Из «Саги о Магнусе Добром» (гл. XX) можно узнать о процедуре присвоения некоего высокого звания представителю высшей знати и принесения им вассальной присяги, которую при этом давали знатные люди.

«Однажды (речь идет о второй четверти XI в.), — гласит сага, — когда король Магнус Добрый сидел на престоле и вокруг него было много народа, Свейн сын Ульва сидел у подножия его престола. Конунг сказал:

— Я хочу объявить знатным людям и всему народу о своем решении. Ко мне сюда пришел муж, славный и *родом,* и собственной *доблестью,* Свейн сын Ульва. Он сделался *моим человеком* и обещал мне *свою верность*. А как вам ведомо, все датчане летом стали моими людьми[154]. Теперь же страна не имеет правителя, ибо я уехал оттуда, и на нее, как вы знаете, совершают многочисленные нападения венды, куры и другие народы с Восточного Пути, а также и саксы. Я обещал им [датчанам] дать правителя для защиты и управления страною. Думаю я, что никто не подходит для этого лучше, чем Свейн сын Ульва. По происхождению своему (!) он должен быть правителем. И ныне я делаю его своим *ярлом* и передаю ему в руки для *управления* Датскую державу на то время, пока я нахожусь в Норвегии, подобно тому как Кнут Могучий поставил Ульва ярла, отца его, править Данией, когда Кнут был в Англии.

Эйнар Брюхотряс замечает:

— Слишком могущественный ярл, сынок!

---

[152] Сага о Греттире. С. 31, 33 и др. Сага подчеркивает, что Торфинн был богат, он владел несколькими дворами и «родовым мечом».

[153] КЗ. С. 47; ИС I. С. 53 и др.

[154] Речь идет о договоренности относительно раздела скандинавской части империи Кнута Великого после смерти его наследников между датским и норвежским королями.

Конунг сказал тогда гневно:

— Вы мне мало доверяете, но мне кажется, что вы одних считаете слишком могущественными, а других вообще за людей не считаете.

Тут конунг встал, взял меч и повесил его Свейну на пояс. Затем он взял щит и повесил его Свейну на плечо. Затем он надел ему на голову шлем и присвоил ему *звание ярла*. Он пожаловал ему поместья в Дании, которые раньше принадлежали Ульву, отцу Свейна (!). Затем была принесена *рака* со святыми мощами. Свейн возложил на нее руки и *поклялся* в верности Магнусу конунгу. Затем конунг возвел ярла к себе на престол».

Свейн был хорошо принят в Дании, набрал себе дружину «и заводил дружбу с могущественными людьми. Весь народ его любил»[155] (курсив мой. — *А.С.*).

Этот отрывок интересен не только описанием процедуры вассальной присяги и наделения знатных людей властными функциями, но и примером своеобразной инсценировки борьбы вокруг королевского пожалования: приближенный якобы предостерегает короля от наделения Свейна «слишком» большой властью, а король дает своему приближенному, который называет его ласково «сынком», гневную отповедь, демонстрируя идею «король — я!».

Характерно, что, когда тот же Магнус Добрый получил на тинге в Дании согласие принять его королем, он «стал назначать *своих служилых людей* по всей Дании на должности в округах, жаловал *лены* могущественным людям» («Сага о Магнусе Добром», гл. XVIII, XXI). Эта система, таким образом, выстраивалась сверху до уровня ланда и даже округа.

Итак, норвежский король наделял титулами и землями знатных людей, получая взамен клятву верности. О том, что среди его вассалов были датчане, видно и из других саг[156]. Но дело не в датчанах, хотя вопрос об общескандинавских семьях и перекрестных вассальных отношениях впоследствии, в эпоху подготовки и реализации межскандинавских уний (уже с середины XIII в.), играл очень важную роль. Именно то, как начинались эти отношения, представляет большой интерес. В данном случае любопытен тот факт, что король дает должностные владения, т.е. как бы *«привязывает» имение* к должности. При этом показательно, что высокий пост мог быть передан вместе с положенными при нем (служебными) владениями по наследству при условии несения наследником службы. Об этом свидетельствуют и приведенная выше цитата из поэмы о Беовульфе: «...вы утратите, землевладельцы, наделы наследные...», и история со Свейном сыном Ульва. Позднее в «Саге о Гуннлауге Змеином Языке» о лендрмане Ульве вполне будничным тоном говорится: «Как и его предки, он стал лендрманом и могущественным человеком»[157].

[155] КЗ. С. 390–391.

[156] Там же. С. 10 и др.

[157] ИС I. С. 63. О преемственности власти см. также: ИС II:2. С. 289–290.

Наследование высоких должностей в той или иной форме упоминается во многих сагах, и не только применительно к новой, родовой элите с ее некогда «выборными» постами, что было испокон веков, но и к *служилой* знати, получающей назначения и материальные блага из рук короля.

Характерные для вассальной системы *личностные отношения* интересно отразились в эпизоде, связанном с нарушением одним из знатных людей конунга неких правил. Принося королю свои извинения и желая, чтобы дело осталось без последствий, виновный Гисл действовал следующим образом. Сняв с себя оружие и подойдя к конунгу, он положил голову ему на колени и сказал: «Делайте теперь с моей головой что хотите. Однако я буду благодарен, если вы даруете мне жизнь и сделаете меня таким человеком, каким пожелаете». В результате Гисл получил прощение и напутствие вроде знаменитого «иди и больше не греши»[158]. Создается впечатление, что описанное в саге поведение Гисла было не юношеским порывом, а *ритуалом*. Возможно также, что это был ритуал, который применялся при конфликтах между королем и его вассалом, разрешение которых было в руках именно монарха.

Итак, служилую и вообще новую знать составляли «мудрые люди» — советники короля; его вассалы; держатели высших постов в ландах и даже округах; наконец, доверенные лица, «ближний круг», в число которых входили дружинники-тегны — личная гвардия короля, городские префекты, управляющие имениями, окольничие, знаменосцы, впередсмотрящие личных кораблей, какие-то стольники и постельничие, а также другие министериалы, близкие к «телу» короля люди, его повседневное окружение, «свои». Отделить друг от друга и обозначить место в нем каждого «ближнего»–«неближнего», в зависимости или вне зависимости от формальной должности, саги не позволяют, они только слегка это обозначают, возможно, из-за обыденности круга приближенных, а возможно, и потому, что многие *министериальные, военные и государственные должности тогда совмещались*, их трудно разделить. Другое дело, что знатные служилые люди были самыми богатыми в своих странах[159].

Королевская администрация и «лестница власти»

Эпоха викингов породила практику *административного деления* Скандинавских стран, первоначально приспособленную для нужд военных действий, но затем ставшую общепринятой и универсальной. Это была *сотенная* система организации свободного населения. Сведения саг о собственно административном делении и его

[158] КИ. С. 547.

[159] Выразительное свидетельство о богатстве знатного Торда сына Стурлы (правда, от 1237 г.) содержит его завещание: двоим сыновьям он выделил по 80 сотен (серебра) каждому, жене — сотню сотен, дочерям — по 40 сотен, основному наследнику Бодварду — 500 сотен, а сыну Стурле еще и хутор («Сага об исландцах», гл. 120). О новой знати в Норвегии см. также: Сага о Сверрире. С. 210.

эволюции в эпоху викингов и до областных законов немногочисленны и не вполне определенны. В Исландии Торд Ревун провел реформу (963), согласно которой страна делилась на четыре административно-правовые «четверти», каждая со своим тингом во главе. Как известно, низшей единицей административного деления в ходе походов викингов и формирования государства стали *сотенные единицы: херады, херреды* в Норвегии, Дании и гётских ландах и хундари у свеев. У каждой сотни был свой выборный старейшина, и она давала с группы деревень или хуторов 60–100–120 воинов. Впоследствии сотни стали делиться на *четверти* и *осьмушки*, вписавшись и в фискальную систему. В Норвегии, Швеции и Дании низшими административными единицами служили также корабельные округа — *хамны* (hamn, гавань) на побережьях. В целом это была довольно запутанная система. Основные позиции в ней занимали *тинги* и *местные хёвдинги* (херадсхёвдинги). Эти люди были предводителями, военачальниками, ответственными за состояние корабля и команды либо воинского отряда данной административной единицы. В прибрежных округах, особенно в Дании, подобную роль играли «большие люди» — *сторманы*, которые и в мирное время следили за делами сотни. По сути, они были теми же хёвдингами, ранее избираемыми на тинге. Но теперь всех их, от стормана до ярла, в большинстве случаев король либо назначал, либо участвовал в их выдвижении[160].

Сотни объединялись в «земли»-*ланды* (в Швеции, Дании), или *фюльки* (в Норвегии[161]), бывшие крупными территориальными образованиями, чаще всего на месте некогда традиционного проживания известного племени или группы племен; их наименования отразились в названиях многих областей. Каждый ланд имел свой тинг и, разумеется, своего *лагмана*, который руководил этим тингом. Должность лагмана просуществовала в некоторых странах Севера, например в Швеции, с древности и до начала XVI в.

О внутренней жизни сотен и более крупных административных единиц в Норвегии можно прочитать в некоторых сагах, например в «Саге о Харальде Прекрасноволосом», «Саге об Эгиле» и др.[162] Но по меньшей мере вплоть до прихода к власти Эрлинга Кривого (середина XII в.) Норвегия оставалась конгломератом областей, где правила местная знать, в том числе потомки Харальда Прекрасноволосого. Швеция фактически была раздроблена на ланды еще дольше, до XIV в. Что касается Дании, то своей подлинной централизацией она была обязана только «эпохе Вальдемаров» (середина XII — середина XIII в.).

С введением христианства и разделением всех территорий на церковные приходы последние часто как бы сливались с мелкими административными единицами, например с теми же сотнями, в известном смысле «накладывались» на них, беря

[160] Ср.: КЗ. С. 380.

[161] Fulki — изначально племя или союз племен.

[162] Там же. С. 25–40, 42–67 и др.

на себя важные судебные и распорядительные функции на местах, а также принимая участие в вопросах налогообложения (разумеется, только в пользу церкви).

При всех этих изменениях значение *родовой* местной знати оставалось в эпоху саг *решающим*. Уже ясно, что именно из ее состава, из числа могущественных и знатных людей назначались лендрманы. Когда Магнус был избран королем Норвегии после смерти своего отца (св.) Олава, он первым делом «набрал себе дружину и назначил лендрманов. По всем местностям он поставил людей на службы и должности», а лендрманами стали «могущественные люди», которые и решали дела государства при молодом короле[163]. Из них же выбирались воспитатели для принцев и регенты при королях-детях[164], ведь предполагалось, что они станут преданными соратниками будущих правителей. Со знатными людьми советовались конунги и ярлы («Сага об Олаве Святом», гл. XVII, LI, LXII). Даже годи, долго сохранявшие свое особое положение, стали приобретать новый статус: сыновья Сэмунда «отдали королю Хакону все свои годорды», а затем конунг эти владения им возвратил[165], видимо уже на условиях некой вассальной службы.

Поступление родовитого человека на королевскую службу, судя по сагам, было обычным явлением и давало такому лицу новые преимущества для приобретения как власти, так и богатства. Нередко это была возможность безнаказанного грабежа местного населения. Часто один и тот же вельможа имел несколько функций. Так, уже известный нам Эйнар Муха был лендрманом в Халаголанде и к тому же конунг передал ему всю торговлю с финнами. Вот почему он так внимательно досматривал торговые корабли у их берегов! Эйнар был жестокий человек, он убивал каждого, кто не подчинялся ему, и никогда не платил виру. Используя норвежскую монополию на торговлю с финнами, он зачастую выходил в море на пяти боевых кораблях и убивал всех, кого подозревал в незаконной торговле на севере[166]. Этот наместник конунга в Финнмаркене, который при Олаве Святом собирал *подать* с финнов, обосновавшись в Халаголанде, прибрал к рукам почти всю землю тамошних бондов. С XII в. лендрманы правили по всей Норвегии. И знатные люди, управлявшие Фарерами, обычно приобретали там хорошие имения и много добра[167].

Знатный Эрлинг, уже известный нам по «Саге об Олаве Святом» (гл. XXII), в качестве *управляющего* Рогаландом, назначенного королем, требовал с местных бондов двойные подати, а иначе разорял их селения. Знатный и богатый Торольв, часто ходивший в торговые плавания и ближние викинги, получил право на *сбор дани* и *податей* в одном из районов и пользовался своей властью для грабежа местных жителей[168].

[163] КЗ. С. 380–382.
[164] Там же. С. 382, 385, 538.
[165] Сага об исландцах. Гл. 161.
[166] КИ. С. 497, 499.
[167] ИС II:2. С. 167.
[168] ИС I. С. 637.

Огромную роль в политической жизни стран Скандинавии играли могущественные *ярлы*, которые обычно состояли в родстве с конунгами, иногда и сами захватывали престол, иногда же сажали на него своих сыновей, часто фактически управляли страной. В Норвегии «захвативший трон мечом» Магнус был сыном ярла Эрлинга и Кристин, дочери конунга Сигурда Крестоносца. Ярл Биргир Улыбка правил Швецией на рубеже XII и XIII вв. В середине XIII в. известный основатель Стокгольма ярл Биргер, гёт по происхождению, также управлял Швецией, а его сын Вальдемар стал основателем новой династии Биргерссонов-Фолькунгов.

«Главный *херсир*» Норвегии Кетиль Плосконосый из «Саги о людях с Песчаного Берега», женатый на дочери другого херсира, имел сына Бьёрна, который воспитывался у ярла Кьяллака в Емтланде и был женат на его дочери. Когда бонды попросили конунга Харальда Прекрасноволосого оградить их побережья от нападений пиратов, Харальд поручил Кетилю возглавить отряд самообороны. Воспользовавшись этим, тот прибрал к рукам земли Фарерских и Оркнейских островов и стал там могучим хёвдингом. Узнав об этом, конунг Харальд разгневался и забрал себе владения Кетиля на этих островах. Бьёрн, переехав с женой в Норвегию, занял поместья отца, а управляющих конунга Харальда прогнал и даже хотел одного из них убить, но тот успел убежать «со всем домом». Однако конунг в конце концов все-таки завладел всеми имениями Кетиля и Бьёрна на островах[169].

В «Саге о Греттире» (гл. V) херсир пытается захватить наследство находящегося в викинге земляка Транда, которому удалось вернуть свое имущество, но затем все-таки пришлось уехать из страны. Короля Харальда Точило (Точильный Камень, последняя треть XI в.) датская хроника хвалит за то, что он «приказал передать в общее пользование леса, которые присвоили себе только знатные люди»[170]: очевидно, что местная знать занималась *присвоением общинных угодий*.

Широкие должностные полномочия, предоставляемые королем управителям разного ранга, оставляли немало места для злоупотреблений с их стороны, отчего страдали бонды и что явилось еще одной, причем важной, причиной размывания этого могучего и достойного слоя. О присвоении самим королем значительной части общинных угодий уже говорилось выше. Но король применял и другой метод собственного обогащения — конфискацию собственности. Магнус Добрый, конунг Норвежский, который широко практиковал раздачу ленов, одновременно *конфисковывал* крупные владения, особенно у *бондов*, ссылаясь на то, что их хозяева выступали против его отца. Он даже *изгонял* некоторых из них из страны, а у других *уничтожал* скот («Сага о Харальде Суровом», гл. X и сл.). И монарх, и знать сделали немало для *понижения статуса бондов* и их *разорения*.

[169] ИС II:2. С. 23 и сл.

[170] РХ. С. 332.

Между королем и представителями знати в ходе борьбы за земли, за лены и власть возникали сложные отношения, которые особенно обострились после того, как походы викингов завершились.

Пожалование недвижимости было обычным способом примирения с влиятельным человеком. В сложном случае, описанном в мифологической «Саге о Хервёр», «король Гардов» (великий князь Киевский. — *А.С.*) дал одному удрученному знатному скандинаву много денег «для дружбы», но тот вовсе не был удовлетворен. Тогда по совету жены великий князь наделил этого человека землей, властью, дал ему много воинов и в конце концов отдал в жены дочь, которую тот с радостью увез с собой[171]. При всем сказочном характере этой саги данный ее эпизод, как и многие другие, отражает если не действительные факты, то известные обычаи или мечты.

В своей «Младшей Эдде» Снорри рисует очень интересную систему престижей, влияний, как бы конструирует собственную *«лестницу власти»* в обществе людей саги. Эта конструкция вырисовывается в связи с *толкованием кеннингов*, что и привлекло мое внимание. Так, с его точки зрения, конунга, «которому подчиняются конунги — данники или вассалы», правильно называть «конунгом конунгов». «Кесарь» — это именитейший из конунгов. За ним следует конунг, правящий большой державой. В отношении и того и другого скальды применяют одинаковые кеннинги. Следом идут мужи, называемые ярлами или конунгами-данниками, и в кеннингах они приравниваются к конунгам[172]. Но конунгов-данников нельзя называть «державными конунгами». Далее в произведении в качестве примера использована полустрофа Арнора Скальда Ярлов, в которой он называет ярла Торфинна «конунгом ярлов».

Затем «Младшая Эдда» переходит к херсирам. «Следующими в поэтических кеннингах идут люди, называемые херсирами. Херсира можно обозначить в кеннингах так же, как и конунга либо ярла. Можно звать его также “вождем войска и битвы”. Ибо всякий державный конунг, повелевающий многими землями, назначает себе в помощники правителями этих земель конунгов-данников и ярлов. Они вершат суд по законам этих земель и защищают от врага те земли, которые находятся в отдалении от конунга, и их приговоры и наказания должны признаваться наряду с конунговыми. А в каждой земле есть много областей, и конунги обычно ставят над этими областями правителей, вверяя им столько областей, сколько находят нужным. Эти правители зовутся по-датски[173] херсирами или лендрманами, в Стране Саксов — графами[174], а в Англии — баронами. Во вверенных им землях они должны

[171] IMS. S. 322.

[172] Не исключено, что именно в этом случае Снорри опирался на представления своего времени, когда ярлы уже назывались герцогами и чаще всего были братьями правящего короля. Судя по «Хронике Эрика», так обстояло дело, например, в Швеции.

[173] Еще в XIII в. языки народов Севера были еще так близки, что в Европе именовались общескандинавским наречием. В данном случае именно о нем идет речь.

[174] В «Саге о Харальде Суровом» Снорри сообщает, что в «Дании был один граф» (гл. LVI). Это вполне возможно, поскольку в Дании было немало переселенцев из франкских, позднее германских земель, а Южная Ютландия (Шлезвиг) вечно была яблоком раздора между Данией и императором.

быть справедливыми судьями и справедливыми защитниками. Если конунг далеко, перед ними во время битвы следует нести знамя, и они тогда считаются военачальниками наряду с конунгами и ярлами».

«Следом идут люди, называемые *хёльдами,* — продолжает «Младшая Эдда». — Это бонды уважаемого рода и пользующиеся всеми правами. В кеннингах они зовутся "раздающими богатства", "призревающими и примиряющими людей". Эти кеннинги "могут относиться и к правителям"»[175].

Порядок ступеней на «лестнице власти» в сагах и в «Младшей Эдде» не вполне совпадают. Однако из текста, из описания обязанностей высших чинов королевства становится ясно, что на вершине власти непосредственно после конунга располагаются ярлы, лендрманы-ленсманы, нередко фигурирующие в сагах и как сборщики даней[176], и херсиры. Это высшая знать, «графы» и «бароны» скандинавов того времени — люди одновременно знатные, чиновные и богатые.

А на местах после королевских управителей, хёвдингов и не только следуют те же хёльды (хольды) норвежцев и исландцев, стурбонды (большие, «великие», «могучие» бонды) шведов, играющие видную роль на местных собраниях, где они «примиряют людей», и в своих округах, где они выступают патронами («раздают богатства») местных рядовых бондов. Последние при этом, видимо, оказываются с ними в *вассальных отношениях*, обязаны оказывать им какую-то поддержку, в том числе на суде.

Процесс централизации власти проходил столь тяжело и болезненно для всех Скандинавских стран, что они неоднократно снова распадались, а люди часто вели себя непредсказуемо. В том, что касалось знати, положение вообще было неоднозначным. Большинство не только королевских назначенцев на высокие посты, но и воинов из верхней дружины принадлежало к родовой знати, в известных (редких) случаях к верхушке бондов. И исполнение возложенных на них королем государственно-административных, воинских, фискальных и прочих обязанностей еще больше обогащало их, а также развращало обретенной *безнаказанностью*. Несомненно, что, судя по сагам, большая *часть родовой знати в ходе создания монархий получала служебные функции*. Если говорить о складывающейся таким образом новой, служилой знати, то в окружении монарха, в высшей правящей среде *новая знать*, включая верхнюю дружину, составляла *единый придворный круг*, спаянный общими военно-политическими функциями, своим положением при государе, общим менталитетом. Король был *внутри* этого круга, поскольку он выходил из той же высшей среды, но, став правителем, считался уже «первым среди равных». Важнейшую роль при выдвижении в этом круге — при других благоприятных условиях и нужных свойствах кандидата — играло наследование высокой должности.

[175] Младшая Эдда. С. 159–160.

[176] КЗ. С. 176.

Но знать не была единой. И если в предыдущие времена она делилась по степени знатности и богатства, то теперь ее членение стало более сложным. Не все знатные люди были привлечены к королевской службе. Тем более не все служилые люди принадлежали к родовой, наследственной аристократии, ведь последняя буквально уничтожала друг друга в ходе междоусобных войн, поэтому *приток в элиту наиболее* энергичных, инициативных людей из *среды неродовитых хозяев* был необходимым и естественным процессом.

Создается впечатление, что возникновение различий в положении и настроениях внутри правящей элиты с формированием монархий начинает зависеть уже не только от степени знатности и богатства, но и от места пребывания: королевский двор — или ланды. В отличие от *высшей знати*, толпящейся у государева престола, в рядах ведущей *провинциальной знати* была сильна оппозиция королю и *политике централизации*. Тут играли свою роль и религиозные разногласия, жадность и жестокость с обеих сторон и, конечно, несогласие местных хёвдингов на задевающие их королевские поборы и умаление их авторитета. Они стремились сохранить местную автономию и, опираясь на бондов, поднимали восстания против королей, добиваясь их смещения. Позиция местной знати вполне обнаружилась в период христианизации (см. выше).

Кроме того, должностями и доходами король не всегда наделял пожизненно и, тем более, с правом передавать их по наследству. В отличие от родового имения и статуса, которые наследовались по твердому давнему обычаю, получение должности и служебных привилегий во многом, если не всегда, зависели от заслуг *именно перед данным правителем*, от его настроения, расположения, тактики и т.д. Интересно в этой связи замечание, сделанное вскользь в «Саге об Эгиле»: знатный Аринбьярн, который уезжал из Норвегии на запад в викинг вместе с конунгом Эйриком Кровавая Секира, после его гибели вернулся в Норвегию, «получил прежние доходы и владения и был в большой *дружбе* с (следующим) конунгом»[177]. А Финн сын Ари, сподвижник Олава Святого, впоследствии получил титул ярла («Прядь о Тормоде»).

В конце XIII в. в одной латинской грамоте из Швеции уже четко сказано, что «*знатные — часть тела правителя* (pars corporis ejus sunt [!])»[178]. В сагах эта линия «поглощения знати государем» только *намечена* пунктиром.

Значительную роль в формировании стабильного высшего круга, куда входила и королевская семья, играли *матримониальные* отношения. Перекрестные браки в конечном счете связывали семьи всех скандинавов, принадлежащих к высшим слоям общества, включая королей, родством или свойством. Супружеские связи в среде скандинавской элиты и между ней и соседними правителями фиксируются, согласно сагам, уже с VIII — начала IX в. Судя по сагам, у конунгов и ярлов было много

[177] ИС I. С. 204. Курсив мой. — *А.С.*

[178] DS. № 753.

наложниц и незаконных детей, которых они любили и хорошо пристраивали в высших слоях общества. Тем более они заботились о законных детях. Было принято, что короли в качестве патронов довольно часто устраивают браки своих придворных, вассалов и вообще знатных людей, одновременно их одаривая. Например, Трюггви, обручив Астрид, дочь богатого и влиятельного Бьярна, с херсиром Эрлингом, дал при этом жениху огромные земельные пожалования как в качестве приданого, так и за политическую поддержку[179]. Особенно часто в сагах упоминается о сватовстве между семьями королей разных Скандинавских и соседних стран, включая Русь и различные объединения прибалтийских славян[180]. Известно, что свою дочь шведский король Олав выдал замуж за Олава Толстого (Святого) Норвежского; другую дочь, Ингигерд, влюбленную в Олава Харальдссона Норвежского, из политических соображений выдал за Ярослава Мудрого (Ярислейва саг)[181]. Подчас король или хёвдинг женился на вдовах, чтобы унаследовать власть и владения их мужей[182].

Есть в сагах и описания роскошных свадеб короля[183] или знатного человека.

Существовали и другие традиционные методы для закрепления связей между семьями королей и высшей знати. Один из них — личное *побратимство* конунгов. Этот союз часто заключался ради достижения мира, в качестве мирного договора. О таком обряде рассказывается в «Саге о Магнусе Добром» (гл. VI, события 30–40-х гг. XI в.). Дело было так. После смерти Кнута Могучего за престол Норвегии и Дании вознамерились сразиться его сын Свейн[184] и молодой Магнус сын Олава Святого, провозглашенный королем «над всей страной (Норвегией)» на Эйратинге. Распространились слухи, что битва между ними состоится на реке Эльв (т.е. Гётаэльв), на границе Норвегии и Швеции, и обе стороны начали подготовку к ней. Но «поскольку оба конунга, — поясняет сага, — были незрелыми и юными, то управление находилось в руках могущественных людей...», которые не хотели войны. И вот «...лендрманы посылали гонцов из одного ополчения в другое к своим сородичам и друзьям и вели между собой переговоры с тем, чтобы достигнуть

[179] КЗ. С. 135.

[180] Адам Бременский, например, подчеркивает, что матерью законного сына Улофа Шведского Анунда (Энунда), в крещении Якоба, брата Ингигерд, была Астрид (Эстрид), происходившая из большого западнославянского племени ободритов (obodriti, бодричи), жившего на территории будущего княжества Мекленбургского. Дочь Свейна Вилобородого и сестра Кнута Могучего была замужем за ярлом Ульвом. См.: кн. II, гл. XXVII, LVI; кн. III, гл. XV, XVIII, XXVIII. О королевских браках см. также: КЗ. С. 126 и мн. др. О браках св. Олава см.: КИ. С. 408–411.

[181] Известно, что Ингигерд (в православии Ирина) потребовала, чтобы с ней поехал ее воспитатель и родич ярл Рейнвальд Ульвссон, которому на Руси дали бы ярлство, если бы он его уже не имел. Великий князь Ярослав выполнил ее пожелание, дав ее родичу в управление город с областью, а шведская принцесса родила великому князю троих сыновей и имела на Руси «добрую славу». См.: Сага об Олаве Святом. Гл. XCII–XCIII.

[182] Так, Кнут Великий, чтобы обосновать свою власть над Англией, вступил в брак с нормандкой Эльвгивой-Эммой, вдовой короля Этельреда. Языческое имя Эммы — Эльвгива можно перевести (со скандинавского диалекта) как «дар эльфов». Ср.: СОДВ. С. 52–53.

[183] См., например: Сага об Олаве Святом. Гл. LXXXI.

[184] В саге он назван по матери: «сын Альвгивы», причем Альвгивой или Эльвгивой звали не только жену (в крещении Эмму), но и любовницу Кнута Датского.

примирения между конунгами... Кончилось дело тем, что назначили встречу конунгов для заключения мира». После этого организовали встречу конунгов и на ней обсудили «условия примирения». Они договорились принести клятву побратимства и соблюдать мир между собой, «пока оба живы, а если один из них умрет, не оставив сыновей, то другому, кто его переживет, достанутся его земли и подданные». Вместе с королями клятву принесли по двенадцать сопряжников — «самых знатных» людей с обеих сторон, свидетельствуя, что «мир этот будет соблюдаться, пока кто-либо из них останется в живых». И этот договор действительно соблюдался, «пока они [все] были живы»[185]. Интересно, что мирный союз, скрепленный процедурой *личного побратимства королей* и свидетельствами знатных *соприсяжников* с обеих сторон, выглядит подобно тому же обряду между частными лицами, о котором уже говорилось выше.

Саги свидетельствуют еще об одном способе укрепления связей в высшем круге, который также был традиционным в скандинавском обществе того времени. Это договоренность о *воспитании,* когда какой-либо скандинавский конунг отдавал сына, дочь, нескольких детей правителю соседней страны, реже — более далекой (например, в Англию или на Русь) для того, чтобы они росли не при своем, а при чужом дворе, одновременно набираясь опыта общения с людьми и разнообразных знаний. Формально это делалось «ради мира», как выразительно сказано в «Саге о Хервёр»[186]. Нередко король отдавал сына или дочь на воспитание своему ярлу или иному знатному лицу, что служило знаком союза между отцом, его наследником и воспитателем последнего, но также школой управления и жизни для будущего государя. В общем передача детей на воспитание была ведь общей традицией элитарной среды.

Всевозможными подарками, пожалованиями земельных владений и должностей, установлением родственных связей, совместными пирами, заключением побратимства и т.д. короли стремились обрести в элите прочную опору. Но это получалось далеко не всегда, особенно если речь шла о влиятельном местном аристократе. Так, конунг Харальд своими преследованиями и домогательствами фактически вынудил Торольва «большого хёвдинга» и годи капища Тора, уехать в Исландию вместе с семьей и имуществом[187]. Олав Святой серьезно восстановил против себя местную знать жестокими мерами по христианизации населения. Некоторые представители знати не хотели находиться при королях. Например, «Сага об Эгиле» свидетельствует, что Бьёрн, несмотря на то что конунг так хорошо выдал замуж его дочь, отказался ему служить. Отказался служить шведскому конунгу очень богатый и независимый лагман Тиундаланда, округа (в Упланде), известного своей зажиточностью.

[185] КЗ. С. 381–382.

[186] IMS. P. 52.

[187] ИС II:2. С. 24 и сл.

Он заявил на тинге в присутствии короля, что «не меньше чести [чем у ярла] быть бондом (здесь — независимым хозяином. — *А.С.*) и свободно говорить, что вам захочется, даже при конунге».

«Сага о людях с Песчаного Берега» показывает (гл. II), какие серьезные недоразумения возникали тогда, когда земли, принадлежавшие какому-либо видному человеку, вдруг попадали в подчинение управляющему короля, с чем их владелец не желал смириться. А «Сага об Ингваре Путешественнике» свидетельствует о том, что конунги — в данном случае речь идет о королях Швеции, но это было характерно для всех правителей — убивали тех хёвдингов, которые ранее выступали против них, и присваивали себе их имущество. Примером тому служит история с Эймундом, сыном хёвдинга Свитьода, которая рассказывается в той же саге. Высокий, сильный, прекрасный наездник, добродушный от природы, он вырос видным мужчиной. Эймунд был сиротой, и его взял в свой дом конунг Олав; там мальчик воспитывался вместе с его дочерью Ингигерд, они дружили. А пока он рос, специально выделенные люди из королевского хирда брали положенный земельный налог со всех его владений, в том числе доверенных лично конунгу Олаву, который, как положено конунгу, патронировал знатных сирот. Когда Эймунд вырос, он попытался вернуть свои владения, но Олав на тинге объявил его вне закона, так что Эймунду пришлось срочно бежать. Ингигерд привела ему корабль, юноша отправился в «грабительский поход», долго был викингом, в конце концов добыл много добра и слуг, но родовые владения потерял навсегда.

Самоуправство королей подчас порождало целые детективные истории. Например, овдовевший конунг Харальд Золотые Уста затосковал и по совету близких поехал к ярлу Хрингу сватать его дочь Асу Прекрасную. С собой он взял 100 воинов и заявил ярлу, что либо тот отдаст за него свою дочь, либо будет убит. Престарелый ярл вынужден был согласиться. Срок между помолвкой и свадьбой был назначен в три года. Сваты уехали. Но с такой же угрозой к ярлу приехал другой претендент, по имени Коль, — огромный всадник с копьем. Он предложил вызвать Хринга на поединок, мол, пусть девушку получит победитель. Ярл-отец пошел на хитрость. Он послал за старым бондом Хелмингом и вызвал его к себе с 12 людьми, якобы для того, чтобы вручить ему подарки. Обрадованный Хелминг явился. Хринг одарил гостя и уговорил его биться вместо себя. Коль убил старика и потребовал, чтобы с ним все же бился сам ярл. Теперь Хринг приглашает на полмесяца на вейцлу двоих знатных людей-побратимов, с таким числом сопровождающих, сколько они пожелают. И вот с Колем согласился сражаться один из них — Стурлауг, сын херсира Ингольва, сопровождаемый 60 хорошо вооруженными всадниками, но при этом потребовал «передать ему помолвку». Напуганный ярл-отец был вынужден согласиться. Стурлауг победил, однако гордая Аса не захотела выйти замуж за Стурлауга, потому что, как заявила девушка, он «ничего не делает для славы». Тогда Стурлауг с побратимом снарядили 10 кораблей и отправились на восток. Там они, как говорит

сага, отпускали с миром честных купцов, но грабили злодеев. Пробыв в походах четыре года, побратимы очередной зимой поделили трофеи и разъехались по своим делам. Теперь прославившийся и нетерпеливый Стурлауг «женился на Асе и тут же лег с ней в одну постель. И вместе они поехали к нему домой»[188].

Возможно, в основе этой истории лежит сказка или на ней отразилось влияние западных романов, которые в XIII в. (как раз во время записи этого текста) уже были знакомы составителям саг. Но в то же время в ней так много деталей, характерных для жизни и представлений людей саги, что мимо нее нельзя пройти тем, кого они интересуют.

О королевских финансах и не только

Образ жизни короля, его пиры и войны, его щедрость, разъезды, содержание дружины, наемных воинов, обслуги, дворцов, жен, наложниц и детей — все это требовало значительных средств. Они поступали из разных источников, поскольку хотя бы относительно упорядоченная налоговая система в эпоху викингов была редким явлением. Короли использовали для удовлетворения своих нужд разные источники: *подати с собственных имений*; *дани-полюдье*, собираемые с подвластных племен; *дары; пиры-вейцлы*, которые устраивали за счет местного населения; и, наконец, прямое *ограбление* своих и чужих.

Верховные конунги нередко вели себя в родной стране так же, как на чужой и враждебной земле, которую надлежит покорить. Пожалуй, самую яркую память в этом отношении оставил по себе все тот же основатель Норвежского государства — воинственный Харальд Прекрасноволосый, о котором уже не раз говорилось выше. Вообще о нем писали много, так как он был весьма колоритной и сильной фигурой. Его яростная отвага была неоднократно воспета скальдами, например Хорнклови. Воюя с малыми конунгами, он все время собирал в помощь себе ополчения бондов во главе со знатными людьми[189]. На протяжении жизни имел множество жен и детей, но всех безжалостно разогнал, женившись последним браком на датчанке[190]. Достигнув верховной власти, Харальд, как, впрочем, и все другие конунги, стал максимально расширять свои владения, разоряя народ, забирая чужое имущество, отнимая имения даже у бывших любимцев; не брезговал извлекать для себя пользу из лживых наветов[191].

Показательны в этом смысле его отношения с богатым и знатным Торольвом, с которым он вначале вроде бы дружил, пировал и от которого получал щедрые подарки. Но потом, как повествуется в «Саге об Эгиле», у конунга с Торольвом

[188] СОДВ. С. 123–131.

[189] ИС I. С. 73.

[190] Там же. С. 40.

[191] Там же. С. 89 и сл.

возникли счеты. Его отцу Квельдульфу конунг Харальд повелел: либо заплатить виру, либо пусть они вместе с сыном сложат в его честь хвалебную вису. Им этого не захотелось. Король разозлился, объявил своей собственностью все земли и добро Квельдульфа и начал мстить их друзьям, родичам, своякам; многих жестоко наказал, другие бежали, даже уехали из страны. Брат Торольва Грим решил поехать к конунгу и попытаться добиться от него справедливости по отношению к семье. Взял с собой самых сильных и отважных соседей и домочадцев, в том числе богатырей и берсерков. Конунг, видя такое «почтение», пригласил Грима вступить в свою дружину, но с тем условием, что если он во время службы сумеет угодить конунгу, то получит почести и уладит дело с вирой. Однако Грим отказался! Его отказ привел Харальда в ярость. Конунг рассвирепел окончательно. Отобрав у некоторых бондов корабли, он собрал целую эскадру и 30 дюжин бойцов. Сжег имение Торольва, куда тот отвез семью, вольноотпущенников, рабов и сколько-то добра, так что многие его домочадцы погибли в огне. Сам Торольв был убит в схватке. Как упоминалось, его семью и имущество забрал один из друзей. Затем пришла очередь Грима. Не помогло даже заступничество Торира, лендрмана короля, который был воспитанником Квельдульфа и другом Грима. Опасаясь за свою жизнь, боясь мести конунга, Грим решил уехать в Исландию. По дороге он встретил корабль покойного Торольва, который шел под флагом конунга, поскольку был захвачен его людьми, причем находившиеся на нем два мальчика, 10 и 14 лет, при этом утонули. Мстя за брата, Грим отбил корабль и уплыл на нем в Исландию. Только так удалось прервать эту кровавую историю[192].

Вообще, как говорилось выше, спасаясь от Харальда Прекрасноволосого, в Исландию уехало много знатных норвежцев. И такие методы приращения своего имущества были характерны не только для этого конунга.

О грабительских походах и викингах речь уже шла. Военные поборы, которые шли на армию и флот, взимались с корабельных округов и сотен в утвержденном обычаем порядке: корабль, вооруженная команда для него и пропитание поставлялись населением в корабельных (прибрежных) округах, где за этим наблюдали сторманы, а ополчение — во внутренних округах. Из саг известно, что в Исландии эпохи викингов существовала своего рода разверстка средств на постройку кораблей по разным округам. С конца эпохи викингов, судя по первым областным законам, *личное участие* в военном или военно-морском ополчении можно было заменить *податью,* которая в законах нормируется. В сагах же подати именуются иногда также данями, так что их трудно отделить друг от друга. В «Саге о Гуннлауге Змеином Языке» говорится о том, что, когда Харальд Прекрасноволосый силой подчинил себе бондов одного округа в Норвегии[193], он сразу же потребовал от них уплаты податей. А «Сага о людях из Лососьей Долины» утверждает, что этот король лишил могущественных людей «виры за

[192] Там же. С. 194.

[193] Там же. С. 67–68.

родителей» и вообще превратил их в «податных людей»[194]. Текст не вполне ясен, но его можно понять так, что король присвоил себе право на получение [части?] судебных штрафов и распространил на знать обязанность платить какие-то подати государству. В конце концов приходится предположить, что в первой половине X в. первый объединитель Норвегии король Харальд действительно предпринял некие *серьезные реформы*; при этом они коснулись важнейших областей *организации власти*: финансов, администрации и военной службы. Харальд обладал большим государственным умом, но его реформы, скорее всего, как бы «забегали вперед»: тогдашнее общество, судя по последующей истории страны, еще для них не созрело. Это обстоятельство и позволяет предположить, что не все нововведения, которые приписывались этому государю, в действительности относились к его, а не более позднему времени.

О *податях*, вносимых *конунгу*, в том числе деньгами, саги говорят неоднократно[195]. Народ был недоволен, что дело сбора податей доверялось хёвдингам, по службе или родству связанным с королем или другими должностными лицами. Так, известный Эйнар Брюхотряс, который был зятем ярла Эрика, собирал двойные подати с доверенной ему округи, одну для короля, другую для себя, что не могло не возмущать бондов[196]. При Олаве Святом один местный ярл «задавил бондов налогами», а когда они пожаловались на него на тинге, дал обещание исправиться, но слово не сдержал (гл. XCVIII).

Позднее областной закон шведского Упланда обязал королевских наместников-ленсманов взыскивать с бондов *недоимки*. Судя по сагам, это практиковалось и в эпоху викингов[197].

Малый король Уплёнда Хальвдан Черный поручал «вершить суд в области Согн и собирать [там] дань в пользу конунга» своему другу Атли Тощему[198]. Получается, что служилый человек (малого) короля не только взимал в округе налоги и недоимки, но и получал там *судебную* власть. Вряд ли этот опыт не был усвоен верховными правителями объединенных государств.

Повинности бондов были предназначены государству — в лице короля. Бонды считали не только несправедливостью, но и прямым беззаконием нарушение своих прав и свобод в виде увеличения как самих поборов, так и их регулярность — превращение исконных, как бы добровольных, даней правителю и его дружине в обязательные подати. Как говорилось выше, введение постоянных податей Харальдом Прекрасноволосым, по мнению бондов, означало «отнятие одаля», т.е. лишение их наследственных и полных прав на свою землю. «Сага о Хаконе Добром» (гл. I, II) повествует, что сын Харальда Хакон Добрый уговорил бондов провозгласить его

[194] ИС I. С. 255–256.

[195] КЗ. С. 66.

[196] Там же. С. 177.

[197] Там же. С. 176; ИС II:2. С. 249.

[198] Там же. С. 59.

конунгом, обещая им «вернуть одаль», и бонды угрожали ему мятежом, если он это не сделает. Хакону было тогда 15 лет. Объезжая ланды, он не только всюду объявлял о своем намерении, но и выполнял его. Одновременно он щедро одарил знать. Один из внуков Харальда Гудред, известный своими поборами, был убит в одной из областей, когда потребовал заплатить дань-подать второй раз — как очевидно, при обстоятельствах, сходных с теми, при которых был убит русский князь Игорь, прямой потомок скандинавов-викингов.

Как свидетельствует Снорри, «за податями ездили обычно отрядом» человек в одиннадцать. Ярл Эрик, правивший в Норвегии после гибели конунга Олава сына Трюггви, мог собирать подать лишь в сопровождении большой дружины, а Олав Святой вообще боялся собирать подать в далеких от центра районах страны.

Вряд ли дани и налоги взимались в звонкой монете: ведь и позднее в Северном регионе в качестве платежных средств использовали меха, домашнее сукно, весовое серебро. Ярл Оркнейских островов Сигурд сын Хледвера получал дань с острова Мэн в основном серебряными слитками[199]. С появлением в Швеции верховного правителя стали брать дань с богатого торгового острова Готланд, но символического для него размера — 60 марок серебра в год[200].

По всей средневековой Скандинавии именно *налоги* на века стали *главным мотивом оппозиции* бондов королю — как своему основному притеснителю[201].

Примечательно, что, угрожая мятежом Хакону Доброму, если он не «вернет одаль», норвежские бонды требовали также сохранить их «старую веру», резонно полагая, что утверждение христианства и умаление их прав в пользу государства идут рука об руку. В Дании первым регулярным налогом была церковная десятина, равнявшаяся 10% от собранного зерна, ее называют «подушная подать». Ввел этот налог Кнут II Свейнсен (1080–1086), который поплатился за это жизнью. «Сага о Кнютлингах» повествует, что бонды прозвали Кнута II Тираном; он вынужден был бежать от их гнева на остров Фюн. Однако они его выследили и убили в г. Оденсе, в церкви Св. Альбана, перед алтарем (1090). Будущие короли-святые Эрик и Олав пострадали в конечном счете по той же причине.

---

[199] ИС II:2. С. 63. Как известно, своего серебра в Скандинавии не было. Речь, скорее всего, идет о переплавленных серебряных монетах, в большом количестве попадавших в регион в результате грабежа и торговых операций сначала с Арабского Востока (так называемые «куфические монеты», обычно дирхемы), а позднее с запада, из Англии и германских земель.

[200] Поскольку такая крупная денежная единица, как марка, никогда не чеканилась, формула «марка серебра» означала количество серебра весом в марку, т.е. скандинавский фунт, который весил более 200 г. См.: Приложение.

[201] В Швеции бонды поднимали мятежи против регулярных налогов еще в середине XIII в. В 1247 г. крестьяне («общины») Упланда были разбиты королем в битве при Спарсетре, и лишь после этого регулярное обложение данного ланда — последнего в стране — наладилось окончательно. Автор «Сигтунских анналов», выражая мнение современников, расценил введение постоянных сборов как «потерю свободы» бондами. Так думали в стране все. Через 35 лет высшие сословия Швеции были освобождены от налогов в пользу короля в обмен на обязанность нести воинскую службу, в результате чего их стали называть «фрэльсе», или «свободные [от налогов]». Налогообязанных же бондов, а затем бюргеров и «горных людей», т.е. горняков, шахтеров и металлургов, — «уфрэльсе» — «несвободные [от налогов]».

Старая форма повинностей в виде угощений, пиров или предоставления «гостеприимства» проезжим людям короля, похоже, больше устраивала население, хотя тоже была чревата для него разорительными расходами. Короли и их свита путешествовали по стране с дружиной и другими сопровождающими их лицами и обычно останавливались в своих хусабю, где были кладовые и куда свозили все собранное с местного населения. По данным топонимики, в Швеции, например, в XIII в. было до 70 таких королевских усадеб, из них более трети — в относительно богатом Упланде[202]. Разъезжали обычно в более прохладные сезоны: летом надо было уходить в плавание. В таком имении или в имении богатого соседа король и его свита устраивали пиры-вейцлы за счет местного населения и таким образом «кормились» там. И так было постоянно[203]. Не говоря о том, что пиры дорого обходились местному населению, путешествующие верхом господа еще и вытаптывали поля.

Кроме того, по ходу путешествия короли собирали причитавшиеся им *штрафы*: за оскорбление или убийство дружинника (обычай, который, несомненно, возник в эпоху викингов, хотя зафиксирован только в областных законах[204]), а также часть других судебных штрафов[205] (судя по Старшему изводу Вестгёталага, обычно ⅓). Штрафы, несомненно, составляли важную статью пополнения королевских финансов. Кроме того, правители оформляли на себя *выморочное имущество*[206]. В прибрежных имениях и городах они также взимали *пошлину с кораблей*[207].

Сохранялся и такой старый способ пополнения доходов короля, как сбор *дани с подвластных племен*, который частенько соединялся с немилосердными *грабежами*. Такие дани составляли один из важнейших источников дохода правителей, об их сборе в сагах говорится неоднократно. Лендрман конунга, могущественный и богатый, собирает для него дань с лопарей (саамов)[208], состоящую из драгоценных мехов[209], которые пользовались повсюду повышенным спросом. Еще один лендрман, которого звали Брюньольв, владевший очень богатым имением, едет собирать дань с тех же лопарей для Харальда Косматого, а сын его становится дружинником конунга[210]. В «Саге о Ньяле» богатый Торольв, бравший с собой в поездки не менее 90 человек, также собирал дань с саамов, а «страх [перед ним] делал лопарей

[202] Rosén J. Husaby // KHL. Bd. 7. Sp. 94–95.

[203] КЗ. С. 151.

[204] Ср.: UL. Kg II:1; Ögl. U 33:1, 34.

[205] Судя по закону восточных гётов (Ögl. K 3:20), в рассматриваемый период король получал долю судебных штрафов только в том случае, если сам присутствовал на тинге. Позднее это правило было отменено.

[206] ИС I. С. 209. Ср.: ÄVgL. Ä 14.

[207] КЗ. С. 189.

[208] ИС I. С. 71. Возможно, так называли и финнов.

[209] Там же. С. 84.

[210] Там же. С. 72, 73.

сговорчивыми» (!)[211]. Скандинавы собирали дань и грабили Восточную Балтию, и эстов, и ливов, и пруссов, и земгалов, и квенов (финского племени), и другие племена и народы[212], особенно если после успешного нападения им удавалось как-то закрепиться на этих землях.

Так, когда сын малого конунга Ингвар со спутниками собирали дань с земгалов, то перебили войско местных хёвдингов, одного из них повесили. При сборе дани «взяли много добра в счет военной добычи — золото, серебро и прочее». А сам Ингвар обзавелся там еще и наложницей, так что стал отцом, еще не достигнув 20 лет[213]. Судя по сагам, сбор дани с восточных балтов и грабежи там скандинавов были довольно регулярными.

С эстов дань собирали то воины норвежцев, то воины из Хольмгарда (Великого Новгорода). Викинги-эсты отвечали нападениями, особенно на близкую Швецию, грабили, забирали людей и обращали их в рабов.

Одним из таких рабов в 6 лет от роду стал будущий король — креститель Норвегии Олав сын Трюггви. Он рано остался без отца, и мать, боясь других претендентов на трон, увезла его из страны. По дороге его захватили и обратили в раба эсты, но, по счастью, он «попал «к хорошей паре». Олаву было 9 лет, когда его увидел и купил Сигурд сын Эйрика, брат его матери, который собирал в стране эстов дань для конунга Вальдемара (Владимира, великого князя Киевского. — *А.С.*); поняв, что Олав — его племянник, Сигурд увез его с собой в Хольмгард, в Гардарики. Там Олав вырос, был поставлен во главе «оборонительного войска», участвовал во многих битвах, «был щедр, и его любили». Попав в страну западных славян-вендов, он женился на властной Гейре, дочери их конунга Бурислава, стал ими управлять. Крестившись вместе со своими спутниками и добыв большие богатства, в том числе в результате набегов на датскую область Сконе и шведский остров Готланд, он вернулся в Норвегию, чтобы завоевать там верховную власть и крестить народ.

Пленение скальда Эгиля и его спутников во время их грабительского похода в Прибалтику на куршей и ряд других фактов, отраженных в сагах, показывают, что сбор дани был нелегким и опасным делом. Не случайно за данью ходили на военных кораблях и с достаточным числом воинов.

Особенно страдали от поборов пограничные территории, из-за которых спорили между собой правители трех Скандинавских государств. Так, при Харальде Прекрасноволосом (и, видимо, еще до него) будущий шведский Вермланд платил подати Норвегии и считался норвежской областью. Но при Хаконе Добром (ум. 960) норвежских сборщиков дани стали в Вермланде убивать. Тогда Хакон захватил Вермланд, поставил над ним другого ярла и взял с бондов положенные подати,

[211] Там же. С. 78.

[212] Там же. С. 76, 84, 100; Сага об Ингваре. С. 254. Земгалы, как и ливы, жили у Рижского залива.

[213] КЗ. С. 28–29.

а потом отправился покорять Гауталанд (Гёталанд)[214]. Когда два Олава — Шведский и Норвежский — вели спор из-за того, кому должны платить подати западные гёты, те умоляли закончить его поскорее, говоря, что им все равно, кому платить, лишь бы кому-то одному[215]. Тем не менее область все равно грабили с обеих сторон. При Магнусе Голоногом (рубеж X–XI вв.) соседи разоряли Халланд (рядом со Сколе), тогда датское владение. Этот король прошелся тогда по области огнем и мечом и начал было прибирать к рукам Западный Гауталанд, но конунг Инги Могучий сумел область отвоевать («Сага о Магнусе Голоногом», гл. I, VII).

Таким образом, *налогообложение* в сагах выглядит еще *неупорядоченным. Подати*, собираемые с населения центральной властью, да и местными властителями, представляли собой *симбиоз старых и новых форм*, включая *прямое ограбление. Финансовые институты еще не созданы*; фискальные вопросы решались *тем же кругом должностных лиц, что и административно-судебные дела.*

Некоторые итоги очерка

Очевидно, что в Скандинавии *государство* как важнейшая форма организации общественной жизни и непременный фактор цивилизационных процессов к концу эпохи викингов уже создано, но находилось еще на ранних этапах своего развития, в процессе собирания территорий и населения. Я не обнаружила в сагах признаков существования специальных *органов власти* и особых *категорий населения,* обслуживающих ее, а также и признаков *разделения* власти на законодательную, исполнительную и судебную. *Смешанные властные функции* осуществляли и сам король, и его воинский контингент, и его придворный круг. А на местах — служилые люди, обычно из родовой знати, державшие в руках все тамошнее управление.

Характерной чертой формирования государственных институтов власти является, как видно из саг, как бы *«прорарастание» их сквозь родовые институты*, до известной степени слияние с ними, их модификация и приспособление к новым условиям. Саги, таким образом, являют нам *интереснейшую стадию* в развитии государства — *стадию перехода от патриархальной (патерналистской) к публичной его форме.*

Тем не менее власть короля уже весьма значительна, и, если личные ее границы по сагам точно установить не удается, гораздо определеннее можно говорить об *утверждении института королевской власти и о высоком статусе, который постепенно обретают как монарший престол, так и фигура монарха.*

---

[214] Там же. С. 210–211.

[215] Сага об Олаве Святом. Гл. XXXVI, LIX. Ср.: Сага о Магнусе сыне Эрлинга. Гл. XVI.

ПРИДВОРНЫЙ КРУГ В КОНТЕКСТЕ ПОВСЕДНЕВНЫХ ОБЫЧАЕВ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Королевский «двор», как близкое окружение правителя, имел в Скандинавии эпохи викингов широкое общественное значение. Известный «придворный круг» в формах, присущих тому времени, возникал и при каждом малом короле и, тем более, при главном «короле королей», и при каждом знатном семействе — в виде штата слуг, охраны, управляющих. Интересно рассмотреть эту придворную жизнь в контексте повседневных обычаев своего времени, в надежде, что это поможет отчетливо представить как сами обычаи, так и особенности именно королевского двора. Мною выбраны, пожалуй, наиболее яркие и распространенные в то время *публичные* (общественные) *обычаи*: пиршественные застолья и обмен дарами.

О составе окружения монарха, занимающего престол уже объединенного государства, говорилось отчасти выше, в связи с дружиной и служилой знатью. Об остальных придворных конкретных сведений почти нет. Впрочем, уже ясно, что их круг складывался во многом в соответствии с нуждами, интересами и личными симпатиями короля и его семейства. И что близкие королю люди и его соратники, как и «нужные» знатные союзники, поощрялись подарками и получали важные государственные посты.

Жизнь королевского двора проходила среди битв, разъездов, охоты, различных церемоний и пиров. Это были будни двора, и именно в ходе этих повседневных занятий обычно решались важные государственные дела.

О войнах с участием государей сказано много. Выше приведены выразительные свидетельства саг о постоянных разъездах государей, особенно по своей стране и с самыми разными целями — от сбора даней до крещения местных жителей и от гостевания у родовитого хозяина до расправы с мятежным бондом. Можно в сагах найти и разрозненные данные об участии королей в весьма разнохарактерных церемониях, таких как заключение мира и побратимство с соседним королем, жертвоприношения в капищах и христианские обедни, заключение брака, похороны и т.д. К сожалению, в сагах лишь единичны сведения об охоте государей — занятии в те времена, как известно, излюбленном. Но есть упоминания о ловчих, об охотничьих собаках и соколах; последние высоко ценились. Снорри рассказывает об одном малом конунге Вестфольда, который был так физически силен, что в 12 лет победил берсерка, а во взрослом возрасте имел обыкновение в одиночку ездить в лес, чтобы охотиться на опасных, крупных животных[216].

[216] КЗ. С. 39–40.

Но по-настоящему выразительны в сагах те описания, которые касаются пиров. Оно и не удивительно, ведь победоносная битва и широкий пир — это то, что скандинавы мечтали получить у Одина, в Вальхалле!

Торжественная трапеза-пир

Совместная трапеза была на протяжении всей человеческой истории жданным и желанным событием, праздником. Она порождала положительные эмоции, помогая снять усталость, озабоченность и нервное напряжение, даря известную раскованность, новые знакомства, а также, хотя бы временно. радость и мир сотрапезникам. Многие из них получали приятную возможность вдоволь и вкусно поесть, что не всем и не всегда было доступно[217].

Вместе с тем такого рода трапеза и сама являлась, и, разумеется, сопровождалась определенным *ритуалом* или, скорее, совокупностью ритуалов, важных *знаковых* действий, которые делали пир событием не столько частной жизни, сколько важным общественным явлением.

Ритуализация совместной трапезы отмечается уже на самых ранних стадиях общественного развития, что вполне объяснимо, если иметь в виду как ту роль, которую собственно пища играет в поддержании жизни, так и то сильнейшее физиологическое, да и эмоциональное воздействие, которое она оказывает. Превращение совместной трапезы в общественный акт происходило благодаря ее коммуникативной и объединительной роли: ведь совместное преломление хлеба насущного символизирует приобщение сотрапезников к некоему единому социуму. Это выражение взаимного доверия, миролюбия, готовности к единению и совместным действиям, будь то собрание родичей, членов ремесленного цеха, воинов, духовного братства или воровской шайки, наконец, придворного или вообще элитного сообщества. Такое значение общей трапезы проходит через все исторические эпохи и на европейском материале может быть проиллюстрировано многими примерами из времен Античности, русского и западного Средневековья, Нового и Новейшего периодов.

Торжественное общее застолье, праздничную трапезу скандинавы обычно называли «пиром». Его устраивали по случаю, так сказать, «пиков» частной и публичной жизни, обычно в пределах социальной горизонтали, т.е. в «своей среде», где оно играло очень важную роль. Пир, относительно многолюдный, требующий значительных затрат и закрепленной обычаем организации, представлял на всеобщее обозрение статус, состоятельность и свойства сотрапезников, позволял их оценить, а также прояснить и в известной мере подрегулировать отношения между родичами и соседями, внутри общности, группы, слоя. И сразу же стоит оговориться,

[217] Часть материалов, вошедших в этот очерк, впервые были опубликованы в виде статьи (Сванидзе, 2006/б).

что социализирующая роль пиршества проявлялась не только через дружеские возлияния, но и через размолвки, иногда кровавые схватки сотрапезников, выявляющие расстановку, соотношение их сил. При известных условиях на пир могли быть приглашены и отдельные представители нижеследующей или восходящей по уровню социальной страты, что также имело большое общественное значение, прежде всего для вертикальных общественных связей и социальной динамики, например для вовлечения в группу знати сторонников из числа хольдов, а в среду хольдов — союзников из числа средних хозяев и т.д.

Литературные источники позволяют в какой-то мере восстановить порядок таких пиршественных собраний, до известной степени адекватно представить себе их роль в тогдашнем скандинавском обществе, уже начавшем встраиваться в феодальную систему европейского Средневековья. При этом сведения, имеющиеся, например, в сагах, достаточно избирательны, в том числе социально, ведь они рисуют наиболее подробно верхние слои общества — королей, знать, скупее — богатую верхушку бондов-простолюдинов; именно о таких пирах и можно прочитать в сагах.

Судя по этим описаниям, пиры были нескольких типов. Один из них — регулярная коллективная обильная трапеза, которую, например, короли практиковали в невоенное время чуть ли не ежедневно, подолгу засиживаясь за столом со своими приближенными и тут же обсуждая важные для страны и для них лично вопросы, а также происшествия, случившиеся при дворе. Тогда с утра до вечера «брагу медовую в чеканные чаши лил виночерпий» (поэма о Беовульфе, ст. 2110 и др.). Судя по сагам, пир был обычным времяпровождением короля и его дружины-свиты в перерывах между битвами, церемониями, охотой и вообще делами, требующими активных действий со стороны государя.

В такие дни король вставал рано; если дело происходило уже в христианской среде, он молился, затем в обществе дружины и, нередко, гостей отправлялся в зал. Там, возможно, он совершал омовение (рук) вместе с сотрапезниками[218], а затем занимал главное место за столом. Все приступали к трапезе, а если в это общество попадал новый интересный человек, его просили рассказать о себе и о том, что он видел. Еще лучше было, если гость умел играть на музыкальных инструментах и петь, рассказывать саги. За столом сидели долго, ели и особенно пили очень много. В знак того, что слугам пора убирать со стола, король стучал по столу рукояткой своего ножа[219]. Как известно из саг, такой нож, служивший по мере надобности то столовым прибором, то оружием, имел при себе каждый скандинав. Иногда, нагрузившись сверх меры, пирующие отправлялись на отдых, чтобы затем, прервав пир лишь на вечернюю церковную службу, продолжить его до ночи, а затем с трудом

[218] Об омовении рук перед едой сказано в «Саге об исландцах» (с. 121) в эпизоде, связанном с королем Хаконом Хаконарссоном. Соблюдалось ли это гигиеническое правило ранее, мне неизвестно.

[219] Поэзия скальдов. С. 71.

добраться до постелей[220]. В «Пряди об Аудуне с Западных Фьордов» говорится, что после пира конунг и дружина «идут к вечерне пьяные»[221].

Осенью весь двор снимался с места и кочевал с «пира на пир». И за столом решались многие дела и судьбы.

В поэме о Беовульфе (ст. 2180) герой хвалит вождя, который

> в медовых застольях / не губил друзей,
> не имел на уме / злых намерений...
> …незлобив был и кроток сердцем.

Торжественно трапезничали как короли, так и другие состоятельные люди во время *гостевания,* иногда длительного. О пирах знати речь уже шла. В «Саге об Олаве Святом» имеется выразительный рассказ о том пиршестве, который устроил малый конунг Вестфольда Сигурд Свинья для своего пасынка, «главного короля» Норвегии Олава Толстого (гл. XXXII–XXXV)[222].

Получив известие о приезде сына-короля, жена Сигурда королева Аста, которая «сидела в своей горнице, и с ней было несколько женщин», немедленно встала и велела «слугам и служанкам приготовить всё наилучшим образом». Прежде всего четыре служанки убрали покои, завесили стены коврами и подготовили скамьи. Затем несколько слуг устлали пол свежей соломой, поместили у входа столик с большим жбаном для пива, а на большом столе расставили угощение. Аста отправила двоих слуг за мужем, который в это время находился в поле, присматривая за уборкой хлеба. Были разосланы слуги по всей округе, чтобы пригласить «всех знатных людей» на пир в честь конунга Олава. Прочим слугам и служанкам она приказала выйти во двор [встречать гостей]; «всем, кто там был», она велела надеть праздничные одежды, если они у них были, а тем, у кого хорошей одежды не было, «она ее одолжила». Сигурду в поле был приведен конь «с седлом, отделанным золотом», и позолоченной уздечкой, украшенной драгоценными камнями. Принесли ему и праздничную одежду. Кроме того, слуги передали Сигурду просьбу Асты вести себя «как подобает знатному человеку» (!). Сигурд же, высказавшись по поводу дурной репутации пасынка, связывать судьбу с которым очень опасно, усомнился в том, что Асте удастся проводить сына с той же роскошью, с какой она его встречает.

Сигурд «приказал разуть его», снял будничную «синюю куртку, синие чулки, высокие сапоги, завязанные выше колена, и широкую серую шляпу», а также платок, который прикрывал лицо [от пыли? загара?)]. Затем «натянул на ноги высокие сапоги из козьей кожи и прикрепил к ним позолоченные шпоры... надел одежды

[220] См., например: IMS. P. 95 o. a.

[221] ИСИЭ. С. 83.

[222] КЗ. С. 181–184.

из драгоценной ткани, а сверху — алый плащ... опоясался мечом, надел на голову позолоченный шлем и сел на коня». Когда он «в сопровождении тридцати мужей в хорошей одежде» подъехал к дому, весь двор был полон народу. Тут показались сначала стяг Олава конунга, а потом и он сам. С ним было сто человек, и все они были хорошо одеты». Из дальнейшего текста явствует, что это было «все войско» Олава — скорее всего, его дружина.

Гостя приветствовали, ввели за руку в дом и посадили на почетное место. Аста просила сына погостить, распоряжаясь «всем, что у нее было, землей и людьми». Сигурд «приказал своим людям позаботиться об одежде тех, кто был с Олавом, и накормить их лошадей», затем «сел на свое место. И пир был на славу».

Итак, подготовка к пиршеству в честь высокого гостя включала уборку и праздничное убранство покоев, приготовление столов и угощения на них и обязательно праздничную, «драгоценную» или, по крайней мере, «хорошую» одежду как самих хозяев и их слуг, так и гостей, а также тех, кто их сопровождал. Требовалось пригласить всех знатных людей округи, которые, конечно, приезжали со своим сопровождением. Встречать гостей полагалось многолюдно и торжественно. О ходе пира сага не рассказывает, только замечает, что Сигурд в течение гостевания Олава и всех его сопровождающих «кормил их день рыбой и молоком, а день мясом и пивом». Заодно сага объясняет причины приезда гостя к Сигурду: Олав Толстый задумал завоевать трон Норвегии и хотел добиться содействия Сигурда. А «властолюбивая» Аста поддержала замыслы сына, считая, что, даже если, став королем Норвегии, он проживет так же мало, как Олав сын Трюггви, это все же лучше, чем прозябать в неизвестности до глубокой старости, подобно ее мужу.

Сходными были и обстоятельства других торжественных пиров, которые (видимо, поочередно) устраивали для конунгов местные лендрманы и богатые бонды той или иной округи, когда правители «ездили по пирам». Так же ставили скамьи, приглашали живущих по соседству «лучших людей» с их свитами, которые вешали на стену свои щиты, вместе с конунгом принимали подчас до двадцати дюжин сопровождающих, всех щедро угощали и т.д. Хозяева хвастались дорогой посудой, убранством дома, все присутствующие — одеждой и оружием, желающие «мерились силой», особо уважаемые гости при отъезде получали богатые подарки.

Судя по сагам, для широкого пира предназначалась самая большая комната в доме (зал, холл), обычно прямоугольная, на мощных столбах, украшенных резьбой, с постоянными местами для хозяев и почетных гостей.

Наконец, саги говорят также о *коллективной трапезе,* которая устраивалась по *особым* случаям — в честь религиозного или иного праздника, тинга, победы над врагом, свадьбы и тризны, т.е. приурочивалась к примечательным событиям общественной и частной жизни. Например, хёвдинг Сэмунд устраивал каждой зимой широкий пир «на мессу Никуласа» (св. Николая, 6 декабря), приглашая всех видных людей округи. Сам Сэмунд сидел тогда посредине длинной скамьи,

рядом помещался его родич Лофт, на почетном месте напротив хозяина — другой знатный хёвдинг. Все много пили, читались «кое-какие» стихи, видимо, обидные для одной из групп пирующих, поскольку все расстались «в большей вражде», чем были до пира[223].

Судя по порядку рассаживания гостей — по мере их знатности и близости к хозяину, можно говорить об известном «местничестве». Вероятно, во внимание принимались не только богатство и знатность, но также возраст и заслуги, особенно ратные. Не случайно скальд Эгиль написал такую вису:

Что ж мою скамью ты / Занимаешь, юноша?
Ты давал ли волку / Свежи яства трупны?
Видел, как из воев / Враны пили брагу?
Был ли в прибое / Блеска ты резких лезвий?
Я с оралом ратным / Странствовал. На раны
Ворог вихрем несся. / Викинги ярились...
Борзо мы у брега / Бились и рубились…[224]

Конечно, пиршества обходились хозяевам недешево, поэтому в большинстве случаев их устраивали состоятельные люди. Богатый и влиятельный Снорри Годи устроил «большое осеннее угощение», возможно традиционное, приуроченное к осенним тингу и жертвоприношению — ведь он был годи местного капища. На него хозяин «зазвал к себе друзей. Наварил вдоволь горячей браги, и пили крепко. Было там и множество застольных забав», из которых названа одна, видимо привычная: «сравнивали людей» округи — «кто самый большой хёвдинг». При отъезде гости получили подарки, что было одним из ритуалов гостевания в то время[225], ведь и сам Снорри Годи, уезжая из гостей, также получал подарки.

В «Саге об Эйрике Рыжем» (гл. VII) говорится: «Зимой знать устраивала пиры и [там] рассказывали саги, и занимались многим другим, что придает веселье домашней жизни». Наиболее богатыми, торжественными и престижными были те пиршества, которые устраивали или посещали короли. О них саги содержат множество упоминаний.

Необычайно интересные, а подчас и уникальные сведения о таких пирах доносит до нас поэма «Беовульф». Там говорится, что устройству торжественного пира местным конунгом предшествовала «постройка дворца пиршественного», который возводил «весь народ», сходясь для этого из всех пределов. Конунг, который долго правил данами, «там золотые дарил... кольца всем пирующим».

[223] Сага об исландцах. С. 116.

[224] Эгиль сын Грима Лысого. Отдельные висы // Поэзия скальдов. С. 29–30. См. также: Сага о людях из Лососьей Долины. Гл. LIV.

[225] ИС II:2. С. 76. См. также: С. 307, прим. 99.

Жена вождя приветствовала гостей «по древнему чину», поднося первую «чашу пенную» «высокородному гостю» Беовульфу. Затем с полной чашей «кольцевладелица» — королева, обходит гостей, «потчуя воинов, старых и юных» (ст. 610, 620 и сл.). Обойдя гостей, она садится возле венценосного супруга. Не только медовую брагу, но и вино из «дивных бочек разносил виночерпий» (ст. 1160). И «...пир разгорался, как в дни былые», застольные клики, смех и песни «в хоромах грянули» (ст. 640). После пира вся дружина, которая в нем участвовала, улеглась спать (ст. 50 и сл., 69–70 и сл.).

О подготовке к пиру, о том, как убирают хоромы («гостеприимный зал»), говорится неоднократно. В случае необходимости, по важному случаю, пиршественная палата и спальные помещения строятся специально. На стены вывешивают «златовышитые ткани», и «дивные вещи ласкают зрение...». А утром, когда все расселись по лавкам, снова «сновали чаши медовой браги среди героев, среди соратников и родичей конунга» (ст. 990, 1010). Часто пили из звериного рога, красиво украшенного, иногда с подпорками, чтобы его можно было ставить на стол. Из пиршественного рога пили, например, на пиру у Ангантюра, о чем повествует «Сага о Фритьофе Смелом» (гл. VII).

Автор поэмы не забывает упомянуть о том, что на пире «песносказатель пел», что там звучали голос и музыка; сказитель, «чтобы потешить гостей в застолье *правдивым словом* песнопредания, былью о битве», привлекал внимание пирующих. Этими певцами и сказителями на пире были либо скальды из свиты короля, либо особо приглашенные на пир люди.

Дружина «добрая» после пира обычно ложилась спать там же, на лавках, кладя у себя в головах щиты, рядом, «под рукою», шлемы и мечи, поскольку дружинники «всечасно готовы к сече» и «везде», где опасность грозит владыке, бдительно «стоят на страже» (ст. 1240–1250).

Таким образом, из поэмы о Беовульфе следует, что иногда для королевского пира сооружалось и украшалось специальное помещение, для чего привлекался народ со стороны. Интересно также описание здесь некоторых ритуалов и обычаев самого застолья: поднесение самой хозяйкой, в данном случае королевой, первой чаши самому почетному гостю, ее же обход с «круговой чашей» остальных видных гостей, а также развлечение пирующих музыкой, сказами, пением.

Как говорится в «Саге о Харальде Серая Шкура» (середина X в.)[226], в то время было «много конунгов и ярлов», а у каждого из них — дружина. И все они пировали постоянно, переезжая с пира на пир, особенно поздней осенью, когда были невозможны ни сельские работы, ни плавания викингов. Не случайно в сагах встречается и такая фраза: «Всю осень король разъезжал по пирам»[227].

[226] КЗ. С. 90.

[227] ИС I. С. 71, 90, 120, 190 и мн. др.

Разумеется, если конунг ездил по пирам, то его всюду встречали с большой пышностью и почтением. Нередко пиры в честь конунга давались с целью его умилостивить, либо получить от него новые привилегии, либо подтвердить старые. Так было, например, когда, конунг Олав (Святой) отправился на север Норвегии, плывя вдоль побережья на пяти кораблях и имея при себе около 300 вооруженных людей. Приехав в известное место, он созвал бондов каждого округа на тинг. На каждом таком тинге его «провозглашали конунгом», а он «приказывал зачитывать законы, в которых повелевал соблюдать христианство... Многих конунг жестоко наказывал... людей и могущественных, и простых... Большинство могущественных и богатых бондов устраивало [тогда] пиры в честь конунга». Один хозяин «устроил пир в честь конунга. Там было много народу, и пир был на славу». В результате этот человек стал лендрманом конунга, получив от него «те же поместья, которые имел от прежних правителей» (!)[228]. Тем, кто не сумел угодить этому жестокому королю, грозила беда, им приходилось «проститься либо со своим имуществом, либо с жизнью»[229].

Традиционными поводами для пира служили свадьбы и тризны[230]. В «Саге об Эгиле» (гл. XXVII, события X в.) рассказывается, что конунг пригласил всех присутствующих на тинге на пиршественную тризну по своему отцу, а знатным мужам обещал подарки. Пригласил и всех бондов — «кто захочет... богат он или беден». Эта тризна длилась полмесяца, на нее съехались до 900 человек[231]. Что же касается подарков, то обычай одаривать гостей, в том числе приглашенных на пир, описывается во многих сагах (см. ниже).

В «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. XXI) повествуется о пире, что устроил ирландский король по случаю приезда к нему внука Олава, сына его захваченной в рабство и считавшейся пропавшей дочери. Король срочно прискакал с другого пира, на который был зван до этого[232]. Огромным пиром, как гласит «Сага об Олаве Святом» (гл. CXXXVIII), прославил себя конунг Кнут Могучий (начало XI в.), знаменитый сын конунга Дании Свейна Вилобородого и правнук Горма Старого. Пир этот оказался важным для Кнута еще и потому, что, владея Англией и Данией, он мечтал подчинить себе и Норвегию. Во время этого застолья Кнут, видимо, и предложил своему гостю Олаву Норвежскому отдать ему Норвегию в качестве лена, т.е. был готов стать в Норвегии его наместником-ярлом, вассалом[233]. Вошел в сагу и грандиозный пир, который устроил отец Кнута конунг Свейн Датский (987–1014) и куда пригласил всех вождей страны с их дружинами[234].

[228] КЗ. С. 252.
[229] Там же. С. 182.
[230] См., например: ИС I. С. 216–217, 252, 257 и мн. др.
[231] Там же. С. 310.
[232] Там же. С. 295.
[233] КЗ. С. 120.
[234] Сага об Олаве, сыне Трюггви. Гл. XXXV.

Когда Харальд Суровый Правитель (1046–1066) на известных условиях получил от конунга Магнуса Доброго (1035–1047) «половину Норвежской Державы», то пригласил его «к себе за стол», куда тот явился с шестью десятками людей. «Пир был пышный и обильный. Конунги были веселы и радостны». В конце дня Харальд преподнес гостю и его людям множество очень дорогих подарков. В течение следующей зимы конунги с дружинами «ездили по пирам, и то были вместе, то порознь»[235], пока не поссорились (вторая четверть XI в.).

Пиром было принято встречать гостя, которому хотели оказать особый почет. Например, в честь Сверрира, приехавшего из Норвегии в шведскую область Вермаланд (Вермланд), его обрадованная сестра устроила пир с приглашенными гостями[236]. Или: «Знатный и богатый Хёскульд и сыновья Ньяля пригласили друг друга в гости. Сначала Хёскульд поехал к сыновьям Ньяля». У одного из них «был бурый конь-четырехлеток, высокий и статный. Конь это был не кладеный (т.е. не ходил под кладью? — *А.С.*)[237] и никогда не выводился на бой с другими конями». Хёскульду подарили этого коня «и еще двух кобыл в придачу». Хозяева сделали гостю и другие подарки, причем обе стороны уверяли друг друга в дружбе. «Затем Хёскульд пригласил их к себе в Оссабер. У него там уже было много гостей. Он еще до этого велел сломать свой главный дом, но у него были три сарая, в которых приготовили постели. Приехали все, кого он пригласил. Пир вышел на славу. И когда настала пора разъезжаться. Хёскульд поднес гостям богатые подарки и вместе с некоторыми гостями и своими домочадцами поехал проводить сыновей Ньяля»[238].

Некий Мёрд устроил пир, чтобы справить тризну по своему отцу, «и приготовил все для пира. Он пригласил многих бондов, и на этом пире было множество народу». Все вернулись домой с подарками[239]. В «Саге о Ньяле» рассказывается о том, что на пире поминали умерших родичей и пили в честь богов[240]. Пир по случаю традиционного праздника устраивал богатый хозяин Торгейр («Сага об Эгиле», гл. LXXXIII). Вероятно, знатный скандинав эпохи саг хотя бы раз в год устраивал большой пир, что, несомненно, поддерживало его престиж как богатого, «очень щедрого и достойного человека».

Свадебный пир отличался особой пышностью[241]. На него приглашалось множество гостей. Свадьба знатного человека требовала немалых затрат, поскольку родня и именитые гости съезжались со всех концов страны и даже из других стран и земель,

[235] КЗ. С. 415–416.

[236] Сага о Сверрире. Гл. 7. Ср.: ИС I. С. 198, 627 и мн. др.

[237] Впрочем, некоторые исследователи считают, что определение «кладеный» обозначает холощеный, т.е. в виду имеется мерин.

[238] ИС I. С. 627–628.

[239] Там же. С. 627.

[240] Там же. С. 148.

[241] Там же. С. 133 и сл., 216, 257 и мн. др.

и все были с семьями и спутниками. При этом получали и, особенно, дарили гостям множество подарков. Ели, пили медовую брагу, с радостью внимали выступлениям скальдов. Особо отмечается, что еще малолетний Эгиль впервые прочитал сложенную им вису на свадебном пире[242]. При описании свадьбы знатного и богатого Торольва говорится о «дружине жениха», которая участвовала в пиршестве.

Непременно пировали по случаю проведения тингов, областных и, особенно, общих для всей страны. Традиционные общие или большие тинги собирались на праздники трижды в год: на йоль, весной и осенью. К каждому из этих праздников приурочивались не только общий тинг, но обязательно и большое, торжественное жертвоприношение, а с принятием христианства — католическая служба и, кроме того, по древнему обычаю, ярмарка, которая после установления христианства на Севере даже получила наименование «месса».

Когда скальд Эгиль задумал посетить Норвегию, он «снарядил свой корабль и набрал гребцов». В «середине Норвегии» он пристал к берегу и направился к своему хорошему знакомому, богатому и знатному Аринбъярну, который пригласил его погостить «с теми из спутников, кого он хотел бы оставить с собой». Эгиль вытащил корабль на берег, «гребцы нашли себе пристанище», а сам он и 11 его спутников поехали к Аринбъярну. Хозяину преподнесли «великолепный корабельный парус», который Эгиль велел изготовить заблаговременно, а также «много других подарков». Эгиль прожил в гостях всю зиму, «окруженный почетом». Йоль праздновался у Аринбъярна, который «созвал на него своих друзей и окрестных бондов. Там собралось очень много народа, и было устроено богатое угощение. Аринбъярн подарил Эгилю по случаю йоля длинное одеяние, сшитое из шелка, с золотой каймой и золотыми пуговицами спереди до самого низа. Аринбъярн велел сделать это одеяние по росту Эгиля. Еще он подарил ему полный наряд, сшитый на йоль. Он был скроен из пестрой английской ткани». Кроме того, «Аринбъярн почтил всевозможными дружескими подарками своих гостей, так как он был очень щедрым и достойным человеком». По этому поводу Эгиль сочинил вису:

Муж достойный отдал / Свой наряд богатый.
Никогда не встречу / Преданнее друга.
Дорогим подарком / Наделил меня он.
Не найду того я, / Кто бы с ним сравнился[243].

Однажды, когда Аринбъярн ушел спать, его гости и приближенные устроили пирушку «и все очень веселились. Сначала пили, посылая рог вкруговую. Потом стали пить рог по двое, пополам... Позже начали пить нечестно (?), и тут пошли

[242] ИС I. С. 118.

[243] Там же. С. 204–205. Вообще, как уже упоминалось, на йоль было принято шить новую одежду.

хвастливые речи и перебранка». Один из присутствующих вынул меч и нанес другому пирующему (Торвальду) смертельную рану»[244]. Поскольку пили на пирах неумеренно, тяжелые драки, даже со смертельным исходом, происходили между присутствующими, как видно, нередко (здесь стоит вспомнить хотя бы пир у Сэмунда).

Что же касается королей, то по обычаю новый конунг, избранный на общем тинге, объезжая свои владения, ездил по «малым» конунгам, пируя у каждого в течение суток. «Сага об Олаве Тихом» (гл. III) сообщает нам, что с конунгом ездило постоянно 120 старших дружинников и до 60 младших[245]. В «Саге об Олаве Святом» по этому поводу замечается, что, поскольку на пир приезжало очень много народу и это разоряло хозяев, срок пребывания у каждого из них нормировался обычаем (гл. XXXVII).

Для конунгов же, особенно малых, пиршества, как уже ясно из предыдущего текста, служили еще и способом существования. До того как сложились административная и налоговая системы, конунги со своим сопровождением ездили по пирам, на которых и кормились, и собирали с окружающего населения припасы, подати и штрафы, а Олав Святой при этом еще и строго следил за соблюдением христианства (гл. CXXXVII, CXXXVIII). Поэтому конунги ездили на пиры по определенному маршруту, задерживаясь на каждой территории только на необходимое время.

Пир мог быть использован и для сведения счетов с противником в междоусобной борьбе, в том числе за власть. Об одном таком эпизоде, изложенном выше, повествует «Сага об Инглингах», заодно описывая некоторые подробности существовавших тогда обычаев тризны и передачи наследнику конунга власти его отца.

С порядком проведения большого пира знакомят поэма «Беовульф», «Сага об Инглингах», «Сага об Олаве Святом» и другие саги. Для пира готовили или специально сооружали временное помещение, типа большого сарая, украшали его стены коврами, а земляной пол устилали свежей соломой или тростником. При необходимости строили несколько помещений поменьше для ночного отдыха многочисленных гостей и их спутников. Ставили и уставляли закусками большой стол.

Король сидел в центре главной скамьи, на почетном сиденье, у него по бокам — малые конунги, ярлы. Напротив — вельможи и королевские окольничьи («Сага о людях из Лососьей Долины», гл. CLIV), т.е. каждый гость получал место за столом в соответствии со своим статусом и, видимо, близостью к королю, который в качестве особой милости усаживал того или иного гостя рядом с собой.

Присутствующие на пире мужчины и женщины рассаживались парами, «насколько хватало женщин» (!), беседуя и деля напитки и яства[246]. Иногда результатом такого соседства становились сватовство и брак, иногда адюльтер. Все были роскошно одеты. В сагах описывается нарядная и богатая одежда, которую были обязаны

[244] Там же. С. 150.

[245] КЗ. С. 465.

[246] Сага о Магнусе Слепом и Харальде Гили. Начало XII в. // КЗ. С. 31–32.

носить дружинники и приближенные короля, особенно в торжественных случаях[247]. Специальные люди обносили пирующих напитками, из которых в сагах упоминается в основном брага. В обычае было посылать рог с напитком или чашу «вкруговую». В конце пира поминали предков.

Важное место на пирах отводилось скальдам, которые обычно служили в дружинах королей, хотя бы в течение некоторого времени. Нередко конунги сажали их за стол рядом с собой, ведь тогда считали, что «поэзия — брага пира»[248]. Одним из величайших поэтов той эпохи считался (и считается) Эгиль (ок. 910 — ок. 990), буйный и бесконечно талантливый, а «Сага об Эгиле», включающая немало его стихов, создание которой приписывалось Снорри Стурлусону, — одна из ярчайших среди родовых саг. В своих висах поэты славили королей, поминали усопших героев, повествовали о битвах, давали характеристики современникам. О скальдах речь пойдет особо (см. часть 8), но здесь уместно отметить, что их выступления и, особенно, состязания украшали пиры, повышали значение происходящего, придавали ему благородство, смягчали буйство пирующих. Несмотря на это и, казалось бы, сдерживающее влияние высоких особ и женщин, пирующие, по свидетельству саг (в частности, «Саги о сыновьях Харальда Гилли»), порой упивались до рвоты и «скотского состояния». Впрочем, как можно убедиться, в такое состояние конунг и его дружинники нередко приходили и во время своих обычных, повседневных застолий. Вряд ли поведение за столом в домах других знатных людей было более пристойным.

Обычно сагам свойственно не столько расписывать те или иные события, сколько упоминать, как бы констатировать их. Но достаточно ясное представление о пиршествах в среде элиты и в окружении королевских особ, об общественной роли этих пиров и складывающихся порядках на вершине общественной пирамиды того времени они все же дают. Пир являлся важным средством установления и поддержания *общественных связей* и их *регулирования*, он влиял на сплочение элиты, ее социальную динамику, помогал вырабатывать навыки светского поведения и, конечно, завязывать полезные знакомства. Пир также демонстрировал расстановку сил в социальных стратах разного уровня, прежде всего элитарном. Для правящих особ гостевание и сопутствующие ему пиры служили одним из методов утверждения личной власти, управления подданными, взимания ренты в ее тогдашней форме (дани) и единения с могущественной, свободолюбивой массой бондов.

Я не располагаю сведениями о праздничных торжествах в среде простых хозяев. А единственное, но весьма интересное упоминание о пире в городе содержит «Сага об Олаве Тихом». Это маленький отрывок, в котором говорится о «круговых пирах купцов» в норвежском городе Нидаросе, где «стали множиться гильдейские пирушки». Думаю, что в свете того, что известно о роли торговли в обществе

[247] ИС I. С. 436–437, 447.

[248] Там же. С. 232. Ср. о поэтах-певцах на пире см. в поэме «Беовульф» (ст. 12).

викингов, профессиональных купцов можно причислить к тогдашней, пусть и не придворной, но все же элите. Несомненно, что для купечества, особенно замкнутого, городского, как и для других социальных групп, пир (при всех возможных ссорах, особенно между пьяными людьми) был *знаковым, связующим явлением* в условиях тогдашних войн всех против всех (см. в Приложении о городах).

Дар и отдар

В ходе нашего повествования распространенность среди скандинавов обычая дарить и получать подарки становится совершенно очевидной. Однако стоит еще немного поговорить об этом обычае. Не вызывает сомнений, что *ритуал обмена дарами,* как и пир, был в числе важных, *знаковых общественных явлений,* в том числе средств социальных коммуникаций, о чем немало сказано историками. В сагах подарки, в том числе очень дорогие, упоминаются часто, это касается и всевозможных даров гостям.

Обычай дара-отдара распространялся на многие отношения — родственные, дружеские, соседские, патрона с вассалами, а также другие, рассчитанные на поддержание союзнических связей. Ирландский король, расставаясь с неожиданно обретенным внуком, который посетил его, бастардом Олавом Павлином, подарил ему «копье, отделанное золотом, и меч искусной работы, и много другого добра» («Сага о людях из Лососьей Долины», гл. XXII). Вернувшись в Норвегию к конунгу Харальду, дружинником которого он был, и к королеве-матери Гуннхильд, которая снаряжала его в плавание, Олав подарил им «много редкостных сокровищ, которые он получил на Западе, в Ирландии». Конунг же подарил Олаву к йолю полное одеяние из пурпурной ткани.

При этом дар должен был соответствовать статусу как дарителя, так и одариваемого лица: первому полагалось проявить щедрость, а второму — не оказаться в положении человека, которого недостаточно уважают. Поэтому вполне оправданны в сагах замечания типа «дары такие принять не стыдно».

В поэме «Беовульф» о подарках дружинникам, гостям и т.д. говорится многократно. То король жалует «два златовитых запястья и... кольцо» (ст. 1090), то одно золотое кольцо (ст. 1210), то «четыре златозарных сокровища» (ст. 1020), то восемь коней «в роскошных сбруях», а на первом из них надета «ратная упряжь» и т.п. Когда юный Ингвар, будущий Ингвар Путешественник, уезжал от короля Олава, у которого гостил, он получил в подарок хорошего коня, позолоченное седло и прекрасный корабль; отец же Ингвара отдарил Олава дорогим соколом и победоносным знаменем[249].

Дружинник Хрут привез из Исландии в подарок норвежской королеве-матери, с которой был в интимных отношениях, сукна (домотканые?) и овчины. Она же вместе с королем отдарила его четырьмя боевыми кораблями (!)[250]. За подаренный

[249] Сага об Ингваре. С. 253–254.

[250] ИС I. С. 447–450.

ему меч Драгвандиль, у которого была богатая история, Эгиль в качестве отдара преподнес два золотых браслета по одной марке каждый («Сага об Эгиле», гл. LXI). Король Эйрик на прощание подарил дружиннику Хорольву сыну Скаллагрима «драгоценную секиру» для его отца в Исландии, а также золото на одну марку и меч[251].

Золотыми и серебряными запястьями конунги и ярлы одаривали на пиру скальдов, сложивших в их честь хвалебную вису, обычно в смысле «кто бы с ним сравнился»[252]. Судя по скальдической поэзии, драгоценные браслеты, имевшие обычно определенный вес (марка, т.е. примерно скандинавский фунт), конунги нередко ломали на части, одаривая на пирах дружинников и скальдов, что приносило вождям репутацию щедрых правителей. Определенный вес, что подчеркивается в сагах, имели и кольца, которые раздаривал «кольцедаритель». В повседневной жизни дружинники, как и прислуга, жили, кормились и одевались в доме своего сеньора, а также получали определенную плату во время викинга, которая равнялась эйриру серебра, рулевому же на корабле дополнительно полагалось еще ½ эйрира, и всем — доля в добыче, в том числе в виде мехов. Учитывая это обстоятельство, надо признать, что дары имели характер именно подарков, в известных случаях были как бы премиями или почетными наградами, но нередко и формой оплаты (или «доплаты»)[253]. Золотом, серебром, драгоценными камнями и другими ценными предметами награждали дружинников и при дворе Ярослава Мудрого[254].

Другой случай описан в «Саге об йомсвикингах»: когда скальд Эйнар вознамерился уйти от своего патрона к другому ярлу, тот удержал его, подарив весы с золотыми и серебряными гирьками, которые издавали «вещий звон», после чего скальда стали именовать Эйвинд Звон Весов[255].

Саги хвалят за щедрость того или иного ярла и государя[256], а в «Пряди о Бранде Щедром» сказано об «испытании щедрости» господина[257].

В «Саге о Харальде Суровом» (гл. XXIII) подробно описываются дары, которыми он обменялся с норвежским конунгом Магнусом во время раздела Норвегии. Сначала в шатер, где сидел Харальд, явился конунг Магнус с людьми, которые «несли поклажу, то было оружие и одежды». Людям Харальда он преподнес «хорошие мечи, а иным щиты, одежды или оружие, либо золото, и те, кто был знатнее, получали более ценные подарки». На следующий день Харальд, получивший половину Норвегии, по-царски

[251] Там же. С. 71.

[252] Там же. С. 28, 38, 39, 58.

[253] Не случайно этому обычаю уделил большое внимание проф. А.Я. Гуревич, прежде всего увидевший в нем специфическое выражение вассальных отношений, что, безусловно, так и было. Но мне представляется, что в этом одаривании дорогими вещами, например дружинников или сопровождающих, в условиях нераспространения денежных платежных средств следует видеть также своеобразную форму натуральной оплаты, *вознаграждения за службу*.

[254] Прядь об Эймунде // КИ. С. 107–108.

[255] КЗ. С. 643, прим. 20.

[256] Там же. С. 132.

[257] Там же. С. 511–513.

отдарил Магнуса. В шатер, где они пировали, принесли «множество сундуков» с оружием, одеждой и другими ценными вещами. «Затем Харальд велел расстелить большую воловью шкуру и высыпать в нее золото из сундуков. Принесли тут весы и гири, и все было порознь взвешено на чашах весов и разделено по весу»: видимо, здесь речь идет о слитках и изделиях из золота. Присутствующие дивились тому, что «в северных странах могло столько золота собраться в одном месте». Впрочем, оказалось, что это «имущество и сокровища греческого конунга, у которого, как говорят, дома полны червонного золота», и вообще все добыто там, «где [по слухам] полно золота»[258].

Иноземному правителю исландцы могли послать в дар белых медведей[259], которые очень ценились в Европе.

Вальдемар II Датский, принимая знатного исландца, заехавшего в Данию по дороге в Рим, подарил гостю «доброго коня и другие почетные подарки» и вообще принимал гостя крайне радушно[260].

Знатный Торир из Стейга получил от конунга Харальда «кленовую чашу, обрамленную позолоченным серебром и с ручкой из позолоченного серебра сверху, всю наполненную монетами из чистого серебра», а также «две золотые гривны, обе весом в марку» и темно-пурпурный плащ на белом меху, который конунг снял со своего плеча, пообещавТориру почет и свою дружбу. Впоследствии из этого плаща был сделан алтарный покров[261].

Еще одна ситуация с даром описана в «Саге о Гисли»: человек, придя извиняться перед влиятельным родичем за дерзость, преподнес ему в дар меч с резной рукояткой, так что потом был в чести у этого родича, который пообещал подарки в ответ. В той же саге рассказывается, что герой подарил сестре, побратиму и зятю «кусок обивочной ткани длиной в 60 сажен, головное покрывало в 20 локтей [длиной], с тремя парчовыми полосами во всю длину, а еще три умывальных таза, отделанных золотом» (гл. XII). Купец Торстейн Красивый подарил золоченый меч воспитаннику хёвдинга Торстейна Белого, получив в ответ «благодарность, как положено»[262]. Снорри (из «Саги об исландцах», гл. 90), расставаясь с братом, подарил ему позолоченное копье, заявив, что «им не подобает расставаться без подарков, учитывая то, сколь редко они встречаются».

Итак, из приведенных примеров видно, что короли, как и богатые люди, дарили друг другу и своим приближенным, а также иным людям, особенно знатным, в поддержке которых нуждались, драгоценные металлы в виде изделий или на вес, дорогое оружие, воинское снаряжение, ткани, нарядную одежду, хороших лошадей и их убранство, меха, ювелирные украшения — кольца, браслеты, нашейные гривны и т.д., корабельный парус и даже корабль. Ценность и вид подарка зависели от

[258] Там же. С. 414 и сл.

[259] ИСИЭ. С. 799, прим.

[260] Сага об исландцах. Гл. 92.

[261] КЗ. С. 415–416.

[262] ИС II:1. С. 252.

состояния и положения обеих сторон. Обычно подарки делались на пире или во время гостевания, а также при встрече и расставании и преследовали вполне определенные цели: закрепляли дружбу, соседство и союзничество, преданность служилых людей, демонстрировали богатство и широту натуры, что вызывало не меньшее уважение, чем трудолюбие, мастерство в какой-либо области и отвага. Равные по положению люди обменивались примерно равноценными дарами. Король обычно жаловал своим дружинникам и знатным людям драгоценные вещи в знак милости или того, что он ценит данного человека, дорожит им, заинтересован в его службе или расположении.

Престиж *дарившего* неизменно повышался и оказывался выше, чем у того, кто эти дары получил. Поэтому в среде людей, примерно равных по статусу, дар полагалось соответствующим образом *отдаривать,* в противном случае нарушалось равновесие престижей[263]. Если кто-либо не мог или не хотел отдарить равноценным даром, он не брал подарок.

Итоги очерка

Итак, хотя и пир, и дар подчас могли использоваться в неблаговидных целях, но в подавляющем большинстве случаев повседневной жизни они выступали важными *факторами социализации,* выстраивания отношений между отдельными людьми, внутри отдельных слоев и групп населения, а также в качестве скрепляющих общество обычаев.

«Ярлы, херсиры и дружинники, — свидетельствует «Младшая Эдда», — называются в кеннингах *"друзьями, собеседниками или сотрапезниками конунга"*» (курсив мой. — *А.С.*). И далее в тексте пересказываются стихи скальдов Халльфреда, Снэбьёрна и Арнора, в которых содержатся такие кеннинги, как «советник вождя», «собеседник князя», «сотрапезник властителя», «друг конунга»[264]. Именно эти люди и составляли высшую элиту общества — *двор короля,* общность «его верных», помогающих королю в реализации его функций правителя и отчасти берущих эти функции на себя. Это была «доаппаратная», «добюрократическая» придворно-дружинная, почти неинституциированная система управления.

Одновременно двор короля, как всякая особая общность, вырабатывал свои правила поведения и отношений. Придворный должен был проявлять верность и храбрость, обладать воинскими умениями и способностями ко всяким играм и танцам, вероятно, знать языки и уметь развлечь общество, а также угодить господину. Т.е. в этом кругу вырабатывалась и особая придворная (куртуазная) культура как известный феномен в рамках общей культуры народа, региона и своего времени.

[263] Ср.: ИС I. С. 630; ИС II:1. С. 255.

[264] Младшая Эдда. С. 161.

Некоторые итоги

Возникшие у скандинавов в эпоху викингов объединенные государства во главе с монархом не были централизованными, методы управления ими имели как бы «придворный», все еще *патерналистский* характер. Но налицо уже элементы *публично-правового государства*. Саги демонстрируют те способы захвата и удержания власти, которые в той или иной мере будут действовать затем на протяжении ряда столетий, тем более что система наследования престола в Скандинавии долго оставалась неупорядоченной, так что на трон могли претендовать все члены правящей семьи.

Механизм *получения власти* — чаще всего ее насильственный захват, ожесточенная борьба иногда длилась годами даже при наличии прямых наследников и публичного завещания власти царствующей особой. И хотя трон нередко «перекидывался» из рук в руки, но сам *институт* центральной королевской власти создан и внедрен. Механизм удержания власти в своей стране — это, во-первых, силовое давление на ее противников при помощи профессионального воинского контингента (дружина плюс часть ополчения из стоящих на стороне правителя хёвдингов и бондов, иногда также наемники). Во-вторых, постепенная концентрация власти и контроля; присвоение правящей верхушкой и непосредственно королем различных регальных прав, как то: распоряжение землей государства; разные поборы с населения в пользу центральной власти, включая воинские, кормление, отработки, налоги, пошлины, дани и т.п.; получение части штрафов; сюда же относится начало королевской чеканки монеты. В-третьих, меры по созданию социальной опоры в среде влиятельной в народе родовой знати и создание опоры в лице служилых людей и тем самым постепенное образование новой правящей элиты. Равновесие между королем и знатью, в разной мере неустойчивое, достигалось путем раздачи части верховных функций и, непременно, имений и благ, т.е. известное разделение власти, ее значительное отчуждение в пользу элиты; в условиях укрупненного государства это было вынужденной необходимостью. Все это, как мне представляется, было абсолютно типичным для Средневековья, и не только на Западе. «Общим местом» было и то, что дарения и раздачи имений производились не только и даже не столько за счет домена короля или даже верховной (регальной) собственности (домена, тогда относительно малого), сколько за счет общинных угодий и крестьянства вообще. В-четвертых, сакрализация короля, использование властью наглядных идеологических методов усиления авторитета власти и внедрения в массы идеи об избранности персоны монарха; показательно, что первыми святыми в Скандинавии были короли, что, несомненно, являлось одним из действенных методов повышения престижа королевской персоны. В-пятых, путем — в той или иной мере — включения в систему королевской администрации традиционных институтов местного управления, опоры на них: это уже известные нам годорды, тинги, сотенное деление. Все это также вполне характерные методы и пути утверждения власти монарха.

Материал саг позволяет не только проследить за тем, как *складывалась* центральная верховная власть, но и дает представление о ее *практических границах, методах действия и возможностях*. Это подлинная лаборатория, позволяющая получить наглядное, ясное, образное представление о ранней государственности вообще — о том этапе политической организации, который у континентальных соседей был пройден раньше и поэтому во многих отношениях труднее прослеживается.

К концу эпохи викингов такие неотъемлемые государственные проявления, как система налогообложения, средства принуждения и судебная организация, администрация и четкое административное деление, еще не получили сколько-нибудь законченного феодально-средневекового характера, не оформились в виде определенных институтов и политико-правовых аксиом. Но тенденция уже очевидна. *Первые, как всегда, самые трудные шаги строительства государства*, монархической формы правления, контингента служилых людей, вертикали власти и средств управления *уже сделаны*.

Особенность политической ситуации того времени заключалась в том, что вследствие разделения власти между королем и родовой элитой и, тем более, при отсутствии аппарата центральной власти, что вызывало необходимость разъездов короля по землям своего государства, *пространство власти* не было концентрированным, сгруппированным. Оно довольно равномерно распределялось по территории каждой страны. Было трудно четко разделить центр и периферию. И центр в конечном счете находился там, где в данный момент останавливались король и его двор.

В процессе сложения монархии постепенно кристаллизуется *новая элита,* которая сохраняет традиционные воинские функции, но приобретает и новые. Саги наглядно показывают, что новая элита каждой страны, ее самая влиятельная, богатая и властная общественная прослойка, складывалась, с одной стороны, за счет наделения старой военно-родовой знати служебными — правящими и судебно-административными — полномочиями *от* центральной власти. С другой — путем наделения ею же некоторых незнатных военно-служилых людей, отличившихся на службе короля, имениями, судебной и административной властью и, в результате, вхождением их в общественную верхушку. При всех противоречиях и борьбе в среде элиты, нередко борьбе жестокой, она выступала как общность, спаянная едиными интересами, многими межличностными связями: отношениями семейными и брачными, вообще родства и свойства, а также особой ментальностью, «горделивостью» избранных. В элите эпохи викингов уже ясно видны черты будущего высшего сословия — дворянства.

Одновременно прослеживаются интересные особенности скандинавской элиты: родовая знать играет в ней очень большую роль. К тому же часть родовой знати не желает служить королю и на местах составляет важнейшие *очаги сепаратизма*, опираясь на крестьянство. Эти особенности политической ориентации элиты сохранялись в Скандинавии долго.

К концу эпохи викингов, на фоне сохраняющейся, но убывающей роли военного грабежа, в общем виде обрисовались новые источники дохода короля: собственные имения правящей семьи, королевский домен, государственное имущество (включая землю), различные, в разной мере регулярные, поборы с населения, включая торговые пошлины, судебные штрафы, воинские и строительные повинности, дани с зависимых территорий. Для элиты источниками дохода стали, помимо грабительских набегов, их расширяющиеся частные имения и, все чаще, воинская и другая служба при короле, которая вознаграждалась поместьями, жалованьем, ценными дарами; а административные посты приносили служивому лицу в виде платы часть королевских полномочий, в том числе право отчуждать в свою пользу часть королевских даней, налогов, пошлин и штрафов (как и возможность злоупотреблять этими полномочиями).

«Королевское достоинство», закрепленное образом жизни и окружением государя, далеко не совпадало с тем образом идеального правителя, который был выработан скандинавами к тому времени.

Идеальный образ короля эпохи саг вполне ясен и не очень-то соответствует ни народной модели скандинавов, ни образцу христианских добродетелей, нарисованных Григорием Великим: в нем слишком много языческого. Впечатляет слушателей саг, если конунг — «могучий и славный», а его супруга — «всех жен красивей и мудрей». Особенно хороши образы королей прошлого, таких как «величайший витязь — конунг в стародавние времена» Вёлсунг-богатырь[265] или Сигурд, которого «каждый ребенок любил от всего сердца»[266]. Вызывает уважение король — враг и «безначалия», и деспотизма[267], носитель *порядка,* охранитель *закона* и *справедливости.* Очень важным достоинством короля было соблюдение *мира*[268]. Хороша и такая характеристика: «Возрастом он был дитя, душой — смельчак, видом красавец» (о сыне Олава Святого от наложницы, короле Магнусе)[269]. Хорошего короля, согласно сагам, положено *воспитывать* с детства, научить «на разных языках говорить, как подобает королевичу», и «многим другим хитростям»; для этого у принца должен быть знатный и мудрый воспитатель-дядька[270].

Осуждается правитель, который «жаждал кровопролития и не кольцами данов радовал, но безрадостные длил усобицы, распри ратников во владениях своих». Кто не мог преодолеть «страсть любостяжания» и считал, что «весь мир под пятой у него». Чья гордыня возрастала, «охранитель души задремал, почил» и вот этот король уже «готов для адских сил» («Беовульф», ст. 1710–1740).

---

[265] КИ. С. 179.

[266] Там же. С. 203.

[267] Там же. Ст. 16.

[268] Ритуальный текст аллитерированных формул клятвы о мире см. в «Саге о Битве на Пустоши» и в «Саге о Греттире».

[269] РХ. VII. С. 329.

[270] КИ. С. 198.

Судя по некоторым выражениям, которые встречаются в сагах, тщательно воспитывали и принцессу, как и девицу из знатной семьи, также возможную будущую королеву[271].

Саги, при всей их грубоватой прямоте, все же в известном смысле героизировали королей. Но далеко не все и не всегда. К тому же составители письменных текстов XIII и последующей пары столетий могли добавить и собственные акценты к фольклорным основам саг.

Вместе с тем очевидно, что король в эпоху викингов еще не высился над обществом недоступным утесом. *Законы обычного права* и *личностные отношения* связывают его не только с элитой, но и с бондами, они *пронизывают общество* и по властной вертикали, и на уровне социальных горизонталей.

Очевидно, что в эпоху саг народ и правители добивались справедливости равно *насильственными* способами. Государи убивали и обирали подданных, как простолюдинов, так и родовую знать. Подданные отвечали им мятежами, заговорами, смещали и подчас убивали неугодных правителей. При этом обе стороны в известной мере руководствовались и оперировали *общими представлениями* о праве и справедливости, идеальными нормами отношений народа и государя. Но именно в известной мере, поскольку эти нормативы использовались каждой группой общества скорее для оправдания, чем для мотивации своих действий. «Нарушение закона», «нарушение обычая», пренебрежение тем, что «было издревле», мнением «мудрейших людей древности» — обычные *клише обеих сторон*.

Эти нормативы, однако, оказались необыкновенно живучими в скандинавских обществах. Известный шведский епископ Хенрик Тидеманссон во второй половине XV в. в своих поучительных стихах «Бонд» и «Конунг» повторяет: стране и народу нужно справедливое правление, а потому королю надлежит «держать закон», решать дела вместе с советниками и не роскошествовать, но беречь государственное добро.

В заключение следует еще раз подчеркнуть: хотя именно в эпоху викингов сложились три Скандинавских государства — Дания, Норвегия и Швеция, — однако эта своего рода изначальная политическая централизация была в значительной мере формальной. Отдельные земли-ланды еще долго жили в соответствии со своими традициями и руководимые местными авторитетными людьми. Это был живучий сепаратизм областей, каждая из которых имела свой тинг, свод устного, позднее и письменного права, своего лагмана; немалую роль при этом играл и авторитет местной знати. Эти черты свидетельствуют о *живучести племенного сознания* и распорядков.

[271] Судя по «Истории франков» Григория Турского (т. III, с. 63, прим. 373), франкская королева во времена Хлотаря (511–561) в идеале должна была служить образцом «изысканной галло-римлянки», владея многими умениями и знаниями, в том числе «словесностью». Саги не дают возможность судить, насколько соответствовали этому идеалу знатные женщины Скандинавии эпохи викингов.

Часть 7

О НАРОДНОМ СОБРАНИИ — ТИНГЕ: ОБЪЕМ ВЛАСТИ, ЗАКОН И ПРАВО

Вводные замечания

Однажды скальд — герой «Саги о Гисли» (гл. XXII), «человек мудрый», у которого «был большой дар видеть вещие сны», увидел в таком сне свою скорую смерть. Из этого он сделал определенные выводы, которые изложил в стихах как наставление самому себе. Гисли решает, что ему нужно отказаться от старой веры и, покуда он жив, «не ворожить и не колдовать», ибо «скальду волшба не пристала», а также «навеки оставить воровство». И дальше:

> Бойся посеять смуту, / меч обнажать опрометчиво.
> Дурно над слабым глумиться. / Будь защитой убогому,
> на помощь приди слепому. / Следуй завету этому.

Решив стать христианином из страха перед близкой кончиной, скальд перечисляет некоторые характерные для скандинавов того времени *прегрешения*: волшба, воровство, подстрекательство к смуте, опрометчивое использование меча, глумление над слабыми, отсутствие жалости к убогим и калекам. Но это лишь немногие грехи, которые тогда совершались. После принятия христианства и устроения церкви новые нравственные заветы очень нескоро распространились в мире саги, где вершителем судеб еще долго оставалось оружие. Поэтому суд, судебные дела занимали в этом мире очень важное место. Судя по «Старшей Эдде» («Речи Гримнира»), у скандинавов был и бог правосудия, который «приводит к согласию распри», — *Форсете*, сын светозарного бога *Бальдра*.

В политических образованиях скандинавов на протяжении всей эпохи викингов различные общественные дела и межличностные конфликты решались на общем собрании взрослых мужей, прежде всего глав семей — *тинге*, во главе

которого стоял избранный *лагман*, т.е. «человек закона». На тинге решались все политические, религиозные, уголовные и гражданские проблемы. Одобряя решение или предложение, присутствующие кричали и стучали по щитам, неодобрение выражали ропотом.

Лагман, происходя из родовой знати, он должен быть, как говорят шведские законы XIII в., «сыном бонда», т.е. свободного полноправного хозяина, земле- и домовладельца. Знатность, родовитость лагмана подтверждают и саги. Еще в XIII — середине XIV в., когда происходила запись обычного права, лагманы сыграли большую роль в кодификации законов, в частности в консервации ряда отживающих местных обычаев, отстаивая независимость от центральной власти, ведя за собою бондов.

О правах, которые у народа были на тинге, свидетельствует уже цитированная «Сага о Храфнкеле годи Фрейра». Как мы помним, в саге рассказывается, как богатый и знатный Храфнкель, к тому же годи местного капища, убил своего работника Эйнара. Однако бедные бонды повели себя так, что руководителям тинга, напуганным их готовностью к борьбе, пришлось объявить знатного убийцу «вне закона», с конфискацией имущества через 14 дней «после взятия оружия» (т.е. разъезда с тинга, на котором обнажать оружие запрещалось)[1].

Не раз подчеркивалось, что только домохозяин, владелец земли и скота (как ни мало было того и другого), считался бондом, т.е. лицом, наделенным всеми правами свободного человека: личной независимостью, голосом на общих собраниях разного уровня, в том числе при выборах короля, правом носить оружия и участвовать в ополчении. Бонд обладал правоспособностью, т.е. правом на возбуждение судебного иска и справедливое судебное разбирательство, на личную ответственность и защиту в положении истца и обвиняемого, правом на охрану личности, чести, имущества своих и своей родни, на возмещение в случае попрания его прав, на принесение клятвы и апелляцию о справедливости к более высоким инстанциям. Но большинство прав бонда были одновременно и его обязанностями: он был обязан ездить на тинги, участвовать в ополчении, платить штрафы за правонарушения, осуществлять кровную месть, строить дороги и мосты и т.д. Именно поэтому правовое положение бонда (как, впрочем, и представителей всех страт в средневековой Западной Европе) определяется общим термином «*правообязанности*». И, как мы могли заметить, соотношение прав и обязанностей в этом органичном единстве в эпоху викингов стало *изменяться*. Все больше бондов попадало в положение, при котором выполнение обязанностей постепенно начало превышать реализацию прав. Тем не менее в подавляющем большинстве хозяева-бонды все еще оставались носителями, созидателями и охранителями обычного права, основными субъектами и объектами традиционных правовых норм общества. Это ярко демонстрирует тинг.

[1] Пример того, как вели себя победители судебного разбирательства на тинге, см. выше.

Тинг, как и русское вече, сход, т.е. общее собрание народа, — одна из древнейших форм судебно-политической организации человеческих сообществ. О больших полномочиях местного схода-тинга в Свеаланде в IX в. свидетельствует Римберт, т.е. традиции народного собрания к эпохе викингов не только сохранились, но были очень сильны. В том или ином виде и масштабе, при том или другом назначении скандинавский тинг пережил многие столетия и действовал на протяжении почти всего Средневековья, постепенно меняя свой состав и функции, но неизменно сохраняя при этом важное общественное значение.

Отношение к тингу, к участию и даже присутствию на тинге, в том числе на его судебных заседаниях, было одной из важнейших правообязанностей хозяев-бондов. И особенно важно было выиграть тяжбу на тинге: проигранная тяжба влекла не только материальное наказание, но ложилась позорным пятном на репутацию проигравшего и его семью. Напротив, выигранная тяжба как бы прибавляла победителю чести. Саги сохранили спор двух видных бондов в том, чье достоинство выше; и при этом аргументами обоих были выигранные на тинге тяжбы с известными, влиятельными людьми[2].

Наряду с традиционными, регулярными тингами общее собрание граждан созывалось и по неожиданно возникшим важным поводам, чаще, видимо, в ландах и на местах. Для оповещения людей рассылалась палочка или жезл из дерева, а если дело касалось войны, то из железа. Палочка имела около фута в длину, иногда на ней были надписи. Этот *сигнал побудки* назывался «жезл вести» и передавался из поселения в поселение, из хутора в хутор. Подчистка или искажение надписи на «жезле вести» строго карались.

---

[2] ИС I. С. 32.

ОТ ОБЫЧАЯ — К ОБЫЧНОМУ ПРАВУ

Структура, функции и вертикаль тинга

Скандинавский *тинг* — это *собрание* свободных и полноправных мужчин, достигших совершеннолетия и проживающих на территории, охватываемой полномочиями данного тинга. В странах, естественным ходом истории поделенных на области, или «земли»-ланды (лёги), будь то острова и полуострова Дании или бывшие территории племен, населявших Швецию. Так, в Швеции свой тинг имел каждый ланд: Упланд, Сёдерманланд, Западный Гёталанд и т.д. Главный тинг Швеции проходил в окрестностях Упсалы, на лугу Мура.

В Дании это были тинги Зеландии, Северной и Южной Ютландии, Сконе и т.д. Главный тинг датчан собирался в Хлейдре — древней резиденции конунгов (совр. Лайре, около города Роскилле, остров Зеландия).

В Норвегии, поделенной на так называемые четверти или четыре правовые области-лёги, свой тинг был в каждой из них. Гулатинг, который собирался на острове Гула в Согнефьорде, на юго-западе страны, в области Вестланн, и Фростатинг, собиравшийся в области Трёндалег, в Трандхейме, были самыми авторитетными на северо-западе страны и действовали еще в середине X в. («Сага о Хаконе Добром»). Эйдсиватинг, или Эйратинг, который собирался на востоке, в Упплёнде, в районе города Каупанга, в пункте Эйрар, рядом с устьем реки Нид[3], существовал еще в начале XI в. («Сага об Олаве Святом»). Боргартинг действовал на юго-западе страны, в районе Осло-фьорда, хотя впервые упоминается примерно в первой трети XIII в. Эйратинг, судя по сагам, был главным в Норвегии. Пограничная область Емтланд, впоследствии ставшая шведской, имела свой тинг и своего лагмана.

Ланды и лёги делились на более мелкие территории — *сотни*, в каждой собирался свой тинг. В гётских землях Швеции и на оострове Эланд это были *херады*, которые делились на *четверти-фьердунги*, в свейских областях — *хундари*. Лёги Норвегии делились на *фюльки*, которых в разное время и в разных районах было от 3 до 12; но, например, на востоке страны деление на фюльки вообще появилось только в XIII в., там больше было принято деление на сотни-херады, как и в Южной Швеции. Административно-судебные округа обычно составляли территории, унаследованные от племен и племенных союзов, имена которых сохранились в наименованиях

[3] Сага о Сверрире. Гл. 16.

ландов. Поэтому округа были достаточно *единообразными* (гомогенными) по этнокультурному составу и политически сплоченными.

В Исландии, которая начала заселяться примерно в то время, когда из Каролингской империи уже вырастали Франция, Италия и германские герцогства, первопоселенец Торстейн сын Ингольва в 930 г., сразу по переезде на остров, по норвежскому образцу учредил *тинг* на Килевом мысе. С X в. действовало общеисландское судебно-политическое собрание-*альтинг*. *Альтинг* собирался в Юго-Западной Исландии, на Полях Тинга. Он начинался между 18 и 24 июня и длился соответственно до 8–17 июля, т.е. две недели[4]. Для удобства жителей этой труднопроходимой страны она также была поделена на четыре *правовые четверти*: северную, южную, западную и восточную. Деление на «четверти», с введением *судов четвертей*, произошло в Исландии в 963 (или 965) г., а само решение об этом известно как «Законы Торда Ревуна»[5]. В «Саге о Курином Торире», принадлежащей к циклу саг Боргарфьорда, решение альтинга об утверждении судов четвертей страны рассматривается как центральное событие года[6]. Тинги четвертей собирались весной, между 7 и 27 мая, и на них разбирались обычные местные дела. Каждый скандинав знал свои тинги, от низшего до тинга «земли», куда он должен был обращаться за решением спорных вопросов и именно там ставил свою землянку. На крупных тингах хибарки земляков обычно стояли по соседству.

Позднее из-за непрерывных судебных разногласий в Исландии был организован так называемый «пятый суд» — *лагретта*. Туда поступали тяжбы, связанные с нарушением процедуры закона, а также спорные дела, не решенные судами четвертей. Это был именно *третейский гражданско-уголовный* суд, и в отличие от альтинга он не решал принципиальные политические или религиозные вопросы[7].

Каждый ланд в Дании и Швеции и каждая «четверть» в Норвегии и Исландии составляли крупную *правовую область — лагсагу*, решение тинга которой было обязательным для всех ее жителей. Лагсаги, в свою очередь, делились на более *мелкие* образования, которые также собирали свои тинги. Естественно, тинг каждой ступени обладал своими полномочиями и функциями.

С появлением в Скандинавии церковных приходов-*сокнов* они взяли на себя некоторые общинные функции, в том числе судебные. Круг функций сокна оказывался шире там, где была слабее тинговая политико-правовая организация. Например, на Готланде, где не действовала шведская государственная администрация, а общеостровной тинг не сложился из-за противоречий между хуторянами и единственным городом острова, богатым и торговым ганзейским Висбю, возникла

[4] Ср.: Сага о Греттире. Прим. 85.

[5] ИСИЭ. С. 176; ИС 1. С. 458. Об альтинге 963 (965) г., где было принято решение об учреждении судов четвертей, см. также в «Саге о Курином Торире».

[6] ИС II. 1. С. 307–308.

[7] См.: Сага об исландцах. Гл. 75, прим. 424; а также: Сага о Ньяле.

в общем нетипичная для региона ситуация. Соседские общины там совпадали с церковными приходами, и эти последние взяли на себя множество судебных дел, выходящих за пределы чисто церковных[8].

Вопросы, связанные с тингами трех основных Скандинавских стран того времени, были твердо определены и зафиксированы сначала в обычном праве, затем в записях обычного права — областных законах XII–XIII вв., наконец, в общегосударственных земских уложениях XIII–XIV столетий, а также в разной степени отражены в грамотах начиная с XII в. До этого времени тинги действовали на основе правовых обычаев, уходящих корнями в общегерманскую древность, и обычного права, сохраняющегося в устной традиции и время от времени дополняемого новыми установлениями.

Как явствует из рассмотрения многих жизненных проблем, отраженных в сагах, *тинг в эпоху викингов был у скандинавов народным органом политической и религиозной власти, а также являлся организацией по делам гражданским и уголовным.*

При этом если тинги низшей инстанции имели право преимущественно с гражданскими и уголовными тяжбами, то суды ландов в Швеции и Дании, альтинга в Исландии и лёгов в Норвегии обладали более высокой компетенцией, так как на них кроме прочих обсуждались также политические дела и дела веры.

О политической и религиозной роли народного собрания достаточно много говорилось выше. Без согласия местного тинга малый король свеев в IX в. не мог разрешить проповедь миссионера Ансгария, а кардинальный вопрос о введении христианства в Исландии был решен, как мы помним, на альтинге 999/1000 г. после убедительного выступления только что избранного законоговорителя[9]. И примерно тогда же бонды Готланда дали согласие на крещение и возведение церквей на своем острове. Помимо таких общих проблем решались и более частные, например связанные с колдовством и колдунами. Вообще, переплетение светских и церковных дел на тингах эпохи викингов уже не раз отмечалось в книге. Одна женщина, обвиненная в ведьмачестве, сумела все же оправдать себя именно на тинге[10]; это было редкое решение для подобных дел в период внедрения христианства.

Чрезвычайно важной функцией общего тинга и тинга ландов было решение вопроса о выборе или отстранении от власти *самого конунга*. Об этом уже говорилось особо. Здесь достаточно напомнить, что в борьбе с датским и шведским конунгами за наследство Харальда Прекрасноволосого победу на Эйратинге, где обычно провозглашали норвежских королей, одержал Олав Святой (см. сагу о нем, гл. XXXVI–XXXVIII). И что Хакона Доброго провозгласили бонды на всех тингах Уплёнда, т.е. тингах всех трёндов[11]. И что Магнус Слепой («Сага о Магнусе

[8] GL. III:I. IV, XXVI pr., o. a., LXXXI:I, CCXII.

[9] ИС I. С. 624.

[10] ИС II:2. С. 27.

[11] КЗ. С. 68.

Слепом и Харальде Гилли», гл. 1) был провозглашен конунгом после своего отца Сигурда на тинге «всей страны» в Осло. Что благодаря решению тинга королем Норвегии в свое время стал Харальд Серый Плащ — вместо тингом же изгнанного за прелюбодеяния короля Сигурда. Что на Эйратинге был избран конунгом Олав сын Трюггви, который в 995 г. стал первым единым и христианским королем Норвегии. Что король Харальд Суровый Правитель на тинге поделил свои обширные владения, завещав Данию Свейну, а Магнусу с Харальдом — Норвегию («Сага о Харальде Суровом», гл. XXIII, XXVIII). И что Олава Шётконунга провозгласили конунгом именно на Моратинге, как это делали и 200 лет спустя, причем непременные выборы шведских королей на тингах главных ландов еще и в XV в. были далеко не формальными, — и т.д.

Королям приходилось испрашивать *разрешение народного собрания* и на созыв ополчения, и на сбор средств для ведения *войны*. Тинг в той или иной степени участвовал в принятии отдельных постановлений, особенно касающихся величины и формы *налогов*: ведь введение в Скандинавских странах постоянных налогов вызвало волну вооруженных выступлений в каждой из них, во главе которых стояли представители верхушки тингов. На тингах решались вопросы объявления войны и заключения *мира, союза* с другими странами или разрыва отношений с ними.

Мнение некоторых историков о том, что со второй половины XIII в. общие тинги теряют политические и законодательные функции, подтверждается источниками, но лишь отчасти. Уже говорилось о том, что порядок разработки и введения областных и общих законов во многом, а подчас и в основном зависел от тингов, как правило следовавших за своими лагманами. Несомненно, общественное мнение по поводу не только выборов короля, но также войны и мира, законодательных, политических, финансовых и других дел государственного управления в эпоху викингов выражалось бондами на тингах намного откровеннее и решительнее, чем в последующие времена, когда происходило укрепление и оформление государственности и, соответственно, увеличение роли королей, государственных деятелей, ленников и служащих. Но и тогда сопротивление народа каким-либо властям или их мерам начиналось с несогласия тинга.

Другое дело, что *состав тинга*, особенно начиная с ланда и выше, и его *социальная направленность* претерпели изменения, так что из собрания *всех полноправных граждан*, выражающего их общие интересы, он стал превращаться в собрание лишь *представителей* граждан и уже в эпоху викингов все больше и больше подчинялся интересам элиты. Кроме того, государственные установления, судя по сагам, все чаще принимаются королем вместе с «мудрыми людьми» королевства, лагманами и верхушкой клира. Однако при всем этом в политическом отношении народные собрания, судя по сагам, по-прежнему остаются важной альтернативой, *противовесом центральной власти*.

Поскольку роли тинга как источника политических и конфессиональных решений в эпоху викингов уделено внимание в предыдущих очерках, в *настоящей части* главное внимание обращено на *тинг как судебный орган*, на *гражданские и уголовные* дела, которыми занимались тинги, на процессуальные порядки и, конечно, на обычаи и законы, которыми руководствовались судьи и народ. Именно судебные дела составляли содержание подавляющего числа заседаний тингов.

Разумеется, устное обычное право скандинавов, основанное, как и всякое обычное право, на прецедентах, на «казусах» (случаях, примерах дел и их решений) и поэтому очень выразительное, не может быть целиком восстановлено на основании саг. Тем более ценны те материалы о конкретных судебных делах, их разбирательстве и решениях по ним, которые отражены в сагах и благодаря которым можно составить представление о порядке судопроизводства, преступлениях и наказаниях в эпоху викингов, о правовой культуре того времени.

Правовые обычаи; лагман, закон и право

Изучение правовых порядков, которые отражены в сагах, показывает, что формирование *устного обычного права*, которое формально господствовало по меньшей мере до середины XII — XIII в., должно было обязательно пройти через *важный этап*, который заключался в переходе от привычных правил и местных, подчас сугубо *узких норм и обычаев — к общему обычному праву как системе относительно типичных ситуаций*, которая хотя существовала в вербальной форме и состояла из прецедентов, но была уже относительно *стройной правовой институцией.*

Интерес, который в этом отношении представляют исландские саги, безусловно, велик, потому что они зафиксировали в исторической памяти народа именно этот *переход* от разнородных, подчас противоречащих друг другу или не вполне совпадающих обычаев или казусов — к *обычному праву как системе*, хотя и сохраняющей вербальную форму; ведь только на основе сложившегося обычного права был возможен и совершался решающий следующий переход — к *записи обычного права*. При этом в разной мере и до известного времени сохранялись и допускались отдельные, часто достаточно *древние* правовые нормы. Соответственно эволюционировали и наказания, постепенно превращаясь в принятую *традицию.* Консолидация права была естественным следствием оформления отдельных политических образований-земель и стала тем более необходимой после их соединения в единое государство. Иначе говоря, *эволюция права от местного обычая к общему письменному закону* шла рука об руку с процессами политических преобразований и появления новых властных структур.

В Норвегии записи-компиляции обычного права областей являются самыми ранними в регионе. Законы трёндов действовали, судя по «Саге о Сверрире», и в XII в. Первые записи законов Гулатинга относятся к концу XI — началу XII в.,

но до нас этот закон дошел лишь в записи, относящейся к правлению короля Магнуса Эрлингссона (1163–1184). Конечно, к этому времени он уже претерпел изменения и прошел не одну редакцию; наряду с архаическими установлениями он неизбежно включал в себя и ряд нововведений XII в., отражающих в том числе интересы короля и церкви. Запись законов Фростатинга также восходит к началу XII в., а к концу этого и началу следующего столетия появляются уже две разные редакции; одна из них содержит правку того же короля Магнуса Эрлингссона относительно престолонаследия, а также церковные главы, разработанные епископом Эйстейном Золотое Перо. Во время гражданских войн конца XII — начала XIII в. существовали уже две различные редакции этого закона. Еще и в 1244 г., при конунге Хаконе Хаконарсоне, единый текст не был окончательно скомпилирован из-за разногласий Хакона с архиепископом Сигурдом. Окончательная редакция относится только к 1260 г. А в 1274–1277 гг. уже появляется Ландслов — общенорвежское Уложение.

В Швеции самыми ранними записями областных законов являются Старшая редакция Вестгёталага и Гуталаг, относящиеся к 20-м гг. XIII в. В Дании такие записи принадлежат XII–XIII столетиям.

Все эти записи включают формулу «старый добрый закон», на основании которой внушается идея, что принятые законы основаны на старых, мудрых, опробованных поколениями предков *традициях* и имеют целью лишь кое-что исправить в старинных обычаях, придуманных «мудрейшими людьми древности». Такой подход обнаруживается во всех записях областных законов, в которых подчеркивается, что они не изменяют, не нарушают традиции народа, а *только исправляют и улучшают привычные распорядки*. Не случайно норвежский король Магнус, при котором был кодифицирован общий закон страны Ландслов, вошел в историю с прозвищем Исправитель Законов.

Во всех Скандинавских странах областные законы писались на родном языке, лишь некоторые их термины заимствовались из латыни, особенно по мере проникновения в Скандинавию канонического права — проникновения достаточно позднего, следовавшего в регионе за христианизацией и устроением церкви. Областные кодексы продолжали действовать в ландах еще долго после появления общих земских законодательств, впрочем, также составленных на родных языках.

Областные законы, особенно в их ранних редакциях, дают представление о тех юридических проблемах, которые *решались обычным* правом: вопросы собственности и форм ее отчуждения, проблемы семьи и наследования имущества, уголовные преступления и наказания, вергельды, сборы ополчения, выборы и властные полномочия короля, порядки проведения тингов, права и обязанности церкви и церковнослужителей. Главы, касающиеся церкви, в последующие общие земские законы вообще не вошли, в связи с тем, что церковь в XIV в. уже пользовалась собственными установлениями, исходящими из Рима; на местах же продолжали прибегать к главам о церкви областных законов. Но до второй половины XIII в.

влияние на законодательство со стороны короны и церкви не было сколько-нибудь значительным. Конечно, саги освещают не все правовые позиции, вошедшие в кодексы, хотя отсутствие там некоторых положений вовсе не означает, что они не рассматривались на тингах в эпоху саг: ведь какие-то установления представлялись авторам кодексов как бы само собой разумеющимися.

Из материалов о формировании верховной королевской власти и Скандинавских государств в эпоху викингов явствует, что законодательная инициатива и правовые порядки, как и надзор за их исполнением, отнюдь не всегда принадлежали высшей власти. Деятельность тинга в процессе прихода королей к власти и затем осуществления этой власти показывает, что политико-законодательные функции продолжали во многом, а формально и целиком, находиться в компетенции *народа, возглавляемого местной знатью*. Саги свидетельствуют о том, что тинги справлялись с правовыми проблемами и законотворческой деятельностью, отнюдь не всегда прибегая к санкциям высших светских и церковных властей. Другое дело — отношение самой власти к народному суду, но об этом будет сказано ниже.

В сагах тинги фигурируют от случая к случаю, и цельная картина, подобная той, что вырисовывается из законодательства и грамот более позднего времени, возникает редко. Но тем более ценны такие описания саг, такие сюжеты, связанные с тингом, которые вошли в историческую память потомков. Их немало в сагах, где речь идет о собственно Исландии, они имеются в материалах о Норвегии, поскольку история целого ряда ее королей описана в тех же сагах. Некоторые сведения о тингах в Швеции, об отношениях там бондов и королей в эпоху викингов также содержатся как в исландских сагах, так и в «Житии св. Ансгария», и в сочинении Адама Бременского. Но при всех прочих условиях наиболее полные и многочисленные сведения о тингах дают «родовые саги», и практически ни одна из сколько-нибудь пространных саг этого типа не обходится без описания разбирательств на тингах.

Исландия, как известно, не знала государственности до своего включения в состав Норвегии в середине XIII в., хотя короли Норвегии с первых шагов создания исландского общества оказывали на население острова значительное давление. Значение, роль тингов всех степеней на острове в эпоху саг невозможно переоценить, как невозможно переоценить и обширные, хотя и довольно однообразные, сведения о судебных делах на тингах, которые в сагах содержатся. И это тем более важно, что при неизбежном, разнохарактерном и активном воздействии на Исландию со стороны соседних, уже более или менее развившихся в феодальном отношении стран, прежде всего родственной и тесно связанной с ней Норвегии, консервативность исландского общества позволяет все же представить себе *народовластие*, которое унаследовано там от патриархальных, *догосударственных образований*. Дополнения, вносимые в эту картину материалы по истории соседних государств, делают ее еще более убедительной, а само явление *судебного тинга* — широко представленным в традиционном мире Северной Европы.

Следующий далее материал этой части посвящен именно роли тинга как *судебного органа*, что составляло его *повседневность*. Каждая из главных правовых областей — лагсаг, лёгов, округов, фюльков — имела свои судебные полномочия, причем решения принимались по серьезным как уголовным, так и гражданским искам. Еще и в XII–XIII вв. правовая деятельность лагсаг была вполне обычной и там решались достаточно крупные дела.

Самой *низшей* территориально-судебной организацией в Норвегии был тинг местных правомочных жителей. В Трёндалёге, например, было 8 таких тингов. Административные округа-*сюслы*, которыми впоследствии управляли назначенные должностные лица — *сюсламаны*, своих тингов не имели. В шведских ландах помимо «третей» (например, в Вэренде, впоследствии вошедшем в Смоланд, было 12 «третей») существовало, как уже говорилось выше, характерное сотенное деление — на херады и хундари, у которых были свои тинги. Но собирались и *общинные*, местные тинги, где решались сугубо внутренние дела[12]. Так же было и в Дании.

В Исландии роль тинга общины играло *собрание годорда* во главе с годи, которое, видимо, трансформировалось из родового в соседское; иногда в такой годорд входило несколько общин и хуторов. В Восточной четверти, например, было 9 годордов. Институт годорда в Исландии действовал с 930 г., причем в XI–XII вв. отмечается вряд ли возможная ранее практика передачи или продажи годорда другому лицу (см. выше). Вначале годордов было 39, затем 43. В связи с *коррумпированностью* местных судов, возглавляемых обычно знатными годи, реформой начала XI в. был, как уже говорилось, образован высший законодательный совет Исландии — лагретта, который состоял из *всех годи страны*. Именно лагретта выбирала теперь *всеисландского* старейшину — *лагмана*, буквально «человека права (закона)», правоохранителя и «законоговорителя», который хранил устное право, в случае необходимости возвещал его установление на *альтинге* и там же утверждал новые обычаи. На своем посту он должен был находиться в течение трех лет, но иногда правил и много сроков подряд[13]. Например, глава всеисландского альтинга Снорри сын Хунбоги был лагманом пять сроков подряд (1156–1170)[14].

Альтинг обычно собирался летом и продолжался, как говорилось выше, в течение двух недель. Весенние и осенние тинги — главные тинги четвертей — собирались весной (в мае) и осенью, через 14 дней после альтинга[15]. Главный тинг собирался у Мыса Тингов[16], к этому месту примыкали Синие Леса[17].

[12] Ср.: Сага о Святом Олаве. Гл. LXXVII.

[13] ИС I. С. 59, 521.

[14] Сага об исландцах. С. 68, прим. 14.

[15] ИС I. С. 408; ИС II:I. С. 70.

[16] ИС II:1. С. 44.

[17] КИ. С. 548 (Прядь о Пивном Капюшоне).

Мыс Тингов — название, довольно характерное для мест, избираемых для проведения и традиционных местных тингов, например тинга на Мысе Тора, у западного побережья («Сага о Гуннлауге Змеином Языке», гл. V). Этот тинг был учрежден одним из первопоселенцев Торольвом Бородачом, сыном Торстейна Трескожора. Одним из его потомков был известный Сенорри Годи (см. «Сагу о людях с Песчаного Берега» и «Сагу о Гисли»)[18]. Главным местом альтинга был Холм Тинга, или Скала Закона, служившая как бы трибуной тинга, на которую следовало подниматься выступавшим[19]. Это место идентифицировано археологами: небольшая долина на мысе, ограниченная с одной стороны морем, а с других — скалами и лесом. Холм Тинга представлял собой группу камней, непосредственно примыкавших к скалам, и выступавшие, поднимаясь на эти камни, становились, как полагают некоторые археологи, лицом к скалам, так что их речи отражались громким эхом.

Отношение к месту проведения тингов, как и к тингу вообще, было серьезным. Люди приезжали туда загодя, ставили вокруг палатки или использовали земляные домики без крыш, которые служили им годами; в нужное время надо было только закрыть крышу и стены коврами или драпировочными тканями. Со временем, когда социальные различия между простыми бондами и знатью углубились, хёвдинги и вообще знатные господа подчас позволяли себе не соблюдать правила размещения своих палаток. Так, Снорри, один из героев «Саги об исландцах», готовясь к тяжбе на тинге, поставил свою палатку выше Скалы Закона[20].

Без оружия на тинг обычно не выезжали[21]. Но Поле Тинга было «местом мира», там действовал «закон мира»: на тинг полагалось являться без оружия или с так называемой «завязкой на ножнах» — символом бездействующего оружия, которое во время тинга обнажать не полагалось; копья ставили у стен палатки[22]. Впрочем, это правило нередко нарушалось, возникали всякие схватки и стычки, начиная с того, что приехавшие раньше, угрожая оружием, не пускали на тинг представителей противной стороны. Судебные и прочие дела на тинге вообще привлекали множество народа[23], который вел себя по-разному. Поле Тинга не раз осквернялось возникшей там стычкой, пролитой кровью. Тогда его переносили на другое место, поблизости. «Осквернение» места тинга сурово наказывалось: так, виновный в преднамеренном убийстве на Поле Тинга объявлялся «вне закона»[24].

Заинтересованные в судебном решении люди обычно старались приехать на тинг с большим числом «сопровождающих» — родичей, домочадцев, клиентов,

[18] См. также: ИС I. С. 615, прим. 9; КИ. Прим. 23 к «Саге о Гисли».
[19] Сага об исландцах. Гл. 64. С. 152.
[20] Там же. С. 106.
[21] ИС I. С. 174.
[22] Сага об исландцах. Гл. 75. 1229 г.
[23] ИС II:2. С. 75.
[24] ИС I. С.150, 172.

друзей, а знать — и еще и дружинников. Снорри Годи (речь о его деле пойдет ниже) однажды привозил на тинг якобы 400 человек[25]. Бывали «свиты» и более многочисленные, хотя не исключено, что подобные цифры являлись следствием увлечения составителя саги.

В сагах еще упоминается особый круг на Поле Тинга, где в языческие времена осужденных к этому людей приносили в жертву богам. В этом круге стоял камень Тора, о который жертве разбивали голову[26].

При судебных разбирательствах обычно руководствовались *древним обычным правом*. По древнегерманским обычаям участники тинга еще и в XII в. выражали свое согласие с решением дела как можно более громкими криками и потрясая оружием[27]. Если решение суда не нравилось, проигравшая сторона частенько начинала бесчинствовать[28].

Снорри Стурулсон в «Саге об Олаве Святом» сообщает очень интересные сведения по поводу тингов в Швеции (гл. LXXVII–XXIX). Он пишет, что в каждой области Швеции был свой тинг и свои законы. На тинге предводительствовал лагман, его больше всего слушались бонды, «ибо то, что он возвестит на тинге, *становится законом*» (курсив мой. — *А.С.*).

Стоит обратить особое внимание на последнюю фразу, поскольку она исчерпывающе показывает, каким образом, с помощью каких действий местный обычай может стать или не стать обычным законом, т.е. частью неписаного, но *фиксированного обычного права*. Уже говорилось выше о том, что *обычное право — это совокупность законодательных установлений, обязательных для исполнения, но только существующих в вербальной форме*. И запись законов, создание письменного кодекса отнюдь не является, как казалось бы, первой ступенью процесса превращения обычного права в «нерушимый» закон, положения которого «не вырубишь топором». Как выясняется, еще до этого правовые нормы должны обязательно преодолеть важный барьер, отделяющий некие местные обычаи, порядки, оценки от тех установлений, которые вошли в обычное право в качестве *законов ланда* и, следовательно, обязательных для исполнения всеми его жителями[29]. Очевидно, что *основой письменных кодексов* становился не набор разрозненных обычаев, а совокупность обычных законов, *обычное устное законодательство*, пусть и не всегда систематизированное.

Один из конкретных актов введения нового установления в обычное право был результатом невероятной потасовки, которая случилась из-за того, что некоторые люди повадились справлять малую нужду на Поле Тинга, тем самым оскверняя его и причиняя неудобство присутствующим. В результате тингу пришлось принять

[25] ИС II:2. С. 110.

[26] Там же. С. 301, прим. 250. Кажется, археологами этот круг и камень пока не обнаружены.

[27] Сага о Сверрире. Гл. 16.

[28] ИС I. С. 172. См также вису Эгиля на с. 174.

[29] Ср.: КЗ. С. 68.

особое решение, в котором для нуждающихся выделялись особые места вне Поля, но и не слишком далеко от него. Это решение лагман *объявил в качестве закона*, и так оно вошло в обычное право[30]. Данный инцидент интересен как раз тем, что раскрывает порядок введения некоего *прецедента в систему обычного права*.

Говоря о праве и законе, следует иметь в виду тогдашние различия между понятиями *закон* и *право*. *Закон* — лаг, лёг, лов, букв. «уложение», «[то, что] уложено», но, возможно, и от лат. lex, «закон». Кроме того, этот термин зачастую обозначал и судебный округ, а позднее он стал входить в названия письменных кодексов: Ландслов, Упландслаг и т.д. А *право* — это рэтт, рэттир (ratt, rattir), как бы «правильное право», «справедливый закон» (ср. в законах Магнуса Хаконарссона), принятый [всеми] обычай, то, что истинно, справедливо, подлинно, не поддельно[31]. В областных законах слово «рэтт» входит в такие словосочетания, как право бондов, право (права) короля, право собственности или наследования и т.д. Термины *лаг* (закон о…) и *рэтт* (право на…), впрочем, нередко совмещались или путались даже в кодексах, например, в законах Фростатинга (II:1).

Что касается управления главными тингами, то эти функции, как уже говорилось, выполняли выборные *лагманы*. Эта должность была необыкновенно уважаема в эпоху викингов, о чем, в частности, упоминается в «Саге об Олаве Святом» (гл. XCIV) и мн. др. Но такая или сходная с ней по функциям выборная должность — яркая деталь *наследия родо-племенного строя* была, конечно, значительно старше эпохи викингов и саг. Лагман избирался, как упоминалось выше, на три года, и он же, возможно, председательствовал на местном совете знатных[32]. Он мог неоднократно переизбираться, так что некоторые лагманы оставались на этом посту многие годы. Лагман должен был назубок знать обычное право своего ланда, а также его сотен и четвертей и все правовые нововведения, которые были приняты на памяти данного поколения или запечатлелись в его исторической памяти; по мере необходимости он возвещал их на тинге. Согласно последовавшему письменному праву, лагманы все еще были обязаны «произносить» и разъяснять законы: ведь не все имели доступ к кодексу и вообще умели читать. Они же выносили судебные решения и должны были мотивировать их. Судя по ритмике правовых формул, известных по сагам, эти формулы, возможно, как бы выпевались или, во всяком случае, скандировались (см. ниже).

Нередко лагманы были создателями новых законов и инициаторами исправления старых. И вообще, эти весьма образованные и сведущие люди долго

[30] ИС II:2. С. 135.

[31] Интересно, что позднее термином *ретта, реда* было принято обозначать настоящие, не фальшивые деньги (например, reda pengar) и другие товары или предметы.

[32] Ср.: YvgL. 15:10.

пользовались непререкаемым авторитетом. Во всяком случае, во время кодификации обычного права областей в XII — первой половине XIV в. почти всю работу возглавляли и/или непосредственно проводили лагманы, чем можно объяснить определенную консервативность многих областных законов, их ориентированность на обычаи, подчас весьма архаичные. Это обнаруживается при сравнении их с практикой, отраженной, например, в дипломах. Почти во всех кодексах подчеркивается (об этом уже говорилось выше), что речь идет отнюдь не о каком-то новаторстве, но, традиционно формулируя, о «старом добром обычае», установленном «умнейшими людьми древности». И что интересно, многие, недавно появившиеся установления, как обнаруживается при их сравнении с дипломами, в кодексы не вошли, хотя, будучи новыми, они не являлись общеизвестными. *Правовые расхождения* можно проследить как при переходах от повседневных обычаев к устному обычному праву, так и затем — от последнего к записи обычного права. Доказательство тому можно обнаружить, например, в материалах о наследовании или касающихся супружеских обязанностей, конкубината и развода.

Лагман избирался бондами на тингах из числа знатных людей и мог быть на тинге же и смещен. То, что лагманы, «законоговорители», относились к родовой знати, в эпоху викингов было обычным явлением (см. хотя бы «Сагу о Гуннлауге Змеином Языке»)[33] и, видимо, не новым. В Швеции Старший Вестгёталаг (старший извод этого областного закона, 1220) составлял и редактировал лагман ланда Эскиль Магнуссон (ум. 1227), старший брат регента и основателя династии Биргерсссонов-Фолькунгов ярла Биргера. Интересно, что в 1219 г. западногётские земли посетил Снорри Стурулсон, что, возможно, подвигло Эскиля на составление первого областного кодекса Вестергётланда. И только упландский областной закон, в отличие от всех остальных, хотя и был составлен местным лагманом (отцом св. Биргитты), но прошел и редактуру короля. Известно также, что знаменитый Снорри дважды был законоговорителем (1215–1218 и 1227–1231).

Из саг совершенно ясно, что лагман представлял собой выдающуюся фигуру скандинавского общества того времени. В Швеции при объезде страны конунгом, ярлом или епископом лагман «им отвечает *от имени бондов*, и *бонды поддерживают его*. И даже самые могущественные лица не рисковали являться на тинг (видимо, на «чужой». — *А.С.*) без согласия не только [местных] бондов, но и лагмана». Если же местные законы различались между собой, следовало «придерживаться Упсальского закона», — закона области Упланд, главной у свеев, а позднее в Швеции вообще. И все лагманы должны подчиняться лагману Тиундаланда («Десять ландов», часть Упланда. — *А.С.*). Такими же знатоками закона и знатными, могущественными людьми были лагманы Норвегии, Дании, Исландии[34].

[33] ИС I. С. 23, 28.

[34] Там же. С. 170, 173.

Некоторые состоятельные и знатные бонды также хорошо знали законы и при случае могли дать нуждающимся в решении своего дела на тинге важный совет. Таким «законником» был мудрый и справедливый Ньяль, который многим помогал своими юридическими советами[35]. Нередко в характеристике какого-либо персонажа саги подчеркивается, что он «был человеком умным и хорошо знал законы». Возможно, в знатных семьях детей специально обучали законам, разъясняли и толковали их, и это было частью воспитания и образования будущих видных граждан. Из числа таких «законников» в сложных случаях обычно выбирали ходатая по судебным делам, что-то вроде адвоката, поверенного или посредника, который и докладывал на тинге. Роль посредника была особенно важной, если требовалось решить дело миром. Если противники намеревались договориться вне суда, они могли пригласить авторитетного посредника, но ему требовалось предоставить гарантии безопасности при личной встрече (если она оказывалась необходимой)[36]. Такой посредник мог привлекаться затем и к судебной процедуре в качестве, например, третейского судьи.

Лагманы нередко происходили из одной знатной семьи ланда. Такие факты содержатся в хронике «Лагманы вестгётов», из которой следует, что зачастую сыновья становились лагманами после отцов в течение нескольких поколений. Такой порядок существовал и до областных кодексов, в эпоху викингов. При всех условиях отношение к лагманам в сагах более чем почтительное, и сага никогда не забывает упомянуть, что тот или иной человек — лагман или сын (дочь, брат и т.д.) лагмана. Сведений об оплате должности лагмана в сагах я не нашла, хотя не исключено, что он пользовался какими-то привилегиями или получал некое возмещение за свои знания и труд, например часть судебных штрафов. Впрочем, сама по себе эта должность придавала ее носителю настолько большой вес в обществе, что он был важнее оплаты.

Что касается «ходатаев» — докладчиков по судебным делам, то они получали награду от тех, кто их уполномочивал выступать от своего имени.

Судя по шведским материалам, во главе дробных правовых подразделений областей стояли выборные старейшини, они же — *судьи*, число которых определялось числом сотен «третей» и т.д. Скорее всего, это были представители влиятельных родов, живущих на территории этой сотни, «трети», «четвертушки» или «восьмушки». Саги определенно свидетельствуют, что судьи «сотен» и «четвертей» в Норвегии и Исландии также выбирались из местной знати — хёвдингов. Они считались главами своего судебного округа, но сведениями об их должностной оплате я также не располагаю. Впрочем, если оплаты не было, должности судей, не говоря уже о посте лагмана, тем более неизбежно попадали в руки местной элиты, располагающей

[35] ИС I. С. 477. См. также: С. 475, 485 и др.

[36] Сага об исландцах. Гл. 115, 116 и др.

возможностями для активной публичной деятельности. На низших же ступенях такие должности доставались состоятельной верхушке бондов, поскольку остальные простолюдины чаще всего не обладали необходимым временем и весом для исполнения этих функций в разросшемся обществе.

«Сага о сыновьях Дроплауг» весьма выразительно рассказывает о взяточничестве и подкупе судей на уровне годорда. Получение взяток судьями считалось тяжким преступлением. Один такой взяточник и покровитель взяточников был отрешен от должности годи, и все решения по тяжбам, принятые в период его власти, были объявлены недействительными. Ему были поставлены в вину также некомпетентность, плохое знание законов и несолидность поведения, за что он получил прозвище Шут[37]. При законоговорителе Скарби сыне Тородда (1004–1030) были отменены «подарки» [судьям!] и учрежден, как уже говорилось, «пятый суд» (лагретта) из шести мудрейших людей, своего рода верховный третейский суд Исландии (с 1004 г.). Из таких фактов следует, что подарки судьям и влиятельным в этой области людям, всякого рода подношения им были в практике того времени. Иначе говоря, судебные должности могли при известных условиях стать доходными. «Многие хёвдинги при Скарби были изнаны из страны», возможно за злоупотребление властью[38].

Однако, согласно шведскому Младшему Вестгёталагу, еще в конце XIII в. закон строжайшим образом запрещал лагманам, херадсхёвдингам (главам сотен), как и другим должностным лицам, брать взятки[39], из чего непреложно следует, что практика взяточничества в судах продолжалась.

Нельзя не отметить, что при всем авторитете лагмана местный правитель нередко *принуждал суд* принимать угодное ему решение. «Сага о Греттире», описывающая события второй половины X в., но записанная в XIV в., повествует о лютой вражде между Греттиром и местным ярлом Свейном (гл. XXIV). Люди Свейна напали на людей Греттира, но были побеждены и убиты. Свейн собрал тинг, требуя осудить Греттира на изгнание. Греттир сумел доказать, что не он был инициатором стычки; к тому же за него заступились его брат Торстейн Дромунд и уважаемый Торфинн, которые «созвали всех своих шуринов и свояков и друзей и пошли всем скопом на тинг». И все же суд приговорил Греттира к изгнанию, так что ему пришлось уехать из страны с первым же кораблем. И хотя перед этим местная знать уже готова была выступить против ярла, недовольная его самоуправством, тому удалось и на этот раз как-то вывернуться.

---

[37] ИС II:1. С. 29, 372.

[38] ИСИЭ. С. 247. Ср.: Сага о Ньяле. Гл. LVII.

[39] YvgL. Add. 1.

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕШЕНИЯ

Подготовка к судебному делу на тинге

Судя по «Саге о Гуннлауге Змеином Языке» и «Саге о Ньяле» (гл. XXIII, L), истец не мог возбудить дело в одиночку, но только при свидетелях, и к тому же не позднее чем за четыре недели до открытия тинга[40]. Чтобы пригласить бондов на тинг, следовало выстругать *стрелу из дерева* — в отличие от железной «военной стрелы». Затем ее «пускали» по хуторам, передавая из рук в руки. Вызывать на тинг, т.е. предъявлять иск, следовало по *месту жительства ответчика, у его дома и также в присутствии свидетелей*[41]. Если обстоятельства преступления были очевидными, дело обычно выигрывал истец. При неочевидных обстоятельствах, способных вызвать спор, дискуссию сторон, требовалось участие *свидетелей* и *поручителей*, роль которых, а также докладчика возрастала. Все они были обязаны принести *клятву* говорить правду. Необъективный, «пристрастный» свидетель определяется рассказчиком саги как «жалкий» и «гнусный»[42].

Принесение *клятвы* на тинге было важной частью *судебной процедуры*[43]. Вообще клятва — очень древнее, архаичное установление, а ее *сакральность* известна германцам издавна. И как мы уже знаем, она играла большую роль в северном обществе эпохи викингов. Нарушение клятвы влекло потерю чести. Клятву можно даже завещать — например, клятву об отмщении. Клятва скрепляла сделки, договоры о мире и дружбе, обеты мести и многие другие межличностные и общественные акты, даже «очищала» от обвинений. Но в принципе клятва, при всей ее важности, была, как сказано в поэме «Беовульф», «не навек». И нередко бывало так, что противники, давая взаимную клятву о мире (примирении), уже в момент ее произнесения строили новые планы мести друг другу. Обычно клятва на тинге считалась нерушимой, ее несоблюдение влекло за собой судебное дело против клятвопреступника и тяжкое его наказание.

Непосредственные представители тяжущихся сторон, т.е. истец и ответчик либо замещающие их по закону лица, также должны были принести особую *присягу*.

Язычники приносили клятву, положив руку на особое, посвященное богам кольцо[44], которое хранилось в капище (так называемая «*кольцевая клятва*», baugeidr)[45]. В «Саге о Ньяле» (гл. CXLII) говорится о «*присяге на книге*, как полагается

[40] См. также: ИСИЭ. С. 240.

[41] См.: Сага о Ньяле. Гл. XXIII.

[42] ИС II:1. С. 380–381, прим. 16.

[43] Там же. С. 101–102.

[44] Такие клятвенные кольца известны еще у готов.

[45] Там же. С. 373, прим. 40.

по закону». Есть и другие упоминания о «клятве на книге». В ходе одного дела, о котором речь пойдет ниже, Мёрд, его докладчик и, как выясняется, «ведущий», говорит сначала о людях, которым «передал по закону свою защиту» обвиняемый. А затем призывает присутствующих в свидетели того, что он приносит «присягу на книге, как полагается по закону»; и обещает перед Богом, что будет «вести тяжбу по правде, по совести и по закону», выполнив «все, что полагается по закону»[46]. Вероятно, таков был принятый ритуал. Под «книгой», скорее всего, подразумевались Библия или молитвенник, но во времена Ньяля христианство еще не внедрилось по-настоящему, и не исключено, что в письменном тексте саги произошел перенос понятий. Однако какую-то присягу, вероятно, на священном кольце и со ссылкой на языческих богов, всем участникам процесса тогда давать полагалось, об этом прямо говорится в сагах[47]. Очевидно также, что после утверждения христианства было положено клясться на Библии. Кроме того, в речи Мёрда обнаруживаются определенные логические связи и ритм, что позволяет видеть в ней формулу или пересказ судебной формулы, принятой в обычном праве: «*правда, совесть и закон*» как провозглашаемые принципы ведения дела. Наконец, здесь речь идет о «передаче тяжбы» третьему лицу, которое говорит и действует от имени истца, таким образом выступая ходатаем или *посредником*.

Клятву-присягу приносили не только участники судебного разбирательства, но и судьи, в том числе лагретты[48].

В сагах нередко упоминается и *договор о поруке*, причем он отражен даже в висах[49]. В сагах проскальзывают упоминания о неких «правдах уговора» — каких-то формулах и обрядах, скрепляющих договоренности. Однако сведений о них у меня нет, кроме того, что при таких процедурах обязательно должны присутствовать свидетели и происходило *«битье» руки об руку* (о чем говорится, правда, в областных законах, но можно предположить, что обычай этот был издавна распространен повсюду).

В ранних областных законах типа Гуталага (начала XIII в.) говорится еще и о *залоге*, который должны внести как поручитель, так и тот ответчик, кто не может немедленно уплатить штраф или цену украденного, испорченного добра.

Свидетелями считались те, кто находился непосредственно близ «места боя», либо «соседи жилья»[50], т.е. лица, лично видевшие или слышавшие происходящее. Но истинность их показаний сплошь и рядом вызывала сомнения. В случае отсутствия непосредственных свидетелей на суде выступали *поручители*, которые также приносили присягу в том, что будут следовать правде. В их задачу входило заверить

[46] ИС I. С. 702.

[47] Там же. С. 533, 545.

[48] Сага об исландцах. Гл. 82. С. 178.

[49] ИС II:1. Виса № 14.

[50] ИС I. С. 545, 553.

суд в добропорядочности лица, за которого они ручались. Важную роль играли *правопреемники*. Ими могли быть опекуны несовершеннолетних, вдов и т.п., но также те, кого уполномочивали вести процесс, рассчитывая на их знание законов, умение убедительно говорить и авторитет. Именно о такой «*передаче тяжбы*» и говорилось в деле Мёрда.

Свидетелей, поручителей и всех прочих участников тяжбы подвергали *проверке*, чтобы установить, нет ли среди них близких родичей истца и ответчика (например, их отца и сына) или людей недееспособных, а также состоящих под судом и следствием. В некоторых областных законах (и не только в Гуталаге) соприсяжником мог быть только *оседлый человек*[51].

При принадлежности тяжущихся к разным судебным округам возникал вопрос о том, в каком из округов разбирать дело: например, в годорде истца или ответчика? Если стороны не достигали по этому вопросу соглашения, дело решалось в интересах более *сильной стороны*[52].

Выезд на тинг обставлялся как можно пышнее. В «Саге о Греттире» (гл. LIX) собиравшиеся на суд истцы говорят об этом весьма выразительно: «…все поедем в крашеных одеждах. Пускай видит этот преступник, что мы не то что всякие прочие, что тут каждый день разъезжают»[53]. О роли одежды уже говорилось выше. Здесь же стоит упомянуть, что одной из причин приглашения некоего Сельви третейским судьей было то, что «Сельви любил пышно одеться и был человеком мудрым»[54]; как видим, мудрость этого третейского судьи оказалась на втором месте среди его достоинств — после привычки к щегольству!

О том, что на тинг надо приводить с собой как *можно больше сторонников*, говорится в «Поучениях Высокого» (об этом шла речь и выше, хотя в другой связи). И действительно, не только тяжущиеся, но и остальные *члены тинга — тингманы* старались явиться на него с родичами и друзьями. В «свите», в «группе поддержки» у тяжущихся были, прежде всего, видные люди, состоятельные бонды, обязательно «провожатые», т.е. вооруженные телохранители, домочадцы, доброжелательные соседи и, разумеется, поручители и свидетели — одним словом, все люди, готовые поклясться в правоте лица, на стороне которого находились. Как говорится в «Саге о сыновьях Дроплауг», на тинге «надо иметь с собой много людей, чтобы отвести чужой иск и отстоять свои»[55].

Интересные сведения о сопровождающих на тинг содержатся в «Саге об исландцах». Правда, эта сага описывает времена, когда Исландию буквально

[51] GL, b. 14. Впрочем, возможно, это была особенность «Закона гутов», поскольку на острове было много приезжих купцов, преимущественно немцев.

[52] Сага об исландцах. С. 115.

[53] Сага о Греттире. С. 98.

[54] Там же. Гл. XLIV.

[55] ИС II:1. С. 223; ср.: ИС I. С. 32, 40, 50 и мн. др.

раздирали междоусобицы и поэтому судебные процессы особенно часто выходили за рамки закона. Тяжба тогда напрямую решалась соотношением сил сторон, если решение представлялось сомнительным, а порядок на тинге то и дело нарушался схватками между противниками. Так, в гл. 5 (конец XII в.) рассматривается драка, чреватая увечьями, которая должна была в начале зимы рассматриваться на альтинге. Сага сообщает, что хёвдинги еще минувшей весной «стали набирать народ для поездки на тинг» — создавать что-то вроде ополчения. Бонды шли неохотно и не отовсюду. На альтинге все разбились на группы и держались враждебно по отношению друг к другу.

Снорри тогда привел с собой на альтинг шесть сотен людей; в другом месте говорится, что у него на тинге было не менее «семи больших сотен», т.е. 840 человек, из них восемьдесят хорошо вооруженных норвежцев, «и они были полностью прикрыты щитами». Помимо «своих людей» и воинов-наемников, его поддерживали два союзника, которые привели с собой еще по три сотни людей (гл. 75). Очевидно, что, даже учитывая возможные гиперболы автора хроники, значительное число вооруженных людей свидетельствует о подготовке к сражению, а не к спокойному законному разбирательству. Свою палатку, как упоминалось выше, Снорри демонстративно поставил выше Скалы Закона и назвав ее Букой в знак своих воинственных намерений. Норвежцы, которые с ним пришли, вообще вели себя с местными людьми «враждебней некуда»[56]. Неподалеку, рядом друг с другом, свои палатки поставили Стурла сын Сигвата и годи Магнус сын Гудмунда Поросенка и Сольвейг, дочери Йона сына Лофта. Все они были знатными и уважаемыми людьми. Но вот двое провожатых Снорри, норвежец и исландец, подошли к поленнице у палатки Магнуса и нарубили себе дубинок, «которые в ту пору было принято носить с собой к месту суда» (!), видимо, взамен запрещенных на тинге мечей и копий. В завязавшуюся затем драку втянулся весь тинг, Магнус был ранен, и началась долгая тяжба.

В другом случае (события тоже конца XII в.) вооруженное побоище началось уже на подходе к тингу. Была масса раненых. При помощи посредника, родича одной из сторон епископа Паля сына Йона (ум. 1211), установили перемирие, но мировую не заключили. Распри длились в течение двух лет, враги жгли жилища друг друга, и только следующим летом стороны обменялись денежными вирами.

Более ранние саги содержат гораздо меньше сведений о драках и на тингах, и по дороге на них. Думается, что до XIII в., «века ножей», во всяком случае в эпоху викингов, и в Исландии, и в соседних Скандинавских странах судебный тинг пользовался большим авторитетом.

Выиграть тяжбу было важно не только по существу дела. Ведь каждая победа на суде увеличивала *престиж* семьи победителя. Поэтому на больших тингах, особенно

[56] Сага об исландцах. С. 106.

во время слушания громких дел, в том числе дел об убийствах, собирались сотни людей. При этом полагалось соблюдать «*мир тинга*», нарушение которого, как и нарушение других мест мира — церкви и ее двора, торжища, усадьбы бондов и др., — каралось максимально строго.

Судебные дела и судопроизводство

Из *гражданских дел* суды чаще всего занимались тяжбами, связанными с имуществом, особенно землей, и брачными делами.

Если рассматривалось дело о разводе, то его порядок был следующим. Инициатор должен объявить при свидетеле (свидетелях) о своем намерении развестись и причинах этого решения: в первый раз около супружеского ложа, затем у дверей дома и в последний раз — у Скалы Закона на тинге («Сага о Ньяле», гл. XXIV. См. также выше)[57]. Существовал и порядок, по которому при разводе делили имущество. Если не было детей, жена могла потребовать себе половину имущества, как и получилось при подстроенном одной женщиной разводе из-за «женского выреза» на рубахе мужа[58]. Конкубина, как и дети, рожденные вне брака, формальных прав ни на наследство, ни на долю при разделе имущества не имели. Однако фактически, как мы могли убедиться, мужчины сплошь и рядом материально обеспечивали своих возлюбленных и, особенно, любимых детей от них.

Очень важными были споры о наследстве, включая раздел имущества после *покойных* родителей или родичей, подтверждение права вдовы на приданое и «вдовью долю», утверждение своих прав на спорное имущество и оспаривание прав иного лица, а также дела об аренде и др.

Ранние областные законы, включая пункты о долях (лот, лёт) наследства представителей разных линий и степеней родства, о наследовании дочери и вдовы, о наследстве после матери и после женщины вообще[59], обнаруживают уже развитую традицию в этих отношениях, о ней отчасти шла речь выше. Говорилось также о ритуале усыновления, который давал усыновленному право на равную с родными детьми долю наследства, а также о побратимстве, которое позволяло человеку оставлять наследство побратиму. Все эти правила и обычаи, постепенно пополняясь и видоизменяясь, входили в устное обычное право, а из него — в право кодифицированное.

Имеет смысл напомнить о правилах составления завещания. Если умирающий или вообще пожилой человек, находясь в здравом уме, сам составлял свое завещание, он должен был в обязательном порядке пригласить *свидетелей и оговорить точно*, что́ именно из имущества он оставляет каждому из детей, жене и иным

[57] ИС I. С. 455, 483.

[58] Там же. С. 326.

[59] GL. XX:1; XX:5–10.

родичам. Если завещатель был вдов и к тому же оставался вдовцом неоднократно, он должен был оговорить, кто из детей наследует после *собственной матери*; о наследстве после мачехи речь шла в исключительных случаях.

В обычном праве были предусмотрены порядок составления завещания, получения наследства и «возвращения его»[60]. Снорри Годи, тяжело заболев в 67 лет, завещал основной свой двор зятю Болли Горделивому и его жене Тордис, своей дочери, что было одобрено его сыновьями. Другие имения распределили среди сыновей, а жене Гудрун он оставил ее «вдовью долю», которая обычно состояла из утреннего дара (у состоятельных людей она включала недвижимость) и части приданого[61].

В «Саге о людях с Песчаного Берега» рассказывается о жестокой ссоре из-за имущества и приданого, участие в которой приняло множество людей, прежде всего родичей, и которая завершилась настоящим побоищем, продолжавшимся до тех пор, пока не сумели заключить перемирие[62].

В «Саге об исландцах» рассказывается случай с имуществом, которое выглядело как выморочное (гл. 34). Богатая женщина Йорун умерла, «не оставив наследника, о котором бы знали в народе», видимо, имеются в виду прямые наследники. Глава годорда, в котором она проживала, уже известный нам Магнус сын Гудмунда Поросенка, «рассчитывал взять ее имущество себе, оставив ее родичам столько, сколько сочтет нужным». Старкад сын Снорри сына Стурлы привез с юга мальчика по имени Кодран, объявил его наследником Йорун, начал от его имени тяжбу об этом имуществе и признал Магнуса вне закона за нарушение прав наследника. Он привел на альтинг шесть сотен человек, начались стычки, и Магнус с помощью епископа предпочел уладить это дело.

Другой казус (о котором уже шла речь выше в иной связи) возник из-за того, что богач Эмунд пожелал, чтобы его любимая дочь Сольвейг получила долю, равную сыновним, хотя по обычаю дочь имела право лишь на половину братней доли. Когда отец скончался, Сольвейг вместе с матерью обратились за помощью к Торвальду сыну Гицура, чтобы он помог девушке удержать полную долю при разделе имущества с братьями. Однако братья согласились только на посредничество другого человека — Снорри сына Стурлы. В конце концов Сольвейг «получила все ценные вещи, до которых у нее дошли руки». Это богатство мать и дочь отвезли Торвальду сыну Гицура, поручив также и себя его заботам, т.е. осиротевшие женщины нашли в его лице душеприказчика и патрона.

Шумным и сложным оказалось также дело о большом наследстве Бьярна Свободного. В отрывке из «Саги об Эгиле» (гл. LXXXII) рассказывается о разбирательстве конфликта между Эгилем и Анундом на суде Гулатинга, в присутствии конунга

[60] ИС II:2. С. 75, 97, 307.

[61] ИС I. С. 436–437.

[62] ИС II:2. С. 487–491.

Эйрика, королевы и множества народа. Речь шла о наследстве в Норвегии после тестя Эгиля — Бьярна Свободного. Он не оставил сыновей, обе его дочери были замужем. На младшей дочери Бьярна Асгерд, вдове своего погибшего брата (Торольва), с согласия Бьярна женился сам Эгиль, который со временем полюбил ее и посвятил ей две прелестные висы[63]. Однако все наследство Бьярна Свободного присвоил другой его зять — Анунд или Берганунд (Анунд Гора), с благословения королевы и при содействии норвежского короля, к которому был близок. Анунд мотивировал свой поступок тем, что мать жены Эгиля была «рабыней», поэтому у нее нет прав на наследство. На самом же деле — и все об этом знали — она была знатного рода, но затем оказалась и в изгнании, и ее купил Бьярн, который потом на ней женился по всем правилам. И теперь Эгиль, как муж законной дочери Бьярна, требовал своей доли. Миром решить это дело не удалось, и Эгиль объявил Анунду, что «передает тяжбу для решения на Гулатинг».

«Когда на тинге разбирались тяжбы, обе стороны подходили к месту, где сидели судьи, и *каждый приводил доказательства* своей правоты. Анунд держал здесь большую речь… Местом суда было ровное поле, окруженное вехами из орешника[64]. Между вехами была протянута веревка. Она называлась *границей суда*. А в круге *сидели судьи*», по 12 представителей от каждого фюлька этой четверти, всего 36 человек. «Эти судьи разбирали тяжбы». Друга Эгиля Аринбъярна «сопровождало на тинг множество людей. Он взял с собой большой корабль, полный народу, и много небольших кораблей и гребных лодок, в которых сидели бонды. Конунг Эйрик прибыл туда с большой силой: у него было шесть или семь боевых кораблей. На тинге собралось также множество бондов».

«Эгиль изложил свое дело и сказал, что судьи должны признать, что закон на его стороне». Он доказывал права своей жены на имущество, которое раньше принадлежало ее отцу. «Ведь по своему рождению (!) она имеет право владеть наследными землями, и, кроме того, многие ее родичи были лендрманами, а ее предки были еще знатнее». Поэтому ей должна принадлежать половина имущества покойного Бьярна.

Берганунд долго хулил происхождение Асгерд и поведение ее матери, затем сказал, что конунг и его жена обещали ему поддержку. Так что все наследство после тестя получит он, а Асгерд, как рабыня, должна отойти конунгу (вроде выморочного имущества?!). Эгиль ответил висой:

Он сказал: рабыней / Родилась жена моя.
Алчный Анунд, слушай! / Право на наследство
За женой бесспорно / По ее рожденью.
В том готов поклясться, — / Принимай же клятву[65].

[63] ИС I. С. 166, 167.

[64] Места, где должны были происходить важные события, например поединок или судебное разбирательство, обычно ограждались ветвями орешника — признанного оберега. Ср. также «Песнь о Хельги сыне Хьерварда», где говорится об ограждении «ореховыми ветвями площадки для поединка».

[65] Там же. С. 172.

По просьбе друга Эгиля — Аринбъярна выступили 12 *уважаемых людей*, уличая противную сторону в предварительном сговоре. Король отказался вмешиваться в дело. Тогда ненавидевшая Эгиля королева призвала своего брата с его дружиной и повелела им разогнать суд (!), что они и сделали, сломав орешниковые ветви, разрубив натянутые между ними веревки и выгнав судей. «На тинге поднялся сильный шум, но люди были там все без оружия». И тогда Эгиль вызвал Берганунда *на поединок* здесь же, на тинге. «Пусть тот, кто победит, владеет всем добром — землями и движимым имуществом. Каждый назовет тебя подлецом, если ты не отважишься на поединок».

Конунг противился этому предложению, так что Эгилю и его людям пришлось уехать. На прощание Эгиль, взяв в свидетели всех, кто был на тинге, запретил «заселять и использовать земли, которые принадлежали Бьярну», «как всем жителям нашей страны, так и всем чужеземцам, как знатным, так и незнатным. Всякого, кто это сделает, я обвиняю в нарушении закона и порядков страны и призываю на него гнев богов», — сказал Эгиль.

Поскольку конунг был взбешен, следовало ждать мести и от него, и со стороны Берганунда. Король объявил Эгиля вне закона. В конце концов Эгиль в порядке кровной мести убил Берганунда на поединке, вместе со своими спутниками разграбил его имущество и уехал к отцу в Исландию, где и остался жить[66]. Впоследствии он, как рассказывалось выше, однажды попал в руки короля Эйрика и выкупил свою голову стихами:

Голову я / Не прочь получить:
Пусть безобразна, / Но мне дорога.
Эйрик достойный / Мне отдал ее, –
Кто получал / Подарок богаче![67]

Эта история интересна тем, что позволяет представить себе *распорядок судопроизводства*: место расположения судей на тинге, последовательность выступления сторон и т.д. Но данный казус также дает ясное представление о четкой правовой черте, которая разделяла *свободных и рабов*, об изначально низком в глазах людей статусе потомков рабов, даже имеющих знатное происхождение. И об *объеме власти короля*, который может прекратить и разогнать суд тинга «четверти» и даже вынести несправедливый приговор одному из тяжущихся. Большие права на тинге присваивали себе явочным порядком и некоторые знатные люди. В этой связи интересно замечание о том, что, когда в одном случае бонды хотели повесить убийцу и грабителя, лишенного мира, его спасла жена местного хёвдинга[68].

[66] Там же. С. 178–184.
[67] Там же. С. 192.
[68] ИС II:1. С. 118.

Существенно замечание, содержащееся в приведенном пассаже, о том, что некоторые люди в соответствии со своим происхождением имеют право владеть имением. Характерно далее, что иск на утреннем заседании выдвигает доверенный человек, объявляя о том, что вести тяжбу по поручению истца будет он. Важно и то, что истец и ответчик выходят на Скалу Закона и *состязаются* лишь при последующем разбирательстве дела. Отметим еще, что, судя по этому отрывку, в известных случаях было возможно вызвать противника на поединок прямо на тинге. А уж месть после тинга была вполне обычным делом.

К этому отрывку можно сделать еще два примечания. *Первое* — о поведении конунга и о его вмешательстве в судебные дела. Такие вспышки королевского крайнего озлобления и, как следствие, принятие несправедливых решений — речь ведь идет о второй половине X в. — уже тогда были нередкими. Примером тут может служить не только судебный процесс Эгиля, но и более ранняя история — просьба его отца Скаллагрима к королю о справедливости по отношению к другому сыну, убитому Торольву[69]. Очевидно, что суд тинга, даже высший, при всем своем очевидном демократизме, *не обладал* полной независимостью от формирующейся королевской власти, а местные суды — и от местных властей. *Второе* примечание касается того обстоятельства, что, судя по ранним областным законам (тому же Гуталагу начала XIII в., см. гл. 14), наследовалось *не только имущество, но и долги*, и самые различные обязательства.

Интересной особенностью имущественных судебных дел в Исландии является, судя по сагам, отсутствие тяжб из-за «*права бёрда*», — права, согласно которому в случае продажи родовой земли преимущество при покупке предоставлялось родственникам. Это право занимает очень большое место, например, в областных законах Швеции, да и в законах Дании и Норвегии; и позднее следы права бёрда обнаружить нетрудно. Разгадка такого положения дел крылась, конечно, в специфике формирования исландского общества, где в ходе переселения разрывались производственные связи больших семей. Однако сами родственные связи соблюдались и поддерживались как в Исландии, так и между исландскими и норвежскими или иными скандинавскими ветвями одного рода. К родственным чувствам обычно взывали во время судебных разбирательств с другими кланами либо в случае физической угрозы или материальных потерь. Так или иначе, но *от родни редко отказывались*.

Среди родичей бывало всякое. Некий Сиди, который слыл сыном Одина (!), за убийство раба был лишен мира. Вместе с дружиной он уплыл в другие края, стал богатым и знаменитым. Из зависти его убили собственные братья и шурины. Однако подросший сын Сиди убил своих кровников-родичей и завладел их землей и властью[70]. Такое происшествие в семье было не исключением и в качестве предмета разбирательства также могло попасть на тинг.

[69] ИС I. С. 104, 141, 176 и др.

[70] КИ. С. 178.

Одной из важнейших причин, по которой возникали дела, часто попадавшие на тинги, а еще чаще вызывавшие ссоры и драки между соседями, были *пограничные земли и целые усадьбы, а также выпасы, рыбные ловища и лесные угодья*. При всех этих сложностях соседские связи играли весьма серьезную роль. Именно обстоятельства, касающиеся тинга, раскрывают особенности соседских связей в Скандинавии, которые зачастую базировались не столько на общности угодий и некоторых общих производственных делах, сколько на *повседневной взаимопомощи* и поддержке в трудных обстоятельствах. Вследствие природных условий в Исландии не могла, разумеется, сложиться даже такая «расплывчатая» соседская община, как в Норвегии и Швеции. Однако в областных законах часто фигурирует *тинг сотни*, который в сагах практически не отражен и который являлся аналогом *общинного схода*. Так, согласно большинству областных законов Швеции отдача *земли в залог* оформлялась на тинге сотни, а в некоторых областях — после введения христианства — даже на собрании прихода. Там же, на местных тингах, оглашалось *освобождение рабов*. Очевидно, что здесь мы имеем дело с наследием местных тингов как правовой организации, где разбирательством дел занимались соседи. Что касается суда четверти, то он в сагах фигурирует неоднократно.

Многие ссоры происходили из-за действительного или мнимого *оскорбления*, задевавшего честь свободного лица. Сохранилось описание одной ссоры между соседями, которая касалась отхожего места. Дело в том, что отхожее место ставили вне жилого дома, хотя иногда и впритык к его стене, устраивая, например, наверху сеновал. Во время же некой ссоры противник блокировал жилище и внутреннюю территорию хутора таким образом, что его хозяевам пришлось справлять нужду в самом доме, что, как пишет Стурла Тордарсон, было для них одним из тягчайших оскорблений.

Ужасными *оскорблениями* были обвинения кого-либо в трусости, в физической слабости, в неумении сражаться, в мужеложстве, в неспособности сдержать клятву. Обычно такие дела не доходили до тинга: их решали оружием.

Возможно, из соседей подбирался и состав присяжных, или, как их называли, *соприсяжников*. В сагах обычно речь идет о *12 соприсяжниках* («Сага об Эгиле», гл. LXV и мн. др.)[71]. Между тем, судя по самым ранним областным законам, например Старшему Ветгёталагу, эти 12 соприсяжников или присяжных составляли «*комиссию-нэмнд*». Присяжных обычно назначал лагман из числа компетентных людей. Они давали присягу соблюдать объективность при слушании и решении дела. Поэтому в сотнях и приходах-сокнах такие комиссии составлялись именно из соседей. Судя по разделам о церкви в областных законах, аналогичная (или та же?) комиссия-нэмнд участвовала в разбирательстве церковных дел, но уже совместно с епископом.

[71] IMS. P. 56–57; ИС I. С. 201.

Уголовные дела, куда входили кражи, нанесение имущественного ущерба, ущерба чести и достоинству, преступления против личности, дела об убийстве и членовредительстве, рассматривались, как и дела гражданские, согласно определенному порядку, который был частично описан при рассказе о деле Эгиля против Анунда. При заявлении, например, о краже непременно полагались свидетели, но если их не было, а подозреваемый в воровстве не признавался и не отдавал украденное, то представители тинга в присутствии понятых, назначенных тингом или лагманом, должны были произвести *обыск* и подозреваемых, и его подворья[72]. *Правомочия понятых* должны были предварительно, т.е. до суда, проверяться, чтобы установить, не являются ли они участниками кражи, не состоят ли с обвиняемым в родстве или свойстве, не подкуплены ли им и т.д.[73]

Распространенным видом имущественного ущерба и, одновременно, уголовного преступления была в то время *потрава чужого пастбища*. Из-за этого нередко возникали, прежде всего среди соседей, весьма драматические ситуации, вплоть до убийства. Одна из них, о которой повествует «Сага о людях из Лососьей Долины», заслуживает краткого пересказа. Некий Стейнар приказал своему рабу Грани пасти скот на земле соседа, годи Торстейна сына Эгиля сына Грима Лысого. Обнаружив это, Торстейн убил пастуха. Однако вскоре он увидел на своей земле все то же стадо, которое пас другой раб Стейнара. На этот раз Торстейн сделал вид, что ничего не заметил. Но вот Стейнар за неслыханно большую цену (3 марки серебра!) купил могучего раба Транда, дал ему большую и очень острую секиру с лезвием почти в локоть и поручил пасти скот на земле Торстейна, расправляясь с каждым работником последнего, кто ему попытается помешать, да и с самим хозяином земли. Работник Торстейна пытался уговорить Транда увести скот, объясняя, чья это земля. Но тот ответил, что пасет там, где велел его хозяин, и поэтому его не заботит, чья это земля, лишь бы «луг был лучше». Но тут на поле явился сам Торстейн и, услышав угрозы раба Транда в свой адрес, убил этого раба. Разговор, который затем состоялся между Торстейном и Стейнаром, оказался безрезультатным, так как Стейнар заявил, что будет пасти скот там, где ему захочется, а Торстейн ответил, что в таком случае будет убивать всех его пастухов, одного за другим.

Тогда Стейнар решил возбудить дело об убийстве своих рабов. Для этого ему нужна была поддержка нескольких влиятельных людей, и он обратился к двум соседним годи, пообещав каждому деньги за поддержку на тинге. Они согласились — еще одно подтверждение случаев продажности в то время! Дело было очень серьезное: Стейнар требовал изгнания Торстейна, виновного в убийстве «безвинного» раба (точнее, двух): «Таков был закон в том случае, если у человека убивали рабов и не возмещали убыток к третьему восходу солнца. А два изгнания были равносильны объявлению вне закона». Торстейн не выдвинул встречного иска, но послал людей

[72] ИС II:2. С. 39, 48–50, прим. 303.

[73] Ср.: Там же. С. 50; ИС I. С. 326 и др.

к своему деду Скаллагриму, у которого тогда проживал и его сын, скальд и воин Эгиль. Затем Торстейн с большим числом провожатых приехал на Поле Тинга, и все они «накрыли свои земляные палатки», завесив сруб сверху и стены. Потом он поставил огромную палатку и разубрал ее как можно лучше. Стейнар также привез с собой много людей и двух своих важных поручителей. Вскоре подъехал и Эгиль с лучшими бойцами и бондами из его округи, которые все были в полном вооружении; они расположились в той самой огромной палатке.

Дел было много, они слушались одно за другим, а когда очередь дошла до убийства рабов Стейнара и тот предъявил свои обвинения, Торстейн, а за ним Эгиль говорили недолго. Эгиль напомнил, что земля [по названию] Анабрекке, на которой стоит хутор Стейнара и его семьи, а также угодья до границы, обозначенной рекой Ланги, были даны ему, Стейнару и его семье, именно Скаллагримом, по соседству со своей землей. И выпас скота на земле внука того, кто эту землю ему предоставил, при всех условиях является нечестным делом, так что убийство его рабов было справедливым. А за поведение самого Стейнара он и его семейство должны расплатиться тем, что съедут с этой земли «до истечения положенных дней перехода». Стейнар, очевидно, некогда был держателем Скаллагрима и, видимо, рассчитывал в случае объявления Торстейна вне закона наложить руку и на его земли. «Ты присвоил его (Торстейна) землю, — говорил Эгиль, — и думал, что Торстейн настолько недостоин своего рода, что позволит тебе ограбить себя!»

Козни Стейнара, таким образом, стали всем понятны, и ему пришлось худо. Его важные заступники отступились от него, причем их *репутация оказалась подмоченной* из-за согласия участвовать в этом деле на неправой стороне. Стейнар уехал, и, хотя впоследствии он неоднократно делал попытки убить Торстейна, все они оказались неудачными. А Торстейн дал начало большому роду[74].

То, что «беспричинное» убийство чужого раба могло повлечь за собой лишение убийцы мира, подтверждается и другими фактами[75], еще раз свидетельствуя о важности слоя лично зависимых людей в Скандинавии эпохи викингов. Но приведенный эпизод интересен еще и тем, что проясняет, хотя и между прочим, и в очень краткой форме, некоторые тогдашние правила и понятия, связанные с судопроизводством, с его порядком. Так, речь в нем идет о возбуждении дела, о сроках досудебного примирения, о том, что добрая слава рода требовала не оставлять оскорбления или ущерб без последствий, об исключении рабов из общих правил, касающихся убийства и его наказания.

Эти правила обязывали убийцу, если не было свидетелей совершенного им преступления, как можно скорее кому бы то ни было *рассказать о содеянном*, желательно там же, на месте убийства (если это жилое место) или рядом с ним. В крайнем

[74] ИС I. С. 238–247.

[75] Ср., например: КИ. С. 178.

случае о произошедшем следовало объявить в *тот же день на ближайшем хуторе*. И постараться до *исхода третьего* дня уплатить виру или каким-нибудь образом решить дело миром. Необъявленное и вовремя не возмещенное убийство могло квалифицироваться как *позорное*, т.е. не искупаемое вирой. По закону вызывать виновных в убийстве на тинг следовало так, чтобы это слышало как можно больше людей: либо там, где обвиняемый живет, либо просто в людном месте. Однако опрашивать соседей или других свидетелей *до тинга* не полагалось[76].

Вообще, *убийства происходят часто*. Вот, например, родовое дело: один бонд угнал лошадей другого бонда, своего соседа. Потерпевший убил грабителя секирой, и сага говорит по этому поводу: «Хруту было восемьдесят лет, когда он убил Эльдгрима, и этот поступок придал ему величия» (!). В данном случае убийство было «законным». Но затем в ходе дальнейших распрей люди из этой саги убивали друг друга разными способами: мечами, стрелами, камнями, душили и т.д. Жизнь персонажей саги, судя хотя бы по уже знакомому нам скальду Эгилю, представляла собой сплошную череду убийств и членовредительств, а сам Эгиль вообще нарушает все диктуемые обычаем нормы поведения. Например, еще мальчиком убивает управляющего своего отца, убивает гостеприимного хозяина усадьбы, в которой остановился, чуть не убивает собственного брата, грабит соседей. Другой герой этой саги, Торольв, узнав, что в подчиненном ему селении в Финнмарке приезжие торговцы вроде бы занимаются грабежами, попросту убивает их всех (гл. XVIII, XIX и др.)[77].

Ссоры так редко кончались миром, что саги, особенно родовые исландские саги, буквально «набиты» всевозможными убийствами, в том числе и делами об убийстве на тинге. Не случайно среди «Изречений Высокого» есть и такое:

Прежде, чем в дом ты войдешь, ко всем выходам
хитро присмотрись.
Разузнай их умно, Никогда не известно наверное, что где-нибудь
В доме твой враг не сидит[78].

Поединками и расправами, бесчинством, драками, убийствами, грабежами, беззакониями и всевозможными обидами саги заполнены до краев. И даже если предположить, что подобные факты относились к таким событиям, которые особенно прочно запечатлевались в памяти народа, все равно они не производят впечатления чего-то чрезвычайного, но, напротив, выглядят вполне повседневными, обычными. В сагах часто, подробно и весьма натуралистично описываются увечья, полученные во время столкновений: что именно и каким образом отрубили или

[76] ИС I. С. 13; ИС II:2. С. 305.
[77] Там же. С. 61–253.
[78] ИС II:X. С. 287.

покалечили. Очевидно, это было важно для определения величины штрафов, ведь тот, на чью долю выпадал большой штраф, платил разницу между суммой своего штрафа и штрафа противника.

Вот еще один эпизод, показавшийся мне достойным того, чтобы ознакомить с ним читателя хотя бы вкратце и не особенно обременяя его именами участников события. Как и предыдущие, он дает известное представление о тех нормах и порядках разбирательства, о которых саги специально ничего не говорят. Этот отрывок из той же богатейшей по содержанию «Саги об Эгиле» (гл. LVI и сл.). Однажды во время большого побоища один из героев саги Гуннар неумышленно убил несколько человек. Предстоял суд альтинга, и Гуннар отправился за советом к мудрому Ньялю, который сказал ему: «Никогда не убивай *более одного человека из одного рода*, никогда не нарушай *мира*, который помогли тебе заключить хорошие люди…» Но дал и ряд хороших советов по данному делу.

На тинг приехало очень много людей, в том числе большие хёвдинги. Все они «покрыли свои палатки», выказывая тем самым намерения пробыть на собрании до самого его конца. Готовясь к тингу, истцы *откопали тела павших* (!) и показали их раны соседям, которых пригласили в свидетели, попросив удостоверить количество ран на них, и при этом объявили, кто нанес их. Когда все, кому полагалось, подошли к Скале Закона, встал истец по имени Гейр Годи и обвинил Гуннара в убийстве четырех человек, а его брата Колльскегга в убийстве еще одного человека. «Когда он объявил все это, люди нашли, что он говорил хорошо. Затем люди пошли от Скалы Закона».

«Вот подходит время, когда суды должны начать разбор дела», — видимо, *иски излагались с утра*. Для этого участники тяжбы поднимались на холм, на котором располагались судьи и где выступали уполномоченные истцов. Теперь ответчики и суд должны были изучить *правомерность самого возбуждения тяжбы* и выслушать «отводы» (например, свидетелей). А уже позднее, где-то во второй половине дня, проводился *разбор дела по существу*, происходило *прение сторон* и провозглашался *приговор*[79].

«Обе стороны собрали много народу… Гейр Годи предложил Гуннару выслушать его присягу в том, что он будет честно вести дело, и принес такую *присягу*. После этого он *изложил* свой иск. Затем его *свидетели подтвердили*, что он верно объявил о ранах, которые нанесли обвиняемые. Потом он попросил назначенных *истцом* и *ответчиком* соседей занять свои места. Затем он предложил *отвести лишних соседей*. После этого он попросил соседей *вынести свое решение*. Те выступили, призвали своих свидетелей и заявили», что поскольку один из убитых норвежец, то «его настоящий истец в Норвегии, и поэтому им незачем высказываться по этому поводу». А по поводу остальных лиц они «нашли, что Гуннар виновен в том, в чем

[79] Ср.: ИС II:1. С. 373, прим. 38.

его обвиняют». Итак, была проведена предварительная процедура, или *первая часть* слушания дела, которая в саге описана четко, последовательно и почти буквально.

После этого Гейр Годи «предложил Гуннару *начать защиту* и назвал *свидетелей* всего, что упоминалось на суде». Гуннар в свою очередь принес *присягу* и напомнил, что есть свидетели того, что погибшие *напали первыми* и нанесли (шпорой) лично ему кровавую рану до самой кости, за что и должны были поплатиться. После этого он произнес следующее: «*Я* возражаю, Гейр Годи, против того, чтобы в этой тяжбе *меня обвиняли*, а также против того, чтобы *судьи меня судили*, и весь твой *иск объявляю неправильным*. Я запрещаю тебе это *запрещением бесспорным, верным и полным*, как и положено запрещать по установлениям альтинга и общенародным законам» (курсив мой. — *А.С.*). Далее он заявил, что обвинение в убийстве норвежца не относится к компетенции альтинга, это нарушение закона, поэтому Гейра Годи, виновного в этом нарушении, он предлагает *присудить* к изгнанию на три года.

Совершенно очевидно, что Гуннар произнес одну из *юридических* формул, ссылаясь при этом на установления альтинга и положения обычного права как обычаи, не утвержденные еще альтингом в виде закона.

Поскольку, как сказал тот же мудрый Ньяль, этой тяжбе не будет конца, то дело лучше всего было бы кончить миром, оплатив взаимные иски. И «по совету мудрейших людей дело было передано третейскому суду из шести человек» — лагретте. Тут же на тинге дело и закончили, обменявшись *вирами*. «Гуннар поехал с тинга домой, поблагодарив людей за помощь, а многим сделал подарки. *Это дело принесло Гуннару большую славу*»[80].

В этом отрывке, помимо прямых свидетельств о судебной процедуре, весьма интересны и содержательны сведения о компетенции альтинга, который, в частности, *не может судить иноземцев*. Любопытен факт обращения к лагретте, к «суду из шести человек», вероятно «мудрейших», который был «третейским судом», а также свидетельство об обязательности *присяги* во время судебных разбирательств (о чем уже говорилось). Далее отмечается, что умелое поведение Гуннара на тинге, его решительность, правильное обращение с правовыми нормами и, наконец, благополучное окончание этого кровавого дела «принесли Гуннару большую славу»: победы на тингах, на ристалищах не только боевых, но и правовых, могли принести победителю славу и помочь войти в сагу.

В «Саге о Ньяле» есть еще одно судебное дело, исполненное драматизма, сопряженное с подкупами, убийствами, смертельными ранениями, с сожжением в собственном доме замечательного Ньяля вместе с несколькими членами его семьи. Пересказывать этот эпизод не имеет смысла из-за его большого объема. Но можно попробовать вычленить из него те факты, мнения, мотивы поведения и другие моменты, которые относятся к судопроизводству, а именно к ведению дел, системе

[80] ИС I. С. 537–540.

защиты и обвинений, вынесенным судом наказаниям и даже характерам скандинавов той эпохи.

Так, когда Мёрд сын Вальгарда согласился вести тяжбу в пользу истца Гицура Белого против ответчика, убийцы Флоси, он тут же отказался от прочих дел, которые должны были рассматриваться на предстоящем тинге «четверти» и попросил разделить их между другими (судьями? ведущими тяжбы?). Очевидно, что существовала какая-то договоренность в судах о *числе и объеме дел*, представляемых на каждом тинге одним и тем же доверенным лицом.

Гицур Белый боялся поражения на тинге и поэтому с родичами и друзьями посещал разных могущественных людей, прося поддержки, пока один из них, Гудмунд Могучий, обещая им помощь, не «сказал им, чтобы они больше не лежали в ногах у других хёвдингов, что это *недостойно*». В этом эпизоде кратко и ясно отражены и практика привлечения сторонников при разбирательстве дел на тинге, и понятие о чести, не позволяющее «валяться в ногах» у сильных мира сего[81].

Когда Мёрд выступил на тинге с обвинением, он назвал своих свидетелей, а затем объяснил суть обвинения, заключавшегося в том, что Флоси сын Торда нанес Хельги сыну Ньяля «рану внутренностей или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги умер»[82]. Таким образом, смертельная рана приравнивалась к убийству. Несколько выше речь шла о ранении шпорой, пропоровшей ногу ни в чем не повинного истца до кости и вызвавшей обильное кровотечение; эта рана послужила причиной возмездия со стороны раненого — убийства обидчика, которое было судом оправдано как справедливое. Теперь же речь шла также и о настоящем *злодействе*, каким было сожжение спящих людей в их собственном доме. Мёрд призывает свидетелей, требует объявить Флоси сына Торда вне закона и присудить его к изгнанию, «и никто не должен давать ему пищу, указывать путь и оказывать какую-нибудь помощь». Таким образом выясняется, что «*объявление вне закона*» — *как «лишение мира»*: это тот же «волчий закон», и в случае его принятия никто не имеет права помочь такому человеку, но каждый может безнаказанно его убить.

Но обвинитель требовал не только поставить убийцу вне закона, он продолжал: «Я говорю, что он должен лишиться всего добра, и половина его должна отойти мне, а другая половина — тем людям из четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона», т.е. настаивал на применении также и формулы «*поток и разграбление*». А далее опять шли аллитерированные формулы:

«Я объявляю об этом суду четверти, в котором по закону должно рассматриваться это обвинение.

Я объявляю об этом по закону.

[81] Там же. С. 698. А в «Саге о Союзниках» в стихотворной форме высмеивается неудача на суде богача-«дурака». См.: ИС II:1. С. 523–527.

[82] Там же.

Я объявляю об этом со Скалы Закона так, чтобы все слышали.

Я объявляю, что Флоси сын Торда должен быть судим этим летом и объявлен вне закона.

Я объявляю о тяжбе, переданной мне Торгейром сыном Торира» (здесь назван отец Ньяля. — *А.С.*).

Таким образом, объявляя человека вне закона, можно было еще лишить его имущества, которое делили между собой некие, имеющие на это право лица; вероятно, среди них были наследники осужденного, проживающие совместно с ним или в данной четверти, и даже соседи. Но ведущий тяжбу при всех условиях получал половину конфискованного имущества! Мёрд был опытный, хорошо знающий порядки обвинитель, он произнес все формулы и не оставил сомнений в том, что все сделано по закону.

Затем другой обвинитель призвал всех в свидетели обвинения против Глума сына Хильдира, который сжег дом Ньяля вместе со всеми, кто там находился, включая самого Ньяля, его супругу и маленького ребенка. За это обвинитель требовал объявить виновного вне закона, а его имущество конфисковать и разделить между обвинителем «и теми членами четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона». Теперь уже ясно, что часть конфискованного судом имущества достается некоторым членам четверти, возможно участникам судилища.

Придя в ужас от необходимости лишиться своего достояния, Флоси тайно передал годорд, которым владел, своему брату, а сам — столь же тайно — договорился войти в годорд третьего лица. Прибегли и к другим уловкам, в частности решили перекинуть рассмотрение части дела в ту четверть, которая по закону заведомо не может рассматривать его, в надежде, видимо, что ущерб от конфискации значительно уменьшится.

Но, описывая дальнейший ход дела, сага сообщает новые интересные сведения. *Во-первых*, были отведены все свидетели — не только родичи, свояки и другие близкие люди тяжущихся, но и, как видно из дальнейшего, соседи, которые имели право в этом качестве участвовать в тяжбе. А между тем именно соседи часто составляют что-то вроде совета присяжных: они объявляют виновным или невиновным подсудимого на основании личных свидетельств, приведенных аргументов и контраргументов. *Во-вторых*, Мёрд, что тоже очень интересно, перечислил по ходу дела все, «что требуется по закону при ведении тяжбы». Он перечислил ее этапы: предложено принести присягу — принесена присяга; изложено дело; даны свидетельские показания о предъявленном обвинении; соседям предложено занять их места; предложено отвести неправомочных соседей. А затем он завершил свою речь так: «Я призываю вас в свидетели того, что выполнено по этой тяжбе, и того, что я не хочу ее проиграть, если я оставлю суд, чтобы искать доказательств или по другим делам»[83]. Очевидно,

[83] ИС I. С. 705.

что здесь сага последовательно и со знанием дела описывает *следственные и судебные процедуры и действия, необходимые для принятия решения по тяжбе.*

Понятно также, что Мёрд это делал, чтобы предупреждать уловки противной стороны, пытающейся ослабить его позиции, и без того уже значительно подорванные отводом многих его свидетелей. Кроме того, позиции Мёрда были поколеблены и тем, что после хитрости с годордами дело виновных уходило в другую четверть.

По совету одного хитроумного сторонника Мёрд объявил неправильным отвод ряда своих соседей-свидетелей, «поскольку он [противник] отвел из числа соседей людей, которые имеют право выносить решение как соседи[84]. Всякий имеет право выступать на суде как сосед, у кого есть три сотни земли или больше, даже если у него нет скота, но тот, кто живет молоком (за счет разведения скота. — *А.С.*), тоже имеет право выступать как сосед, даже если он снимает землю» (является арендатором. — *А.С.*). Законоговоритель Скафти, которого «потревожили» по такому случаю, подтвердил правильность этого довода, «хоть и немногие знают это». В результате у Мёрда появилась возможность призвать всех своих десятерых свидетелей вместо четырех, которые у него оставались после маневров противной стороны. Интересно, что именно теперь, именно из описания хода судебной процедуры, удается узнать особенно важные подробности о том, что входило в состав правообязанностей бондов и арендаторов, — такие, о которых другие саги умалчивают. Интересно, кстати, также и то положение, что *правоспособностью обладают как владельцы земли (без скота), так и владельцы скота (без земли), если то и другое в достаточном размере.*

Когда же всплыла хитрость с годордами, дело решили передать в Пятый, третейский суд[85], где все должно было повториться снова. Но перед тем на Поле Тинга произошло побоище, поскольку на это судебное разбирательство все приехали вооруженными. «Большое несчастье, когда бьется весь тинг!» — заметил один из свидетелей. Постепенно созрело решение прекратить кровавую драку, уплатив виры за совершенные на тинге убийства, а также за сожжение Ньяля. В последнем деле осталось в силе решение об изгнании виновных из страны, но его исполнение отложили до лета; если же по прошествии трех лет виновные не уедут, они будут лишены мира. Были последующие убийства и драки, но дело в конце концов как-то разрешилось, главным образом путем уступок с обеих сторон.

Приведенные казусы создают впечатление, и оно подтверждается некоторыми другими судебными делами, что согласно обычным законам в некоторых случаях *истец получал право сам вынести решение* по делу, которое он возбудил, и определить сумму штрафа. Происходило это в тех случаях, когда правота истца была бесспорной.

[84] Ср.: ИС I. С. 716: «Соседи выступили перед судом, *вынесли решение* и нашли Флоси виновным».
[85] О «третейском суде», состоящем из шести человек, см. также: Там же. С. 540.

Преступление, наказание и примирение

При решении вопроса между тяжущимися или сражающимися сторонами о примирении самым надежным средством было произнести «*клятву мира*». Ее текст содержится в «Саге о Греттире»[86] и в «Саге о Битве на Пустоши» (к сожалению, не полностью сохранившейся. Гл. XXXIII)[87], в «Саге об исландцах» (гл. 146), Гуталаге (гл. 14) и Старшем Вестгёталанге. Когда разгоревшаяся вражда, о которой там идет речь, несколько утихла, известный Снорри Годи сказал (в присутствии многих «путников, остановившихся на ночевку»), что у него есть «предчувствие» будущих сражений и поэтому он просит Торгильса сына Ари произнести «клятву мира», поскольку, по общему мнению, он делает это «лучше других». Торгильс, немного поломавшись для порядка, все же признал, что хотя он вряд ли произносит эту клятву лучше других, но зато она «во всем соответствует истине». А затем он заговорил:

«Вот начало нашей клятвы, и оно в том, что (1) все равны перед Богом. Мы должны (2[88]) быть также равны и друг перед другом и (3) доверять другому за брагой и за брашной, на тинге и на торге, в церкви Божьей и в конунговых палатах, и (4) везде, где встречаются люди, мы должны вести себя так, как если между нами никогда не было распри. Мы будем (5) делить клинок и кровавое мясо (скорее всего, битву. — *А.С.*) и все, что у нас будет, как сродники, а не как супостаты. А (6) если распря случится между нами, то пусть звенят деньги, а не летят дроты (дротики. — *А.С.*)[89], а (7) если кто из нас нарушит слово сговора и подымется за порукой укрытого[90],

то влачить ему дней остаток
как волку повсюду, где люди вдаль волков отгоняют,
рабы Христа в церковь ходят,
язычники капище освящают,
огонь вверх поднимается,
земля травой покрывается,
сын зовет мать,
ладья скользит по волнам, блестят щиты,
свет солнца растапливает снег,
финн бежит на лыжах,
сосна вверх тянется,
ворон парит весенним днем, [и] пусть ветер дует ему под оба крыла,
небо вращается,

[86] Сага о Греттире. С. 117–118.

[87] См. также: ИС II:1. С. 102.

[88] Здесь и далее нумерация моя. — *А.С.*

[89] Имеется в виду, что у виры (штрафа) как у способа разрешения споров гораздо больше преимуществ, чем у побоища.

[90] Далее — форма, выделенная мною, — явно ритмическая речь. — *А.С.*

мир заселяется,
ветер веет,
вода из озер вытекает в море,
а селяне рожь сеют.
Нет ему места в церквях и среди христиан, в доме Бога, и в доме бонда,
и нет у него иного приюта, кроме Нифльхейма[91].
Да поручится каждый из нас перед другим
за себя и своих потомков, рожденных и нерожденных, славных
и бесславных, именитых или безвестных,
и да встретит он веру и верность навеки,
верность во всем и перед всеми,
и пусть ее не убудет, пока живы люди и твари земные.
Теперь мы равны и сговорены, и встретимся ли
на суше, или на стрежне, на струге или на снегу,
в соленых волнах или в седле,
у переправы или у пробоины в борте,
на гребной скамье или на палубе,
мы поможем друг другу в беде,
как сын отцу, или как отец сыну, во всем.
Протянем же в знак дружбы друг другу руку, и останемся друг другу
верны по воле Христа и по желанию всех, внимающих сейчас слову
сговора.
Тому милость Бога, кто будет верен, и гнев Бога тому, кто порвет с нашим
правым делом, и милость тому, кто верен.
Закончено наше слово, и да будем равны перед Богом»[92].

Примененное здесь мной расположение текста не случайно: мне хотелось подчеркнуть, оттенить каждый пункт этой замечательной клятвы, уникального пассажа саговой литературы и в то же время ритмизированный характер формул, возможно как-то связанный с сакральными смыслами.

Очевидно, что этот явно ритуальный текст клятвенного обещания и утверждения мира действительно очень сложен и объемен и выглядит весьма внушительно. Он содержит массу пунктов, охватывая все жизненное пространство скандинава: настоящее и будущее время, места привычного пребывания и привычные ситуации, родственные связи, включает обращение к высшим силам, наконец, угрозы и заклятие на случай нарушения «клятвы мира». К тому же, на мой взгляд, этот текст

[91] Напомню, что Нифльхейм или Нифльхель — приют мертвых, владения богини подземного царства Хель. Т.е. за нарушение «закона мира» человек присуждался к «волчьему закону», к «лишению мира» везде, где бы он ни находился, и мог спастись от преследований только в подземном мире.

[92] Там же. С. 101–102.

необыкновенно поэтичен, он красив и гармоничен стилистически. Клятва явно старого происхождения, поскольку в ней в числе мест мира упоминается капище, среди верующих — как христиане, так и язычники, а среди деревьев сосна, которой не было в Исландии, т.е. этот текст был выработан еще в Норвегии и раньше, чем произошло заселение Исландии. Но затем он был приспособлен к более поздним временам, когда христианство и церковь как место мира уже получили значительное распространение, во всяком случае в кругах, к которым, вероятно, относились Торгильс и его слушатели. Текст клятвы, как очевидно, состоит из аллитерированных формул обычного права. Его произносили, а скорее «выпевали» при заключении мировой или по окончании смуты в стране. То обстоятельство, что формулы клятвы как бы охватывают весь мир людей того времени и все их занятия, должно было сделать клятву обязательной для соблюдения во всех ситуациях[93]. Все это, вместе взятое, представляет *несомненный исторический интерес*[94].

Мировая по тяжбам заключалась обычно при помощи посредников и могла включать в себя, по соглашению сторон, обмен вирами. Когда после ужасной Надворной битвы в Исландии (1239) Снорри «объявил решение по всем тяжбам», которых набралось достаточно много, он также объявил и условия заключения мира: тот, кто совершил убийство, платит 10 сотен, кто нанес раны — по 5 сотен, кто швырял камни — по 2,5 сотни, кто пособничал убийцам на Поле Тинга — по 100 эйриров. Это решение (1240) распространилось на все округи, кроме той, где отказались заключать мировую[95]. Таким образом, мирный договор теперь включал *крупные штрафы, но не объявление «вне закона»*. Впрочем, виновного можно было приговорить к изгнанию из страны с правом возвращения через определенный, назначенный срок[96]. Процедура заключения мира завершалась пожатием рук (или «битьем по рукам»)[97].

Другой правовой институцией, связанной с миром, были *особые законы о мире*, которые распространялись на некоторых людей и определенные места и нарушение которых было чревато разными, но подчас очень жестокими наказаниями, вплоть до казни виновного без последующей уплаты виры. В законах о мире говорилось о неприкосновенности двора бонда (внутри ограды); защита мира дома и «огороженного места» была, как известно, древнегерманской традицией. Затем говорилось о неприкосновенности женщины, о безопасности таких публичных мест, как тинг, торжище, водопой, перекресток дорог, церковь и церковный двор, а также такого интимного места, как уборная. Уголовные преступления, совершаемые

[93] ИС II:1. С. 330, прим. 94. Кстати, аллитерированные тексты присутствуют и в ряде глав Старшего Вестгёталага, что наводит на мысль о том, что и они читались нараспев.

[94] Помимо многих формул всякого рода, процессуальных, символических и многих других, которые использовались по ходу судебного разбирательства, существовала еще одна — «законное подстрекательство», так и оставшаяся для меня неясной.

[95] Сага об исландцах. Гл. 145.

[96] Там же. Гл. 24.

[97] Там же. Гл. 39, 83.

там, — от ущерба для чести до вторжения, драки и убийства — впоследствии стали подлежать высшей юрисдикции, т.е. королевскому суду. К таким же тяжелым проступкам относились предательство в бою и предательство по отношению к вождю, конунгу, а также разного рода так называемые злодеяния (см. ниже).

Возвращаясь на Поле Тинга, приходится отметить, что там порой происходили не просто драки, но целые сражения и не всегда возможно было найти того, кто должен отвечать перед судом за осквернение «места мира». Но такие инциденты были все же редким явлением. Не случайно, например, сохранилось свидетельство о том, что в 1121 г. хёвдинг Хавлиди сын Маара попытался силой оружия помешать своему врагу попасть на альтинг, причем сага отмечает это обстоятельство особо.

Другое дело, что на тингах иногда разрешались *поединки* как метод решения спора, и в этом случае они были явными *предшественниками дуэли*. Так, Тормод на тинге убил отца Торгмира Тролля, ударив его секирой по голове. Он уверял, что мстил за страшное оскорбление, заключавшееся в сравнении его с кобылой, покрываемой жеребцом. Вся эта история обрамлена стихами скальда Тормода (который, будучи отпрыском видного рода, имел, между тем, на голове «смоль кудрей курчавых», что, как отмечалось выше, не одобряется ревнителями скандинавской красоты)[98]. Победитель поединка должен был принести в жертву богам быка[99]. Но обычно поединок происходил не внезапно, на него публично вызывали на том же Поле Тинга[100]. Можно вспомнить также пример с Эгилем, который на Гулатинге вместо суда с 12 поручителями предложил противнику поединок на тинге, «что было законным и обычным в прежние времена»[101] (см. также о поединке как способе решения дела в «Саге о Ньяле»[102]). Но было зазорно сражаться с человеком, который по старости или болезни не может самостоятельно сесть на коня («Сага о Фритьофе», гл. II).

Была и другая форма публичного поединка для решения спора, это так называемый «*поединок на острове*», который отличался более четкими условиями и правилами. Для поединка выбиралось ровное возвышенное место, островок или мыс, вдающийся в море, реку или озеро. Такое место иногда заранее утверждалось на тинге[103]. Выбор места для законного поединка был не случаен. Тот, кто терпел поражение и погибал, признавался виновным, и предписывалось хоронить преступника там, где «встречаются морская волна и зеленый дерн», т.е. на берегу моря.

Известно, что законоговоритель Скафти, который в 1004 г. учредил третейский (Пятый) суд, *отменил поединки как способ решения спорных дел*[104], но в народе этот

[98] ИС II:1. С. 523, 525, 527 и сл. Висы № 3, 23, 24.
[99] ИС I. С. 201.
[100] Там же. С. 50–51.
[101] Там же. С. 201.
[102] Там же. С. 484; см. о дуэли на тинге также: Там же. С. 50–51, 56.
[103] СОДВ. С. 176.
[104] ИС I. С. 761 и сл.

способ продолжал бытовать, так что даже суды еще выносили такие решения. Например, на тинге, где разбиралось дело о смерти Кьяртана, убийца был объявлен вне закона, причем одному из истцов разрешили осуществить *«кровную месть» немедленно*[105].

Поединок того времени можно рассматривать и как наследие «божьего суда» языческих времен (которые, собственно, еще не полностью и миновали), что в виде ордалий вошли и в средневековый мир. Но в эпоху викингов все еще применялись методы, которые несли на себе более явные следы языческого правосудия, — *«очистительные испытания»*, которые тогда, видимо, уже не считались вполне законными. Адам Бременский в общих чертах упоминает об этом, повествуя о капище[106]. В «Саге о людях из Лососьей Долины» об «очистительных испытаниях» говорится в связи с тяжбой на тинге из-за убийства Кьяртана. Там как раз сказано, что в отношении виновного необходимо обходиться вирой и положенным [по суду] наказанием, а не прибегать к незаконным кровавым мерам[107].

Обычно испытание производилось с помощью раскаленного железа. Перевязав сожженное место, обычно руку, через определенный срок осматривали, чтобы узнать, зажила ли она. Такой метод применялся при подозрениях в воровстве и колдовстве, претензиях на наследство и др., и он существовал в Норвегии еще в XIII в. Как известно, в 1215 г. папа своим постановлением запретил испытание железом. Однако еще в 1247 г. специальный папский указ, который доводил до Норвегии легат пап, кардинал Виллихельм Сабинский, запрещал применение в стране «божьего суда».

Но чуть не до XIV в. испытание железом и водой нет-нет да применялось в Скандинавии.

Применялись и *пытки*. Так, «Сага о Названых Братьях» повествует, что на Дымных Холмах в одну из зим вдруг начали совершаться крупные кражи: пропадали сокровища из ларцов, хотя их замки не были повреждены. Обыскали дома всех соседей, и оказалось, что вором был местный кузнец Веглаг, свободный работник Иллуги Черного сына Арни. Делая замки для ларцов и сундуков для всей округи, он оставлял себе дубликаты ключей. «Его вынудили сказать правду под пыткой», и он показал места, где прятал ворованное. Решили было его повесить, потом ему приказали уехать навсегда. Веглаг добрался до Шотландии «и сделался там знаменитым вором; в конце концов его там убили»[108].

В этом эпизоде главными действующими лицами, которые ведут расследование, являются соседи. И действительно, ведь именно они лучше всех знали о неблаговидных поступках и преступлениях, которые совершались в округе, являясь самыми важными свидетелями в таких случаях, так же как именно они раньше всех остальных привлекались к расследованиям, ведущимся на тинге.

[105] ИС I. С. 378.
[106] *Адам*. С. 105.
[107] ИС I. С. 285.
[108] ИС II:1. С. 156–157.

Любая тяжба, благополучно доведенная до конца на тинге любой степени, подытоживалась путем вынесения приговора, который объявлял один из судей, а в ландах и лёгах — лагман. И они же назначали наказание, если между сторонами не было какой-либо договоренности.

Наказания за преступления, антиличностные и антиобщественные поступки были разнообразными и назначались в соответствии с характером и размером правонарушения. Отчасти уже говорилось о вире, о «лишении мира», об изгнании и конфискации имущества. Правда, Адам Бременский пишет, что у данов, которые не считали возможным для своей чести «претерпеть побои», было всего два типа наказания: смертная казнь, которую полагалось встречать с веселым видом, и продажа в рабство[109]. Скорее всего, судя по контексту, он имеет в виду обычаи викингов. В англосаксонской Британии того времени порабощение за известные проступки было принято. Но в сагах с практикой продажи в рабство лица, виновного даже в самых тяжких преступлениях, мне сталкиваться не приходилось, как не приходилось встречать приговор к наказанию в виде побоев. Приговоры же к смертной казни, в том числе путем повешения, в сагах попадаются. А Адам Бременский (сх. 109) свидетельствует, что на площади (?) висит «общественная секира» (publica securis), напоминая людям о смертном приговоре, который выносился за тяжкие преступления (в данном случае, впрочем, речь идет, видимо, о городе). Кроме того, в сагах упоминаются в качестве наказания колодки, точнее, *колода*, в отверстия которой вставляли ноги осужденного[110].

Как и во всяком обычном праве, особенно в представлениях о правонарушении, наказание за которое не было утверждено публично в качестве закона, преобладают прецеденты, т.е. конкретные случаи проступков против личности, имущества и чести человека, прямых преступлений или нарушений принятого порядка в отношении как общества, так и отдельных людей. Среди этого обилия прецедентов в действующем устном праве нелегко уловить логические связи между преступлением и наказанием за него. Это тем более затруднительно, что, во-первых, дело часто решалось путем прямых переговоров между сторонами без вмешательства суда, хотя в той или иной мере опираясь на принятые нормы. Во-вторых, в решение дел неизменно вмешивался «человеческий фактор» в виде нажима со стороны более сильных, богатых, многочисленных участников суда.

Так, в «Саге о Греттире» (гл. XLVI, LI) рассказывается, что Греттир был в одностороннем порядке объявлен «вне закона», хотя законоговоритель Скафти требовал, чтобы были выслушаны обе стороны — и истец, и ответчик, тем более что Греттир в это время был в отъезде; а «рассказ одного, — как сказал Скафти, — только половина правды, ведь многие рады сгустить краски в сомнительном деле». Но Торир, чьих

[109] *Адам*. С. 83–84.

[110] КИ. С. 183.

сыновей сжег Греттир, «повел дело с таким напором», что выиграл его, как тогда говорили, «больше силой, чем законом». В результате Греттира объявили вне закона и лишенным мира по всей стране. Торир назначил, как это обычно бывает, награду за его голову. Уплата виры, которую Греттиру назначил тинг, была передана его ближайшим живым родичам. Вернувшись к концу лета, Греттир узнал о приговоре, а также скорбные вести о смерти отца и убийстве брата. У него остался лишь один близкий родич — младший брат, который был слишком юн для участия в тяжбе. Между тем от размера виры зависела жизнь Греттира: в саге говорится, что «если бы его вира была равна цене свободы», то тинг был бы вправе снять с него приговор о «лишении мира». Но какова была эта цена, остается неясным.

Исход дела во многом зависел и от умелого его ведения. Так, в «Саге о Ньяле» (гл. 66) герою удалось добиться оправдания убийцы, доказав, что убитые им собирались «грабить и убивать» его подзащитного.

Саги убеждают в том, что *законное судебное разбирательство в мире людей саги вовсе не преобладало* и на суд выносилось отнюдь не большинство непрерывных склок и разборок, да и те судились не всегда справедливо. Не обязательно подвергались судебному разбирательству словесные оскорбления. Например, считалось «срамной молвой» обвинять мужчину в женоподобии: говорить, что он «баба», «похож на бабу»[111]. Или смеяться над женщиной, предпочитающей принятую у мужчин манеру носить отдельные предметы одежды. Однако, как можно убедиться из материалов, посвященных супружеским отношениям, суду эти, как их называли, «*срамные* приметы» становились известными только в том случае, когда их можно было использовать, например, для развода. Большим оскорблением считалось обвинение кого-либо в мужеложстве, приравнивание отношений мужчины и женщины к отношениям между жеребцом и кобылой, дразнить человека тем, что он «отфыркивается, как кобыла»[112], и т.п.

В сагах, как уже упоминалось, можно обнаружить достаточно детальное описание увечий, особенно тех, которые считались смертными и требовали такого же воздаяния, как прямое убийство. Это в первую очередь рана мозга, а также другие, если они приводят к смерти пострадавшего. О такой ране по закону следовало объявить при пяти свидетелях непосредственно на месте ее нанесения и потом назвать всех свидетелей поименно[113]. Упоминается ранение до кости, которое вызвало сильное кровотечение, «рана внутренностей, которая оказалась смертельной» и мн. др.[114] А уж описание ранений, полученных во время массовых драк и сражений, которые редко рассматривались судом, заняло бы не одну страницу.

[111] ИС II:2. С. 44.
[112] КИ. С. 534.
[113] ИСИЭ. С. 380, 381.
[114] ИС I. С. 698 и др.

Месть без суда была делом совершенно обычным. Человек считался «убитым по законному праву», если вина его была доказана, а месть настигла непосредственно на месте преступления и немедленно после случившегося. Считалось нормальным убить того, кто словесно или, тем более, действиями обесчестил женщину, и эта позиция неоднократно фиксировалась в законах. Владелец усадьбы, двора мог «законно» предать смерти насильника, грабителя или убийцу, совершившего эти деяния в его усадьбе[115]. Видимо, было дозволенным убийство своих провинившихся рабов. Родители, прежде всего отец, могли обречь на гибель (велеть «вынести») своих новорожденных детей[116]. До известного времени не считалось серьезным преступлением убийство и ограбление чужестранца. Но надругательство над телом покойника, даже врага, считалось одним из тягчайших преступлений, которое, однако, совершалось сплошь и рядом: например, отрезанной и засоленной головой играли, как мячом (см. выше).

В эпоху викингов оскорбление, преступление, даже убийство все чаще и чаще оплачивались, точнее сказать, *«возмещались» вергельдом* — штрафом, вирой в виде денег или иных ценностей. Уже в поэме о Беовульфе вира за убийство называется «ценой крови», «оплатой крови», как и возмещение за гибель «своего» человека. Например, об уплате конунгом вергельда за своего дружинника сказано: «Цену крови… покрыл вождь золотом»[117].

Существовала определенная *шкала «цены крови»*, которая применялась к людям каждого состояния. Судя по «Саге о сыновьях Дроплауг», да и по другим сагам, вира за жизнь свободного человека обычно составляла 100 или 120 эйриров «бледного» (т.е. высококачественного, без примеси меди) серебра, или 4 эйриров сукна по 24 локтя в штуке, или 32 цены коровы. «Плавленое» смешанное с медью, «темное» серебро было вдвое дешевле «бледного»[118]. Но за убийство Торгейра суд присудил уплатить две сотни серебра (возможно, «темного»). Требование штрафа в 6 сотен «трехлокотного сукна» было большим (около 900 марок)[119]. Но фигурирует и штраф в 6 локтей домотканого, т.е. грубого сукна, что меньше половины цены коровы. В «Саге об исландцах» (гл. 21) «законная вира» (logrettr) за (неумышленное?) убийство, увечье, прелюбодеяние и «нарушение мира» определялась в 6 марок, или 48 эйриров, или 288 локтей сукна. Двойная вира составляла соответственно 576 локтей сукна. Это очень большая сумма. Один из объявленных «вне закона» на три года

[115] Там же. С. 18.

[116] Там же. С. 21–60.

[117] Беовульф. Ст. 157, 471, 1053.

[118] ИС II:1. С. 346, коммент. 31.

[119] ИСИЭ. С. 457. Не вполне ясно, что здесь имеется в виду, поскольку сукно такой ширины (метра в полтора или чуть больше) тогда вряд ли производилось. Возможно, что речь идет о шести сотнях штук или отрезов длиной 3 локтя каждый, т.е. о 1800 локтях сукна. В этом случае цена действительно будет большой, примерно девять сотен марок, хотя опять же неизвестно, о домотканом или привозном сукне идет речь. Первый вид сукна ценился много ниже.

за убийство в Островном Фьорде и в определенной области острова должен был уплатить виру в «200 сотен»[120].

При этом к штрафу присуждались не только за совершенные противоправные действия, но и за доказанный *умысел*, особенно *за попытку их* совершить. Суд принимал иск о попытке нападения; а за умысел против жизни персонажа, проявившийся в ходе ожесточенной драки, третейскими судьями был присужден огромный штраф: «60 сотен трехаршинных отрезов сукна и еще по 20 сотен в пользу тех, кто был ранен в побоище, а также по 3 сотни с каждого, кто туда ездил»[121].

Вира должна была уплачиваться в определенные сроки, обычно в течение *трех суток после завершения* тинга. Неуплата виры, как и любого долга, влекла за собой судебное разбирательство. Этот порядок четко прописан в областных законах.

Тем не менее в сагах сплошь и рядом говорится о том, что некоторые отчаянные, лихие, а также именитые люди с успехом уклонялись от уплаты виры. Торгейр, названый брат скальда Тормода, совершил множество убийств. В «Саге о Названых Братьях» (висы № 4, 5) говорится, что Торгейр убивал всех без разбору, и рассказывается, как однажды он убил встречного прохожего только потому, что патрон последнего был, как казалось убийце, его врагом[122]. Знаменитый Хёрд из «Саги о Хёрде и островитянах», погибший в 39 лет после того, как много лет был вне закона, вызывал у священника Стюрмира Мудрого даже восхищение, потому что в Исландии из-за него убили больше всего людей, не платя виры! Если платить штраф должны были обе стороны, то суммы штрафов «уравнивали», вычитая ущерб одной из сторон из большей виры другой стороны. Но если кто-нибудь не желал платить виру за убийство, его могли изгнать из страны. Некто Храп был убийцей и грабителем, известным как своими злодеяниями, так и тем, что никогда не платил виру. В конце концов ему пришлось уехать из страны. Его мать (родом с Гебридских островов) со слезами молила норвежского конунга о снисхождении, на что тот ответил, что не допустит, чтобы этот человек и впредь отнимал у него людей или имущество, притеснял бондов и совершал над ними насилия[123].

Была особая серия *неискупаемых преступлений*, которые нельзя было оплатить штрафом и подвести под помилование. Они перечисляются в Старшем Вестгёталанге, но данный запрет существовал и много раньше, фигурирует он также в сагах. К таким действиям относились, например, некоторые, отягощенные особой жестокостью преступления против чужой собственности, — если кто-либо зарежет чужую скотину, да еще сделает это так, как волк, так что у животных вывалятся внутренности; такой потрошитель скота презрительно назывался «*горваргер*» (от «гор» — внутренности и «варг» — волк). Особым преступлением считалось

[120] Сага об исландцах. Гл. 29. С. 97.

[121] Там же. Гл. 57, 62. С. 144, 152. О ценах и мерах в Скандинавии эпохи викингов см. Приложение.

[122] ИС II:1. С. 491.

[123] КЗ. С. 266–267.

оскорбление чести побежденного, насилие над личностью, совершенное пиратами, нарушение мира (тинга, церкви, дома бонда, женщины и т.д.). За неискупаемые преступления полагалось «лишение мира». Много позднее, в добавлении к Младшему Вестгёталагу (Add. 7), понятие не искупаемого штрафом преступления заменяется другим понятие — нарушение «*клятвенного мира [или права] короля*», и наказание за него существенно смягчается, так что теперь такое преступление может быть прощено, если стороны примирятся, а виновный уплатит штраф 40 марок; это была, разумеется, огромная сумма, но все же не потеря жизни.

Лишение мира, как и объявление виновного «вне закона», с введением христианства стало включать и так называемое «*лишение святости*», т.е. невиновности, *неповинности*, что окончательно выводило человека из-под покровительства закона, лишало его правовой субъектности. Такой приговор был самым тяжелым (за исключением смертной казни), он иногда предусматривал, как говорилось, изгнание из страны. Древнеанглийская песнь «Деор» говорит о том же: «Горе изгою»[124]. В этом случае, если сторонникам не удавалось вывезти осужденного тайком, он был обречен все время скрываться и в конце концов находил свою смерть, причем убийца не нес никакого наказания. Иногда такому изгою помогала скрываться женщина, устраивая подземелье с двумя выходами: к ее дому и к реке[125]. Гисли сын Торбьёрна Кислого, из саги о нем, которая считается одной из самых драматичных среди родовых саг, скрывался в одиночку 16 лет (962–978)[126]. Согласно более мягкому варианту, человеку, объявленному вне закона, назначалось *пожизненное изгнание из страны*[127].

Изгнание могло распространяться только на правовой округ, на четверть, ланд, на всю страну; длиться три года[128] или быть пожизненным (последнее, однако, встречалось все реже); сопровождаться конфискацией всего имущества, его части (например, движимости) или назначаться без конфискации имущества; с уплатой виры или без таковой; с правом реабилитации после изгнания или без оного и т.д. Согласно судебнику «Серый гусь», объявление вне закона влекло за собой утрату всей собственности и общественного статуса, а главное — полную беззащитность личности приговоренного, поскольку любой прохожий мог его безнаказанно убить. Определенная часть его имущества отходила к истцу.

Изъятие имущества осужденного производилось при свидетелях и в соответствии с особой процедурой[129]. Судя по сагам, конфискация имущества должна была совершаться на 14-й день после завершения тинга, по месту жительства осужденного.

[124] Древнеанглийская поэзия. С. 12.

[125] Сага об исландцах. Гл. 201. С. 81

[126] Сага о Гисли. Гл. XXIII.

[127] ИС I. С. 150.

[128] Так, Греттир за убийство человека был на тинге присужден к положению «вне закона» на три года и уплате виры. См.: Сага о Греттире. Гл. XVII.

[129] ИС II:2. С. 309–310, коммент. 134.

Как мы уже видели (в части о маргиналах саги), изъятие имущества подчас превращалось в его разграбление толпой. А вот Снорри, например, не стал забирать имущество своего врага Гисли сына Маркуса, даже не ездил на его хутор, опасаясь отпора и последующей мести со стороны его родичей.

Менее тяжелым был приговор к отъезду на три года, с конфискацией имущества или без него, но главное — при сохранении осужденным права перемещаться по стране и получать помощь[130]. За приговоренного к такому изгнанию Эгиля предлагал виру и поручительство его друг Торир, но конунг хотя виру и взял, но меру наказания Эгилю не изменил («Сага об Эгиле», гл. XLV); Эгиль ответил на это стихами[131]. Уехать надлежало в течение ближайшего полугода после приговора. Но если приговоренный не мог отбыть в этот срок из-за погоды (например, с конца осени по начало весны, когда судоходство прекращалось), задержка ему в вину не ставилась. По окончании трех лет, если изгнанник желал вернуться на родину, он должен был пройти судебную процедуру *«откупа» или «возвращения»*. Нередко приговор о трехгодичном изгнании сопровождался требованием не конфискации имущества, а только виры.

«Сага о сыновьях Дроплауг» дает четкое представление о различии между объявлением вне закона и присуждением к изгнанию. Быть объявленным вне закона означало полное поражение в гражданских правах, причем выезд за границу страны не разрешался, и уехать можно было только нелегально. Изгнание же, прежде всего трехгодичное, предполагало право возвращения домой по истечении указанного судом срока, с возможностью восстановления на тинге во всех гражданских правах, правда, при условии уплаты некоей суммы денег.

Во всех этих приговорах существовала масса оговорок. Так, если обвиненный вносил одну марку, его могли изгнать не навсегда, а на три года, т.е. ему дозволялось купить себе неизмеримо меньшее наказание. Два трехгодичных изгнания приравнивались к приговору «вне закона»[132]. Приговор «вне закона» мог распространяться на определенную территорию, составлявшую данный судебный округ, в границах которого ответчик не мог проживать и по которому не имел права перемещаться. Исключением из этого правила была ситуация, при которой объявленный «вне закона» попадал на запретную для него территорию не по своей вине, например, был выброшен волной, застигнут и сбит с дороги бурей и т.п. Встречается курьезный случай, когда некто пытается объявить вне закона покойника (Бьёрна)[133], — думается, скорее всего, из соображений материальной выгоды. Если человека изгоняли из страны, то суд мог ограничить объем вывозимого им имущества.

Особое место среди тяжких преступлений занимали беззакония, которые называли *злодеяниями* и *«позорными» преступлениями*. О них подробно говорит

[130] Сага о Гуннаре. С. 281–282, прим. 20.

[131] ИС I. С. 177–178.

[132] Там же. С. 339.

[133] ИС II:1. С. 373, прим. 41.

Старший извод Вестгёталага[134], но они неоднократно упоминаются и в сагах. Это «нидинг» (niding, nidinsverk) — низкий, бесчестный, «постыдный» поступок, «злое дело», «подлое убийство», совершение которого не могло быть искуплено вирой. Отчасти — в другой связи — об этом уже говорилось выше. К числу не искупаемых вирой преступлений относились убийство спящих людей ночью[135]; убийство в священном месте[136] и в общественном «месте мира» (на тинге, в церкви, в бане и кабаке, в отхожем месте и др.); убийство старика[137]; убийство обманным образом[138]; сожжение корабельных сараев, особенно вместе с зимующими там кораблями[139]; убийство «господина своей страны»; «морской разбой» на своей территории; убийство после примирения или в качестве мести за вынесенный приговор. Низким делом была продажа в рабство доверенного на воспитание ребенка, как и намеренное убийство ребенка вообще. Тяжелым преступлением, как уже говорилось, было надругательство над мертвецом: обвинение такого рода давало основу для возбуждения судебной тяжбы против виновного (хотя я не помню, чтобы мне в сагах попадалось подобное дело). Гнусным, низким делом считалась расправа с человеком, пусть и в порядке мести, которую подчас применяли викинги: разрезав ему спину, выгибали ребра, как крылья, — делали «кровавого орла».

За такие преступления, как «злодеяния», были только две возможные кары: объявление по суду «вне закона» с конфискацией имущества и изгнанием или оплата кровью, т.е. убийство виновного без суда и без попытки к нему прибегнуть. Имя того, кто совершил «позорное преступление», нередко вырезали на «столбе позора» (nidingsstangr), увенчанном лошадиной головой и воздвигаемом на видном месте.

Вот один из случаев «злодейского поступка», подробно описанный в саге. Во время сражения двух групп молодежи, имевшего характер соревнования (молодые люди как бы мерились силами «стенка на стенку»), среди первых бойцов были названые братья Флоди и Торольв сын Эрлинга. Они всегда дрались вдвоем, спиной к спине, так что победить их было трудно. Но один из противников, «хвастливый юнец», который хотел покрасоваться и стать вожаком в своей партии, победил непобедимых бойцов, ударив Торольва в висок камнем, зажатым в правой руке и прикрытым рукавицей. Торольв умер мгновенно. По законам страны за такое преднамеренное и злодейское убийство полагалось лишение мира и вечное изгнание. Юнец пытался доказать, что у него не было ни умысла, ни камня, что такой случай вполне возможен в кулачном бою, и потребовал созвать тинг округи.

[134] См., например: ÄVgL. B. 9, 10 o. a. («Om ordbotamal» и др.).
[135] ИС I. С. 188, 594. Ср.: Сага о Ньяле. Гл. LXXXIX.
[136] ИС I. С. 149, 150.
[137] СОДВ. С. 57 и сл.
[138] ИС I. С. 56.
[139] Сага о Магнусе Слепом и Харальде Гилли. Гл. XXX.

Тинг собрался на традиционном месте, на поляне, где для такого случая всегда лежали большие сосновые бревна, на которых мужчины и расселись. Нашлись свидетели, которые видели в руке у ответчика камень, и, таким образом, его вина в предумышленном и подлом убийстве была доказана. До рассвета он должен был покинуть Норвегию, а его родичей обязали выдать вергельд пострадавшей семье. Поскольку Торольв сын Эрлинга был знатный человек, за него был положен и большой «выкуп крови». Отец убитого получал от отца убийцы «гривну головы»[140]; брат убитого от брата убийцы получал «гривну брата», а двоюродный брат со стороны отца получал от такого же родича убийцы «гривну двоюродного брата». Вместе получался чуть не килограмм серебра. Правда, вместо серебра можно было отдать добротный корабль, отделанный золотом или серебром меч или другое дорогое оружие и т.д. Но все это были суммы, которые семье убийцы, сына простого бонда, вряд ли были под силу, так что семья была разорена.

Этот эпизод интересен рядом конкретных сведений: о вирах за «злодеяние», например, о том, что размер виры зависел от общественного положения тяжущихся, а также о первых получателях и плательщиках виры при убийстве.

С другой стороны, можно было «убить без правовых последствий», т.е. не понеся наказания, как бы законно. Это происходило в том случае, если убивали человека, застигнутого на месте преступления или объявленного вне закона[141], о чем говорилось выше.

Нередко в сагах, прежде всего родовых, говорится об *убийстве раба или рабов*. Это еще одно прямое свидетельство того большого места, которое занимали в том обществе рабы. Уже упоминалось и о том, что господа нередко принуждали своих рабов к бесчестным поступкам, даже к прямым преступлениям, обещая за это свободу. Так, когда богатый и именитый Торольв ополчился на соседа, достойного бонда Ульвара (см. выше), он подбил шестерых рабов сжечь бонда в собственном доме. Сын Торольва перехватил этих рабов и повесил их. Торольв обратился за помощью к многоопытному Снорри Годи, чтобы сыну не пришлось платить общине виру за убийство рабов. Снорри Годи взялся за это дело, потребовав в уплату за ведение дела землю с лесом, очень ему нужным. Дело он выиграл, поскольку доказал, что рабы были убиты не на месте предполагаемого преступления, а совсем в другом месте[142].

В «Саге о Ньяле» (гл. XXXVI) за убийство работника-раба виновного присудили к вире в 12 эйриров серебра. Однажды герой известной саги Гуннлауг Змеиный Язык остановился у знакомого богатого бонда, пастух которого без спроса взял его верховую лошадь и вернул ее всю в мыле. Гуннлауг за это ударил парня так, что тот упал без памяти и умер. Хозяин-бонд взял за него только 1 марку серебра, что было

[140] Гривна — слиток серебра весом примерно в балтийский фунт, т.е около 300 г.

[141] ИС II:1. С. 21.

[142] ИС II:2. С. 67.

очень маленькой, чисто условной суммой; можно предположить, что в данном случае хорошие отношения со знатным соседом были этому бонду дороже виры. Существовало правило, что убивший чужого раба должен доставить его владельцу виру в размере 12 эйриров серебра до третьего захода солнца, разумеется, в присутствии свидетелей. В этом случае тяжба не возбуждалась.

Необходимо также отметить, что у скандинавов этого времени возбуждался серьезный иск и за *ложное обвинение*[143].

«Нож сказал»: кровная месть

По ходу всего изложенного выше то и дело мелькали упоминания о сведении счетов вне суда, без законного судебного разбирательства. Закон, как уже говорилось, предполагал вполне возможным такое примирение сторон, например за счет своевременной и в должном объеме уплаты виры. Но среди внесудебных форм разрешения конфликтов была и старинная, *традиционная кровная месть*. Интересно, что она нередко становилась следствием судебной тяжбы, решенной, по мнению одной из сторон, неверно. Так, Эгиль после суда все же убил зловредного Анунда[144]. Один из персонажей принял решение судиться из-за убийства его тестя, а когда тяжбу отвели, убил того, кто отвел тяжбу[145].

Обозначение поступков, подвигов, выяснения отношений и защиты чести как «*слов оружия*» было в Скандинавии в течение VIII–XIII столетий *культурно значимым мотивом*[146]. Это великолепно иллюстрируют и саги, и эпическая поэзия, и поэзия скальдов. «Кровью взыскать с виновного» (поэма «Беовульф», ст. 1276) было долгом, невыполнение которого наносило ущерб чести и законного мстителя, и всего его рода. «Мстить за друзей, а не плакать бесплодно», — учит поэма (с. 1384 и сл.). И не без умысла замечает: «…однако Онела / за смерть племянника не мстил убийце» (ст. 2613), делая намек либо на ослабление родовых уз, либо на нерешительность дяди убитого. Конечно, бывали случаи, когда месть оказывалась невозможной. Например, в той же поэме «Беовульф» повествуется о том, как однажды человек по неосторожности, без всякого злого умысла стрелой убил своего брата. Отец не мог воздать невольному убийце, родному сыну, и убитый остался неотмщенным (ст. 2430–2440).

Не только решительность и бесстрашие в битвах, но и кровная месть за обиду, оскорбление, попрание достоинства, немотивированное ранение и, разумеется, убийство было *делом чести для скандинава.* И не случайно в сагах, где часто описывается догосударственное общество, это дело чести свершалось неукоснительно.

[143] ИС II:1. С. 373.

[144] ИС I. С. 145. См. также вису № 14.

[145] ИС II:2. С. 111.

[146] ИС II:1. С. 517, коммент. 46.

Выполнение его брали на себя дети, братья и шурины, отцы, дяди, близкие друзья, сотоварищи убитого[147]. Когда Ньяля в ходе распри враги сожгли вместе с женой и ребенком в его собственном доме (ок. 1000), это привело к кровопролитнейшим столкновениям сторон на альтинге и кончилось отмщением[148]. За подобное преступление в «Саге о Гисли» отомстили тем, что сожгли поджигателей в их собственном доме[149].

Скальд из окружения Снорри в висе (№ 27) порицает некое лицо за то, что тот удовольствовался вирой вместо того, чтобы мстить за свои раны: «Огрести за рану / Виру муж решился»[150]. В «Саге об исландцах» (гл. 144) Иллуги сын Торванда, единственный, кто остался в живых из мужчин семьи, отмстил убийством за злодейское сожжение его отца, и все присутствующие сочли это деяние законным. Однако Орэкья, известный интриган, обманом выманил Иллуги «на беседу» и предательски убил его. Мстить за Иллуги уже было некому.

Недавно найденная в Лунде надпись, вырезанная младшими рунами на рукоятке ножа, датируемая первой половиной XI столетия, свидетельствует о выполненной мести: «нож сказал» (knif melti)[151]. В балладах фигурирует «меч-мститель»[152], в них дочери мстят за отца, юноша — за похищение его невесты и т.д.[153] Когда Торир, который жил у Судоходной реки, убил дружинника, друг последнего Торгейр убил Торира. А когда сын херсира Торкеля Ари был убит мечом Серый клинок, Гисли, другой сын херсира, убил убийцу этим же клинком, отомстил за брата, заодно забрал имущество убитого. Потом он погиб сам, так что третьему брату досталось большое богатство[154].

Скромный и молчаливый юноша 17 лет от роду, тоже по имени Гисли, решил отомстить убийце отца или погибнуть. Убийца — королевский дружинник Гьявлан — был в большом почете у конунга и проводил с ним эту зиму в Нидаросе. Гисли тяжело ранил кровника, за что его в оковах бросили в подземелье. Но кровник-христианин перед смертью простил Гисли. Когда тот рассказал это все конунгу, то не только получил его прощение, но стал королевским дружинником вместо Гьявлана[155]. Эти события, описанные в «Саге о Гисли сыне Иллуги», относятся к концу XI — началу XII в.

Только в судебнике Магнуса Лагабётера (Исправителя Законов, 1271) в Норвегии отменялась кровная месть и утверждалось обязательное законное правосудие;

147 См. хотя бы: ИС I. С. 14, 103, 131, 133 и т.д.

148 Там же. С. 635 и сл.

149 КИ. С. 284.

150 Сага об исландцах. Гл. 59. С. 148.

151 ИС II:2. С. 517, прим. 46.

152 Баллада. С. 124.

153 Там же. С. 124, 127, 132, 140 и др.

154 КИ. С. 281–282.

155 Там же. С. 540 и сл.

что характерно, вместе с королем этот закон был принят «учеными мужами страны, лагманами, архиепископом и клиром». Уже с конца эпохи викингов, судя по сагам, кровная месть стала постепенно, медленно заменяться вирой. Во всяком случае, это заметно в отношении древнего правила, согласно которому преступника можно было безнаказанно убить на месте преступления. Теперь вместо этого все чаще предпочитали взять виру.

Нет сомнения, что в условиях отсутствия или слабости государства и его карательных органов, действенной судебно-исполнительной власти, при нередкой коррумпированности судов, самовластии правителей и знати, их вмешательства в судопроизводство и решения судов кровная месть была достаточно *действенным методом восстановления справедливости* и *выполнения долга* — при всех отклонениях, перегибах и половодье страстей. Неустоявшееся, полное недомолвок и двойных чтений право, смесь старых и новых норм, отсутствие упорядоченной исполнительной власти естественно восполнялись традиционными народными методами, основанными на господстве силы не меньше, чем на представлениях о справедливости и праве.

Некоторые итоги

Несомненно, что сохранение института народного собрания-тинга играло очень важную роль в скандинавском обществе эпохи викингов. Тинг, прежде всего главный и, в значительной мере, областной, был органом многофункциональным: законодательным, исполнительным и судебным. На нем решались важные политические вопросы, связанные с выборами короля, с войной и миром. Тинг играл очень значительную роль в религиозной, идеологической сфере. Он решал фискальные вопросы, связанные с материальными обязательствами народа. Все перечисленные здесь функции прослежены в предыдущих частях. Данная часть посвящена лишь судебным деяниям тинга — кстати, наиболее долго за ним сохранявшимся. И здесь тинг предстает не только как судебный орган, но и как *орган правотворчества*. Несомненно, что при обилии форм разрушения и распада, трудности усвоения новшеств, в условиях непрерывных междоусобиц и только складывающегося государства *тинг был органом социализации*, сохранения единства общества в целом.

Вместе с тем материалы, посвященные тингу, показывают еще раз, теперь уже с новой стороны, ту огромную, трудно поддающуюся переоценке роль, которую в изучаемом обществе играли *личные связи*, контакты и противостояния, авторитет, влияние и власть отдельных личностей, короче, вся эта масса неформальных каналов социализации, которые также способствовали единению. В то же время неурядицы, возникавшие на общих собраниях, являлись следствием тех же личностных отношений, в том числе силового воздействия на суд. Не случайно и то, что реальная судебная практика, правосудие того времени, широко представленные

в судебных эпизодах саг, в ряде важных случаев существенно отклонялись от провозглашаемой нормы.

Наконец, традиционность тинга как органа суда и, шире, тогдашнего правопорядка вообще выражается также в той роли, которую играли родичи при уплате и получении виры, а также при реализации кровной мести и других внесудебных правовых актов и личностных взаимоотношений.

Материалы о тинге как судебном органе эпохи саг подтверждают консервативность менталитета скандинавского общества того времени, что находило выражение во взаимоотношениях людей, в их проступках, преступлениях и наказаниях за них, в ссылках на авторитет «старины», в заметной роли не только устного обычного права, но и местных обычаев. Влияние римского права на правовую и, в частности, судебную сферу общества саг почти не просматривается, о нем можно предположительно судить только на основании более поздних материалов, например областных и государственных законов. Но при все увеличивающейся правовой роли высшей власти позиции бондов в области установления и отправления правовых норм пока еще очень значительны.

Главная особенность правосудия у скандинавов эпохи викингов — его во многом сохраняющаяся *демократичность*. При всем значительном влиянии элиты и властей, при всем их силовом давлении на судебные процессы и решения сохраняется публичность слушаний и допускается выражение мнений присутствующих. Судебное разбирательство ведется с привлечением свидетелей, соприсяжников и присяжных, третейского суда, лиц, уполномоченных вести тяжбу (прообраз будущих присяжных поверенных) в условиях прения сторон.

Еще одна особенность правосудия у скандинавов того времени — это сохранение в нем ряда *сакральных форм*: широкое применение клятвы, допущение «божьего суда», ордалий, поединка и кровной мести; попадаются и сведения о пытках. Нельзя не увидеть в этих феноменах проявления язычества и наследие распорядков родового строя. Многие *методы наказания также традиционны*: наряду со штрафом за особо тяжкие преступления довольно обыденным было объявление преступника «вне закона» или «лишенным мира», изгнание из общества, причем эти меры нередко совмещаются. Широкое распространение имеет *кровная месть*, особенно как отмщение за убийство, не наказуемое вирой, а также за оскорбление.

Таким образом, наказание по *публичному судебному решению* и *внесудебное разрешение конфликта, в том числе кровная месть* — вот основные способы наказания за проступки и преступления, которые господствуют в сагах, как отражение обычаев эпохи викингов в Скандинавии.

Эпоха викингов выступает как *время активного правотворчества*, формирования правовых установлений. По материалам этой эпохи, а затем сохранившимся от времени сразу же после нее можно проследить, *как складывались законы*. Сначала они существуют в виде *отдельных обычаев*, которые затем по решению лагмана,

подтвержденному мнением тинга, включаются в *обычное право* как его *законы*; лишь на его основе в дальнейшем, уже во время и после завершения этой эпохи и как один из ее результатов происходила *запись обычного права* с известными добавлениями и изменениями.

На всех этапах правотворчества, включая реплики и приговоры конкретных судебных дел, неизменно присутствуют отсылки к *обычаям предков*, решениям «мудрых людей древности» и *понятиям справедливости. Само понимание «права», как и «прав», восходит к требованию справедливости, которая в этом обществе является аналогом понятия законности.*

Исследователи знают, что важно не только то, о чем свидетельствует источник, но и то, о чем он умалчивает. Если говорить об описании тинга в сагах, то бросается в глаза почти полное отсутствие в связи с ним упоминаний о женщинах. Материалы, связанные с народным собранием, еще раз подтверждают, что общество викингов было маскулинным. Все действующие на тингах люди — мужчины. Женщины в этом обществе мужчины проходят тенями, хотя их важная роль в возникновении и решении не только конфликтов, но и политических, религиозных и вообще всех жизненных вопросов вполне выясняется на основании саг. Там, где речь идет о тинге, женщина со страниц саг вообще почти исчезает. Впрочем, могло ли быть иначе в обществе «мужских игр», где все решалось не только силой ума, но, пожалуй, в большей степени силой мышц и оружия?

Часть 8

СКАЛЬДЫ-ПЕСНОПЕВЦЫ И КУРТУАЗНАЯ ПОЭЗИЯ ВИКИНГОВ

Во многих сагах в той или иной связи говорится о поэтах-скальдах. Скальдами называли не всех людей, способных сочинить несколько стихотворных строк, но лишь авторов особенных поэтических произведений, со строгим порядком строк в строфе и слогов в каждой строке, с разнообразием размеров, с особым языком и рядом других важных свойств, характерных для этого жанра. От наименования «скальд» получил свое название особенный, неповторимый поэтический жанр скандинавского Севера — «скальдический». Он вполне сложился в Скандинавии уже к первой половине IX в. Значение стихов и доверие к ним в обществе викингов было столь велико, что висы одного из скальдов, Халльфреда сына Отара, легли в основу «Саги о Халльфреде», и этот случай — опираться на висы при составлении саги — совсем не единственный. Кроме того, стихи щедро цитируются в сагах. Например, в «Саге о людях с Песчаного Берега» помещено 37 вис. Некоторые саги целиком посвящены тому или иному знаменитому поэту своего времени.

Современники с видимым уважением относятся и к стихам, и к скальдам, которые, судя по всему, являются для них людьми особого сорта. Как ясно из части 6, скальды входили в дружину, в тесный круг королевского двора. Поэтому данная часть в известной мере примыкает к последним очеркам части 6, расширяя наше представление о составе и жизни королевского окружения. В то же время скальды — это особая тема, тема не только придворной, куртуазной, но и общей культуры, менталитета скандинавов в эпоху викингов. В настоящей книге данная тема, очень обширная и требующая ряда специальных, особых знаний, раскрывается в той мере, в какой это допускают саги, произведения самих скальдов и замысел книги.

СКАЛЬДИЧЕСКИЕ СТИХИ И ИХ ТВОРЦЫ

Искусство стихосложения

Сочинение стихов у древних скандинавов входило в число тех восьми–десяти «ремесел», или «умений» и искусств», которыми должен был владеть знатный человек и вообще уважаемый муж[1]. В их числе — владение мечом и другим оружием, езда верхом, плавание, гребля, игра на арфе, умение играть в шашки и другие «настольные игры». Искусство слагать стихи рассматривалось как вершина образованности. Викинг и поэт, король Харальд Суровый в одном из своих стихотворений писал, что он владеет восемью умениями, в том числе слагает стихи. Стихи слагали многие грамотные люди, пару рифмованных фраз нередко импровизировали вполне простые мужчины и женщины. Но скальдический стих — это особый жанр, владение которым было доступно немногим избранным. О высоком достоинстве умения сочинять такие стихи, о самой поэзии скальдов, которая является «дивным даром», «брагой Одина» и «медом поэзии», немало говорится в сагах и стихах[2].

Скальдическая поэзия развила и дополнила традиционные эддические формы германской поэзии как с помощью заимствования некоторых западноевропейских образцов, так и путем самобытного развития. В абсолютном большинстве скальдами были люди, которые принимали участие в походах викингов и вообще несли военную службу. Самые поздние произведения таких авторов восходят к XIV столетию.

Особенность стихотворчества древних скандинавов заключается в том, что еще в дописьменную эпоху они наряду с эпической поэзией и анонимными сказаниями создали поэзию *авторскую*, которая предполагает не только индивидуальное творчество, но и буквальное воспроизведение стихотворного текста[3]. Эти свойства скальдической поэзии предопределили сохранение имен скальдов и многих их стихов, а также возможность атрибуции тех произведений, имена авторов которых не сохранились.

Поскольку скальды обладали «дивным даром Одина», правители их приветливо встречали, приглашали в свои дружины, щедро одаривали, сажали на почетные места за пиршественным столом. А ведь скальды не просто развлекали гостей

[1] ИС II:1. С. 339, прим.

[2] ИС I. С. 23, 232 и мн. др. В отличие от стихов настоящего скальда, обладателя «меда Одина», «дивного дара», простые немудреные стихи в интеллектуальной среде, как уже отмечалось, именовались «калом Одина».

[3] Heusler, 1942; Turville-Petre, 1953; Simek, 1984; Стеблин-Каменский, 2003; Смирницкая, 1994; Циммерлинг, 1997, 2004 и др.

во время пира. Слава, которую они создавали конунгам и ярлам в своих хвалебных песнях — ярких, причудливых, складных, была более прочной, чем та, что была запечатлена в сагах, поскольку слова в сагах намного легче поменять, чем в прочно «сбитом» стихе умелого скальда. Не случайно великий Снорри, историк, писатель и поэт первой половины XIII в., во введении к своему «Кругу Земному» заметил по поводу скальдов и их произведений: «То, что говорится в этих песнях, исполнявшихся перед самими правителями или их сыновьями, мы признаем за вполне достоверные свидетельства. Мы признаем за правду все, что говорится в этих песнях об их походах или битвах. Ибо, хотя у скальдов в обычае всего больше хвалить того правителя, перед лицом которого они находятся, ни один скальд не решился бы приписать ему такие деяния, о которых все, кто слушает, да и сам правитель знают, что это явная ложь и небылица. Это было бы насмешкой, а не хвалой». И добавляет ниже: «А песни скальдов, как мне кажется, всегда меньше искажены, если они правильно сложены и разумно истолкованы»[4].

Особенности скальдической поэзии как жанра: форма, стиль, темы

Скальды знали и могли исполнять эддические песни, с характерным для них относительно простым языком, диалогами и монологами, с мифологическим обрамлением и метафорами. Но скальдическая поэзия имела очень важную особенность, придающую большое своеобразие стиху, которая заключалась в формах словесной выразительности и стиле построения. В стихе скальда наличествует множество *кеннингов*-иносказаний, *переплетение* строк и предложений, сложные *метафоры*, частые *аллитерации*. Все это придает стиху особую выразительность, но и затрудняет его понимание.

Скальд как бы старается скрыть смысл сказанного, дабы его приходилось отгадывать. Это наследие древней, языческой веры в магическую силу произнесенного слова и в силу того, кто это слово произносит, кто может выразить свою мысль в стихотворной форме, почти в формуле. Поэтому *сложная форма* скальдического стиха, включение в него многих условных обозначений и многослойных метафор, имен языческих богов и животных-*символов* отнюдь не случайны. Усложненная стихотворная форма делает произведение опытного и талантливого скальда своего рода шарадой, доступной отнюдь не простецам, но людям из определенного круга, подготовленным, владеющим суммой тогдашних знаний и представлений, в том числе языческой мифологией, а также культурой изысканной, метафористичной речи.

Представление о том, что скальдический стих имеет магические свойства, может служить *заклинанием*, подкреплялось тем, что признанные скальды хорошо

[4] КЗ. С. 9–10.

знали «Старшую Эдду», владели руническим письмом и канонами *магии*, которая ему приписывалась. Не случайно некоторые авторы рунических надписей называют себя скальдами, а в самих надписях встречаются отсылки к скальдическим стихам. Не случайно и то, что в «Старшей Эдде» термины «руны» и «искусство скальда» подчас служат *синонимами*.

О том, например, что так называемой рунической магией в совершенстве владел великий поэт Эгиль сын Грима Лысого, в сагах говорится неоднократно. Выше уже приводился эпизод, когда Эгиль при помощи этого знания вылечил больную девушку. В «Саге об Эгиле» приводился и другой случай, когда Эгиль спас собственную жизнь. Однажды, когда он был на пире, ему поднесли рог с брагой, куда был подмешан яд. Рассказывается, что Эгиль принял рог, вырезал на нем руны, а себя ранил ножом в ладонь, после чего окрасил руны своей кровью; в результате рог разлетелся на куски. Еще один эпизод его жизни был связан с враждой к нему конунга Эйрика Кровавая Секира, объявившего поэта вне закона. Эгиль тогда высадился на одном прибрежном норвежском островке, где воткнул в землю жердь и водрузил на нее череп лошади, на котором вырезал рунами заклинания, прося духов изгнать из Норвегии Эйрика и его мстительную жену Гуннхильд. Заклинание помогло: как известно, Эйрик вскоре отбыл в Англию, где стал управлять Нортумбрией в качестве ленника английского короля Этельстана.

Сложность скальдического стиха и его магическая репутация не позволяли пересказывать стих произвольно, «редактировать» его, как это можно было сделать, например, с сагой, поскольку привнесенное сразу же вступало в противоречие с музыкой стиха, с авторской манерой его создателя и, чего также опасались, с заложенной в него некой формулой, которую надо было правильно понять. Это, как мы знаем, отмечал еще Снорри. Поэтому дошедшие до нас скальдические стихи, вероятнее всего, сохранили свою первозданность. Даже хвалебные стихи, поскольку они произносились в присутствии героя или вскоре после его гибели, при родичах и сподвижниках павшего, обладают, при всем пафосе и цветистости, значительной исторической достоверностью. В них отразились многие реальные эпизоды, имена и события, уже порядком перепутанные и подзабытые либо самими авторами фольклорной основы саги, либо позднейшими составителями их текстов.

Наряду с множеством мифологических имен и ссылок на деяния и свойства богов, с описаниями битв и их участников в скальдических стихах встречаются и бытовые элементы: описания оружия, одежды, методов боя, отношений между дружиной и ее вождем (конунгом или ярлом), споров между соседями, любовных отношений, оценка положения скальда при дворе патрона и в обществе. Там упомянута масса имен, названий племен и народов, наименований морей и рек, местностей, островов, долин и скал. Короче, скальдические стихи — это кладезь для исторического изучения и познания, а их творцы, по их собственному (и вполне справедливому) суждению, достойны «славы вековечной».

Скальды могли слагать стихи о прошлом, если это было нужно правителю или слушателям. Но основная особенность их содержания заключалась в его актуальности, часто даже «сиюминутности». Главные мотивы стихов — *героические*, в них более и чаще всего описываются сражения, воспеваются славные битвы и победы, храбрость могущественных королей, воинские подвиги, иногда (редко) излагаются легенды[5]. К героическим относятся и многие *хвалебные* стихи, где восхваляется воинская доблесть и щедрость правителей и других заметных людей. Именно восхваление является главным мотивом героической драпы, посвященной присутствующему или отсутствующему, но хорошо известному герою. К героическим относятся также многие *поминальные* стихи, где та же хвала обращена к персонажам, которые погибли. Своеобразным подвидом хвалебного стиха являются висы, посвященные оружию, прежде всего «*щитовая драпа*», в которой воин, получивший в подарок щит, стихами, сочиненными самостоятельно или с помощью скальда, восхвалял дарителя, щит и надпись на ней. Другой подвид героико-хвалебного стиха отражен в поэмах под названием «Выкуп головы». Дело в том, что скальды IX–XII вв., провинившись, подчас могли «выкупить» свою жизнь, сложив хвалебную песнь в честь того, кто их приговорил к смерти. Хорошая хвалебная драпа, как, впрочем, и достаточно ядовитая сатира, таким образом, ценились в человеческую жизнь.

Намного реже скальды писали *лирические* стихи, обращая их не только к женщинам, но и к любимым государям, и к друзьям, сетуя на старость или скорбя по поводу утраты дорого человека. Встречаются короткие *стихи-экспромты*, написанные под впечатлением какого-либо конкретного случая, обычно в одну-две висы.

Значительно меньше сохранилось стихов, противоположных по направленности хвалебным, — стихов поносных, злых, бранных, короче, *хулительных*, это так называемые *ниды*. Согласно представлениям скандинавов, хулительные стихи-ниды были сродни злым заклинаниям и поэтому особенно опасны, они могли навести порчу, их нередко записывали, а их авторам мстили.

Основной формой скальдической песни, прежде всего хвалебной, является *драпа*, которая, как и лирические стихи, разбита на части, на отдельные куплеты или строфы — *висы*. Драпа выигрывала, если в ней присутствовали один или несколько повторяющихся стихов — припев, так называемый *стев*. Кроме того, в драпе была более строгая стилистика, более упорядоченная строка. Менее пышная форма песни — это висы без припева-стева, так называемые *флокк* и *тула*, которые обычно лишены сюжета и ограничены перечнем имен и действий. Сохранилось немало отдельных вис, иногда составлявших часть утерянного стихотворения, а иногда изначально созданные как самостоятельные малые произведения.

Одной из особенностей скальдических стихов является также искусное использование *аллитераций*, что в принципе было характерно для германского

[5] ИС II:2. С. 431.

стихосложения вообще. Прекрасно владея оттенками родного языка и широко привлекая созвучия, скальд в одних случаях достигает напевности стиха, выражения любовной нежности или горькой потери, в других случаях умело воспроизводит грубые звуки битвы, дает представление о ярости схватки, ликовании победы или муках поражения и потерь. Так же искусно используется скальдами ритмика стиха.

Стихи скальдов наполняют бесконечные *кеннинги* — поэтические метафоры, представляющие собой настоящие шарады, каждую часть которых сплошь и рядом также надо разгадывать. Такие сложные определения заменяют в скальдическом стихе многие слова, которые особенно употребительны в поэзии. Стих украшен узорчатыми метафорами, которые также зашифровывали понятия. Кроме того, строки в строфах были подчас так причудливо *перемешаны*, что слушателям требовались немалое умение и привычка, чтобы разобраться в подобной путанице. Снорри в «Младшей Эдде» упоминает о хвалебной песне Торда сына Сьярека, где действовали герои и персонажи мифов. В этой песне первая строка была связана с пятой, вторая — с шестой, третья — с седьмой и т.д.[6]

Иносказания-кеннинги в скальдических стихах представляют, на мой взгляд, большой интерес. Прежде всего, кеннинги тесно связаны с *мифологией*. Скальды широко используют в них имена и признаки языческих богов и животных-символов, ведь скальдический стих считался волшебным вдвойне: это не просто слова, а определенный их набор, имеющий некое определенное значение. Нередко, пусть в завуалированной форме, скальд высказывает пожелание правителю, а также жалобы, соображения о происходящем, любовные чувства к женщине, скорбь утрат и т.д. Но главное то, что кеннинги обнаруживают бездну фантазии и у самих поэтов и, разумеется, у их слушателей, которые должны понимать то, что сочинили скальды. Безусловно, многие кеннинги кочевали из стиха в стих, и скальду требовалась немалая изобретательность, чтобы удивить слушателей новой находкой. Я привожу в приложении к этой части некоторые, сравнительно немногие примеры кеннингов из богатого стихотворного арсенала стихов скальдов, а также из «Старшей Эдды» и поэмы «Беовульф» (ст. 54 и др.), чтобы читатель имел возможность убедиться в широте поэтической фантазии скандинавов той эпохи[7].

Многие кеннинги перечислены в поэме «Беовульф»: «одежды битвы», «орудия сечи», «наряд воителя» (гл. 36, ст. 2000–2670) и т.д., а также кеннинги вождя и воинства, верного дружинника, побед, ран и гибели, пиров, корабля и моря. Большинство кеннингов относятся к мужчине, точнее, к одному из синонимов мужчины в представлении скандинавов — мужу-воину: он «опора силы», «носитель мужества», «участник битв» и «победитель врагов». Синоним женщины — жена

[6] Младшая Эдда. С. 110–111, 233, прим. 96.

[7] Кеннинги, как стихи в целом, даны в переводах, о которых см. выше, в части 1.

и «охранительница мира»; но часто для создания ее кеннингов используется неистребимое женское пристрастие к нарядам и украшениям.

Скальдическая поэзия родилась, как песни воинов-викингов, отважных воинов и певцов воинской славы, группирующихся вокруг своего покровителя — боевого вождя.

Например, скальд Халльфред Оттарссон, на основании вис которого была создана сага о нем, написал в честь короля Олава Трюггви, которому служил, драпу, часть которой сохранилась. Вот отрывок из нее:

Хёрдов друг на диво / дюж был и лишь дюжину
Лет имел, как смело / Мара зыби вывел
С Руси с разным грузом, / С бранным звоном ратным
Шлемов и шильев броней шел из края градов[8].

В этом отрывке поэт рассказывает о том, как король Олав выехал из «края градов» (Гардарики), где жил при дворе великого князя Владимира. Он называет короля другом хёрдов (жителей Хёрдаланда, Западная Норвегия), что указывало на старинную связь Олава с этим краем. Говорит, что уже в 12 лет будущий король повел корабль («Мару зыби», где «Мара» — великанша) с грузом — шлемами, мечами («шилья броней»), издающими звуки битвы («бранный звон ратный»). И слушателям ясно, что скальд напоминает о том, как будущий король — креститель Норвегии еще юным возвращался из Киевской Руси, готовый сражаться за престол родной страны, в надежде на помощь жителей Хёрдаланда. Обращают на себя внимание богатые аллитерации, передающие то хвалу (*диво, дюж, дюж*ину), то звуки битвы (б*ран*ный, *рат*ный, б*рон*ей), отлично воспроизведенные переводчиком.

А в поминальной драпе этого скальда, посвященной тому же королю, можно увидеть и переплетение строк, на сей раз простое (вплетенная строка здесь и далее отмечена мной курсивом). Халльфред пишет:

Речем же о кончине! / Час пришел печальный.
Мертв — как мне то молвить? — / *Мощный вождь полнощный.*
Многим в зло из блага / Людям смерть та стала.
Смутен мир от скорби / По сыне Трюггви ныне[9].

Построение скальдического стиха и кеннинги необыкновенно сложны, образуют настоящий шифр. Не случайно Снорри Стурулсон во второй части своей «Младшей Эдды» — своего рода руководстве по поэзии и искусству скальдов — расшифровывает множество кеннингов и мифологических отсылок: видимо, в XIII столетии, в век записи большинства саг и многих поэтических произведений,

[8] Поэзия скальдов. С. 46–47. Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, цитируются свободные переводы С. Петрова, отлично передающие красоту и выразительность скальдического стиха.

[9] Там же. С. 47.

уже не все читатели и слушатели могли понять многое из того, о чем говорится в творении скальдов[10]. Использование сложных стихотворных форм, употребление кеннингов явно отражают древние традиции. Здесь и необыкновенное уважение к слову, особенно стихотворному, по звучанию сходному с заклинанием и нередко все еще так и используемому, в частности в нидах. Здесь и древнее стремление *замаскировать* обсуждаемый предмет, сделать его недоступным для воздействия злых сил. Двойные и тройные наименования, что несут родовую традицию, и имена-обманки, и заговоры на особое везение были приняты у многих народов издревле (и используются по сей день!).

А вот как характеризует поэма о Беовульфе выступление скальда на пире в честь этого героя. Тот скальд — «приближенный любимец конунга, славный знаток, многопамятный, сохранитель преданий старинных». Когда он заговорил, то «раскрыл сокровищницу слов благодатных» (т.е. рот). Беовульфа он восхвалял, «сочетая созвучия в искусный лад… вплетал в песнопение повесть новую, неизвестную людям поведовал быль» и т.д. (ст. 210 и сл., 810–890 и др.).

Когда же выступал Эгиль, то свою памятную стихотворную речь он начал словами:

Венцом словесным / Украшу / Прах родичей,
Открыв врата / В тыне зубовном[11]…

Уже одно это выразительное пятистишие дает Эгилю право так говорить о своей поэзии: «В укроме души / дивный дар…»

При немалом числе скальдов, а у них — благодарной аудитории, имеющей навык восприятия стихов, некоторые кеннинги, метафоры и даже сюжетные повороты превращались в штампы, как бы носились в воздухе и поэтому использовались неоднократно и даже, вероятно, разными поэтами[12], что, впрочем, характерно для поэзии вообще.

Знаменитые скальды и их висы

Яркой особенностью скальдической поэзии было *осознанное авторство*, гордое и ревнивое. Скальды ценят свое искусство как необычный, волшебный дар. И хотя повторю, что в те времена немало людей самых разных статусов при случае могли сочинить пару складных строк, но искусством подлинного стихосложения,

[10] Эта ситуация напоминает ту, с которой сталкиваются сегодняшние читатели произведений великого Пушкина, прежде всего романа «Евгений Онегин», где смысловые загадки начинаются уже с первых строк: «дядя самых честных правил», «уважать себя заставил», и так — без конца…

[11] Т.е. открыв рот, чтобы начать говорить.

[12] Так, А.В. Циммерлинг отмечает, что в «Пряди о Тормоде» лишь две первые висы из пяти используются только в этом произведении, № 5 встречается в «Саге о Названых Братьях» под № 19, № 4 — в «Саге о Святом Олаве», № 3 — частями в разных других сагах. См.: ИС II:1. С. 482 и сл.

со всеми его стилями и со всей особой, изощренной выразительностью и стройностью стиха, владели только избранные люди — скальды.

Древнейший исторически засвидетельствованный «королевский скальд» — норвежец Браги Старый сын Бодда (первая половина IX в.). Сохранились отрывки из его «Щитовой драпы» — стихотворения в честь конунга Рагнара, где воспевается изображение на щите, подаренном скальду. Некоторые исследователи даже считают, что именно этот поэт был как бы мифологизирован, дав имя богу скальдической поэзии Браги. Снорри Стурулсон в «Младшей Эдде» цитирует его стихи, в которых излагается легенда о создании территории Дании («видение Гюльви»). Легенда гласит, что богиня Гевьон захотела иметь собственные владения и попросила у Гюльви, божественного короля обширной Швеции, дать ей для этого землю. Он разрешил ей взять в шведских пределах столько земли, сколько смогут вспахать за сутки четыре быка. Гевьон обратила в быков своих четверых могучих сыновей, рожденных от северного великана. Они нарыли много мягкой земли, Гевьон набрала полный передник. Перетащили, высыпали землю в море у пролива (Зунда), а могучие быки вспахали всю ее за одну ночь. Так появилось множество датских островов, самый большой из которых назвали Зеландией. А в Швеции, в том месте, откуда забрали землю для датчан, образовалось озеро (Меларен). По этому случаю написаны стихи, которые Снорри приписывает Браги Старому:

> У Гюльви светлая Гевьон / злато земель отторгла,
> Зеландию. Бегом быков / вспенено было море.
> Восемь звезд горели / на лбах четырех быков,
> когда по лугам и долам / добычу они влекли[13].

К числу первых скальдов, память о которых сохранилась, относился и «сказитель» Кэдмон, который, в отличие от Браги Старого, принадлежал к раннехристианской культуре. Он отличался искусством стихотворной импровизации, сочиняя стихи по мере их исполнения. Такой способностью отличались многие скальды, что особенно удачно сочеталось с обычаем «воспевать» стихи (отмеченным в Англии еще Бедой Достопочтенным).

С X в. начался подъем популярности стихосложения в Исландии, а с XI столетия центр скальдической поэзии вообще перемещается в Исландию, где затем, особенно в XIII в., стихосложение стало чуть ли не массовым явлением.

В X столетии славились скальды Эгиль сын Грима (Скаллагрима), Эйнар Скаллагримссон и Ульф Углосон. В честь конунга Харальда Прекрасноволосого создал «Песнь

[13] Пер. О.А. Смирницкой (КИ. С. 101). Эта легенда послужила литературной основой для великолепного скульптурного памятника — бронзового фонтана, украшающего Копенгаген: Гевьон пашет на четырех огромных быках, и мощные струи воды, подобно струям земли, вырываются из-под плуга. См. также выше.

хвалы» один из самых знатных норвежских скальдов Торбьёрн Хорнкловы[14]. Скальд Торд сын Кольбейна, современник скальда Гуннлауга сына Иллуги, также был одним из поэтов в окружении короля Харальда Прекрасноволосого[15]. Из «Книги о заселении земли» известен скальд середины X в. Тьерви Насмешник, который был убит за то, что сочинил нид о муже любимой женщины. Во второй половине X в. одним из наиболее значительных скальдов считался Глум сын Гейра (ок. 940 — ок. 985)[16]. Он состоял при сыне Харальда конунге Эрике Кровавая Секира и его сыновьях, правивших после кончины последнего. Кроме стихов он славился ратными подвигами. В последней трети X в. был известен Халльфред Беспокойный Скальд (ок. 967 — ок. 1007)[17].

Эйвинд Финессон Погубитель Скальдов (ум. ок. 990) получил свое прозвище то ли потому, что шире и уместнее остальных использовал выражения других скальдов, то ли потому, что выигрывал поэтические состязания. Эйвинд был родичем и скальдом короля Хакона Доброго, сына Харальда Прекрасноволосого, участвовал в его последней битве на острове Сторд и написал, помимо прочего, великолепную поэму «Речи Хакона». Поэма написана эддическими размерами, поэтому язык ее сравнительно прост. Скальд славит воинскую доблесть Хакона, его героическую смерть и посмертный путь в Вальхаллу, говорит о тяжести потери «столь доблестного духом» вождя стихами, звонкость которых так прекрасно передал переводчик: «*Яро*стный *ясе*нь битвы, губитель *ярло*в» Хакон «*шел* под *шле*мом медным», а свою «*броню бранную* / *брякнул* оземь», выказывая так бесстрашие и готовность биться до смерти; так «*во*ждь полномочных *во*ев / пред битвой *вели*ей / взбодрял отряды». Скальд описывает высокий накал битвы:

В одежды Одина / Рука владыки,
Как по воде, ударила / Добрым булатом.
От *дро*тов шел грохот / И *гром* от тарчей,
Мечи о кольчуги / Звонко стучали (ст. 5).
Ногами копий грозных / Гордо попирали
Воины норвежские / Вражеские головы.
Драка была страшная. / Красили конунги
Щиты блестящие / Во цвета кровавые (ст. 6).
Ран огни горели / В волнах крови,
Бердыши вершили / Жизнь и смерти шибко.
*Мыло мор*е ран / *Мы*с булатный,
Стрел поток струился / На острове Сторде[18].

[14] ИС I. С. 73.

[15] Там же. С. 55–63.

[16] Там же. С. 318. О скальдах и сочинении стихов см. также: С. 28, 29, 58 и мн. др.

[17] Там же. С. 763 и коммент. к с. 45.

[18] Поэзия скальдов. С. 34–39. См. стихи Эйвинда Погубителя Скальдов также в «Саге о Хаконе Добром», гл. XXXII.

Но вот изошли кровью, «измокли многие / мужи в струях стали», сидят, как будто отдыхая, погибшие воины. И боевая звонкость стиха сменяется печалью обреченности:

Сидели с обнаженными / Мечами владыки,
Щиты изрезаны, / Латы изрублены,
Плохо было сему полку,
И путь его / Вел в Валгаллу (ст. 9).

И еще: «*рать оружн*ую / Хакона храброго / с дружиной *храб*рой / зовут к себе боги» (ст. 10). Самого Хакона с дружиной и с оружием в Вальхалле приняли очень хорошо, потому что он был отважен и «почитал святыни».

Поэтому «будет / ему вовеки / великая слава». Хакона тем более жалко, что с ним уходит язычество («святыни»!), а для народа это тяжело:

…Конунг чтил святилища, / Ибо радостно
Приняли Хакона / К себе всеблагие боги.
В добрый день / Родился конунг
Столь доблестный духом. / И всевечно
Время Хакона / Станут славить люди.
Прежде пройдет, / Порвав оковы,
Фафнир Волк[19] по землям, / Нежели равный
Хакону конунг / Его место заступит.
Мрут стада, / Умирают родичи,
Пустеют долы и домы, / С тех пор, как пришел
К Одину Хакон. / Народы многие попраны[20].

Окончание этого стиха в другом переводе звучит так:

Гибнут родичи / Добро идет прахом,
И страна пустынею стала.
Со язычески боги Хакон
Сгинул, и с той поры премного
Страждет народ (ст. 21)[21].

[19] Фафнир — волк-чудовище, который вырвется на волю, когда настанет время гибели богов (КИ. С. 606, прим. 20). Упоминается также в прорицании Вёльвы («Старшая Эдда»).

[20] Пер. О.А. Смирницкой (КИ. С. 265).

[21] Пер. С. Петрова. Это сравнение интересно тем, что оба переводчика, С. Петров и О. Смирницкая, хотя в разной манере, но равно умело передают смысл произведения, в том числе связь благополучия народа с личностью правителя и положительную роль последнего, если он соблюдает старую веру.

Преемники Хакона, сыновья Эрика Кровавая Секира, были не по душе независимому поэту, и он отказался им служить. Более того, Снорри говорит, что по поводу скупости Харальда Серая Шкура и его братьев, «сыновей Гуннхильд», Эйвинд написал поносные висы (№ 1, 2)[22]. Последние годы жизни скальд провел в своем имении в Халаголанде (Северная Норвегия), продолжая писать стихи, но от них сохранились лишь названия.

В XI в. славились скальды Гуннлауг Змеиный Язык и Сигват Тордарсон, образованный и умный сподвижник короля Олава Святого, а также целая плеяда скальдов при этом короле и его сыне Магнусе Добром. В первой трети XI в. замечательный скальд Сигват Тордарсон писал о жертвах альвам, которые приносят шведские бонды в Гаутланде, о чем свидетельствовала и «Сага об Олаве Святом». И этот факт, как и стихи Эйвинда Погубителя Скальдов, представляет собой еще один достоверный показатель живучести языческих верований, которые сохранялись у скандинавов и после введения христианства. Напротив, известный поэт XI в. Арнор Скальд Ярлов по случаю смерти Геллира, поборника христианства в Хельгафелле, сочинил хвалебную песню в его адрес, в которой жизнь и деяния последнего описаны «очень ясно»[23]. Произведения скальдов, таким образом, отражают и упорную борьбу между старой и новой верой.

Уже упоминавшийся Халльфред Оттарссон, сподвижник короля Олава сына Трюггви, воспевал в стихах сражения этого короля, которые тот вел с англичанами или во время набегов викингов. Об этом же повествует древнеанглийская поэма «Битва при Мэлдоне», события которой относятся примерно к 991 г., причем аналогии того, что там написано, имеются в «Саге об Олаве сыне Трюггви» (гл. XXX)[24]. Однажды Халльфред пригрозил крестителю Олаву, что вернется к язычеству, если король не выслушает посвященную ему драпу. Король выслушал, но прозвал упрямца «трудным скальдом». Халльфреду Трудному Скальду принадлежат еще хвалебные стихи в честь ярла Хакона Могучего и шведского короля Олава Шётконунга, лирические стихи о его достойной и верной любви, а также ниды против соперника.

Бьёрн сын Арнгейра, по прозвищу Богатырь с Хит-реки (ок. 989 — ок. 1024), в молодости служил на Руси, у «Вальдамара конунга» (великого князя Владимира). Он известен своей враждой из-за девушки с Тордом сыном Кольбейна, в конце концов женившимся на любимой Оддню. Скальды не раз обменивались нидами, которые читали публично, на различных сборищах, в частности при «битвах коней», так что их стихи широко расходились среди публики. В стихотворении «Серое брюхо» Бьёрн зло вышучивает обстоятельства рождения Торда. Он пишет, что, когда его

[22] Поэзия скальдов. С. 38.

[23] ИС I. С. 438–439.

[24] Древнеанглийская поэзия. С. 137–156, 308; КЗ. С. 97–167.

мать как-то вышла на берег, к ней подобрался усатый сом, а когда женщина съела его «серое брюхо», то нежданно понесла младенца, да еще уродливого:

Рождён малец, / Не ждан подлец!
Молвила мужу: / Многих не хуже!
Как пес, зубаст, / Да спать горазд,
Храбр, что коза, / Кривы глаза[25].

Оскорбление в свой адрес и в адрес матери Торд не спустил. Спор между скальдами был вынесен на альтинг, и в конце концов Торд убил Бьёрна.

В «Пряди о Стуве», который был «могуч, статен и прекрасен с виду», а также «слыл хорошим скальдом», говорится о том, как герой, который был, судя по «Саге о людях из Лососьей Долины», из старинного и почтенного исландского рода, угощал нежданно нагрянувшего к нему в гости Харальда Сурового Правителя (1046–1066). Эта драпа и была им сложена в честь конунга. Позже Стув уехал в Норвегию за наследством и там был королевским дружинником.

В некоторых семьях дар стихосложения переходил из поколения в поколение. В X столетии в одном из знатных исландских родов возникла целая династия скальдов: Квельдульв сын Бьяльви, Грим Лысый (или Скаллагрим) сын Квельдульва, Эгиль сын Грима Лысого (Скаллагримссон), Скули внук Эгиля. Стихи сочиняла и внучка Эгиля (по дочери Турид). О выдающемся скальде и человеке Эгиле Скаллагримссоне будет рассказано дальше.

В «Саге о Хёрде и островитянах» персонажи нередко вообще говорят стихами. Один из импровизаторов, скальд Маркус сын Скегги Старшего, был законоговорителем-лагманом (конец XI в.)[26]. Стихи также складывали некоторые другие хёвдинги и даже конунги, причем стихи хорошие[27].

Конечно, для поэтического творчества требовалось наличие соответствующей аудитории, и не случайно даже в богатой хорошими поэтами Исландии X–XIII столетий только отдельные районы были как бы центрами скальдической поэзии, тогда как другие районы оставались к ней относительно равнодушными. Подлинным «питомником» скальдов стали Западные Фьорды Исландии, где чуть не каждый мог сочинить несколько приличных стихотворных строф. Напротив, в Восточных Фьордах эта традиция не была распространена, так что шесть вис в «Саге о сыновьях Дроплауг» являются своего рода исключением, тем более что не известны ни автор, ни время их написания. Кроме того, там лирически говорится о лесе и вереске, а такого рода лирика сагам почти не свойственна…

[25] Поэзия скальдов. С. 57–58.

[26] Сага об исландцах. С. 48, прим.

[27] КИ. С. 493.

Однако и в других Скандинавских странах были стихотворцы, о которых, в сущности, ничего не известно. Случайные упоминания об одном из них, трагически погибшем, имеются в «Саге о Битве на Пустоши» и в «Саге о людях с Песчаного Берега». Там фигурируют братья-берсерки, один из которых, некто Лейкнир, писал стихи[28]. Он и его брат Халли, шведы, о которых уже шла речь, были приглашены на службу к хёвдингу Стюру Убийце (ок. 940–1008), как говорится в сагах, самолично убившему 40 человек. Лейкнир имел неосторожность увлечься дочерью Стюра и посвататься к ней, за что Стюр убил обоих братьев возле своего хутора Лавовая Пустошь[29]. В «Сагу о людях с Песчаного Берега» по этому случаю включены три висы.

Эгиль сын Скаллагрима (ок. 910 — ок. 990), которого исследователи справедливо называют «неистовый скальд», был выдающимся, возможно, лучшим скальдом Исландии второй половины X в.[30] Он заслужил то, что о нем была написана отдельная «Сага об Эгиле», автором которой, как иногда полагают, был сам Снорри сын Стурлы. Эгиль происходил из знатной, состоятельной, воинственной и мастеровитой норвежской семьи, давшей много воинов и умельцев. Дед его, херсир Квельдульв, оставил скорбную вису на смерть одного из своих сыновей, убитых конунгом Харальдом Прекрасноволосым[31]. Отец Эгиля Грим Лысый был в Исландии одним из первопоселенцев. Он отличался буйным характером, славился кузнечным ремеслом и умел слагать стихи. Одна из его вис сохранилась. Дело в том, что конунг передал Гриму в знак уважения подарок — богато украшенную секиру. Получив подарок, Грим тут же опробовал секиру, рубя головы быкам. Секира быстро затупилась. Грим ее решительно отбросил и тут же придумал складную и ехидную вису: «У секиры старой / Сталь щербата стала. / Был колун мой волком, / Стал коварной палкой. / Рад топор отправить / Ратный я обратно. / В даре княжьем нужды / Не было и нету»[32]. Таков был отец великого поэта.

К счастью, до нашего времени дошло сравнительно много вис Эгиля, сложных, нередко исполненных глубокого чувства, со звучными аллитерациями и с текстом, надежно зашифрованным многими кеннингами, метефорами и мифологическими аллюзиями. Кроме поэм «Выкуп головы», «Утрата сыновей», «Песнь об Аринбъярне» (его друге), а также фрагментов «Драпы об Адальстейне» и двух щитовых драп, сохранились 46 отдельных вис Эгиля. Скальд хорошо знал цену своему таланту и вообще умению слагать стихи. И писал о себе:

---

[28] ИС II:2. С. 61–62 и коммент. на с. 511–512. Виса № 22.

[29] Об этом известно также из устной саги о Стюре Убийце. Сведения о том, когда произошло это событие, расходятся. Даже Циммерлинг в своих комментариях колеблется: то ли 989 г., то ли 983 г. См.: Там же. С. 473, 511 (прим.) и сл.

[30] Его поэма «Утрата сыновей» (ок. 960) является одним из прообразов драмы Хенрика Ибсена «Воители в Хельгеланде».

[31] Изначально его имя было Вульв, т.е. волк. Но его считали оборотнем и прозвали Квельдульвом. Вису см. в кн.: Поэзия скальдов. С. 9.

[32] См.: Поэзия скальдов. С. 10.

Песню вождю / Быстро сложил.
Но о скупцах / Петь не хочу.
Вольно пою / Славу вождю.
Где надо лгать — / Я молчалив[33].

Об Эгиле много говорится в сагах. Описывается его внешность. «У Эгиля было крупное лицо, широкий лоб, густые брови, нос не длинный, но очень толстый, нижняя часть лица — огромная, подбородок и скулы — широченные. У него была толстая шея и могучие плечи. Он выделялся среди других людей своим суровым видом, а в гневе был страшен. Он был статен и очень высок ростом. Волосы у него были цветом как у волка и густые, но он рано стал лысеть… У Эгиля были черные глаза и густые брови»[34]. Очевидно, что это образ не романтический, а скорее героический. Перед нами — поэт-воин, и он сам повествует о некоторых своих победоносных сражениях:

С восьмерыми дрался, / С дюжиною дважды.
Все убиты мною / Волку на добычу.
Бились мы упорно. / На удар ударом
Отвечал клинок мой, / Для щитов опасный[35].

Проникновенная по мелодичности, лиризму и трагичности поэма «Утрата сыновей» была написана Эгилем после того, как утонул его младший сын, старший же погиб незадолго перед этим, так что теперь поэт лишился обоих своих сыновей. Эгиль писал[36]:

Грусть — велика: / Грузом воздушным
Безмен языка / С места не сдвинуть…
Горькое давит / Горой горе — / Весь мой корень
Скоро сгинет. / …Разве рад,
Кто прах родимый / Должен из дому
Долу несть?..
Разломало / Род мой море,
Мой забор / Разбит прибоем…

Эгиль готов сразиться с осиротившим его морем, но «у старца сил не хватит». И теперь он готов умереть «без жалоб». С какой нежностью вспоминает Эгиль

[33] ИС I. С. 230.
[34] Там же. С. 163.
[35] Там же. С.231.
[36] Поэзия скальдов. С. 16 и сл. Перевод О. Смирницкой см. в кн.: КИ. С. 266 и сл.

погибшего сына, как проникновенно говорит о его достоинствах и невосполнимости своей утраты! В скальдической поэзии эта песнь уникальна. Даже в мировой поэзии вряд ли можно найти много строк, подобных этим:

Ясный, мной / Взращенный ясень,
Саженец нежный / Моей жены.

И далее осиротевший поэт напоминает о себе, что Один

Дар дал мне дивный, / Все несчастья возмещая.
Дал мне речь / Безупречну и взор ясный (ст. 23).

Горе Эгиля тем тяжелее, что он уже стар. И поэт выразительно рисует старость, с ее бессилием и болезнями:

Пусть бы скальд отправился
К предкам нашим прежде.
……
Старостью стреножен, / Стал я клятой клячей,
Уст сверло устало, / Слух не идет в ухо[37].
……
Сколь же постыло / Старцу время…
Обе пяты / Объяты хладом,
Спят, что вдовы / долгой ночью[38].
……
Без жалоб / Буду ждать
Всей охоты / Хель прихода (ст. 9).

Стоит привести хотя бы несколько строк и из его более раннего «Выкупа головы», хвалебной песни «щедрому правителю» (ст. 2) Эйрику Кровавая Секира, сына которого он в свое время убил и которого теперь воспевает, спасая свою жизнь. Обстоятельства создания поэмы были следующие. Эгиля непогода случайно занесла в Англию, а его враг в это время находился в Йорке, столице своего лена Нортумбрии. Неясно, что побудило Эгиля направиться в Йорк, но конунг, ставший ленником английского короля, и его жена Гуннхильд заточили его в темницу с тем, чтобы наутро казнить. За эту ночь Эгиль написал свой «Выкуп головы». Сначала он воспел воинские победы короля Эйрика, в частности:

[37] Эгиль сын Грима Лысого. Отдельные висы // Поэзия скальдов. С. 33.
[38] Там же. С. 34.

Князь туг лук брал, / Пчел рой в бой гнал.
Эйрик скликал / Волков на свал[39].

Затем поэт восхваляет Эйрика за доброту и щедрость:

Воспеть велите ль, / Как наш воитель
Славит своими / Делами имя?
Нас добрым даром / Студеным жаром[40]
Князь дарит славный / Крепкодержавный (ст. 16).
Огни запястий[41] / Он рвет на части.
Он кольца рубит, / Обручья губит,
Державной рукой / Жалуя свой
Народ боевой / Фроди мукой[42] (ст. 17).

В завершение стиха, еще раз похвалив правителя за щедрость, Эгиль просит конунга и мужей, присутствовавших при чтении его поэмы, быть «правыми судьями» этой драпы:

Соколу сеч / Справил я речь.
На славный лад. / На лавках палат
Внимало ей / Немало мужей,
Правых судей / Песни моей[43].

Всего песнь содержит 20 строф, по восемь строк в каждой. Помимо прочих достоинств стиха, «Выкуп головы» Эгиля является *первым* скальдическим произведением с *конечными рифмами*. Эйрик Кровавая Секира отпустил скальда, посоветовав ему, однако, больше не попадаться на его, Эйрика, пути. Может быть, он и не помиловал бы Эгиля даже за «Выкуп головы» — при всех несомненных достоинствах этой поэмы, — но за него вступился друг Аринбъярн, который был сыном воспитателя Эйрика. Есть у Эгиля и поминальная песня[44]. Вообще жизнь, характер и творчество этого человека равно примечательны. Не случайно «Сага об Эгиле» — одна из лучших родовых саг[45].

Нередко звучит в произведениях скальдов тема любви. Она стала основным поводом для обмена нидами между скальдами Тордом и Бьярном. Благодаря «Саге

[39] Пер. О. Смирницкой. См.: КИ. С. 276.
[40] Кеннинг золота.
[41] Золотые обручья, браслеты.
[42] КИ. С. 276. «Мука Фроди» — золото; см. кеннинги в конце части.
[43] Пер. О. Смирницкой. См.: КИ. С. 277.
[44] Там же. С. 607.
[45] ИС I. С. 61–251.

о Кормаке» стал известен талантливый лирический поэт, ирландец по происхождению, Кормак сын Эгмунда (ок. 930 — ок. 960). Влюбленный в красавицу Стейнгерд, он, однако, дважды упускал возможность жениться на ней, так что она выходила замуж за других женихов. С первым мужем она развелась, второй, после ряда поединков, был готов отдать жену Кормаку, но отказалась уязвленная Стейнгерд. Незадачливый влюбленный уплыл на чужбину и погиб в Шотландии. В саге приведены отдельные висы, но неясно, все ли они принадлежат Кормаку. Если судить по содержанию вис, то скальд влюбился в девушку, увидев сквозь щели в дверях ее «лебяжьи ноги на пороге» и глаза-«звезды», на которые с ресниц «месяц падал». Он готов отдать за любимую все датские и даже другие земли:

Я за ель исландску, / Ясну и прекрасну,
Дам все земли данов, / Даже те, что дальше…[46]

И, сетуя на судьбу, посвящает отвернувшейся от него женщине милые, полные очаровательной беспомощности и неподдельной грусти стихи:

Легче плыть каменьям, / Словно зерна в волнах,
И горам и странам / Грузно в море рухнуть,
Чем со Стейнгерд гордой / Статями сверстаться,
С тою, чьим красотам / Стал постыл я милым[47].

Своими любовными стихами и связанной с ними волшебно-детективной историей известен Тормод сын Берси по прозвищу Скальд Чернобровой (или скальд Черных Бровей), но из его стихов, к сожалению, сохранилась лишь одна любовная виса.

У Бьёрна Бойца Широкого Залива сына Асбранда (вторая половина X в.) также была сложная судьба. Он враждовал со Снорри Годи и состоял в любовной связи с его сестрой Турид, которая родила от него ребенка. Тородд, муж Турид, попытался отомстить Бьёрну. Спасая свою жизнь от наемных убийц, скальд одолел пятерых напавших на него людей, двоих из них убил. Был объявлен вне закона, 11 лет пробыл за пределами Исландии, вместе с йомсвикингами принимал участие в сражениях, в частности в известной битве на Полях Фюри около Упсалы (Швеция). Ненадолго вернувшись, снова встречался с Турид, но вскоре навсегда покинул родину, уехав за море (998). Позднее о нем стали складывать предания, в XIII в. появилась и «Сага о Бьёрне», созданная как сага о скальде, но несущая следы рыцарских романов, тексты которых в изобилии попадали в Скандинавию в этом столетии. В «Саге о людях с Песчаного Берега» приведено семь вис, которые приписываются этому

[46] Поэзия скальдов. С. 40. Ст. 2, 3, 6.

[47] Там же. С. 42.

Бьёрну сыну Асбранда. В четырех из них он говорит о своих воинских подвигах, а три висы посвящены любимой женщине Турид. В этих лиричных, очень искренних стихах автор выражает свои чувства к ней, а также сожаления о том, что их встречи столь кратки:

Мы с тобою, — девы / Взор сулит мне горе, –
День до дна бы длили, / Меж теней и синью.
Всё одно, зазноба! / Пировать мне тризну
В память о минувшей / Радости под вечер[48].

И еще:

Лебедей леденящую глыбу / Резал я на наклонном челне,
Ибо смладу смышленая дева / Прикипела любовью ко мне.
Путь с востока пройдя без опаски, / Натерпелся повсюду невзгод:
Вместо ложа жены обживает
Клен сражений — скалистый оплот[49].

В «Саге о Бьёрне» приведены мелодичные стихи Торда Кольбейнссона (ок. 974 — ок. 1024), посвященные гибели Бьёрна Бойца Широкого Залива, сына Асбранда:

Вьетесь, черны вороны, / Вы куда же в дали?
Видно, выти ищете / Во песках и скалах.
Бьёрн лежит там. Жадно / Жрут жеравы трупны
В Хитном доле долго. / Дуб шелома сломан[50].

У Торда есть и драпы — о скальде Гуннлауге Змеином Языке и о норвежском ярле Эйрике.

Родовая «Сага о Гуннлауге Змеином Языке» пользуется большой известностью и неоднократно переводилась, в том числе на русский язык. Влиятельный дружинник и скальд Гуннлауг сын Иллуги сочинил «Драпу об Адальраде» (король Этельред II Английский), о короле — владыке Дублина Сиггтрюгге Шелковая Борода и другие стихи. Гуннлауг соперничал со скальдом Хравном сыном Энунда из-за Хельги Красавицы, а также из-за того, кто из них храбрее. «Слух, идущий в ухо, / Будто в громе брани / Хравну я не равен», особенно оскорбил Гуннлауга. Ему пришлось много разъезжать, и однажды, возвращаясь в Иландию, он узнал от Халльфреда Трудного

[48] ИС II:2. С. 496. «Между тенями и синью», т.е. между тенистым лесом и морем. Курсивом выделены вставные строки, характерные для поэзии скальдов.

[49] Там же. С. 505. «Леденящая глыба лебедей» — море.

[50] Поэзия скальдов. С. 58.

Скальда, что Хравн посватался к Хельге и девушка, любя Гуннлауга, но устав его ждать, вышла замуж. Это было большим ударом для Гуннлауга:

Полог стал просторов / Пуст для Змееуста,
Коли Хельгу холит / Хравн, воитель славный.
Сродник сивый девы / Сладил свадьбу златом,
И язык мой змиев, / Знать, премало значил…

Он обвинял в случившемся и своих неумелых родственников («виновны / премного предо мною / родичи»), и семью Хельги, в частности за то, что ее (по инициативе «Сивого», т.е. седого, престарелого родича) выдали за Хравна из корысти:

Тролли бы побрали / Разом их старанья!..
Дали в жены дивну / Девицу за деньги…[51]

Соперники неоднократно вступали в схватки, и в конце концов Гуннлауг убил Хравна. Торд сын Кольбейна, автор «Драпы о Гуннлауге Змеином Языке», пишет, что Гуннлауг в поединке с Хравном убил также двух его кузенов-сопровождающих. Таковы были скальды.

В X и на рубеже X–XI столетий были известны скальды Иллуги Черный (ум. ок. 1020), Торарин с Чаечного Склона, Одд из Широкого Фьорда и поэт по прозвищу Скальд Житель Широкого Фьорда. Эти скальды, как и Бьёрн Боец Широкого Залива, представлены своими стихами в «Саге о людях с Песчаного Берега», в которую вошло всего 37 вис[52].

Скальду Торарину Черному с Чаечного Склона в этой саге принадлежат 17 вис; они являются частями флокка, посвященного битве у Чаечного Склона. Сам Торарин принадлежал к влиятельному семейству Кьяллеклингов, которое возглавлял известный забияка Стюр Убийца. Кьяллеклинги находились во враждебных отношениях с кланом известного и не менее влиятельного Снорри Годи. Сражение между этими кланами у Чаечного Склона произошло зимой 980/981 г. Тогда Торарин, по складу характера человек вполне миролюбивый, отстоял, тем не менее, честь семьи и убил могущественного соседа Торбьёрна Толстого, за что по решению тинга был навсегда изгнан из Исландии[53]. В висах Торарин говорил о себе, что он «не любитель крови, но и не стремился к миру» и, когда Торбьёрн напал на него, осыпая к тому же бранью, он вынужден был мстить[54]. К сожалению, покровитель Торарина, его дядя

[51] ИС II:2. С. 53. Ст. 7–9.

[52] Там же. С. 487.

[53] Там же. С. 444, прим.

[54] Там же. С. 447, 448 и др. См. там же висы 4–7 на с. 450–453, в которых рассказывается о последующих действиях Торарина.

Арнкель Годи (ум. 993), не сумел выручить скальда. Флокк Торарина приобрел на родине большую популярность как из-за своего содержания, так и благодаря высокому мастерству поэта: не случайно его неоднократно цитировали писатели XIII в. Снорри и Стурла.

«Удовлетворен вполне я / За молву срамную, — пишет Торарин Черный о своей победе, — /… коршун / брашно брал на трупах!»[55] Он презирает трусость, проявленную оскорбителями в сражении с ним и его сторонниками:

С плачем перепутье / Копий трус покинул:
Мир обресть навряд ли / В дебрях мог забрала.
Понукатель клячи [56]/ И мастак запястья
Чуть в пучину с кручи / Скал не прыгнул жалкий[57].

Известный на рубеже X и XI столетий скальд Одд Житель Широкого Фьорда писал хвалебные стихи в адрес могущественных исландцев. Сохранилось два куплета из его драпы о хёвдинге Иллуги Черном и сведения о драпе на смерть хёвдинга Хьяльти сына Торда, родичи которого встали на его защиту позже, во время тяжбы на тинге[58].

Скальд Рэв или Ховгард-Рэв, сын Геста (XI в.), был искусным поэтом, его стихи цитируются в «Младшей Эдде». Но о его жизни ничего не известно, а от его произведений сохранились лишь отрывки[59]. Один из них — «Висы о поездке по морю», где скальд выразительно описывает бурю, в которую попал корабль. Грохочет буря, море бушует, ветер неумолим, корабль захлестывают волны, но он смело несется вперед:

Зверь меж волн с ветрилом / Волен в пенном поле.
Будто видно берег, / Брызжет чертог китовый (1).
Но синью гор носимый / Рысак сей парусатый
*Крас*ну *гру*дь выносит / У Ран из пасти *стра*шной (3).
*Доб*р конь *дро*в кормы *дом* / — *Дро*жь идет по *дро*гам –
*Ре*жет *гру*дью *гро*зной / В чреве волн исполнен (4).
С*тра*шен *гро*м гор мо*ря*…

Дошли до нас также отрывки из «Щитовой драпы» Скальда Рэва и его стихи о скальде Гицуре Золотые Ресницы.

[55] Там же. С. 460. Здесь и далее перевод А.В. Циммерлинга.

[56] Там же. С. 465. «Перепутье копий» — сражение; «дебри забрала» — шлем; «понукатель клячи» (в подлиннике кобылы) — муж, мужчина.

[57] В «Саге о людях с Песчаного Берега» рассказывается, что противник Торарина от страха и в растерянности чуть не бросился со скалы в море.

[58] ИС II:2. С. 487 и сл.

[59] Поэзия скальдов. С. 64, 169.

Скальд Греттир Силач сын Асмунда Седоволосого (род. 996), герой «Саги о Греттире», был современником Тормода Скальда Чернобровой, но это личность совсем другого склада. Судя по саге о нем, скальд Греттир Силач был могучий боец, грабитель и убийца. Он совершал набеги на Западные Фьорды, грабил тамошних бондов и не раз попадал в положение вне закона. Однажды бонды уже совсем было приготовились его повесить, но казнь предотвратила жена местного хёвдинга Торбьёрна Толстого (см. выше). Греттир оставил после себя стихи о трусе, над которым взял верх (гл. LIX), о битве и победе в ней (гл. LX) и др. Был он человеком строптивым и отважным. Его семья располагала кораблем «для путешествий на тинг», и однажды вместе с родичами он туда отправился. Но в пути ничего не делал, вызывая раздражение попутчиков, только сочинял хулительные стихи, в том числе против Хавлиди, который руководил поездкой. Однако, когда разыгралась непогода, корабль стало затапливать, и надо было сделать все, чтобы вычерпать воду и не дать ему затонуть, Греттин «показал силу и хватку, его стали уважать» (гл. XVII). Среди персонажей «Саги о Греттире» есть могучий воин, который однажды помогал герою саги в сражении и при этом говорил стихи. Это скальд Халльмунд, биография которого рассказывается в «Песне Халльмунда»[60].

Плеяда одаренных скальдов-певцов в свое время собралась вокруг короля Харальда Сурового: Торарин Славослов, Арнор Скальд Ярлов, Тьодольв сын Арнора и другие. И сам король был, как уже говорилось, талантливым скальдом.

С XII в. искусство скальдов стало редким. Из скальдов известны Эйнар Скуласон, ярл Рёгнвальд, Гальр сын Торарина. С конца XII в. некоторое возрождение интереса к скальдической поэзии было следствием творчества Снорри Стурлусона и его племянников. Один из известных скальдов первой трети XIII в. был епископ Бьярни сын Кольбейна (ум. 1225), влиятельная фигура в норвежской и оркнейской политике своего времени. Но в середине XIII столетия этот жанр приходит в упадок.

В сагах попадаются сведения о людях, которые, не будучи собственно скальдами, знали стихи, а подчас и умели их слагать.

В той же «Саге о Греттире» рассказывается следующая история. Хутором Бережок, повыше Мыса Тинга, владел некий Свейн. Он «был добрый хозяин, человек веселый и любил сочинять всякие забавные стишки». Однажды, когда его резвой кобылкой Седелкой завладел Греттир, Свейн сказал по этому поводу стишок. Греттир ответил, и так они некоторое время переговаривались стихами (гл. XLVII). В числе персонажей этой саги есть стихотворцы, один из которых, современник Тормода, не служил, а двое других, в сущности, не были скальдами, но стихи складывать умели. И мать Греттира, когда узнала, что он погиб, сказала вису (гл. LXXXIII). Правда, «Сага о Греттире», написанная в XIV в., считается не вполне достоверной.

[60] Сага о Греттире. Гл. LXII. С. 104.

Когда Торольв сын Грима и его брат скальд Эгиль возвращались из набега на богатый датский город Лунд (область Сконе), они на обратном пути остановились у одного ярла. Его юная дочь оказалась соседкой Торольва по пиршественному столу и между прочим сказала ему вису («Сага об Эгиле»). О том, что некоторые женщины слагали стихи, свидетельствуют и другие саги.

Наряду с торжественными песнями в сагах, хотя намного реже, встречаются и стихи, написанные по различным житейским поводам. Например, один из героев «Саги о Битве на Пустоши» посвятил вису жене, с которой поссорился и решил: «Пусть поживет одна».

В «Саге о Хервёр» приводятся загадки Одина, изложенные в поэтической форме, т.е. стихи-загадки[61]. В народе бытовали и обрядовые стихи, которые пелись жрецами и колдунами при камлании[62]; вероятно, существовали обрядовые стихи, исполнявшиеся и по другим поводам, но мне они неизвестны.

Жанров скальдической поэзии, как и поводов для написания стихов, существовало немало, и все они, помимо чисто поэтических достоинств, несли память о людях и идеях, подвигах и грехах, надеждах и печалях, о непростой повседневной жизни людей саги.

---

[61] IMS. P. 20–21.

[62] См. выше (эпизод с ритуальной песней).

ПОЛОЖЕНИЕ СКАЛЬДОВ И ИХ СТИХИ КАК ЗЕРКАЛО ЭПОХИ

Хвалебная драпа и нид

В основе скальдической поэзии лежит хвалебная драпа. В исландском памятнике XIII в. «Перечень скальдов» названо 140 (!) скальдов, которые слагали хвалебные песни в честь скандинавских правителей. Несомненно, что самые известные, успешные скальды были обязаны своей славой в первую очередь торжественным хвалебным стихам. И что хвала воздавалась преимущественно владыкам. И что основой хвалы служили воинская доблесть, победы, щедрость вождей, а также преданность, самоотверженность их дружины. Таковы были стиль и дух эпохи.

Поскольку, как правило, скальд был участником или очевидцем событий, которые он описывал в своих стихах, и точно так же участниками или очевидцами этих событий были его первые слушатели, то фактам, изложенным в этих стихах, как уже говорилось в иной связи, можно вполне доверять. Именно так, с полным пониманием, относятся слушатели к рассказу о побоище, который Торарин облек в форму стиха[63]. Стоит еще раз подчеркнуть, что если стихи впоследствии пересказывались, то исказить их было намного труднее, чем прозаическое повествование. Поэтому стихи скальдов — достаточно надежный исторический источник. Только в XII в. появились драпы о героях прошлого, в том числе героях родовых саг. Вот в них авторы уже могли давать известную волю фантазии, с оглядкой, конечно, на потомков своих персонажей. Кроме того, у многих скальдов был большой жизненный опыт и широкий кругозор, ведь они участвовали в сражениях, много путешествовали как викинги, со своими патронами как дружинники или самостоятельно, разъезжая по дворам правителей. У них было множество возможностей заимствовать образы, сюжеты, обороты речи, отдельные строфы, выразительные средства и даже целые стихи, например из общей англо-скандинавской «копилки». Но особенно фантазировать было не безопасно, учитывая то внимание, с которым слушатели относились к репутации своих родичей и предков; исландцы, например, и сегодня славятся знанием генеалогии своих семей, начиная с первопоселенца.

При всей условности некоторых позиций, романтической пафосности, скальдические стихи весьма содержательны, в них отражены событийная история, религия, мировоззрение, немало сведений о вещном мире, ценностной шкале, идеалах своего круга — менталитете военной, служилой элиты.

[63] ИС II:2. С. 42–47.

Некоторые хвалебные песни отчасти приводились выше. Уже ясно, что они слагались преимущественно в честь правителей — королей и ярлов, реже хёвдингов, иногда друзей и любимых женщин. Например, Арнор Скальд Ярлов сын Торда получил свое прозвище потому, что слагал висы об оркнейских ярлах Рёгнвальде (который и сам слагал хорошие стихи) и Торфинне. Но ему же принадлежат пышные хвалебные песни в адрес норвежских королей Магнуса Доброго и Харальда Сурового, датского короля Кнута и некоторых знатных исландцев XI в. Его песнь, например, о короле Магнусе включала такую вису:

Слушай, Магнус, песню славну, / Слова я не вем иного.
Я твою, владыка даков, / Доблесть славлю речью доброй.
Ты затмишь, о богатырь наш, / Тех и сих князей успехи,
Будет жив твой ратный, бранный / Труд, доколь не рухнет небо[64].

В дружине Харальда Прекрасноволосого, как уже упоминалось, было много скальдов. Сохранились хвалебные висы одного из них — Хорнклови, которые обильно цитируются в саге об этом короле. Так, о победах короля на суше и на море скальд писал:

Тьму вольнолюбивых / Вождь врагов на взгорье,
Сокрушал, неистов… / Рад вождь прекрасный
Справить йоль в море, / Потешить руку
В игрищах Фрейра. / Постыло витязю
Сидеть по светелкам, / Печься у печки
В рукавицах пуховых[65].

Скальд Тормод Бахрома, сын хёвдинга Торкеля Бахромы (конец X — начало XI в.), составлял поэмы о знаменитом Снорри Годи (ум. 1031). В их числе — победная виса в «Саге о людях с Песчаного Берега», где воспевается победа Снорри Годи над разбойниками, поминальная драпа — в ней Снорри прославляется как воин. Всего в этой саге пять хвалебных вис Тормода Бахромы, скорее всего когда-то входивших в поминальный флокк, который получил название «Речи Ворона»[66]. Вот одна из этих вис:

Сперва умерщвлен / В шеломе златом
Вигфус был в поле / Дружиною Снорри.
С наследства Бьёрна / Позже задорно
Вороны рвали / Мясо клоками[67].

[64] Поэзия скальдов. С. 66.

[65] КЗ. С. 46–53.

[66] ИС II:2. С. 476, 481, 485, 487. В свою очередь, отец Тормода — хёвдинг Торкель Бахрома — упоминается в таких родовых сагах, как «Сага о Курином Торире», «Сага о Снэбьёрне Борове», «Сага о людях из Лососьей Долины». См. также: Поэзия скальдов. С. 163.

[67] Перевод С.Ю. Агишева. См. в кн.: ИС II:2. С. 479.

О Тормоде шла молва, что он, подобно Эгилю, слагает висы по всем поводам, чуть ли не говорит стихами[68]. Но его слава как поэта не была особенно громкой.

Сыну Харальда Прекрасноволосого Хакону Доброму хвалебные драпы сочинял его дружинник-скальд из знатной северонорвежской семьи — Эйвинд Финнссон Погубитель Скальдов, который нам уже знаком. Он же создал хвалебную песнь в честь хладирского ярла Хакона Могучего (правитель Норвегии, 974–994)[69], того самого, которого опозорил нидом Торлейв Ярлов Скальд, поплатившийся за это жизнью.

И скальд Хорнклови, и другие скальды много стихов посвящали битвам, воспевая отвагу героев, разумеется, тех, что сражались с ними на одной стороне, описывая жар битвы и упоение боев, расхваливая оружие. Эйвинд Погубитель Скальдов повествует о том, как конунг «стал под стягом, / Торчали мечи, / Трещали копья, / началась буря морского боя»[70].

Создавались специальные висы о храбрости[71], висы о щедрости правителей. Хвалебные висы сочинялись и по печальным поводам: когда погибал конунг, вождь, военачальник или друг. Уже говорилось о песне Эйвинда Погубителя Скальдов, посвященной смерти конунга Хакона Доброго, его израненным бойцам и предсмертным наступлениям короля:

Сидели мужи, / Потрясая сталью,
Пробиты кольчуги / И щиты посечены…
Угрюмы лица / Героев, но ждали
Их палаты Вальгаллы.
— Наши доспехи, — / Рек добрый конунг, –
Службу еще сослужат, / Каждому ратнику
Должно беречь / С честью копье и кольчугу.

Уже говорилось и о том, что, если скальд получал в подарок добротный и красиво украшенный щит, он должен был воспеть то, что на нем изображено, в том числе описать рисунок мифологического содержания («щитовая песнь»)[72]. Интересная «смертная песнь» содержится в «Саге о Хервёр». Это поэтический монолог после битвы, когда герой Хьяльмар, умирая, получает добрые пожелания пути (в Вальхаллу) от друга[73].

Противоположностью стихотворному восхвалению было посрамление, хулительный стих-нид, широко распространенный в обществе людей саги. И это тоже было частью стиля и духа эпохи.

[68] ИС II:1. С. 141.

[69] Поэзия скальдов. С. 147 и др.

[70] Там же. С. 35; КЗ. С. 40 (стихи Эйвинда), 50 (стихи Харнклови) и мн. др.

[71] ИС I. С. 45.

[72] Однако щиты с такими рисунками так и не были найдены археологами.

[73] IMS. P. 17–18.

Уже не раз говорилось о том большом значении, которое скандинавы придавали сказанному слову, особенно стихотворному. Большим реальным воздействием, по их мнению, обладали и героические, и любовные стихи, но более всего именно ниды, ругательные, намеренно оскорбительные, произнесение которых, как и перебранка нидами, сплошь и рядом кончалось побоищем. Нида боялись не только потому, что он, по распространенному мнению, притягивал беду, но и из-за дурной славы, которая могла преследовать адресата нида: ведь, как сказал тогда один скальд, «век человеческий короче / Жизни злобного слова»[74].

Судебник «Серый гусь» запрещал писать не только ниды, но и стихи о женщинах, полагая, видимо, что они сродни приворотам.

Бьёрн сын Арнгейра с Хит-реки (ок. 981–1024), герой «Саги о Бьёрне» (гл. VI–IX), страдая из-за того, что любимая им девушка вышла замуж за его соперника Торда, написал против него очень грубый нид, за что был им убит[75].

Потрясающая история рассказывается о ниде в «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде», которой все верили. Герой «Пряди», купец и скальд X в. Торлейв Райфельдарсон («Сын Рыжей Шкуры») по прозвищу Исландский Скальд, был как-то смертельно оскорблен хладирским ярлом Хаконом Могучим, который по весне присвоил его товары, сжег корабль, а спутников повесил. Тогда Торлейв обманным путем, одевшись стариком, проник в палаты ярла и получил разрешение сказать вису. Но вместо этого сказал нид. Сохранился тогда фрагмент этого нида — одна виса из четырех строк, где ярл обвиняется в таком разграблении, из-за которого «стала мгла к востоку, / Снег и град к закату. / Реет дым на браги»[76]. Но в палатах ярла скальд сказал весь нид. Результат этого был ужасен. Ярл стал немилосердно чесаться, у него вылезли борода, а также волосы с одной стороны головы. Его оружие стало само собой беспорядочно метаться, губя людей. Наконец ярл упал без памяти и проболел затем всю эту весну и часть лета, а совсем оправился лишь через год[77].

Но история на этом не закончилась. Ярл подослал к Торлейву, которого стали называть Ярловым Скальдом, убийцу, так что поэт погиб, успев лишь сказать, что он «нынче в Хель помчался / почивать навечно»[78]. Похоронили его, как положено, в кургане.

А неподалеку жил тогда некто Торкель, «муж зажиточный, но не знатный». У него было много скота и пастух по имени Халльбьёрн Хвост. Пастуху очень хотелось сложить песнь о кургане Торлейва, где он нередко ночевал. Но он не был скальдом, и ничего у него выходило. Однажды ночью, когда он спал, к нему из кургана явился Торлейв и предложил запомнить вису, которую он скажет, после чего

[74] ИСИЭ. С. 452.
[75] Поэзия скальдов. С. 164.
[76] Там же. С. 46.
[77] КИ. С. 492–493.
[78] Там же. С. 495.

пастух может сделаться большим скальдом. Затем Торлейв потянул пастуха за язык и сказал вису:

Здесь лежит из скальдов / Скальд в уменьи первый;
Нид сковал даритель / Древка[79] ярый ярлу.
Не слыхал, чтоб прежде / За разбой воздал бы —
Люд о том толкует[80] — / Кто монетой этой.

После этого Торлейв возвратился обратно в курган, а пастух Халльбьёрн, который все запомнил, сочинил о нем хвалебную песнь и стал известным скальдом и богатым человеком, ведь теперь многие большие люди приглашали его, чтобы сочинить о них вису[81].

В «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде» упоминается и известный скальд XI в. — Халлбьёрн Хвост (Старший).

В «Саге о Ньяле» мать Скальда Рэва складывает ниды против миссионера Тангбранда, который в 1000 г. крестил Исландию. Она была против крещения, о чем и свидетельствуют две приписываемые ей висы[82]. Уже говорилось о Турид из «Саги о Битве на Пустоши» (1014). Ее молодость и первый неудачный брак описаны в «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. XXX). Турид была довольно вздорной женщиной и такой же неистовой, как и ее дед Эгиль. Она срамила своих сыновей за то, что они не отомстили кровью за гибель их брата, выкрикивала хулительные стихи, в которых говорилось о том, что таких братьев бранят даже рабы и что старшему, Браги, предстоит «слыть ублюдком» среди людей; сыновьям пришлось подчиниться и ехать искать обидчика[83].

Примечательная история с нидом произошла в конце X в. Однажды у датских берегов разбился исландский корабль. И король страны Харальд Синезубый приказал своему наместнику Биргиру захватить его вместе с грузом. Исландцы, узнав об этом, постановили на альтинге сочинить против захватчиков нид, собрав с каждого тингмана по строке. Из этого коллективного нида сохранилась одна ядовитая виса:

Харальд сел на судно, / Став конем хвостатым.
Ворог ярый вендов / Воском там истаял.
А под ним был Биргир / В обличье кобылицы.
Свидели воистину / Вои таковое[84].

[79] «Даритель древка» — воин, в данном случае Торлейв.

[80] Курсивом здесь и в других местах, как уже говорилось выше, отмечены вставные строки, характерные для поэзии скальдов.

[81] КИ. С. 496–497.

[82] ИС I. С. 45 и 156 (примеч.).

[83] ИС II:1. С. 472–473.

[84] Поэзия скальдов. С. 49.

Обвинив датского короля в том, что он растерял в сражениях с вендами всю свою храбрость и что в довершение всего он со своим наместником превратились в спаривающихся жеребца и кобылицу, исландцы нанесли ему, пожалуй, самое страшное из возможных в то время оскорблений. Но поскольку это было коллективное творчество, мстить было некому…

Один из поздних хулительных стихов относится к середине XIII в. и упоминается в «Саге о Стурлунгах». Там рассказывается о скальде Гудмунде сыне Асбьёрна (ум. 1235/37), написавшем нид о своем враге[85].

Известны ниды, сложенные под непосредственным впечатлением от отдельных людей или обстоятельств, например случаев во время застолья. Дружинник-скальд Халли Челнок с помощью шутки напоминает вождю о том, что он голоден и нечего затягивать начало трапезы: ведь, только хорошенько наевшись, скальд сможет сотворить вису во славу вождя:

Мой отдам за мясо / Меч и, княже, даже
Лепый щит / За ломтик / Хлеба. Взять их где бы?..
Хряка вижу / Красно рыло. Сотворю я
Вису вам во славу, / Вождь вы мой и воев[86].

Тот же Гудмунд сын Асбьёрна зло высмеивает какого-то бедняка, который повадился пристраиваться к богатому столу:

Ждет худое слово / дармоеда снова.
Рыбью кость к обеду / Кинут дармоеду.
Разом прочь с восхода / Прогнали юрода.
— Прими дерьмо позора![87]

Презрение к беднякам и в то же время намек на нежелательность их гнева видны в отдельной висе короля Сигурда Крестоносца сына Магнуса:

Смирные мне смерды / В мирном поле милы[88].

Судя по стихам, написанным по конкретным бытовым поводам, скальды иногда писали грубоватые песни; их можно было исполнять и во дворце, и в деревне. Они напоминали так называемые «шпильманские» песни, распространенные в немецких землях. Но вообще один и тот же скальд нередко слагал стихи разного назначения и разных примеров.

[85] Там же. С. 73, 178.
[86] Там же. С. 71–72.
[87] Там же. С. 73.
[88] Там же. С. 72.

Скальды и стихи XII–XIII столетий

Поскольку стихосложением в XII–XIII вв. занимались многие ученые люди, писатели и историки, их произведения вносят весомый вклад в понимание истории, причем не только Исландии, но и всего региона. Так, с конца XI в. сочинением стихов занимался прославленный Ари Мудрый (Торгильссон, ок. 1067–1148), автор первых исторических сочинений на исландском языке, из которых сохранилась только «Книга об исландцах», представляющая собой краткую историю Исландии. В конце XI — первой половине XII в. клирик Торир, предполагаемый автор «Древнейшей истории Норвежских королей», епископ в Хамаре (1189/90–1156), а позднее и Торир Гудмундарсон, архиепископ Нидаросский (1206–1214), также слагали стихи.

В XII столетии священник из Исландии и скальд Эйнар Мороз сын Скули почти всю жизнь провел в Норвегии, прославляя ее правителей. Самое значительное его произведение — «Луч», драпа об Олаве Святом и чудесах на его могиле. Оно состояло из 71 висы и сохранилось полностью[89]. Дошли до нас и другие хвалебные песни Эйнара, а также отдельные висы. Известна история, связанная с появлением одной из них. Король повелел выпороть некоего музыканта-гусельника за то, что тот в скоромную пятницу ел мясо (см. выше, часть 5). Эйнар вступился за беднягу. Тогда король решил, что нарушителя поста будут пороть до тех пор, пока скальд не сложит вису о его прегрешении и наказании. Виновному посчастливилось: после всего пяти ударов виса была готова:

Гусельник-поганец / Сгреб мясцо в утробу.
Так в пяток скоромный / Тешил плоть он плотно.
Прыгал прут и гнулся, / Проучая часто,
А игрец тот грешный / В гузне чуял гусли[90].

От конца XI — начала XII столетия известны стихи Эйрика Тревоги, уроженца Северо-Запада Исландии. Они считаются протографом описания тяжелейшей распри, о которой рассказывается в «Саге о Битве на Пустоши» (7 вис о походе Барди сына Гудмунда в Боргарфьорд). И сам скальд, судя по стиху № 13, принимал участие в этом сражении (ср. висы № 16–18)[91]. Еще один скальд, Хаук сын Вальдиса, создал «Драпу об исландцах».

Герой «Саги об оркнейцах» — ярл Оркнейских островов Рёгнвальд Кали сын Коля (ум. 1158) — в одном из стихов говорит о девяти своих умениях, последним называя стихосложение, которое являет собой как бы их венец[92]. Рёгнвальд Кали совершал пальмничество в Палестину (1151–1153), а по дороге надолго останавливался в Южной Франции, и в его стихах, как считают некоторые филологи, можно

[89] Поэзия скальдов. С. 176.

[90] Там же. С. 72.

[91] ИС II:1. С. 450, 458.

[92] Стеблин-Каменский, 1979. С. 91–93.

обнаружить влияние поэзии трубадуров. Он занимался и теорией стихосложения, сочинив вместе с исландцем Халлем Тораринссоном «Ключ размеров» (перечень стихотворных размеров) — пособие по скальдической поэзии, использованное великим Снорри Стурлусоном (1241) в его «Младшей Эдде»[93].

Во второй половине XII в. скальд Халльбьёрн Хвост Старший, известный по «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде», сочинял стихи в честь шведского конунга Кнута Эрикссона (ум. 1196) и норвежского короля Сверрира (1177–1202). Упоминания об этом скальде как человеке, чьи слова заслуживают доверия, имеются в «Саге о Фарерцах» (гл. XXVII).

В начале своего уникального произведения «Младшая Эдда» Снорри поместил обширное, великолепное по стилю и содержанию стихотворное «Видение Гюльви», где собрал и обобщил множество мифологических сюжетов, известных сегодня в значительной мере благодаря этому произведению. Вторая же и третья части этой книги являются пособием по скальдическим стихам. И свои саги, в том числе объединенные в «Круг Земной», Снорри часто перемежает стихами, причем такими, авторство которых не всегда установлено.

Знаменитый племянник Снорри Стурла Тордарсон (1214–1284) тоже вставлял в свои прекрасные сочинения — «Сагу о Хаконе Старом» и «Сагу об исландцах» (гл. 72, 73, ок. 1264/65) — стихи-памфлеты, но, вероятно, не все из них были его собственного сочинения.

Старший брат Стурлы и другой племянник Снорри Олав Белый Скальд (1210/12–1259) также принадлежал к окружению Снорри и почитался как самый крупный поэт первой половины XIII в. Он же написал так называемый «Третий грамматический трактат», посвященный стихосложению. Отрывки из его стихов сохранились лишь в некоторых сагах: они цитируются в «Саге об Ароне», в «Древнейшей саге о епископе Гудмунде сыне Ари», в «Саге о Хаконе Старом» Стурлы сына Торда. В последней приводятся отрывки хвалебной драпы Олава, видимо, в честь короля Хакона Старого и его тестя Скули. Сохранились две висы Олава, отражающие конкретные эпизоды, героем которых был знаменитый Арон; поэт радуется проявленному им мужеству и тому, что Арон сумел избежать смертельной опасности:

Выпал сход опасный, / Днем, для войск обоих:
Был кольчуг крушитель / Крут, у Скал Сокольих
Меченоша, брошен / В круг мужей суровых,
Все ж с крючка сорвался / Враз, Арон у Стурлы (виса 15).

Затем, будучи изгнан из Исландии (1226), Арон совершил паломничество в Иерусалим, а вернувшись в Норвегию, был принят в дружину короля Хакона. Его друг Олав пишет об этом:

[93] Поэзия скальдов. С. 177; ИС II:1. С. 419.

Шаг, стрелец, обретший / Сан и славу, — ставлю
Выше доблесть мужа — / Мерил к Иордану.
Смыл клеймо с лихвою / Фрейр щита пресветлый,
Вознеся изгоя / Имя в Йорсалиме (виса 16)[94].

Вообще, оба сына Торда были в XIII в. крупнейшими носителями традиции устного стихосложения и вербальной передачи скальдического стиха.

В огромной «Саге об исландцах» Стурлы сына Торда приведены 94 висы, но почти все они анонимны. В качестве скальда там назван хёвдинг и богач Кольбейн сын Туми (ум. 1208), который контролировал болшинство округов на севере Исландии и одновременно был автором ряда вис (например, № 2, 3; гл. 20). Упоминается Ингъяльд сын Гейрмунда, который был скальдом и провожатым Стурлунгов, а также участвовал в крупнейших битвах 1240-х гг. Его 13 вис отразили эти сражения, они цитируются в некоторых сагах.

Одним из лучших скальдов XIII в. считается Гудмунд сын Одда. В 1218 г. он был в свите ярла Скули, который фактически правил Норвегией при конунге Хаконе. По приезде в Исландию скальд стал домочадцем Стурлы сына Сигвата и свидетелем жестоких междоусобиц на острове. В «Саге об исландцах» он упоминается более десяти раз, а свою вису № 13 Гудмунд завершил словами:

Но свою отчизну / Грабить не пристало[95].

В стихах XIII в. еще больше усилились политические мотивы: хвалы в адрес справедливого, щедрого и храброго правителя и осуждение дел неправедного. Одним из примеров может служить анонимный нид о ярле Скули, который сочинил «один человек»: «Не желаю рожу / Ярла на престоле / целовать, скуласту, — / Страсть жестка щетина…»[96]

Много стихов было направлено вообще против власти Норвегии.

Скальд в повседневной жизни

Напрасно мы искали бы в жизни и характерах скальдов какие-то особые черты, отличные от черт, обычаев и жизненной практики скандинавов эпохи викингов, особенно элиты.

Как и все уважаемые мужи, его современники, скальд прежде всего был воином. Торир Ледник, убив кровника и уже умирая от нанесенных ему в поединке ран, вышучивая противника, создал лихую вису:

[94] Пер. А.В. Циммерлинга. См. в кн.: ИС II:2. С. 558, 560.
[95] Сага об исландцах. Гл. 38. С. 113.
[96] Там же. С. 114. Ст. 15. Ср. ст. 14.

Держись, лысун, за судно!
Час приспел твой судный.
Дух крепи надменный
Среди сей вьюги пенной…
Полно дев любити!
Двум смертям не быти[97].

Но чаще всего скальды воспевали битву — на суше и на море, в чужих пределах и соседями. Они славословили победы, воинское мужество и умение, верность вождю и деяния самого вождя, славную гибель в бою и братство по оружию. Это и понятно. Ведь скальды были такими же отважными викингами-грабителями, любознательными путешественниками, открывателями и колонизаторами неведомых земель, как и прочие видные скандинавы того времени. Одним из участников похода через океан, в Гренландию, а оттуда в Северную Америку был скальд Торхалль Охотник, от которого сохранились две висы[98].

Яркое представление о скальде — воине, путешественнике, викинге — дает биография того же «неистового скальда» Эгиля, одной из выдающихся личностей своей эпохи. Как уже говорилось, он принадлежал к довольно знатному и состоятельному семейству; подобно отцу, был мастеровит и грамотен, умел резать и читать руны, знал их магию. Отличался вспыльчивым и воинственным нравом, но был заботливым другом, отцом и родичем, имел ухоженный хутор. Кроме того, он писал стихи. И все это при том, что ему совершенно не сиделось дома! С братом Торольвом Эгиль ходил в поход против фризов и в грабительский набег против куршей (где попал в рабство и чудом освободился). Однажды, возвращаясь из Фрисландии, он узнал, что около Ютландии на двух кораблях поджидает добычу викинг Эйвинд Хвастун. Эгиль на своем судне сразу же кинулся ему навстречу, пустил в ход оружие и камни, перебил людей Эйвинда, а предводитель с трудом добрался до суши вплавь. Рассказывая об этом Торольву, Эгиль сказал вису. Когда на тинге оспаривалось право невестки Эгиля на наследство после отца, он вызвал истца на поединок и убил его. А когда берсерк Льот Бледный сватался к племяннице его друга Аринбъярна и, получив отказ, потребовал решить дело поединком, Эгиль взял дело на себя и, по своему обыкновению, сказав вису, убил берсерка.

Он беспрерывно ездил в Норвегию, служил в дружине норвежского конунга Харальда и короля Этельстана Английского. При отъезде Эгиля из Англии король щедро наградил его[99]. В «Саге об Эгиле» сказано, что Этельстан дал Эгилю для его отца Скаллагрима в качестве виры за убитого на королевской службе Торольва два

[97] Поэзия скальдов. С. 74, 178, прим.

[98] ИСИЭ. С. 159.

[99] Сага об Эгиле. Гл. VIII; Поэзия скальдов. С. 30–46 и сл., 134–146.

сундука с серебром, а самому Эгилю за кровь брата подарил большие золотые обручья и предложил любые земли и почести. Позднее в той же Англии, попав к своему кровнику Эйрику Кровавая Секира, Эгилю с трудом удалось спастись ценой «Висы головы», прославляющей Эйрика.

У конунгов, в дружинах которых он служил, Эгиль был в неизменном почете, на пирах и в застольях сидел подле конунга, а у короля Этельстана он и его брат были военачальниками, участвовали в битвах, в одной из которых и погиб Торольв. Конец жизни поэт и воин провел дома, занимаясь хозяйством и став таким же лысым, как и его отец. Уже слепым стариком, потеряв сыновей, он вынужден был терпеть дерзости от женской прислуги, отвечая на них только горькими строфами.

Внук Эгиля скальд Скули «стоял на носу корабля ярла Эйрика Железный Борт, когда погиб конунг Олав сын Трюггви»[100], т.е. был впередсмотрящим на корабле ярла, что было высоким постом для викинга и дружинника.

Одним из известных скальдов своего времени считается уроженец Западных Фьордов Тормод Берсасон Скальд Чернобровой (ок. 988/998–1030). Он был удостоен не только пряди, но и саги — «Саги о Названых Братьях» (которая, скорее всего, опиралась на «Прядь о Тормоде», происхождение которой неясно). Тормод уже упоминался выше, но его история заслуживает еще одного рассказа.

Жизнь Тормода, связанная с жизнью побратима, была полна приключений. «Сага о Греттире» повествует: «В то время в самой силе были названые братья, Торгейр сын Хавара и Тормод Скальд Чернобровой. У них был корабль, и они промышляли здесь и там, не останавливаясь и перед насилием». Например, как-то на родине они пытались отнять у прибрежных бондов выброшенного на берег кита. В результате началось настоящее сражение, побратимы многих поубивали и взяли себе всю тушу, о чем Тормод написал драпу[101].

Судя по «Саге о Названых Братьях», Тормод Скальд Чернобровой был верным дружинником Олава Святого[102] и как боец вел себя героически. В саге приведено около 40 его вис, 15 из них взяты из поминальной драпы, посвященной его названому брату Торгейру сыну Хавара[103]. Он побывал и в Дании у Кнута Могучего, хотя сага об этом умалчивает. Сведения же о том, что он был в дружине Кнута, есть в «Пряди о Тормоде», где биография героя вообще изложена несколько иначе, чем в саге[104]. Тормод и Торгейр ходили в торговые плавания, много и славно сражались, каждый за своего вождя. Тормод написал выразительную поминальную драпу о героической гибели названого брата Торгейра сына Хавара, сам же поэт погиб при

[100] ИС I. С. 251.

[101] Сага о Греттире. Гл. XXV. С. 47.

[102] О скальдах-викингах на службе Олава Святого см. также в «Саге об Олаве Святом» (гл. LXXI).

[103] См. упоминание о нем в «Саге о Греттире» (с. 47, 49).

[104] ИС II:1. С. 336, 362–363, прим.

Стикластадире, не оставив своего вождя — конунга Олава. Он умер вечером после битвы, сказав ряд вис. Вот одна из них:

Бледен я-де ликом — / Платье иве в диво.
Кровью красной рдея, / Раны нас не красят.
Стрел пурга тугая / Губит многих, люба.
Вострый вихрь вонзился, / Верно, прямо в сердце[105].

Посленюю вису (№ 40) скальд не успел договорить, и ее закончил конунг Харальд Суровый[106]. А перед битвой Тормод сказал конунгу Олаву афористическую фразу, настоящий лозунг верности: «С тобою жить — и умереть / с тобой».

Стихи Тормода, которые сохранились в «Саге о Названых Братьях» и в «Пряде о Тормоде», интересны не только своими темами. Привлекательны они, помимо прочего, и своими афоризмами, которые рождаются у поэта. Речь идет о висах, преимущественно посвященных названому брату Торгейру. Вероятно, стихи в «Драпе о Торгейре» тоже принадлежат Тормоду[107]. Дело в том, что Торгейр в возрасте 15 лет в одиночку отомстил убийце своего отца Едуру сыну Кленга, в свою очередь убив его. Это событие прославило юного мстителя, и Тормод в поминальной драпе, посвященной названому брату, отметил это:

Умерщвлен сын Клёнга: / сим между деяний
направитель киля / утвердил сурово.
За сиротство руки / окропил в пятнадцать
лет наследник Хавра, / — вождь взнуздал удачу[108].

Торгейр вообще был очень жестоким человеком, он убивал походя; например, он лишил жизни некоего Бутральди только потому, что патрон жертвы был ему врагом. Тормод не одобрял поведение собрата и считал, что Торгейр таким поступком умалил свою славу:

Надлежит ристанья /нам считать прилюдно:
— улетает серый / прочь орел — Бутральди
смолк, Но мельче (! — *А.С.*) славу / — *трудно скрыть* — ударом
обагритель древка / приобрел в народе[109].

Когда Торгейру пришла в голову мысль сразиться на поединке с Тормодом, чтобы выяснить, кто из них сильнее, более благоразумный Тормод расторг с ним полное

[105] Поэзия скальдов. С. 62. «Ива» — кеннинг женщины.

[106] Стихи и прим. к ним см.: ИС II:1. С. 482, 589, особ. ст. № 10–18, 35 и др., а также прим. на с. 505–518.

[107] ИС II:1. С. 429, прим.

[108] Пер. А.В. Циммерлинга. В кн.: ИС II:1. С. 489. «Направитель киля» — рулевой на корабле, мужмореплаватель Хавр — Хавар, отец Торгейра.

[109] Пер. А.В. Циммерлинга. См.: Там же. С. 493 (курсив выделяет вставленный текст. — *А.С.*).

братство, и они стали жить раздельно. Создав по этому случаю вису, поэт заметил: «Лишь о лучшем в нашей / …дружбе / вспомню без заминки».

Тормод вообще был рассудительный человек, и в его стихах много житейской мудрости, например: «Не делись с другими / своими замыслами»; или: прекрасно, если человек «мечты насытил»[110]; кровавые раны нас не красят[111] и др. Тормод Скальд Чернобровой засвидетельствовал наличие связей Исландии, прежде всего Западного Фьорда, с Гренландией: три года (1025–1028) он провел в Гренландии, создав цикл «Гренландские стихи». Вошедшие в цикл семь вис — преимущественно хулительные песни, в которых отразились непрерывные распри с исландцами, бесконечные ссоры и убийства, в том числе совершенные самим скальдом на гренландском тинге. Там он только чудом не был узнан и поэтому смог ускользнуть от наказания. По этому поводу он написал торжествующую вису:

Отличим в толпе я / Очертаньем речи.
Смоль кудрей курчавых / Не признали чудом…[112]

Убив в морском бою дружинника Олава Святого, Тормод ждал казни, но другие дружинники короля заступились за него, да и сам король считал, что смерть такого человека, как Тормод, была бы невосполнимой потерей, ибо он — «большой скальд». Олав взял его в свою дружину, и Тормод написал:

Я любым уделом / удручен не буду:
одари им вдоволь, / удалой владыка!
С мудрым ратоборцем / рад бы обретаться —
— выложим по борту / щит на лыжу лужи[113].

Видимо, интересными были те любовные стихи Тормода, которые он посвятил чернобровой девушке и из-за которых, как мы помним, с ним произошли неприятности.

С именем Тормода связана одна интересная традиция. Дело в том, что в «Старшей Эдде», в знаменитом «Прорицании Вёльвы», предсказывается «*век ножей*», который будет временем конца человечества. Судя по саге, скальд в висе, созданной накануне последней своей битвы, сказал о наступлении «века ножей». Стурла Тордарсон в «Саге об исландцах» под 1238 г. употребляет выражение «начало века ножей» — как символ навсегда ушедшего прошлого.

Что касается побратима Тормода, Торгейра сына Хавара, о котором уже говорилось выше, то висы рассказывают о непрерывных убийствах, совершаемых этим человеком, которого в конце концов объявляют вне закона, и родичи тайком

[110] ИС II:1. С. 181.

[111] Поэзия скальдов. С. 62.

[112] Пер. А.В. Циммерлинга. В кн.: ИС II:1. С. 527.

[113] Пер. Ф.Б. Успенского. В кн.: Там же. С. 542. «Лыжа лужи» — корабль.

вывозят его в Норвегию. Там Торгейр становится дружинником при сводном брате короля Олава Харальде и ездит в основном по торговым делам, мужественно выводя корабль в море при любой погоде. Однако он не унимается и при удобном случае опять убивает, на этот раз придорожного хуторянина и двух его работников, которые показались ему «злобными» и «наглыми». Когда некий Торир нанес увечье дружиннику конунга Олава, именно Торгейру тот велел отомстить за «бесчестье». И Торгейр едет на хутор Торира и убивает его. Одна из вис Тормода посвящена тому, как Торгейр на поединке убивает своего старого врага Гаута; причем спутники обоих активно науськивали их друг на друга. В следующий раз Торгейр нарушил перемирие, отомстив за убийство одного из своих родичей, за что и был убит. Выразителен рассказ о гибели Торгейра, которая произошла на его корабле-кнорре. Как и в посмертной драпе о Торгейре, Тормод свидетельствует, что с его клятвенным братом была всего дюжина людей, а напали на них 40 человек. Люди Торгейра погибли быстро. А сам он бросился на корму и защищался, стоя на штевне. В этой позиции бился с несколькими нападавшими сразу, пока не погиб. Далее в ряде стихов развивается мысль о героической гибели Торгейра и о том, что он вообще «бегать от битвы не привык» (виса № 18), тем более что на суше ли, на море ли — бесстрашие героя в битве обязательно (виса № 12)[114].

Скальд Тормод показывает в своих висах два разных типа викингов того времени. Один из названых братьев — безудержный забияка и беспощадный убийца, хороший мореход, неплохой торговец и очень умный человек. Другой — сам Тормод — не менее умный, не менее отважный воин, но человек последовательный, рассудительный, верный в братстве и в служении своему патрону, также погибший в сражении, но под знаменами конунга, которому не изменил до конца.

Довольно подробное описание последнего сражения Торгейра интересно прежде всего потому, что там подтверждается тактика сражения на корабле, притом на корабле торговом, кнорре. Ведь тогдашние суда не имели палубы, а только помосты на корме и на носу, у штевня. Эти помосты играли разную роль, например, предохраняли от влаги людей и товары. Но во время сражений они становились площадками для боя, а основа штевня была хорошей позицией при индивидуальной защите от нескольких нападающих.

Одновременно с Тормодом у короля Олава Святого служили скальды Гицур, Торфини и др. Вместе с Тормодом они решили перед битвой произнести такие тексты, чтобы они надолго остались в памяти людей. Этому королю верно служили и такие скальды, как Торарин Славослов и Сигват, которые тоже прославили его деяния и героическую гибель[115]. Очевидно, в дружине Олава Святого было восемь–десять скальдов.

[114] ИС II:1. Висы 2–18.

[115] КЗ. С. 373.

Выдающийся скальд того же короля Олава Сигват Тордарсон (ок. 985/987–1045/47) — это еще один тип дружинника, фигурирующий в «Пряди о Тормоде» (и в висе № 35). Поэт, воин, дипломат и царедворец Сигват Тордарсон занимал высокое положение при дворе конунга, он был ближайшим другом, доверенным лицом Олава Святого, его советником и крестным отцом его сына Магнуса (будущий Магнус Добрый), скальдом которого стал после смерти его отца, и вообще одной из замечательных личностей своего времени. Лишь случайно он не поехал за Олавом в изгнание, а в момент битвы при Стикластадире не погиб, поскольку совершал паломничество в Рим. Сигват сохранял высокое положение при всех правителях как во время отсутствия Олава Святого в Норвегии, так и после его гибели. Выполнял дипломатические поручения в Швеции, Дании, Нормандии и Англии, на Востоке вел переговоры и заключал соглашения, давал советы своему королю. Он оставил большое поэтическое наследие, описав свои поездки и приключения, а также воспел своих патронов. Его «Висы о поездке на Восток», где речь идет о Швеции, и «Висы о поездке на Запад», т.е. в Нормандию и Англию, цитируются Снорри как вполне достоверные. Известны его «Викингские висы» — описание юношеских походов Олава Святого: «Висы о битве у Несьяра» (мыс к юго-западу от Осло-фьорда, 1016), где Олав Святой победил ярла Свейна, а также «Откровенные висы», политическая «Драпа о Кнуте»[116], отдельные стихи (32 висы) и его последнее сочинение — «Поминальная драпа об Олаве Святом». Все произведения этого замечательного скальда и выдающейся личности своего времени разнообразны по стилю и отличаются зрелой поэтической манерой.

Торжественно звучит его стих, когда он описывает битву у Несьяра:

Был *люб* стрел *ли*вень *лют*ый / *Слав*ному Олаву.
*Рав*но *дро*во*руб*ы / *Рад*ы были *дра*ться.
Х*раб*рость била *роб*ость, / *Рав*ны были *рати*[117].

Лиричным, красивым, скорбным становится он, говоря о гибели своего вождя Олава. В тот миг, когда скальд узнал о ней, для него закатилось солнце, померк день:

Диво людям дивное / Здесь в сей день явилось.
Солнце с небом синим / Сразу скрылось в мраке.
День поблек нежданно, / Недолго, но недобрый:
Из норвежской вести / Внял я смерти князя[118].

А свою поездку «на Восток» Сигват описал при помощи бытовых интонаций, не забывая, однако, переплетать фразы:

[116] Поэзия скальдов. С. 59, 60 (прим. 24), 165, 167; КИ. С. 637.
[117] Поэзия скальдов. С. 59.
[118] Там же. С. 60–61.

Скачучи по кочкам, / Конь зело голодный
Путь копытом роет. / *Полдня меня несет он –*
День спознался с ночью — / *Нынче вдаль от данов.*
Снова бух в канаву /Ноги вороного…[119]

Примечательна история создания «Откровенных вис» (ок. 1028). В первой трети XI в. в Норвегии назрело серьезное недовольство, вызванное грубой политикой конунга Магнуса Доброго, сына Олава. Обстановка накалилась. 12 дружинников, приближенных конунга, бросили между собой жребий, кто из них рискнет вразумить короля, поскольку все опасались его гнева. Жребий пал на Сигвата сына Торда; он сочинил и сказал королю свои «Откровенные висы». Сигват считал, что, будучи близким к королю и одновременно верным ему человеком, он может своему патрону и брату во Христе откровенно сказать о тех нарушениях традиций и законов, о несправедливости, что позволял себе король. Он ненавязчиво, но вполне откровенно вразумлял короля в своем произведении по поводу того, что его политика унижает и возмущает бондов, а их гнева следует опасаться. В результате государь прислушался к убедительной аргументации скальда и изменил свою политику. Так, Сигвату Тордарсону удалось при помощи своего ума, такта и поэтического дара повлиять на короля, который стал осмотрительнее, советовался с мудрейшими и соблюдал законы («Сага о Магнусе Добром», гл. XVI). Эта история свидетельствует о том высоком авторитете, которым пользовались скальды в окружении правителей, что позволяло им оказывать влияние на политику последних.

У Магнуса Доброго, а затем у Харальда Сурового в числе других служил скальд Тьодольв сын Арнора, причем сохранилось довольно много вис из его хвалебных песней[120]. При конунге Харальде Суровом служил в дружине и скальд Халли Челнок, прозванный так за находчивость, которую он проявлял в ответах. Многие его стихи легли в основу анекдотов, героем которых стал он сам[121].

Между прочим, сохранилась легенда о том, что Харальд Суровый однажды встретил в море рыбака и потребовал от него вису; рыбак Торгильс сказал конунгу вису, чем доставил тому немалое удовольствие.

Халльдор сын Снорри из «Пряди об исландце-сказителе» был известным сказителем саг и скальдом короля Харальда Сурового. Вместе со своим вождем он участвовал в дальних походах, служил при нем на Руси и в Византии. О герое «Саги о Халльфреде» уже говорилось: он был в дружине Олава сына Трюггви и прославился как висами в честь этого короля, так и любовными песнями.

[119] Там же. С. 59.
[120] Там же. С. 69–71, 174, прим.
[121] КИ. С. 626.

У Кнута Великого дружинником и скальдом служил Торфинн Славослов (упомянутый выше), который перешел к нему на службу после захвата конунгом Норвегии. Сочинял он висы и в честь конунга Свейна сына Кнута.

В «Саге о Битве на Пустоши» цитируется Тинд Халлькельсон (род. ок. 960), скальд норвежского ярла Хакона Могучего (ум. 995). Вместе с ярлом он участвовал в знаменитой битве с йомсвикингами в заливе Хьёрунгават (994). Этот скальд упоминается в ряде саг как участник постоянных распрей. Он принадлежал к родовитой семье и был близким родственником двух скальдов: младшим братом хёвдинга Боргарфьорда Иллуги Черного и дядей Гуннлауга Змеиного Языка. Родичи расспрашивают его о том, что было в битве на Пустоши. Тинд рассказывает эту историю несколько иначе, чем скальд Эйрик Тревога. У Эйрика местных людей было трое, пришельцев — 12. У Тинда боролись 18 пришельцев против 15 местных мужей. Но итог битвы у обоих скальдов одинаков: не менее 9 участников погибло. Виса комментирует это следующим образом: после такой схватки нужна не вира, а месть «по-крупному» (висы 14, 15 и др.).

Как уже говорилось, лирические и любовно-романтические мотивы не часто встречаются в скальдической поэзии. Тем ценнее висы конунга Харальда Сурового Сигурдарсона (1015, правил 1046–1066), скальда и покровителя скальдов, который погиб в битве с английскими лучниками при Стамфордбридже во время попытки вернуть Англию под власть скандинавов (за две недели до высадки там Вильгельма Нормандского). В молодости он служил на Руси. Влюбился в Елизавету (его будущая супруга Элисив), дочь Ярослава Мудрого, при дворе которого долго жил. Представляясь ей, так сказал о себе: «Плаватель я славный, / Люб и скок мне конский…», «Я норманнских мужей / Млад потомок славный…». Вскоре он стал предводителем варяжской дружины при императоре Византии. Своими подвигами и богатствами, которые пересылал в Киев, он сумел завоевать сердце великой княжны, женился на ней и увез в Норвегию[122].

О Харальде Суровом много говорилось в королевских сагах, в том числе в «Круге Земном» Снорри. В цикле любовных стихов «Висы радости» (ок. 1040), которые король-скальд посвятил княжне Елизавете, есть сведения о его участии в битве при Стикластадире, морских походах по Средиземному морю в земле «сарацин», о том, что он владеет восемью «искусствами»[123]. Его любовные стихи неоднократно переводились на европейские языки, в том числе на русский.

Кстати, великий писатель и историк Снорри Стурлусон (1178–1241) помимо прочих своих талантов отличался также и способностью сочинять любовные песни[124].

Судя по «Перечню скальдов» XII–XIII вв., при дворе короля Сверрира (1184–1202) было до 13 скальдов, у Эйрика Магнуссона (1268–1299) — 5 и т.д.

[122] ИС II:2. С. 492–506; особ. см. висы № 24, 25, 28, 31, а также гл. LXIV (самое раннее предание о нем).

[123] Поэзия скальдов. С. 66–67. Висы № 1–5 и др.

[124] ИС I. С. 68.

Общественное положение скальдов

Скальды — преданные дружинники, поэты-импровизаторы, музыканты, сказители, летописцы, складывающие в копилку исторической памяти выразительные описания битв, побед и поражений, славных и позорных деяний, — были очень востребованы в обществе людей саги.

В сагах и стихах неоднократно упоминается о том, что скальды были отличными воинами; что в дружинах конунгов они занимали привилегированное положение, «сидели на почетных сиденьях возле конунга». И это не случайно. Конечно, уже очевидно, что скальды чаще всего принадлежали к знатным семьям и были, как полагалось в их кругу, хорошими воинами и образованными людьми. Но одновременно они были гордецами, не устающими напоминать о своей знатности и богатстве. Тот же Гудмунд (позднее убитый за свой дерзкий язык), который так зло высмеял голодного бедняка — «следопыта столовых», позволил себе поносную вису («Сага об исландцах», виса № 49), где «уличал» сотоварища Торвальда в том, что он вырос в бедной части страны, в той четверти Восточных Фьордов, где люди кормятся «рыбными мордами».

Но положение и авторитет скальдов в обществе были особыми, они во многом определялись их искусством, *поэтическим даром*. Именно умение слагать стихи — сложные, яркие и звонкие, воспевающие воинскую славу, идеалы общества, его этику, жизнь избранного круга — давало скальдам привилегированное положение при государях и являлось хорошей рекомендацией для их родичей и друзей, при условии, впрочем, личного мужества и порядочности скальда. Особый статус скальдов не только в дружинной и вообще придворной среде, но и среди составителей саг, т.е. светской и церковной «интеллигенции», говорит о *высокой роли скальдических стихов* в скандинавской культуре, в менталитете эпохи викингов и вплоть по меньшей мере до XIV столетия. Сами скальды, которые обычно служили дружинниками при правителях, ценили свое положение и держали себя гордо, неизменно демонстрируя как личную отвагу, так и политическое совершенство[125]. Среди них не только создавались дружеские союзы, но и возникало соперничество как по воинским и карьерным, так и по поэтическим мотивам.

Между придворными скальдами проходили состязания в поэтическом мастерстве. В «Саге о Гуннлауге Змеином Языке» рассказывается, между прочим, о том, что Гуннлауг и другой скальд — его соперник в поэзии и любви — Хравн пред лицом шведского короля Олава Шётконунга яростно отстаивали свое поэтическое первенство, уличая друг друга в низком качестве стихов. Победителем вышел Гуннлауг, что доставило Хравну большие страдания.

Непросто, особенно при характерах людей того времени, складывались, вероятно, и повседневные отношения скальдов в придворном окружении, к которому они принадлежали. Например, когда тот же Гуннлауг Змеиный Язык стал

[125] О скальдах в дружине конунга см. также: ИС I. С. 67, 73.

дружинником норвежского ярла Эйрика (рубеж X–XI вв.), нашлись желающие проучить его за заносчивость. Гуннлауг ответил висой (№ 2), после чего завистники как будто успокоились. Когда некто отказался вернуть ему долг, он предупредил должника висой (№ 3), а когда это не помогло, убил его на поединке[126]. Придворная жизнь изобиловала подводными течениями, там плелись какие-то интриги, а за провинность дружинника могли серьезно наказать, вплоть до лишения жизни[127]. Находясь в дружине и вообще при дворе, скальды разделяли сложности и пользовались преимуществами своего статуса.

Осталось рассмотреть еще такие немаловажные обстоятельства, как характер и побудительные мотивы службы скальдов.

Как уже говорилось, скальды были воинами, постоянно или временно входившими в дружины правителей. Но гораздо важнее было другое: скальды служили украшением двора правителя, застолий, свадеб или тризн королей и богатых людей высшего круга. Судя по стихам и сагам, скальды не только сочиняли и исполняли различные песни, но рассказывали саги, вероятно, и мифы и, как бывалые люди, различные занимательные истории. Некоторые из них занимались рунической магией, а другие были отличными соратниками, советчиками и доверенными людьми правителей.

Скальды находили при королевском дворе не только возможность отличиться, разбогатеть, сделать хорошую карьеру, но также получить общественное признание, видное положение и награду именно за поэтические труды, о чем ясно сказал, например, Видсид. Все эти выгоды, включая последнюю, отчасти отражены в предыдущем изложении. С одной стороны, несомненно, что скальду платили так же, как и остальным его товарищам-дружинникам, — но за исключением тех случаев, когда ему приходилось слагать особую драпу или флокк. Не случайно, когда брат Эгиля погиб на службе у короля Этельстана, король в качестве виры за него послал их отцу Скаллагриму помимо сундуков с серебром еще и отделанную золотом и серебром секиру. Правда, секира оказалась тупой и годилась не как боевое, но только как «парадное» оружие, но стоить она должна была немало. Впрочем, Эгиль часто получал подарки и за свои стихи. О наградах, которые скальды получали именно за свои поэтические произведения, в сагах говорится нередко, а иногда и достаточно подробно[128].

С другой стороны, не все скальды были дружинниками, во всяком случае постоянными. И скальд не всегда был из состоятельной семьи. И не всегда был привязан к какому-нибудь одному правителю. Он мог менять патрона, вообще служить от случая к случаю, как это делали многие скальды, в том числе и Эгиль. Иногда ради заработка поэт разъезжал по дворам королей и высшей знати, всюду собирая жатву за хвалебные песни.

[126] Поэзия скальдов. С. 51–52.

[127] Например, в «Саге об Олаве Святом» рассказывается, как по его приказу казнили за провинность исландца Ёкуля сына Бёрда, сказавшего перед смертью вису. См. также: Там же. С. 169.

[128] ИС I. С. 21, 28, 39, 58, 232, 262 и мн. др.; КЗ. С. 189, 273–277; КИ. С. 495.

Яркое представление о таких разъездах дает «Сага об Гуннлауге Змеином Языке», племяннике Тинда сына Халля. Судя по саге (гл. VI–IX), Гуннлауг после успешного поединка с Торарином, в первые десятилетия XI в. предпринял объезд всех видных соседних правителей. Он посетил норвежского ярла Эрика (правитель Норвегии, 1000–1035), английского короля Адальрада (Этельред II, 978/979–1016), дублинского короля Сиггтрюгга Шелковая Борода (989–1035), оркнейского ярла Сигурда, гаутландского (гётского) ярла Сигурда, шведского короля Олава (вероятно, Олава Шётконунга). Так он объездил на своем корабле Норвегию, Швецию, Англию, Ирландию, Оркнейские острова. Всюду он создавал хвалебные драпы в честь посещаемых правителей, получая за это дары. Так он получил от английского короля «пурпурное одеяние, подбитое лучшим мехом и отделанное спереди золотом». В Дублине за хвалебную драпу король подарил ему «пурпурное, отделанное золотом одеяние и плащ с дорогим мехом, а также золотое запястье весом в 1 марку». Король хотел было подарить еще и два корабля, но этому воспротивился казначей. Оркнейский ярл подарил скальду за флокк «широкую секиру, всю выложенную серебром». Между прочим, скальд попутно также торговал своим и принадлежавшим компаньону «товаром».

В поэме «Видсид» скальд, волей судьбы потерявший свою недвижимость (!) и вынужденный скитаться, рассказывает о себе так (ст. 50 и сл.):

Жил я в державах / чужих подолгу.
Обошел я немало / земель обширных,
разлученный с отчизной, / зло встречал я и благо,
я, сирота, скитаясь, / служа властителям:
песнопевец, / теперь я поведаю
в этих многолюдных / палатах медовых,
как дарами высокородные / не раз меня привечали…
за песнопенья / не скупился владыка.

Скальд говорит далее, что такими дарами, наградами ему были «богатства добрые», «обручья за 600 монет золота (!)»; и, наконец, «вотчину отчью (!)» отдал ему владыка (ст. 96 и др.).

Но правитель мог и отнять подаренное имение. Об этом пишет скальд Деор из древнеанглийской поэмы, носящей его имя:

Вот я поведаю, / певец, как прежде
жил я в дружине / державного хеоденинга (хёвдинга. — *А.С.*),
Диором звался / государев любимец…

пока «страж рати» (конунг. — *А.С.*) не передал имение, ранее пожалованное скальду, другому лицу[129].

[129] Древнеанглийская поэзия. С. 13–14.

А знакомый нам Тормод Скальд Чернобровой согласился остаться у короля Дании Кнута Могучего при условии, что за службу он получит марку золота (видимо, за полгода). Через полгода король послал его в поход, не заплатив обещанное за прошедшие месяцы. Тормод сказал Кнуту вису, напоминающую о его обещании. И тот тут же снял запястье в ½ марки золота и вручил Тормоду. Но тот напомнил, что условия были другими. Тогда король Кнут отдал скальду и второе запястье[130]. В той же Дании у короля Свейна Вилобородого за хвалебную песню о нем Торольв получил кольцо в 1 марку и меч в ½ марки золотом, а также предложение «погостить»[131].

В «Саге об Эгиле» рассказывается, что Эйнар Звон Весов сын Хельги, принадлежавший к знатному западноисландскому роду, учился в юности у Эгиля искусству скальда. Со временем Эйнар сталь скальдом ярла Хакона Могучего (правил Норвегией в 974–994 гг.). За драпу он получил от ярла щит с изображениями персонажей древних сказаний, который он потом подарил Эгилю, и тому пришлось создать «щитовую драпу»[132]. В «Саге о йомсвикингах» говорится, что Эйнар пригрозил ярлу: раз тот не хочет слушать его следующую драму, он уйдет служить к его врагу. И тогда ярл повел себя иначе. Он подарил Эйнару драгоценные весы с золотыми и серебряными гирьками, которые могли издавать красивый звон. Возможно, говорится в саге, отсюда и пошло прозвище скальда.

Таким образом, скальды частенько торговали своим искусством.

Из саг следует, что скальды, как уже отмечалось, происходили из состоятельного слоя хозяев, часто из родовитых семей, порой даже родственных королям. Это придавало им особую гордость и, разумеется, известную независимость. Быть скальдом и даже родичем скальда считалось почетным. Это была «рекомендация», свидетельство высокого социального статуса, завидного положения в обществе. Исключения из этого правила, как можно было видеть, встречались нечасто. И не случайно искусство стихосложения было одним из тех умений, которыми гордились даже короли.

Скальдам *нравилось* находиться в дружине или просто подле смелого, отважного воителя, героического бойца, которого можно было уважать, на дружбу которого можно было положиться и подвиги которого можно было прославлять, не фальшивя. Они охотно сопровождали своего патрона в битвах, зачастую предварив ее начало стихами, вдохновляющими на победу. Им импонировала близость к государю, участие в его делах и отдыхе. Но в ответ им требовалось безусловное *уважение* со стороны господина. Наконец, скальды, как и дружинники, ценили в господине *щедрость*. В стихах Эгиля, Хорнклови[133] и других скальдов, в «Видсиде» и сагах, особенно королевских, часто встречаются эпизоды, в которых король, ярл или могучий

[130] ИС II:1. С. 538. Висы № 1 и 2.

[131] КИ. С. 428 и сл.

[132] ИС I. С. 44.

[133] Там же. С. 83; КЗ. С. 46–53 и мн. др.

хёвдинг одаривает «своих ближних». Скальды с восхищением пишут о том, как повелитель снимал с себя драгоценные обручья (запястья, браслеты), ожерелья, кольца (которые обычно также имели определенный вес) и дарили их целиком либо, по мере надобности, разрубая или ломая на части. Щедрость патрона тоже является темой скальдической поэзии, хотя встречается далеко не так часто, как героические и даже любовные сюжеты.

Скальды могли выбирать вождя, которому желали служить. Так, после смерти Харальда Прекрасноволосого и Хакона Доброго, когда в Норвегии стал править Харальд Серая Шкура и его братья, сыновья Эйрика Кровавая Секира, скальд Эйвинд отказался от предложения служить им так, как до того он служил их деду и отцу. Он уехал в Северную Норвегию, в Халогаланд, где у него было поместье, и там дожил свою жизнь[134]. Материальная обеспеченность и влиятельное родство, как и репутация отважных и преданных воинов, позволяли многим скальдам сохранять достоинство и независимость, хотя — увы! — это не всегда сходило им с рук.

С конца XII и в XIII столетии заметную роль в судьбе скальдов, почти исключительно исландцев, стали играть отношения между монархической Норвегией и республиканской Исландией. Во всяком случае, жестокая междоусобица, предшествовавшая присоединению Исландии к Норвегии (1262), тяжело сказалась на семье великого Снорри. Сам Снорри, который, как известно, сочинил хвалебную драпу, посвященную ярлу Скули Бардарсону, меньше чем через год после его гибели тоже был убит (1241), как полагают, по прямому приказу конунга Норвегии Хакона Хаконарсона. Потом, когда родной племянник Снорри Стурла Тордарсон прибыл в Норвегию, окружение конунга отнеслось к нему очень плохо, как к представителю опального рода и носителю исландской культуры.

В эти годы интеллектуалы и скальды, неизменно героизировавшие людей и деяния эпохи викингов, стали ощущать вокруг себя пустоту. И тем более остро они переживали неурядицы своего времени, тяжесть вражды и непрерывной борьбы всех против всех, в конечном счете свою беспомощность перед обстоятельствами, когда и ближний круг, и «свои люди» не могли обеспечить человеку защиту его достоинства, достояния и самой его жизни. Не случайно мудрый Снорри, чья жизнь оборвалась так трагически, написал в *свое* время слова «на *все времена*»: «Мы не знаем, откуда приходит и куда уходит время, но мы знаем, что оно есть там, где есть борьба и одиночество…»

Уже при сыне Хакона Магнусе, который ориентировался на западнофеодальные образцы, в том числе в культуре, таланты скальдов и историописателей из Исландии оказались невостребованными. Впрочем, когда понадобилось создать официальное жизнеописание Хакона Хаконарсона, пришлось обратиться к Стурле, и он написал великолепную «Сагу о Хаконе Старом». Как считается, традицию

[134] КИ. С. 605.

скальдов завершил в середине XIV в. исландский монах-августинец Эйнстейн Астгримссон, в значительной степени преодолевший скальдическую фразеологию в своем самом знаменитом произведении «Лилии».

Существенную роль в угасании интереса к скальдической поэзии, в том, что мода на нее прошла, сыграл, вероятно, тот факт, что эта позиция перестала быть устной. Скальды и вообще грамотные люди и раньше нередко записывали стихи или отрывки из стихов, пользуясь при этом рунами[135]. Нередко руническую стихотворную запись помещали на дощечку или палочку. Такая палочка, относящаяся к IX в., обнаружена и на территории Древней Руси, в Старой Ладоге. Сохранилась палочка даже от XII (или XIII) в. с целой стихотворной строфой, вырезанной рунами[136]. Но в XIII в. в обиход грамотных людей уже прочно вошел латинский алфавит, им теперь пользовались при записи саг, стихов, исторических сочинений. Господство устной, вербальной скандинавской литературы ушло в прошлое, но история ее на этом не кончилась — благодаря народной памяти и использованию старинных образов и мотивов в последующем фольклоре.

Хотя записи стихов и другого литературно-исторического наследия эпохи викингов велись на родном языке скандинавов, но впоследствии возможность распространения, тиражирования записей скальдических произведений лишала их личностного начала, как бы отделяла произведения от их создателей. А сложная стилистика стиха стала загадочной, почти неясной. Возможно, сказалась и утрата веры в магическую силу поэтического слова. Все это вполне понятно.

Скальды и «героическая эпоха викингов»

Скальды органично вошли в бурную историю и культурное пространство Скандинавии эпохи викингов, когда ломался старый и устанавливался новый социальный порядок. Своими занятиями, характерами и образом жизни они не отличались от современников своего круга — викингов, воинов, элиты. Но, на взгляд современников — и для этого есть основания, — они обладали особым, *сверхъестественным* умением слагать стихи и благодаря этому имели как бы особый статус. Важно помнить и о том, что слово, стих и стихотворец, по мнению людей того времени, обладали магическими свойствами. Несомненно, что скальды занимали в некотором отношении особое место в обществе, играли в нем почетную и влиятельную роль.

Эпоха викингов, сложная, мощная и жестокая, оставила в наследство двумтрем следующим за ней столетиям духовный пейзаж, окрашенный в необыкновенно яркие и романтические цвета *скальдической поэзии*. Эти стихотворные произведения оказались востребованными никак не меньше, чем саги. Ими заслушивались

[135] Сага о Греттире. С. 110. Гл. LXIV.

[136] Сага об исландцах. Гл. 112. С. 520.

воины и пираты, короли и бонды. замкнутые, суровые скандинавы-викинги изливали в висах свою мятежную душу, сочиняли и слушали стихи в часы радости и горя, свадьбы и тризны, победы и смерти. То, что в жизни скандинавов тяжелый труд, яростные битвы, безжалостный грабеж соединялись с романтикой, которая нашла выражение в высокой литературе, составляет очень важную особенность их духовного мира, социальной культуры, менталитета в ту эпоху. А потомки викингов благодаря этим стихам, как и сагам, узнавали свое прошлое, приобщались к нему и черпали в нем самоуважение, силу духа, находили и укрепляли с его помощью свою идентичность.

Особенно плодотворное развитие скальдическая поэзия получила при дворах властителей, где скальды в большинстве случаев были дружинниками правителя, важной частью придворного круга. Да, сочинения скальдов принадлежат к тому же витку цивилизации скандинавов, что и саги. Но если саги по языку и содержанию в подавляющем большинстве *глубоко народны*, то произведения скальдов, исполненные особой словесной и смысловой изысканности, могли быть и созданы, и поняты лишь *избранным, образованным кругом общества*. Конечно, скальды подчас позволяли себе простонародные шутки. Очевидно также, что стихосложением в какой-то мере владело немало скандинавов-викингов. Но собственно скальдическая поэзия как особый жанр, со своими изобразительными средствами и преимущественно придворной предназначенностью, может быть названа *«куртуазной поэзией скандинавских викингов»*, *аналогичной рыцарской поэзии*, воспевающей воинской доблести и честь, любовь и дружбу в кругу европейской элиты.

Наполненная потрясающими метафорами, перепадами ритма, тонкими наблюдениями, изощренная по стилю, пронизанная страстью и многообразием чувств, поэзия скальдов в еще более выразительной форме, чем саги, рисует мощные, несгибаемые, удалые характеры — и сложные, обычно жестокие, но нередко исполненные романтики души. Пожалуй, именно поэзия скальдов способна убедить в том, что скандинавы не напрасно называют эпоху викингов *героической эпохой* своей истории.

Примеры кеннингов в скальдических стихах

Мужчина (= воин)[137] — Улль [бог] грома металла, Улль ясеня, крушитель бранных рубашек, кормилец воронов, кормчий ладьи, стражник жара прибоя, испытатель секиры, властитель сечи, тополь сражений, ясень сражений, ясень битвы, Фрейр меча, Фрейр смерча мечей, Бальдр щита, Ньёрд корабля, Ньёрд брани, Ньёрд колец, ас металла, испытатель тетивы, питатель орлов, дуб побоищ, утешитель ворона, клен копья, даритель древка [копья], судья побед, страж злата,

[137] Связь понятий муж = мужчина = воин отразилась в мужских именах, составной частью которых нередко является обозначение воинской *победы* («сиг», «сигр»). Сигурд, Сигмунд, Сигват, Сигтрюгг, Сигбьерн и т.д.

страж сражения, древо сокровищ, властитель стали, властитель злата, пытатель лука, властитель брани, древо встречи валькирий, ловчий волка приливов, тополь облака Одина, страж казны, страж костра морского, обнаживший нож, властитель сечи, сеятель света моря, владыка бранных уборов, клен сражения, тетивы испытатель.

Женщина (= жена) — диса брачных уборов, диса злата, страна золота, ветвь нарядов, Фрейя золота, Гевьон пива, липа скамьи, липа льна, береза запястий, липа запястий, пряха согласия, рысь звона серег, поляна мира, калина злата, ветвь обручий, Сива злата, Сегуль злата, поле пламени волн, поле опалов, диса нарядов, ветла ожерелий.

Голова человека — скала шлема, основа шлема, клеть разума, вершина волос, ложе льна лба.

Уши — рот слуха.

Нос — мыс промеждубровный.

Глаза — луны лба.

Ресницы — лес глаз.

Слезы — роса горя, ливень ланит.

Рот — дно языка, ворота брашен.

Борода — лес на щеках.

Грудь — жилы души.

Рука — палка плеча, рука соколиная, стержень обручий.

Пальцы — клинья пламени дланей.

Нога — трость шагов, дроты тела.

Волосы — жнивье затылка.

Конунг — кольцедаритель, дробитель золота, страж рати, державный хёвдинг, владыка сечи, вяз вепря стяга попутного ветра, сшибки мечей вершитель, даритель дождя ладони, дуб битвы.

Золото — костер моря, огонь пучины, заря надбровий Фуллы[138], студеный жар, дождь ладони, искры зыбей, мука (мучица) Фроди, посев полей Фюри[139], огни запястий, перина змея, свет моря.

Битва — игра валькирий, распря оружий, непогода Одина, стон стали, вьюга мечей, смерч мечей, буран лезвий, ураган [валькирии] Гендуль, пир валькирий, встреча валькирий, смерч мечей, буран Одина, пляска мечей, песня копий, гром сечи, гром металла, дротики лязга.

Морская битва — пышный пир навий.

Берсерк — друг лебедя крови (т.е. ворона. — *А.С.*).

[138] Фулла — богиня, которая носила золотой венец.

[139] «Мучица Фроди»: считалось, что у легендарного датского короля Фроди была мельница, с помощью которой две рабыни-великанши намывали золото. «Поля Фюри»: согласно легенде, датский король Хрольв Жердинка рассыпал в долине реки Фюри, около Упсалы, золото, чтобы остановить войска своего преследователя, шведского короля Адильса.

Меч — ненавистник брони, рыба бурана Одина, змея тарчей, кнут битвы, палка битвы, одежда битвы, волк павших, луч сражений, орудие сечи, наряд воителя, потомок молота, рыба шлемов, дракон шлемов, пламень шлема, огонь раны, льдина сражений, костер Одина, уж кольчуги, палица ратной рубашки, кол раны.

Стрелы — сельди битвы.

Копье — ясень битвы.

Секира — великанша сечи, великанша бурана лезвий, ведьма брани, рогач ран.

Щит (тарч) — ограда струга, подножие [великана] Хрунгира, крепость стрел, облако Одина.

Кольчуга — бронь Одина, одежда Одина, ратная рубашка.

Кровь — ран водопады, испарина лука, красный плач, пена мечей, роса смерти, море ран.

Рана — дом крови, дорога крови.

Корабль — волк приливов, волк волны, дракон моря, дракон мачты, олень заливов, морской зверь, конь морской, конь дубовый, конь паруса, рысак парусатый, конь дров, вепрь паруса, олень каната, олень заливов, бык штевня, парусатый рысак, мерин реи, вепрь потока, конь окрыленный, лодка лужи.

Ладья — козел волн, гусь стрелы Гуси[140].

Парус — стяг попутного ветра.

Корма — красна грудь.

Море — влага, воды, волна, родина рыб, дорога рыб, китовый чертог, долина тюленей, тюленье поле, дорога китов, лебединая дорога, луг Ран[141], дом кормы, пенное поле, влага чаек, глубина.

Морская пучина — пасть Ран.

Волны — синь гор, гора моря, чада вод, девы морские.

Небо — жилище богов, питатель ветров.

Солнце — зеница неба, алый зрачок.

Огонь — питатель жизни, губитель ветвей.

Ворон — коршун крови, лебедь крови, коршун валькирий, гусенок ран, сокол Одина.

Волк, волчица — чудовище трупов, зверь битвы.

Медведь — волк пчел, погубитель меда.

Змея — лосось долины, рыба суши, рыба равнины, сиг равнины.

Кит — вепрь прибоя.

Голова быка — высокая башня крепких рогов.

Поэзия — брага карлов, брага Одина, мед Одина, влага Браги, волненья меда.

Плохие стихи, рифмоплетство — кал орла.

[140] Гуси — легендарный конунг, а имя одной из его стрел звучит как «вымпел».

[141] Ран — жена морского великана Эгира.

Один — владыка боя, друг людей, судья побед, ворог волка, отец победных сражений, тайный странник, властелин, шлемоносец, многоликий, правдивый, разгадчик истины, разящий и радостный в бранях, Бог — Благое око, Бог — Огненный взор, сокровенный, коварный, меняющий образы, повелитель кораблей, грозный всадник, отец всех и всего, создатель, Бог богов...[142]

Валькирии — Девы Одина.

Хель — стражница павших.

Ведьмы — ночные всадницы.

Котел для варки пива — корабль пира.

Кубок — податель пива.

Сажа — роса очага.

---

[142] См. в «Старшей Эдде» («Речи Гринмира»), где целые строфы посвящены перечислению имен-кеннингов Одина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, что же поведал нам фольклор и сравнительные материалы о викингах, об их повседневной жизни, нравах и самосознании скандинавов и об эпохе викингов в Скандинавии вообще?

ЭПОХА ВИКИНГОВ — КОНТРАПУНКТ СКАНДИНАВСКОЙ ИСТОРИИ

К концу I тысячелетия скандинавы достигли высокого уровня развития в хозяйственно-экономическом и культурно-художественном отношениях. У них сложилась сложная социальная структура, элементы ленной, вассальной и поземельной зависимости и выработалась четкая система обычного права. Дело было за толчком, который принес бы на Север государство, фиксированные законы и христианство, что было необходимо для вхождения в цивилизацию Западного Средневековья. Таким могучим толчком и стали события эпохи викингов.

Нет сомнений, что именно в эпоху викингов в истории скандинавских обществ произошел качественный переход от последней стадии родового строя с его кровнородственной подосновой, но уже без «первобытности» — к стадии собственно цивилизаций, основанных на социально-государственных системах, а именно к средневековой цивилизации, с ее феодально-средневековой подосновой.

Походы викингов сильно углубили имущественно-социальное расслоение всех скандинавских обществ, включая такое своеобразное, как исландское. Они способствовали социальному расслоению, складыванию сословий и устоев феодального типа. Именно тогда возникли единые Скандинавские государства-монархии и утвердился статус единой королевской власти, скандинавы приняли христианство и в их поселениях появились церкви, сложились и эволюционировали основы служилой элиты,

появились ранние города, началось формирование скандинавских языков из единого общескандинавского северогерманского наречия, еще характерного для эпохи викингов, и т.д.

Роль эпохи викингов в этих процессах невозможно переоценить. Это был период *накопления и усвоения* — путем грабежа, воинской службы, торговли и, в немалой степени, за счет заимствования очень многих качественно важных моментов: от материальных ресурсов, идеологии, мотивов поведения до социальных отношений, статусных позиций и их знаковых обозначений. К тому же эта эпоха заметно *ускорила темпы* развития Скандинавского региона и помогла ему органично войти в торгово-политическое и культурное пространство Западной Европы. Не случайно к общему для Европейского Запада периоду высокого Средневековья, ко времени реальной политической централизации, развития городского строя, с его особой культурой, и к началу работы парламентов скандинавы подошли почти вровень с передовыми странами Европейского Запада.

В этом исследовании мы сталкиваемся с историей одного из *основных типов* генезиса средневекового общества. Речь идет об общественном строе, который складывался путем непосредственного перехода к феодально-государственной цивилизации — от позднего, уже разлагающегося строя, так называемого строя «военной демократии» или варварского (или «вождеского»), и только при опосредованном, косвенном, часто запоздалом воздействии античной цивилизации. В частности, выпукло выступают правила поведения автономной сельской среды, способы выживания и *самоорганизации* общества до возникновения государства и во время его складывания. Очевидно, что огромную роль в этой организации играли универсальные формы связей и единения — такие, как обычное право, религия, гостевание, пиры, обычаи дара и отдара, разные самодеятельные, живые общности, — от соседских до воинских.

Но и сведения о родовой знати, высоком положении «старой» элиты и ее руководящей роли чрезвычайно важны для изучения локального европейского общества времен поздней военной демократии и складывания феодального общества. Одним из характерных моментов, которые обнаруживаются при исследовании саг, являются изменения в составе, положения и роли *элиты* в основных Скандинавских странах. В частности, сформировались группы *служилой знати*, которая, как и короли, имела с *родовой знатью* сложные отношения, особенно на местах. По моим наблюдениям, представители служилой знати, во всяком случае наиболее известные из них, которые упоминаются в сагах, в то время (и, добавлю, еще долго после него) рекрутировались королем преимущественно из знати родовой. Происходил и встречный процесс, когда заслужившие благодарность правителя незнатные служилые люди входили в круг знати. Обнаруживаются и некоторые важные свойства элиты. Это, *во-первых*, ее военный профессионализм и роль воинской службы в ее формировании и пребывании у власти. *Во-вторых*, спаянность элиты благодаря перекрестным бракам, родству и свойству в пределах своей страны, а также связи с элитами сопредельных стран

на скандинавских, немецких и прибалтийских землях, на Руси, в Англии, Франции и Ирландии. Несомненно, что эволюция элиты и складывание монархической власти в конечном счете составляли *единый процесс,* причем огромное значение для него имели разного типа и масштаба *военные факторы* и, соответственно, привилегированный воинский контингент, прежде всего дружины и их вожди.

И хотя в фольклоре почти нет прямых сведений о созидании государства, очевидно, что именно эпоха викингов, с ее особым менталитетом, стала периодом его *создания* и первых этапов, тогда как последующие XII–XIII вв. — временем оформления и развития единых Скандинавских государств.

Очевидно, что эпоха викингов окончательно *разрушила* в Скандинавии *родоплеменной* строй как систему, сохранив, однако, многие традиции предшествующей эпохи в самых разных сферах жизни. Эти традиции достаточно органично вписались в новую систему — в систему Средневековья, что стало одной из ее важных особенностей в Скандинавском регионе. В частности, причиной того, что внутриполитическое единство стран Европейского Севера долго носило формальный, еще в значительной мере условный, как бы «титульный» характер, стал живучий племенной патриотизм, опирающийся на союз бондов и местной родовой знати. Позднее это выразилось в сохранении отдельными областями каждой из Скандинавских стран значительной автономии, отраженной в их областных правах законодательствах. Впрочем, как мне представляется, племенной — или областной — патриотизм вовсе не является спецификой скандинавов или особенностью только ранней истории средневековой государственности и вряд ли вообще европейской. Это явление, несомненно, заслуживает *особого* внимания медиевистов.

Возвращаясь к развитию государственности в Северном регионе, следует еще раз подчеркнуть, что, судя по источникам наших сведений, в эпоху викингов наличие единого правителя не означало централизацию страны. Это был только важный шаг на пути к последней, поскольку король (монарх) еще не располагал ни соответствующими финансами, ни удобными дорогами и средствами сообщения, ни особыми органами управления и власти вообще. Сам *процесс* сложения государства и монархической системы, включая финансово-административную, судебную и военную организации, в эпоху викингов проходил только свои первые этапы от патриархального государства (уходящего глубинными корнями в семейную общину) — к государству общественно-правовому. Демократические органы законодательной, исполнительной и судебной власти в виде народного собрания-тинга и местных — сотенных и общинных — сходов все еще сохраняли важное, подчас решающее место. Сами «ветви власти» не были разделены либо вычленены и в общем имели не институциональный, публичный, а личностный, патриархальный характер.

Но при всей традиционности жизни скандинавов можно обнаружить, что в ней рождались общественные новации, которые нарушали и подтачивали привычные обычаи, сопровождались эволюцией социальных слоев, изменением иерархии

и определенными нарушениями в привычном укладе жизни. Эти новации были тяжелым испытанием для бондов, да и для многих знатных людей. И введение сословно-правового членения в среде свободных хозяев, в частности в Швеции, или его фактическое установление в других Скандинавских странах на рубеже XII и XIII вв. не могло явиться неожиданностью. Оно было подготовлено эпохой викингов, в течение которой имущественно-правовое неравенство серьезно затронуло людей саги, хотя отнюдь не полностью изменило их права и менталитет. И люди саги с трудом принимали новые порядки, особенно попытки ввести регулярные налоги, отягощение их жизни новыми обязанностями, христианизацию и церковную организацию, неразрывно связанные с укреплением королевской власти и с новыми, к тому же регулярными, поборами. Но, с другой стороны, бесконечные конфликты, междоусобные войны и ссоры еще больше нарушали ритм жизни населения, которое раньше обращалось к хёвдингам, к влиятельным господам с просьбой помочь замирению в стране и установить, наконец, мир и порядок между соседями. Теперь эти требования обращаются к государю.

Уже подчеркивалось выше, что именно в эпоху викингов скандинавы вошли *в европейское сообщество,* а короли, знать и купечество скандинавов вписались в общеевропейский международный элитарный круг отношений и связей. Эта интеграция была достигнута сложными путями военно-политических и торговых отношений, через сеть ранних городов, принятие христианства и церковного устроения, освоение европейского образования, материальной и духовной культуры, через династические браки и территориальные анклавы (в Англии, Франции и на других землях). Несомненно, что собственно *походы викингов*, массовое ограбление ими богатых и более продвинутых европейских стран, их дружинная служба, как и образование там ряда своих анклавов, сыграли здесь трудноопереоценимую роль.

Вместе с тем саги убедительно показывают, что западное влияние, которое шло от элиты общества к ее средним слоям, было медленным и, скорее всего, долго оставалось «верхушечным». *Повседневная жизнь и быт* основной массы скандинавов изменялись очень медленно, они оставались патриархальными, преданными традиционным установкам. Однако эпоха викингов все же произвела и в них заметные изменения.

Грабеж, воинское наемничество и расширение торговли как средства обогащения постепенно стали иметь задачей не только, а со временем и не столько накопление сокровищ, сколько получение стабильного дохода, и на первый план постепенно выходит землевладение, приобретение *земельной собственности.* Это изменило соотношение сил как между общественными слоями, так и внутри каждого из них.

Свободные *хозяева-бонды* все еще сохраняют свои владения, право на оружие и имеют голос на тингах. Но все чаще они вынуждены поддерживать знатных людей и все чаще решают уклониться от участия в ополчении, полагая вооруженные

столкновения и борьбу за власть делом королей и знати. И хотя эти свободные хозяева-бонды численно все еще преобладают в обществе, нередко играют ведущую общественную роль, однако этот слой стал постепенно «размываться», особенно в Норвегии, Дании и Исландии. Появляются, с одной стороны, группы богатых бондов, с другой — категория свободных, но бедных, малоземельных и безземельных людей, которые вынуждены заниматься наемным трудом, либо становиться держателями чужой земли, либо пополнять собой ряды наемных работников и солдат или бродячих мародеров. Собственно, сужается и традиционная демократия — «власть народа».

Родовая знать заметно расширяет свою недвижимость и при этом сохраняет авторитет и уверенность, ее представители занимают подавляющее большинство правящих позиций на местах и большинство постов при монархе. Но постепенно при короле складывается влиятельная группа служилых людей из «неблагородных», которые постепенно смыкаются с представителями родовой знати. А наделение родовитых людей на местах и служилых людей при короле должностными полномочиями в рамках складывающихся государств усиливает влияние и власть элиты, а также *разрыв* между ней и бондами. Заметна и зависимость многих хозяев-бондов от знатных или богатых соседей, которые манипулируют ими в повседневной жизни и при междоусобицах.

Вместе с тем именно образование единых государств-монархий обременило народ наиболее регулярными поборами. Именно с этого времени у скандинавов появился стабильный объект недовольства и противодействия (неоднократно мной отмеченный применительно к более позднему времени) — в лице центральной власти. В то же время центральная власть была еще слишком слаба, чтобы не только прекратить, но хотя бы сократить столкновения между отдельными семьями, между соседями, кланами и группировками, в том числе в борьбе за престол. Эти столкновения в эпоху викингов и сразу после нее буквально раздирали скандинавские общества, уносили массу жизней и наносили ущерб хозяйству.

В *судебной области,* которая регулировалась устным обычным правом, основанным на старинных правовых понятиях, включая кровную месть и внесудебные соглашения, эпоха викингов отмечена серьезным правотворчеством. Активно вводятся более общие, в том числе вновь появляющиеся порядки в систему устного обычного права, заметно расширяется функция штрафов, появляются первые записи обычного права и очевидно явное вмешательство «авторитетных людей» в рассмотрение и решение судебных дел и вообще спорных вопросов.

Саги и прочие источники моих сведений неоспоримо свидетельствуют о том, что *христианство и церковное устроение* к концу эпохи викингов не сумели кардинально вытеснить языческие представления, обычаи и обряды, однако произвели серьезные изменения в культуре скандинавов; церковь начала влиять на семейные отношения, на решение проблем наследственности и на моральные устои, включилась в налоговые поборы с населения.

Образ человека — образ общества: ментальная модель скандинава-викинга

Многогранную и удивительно емкую модель морали и этики скандинава из круга викингов, как и самой этой эпохи в целом, выстраивает поэма *«Изречения* (или *Речи) Высокого»,* вошедшая в «Старшую Эдду»[1]. В точном смысле это скорее поучения; произведения такого рода были очень популярными в Европе, причем каждое отличалось своими особенностями, отвечающими менталитету данного народа. Россиянам этот жанр известен хотя бы по «Поучениям Владимира Мономаха»[2]. В «Изречениях Высокого» говорится о главных и второстепенных жизненных ценностях, о достоинствах и недостатках людей, содержатся на редкость выразительные практические поучения. Под «Высоким», который держит «речь», конечно, подразумевается «Одноглазый» — верховный бог Один. Иначе говоря, это произведение как бы представляет мудрые наставления верховного языческого бога, и оно несет все особенности языческой культуры, которая господствовала в регионе на протяжении большей части эпохи викингов, а в значимых реликтах сохранялась после нее на протяжении нескольких столетий.

Судя по тексту «Изречений», первоначально они вовсе не были единым произведением; они искусственно, но искусно подобраны неизвестным автором (или авторами) из нескольких, тематически и стилистических разных стихотворных сочинений, нравоучительных и часто афористичных, к которым присоединены некоторые бытовые истории, заклинания и ходячие поговорки.

Несмотря на такой «лоскутный» характер, на то, что отдельные части имеют неодинаковое назначение и разное по времени происхождение — с IX до XIII в., «Изречения Высокого» в своем сохранившемся виде концентрируют многогранную этику скандинавов «эпохи» викингов, отраженную в сагах и скальдической поэзии. Это квинтэссенция духа, образа эпохи, как и образа, воззрений и нравственных нормативов самостоящего человека той эпохи, каким был викинг. Вместе с тем думается, что эти «Речи» в известной мере унаследовали также энергетику и традиции древних германцев вообще, тех, что в свое время оплодотворили великий, но одряхлевший античный мир и стояли у истоков не менее великого мира Западного Средневековья.

«Изречения» содержат как ответы на «вечные вопросы» человеческого бытия, так и советы из области повседневного поведения. «Благо сказавшему, благо внимавшему, благо всем слышавшим», — возвещает Высокий (ст. 137).

Одна из главных тем поэмы — *проблема жизни и смерти* человека. Она решается в соответствии с двумя базовыми свойствами патриархального общества: во-первых, близостью к природе, почти слиянием с ней и, соответственно,

[1] Hávamal (др.-исл.). Ниже цитируется преимущественно по кн.: Эдда 1, т.е. издание 1917 г. в переводе С. Свириденко.

[2] См.: Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков. М., 1957.

подчинению ее циклам; во-вторых, с господством — на протяжении большей части эпохи викингов — языческой культуры, которая диктовала этому обществу духовные установки. В одном популярном южношведском произведении Смерть говорит: «Я беру, кого хочу, высокого или низкого, богатого или бедного, старого или молодого». И из саг непреложно следует, что смерть была для людей столь же естественной, как жизнь, но, в отличие от жизни, всегда неотвратимой и нежеланной, хотя ее присутствие не мешало радоваться жизни. А Высокий говорит так (ст. 15, 69–71):

Жить всегда лучше, чем мертвым лежать;
Кто жив, тому можно помочь.
Я видел костер, богачу приготовленный, –
Труп его ждал у ворот.
У живого всегда могут найтись основания для надежды:
Нет вполне обездоленных, даже меж хворыми.
Этот сыну растущему рад;
У иного родня, у другого богатство,
Тот в доблестном деле отраду найдет.
Пастухом будь безрукий; кто хром, может ездить;
Может сражаться глухой.
В слепом больше проку, чем в прахе сгоревшего:
Ни на что не пригоден мертвец.

При всей неотвратимости смерти, ее, тем не менее, не стоит страшиться, особенно проявляя трусость в бою:

Жить без конца помышляет трусливый
И от сраженья бежит;
Только щадить его старость не станет,
Если оружье не тронет его.

Особенно «правильно», разумно надлежит относиться к жизни и смерти человеку высокородному, прежде всего «сыну королевскому», который готовится принять власть или обладает ею:

Бодро и радостно век проживи свой,
Встреть ты без трепета смерть.

Чтобы жить спокойно и радостно, не стоит «знать свой удел». По этому поводу в «Речах» имеется несколько разработок этой темы (ст. 54–56), в русской культуре выраженной в таких пословицах, как «Много будешь знать — скоро состаришься», «Кто знает много, тот плохо спит» и т.п. К зачину «В меру быть мудрым / для смертных уместно, / Многого лучше не знать» Высокий добавляет варианты:

= В свете всех краше живется такому,
Кто сведущ довольно во всем.
= Редко тот радостен сердцем, чей разум
Больше, чем надо, узнал.
= Знать ты не должен удел твой грядущий —
Или забудешь в заботе покой.

Но при всех условиях человеку надлежит думать о своей репутации, в том числе посмертной, что в сущности означает *земное бессмертие*. Чтобы заслужить прижизненную и, что было не менее, а даже более важно, посмертную славу, необходимо обладать теми же качествами, которые требовались для достижения и *небесного царства* Одина, прежде всего беззаветной отвагой и воинскими доблестями. Свободный скандинав, проявивший отвагу, одновременно улучшал личную репутацию и повышал престиж рода, о нем слагали песни, он «входил в сагу» и благодаря этому оставался в памяти людей. Истоки этого нравственного норматива лежат, конечно, в глубокой древности. В эпоху саг о них напоминает поэма «Беовульф» (гл. 22, ст. 138):

Мудрый! Не стоит печалиться! –
должно мстить за друзей,
а не плакать бесплодно! Каждого
смертного ждет кончина! — Пусть же,
кто может, вживе заслужит вечную славу!
Ибо для воина лучшая плата — память достойная!

В «Изречениях Высокого» говорится еще определеннее: богатство — преходяще, только слава остается после человека (ст. 74–77):

Кто не сведущ ни в чем, тот не знает, как часто
Богатство туманит умы.
Один богатеет, другой же нуждается; —
Ни заслуг, ни вины в этом нет.
…Вмиг улетучиться может достаток, —
Коварнейший в свете он друг.

И, наконец, завершающий аккорд:

Сгинет богатство, умрут твои родичи,
Сам ты умрешь в свой черед;
Может одно лишь *бессмертным* быть в мире –
Слава великих заслуг[3].

[3] Ср.: Старшая Эдда. С. 298–299. Курсив и здесь, и ниже мой. — *А.С.*

Такие формулировки вводили в заблуждение многих, в том числе историков. Тем более что о пренебрежении скандинавов к материальным благам говорил не только Высокий. Адам Бременский, наслушавшись в Дании рассказов о свеях, пишет, что Свеония — «страна богатейшая, изобилующая плодами и медом», что во всех тамошних областях превосходный приплод скота, леса и реки необыкновенно удобны, страна изобилует чужеземными товарами и сами свеи (шведы) не испытывают недостатка ни в чем, кроме неуемной «гордыни». А золото, серебро, царских коней, бобровые и куньи шкуры, все, что «своим блистанием, — пишет Адам, — делает из нас безумцев», — все это шведы «ни во что не ставят» (гл. XXI). Скорее всего, каноник Адам так воспел бескорыстие шведов (как и, вероятно, их благополучие) намеренно, например в назидание роскошествующим европейцам. Ведь именно так в свое время поступил и Тацит, нарисовав — в укор развращенным роскошью римлянам — близкие к природе простоту быта и иные благородные качества скандинавов.

Но лукавит в своих «Изречениях» и Высокий. *Слава* неодолимо влекла скандинавов, особенно воинов, это бесспорно. Но так же бесспорно их притягивало *богатство.* Саги вполне убеждают в том, что за богатство (как и за власть) скандинавы бились со всей присущей им отвагой и немало-таки в этом преуспевали. И саги весьма одобрительно отзываются о людях, имеющих и преумножающих свое достояние. Одобряет это и эддическая традиция, в том числе «Песнь о Риге»[4], где подчеркиваются и достаток Ярла, и завоевание конунгом (Коном) многих усадеб. Одобряет это и эпос. Так, поэма «Беовульф» буквально захлебывается, перечисляя богатые дары вождя и драгоценную добычу воинов. Так что красивый идеал пренебрежения к богатству — это всего лишь благое нравоучение, возможно, уже христианское, не имевшее (или намеренно опустившее) соответствия с практическими жизненными мотивациями того времени, что убедительно демонстрируют саги.

Высокий, однако, понимает, что лучше всего будет, если о посмертной славе позаботятся потомки, которые и похоронят так, как подобает, и достойный памятник поставят. Поэтому надо обязательно оставить после себя сына (ст. 72):

Сын — это счастье, будь даже рожден он
Поздно, по смерти отца.
Лишь тогда на могильном кургане есть памятник,
Если ставят потомки его.

Необыкновенно важное достоинство «Изречений» — гимн *самостоянию человека,* значению его *личности,* его ума, рассудительности, достижений. Поэма провозглашает: «*Человека оплот — человек*» (!) (ст. 47, 50). В связи с этим авторы

[4] Старшая Эдда. С. 111.

говорят о тех качествах, которые помогают человеку стать самостоятельным и самодостаточным, опорой самому себе и другим.

Разумеется, он должен обладать *здравым смыслом*, т.е. разумом и трезвым взглядом на вещи (ст. 6–10):

Редко найдешь себе друга надежнее,
Чем собственный опытный ум.

«Славу и благо» заслужить следует «собственной силой»:

Прок будет редко от знаний и разума,
Что живут у других в головах.

«Смысла запас и ума» — «лучший запас на дорогу для странника, / Всюду дороже он всяких сокровищ». Самостоятельность требует хороших знаний и умений, их надо стараться получить, не ленясь (ст. 60, 119, 138, 142–143 и др.). Все надо знать человеку: и как класть дранку на крышу, и сколько топлива необходимо запасти на зиму, и руны, изучение которых дается особенно трудно. Полезно учиться уму-разуму у сказителей и песнопевцев, особенно у немолодых, и ни в коем случае не смеяться над ними (ст. 132–133):

Никогда над певцом поседелым не смейся;
Ценность есть часто в речах стариков.
Часто мудрость исходит от сморщенной кожи,
Подобно мехам тем сухим, что висят
Со шкурами снятыми, с кожами жесткими,
Меж рубцов закопченных качаясь.

Но поскольку «человек — оплот человеку», особенно высоко должна цениться *дружба*. Необходимости крепкой дружбы посвящено немало проникновенных строк «Изречений» (ст. 50, 51, 118, 120 и др.):

С дерева лыко сдирают в деревне —
Погибает ободранный ствол;
Таков человек, если всеми покинут, —
Лучше ему и не жить.
У друзей ненадежных пять дней пламенеет
Ярче огня их приязнь.
На шестое же утро огонь тот угаснет
И любовь пропадет без следа.
Если друга имеешь, кому доверяешь,
Чаще его посещай:
Зарастают кустами и сорными травами
Те дороги, где редко идут.

Если друга имеешь, напрасным разрывом
Бойся ты дружбу губить.
Скорбь источит тебя, если некому станет
Доверить забот своих боль.

В то же время надо быть осторожным с людьми незнакомыми, *не доверяться* им, не делать их слишком поспешно своими друзьями, поскольку предательство среди людей встречается нередко (ст. 43, 45, 46). Если незнакомец вызывает подозрение, надо скрыть свои чувства, быть приветливым на словах, но, если нужно, воздать «обманом за обман». И неприязнь надо затаить: «На притворство притворством ответь». И никогда не спорить с «дурнями» и с недостойными людьми (ст. 116, 121–124)[5]. Но *за зло должно быть воздаяние*: «Кто тебя оскорбит — мсти тому за обиду, / безнаказанно зла не спускай».

Щедрость и гостеприимство поддерживают не только дружбу, это вообще непременное правило поведения достойного, уважающего себя и других человека (ст. 39–41, 48, 131, 132, 134 и др.). Не понимает этого только скряга: «Нет отрады для скряги в дарах». Высокий поучает: «Не гони со двора чужестранца сурово, / дай ты путнику пищу и кров». И никогда «не глумись ты над гостем, не смейся над странником, / Издалека пришедшим в твой край».

Свобода, независимость — одно из лучших людских достояний. Каждому человеку крайне важно иметь собственный дом и быть в нем господином. Высокий формулирует это положение почти так, как много позднее писал великий Пушкин (ср. его знаменитое: «Да щей горшок, да сам большой»):

Свой дом всего лучше,
Хоть будь невелик он:
В своем доме ты сам господин.
Пара коз во дворе и плетеная кровля –
Все приятней, чем есть (т.е. жить. — *А.С.*) у других...
С израненным сердцем тот скоро окажется,
Кто должен подачками жить.

«Речи» содержат множество других поучений, а также практических советов:

Дня не хвали раньше вечера...
Оружье — пока не испробовал...
Лед похвали, если выдержал.
Пиво — коль выпито (ст. 80) и мн. др.

И «что ведают трое — знает весь свет».

[5] Прямая нить протягивается от этого замечания Высокого к бессмертным строкам Гёте: «Стыдить лжеца, высмеивать глупца и спорить с женщиной — все то же, что черпать воду решетом. От всех троих избавь нас, Боже». Примечательно, что мнение Гёте о женщинах также предвосхитил Высокий (см. ниже).

Внимание привлекает предостережение Высокого как против *ханжества*, рассчитанного на милости богов, так и против опасного *религиозного фанатизма* (ст. 144):

Лучше совсем не молиться,
Чем жертвовать слишком усердно:
Награду за жертву все ждут.
Лучше вовсе не резать, чем кровь лить без меры...

Высокий не одобряет *небрежности в одежде*: «Ни во что того ставят, кто наг» (ст. 49). Он настаивает на том, чтобы муж всегда был при оружии (ст. 38). Чтобы на тинг приходил непременно со своими сторонниками, иначе рискует глупо проиграть свои тяжбы (ст. 25, 61, 62). Чтобы он «не разлеживался», так как *дела не ждут* (ст. 58), и т.д.

В высшей степени поучительны высказывания о том, как следует вести себя *в гостях*. Никак нельзя приходить на пир очень голодным: чтобы не набрасываться с жадностью на пищу, роняя себя в глазах сотрапезников, поэтому лучше всего предварительно закусить дома[6]. Придя в чужой дом, надлежит внимательно оглядеть все углы и вообще быть настороже: нет ли там ловушки. На людях не болтать много и попусту — это роняет достоинство (ст. 28–30, 35, 63, 65 и мн. др.). Особенно настаивает Высокий на том, чтобы ни при каких условиях человек не напивался допьяна, ведь пьяный теряет ум и болтает лишнее; «Птица забвенья царит над парами, / Разум у пьющего крадет она». И вообще «Никто не сочтет тебя неучем, если / рано отправишься спать» (ст. 11–14, 17–19). Советы в отношении пьянства, как показывают саги, были актуальными для того времени, но современники вряд ли им следовали: ведь они пили без меры, в том числе конунги и их окружение.

Походя Высокий рисует образ *идеального принца*: «Сын королевский должен быть сдержан, / Мудр и в сражении смел» (ст. 15).

В «Речах» уделено место и *любви*. Перейдя от афоризмов к поэтическому рассказу, Высокий излагает две истории: в одной из них обманут мужчина, в другой обманывает сам. Видимая цель автора — указать некоторые способы, с помощью которых можно добиться любви, а также уберечься от коварства (с. 89–101, 129). В «Изречениях» же содержится совет не верить женским речам. Особенно же опасно вступать в любовные отношения с чародейкой или злой женщиной (ст. 112–114, 117).

К сожалению, в этой уникальной поэме, необыкновенно выразительной и сжатой до афоризмов, много пропусков: не все смогло уберечься от беспощадного

[6] Человечество сообща вырабатывает культуру, в том числе повседневную. Так, задолго до языческого бога Высокого важный для общения людей вопрос — о поведении за столом во время торжественной трапезы — поднял человек совсем другой веры: св. апостол Павел. Обращаясь к своей пастве, к единоверцам-христианам в Коринфе, он пишет о «вечере Господней». И предупреждает, чтобы никто не «поспешил прежде других есть свою пищу», так что иной останется голодным, а «иной упивается». «Ибо кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет в осуждение себе... Посему... собираясь на вечерю... если кто голоден, пусть ест дома, чтобы собираться вам не в осуждение» (1 Кор. 11).

времени. Но и то, что сохранилось, дает яркий образ эпохи викингов — во всем ее величии и варварстве, и человека той эпохи, с его мудростью и предрассудками, воинственностью и практической сметкой, отвагой и осторожностью, жаждой победы, славы и богатства, страстями, любовью к жизни и умением встречать смерть. Несомненно, что эпоху викингов творили *личности весьма примечательные*.

По моему мнению, «Поучения Высокого» — квинтэссенция нравственных, морально-этических, житейских «наработок» и идеалов скандинавской *языческой культуры,* которая, несмотря на все усилия миссионеров и королевской власти, и после формального крещения все еще владела умами скандинавов. Следы этой мощной культуры, известная часть ее наследия сохранились в гораздо более позднем фольклоре, в частности в балладах и песнях, которые также были неотъемлемой частью народной повседневности и пользовались популярностью как у безграмотных крестьян, так и у благородных дам, которые переписывали их в свои альбомы. Баллады — в Скандинавии их называют «народными песнями» — начиная с XIII в. сочинялись и исполнялись на Скандинавском полуострове, в Исландии, на Фарерских островах, в шведской Финляндии и вообще повсюду на Севере. Эти произведения активно записывались в период северного Ренессанса, в XVI–XVII столетиях, и популярны по сей день.

Основное место в балладах занимают мотивы любви, со всеми сопутствующими ей драматическими коллизиями. Но для меня важно не это, а то наследие, которое перешло к балладам, а вместе с ними и всему духовному миру фольклора, от эддической и скальдической традиций, которые скандинавы сохраняют в своей исторической памяти. Баллады показывают, что *историческая память* скандинавов на протяжении столетий хранит героические мотивы, а также образы персонажей мифов, эддических песней и еще более раннего героического эпоса; полусказочных «саг о древних временах»; имена таких исторических персонажей, как Сигурд, св. Олав, Вальдемар Датский, Фолькунги и др., поставленных теперь в некие произвольные условия. При всех свидетельствах о противоборстве христианства и язычества и поражении последнего[7], баллады включают множество языческих мотивов, в основе которых лежат представления, отраженные в сагах, скальдической поэзии, мифах.

Так, персонажи баллад разговаривают с мертвыми: например, герой баллады «Юный Свейдаль» взывает к покойной матери, прося ее о помощи; там же фигурирует «богатырский меч, в драконьей крови закаленный». А спавшая «мертвым сном» невеста пробуждается от смерти, заслышав звон шпор любимого[8]. «Меч-мститель», «заговоренный меч» помогает осуществить кровную месть за отца, причем вслух называть имя меча — опасно![9] В другом случае человек, чтобы спастись от кровной

[7] См., например, балладу о короле-крестителе: «Св. Олав и тролли». См. также баллады «Герман Гладенсвен» и «Сила арфы» // О рыцарях. С. 36, 48, 58.

[8] Там же. С. 86.

[9] Там же. С. 61–62.

мести, предлагает мстителю имущество и свою дочь в жены. «Эльфа» из горы убивает парня. «Дева» предстает «в птичьем оперении» и превращается то в лань, то в сокола. Троллям обещан первенец короля. Люди бросают жребий при помощи костей для игры в тавлеи[10] и мн. др. Обращает на себя внимание и то, что баллады унаследовали вставные строки, характерные для скальдической поэзии, которые теперь стали служить рефреном. Например:

Родился я ночью, густела мгла,
— Вдаль уводят мои дороги —
Под утро мать моя умерла.
Беда стоит на нашем пороге.
(«Заколдованный рыцарь»)[11]

Не менее интересно встретить в балладах сюжеты и темы, которые стали (или уже были?) как бы бродячими, вошли в европейский фольклор и художественную литературу, в том числе русскую. Так, жених, пробуждающий любимую невесту от смертного сна, дважды фигурирует у А.С. Пушкина («Руслан и Людмила», «Сказка о спящей царевне и семи богатырях»). Стихотворное переложение со шведского баллады «Сила арфы» было сделано поэтом пушкинской эпохи Д. Ознобишиным и оказалось настолько популярным, что превратилось в известную народную песню «По Дону гуляет...»[12].

В балладах можно встретить много бытовых параллелей с сагами. Здесь и частое упоминание о женском рукоделии, в том числе популярной и в эпоху викингов вышивке. Здесь и шитье золотом как занятие королевы и ее придворных дам. И изготовление женщиной мужской сорочки как знак ее согласия на сожительство. Находим в балладах и утренний дар наложнице («дань за первую ночь»): «чулки, башмаки, конопля на сорочку»[13] (таких точных сведений нет даже в сагах). И упоминание службы при дворе «ради богатства и чести»; и «заморских шелков», «пурпура» как роскошных одеяний, в частности свадебных. И соблюдение при сватовстве правила «ровня жених невесте»; и умыкание невесты. И позорное, «нечестивое» деяние — убийство женщины. Если венды (!) берут крепость, они захватывают девушек в жены — это прямые отсылки к эпохе викингов. Если происходит схватка, то с обеих сторон «бьются родичи»[14]. Постоянно «у каждого наготове щит, и меч обнажен»[15]. Снова знакомый сюжет: «Король насильно... / Заставил в постель с ним лечь» мужнюю жену. Она опозорена, рыдает. Муж выносит иск против короля

[10] О рыцарях. С. 31, 38.
[11] Там же. С. 92 и сл. Пер. Игн. Ивановского. Курсивом выделены вставные строки.
[12] *Ерхов Б.* Предисловие // Там же. С. 18.
[13] Там же. С. 244–246.
[14] Там же. С. 24, 58, 61, 72, 79, 111, 123, 134, 157, 169, 246.
[15] Там же. С. 157.

на тинг, король увертывается и лжет, но это ему не помогает! («Песнь о Марстиге»)[16]. Рыцарь танцует с мечом — а ведь так танцевали юноши в эпоху викингов![17] Дурной сон оказывается «в руку» и т.д.

Преемственность между сагами и балладами была и прямая. Так, баллада «Юный Ромун»[18] выглядит как вольный поэтический пересказ «Саги о Хромунде Грейпссоне». Хромунд — историческое лицо, он упоминается в «Книге о заселении земли» как предок исландских первопоселенцев Ингольва и Лейва. Сама эта сага относится к числу сказочных, и хотя в балладе вымысла еще больше, но в данном случае важен сам факт преемственности.

Но обратимся к сагам. Модели поведения и нравственные нормативы, которые в них заложены и по многим параметрам совпадают с формулами Высокого, подтверждаются всем материалом этой книги. Можно отметить, что наряду с характеристиками персонажей, которые вытекают из их биографий и отдельных поступков, в сагах нередки прямые оценки того или иного лица, чаще всего мужчин. Саги уделяют много внимания портретам своих персонажей, особенно героев, характеризуя их иногда двумя-тремя штрихами, иногда — относительно подробно. Сплошь и рядом обрисовка образа начинается с описания внешности персонажа, ей, как мы могли убедиться, придается большое значение. В сагах внешность чаще всего гармонично сочетается с характером и привычками человека, так как в ней видели отражение его внутренней сущности. Выше уже обращалось внимание на то, что определение «чернявый» намекает на иноплеменное происхождение, на «хитрость», даже на рабский статус. Это представление восходит еще к готским преданиям второй половины IV в.[19] и далеко не всегда соответствовало истинному положению вещей: ведь в Скандинавии эпохи викингов было немало смуглых и темноволосых героев, в том числе видных, знатных людей. Нередко описывается одежда действующих лиц. «Сага о Вёлсунгах» (гл. XXIII), подобно поэме о Беовульфе и многим песням «Эдды», при описании-оценке «обличья Сигурда» создает идеальный образ героя, выраженный через такие внешние признаки, как одежда, вооружение и общий вид[20].

Затем речь идет об умениях, душевных свойствах, нередко о репутации, отдельных пристрастиях персонажа. Часто так или иначе в характеристику входит указание имени отца, нередко также матери, иногда деда, воспитателя, сведения о родне человека. Вот образцы некоторых характеристик, которыми богаты саги.

«Жил тогда человек по имени Фроди, родич конунга Эйрика и его воспитанник. Он был хорош собой и молод, и с ним был отряд воинов». Одного из сыновей

[16] Там же. С. 134 и сл.

[17] Там же. С. 87.

[18] Баллады. С. 26–30. Пер. с норв. Игн. Ивановского. См. также прим. на с. 248.

[19] См.: «Речи Хамдира» из «Старшей Эдды». Пер. В. Тихомирова // КИ. С. 169 и сл., 599.

[20] Там же. С. 216–217.

Эйрика «звали Рагнвальд. Ему тогда было лет десять или одиннадцать. Это был красивый мальчик, и от него многого ожидали».

«В роду людей из /района/ болот были очень красивые и очень безобразные». Так, могучий бонд Грим (который, облысев, стал Скаллагримом) был черноволос и некрасив; он много занимался хозяйством, был искусен в работе по дереву и железу, ловил сельдь. Его сын скальд Эгиль — некрасивый и черноволосый, похож внешне на отца. Быстро рос, был очень сильным, рано заговорил и говорил хорошо, но с детства «жесток и необуздан в играх». Еще мальчиком, будучи на пире, сочинил и сказал вису в честь хозяина. Его брат Торольв, высокий и тоже сильный, летом всегда ходил с дружиной в викинг, отличался умом и ответственностью. Сын Эгиля Торстейн имел волосы светлые, лицо белое; красивый, высокий, сильный, умный, меткий, умеренный, спокойный человек («Сага об Эгиле», гл. XXXI, LVII, LXXIX и др.)[21].

«Кьяртан, сын Олава, воспитывался дома, в Хьярдархольте. Он был самым красивым из всех мужей, которые когда-либо рождались в Исландии. У него было широкое и при этом очень красивое лицо, самые прекрасные глаза и светлая кожа. Его волосы были густые и тонкие, как шелк, и ниспадали локонами. Он был такой же высокий и сильный, каким был Эгиль, его дед по матери, или Торольв (брат Эгиля. — *А.С.*). Кьяртан достиг во всем совершенства более, чем кто-либо другой, так что им восторгались все, кто его видел. Он был также превосходным воином, отличался ловкостью и был самым лучшим пловцом. Во всем он был искуснее других. Он был скромным человеком и так добр со всеми, что его любил каждый ребенок. Он был веселого нрава и не скупился на свое добро...» «Болли, его названый брат, был высокого роста. Он был первым после Кьяртана по искусству и ловкости. Он был силен и красив лицом, обходителен и воинственен, и носил богатые одежды. Названые братья очень любили друг друга...» («Сага о людях из Лососьей Долины», гл. XXVIII)[22].

В «Саге о Ньяле» (гл. 1, XX и др.) говорится, что богатый Хальвдан был «знаток законов, без него решение считалось незаконным». А его жена Унн — «красивая, учтивая и хорошего нрава». Другой персонаж той же саги Хрут «был красивый, рослый и сильный человек, искусный в бою, покладистый, очень умный, беспощадный к врагам и хороший помощник в любом большом деле». Интересно противопоставление характеристик: если, например, Атли, сын ярла Арнвида из Восточного Гаутланда, «любил воевать», а скальду Эгилю убить человека «ничего не стоит», то Гуннар говорит о себе: «Мне труднее, чем другим, решиться убить человека». Герой этой саги Ньяль характеризуется так: «Ньяль был богат и хорош собой, но у него не было бороды. Он был такой знаток законов, что не было ему равных. Он был мудр

[21] ИС I. С. 63–64, 133, 233, 250 и сл. и др.

[22] Там же. С. 312–313.

и прозорлив и всегда давал хорошие советы. Он был доброжелателен, обходителен и великодушен и никому не отказывал в помощи, кто бы ни обращался к нему». Его жена Бергтора, дочь Скарпхедина, «была очень домовитая и достойная женщина, но немного суровая»[23].

Неустрашимый, могучий боец, любящий и любимый муж, верный друг — таким описан герой «Саги о Гисли». Но у него «не было удачи», и он погиб в битве[24].

Сын конунга Хальвдан «был решителен, но сдержан, красив собой и рано преуспел во всех искусствах, которые могут украсить мужчину и которыми лучше владеть, чем не иметь /их/. Он был преданным и надежным другом, но выбирал друзей с осторожностью. Он был очень жизнерадостным человеком, и с ним всегда было весело, но, если ему кто-то не нравился, он мог стать опасным врагом для своего обидчика и долго помнил обиду, не мстил сразу»[25].

Хельги, который воспитывался у своего приемного отца и родича Торстейна Белого, «в детстве был немногословен; возмужав, стал неуступчив и мстителен. Он был сообразителен и находчив», честолюбив («Сага о Торстейне Белом», гл. VIII)[26]. Торхалль Охотник, выполнявший поручения Эрика Рыжего (из саги об этом известном человеке, достигшем Америки): «Высок ростом, черен и безобразен... уже в летах, нрава плохого, хитер; молчалив, но сварлив, когда говорил, и всегда подбивал на недоброе. Чуждался новой веры, когда она пришла в Гренландию». Хельги и Торхалль — в разной мере осуждаемые персонажи.

Стурлауг, сын богатого и знатного херсира (главы фюлька в Норвегии и, возможно, одного из первопоселенцев в Исландии) Ингольва, «рано стал высок ростом и силен, у него были светлые волосы и белая кожа... и вся его фигура была хорошо сложена. Он легко ладил со всеми своими людьми, был спокойного нрава», щедр и поэтому «очень популярен». К тому же он «выучился стрельбе, плаванию и другим искусствам»[27]. И там же: «сын бонда» Сигват был «очень силен и хорошо воспитан»

И положительный герой Ингвар /Путешественник/ «был высок ростом, статен и силен, и красив лицом, умен и красноречив, мягок и щедр со своими друзьями, но суров со своими недругами, учтив и изящен в обращении, так что мудрые люди приравнивали его к тем, кто был и будет самым знаменитым человеком в северных странах по мудрости и силе, как среди богов, так и среди людей»[28].

Саги, написанные в XIII в., продолжают такую традицию обрисовки образа. Так, Снорри сын Магнуса (из «Саги об исландцах») в 18 лет был «красивый молодой человек, у него были светлые, ровно лежавшие волосы, он был хорошо сложен

[23] ИС I. С. 443, 477 и др.
[24] КИ. С. 278 и сл.
[25] СОДВ. С. 50–51.
[26] ИС II:1. С. 253.
[27] СОДВ. С. 120–125, 173, прим. 12.
[28] Сага об Ингваре. С. 254.

и приятен в обхождении. Он был довольно высок для своих лет, настойчив и смел. У него была красивая речь; в обычной беседе он держался непритязательно, но, если хотел настоять на своем, лучше было ему не перечить, а иначе можно было нарваться на большую беду». В саге это последнее свойство героя прекрасно «сочетается» с «приятностью в обхождении». В гл. 84 «Саги об исландцах» содержится целых восемь подобных описаний персонажей[29], что в целом нехарактерно для этого произведения.

Заслуживают внимания и те отдельные штрихи характеристик, с помощью которых рисуется образ скандинава в авторских сагах XII–XIII в. — в полном соответствии с данными фольклорных саг. Так, Греттир начинал буквально тосковать, если не с кем было сразиться, негде испытать свою силу, и все «искал, найдется ли для него достойное поприще», т.е. возможность поработать мечом («Сага о Греттире», гл. XXXI). В «Саге об исландцах» (гл. 16), когда некий человек решил поменять местожительство, съехав со старой земли, ему во сне явился скальд Эгиль, который сказал вису. В ней Эгиль отметил, что в принципе «меч вздымать муж не жаждет. Блекл как снег облик крови». Тем не менее «землю брал я булатом», т.е. «завоевывал», и скальд, видимо, советует собеседнику последовать своему примеру. Муж должен стойко переносить боль. Так, некогда хёвдинг и воин Лофт сломал ногу, а когда она срослась, счел, «что дело неладно. Тогда он велел сломать ногу еще раз и сам указал, как надо перевязывать. В этот раз срослось хорошо, но ходил он, немного прихрамывая» (там же, гл. 40)[30]. Все саги свидетельствуют, что скандинавы ценили не только умения («искусства»), в том числе бытовые и военные, но также щедрость, гостеприимство, способность поддерживать хорошую беседу, любезное обхождение[31]. А в скорби, в унынии «были молчаливы и редко с кем разговаривали».

Мне представляется важным еще раз подчеркнуть, что при всей своей лаконичности саги демонстрируют поистине выдающуюся роль личности, индивида, несмотря на всю безжалостность этой кровавой эпохи, когда конфликты и законы кровной мести занимали важное место в сфере мотивов личного поведения. Конечно, при всем этом нельзя не отметить, что *примечательные личности саг — это представители социальных верхов*, которые выделяются из достаточно серой массы народа. И это — *среда тех же самых викингов, что творили свою эпоху.*

Как подробные портреты, так и беглые зарисовки образов отдельных людей того времени еще раз свидетельствуют о принятых тогда критериях оценки человека, его поведения и внешности; в качестве составных частей они во многом перешли в культурные модели столетий, следующих за эпохой викингов. Свидетельствуют и об их нравах.

[29] Ср. также образ положительного героя, который дан в гл. 121 «Саги об исландцах».

[30] См. характеристику мужа-воина: Там же. Гл. 188. С. 338.

[31] Ср. вису в кн.: ИС II:2. С. 526 и мн. др.

Некоторые общие наблюдения

Мы не встретим ни у Высокого, ни в сагах, ни в поэзии (скальдической, эддической и эпической) таких понятий, как грех, прегрешение, вина и ее нравственное искупление, или таких моральных норм, как раскаяние и милосердие, или таких ритуалов, как исповедь, отпущение грехов, крещение, венчание, отпевание. Фольклор эпохи викингов, как неоднократно подчеркивалось, — это преимущественно *мир языческой культуры*. Но как же сложен и интересен этот мир — и общества, и душ человеческих, отраженный в сагах!

Герой саги был заносчивым, спесивым, обидчивым, несдержанным, импульсивным в словах и в действиях. Он был гордым, полным чувства собственного достоинства, умным советчиком. Жестокий пират, мститель и грабитель, безрассудно драчливый боец и холодный убийца, он в то же время был охранителем личной чести и репутации рода, мужественным воителем, верным, щедрым родичем и другом, ответственным за данное слово. Был достойным дружинником — и рачительным хозяином, одновременно жадным и щедрым. Он мог быть грубым в словах и низменным в делах — и тактичным, соблюдающим речевой этикет, интересным и склонным к юмору собеседником, гостеприимным соседом и ловким придворным. Он обладал не только огромной силой и выносливостью, но и многими умениями: мог изготовить и починить оружие и корабль, заниматься сельским хозяйством, хорошо построить дом, знать законы и искусно играть в кости. Герои саг — это люди, активно участвующие в общественной жизни, они *творцы истории своего времени*. Они имеют самое высокое представление о своем «я», что оказывает значительное влияние на восприятие ими окружающего мира. Те люди, что «вошли в сагу», и мужчины, живущие очень активно, в том числе и женщины, обладали *мощными характерами*. Они не сентиментальны и немногословны, но исполнены бурных страстей, они способны на глубокую любовь и на коварное деяние. Они нежно любят своих детей, заботятся об их воспитании и обучении, но не пожалеют их, если того потребует честь рода. Эти люди неистово любят жизнь — и столь же безоглядно отдают ее или губят чужие жизни. Они стойко переносят противостояние своей личности, круга «своих» — и сурового мира, с его быстротекущим временем. *Таковы были викинги, люди пассионарной эпохи Скандинавского региона.*

Не раз использованные в этой книге сопоставления сведений саг с законодательными материалами XII–XIII столетий не случайны. Они показывают значительную *преемственность* не только ментальных, духовных традиций, но также традиций социальных и правовых, характерных для эпохи викингов.

Здесь стоит напомнить о длительном, на протяжении столетий Средневековья (подчас до середины XV в.), сохранении *родовых связей*. О бытовании и медленном изживании у скандинавов *домашнего рабства* и той роли, которую этот фактор сыграл в складывании там категории лично свободных держателей. И вообще

о *личной свободе средневекового* скандинавского крестьянства (за исключением некоторых территорий Дании), его праве владеть недвижимостью и оружием. О роли *народного собрания-тинга*, его политической и судебной деятельности — при всех изменениях его социального состава и функций. *О договорных началах*, лежащих в основе отношений между королями и «народом», и о той обратной связи в тандеме «власть–народ», которая определялась и поддерживалась свободолюбием скандинавов. О том, что основные обязательства средневековых скандинавов как в деревне, так и в городе противопоставляли людей не столько отдельным господам, сколько *королевской власти*, что отразилось в их идеологии и народных движениях. О трудном и длительном вхождении региона в мир христианской веры и стойком сохранении у скандинавских народов *реликтов язычества* или, по крайней мере, некоторых языческих предрассудков и обычаев; это оказалось особенно важным в эпоху Реформации, когда люди, растерявшиеся в условиях непонятного им, бурного идеологического разлома и ожесточенной борьбы между католичеством и протестантизмом, обратились к помощи языческих божеств и ритуалов.

А отнюдь не показное, но стойкое и органичное *чувство собственного достоинства скандинавов* — не наследие ли это глубокого чувства чести эпохи викингов?

Обращение к источникам, относящимся ко времени задолго до эпохи викингов (например, к Тациту), а также к поздним сагам и правовым материалам XII–XIII вв., т.е. времен, как бы ее резюмирующих, в еще большей мере, чем, например, данные археологии, позволяет сделать по нашей теме еще несколько разнородных, но одинаково интересных, на мой взгляд, наблюдений.

Первое: что особый социокультурный мир скандинавов, сложившийся в эпоху викингов, относительно исчерпал себя только к концу XIII в. С другой стороны, истоки этого мира берут свое начало в эпохе Великого переселения народов, возможно, даже восходят к рубежу старой и новой эры. Т.е. процесс перехода от поздней родо-племенной стадии к первой государственной цивилизации был очень длинным, растянутым и отнюдь не прямолинейным. В ходе этого сложнейшего процесса эпоха викингов стала поворотной, а ее события — тем катализатором, который обеспечил и завершение, и относительный динамизм этого процесса.

Второе — это заключение о *мощных потенциях скандинавского фольклора*, прежде всего исландско-нарвежских саг как *исторических источников.* Саги дали мне даже больше, чем я могла ожидать. Они позволяют раскрыть мотивы поведения и проявления характеров людей того времени и той среды, их нравы, их отношение к окружающей действительности и к другим людям, как и понимание своего места в обществе. Саги убедительно рисуют основные вехи эволюции скандинавского общества в эпоху викингов. Своим языком, языком народным, кратким и выразительным, они рассказали в главных чертах о том, *как* это было. Талантливые создатели этих необыкновенных сочинений позволяют проникнуть в повседневную жизнь, как личную, так и общественную, скандинавов на кардинальном этапе

социокультурного разлома их устоев. И, что не менее ценно, проникнуть в их внутренний мир — *сложнейший и противоречивый мир человека, стоящего на рубеже варварства и цивилизации, язычества и христианства*. Полагаю, что в последнем отношении, в том, что касается сознания, поведения, вообще менталитета людей на этой порубежной стадии, саги являются *источником общеевропейского значения*, уникальным по своей подробности, образности и убедительности. И исследование саг в этом качестве обещает еще немало новых, существенных наблюдений.

Третье. Очевидно, что викинги в пространстве скандинавской культуры — это «*люди саги*»: именно *они* ее герои, *они* наполняют ее своей мощной жизненной силой.

Четвертое. Несомненно, что фольклор как хранитель и инструмент исторической памяти, обладает *магическим притяжением прошлого — важным звеном преемственности культур*. Он свидетельствует не только о самом прошлом, но и о том существенном для последующего развития культурном остатке этого прошлого, что наследуется и закрепляется в менталитете народа, играя важную роль в формировании и поддержании его идентичности.

Несомненно, что фольклорное наследие эпохи викингов сыграло и продолжает играть большую роль в закреплении *скандинавской идентичности*, в уважении к законам и обычаям, неназойливой самодостаточности, стремлении к справедливости, что веками вырабатывали в себе скандинавы. Пожалуй, с наибольшей силой это выразил прославленный шведский романтик Эсайас Тегнер (1783–1817) в своей поэме «Непорочная невеста», основанной на фольклорных мотивах:

…Приди же и ратуй
Снова за правду, за право, сознанье и честь.
Бей, как таран корабля, все, что ничтожно и пошло…
Стыдно сегодня земле за пустой поэтический лепет,
Время в тупик забрело, бред извращает сознанье.
Мощным ударом ударь, молнией грозно сверкая, –
Бейся за правду, чтоб поняли мы со стыдом,
Что мы — великий народ…

И не случайно поэт, ученый и писатель Н.М. Карамзин, автор знаменитой «Истории государства Российского», начал свое знаменитое сочинение словами: «История в некотором смысле есть священная память народов… завет предков к потомству… изменение настоящего и пример будущего».

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГОРОД В МИРЕ ИСЛАНДСКИХ САГ

Саги и скальдическая поэзия концентрируют свое внимание на бондах, хозяевах поместий, хуторов и воинов; *бонд-воин* — вот герой этих произведений. Соответственно, и *сельские поселения* как особые общественные структуры — от малых хуторов до королевских имений — выпукло представлены в сагах. Но в сагах, как и в поэзии того времени, *нет даже понятия «горожанин»*, мы обнаруживаем его только в записях обычного права начиная с XIII в. Иначе обстоит дело с *городом* как с особой и значимой *структурой* в общественном поле саг.

В самой Исландии город появился только в новые времена, культура городской жизни была мало известна и в конечном счете чужда средневековым островитянам. Другое дело — Дания, Швеция, Норвегия эпохи викингов; но, как уже понятно, сведения о них в сагах намного скупее. Чаще всего при описании путешествий и приключений своих персонажей саги называют разные города. Чаще упоминаются города в королевских сагах как резиденции и существенная часть политического пейзажа, на фоне которого разворачиваются междоусобицы и борьба за власть. В сочинениях миссионеров города присутствуют постоянно и как узловые пункты их передвижений по Скандинавии, и при описании языческих капищ, а затем, во время христианизации, как главные ее опорные пункты и центры устроения церквей. А заметная роль городов в *торговле*, которая, и это очевидно, *была важным двигателем социальной эволюции* скандинавов в ту эпоху, хотя и проступает из саг, но по-настоящему убедительно ее рисуют лишь данные археологии. И вообще основные сведения о городах скандинавского Севера получены именно благодаря непрестанным и плодотворным усилиям археологов. Эта наука убедительно

изображает облик ранних городов, характерных для эпохи викингов, их роль не только в торговле, но и в местных и международных контактах, а также в развитии политических и социальных отношений и институтов.

Поэтому полагаю логичным, *не вводя тему* скандинавского города эпохи викингов в основную канву этой книги, хотя бы *кратко остановиться* на проблеме городской истории в приложении к основному тексту. При этом, конечно, нельзя упустить возможность найти хотя бы обрывки сведений о городах *в самих сагах*. Ведь и в них в разной связи упоминаются города многих земель — от Британских островов до Ближнего и Среднего Востока — мест, где викинги селились, служили, торговали, грабили. Но в данном очерке речь пойдет не об этих городах — о них достаточно много говорится в литературе о походах викингов, а о *городах скандинавских*.

Как уже ясно, материал о ранних скандинавских городах в письменных источниках, в том числе записях произведений фольклора, скуден. В целом характер данных и их объем таковы, что они дают лишь самое общее представление о месте, реальном значении и состоянии отдельных городов или, тем более, о градообразовательном процессе в регионе, который столь фундаментально описан в археологической литературе[1]. Все же эти данные позволяют уяснить, какое место занимали города в представлениях и повседневной жизни скандинавов в эпоху викингов.

Судя по данным археологии, первичные городские «ядра» вряд ли были по размерам больше обычных сельских поселений. Они служили пунктами обмена, убежищами во время войн и пиратских набегов либо тем и другим одновременно. Такие центры особенно рано развивались на скрещениях балтийских торговых и стратегических путей, на больших островах. На Готланде таким было рано возникшее местечко Валлхагар, а с VII в. Павикен, окруженный валом, с гаванью, верфью, торговой площадью, и похожий на него Чёпингсвик (букв. «торговое местечко») на острове Эланд.

И именно в эпоху викингов, в VIII–XI вв., уже складываются так называемые *ранние города* — в большинстве случаев торговые эмпории, зачастую с политико-административными и религиозными функциями. В одной только Швеции возникло до 15 таких городков: (Старая) Упсала — политический и религиозный центр с ярмаркой; Бирка — небольшой укрепленный город-порт на острове Бьёркё (озеро Меларен), с ярмаркой, а затем заменивший в X в. разрушенную Бирку соседний городок с капищем — «Старые Сигуны», с XI в. ставший Сигтуной, христианским и торговым центром; Фолькландтингстад, расположенный на крайнем юго-западе страны, на границе с Норвегией, место торговли и тинга, захиревший после XIII в.; торговые городки Энчёпинг, Вёстра Арос (будущий Вестерос) и другие. Судя по артефактам, найденным при раскопках, в ранних городах были уже профессиональные ремесленники, но в сагах упоминаний о них нет, там говорится, причем с большим почтением, только о *торговцах*.

[1] См. Приложение. Справка о сагах и прядях

Характер раннего города преимущественно как *торговой эмпории* или торгово-ремесленного местечка был особенно характерен для побережий Северного и Балтийского морей, включая юг Британии, Фрисландию и Ютландию. И могучим толчком для этого послужили торговые операции викингов, хотя одновременно с ними в этих краях успешно действовали разноплеменные профессиональные купцы. Роль посреднической торговли, как уже говорилось, была здесь особенно велика в связи с тем важным местом, которое заняли *торговые пути* на Руси, ведущие через Балтику на Ближний Восток и в Южную Европу. Об этом свидетельствует великое множество арабских (куфических) серебряных монет IX–XI вв., клады которых находят вдоль всего пути, особенно в Восточной Скандинавии, на Готланде и далее, в Северо-Западной Руси, и затем вплоть до Волги. Найдено и немалое число кладов с западноевропейскими монетами, особенно английскими.

Обращает на себя внимание, что ранние города в эпоху викингов образовали в Западной и Северо-Восточной Европе своего рода как бы *«великое торгово-городское кольцо»*. Оно начиналось от Северной Франции, британских проливов и Фландрии, захватывало Балтийское море, а затем продолжалось вдоль Днепра и Волги до Черного и Каспийского морей[2] и обратно. Все эти ранние города представляли собой неаграрные стабильные поселения, насчитывавшие иногда до 1000 или чуть более жителей (что было для Северного региона значительной цифрой)[3], среди которых четко прослеживаются стабильные прослойки торговцев и ремесленников. Такие города застраивались деревянными домами, причем по определенному плану, имели порт, иногда также верфь, рыночную площадь и культовый центр, сначала с капищем, обслуживаемым жрецами, а после христианизации — с церковью и духовенством. Защитой такому городку служили ров и земляной вал с деревянным палисадом. Нередко город защищало укрепление, находившееся поблизости, но отдельно от него. Имелся и могильник, наличие в котором женских и детских захоронений нескольких поколений свидетельствует об оседлости (стабильности) населения. Подавляющее большинство этих ранних городов продолжает свою историю на том же месте или в непосредственной близости от него по сей день.

Известным ранним городом и торговым портом была *Бирка* — Бьёркё (лат. Birca, сканд. Björkö, «Березовый остров») на озере (точнее, в заливе). Меларен,

[2] В это «торговое полукольцо» входили: Руан, Амьен, Маастрихт, фризский Квентовик, Домбург, широко известный Дурстеде (Дорестад на Маасе), англосаксонские гавани Лондон, Хамвик (Хамвич, будущий Саутхемптон), Дорчестер и Дройтвич, затем Бардовик (около будущего Гамбурга), южноютландский Хедебю (Хайтхабю, будущий Шлезвиг), Экеторп на озере Эланд, Бирка, затем Сигтуна свеев на островах озера Меларен, норвежский Каупанг в Осло-фьорде, Любек ободритов, вендский Йомсборг, Юмне-Волин, Щецин и Гробин поморских славян, Старая Ладога, Новгород, Гнёздово, Старая Русса, Ростов Великий, Киев русичей, Булгар камско-волжских болгар (неподалеку от будущей Казани) и хазарский Итиль в устье Волги. Кроме того, туда входило множество более мелких селищ и стоянок на берегах Северного и Балтийского морей (в том числе с наименованием Бирка), а также озеро Ладога.

[3] Для сравнения: в IX в. Лондон (Lundenwic) располагался на площади не более 60 га и имел около 1000 жителей, а торговый центр Уэссекса Хамвик (Hamwic) занимал не более 45 га.

которая возникла в VIII в.; ее расцвет пришелся на время примерно с 800 г. до конца X в. Бирка выросла поблизости от еще более раннего торгового местечка Лильё или Хельгё (Островок или Святой остров), где, судя по названию, осуществлялись и религиозные церемонии. То, что в этом районе неизменно возникали и параллельно развивались ранние города, а позднее вырос Стокгольм, не случайно, поскольку здесь имеются и удобные гавани, и прямой выход через Меларен в Балтийское море, и, в то же время, множество скалистых шхер, затрудняющих путь нежелательным «гостям». У Римберта (IX в.) о Бирке говорится как о свейском городке, где осуществлял свою миссионерскую деятельность герой его «Жития» св. Ансгарий. Тогда это был укрепленный порт на острове, известная на Севере *торговая эмпория*, со своим тингом, королевским префектом и разнообразным по составу населением. Туда съезжались торговцы из соседних земель.

В VIII–IX вв. Бирка занимала всего 12 га территории на прибрежном скалистом холме и была укреплена земляным валом с бревенчатым палисадом. У подножия холма был порт. Рядом с укреплением размещался самый крупный в средневековой Скандинавии могильник (так называемый Хемланден), состоящий из тысяч погребений с малыми холмистыми насыпями. Почти все они в настоящее время уже изучены археологами, и находки в них дают представление о широких торговых связях этой эмпории. В ее могильниках обнаружены арабские, персидские и западноевропейские серебряные монеты, остатки фризских одежд, бусы из полудрагоценных камней, оружие и некоторые украшения с территории Франкского государства, стеклянные и керамические изделия из германских (прирейнских) земель, парча и шелк китайского производства и т.д. В конце X в. Бирка была разорена в результате набега каких-то соседей, скорее всего балтов или прибалтийских славян, и ее функции взяла на себя соседняя Сигтуна («Старые Сигтуны»), которая еще в XII в. служила главным центром внешней торговли свеев, а также местом чеканки ранней шведской монеты. Сохранились монеты с изображением креста и надписью Si[tune]Dei от времени правления Олава Шётконунга. Зимой же, когда судоходство прекращалось, на льду озера в этом районе издавна устраивалась знаменитая широкая ярмарка.

В 70-х гг. XI столетия Бирку часто упоминает Адам Бременский, знавший о ней по рассказам датчан. Он пишет, что на переход по морю из Бирки до Сконе требовалось пять дней и столько же на плавание от Бирки до «Руссии», т.е. эти маршруты были вполне обычными. Адам свидетельствует, что там была «гавань св. Ансгария» и вообще Бирка представляет собой «дом нашей веры» (сх. 126 и 127)[4]. Адам упоминает также шведские городки Скару и Телье (Сёдертелье?), а из норвежских городов — Трандхейм и порт Вик.

Еще более популярным был крупный торговый центр Хедебю, или Хайтхабю, в будущем Шлезвиг, в Южной Ютландии (будущая область Шлезвиг); Хедебю имел

[4] О Бирке см., в частности: *Римберт*. С. 32, 33, 40, 41 и др.; *Адам*. С. 69, 92, 96, 98–100, 102–103 и др.

торговые связи со всей Скандинавией, был форпостом торговли с Франкским государством и одним из центров христианизации Дании и Швеции. На отчеканенной там монете изображали коня или оленя. Во времена викингов в Дании была широко известна и древняя резиденция датских конунгов Хлейдр (или Хлейдир, современный Лайре, около Роскилле, остров Зеландия). О Хлейдре упоминает «Старшая Эдда», так же как о Лунде (в Сконе) и Хёрбю.

В Норвегии были особенно известны торговые Нид или Нидарос (Тронхейм, в будущем Трандхейм), Скирингссалль (в будущем Каупанг) во внутренней части Осло-фьорда, гавани в Вике, а также в Осло-фьорде, и торговый Тунсберг. О том, что туда приходило множество купеческих кораблей, пишет в своем «Круге Земном» Снорри Стурлусон[5].

С конца X — начала XI в. количество куфических монет в кладах, извлекаемых археологами, заметно падает, зато усиливается приток монет западноевропейских, английских и немецких денариев, которыми заполнены сотни кладов. Среди немногих ставших известными нам чеканщиков первых скандинавских монет, а также камнерезов, делавших рисунки и надписи на памятных камнях, встречаются английские и немецкие имена. Именно английские чеканщики работали в монетной мастерской Сигтуны.

Теперь наиболее активными были торговые связи по Днепру — знаменитый путь «из варяг в греки», позволяющий достичь Византии и, дальше, уйти в Юго-Западную Европу либо через Черное море попасть на Восток.

Деньги и драгоценности из кладов, как очевидно, *уходили* из товарно-денежного оборота, поскольку остались в схронах или были пожертвованы богам. Но расположение кладов точно совпадает с маршрутами торговли, которые отмечены, помимо прочего, церквями св. Николая, покровителя путешествующих. Огромное количество кладов, содержащих деньги и драгоценности, особенно на «торговом перекрестке» — острове Готланд (¾ находок), в Северо-Западной Руси и в Центральной Швеции, просто поражает. Выдающаяся роль Готланда как посредника в торговле Северо-Западной Европы становится видна также из того факта, что с XII столетия «Готский берег» выступает равноправным партнером при заключении торговых договоров с германскими городами и Великим Новгородом. К первой трети XII в. относятся и первые сведения о поездках новгородских купцов в Данию (Донь, Доньская земля русских летописей), которые, однако, вероятнее всего, имели место и раньше. Что касается роли в этой торговле Новгорода, то не случайно уже в эпоху викингов новгородцы стали соперничать и даже вступать в стычки со скандинавами на землях карелов и финнов (сумь и емь), богатых драгоценной пушниной, «рыбьим зубом» и ценной рыбой. Эти земли, интересующие новгородцев, практически сразу же по завершении эпохи викингов стали объектом Северных крестовых походов,

[5] КЗ. С. 222.

преимущественно со стороны шведов и балтийских немцев-рыцарей, продолжавшихся еще и в XIV столетии. Аналогичные походы датчан были направлены на земли балтов.

Скандинавы могли предложить зарубежному покупателю пленников-рабов, меха, серебряные украшения (из переплавленных монет), высококачественное (шведское) железо, ценимые повсюду, особенно на юге Европы, продукты животноводства, грубое домашнее сукно, льняную пряжу, льняные ткани и, конечно, предметы, которые были награблены в походах, в том числе очень популярный в Европе и на Востоке янтарь с берегов Восточной Балтики, а также те вещи, которые были вывезены из Западной Европы.

В Исландии были свои гавани, куда приходили корабли с товарами. В северной части острова располагался Гасир, на юго-востоке — Вита, на юге — Эйрир. В Исландию обычно везли строевой лес, которого на острове не было и который поэтому стоил там дорого, так что не случайно многие хозяева, направляясь в Исландию, подобно скальду и богатому бонду Эгилю, прихватывали с собой какое-то количество бревен или теса[6]. Этот товар пользовался на острове спросом и позднее[7]. Что касается награбленных ценностей, то самая значительная их часть попадала в руки верхушки тогдашнего общества, что способствовало ее укреплению и обособлению от низших слоев населения.

Занятие торговлей было опасным, хлопотным и дорогим делом. Корабли с людьми и товарами разбивало море, и они тонули. Так, «знатный норвежец Олав с Камня» летом 1239 г. снарядил торговый корабль и уже отплыл в море, но его выбросило на берег (видимо, непогодой), корабль получил пробоину, а товары пришлось сушить[8], но ему, по крайней мере, удалось выжить и спасти товары. Кроме бурного моря купцов поджидала и другая опасность, ничуть не меньшая: товары и другое имущество[9], а подчас и жизнь отнимали грабители. Купцов-«чёпманов», «торговых людей» грабили и во время мятежей, и на проезжей дороге, на побережьях, на морских и речных путях. Впрочем, частенько и купцы при случае сами занимались грабежом, в то время как пираты регулярно торговали награбленным.

В сагах упоминаются нападения на купеческие корабли, которые хозяева отстаивали с оружием в руках. Понятно, что профессиональный купец тогда должен был быть и хорошим воином[10]. Отправляясь в торговое путешествие, он облачался в «воинскую одежду»: надевал шлем («стальной шишак»), брал свой меч и другое оружие. Всем этим, как и охраной из опытных воинов, купцу необходимо было запасаться заранее.

---

[6] ИС I. С. 114.

[7] Сага об исландцах. Гл. 35.

[8] Там же. Гл. 144. В гл. 94 об этом Олаве говорится в связи с распрей 1234 г. Известны даже даты жизни этого человека: 1216–1291. См. прим. 615.

[9] Там же. С. 146. Гл. 59.

[10] См., например: Сага о Магнусе Слепом и Харальде Гилли. Гл. X.

Профессиональные торговцы образовывали своего рода *братства* или *гильдии.* Об этом свидетельствует, в частности, Снорри, который в «Саге об Олаве Святом» (гл. XXVII) упоминает о «круговых пирах купцов», видимо, в Нидаросе, где находился их большой «гильдейский колокол». Вероятно, это были «пиры в складчину», когда каждый участник оплачивал свою долю, как об этом говорится в «Саге об Ароне» (правда, ее запись относится к XIV в., когда в Скандинавии как раз начали распространяться цехи и гильдии, с их корпоративными пирушками). Гильдия была одной из характерных для Западной Европы средневековых корпораций, которые объединяли людей по принципу общности профессиональных или духовных интересов.

Примечательно, что, по наблюдениям специалистов, начало термину «гильдия» дала совместная (торжественная) трапеза — пир (или празднество, gille). Но возможно и иное происхождение этого термина, а именно его связь с др.-англ. «гильда», др.-исл. «гиальд» — плата, выкуп, деньги, но и «братство», сообщество лиц, обязанных совместно платить виру либо делать положенный взнос в казну данного объединения, а с распространением христианства еще и связанных с собратьями по гильдии взаимопомощью. Гильдии купцов, занятых опасной и трудной дальней торговлей, — а именно эта форма организационно преобладала в большом товарообмене эпохи викингов — после христианизации нередко стали носить имя св. Николая и группироваться вокруг храмов, ему посвященных. Этими храмами, повсюду чтимого покровителя путешествующих, отмечены все торговые пути, ведущие из Скандинавии через Русь на восток и юг, в том числе многочисленные речные маршруты и освоенные волоки Русского Северо-Запада.

Некая «фризская гильдия» существовала, судя по записи на одном из рунических камней, в Сигтуне. Но были ли это местные жители, торговавшие с фризами, или фризы, торговавшие в Сигтуне, которые образовали там свое братство, — неясно.

Была и другая форма купеческой общности — *товарищество,* т.е. складчина, партнерство, фелаг (fælagh), которое создавалось ради одной или нескольких торговых поездок и иногда сопровождалось объединением имущества, т.е. на паях[11]. В такое товарищество обычно входили двое или более купцов, которые ставили целью проведение предприятий, обычно зарубежных, особенно опасных и требовавших вложения солидных капиталов. Основаны они были на личном соглашении партнеров. В рунических надписях XI столетия попадаются упоминания о сотоварищах-компаньонах. Такие товарищества-фелаги складывались для проведения не только торговых, но и военных предприятий тех же викингов[12]. Участвовать в каком-либо фелаге мог и конунг, о чем упоминает Снорри Стурлусон в прологе «Круга Земного» и в «Саге об Олаве Святом». Участие в гильдиях или фелагах не исключало права купца торговать в одиночку. Например, Тородд, «муж надежный», о котором сага

[11] Вообще fælagh — совместная движимость, букв. «складничество». Исл. fælagi — товарищ, компаньон, складник. См. выше.

[12] СОДВ. С. 176, прим. 52. См. о таких товариществах в специальном исследовании: Сванидзе, 1980.

сообщает, что он «был известным купцом и ходил в плавание на своем корабле», часто ездил в Ирландию без компаньонов[13].

Сага сообщает: «В то время у торговых людей не было в обычае держать на борту поваров, и они отряжали из своей среды людей стряпать по очереди. Пить с товарищами допускались все»[14]. Вероятно, таким же был порядок и на военных кораблях, за исключением, возможно, тех, на которых находились большие вельможи или короли.

Саги вполне подтверждают, что города были *торговыми центрами*, где действовали рынки и проводились ярмарки, можно было купить привозные вещи, рабов и рабынь, там действовали различные объединения купцов.

Вместе с тем примечательно, что ранние города были изначально тесно связаны с *крупными языческими капищами*, часто *вырастали из древних религиозных центров*. Об этом свидетельствуют и саги, и топонимия. А из материалов о христианизации Скандинавских стран можно создать отчетливое представление о *функциях* города как центра и этого процесса: *центра христианской проповеди*, возведения *церквей*, организации *епископских кафедр*. Строительство христианской церкви и проповедь христианства в Бирке находили поддержку у мелких местных королей и их городских префектов, у городских верхов, торговцев и находившихся там рабов (возможно, христиан-пленников). Датско-фризский Дорестад был городом, где часто крестились купцы из свейских земель, в частности Бирки, там христианство восторжествовало раньше и было прочнее. Скара являлась крупным центром языческих праздников, а позднее центром крещения и церковной жизни гётов, точно так же как Упсала и Сизтуна — у свеев.

Такое же ясное представление возникает при изучении саг и о *политической роли городов* как мест проведения главных *тингов*: например, в Осло при Харальде Прекрасноволосом (см. сагу о нем, гл. LVIII). Город Сарпсборг (Борг, Сарпаборг), расположенный неподалеку от устья реки Раум-эльв и вблизи границы со Швецией, в XI в. (возможно, и ранее) развился в торговый центр, имеющий укрепления; там собирался Боргартинг — областной тинг Юго-Восточной Норвегии[15]. А в «Саге о Магнусе Слепом и Харальде Гилли» и в «Саге о Сверрире» фигурирует Хаутатинг, местом сбора которого был город Тёнсберг (Южная Норвегия).

Но политическая роль городов не ограничивалась тем, что они служили местом проведения тингов. Короли, как видно из саг и в чем мы уже могли убедиться, нередко выбирали города местами своих *резиденций*, при этом всячески украшая эти резиденции и *укрепляя* сам город. Вблизи торгового города Тёнсберга еще в 1904 г. был раскопан знаменитый Усебергский курган. Частично разграбленный еще в Средние

[13] ИС II:2. С. 63.

[14] Там же. С. 80.

[15] КЗ. С. 201.

века, этот курган, однако, позволил сделать множество важных открытий связанных с древними погребальными обрядами, а также и бытом. Там была похоронена знатная женщина, предположительно королева Аса, о которой Снорри упоминает в своем «Круге Земном», — мать короля Хальвдана Черного и бабка объединителя страны Харальда Прекрасноволосого. В кургане оказался корабль, а на корабле в числе прочего находились останки рабыни, сани, повозка на четырех колесах[16]. Погребение в ладье от IX — начала X столетия было обнаружено и на окраине города Скирингссалля, древние курганные королевские погребения и сегодня можно увидеть в (Старой) Уппсале.

Короли укрепляли города, где они и находились, «*замками*». Во времена Бирки местный малый король имел резиденцию на соседнем с ней островке Адельсё («Остров знатных»). Такое сочетание укрепленного торгового центра и расположенного поблизости центра управления или крепости было характерно для ранней городской системы Средневековья, особенно для Северной и Восточной Европы. С рубежа XII–XIII столетий в Скандинавии появляются и каменные замки.

Сочетание города и крепости было удобно для обеих сторон, а королям и местным правителям позволяло также собирать *торговые пошлины*, что служило неплохим пополнением для их казны[17]. Местные хёвдинги могли также налагать *штрафы* на приезжих купцов: так, например, поступил известный Сэмунд с купцами, приехавшими из норвежского Бергена в Гренландию[18]. Богатые и знатные господа стремились иметь не только сельские имения, но и *подворья* в городе. Согласно «Саге о Греттире» (гл. XXIII), свой двор в городе Тёнсберге имел брат главного героя саги Торстейн Дромунд. Вероятно, свои дворы в городах имели и придворные. Судя по раскопкам археологов в древнем Хедебю, участки отдельных владельцев в этом раннем городе обносились оградами. Находки погребений высшей знати и там, и в Бирке неоспоримо свидетельствуют о том, что она также стремилась обосноваться в городах.

Значение городов как укрепленных поселений, торговых, политических, культовых и фискально-административных центров стало достаточно рано понятно королям, которые всячески способствовали их строительству и безопасности. Город Нидарос (Тронхейм, Трандхейм) обязан своим существованием королю Олаву сыну Трюггви (997), город Осло — Харальду Суровому. Торговый Скирингссалль-Каупанг был постоянной резиденцией ряда норвежских конунгов, в первую очередь зимней. Оттуда те двигались в Осло, потом в Тронхейм, устраивая по дороге пиры. В шведской Упсале тинг на Сретенье совмещался с ежегодной трехдневной ярмаркой, куда стекались люди не только со всей Швеции, но прибывали и торговцы из других стран («Сага об Олаве Святом», гл. LXXVII).

[16] В таких повозках не только передвигались люди. Полагают, что, сняв кузов с такой повозки, ее четырехколесную основу можно было использовать для того, чтобы перемещать по суше средние и малые корабли (на волоках).

[17] КЗ. С. 507.

[18] Сага об исландцах. С. 106.

Повстанцев-посошников на юго-востоке Норвегии поддерживали порты Вика и торговые города Тёрнсберг, Осло, Сарпсборг и Конунгахелла. Во время восстания берестяников в Норвегии их вождь Сверрир опирался на города Тронхейм и Мёр, а затем на Берген и Ставангер в Средней Норвегии. Города использовались также как *убежища* при нападениях викингов (тех же вендов — см. выше) и, вероятно, во время междоусобиц[19]. Служили они и *опорными пунктами* при захвате новых территорий. Именно так во время экспансии датчан на земли эстов в XII в. возник датский город Таллинн на месте туземного поселения еще конца старой эры.

В сагах по разным поводам неоднократно говорится о таких норвежских городах, как Осло, Нидарос, Каупанг, Хладир, Берген (Бьергюн)[20], Мер (Мёре, Мёрин), Ставангер (Ставанг)[21], но чаще других упоминаются Осло, Каупанг, Нидарос и Берген[22]. О торговых кораблях в Бергене специально рассказывается в «Саге о Магнусе сыне Эрлинга» (гл. V). К XIII в. Берген был уже настолько значительным портом, что одним из первых был вовлечен в орбиту влияния Ганзы — обширного и мощного союза купечества северонемецких городов.

О Конунгахелле, городке, расположенном неподалеку от шведского же Старого Лёдёсе (предшественника Гётеборга), в «Саге о сыновьях Дроплауг» и в других сагах говорится как о пограничном городе, важном в торговом и политическом отношениях. Но из материалов о городах XIV в. Конунгахелла исчезает.

Часто упоминаются в сагах шведские города Упсала, Сигтуна (особеннс Старые Сигтуны), Скара (Скарара)[23] и поселение Агнефит (Агнафит из «Саги о Хервёр»), находившееся приблизительно на месте будущего Стокгольма[24]; датские города Лунд, богатый и хорошо укрепленный Виборг (Вебьёрг в Ютландии), Хейдаборг, Хедебю (Хайтхабю), Трелаборг, Ольборг (Алаборг)[25], Йомсборг (Йом)[26]. Упоминаются Раннерс (Рандарос), Симрисхамн (Свимрарос) и др.[27]

О городах и торговых портах, например «Купеческой гавани» (Kaupmannahafn), в сагах речь заходит тогда, когда в качестве их персонажей действуют профессиональные купцы, которые ведут дальнюю торговлю. В проливе Эресунн во время путины сельди собиралось много торговых кораблей из разных мест, о чем упоминается в сагах. Города области Ское поднялись достаточно рано благодаря расположению на берегу единственного пролива, соединяющего Балтийское и Северное моря, который

[19] КЗ. С. 508.

[20] См., например, о прибытии в Берген корабля с исландскими товарами в кн.: ИСИЭ. С. 462.

[21] КЗ. С. 332, 506, 589 и мн. др.

[22] ИСИЭ. С. 80, 535; ИС I. С. 46, 58, 447; ИС II:2. С. 279 и др.

[23] Ср.: *Адам.* С. 99; КЗ. С. 13, 23, 169, 208, 635, 654 и др.

[24] IMS. P. 30.

[25] ИСИЭ. С. 35, 80; СОДВ. С. 110, прим. 53.

[26] КЗ. С. 158, 370, 392, 399, 418, 493, 518, 549–550.

[27] Там же. С. 493, 506, 570, 589.

не мог миновать ни один корабль. Вообще, скандинавские города в подавляющем большинстве стояли на морских побережьях, что служило основой их развития.

В отличие от викингов, которые также занимались торговлей, «торговые люди», «богатые гости»[28], по обычаю, свойственному всем плавающим северянам, выходили в море только в теплые сезоны, в течение которых могли несколько раз пересечь Балтику. Но некоторые купцы предпочитали делать лишь одно или два серьезных путешествия. Они могли, например, начать первое плавание весной и, прибыв в пункт назначения, в том числе в какой-либо город, оставаться там в течение лета и уплыть обратно осенью; но могли отправиться в свой вояж в конце лета или ранней осенью и остаться торговать на зиму. Так было принято по всей Скандинавии и столетия спустя, а такие купцы назывались «зимние гости» и «летние гости». Они вытаскивали корабли на берег и перегружали товары с корабля на лодки или плоскодонные баржи, затем на лошадей. Чтобы разгрузить большой торговый корабль, требовалось примерно 120 вьючных лошадей. В городе можно было жить у местного знакомца или снять помещение для жилья, такие сведения дает, например, «Сага о Гисли».

Вообще, пребывание в городах приезжих купцов было привычным явлением. Сын бонда Торд даже «любил затевать кулачные бои с торговыми людьми», которым обычно от него доставалось[29]. Но купцы и сами, как отмечалось выше, были хорошо вооружены и давали решительный отпор тем, кто хотел их пограбить[30].

Материалы саг, касающиеся скандинавского экспорта, в основном совпадают с данными археологии. К товарам скандинавского экспорта, о которых отчасти говорилось выше, можно добавить такие, как вяленая треска и сельдь, ботнический лосось, дорогие меха, добываемые охотой, кожи и шкуры домашних животных, шерсть и толстое, «непромокаемое» домотканое сукно-вадмаль, льняную пряжу и готовые ткани из нее, гагачий пух, рыбий (тресковый, тюлений и китовый) жир, шведское железо, моржовую кость и шкуры, бивни нарвала, знаменитых гренландских кречетов и др. В Скандинавские страны, судя по сагам, ввозили дорогие ткани и одежду, оружие, породистых лошадей и конские уборы, украшения из золота и, чаще, серебра, частью с драгоценными камнями, которые носили и женщины и мужчины, а также красители, церковные колокола, бронзовые подсвечники, вина и др. В безлесную Исландию доставляли корабельный и строевой лес, туда же и в Норвегию — мед, зерно, особенно пшеницу или муку, предметы личного пользования, особенно роскошные, а также рабов — мужчин и женщин, и т.д.[31]

«Торговые люди», попадавшие в Скандинавию или вышедшие из этого региона, были, естественно, мореходами. О них так и говорится в сагах: «купец и мореход»[32].

[28] КЗ. С. 23, 24, 35, 46, 58 и др.
[29] ИС I. С. 46.
[30] КЗ. С. 408, 506–508.
[31] ИС I. С. 192, 447 и мн. др.
[32] КИ. С. 386.

Разъезжая, они «перевозили» не только товары, но и обычаи, и культурные традиции. Римберт в «Житии св. Ансгария» пишет, что многие шведские купцы крестились в континентальных городах[33]. И действительно, купцы были в числе первых и преданных новой вере христиан. Как свидетельствует Адам Бременский, именно купец построил, например, первую церковь и у куров[34]. Саги обращают внимание на такие чисто городские культурные явления, как общественная баня: так, конунг, построив в Бергене баню для себя, устроил просторные бани и для населения, где можно было вымыться за один весовой пеннинг, который шел в казну[35]. Мылись одновременно мужчины и женщины, и, судя по средневековым изображениям, при такой бане нередко предлагались интимные услуги. Несомненно, с континента купцы привнесли в Скандинавию, в частности в Нидарос, обычаи «круговых пиров» и устройства гильдейских церквей или часовен, с «гильдейским колоколом» (см. «Сагу о Магнусе Слепом и Харальде Гилли»). А в торговые или ярмарочные дни народ развлекался выступлениями скоморохов.

Таким образом, несмотря на скупость саг при описании местных городов и городской жизни, можно убедиться в том, что города — а это были, как говорилось, так называемые ранние города — играли в Скандинавии эпохи викингов ту же роль, что и повсюду в тогдашней Европе. Уже тогда города были для своего времени богаты, и не случайно, что довольно регулярные грабительские набеги на скандинавские территории жителей Восточной Балтии, равно как и нападения на сопредельные земли региона самих скандинавов, зачастую были нацелены на города. Характерно, что большинство ранних скандинавских городов в той или иной мере сохраняли свое значение на протяжении всего Средневековья и продолжили свою историю в Новое время.

Города эпохи викингов были преимущественно портами. Они концентрировали разнообразное неаграрное население своей страны и привлекали людей иных этносов и вероисповеданий. Они служили средоточием наиболее интенсивного товарообмена, были политическими, военно-стратегическими, фискально-административными, религиозно-церковными, культурными центрами внутри своих стран, а также центрами распространения, заимствования и *взаимодействия разных культур*[36].

---

[33] *Римберт*. С. 50.

[34] *Адам*. С. 89.

[35] ИС II:2. С. 279.

[36] См. особ.: Wibanisving prosesseni Nordenm 1977; Fritz B., 1987; Сванидзе, 1986; Сванидзе, 1987.

ДЕНЬГИ И МЕРЫ В САГАХ

Деньги как *средства обращения* фигурируют в сагах в виде нескольких платежных форм. Чеканка *монеты* в Скандинавии была затруднена из-за отсутствия собственных запасов драгоценных металлов. Поэтому там использовали *привозные монеты*, прежде всего серебряные арабские дирхемы, которые поступали в регион в результате торговли и грабежа; они переливались, перечеканивались, а также шли в качестве весового серебра. Первые местные монеты чеканились преимущественно английскими мастерами, начиная примерно с конца X в., в единичных торговых эмпориях. И, как мне представляется, эти первые, несовершенные по исполнению монеты имели скорее политическое, нежели экономическое значение. Например, на первых шведских пеннингах изображался король Олав Шётконунг в качестве, как свидетельствовала надпись, «короля свеев, гётов и гутов», т.е. единого и общего повелителя Швеции, включая вассальный Готланд. На монетах Харальда Синезубого и Свена Вилобородого (Твескэга) изображен крест. А на первых монетах торгового города Хедебю изображены корабль и конь (или олень) — символы (торговых) разъездов.

Существовало четыре *номинации монет*. *Марка* (ср. русск. *гривна*) была *счетно-весовой единицей*, такие монеты никогда не чеканились. Ее приблизительным весовым соответствием был тогдашний балтийский фунт — 216 г или немного больше драгоценного металла. Марка делилась на 8 *эйриров* в Норвегии или *эре* в Швеции, которые соответственно весили каждый от 26,79 до 30 г[1] и могли использоваться как мера веса, равная 30 г. Эре делился на 3 *эртуга,* каждый из которых весил не более 10 г. Эртуги включали по 8 *пеннингов,* каждый из которых по номиналу равнялся $^{1}/_{192}$ марки, а по весу около 0,9 г.

Итак: *1 марка = 8 эре (эйрирам) = 24 эртугам = 192 пеннингам*. Именно пеннинг был, судя по всему, ходовой местной монетой, а более крупные номинации скорее служили счетными единицами. Если в источнике говорится о том, что была заплачена такая-то сумма пеннингов (например, «марка пенгар»), то это свидетельствует об оплате именно монетой. В других случаях серебро шло в оплату *по весу либо*, много реже, *пересчитывалось на монеты*. В Норвегии пеннинг мог составлять $^{1}/_{30}$ эйрира, $^{1}/_{240}$ от весовой марки в 214,32 г[2]. Марка золота около 215 г, равная 8 эйрирам и 240 пеннингам, упоминается в «Саге о Сверрире»[3]. Очевидно, весовое соотношение номинаций могло колебаться.

[1] ИС I. С. 761.

[2] ИС II:2. С. 430. Ср. также: С. 420.

[3] Сага о Сверрире. Гл. 21, прим. 30.

Были и свои, привычные обозначения, например, *«десяток серебра»* представлял собой 10 серебряных эйриров, а *«сотня серебра»* — 100 эйриров[4].

Уже во времена саг монету *«портили»*. Ценилась «бледная монета», т.е. содержавшая столько серебра, сколько полагалось по номиналу, а не темная, с большой примесью меди. «Портили» монету и путем уменьшения надлежащего веса. Монета стиралась и теряла вес также в процессе обращения. В «Саге о Магнусе сыне Эрлинга» архиепископ Эйстейн потребовал, чтобы бонды платили подать церкви полновесными серебряными эйрирами, а не вполовину меньшими, как платили конунгу. Не случайно полученные в уплату или в подарок монеты зачастую взвешивали. О серебряных монетах как *средстве платежа* в сагах говорится нередко. Король Олав («Сага об Олаве Святом», гл. XXVII), нуждаясь в войске, дал своему доверенному «посланцу много денег, чтобы он мог набрать войско», причем, скорее всего, здесь речь идет о монетах[5]. Возможно, в ходу были и английские монеты (sceat, skeat)[6], равные денарию и составлявшие $^{1}/_{20}$ английского шиллинга, о них напоминает наименование поземельного государственного налога (скат, скот), который фигурирует в областных законах Швеции.

В сагах упоминаются литейщики, работавшие с драгоценными металлами, бывшие обычно и ювелирами, *и чеканщиками*. Именно из этих специалистов приглашали мастеров для изготовления монет и тогда, и позднее. В сагах упоминаются ювелирные весы с гирьками[7] и коробка для таких весов, что подтверждают находки археологов. Эти предметы были нужны отнюдь не только торговцам, чтобы проверить вес монеты, но и при разделе даров или добычи, да и в повседневной жизни вообще, поскольку ни чеканка монеты, ни ее обращение еще не получили заметного развития; гораздо шире использовалось весовое серебро и, конечно, много реже золото.

Весовые серебро и *золото* были надежным, а потому распространенным, принятым платежным средством, о чем говорится во многих сагах[8]. Отправляясь в деловую поездку или намереваясь уплатить штраф, с собой, наряду с монетами, брали весовое серебро, реже золото либо только драгоценные металлы в слитках и изделиях[9]. В качестве выкупа за голову Торарина Дерзкого (в саге о нем) предложили, как считалось, не так уж много, всего 5 марок весового серебра. Зато вира Торда из «Саги о сыновьях Дроплауг» исчислялась в фантастическую сумму — 486 эйриров, т.е. 162 марки!

В «Саге об Эгиле» (гл. LXXXV) рассказывается о том, как Эгиль хотел распорядиться сокровищами, которые ему «подарил когда-то» английский король: два сундука, про которые было известно, что «оба они полны английским серебром». Эгиль,

[4] ИС II:2. С. 302, прим. 30.

[5] О плате пеннингами см.: Там же. С. 420.

[6] Беовульф. С. 658. Ср. ст. 2195 и коммент.

[7] О взвешивании благородного металла с помощью гирь см., например: КЗ. С. 415.

[8] См., например: ИС I. С. 26, 30, 31, 46.

[9] ИС II. С. 292. Ср.: КЗ. С. 415.

уже почти ослепший, но «в остальном еще крепкий», решил почудить напоследок: поехать на тинг и, взобравшись на Скалу Закона, бросить в толпу собравшихся серебро, а потом любоваться тем, как все будут из-за него драться. Скальда отговорили от этой опасной проделки. Но понятно, что в сундуках были либо монеты, либо слитки серебра и изделия из него, иначе как бы все это можно было разбросать? Понятно и другое — то, что серебро высоко ценилось (простыми) бондами-тингманами, иначе бы они не стали драться из-за, например, пригоршни монет. И частые упоминания об использовании серебра при сделках, для уплаты штрафов и т.д. относится, конечно, к богатым и знатным людям, прежде всего к тем, кто ходил в викинги[10].

Некоторые *ювелирные изделия* — кольца, браслеты («обручья», запястья), нашейные обручи и цепи — отливали таким образом, чтобы их вес соответствовал одной из *счетно-весовых монетных единиц*. Не случайно в сагах часто упоминается вес драгоценного подарка: например, подарок в виде запястья весом в марку золота («Сага о людях из Лососьей Долины», гл. XIII), отдар за меч в виде двух золотых браслетов по марке каждый («Сага об Эгиле», гл. LXI). Сделанные из драгоценного металла известного веса, такие предметы имели хождение и как платежное средство, иногда в случае надобности их ломали на куски, каждый из которых имел цену по весу. Отсюда известное выражение, часто применявшееся в скальдической поэзии для обозначения щедрого конунга: он «браслеты ломал» (и раздавал дружинникам эти куски серебра или золота). Упоминается использование в качестве платежного средства наряду с монетами куска серебряной пряжки[11]. Таким образом, платежным средством служили также и *драгоценности*.

В качестве платежного средства использовались и особенно употребительные *товары*. Например, большой штраф в объеме «40 сотен» уже в XIII в. был уплачен «отличным добром»[12]. Согласно поэме «Беовульф» (ст. 2995) в одном случае «было дано сто тысяч (?) землей и кольцами». Уплата долга, включая большой штраф недвижимостью, скорее всего имела место в том случае, если виновный не располагал наличными деньгами для платежа.

В качестве платежных средств постоянно использовали *мерные товары,* прежде всего домотканое *грубое сукно* (вадмаль, ватмель, русск. вотола), которое шло и на вывоз. Сукно это имело определенную ширину, длина же его измерялась в «локтях»[13]. Стандартный отрез («кусок») такого сукна длиной 6 локтей — так называемый «суконный» или «дерюжный» эйрир — оценивался в имеющих особое название «законных эйрирах» (т.е. в серебре или золоте) и ценился ниже последних:

[10] Ср.: КЗ. С. 415. Там о золоте и «драгоценном имуществе» сказано, что они попали к норвежскому королю от «греческого конунга, у которого, как все говорят, дома полны червонного золота».

[11] Поэзия скальдов. С. 147.

[12] Сага об исландцах. С. 190.

[13] Средневековая мера длины локоть (aln) был равен 46–53 см.

так, за 72 законных эйрира полагалось дать 96 дерюжных эириров[14]. При расчетах три сотни (локтей) грубого сукна должны были быть эквивалентны 360 суконным эйрирам и, соответственно, сотня (локтей) сукна в реальности равнялась 120 суконным эйрирам. А один суконный эйрир включал 24 стандартных (по 3 м) отреза ткани или мерных суконных эйриров[15]. Встречается и такой расчет, когда 1 марка равна 8 эйрирам, или 48 отрезам сукна. И в XIII в. вира за убийство могла состоять, например, из «18 сотен трехаршинных отрезов сукна»[16].

Употребителен был *счет на дюжины*, отсюда такая крупная мера длины, как 120 локтей — десять дюжин. 120 локтей — эта так называемая *«большая сотня»*, она исстари применялась в балтийской оптовой торговле мерными товарами. Однако на сотни и большие сотни могли считать также людей (например, ополченцев), о чем имеются упоминания в «Саге об исландцах». Встречаются сведения и другого типа. Отец, снаряжая корабль и отправляя на нем сына торговать, дает ему товара «на 60 сотен, из них 20 сотен полосатыми тканями»[17]. Но какие денежные единицы подразумеваются здесь под «сотнями», решить трудно. Среди средств оплаты в сагах встречаются также *шкуры*, *древесина* и некоторые другие предметы *повседневного спроса*.

Попадаются в сагах сведения и об оплате *скотом*.

В порядке *дара-отдара* на уровне элиты фигурируют оружие, дорогая одежда, кони, корабль «и всяческие другие ценные вещи», а также серебро и золото. При дележе драгоценностей и слитков благородных металлов их также взвешивали.

Весовые меры в одной из саг разъясняются так: 2 весовые меры весят 10 пудов[18], т.е. 1 весовая мера равна 5 пудам.

Некие меры существовали и *для земли*, например, *хид* — примерно 120 акров. Но вот в поэме о Беовульфе (ст. 2195) некто получает «семь тысяч земли», и что имеется в виду в данном случае — совершенно неясно, потому что если речь идет о 7 тысячах хидов, то это территория целой Северной Мерсии. В той же поэме о Беовульфе (ст. 2995) некто получает «сто тысяч землей (!) и кольцами». Скорее всего, и в этом, и в предшествующем случае эти «тысячи» даются в пересчете, скажем, на марки или эйриры, но тогда необходимо выяснить цену земли, а это один из самых загадочных вопросов всего Западного Средневековья, так как цена земли зависела от множества условий. В законах XIII в. меры земли выражались в денежных единицах, но при этом по сей день не ясно, означает ли, например, эртуг земли цену участка, объем или цену посевного зерна или объем и цену обычного урожая с этого участка.

Цены варьировались, имели зачастую договорный характер и зависели от разных обстоятельств. Например, в «Саге о сыновьях Дроплауг» увлекшийся рабыней

[14] ИС II:1. С. 372, прим.

[15] ИС II:2. С. 81, 308, прим. 103.

[16] Сага об исландцах. Гл. 142. О сукне как ходовом платежном средстве см. также: ИС I. С. 32.

[17] ИСИЭ. С. 462.

[18] ИС II:1. С. 90.

человек заплатил за нее, как считает сага, очень высокую цену — полсотни серебра, т.е. 50 эйриров, тогда как вира за свободного составляла сотню серебра, это 100 эйриров[19]. В той же саге сказано, что цена коровы в Исландии может дойти до 72 законных или 96 дерюжных эйриров, т.е. почти 600 локтей или около 300 м сукна (?!). Одно жертвенное кольцо (клятвенное?) оценивали в 20 эйриров[20]. В «Саге о Сверрире» (гл. 21) сказано, что за 1 марку золота можно купить 3–4 коровы.

В сагах имеются весьма интересные сведения и иного рода, например, что на полмарки можно было в течение года кормить малолетнего ребенка. И что человек, имеющий имущества *на 3 марки*, обязан платить «денарий св. Петра». Это одно из самых ранних свидетельств о соотношении размеров *имущества и налогообложения*.

Если цены и меры — категории изменчивые, зыбкие, трудно поддающиеся общей характеристике, тем более на основании фольклора, то *особенности денежного обращения и платежных средств* в Скандинавии эти источники демонстрируют совершенно отчетливо. *Во-первых*, в составе денег в широком смысле слова, т.е. *средств платежа,* отчеканенные деньги или монеты отнюдь не преобладали, а их изготовление было слабо развито. Более надежными и намного более употребительными в среде людей саг были весовое серебро и золото, будь то иностранные монеты, ювелирные изделия или слитки. *Во-вторых*, в качестве платежных средств постоянно применялись определенные товары широкого потребления, обычно входившие и в состав экспорта, особенно домотканое сукно и скот.

Характерно, что первые же кодексы скандинавов XII–XIII вв., а затем и более поздние, вплоть до середины XV в., касаясь платежных средств, узаконивают их смешанный монетно-товарный состав. Мне приходилось уже отмечать эту особенность как характерную черту средневекового северного, атланто-балтийского рынка и платежной системы в целом[21]. Теперь можно констатировать, что истоки этого своеобразия платежных средств и денежного обращения у средневековых скандинавов уходят корнями по меньшей мере в эпоху викингов.

---

[19] В шведских областных законах конца XIII в. выкупить на свободу раба можно было, заплатив хозяину его цену: «6 марок пеннингами, или 3 марки вадмаля в 12 локтей на каждый эре, или 4 взрослых крупных рогатых скотины». См.: ÖgL Dr 16:2 o. a.

[20] ИС II:2. С. 4, 24, 74.

[21] Сванидзе, 1980.

СПРАВКА О САГАХ И ПРЯДЯХ: ВРЕМЯ СОБЫТИЯ, ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНОЙ ОСНОВЫ И ЗАПИСИ ТЕКСТА; НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ К ИСПОЛЬЗОВАННЫМ ПУБЛИКАЦИЯМ

Как уже говорилось ранее, когда речь заходит о хронологии саг, встает множество вопросов. Прежде всего, это вопросы о *датировке*, о времени — во-первых, того, что *описано* в саге; во-вторых, о времени возникновения и/или *оформления* фольклорной основы (основ) саги, что неизменно является базовым источником ее письменного текста; и, наконец, в-третьих, о хронологии и дополнительных источниках создания самого *письменного текста*. В последнем случае неизбежно встает проблема авторства этого текста, имени (имен) и роли составителя-компилятора, «записчика» и т.д. Учитывая особенности формирования саги, авторство ее письменного текста может считаться в известной степени условным. Поэтому даже в тех относительно немногих случаях, когда письменный текст саги прямо приписывается тому или иному лицу, обычно одному из известных интеллектуалов своего времени, я предпочитаю употреблять более нейтральные выражения: «составитель саги», «составление» текста саги.

Почти каждой саге и многим прядям посвящены специальные исследования, которые в разной степени учтены мной. Но в этой справке могут быть приведены лишь неполные и самые общие данные, преимущественно о наиболее значимых для данного исследования сагах, — те данные, которые допускаются объемом книги и которыми я располагаю.

Родовые саги

Сага об Эгиле. События X в.; даты жизни Эгиля 910 — ок. 990 г. Составлена примерно в 1220 г. или чуть раньше, по одному из предположений — Снорри Стурлусоном. Много вкраплений от более поздних десятилетий XIII в. Одна из самых «длинных» родовых саг. В сб.: 1) Исландские саги / Ред., прим., вступ. статья М.И. Стеблина-Каменского. М., 1956 (далее — *ИС I*). В настоящем исследовании использован текст *ИС I*.

Сага о людях из Лососьей Долины (Лаксдаля). События середины X в. — конца массового заселения Исландии, но имеются эпизоды, относящиеся к первой трети XI в.

Составлена примерно в середине XIII в. предположительно Олавом Белым Скальдом (ум. 1259). В сб.: 1) *ИС I;* 2) Корни Иггдрасиля: Эдда. Саги. Скальды. Приложения / Сост. и отв. ред. О.А. Смирницкая. Приложения О.А. Смирницкой и Е.А. Гуревич. М., 1997 (далее — *КИ*); 3) Исландские саги. Ирландский эпос / Сост. вступ. ст. и прим. М.И. Стеблина-Каменского. Пер. М.И. Стеблина-Каменского, О.А. Смирницкой, А. Корсуна. М., 1973 (далее — *ИСИЭ*). В настоящем исследовании использован текст *ИС I.*

Сага о Гуннлауге Змеином Языке. События рубежа X–XI вв. (примерно 984–1009 или 987–1012), во время правления шведского короля Олава Шётконунга. Фольклорная основа сформирована не ранее последней четверти XII в. Составлена около 1280 г., по другому мнению — не ранее 1310 г. Носит следы влияния рыцарского романа. В сб.: 1) *ИС I*; 2) *КИ*; 3) *ИСИЭ.* В настоящем исследовании использован текст *ИС I.*

Сага о Ньяле. События последней трети X — начала XI в. Составлена в конце XIII в., и, как полагают, ее записал или, во всяком случае, «приложил к ней руку» Ари Мудрый. Имеется много списков этой саги от XIII в., она была востребована и после середины XVI в., в эпоху Северного Ренессанса. В сб.: 1) *ИС I*; 2) *ИСИЭ.* В настоящем исследовании использован текст *ИС I.*

Сага о Курином Торире. События второй половины X в. (но не ранее 963 г., когда на исландском альтинге было принято решение о местных судах). Фольклорная основа сформирована во второй половине X в., запись саги относится примерно к 1250–1270-м гг. В сб. *ИС II:1.*

Сага о Битве на Пустоши — одна из ранних записей родовых саг. В ней описано известное побоище 1014 г. Фольклорная основа возникла тогда же либо в конце XI — начале XII в. Рукопись создана на западе Исландии, в монастыре Тингэйрир, примерно в 1170–1200 гг. В собраниях саг эта рукопись — *древнейшая*. К сожалению, была сильно *искажена* при публикациях. В сб.: *ИС II:1.*

Сага о Названых Братьях. События первой трети XI в., когда жили герои саги. Ее сведения сочетаются с сагой о св. Олаве. Фольклорная основа также возникла в первой трети XI в., запись относится примерно к 1200, возможно, 1210 г. В основе содержится много языческих элементов, а запись несет следы куртуазной традиции. В сб.: *ИС II:1.*

Сага о сыновьях Дроплауг. События начинаются в первой трети X в., возможно — с 930 г. и доходят до XII в. Фольклорная основа возникла не ранее XI в. Записывалась с середины XII по XIV в. Первая сохранившаяся рукопись относится к 1279/80 г., полная версия — к XIV в. Сага рассказана Торвальдом Ингъяльдссоном, *правнуком Грима*, одного из сыновей Дроплауг (данные о нем примерно от 1135 г.), т.е. праправнуком вдовы Дроплауг. В сб.: *ИС II:1.*

Сага о Торстейне Белом. События относятся к началу и середине X в. Фольклорная основа возникла тогда же. Сага записана в конце XIII в., содержащаяся в ней хронология неточна. В тексте заметна известная модернизация. Считается, что эта сага не вполне заслуживает доверия. В сб.: *ИС II:1.*

Сага о Торстейне сыне Халля. События и фольклорная основа относятся к 1034–1035 гг. В сб.: *ИС II:1.*

Сага о людях с Песчаного Берега. Содержит предание от XI–XIII вв. Запись саги относится, возможно, к концу XIII в. На основе или с использованием этой саги Торд Йоунссон (ум. 1670) создал так называемую «Книгу Торда», одну из поздних редакций «Книги о заселении земли». В сб.: *ИС II:1.*

Жизнь Снорри Годи. Герой саги жил примерно в 963/964–1031(7) гг. Тогда же или чуть позднее возникла фольклорная основа саги. Записана, согласно традиции, в первой половине XII в. Ари Мудрым сыном Торгильса (1068–1148). Сохранилась во *фрагментах.* Название дал публикатор. В сб.: Исландские саги / Пер. с др.-исл., общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. Т. 2. М., 2004 (далее — *ИС II:2*).

Сага об Ароне сыне Хьёрлейва. Сам Арон (1200–1255) и содержание саги связаны с исландским землячеством в Бергене. Упоминается папский легат, кардинал Вильхьяльм (Вильгельм), который действительно приезжал в Норвегию в 1247 г. (ум. 1248). Записана в начале XIV в. В сб.: *ИС II:2.*

Сага о Стурлунгах содержит описание распрей XII–XIII вв. Сочинена и записана в XIII в., висы в ней принадлежат Стурле Тордарсону. Компиляция, по жанру относится к так называемым сагам о современности. В сб.: *ИС II:1.*

Сага о Гисли сыне Кислого. Описывает события середины X в. Фольклорная традиция саги восходит ко второй половине XII в., записана не ранее середины XIII в. В сб.: *КИ.*

Сага о гренландцах. События связаны с *открытием острова*, т.е. около середины 80-х гг. X в. Тогда же или вскоре возникла фольклорная основа саги. Время фиксации ее письменного текста неопределенно: от конца XII до начала XV в. В сб.: *ИСИЭ.*

Сага об Эйрике Рыжем. Эйрик Рыжий и его отец Торвальд прибыли в Исландию в середине X в. Фольклорная основа саги создавалась с середины X в. и до открытия Гренландии, т.е. примерно до 1000 г. Известная запись саги сделана в начале XIV в. на основе устной традиции и, возможно, неких письменных источников. Как известно, сын Эйрика Лейв доплыл до Северной Америки и открыл там колонию Винланд. Первая публикация на русском языке сделана Сыромятниковым в 1890 г., новейшую см. в сб.: *ИСИЭ.*

Сага о Торстейне Битом. События и основа произведения — ок. 1000 г. Запись сделана примерно в 1250–1275 гг., но сохранилась рукопись от второй половины XV в. В сб.: *ИСИЭ.*

Сага о Фарерцах. В центре повествования — распря двух фарерцев и сложные обстоятельства крещения. По жанру эта сага занимает *промежуточное положение* между родовыми и королевскими сагами: с этих островов был родом самозванец Сверрир (ум. 1202), основатель новой королевской династии в Норвегии. События относятся к началу XI — XIII в. Первые записи сделаны уже в начале XIII в., в XIV в.

были изложены в виде баллады. Текст носит следы вмешательства разных авторов и массу переделок. В сб.: *ИС II:2*.

Сага о Хёрде и островитянах. Рассказывает о некоторых событиях X в. (Хёрд погиб в 989 г.). Фольклорная версия саги возникла тогда же либо в начале XIII в. Запись саги сделана в XIII в. на основе переработки сказания начала этого столетия, как полагают, Стюримаром Карасоном (ум. 1245), который в рукописи этой саги от XIV в. упоминается как священник Стюри Мудрый.

Сага о Греттире. События примерно середины X и начала XI в. Герой (даты жизни примерно 996–1030) — один из любимых персонажей исландцев. С 16 лет скитался в изгнании, в 35 лет был убит. Это одна из «длинных» родовых саг, в то же время, подобно «сагам о древних временах», она содержит немало сказочных и мифологических элементов. Записываться стала, вероятно, не позднее 1220 г., сохранившиеся рукописи — не ранее XIV в. См. в кн.: Сага о Греттире / Отв. ред., статья и прим. М.И. Стеблина-Каменского. Пер. О.А. Смирницкой. Новосибирск, 1976.

Сага о Фритьофе Смелом сложилась в конце XIII — начале XIV в.; скорее всего, является *вымыслом* и *удачной стилизацией*. Записана на древнеисландском языке, наиболее известен текст в обработке XV в. Герой саги жил примерно в конце VIII — начале IX в., места действия — область Согн (Норвегия), Оркнейские острова. Включает много вис — восьмистиший, якобы созданных или произнесенных Фритьофом, поэтом, воином, благородным героем, идеальным персонажем эпохи саг. Вдохновили *Э. Тегнера* на создание широко известной одноименной поэмы (1825), уже в 1841 г. переведенной в России со шведского Я.К. Гротом (переиздавалась в 1874 и 1898 гг.). Последнее издание — в кн.: Фритьоф Смелый. М., 1996.

Сага об исландцах. Относится и к «родовым сагам», и к «сагам о современности». Эта самая обширная сага посвящена истории политической борьбы в Исландии между родовыми кланами на протяжении почти 80 лет; самые поздние сведения, которые в ней содержатся, относятся к 1264 г. Она составлена между 1275–1284 гг., скорее всего около 1280 г., Стурлой Тордарсоном (1214–1284), который в этом случае, как и при написании своей «Книги о заселении земли», по-видимому, пользовался не только устными свидетельствами, но и некой письменной основой. См. в кн.: Стурла Тордарсон. Сага об исландцах / Пер., ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. М., 2007.

Королевские саги

1. Королевские саги Снорри Стурлусона

Перечисленные ниже 16 королевских саг, вошедших в сочинение Снорри Стурлусона «Круг Земной» («Хеймскрингла»), были записаны, составлены или написаны Снорри в 1219–1230-х гг., но в их создании на разных этапах принимали участие и другие авторы, некоторые из них известны. См. кн.: Снорри Стурлусон. Круг Земной /

Изд. подготовили А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. Отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980, в сокращении — КЗ.

Сага об Инглингах. Эта история первого королевского рода Швеции и Норвегии, начинающаяся с мифологических фигур, следует в основном известному «Перечню халейгов» скальда Эйвинда Погубителя Скальдов и была составлена до 1177 г.

Сага о Хальвдане Черном. Король Норвегии, ум. ок. 861 г.

Сага о Харальде Прекрасноволосом. Сын Хальвдана Черного, жил предположительно ок. 848–931/933, по другой версии ок. 860 — ок. 940 гг. На престоле Норвегии примерно с 860 г., объединил Норвегию примерно в 860–870-х гг. По исландской хронологии правил ок. 880–931(940?). *Харизматическая личность, культовая фигура саг,* в письменном тексте саги ему приписаны реформы и некоторые деяния, которые, скорее всего, могли быть совершены только в XIII в.

Сага о Хаконе Добром. Хакон сын Харальда, даты жизни: ок. 933 — ок. 959/960. Король Норвегии примерно с 950 г. Прозвище — Воспитанник (или Приемный сын) Ательстана, т.е. англосаксонского короля Этельстана. Крестился в Англии. Сказания о нем восходят к середине X в. Погиб при вторжении племянника, внука Харальда и сына Эйрика Кровавая Секира, поддержанном датским конунгом.

Сага о Харальде Серая Шкура. Даты жизни 935 — ок. 970/74, король Норвегии с 959/960 г., ум. ок. 970 г. После него правил ярл Хладира (Тронхейм) Хакон Сигурдарсон, язычник.

Сага об Олаве сыне Трюггви. Даты жизни, согласно исландской хронологии: 955–999/1000, король Норвегии с 995 г. Фольклорная основа создана в конце X в. Первая запись относится к середине или второй половине XIII в. и приписывается известному книжнику монаху Одду Сноррасону из Тингэйрирского монастыря. В качестве одного из тех, от кого он слышал эту сагу, называется Клака Карссон. Известен другой вариант саги об этом знаменитом короле-крестителе, составленная также известным книжником и монахом из Тингэйрира Гуннлаугом сыном Лейва (ум. 1219).

Сага об Олаве Святом. Олав Харальдссон, король Норвегии с 1013/15/16? по 1028 г., погиб в битве 1030 г. Об этом короле было создано много сказаний. Снорри, написавший данную сагу в 1219 г., использовал, в частности, запись тингэйрирского монаха Гуннлауга сына Лейва от примерно 1211 г.

Сага о Магнусе Добром. Сын Олава Харальдссона. Правил Норвегией в 1035/36–1045 гг. Вступив на престол малолетним, находился под патронатом знати, в 1045 г. правил совместно с дядей по отцу Харальдом, сменившим его на престоле страны.

Сага о Харальде Суровом [Правителе]. Король Норвегии Харальд Сигурдарсон, правил в 1045 г. совместно с Магнусом сыном Олава, затем самостоятельно с 1046 по 1066 г. Погиб в Англии в битве при Стамфордбридже при попытке вернуть власть викингов в Британии. Фольклорная основа саги относится, вероятно, к середине XI в.

Сага об Олаве Тихом (Спокойном). Король Норвегии Олав сын Харальда правил в 1066–1093 гг., первоначально совместно с братом Магнусом (1067–1069).

Сага о Магнусе Голоногом. Король Норвегии Магнус сын Олава, правил в 1094 (1093? 1095?) — 1103 гг., первые два года совместно с Хаконом Магнуссоном Воспитанником Туре.

Сага о сыновьях Магнуса Голоногого описывает события первой половины и середины XII в. В частности, там речь идет о Сигурде Магнуссоне Крестоносце (король в 1122/23–1130), участнике Крестового похода на Восток в 1108–1111 гг.

Сага о Магнусе Слепом и Харальде Гилли. Совместное правление Магнуса Сигурдарсона и Харальда Магнуссона: 1130–1134/35 гг., затем по 1136 г. правил один Харальд Гилли.

Сага о сыновьях Харальда Гилли. В 1136–1157 гг. Норвегией совместно правили сыновья Харальда Гилли: Инге Горбун (1136–1161), Сигурд Мунн (убит в 1155 г.) и Энстайн (1142–1157).

Сага о Хаконе Широкоплечем. Король Норвегии в 1161–1162 гг. Возможно, что составителем (автором?) этой саги был племянник Снорри Стурлусона известный эрудит Стурла Тордарсон.

Сага о Магнусе сыне Эрлинга. Внук Сигурда Крестоносца, правил Норвегией в 1162–1184 гг.

2. Другие королевские саги

Сага о Сверрире. Самозванец, предводитель обширного народного восстания. Захватил власть в Норвегии в 1180, правил по 1202 г. Сага *заказная*, созданная, видимо, при участии самого Сверрира и записана на рубеже XII–XIII вв. Редактировал (?) исландский аббат Карл Йонссон в 10-х гг. XIII в. См. кн.: Сага о Сверрире / Сост. и пер. М.И. Стеблина-Каменского, А.Я. Гуревича, О.А. Смирницкой. Отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. Приложения А.Я. Гуревича, Е.А. Гуревич и О.А. Смирницкой. М.; Л., 1989.

Сага о Хаконе Старом (1204/17–1263). Отец знаменитого Магнуса Исправителя Законов (Лагабётера). Сага возникла в последней трети XIII в. (ок. 1263–1280). Приписывается Стурле Тордарсону.

3. «Саги о древних временах», сказочные и героико-мифологические саги

Сага о Вёлсунгах — свод героических сказаний и мифов о Сигурде, убийце дракона Фафнира, — одна *из древнейших саг* о древних временах. Восходит к эддическим сказаниям первой половины 1-го тысячелетия, к эпохе Великого переселения народов, к поэзии «Старшей Эдды», содержит героические песни и прозаические рассказы о древних временах. Записываться стала рано, с конца XII в. См. в сб.: *КИ.*

Сага о Хервёр и Хейдрике. Рукопись от конца XIV в. Поэтическая беседа героини саги Хервёр с покойным отцом, сочинение XII в. Обращение к острову Самсё, где

находился могильный курган отца Хервёр, оправдано в глазах исследователей саги наличием там множества старинных курганов, что, возможно, и стало основой легенды. Отсюда — краткое обозначение саги — «Сага о Хервёр». Очень *поэтическая сага*. Особенно изучалась с XVII в., востребована в современных искусстве и литературе. В России не переводилась. См. в сб.: Isländska myttsägor / Övers, och komm. av L. Lönnroth. Lund, 1995 (далее — *IMS*).

Инглингаталь — не сага, а, собственно, *перечень* королей рода Инглингов, который, скорее всего, был использован Снорри в его саге об этих королях. Сохранившаяся рукопись относится к XIV в. В сб.: *IMS*.

Сага о Тидранди и дисах. Сказочное повествование. В России не переводилась. В сб.: *IMS*.

Сага об Ингваре Путешественнике. События первой половины XI в., время короля Харальда Сурового. Посвящена путешествию знатного шведа на восток, через Русь. Фольклорная основа саги, скорее всего, пришла из Швеции в конце XII в. Содержит обширный сказочный, легендарный, весьма увлекательный материал, поэтому популярна; имеется много вариантов. Записана христианскими авторами, как предполагают, первоначально на *латыни*. Рукописи известны от XIII — начала XIV в. В финальной части саги упоминается монах Одд Сноррасон (ум. 1200/11), видимо, причастный к созданию текста. Участвовал также священник Ислейв. В роли сказителей устного текста («информаторов»), которым пользовались писатели, фигурируют некие Торир и Глум. В кн.: 1) *Глазырина Г.В.* Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, коммент. М., 2002 (в книге *Сага об Ингваре*); 2) Исландские саги / Под общ. ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999 (далее — ИС 1999).

Сага о Бьёрне. События примерно 974–1024 гг. Герои — христиане. См.: Саги о древних временах // Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, коммент. М., 1996. В сб.: *СОДВ*.

Сага о Хромунде Грейпссоне (Гриппсоне). Создана в XIII в. на основе более ранней традиции. В сб.: *СОДВ*.

Сага о Хальвдане Эйнстайнссоне. События до 850 г. В письменном тексте много литературных элементов. В сб.: *СОДВ*.

Сага о Стурлауге Трудолюбивом Ингольвссоне. События второй половины IX в. (850–900). Письменный текст создан ок. 1300 г. Имеется много списков от XIV и XV вв., в которых, скорее всего, использованы также литературные источники. Сага содержит много сказочных, приключенческих эпизодов и немало сведений о Восточной Европе. В сб.: *СОДВ*.

Пряди

Прядь о Халльдоре сыне Снорри. События 1049–1051 гг. Главный персонаж — один из сыновей знатного, известного и влиятельного Снорри Годи, который фигурирует во многих сагах. События относятся примерно к 1049–1051 гг. Запись от второй половины XIII в. Считается жемчужиной исландского повествовательного искусства. В сб.: *ИСИЭ.*

Прядь об исландце-сказителе. События относятся к 1050–1060-м гг., временам короля Харальда Сурового, фрагментом саги о котором эта прядь является. Фольклорная основа пряди возникла примерно в то же время. Запись от начала XIII в., но не исключено, что она сделана ближе к концу этого столетия, на основе устной традиции и, возможно, также более ранней рукописи. В сб.: 1) *ИСИЭ*; 2) ИС 1999.

Прядь об Аудуне с Западных Фьордов. События фольклорной основы относятся ко времени правления Харальда Сурового. Запись от первых десятилетий XIII в., при значительном участии литературных источников. В сб.: *ИСИЭ.*

Прядь о Хрейдаре. События относятся ко времени короля Магнуса Доброго (1035–1046/47). В сб.: *КИ.*

Прядь о Хравне сыне Гудрун. События середины и второй половины XI в. В сб.: *КИ.*

Прядь о Гисли сыне Иллуги. События времен короля Магнуса Голоногого, примерно 1093–1103 гг. В сб.: *КИ.*

Прядь о Пивном Капюшоне. События первых десятилетий XI в. В сб.: *КИ.*

Прядь о Токи. События рубежа X–XI вв. В сб.: *КИ.*

Прядь о Торлейве Ярловом Скальде. Относится к последней четверти X в. Записана на рубеже XII–XIII вв. В сб.: *КИ.*

Прядь о Халле Челноке. Герой был дружинником Харальда Сурового (середина XI в.). В сб.: *КИ.*

Прядь о людях из Широкого Фьорда. Из «Книги о заселении земли». Запись редактировал Стурла Тордарсон (1214–1284). В сб.: *ИС II:2.*

Прядь о Тидранди и Торхалле. События относятся к концу X в. Тидранди способствовал распространению христианства в Исландии, сведений и легенд о нем. Записана на рубеже XIII и XIV вв. В сб.: *ИС II:1.*

Прядь о Гуннаре Убийце Тидранди. Это самостоятельная прядь, события в которой относятся к 1006–1008 гг. Записана примерно в 1220–1250 гг. В сб.: *ИС II:1.*

Прядь о Названых Братьях. Содержит эпизоды из первой трети XI в., составлена не ранее XII в. на основе устного предания. Связана с сагой того же названия (см. выше). В сб.: *ИС II:1.*

Прядь о Торарине Дерзком. События происходят на рубеже X–XI вв., но прядь содержит некоторые элементы из первой трети XI в. Создана на основе преданий Островного Фьорда. Письменный текст — от середины XIII в. Связана с «Сагой о Названых Братьях». В сб.: *ИС II:1.*

Прядь о Тормоде входит в состав «Саги о Св. Олаве». В сб.: *ИС II:1.*

Прядь о Снэбьёрне Борове. Содержит генеалогию первопоселенцев Исландии. Входит в состав «Книги о заселении земли», которая на основе родовых преданий создана Стурлой Тордарсоном во второй половине XIII в. В сб.: *ИС II:1.*

Прядь о Норна-Гэсте. События относятся к началу XI в., происходят при дворе короля Олава сына Трюггви. Прядь содержит много поэтических и мистических элементов. В России не переводилась. В сб.: *IMS.*

ИСТОЧНИКИ СВЕДЕНИЙ И УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Саги и другие средневековые произведения и материалы

Адам — из «Деяний архиепископов Гамбургской церкви» Адама Бременского / Первый пер. с лат., предисл., прим. В.В. Рыбакова // *Из ранней истории...* Полное издание см. в кн.: Немецкие анналы, 2012.

Баллады — Скандинавская баллада / Изд. подготовили Г.В. Воронкова, Игн. Ивановский, М.И. Стеблин-Каменский. Л., 1978. Репринтное воспроизведение. СПб., 2004.

Беовульф — Беовульф / Пер. В. Тихомирова // *БЭН.*

БЭН — Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Прим. О. Смирницкой, М. Стеблина-Каменского, А. Гуревича. Вступ. ст. А. Гуревича. М.; Л., 1975.

Григорий Турский. История франков / Подгот. В.Д. Савуковой. Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М., 1987.

Гуталаг — Пер. и коммент. Г.А. Александренкова // *Из ранней истории.*

Древнеанглийская поэзия / Пер. В.Г. Тихомирова, О.А. Смирницкой. Прил. О.А. Смирницкой. Отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. М., 1982.

ИС I — Исландские саги / Ред., вступ. статья и прим. М.И. Стеблина-Каменского. М., 1956.

ИС 1999 — Исландские саги / Под общ. ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. 1.

ИС II:1, 2 — Исландские саги / Пер. с древнеисландского яз., общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. М. Т. 1. 2000. Т. 2. 2004.

Из ранней истории — Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы / Сост., предисл. и ред. А.А. Сванидзе. М., 1999.

ИСИЭ — Исландские саги / Сост., вступ. статья и прим. М.И. Стеблина-Каменского. Пер. М.И. Стеблина-Каменского, О.А. Смирницкой, А. Корзуна // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973.

Исландские королевские саги 1993, 1994, 2000 — Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги. Тексты, перевод, комментарии // Древнейшие источники по истории народов СССР. Т. 1. С древнейших времен до 1000 г. 1993; Т. 2. Первая треть XI в. 1994; Т. 3. Середина XI в. — середина XIII в. 2000.

КЗ — Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подготовили А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. Отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.

КИ — Корни Иггдрасиля. Эдда. Скальды. Саги. Приложения / Сост. и отв. ред. О.А. Смирницкая. Приложение О.А. Смирницкой и Е.А. Гуревич. М., 1997.

Младшая Эдда — Младшая Эдда / Пер. О.А. Смирницкой. Отв. ред., прил., прим. М.И. Стеблина-Каменского. М., 1994.

Немецкие анналы и хроники X–XII вв. — Подгот. В.В. Рыбаков и И.В. Дьяконов. М., 2012.

О рыцарях — О рыцарях, девах, троллях и королях. Из поэзии скандинавского Средневековья / Сост. и предисл. Б. Ерхова. Пер. В. Потаповой, Игн. Ивановского, А. Шараповой. М., 2006.

Памятники мировой литературы — М., 1917.

Песнь о Нибелунгах — Песнь о Нибелунгах / Отв. ред. В.М. Жирмунский. Изд. подготовили В.Г. Адмони, В.М. Жирмунский, Ю.Б. Коренев, Н.А. Сигал. Л., 1972.

Поэзия скальдов — Поэзия скальдов / Пер. С.В. Петрова. Отв. ред., приложения и прим. М.И. Стеблина-Каменского. М., 2000.

Прядь о Стуве — Прядь о Стуве / Пер., вступ. ст. и коммент. Е.А. Гуревич // *ДСВ.*

Прядь о Торлейве — Прядь о Торлейве Ярловом Скальде / Пер. и коммент. Е.А. Гуревич. Вступ. ст. А.Я. Гуревича // *Одиссей.* 1993.

Римберт — Римберт. Житие святого Ансгария / Пер., предисл. и коммент. В.В. Рыбакова // *Швеция и шведы...*

Рунические надписи 1 — Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи: тексты, перевод, комментарии / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М., 1977.

Рунические надписи 2 — Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации: тексты, перевод, комментарии. М., 2001.

РХ — Роскилльская хроника / Пер., предисл., прим. В.В. Рыбакова // *ДГ,* 2001: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003.

Сага об Ингваре — Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, коммент. М., 2002.

Сага о Вёлсунгах — Сага о Вёлсунгах / Пер. Б. Ярхо // *КИ.*

Сага о Греттире — Сага о Греттире / Пер. О.А. Смирницкой. Приложение и отв. ред. М.И. Стеблина-Каменского. Новосибирск, 1976.

Сага об исландцах — Стурла Тордарсон. Сага об исландцах / Пер., ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. М., 2007.

Сага о Сверрире — Сага о Сверрире / Сост. и пер.: М.И. Стеблин-Каменский, А.Я. Гуревич, О.А. Смирницкая. Отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. Приложение — А.Я. Гуревич, Е.А. Гуревич и О.А. Смирницкая. М., 1988.

Сага о Фритьофе — Древнеисландская сага о Фритьофе Смелом / Пер. с др.-исл. Я. Грота, пров. и исправл. А. Смирницким // Фритьоф Смелый. М., 1996.

Светоний — Светоний. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. с лат., предисл. и прим. М.Л. Гаспарова. Послесловие М.Л. Гаспарова и Е.М. Штаерман. М. 2007.

Сказание о мече Тюрфинге — Herrvarar saga ok Heidreks / Староисланд. текст с введ. И. Шаровольского. Киев, 1906.

СОДВ — Саги о древних временах // Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарии *II ДГ.* 1996.

Старшая Эдда — Эдда. Скандинавский эпос / Пер., предисл. и коммент. С. Свириденко. М., 1917.

Тацит — Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Анналы. Малые произведения / Изд. подгот. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеенко. Л., 1969.

Тацит. Анналы — Корнелий Тацит. Анналы // Там же.

Старшая Эдда (1) — Эдда / Пер. А.И. Корсуна, ред. и коммент. М.И. Стеблина-Каменского. М.; Л., 1963.

Эдда (2) — Эдда / Пер. В. Тихомирова, под ред. О.А. Смирницкой // *КИ.*

ХЭ — Хроника Эрика / Стих, пер., статья и прим. А. Желтухина. Сост., статья и общ. ред. А.А. Сванидзе. 2-е изд. М., 2002.

Швеция и шведы — Швеция и шведы в средневековых источниках / Сб. переводов со старошведск. и лат. // Под ред. А.Д. Щеглова. М., 2008.

Annales Saint-Bertin // Annales Bertiniani. / Ed. F. Grat, J. Vielliard, S. Clemecet. Paris, 1964.

Aisb — Ari Porgilsson Islendingabok. The book of the Islanders // Viking society for the Northern Research. text series / Yener. editors A. Faulkes and A. Finlay.

Ballader — Svenska medeltids balladery / Red. av B.R. Jonsson. Stockholm, 1981.

Beowulf and the Fight at Finnesburg / Ed., introd., bibliogr., notes etc by Fr. Kleaber. Levington, Massachusets, 1950. Публ. на рус. см.: *Беовульф.*

Bjr — Björköarätten // SLL, ser. IV, 1933. На рус. яз. см.: Бьеркеарэттен / Пер. и прим. Н.С. Калашниковой // *Из ранней истории.* С. 279 и сл.

DR — Danmarks runeindskrifter / Utg. ved L. Jacobsen og E. Moltke under medvirkning af A. Baeksted og K.M. Nielsen. Bd. I, II. København, 1941–1942.

DS — Diplomatarium Suecanum / Ed. J.G. Liljengren, B.E. Hildebrandt, S. Tunberg, E. Nygren o. a. Bd. I–IX. Stockholm, 1829–1976.

Erikskrönikan / Utg. av S.-B. Jansson. Stockholm, 1986. На рус. яз. см.: *ХЭ.*

Gesta — Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / Ed. B. Schmeidler. Leipzig, 1917. Публ. на рус. яз. см.: *Adam.*

GL — Gutalag. Codex iuris Gotlandici // SGL. V. VII. 1952. На рус. яз. см.: *Гуталаг.*

Fr — Frostatings-Lov // *NGL.*

Gragas — The Codex Regius of Gragas, with materials from other manuscripts / Transl. by A. Dennis, P. Foote, R. Perkins. Winnipeg. V. I, 1980. V. II, 2000.

Gul — Gulatings-Lov // *NGL.* Jomsvikinge saga / Ed. by F. Blatt. L., 1960.

Fagrikinna — Norvegs konungs tal / Utd. F. Jönsson. Kbh, 1937.

HR — Wessén E. Historiska runinskrifter // *KVHAA.* Filolog.-filosof. ser. 1960. Del. 6.

IMS — Isländska myttsagor / Övers, och komm. av L. Lönnroth. Lund, 1995.

Js — Jömsvikingar saga // Ed. by E. Blatte. L., 1962.

Knytlinge Saga — Knud den Store, Knud den Hellige, deres Maend, deres Slaegt / Overs, af J.P. Aedigius, indl. og noter ved H.B. Bekker, N. og O. Widding. København, 1974.

MEL — Magnus Erikssons Landslag // *SLL*, bd. VI, 1962.

NGL — Norges gamle Love indtid 1387 / Utg. ved R. Keyser og P.F. Munck. Bd. I. Christiania, 1846. Den aldre Frostatings-Lov *(Fr)*. Den äldre Gulatings-Lov *(Gul)*.

Rimbert, Ansgars liv / Övers, av E. Odelman. Komm. av A. Ekenberg, C.E. Hallencreutz, S. Helander, A. Hardelin, E. Odelman. Stockholm, 1986. Пер. на рус. см.: *Римберт*.

SGL — Samling af Sweriges gamla lagar (Corpus juris sveo-gothorum antiqui) / Utg. af H.S. Collin ock CJ. Schluter. Bd. 1–13. Stockholm-Lund. 1827–1877.

SLL — Svenska landskapslagar i nusvensktolkning / Tolkade och förklarade av I. Holmbäck och E. Wessén. Ser. 1–5 // Rättshistoriskt bibliotek. Stockholm, 1933–1946.

SR — Sveriges runinskrifter // *KVHAA*. Bd. I–XIII. 1900–1964. The Earliest Norwegian Laws being the Gulathing Law and the Frostathing Law / Transl. by L.M. Larson. N.Y., 1935.

VGS — Vita-Glums Saga / Ed. G. Turville-Petre. Oxford, 1960.

Vita Ansrarii auctori Rimberto / Ed. G-Weitz // Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum. Hannovere, 1884. В переводе на совр. швед. см.: Ansgars levnad / Översätt. av G. Rudberg. Med histor. inledning av N. Ahnlund. Stockholm, 1965. Первый русский перевод (преимущественно глав, касающихся Швеции) см.: *Из ранней истории*. Более полный перевод см.: *Римберт*.

2. Областные законы Швеции (lager), опубликованные в SGL и SLL

GL — Гуталаг, областной закон [сельских жителей] Готланда.

Sdml — Södermannalag, областной закон Сёдерманланда.

Ul — Upplandslag, областной закон Упланда.

YVgL — Yngre Vestgötalag, Младший Вестгёталаг (Младший извод областного закона области западных гётов) // *SGL, SLL*.

ÄVgL — Äldre Vestgötalag (Старший извод областного закона западных гётов) // На рус. яз. см.: Вестгёталаг. Старшая редакция. Пер. и коммент. А.В. Фоменковой // Из ранней истории…

ÖgL — Östgötalag, Эстгёталаг (областной закон восточных гётов) // *SGL, SLL*.

Принятые обозначения глав областных законов (balker, b)

Bg — Buggningabalker, главы о постройках.

Dr — Drapa med vilja, главы об умышленном убийстве.

Gf — Giftermålsbalker, главы о браке.

J — Jordabalker, главы о земле.

Kg — Konungabalker, главы о короле.

Km — Köpmålabalken, главы о торговле.

Kk — Kyrkiobalker, главы о церкви.

Ä — Ärvdabalker, главы о наследстве.

3. Новая и новейшая научная литература

Айнабеков Б.М. Набеги, наемничество и служба: скандинавы во Франкском государстве IX в. *ПДСВ.*

Анохин Г.И. Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971.

Ариес Ф. Человек перед лицом смерти: Пер. с франц. М., 1990.

Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: антропология болезни в средние века. СПб., 2004.

Багге С. Королевские саги: исландское своеобразие или общеевропейская культура? // *ДСВ.*

Байон Д.Л. Наложницы и дочери в Исландии XIII в.: Вальгерд Йонсдоттир и Сольвейг, Вигдис Гильсдоттир и Турид // *ДСВ.*

Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории. М., 1991.

Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы. М., 1990.

ВЕ — Восточная Европа в древности и Средневековье: политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 16–18 апреля 2007. Материалы конференции. М., 2007.

Власть — Власть, общество и личность в истории. Тезисы научной конференции 22–24 ноября 2006 г. / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006.

Глазырина Г.В. Мотив военного похода и его интерпретация в произведениях древнескандинавской литературы (по материалам «Саги о Тидреке Бернском») // *ДГ.* 1987.

Глазырина Г.В. Трансформация исторических свидетельств в устной и письменной традициях (на материале древнеисландской «Саги об Ингваре Путешественнике») // *ДГ.* 2001.

Глазырина Г.В. Язычники и христиане в Исландии накануне официального крещения страны // *ВЕ.*

Глебов А.Г. Первый этап норманнской экспансии в Англию // Морской флот и морской фактор в истории. Воронеж, 1997.

Глебов А.Г. Альфред Великий и Англия его времени. Воронеж, 2003.

Гуревич А.Я. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения крестьянства // *СВ.* Вып. IV. 1953.

Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966; 2-е изд. М., 2005/а.

Гуревич А.Я. История и сага. М., 1972.

Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее средневековье. Проблемы социального строя и культуры. М., 1977.

Гуревич А.Я. Эдда и сага. М., 1979.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

Гуревич А.Я. Поэзия и магия слова // *Одиссей.* 1993.

Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005/6.

Даркевич П.П. Аргонавты Средневековья. М., 1976.

Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2001.

ДГ — Древнейшие государства Восточной Европы. М., б.г.

Демографический энциклопедический словарь / Под ред. Д.М. Велентея. М., 1985.

Джаксон Т.Н. Четыре норвежских конунга на Руси. Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X — первой половины XI в. М., 2000.

Джаксон Т.Н. Austr i Gördum. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.

ДСВ — Другие средние века. К 75-летию А.Я. Гуревича. М.; СПб., 2000.

Закс В.А. Особенности формирования норвежского средневекового права // *Право. 2001.*

Зимек Р. Викинги: миф и эпоха. Средневековая концепция эпохи викингов // *ДГ.* 1999. М., 2001.

ИД — История Дании, т. 1 / Отв. ред. О.В. Чернышева. М., 1996.

ИЕ — История Европы, т. 2 / Отв. ред. Е.В. Гутнова. М., 1992.

ИН — Даниельсен Р., Дюрвик С., Гренли Т., Хелле-К., Ховланн Э. История Норвегии от викингов до наших дней: Пер. с норв. М., 2003.

История крестьянства в Европе, т. 1 / Гл. ред. З.В. Удальцова. М., 1985.

ИШ — Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции: Пер. со шведск. М., 2002.

Ковалевский С.Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977.

Комментарии — Циммерлинг А.В. Комментарии к скальдическим стихам // *ИС II:2,* ч. II.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.

Леви-Стросс. Первобытное мышление. М., 1994.

Лённрот Л. Креститель и святой: два короля Олава в представлении Одда Сноррасона // *ДСВ.* 2000.

Ловмяньский Х. Русь и норманны / Под ред. В.Т. Пашуто, В.Т. Янина, Е.А. Мельниковой. М., 1985.

Лорд А.Б. Сказитель / Пер. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. М., 1994.

Лукин П.В. Праздник, пир и вече: к вопросу об архаических чертах общественного строя восточных и западных славян // *Одиссей.* 2006.

Лукин П.В. Вечевая расправа в домонгольской Руси // *ВЕ.* 2007.

Матюшина И.Г. О жанровой эволюции рыцарской саги // *ДГ.* 2001.

Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранняя форма эпоса. М., 1968.

Мелетинский Е.М. Скандинавская мифология как система. М., 1973.

Мелетинский Е.М., *Гуревич* А.Я. Германо-скандинавская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия, т. 1. М., 1980.

Мельникова Е.А. Ранние формы торговых объединений в Северной Европе // Скандинавский сборник. Вып. XXVII. Тарту; Таллинн, 1982.

Мельникова Е.А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987.

Мельникова Е.А. Скандинавские амулеты с руническими надписями из Старой Ладоги и Городищ // *ДГ.* 1990.

Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. Постановка проблемы // *ДГ.* 1995.

Мельникова Е.А. Образование датского государства (VIII — середина XI в.). Эпоха викингов // *ИД,* гл. 3. 1996/6.

Мельникова Е.А. «Торговый мир» Руси и Норвегии. 1024–1028 // *ВЕ.*

Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях: «Повесть временных лет» и «Сага об Инглингах» // *ДГ.* 2003.

Мельникова Е.А. Рунические мемориальные стелы: на перекрестке язычества и христианства // Мозаика. Фрагменты истории шведской культуры. М., 2006.

Мельникова Е А, Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2.

Одиссей. Человек в истории / Под ред. А.Я. Гуревича. М., б.г.

Панкратова М.В. О законодательной функции королевской власти: Магнус Исправитель Законов — король-законодатель // *ВЕ.* 2007.

Петрухин В.Я. Большие курганы Руси и Северной Европы: К проблеме этнокультурных связей в раннесредневековый период // Историческая археология. М., 1998.

Право, 2001 — Право в средневековом мире / Отв. ред. О.И. Варьяш. СПб., 2001.

Право, 2007 — Право в средневековом мире / Под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2007.

Представление о смерти и локализация иного мира у древних кельтов и германцев / Отв. ред. Т.А. Михайлов. М., 2002.

Рыбаков В.В. К вопросу о религии, обрядах и церкви в раннесредневековой Швеции: По «Деяниям первосвященников Гамбургской церкви» Адама Бременского // *СВ.* Вып. 61. М., 2000.

Рыбаков В.В. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008.

Рыдзевская Е.А. О пережитках матриархата у скандинавов по данным древнесеверной литературы // Советская этнография. 1937. № 2–3.

Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. IX–XIV вв. // *ДГ.* 1978.

Савело К.Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1974.

СВ — Средние века. М., б.г.

Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции. XIII–XV вв. М., 1980.

Сванидзе А.А. К вопросу о возникновении шведского государства // Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе / Отв. ред. В.И. Уколова. М., 1983.

Сванидзе А.А., 1986 — Возникновение городов в Северной Европе: историография, проблемы, методы // Тезисы докладов XI конференции скандинавистов. М., 1986.

Сванидзе А.А., 1987 — Генезис феодальных городов в раннесредневековой Европе: проблемы типологии // Городская жизнь в средневековой Европе / Отв. ред. В.И. Уколова. М., 1987.

Сванидзе, 1992/а — Сванидзе А.А. Северо-Западная Европа в раннее Средневековье // *ИЕ, ч.* 1, гл. 8. 1992/а.

Сванидзе, 1992/б — Сванидзе А.А. Северная Европа в XII–XV веках // *ИЕ,* ч. II, гл. 7. 1992/б.

Сванидзе, 1996 — Утверждение средневековых порядков (1047–1340) // *ИД,* гл. 3.

Сванидзе, 2006 — Сванидзе А.А. Швеция XIII века в зеркале рыцарского романа: люди, события, нравы // *СВ.* Вып. 67. 2006.

Сванидзе, 2006/б — Сванидзе А.А. Супружеские ценности в мире исландской саги // Адам и Ева: Альманах гендерной истории / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2006.

Сванидзе, 2007/а — Сванидзе А.А. Саги и викинги // Историк и художник, № 2 (12). М., 2007.

Сванидзе, 2007/б — Сванидзе А.А. Между обычаем и обычным правом // *Право* 2007.

Сванидзе, 2008/а — Сванидзе А.А. Королевский пир в средневековой Скандинавии: от саг до «Хроники Эрика» // «Власть, общество, индивид в средневековой Европе» / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008.

Сванидзе, 2008/б — Сванидзе А.А. Церковь и приход в Швеции XIII столетия (по гётским областным законам) // *СЕ.* Вып. 6. 2008.

СЕ — Северная Европа / Под ред. О.В. Чернышевой. М., б.г.

Славяне и скандинавы / Пер. с нем. под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986.

Смирницкая О.А. Язык древнегерманской поэзии. М., 1994.

Смирницкая О.А. Два предания о первых поэтах: Кэдмон и Браги // *ДСВ.*

Смирницкий А.И. Шведские рунические надписи эпохи викингов // Труды Московского ин-та истории, философии и литературы. Т. 5. Филолог. ф-т. Сб. статей по языкознанию. М., 1939.

Смирнов Ф. Рассказы затонувших кораблей. Шведская история со дна моря. Stockholm, 2002.

Соколова М.Н. К вопросу о положении полусвободных в англосаксонском обществе // *СВ.* Вып. 26. 1965.

Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л., 1976.

Стеблин-Каменский М.И. Древнескандинавская литература. М., 1979.

Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы. Л., 1982.

Стеблин-Каменский М.И. Труды по филологии. СПб., 2003.

Токарев С.А., *Мелетинский* Е.М. Мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., 1988.

Топоров Т.В. Язык и стиль германских заговоров. М., 1996.

Тэрнер Б. Миф и ритуал. М., 1983.

Успенский Ф.Б. К вопросу о двоеверии и правовой традиции в средневековой Скандинавии // *Право.* 2001.

Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002.

Фоменкова А.В. Старший Вестгёталаг: глава «Преступления, не искупаемые штрафом» // *Право.* 2001.

Хачатурян Н.А. Король-sacre в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Европе (морфология понятия власти) // Священное тело короля / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006.

Хлевов А.А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв. СПб., 2002.

Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М., 1960.

Циммерлинг А.В. Древние речи о Бьярни. Опыт толкования // Атлантика: Альманах. Вып. III. М., 1997.

Циммерлинг А.В. В поисках устного текста // Атлантика: Альманах. Вып. V. М., 2001.

Циммерлинт А.В. Комментарии к скальдическим стихам // *ИС II:2.*

Циммерлинг А.В. Имя Снорри Годи и обряд побратимства // XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. М.; Архангельск, 2008.

Частная жизнь. Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996.

Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы (до начала Нового времени) / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и О.Г. Эксле. М., 2000.

Эксле О.Г. Формы социального поведения в средние века. Согласие — договор — индивид // *Человек и его близкие.*

Юссен Б. Родство искусственное и естественное? Биологизм в культурно-исторических категориях родства // *Человек и его близкие.*

Aberg N.N. Vendeltida forbindelser med fastlands germaniska och insulara kretsar // *Fv.* 1948.

Alt Nordische religions geschichte. B., 1964–1967.

Andersen E. Brudekjolen // Nationalmuseet. København, 1967.

Anderson B. Runor, magi, ideologi: En idéhistorisk studie. Umeä, 1997.

Andersson M. Böndernas böneman // Fataburen, 1969.

Andersson K.H. Vikingama. Uppsala, 2003.

Andersson Th. The problem of Iselandic saga origins. L., 1964.

Antonsen E.H. The Runes. The Earliest Germanic Writing System // The Origins of Writing / By W.M. Senner. Lincoln; L., 1989.

Arbman H. Birka. Bd. I: Die Gräber. Uppsala, 1943.

Arbman H. Forntid // Sveriges historia genom tiderna. Stockholm, 1947.

Arbman H., *Moberg* C.-A. Introduction till arkeologi. Stockholm, 1964.

Arbman H., *Cintio* E. Vär äldsta konst // Bildkonstten i Norden. Del 1. Uppsala, 1974.

Ariés Ph. Geschichte der Kindheit. München, 1976.

Ariés Ph. Döden. Föreställningar och seder I Västerland från vedeltiden till våra dagar. Stockholm, 1978.

Arne T.J. Sveriges förbindelser med Osten under vikingatiden // *Fv.* 1911.

Arne T. Den stora Svitjod. Stockholm, 1917.

A suppl. to the bibliography of the Eddas / By H. Hermansson. N.Y., 1955. Bd. 4.

Audiens of Sagas — The Audience of the Sagas; The Eighth International Saga Conference. Aug. 11–17, 1991. V. 1, 11. L., Preprint. Gotenburg University.

Backström P.O. Svenska flottans historia. Stockholm, 1884.

Baeksted A. Runerne, deres Historie og Brag. København, 1943.

Bagge S. Society and Politics in Snorri Sturluson's Heimskringla. Berkeley etc. 1991.

Bagge S. From Gang Leader to the Lord Anointed. Odense, 1996.

Bildekonsten i Norge. Del. 1. Stockholm, 1974.

Blomkvist N. The Medieval Europeanization process of the Baltic Rim region 1100–1400 A.D. Problems for an international study // Culture Clash or Compromise? The Europeanization vofthe Baltic Sea. 1100–1400. A.D. Visby, 1988.

Bolin S. Ledung och fralse. Lund, 1934.

Bolin S. Muhammed, Karl den Store och Ruric // In penningens historia. Stockholm, 1962.

Bolstad-Skjelbred A.H. Uren og hedning Barselkvinnen i norsk folketradition. Oslo, 1970.

Boswell J. The Kindness of Strangers: The Abandonment of Children in the Western Europe from Late Antiquity to the Renaissance. N.Y., 1988.

Boyer R. Les Vikings: histoire et civilization. P., 2002.

Bringéns N.-A. Årets och levnadsloppets mattraditioner. 1. Kring alia tiders mat. Borås. 1984.

Bringéns N.-A. Livets högtider. Borås, 1987.

Brink S. Sockenbildning och sockennamn. Studier i äldre territoriell indelning i Norden. Uppsala, 1990.

Brink S. Den förkristna myntliga kulturen I Norden. Till frågan om det kollektiva minner // *Saga och Sed.* 2003.

Brix H. Studier i nordisk runemagie. København, 1928.

Brown R.A. The Norman and the Norman conquest. N.Y., 1968.

Bruce-Mitford R.L. The Sutton Hoo shipburial: a handbook. L., 1966.

Bruce-Mitford R.L. Aspects of Anglo-Saxon archaeology: Satton Hoo and other discoveries. L., 1974.

Brønsted J. Danish Inhumation Graves of the Viking Age // Acta Archaeologica. V. VII. 1936.

Brønsted J. The Vikings. L., 1965.

Bugge A. Seafaring and Shipping during the Viking Age // Saga-Book of the Viking Clab. V. 6. 1908.

Bugge S. Bidrag til den aeldste skaldedigtnings historie. Christiania, 1894.

Byock J.L. Medieval Island: Society, Sagas and Power. Berkeley; Los Angeles, 1988.

Carver M.O.H. Button Hoo: Burial ground of Kings? Philadelphia, 1998.

Chancy W.A. The cult of kingship in Anglo-Saxon England. Berkeley; Los-Angeles, 1970.

Ciklamini M. Ynglinga saga. Its Function and its Appeal // Medieval Skandinavia. V. 8. 1975.

Christensen A.E. Kongemagt og aristokrati. Oslo, 1977.

Christianization — The Christianization of Scandinavia. Report of a Symposium at Kungalv, Sweden, 4–9 August 1985 / Ed. by B. Sawer, P. Sawer, I. Wood. Alingsas, 1987.

Connerton P. How societies remember. Cambridge, 1989.

Cotterell A. Norse Mythology: The Myths and Legende of Nordic Guds. L., 2000.

Damsholt N. Women in Medieval Denmark // Danish Medieval History. New Currents / By N. Skyum-Nielsen, N. Lund. Copenhagen, 1981.

Davidson H.R.E. The Viking Road to Byzantium. L., 1976.

Davidson H.R.E. Viking and Norse Mythology. L., 1994.

Dillman F.-H. Les magiciens dans l'Islande ancienne. Études sur la représentation de la magie islandaise et de ses agents dans les lettéraires norroises // *Saga och Sed.* 2006.

Duezkow W. Viking Rus. Studies on the presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden, 2004.

Ebel M.M. Kaufman und Hanlel auf zur Sagazeit // Handische Geschichtsblätter, 1977.

Einarsson B. Litteraere Forudsaetningar for Egils saga. Reykjavik, 1975.

Elliott R.W.V. The Runes. Manchester, 1950.

Encyclopedia of Social Anthropology. L.; N.Y., 1996.

Erikson A. Historia, minne og myte. Oslo, 1999.

European North Literary. Visions and Socio-economic realities. Visby, 2005.

Evans A.C. The Sutton Hoo ship burial. L., 1994.

Finnestad R.B. The study of the Christianization of the Nordic countries: Some reflections. Stockholm, 1990.

Foote P., Wilson D. The Viking Achievement: The society and culture of early medieval Scandinavia. L., 1970.

Fossier R. La Démographie médiévale: problémes de méthode (X–XIII ss.) // Annales de démographie Historique. P., 1976.

Fossier R. Paysans d'Occident (XI–XIV ss.). P., 1984.

Fra hedendom till Kristendom. Perspektiver på religionsskifter I Norge / Av M. Rendal. Oslo, 1996.

Fra trael tilfaester. En socialhistorisk undersøgelse af krise og overgangsproblemer i Danmark fra 800–1300 // Ålborg Universitetscenter, 1978.

Freeman E.A. The history of the Norman conquest of England. Oxford, 1877.

Fries J. Alt nordische religionsgeschichte. Berlin, 1964–1967.

Friesen O.v. Historiska runinskrifter // *Fv,* årg. 5, 6. 1909, 1911.

Friesen O.v. De svenska runinskrifterna // *NK.* 1933. Bd. 6.

Fritz B. Tidigmedeltida sjöfart, handel och stadsväsen i Mellan- och Nordeuropa // *HT.* 1975. Hf. 2.

From Sagas to Society / Ed. by G. Pølsson. Hisarlik Press, 1992.

From Viking to Crusader. The Scandinavians and Europe. 800–1200 / By E. Roesdahl o. D. Wilson. Uddevalla, 1992.

Fuglésang S.H. Viking and the Medieval Amulets in Scandinavia // *Fv*. Årg. 84. 1989.

Fv — Fornvännen. Tidskrift för sveriges antikvarisk forskning. Stockholm.

Gies Fr. and J. Marriage and the family in the Middle Ages. N.Y., 1989.

Goody J. The development of Family and Marriage in Europe. Cambridge, 1983.

Graham-Campbell L.J. The Viking World. L., 1989.

Graham-Campbell L.J., *Kidd* D. The Vikings. L., 1980.

Grambo B. Nordiske trollformer og magiske ritualer. Oslo, 1979.

Grieg S. Amuletter og gude bilder // Viking, 1954.

Griffith P. The Viking art of war. L., 1995.

Gräslund A.-S. The Burial customs: A study of the graves in Björkö. Birka IV. Stockholm, 1980.

Gräslund A.-S. Runstenstudier. Uppsala, 1994.

Grönbeck V. Nordiska myter och sagor. Stockholm, 1965.

Gurevich A.J. Historical Anthropology of the Middle Ages. Cambridge, 1992.

Haendler G. Staat und Kirche in der Vita Anskarii // Kyrkohistorisk årsskrift. Årg. 69. Uppsala, 1969.

Hafström G. Ledung och marklansindelning. Uppsala, 1949.

Hagen A. The viking ship finds. Oslo, 1959.

Hagnell E. Are Frode och hans fortattarskap. Lund, 1938.

Hallberg P. Den fornisländska poesien. Stockholm, 1962.

Hallberg P. The Syncretic Saga Mind. A Discussion of a New Icelandic Sagar // Medieval Scandinavia. Bd. 7. 1974.

Hallencreutz C.E. Ansgar, the Slave Trade and the Viking Mission. Uppsala, 1980.

Harrison D. Från överhöghet tillrike: stormän och kungar // Finsk tidskrift. Bd. 2–3. 2004.

Hart C. The Danelaw. L., 1992.

Hastrup H. Culture and history in medieval Iceland: An anthropological analysis of structure and change. Oxford, 1985.

Herdal H. Traellene i Norden. Copenhagen, 1967.

Heusler B. Das Strafrecht der Isländersagar. Leipzig, 1911.

Hieatt G. The Nordic background to the Beowulf s Last Words // *The Audience of the Sagas.*

Hjärne E. Svethiudh. En kommentar till Snorres skildring av Sverige // Namn och Bygd. Stockholm, 1952.

Hofmann D. Die Einstellung der isländischen Sagaverfassen und ihrer Vörgänger zur mündischen Tradition // Oral Tradition. Literary Tradition. A simposium. Odense, 1977.

Holsmark A. Fornnordisk mytologi. Tro och myter under vikingatiden. Övers, av H. Williams. Lund, 1991.

Hovdhaugen E. Ekteskap og kjonnsmoral i norsk historie. Oslo, 1976.

HT — Historisk Tidskrift. Stockholm; København; Oslo.

Hägg I. Med textilier som källmaterial. Glimtar ur vikingatidens historia // *Saga och Säd.* 2007.

Ingelman-Sundberg C. Boken om vikingarna. Stockholm, 2004/a.

Ingelman-Sundberg C. Forntida kvinnor: jagere, vikingahustru, prästinn. 2004/b.

International Saga Conference // The audience of the saga. Edinburg, 1971.

Jankuhn H. Haithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neuvunster, 1956.

Jansson S.F.T. Runinskriften i Sverige. Stockholm, 1968.

Jansson S.B.F. Runes in Sweden. Värnamo, 1987.

Jochens J.M. The Church and Sexuality in Medieval Iceland // Journal of Medieval History. V. 6. 1980.

Jochens J.M. En Islande médiévale a la recherche de la famille nucléaire // Annales, 1985. Bd. 1–3.

Jochens J. Women in Old Norse Society. N.Y., 1995.

Johanesson J. A history of the Icelandic commonwealth. Winnipeg, 1974.

Johansson K. Greece runestones // http: en wikipedia.org/wiki/2009.

Jones G.A. A History of the Vikings. Oxford, 1968.

Jonsson B.R. Balladdiktning // *KHL*. Malmö, 1956. Bd. l.

Jonsson F. Den oldnordiska og oldislandske litteraturhistorie. København, 1902.

Jussen B. Spiritual Kinship as Social Practice: Gudparenthood and Adoptice in the Early Middle Ages. Delaware, 1999.

Kabell A. Skalden and Schamanen. Helsinki, 1980.

Kantorowicz K. The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology. Princeton, 1957.

Kemble J. The Saxons in England. V.I. L., 1848.

Kendrick T.D. A History of the Vikings. L., 1930.

KHL — Kulturhistorisk Leksikon for nordisk middelalder fra vikingetid til reformationstid. København; Malmö; Oslo. Bd. 1–24. 1956–1969.

Klindt-Jensen O. Befolkningsgrupper, fundhorisonten og stiltraek i sen jernalder. Kuml, 1964.

Knirk J.E. Runer som tegn og symboler // Middelalderens symdoler / Under red. av A. Christiansson. Bergen, 1998.

Koht H. The Scandinavian kungdomsunit in the end of the 13 century // Cambridge Medieval History. 1929. Vol. VI.

Kontinuitet i kult och tro från vikingatid till medeltid / Under red. av B. Nilsson. Stockholm, 1992.

Krause W. Runen. Berlin, 1970.

Kristandet i Sverige. Gamla källor, nya perspektiv. Uppsala, 1996.

Kristensen A. Danelaw Institutions and Danish Society in the Viking Age // Medieval Scandinavia. Bd. 8. 1975.

Kuhn H. Narrative Structures and Historicity in Heimskringla // Parergon. V. XV, 1936.

Kumlien K. Rimberts Vita Ansgarii // *KHL*. Bd. 14. København, 1969.

KVHAA — Kungliga Vitterhets-, Historie- ock Antikvitets Akademien. Uppsala.

KVHAAH — Kungliga Vitterhets-, Historie- och Antikvitets Akademien Handlingar. Uppsala.

Kvinnas economiska ställning under nodisk medeltid. Oslo, 1981.

Kvinnohistoria. Om kvinnors villkor från antiken till våra dagar. Stockholm; Oskarshamn, 1995.

Kyhlberg O. Gotland mellan arkeologi och historia. Stockholm, 1991.

Lauring P. The Viking Age // A history of the kingdom Denmark. Copenhagen, 1973.

Leake J.A. The Geates of «Beowulf». A study of geographical mythology of middle ages. Madison, 1967.

Lewis A.R. The Northern Seas. Shipping and Commerce in Northern Europe. Princeton; New Jersey, 1958.

Linderholm E. Nordisk magi: Studier i nordisk religions- och kyrkohistoria. Stockholm, 1918.

Lindkvist Th. Landborna i Norden under äldre medeltid. Uppsala, 1979.

Lindkvist Th. Socken som profan gemenskapsform i Sveriges meleltida lagar. Stockholm, 1991.

Lindkvist Th. Att skapa ett kungarike. Makt legitimering, regional variatior och framväxten av ett krister kungadöme i Sverige // *Saga och Sed.* 2007.

Lindqvist M. The meaning of food: about viking-age food and dräkt. Uppsala, 2004.

Listol K. The origin of the Icelandic family sagas. Oslo, 1930.

Ljungberg H. Tor: Undersökningar i indoeuropeisk och nordisk religionshistoria. Uppsala, 1947.

Lucas A. Women in the Middle Ages: religion, marriage and letters. Brighton, 1987.

Lönnroth L. European Sources of Iselandic Saga-Writing: An Essay based on Previous Studies. Stockholm, 1965.

Lönnroth L. Skaldemjödet i berget: Essayer om fornisländske ordkonst och dess återanvändning i ny tiden. Stockholm, 1996.

Magnusson M. Vikingen i myt och verklighet. L., 1986.

Malmer B. The Sigtuna coinage c. 995–1005. Stockholm; L., 1989.

The *Medieval City.* New Haven; L., 1977.

Mizuno M. Loki as a Terrible Stranger and a Sacred Visitor // *The Audience of the Sagas.*

Modzelewski K. Barbarz'ynska Europa. Warshawa, 2004.

Moltke E. Runes and their origins: Denmark and elsewhere. Copenhagen, 1985.

Mots L. The Poets and the Goddess // *The Audience of the Sagas.*

Mundal E. Sagadebatt. Oslo, 1977.

Musset L. Pénetration Chrétienne dans l'Europe du Nord et son influence sur la civilisation Scandinave // La conversione al Cristianesimo nell'Europa dell'alto medioevo. Spoleto, 1967.

Mårtensson A.W. Wahlöö G. Lundafund: Enbildebok. Lund, 1976.

Nerman B. Det Svenska rikets uppkomst. Stockholm, 1925.

Neveus C. Trälarna i landskapslagarnas samhälle Danmark och Sverige. Uppsala, 1974.

NK — Nordisk Kultur. Stockholm; København; Oslo.

Norberg R. Nordisk meleltid // *Bildekonsten i Norden.*

Nordal S. The historical element in the Iselandic family sagar // W.P. Ker Memoria. Univ. of Glasgow, 1957.

Nordal S. Snorri Sturluson. Reykjavic, 1920. Ny ed. 1973.

Nordén A. Magiska runinskrifter // Arkiv för nordisk filologi. Lund, 1937. Bd. 53.

Nordens kristnande i europeiskt perspektiv. Skara, 1994.

Näsström B.-M. Fornskandinavisk religion. En grudbok. Lund, 2002.

Paasche S.U. Møtet mellom hedendom og kristendom I Norden. Stockholm, 1962.

Oexle O.G. Memoria als Kultur // Memoria als Kultur / O.G. Oexle. Göttingen, 1995.

Olsen M. Norge Stedsnamn // *Nordisk Kultur.* Bd. 5. Oslo, 1939.

Quale G.R. A history of marriage systems. N.Y., 1988.

Pentikainen J. The Nordic dead-child tradition. Helsinki, 1968.

Peirce J.G. Swords of the viking age. 2004.

Peterson B. Föreställningen om det förflutna: Arkeologi och rekonstruktion. Lund, 2003.

Platen W.v. Döden i det Förflutna. Vår hällning till döden. Stockholm, 1983.

Problemet i Vikingatiden. Vikingar från alia håll: föredrag vid seminarium / Utg. av F. Svanberg. 2004.

Randsborg K. The Viking Age in Denmark: The Formation of a State. L.; N.Y., 1980.

Raudvere C. Kunskap och insikt i norrän tradition. Mytologi, ritualer och trolldomsanklagelsen. Lund, 2003.

Religionshistorie / Utg av N. Lid. Stockholm; Oslo, 1942.

Rud M. The Bayeus Tapestry and the battle of Hastings 1066. Copenhagen, 2002.

Runor och runinskrifter. Stockholm, 1987.

The *Rural Viking* in Russia and Sweden. Örebro, 1997.

Saga och Sed. Kungl. Gustav Adolfs Akademiens Arsbok. Uppsala.

Samfundet i vikingetid og middelalder. 800–1500 / Udg. av N. Lind og K. Hørby // Dansk social historie. Bd. 2. Copenhagen, 1981.

Sutton Hoo — The age of Sutton Hoo: The seventh century in North-Western Europe. Woodbridge, 1992.

Sawyer B. The Erection of Rune-Stones in Viking-Age Scandinavian: The Political Background // *The Audience of the sagas.*

Sawyer B. Kvinnor och family i det forn och meleltida Skandinavien. Skara, 1992.

Sawyer B. The Viking Age Rune: Custom and Commemorationin Early Medieval Scandinavia. Oxford, 2000.

Sawyer B. Scandinavia in the Viking Age // Viking Millenium. International Symposium 2000. 2003.

Sawyer B. Viking age women // Viking heritage. Bd. 2, 2004.

Sawyer P.H. The age of Vikings. L., 1962.

Sawyer P. Kings and Vikings. L., 1982.

Sawyer P. När Sverige blev Sverige. Alingsås, 1991.

Sawyer P. The Background of Ynglingasaga // *The Audience of the Sagas.*

Scandia. Tidskrift för historisk forskning. Historiska institutionen. Lund.

Schuck A. Sveriges stadsväsen under medeltiden // *INK.* Bd. 18. Oslo, 1933.

Schuck A., *Mannerfelt* M. Sveriges vägar och sjöleder under forntid och medeltid // *INK.* Bd. 16. København, 1933.

Shetelig H., Falk O. Scandinavian Archaeology. Oxford, 1937.

Schmale F.-J. Function und Formen für mittelalterlichen Geschichtsschreibung. Darmstadt, 1985.

Schmid T. Sveriges kristnande från verklighet till dikt. Stockholm, 1934.

Schön E. Asa-Tors hammare. Gudar och jättar i tro och tradition. Stockholm, 2004.

Schön E. Gudadiktning och muntlig tradition // *Saga och Säd.* 2006.

Simek R. Lexikon der germanischen mytologi. Studgart, 1984.

Skjaldediktning 1908, 1915 — Den norsk-islandske skjaldediktning. Bd. 1. 1908. Bd. 2. 1915 / Utg. ved F. Jønsson. København, 1908–1915.

Skjaldediktningen — Den norsk-isländska skaldediktningen. Bd. 1. 1946. Bd. 2. 1949 / Red. av E.A. Kock. Lund.

Skovgaard-Petersen I. Oldtid og Vikingetid // Danmarks Historie. Bd. 1: Tiden indtil 1340. Gyldendal, 1978.

Skre D. Missionery Activity in Early Medieval Norway. Strategy, Organization and the Course of Events // Scandinavian Journal of History. 1998. V. 23. № 1–2.

Skyum-Nielsen N. Vikingerne i Paris. 1967.

Steblin-Kamenskij A.I. The Saga Mind. Odense, 1973.

Steineland G. Den helige kongen: Om religion og herskermakt fra vikingtid til middelalder. Oslo, 2000.

Stenberger M. Det forntida Sverige. Stockholm, 1964.

Storm G. Snorre Sturlasons Historieskrivning. Copenhagen, 1873.

Strandberg S. Väringe i Lid // *Saga och Sed.* 2006.

Ström F. Nordisk hedendom // Tro och sed I förkristen tid. Göteborg, 1961.

Stolpe H., *Arne* T.J. Gravfältet vid Vendel. Stockholm, 1912.

Svanborg F. Death Rituals in South-East Scandinavia. 800–1000. Lund, 2003.

Svensson E.O. The Icelandic Family Sagas and the Period in Which Their Authors Lived // Acta Philologica Scandinavica. Bd. 12. 1937–1938.

Sørensen M. Some methodological consideration in connection with the study of the sagas // From Sagas to Society / Ed. by G. Pølsson. Hisarlik Press, 1992.

Sørensen P.M. Saga och samfund. København, 1977.

Three Studies on Viking and Christianization. Oslo, 1994.

Traetteberg H. Riksvapen og kongevapen // *KHL.* Bd. 14. Malmö, 1969.

Tunberg S. Det värdsliga frälset uppkomst. Stockolm, 1908.

Turville-Petre G. Origins of Iselandic Litterature. Oxford, 1953.

Two voyagers at the court of king Alfred: the ventures of Othere and Wulfstan together with the description of northern Europe from the Old English Orosius / Ed. by N. Lund. N.Y., 1984.

Urbanisering prosessen i Norden. Del. 1. Middelaldersteder / G.A. Blom. Oslo; Bergen; Tromsø, 1977.

Vésteinsson O. The Christianization of Iceland: Priest, Power and Social Change. 1000–1030. Reykjavik, 2000.

Vikingar från alia håll i föredrag vid seminarinm. 2004.

Vikstrand P. Gudarnas platser: Forkristna sakrala ortnamn i Malarlandskapen. Stockholm, 2001.

Vivelo F.R. Cultural Anthropology. N.Y., 1978.

Vries J. de. Altnordische Literaturgeschichte. Bd. 1. B., 1941.

Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. 1–2. 3-de Aufl. B., 1979.

Wax R.N. Magic, tale and history: The changing ethos of the Vikings. Colorado Press, 1969.

Weibull 1911 — Weibull L. Kritiska Undersökningar I Nordens Historia omkring år 1000. Lund, 1911.

Weibull 1921 — Weibull C. Om det svenska och danska rikets uppkomst // Historisk Tidskrift för Skaneland. Bd. 7. Lund, 1921.

Weibull C. Die Geaten des Beowulfepos und die danischen Trelleburgen // Zwei Diskussionsbeitrage. Göteborg, 1974.

Zee K.v. Skaldenstrophe und Sagaprosa // Edda, Saga, Skaldensdichtung: Aufsätze zur skandinavischen Literatur des Mittelalters. Heildelberg, 1981.

Åkjaer S. Old Danish Thegns and Drengs // Acta Philologica Scandinavica. Bd. 1. 1927–1928.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора: мотивации и подходы 5

Часть 1. ЭПОХА ВИКИНГОВ И ЭПОХА САГ 15
«Морестранники»: скандинавы-викинги и Европа 17
Предварительные сведения 17
Как появились и почему побеждали викинги 22
Организация викингов 29
Походы и воинская служба. Скандинавы в Западной Европе 33
Викинги и Восточная Европа 41
Некоторые итоговые соображения 45
Живая память о времени и людях: фольклор и не только 47
Исландские саги в скандинавской истории и культуре 48
Эпоха и жанры саг 51
Появление письменных текстов саг 53
Стурлусоны и Тордарсоны в пространстве саги 57
Загадки саг 61
Изобразительные особенности саг 68
Интерес к сагам в России 69
Поэзия: эддическая, скальдическая, баллады 72
Рунические надписи 77
Записки миссионеров 79
Предметы материальной культуры 81
Тексты для прямого, ретро- и перспективного сравнения 81

Часть 2. ОБРАЗ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА САГИ 85
Усадьба, семья и «свои» 88
Предварительные замечания 88
Расселение, усадьба, жилище 90
Бонд, его семья, род, домовая община 105
О демографических процессах 114
«Пучок ролей» бонда и круг «своих людей» 118
Некоторые общие впечатления 127
Занятия людей саги: труд, отдых, междоусобицы 128
Сезоны и дни 128
Ценность земли и земледелие 131
Скотоводство и промыслы 134
Что умели делать, а также что ели и пили люди саги 139

Ссоры и драки — постоянные явления в мире людей саги ... 143
Как скандинавы отдыхали и развлекались ... 145
Некоторые общие итоги ... 150
Пиратство, сражения и торговое мореходство на Балтике как привычные занятия ... 151
Море и человек саги ... 151
Скандинавы как воины ... 154
Викинги на своих и ближних берегах ... 158
Занятие торговлей и путешествия по торговым делам ... 170
Корабли викингов ... 179
Некоторые общие наблюдения ... 192
Важные знаки престижа в мире саги: оружие, конь, одежда ... 194
Оружие и воинское снаряжение ... 195
Лошади ... 202
Наряд и его значение ... 203
Украшения ... 209
Некоторые наблюдения ... 210

Часть 3. МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ, ДЕТИ ... 211
Супружество, сожительство, любовь ... 213
Некоторые предварительные данные и соображения о положении женщины ... 213
Особенности заключения брака и брачные отношения ... 217
Сватовство ... 224
Помолвка (обручение) и брачный контракт ... 229
Свадьба ... 235
«Неполный брак» и вынужденный брак ... 240
Супружеская жизнь: женщина и мужчина в браке ... 242
Развод ... 247
Наложничество как система: к проблеме семьи в мире саги ... 252
Свободная любовь, супружеская любовь и внебрачные связи ... 259
Некоторые наблюдения ... 269
Дети и детство в сагах ... 272
Общее введение к очерку ... 272
Рождение и смерть младенцев ... 273
Дети и любовь к ним. Мать и отец в жизни ребенка ... 276
Наделение именем ... 280
Воспитание и воспитатели детей ... 283
Ступени взросления ... 292
Дети и родители, братья и сестры; наследственные права ... 298
Положение незаконнорожденных детей ... 301
Некоторые наблюдения ... 304

Часть 4. ВЕРОВАНИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ ЛЮДЕЙ САГИ 307
Языческие верования северных германцев 310
Картина мира и пантеон 310
Капища, годи и жертвоприношения 318
Живые и мертвые: отношения и обряды 326
Как привлечь удачу: судьба, приметы, символы 337
Колдуны и обереги 343
Магия слова и колдовская сила рун 351
Некоторые соображения 355
От капища — к христианской церкви 357
Общая ситуация в области верований 358
Миссионеры в Скандинавии и их труды 361
Христианизация в сагах: миссионеры и короли 370
Церковное устроение, новые обычаи 386
Религиозная преемственность: реликты язычества 391
Некоторые итоговые наблюдения части 4 399

Часть 5. ИЕРАРХИЯ СТАТУСОВ И ЭВОЛЮЦИЯ СТЕПЕНЕЙ СВОБОДЫ 403
У истоков: «песнь о Риге» 405
Содержание 405
Некоторые соображения 411
Бонды: величие свободы 412
Бонды — основное население Скандинавии эпохи викингов 412
Разряды имущественного состояния и престижей в среде бондов 414
Общественные позиции и самосознание бондов 421
От чего страдали и к чему стремились бонды 428
Некоторые наблюдения 437
Родовая знать, ее власть и владения 438
Сведения о родовой знати и ее роли 438
Ярлы и малые короли 442
Местные власти: хёвдинги, годи 445
Лагман 450
Владения и доходы знати 453
Некоторые общие соображения 462
Домочадцы и маргиналы саг 465
Общественные низы в сагах 465
Домочадцы-родственники 468
Рабы-трэли 468
Вольноотпущенники 486
Наемные работники 489

Держатели земли: ландбу, лейлендинги 495
Бродячие артисты 498
Некоторые соображения 499

Часть 6. О КОРОЛЕВСТВАХ, ВЛАСТИ КОРОЛЕЙ
И «КОРОЛЕВСКОМ ДОСТОИНСТВЕ» 501
Краткие общие сведения и постановка проблемы 503
Битвы за престол и рождение единых Скандинавских государств 508
Условия возвышения и захвата власти 509
Выборы короля и возведение его на престол 524
Тронные клятвы: договор между государем и народом 528
Сакрализация личности и власти короля 531
«Жил до седин, не убит и не изгнан» 533
Некоторые итоги 535
Морфология власти монарха 537
Об этом очерке 537
Королевские личные, родовые и регальные владения
как опора центральной власти 538
Обязанности и деяния королей 541
Полномочия и права монарха 545
Некоторые итоги 548
«Ближние» короля: удержание и разделение верховной власти 550
Король собирает народное ополчение 550
Дружина короля как институт власти и ее этика 553
Другие институты и люди власти 565
Служилая знать и служебные поместья 570
Королевская администрация и «лестница власти» 574
О королевских финансах и не только 584
Некоторые итоги очерка 590
Придворный круг в контексте повседневных обычаев своего времени 591
Торжественная трапеза-пир 592
Дар и отдар 603
Итоги очерка 606
Некоторые итоги 607

Часть 7. О НАРОДНОМ СОБРАНИИ — ТИНГЕ:
ОБЪЕМ ВЛАСТИ, ЗАКОН И ПРАВО 611
Вводные замечания 613
От обычая — к обычному праву 616
Структура, функции и вертикаль тинга 616
Правовые обычаи; лагман, закон и право 620

Судебные процессы и решения 630
Подготовка к судебному делу на тинге 630
Судебные дела и судопроизводство 634
Преступление, наказание и примирение 648
«Нож сказал»: кровная месть 661
Некоторые итоги 663

Часть 8. СКАЛЬДЫ-ПЕСНОПЕВЦЫ И КУРТУАЗНАЯ ПОЭЗИЯ ВИКИНГОВ 667
Скальдические стихи и их творцы 670
Искусство стихосложения 670
Особенности скальдической поэзии как жанра: форма, стиль, темы 671
Знаменитые скальды и их висы 676
Положение скальдов и их стихи как зеркало эпохи 692
Хвалебная драпа и нид 692
Скальды и стихи XII–XIII столетий 698
Скальд в повседневной жизни 700
Общественное положение скальдов 709
Скальды и «героическая эпоха викингов» 714
Примеры кеннингов в скальдических стихах 715
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 719
Эпоха викингов — контрапункт скандинавской истории 719
Образ человека — образ общества: ментальная модель скандинава-викинга 724
Некоторые общие наблюдения 737
Приложение 740
Город в мире исландских саг 740
Деньги и меры в сагах 752
Справка о сагах и прядях: время события, возникновения фольклорной основы и записи текста; некоторые примечания к использованным публикациям 757
Родовые саги 757
Королевские саги 760
1. Королевские саги Снорри Стурлусона 760
2. Другие королевские саги 762
3. «Саги о древних временах», сказочные и героико-мифологические саги 762
Пряди 764
Источники сведений и условные сокращения 766
1. Саги и другие средневековые произведения и материалы 766
2. Областные законы Швеции (lager), опубликованные в SGL u SLL 769
Принятые обозначения глав областных законов (balker, b) 769
3. Новая и новейшая научная литература 770
Summary 789
Content 790

Adelaida A. Svanidze
The Vikings: the men of sagas. Their life and habits

Summary

The book deals with the range of aspects of medieval everyday life *within the context of Scandinavian Viking Age*. Whereas the vast majority of research in the area focus on the Norman conquests and colonization problematics, this pioneering work highlights customary everyday practices that were exercised by Vikings in their common social surroundings (including their families and neighbors) hand in hand with their routine daily activities both in times of peace and war.

The main focal points of this research revolve around different aspects of husbandry, house formation and everyday life, business and *daily ration* as well as love, family life, education and the place of children in the social hierarchy. The book makes an insight into the Pagan beliefs and their continuous interconnection with the everyday life and with the emerging Christian religious doctrine. This work represents a profound study of the historical process of formation of the Scandinavian states. The special stress is made on the juridical and social strata that formed their core as well as on the status of the king and the establishment of the new elite. The author analyzes the mechanics of the Scandinavian popular assembly known as "ting" and the related concepts of "right", "law" and "justice" and traces the process of evolution of the tribal legal norms into the code of juridical rites with the consecutive shift towards the system of the traditional oral legislation — a substantial basis for the codified regional laws. As a matter of special consideration the author examines the rituals such as oath, sworn brotherhood, feast, the customs of hospitality and gift exchange alongside with the range of the basic models of behavior and a number of the general ethical concepts typical for the studied period of Scandinavian history. The last section of the book is devoted to the singer poets of the Viking Age known as "scalds", whose epic poems reflect clearly and vividly the mentality of the epoch through celebration of military valour and heroics. In the conclusive part of the book the author assesses the role of the Viking Age in the *historical context of development of the Scandinavian countries* and *evaluates the influence caused by the typical "portraits" of prominent people of that epoch on the formation of the Norsemen identity.*

The research rests upon the multiple and heterogenic sources, including myths, hagiography, chronicles, skaldic poetry, statute books and runic inscriptions. Among all the sources a special attention is paid to Icelandic sagas, which represent the mixture of *folklore fictional and historical narrations* that can be traced back to the IX century. These outstanding literary monuments store the historical evidence (though quite in a various proportion) of all the Scandinavian states, thus being a rewarding source for understanding the mechanics and principles of the *historical memory "selectiveness"* within the impressive time frame that embraces several centuries. The author regards the sagas as a valuable *source of historical evidence.*

Adelaida A. Svanidze
The Vikings: the men of sagas. Their life and habits

Content

The author's preface. Motives and approaches 5

Part I. The Viking Age and the age of sagas 15

The sea-voyagers: Vikings and Europe 17

Introductory notes 17

How the Vikings appeared and why they won their battles 22

The organization of the Vikings 29

Campaigns and military service of the Vikings. The Scandinavians in West Europe 33

The Vikings and East Europe 41

Some conclusions 45

The living memory of time and people: folklore and other evidence 47

Icelandic sagas in Scandinavian history and culture 48

The epoch and genres of the sagas 51

The emergence of the written sagas 53

The Sturlusons and the Thordarsons in the framework of the sagas 57

The enigmas of the sagas 61

Specific traits of saga fiction 68

Saga studies in Russia 69

The poetry: eddic poems, skaldic verse, ballads 72

Runic inscriptions 77

Missionaries' accounts 79

Archaeological sources 81

Texts for comparative, retrospective and perspective analysis 81

Part II. The lifestyle of the people of sagas 85

Household, family and neighborhood 88

Introductory remarks 88

Settlement, household, dwelling-house 90

The *bonde*, his family, his domestic community 105

Demographic processes 114

The *bonde's* set of social roles; his neighbors 118

Some general impressions 127

The activities of the people of sagas: labor, leisure, feuds 128

Seasons and days 128

Agriculture and the value of land 131

Cattle-breeding and trades 134

What the people of sagas could do, and what they ate and drank 139
Quarrels and fights: usual things in the saga world 143
The Scandinavians' leisure and entertainment 145
General remarks 150
Piracy, sea-battles and commercial navigation: routines in the Baltic area 151
The sea in the life of saga people 151
Scandinavians as warriors 154
The Vikings on their own shores and on the coasts of nearby lands 158
Commerce and commercial voyages 170
The ships of the Vikings 179
Some general observations 192
Important signs of prestige in the world of sagas: arms, horses, dress 194
Weapons and armor 195
Horses 202
Garments and their role 203
Jewelry 209
Some observations 210

Part III. Men, women, children 211
Matrimony, cohabitation and love of the people of sagas 213
Introduction: some facts and ideas concerning the situation of women 213
What was special in getting married and living in marriage 217
Match-making and engagement 224
Betrothal and marital contract 229
Wedding 235
The «incomplete» matrimony and forced marriage 240
Conjugal relationship; woman and man in marriage 242
Divorce 247
Concubinate as a peculiar system:
some aspects of the problem of family in the world of sagas 252
Free love, conjugal love and adultery 259
Conclusions 269
Children and childhood in the sagas 272
General introduction 272
Birth and death of infants 273
Children and parental love. Mother and father in a child's life 276
Name-giving 280
Upbringing and those who brought up 283
The stages of growing-up 292
Children and parents, brothers and sisters. The rights of inheritance 298
Some observations 304

Part IV. Beliefs and religious rituals of the people of sagas 307
Pagan beliefs of Germanic peoples of the North 310
The image of the world. The pantheon 310
The heathen temples, the *godi* and the sacrifice 318
The live and the dead: relations and rituals 326
How to get the luck: fate, omens and symbols 337
Sorcerers and amulets 343
The magic of word and the magical craft of runes 351
Concluding remarks 355
From pagan temple to Christian church 357
Germanic pagan beliefs in general 358
Christian missionaries in Scandinavia; their works 361
Christianization in the sagas. Preachers and kings 370
Church organization. The new customs 386
Continuity in religion: the relicts of paganism 391
Final conclusions for Part IV 399

Part V. The social hierarchy and the changing degrees of freedom 403
At the starting point: the "Rigstula" 405
The contents of the poem 405
Some comments 411
The bönder: the splendor of freedom 412
The free peasants (*bönder*): the bulk of Scandinavia's population 412
Viking Age Degrees of well-being and prestige within the *bönder* 414
Social position and self-conscience of the free peasants 421
What the *bönder* suffered and what they strove for 428
General observations 437
Early nobility, its power and possessions 438
Evidence of early nobility and its role 438
Jarls and petty kings 442
Local nobility: the *hövdingar* and the *godi* 445
The lawmen 450
The nobles' possessions and incomes 453
Some general remarks 462
Domestics and outcasts in the sagas 465
Saga evidence of social outsiders 465
Dependant relatives 468
The slaves: the *trälar* 468
The freed 486
Hired laborers 489
Land tenants: the *landbor*, the *lejlendinger* 495

Wondering actors 498
Some remarks 499

Part VI. Kingdoms, royal power and "royal dignity" 501
Introduction. *The goals of the study* 503
Strife for the throne. The birth of the unified Scandinavian states 508
What made it possible to ascend and to seize power 509
Electing and elevating the king 524
Throne oaths: a treaty between the monarch and the people 528
Shaping the view on the sacral character of the king's person and authority 531
«Lived to be old; was not killed; was not outlawed» 533
Some conclusions 535
Elements and mechanisms of the king's power 537
Notes concerning this essay 537
The king's personal, dynastic and regal possessions
as the basis of the central power 538
The kings' duties and deeds 541
The monarch's powers and rights 545
Conclusions 548
The king's men. Partition and retention of authority 550
The king summons the people's armed force 550
The king's body-guards as an institute of power; its moral code 553
Other institutions and officials 565
The serving nobility and the tenures granted for service 570
The royal administration and the hierarchy of power 574
Royal finance and related issues 584
Some conclusions 590
Royal court and everyday practice 591
The feasts 592
Gift and return gifts 603
Conclusion 606
Some conclusions 607

Part VII. The popular diet — the thing as a law court; its authority 611
Introductory remarks 613
From custom to customary law 616
The structure, the functions and the hierarchy of the *thing* 616
Legal traditions. The lawman and the law 620
Legal proceeding and decision-making 630
Preparation for the trial 630
The case and the legal procedure 634

Crime, punishment and reconciliation 648
«The knife has spoken»: blood feud 661
Some conclusions 663

Part VIII. The skalds: the song-chanters. Courtly poetry of the Viking Age 667
Skaldic poems and their authors 670
The art of poetry 670
Skaldic verse as a peculiar genre: the form, the style, the motifs 671
The famous skalds and their *visor* 676
The social role of the skalds. Skaldic poetry: the epoch reflected 692
The praise *drapa* and the *nid* 692
The skalds and the poems of the 12th–13th centuries 698
A skald in everyday life 700
The social position of the skalds 709
The skalds and the «heroic age of the Vikings» 714
Examples of the kenning in skaldic poetry 715

Conclusion 719
The Viking Age: the crucial period in Scandinavian history 719
The image of a person and the image of society:
the mental model of a Scandinavian Viking 724
General remarks 737

Appendices 740
The town in the world of Icelandic sagas 740
Monetary units and measures in the sagas 752
References on sagas and small tales (þættir): when did the events occur,
when did the oral story exist and when was the text written down 757
Sources and abbreviations: a) sagas and other narratives 766
b) law codes 769
c) modern scholarly studies 770
Summary 789
Content 790

Аделаида Анатольевна Сванидзе

ВИКИНГИ — ЛЮДИ САГИ:
жизнь и нравы

Редактор *В. Рыбаков*
Художник *Е. Поликашин*
Корректор *М. Смирнова*
Верстка *Д. Макаровский*

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес редакции:
129626, Москва
а/я 55,
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
сайт: www.nlobooks.ru

Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Печ. л. 50. Тираж 2000.
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
„Ульяновский Дом печати"»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Книги и журналы «Нового литературного обозрения»

можно приобрести в интернет-магазине издательства www.nlobooks.mags.ru и в следующих книжных магазинах:

в МОСКВЕ:

- «Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6, (495) 924-46-80
- Галерея книги «Нина» — ул. Бахрушина, 28, (495) 959-20-94
- «Гараж» — ул. Образцова, 19-А (магазин в центре современной культуры «Гараж»), (495) 645-05-21
- «Гилея» — Тверской бульвар, 9 (помещение Московского музея современного искусства), (495) 925-81-66
- Книготорговая компания «Берроунз» — (495) 971-47-92
- «Книги в Билингве» — Кривоколенный пер., 10, стр. 5, (495) 623-66-83
- «Культ-парк» — Крымский вал, 10 (магазин в ЦДХ)
- «Молодая гвардия» — ул. Большая Полянка, 28, (499) 238-50-01, (495) 780-33-70
- «Москва» — ул. Тверская, 8, (495) 629-64-83, (495) 797-87-17
- «Московский Дом Книги» — ул. Новый Арбат, 8, (495) 789-35-91
- «Мир Кино» — ул. Маросейка, 8, (495) 628-51-45
- «Новое Искусство» — Цветной бульвар, 3, (495) 625-44-85
- «Старый свет» — Тверской бульвар, 25 (книжная лавка при Литинституте, вход с М. Бронной), (495) 202-86-08
- «У Кентавра» — ул. Чаянова, д.15 (магазин в РГГУ), (495) 250-65-46
- «Фаланстер» — Малый Гнездниковский пер., 12/27, (495) 629-88-21
- «Фаланстер» (На Винзаводе) — 4-й Сыромятнический пр., 1, стр. 6 (территория ЦСИ Винзавод), (495) 926-30-42
- «Циолковский» — Новая пл., 3/4, подъезд 7Д (в здании Политехнического Музея), (495) 628-64-42, (495) 628-62-48
- «Dodo Magic Bookroom» — Рождественский бульвар, 10/7, (495) 628-67-38
- «Jabberwocky Magic Bookroom» — ул. Покровка, 47/24 (в здании Центрального дома предпринимателя), (495) 917-59-44
- Книжные лавки издательства «РОССПЭН»:
  - Киоск № 1 в здании Института истории РАН — ул. Дм. Ульянова, 19, (499) 126-94-18
  - «Книжная лавка историка» в РГАСПИ — Б. Дмитровка, 15, (495) 694-50-07
  - «Книжная лавка обществоведа» в ИНИОН РАН — Нахимовский пр., 51/21, (499) 120-30-81
- Киоск в кафе «АртАкадемия» — Берсеневская набережная, 6, стр. 1

- Книжный магазин в кафе «МАРТ» — ул. Петровка, 25 (здание Московского музея современного искусства)

в САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

- На складе нашего издательства — Лиговский пр., 27/7, (812) 579-50-04, (952) 278-70-54
- «Академическая литература» — Менделеевская линия, 5 (в здании Истфака СПбГУ), (812) 328-96-91
- «Академкнига» — Литейный пр., 57, (812) 230-13-28
- «Все свободны» — наб. р. Мойки, 28 (второй двор, код 489), (911) 977-40-47
- Галерея «Новый музей современного искусства» — 6-я линия ВО, 29, (812) 323-50-90
- «Исткнига» — Кадетская линия ВО, 27/5, (812) 986-82-51
- Киоск в Библиотеке Академии наук — ВО, Биржевая линия, 1
- Киоск в фойе главного здания «Ленфильма» — Каменноостровский, 10
- «Классное чтение» — 6-я линия ВО, 15, (812) 328-62-13
- «Книжная лавка» — в фойе Академии Художеств, Университетская наб., 17
- «Книжный Окоп» — Тучков пер., д.11/5 (вход в арке), (812) 323-85-84
- «Книжный салон» — Университетская наб., 11 (в фойе филологического факультета СПбГУ), (812) 328-95-11
- «Книжная лавка писателей» — Невский, 66, (812) 314-47-59
- Книжный магазин-клуб «Квилт» — Каменноостровский пр., 13, (812) 232-33-07
- «Мы» — Невский, 20 (на третьем этаже проекта Biblioteka), (981) 168-68-85
- «Подписные издания» — Литейный пр., 57, (812) 273-50-53
- «Порядок слов» — Наб. реки Фонтанки, 15 (812) 310-50-36
- «Проектор» — Лиговский пр., 74 (Лофт-проект «Этажи», 4 этаж), (911) 935-27-31
- «Росфото» (книжный магазин при выставочном зале) — ул. Большая Морская, 35, (812) 314-12-14
- «Санкт-Петербургский Дом Книги» (Дом Зингера) — Невский пр., 28, (812) 448-23-57
- «Свои книги» — 1 линия ВО, 42, (812) 966-16-91
- «Университетская лавка» — 7 линия ВО, 38 (во дворе), (812) 325-15-43
- «Фонотека» — ул. Марата, 28, (812) 712-30-13

в ЕКАТЕРИНБУРГЕ:

- «Дом книги» — ул. Антона Валека, 12, (343) 253-50-10

в КРАСНОДАРЕ:

Специализированный магазин “Книжный Кабинет” — ул. Пашковская,52 (2-ой этаж), (861) 255-34-94, 8-918-191-27-53

в КРАСНОЯРСКЕ:

- «Русское слово» — ул. Ленина, 28, (3912) 27-13-60

в НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ:

- «Дирижабль» — ул. Б. Покровская, 46, (8312) 31-64-71

в НОВОСИБИРСКЕ:

- Литературный магазин «КапиталЪ» — ул. Горького, 78, (383) 223-69-73
- Магазин «BOOK-LOOK» — Красный пр., 29/1, 2 этаж, (383) 362-18-24;
  — Ильича, 6 (у фонтана), (383) 217-44-30

в ПЕРМИ:

- «Пиотровский» — ул. Луначарского, 51а, (342) 243-03-51

в РОСТОВЕ-НА-ДОНУ:

- «Деловая Литература» — ул.Серафимовича, 53Б, (863) 2-404-889, 282-63-63

в ЯРОСЛАВЛЕ:

- Книжная лавка гуманитарной литературы — ул.Свердлова, 9,
  (4852) 72-57-96

в МИНСКЕ:

- ИП Людоговский Александр Сергеевич — ул. Козлова, 3
- ООО «МЕТ» — ул. Киселева, 20, 1 этаж, +375 (17) 284-36-21

в СТОКГОЛЬМЕ:

- Русский книжный магазин «INTERBOK» — Hantverkargatan, 32,
  Stockholm, 08-651-1147

в ХЕЛЬСИНКИ:

- «Ruslania Books Oy» — Bulevardi, 7, 00120, Helsinki, Finland,
  +358 9 272-70-70

в КИЕВЕ:

- ООО «АВР» — +38 (044) 273-64-07
- Книжный рынок «Петровка» — ул. Вербовая, 23, Павел Швед,
  +38 (068) 358-00-84
- Книжный интернет-магазин «ArtLover» (www.artlover.com.ua):
  +38 (067) 91-51-281, info@artlover.com.ua
- Книжный интернет-магазин «Лавка Бабуин» (http://lavkababuin.com/) —
  ул. Верхний Вал, 40 (оф. 7, код #423), +38 (044) 537-22-43;
  +38 (050) 444-84-02

- Интернет-магазин «Librabook» (http://www.librabook.com.ua/) (044) 383-20-95; (093) 204-33-66; icq 570-251-870, info@librabook.com.ua

В ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНАХ:

- www.nlobooks.mags.ru
- www.ozon.ru
- www.artlover.com.ua
- bestbooks.shop.by
- www.bolero.ru
- www.cafemart.ru
- www.esterum.com
- www.lavkababuin.com/shop
- www.librabook.com.ua
- www.libroroom.ru
- www.mkniga.com
- www.ruslania.com
- www.shopgarage.ru